ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.
Т. XX.

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЪ
В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1891.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

XX томъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи изданъ подъ редакціей дѣйствительнаго члена В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника И. Н. Половинкина.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемый XX томъ «Записокъ по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» содержитъ въ себѣ первую часть обширнаго «Смоленскаго Этнографическаго Сборника», составленнаго неутомимымъ, беззавѣтно преданнымъ своему дѣлу, наблюдателемъ и изыскателемъ народнаго быта, языка, памятниковъ народной словесности Смоленскаго края, чл.-сотр. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества В. Н. Добровольскимъ. Весь доставленный до настоящаго времени трудъ его рукописи представляетъ пять большихъ фоліантовъ, изъ коихъ одинъ первый составилъ настоящій томъ. Въ остальныхъ фоліантахъ содержатся кстинныя пѣсни, свадебныя пѣсни, свадебный обычай, погребальные обычаи, причитанія, очерки семейныхъ нравовъ, игрища, колядныя пѣсни, масляница, веснянки и т. д.; припѣвки, пѣсни голосовыя, круговыя и т. д.; духовскія пѣсни и др.; пословицы.

Редакцію и наблюденіе за печатаніемъ этой первой части „Смоленскаго Сборника" принялъ было на себя Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи проф. В. И. Ламанскій, но, по недостатку времени, принужденъ былъ оставить редакцію, доведя печатаніе „Сборника" до 20 листа, и съ 1 мая 1890 г. передалъ это дѣло чл.-сотр. Общества И. Н. Половинкину, который и закончилъ печатаніе 1-й части въ Февралѣ 1891 г.

Редакція главнымъ образомъ старалась сохранить всѣ особенности мѣстной рѣчи, отмѣченныя въ рукописи, отступая отъ подлинника только въ тѣхъ (немногихъ) случаяхъ, гдѣ ошибка переписчика или неточность записывателя были очевидны.

19 Февраля 1891 г.

Предисловіе.

Предлагаемый трудъ—этнографическій.

По мнѣнію собирателя, такой трудъ съ внутренней стороны своей долженъ быть отображеніемъ народнаго міросозерцанія, а съ внѣшней представлять точную передачу народнаго говора со всѣми оттѣнками и оборотами народной рѣчи.

До сихъ поръ еще въ народныхъ воззрѣніяхъ живетъ много слѣдовъ миѳической старины; дѣло собирателя—замѣтить ихъ и привести въ извѣстность.

Собиратель былъ совершенно чуждъ стремленія дѣлать научные выводы и обобщенія, хотя нѣкоторыя научныя соображенія руководили имъ, по необходимости, при группировкѣ довольно значительнаго матеріала; главная же забота собирателя заключалась въ томъ, чтобъ собрать возможно большее число разнообразныхъ этнографическихъ фактовъ.

Указатель къ этимъ фактамъ и указатель къ лексическимъ даннымъ наглядно знакомятъ съ содержаніемъ сборника и даютъ возможность легко найти, что нужно.

В. Добровольскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СКАЗКИ.

ЧОРТЪ.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливыя).

БЫТОВЫЯ.

БЫЛЬ.

№ 1.

УКАЗАТЕЛЬ

къ изслѣдованію: „Особенности Смоленскаго нарѣчья. Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья“.

(Стр. 6).

---

1) А и а̀ = ∂.
2) ѣ—е—ĕ—о.
3) ĕ—е.
4) э—ѣ—е.
5) е—о.
6) а—и.
7) и—а.
8) я—и.
9) я—е.
10) и—ѣ.
11) я—ѣ.
12) ĕ—йо (вм. е).
13) ĕ—о.
14) ĕ вм. конечнаго е.
15) ĕ—е—я—і.
16) е вмѣсто ĕ.
17) я—е и ѣ.
18) о—о.
19) ь—ĕ.
20) ь — а.
21) ь — и.
22) Перепѝръ.
23) Опущеніе гласной.
24) Паѣхыля.
25) еч.
26) пчол-и-ки.
27) ен—ьн.
28) ец.
29) н∂рау (нравъ).
30) кѐки—какъ.
31) Д въ началѣ слова.
32) ем—им.
33) ер—ир.
34) е—и.
35) и — е.
36) ы—а—о.
37) у —ы.
38) ы—у.

39) и — ы.
40) ы — и.
41) еч — ич.
42) ес — ис.
43) эй — ый.
44) я — а.
45) ей, ой = ёў, оў.
46) ём — ем.
47) ён — он.
48) ій — ей.
49) ія, ія — ѐя, ѣя.
50) о — а.
51) ьск.
52) у — в
53) опущеніе гласнаго.
54) стяженіе гласныхъ.
55) приставка (и, а, у).
56) въ . . . . . (а).
57) вставное в.
58) удвоеніе согласнаго.
59) умягченіе к.
60) жд — ж.
61) жж — жд.
62) д = н.
63) д — т.
64) дн = нн.
65) ды = ди; ди = ды.
66) ня = на; ню-ну.
67) ны = ни.
68) отвердѣніе н.
69) нъ = нь.
70) ж — г.
71) з — г.
72) г (мягкое по произношенію) = з.
73) г = ж.
74) ш = х.
75) с = х; х = с.
76) ч = щ.
77) ц = с.
78) щ = ст.
79) ст = чт.
80) ст = щ.
81) сл = ст.
82) ч = ц.
83) л = р.
84) л = й.
85) отвердѣніе л.
86) умягченіе р.
87) ль — л.
88) пра = пре.
89) рь = р: ръ = р.
90) ру = рю.
91) ря=ра; рю=ру; ру=рю.
92) ры = ри.
93) тя.
94) тю.
95) с — ш.
96) ш — с.
97) ск — зг.
98) ск = сх.
99) к = х.
100) к = в.
101) т = н.
102) же = жа, жи.
103) ща = ще.
104) щ = ч.
105) ск = щ.
106) тб = бб.
107) з (опущеніе).
108) т (опущеніе).
109) д (опущеніе).
110) г (опущеніе).
111) г (опущеніе въ началѣ слова и срединѣ); опущеніе слога.
112) измѣненіе сочетанія дн.
113) дч = ч.

СМОЛЕНСКІЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Замѣтка къ изслѣдованію «Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья».

---

1) Отвердѣніе *л*, *р* замѣтно болѣе по сосѣдству съ Могилевской губерніей, но и въ смежныхъ уѣздахъ оно не проявляется во всей полнотѣ.

2) Въ Бѣльск. у. *е* рѣже замѣняется чрезъ *я* и сохраняетъ часто твердое произношеніе.

3) Въ Дорогобуж., Бѣльск., Рославл. уѣздахъ *е* въ 3 лицѣ ед. числа смягчается въ *ё*.

4) Въ Бѣльск., Духовщ., Сыч. *е* смягчается въ винит. пад. отъ „ина“ (См. яѐ).

5) *и* вмѣсто *е* въ Росл., Бѣльск. у.

6) *е* вмѣсто *и* въ Бѣльск. у.

7) Замѣтна въ достаточной степени наклонность къ удержанію гласнаго: одни гласные являются, какъ survival глухихъ, другіе принадлежатъ полногласію, третьи, вставочные, вводятся для устраненія неблагозвучнаго стеченія согласныхъ.

8) Примѣчательно произношеніе слова вьюнъ (рыба)—въюнъ-ваюнъ. „Юноша“ произносится иногда юнош съ приставкою въ началѣ слова „въ“ юноша = въюнушъ (ваюнуш?).

Есть слово „ваёнчики“ (plur)—вѣроятно, растеніе. „Ня ў поли два ваёнчики вјютца“.

Въ деревнѣ Свалы, гдѣ я записалъ это слово, мнѣ не могли объяснить его значенія. Въ селѣ Даньковѣ крестьянка Матрёна Антоненкова сказала мнѣ, что „ваёнчикъ“ относится къ орлу и къ ястребу, когда они, распластавъ свои крылья, кружатся въ небѣ.

9) *Д* прибавляется къ нѣкоторымъ словамъ, начинающимся съ плавнымъ н, произносится съ „придержкой“ — послѣ произношенія *д* слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такой фактъ указываетъ на слѣды глухихъ.

10) Слышалось разъ ь глухое (звукъ произносился какъ ь и какъ е — трудно было опредѣлить, какъ передать его начертаніемъ): зват. пад. отъ сынъ: „Христосъ васкрѣсъ сыне (ь) Божій.“

11) Въ произношеніи замѣтна наклонность къ протяжности, особливо когда рѣчь крестьянина находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: гнѣва, огорченія; протяжность замѣтна и при обыкновенномъ теченіи рѣчи, въ нѣкоторыхъ словахъ.

Протяжность выразилась двумя явленіями: удвоеніемъ гласныхъ, образованіемъ дифтонговъ; иногда второй гласный, образовавшійся въ слѣдствіе удвоенія, протягивался въ дифтонгъ, такъ что два вышеприведенныя явленія существовали единовременно.

12) Оканье разбивается по мѣрѣ приближенія къ сѣверу; оно замѣтно по всюду у людей грамотныхъ, оно замѣтно въ тѣхъ памятникахъ народнаго творчества, которые болѣе или менѣе соприкасаются съ грамотностью и письменностью (апокрифы, заговоры).

13) Въ Смоленскомъ уѣздѣ, въ трёхсложныхъ словахъ изъ 2-хъ а (одного съ удареніемъ, другаго безъ него); 1-е одинъ звукъ = а, другой ȯ; оба звука произносятся отчетливо. 2-е *о* безъ ударенія = а . . . ȯ; такая-же отчетливость въ произношеніи. Такое сочетаніе звуковъ крайне любимо: а . . . (1-й слогъ) + ȯ (2-й слогъ) . . . + ó (3-й слогъ.)

14) Въ связи съ оканьемъ измѣняется постановка ударенія: часто, гдѣ въ акающемъ говорѣ оно стоитъ въ концѣ слова, въ окающемъ — въ самомъ началѣ на *о*.

15) Къ сѣверу произношеніе *г* становится болѣе твердымъ.
Въ нѣкоторыхъ словахъ въ См. у. *г* произносится очень мягко: нильга (нельзя).

16) Умягченіе *к* — въ Бѣльск. и Сыч. уѣздахъ.

17) Въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ склоненіи замѣчаются слѣдующія черты, принадлежащія сѣв.-велик. нарѣчью:

1) Въ им. ж. р. вмѣсто *ѣ* предлож. ы; предл., какъ и дат.. смѣшивается съ родит.

2) Во множ. твор. употребляется въ формѣ дат.

3) Употребленіе окончанія *а* въ им. множ. ч. въ словахъ мужск. р.

4) Иногда вин. мн.=им. мн.

18) Черта великорусск. и южнорусск. смѣшеніе род. и дат. женск. и мужск. именъ на *а*.

19) Творит. оканчивается на *и*.

Можетъ быть, это винит. внутр. дѣйствія, заимствованный изъ греческаго черезъ славянскій *) (см. ист. грам. Буслаева); можетъ бить, это такія-же архаическія окончанія для винит., какія встрѣчаются въ языкѣ былинъ: „шутки блазнуитися“ (Б. у.), сравн.:

Заросла дорога лясы брявскими
Собиралися стады они стадами.

20) Въ южной части Рославльск. у. на окончанія склоняемыхъ именъ вліяетъ неорганическое умягченіе согласныхъ *н* и *т*.

21) Нѣкоторыя особенности въ спряженіи обусловливаются измѣненіемъ глагольной темы; большею частію замѣчается сокращеніе, а на сѣверѣ и югѣ (Бѣльск., Рославл. у.) иногда къ темѣ прибавляется гласный.

22) Паѣхыля 1 разъ встрѣтилось. Сравн. виленск. быля господары, хадзиля стральцы (я изъ ѣ) (изслѣдованія въ области русской грамматики А. Соболевскаго стр. 34).

---

*) Историч. грам. Буслаева.

Особенности смоленскаго нарѣчья.

Различія говоровъ смоленскаго нарѣчья.

(Изслѣдованіе первое).

1) а и а̀——ɗ.

а̀=ɗ

Скɗмьи (plur. nom. отъ скамья), брɗнить, брɗнютца (отъ бранить), падɗримъ, ня брɗнься, кургɗнъ (курга̀нъ), кургɗнушникъ, жɗдный (каждый).

1) а=ɗ

а̀ . . . а+3 слогъ——а . . . ɗ—3 слогъ.

а—а+3 слогъ——а . . . ɗ—3 слогъ.

Са̀харный = сахɗрный, гаварѝтъ = гавɗритъ, халастой = халɗстый.

2) а=ɗ.

Перескачѝлъ = перескɗчилъ, вѐчерамъ = вичарɗмъ, кѝжанъ = кижɗнъ.

2) ѣ—е——ё——о.

Чепъ, чёпкій, чɗпкій, чопъ; цɗдить.

3) ё——е

a) чіёй, маёй, тваёй, сваёй; абъ ёй, абъ ёмъ (родит. и дат., притяжат. мѣстоим., предлож. личнаго мѣстоим.), ёй чаще, чѣмъ ей, напр., я „дала ёй" (дат. пад.). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ: надъ „ей", но у „ёмъ" (село Шоптово).

b) склон. сущ. 1) предлож. и дат. пад., им. сущ. свиньнёмъ, чартёмъ, галаўни (рыба и прозвище мужик.) галаўнёмъ; объ чартёхъ, галаўнёхъ.

2) родит. множ. числа

Палёў, наздёръ.

c) 2 лиц. множ. числ. будущ. и наст. вр. сміитёсь, пишитё, возьмитё; въ Бѣльскомъ уѣздѣ — ни на̀ймите? = ни наймитё (Шоптово).

Говорятъ: умёръ, памёръ, да нёби (до неба), сёмый (седьмой).

4) э——ѣ——е.

Слэдствіе, плаждэ̀ніе, утвярждэ̀ніе, асвяцэ̀ніе, напущэ̀нникъ, вяртэпы, здэ̀сь, вучэ̀ный.

5) е—о.

Пѐпилъ и пòпилъ,скелёпакъ и скелопакъ, шòстый, задòргай те воўкъ.

6) а——и

амбàръ, аўсà, аднагò, абъ и имбàръ, іўсà, иднагò, ибъ; абѣдви, аўцà = ибѣдви, іўцà, астрѝть = истрѝть.

7) и——а

индыкъ — андыкъ.

8) я —— и

ячмѐнь, дьявалы̀, смярётный, явіўся, язы̀къ, якъ = ичмѐнь, дьивалы̀, смирётный, ивіўся, изы̀къ (рѣдко), изыкà, икъ.

9) я —— е

мякчи, дрянь = мѐкчи, дрень.

10) и — ѣ.

Сѝвирка: стрилѝть, усмѝшка, бидà, твіў, змія̀, баби Кулини (не бабѣ и—Кулинѣ—дат. пад.), въ чисти поли (Лѣт. Р. у).

С. Лѣтошники Рославскаго уѣзда.

піàть (такую же форму мнѣ пришлось слышать отъ переселенцевъ изъ Виленской губерніи, живущихъ въ деревнѣ Киселевкѣ Смоленскаго уѣзда). Будущ. время пирипіёте (пирипяётя).

11) я —ѣ.

Твятòкъ, сякѐтца, лясѝна, рязнѝкъ.

Лѣтошники Р. у.

Твиты̀.

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Надіеть = надяѐть.

12) ё = йо вм. е.

іонъ, іость.

13) ё —— о

дуплё, нутрё.

14) ё —вмѣстѣ конечнаго— е.

питиннё, идиннё.

15) ё = е = я = і.
ёё (село Никола Ядреичъ Духовщ. уѣзд.) = яе = её = іё. (Бѣльскаго уѣзда).

16) е —— вмѣсто —— ё.
3 лицо ед. чис. наст. врем. дярётца, смяётца, вядéть
2 лицо множ. числа наст. вр. дярётись, смяётись, вядётя.

Отступленія.

Село Егорье Дорогобужскаго уѣзда.

абатрётца, сатрётца.

Село Лѣтошники въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда.

перепіёте; ведёть, но и видёть (вм. вядёть), сикéть.

Ча вы стантё? Эта форма настоящаго времени, имѣющая удареніе на послѣднемъ слогѣ, совершенно сходна со Смоленскою.

Село Шоптово Бѣльскаго уѣзда.

надіёть (надяёть), однако несёть, несйть, нясёть; наймите = наймитё.

Далѣе, въ Смоленскомъ уѣздѣ встрѣчаются формы: зёрнушка, пёрушка; въ Бѣльскомъ уѣздѣ „разжёхъ“.

17) я —— е и ѣ.
1) я вм. е и ѣ, предшествующихъ ударяемому слогу. Ягёрій, заплятйся плитень, сястрёю, ляжйть, лясы́.
2) вм. е и ѣ, слѣдующихъ за ударенным слогомъ. Слу́хайтя, падйтя, палёжътя, за синія (ее) моря (е).

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

яё (вмѣсто яè)—её.
Но больше е замѣняется и: вирьхоу́я (спусканый ленъ), змиртвйлся (змяртвйлся), лижйть (ляжить), ривѣть (рявѣть), развирнйсь (развярнись).
ѣ — и
надіёть = надяёть.
Иногда е = е:
мечй, несйть, летйть (мячй, нясёть, лятйть).

Рославскій уѣздъ, сельцо Лѣтошники.

е = е

Катымъ тебе закати, палетю, селезеня—vocat. (силязеня).

и = е, я, ѣ

Бирёзу, девирилъ, твиты, видёть (и ведёть = вядёть).

18) О = о.

Освяцэніе, вд̀жаснулся, пд̀плыў, пд̀забылъ. С. у. побиваю Б. у.

19) Ь —— ѐ.

Христосъ ва̀скрёсъ! Сынь(е)- Божій.

При пѣніи волочебнаго стиха крестьянинъ деревни Медвѣдовки въ высшей степени неотчетливо произносилъ Сынь: нѣсколько разъ я прослушалъ вышеприведенный стихъ и не могъ опредѣлить, какъ слѣдуетъ передать блуждающій звукъ ь-ю или е. (Крестьянинъ Семенъ Григорьевъ).

Удержаніе гласной (случаи различныхъ категорій).

Силязѐня, смы̀селъ, шапо̀чить и шапѐчить, вд̀симый, лавд̀чи, сд̀орадъ, нара̀витца, вају̀нъ, аскарётыкъ, калянў̀лъ, даражѐйшій, припд̀лакъ (полка), съ дятёми, смярётный, салодкій, быгатаства, жѐрдака, жамѐнька (жменька), бд̀лыка (о)болыка). хулудѐцъ.

20) Ь——а

вьюнъ— вају̀нъ

21) Ь——и

восьмый—вд̀симый, быгатиства, симярётный (смярётный).

22) Перепи̂ръ (трипятиння)—берёста, колеблемая вѣтромъ и трепещущая—верхніе листки на березовой корѣ. По поводу этого слова сдѣлаю сближенія: Сербск. пр̂пор (такого-же корня), coitus piscium, „кад се риба бије.“ . . . . . Сербск. прапорац, звонокъ (прати въ знач. бить, ср.-било); ст.-слав. прапоръ = чешск. prápor, prapor. Польск. prgorzec, Русск. (потер.) поропор („надымаяся поропоръ... надымаяся яко водный говоръ“). Къ исторіи звуковъ русскаго языка А. Потебни 134, 136 стр.

23) Опущеніе гласной. (Случаи различныхъ категорій). Пхнулъ, древа, жаврòныкъ, умѐрть, терть, блахòнъ, замкàть, блàки, сцали (сосали), сòлный, тмянный (смуглый, темноватый) браднйкъ, брàничка.

Ѣ.

(1 изъ формъ на *ѣ*).

24) Паѣхыля (встрѣтилось 1 разъ).

Рѣдкая форма на *ѣ*. Виленск.: быля господары, хадзиля стральцы (*я* изъ *ѣ*) (Изслѣдованія въ области русской грамматики А. Соболевскаго стр. 34).

25) Еч

канечикъ (Д. у.).

и.

26) Пчол—и—ки

27) Ен = ьн (е = ь, удерживается, какъ постоянный звукъ) молебены, кòреня.

28) Ец.

Сердецами.

29) О слòвѣ нòраў (нравъ).

Нòраў (нравъ). Нырàвитца, спынырàвитца. Но отъ этого-же самаго слова „нартъ“ — упрямый, вздорный; „нàртитца“ — упрямиться.

30) *Кèки = какъ.*

Кèки ў мори,
Кèки ў бори;
Кèки ў баркатòнни,
Кèки ў маркатòнни,—
Засунь, атсунь, присунь,
Христе Боже нашъ.

(Сельцо Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда).

Кекй = какъ — въ старинномъ заговорѣ — образовалось, вѣроятно подъ вліяніемъ смягченія звука *к*, замѣчаемаго, если

не въ данной мѣстности, то немного южнѣе. *К* умягчается и передъ *а*, и передъ *о*.

31) Д въ началѣ слова.

Прощай, прасти, дъ мая Марьина,
Роща-й зелиная. . .

Въ другой пѣснѣ:

Надъ Кистринымъ слаўнымъ горыдымъ,
Надъ Кистринсками варотами,
Тамъ стыяла дъ нова свѣтилка.

(Ср. дщанъ, по Тцну, отъ усть Тцны, по Тценѣ (Дог. гр.) отъ зълъ, дьньсь... Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потебни.

Длительное произношеніе д въ началѣ слова я встрѣчалъ всего у одного пѣвца — Тимофея Григорьева изъ Смоленскаго уѣзда, села Данькова. Тимофей Григорьевъ старикъ очень древній. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи мнѣ приходилось встрѣчать приставку д въ началѣ слова. Факты мною будутъ приведены при указаніи особенностей, встрѣчающихся въ языкѣ народныхъ пѣсенъ.

32) ем——————им.
напаёмши.

33) ер——————ир.
мундѐръ, хватѐра.

34) е——————и
пренеси (Бѣльскій уѣздъ, Шоптово)
зле = зли (Рос. у.).

35) и——————е
лижа̀ть, дивиря̀, брихала̀, вичарѐмъ, твитѝть (3 л. ед. ч.).

С. Лѣтошники въ юговосточной части Рославльскаго уѣзда. Смѣна е на ы чаще: видѐть, бирёзу, тимну̀ тучу, тирёмъ, плитѐнь.

Сѣверная часть Черниговской губерніи, южная часть Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи.

Вичарўха.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

і—е

блія́ть, кримса́ла (огниво, отъ кремень), однако же кремишо́къ, а не кримашо́къ (Смол. уѣздъ), ривѣ́ть.

36) ы—————————а—————о

тады́, кады́, заўсягды́, кырыва́ть, никыя́нный, бры́тъ (не употребляется), я́, брытъ... вы́ить, выркыта́, кыза́, мынастырь, бырыда.

37) у——————————————ы.

Було́ (было́), бувайтя, бўтца и бы́тца.

38) ы———————————————————у.

Глыбина́, слыхъ.

39) и—————————————————————————————ы

висо́кій, висо́ка (Смол. уѣздъ); кры́тіи, забы́тіи (Сыч. у.), стидёный (студёный, стыдёный), ди́рка.

40) ы—————————————————————————————и.

прыма́й, тава́рыши, сыйчасъ.

41) еч—————————————————————————————ич

яёшня, яёчна.

42) ес—————————————————————————————исъ.

Купаресъ.

43) эй——————————————ый

бялэ́й, чарнэ́й; но другёй.

44) я————————————————а

акіянь.

45) ей, ой = ёў, оў

пнёў (genit. plur.), далоў (далой), дамо́ў.

46) ём———ем.
твор. п. ед. ч. сущ. и. м. р.
камянёмъ, пярстнёмъ, гагалёмъ.

47) ён————он———
сасёнъ.

48) ій———————ей.
Кőній, грőшій (genit. plur.), пій (сокр. пи).

49) ія, ій———ёя, ѣя
шія, змій = шёя, змѣй.

50) О———————а.
О безъ ударенія произносится, какъ *а*.

Люди грамотные окаютъ противъ обыкновенья; оканье замѣчается въ словахъ, заимствованныхъ изъ священнаго писанія; оно поддерживается среди раскольниковъ, начитанныхъ въ святомъ писаньѣ. Оканье начинается въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, а въ Тверской губерніи говорятъ уже совсѣмъ отмѣнно.

Захожій коновалъ деревни Виселевой Осташковскаго уѣзда говорилъ: х*о*л*о*днő, велик*о*лѣпн*о* х*о*р*о*шо, г*о*в*о*рка, однако — мажно.

51) ьск.
быгатырьскій, мищаньскій, дирявőньскій, царьскій.

52) у——————в.
Усѣ, уремя, устань, укусна.

Коновалъ деревни Виселевой Осташковскаго уѣзда Тв. г. мѣнялъ *у* на *в* въ началѣ словъ: *в*гőдна.

(Семенъ Васильевъ).

53) *Опущеніе гласнаго.*
Бысока (обходъ звѣря), (о) болыка, (и) скуситель, скусный.

54). *Стяженіе гласныхъ.*
ирусалимъ, призвадить.

55) *Приставка* (и, а, у).
и. *и*-льну, и-ржи, и-ржа.
а. а-залъ, а-лишился, а-рясина, а-змустить, а-лгешъ = аўгешъ.
у. у-красивый. Ні-у-вѣга (Бѣл. у., Шостово) у-вѣжливый. См. у.

56) въ. . . . . . (а)
въ-юнушъ, младэи в-ьюнуш-ъ (юноша).

57) *Вставное* в.
вос-в-а, в-ужу-жъ, в-ужака, в-окны, в-окунь.
В-ольга, ни-в-одинъ, в-оби, в-аттуль.

58) *Удвоенiе согласнаго.*
Юрь-р-я, Ягорь-р-я, зварь-р-ё, лошад-дю,
Малань-н-я, каравать-т-ю.

Исключенiе.

Анисья = Анись-ся = Анись-т-я.

Кажется, вслѣдствiе подобной же причины (требованiя большей крѣпости фонетическаго состава слова) являются слѣдующiя замѣны с на т.:

2 лицо ед. ч. выдасишься = выдасисься = выдасисьтя, прасешься = праснесься = праснесьтя. Атгуляишься = атгуляисься = атгуляисьтя. Сосешь = сьсешъ = сьтешъ.

3 лицо ед. ч. Сьсеть = сьтеть.

59) умягченiе к.
Бѣльскiй уѣздъ грѣшнике (accus.).

60) жд——ж.
праваждать, забиждать.

61) жж = жд
трожжи (Бѣльскiй уѣздъ) = трожды (Ельн. у.)

62) Д = н (уподобленiе)
мидвяненыкъ.

63) д ———————————т
снындычка и снытычка
дн = нн; напр. маладня и маланнѧ.

64) т———————————д
лотычка, вотычка.

65) ды = ди; ди = ды
жёлуды, жалуды; дирка.

66) ня = на
канешня
ню = ну.
выню.

67) ны = ни.
ни ўныкали.

68) *отвердение* н
денъги, конъчили.

69) нъ = нь
Аминъ.

70) ж————————————————г
спужаўся.

71) з————————————————г:
у парози.

72) г (мягкое по произношенію)= з
нильга почти нильха.

Нужно замѣтить, что есть нѣсколько степеней твердости и мягкости произношенія г. Къ сѣверу усиливается твердость г, сопровождаясь оканьемъ: на сѣверѣ Смоленской губерніи — говорка; ґо — совершенно твердо.

73) г = ж
бягуть.

74) ш = х: дышаніе.

75) с = х; х = с
у гароси, цалёхинькй, цалёхтинькій = цалюсинькій.

76) ч = щ
ваабчѐ; амчарина,
щ = ч; напр. атвѣщать.

77) ц = с.
цапаги, божецкій.

78) щ = ст
блищить.

79) ст = чт
уничтожить.

80) ст = щ
пріабстить.

81) сл = ст
благачасливый, учливый.

82) ч = ц: чарствія, чепъ, чирамонія, чопкій.

83) л = р: калидоръ, калаурить.

84) л = й
л-ёдва.

85) *Отвердѣніе* л
силъный См. у., малъцы Кр. у.

86) *Умягченіе* р
зирьняты.

87) ль ———— л
архангилъ.

88) пра = пре: прасвѣтлый.

89) рь = р: ръ = р
дохтарь, сталярь; угдръ (Дух. у.).

90) ру = рю
румка.

91) ря = ра; рю = рю и ру = рю (рѣдко)
кряпива, дрюхъ (Бѣльскій уѣздъ), румка.

92) ры = ри
таварыщи, трызнить (бредить).

93) тя
тяперь, Кастянтинъ.

94) тю
хатю.

95) с———— ———ш
штаны = пастання.

96) ш——————————с
шпекушъ, шклянка = спекушъ, склянка.

97) ск—————— ——————зг
роска, пабрыскай.

98) ск = сх
паска.

99) к = х
крамъ, клапатить, мозыкъ, кѡкыть.

100) к = в.
кукшинъ.

101) Т = в:
стрѣнимъ.

102) Же = жа, жи = жизломъ, жазломъ, жарёбъ и жерибъ.

103) Ща = ще: щамель, щемель = шмель.

104) Щ = ч: пирщатки; щамель.

105) Ск = щ: искить
льля (при удвоеніи-*л*) = льня (рѣдко).
кельля = кельня.

106) Тб = бб.
Сялибба = сялитба.

107) З (опущеніе): драстуй (Б. у.).

108) Т (опущеніе).
радысь.

109) Д (опущеніе.)
сёмый (седьмой).

110) Г (опущеніе): кады, усяды. тады = кагды, усягды, тагды.

111) Въ началѣ слова и въ рединѣ, опущеніе слога — адѣ, ляди, застяни. Чаго = ча, ча вы здикаитесь?

112) Измѣненіе сочетанія: дн = сянни (сенни изъ седни). абѣння.

113) Дч = ч — пачирка; ане (го) жъ = анёжъ = няжъ.

114) Сокращенныя слова: прихмать, босла (благослови) Б. у. катца = кажется (См. у.).

115) Тц = цц; бытца = быцца.

116) Л, в = у: атцоўськiй, ва ўбу.

117) Отсутствіе вставнаго н.: у ёмъ, у ёй.

118) *Метатезисъ.*
Нымастырь.
Калмата (суета) = клум = клумата = кулмата = въ слѣдствіе аналогіи у—ата—калмата. (Клумъ изъ тлумъ, тлумитцо).

119) р = в : хвабрый

120) з = г : Зоргій

121) Вставныя согласныя.
с.
жер(с)тва, запра(с)тить, естьимъ (Б. у)

122) р (Бѣльскій уѣздъ)
щук(р)ёныкъ

123) ч
товариш(ч)имъ (Бѣльскій уѣздъ)

124) мн = мл
Самливатца

125) льн = нн
Цулуванникъ

126) Дзеканье.
Д и т = дз и ц.

Порой д и т только приближается къ ц; является звукъ, не передаваемый транскрипціей—дрожащій—не дз и не ц, но не д и не т.
Въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ д и т явственнѣе замѣняются въ произношеніи дз и ц.
Люди грамотные совершенно отвыкаютъ отъ дзеканья—считаютъ дзеканье принадлежностью „пушнова“ („мужицкыга“) нарѣчья.

127) *Склоненіе существительнаго.*

Пахвалъ (nomin.) вмѣсто сущ. ж. р. похвала. Капель = капля. Мечъ вострая (жен. р.), багатель (богатый человѣкъ), архангилъ, угоръ (Дух. у.), акіянь, жораў, журавель, журюшка. Сынь (е) „Христосъ васкрѐсъ, сыне Божій“,—канѐчикъ. Питиннѐ—идиннѐ, ржище, аўсянище. Касьсѐ (палка, къ которой прикрѣплено лезвіе косы), быгатества, вѣдюче = вѣче. Свекра, снашна. „Нядѣля свякры, нядѣля снашны“. Сахвѐя (Софья), жадоба, гразѐтба (угроза), клятба, мàтца, подпирàза, пякота, гримота, гулявизна, любавизна (мясо безъ костей), шія.

Genit. Кузьмѣ = dat. „Кузьмѣ нѣту“, у Кузьмѣ, у мущини, паталока, малебена, кореня.

Паліў, зайцоў, чуду (accusat.). смѣш. женск. и ср. рода. Съ наздѐръ, вѣдьмыў. Якога ты роду племя? да нѐби.

Vocativ. Аўдуль, бабъ, зянужъ (отъ зена) абака, хотя и мужескаго рода съ окончаніемъ женскаго рода, имѣетъ зват. абакъ.

Зват. муж. р. сыня, сынку, Адаме.

Dt. Божиньку, гастѐмъ, сянѐмъ.

Accus. юнуша, Господя.

Ablat. Листимъ = лестью, меччу.

Nom. plur. пчолики.

Ablat. plur. пчалми, курми, сердецами. Предл. у гастѐхъ, у сянѐхъ.

Рославльскій уѣздъ, сельцо Лѣтошники (юговосточная часть Р. у.).

Жанчонка, родъ—племи (nominat). Каршȳнъ и свекȯръ = свѐкыръ, кȯршунъ. Селезеня (vocat.).

Да синій панѐве, да сахьянъ сапогъ (genit.).

Accus. На цвѣти, салоўю, каралеўню.

Ablat. Съ прячистыю мать.

Предл. въ чисти поли.

Село Егорье, Дорогобуж. уѣзда.

Съ кудирь = съ кудріў.

Село Никола Ядреичъ, Духовщ. уѣзда.

Вышинёй.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

И. ждраў, ждраўля (genit.), зятё—зити (въ см. зятьё, какъ вароноўя, братьё и друг.), два мечи, двѣ звѣри, време (genit.) къ рѣпы (dat.), бабамъ, батькамъ, мальчикамъ (dat. и ablat.), грѣшнике (accusat.), на гары (предлож.), у сусядихъ = у сусѣдихъ или у сусѣдіў. Симяноў (genit. plur.).

Я видилъ два, какъ прибижали (форма именит. пад.).

Бѣльскій уѣздъ, с. Дунаево.

Им. мн. пана (отъ панъ), лошадя, раскольницки, диріўня, драўна (дрова).

128) *Прилагательное.*

Аўдотьинэ братьтя, бялэй, чарнэй.
Купецку сыну.
Даражѣйшій, сильнѣйшій. Сильнѣйшій *за* мяне.
ые, ыи, ыя (во множ. ч. окончанія для всѣхъ родовъ):
добрыи кони, крупные птушки, неучливыя мужики.
ширакбга, бялбга.

Лѣтошники Рославльскаго уѣзда.

Съ Пречистыю мать. У чисти поли.

129) *Мѣстоименіе*
ёй, абъ ёй, абъ имъ (безъ вставнаго н)
чей, чіягб, чіяму. Якій, якага. Тэй, тбга. Ниякій, ниякинькій. Самъ, саминькій. Мизъ соби = между собою. Иногда слышится мизъ собе.

130) *Мизъ собе, соби.*

Мизъ (между) употребляется и съ творительнымъ, и съ родительнымъ, и притомъ какъ въ древнемъ. и народномъ языкѣ, такъ и у позднѣйшихъ писателей; промежду, промежъ особенно употребительно въ старинномъ и народномъ языкѣ.

а) съ творит. „по ямамъ промежъ своими землями изгороды ставити вобчіе“ Юрид. акт.- 1518.

б) съ родит. „Крымская орда промежъ моря Азовскаго и моря Чернаго“ кн. Больш. Черт. 76.

в) съ винит. падежомъ; напр. въ олон. былин. — „И бей бурка промежу уши, и бей бурка промежу ноги“ — “хлеснулъ промежъ ясны очи.“ Рыб. 1,126,344. (Историческая грамматика Буслаева стр., 274).

Какой падежъ соби, себѣ?

Сябе (родит. и винит. пад.): нихто сябе ниўдарить. Дат— сабѣ, сǒби и собѣ. Мы предполагаемъ, что сǒби и сǒбѣ послѣ „мизъ“—затерявшаяся форма родительнаго падежа, сходная съ формой дательнаго: такое сходство замѣчается при склоненіи именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода:

— „Я дамъ Кузьмѣ хлѣба“;—„Кузьмѣ нѣту“; у Маланьѣ и къ Маланьѣ.

Каторые... каторые = нѣкоторые... нѣкоторые, одни... другіе. Каторыи пупришли, каторыи нѣ = одни пришли, другихъ нѣтъ. „Тэй“ часто употребляется въ значеніи члена, не указывая на опредѣленный предметъ. Тэя чāрцы (пьянство) увядуть у старцы. Пріѣхаў іонъ у тоя чарства, у тэй змяиный горатъ.

Маиго и магǒ; свайго и свагǒ.
Нѣшта, нѣштачка = что-то.
Я пакажу тябѣ нѣштачка.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

падъ ей, ево, на ево = на яго,
ѐстьимъ, зъ ѐстьимъ, у ёмъ, онъ и іонъ,
іѐ, яѐ = (См. у.) яǒ.

С. Никола-Ядреичъ, Дух. у

ѐǒ.

С. Лѣтошники, Р. у.

Чиво, кае-што.

131) *Нарѣчье.*

Кагда и кадӹ,
тагда и тадӹ,
заўсигда и заўсяды,
ногды = нойды (иногда),
негди = нойды; вѣроятно и гдѣ-то:
нейди я паклаў касу;
нейди іонъ пришоў
сёлита = теперь,
пазадѣ = позади.
тка присоединяется къ нарѣчью:
аттулитка, тяперитка.
Змалку, патиху; патихèньку, палягèньку.
Некали = нѣтъ времени,
абàпылъ = съ 2 сторонъ.

132) *Числительное.*

аднае (acc. fem.), абѣдви и ибѣдви, абадвѣ = двѣ;
двуми, трёми и тремя: у пятёхъ, у шастехъ; вòсмирка коній.
Адинъ, ни водинъ, вòдныга и ни вòдныга.
У двюхъ, у дваихъ.
Сёмый, шòстый, вòсимый.
Трожды (Е. у.), тророжжи, двожжи (Б. у.), троичи (См. у.) = трожды.
За двинацытми двирям (Б. у.).

133) *Глаголъ.*

особенности, условленныя измѣненіемъ глагольной темы.

Тема а вм. ыва, ива.
Натягаеть = натягиваить.
і вм. ива
пасматріить (насматриваить),
пахàжіить (пахàживаить).
ы вм. ыв
прикàзыить (приказываить).

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Усиленіе глагольной темы посредствомъ гласнаго.
Ясні—я—ить (яснѣить).

Южная часть Рославльскаго уѣзда.

Пі—я—ть (пѣть).

Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядреичъ.

Сіяить, зіяить сократилось въ зьяить.

Замѣчательно, что форма зьяить употребляется отъ глагола совершенно другаго значенія для выраженія крика сокола.

Въ народной сказкѣ: „конь зарзаў,
Хортъ завылъ, а сокылъ зазьяў,
—Ты, лошадиныя сѣмя, чаго зарзаў?
А ты, песься мяса, чаго завыў?
А ты, истрябиныя перьря чаго зазьяў?—

Въ малороссійской поэзіи употребляется для выраженія крика сокола глаголъ тхилить, проквилять:

—„Стый, пся стерво, не спотыкайсь;
Ты, бурсуча шерсть, не надымайсь,
Ты, соколе, не тхіли; ты, хорте, не вый!“—
(Сказка про Сучченка).

Пій, пи = пей. Палǒжьтя, далǒжьтя = положите, доложите. сьтѐть (сосѐтъ), вы̀дасисьтя—отвердѣніе темы, какое является въ случаяхъ = Анисья = Анисьея = Анисьтя.

Смяѐшься, смяѐтись 2 л. ед. и мн. наст. врем. || сміитѐсь, ча вы смяѐтись и ча вы сміитѐсь (2 якая форма). Глядитѐ, пишитѐ 2 л. мн. ч. наст. врем. Идѐть, нясѐть, дмѐть, ари̇̀ть (пашетъ), тǒщить (тащитъ) 3 л. ед. наст. врем. Яси наст. вр. 2 лицо (ѣшь); даси будущ. 2 лицо. Пропадлый (пропавшій).

Дорогобужскій уѣздъ, Егорье.

Абатрѐтца, сашьѐтца (абатрѐтца, сашьѐтца) См. у.

Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда.

Перепіѐтѐ (перепіѐтя, пирипяѐтя, пирипіятѐ. Смол. у.

56) въ. . . . . . (а)
въ-юнушъ, младэи в-ьюнуш-ъ (юноша).

57) *Вставное* в.
вос-в-а, в-ужу-жъ, в-ужака, в-окны, в-окунь.
В-ольга, ни-в-одинъ, в-оби, в-аттуль.

58) *Удвоеніе согласнаго.*
Юрь-р-я, Ягорь-р-я, зварь-р-ё, лошад-дю,
Малань-н-я, каравать-т-ю.

Исключеніе.

Анисья = Анись-ся = Анись-т-я.

Кажется, вслѣдствіе подобной же причины (требованія большей крѣпости фонетическаго состава слова) являются слѣдующія замѣны с на т.:

2 лицо ед. ч. выдасишься = выдасисься = выдасисьтя, прасношься = праснесься = праснесьтя. Аттуляишься = аттуляисься = аттуляисьтя. Сосешь = сьсешъ = сьтешъ.

3 лицо ед. ч. Сьсеть = сьтеть.

59) умягченіе к.
Бѣльскій уѣздъ грѣшнике (accus.).

60) жд——ж.
праваждать, забиждать.

61) жж = жд
трожжи (Бѣльскій уѣздъ) = трожды (Ельн. у.)

62) Д = н (уподобленіе)
мидвяненыкъ.

63) д———————т
снындчка и снытычка
дн = нн; напр. маладня и маланнѧ.

64) т———————д
лотычка, вотычка.

65) ды = ди; ди = ды
жёлуды, жалуды; дирка.

66) ня = на
канешня
ню = ну.
выню.

67) ны = ни.
ни ўныкали.

68) *отвердение* н
денъги, конъчили.

69) нъ = нь
Аминъ.

70) ж—— — ———— ——— — ——— —г
спужаўся.

71) з——— — —— ——— ———г:
у парози.

72) г (мягкое по произношенію)= з
нильга почти нильха.

Нужно замѣтить, что есть нѣсколько степеней твердости и мягкости произношенія г. Къ сѣверу усиливается твердость г, сопровождаясь оканьемъ: на сѣверѣ Смоленской губерніи — говорка; го — совершенно твердо.

73) г = ж
бягуть.

74) ш = х: дышаніе.

75) с = х; х = с
у гароси, цалёхинькй, цалёхтинькій = цалюсинькій.

76) ч = щ
ваабчѐ; амчарина,
щ = ч; напр. атвѣщать.

77) ц = с.
цапаги, божецкій.

78) щ = ст
блищить.

79) ст = чт
уничтожить.

80) ст = щ
пріабстить.

81) сл = ст
благачасливый, учливый.

82) ч = ц: чарствія, чепъ, чирамонія, чопкій.

83) л = р: калидоръ, калаурить.

84) л = й
л-ѐдва.

85) *Отвердѣніе* л
силъный См. у., малъцы Кр. у.

86) *Умягченіе* р
зирьняты.

87) ль————л
архангиль.

88) пра = пре: прасвѣтлый.

89) рь = р: ръ = р
дохтарь, сталярь; угѓръ (Дух. у.).

90) ру = рю
румка.

91) ря = ра; рю = рю и ру = рю (рѣдко)
крапива, дрюхъ (Бѣльскій уѣздъ), румка.

92) ры = ри
таварыщи, трызнить (бредить).

93) тя
тяперь, Кастянтинъ.

94) тю
хатю.

95) с———— - - - ---ш
штаны = пастання.

96) ш————————————с
шпекушъ, шклянка = спекушъ, склянка.

97) ск———— —— ————— ———— --зг
роска, пабрыскай.

98) ск = сх
паска.

99) к = х
крамъ, клапатить, мозыкъ, кдкыть.

100) к = в.
кукшинъ.

101) Т = в:
стрѣнимъ.

102) Же = жа, жи = жизломъ, жазломъ, жарёбъ и жерибъ.

103) Ща = ще: щамель, щемель = шмель.

104) Щ = ч: пирщатки; щамель.

105) Ск = щ: искить
льля (при удвоеніи-*л*) = льня (рѣдко).
келья = кельня.

106) Тб = бб.
Сялибба = сялитба.

107) З (опущеніе): драстуй (Б. у.).

108) Т (опущеніе).
радысь.

109) Д (опущеніе.)
сёмый (седьмой).

110) Г (опущеніе): кады, усяды. тады = кагды, усягды, тагды.

111) Въ началѣ слова и въ срединѣ, опущеніе слога — адѣ, ляди, застяни. Чаго = ча, ча вы здикаитесь?

112) Измѣненіе сочетанія: дн = сянни (сенни изъ седни). абѣння.

113) Дч = ч — пачирка; ане (го) жъ = анёжъ = няжъ.

114) Сокращенныя слова: прихмать, босла (благослови) Б. у. катца = кажется (См. у.).

115) Тц = цц; бытца = быцца.

116) Л, в = у: атцоўській, ва ўбу.

117) Отсутствіе вставнаго н.: у ёмъ, у ёй.

118) *Метатезисъ.*
Нымастырь.
Калмата (суета) = клум = клумата = кулмата = въ слѣдствіе аналогіи у—ата—калмата. (Клумъ изъ тлумъ, тлумитцо).

119) р = в : хвабрый

120) з = г : Зоргій

121) Вставныя согласныя.
с.
жер(с)тва, запра(с)тить, естьимъ (Б. у)

122) р (Бѣльскій уѣздъ)
щук(р)ёныкъ

123) ч
товариш(ч)имъ (Бѣльскій уѣздъ)

124) мн = мл
Самливатца

125) лвн = нн
Цулуванникъ

126) Дзеканье.
Д и т = дз и ц.

Порой д и т только приближается къ ц; является звукъ, не передаваемый транскрипціей—дрожащій—не дз и не ц, но не д и не т.

Въ мѣстностяхъ бѣлорусскихъ д и т явственнѣе замѣняются въ произношеніи дз и ц.

Люди грамотные совершенно отвыкаютъ отъ дзеканья—считаютъ дзеканье принадлежностью „пушнова" („мужицкыга") нарѣчья.

127) *Склоненіе существительнаго.*

Пахвалъ (nomin.) вмѣсто сущ. ж. р. похвала. Капель = капля. Мечъ вострая (жен. р.), багатель (богатый человѣкъ), архангилъ, угоръ (Дух. у.), акіянь, жораў, журавель, журюшка. Сынь (е) „Христосъ васкрёсъ, сыне Божій",—канёчикъ. Питиннё—идиннё, ржище, аўсянище. Касьсё (палка, къ которой прикрѣплено лезвіе косы), быгатества, вѣдюче = вѣче. Свекра. снашна. „Нядѣля свякры, нядѣля снашны". Сахвёя (Софья), жадоба, гразётба (угроза), клятба, мàтца, подпирàза, пякота, грикота, гулявизна, любавизна (мясо безъ костей), шія.

Genit. Кузьмѣ = dat. „Кузьмѣ нѣту", у Кузьмѣ, у мущини, паталока, малебена, кореня.

Паліў, зайцоў, чуду (accusat.). смѣш. женск. и ср. рода. Съ наздёръ, вѣдьмыў. Якога ты роду племя? да нёби.

Vocativ. Аўдуль, бабъ, зянужъ (отъ зена) абака, хотя и мужескаго рода съ окончаніемъ женскаго рода, имѣетъ зват. абакъ.

Зват. муж. р. сыня, сынку, Адаме.

Dt. Божиньку, гастёмъ, сянёмъ.

Accus. юнуша, Гасподя.

Ablat. Листимъ = лестью, меччу.

Nom. plur. пчолики.

Ablat. plur. пчалми, курми, сердецами. Предл. у гастёхъ, у сянёхъ.

Рославльскій уѣздъ, сельцо Лѣтошники (юговосточная часть Р. у.).

Жанчонка, родъ—племи (nominat). Каршўнъ и свекôръ = свёкыръ, кôршунъ. Селезеня (vocat.).

Да синій панёве, да сахьянъ сапогъ (genit.).

Accus. На цвѣти, салоўю, каралеўню.

Ablat. Съ прячистыю мать.

Предл. въ чисти поли.

Село Егорье, Дорогобуж. уѣзда.

Съ кудирь = съ кудріў.

Село Никола Ядреичъ, Духовщ. уѣзда.

Вышинёй.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

И. ждраў, ждраўля (genit.), зятё—зити (въ см. зятьё, какъ вароноўя, братьё и друг.), два мечи, двѣ звѣри, времи (genit.) къ рѣпы (dat.), бабамъ, батькамъ, мальчикамъ (dat. и ablat.), грѣшнике (accusat.), на гары (предлож.), у сусядихъ = у сусѣдихъ или у сусѣдіў. Симяноў (genit. plur.).

Я видилъ два, какъ прибижали (форма именит. пад.).

Бѣльскій уѣздъ, с. Дунаево.

Им. мн. пана (отъ панъ), лошадя, раскольницки, диріўня, драўна (дрова).

128) *Прилагательное.*

Аўдотьинэ братьтя, бялэй, чарнэй.
Купецку сыну.
Даражѣйшій, сильнѣйшій. Сильнѣйшій *за* мяне.
ые, ыи, ыя (во множ. ч. окончанія для всѣхъ родовъ):
добрыи кони, крупные птушки, неучливыя мужики.
ширакога, бялога.

Лѣтошники Рославльскаго уѣзда.

Съ Пречистыю мать. У чисти поли.

129) *Мѣстоименіе*
ёй, абъ ёй, абъ имъ (безъ вставнаго н)
чей, чіяго, чіяму. Якій, якага. Тэй, тога. Ниякій, ниякинькій. Самъ, саминькій. Мизъ соби = между собою. Иногда слышится мизъ собе.

130) *Мизъ собе, соби.*

Мизъ (между) употребляется и съ творительнымъ, и съ родительнымъ, и притомъ какъ въ древнемъ. и народномъ языкѣ, такъ и у позднѣйшихъ писателей; промежду, промежъ особенно употребительно въ старинномъ и народномъ языкѣ.

а) съ творит. „по ямамъ промежъ своими землями изгороды ставити вобчіе“ Юрид. акт. 1518.

б) съ родит. „Крымская орда промежъ моря Азовскаго и моря Чернаго“ кн. Больш. Черт. 76.

в) съ винит. падежомъ; напр. въ олон. былин. — „И бей бурка промежу уши, и бей бурка промежу ноги“ — “хлеснулъ промежъ ясны очи.“ Рыб. 1,126,344. (Историческая грамматика Буслаева стр., 274).

Какой падежъ соби, себѣ?

Сябе (родит. и винит. пад.): нихто сябе ниўдарить. Дат— сабѣ, сǒби и собѣ. Мы предполагаемъ, что сǒби и сǒбѣ послѣ „мизъ“—затерявшаяся форма родительнаго падежа, сходная съ формой дательнаго: такое сходство замѣчается при склоненіи именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода:

— „Я дамъ Кузьмѣ хлѣба“;—„Кузьмѣ нѣту“; у Маланьѣ и къ Маланьѣ.

Каторые... каторые = нѣкоторые... нѣкоторые, одни... другіе. Каторыи пупришли, каторыи нѣ = одни пришли, другихъ нѣтъ. „Тэй“ часто употребляется въ значеніи члена, не указывая на опредѣленный предметъ. Тэя чǎрцы (пьянство) увядуть у старцы. Пріѣхаў іонъ у тоя чарства, у тэй змяиный горатъ.

Маиго и магǒ; свайго и свагǒ.
Нѣшта, нѣштачка = что-то.
Я пакажу тябѣ нѣштачка.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

падъ ей, ево, на ево = на яго,
ѐстьимъ, зъ ѐстьимъ, у ёмъ, онъ и іонъ,
іǒ, яǒ = (См. у.) яǒ.

С. Никола-Ядреичъ, Дух. у

ǒǒ.

С. Лѣтошники, Р. у.

Чиво, кае-што.

131) *Нарѣчье.*

Кагда и кадӹ,
тагда и тадӹ,
заўсигда и заўсяды,
ногды = нойды (иногда),
негди = нойды; вѣроятно и гдѣ-то:
нейди я паклаў касу;
нейди іонъ пришоў
сѐлита = теперь,
пазадѣ = позади.
тка присоединяется къ нарѣчью:
аттулитка, тяперитка.
Змалку, патиху; патихѐньку, палягѐньку.
Некали = нѣтъ времени,
абàпылъ = съ 2 сторонъ.

132) *Числительное.*

аднае (acc. fem.), абѣдви и ибѣдви, абадвѣ = двѣ;
двуми, трѐми и трема: у пятѐхъ, у шастехъ; вòсмирка коній.
Адинъ, ни водинъ, вòдныга и ни вòдныга.
У двюхъ, у дваихъ.
Сѐмый, шòстый, вòсимый.
Трожды (Е. у.), трожжи, двожжи (Б. у.), троичи (См. у.) = трожды.
За двинацытми двирям (Б. у.).

133) *Глаголъ.*

особенности, условленныя измѣненіемъ глагольной темы.

Тема а вм. ыва, ива.
Натягаеть = натягиваить.
і вм. ива
насматріить (насмàтриваить),
пахàжіить (пахàживаить).
ы вм. ыв
прикàзыить (приказываить).

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Усиленіе глагольной темы посредствомъ гласнаго.
Ясні—я—ить (яснѣить).

Южная часть Рославльскаго уѣзда.

Пі—я—ть (пѣть).

Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядреичъ.

Сіяить, зіяить сократилось въ зья̀ить.

Замѣчательно, что форма зья̀ить употребляется отъ глагола совершенно другаго значенія для выраженія крика сокола.

Въ народной сказкѣ: „конь зарзаў,
Хортъ завылъ, а сокылъ зазьяў,
—Ты, лошадиныя сѣмя, чаго зарза̀ў?
А ты, песься мяса, чаго завыў?
А ты, истрябиныя перья чаго зазьяў?—

Въ малороссійской поэзіи употребляется для выраженія крика сокола глаголъ тхилить, проквилять:

—„Стый, пся стерво, не спотыкайсь;
Ты, бурсуча шерсть, не надымайсь,
Ты, соколе, не тхіли; ты, хорте, не вый!“—
(Сказка про Сучченка).

Пій, пи = пей. Пало̀жьтя, дало̀жьтя = положите, доложите. сьтѐть (сосётъ), вы̀дасисьтя—отвердѣніе темы, какое является въ случаяхъ = Анисья = Анисься = Анисьтя.

Смяѐшься, смяѐтись 2 л. ед. и мн. наст. врем. || сміитёсь, ча вы смяѐтись и ча вы сміитёсь (2 якая форма). Глядитё, пишитё 2 л. мн. ч. наст. врем. Идѐть, нясѐть, дмѐть, арѝть (пашетъ), то̀щить (тащитъ) 3 л. ед. наст. врем. Яси наст. вр. 2 лицо (ѣшь); даси будущ. 2 лицо. Пропадлый (пропавшій).

Дорогобужскій уѣздъ, Егорье.

Абатрётца, сашьётца (абатрѐтца, сашьѐтца) См. у.

Лѣтошники, Рославльскаго уѣзда.

Перепіётё (перепіётя, пирипяётя, пирипіятё. Смол. у.

Бѣльскій уѣздъ.

Закричàли = закричэли (С. у.) прамоўчàлъ = прамòучилъ (С. у.) пòбивалъ = пабивàлъ, пòчали = пачàли, несйть и несèть = нясèть. Хòдичи = хòдючи, тòпишься = тòписьтя, надіёть = надяèть.

134) *Союзъ.*

Иногда употребляется о вмѣсто а; въ этомъ о есть оттѣнокъ указанія.

Іонъ и многа и приданага бяреть:
Гарады съ пригародачками,
Ящо селы и съ приселачками,
О деревни и съ памѣщичками.
(Пѣсня объ Иванѣ Васильевичѣ, грозномъ царѣ).

О употребляется въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи:

—„О яе роза раствила“.—

Ажно, въ Рославльскомъ уѣздѣ Айно = однако, но

—„Сказали пра молайца,
Да што безъ вѣстей прапалъ,
Айно добрый моладицъ
Вдоль па улицы прайшолъ...“

Усиленное ажно, ажну = ажну—ть.

Въ Рославльскомъ уѣздѣ употребляются частицы ся, та, ни но; въ Бѣльскомъ уѣздѣ та.

Ся = то.

Хто ся са мною у свахахъ поѣдить?
Прячистыя Мать са мною у свахахъ поѣдить.

Ни но = не то, не то.
Нино тепло, Нино халадно.

та заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ противоположности, соотвѣтствуетъ „а, то, же“, но сильнѣе же, произносится съ нѣкоторою важностью.

Мая жъ та матка
На баярскымъ на дварѣ.

Няўкомъ, няўкомъ-жа = однако, съ оттѣнкомъ неудовольствія:
— „Няўкомъ жа вотку сами папили“.—

135) *Предлогъ.*

Въ Смоленскомъ уѣздѣ „гаварить на кого“, а въ Бѣльскомъ уѣздѣ отказывать (отвѣчать) на кого (кому).
У—въ изби.

Въ Смоленскомъ уѣздѣ мнѣ всего разъ попался предлогъ „зле (для) одно;“ этотъ предлогъ мнѣ встрѣчался въ Рославльскомъ и Бѣльскомъ уѣздѣ, но произносился „зли“ и сочетался съ родительнымъ падежомъ „зли мяне.“

136) *Междометіе.*

Цопъ (цапъ), цалиыкъ.

137) *Отрицаніе* не, ни, ня, нѣ.

Не иногда соотвѣтствуетъ литературному ни, и, наоборотъ, ни замѣняетъ часто не.

Я ни хачу. Іонъ табѣ и ни сватъ, и ни братъ. Якей бы іонъ сабѣ не былъ, якъ бы тамъ сабѣ не была.

Коновалъ деревни Виселевой Осташковскаго уѣзда Тверской губерніи говорилъ:
— „Какъ бы то ни было“.

Въ ни иногда скрывается вопросительное ли. Ни мой ета Ягорька идеть?
Ни мыя ета матка? (ни = не *ли*).

Ня замѣняетъ ни и не:
Ня мой и ня твой братъ. Ни я и ня ты. Употребляется ня, какъ ни, и въ вопросахъ, поглощая ли.

Нѣ въ односложныхъ отвѣтахъ:

— „Ти былъ ты у кабакѣ?“
— Нѣ, нѣ, нѣ... Ни Бойжа мой (нисколько) гарѣлки ни ўживаю (не употребляю).
— „Ти видилъ ты што?“
— Ничагеничка и никагусинька ни видаў?

— Ти принёсъ жа ты съ сабой што?
— „А ни калива, ни злыдни (ничего), ни трясцы“.

Нима = не имѣется.

— Ти іость у тябе табака?
— „Нима: ниўживаю“.

Ни, ни = и... не

— Ни батька мой ни куріў, ни дѣдъ ни куріў—уси мае сродычи ни курили.

138) Объ особенномъ значеніи ня, ни.

Отрицаніе ня, ни, присоединяясь къ словамъ особенно отрицательнаго значенія, имѣетъ иногда характеръ частицы утверждающей, а не отрицающей; бываютъ такіе случаи, что ня и ни не отрицаютъ, а подтверждаютъ цѣлыя мысли и предложенія.

Вопратитьтю = скоро; нивопрамитю (якъ ня можна скарѣй).

Въ приведенномъ выше выраженіи — „якъ ня можна скарѣй“ ня имѣетъ тоже усиливающее значеніе.
„Ніўдалэй“ сильнѣе, чѣмъ „удалэй“ (смѣлый, отчаянный).
Никаянный = акаянный, самый акаянный:

Отрицаніе ня усиливаетъ цѣлую мысль:

Лѣпи сѣвба ранняя —
Ня чимъ тая поздная:
А на ранней пшаница,
А на поздней мятлица.

(Бѣлорусскія пѣсни, собранныя
П. В. Шейномъ, № 216).

139) Образованіе дифтонговъ и удвоеніе гласныхъ въ живой народной рѣчи.

Интересно наблюдать за произношеніемъ словъ во время различнаго настроенія говорящаго.

Когда крестьянинъ находится подъ вліяніемъ какого нибудь аффекта: удивленія или испуга, въ рѣчи его замѣчается протяжность.

Протяжность эта выражается двумя фонетическими явленіями: удвоеніемъ гласныхъ и образованіемъ дифтонговъ въ срединѣ слова.

Выраженіе горя и испуга.

Боджинька, Бажуўтухна, Боойжа, гаалуўбынька.

Удивленіе.

Званы зазваниліи, папы запѣлй.

Во многихъ словахъ замѣтно присутствіе дифтонговъ въ обыкновенномъ теченіи рѣчи.

Бойжа (Божа).
Дайжа (даже).

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ г предшествующее д опущено, а гласная предшествующая гд протянулась въ дифтонгъ.

Ногды (иногда) = пойды.
Негди = нейди (вѣроятно). Нейди ты прозябъ.

Ажно = айно. Айно употребляется въ южной части Рославльскаго уѣзда.

Сказали пра молайца,
Да што безъ вѣстей прапалъ,
Айно добрый молыдицъ
Вдоль па улицы прайшолъ.

Синтаксическія замѣчанія.

а) При всѣхъ трехъ лиц. множ. и ед. числа употребляется іость (3 лицо ед. ч. наст. вр. отъ гл. быть).

Ты іость судья правидный.

б) Пролепсисъ:

Атрубила дѣўка голыву
Ивану Бизгаловыму.

в) Дѣепричастіе для выраженія прошедшаго времени употребляется одно, безъ вспомогательнаго глагола.

— „Астаўши у атца адны клешни“.

Един. ч. вмѣсто множ.:

г) „Двѣ курицы нясетца“.

Матеріалы для словаря и теоріи ударенія.

Аббйтикъ — кувшинъ, немного разбитый.
Абрѐминна — беременна.
Абиждать, абиждàитца.
Абидна сỳпрати кагȯ.
Абаду узвесть на кого. — Напраслину взвесть на кого.
Абàкъ зват. отъ абàка.
Абрȯтьтя оброться.
Абрадувàлась — обрадовалась.
Агражỳся, часто ягражỳся.
Адàме (vocat.)—отъ Адамъ.
Адалйть—отдалить.
Анюшка—Аннушка.
Анютка.
Ажнỳть—ажнȯ—ажнỳ } такъ что
Ажъ. } однако.
Азмустйть—смутить.
Азбаỳ (Бердибяки Е. у)—избавь.
Азàлъ—залъ.
Акàнція—условіе.
Акіянь—океанъ.
Амялѣть—обѣднѣть.
Амчарина — низина, поросшая мхомъ.
Аминъ—аминь.
Алишился—лишился.
Ангылъ—ангелъ.
Аплашѐлъ—оплашалъ.
Архангиль—архангелъ.
Арясйна хворостина.
Аскàрбила—ускȯрбила.
Асалàпѐла—остолбенѐла, лишилась силъ.
Асỳмитца—опечалиться.
Астанувàлась—остановилась.
Атвѐщàли—отвѣчали.
Атвищàй—отвѣчай.
Атказать—отвѣчать.
Атрошникъ—чарадѣйникъ
Аттэль } оттуда.
Аттỳль } оттуда.
Аттỳлитка } оттуда.
Атщапйть—оттворить.
Атарапйлась поспѣшила.
Атрячить—давать отвѣтъ.
Атъ (итъ) шутъ (шутыкъ)
Ахаживать—бить кого
Аỳгешъ = а — лгешъ.
Аявитца—явиться.

Бàба, бàби (dat), бабъ (vocat).
Багàтій, багатѐй.
Бадàй (малоросс.). Дай, Боже!
Балаỳства—непристойная жизнь, кутѐжъ.

Балёнъ.

Барана́ } на роўнымъ мѣсти, якъ на баранѣ.

Бо́лазе—хорошо.

Боджинька́. } Зват. отъ Бога.
Бойжа мой! }

Бо́жецкій—божескій.

Войла—избіеніе.

Бо́лыка—бла́ки, обо́лаки—облака.

Блищи́ть—блеститъ.

Блазнуитися шутки — шутите.

Бать—зват. отъ батька.

Братѐйникъ—братъ.

Бра́ничка—бараночко.

Бро́нься—бранись.

Браднйкъ—бородникъ.

Бўтца, бы́тца, бытцакъ—будто.

Бы́ло, були́—было.

Бурыхъ и сивыхъ щитать.—Утонуть (встрѣчается и въ Самарской губерніи).

Бымши ихъ работникъ—будучи.

Бягўть—бѣгутъ.

Вѣдюче—вѣче.

Вучэ́ныхъ—учёныхъ.

Ви́мудры = затѣи.

Во́тча—зв. во́тчій и во́тчимъ.

Во́днаму, ни во́динъ.

Ви́трывать, трава́ть, трава́лый.

Вѐчирамъ и вичаро́мъ.

Ви́ню—вы́ну.

Вѐлій—лучше.

Вары́—воры.

Вью́нушъ—юноша.

Ви́кылытырить—выпросить всѣми силами.

Воздухў, па воздуха́хъ—по воздуху.

Во́зьмуть, во́зьмимъ—возьмёмъ.

Вально́ю—валною.

Во́ить - вы́ить—выть.

Вѣдьмў (genit. plur.)—вѣдьмъ.

Вздо́ріи, ва—(въ ссорѣ);

Ваўшёбный—волшебный.

Вада, у вадѣ, у во́ди—въ водѣ.

Въ, у-въ изби въ избѣ.

Во́би—оба.

Вирядўить—командуетъ.

Ви́даси—выдать.

Вопрымя, ни-вопрымя—поспѣшно.

Выспётнымъ—ударомъ ноги.

Ва́лю дать—побить.

Во́ля—валюватый—болѣзненное строеніе шеи.

Ваўчаненыкъ—волченокъ.

Во́нки—у во́нкахъ—внѣ избы.

Висѐльля—радость, пиръ.

Во́бчій—общій.

Вожаснўўся—испугался.

Гаво́рить на каго 3 л. един. числа—говорить кому.

Гаво́рка—говоръ.

Га́мынъ—дьяволъ, чортъ.

Го́мынъ—говоръ.

Гаро́шинка, горо́хвинка, горо́хвина.

Глазо́ў (genit. plur.)—глазъ.

Грать = играть.

Глаго́ль, ни глаго́ль—не говори.

Гнядо́, у гняздў, у гняздѣ—гнѣздо.

Гнаявой—навозный.

Гребёжный—награбленный.

Грудёхъ на—на груди.
Гдлава—голова.
Грѐбувать—пренебрегать.
Губа̀шичка—наростъ на березѣ.

Да̀йжа—даже.
Дамоў—домой.
Дапрѐжда—прежде.
Дардзи, у дардзи—въ дорогѣ.
Дазнаўся—вызвалъ.
Держи̇ть, дяржи̇ть—держитъ.
Денъги—деньги.
День—да Пятрдвыга дни—genit.
Ди̇ричка—дыра (уменьш.).
Дву̇ми—двумя.
Двюхъ, у—(вдвоёмъ—объ женщинахъ, двюхъ genit отъ двѣ).
Диравдмъ—деревомъ.
Другѐй, у дру̇ги—другой.
Други̇, друзьё, другоў—друзья.
Дахтаря̇—докторъ.
Дитёмъ—дѣтямъ.
Да кджныга миласердинъ—къ каждому.
Дари̇ть, дарувать—дарить.
Днд—ддна—дно.
Ді̆убакдмъ сядить = ничего не дѣлаетъ.
Дяўби̇ть, ді̆убдть—долбить.
Дяти̇ный—дѣтскій.
Ддсыть, у ддсталь—вдоволь.
Ду̇ить, придули̇ть—дуетъ, задуть.
Дявдччій—дѣвушкинъ.
Дѣдичка—уменьш. слово отъ дѣдъ.
Дрѐнь—дрянь.
Дѣдинь—старикъ, дѣдъ.
Даўждн̇ъ—долженъ.
Ды̇хать—дышать.
Дастё—дадите.
Дяржи̇тца—держится.
Ду̇мшій—дучшій.
Души паслушаўши бить = изо всей силы.
Дрыжи̇ть = дрожитъ.

Е. Зъ етимъ, зъ естимъ—съ этимъ.
ёю, зъ ёю—съ нею.

Жардта—жаръ.
Жарёха — жареное изъ рёбръ свиньи.
Жардьё—жерди.
Живаты̇—plur отъ животъ: „подвело ему животы“.
Жи̇ренъ, жирува̀ть, жиры—кормиться на волѣ.
Жизлдмъ (Е. У)—жезломъ.
Жі̆ўнысть (при жі̆ўнысти)—жизнь.
Живитё—живете.
Жэнщина, у жэнщини.
Ждраў, жарава̀ журавль.
Ждлудъ, жалу̇дъ, жалуда̀—жолудь.
Жѐрствуить, жѐрства—жертвовать.
Жи̇вым—живой.
Жу̇да—жгучая печаль.
Жарёбъ, жѐрибъ—жребій.
Ждный—каждый.
Жѐрдьдю—жердью.

Зача̀тіе, съ зача̀тію вѣка—начало, возникновеніе.
За̀мистъ—вмѣсто.

Забиждȁў—обижалъ.

Завѝстуить хазяйкыю—зависитъ отъ кого.

Зайстрѝлъ—заострилъ.

Звярьё—звѣри.

Зладѣіў, злȍдііў—(genit. plur. отъ злодѣй).

Зȅмельна—(много земли).

Зазвизжѣть—(ѣть... ать).

Звястѝть—увѣдомить.

Запяю—запою.

Зȍръ, зярȍчикъ = просвѣтъ въ лѣсу.

Загнѐтка – мѣсто въ печи, гдѣ остается зола, уголь.

Збȁвить; нпр. съ свѣту—убить, умертвить.

Зȍлъ = золъ.

Здарȍў, здарȍвинька вамъ — здравствуй!

Зȅрнушка—золъ.

Запȁзуха ср. пупрȁнникъ (вмѣсто прянникъ, какъ и за пазуха вмѣсто „пазуха“).

Засилѝть—зацѣпить.

Забȁвитца--замедлить.

Заўсягды—всегда.

Заклȁчиння—заклятіе.

Здȁлику—издали.

Зȁмистъ—вмѣсто.

Займȁитца—занимается.

Зачиніў—затворилъ.

Заѣмши—(м. вмѣсто в. въ причастіи).

Запрастѝлъ—Запретилъ.

Застȁлась – осталась.

Змустѝлъ – соблазнилъ.

Затанўли—утонули.

Знатѐцъ—Знатокъ.

Зварцȁть—(о дѣйствіи рвоты на человѣка).

Займȁть—занимать.

Зле одно дѣла – (ради одного дѣла).

Зачаў—началъ.

Зьяить,—блеститъ.

Зазьяў—ять (о соколѣ).

За распоряжатца (за распоряженіе).

Зацкувȁў—(сталъ травить собаками, наускивать ихъ).

Змія – змѣя.

Зачапѝть—зацѣпить.

Зялѣзный—желѣзный.

Зварȍтъ, возварȍтъ—возвращеніе.

Загавȁрію—заговариваю.

Заўрядѝть—повредить.

Заўжда—всегда.

Зблышѝть—сказать неправду.

Злȍдіи—злодѣи.

Звярьё дикіи – mon. plur. отъ звѣрь.

Заклумитца.—засуетиться.

Зрȁдить—испортить, повредить.

Злучȁй—случай сглазить.

Здэсь—здѣсь.

Змѝрный—смирный.

Зȁмыжъ—замужъ.

Икȁнъ, на икȁни—океанъ.

Ищȁ—еще.

Иминня—имя.

Ичмяню – ячмень, dat.

Ирусалимъ—іерусалимъ.

Ивангялистъ—евангелистъ.

Ивился (Росл. у.)—явился.

Имбаръ— амбаръ.

Итца — отца.
Идѐтя—идете.
Икаянный — окаянный.
Имъ и ёмъ—ablat. отъ іонъ (онъ).
Ибъ—абъ — объ.
Искить—ищить—ищетъ.
Извиняйтя — извините.

Іость, іось, есь—зл. ед. чи. отъ быть.
Што ты іость за чилавѣкъ?
Хто ты такей іось? - вмѣсто *еси*.
Іўцȁ—овца.
Іôргій (Георгій).
Іўляитца—является.
Іўсȁ—овса.

Купарѐсъ — кипарисъ.
Курнйца—курѝжка.
Канчѐніе—конецъ.
Кармазынычка — цвѣтная рубашка.
Канѐчня —конечно.
Катôрыя... Каторыя—нѣкоторые... нѣкоторые.
Кѐльня, у кѐльны — въ кельѣ.
Куплѝть—покупать.
Кôнъчіўся.
Клапатйть — безпокоиться, тужить.
Каждôдна—ежедневно.
Крямѐнь, кримнѝ—кремень.
Кырывȁть—кровать.
Кôжный — каждый.
Кучарѝ—кучера.
Красивый, у—красйвый.
Кроў, да крывй—кровь.
Кляўшйть—попрекать.

Камѝга—комья.
Канȁпея—диванъ.
Кукшйнъ—кувшинъ.
Крѐзбины—хрѐзбины.
Кургôнушикъ—курганъ.
Калаўрить—караулить.
Кіѝнъ-мôря—океанъ.
Кладйща—кладбище.
Кужурйна—кожа.
Клапатйть, клапаты — безпокоиться, тужить, безпокойство.
Каптюрь—ноготь.
Кôжинъ—каждый.
Купѐцку сыну (дат. пад.).
Катца — кажется.
Кôкыть—коготь.
Кѐлихъ— рюмка.
Кôлида— коляда.
Калидôръ — коридоръ.
Клятба— клять.

Лѐдва—едва.
Личиння—лицо.
Лйчухна—ум. лицо.
Любоў—атъ любôви.
Лаптёхъ-у—въ лаптяхъ.
Лажомшись—ложась.
Левъ — лева — левъ, льва.
Ліхъ—лёкъ—расолъ отъ селедокъ.
Лўння—кишки, желудокъ, „парвила яго лунняˮ.
Лютвȁ—литва
Лобъ—ва ўбў.
Лакôть — лактѝ.
Ливянёныкъ— уменьш. отъ левъ.
Лазбѐнь —лобъ.
Лѣшить — скородить.

Мáтца—матушка (уменьш.).

Мымши—прич. отъ мыть.
Мыйся—мойся.
Мо̀лыдня—молонья.
Мѐччу—мечемъ.
Мѐній—меньше.
Миждa соби, собѣ, мизъ сабою.
Мужьёў (genit. plur.)—мужо̀ў.
Ма̀тирь, съ ма̀тирьрю—звать.
Мястѝна—мѣстечко.
Мала̀табойца—кузнецъ.
Мужучки̇ —мужички.
Магѐть, магўть, магѝть —можетъ.
Малато̀къ и бѐрдушъ (оружье богатырей).
Маланья̀—молонья.
Мущѝни (dat.)—мущина.
Михайли (у) genit.
Мѐччимъ (ablat.), съ голымъ мѐччимъ—отъ мечъ.
Мѐчимъ—мячо̀мъ — (ablat отъ мечъ).
Махтурычка—маленькій горшечекъ.
Моспа̀не—господинъ (зват.).
Мамъ (зват.)—отъ мать.
Матымъ, благимъ матымъ кричѣть.
Мало̀ки plur.—молоко.
Маха̀и махѝ—(мохъ—plur. nom.).
Мяртвы̀хъ—мертвыхъ.
Мыить—моетъ.
Моўчинька—молча.
Мхахъ, маха̀хъ—plur. ablat.
Мища̀нь (genit. plur.)—мѣщанъ.
Музданўть—ударить сильно.
Мидвянёныкъ—медвѣженокъ.
Млѐшка.
Мохъ съ балотнымъ—чушь, вздоръ.
Масо̀лъ—голая кость.

Ни—не; напр. ни хачу.
Иногда не соотвѣтствуетъ ни:
Якіи бъ яны не были.
Нутрянэй—внутренній.
Нибальшѐнькій—небольшой.
Нѣскальки—нѣсколько.
Нико̀ды—никогда.
На двая̀—на двѣ части.
Нійдѣ—нигдѣ.
Найдѝть—найти.
Нико̀ды—никогда.
Никалѝ—никогда.
Нильга̀—нельзя.
Набго̀мъ, пить—пить изъ большой посуды черезъ край.
Нымастѝрь—монастырь.
Ничо̀га ни бяреть—ничего не беретъ.
Няжъ—неужели (въ вопросахъ).
Няго жъ—а то какже (въ отвѣтахъ).
Нибнакнавенный—необыкновенный.
Нѣшта—что то.
Нѐмычъ, ня сила мая.
На̀валыкъ—этажъ.
Нашнэ̀й—ночной.
Нагаво̀рь (пов. накл.).
Нутро̀ (внутренности).
Ни насло̀ў (не наговори).
Няўздо̀мить.
Ніўздаляка, ніўздалящій.
Наклѐнчивать—навьючивать.
Нѐба, да нѐби.
Начнѐтя—начанѐтя—начнете.
Найтѝть—найтѝ.
Наччў—ночью.
Назнаро̀шня—нарочно.
На̀ймитца—наймется.

Нўжны — нужны́.
На̀дыби — нужно.
Наздёръ съ — (genit plur. отъ „ноздри“).
Нихайи- пускай.
На̀христь — накрестъ.
Никая̀нный — икаянный — окаянный.
Нѣскальки. Тириз̀ъ нѣскальки ўремя.
Нивиснóй — низрячій, слѣпой.
На̀бажинъ да кóжныга — почтителенъ къ каждому.
Нѐчій — чей-то.
Ни̇щинькій — нищій, бѣдный.
Нораіў — насовѣтовалъ.

Освѣтила — освѣтило.
óпасли — послѣ.
óпадь — умершіе люди (особливо о скотѣ).

Пóчаў — началъ.
Па раю̀, у рай, у раю.
Пратѝ начѝ — ночью, предъ наступленіемъ ночи.
Присóдь — (ь-и).
Прасвѣтлый (рай).
Падóбствія — подобное.
Пильнўить — бережетъ.
Пиривинъча̀ли — перевѣнчали.
Пинавы̀хъ (съ-подъ пня).
Пришóмши — прійдя
Прашнаётца — просыпается.
Пириплула̀ — переплыла.
Приблѝжся — приблизься.
Пирапѐчка — булочка (печется на свадьбѣ).
Пазычѝть — брать взаймы.
Питиннё — идиннё — пища, ѣда.
Пиривинъчаўся — перевѣнчался.
Призвóдить — производить, причинять.
Пувара̀чаисьтя — поварачиваешься.
Прашнаю̀тца — просыпаются.
Пискляты — цыпляты.
Пая̀лся — пода̀лся.
Прóстыня — простыня̀.
Полугри̇мъ — странникъ.
Пупира̀шка — палка.
Пасашóкъ — послѣдняя прощальная рюмка.
Пакланя̀ха, пакланя̀га — челобитчикъ.
Полъ, у полъ чилавѣка (въ $^1/_2$).
Партупѐя (Перпетуя).
Пирярѣзъ — большой чанъ.
Пасматри̇ть — смотритъ.
Пирискачóмши — перескачивъ.
Панагатува̀ў — понаготовилъ.
Пóплыла — поплыла̀.
Паклóнься — поклонись.
Патури̇ть — погнать.
Пы̇рить — подзадориваетъ.
Прядіўца — прядево.
Призвёлъ — причинилъ.
Плаждэнііў — gen. plur.
Пакладина — положено.
Пакѐлича, паку̀ль — покуда.
Прѐжда — прежде.
Пойдимъ — пойдёмъ.
Падшолъ — подошёлъ.
Падгатува̀ть — подготовить.
Прагли̇тить — проглотить.
Прибрази̇лся — преобразился.
Прѐжда — прежде.
Павутѝна, пивучи̇ння — паутина.

Пайграў—пошутилъ, натѣшился.
Пamрète—помрète.
Пойдимъ, пойдить—пойдетъ.
Прибстѝть—пріобщить.
Пòпилъ, пипялѝще—пепелъ.
Патòнють—потонутъ.
Прасѣдіў—прослѣдилъ.
Пèтръ—Пётръ.
Пòшли—пошли.
Пазайстрина—заострены.
Платèмши—платя.
Пригутувàный—приготовленный.
Пѐра—перо.
Паѣхыля—поѣхали.
Пèрва—сначала, сперва.
Пупадьдя—попадья.
Пролыбка. } прорубь.
Панаўка. }
Паслухмяный—послушный.
Патихèньку—потихоньку.
Падядѝть—поворожить.
Притулѝтца—спрятаться.
Пріабстить, прибстить—пріобщить.
Падивѝ—сглазить.
Падядѝть—поворожить.
Пòсадъ—садить невѣсту на посадъ—садить на повозку къ жениху.
Пасѣживать—(отъ сидѣть).
Праваждàить—провожаетъ.
Паўзўчихъ—ползучихъ.
Падкўрить—подкурѝть.
Пупугàлися—пупужàлися.
Папўгъ—шпугъ.
Прòжирь—добыча хищной рыбы.
Пріукрàсный—прекрасный.
Пириганять—пересказывать нѣсколько разъ.
Прòпитъ—пропитаніе.
Пиряпѝръ—береста, трепещущая на вѣтрѣ.
Пирятёпы—пересуды.
Пищѝна—пища.
Прымàть—принимать.
Прѝтка. Атъ прѝтки и атъ прѝтча.
Прирòда. Прирòдэкъ (им. пад. почти не употреб.) съ прирòдку.
Пупирядѝть. Пупирядіў таво дни идить—поспѣшилъ.
Пèрша—сперва.
Пèршій разъ—первый разъ.
Пò шта—для чего.
Плàмя—атъ пламини, атъ пламя.
Пупаўскòчили—вскочили.
Пазыкъ—заёмъ.
Паталочина—мостница въ потолкѣ.
Пòштуить, пòштувать—угощать.
Привагромный огромный.
Пòсадъ—разное добро, разныя вещи.
Пятрòкъ—уменьш. отъ Петръ.
Пòйдить—пойдетъ.
Пòтэмъ—потомъ.
Платѝ genit. съ платѝ.
Пиряпèчка—пирохъ.
Пріўзышòлъ—превзошелъ.
Пріукрàсный—прекрасный.
Прамèзъ, прамизъ—между.
Пахвàлъ (Е. у)—похвала.
Праглытѝлъ—проглотилъ.
Пòлэкъ—на палкў—на полкѣ.
Пирщàтка—перчатка.
Паталòка—потолка.
Пайзволь—позволь.

Прати—пратіў—противъ.
Пасякѝть — пасякѐть — (будущ. отъ посѣчь).
Пиригакя̀ть—разсказывать вторично, повторять).
Пусудѝна — посуда.
Прять—пря̀чуща – (прять прядущая).
Прапа̀длый—пропавшій.
По̀минки—поминки.
Пиря̀йдить—перейдетъ.
По̀нисъ—понесъ.
Прѐжда—прежде.
Причу̀лась—послышалось.
По̀чали—начали.
Пойдимъ—пойдёмъ.
Пабры̀скай—побрызгай.
Пиряска̀чіў.
Пиридасѝ—передать.
Племя. Якого ты роду и племя?
Плямѐнница—племянница.
Пылъ—мука.
Пара̀. Са ўсей пары̀—со всей силы.
Прѝвыдицъ.
Пракаўзну̀ть—прокатить.
Присто̀ить — остановиться, постоять.
Пиряхщо̀ный—перекрещенный.
Паавёў—повелъ.

Ра̀дая, радо̀сая—веселая.
Разнузда̀ть—разуздать.
Ро̀ту, къ ро̀ту, отъ ротъ.
Ру̀мка—рюмка.
Рѝзьскій—рижскій.
Рюсть—ревѣть.
Разнапѐрый—(ѐ—ё).
Ру̀на (жен. род.).

Разгу̀ль—разгулъ
Рейскій—гуменный.
Ра̀да—совѣтъ.
Ра̀итца. } совѣтоваться.
Ра̀дитца. }
Ретиво̀га сѐрца.
Распращалисотка — распрощались.
Раздялѝмъ—раздѣлимъ.
Раждо̀нъ—рождёнъ.

Сакрача̀ю—укрощаю.
Сы̀ня—vocat—отъ сынъ.
Спо̀лнить, суполнить—исполнить.
Стѐрпъ, стѐрпу нима—терпѣнье.
Смирдя̀чій—вонючій.
Смо̀радъ—смрадъ.
Свѣтка—свидѣтель.
Спрасо̀нку—спросонья—не оправившись отъ сна.
Стра̀тить—погубить.
Святэ̀й—святой.
Смярётный—смертный.
Супратѝ—противъ.
Сѐрибра—серебра.
Слязмѝ—слезами.
Спусташѝть—опустушить.
Сирдува̀ла—сердилась.
Съ—зъ.
Съ ею, зъ ею жаніўся.
Самаѐ (accus отъ сама).
Сапѐль—сопли.
Сару̀хъ (зват. отъ старуха).
Суита̀—споръ.
Су̀дыкъ—(сутокъ).
Сѣвалка.
Спастѝть—спасти.
Сёмый.
Сѐрца—сердце.

Спажить—похитить.

Сѣвня—сѣвалка.

Свае́й—своей.

Су́валка—„костра“ отъ пеньки, льна. Перезрѣлыя волокна посконней (мужской экземпляръ конопли—„пасконни“) и ломающіяся.

Скатерётка—скатерть уменьш.

Сухавѣица—„вѣтря́ная погода бизъ даждя—ядриная пагода; сухая мятелица идеть—снѣгъ мятеть. Сухавѣица“.

Сдрагну́лъ—дрогнулъ.

Слабо́да—свобода.

Синато́ръ—сенаторъ.

Сла́дкій, сало́дкій, салажѣйшій.

Сасѣди, у сасѣдіу́.

Самлюва́тца—сомнѣваться.

Смѣшна—смѣшно.

Скве́ртца, скварётца—пищитъ пронзительно (о птицахъ); 2) о непріятномъ разговорѣ людей.

Слишный—прекрасный.

Сза́ду—сзади, позади.

Сухе́й—сухой.

Стыя́ўши. Тамъ стыяўши 12 апосталыў, и кала ихъ ишло 12 сястрицъ дявицъ.

Садиржа́ить—закричаить · содержитъ.

Сто́шникъ—сто́шница—источникъ.

Спасэ́ніе—спасеніе.

Схаро́нитый—похороненный.

Сынаўё—сыновья.

Сте́рпіў—вынесъ.

Сагласи́сьтя—согласишься.

Супоўнить—исполнить.

Схватаў—схватилъ.

Ско́рысть, у ско́рыстихъ—вскорѣ.

Сто́ла са—со стола́.

Спахве́й, сбитца спахве́й; 2) спанталыку—лишиться состоянія, подъупасть; 2) лишиться разсудка.

Систра—сестра.

Са́нни—сегодня.

Скаварода—сковорода.

Сурдо́цы—дѣйствіе человѣческаго глаза на людей и животныхъ, по народному повѣрью.

Сярёдина—спина.

Сакрушить (въ народн. загов. „сакрушить небо и землю, также лихорадокъ-трясовицъ“).

Старина́, старану.

Сильнамо́чій—сильный, могучъ.

Спраўдить—сказать правду.

Сблышить—сказать неправду, вздоръ.

Су́дыкъ—сутокъ.

Съ. и-съ сынымъ.

Со́пухъ—мѣсто на печкѣ, куда кладутъ дрова.

Суда́—сюда.

Спакусить—искусить.

Спа́сенье—спасенье.

Сынато́ры—сенаторы.

Сваёмъ объ—также абъ свайимъ.

Силёпъ—силипать—глотать жидкое кушанье—супъ, крупеню.

Спагубить—погубить.

Стальница—брусъ, что поддерживаетъ потолокъ—„подмостники“; доски, образующія потолокъ—„стольница“.

Схватаў — схватилъ.

Скдльки време—сколько времени.

Святдцъ—разщепъ, куда лучину вставляютъ —обыкновенно желѣзные клещи.

Слага—бревно, шестъ.

Сдрцамъ крикнуть—съ гнѣвомъ.

Трёмя, трёми—ablat.

Тряпичйть, тряпдччить — трепещетъ.

Трипдзывать, тряпдза, трипдза.

Тоя—то.

Тэй, тдга, тдму, тагд, тымъ, абъ тымъ; тыи, тыхъ, тыми, абъ тыхъ.

Та, тэй, тэй, ту, тае, абъ тэй, тыи, тыхъ, тымъ, абъ тыхъ.

Тдльки, тдльки што.

Токма—ня токма што.

Три раза, три разы́.

Трай сўдыкъ.

Тдмарь, тўмарь—богачъ.

Тўлува—туловище.

Твитдть, твитйть—цвѣтетъ.

Тйхинько, патйху—тихонько.

Трджды (Бердибяки, Е. у.)—трижды.

Тавдрыши—товарищи.

То царства, тэй змяйный горадъ.

Талкануў и таўхануў.

Трдбаить—требуетъ.

Трисянйца—лихорадка.

Тдрькаить—торкаетъ.

Тавдрышка—подруга.

Ткдть, ткачуща—ткетъ, ткущая, способная ткать.

Трдбаить пувинчатца—требуетъ.

Трдвуръ—трауръ.

Трдичи—трижды.

Тдды—тогда.

Трипятйничка—береста.

Татюль—уменьш. отъ Татьяна.

Таўхануў см. талкануў.

Ужў—уже.

Угджій, угадйть — пріятный, угодить.

Унистджить—уничтожить.

Устрѣча, устрикдть—встрѣча.

Умрить—умретъ.

Урдми (genit.) отъ время.

Ужасна—ужасно.

Уряждд, урижда—вредъ.

Усѣ 12 Ивдныў.

Ульяндя.

Упирлйвый—упорный.

Умёрли.

Узжалѣўся—сталъ жалѣть.

Ужахнўўся—испугался.

Умримъ—умремъ.

Ускдчіў—вскочилъ.

Уплутдтца—запутаться.

Уружаитца—собирается.

Уватнять, пуватнять—отпять.

Угйнуть—сгйнуть, пропасть.

Упратйўникў—врагъ.

Ускдчить—якъ—вскочетъ.

Увѣтліў—привѣтливъ.

Утдить—утаитъ.

Хворь—болѣзнь.

Хвартўкъ—фартукъ.

Худабд — худая година, несчастье.

Хвароба—болѣзнь.

Хи̂тращи—хитрость.
Хлапе̂цъ—мальчикъ.
Халостый—холостой.
Хва̂брый—храбрый.

Цалмыкъ—пуцулуваў.
Цыцки̂—грудь женщины.
Ца̂рю, ца̂римъ—дат. отъ царь.
Цинува̂ть—цѣнить.
Це̂рьква—церковь.
Цулува̂нникъ—цѣловальникъ.

Чимъ—чемъ. А чи̂мъ, а чомъ.
Чепъ, чипа̂ть, чапа̂ть—цѣпь.
Чи̂мъ-ся—чѣмъ.
Чуднэ̀й—удивительный.
Ча̂рства, ча̀рствія—царство.
Чинить, чини̂ть поля — (богатыри создаютъ поле предъ сраженіемъ—мѣдное поле).
Чарѐдъ—очередь.
Чіѐ лошать и сабака—чьи.
Чура̀къ—палка.
Чисто̂ поля.
Чатыри угалочка, Е. у.
Чимъ (тв. п.).
Чвэ̀ртка—чвертка.

Чу̂ду (accus.)—чудо.

Шаво̂литца. Шавали = ѣшь (въ переносномъ значеніи).
Шметьтя—шматьтя.
Ша̂бля—сабля.
Шерстю—шерстью.
Што—завуть, што Иванъ Бизщастный—„што“ указываетъ на чужія слова.
Шію—за шію—за шею.
Шіють—шьютъ.
Шу̂пить—понимать.
Ше̂пчить—шапочить.
Шклянно̀й—стеклянный.
Ширакі̂стый—широкій.
Ширъ шеренга.
Шивальнуу̂ся.
Щипчи̂нникъ—колючій кустарникъ.

Юнуша (accus.)—юношу.
Яркыхъ—яркихъ.
Яѐчикъ—яицъ (genit. plur.).
Яблами̂ть—обламить.
Яблита̂ть—обломить.
Яно̂—оно.

Бѣльскій уѣздъ, Шоптово.

Алгала—лгала.
Аддалба̂ла—аддіу̂бала.
Атвича̂ть на хазяина.
Абтира̀льникъ—полотенце.
Ангиль—ангелъ.
Асѣнялъ—асѣнилъ.
Абапалъ—также и въ См. у.—съ двухъ сторонъ.

Астау̂ши у атца адны клешни.
Атказать на отца (аткузать въ С. у. безъ предлога съ дат. атказать каму).

Бальша̂къ—бо̂льшій братъ.
Бо̂дра адѣу̂шись—красива, нарядна одѣвшись.

Байсьтя—бойшься.
Быўши. Патомъ іўляитца ина, яво быўши жина.
Братя—братья.
Бліять—блеять.
Болазе (какъ и въ См. у.).

Великòдную.
Всинòщную.
Вирьхоўя (спусканый лёнъ).
Ватцоўскій.
Выть—вить, вѣдь.
Вага—бревно.
Вàлю дать.
Времи (genit.).
'Вина—Авина.
Ваиватца.
Выжить—выжечь.

Гласи́ть—вѣщать.
Гнилѐтьтя—гнилая часть бревна.
Грунтъ—бумага, документъ.
Грѣшнике (accus.).
Галстукъ—галстикъ.
Гаварить—гаворить.

Двòрэкъ—дворъ.
Дохтаріў } докторъ.
Дòхтаръ } докторовъ.
Двинàцитимъ двирямъ, за.
Дрàстуй—здраствуй.
Дрюхъ любезный.
Два. Я два видилъ какъ пробижяли.
Далòжьтя—доложите.

Ей—надъ ей.
Ево—на ево—на яго.
Естьимъ—зъ естьимъ.

Есь—есть.
Емъ у—въ немъ.

Жòраўля.
Жòравъ (жòраў).
Жòстка ѣдишъ—ѣшь грубую пищу.
Жѐрствую—жертвую.
Жалѐзный—зялѐзный.

Зитѝ—зятья.
Зятѐ мае.
Закричàли—закричѣли.
Захрибѐтникъ—отецъ или дѣдъ, не могущій работать въ слѣдствіе болѣзни или пожилыхъ лѣтъ и находящійся на попеченіи сына, внука или зятя.
Забàхать—убить.
Звярьѐ accus. Біў разныя звярьѐ.
Звѐри двѣ—два звѣря.
Змиртвѝлся—помертвѣлъ.
Зосчичу́—защищу.
Зялѐзнымъ—желѣзнымъ.
Зимлитрисѐнія—землетрясеніе.

Ищѐ—ещѐ.

Іѐ—сѐ.

Клешнѝ (нога по самый заднiй составъ у людей и скота, и—клюшня).
Кашòлка—корзинка.
Кàжный—кòжный.
Кричать ва весь горатъ.
Калòдья—калòдьдя.
Кутній угылъ—кутъ.
Кишкàмъ. Ablat. plur.

Кȯнскимъ—кȯньскимъ.
Крыкать (о крикѣ ворона).
Кримсȧла (огниво).
Кремашȯкъ (уменьш. отъ кремень).

Лошадя̀ (nom. plur.).
Лижйть—ляжйть.
Лѐтить—летитъ.

Мижи сибе, мизъ собе, прамежъ собѣ.
Маладйца—маладуха.
Мущина. Ли мущина пакорна баби, ли баба мущини.
Майка - шалашъ на баркѣ.
Мечи—два мечи.
Мȯсить--можетъ быть.
Мѣста. Есть адно мѣста.
Мысȧтъ—мысȧтикъ.

Нѣпръ } Днѣпръ.
Нѣпа } Днѣпръ.
Надіѐть--надѣваетъ.
Ніуvѣга--невѣжа.
Несйть, несȯть, нясȯть—несетъ.
Ни наймите—не найметȏ ли.
Ніабнакнавенная — нибніакнавенна—необыкновенная.

Пачирка—падчерица.
Пренеси—принеси.
Плюхать — болтать, нести вздоръ.
Пражилȯй—пажилȯй.
Паказалась ни ў лицȯ (ня ў носъ).
Притварить ворынымъ—обратить въ ворона.
Прахаждȧй—проходимецъ.
Писать подъ каго—за кѣмъ.
Подзѐміе—пу падзѐмію.
Прикрасный—прекрасный.
Прихмать—вредъ, препятствіе, происходящіе отъ заклятія.
Пріўзашолъ—превзошолъ.
Пȯчали—начали.
Пȯбивалъ—побивȧлъ.
Пайгры—музыка.
Палитѣлъ—полетѣлъ.
Побивȧю—пабиваю (См. у.)—побиваю.
Прамоучȧлъ—прамоўчилъ.

Раўнйть—дялить.
Рябȯю—рябую.
Рѣпы—къ (dativ).
Развирнись—развярнись—развернись.
Разжȯгъ—разжегъ.
Ривѣть—ревѣть.

Снувȧть—бить. П. (См. прятать въ перенос. знач.).
Саракавйца (бочка)--саракавуха.
Сикȯть—сякȯть.
Споръ дѣлать—порить.
Сидйть—сядйть—сидитъ.
Сусѧ̀дихъ--у сусѧ̀дихъ—у сосѣдей.
Спины на (предл. пад.) — на спины.
Сȯпка—кочка; на сȯпки.
Сабака етый, masculini generis.
Стȧдникъ—пастухъ.
Симяноў купить—купить сѣмянъ.

Састрикàлъ — сустрикалъ — встрѣчалъ.
Стражѐнья — сраженіе.
Смдтрить, сматрйть — смотритъ.

Трипѐзывать — трапезовать.
Таварищчймъсъ — товарищемъсъ.
Требувай — повел. накл. — требуй.
Тирибить — Тирябить — пер. зн. бить. Ударили вотчину тирибить.
Топишься — тописьтя.
Трдожжи — трижды.
Трдуръ — трауръ.
Тетевйна — листья въ стеклѣ.
Ти ни тигаить ли яѐ хто? — Ти ни тигаить яѐ хто?
Тоӣ — то.

Убаявши - таго.
Упунилась — упулилась — устремили глаза.
Ударить свае мысли — утвердиться въ какой нибудь мысли, принять извѣстное рѣшеніе.
Узлитѣлъ — узлятѣлъ.
Узялся — узялся.
Умѣстихъ — вмѣстѣ.
Убаялся — убаялся.

Хулудѐцъ — хворостина.
Хддичи — ходя.

Цопъ — отъ цапнуть.
Цану дѣлать — условливаться о цѣнѣ.

Шіи — шіи (См. у).
Шарпъ — шарпъ, шорàхъ.

Щукреныкъ — щученокъ.

Яѐ — яе — сѐ.

Село Пречистое Духовщин-скаго уѣзда.

Асирцàли — осерчали.
Атшибъ — отъёмникъ.
Арвàнь — оборвышъ.
Адалйтца — удалиться.

Цатвярыхъ — четверыхъ.
Цатыри — четыре.

Крицйть - кричитъ.
Кажухъ — чалд — (сводъ въ отверстіи печки).

Хдцить — хочетъ.

П. На пецы — на печи.

Узнялся итить — пошолъ.

Бурдѣть — шумѣть.

Т. На три года.

Угдръ (угорь — рыба).

Закачивать хату. (Запоталочивать).

Лягушка—люгашка.

Хрухты—фрукты.

Есть.

Хто ты такая есть?

Я есть Судья Правидный.

Малджи молодыя зарости, молодой лѣсъ.

Г. На гваздў—на гвоздѣ.

Село Иньково Порѣчскаго уѣзда.

Х. Съ хiтрыстими = съ хитрыщами.

Хляўнiкъ, хляўница (эпитетъ змѣи въ заговорѣ) въ.

М. За мхи—см. махи.

Атрыхъ, пакрятъ—возвращенiе.
Атвидитя—отведете.

Падкурчѐжный — (водящiйся подъ курчами).

Кониимъ—(dat. plur.).

Вирятѐница (эпитетъ змѣи, въ Б. у.).

Смоленскомъ уѣздѣ названiе рыбы)

Р. За ржаўцы патопы—за болота, покрытыя ржавчиной.

Урöцы — суроцы — „призоръ“ очесъ“—сглаживанье.

Ч. На чöмъ—начимъ.

№ 4.

Разсказъ Матрешки Антоненкавый а сваей жисти.

1) Дятйныя годы.

Малинькіи, паночикъ, были мы хитрувàты. Якъ бывала на мяльля выйдимъ, и ўсё гавòримъ:

—„Мой гòрадъ,
Мой гòрадъ!
Я на гòради стаю,
Калачики прадаю!“—

И пихаимъ одна другую съ горада.

Приходють мальцы:

— „Нашъ горатъ! Ахъ, вы, чирипахи!...“

Турнуть насъ — и бягимъ мы па возиру, якъ каторыму видна.

Тады будимъ бѣчъ, а пòтэмъ сами сабѣ:

— Зачимъ мы будимъ бѣчъ етага карнаухыга?!

— Карнаўхій, даўганосый, тупаносый, криваногій, криваротый!—

Усимъ хвамилію наложимъ, и начинемъ мы на кулачики, да и атў мальцыў съ горада. Ипять яны за насъ примутца, мы на ухотъ. Ипять жа мы узбигаимъ на мяльля,—мальцы за нами. Начанемъ ипять на кулачики.

— „Ну, стойтя, досыть—будимъ на миръ!“—

Запяемъ пѣсню на расходъ, идѣ каму ночку начувать:

— „Краснымъ дѣвушкамъ на тѐримъ,
А робятушкамъ на с.....!“

— А ды вотъ якъ вы намъ? -

Тады мы изнову ихъ дражнимъ:

—На паповыи лазни дымъ казломъ,
За рибятами чортъ зъ ражномъ,
А за дѣўками попъ съ хрястомъ...

Ипять у насъ валка тады. А то:

— „Квачъ бильмачъ,
А уси квачи бильмачи,
Адинъ я нѣ!...“

А то:

— „А йшла свиньня пу бару,
И рвала траву—либяду;
Друженьчики—бярвеньчики,
Я шишіў, а вы вышіў.“—

Вотъ и застанитца идна.

Якъ купаимся, кричимъ:

— „Каза̀, каза̀, дай малака;
Кузнецъ, кузнецъ, дай дёхтю!“—

Нѣскальки ашмётакъ зачепимъ, запрягемъ, связёмъ у поля, сложимъ ихъ, якъ гной, и пяёмъ:

Паѣхыли, паѣхыли:
Хто пражѝра,
Хто пражарёныкъ,
Хто жлўкта,
Хто га̀нецъ,
Хто карыта...
Стой, дубина!...

Што ты ѣдишъ, дубина, у катку?

Хто несмысиль, тэй сматрить, а хто и панимаить, што катокъ бизъ дубины (оси) ни бываить.

Хто наслѣднію клёцку съѣсь, тòга у барану качать.

Пòтэмъ разсорютца:

— „Не хади къ намъ на дворъ: я тябе сабаками зацукую.“—

— Ни баюсь я сабакъ.—

— „Я батьки скажу.“—

— Ни баюсь я твайго батьки.—

— „Забаисьтя, якъ хахолъ надьметь.“—

Забралась я разъ у макъ съ братымъ, а іонъ, братицъ мой, и малинькій, и картавый, іонъ яще щиплить макъ, а я ужу досыть; хажу, да кричу:

— „Хади скарѣй двору—а то увидють!“—

— Падажжи, падажжи, Маерёска: во яще макъ сядить, во іонъ! Ого, го, Матрёска, во скольки нарвали.. Яще няўсё!..

— „Хади скарѣй, мышъ — велій другимъ разымъ сходимъ.“ —

Якъ мы придимъ двору, большіи и спрȁшіють насъ, аткуль мы набрали маку и гароху. Я ни сказала, а маханькій братицъ атъ чистыга сердца усё разсказаў: „тамъ еще іость, вичаромъ ящо туды сбѣгаймъ съ Матрёской, ящe болій нащипимъ“.

Забяретца малый у гародъ, хозяинъ ловить яго, ловить, да и лавить яго баитца—іонъ отъ хазяина па канопляхъ хуваитца и канопли топчить; дагонять яго — ящо болій пакомсить канопли. Ужу хазȁинъ хатѣў яго за ручиньку схватȁть, — іонъ ипять шархъ у канопли.

Тэй хазяинъ:

— „Госпади, твая воля! Што тутъ дѣлать?! Хади ка мнѣ, душичка дѣтычка: я ящe табѣ болій гарошку падщиплю на рубашичку, зайди ка мнѣ“...

— Да ты жъ пасякёшъ!...

А то зайдимъ мы на гумно, на хливарычикъ, тамъ ли лошади усигда будить дёгать.

Во напали дихтярку—квачъ вонъ, и кожная бернушка мазать. Приходить дѣдъ.

— „Што вы надѣлали?! во золатари, такъ золатари! яжъ возьму крапиву, да пасяку васъ“... Мы у канопли...

Мы якую штуку ящо удрали... Вылазилъ дѣдъ пчолъ наначоўки и поставилъ въ амбари. Мы пасабрали къ сабѣ другихъ дятишикъ: дячаковича, да Ганну, — знаете Ганну Артемыўну.

Миску узяли, меду наклали; кулпанію собраўши, за столъ сѣли. Дячковичъ у етый кулпаніи. Пріизжаить дѣдъ изъ поля.— Мы пируемъ.

— „Ну, што жъ вы, дѣтки, ета дѣлаитя? Хто жъ вамъ мядку далъ?“

— Сами узяли, дѣдичка.

— „Ну, што жъ зъ вами таперя дѣлать? Якоя вамъ наказанія налажить?—Медъ етый паѣсьтя!“

Мы ѣсть етый мёдъ (дѣдъ нашъ надъ нами стаить) — ня сила наша яго ѣсть: мы давай яго падъ столъ брасать.

Дѣдъ нашъ и гаворить:

— „Ну, ѣсьтя жъ, ѣсьтя, штобъ паѣли!...“

Паглядить падъ столъ: мы падъ столь яго набрасали. Мы мижда собе засуятились. Тады дѣдъ ипять гавдрить:

— „Хто махаить падъ столъ—ета грѣхъ!“

Мы на дячковича:

— „Ета етый даўгагривый махаить падъ столъ“.

Дѣдушка гаворитъ на дячковича:

— Иванъ Василичъ, такъ нихарашо дѣлать: я твайму батюшки скажу...

А, дячковичъ плачить, просить ни гаварить. Тады мы што дячковичу етыму здѣлали? Засадили яго у букъ, давай яго качать—іонъ кричить. Закачали мы было яго.

Хто-та намъ - ужъ ня помню — крикнуў:

— Што вы дѣлаитя?

Такъ мы и разышлись: дячковичъ пашолъ сваей дарогый, а мы сваей...

Таперича вотъ идѣ гумнища, тамъ садъ былъ бальшей—вишанникъ; паспѣли вишни и стали такея—ажно чорныя, причорныя. Я была ладная ужу дѣвачка, а систра мая паменій, да ящо Степашка Маркина, да ящо мальчикъ—и забярись мы у вишни, и ни замѣтили, што баринъ, вашъ дядуня, паўзѐть къ намъ. А у дядуни вашига былъ сабака Балабовъ (бальшущій у няго ищѐ былъ такей калтунуватый хвостъ); Балабонъ забрехалъ на насъ.

— Балабонъ, Балабонъ, што ты на насъ брешишъ, Балабонъ?

(Балабона мы харашо знали).

А тутъ глянь—ажно и самъ баринъ усталъ пиридъ нами:

— „Ну, малинькіи, идитя за мною!“

Каторыи паболіи, тыхъ іонъ узялъ за рученки и павѐлъ за сабою.

Мы идемъ, а баринъ вядеть насъ по саду, у горницу увѐў сы парадныга сы крыльца у залъ. Печка у зали была такая красивая, кафельки у етый печки такея нарядныя.

Мы и разсматриваимъ, што усѐ тутъ такъ харашо, пригожа.

Приходить барыня (чарствія ей нябесныя!), а баринъ ей гаворить:

— „Тоська, палавилъ я дятей у саду!“

— Што яны у саду здѣлаютъ? Ты ихъ нейди перипужалъ... На што ты ихъ пупривѐлъ?!

Вотъ баринъ гаворить:

— „Я васъ буду сѣчъ!...“

Якъ справили мы гукъ у зали етымъ; тэй гаворить: „я ни щипалъ!“ И тая—„я ни щипала!“ Баринъ гаворить: „нада бъ задать и маткамъ!“—А барыня:

— „Ну, ужъ поўна табѣ пужать ихъ! Ти спужались вы яго?“

— Нѣ, ни спужались, а спужались сабаки Балабона!

Баринъ смяетца. Барыня намъ сахарцу дала, и пашли мы двȯру такея радыя, што минула насъ граза.

Идёмъ пирящитымимъ вишни и сваримся мижда собе.

Якъ пришла я двору, матка мая якъ забрȯнитца:

— „Чаво у вишни лѣзла? Мнѣ супрати барина и барыни совисна, што ты такая сваяволка!“

За роску, да за мяне.

— Мамычка, баринъ и барыня знають, што мы у вишнихъ были...

А дѣдъ съ печи кричить:

— Паддай, паддай!

Такъ мнѣ и паддали. Потэмъ сыйшоўшись и спрȁшiимъ друхъ у дружки:

— Ти сѣкли тябе, Стяпашка?

— „Ды, нѣ!“

— А мнѣ такъ пупала.

2) Удявȯчиствы.

Я была дужа гульлйва, была бойкая, бядовая дѣўка. Была и на работу хараша, хазъ, ну, и на гульну тожа дока.

Идѣ свѣчи, крезбины, свадьба—тамъ я; пирушки-гулюшки бизъ мине ни’бхадились. Паскакать-пагулять то я, — ну, и на работу жъ ни была я „вилiя̆“.

Бывала Филиппыўцами у насъ пасидѣлки. Аткупимъ у хазяина хату за паўштохъ гарѣлки, на стискȁнни сабярȅмся, набяремъ крупы, муки, картошикъ, блиноў, пирагоў. Къ намъ придуть рибятки—ну, мы ихъ угащаимъ.

Хохатъ такей справимъ, вазню; асирчаимъ на рибятъ, прагонимъ ихъ, а то воўси у хату ня пустимъ.

Божжа мой, во ли ихъ наказанія!

— Такѐя, сякѐя, красавицы, пуститя насъ!

Ходють кала хаты и просють насъ. Ну, зжалимся, пустимъ:

— „Ну, што ужъ дѣлать зъ вами?!“

Теминь, ночъ, а у насъ стряпня—идёмъ за вадою. Ипять валка: палимъ идна у другей мычки, граимъ у жмурки, у скубкй.

Прядѐмъ ночъ, прядѐмъ другую, прядѐмъ и третію.

Мàханькая я была литами и ростамъ; ну, за маю висялость-удалость узяли мяне кумою, тольки дужа и горька, и абидна была мнѣ, што кумъ былъ кривэй.

Ирмакъ и Андрей давай прасмихать мине:

— „Съ кривымъ кумымъ креститъ,
Съ кривымъ кумомъ щигалиха!“

Я плакыть наўзрыдъ.

Хуть любила я дужа жартувать зъ рибятами, ну, нихто мнѣ ни знаравился. Ахъ, тольки бядовый—прибядовый быў Карней Якушоу.

Якъ пиряскочить съ воза на возъ,—пиримахнеть, словакъ тэй хортъ, альба гончій; ну, такей жа былъ маладцуватый изъ сябе и галузливый! Мы зъ имъ зажартувались на сѣни, да абаи и грякъ съ воза на полъ у сараи, а полъ былъ усланъ мостамъ.

Больна прибольна, да плакыть пастыдна: ета рибятамъ на гару.

Нѣ, нѣ! нихай ни дяруть кверьху насы ети пастрялы, нярушъ имъ ни патачка!

Стиснула губы и змоўчила.

Прасватали мяне за ўдаўца. Адно дѣла, што іонъ старъ, другоя, што ўдоў, третія — палавина галавы стрыжиная (іонъ, сярдѐшный, ариштантыу упустіў; хуть и ни знарошня, а три гады атсѣдіў у астрози—тамъ яго и абкарнатили).

Во горя, такъ горя, ня сѣиная и ни скарожиная—навялилась жа на мяне ніўсхадимая горюшка, ніўталимая пичаль.

Во рибятушки на сѣни кала мине рягочуть таўхàють адинъ водныва подъ бакй.

Адинъ гавòрить:

— „Палюбуйся на сваё соўнушка, любезная, якъ яно свѣтить!“

А другей;

— „Во твой дихтярь!“

Ета, вы дўмаитя, мнѣ дужа харашо была!?... Ну, тады я была молыда, тато, тэй праўды ни панимала:

— „Хуть іонъ трубачистъ,
Да душою чистъ!...“

Кривэй кумъ, жанихъ, галава стрыжиная — плакала я и заливалась па етыхъ горюшкахъ гарючими слязми.

То-та былъ разумъ, то-та разсудыкъ дявоччій!...

3) За первымъ мужимъ.

На свѣти бываить: и харошія скидаитца худымъ и худоя харошимъ, а пра харошія ни скажишъ дурнова.

Нечива Бога гнявить; харошъ былъ первый мой мужъ—ня тольки ня принила я атъ яго таўчка альба саўчка, дайжа дурнова и глупыва слова ни паслышала — сказать такъ: жалѣлъ іонъ мине, якъ рябенка, проста трёсся нада мною, якъ мать.

Ну, и я жъ жалѣла и приглидала яго дятишикъ: прихолю и пирямыю ихъ, штобъ пиридъ людями сдвисна не была. Адинъ бальнэй былъ. Мать мнѣ сказала:

— „Ты жъ яво присматривай: тябѣ совисна будить, када ты яво ни присмотришъ!“

Ну, я и приглидала яво. Дѣти за мой приглядъ жалѣли мяне, а бальной мальчикъ больши усихъ. Я дятишекъ ня била и ни бранила, была мизъ ихъ ня то, што старшая, а какъ роўница: паемъ умѣсти зъ ими пѣсни, жартуимъ, работаимъ тожа умѣсти.

Была мнѣ харашо. Дома тиха, съ сямьёй ладъ, мужъ мине никому въ обиду ни даетъ.

Адивались мы ня то штобъ багата, ну, и ня хужа за людей: дастатыкъ быў, дайжа свѣчи спраўляли.

Пріятна была, што я была хазяйкый у доми, „крышилый“— хуть маладая я, да хазяйка жъ я, а ни бабылка, ўсихъ распаряжаюсь: „и миски, и латушки—ўсё мае клапатушки“.

Другея мае таварки пупавышли замыжъ. Сийдемся умѣсти и талкуимъ пра житьтё-бытьтё. И жалкуютца уси, што таперишнія житьтё-бытьтё хўжій за дявоцкыва: парўть нашига брата; бьють насъ наши мужики биза ўсякій причины, ни наскипаўши лучины.

Хто жаны ня бьеть,
Тэй и домымъ не живеть.

Разъ я забрала сабѣ ў голыву, якъ ета мужьё дярутся. Усигда дратца ета нихарашо, такъ ни нада, а разъ нихай прибьёть, чортъ зъ имъ, нихай пагляжу, икаво дастаетца другимъ бабамъ.

Узила: кравать разграмастила падъ имъ — маўчить, каўку зъ лаўки вынила—маўчить, падушку зъ-падъ голывы вытащила, а іонъ смяетца — што ты думаишъ? да ўстаеть, бытца ужъ и за пушку примаитца, хатить троху паўчить мине; а дѣти у гулъ, потэмъ якъ ускочуть, якъ згрябли яго усѣ троя — іонъ знову хахочить.

А маладэй мужъ (етытъ вумиръ—за другова зайшла), тэй, красивый и видный, паўчіў, братъ, якъ на свѣти жить.

Во и таперь слышу въ ушахъ: дзынъ, дзынъ! бытта хто съ калакаломъ ѣдить.

4). За ўтарога мужа зайшла.

Помиръ Паўлюкъ, стала мяне забиждать Паўлюкова радня. Знаю я и то, што худоя нада вясти замистъ харошига: када затишна—и слава Богу,—такъ мадѣй, да мадѣй!

Ну, якъ ни стала силы маей тярпѣть абиды, такъ я и пашла къ барыни и разсказала ей пра своё житьтё-бытьтё.

— „Нада тябе замужъ атдать!"

Гаворить барыня (а ина, пакойница, мяне любила):

— За кого бъ?

И начала пирибирать жинихоў.

— Нравитца тибѣ Марка Антонинкыў?

Я бойкая была и гаварю пряма, што нравитца:

— „Чаму ни наравица?"

Іонъ быў бойкій, красивый, видный изъ сябе, ну, успыльчиватый: у пылў адно слова скажить, а другова ня жжи. Ну, нравилась мнѣ тольки яго красатость: іонъ быў гаразда украсивій майго пакойныга мужа.

Сыйграли свадьбу. Іонъ украсивый и видный изъ сябе вьюнушъ, а я удава, и у мяне троя дятей, и гаразда я за яго старій.

Стали жить. Вотъ Марка мнѣ и признаетца:

— „Нѣтъ у насъ сѣминъ, нѣтъ у насъ ѣминъ, што дѣлать намъ, чимъ и якъ жить?

А у маладыхъ людей умъ-разумъ расхожій: три браты, маладэя парни—хуть работники, ну, прижились такъ, што хуть на каго, призадумаисьтя пулумаишъ галоўку.

А у насъ, у мужичистви, такоя палаженія: якъ упустишъ и ни надточишъ, такъ пôтэмъ ня будишъ знать, чимъ надтачить.

Зѐрнушка за зѐрнушка. Нынишній годъ адно застанитца, а на другей гарчикъ, а на третій асминку нави намалотишъ, и старыва ища іость съ асминку.

А худабина тожа якъ варветца, дасть памити: злыдни прасились у каво та на три дни, ну, ихъ за цѣлый годъ ня вывидишь,—ня вывилъ ихъ тэй чилавѣкъ за ўсю свою жисть.

Якъ падупалъ, такъ и на вѣки запрапалъ. Якъ худабина, забудуть пра тябе и дядьки, и тѐтки, и твае близкіи родныи искôса, изъ-падъ локтя, будуть на тябе пагдядывать.

Правють усѐ и годы.

Нѣту хлѣба, нѣту и скатинки, а бизъ скатинки плахая жисть: живеть чилавѣкъ, якъ тая былина у поли: абѣдъ абѣдаў, а животъ пра то ня вѣдаў!...

Якъ стаў мнѣ Марка жалкуватца, я и гаварю яму:

— „Ты адинъ, мой Марка, у мине за хазяина: пади, разстарайся у сусѣдіў, у радни, у добрыхъ людей!“

Іонъ ни пайшоў: ти яму совисна, ти што? ни пайшоў мой Марка, сѣў и призадумаўся.

Дѣлать нечига: пашла я къ сваей раднѣ, дастала сѣминъ-ѣминъ, грячихи, іўса.

Многа нужды приняли. И тяперь помню, якъ мы кстины спраўляли.

Спрятаўся мой Марка—нѣтути яго, хазяина. Потэмъ я яго знайшла, а іонъ гаворить:

— „Ня буду звать кумоў? На што я ихъ буду звать: ти у насъ гарѣлка будеть, чимъ добрыхъ людей привѣтить, ти што?“

Матка мая тады двѣ халстины вынила и атдала:

— „Сыночикъ, мой сыночикъ, мы жъ твайму горю пумагёмъ, тольки жъ ты ни хувайся!“

Іонъ съ печи злесъ, три рубли узяў, пашоў у кабакъ, принёсъ гарѣлки; пазвали кумоў и начали кстины гулять.

Ну, якъ жили мы щитна, то стали заганять зёрнушка за зёрнушка. Радня насъ вызваляла у нужди, барыня ни кидала у бядѣ, харошіи были годы. Усёму двару я была апорый. Я раила блазнамъ, якъ што и къ чаму пригнать, приладить; идѣ што укаратить и идѣ надтачить; раила харашо и сама была лоўкая работница.

Наступила вольница, и тёмныхъ людей перестали тярпѣть, стали яны прибиватца на сваю старонушку: пришоў съ прочикъ Антипъ, старшій братъ Марки — ета намъ тожа падспорья у дварѣ.

И вотъ да чаго дастукались мы маимъ умомъ-разумымъ, маимъ стараньимъ.

Прежда не была сѣминъ и ѣминъ ни на душу, ни ў душу; была одна лошать и адна карова; — якъ разжились: сѣминъ и ѣминъ удосталь, атъ аднэй да дивятёрки лашадыкъ дагнали; пиристали мы у людей пазычатца, а люди у насъ пазычаютца. Тольки къ самаму житьтю пришло!

5) Марка войтымъ стаў.

Стаў нашъ Марка войтымъ.

Извѣсна, што войту ни такая жисть, якъ нашиму брату, асаблива у бальшей вотчини: вайтамъ и вотычка пирипадеть и угащенія, яны и бабами рядують: и старыми, и маладухами.

Серца ни каминь: хуть якей ни наесть чилавѣкъ, а, пабыўши войтымъ, звихнетца.

Гарѣлычка ня свой братъ; што красная дѣвычка, ина пріушина.

Звихнуўся и мой Марка, якъ стаў ходить пу вайтахъ. Пакуль низнама ничагеничка, тольки стала примичать: тотъ, да ня тотъ мой Марка, слоўна мизъ насъ чорная кошка прабижала.

Якъ яму ласкатца съ сынкомъ, іонъ сабѣ ласкаитца, а па глазахъ вижу, што душою къ намъ ня льнеть, ни прилигаить яго душа да свой да сямейки. Сама сабѣ думаю: што-та ниладна!

Нядобрыя чула маё серца.

Далій и далій мы болій пратіўны: ни пригалубить насъ, ни публагадарить никали, ни угадимъ мы яму ни якъ—ужъ іонъ насъ съ серцымъ атпихаить атъ сябе.

Што за акказія? Пакаль што худоя вялось у насъ зàмистъ харошига.

Тольки была разъ я на пригони, брали мы канопли. Прикащикъ узялъ мине за руку и гаворить:

— Пасматритка, Хаминишіўна, што твой милый Марка падѣлываить. Ти ни праказникъ іонъ? ишь ты!—Глянула—ажно іонъ пьеть вотку у казлѣ су маей сыпратіўницый.

Ёкнула маё серца, и забилась, и затрипитала, якъ птушка. Хуть у мине у груди во якъ прикипѣла,—ну, тады я змоўчила, стиснуўши зубы, сябе ня выдала.

Якъ іонъ пришоў, тады я гаварю:

— „А што у Паўлюковыхъ ти уси дабры—здаровы?“—

— А?! у Паўлюковыхъ?!

И давай мяне бузувать, и давай—тады заварилась тоя пива,—и ни дай Богъ ни якыму хрящоныму ня токма што пить яго, дайжа видить, якъ другіи пьють.

Дàлій вошто была. Накапали мы съ свякровый картошикъ и скоблимъ ихъ. Приходить мой Марка у шляпи, якъ тэй купецъ, разадѣтый, и гаворить іонъ:

— „Мамъ, дай мнѣ пайдàть!“—

А я падъ тоя слова:

— „Хараша жъ Улька: день прадержила, а ѣсть ни дала... Вить ты у яе былъ“... Во іонъ тады мяне за валосьтя, да выспёткымъ, и ня вѣдаю ужъ далій ничога. Посли ужъ разглѣдила я, што іонъ усё мае добрая пакаверкаў и пулумаў, сундуки мае паразбилъ и пакримсàлъ. Ашнулась и ляжу я, уся избитая, тужу ни па имъ, а па горю: у мине мать застаетца и дѣвачка. Ночь, а на дворѣ мѣсичина и видна, якъ днёмъ. Закапашісўя Марка, надѣў сапажонки, усхватіў куртенку на плечи и пабѣхъ. Якъ у тэй пѣсни пяетца:

Святи, святи, ясенъ мѣсицъ
Усяе темную ночъ!
Пашоў мой милый
Удоль дяреўни у канецъ,
Іонъ у крайній у дварецъ,
Тамъ честна ўдовушка жила.

. . . .

Ночъ свитла и мѣсичина,
Пиряходы іость.

Знову у мине Марка зъума няйдеть:

— „Крутись сабѣ! Нихай нялёхкая тябе нясеть!“—Нѣ, ня вытирпила лижать—хто-та мине слова падтаўхнуўлъ: якъ падхвачусь, коя што на сябе, што подъ руку пупалась—и услѣдъ за Маркай.

Крадусь за имъ и думаю:—„а што якъ аглянитца? Вить укинить мине у возира бурыхъ щитать, и радныи ни знайдуть, идѣ я“.—Иднача іонъ ни аглянулся, вярнулась назадъ, яго саслядіўши, и гаварю:

— „Мамъ, вы усё гаворитя, што я нясу на яго напраслину, абаду... Ну, пайдемъ.“—

Узбутуражили свою свякрову и прихажу къ чулану, идѣ сядѣў Марка са сполюбоўницый. Свякрова на мяне говорить:

— „Глупая ты! Што будимъ мы здѣсь дѣлать: іонъ тябе паложить и мяне; тутъ абоимъ намъ будить юкъ. Иди-ка ты, кали уздумала ихъ пастрамить, къ Иванывымъ рабятамъ: яны свѣткаю будуть.“

Я узлажила на чуланѣ чепъ, а мать засталась на мѣсти. Дастучалась таки у Иванывыхъ:

— Што прати начи насъ бизпакоитя? ти на пажаръ!

— „Нѣ, пажару Бохъ милуваў; а, мае милинькіи, роднинькіи, хадитя вы са мною“!

Праўда, Кастюкъ уважіў мяне, приходить со мною да мѣста.

— „Глянька, ты глянь, што я пакажу табѣ.“

— Ну, што будить?—Паглядимъ!

А што тамъ глядѣть? Двери настижъ расчинины, Марки тамъ и ни завадилась: мать яго выпустила.

А ина, псоўка, ходить па чулану, ищà прихарашіитца.

— Ахъ, ты, бестія, змія ты падкалодная, кроў мою сьтёшъ!

— „А ты битыва ищишъ“.

Я палкыю замахнулась, ударила бъ змаху, ну, кумъ Кастюкъ придержилъ:

— „Стой, кума, ни дярись!“

Ну, пассорились, пассорились; приходимъ двору:

Марка мой сядить на лаўцы, у трубучки пакуріить. Хатѣла было сказать на свякрову:

— „Вотъ, мамъ, якъ ты мине прадала!“

Пубаялась: сичасъ начанеть бить—змоўчила.

Тады да заўтрига іонъ маўчалъ—ничога, назаутрига ипять:

— „Ты каго шукàла? Чаго ты ходишъ па чужимъ имбарамъ? Каго табѣ нада?“

Пачаў трипать. Я у дымъ, на печку — тады чорныи избы были.

Сядѣла, сядѣла у дыму—хуть прападай!

Приходить на нашу сутылку Саўка (яго Бохъ принёсъ) пилы прасить:

— „Што ты ета дѣлаишъ? Ина жъ затхнетца у дыму, усимъ будить намъ плоха“.

Я тада съ печи на загнетъ саскачила, да за парохъ пракаўзнула.

Якъ пустить у мине завалымъ, завалъ такъ и ёагудѣлъ мима мяне.

6) Матрешка у прочкахъ атъ Марки. Маланьня и валаснэй пупикають Марку.

У прочкахъ была и зъ малинькимъ: святкàми чуть галаву прочъ было ни тваратіў и малинькыва у снягу затапталъ.

Приходить іонъ за мной, люльку зъ малинькимъ сняў, узяў на руки и гаворить на мине:

— „Ступай дамой!“

Гонить мине двору. Прихажу; паслали пастель, малинькыва у люльку.

Марка гаворить:

— „Я пайду на йгрища“.

(Надрыгаитца нада мною).

— А я пайду къ своимъ.

— „Ты ня смѣишъ идить къ сваимъ“.

— Ты пайдёшъ на игрища, а я пайду къ сваимъ.

Ни пашоў жа: тэй разъ нучуваў дома.

Пришла жъ Маланьня, пакойная мая сестра (вы жъ яе помнитя), стала выгаваривать яму и свякрови.

— „Якъ вамъ, сватьтя, ета ня стыдна и табѣ, Марка? Мы тады табѣ гаварили, што ина табѣ ня роўница, якъ ты яе браў—ина старій тябе; а ты даваў клятбу на сонца глѣдючи, што я яе буду бяречъ... Ажно бирягёшъ ты яѐ харашо!...

И зъ дитёнкымъ ей атъ тябе пакою нѣтути и у чужимъ дварѣ.

Ни паможить Бохъ за тваю клятбу у здароўи, што ты клятбу сваю злумаў и присигу, што ина у гори залилася за табою. Якъ ина вывила тябе на люди?!..

А якъ была у тябе худуба, вясною аблуписьтя ты хужѣй за рака пячоныга, а тяперь, якъ вывила ина тябе на люди, а ты яе вычишъ.

Ды хужъ бы у яе дитёнка ни було бъ, — дакъ у яе жъ руки абкащоны! Чимъ ты ею нидаволинъ? Ты ходишъ ни каряў, ни дирёў. Вывили мы тибе на люди, а ты еще насъ вучить“!..

Тады гаворить на свякрову:

— „А ты, старая карга, куды жъ ты глядишъ?

Вить ты прихадила разъ пять у сваты и казала, што Матрёшка будить у насъ ни абижина. Ажно жъ во якъ вы яе ни абижаитя“?!...

Пуправилась и я:

— „И я жъ табѣ, Маркъ, казала:

Што жъ ты ак мнѣ сватаисьтя? Дитёныкъ ни ўзращоный, и ты будишъ гребувать. Я казала табѣ, што ни захачу, штобъ дитёныкъ идѣ нибуть валяўся, а быў ли мине нашнэю справыю: я захачу къ сабѣ палажить яго, а ты ни захочишъ. А ты хрястился, на сонца глѣдючи:—„Я етыва ни разу ни падумаю.“— Ажно таперь, ты ня токма што ни даволинъ приваднымъ рабёнкымъ, дакъ и съ тваимъ дѣтца атъ тябе нейди!

За што жъ я етакая горюшка тярплю; што ты, якъ палачъ якей, што глянуў, то и грянуў; што я табѣ ни ўлажу ни спечъ, ни зварить, ни принять, ни падать; пускаишъ ты

на мине и пирагами, и блинами; мечишъ у мине и мисками, и ложками — ни улажу я табѣ и пу масницы прайдить?!...

Зачимъ упярёдъ у насъ съ табою была усё харашо? Чатыри года мы жили съ табою, якъ золыта важили; а тяперя и дятей нажили, и атъ дятей ты атчураўся, бытцакъ яны ни тває. Я жъ тябе ни нуждаю, каторыхъ привила, бизпакоитца абъ сваихъ — хуть ба ты ихъ ужў ни забиждаў:—дакъ ты пьёшъ и гуляишъ и съ чужими жонками и баранычки мѣишъ чужимъ дитёмъ, сваимъ жа крошички павытрисишъ съ кармана и бросишъ: якъ сабаки кусокъ хлѣба, дакъ ты имъ. За што жъ я такоя горюшка тярплю, за увесь родъ свой? Знать, за то, што я вывила тябе на люди, а ты мине вучишъ и казнишъ, якъ палачъ?!..."

Іонъ кидаитца къ зубамъ:

— „Я тябе убью, и самъ у Сибирь пайду".

Я яму атказаю:

— „Дай Бохъ табѣ етыга мѣста давидатца, куда ты жилаишъ самъ, а мнѣ, видна, атъ чаво нибуть разъ пумирать!.."

Свякрова гаворить:

— „Бойжа мой, Бойжа мой, што ты ета, Марка, уздумаў, якей ты ета дуръ на галаву сабѣ навалокъ?! Вить у васъ зайшло, што больши худога ня будить ничога!.."

А сынъ матки аткàзаить:

— „Сказаў: убью! дакъ и убью".

А я ў атвѣтъ:

— „Дакъ и я на ета пущуся—пумирать разъ".

Марка ка мнѣ; а свякрова и систра яго придержили. Тады я смялѣй ищà кричу:

— „Злодій ты, злодій! нй баюсь я тябе".

Путріў и валасоэй Марку (Муўра Тиханыўна пупрашла); пришоў іонъ тады, на печку лёхъ и, якъ добрый, уздыхаить. Ахъ, ты мой бѣдниньк̇ій!..

Такъ мы усё и били барану.

7) Аблыжная хварова. Балѣсть и смерть Марки.

Стала па ўсей нашій дяреўни качать аблыжная хвароба, стали мы мерть, слова мухи, двары наши запустѣли: у тымъ

двару хворэй, у тымъ покойникъ; у тымъ выздаравіў и знову зихвараў, а па ўторому разу узвароту ужу не была—ужи мёрли.

Аткуль навялилась на насъ такъ пошасть? знать прагнѣвали мы Бога миластивыга, и наказаў насъ Гаспоть милосерный, Царица Нябесная. Ахъ, лихабыла у ту пору: работай, да и за бальными хади, а на серцы такъ и ныить, такъ и ныить.

Пѣсенъ ня слышна, а на кладищи гудуть наши па сваихъ радитилихъ: хто па сыну, хто пу брату—и жё больши бѣдныи; заможныхъ—тыхъ Бохъ милуваў.

Съ тыхъ поръ и замялѣла наша дирявенюшка: памёрли сильныи, спраўныи работники, а атсталась адна милюзга, подскрёбушки.

Забалѣў и мой Марка. Я дужа харашо хадила за имъ, приглидала яго—выкачаўся іонъ, тольки галава аблѣзла, якъ качанъ; ну, ўстаў якъ мядьвѣдь.

Яму и гаворють таварыши:

— „Косишъ ты слова у три касы!..“

Даўжно зглазили: изнову захварѣў, мочитца у жару, па тѣлу виступили краснинькіи мѣтки; рветца изъ рукъ маихъ: пусти, пусти! такъ и пылаить такъ и пылаить. Вырваўся, выбижаў на хлѣў, развярнуў навозъ и лёхъ на лёдъ грудьми.

Падушичку разстялю я падъ павѣтими, штобъ іонъ успоўзъ; ўспаўзеть, дый ляжить. Чатыри насъ, пятая свякрова, нясемъ яго у въ избу, а іонъ ругаить насъ, самъ ничога ня вѣдаить. Во якая хвароба была!

Ачуняить, станить жалкуватца:

— „Стерпу майго нѣтути!“

— Якъ жа ты ня хочишъ атъ Бога тярпѣть?

Я жъ итъ табе тярпѣла...

А іонъ:

— „Госпыди падыми! Вѣрна, за ея ты мине и наказаў! Никада ня буду!...“

Конъчіўся.

8) Вытнйца Матрешки па мужу.

— Марычка Тимафеичъ, што ты ета уздумаў, што ты мяне нищастныю съ дитёнычкымъ здѣлаў? А я жъ думала, што я дитёнычка узращу, и ты будишъ мнѣ у пймычъ. Ажно ты скора

ȁтъ мине атказаўся! На каго мнѣ надѣитца? Якъ мнѣ свой вѣкъ давяковывать? Съ кимъ мнѣ дитёнка растити-гадувати!...

Бабы мяне утишаютъ:

— „Досыть табѣ убиватца такъ, Хамянишіўна, досыть: ета пѣсня доўга—ни разъ ища павынишъ!...“

— Ачунялъ ты, Марачка, падняў тябе Гаспоть Бохъ на ноги, а пахадіў ты посли таго трошки—и зачимъ ты, Госпади, ипять мяне сказніў: майго Марычку къ собѣ узяў? Куды жъ вы ета нашига гаспадаречка вязетя? Каму жъ вы сваю дамовычку кидаитя? Каму жъ ты мамухну кидаишъ? Каму дѣтку? Няжъ мы тибѣ уси и ня больны, и ни жалки? Зачимъ хадила я за табою, биригла тябе—тольки къ жисти самэй пришло, и ты къ намъ сваимъ серцымъ пиривярнуўся, а потэмъ атъ насъ ты атлитаў, пакинуў насъ наўсягды. Плахую думушку ты задумаў! Хуть ба біў, абы жіў! Гарькуша я бѣдная!...

9) Сунтȁ у дварѣ и дялёжка.

Ипять пайшла мая жисть тымъ жа вагымъ, якъ па смерти Паўлючка.

Пракопъ, мой девирь, быў за хазяина; плахоя была зъ имъ жила: ета стюдёный печи загнетъ, крыви ни ложки, жалысти ни крошки.

Пашоў мой сынъ Иванъ на зарабатки вяликимъ пастомъ, пришоў пиридъ Праздникымъ Христовымъ днёмъ, принёсъ хазяину пользы адинъ рубъ, а сабѣ купіў сякѣру, купіў пилу. Хазяинъ за ета узсердіўся, што мала пользы принёсъ іонъ, а праработалъ мой Иванъ тольки три нядѣли.

Ни давать намъ за то хлѣба. Ета была на святэй нядѣли.

Сами павужинали, хлѣбъ спрятали итъ мяне и атъ дятей. Приходютъ дѣти мае итъ пастоялику: Зена, Иванъ и Хрузка. Была святая нядѣля и люди клумились вокыла пастаялику.

— Што эта ти ашалѣў ты, Пракопъ: сами павужинали, а я зъ дитями и такъ.

— „Твой сынъ быў у зарабаткахъ—можитя купить“.

— Што жъ табѣ итъ сына маяво нада? три нядѣли прараработаў и за три нядѣли купіў сабѣ пилу $1^1/_2$ рубля и сякѣру

девить гривинъ съ питачкомъ и табѣ рубъ принёсъ, а табѣ дужа многа надаби.

Лягли спать мае дѣти ня ужинаўши. Пуплакали, пуплакали... Што дѣлать? На заўтрива устали, я пагнала скотъ на ранки.

Приходить ка мнѣ мая нявѣстка. Яны печки павытпили, пабѣдали, хлѣбъ спрятали—ни дають дятёмъ маимъ.

— Такъ и такъ, мамычка!

Плачуть и заливаютца гарючими слязми.

Я и гаварю:

— „Ѣўши, вы, ня ѣўши, дѣтки, а пахать нибхадима, работать нада!"

Яны паѣхали пахать ня ужинаўши, ни бѣдаўши.

Увидала Пракопа:

— „Пракопъ, што ты ета дѣлаишъ? Што ты ета маимъ дитёмъ хлѣба ни даёшъ?"

— И ни дамъ.

— „За што жъ ты такъ ни даси?"

— Вы мнѣ ни нада.

Я заплакала, пашла хлѣба даставать. Принесла крайчикъ хлѣба, патащила у поля. Принашу имъ хлѣбъ.

Плачуть мае дѣти, заливаютца. Сынъ плачить и абиждаетца, зачимъ яго зъ батькинына дома вывила.

Нявѣстка абиждаитца:

— „Зачимъ ты дольника жанила, чужую галаву завизала?"

Ахъ, Божа мой милысливый, што я принила тольки горя—адинъ Гаснодь знаить!

Такъ мы уси плакали.

— Пашитя зямельку! Нильзя ни пахаўши: бизъ сахи и бизъ бараны и царь хлѣба ни пойдаить.

Пріѣхали дамой вичаромъ. Ипять іонъ павужиналъ, а хлѣбъ вонъ вынисъ:

— „Ты мнѣ ни нада!"

Назаўтрига сходка.

10) Сходка и асмотръ Матрёшкиныга двара.

Пашла я на сходку, пакланилась міру.

— „Ну, што жъ, рибятушки, хлѣба мнѣ ни дають и зъ дитями?"

— Пракопъ, што ты ета дѣлаишъ? Ти ашалѣў ты, ти што?

— „Ды ни дамъ: яны мнѣ ни нада“.

— Вамъ жа грѣхъ яе абидить: ина вамъ дворъ нажила. Бизъ яѐ у васъ ничога не была: семира варотъ и усѣ на гародъ, таперь жа у васъ дивятерка конiй, ня бымши прежда куска хлѣба. Ина васъ жить заставила, а вы яе гонитя.

— „Ну, дакъ дялитца!“

— Што жъ ты имъ даси?

— „Адинъ надѣлъ дамъ“.

— Нѣтъ, я съ аднымъ надѣлымъ дялитца ня буду,—луччи душой да тѣлымъ выду, а ета ня жила: адинъ надѣлъ ни кусокъ хлѣба.

— „Ну, Пракопъ, такъ ня будить, якъ ты думаишъ. Если дялитца, вамъ абаимъ роўна по 2 надѣла — и усё пупаламъ“.

— Зачимъ я Матрешкиныму сыну два надѣла дамъ? іонъ привыдицъ, іонъ ни природный двару.

— „Хуть іонъ ни природный, дакъ на яго зимля дадина у вашимъ доми па рявизіи, а другей надѣлъ старухинъ; ни магёшъ ты яго атабрать, а кали ни хатишъ ты умѣсти жить, тоже пупаламъ“.

— Нѣ, я вашимъ судомъ нидаволинъ.

— „Нѣ, нѣ, ня будить на тваимъ, а на нашимъ. Якъ бъ ни йна, распаўзлись бы вы якъ мыши, стогъ зъѣўши“.

Са сходки пришло къ намъ у дворъ усё вобчиства намичать, што мнѣ, што яму.

Идѣ? ни за што! Іонъ зъ ими бида:

— „Ни дамъ вамъ дялить! ня быть таму!“

Пубыли, пубыли, міръ идеть сваей дарогый, я яго праважаю съ Пракопымъ Силюкомъ.

— Ну, старухъ, хлѣба табѣ ни дають; идѣ нибуть вазьми, да раздабуть!

Ипять яго бранить:

— „Ты жъ хазяинъ, а мы табе нійдѣ съ сахой ни видали: сынъ яе, да нявѣстка яе“.

— Што яны мнѣ? Я забылъ и думать па етыхъ работникахъ.

Шли мы, шли, сѣли на бернушкахъ:

— Ну, што жъ, рибятушки, якъ мнѣ жить? Настырна такоя житьтё-бытьтё!

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валастноя правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни сабразисьтя: настыринъ іонъ, якъ воўкъ".

11) Дялёжка. Пастройка хаты.

Иднака міръ пастǒилъ на сваимъ; началась у насъ дялёжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствымъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дялить будитя!"

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спрятаў—такъ яно тамъ и пошло шутывью кашію:

Ни ў гаршку, ни ў мяшку,

Ни у торбачки на крючку.

Лашадей была четвира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жирябёначикъ другачёкъ, якъ печъ, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нявѣсткина.

Свинню мнѣ атдали нявѣсткину, трехъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнамёты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки,—ничагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даǒшъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хуть двѣ стѣнки бани!"

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублёў я на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ тябе нялишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нихай сабѣ пирядъ ею."

...ды я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девить рублей ...авила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шуньцы) паставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ патяжички, на патяжички чяпѣлачку (диржаву крыши), потомъ крючики и паплётъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привёзъ мелкыга бярезнику, да и заплёлъ увакругъ, штобъ ни дуло уси три стѣнычки; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруть кормъ. Печку въ изобки пупрасили паставить пакойника Прошку. А крыть яе нечимъ: кали дожъ у въ изби, такъ и тянеть пряма у въ избу — хуть ты атъ яе атканись. Палавиначку изобки пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стаить наша хатка идна, якъ булдырь: задметь, замятеть, хуть три дни ня ѣшъ и съ печи ня лѣзь. Тады падходимъ усѣ утраёмъ падъ дверь, аттваряимъ яе, хуть нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизить, дверь аткапаить; — посли живёмъ, пашли работать, што нужна. Даждаўнись лѣта, нажали саломки, пакрыли избу усю, паставили проти избы имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яще имбаръ, пастроили павѣтку, завѣсили вороты. И дай Бохъ, штобъ посли пажару такъ жить, якъ стали жить посли раздѣлу, хуть горя многа приняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Валăстнэй сходъ. Уплата доўга.

Иднака жъ пришлось намъ съ Пракопымъ пубывать у валастнымъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадицъ у етымъ дварѣ“.

Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперь іонъ усё раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупятца: ни ў сваимъ вобщистви. Распрасили мине усё абъ нашимъ хазяйстви, патомъ стали пупикать Пракопа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пулучіў зъ яго? И самъ ты ня житиль, и ей ни даёшъ. Нада была падялить навозъ на хлѣви;

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валастноя правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни сабразисьтя: настыринъ іонъ, якъ воўкъ“.

11) Дялёжка. Пастройка хаты.

Иднака міръ настоилъ на сваимъ; началась у насъ дялёжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствымъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дялить будитя!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спрятаў—такъ яно тамъ и пошло шутывню кашію:

Ни ў гаршку, ни ў мяшку,

Ни у торбачки на крючку.

Лашадей была четвира: яму пара и мнѣ пара; инѣ жирябёначикъ другачёкъ, якъ печъ, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нявѣсткина.

Свинню мнѣ атдали нявѣсткину, трехъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнаиёты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки,—нячагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даёшъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хуть двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублёў я на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ тябе нялишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нихай сабѣ пирядъ ею.“

Тады я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девить рублей и паставила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шуньцы) паставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ патяжички, на натяжички чяпёлачку (дирживу крыши), потомъ крючики и паплётъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привёзъ мелкыга бярезнику, да и заплёлъ увакругъ, штобъ ни дуло уси три стѣнычки; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруть кормъ. Печку въ изобки пупрасили паставить пакойника Прошку. А крыть яе нечимъ: кали дожъ у въ изби, такъ и тянеть пряма у въ избу — хуть ты атъ яе аткажись. Палавиначку изобки пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стаить наша хатка идна, якъ булдырь: задметь, замятеть, хуть три дни ня ѣшъ и съ печи ня лѣзь. Тады падходимъ усѣ утраёмъ падъ дверь, аттваряимъ яе, хуть нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизить, дверь аткапаить; — посли живёмъ, пашли работать, што нужна. Даждаўшись лѣта, нажали саломки, пакрыли избу усю, паставили проти избы имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яще имбаръ, пастроили павѣтку, завѣсили вороты. И дай Бохъ, штобъ посли пажару такъ жить, якъ стали жить посли раздѣлу, хуть горя многа приняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Валáстнэй сходъ. Уплата доўга.

Иднака жъ пришлось намъ съ Пракопымъ пубывать у валастнымъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадицъ у етымъ дварѣ“.

Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперь іонъ усё раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупятца: ни ў сваимъ вобществи. Распрасили мине усё абъ нашимъ хазяйстви, патомъ стали пупикать Пракопа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пулучіў зъ яго? И самъ ты ня житиль, и ей ни даёшъ. Нада была падялить навозъ на хлѣви;

тады бы въ сваей части якъ бы хатѣў; а ина бы вывизла— можа бы и тябе, на яе глядя, зависть узила. А ета ты здѣлалъ атъ криваты: тябе, братъ, паддать нада бъ за ета и харашенька. А таперь какой ета навозъ?—іонъ ужу мукою здѣлаўся, только што добрая пагамбили. Правядлива сказана:— „съ дурнымъ чилавѣкымъ у бани ни памныисьтя!“ Суятитись вы яще абъ доўгу. Хлѣбный доўгъ пупаламъ, а денижнага, старухъ, ты ни плати,—скажи дворницы, штобъ ей была извѣсна!“

Иднача деньги мнѣ пришлось заплатить. Стала мине пупикать Маўра Тиханыўна.

— „Пракопъ мнѣ никали ни заплотить, а ты умна, ты дужа дойшла, атвиливаишъ“.

Я и уплатила, штобъ мнѣ глазы ни калоли, часть доўга— 8 рублей. Ета ужъ два года атдялёмшись.

Пятнить мяне усё Пракопъ.

— „Звязу, да звязу Гарбатику четверть иржи!“

— Такъ я дурна, штобъ сваё добрая атдала табѣ везь, я сама звязу.

И пришлось мнѣ на поли съ Гарбатикымъ видитца. У поли іонъ грячиху забираить.

— „Памаги Бохъ, Васильивичъ!“

— Благадарю, Хаминишінўа — (такъ пратягаить грубымъ баскомъ). Ну, якъ жа ты паживаишъ, Хаминишіўна? Нѣшта ета дѣламъ ты пришла?

— „Съ извиненіимъ пришла винуватца вамъ: винуватый праў ни буваить.“

— Абъ чимъ жа абъ харошимъ?

— „Да вотъ што: я вамъ даўжна; больши ждали—меньши ждать вамъ. Серца мяне мучить абъ маёмъ даўжку“.

— Слушай, Хаминишіўна: мнѣ уси люди раўны; мнѣ нада пиридъ Богымъ итвѣтить. Ты мнѣ ни даўжна ни калѣва—ета я пу прашепію сказаў; а ты мнѣ ни даўжна.

Я яму пакланилась:

— „Спасиба вамъ, Васильивичъ: мае серца мучіў вашъ даўжокъ“.

А іонъ мнѣ атказаить:

— Я яму на деньги атдаў, а ни узаймы. Дакъ іонъ мине прасилъ, штобъ я съ тябе четвирть жита узяў и яму атдалъ; а я ни хачу.

— „Ну, спасиба жъ табѣ, што ты развизаў маё серца: судьдими была присуждона, штобъ табѣ атдать“.

13) Сүита съ Пракопымъ посли пажара.

Якъ задали Пракопу ходу у воласти, іонъ носъ падъ сябе, сѣў и задумаўся.

Я иду абѣдъ давать талакѣ сваей и гаварю на яго:

— „Пракопъ, ходи гарѣлки стаканъ выпить!“—

— Вужи, кроў тваю такъ пи, якъ ты пьёшъ маё добрая.—

— „Памилуй, Бохъ, мяне чужоя пить и чужимъ пользаватца, а мяне итъ чужова атвяди, Бохъ, и атъ харошива, и атъ дурнова; а што мнѣ Гаспоть даеть и худоя, и хорошія,— за то бѣими руками“.—

Пагарѣли мы. Пріѣхыў нѣкій панъ и ни вялить намъ строитца у прежнію старану. Идѣ намъ нужна строитца, на новымъ мѣсти, Пракопъ засѣіў бураки—узыйшли яны щетачкою.

Иванъ ставить шульля на буракахъ, а Пракопъ яго атпихаить.

— „Пастройтись тольки на буракахъ — тады паглядитя, што вамъ будить“.—

Пріѣхыў валаснуй, прамиряў нѣшта усю старану.

— „Тимафей Андреичъ, идѣжъ намъ строитца?“—

Іонъ вымиріў, якъ два двары, памѣстя такоя и гаворить:

— Ета вамъ, а ета яму. Ахъ, ты сляпой Мàрусъ — и самъ ни живёшъ, и людёмъ ни даёшъ!—

И таперь, паслухайтя вы, Пракопъ ни завèть майго сына хазяинымъ, а дольникымъ, и хатить атабрать надѣлъ. Ну, якъ ни скажуть пра ета якому умныму, то и гаворють, што нильзя атабрать надѣла.

14) А сёлиташній жисти Матрешки.

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патускнѣли мае глазыньки; балить мае усё тѣла,—якъ псюкъ падъ калѣнками кусаить: пара адубливать, пара дать спакой старымъ кастёмъ.

Сайдусь съ прежними падружками и ужъ болій ни хвастаю.

Сьвяти, сьвяти, ясенъ мѣсяцъ
Усяе темную ночъ!
Пашоў мой милый
Удоль дяреўни у канецъ,
Іонъ у крайній у дварецъ,
Тамъ честна ўдовушка жила.

. . . .

Ночъ свитла и мѣсичина,
Пиряходы іость.

Знову у мине Марка зъума няйдеть:

— „Крутись сабѣ! Нихай нялёхкая тябе нясеть!“—Нѣ, ня вытирпила лижать—хто-та мине слова падтаўхнўлъ: якъ падхвачусь, коя што на сябе, што подъ руку пупалась—и услѣдъ за Маркай.

Крадусь за имъ и думаю:—„а што якъ аглянитца? Вить укинить мине у возира бурыхъ щитать, и радныи ни знайдуть, идѣ я“.—Иднача іонъ ни аглянулся, вярнулась назадъ, яго сасьлядіўши, и гаварю:

— „Мамъ, вы усё гаворитя, што я нясу на яго напраслину, абаду... Ну, пайдемъ.“—

Узбутуражили свою свякрову и прихажу къ чулану, идѣ сядѣў Марка са сполюбоўницый. Свякрова на мяне говорить:

— „Глупая ты! Што будимъ мы здѣсь дѣлать: іонъ тябе паложить и мяне; тутъ абоимъ намъ будить юкъ. Иди-ка ты, кали уздумала ихъ пастрамить, къ Иванывымъ рабятамъ: яны свѣткаю будуть.“

Я узлажила на чуланѣ чепъ, а мать засталась на мѣсти.

Дастучалась таки у Иванывыхъ:

— Што прати начи насъ бизпакоитя? ти на пажаръ!

— „Нѣ, пажару Бохъ милуваў; а, мае милиньківі, роднинькіи, хадитя вы са мною“!

Праўда, Кастюкъ уважіў мяне, приходить со мною да мѣста.

— „Гляньна, ты глянь, што я пакажу табѣ.“

— Ну, што будить?—Паглядимъ!

А што тамъ глядѣть? Двери настижъ расчинины, Марки тамъ и ни завадилась: мать яго выпустила.

А ина, псоўка, ходить па чулану, ищà прихарашіитца.

— Ахъ, ты, бестія, змія ты падкалодная, кроў мою сьтёшъ!

— „А ты битыва ищишъ“.

Я палкыю замахнулась, ударила бъ змаху, ну, кумъ Кастюкъ придержилъ:

— „Стой, кума, ни дярись!“

Ну, пассорились, пассорились; приходимъ двору:

Марка мой сядить на лаўцы, у трубучки пакуріить. Хатѣла было сказать на свякрову:

— „Вотъ, мамъ, якъ ты мине прадала!“

Пубаялась: сичасъ начанеть бить—змоўчила.

Тады да заўтрига іонъ маўчалъ—ничога, назаутрига ипять:

— „Ты каго шукала? Чаго ты ходишъ па чужимъ имбарамъ? Каго табѣ нада?“

Пачаў трипать. Я у дымъ, на печку — тады чорныи избы были.

Сядѣла, сядѣла у дыму—хуть прападай!

Приходить на нашу сутылку Саўка (яго Бохъ принёсъ) пилы прасить:

— „Што ты ета дѣлаишъ? Ина жъ затхнетца у дыму, усимъ будить намъ плоха“.

Я тада съ печи на загнетъ саскачила, да за парохъ пракаўзнула.

Якъ пустить у мине завалымъ, завалъ такъ и еагудѣлъ мима мяне.

6) Матрешка у прочкахъ атъ Марки. Маланьня и валаснэй пупикають Марку.

У прочкахъ была и зъ малинькимъ: святками чуть галаву прочъ было ни тваратіў и малинькыва у снягу затапталъ.

Приходить іонъ за мной, люльку зъ малинькимъ сняў, узяў на руки и гаворить на мине:

— „Ступай дамой!“

Гонить мине двору. Прихажу; паслали пастель, малинькыва у люльку.

Марка гаворить:

— „Я пайду на йгрища“.

(Надрыгаитца нада мною).

— А я пайду къ своимъ.

— „Ты ня смѣишъ идить къ сваимъ“.

— Ты пайдёшъ на игрища, а я пайду къ сваимъ.

Ни пашоў жа: тэй разъ нучуваў дома. Пришла жъ Маланьня, пакойная мая сестра (вы жъ яе помнитя), стала выгаваривать яму и свякрови.

— „Якъ вамъ, сватьтя, ета ня стыдна и табѣ, Марка? Мы тады табѣ гаварили, што ина табѣ ня роўница, якъ ты яе браў—ина старiй тябе; а ты даваў клятбу на сонца глѣдючи, што я яе буду бяречъ... Ажно бирягёшъ ты яё харашо!...

И зъ дитёнкымъ ёй атъ тябе пакою нѣтути и у чужимъ дварѣ.

Ни паможить Бохъ за тваю клятбу у здароўи, што ты клятбу сваю злумаў и прйсигу, што ина у гори залилася за табою. Якъ ина вывила тябе на люди?!..

А якъ была у тябе худуба, вясною аблупиcьтя ты хужѣй за рака пячоныга, а тяперь, якъ вывила ина тябе на люди, а ты яе вычишъ.

Ды хужъ бы у яе дитёнка ни було бъ, — дакъ у яе жъ руки абкащоны! Чимъ ты ею нидаволинъ? Ты ходишъ ни каряў, ни дирёў. Вывили мы тибе на люди, а ты еще насъ вучить“!..

Тады гаворить на свякрову:

— „А ты, старая карга̀, куды жъ ты глядишъ?

Вить ты прихадила разъ пять у сваты и казала, што Матрёшка будить у насъ ни абижина. Ажно жъ во якъ вы яе ни абижаитя“?!...

Пуправилась и я:

— „И я жъ табѣ, Маркъ, казала:

Што жъ ты ак мнѣ сва̀таисьтя? Дитёныкъ ни ўзращоный, и ты будишъ гребувать. Я казала табѣ, што ни захачу, штобъ дитёныкъ идѣ нибуть валяўся, а быў ли мине нашнэю справыю: я захачу къ сабѣ палажить яго, а ты ни захочишъ. А ты хрястился, на сонца глѣдючи:—„Я етыва ни разу ни падумаю.“— Ажно таперь, ты ня токма што ни даволинъ приваднымъ рабёнкымъ, дакъ и съ тваимъ дѣтца атъ тябе нейди!

За што жъ я етакая горюшка тярплю; што ты, якъ палачъ якей, што глянуў, то и грянуў; што я табѣ ни ўлажу ни спечъ, ни зварить, ни принять, ни падать; пускаишъ ты

на мине и пирагами, и блинами; мечишъ у мине и мисками, и ложками — ни улажу я табѣ и пу масницы прайдить?!...

Зачимъ упярёдъ у насъ съ табою была усё харашо? Чатыри года мы жили съ табою, якъ золыта важили; а тяперя и дятей нажили, и атъ дятей ты атчураўся, бытцакъ яны ни твае. Я жъ тябе ни нуждаю, каторыхъ привила, бизпакоитца абъ сваихъ — хуть ба ты ихъ ужў ни забиждаў: — дакъ ты пьёшъ и гуляишъ и съ чужими жонками и баранычки мѣишъ чужимъ дитёмъ, сваимъ жа крошички павытрисишъ съ кармана и бросишъ: якъ сабаки кусокъ хлѣба, дакъ ты имъ. За што жъ я такоя горюшка тярплю, за увесь родъ свой? Знать, за то, што я вывила тябе на люди, а ты мине вучишъ и казнишъ, якъ палачъ?!...“

Іонъ кидаитца къ зубамъ:

— „Я тябе убью, и самъ у Сибирь пайду“.

Я яму атказаю:

— „Дай Бохъ табѣ етыга мѣста давидатца, куда ты жилаишъ самъ, а мнѣ, видна, атъ чаво нибуть разъ пумирать!..“

Свякрова гаворить:

— „Бойжа мой, Бойжа мой, што ты ета, Марка, уздумаў, якей ты ета дуръ на галаву сабѣ наваловъ?! Вить у васъ зайшло, што больши худога ня будить ничога!..“

А сынъ матки атказаить:

— „Сказаў: убью! дакъ и убью“.

А я ў атвѣтъ:

— „Дакъ и я на ета пущуся — пумирать разъ“.

Марка ка мнѣ; а свякрова и систра яго придержили. Тады я смялѣй ищà кричу:

— „Злодій ты, злодій! ни баюсь я тябе“.

Путріў и валасоэй Марку (Муўра Тиханыўна пупрашла); пришоў іонъ тады, на печку лёхъ и, якъ добрый, уздыхаить. Ахъ, ты мой бѣдниинькій!..

Такъ мы усё и били барану.

7) Аблыжная хварова. Балѣсть и смерть Марки.

Стала па ўсей нашій дяреўни качать аблыжная хвароба, стали мы мерть, слова мухи, двары наши запустѣли: у тымъ

двару хворэй, у тымъ покойникъ; у тымъ выздаравіў и знову зихвараў, а па ўторому разу узвароту ужу не была—ужи мёрли.

Аткуль навялилась на насъ такъ пошасть? знать прагнѣвали мы Бога миластивыга, и наказаў насъ Гаспоть милосерный, Царица Нябесная. Ахъ, лихабыля у ту пору: работай, да и за бальными хади, а на серцы такъ и ныить, такъ и ныить.

Пѣсенъ ня слышна, а на кладищи гудуть наши па сваихъ радитилихъ: хто па сыну, хто пу брату—и жё больши бѣдныи; заможныхъ—тыхъ Бохъ милуваў.

Съ тыхъ поръ и замялѣла наша диряненюшка: памёрли сильныи, спраўныи работники, а атсталась адна милюзга, подскрёбушки.

Забалѣў и мой Марка. Я дужа харашо хадила за имъ, приглидала яго—выкачаўся іонъ, тольки галава аблѣзла, якъ качанъ; ну, ўстаў якъ мядьвѣдь.

Яму и гаворють таварыши:

— „Косишъ ты слова у три касы!..“

Даўжно зглазили: изнову захварѣў, мочитца у жару, па тѣлу вистушили красниньківи мѣтки; рветца изъ рукъ маихъ: пусти, пусти! такъ и пылаить такъ и пылаить. Вырваўся, выбижаў на хлѣў, развярнуў навозъ и лёхъ на лёдъ грудьми.

Падушичку разстялю я падъ павѣтими, штобъ іонъ успоўзъ; ўспаўзеть, дый ляжить. Чатыри насъ, пятая свякрова, нясемъ яго у въ избу, а іонъ ругаить насъ, самъ ничога ня вѣдаить. Во якая хвароба была!

Ачуняить, станить жалкуватца:

— „Стерпу майго нѣтути!“

— Якъ жа ты ня хочишъ атъ Бога тярпѣть?

Я жъ итъ табе тярпѣла...

А іонъ:

— „Госпыди падыми! Вѣрна, за ея ты мине и наказаў! Никада ня буду!...“

Конъчіўся.

8) Вытнйца Матрешки па мужу.

— Марычка Тимафеичъ, што ты ета уздумаў, што ты мяне нищастныю съ дитёнычкымъ здѣлаў? А я жъ думала, што я дитёнычка узращу, и ты будишъ мнѣ у пѝмычъ. Ажно ты скора

àтъ мине атказаўся! На каго мнѣ надѣитца? Якъ мнѣ свой вѣкъ даваковывать? Съ кимъ мнѣ дитёнка растити-гадувати!...

Бабы мяне утишають:

— „Досыть табѣ убиватца такъ, Хаминишіўна, досыть: ета пѣсня доўга—ни разъ ища павыишъ!...“

— Ачунялъ ты, Марачка, падняў тябе Гаспоть Бохъ на ноги, а пахадіў ты посли таго трошки—и зачимъ ты, Госпади, ипять мяне сказніў: майго Марычку къ собѣ узяў? Куды жъ вы ета нашига гаспадаречка вязетя? Каму жъ вы сваю дамовычку кидаитя? Каму жъ ты мамухну кидаишъ? Каму дѣтку? Няжъ мы тибѣ уси и ня больны, и ни жалки? Зачимъ хадила я за табою, биригла тябе—тольки къ жисти самэй пришло, и ты къ намъ сваимъ сѳрцымъ пиривярнуўся, а потэмъ атъ насъ ты атлитаў, пакинуў насъ наўсягды. Плахую думушку ты задумаў! Хуть ба біў, абы жіў! Гарькуша я бѣдная!...

9) Суитà у дварѣ и дялёжка.

Ипять пайшла мая жисть тымъ жа вагымъ, якъ па смерти Паўлючка.

Пракопъ, мой девирь, быў за хазяина; плахоя была зъ имъ жила: ета стюдёный печи загнетъ, крыви ни ложки, жалысти ни крошки.

Пашоў мой сынъ Иванъ на зарабатки вяликимъ пастомъ, пришоў пиридъ Праздникымъ Христовымъ днёмъ, принёсъ хазяину пользы адинъ рубъ, а сабѣ купіў сякѣру, купіў пилу. Хазяинъ за ета узсердіўся, што мала пользы принёсъ іонъ, а праработалъ мой Иванъ тольки три нядѣли.

Ни давать намъ за то хлѣба. Ета была на святэй нядѣли.

Сами павужинали, хлѣбъ спрятали итъ мяне и атъ дятей. Приходють дѣти мае итъ пастоялику: Зена, Иванъ и Хрузка. Была святая нядѣля и люди клумились вокыла пастаялику.

— Што эта ти ашалѣў ты, Пракопъ: сами павужинали, а я зъ дитями и такъ.

— „Твой сынъ быў у заработкахъ—можитя купить“.

— Што жъ табѣ итъ сына маяво нада? три нядѣли праработаў и за три нядѣли купіў сабѣ пилу $1^1/_2$ рубля и сякѣру

девить гривинъ съ питачкомъ и табѣ рубъ принёсъ, а табѣ дужа многа надаби.

Лягли спать мае дѣти ня ужинаўши. Пуплакали, пуплакали... Што дѣлать? На заўтрива устали, я пагнала скотъ на ранки.

Приходить ка мнѣ мая нявѣстка. Яны печки павытыпили, пабѣдали, хлѣбъ спрятали—ни дають дятёмъ маимъ.

— Такъ и такъ, мамычка!

Плачуть и заливаютца гарючими слязми.

Я и гаварю:

— „Ѣўши, вы, ня ѣўши, дѣтки, а пахать нибхадима, работать нада!"

Яны паѣхали пахать ня ужинаўши, ни бѣдаўши.

Увидала Пракопа:

— „Пракопъ, што ты ета дѣлаишъ? Што ты ета маимъ дитёмъ хлѣба ни даёшъ?"

— И ни дамъ.

— „За што жъ ты такъ ни даси?"

— Вы мнѣ ни нада.

Я заплакала, пашла хлѣба даставать. Принесла крайчикъ хлѣба, патащила у поля. Принашу имъ хлѣбъ.

Плачуть мае дѣти, заливаютца. Сынъ плачить и абиждаетца, зачимъ яго зъ батькиныва дома вывила.

Нявѣстка абиждаитца:

— „Зачимъ ты дольника жанила, чужую галаву завизала?"

Ахъ, Божа мой милысливый, што я принила тольки горя— адинъ Гаснодь знаить!

Такъ мы уси плакали.

— Пашитя зямельку! Нильзя ни пахаўши: бизъ сахи и бизъ бараны и царь хлѣба ни пойдаить.

Пріѣхали дамой вичаромъ. Ипять іонъ павужиналъ, а хлѣбъ вонъ вынисъ:

— „Ты мнѣ ни нада!"

Назаўтрига сходка.

10) Сходка и асмотръ Матрёшкиныга двара.

Пашла я на сходку, пакланилась міру.

— „Ну, што жъ, рибятушки, хлѣба мнѣ ни дають и зъ дитями?"

— Пракопъ, што ты ета дѣлаишъ? Ти ашалѣў ты, ти што?
— „Ды ни дамъ: яны мнѣ ни нада“.
— Вамъ жа грѣхъ яе абидить: ина вамъ дворъ нажила. Бизъ яѐ у васъ ничога не была: семира варотъ и усѣ на гародъ, таперь жа у васъ дивятерка коній, ня бымши прежда куска хлѣба. Ина васъ жить заставила, а вы яе гонитя.
— „Ну, дакъ дялитца!“
— Што жъ ты имъ даси?
— „Адинъ надѣлъ дамъ“.
— Нѣтъ, я съ аднымъ надѣлымъ дялитца ня буду,—луччи душôй да тѣлымъ выду, а ета ня жила: адинъ надѣлъ ни кусокъ хлѣба.
— „Ну, Пракопъ, такъ ня будить, якъ ты думаишъ. Если дялитца, вамъ абаимъ роўна по 2 надѣла — и усё пупаламъ“.
— Зачимъ я Матрешкиныму сыну два надѣла дамъ? іонъ привыдицъ, іонъ ни природный двару.
— „Хуть іонъ ни природный, дакъ на яго зимля дадина у вашимъ доми па рявизіи, а другей надѣлъ старухинъ; ни магёшъ ты яго атабрать, а кали ни хатишъ ты умѣсти жить, тоже пупаламъ“.
— Нѣ, я вашимъ судомъ нидаволинъ.
— „Нѣ, нѣ, ня будить на тваимъ, а на нашимъ. Якъ бъ ни йна, распаўзлись бы вы якъ мыши, стогъ зъѣўши“.
Са сходки пришло къ намъ у дворъ усё вобчиства намичать, што мнѣ, што яму.
Идѣ? ни за што! Іонъ зъ ими бида:
— „Ни дамъ вамъ дялить! ня быть таму!“
Пубыли, пубыли, міръ идеть сваей дарогый, я яго правважаю съ Пракопымъ Силюкомъ.
— Ну, старухъ, хлѣба табѣ ни дають; идѣ нибуть вазьми, да раздабуть!
Ипять яго бранить:
— „Ты жъ хазяинъ, а мы тябе нійдѣ съ сахой ни видали: сынъ яе, да нявѣстка яе“.
— Што яны мнѣ? Я забылъ и думать па етыхъ работникахъ.
Шли мы, шли, сѣли на бернушкахъ:
— Ну, што жъ, рибятушки, якъ мнѣ жить? Настырна такоя житьтё-бытьтё!

— „Разживись на хлѣбъ, а будить сходъ валасной; тада патребуимъ у валастноя правленія.

Што зъ имъ дѣлать, ни сабразисьтя: настыринъ іонъ, якъ воўкъ“.

11) Дялёжка. Пастройка хаты.

Иднака міръ настоилъ на сваимъ; началась у насъ дялёжка. Сала дѣлили усимъ вобщиствымъ:

— „Я васъ знать ни хачу!

Кричить намъ Пракопъ:

— „Ня вы мнѣ сала наживали, ня вы и дялить будитя!“

Самъ іонъ мнѣ хунтъ узяў и атвѣсіў, а самъ іонъ сасѣду у дежку сала спрятаў—такъ яно тамъ и пошло шутывыю кашію:

Ни ў гаршку, ни ў мяшку,

Ни у торбачки на крючку.

Лашадей была четвира: яму пара и мнѣ пара; мнѣ жирябёначикъ другачёкъ, якъ печъ, и конь читвиртакъ.

Кароў яму двѣ сямейскихъ, а мнѣ идна сямейская, да идна нявѣсткина.

Свинню мнѣ атдали нявѣсткину, трехъ авецъ, да имбаръ адинъ, пуньку на гумнѣ, пуню ящо на хлѣў, сѣнницу.

А яму: хлѣў увесь, іўчарникъ, два имбары, два разнамёты (два наугольники умѣсти), увесь дворъ старый.

Съ пасудины мнѣ ничога: ни бажницы, ни кадычки,—ничагусинька. А якъ стали гарѣть, такъ увесь посудъ пагарѣў, што іонъ узяў съ сабою.

— Пракопъ, што ты ей даёшъ изъ пастройки?

А я прашу Пракопа:

— „А ты мнѣ уступи хуть двѣ стѣнки бани!“

А іонъ ни мичить и ни телитца.

(Баня ета была у насъ за хатку, своихъ денегъ 9 рублёў я на яе стратила).

Миръ говорить:

— Ина жъ съ тябе нялишнія просить: уступи ей двѣ стѣнки.

— „Ну, дакъ нихай сабѣ пирядъ ею.“

Тады я приплатила за итстальныя 2 стѣнки девить рублей и паставила баню на изобку. Гумно разбили на двѣ части.

Зямли по два надѣла, и навозъ пупаламъ. Иванъ сабѣ здѣлалъ триножичку ли корму: чатыри сошки (малинькіи шуньцы) паставили, на сошкахъ шлапины, на шлапинахъ патяжички, на патяжички чяпёлачку (диржаву крыши), потомъ крючики и паплётъ; тады здѣлали саломинную крышу. Иванъ привёзъ мелкыга бярезнику, да и заплёлъ увакругъ, штобъ ни дуло уси три стѣнычки; на четвертую здѣлаў воротцы, куда бяруть кормъ. Печку въ изобки пупрасили паставить пакойника Прошку. А крыть яе нечимъ: кали дожъ у въ изби, такъ и тянеть пряма у въ избу — хуть ты атъ яе аткажись. Палавиначку изобки пакрыли, идѣ печку залажили. Ни якой пристройки не была — стаить наша хатка идна, якъ булдырь: задметь, замятеть, хуть три дни ня ѣшъ и съ печи ня лѣзь. Тады падходимъ усѣ утраёмъ падъ дверь, аттваряимъ яе, хуть нямножка атсунимъ; а то Иванъ босый изъ хаты вылизить, дверь аткапаить; — посли живёмъ, пашли работать, што нужна. Даждаўшись лѣта, нажали саломки, пакрыли избу усю, паставили проти избы имбаръ, пастроили хлѣў, пастроили яще имбаръ, пастроили павѣтку, завѣсили вороты. И дай Бохъ, штобъ посли пажару такъ жить, якъ стали жить посли раздѣлу, хуть горя многа приняла я, якъ камышъ — горькая трава.

Валастнэй сходъ. Уплата доўга.

Иднака жъ пришлось намъ съ Пракопымъ пубывать у валастнимъ правленіи.

Пракопъ затрубіў:

— „Иванъ, Матрешкинъ сынъ, привадицъ у етымъ дварѣ“.

Яму гаворють.

— „Была крипастная права, што гаспада хатѣли, то и дѣлали; а теперь іонъ усё раўно палавинникъ дому, якъ и ты“.

Нильзя яму пупятца: ни ў сваимъ вобщистви. Распрасили мине усё абъ нашимъ хазяйстви, патомъ стали пупикать Пракопа, што іонъ ни даў намъ нашій палавинки пагноя и свой пагной ня вывизъ на ніўку.

— „Якей жа ты хазяинъ, што навозъ застаўся зимувать у хлѣви? Якую ты пользу пулучіў зъ яго? И самъ ты ня житиль, и ей ни даёшъ. Нада была падялить навозъ на хлѣви;

тады бы въ сваей части якъ бы хатѣў; а ина бы вывизла— можа бы и тябе, на яе гледя, зависть узила. А ета ты здѣлалъ атъ криваты: тябе, братъ, паддать нада бъ за ета и харашенька. А таперь какой ета навозъ?—іонъ ужу мукою здѣлаўся, тольки што добрая пагамбили. Правядлива сказана:— „съ дурнымъ чилавѣкымъ у бани ни памныисьтя!“ Суятитись вы яще абъ доўгу. Хлѣбный доўгъ пупаламъ, а денижнага, старухъ, ты ни плати,—скажи дворницы, штобъ ей была извѣсна!“

Иднача деньги мнѣ пришлось заплатить. Стала мине пупикать Маўра Тиханыўна.

— „Пракопъ мнѣ никали ни заплотить, а ты умна, ты дужа дӧйшла, атвиливаишъ“.

Я и уплатила, штобъ мнѣ глазы ни калоли, часть доўга— 8 рублей. Ета ужъ два года атдялёмшись.

Пятнить мяне усё Пракопъ.

— „Звязу, да звязу Гарбатику четверть иржи!“

— Такъ я дурна, штобъ сваё добрая атдала табѣ везь, я сама звязу.

И пришлось мнѣ на поли съ Гарбатикымъ видитца. У поли іонъ грячиху забираить.

— „Памаги Бохъ, Васильивичъ!“

— Благадарю, Хаминишінўа — (такъ пратягаить грубымъ баскомъ). Ну, якъ жа ты паживаишъ, Хаминишіўна? Нѣшта ета дѣламъ ты пришла?

— „Съ извиненіимъ пришла винуватца вамъ: винуватый праў ни буваить.“

— Абъ чимъ жа абъ харошимъ?

— „Да вотъ што: я вамъ даўжна; больши ждали—меньши ждать вамъ. Серца мяне мучить абъ маёмъ даўжку“.

— Слушай, Хаминишіўна: мнѣ уси люди раўны; мнѣ нада пиридъ Богымъ итвѣтить. Ты мнѣ ни даўжна ни калѣва—ета я пу пращенію сказаў; а ты мнѣ ни даўжна.

Я яму пакланилась:

— „Спасиба вамъ, Васильивичъ: мае серца мучіў вашъ даўжокъ“.

А іонъ мнѣ атказаить:

— Я яму на деньги атдаў, а ни узаймы. Дакъ іонъ мине прасилъ, штобъ я съ тябе четвирть жита узяў и яму атдалъ; а я ни хачу.

— „Ну, спасиба жъ табѣ, што ты развизаў маё серца: судьдими была присуждона, штобъ табѣ атдать“.

13) Суита съ Пракопымъ посли пажара.

Якъ задали Пракопу ходу у воласти, іонъ носъ падъ сябе, сѣў и задумаўся.

Я иду абѣдъ давать талакѣ сваей и гаварю на яго:

— „Пракопъ, ходи гарѣлки стаканъ выпить!“—

— Вужи, кроў тваю такъ пи, якъ ты пьёшъ маё добрая.—

— „Памилуй, Бохъ, мяне чужоя пить и чужимъ пользаватца, а мяне итъ чужова атвяди, Бохъ, и атъ харошива, и атъ дурнова; а што мнѣ Гаспоть даеть и худоя, и хорошія,—за то бѣими руками“.—

Пагарѣли мы. Пріѣхыў нѣкій панъ и ни вялить намъ строитца у прежнію старану. Идѣ намъ нужна строитца, на новымъ мѣсти, Пракопъ засѣіў бураки—узыйшли яны щетачкою.

Иванъ ставить шульля на буракахъ, а Пракопъ яго атпихаить.

— „Пастройтись тольки на буракахъ—тады паглядитя, што вамъ будить“.—

Пріѣхыў валаснўй, прамиряў нѣшта усю старану.

— „Тимафей Андреичъ, идѣжъ намъ строитца?“—

Іонъ вымиріў, якъ два двары, памѣстя такоя и гаворить:

— Ета вамъ, а ета яму. Ахъ, ты сляпой Мàрусъ—и самъ ни живёшъ, и людёмъ ни даёшъ!—

И таперь, паслухайтя вы, Пракопъ ни завѐть майго сына хазяинымъ, а дольникымъ, и хатить атабрать надѣлъ. Ну, якъ ни скажуть пра ета якому умныму, то и гаворють, што нильзя атабрать надѣла.

14) А сёлиташній жисти Матрешки.

Притамились мае ножиньки, апускаютца мае ручиньки, патускнѣли мае глазыньки; балить мае усё тѣла,—якъ псюкъ падъ калѣнками кусаить: пара адубливать, пара дать спакой старымъ кастёмъ.

Сайдусь съ прежними падружками и ужъ болій ни хвастаю.

— Глядишъ ты весила и ходишъ бодра, Хаминишіўна, а сагнулась па нашиму у клюку.—

— „Ни мнѣ вамъ ни ста атвичать, и ни вамъ у мине спрашивать. Тярплю я горюшка пашти што зъранния да вечира.“—

— Праўда, праўда, Хаминишіўна.—

Вспомнимъ старая, пуплачимся и усмйхнимся, панюхаимъ троху табачки, позюкаимъ, прочъ разыйдимся.

Маладость—буйнбсть, а падъ старость кайнысть. А благодарю Бога на Вышняга, усигда благодарю яго. Сыта, одѣта; ни я пазычаюсь у людей, а болій сасѣди съ добрымъ и дурнымъ ка мнѣ. Сына даўно жанила. Нявѣстка ня рбдная, ня рбдная дачка, ну, женщина ища парядашная. Дачку замужъ выдала у своей диряваньки: хуть за плута, такъ тута. Ина мнѣ рубашку памыить, ина мяне праатвѣдаить.

Пирушки и гулюшки и тяпер я ище люблю.

На пасидѣлкахъ съ дѣўками пупридаю, дитенка пирибаблю и на ксітинахъ гарщёкъ каши разабью, на свадьби пупляшу ня хужи за маладыхъ, на хаўтурахъ павыю—павыють и пу Матрешки добрыя люди. Во якъ ты, мой паночикъ!

№ 5.

Лукьянъ Андреевъ изъ Бѣликова Бѣльскаго уѣзда.

Старикъ лѣтъ 80, роста высокаго, съ просторною грудью, съ замѣчательно свѣжей для своихъ лѣтъ памятью и бодрой силой. Говоритъ громко и протяжно, словно выкрикиваетъ:

— „Званы зай-гра-лій,
Папы за-пѣ-лій“.—

Работаетъ и теперь отлично, наравнѣ съ молодыми сильными парнями, но думами совсѣмъ ушолъ въ прошлое.

Самое пріятное воспоминаніе Лукьяна отмѣна крѣпостнаго права, открытіе вольницы; однако старое время, по его мнѣнію, было тоже хорошо въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Веселѣе и беззаботнѣе жилось въ старину; не было вредной роскоши; люди были проще и чистосердечнѣй, да и ростомъ крупнѣй нынѣшнихъ во многихъ отношеніяхъ:—„теперь народъ муха, комаръ“...

Моладежь прерывала разсужденія и назойливыя сѣтованія Лукьяна:

„Дѣдъ, а, дѣдъ, ты бъ намъ сказку бъ вѐлій салгаў, а то ужь очень ты разбалтаўся... Пріятна намъ ета, дѣдичка, слышать, какъ васъ пароли... Да, вѣрна, ужъ таво вы стòили, што вамъ такъ пупадàла—ни задарамъ выть ета.“—

— Нѣ, нѣ, вы перва быль паслухаитя, наўчитись чаму нибудь ладныму, пўтныму, якъ жить, якъ быть...

Слушалъ ли кто дѣда или нѣтъ, а онъ нѣсколько разъ съ обычнымъ энтузіазмомъ возвращался къ любимой темѣ.

— „Вы всѣ-народъ обалдѣлый!“... говорилъ Лукьянъ:

— „Старшихъ ни пуважаитя! Нада паслать каво, маладова ни дашлесься. Хто зъ барадою, тòму итти за вадою. Шагу ня ступить дарымъ. шагъ яму рубъ. Кали што здѣлаў – нидарымъ, ни на Божьиму.

За бальшимъ барышомъ, милыи мае, ни ганитись,—и малинькій барышокъ клади яго въ мяшокъ.

Бабамъ падай цапаги, хвартушокъ, а няхошъ, какъ дапрежде, лапатки, да бѣленькій сарахванокъ.

Мужики услѣдъ за бабамъ — дай яму цапогъ, 5 рўбликнў заплати. И што жъ выходить? пагляди ты у ихніи горшки— постныи щи, хуть галаву палащи;

На брюхи шоўкъ, а ў пузи щоўкъ;
Сапохъ скрипить, а у гаршкѣ трясца кипить.

Стала, стала сирябро, а ў симъ жить ни добро.

Я стану помѣщикъ!... Ахъ ты, чушка, ты етакій, а ни памѣщикъ!.. Ищѐ даляко, братъ, тябѣ да памѣщикъ, дужа даляко; У памѣщика ума три, чатыри. А у тябе скольки умоў—ну, скажи! За то жъ и живуть плоха, и мала живуть: 30, 40 лѣтъ праживеть, а пòтэмъ вазъмѐть и пакалѣить.

Малы, слабасильны... Што-о?! Праўда гнила, да Богу мила— ана падъ елкый и сасонкый начувала, а мы асинку да липку гладали, ѣли и мезѝчку, куль жа на плячо—и пашли. Прежда у наша ўремя, жили багатыри, такыхъ таперича нѣтъ: возьметь страявоя бряўно—и паднялъ. Стали жить посли ихъ тўжики. Вотъ вы тужики. Въ старину хадили бодра и сматрѣли весела (Лукьянъ шею вытянулъ и посмотрѣлъ на своихъ слушателей довольно величаво).

А таперь харашо ли вамъ •ай худа, усё тужитя, ходитя, какъ вароны подстралёныя, слоўна въ воду апущо̂ныя (презрительная гримаса вдругъ появилась на лицѣ Лукьяна).

Посли жъ тужикыў будуть жить пыжики. Мы па кулю насили, а тѣ у дваихъ иза ўсей мо̂чи мѣрку хлѣба будуть падымать—охъ—и абарвутца.

За то вы граматныи, пишитя, читаитя — вамъ присылать бумаги ни управютца; учёныхъ дивать нейди,—а у стари куды лучче была, якъ грамати ни знали.

Писаў Минка,
Писаў и Яўтухъ;
Писалій бъ болій,
Да агонь патухъ...

Старинный крестъ во якой, а таперь крестъ тольки што мухъ атганять. (Старикъ помахалъ рукой около носа). Прежда за виpсту:—„Здрастуй, батюшка!" —А таперь устричаитись съ кимъ, паклону ни тдаетя! Дурнэя, дурнэя вы! Ни чилавѣку кланіитись, а яво ангилю; ни кланіўшись, ня Бога, а а̀гиля узвисилитя. У хмяли сярдиты, Божжа мой, какъ сярдиты: чилавѣка на мѣсти палажить гатовы, а съ кабака пришоўши, жонькъ у бальницы кладете. Карманы-—ета биряги.

Ниблагадарны. Сказать такъ: на нонишниму вѣку чилавѣка бойся болій за таво звѣря; кабыльлю галаву велій рятуй, а ни чилавѣччу. Скажу а сваёй жисти.

Пашоў я 12 лѣтъ у приганъ и работалъ во якъ. Змалатіўши, два вазы дроў насяку, а таварищи мое тольки возъ насякуть. Стануть ихъ пароть, а мнѣ благодаренія: „вотъ старательный чиловѣкъ!"

По̂шлють мине къ папу̂—я работаю и папу̂, яны жъ увайдуть съ работы. Попъ мнѣ падаріў рубаху красную, и баринъ мине благодаріў. Зъѣли мы 8 кулей у барина хлѣба пу биднатѣ.

— „Вывизи мнѣ за зиму 50 сажонъ дроў!" Пара лошадей у мине было. Я, бывало, атсяку и вывизу; мнѣ баринъ 50 цалковыхъ и хлопъ денихъ. Да вазьму за десятину издержу 26 цалковыхъ, да пакаструю еты ўси дрови на саракъ капѣикъ сажинъ. Бывала, на динь 2 сажня тройнику ссяку и слажу у закладъ. Бывала, валасы на рубахи макры отъ пота. Дисятину круглую за день испашу 50 и 50 саж. во ўсѣ углы. Жать

пайду — три сотни снапоў иржи; и тяперь ищè магу жать. Да заўтрика кашу дома, а съ заўтрика пайду три вазы нажну. Призываить баринъ.

— „Штоба сжата былà дисятина!“

— Сажну, сажну iè.

И заўримя къ барину прихажу. Баринъ благадарить мине и даѐть награ̀цiи 2 рубля денихъ узвыши цаны, што, ржи, ни упустилъ iе ва ўремя у дожъ.

— Ти увязешъ пару сотъ за день?

— „Увязу, баринъ.“

— Когда увязѐшъ, на рубъ тибѣ награ̀цiи.

Прiѣхалъ на дной лошади и увѐзъ, а тяперь у дваихъ ни ўвязуть.

(Одинъ изъ слушателей проговорилъ: „правда, правда!“)

— Дома кашу да заўтрика.

— „Што ты, Лукьянъ, забаўляисьтя—снопы ни ўвязѐшъ.“

— Увязу̀!

Какъ начну увазить, какъ у карты играю.

— „Ти многа асталась вазоў вазить?“

Спрашиваить баринъ вичаромъ.

— Вазоў 5.

— „Хто тибѣ пумагаить?“

— Гасподь пумагаить.

— „Ну, прихади ка мнѣ у домъ.“

Прихажу у домъ—далъ iонъ мнѣ 2 стаканы вотки и рубъ сирибра денихъ; благодарить.

Барыня жъ говорить:

— „Ни кидай ты етыва чиловѣка: такова больши у насъ у вотчини нѣтъ.“

№ 6. Купрей На̀бажный.

Купрей быў нибальшенькага росту, рыжинькiй,—ня то, што рыжинькiй, а такъ свѣтларусый. Етакыга добрыга у свѣти я ня видила и никада ня ўвижу. Нѣтъ, нѣту таперича такихъ людей: таперича усѣ съ хитринкыю, усѐ ладють, якъ бы абидить, надуть друхъ дружку; — а штобъ часымъ атъ свайго атступитца, да падялитца зъ раднымъ сусѣдымъ... А, Божжа мой!

нѣ, нѣ, етыга и ў памини у насъ нима, и ни на томъ нынчи свѣтъ стаить...

Купрей — такъ тэй да кажныга быў нȃбажинъ. Бохъ сказаў: „пупрасящиму нада дать.“ Якъ придить къ яму нищая братьтія, тады тольки аткажить ей Купрей Пятровичъ, кали у яго самȏга ничога нѣтъ, — а сымить съ сябе паслѣдьнію рубаху и атдасть. Гастей приближнихъ и дальнихъ дужа любіў. Якъ праздникъ, и никога у яго нѣтути, такъ іонъ и клапатить.

— „Татюль, Татюль! (старуху яго звали Татяный). Нада жъ такъ: праздникъ, а адны мы съ табою ядимъ,—некыга накармить!“ А якъ у яго гостики, такъ іонъ упрашиваить ихъ:

— „Астаньтись вы ў мяне, пабудьтя ў мяне нядѣльку; што Бохъ даў, то и будимъ спаживȃть, на ўсихъ Господь родить, и усѣ, хто и ня сѣить, хатять ѣсть.“

Хлѣба Купрей никоды ни прадаваў, а скармлива ўяго на нищихъ и добрыхъ людей. Хуть су ўсякимъ добрымъ чилавѣкымъ пилъ вотычку, — ну, пьянъ ни напиваўся и ракымъ ня поўзаў, якъ мы грѣшныи. Чаго вы смяȇтись? Ей Богу, праўда-жъ! Съ сусѣдими и су ўсѣми людьми: и съ старымъ, и зъ малымъ, и зъ роўнымъ быў дужа увѣтліў, ласкыў, и усѣ яго шанували и пуважали,—усѣ звали дѣдушкыю:

— „Здароў дѣдушка!“

— Здароў, дитятка, здароу!

Ну, ў сȇлиташнія ўремя паши малый на ніўцы и ни знай, якъ работать, заливайся гарючими слизами: нихто яму ни покажить, никȏму да тога дѣла нѣту, што іонъ гародить мохъ съ балотымъ, и нихто тапэрь ни разсудить такъ:

— „Іонъ блазинъ, — такъ ни пакажи яму пахать, ничога ня будить путнага, дэльнага, тольки самъ іонъ сябе измучить и скатинку притомить.“ А Купрей Пятровичъ, тэй кали замѣтить, што малый ни съумѣить сахи падладить, либа разладитца у яго што, то сичасъ на падмогу.

— Чаго ты, дититка, плачишъ?

— „Нялоўка: саха дрянь, ни пашить.“

— Пастой, дѣтитка; я пумагу табѣ. Ну, такъ работай, такъ! Ну, што пашла писать, хараша саха?!.. То-та жъ!.. Ни съ кѣмъ іонъ ня мѣў суяты. Чужея свиньни, бывала, гуляють па яго ніўцы; а іонъ ни прагонить ихъ, да яще принясеть имъ вадицы напитца:

— „Што жъ вы паѣли, а ни напились?“

Жина Купреива сярдуить:

— „Што ты дѣлаишъ? Кала насъ люди будуть сміятца, што ты чужихъ свинней кормишъ?“

— Пускай люди сміяются, а намъ Бохъ дасть. Абиды ня помніў. — И атродки Купреевы ни ругаютца. Платонишка Храмэй, тэй никоды ни зругаитца, а абидна яму што станить, заплачить.

Купрей учіў сваихъ дѣтыкъ:

— „Глупэя, за'днымъ тарчкомъ ни ганяйся: Бохъ зъ имъ, Бохъ зъ имъ! Ни 'тдавай у въ атвѣтъ, ня ўди и ня ўди ў драку!..“ Тарчокъ! А иншій якъ разахотуитца, такъ и пять, шесть тарчкоў дасть. Разъ пьяный якъ напаў на Купрея, біў яго, біў,—потомъ и говорить Купрею:

— „Приняси мнѣ калчишку: пачану тябе калчишкыю бить!..“

Принёсъ. Барыня замѣтила—загразилась: тады тылу, прочки итъ Купрея удалэй мядвѣнникъ. Злучалась, што крали злэя люди у Купрея, и зналъ Купрей, хто крадить,—тольки скажить:

— „Нихай сабѣ! Бохъ зъ имъ: кали яму многа нада, нихай бяреть!..“

Да службы Божьей быў дужа усердинъ. Куды бъ ня ѣхаў, злучись ета вичаркомъ, пыдъ святэй день, застанаўливаўся и атпригаў лышадей. На святэй день ниприменна пайдеть у церькыў, будь стужа, будь зимна, — и ни аднэй службы ни прапустить.

Баринъ ета знаў и захатѣў спутить шутычку: вялѣў пустить лышадей у Купрееву пышаницу и пыслаў яму сказать у церкыў, када іонъ стыяў на служби Божый, што „панскея лошади тваю пышаницу пріўталочилй.“

А што жъ Купрей атвѣтилъ:

— „Нихай ядуть на здароўя—и намъ застанитца!“ Панъ узналъ ибъ етымъ и призвалъ яго къ сибѣ.

— Купрей Пятровичъ, я тябе тольки хотѣў спытать, а за пышаницу я табѣ заплачу.

— „За ета благадаримъ васъ, баринъ!“

Што ни дѣлаў Купрей, то усё чинна, больши іонъ знаў насъ грѣшныхъ, якъ дѣлать належить (мы тога ни знаимъ) — быў слова тэй знахырь. Заборъ гародить ни такъ, якъ мы, а наложить у суколы забора маслы коньскіи и кароўи, штобъ ни

разъизжались. Дивіў іонъ насъ ящо чимъ. Жирябёнка яго воўкъ тóщить, а іонъ и ня думаить даганять.

— „Што у ваўка на зубахъ, то святэй Ягорій даў!..“

На хляву никада ни эругаўся. Кали бъ хто такъ упускаў своё дабра ни за шта, ни прó шта, да пумагаў бы людёмъ усею душою, зжился бъ да паслѣдній нитычки, а Купрею, видна, Бохъ пумагаў — ни иначи — я такъ сама сабѣ думаю.

Лашадей Купреивыхъ, бывала, арканамъ ня здержишъ! А чимъ яны сыты? Падъ часъ іўнику наложить—и тольки; а пупадетца яму икая, работаить на ей три дни бязсмѣнна. А ў каво таперь изъ нашига брата такея кони?

Жита яго заўжда, якъ трасникъ; пышаница ярушка—-хуть ты яе на йглу нанижи; хлѣбъ атмѣнный, якъ стина, на ўсё поля.

Пчила сильная. Мяса у ва весь годъ: свяжина, пырысятина, тилятина.

Люди ни запомнють, што хто такъ смашна піў, да ѣў, якъ Купрей.

Баринъ нашъ любіў Купрея и хадіў зъ имъ у зимнію пульгу лавить вирабьёў съ хванаремъ и мятелкыю.

№ 7.

Якъ Арина здѣлалась знахаркыю.

Арина паняcла работникамъ ѣсь; сустричаитца зъ ёю сивенькій, пресивенькій старичекъ.

— Здрастуй, дѣтычка! кудажъ ты ета идешъ?

— „Нясу на пакосъ работникамъ ѣсь“.—

— Пастаў ряжички: я табѣ траўку пакажу.—

— „Дѣдичка, нада мнѣ несть“.—

— Да ты жъ ни забависьтя: ну пайдёмъ!

И три дни іонъ яе вадіў и усе іонъ паказываў травы, каторыя атчаво и усе угавариваў:

— „Ня йди ты замыжъ... но ты выйдишъ—ня вытирпишъ,—ни паслушаишъ мине!..“

И усё іонъ вадіў яе и паказываў травы и вывіў іонъ яе на прежнія мѣста.

Тожа и выйшла (Ина яще жива).

Съ тыхъ поръ, якъ пыгаварила ина сы старичкомъ —дите-

нычикъ забалѣить, ина дитенычку пользу даеть; атъ глазу, атъ ламоты, и если вокыла серца ныить—атъ усяго пользу: усѣ таўхи іонъ ёй паказаў.

Стала ина сама сабѣ кусокъ хлѣба зараблять. А якъ вый-шла замужъ, усё знанія забыла и зъ мужимъ ина ни живѐть, и таперь ина ящe жива, тольки пашти што слѣпа: глазы яе стали низки, тольки зярочикъ нямнога видить придъ сабою.

№ 8.

Якъ празрѣла и здѣлалась знахаркыю Стипаныўна, што ў Дамарачини.

А ета ти жива, ти нѣ, што у Дамарачини Стипаноўна? Во якъ ина сама мнѣ казала, якъ стала видить.

— „Ни видала я ничагеничка и ужъ замужимъ была. Вотъ на самый на Христоў день хто ў церкыў, хто куды;—заста-лись тольки я и мужъ мой дома, и говорить на мяне мужъ:“

— „Хуть ба ты, слипая, вады принисла, а то сядишъ діўбакомъ, да сядишъ!..“

Я пуплакала, ведры на плечи и пашла пу ваду; иду и плачу.

Сустрикаитца са мной чилавѣкъ.

— „Здароў!“—

— Здароў!—

— „Чаво ты плачишъ?“—

— Да якжа мнѣ ни плакыть? Ня вижу воды, идѣ тая вада.

— „А хади: я тябе давяду.“—

Привёў мяне къ калодисю и даў мнѣ палычку убросить у калодись.

— Што ты думаишъ, галубынька мыя? я и видить стала, и палычка ета плаваить паверьхъ вады у калодиси. Я бухъ тому старичку у ноги: рада—радёшанька, што увидила свѣтъ Божій!

— „Чирпай вадицу!..“

Я пачарпнула.

— „Костычку ету вазьми къ сабѣ: и будишь ты знать многа, дужа многа знать, станишъ атхаживать атъ балѣсти скотъ и людей, станишъ атгаваривать атъ злога чилавѣка и

дурнога призору;—табѣ вѣдамна будить, якъ здѣлать, штобъ скотъ вѐўся, у каво ни вядетца,—якъ домъ строить нужна... тольки гляди, дѣтычка, штобъ костычку ету итъ тябе ни аткрали!..“

А мужъ слушаить разгаворъ нашъ и любуитца, на жонку глѣдючи (у тоя уремя Дамарачиха, яго жонка, дужа была у слави), да и гаворить:

— Вить жа дайшла!.. во слипая, такъ слипая! — А ина (Дамарачиха) такъ сабѣ скромнинька сказаить:

— „Ета Бохъ Милыстивый мнѣ показаў!..“

№ 9.

Савѣты Дамарачихи.

I.

Каровы у насъ стали падать якъ забитыя на самый праздникъ. Нявѣстка мая схадила къ знахарки.

— „Ета вы такъ ни абиждайтись на Бога: Богъ такъ ня бьеть, а ета итъ лукаваго, атъ урага — злэй усигда тиризъ Бога. А Гаспоть зъ имъ, Гаспоть миласливый! Гаспоть миласливый усё вамъ будить пасылать, и вы будитя жить, ну, усё будуть вамъ паддержки итъ злова, усё іонъ будить давать вамъ тычёкъ...“

И сказала ина намъ:

— „Стаўтя хлѣў на паўдни!..“ Да вотъ яще чаго мы ня здѣлали:

— „Падъ чатыри виряи упуститя живога серибра: ни якій урахъ вамъ ничога ня здѣлаить, и будитя жить харашо сы сваимъ мужимъ, будитя имѣть кусокъ хлѣба... Я знаю: твой мужъ чилавѣкъ змирный, іонъ привыдицъ, ня здэсь іонъ раждо̂нъ и атъ юнысти пиривядонъ у етый домъ..“

И праўду сказала Дамарачиха: дяйствитильна, іонъ привыдицъ.

II.

Я сама была у яе. Етакая костычка у яе чудесная: вадицу ильеть тиризъ яе и ў ваду глядить.

И сказала йна майму Паўлюку:

— „Ты ня вытрываишъ; а кали паможить, ни паможить табѣ пылявой часнокъ!..“ Водивилась я ей. Дварочикъ быў нибальшенькій, а то повинъ дворъ лышадей, и дваровыи люди, и усимъ ина аттадаить.

— „Знаю я,“ гаварила ина мнѣ: „и прато, идѣ што украдиныя, и хто яго украў, тольки сказать ни магу—а то мине сажгуть.“ —

Варожить ина, а мужъ аблакатіўся, глядить и дивитца, и ухмылка у яго такая давольная.

Ина яму и гаворить:

— „Якъ слѣпа была, тады я табѣ ни нада была—помнишъ, якъ гаваріў ты: валакитя сляпую пу дурахъ!..“

— Э—до, Стипаныўна, мала што была! Атказаить ёй мужъ.

— „А мнѣ, Антоныўна, ажъ абидна!..“ Гаворить мнѣ старуха.

А купцы то и дѣла падходютъ къ ёй:

— Стипаныўна, Стипаныўна, што намъ здѣлать?—

Падашла къ ей дачка, да гаворить:

— „Мамачка, пасматри на ихъ (ета на мяне съ Паўлюкомъ маимъ): ета жъ здалёка къ намъ заѣхали!..“

— Да нада паглядѣть, што имъ нужна ѣхать дамой далёка.—

— „Что жъ выздоровѣлъ твой Павлюкъ?“— спросилъ я у разсказщицы.

— И годъ ни пабыў: хиріў, хиріў—и схиріў!—Дамарачиха вѣрна гаварила, што іонъ надарваўся.

№ 10.

Дахтаря праѣздымъ.

Бальна была баба гады три и съ пастели ни ўставала; мужъ яе бывала кричить на яе:

— „Валакитя яе пу дурахъ! Сабаками бъ яе, хворую, затравить—на што ина?—А сабакамъ и то няўгодна яе зъѣсть: высыхла на былинку.

Заѣхали у дворъ къ имъ нѣмцы, траў ликарствинныхъ

вязуть вазы бальшущіе. И зайшолъ разгаворъ, даўноль хазяйка бальна.

— „Надабъ ёй помычи дать!..“

Стала прасить:

— „Сдѣлаитя Божецкую милысть!..“

Дали ей травы на три разы:

— „Три раза натапитя!.“

И сказали, икаво будить итъ травы:—Перша спать будить, а тада скарёжить яе, и дужа худа будить – ну, усётаки, три раза здержитя!..“ Третій разъ якъ дали, звярнула морду у патылицу—мужъ ажъ дивитца:

— Во уродъ, такъ уродъ! Ну, ужъ ета ни самимъ глядѣть, ни людёмъ паказать!..“ Захатѣлысь ей у баню, – пашла, и сыйшла у ёй шкура, якъ рубаха. Выздаравѣла жъ, и стала сама знахаркый и кастапраўкый.

№ 11.

Лисная дѣўка.

1) У паўдни збываитца клятва матири. Лѣшій уводить у матки дачку.

Была идна дачка у матки. Стала ина прасить ў паўдни ѣсть и надаѣла матки. (А ў паўдни матка ня брбнься на свайго рабенка и ни кляни яго, а рабёныкъ ни давади да брани: іость такая минута у паўдни—што матка ни прагавбрить, то ўсё збудитца).

А матка гаворить:

— „Иди ты къ чорту, убирайся! Чаво ты ка мнѣ привязалась?!.“

Якъ стаяла дачка у въ изби, лѣшіў узяў яе за руку и павёў съ избы.

Матка ня видить лѣшига, а дѣўка видить яго, хазяина,— іонъ яе—и паавёў, и паавёў! Сабрались ужу съ поля, палуднувать пупришли; матка гукаить дачку палуднувать.

— Идѣ жъ ана дѣлася? Ина жъ тутъ была,—са избы пашла нидаўна. Пагукаитя ея: ина нейди тутъ на кблицы.—

Тутъ яны на колицу гукать яе: и туды, и сюды—дѣўки нѣту нійдѣ.

Тронула матку у серца. Усѣ стали палуднувать, а матка сядить и плачить. Дѣўки тэй нѣту и нѣту: яны туды пойдуть прапытывать — нѣту; яны сюды — нѣту; — куды ни пойдуть нійдѣ нѣтути. Стали у води искать, стали ужу панахвиды служить и поминъ справлять—якъ пима, дакъ нима...

Ужъ и годъ прайшолъ нѣтути и другей прайшолъ нѣтути. Якъ пуминають, якъ службу справляють—матки буцакъ нà серци лехчи.

2) Житьё-бытьё дѣўки у лѣшига. Лисавэй учить дѣўку знахарству и усяму пырядку.

Семъ лѣтъ дѣўки не была: вадіў яе лѣшій по лису. Чимъ ина тольки питалася, чимъ тольки яе душухна жива была?!

Дасть ей лѣшій губяшичку. Губиначка, словна якъ прасвирачка, смашная такая—сказывала посли: «якъ зъѣмъ, ипять да заўтри ѣсть нихачу и падумать ня хочитца“. Спать урема прйдить. Придуть яны къ купинки—ей и мяхка, и тепло. (А ина усё у аднэй рубатенычки, усё у аднэй рубашички).

Прайдуть на висельля. Будить тамъ тиха, хмурна чаво та, — уси призадумаютца, призатуманютца, словна темный воблакъ на ўсихъ понадвинить, — уси маўчать:—Сичасъ, якъ придуть, аткель што вòзьмитца: вясельля, игры, шутки—растабары, хохытъ; пракаўзнўть мима стола—и пѣсни, и шумъ, и гоманъ, малады и цалуватца.

„Ну, ужъ и ў хати“, сказывала: „мой путивадитиль пырядку глядить: кали што ни ў парядки дужа морду свою кривить—ни пу нутру яму.—Кадажъ хлѣбъ изъ сѣиный, ладныи муки—пристòить, пажалуй, аткушаить;—а ужъ изъ нясѣиный—нядумай: ни зàшта ни вòзьмить (нужна муку непремѣнна прасивать).

Хто жъ абѣдаўши хлѣбъ на лаўцы кладеть назадъ—саусимъ нихарашо—да таво хлѣба ни притронитца. Ящо жъ, братцы, хто воду працòдить, удяжу ліўшеи—и хлѣбъ дўжа споринъ, и ѣсь яго пріятна. Ящо жъ, братцы, у закрамыхъ нада накрывать муку пакрышкыю.

Входимъ мы разъ въ йзбу.

Адвы спять нималёмшись, а тыя пумалёмшись лягли. То нихарашо, а ета харашо. Ложомшись, нада кститца и Богу малитца. Кады дитенык лажить пиряхщоный ета лаўка, када ни пиряхщоный — ета нѣтъ. Узыйшомши у хату, сичасъ якъ свары нѣтъ,—пастаить, пабудить, паглядить и павернитца няйдрухъ; а если свара, то ни дай Бохъ—таропить: „здѣсь ня будишъ, ня будишъ — тутъ и Бохъ ни бываить“.

Ну, ня больши, якъ у двухъ дварахъ, пабудимъ тутъ сынчасъ и лѣсъ; у лѣсъ іонъ и пойдить са мною.

Якъ пристолъ у сялѣ, якъ ярманка—мы ужу и тутъ,—будимъ хадить на рынку. Ибѣдня идеть, народъ молитца. Пайдѐть іонъ кала лавыкъ и тавару ня будить брать бумажныга, а тольки што глядить на яго.

Адинъ платокъ махинь, другей швыргинь—словàкъ гуляить.

Пайдѐть—прайдѐть кала лавыкъ, кала ўсихъ: послышитца крикъ: вотку пьють и льютъ, якъ разліўноя моря; таргоўля удашная, купцы дярутца ажно атъ азарту, народъ на пирябой расхватаить таваръ, а Бохъ цѣны строить.

Вѐзьмить и мнѣ дасть пупряникъ, баранька и арѣхи со два и со три: ну, тутъ зъѣмъ, а ў запасъ ничога ни бяри...

Будить, словàкъ назнарошня, вадить па ярманки, вокала матки, вокала усей маей раднѣ. Якъ гляну я—слезы пòкатымъ изъ глазъ, ноги подкашіютца, жалка мнѣ,—стараюсь тирнутца, задѣть ихъ хуть лакаткòмъ. Ета назваляить;—ну ни батьки, ни матки я ня видна.

— „Табѣ радни ни нада, давольна — пайдѐмъ!“—Увядеть мине атъ ихъ! Ти чутно то ихъ серцу, што я такъ близинька была вокала ихъ...

Стаимъ мы разъ пиридъ вакномъ. Агонь гарѣў, а то загасъ. Сядить мать надъ бальнымъ дитѐнычкымъ, а дитѐнычикъ кричить — и день, и ночъ усе кричитъ.

— „О, Господи миласливый, наняси человѣчика—хуть ба таўхануў нямножка, да дурь збіў!..“

А іонъ усѐ стаить и слушаить.

Пайдѐмъ, дѣўка,—калыхнемъ дитенка! Дитѐнычикъ успокоіўся и затихъ, якъ іонъ увайшоў у хату; три разочки калыхнуў—даетъ спать матки.

— Благодарю Господа на Вышнига!—Слава Богу: мой дитѐнычикъ спить,“—Ну, и спить три дни. Приходить іонъ.

три дни пагадёмши—дитёнычикъ ипять закрикываитъ.

— „Господи Миласливый, хуть бы ищо чилавѣка етыва Бохъ принесъ—я бъ малебинъ благадарный отслужила бъ!..“

— Зайдимъ жа, дѣўка, ипять — калышнёмъ яго, пакуль жисть прикончить іонъ: іонъ нямнога паживетъ.

Ина Богу молитца—памолитца и за наша здароўя. Дитёныкъ стишитца, а намъ будитъ атъ матки благодарнысть!.. Аба ўсихъ іонъ падумаить, добрый, ти падумаить жа аба мнѣ, ти привядетъ кали къ маей матки съ батькыю?!..

3) Возвращеніе къ родителямъ.

Якъ сёмый годъ вышіў, пришли мы къ кабаку, што выстаўнэя бываютъ лавычки.

Пьетъ матка зъ батькый гарѣлку. Батька выпьитъ стаканъ и матки даеть, матка што-та ня пьетъ.

— Пей ты самъ!

Батька наліў другей стаканъ, ипять даетъ матки, а я усё патаўхиваю матку: а матка якъ крикнула:

— Гарѣлка икая пратіўная!

Да шлёпъ тиризъ плячо пряма мнѣ въ очи. Тады лѣшій:

— Во кадѝ тибе матка вôзьмитъ.—Атпихнулъ мине атъ сибе. Видна я стала людёмъ и кинулась нà груди матири...

— Дачушка мая радимая!..

Схватала яе за шыю—ни разымишъ! Якъ убярёзи трипятѝничка тряпещитца—такая стала ина изъ сябе блѣдная...

— Ажно жъ сы мохымъ абрасла и шматки атъ адёжи прирасли къ твайму тѣличку!.. Нахадилась, дѣтычка?

— А наахадилась, а наахадилась, мамычка!..

Сталъ народъ приходить дивитца ляснэй дѣўки; стала варажить и сказывала усимъ усю щѝрую праўду.

Тимохъ нашъ Михàль быў у ей. Сказывалъ: дѣўка изъ сябе звязная, ну, сурьёзна, дужа сурьёзна.

№ 12.

Знахари привараж̌іють.

У Чарненка была жонка, ищá ничего—баба слаўная, а спалюбоўница куда хужѣй: и ета, сабѣ, танкуватая, а тая ящо танѣй.

Сама спалюбоўница мнѣ признавалась:

— Съ тыхъ поръ якъ іонъ мине приваражіў и ня вижу яго дни со три, со два—тошна мнѣ, ажно мўтарна—дѣтца нѐйди!

А кали увижу яго—ничога.

Выду я на крыльцо, плачу— хуть ты птушкыю ляти къ яму!

Матка бьѐть мине, брѐнить: такая, сякая!

Саскрябѐть мяшулку—и мяшулкую.

Маўчу и плачу,—рада-бъ скинутца сѣрыю пирипялкыю или сизыю какушкыю, да лятѣть къ яму пу вуздухàхъ.

Выбрала минутку—я за сѣнцы; стричаютца са мною два ваўки—и пувядуть мине да стрѣчи или къ яму у дяреўню.

Іонъ самъ мнѣ казаў:

— Хуть ты ни пайдѐшъ па сваей воли, упнѐшься, а пойдѐшъ, придѝшъ: мае сабачки тибе мнѣ руками даставють!

Сичасъ яны мине вядуть подъ руку, иду я съ ними, сястрица, иду—и горюшка мала.

Якъ прихажу у дяреўню—слова якъ назнарошня упихнуть мине—ти яны, ти другей нѣхта таўханѐть мине къ яму на парохъ.

Ну, назадъ атъ яго атъ чаго-та храбрюсь, сама ни знаю атъ чаго, иду пряма, ни баюсь ни матки, ни рода—племини, дàйжа горюшка мала,—иду слова законъ, слова жонка.

Ти чула ты ета?! Прихажу двору—и матка ня кривитца, ни бранитца.

Ну, и я ужу сублюдаю сибе ни якъ нибуть, усѐ гажу ей,— да таво ужъ выбиваюсь, пильную.

Тады матка гаворить на нявѣстку:

— „Ни кривися и ты на яе (ета на мине): пуста яе буть— ина усѐ дѣлаить: и мяшки аграменныи носить и на малатьбу ходить.

Умѐрла Чарненкыва жонка—спортеў яе: высыхла, высыхла, на былиначку, ляжить у гроби якъ дѣвычка, галоўка слова махтўрычка. Жаніўся іонъ потэмъ съ храмэю.

№ 13.

Чарненыкъ къ драки призводить на свадьби.

Была свадьба у Крутялѐвыхъ: нашъ Васька пляменника жаніў. Висялились, висялились; во Чарненыкъ и гаворить:

— „Ти хочитя вы: зъ етыхъ шапыкъ ажно пухъ пасыплитца, и сичасъ яны палитять?“

— А ни мяли ты пустова.

— „А во глядитя, глядитя; глядитя жъ, бабы!“ Падышли сичасъ адинъ къ водныму, бэхъ, бэхъ новуху.

— „Паѣхали, паѣхали... Глядитя, глядитя! И стала прастора у изби. Вотъ тяперь нѣту никога; во харашо, дакъ харашо!..“ А жонка гаворить:

— Яхимычка, вить ета на нашимъ Гараськи паѣхали!.. Чортъ суить усё ни чужими, а нашими.

— Цѣлъ, цѣлъ, дудить... Нярушъ, нярушъ пагуляють... Ня босьтись!..

Вышилъ тады:

— Ахъ, такъ васъ, етакъ! Што вы ета забясились... Што-жъ вы ета уздумали сами сабѣ?!.

Гаворить ета іонъ, стоичи ли ихъ—и захахаталъ.

— „Ту, ту, ту, пфу, пфу, пфу! (Заплювалъ на ихъ).

Чаго ета васъ забрала? Ни дуритя, а хадитя, дураки, у въ избу. Што вы ета раздикались: ти шалъ якой на васъ напалъ, ти што?!“

Идеть у избу, и яны гужикымъ за имъ:—„изнову я вяду свадьбу къ вамъ“.

Стаў тады Чарнёныкъ играть на скрипки; стали изнову пить гарѣлку, и пашла вясельля.

Чарненыкъ весилъ и шутить.

Пришолъ Чарненыкъ у гости и дядька, уси радня. Якъ яны налили стаканъ гарѣлки, стаить етый стаканъ; зазюкались.

Што ты думаишъ? Аглянулись: стаканъ троху припадняўся, гарѣлка къ паталоку, и дно вывалилась у стакана.

Дядька зъ-за стала побѣхъ:

— Я, братъ, баюсь; братъ Дмитрыў, ей Богу баюсь.

— „Ня бось, ня бось, садись за столъ“.

Гаворить хазяинъ:

— Мамъ, а мамъ, благаслави гарѣлку пить.

— А Бохъ тябе благаславить. Ня бось, мой сынокъ: у тябе многа помирла радитиліў—пригукни ихъ!

Сталъ пригукивать:

— Батюшка мой Дмитрокъ Ѳедоровичъ, благаслави, Мирёнъ Дмитривичъ, брахнинька мой, благаслави!..

— Падиаси таперь, мой сынокъ, паднаси: нярушъ съ Богымъ пьють...“

Стали пить, стали гулять, pауспакоились, а Чарненькъ бизпакоитца ня думаў: сядить у углушкў и смяётца.

№ 14.

Состязаніе знахарей на свадьбѣ.

Была свадьба у Мачулахъ, и были на тэй свадьби скымарохи, а двоя изъ ихъ троху шўпили—ну, урахъ на урага и найшолъ,—то я вы сабѣ замѣтьтя, што воба съ крючками.

Адни на свадьбу прошины, другея нѣтъ.

Дзынъ! У прошиныхъ скымарохыў струны парвались адъ разу.

— Пагади, пастой: идѣ Марачи, тажъ ж... ни тачи! Марачъ траху падядіў, падядіў: во тэй знахарь якъ начаў зъ лаўки и да парогу и абъ парохъ и абъ другей парогъ и за варотами битца—бьётца, а устать ни магйть.

— Стаў тады знахырь прасить пращёння у Марачà.

—Ты жъ мала смыслишъ, ты бъ ня трогаў луччи: Идѣ Марачи, тамъ ж... ни тачи—и дитёмъ сваимъ закажи. Мы забыли, братъ, што ты знаишъ. Ты магйшъ спортить и ни атдѣлаишъ; а я спорчу и атдѣлаю; разлажу и налажу; мы сами зъ вусами, а у тябе тольки носъ пааброcъ!..

Стали пить гарѣлку.

№ 15.

Добрыи знахари Божьимъ иминимъ пумагають людёмъ, а злыи знахари тиризъ аггала чарадэйствують.

Скорчила у Рудни у Лапоткина Ганну, височыю яе звали—усё ета въ поддѣлу. Стали малебны служить,—кудỳ, кудỳ ни кидались—прикарёжила: готъ пабыла и умёрла.

Тады дойжа и знахари пуприкали и бранили тога злога видьмака, што поддѣлъ здѣлаў.

Памилуй, Госпыдь, и пакрый атъ злыхъ слоў; сакрути, Госпыди, зло ли дабра!

№ 16.

Знахыри заломы дѣлають.

Систра мыя ни видамши да сжала заломъ. Стала ей мутарна, и мужъ яе на лугахъ кричить:

— Ай, жіў ня буду, ай, жіў ня буду!

Стаў битца, якъ зимля почарнѣлъ. Привяли знахаря: іонъ былъ нидалёча.

— Ну, таланьтвая, братъ, што ты скора щипянуўся—а было бъ табѣ, братъ, акаливать скора: дужа лоўка здѣланъ заломъ на тябе и на твою жонку.

Талань, талань, што захапили и тябѣ, бабъ, былъ ба рядъ; ящо талань што плоха здѣланъ заломъ—бытца'къ на скотъ.

№ 17.

Знахырь унистыжаить поддѣлъ.

Балѣла у мине рука и нага нахристь: правая нага, лѣвая рука,—балѣла у мине такъ, ажно стерпу не была: кричэла, рубаху на сабѣ драла.

Привяли ка мнѣ Лаўриненка мине атхаживать.

— Охъ, падшутіў надъ табой нѣхта Маркыўна, слаўна падшутіў!

Паставіў жбанъ вады прида мною.

— Гляди у етый жбанъ и калй у етый жбанъ, у личиння, што тамъ увидишъ: ета тэй, што табѣ поддѣлаў; а то рѣжъ руку. Ти баисьтя ты грѣху?

— Нѣ, Васильивичъ, баюсь грѣху, ни хачу брать грѣху на сваю душу.

— Гляди: сюда придить тая баба;—ни давай жа ёй ничога.

Приходить сусѣдка, приносить мнѣ рыбки солиный:

— Натка табѣ: у тябе двоя дѣтыкъ;—ты подкрѣпися, тябѣ будить харашо.

— Дай-ка ты мнѣ луччи етый рыбки.

Сичасъ іонъ яе узялъ и падъ печь бросилъ.

Ина атмоўчила, ни слова ни твѣтила: видно яще хатѣла поддабрить; узяла сичасъ и пашла за двери. Якъ выпила я Лаўриненькывый вады, стала у мине ирвота—думала, што жива ня буду, пбтэмъ палѣпшила, а стала я пумаленьку аздараўливать.

№ 18.

Змѣи повинуются знахарю. Знахарь наказываетъ змѣю.

Ѣхалъ мужикъ па дароги, атпрёхъ лошать вокала Бернйсскай гàти.

Укусила лошать яго змія, и плачить мужикъ, што лошать дьмёть.

Ѣдить кучиръ на лошадяхъ, адинъ, паражнёмъ.

Іонъ спрашить:

— Што ты, мужичекъ, плачишъ?

— Какъ, батюшка, ни плакать? Атпрёхъ лошать пакармить, а гàдина яе укусила: уся лошать распухла.

— Іость у тибе тапоръ? Бяри, атруби асинавую палку.

Іонъ побѣхъ, атрубилъ асинавую палку; узялъ кучиръ палку, зайстрйлъ, убилъ у землю, узяў зверьху канецъ разщапіў и кляпёнь палажіў, штобъ канецъ ня слизкываўся:

— Ня бойся ничова! Хади—ни рабѣй...

Свиснуў—крикнуў кучиръ:

— Сабирайтись уси гады ко мнѣ!

Змѣи паўзи, якея вутрымъ собирались!..

— Ня бось, ня бось!

Яны поўзали кала ихъ.

— Хуть и станишъ, ня бось, ни рабѣй—ня ўкусить! Ну, ну, ну? ня ўси ящо...

А тая паўзеть и схуваитца·

— Ну, винуватая, падхади ближе!

Падпаўзываить.

— Ну, винуватая, лѣзь у клящотки, што разняў!

Улѣзла въ розники,—кляпень и выніў.

— Падарожнига ни кусай, а такова!

— Ну, па сваихъ мѣстахъ!

Тада каторыя куда...

— Бяри лошать, паизжай зъ Богымъ!..

№ 19 а.

Атчаво ета лисавыи завялись, вадяныи, палявыи, дамавыи? Ета атъ дятей Адамовыхъ, что онъ посовѣстился Богу показать за тымъ, што яго жонка цѣлую арѧву нарадила.

У Адама нарадилась многа дятей. Вотъ разъ и гаварить Гаспоть Адаму:

— Пакажи ка мнѣ сваихъ дятей!

Ева пасавѣтывала:

— Ни вяди ихъ усихъ къ Богу, а застаў у ситники, у камыши: совистна паказывать такую араву.

Вотъ іўляитца Адамъ къ Богу ну, ни са ўсѣми своими дятьми; а ужъ Гаспоть знаить, што яны ня ўси и знаить, идѣ атстатнія дѣти.

Какъ шолъ Адамъ атъ Бога, думаить:

— Дай: зайду, вазьму сваихъ дятей у камышѝ!

А ихъ ужу тамъ и званія нѣтъ,—паложимъ сабѣ яны ни прапали, а ѕдѣлались силый темный: хазяевами па дамамъ, лисавыми па лисамъ, палявыми па палямъ, вадяными па вадамъ—идѣ которыму Бохъ жить пріизвелъ.

№ 19 б.

Атчаво ета лисавыи завялись, водяныи, полявыи, дамавыи? Ета атъ дятей Адамавыхъ, што іонъ пасовѣстился Богу паказать за тымъ, што яго жонка цѣлую араву нарадила.

Бохъ вялѣў Адаму паказать сваихъ дятей. Адамъ пасовѣстился усихъ вести къ Богу, што ихъ дужа многа—цѣлая арава. Абярнуўшись назадъ, іонъ ни знайшоў ихъ знова—стали яны силый темный: лисавыми па лисамъ, водяными па вадамъ, дамавыми, па дамамъ, лугавыми па лугамъ.

№ 20.

Аткуль лисавэя?

У зачатіи свѣту, якъ ища Сусъ Христосъ на муку ня шоў, ходють нихрящоныя за Госпыдымъ Богымъ, ни дають яму спакою. Гаспоть гаворить:

— Атксанитись вы атъ мине, акаянныи, будьтя прокляты атъ мине атъ нынѣ да вѣку.

Яны застались: каторый у вадѣ, каторый у лѣси, каторый у поли, каторый у дварѣ, каторый у гумнѣ. Даўжно быть, у ниxъ іость и дѣти.

№ 21.

Лисавэй.

Хадили у лѣсъ мущины; дядька мой съ сваякымъ, родныя, сѣкли смалу при маладику, ноччу.

— Братъ, ти баисьтя ты?

— А ни мяли ты! чаго баятца?—А ты ти баисьтя...

— Ды, нѣ, ни баюсь.

Такъ сабѣ пагаварили, сякуть ета яны—у вадну минуту надъ ими якъ свиснить—и уши ажнё заклала.

Спужались абая, стали утикать. Якъ свиснулъ знова,—мы бягимъ, а лѣсъ надъ нами слова валитца.

Бягимъ мы, а іонъ снова нагибаить и надъ нами пугыю.

Зъ лѣсу выбигли, а іонъ усё надъ нами хлещить; видить—никогда ня видили.

Кинули усё,—ледва сами ушли.

Такъ лисавэй ганяить пугыю и птушикъ, и зярёў: ваўкоў, мидвядёў, зайчикыў, лисичикъ; надъ усими іонъ хазяинъ, уси яму падвластны.

№ 22.

Лисавиха.

Хадила жэнщина у лѣсъ, у ягады и слухаить, што дѣтычки маханькія плачуть.

— Госпыди Милысливый, што тутъ такоя?

Сичасъ глянула, падходить къ бярёзи—бярёза бальшая, у бярёзи тэй сядить двоя дѣтычикъ.

Ина удыва—наметку далоў съ галовы и завяртѣла, пупалямъ раздраўши, абоихъ; сама двору пашла.

Ни паспѣла ина двору придить, идеть лисавиха услѣдъ за ею:

— Ахъ ты, мая бабычка, пратапи ты мнѣ баню.

— Ахъ, галубачка мая, я и рада бъ пратапила, да ўда-

виныя маё дѣла, мнѣ и сваёй нечимъ тапить—я усё нараўлюсь: кали такей дянёкъ вытыплю, кали ни такэй, ни таплю.

— А нѣ, бабычка, мнѣ твае дровы ни нада: ты иди, щепычикъ у фартукъ назбирай—во и зъ насъ; аганьку вазьми, затапи—зъ насъ духу и дѣть нейди будить.

Щепки пагарѣли, а ина сядить, дажидаить. Вѣничикъ намачила, вадицы паставила—духу и дивать нейди: цѣлая баня. Вымались. Памыла яе, пупарила:

— Спасиба тябѣ, мая бабычка: я ужъ тябе за усё атблагадарю и за сваихъ дѣтыкъ, што яны голинькіи ни сидять. На жъ табѣ за труды палатенца. Гляди жъ ты, бабычка: на што надаби, на усё рѣжъ, будить съ тябе и зъ дятей тваихъ на викъ. Хто папросить на нужду, можно дать—тольки ни раскатывай, рѣжъ да и рѣжъ.

Ня утёрпила, раскатила—хочитца ей паглядѣть, што такоя: Трубачка ни вяликая, а усё Бохъ споръ даеть.

Якъ раскатила, усё и кончилась.

№ 23.

Лисавиха даеть баби трубку палатна.

Нашла баба на голинькихъ лисавыхъ и накинула на ихъ хвартукъ; за ета лисавая (матка ихъ) гаворить:

— Дарю я тябѣ трубку палатна—никогда ни раскатывай яе—и во вѣкъ яе ни раскотишъ.

№ 24.

Пятрокъ прикрываить у лясу рабенка и получаить за ета знанья атъ слишный ляснэй дѣуки.

Касіў Пятрокъ сѣна на аборку; стала яго къ паздноте атамливать сномъ. Видить іонъ ужу ти ва снѣ, ти на яву: ляжить рабенычикъ голинькій, голинькій—и весь у твитахъ.

Дужа жалка яму стала тога рабенка, прикрыў іонъ яго сваею курткыю. Посли таво, быццакъ ва снѣ, ти на яву, яўлятця къ яму слишная, прислишная дѣвица, волысы распустёмши—и гаворить:

— Што дать табѣ, Пятрокъ, за ета, што ты прикрыў майго рабенка: ти багатьтя ты хочишъ, ти власти, ти знаньня?

— Ни хачу я власти, ни багатья тога;—а ти ня можна мнѣ пулучить знаньня?

Спадабалась ета слишный дѣвицы.

— Ну, харашо, Пятрокъ! Ли тябе я ета здѣлаю: ты будишь шупить, многа шупишъ—и многа дашъ спальзэиня и людёмъ, и скату.

Съ тыхъ поръ нашъ Пятрокъ и стаў знахаримъ, и слишная дѣвица яго ни забывала, а часта атвѣдывала, и іонъ раился зъ ею и многа тулкуваў—абъ чимъ—ета ужъ ихъ дѣла, а намъ няйзвѣсна. Мнѣ сама яго жонка баила:

— Ляжу съ Питракомъ, а къ Питраку падходить слишная дѣвица, волысы распустемши, уся ў бѣлымъ—и я ляжу ни жива, ни мёртва, притулёмшись.

— Што ты, кумынька мыя?!..

То страшна мнѣ, а то ни хачу пумишать ихъ бясѣди, якъ ины свае таўхи наводють, што къ чаму належить. Охъ, хитра, дужа хитра!..

Такъ и скромниныка пайдеть ина атъ яго, якъ пришла. Такъ ета вялось у ихъ.

Разъ Пятрокъ пассажирку на чугунки астануваў. Ти чули вы ета?

Пьяный ашакубитца:

— Застанаўлю и застанаўлю!

И, дяиствитильна, пассажирка цупъ и стала. Потэмъ іонъ изъ горыда, куда яго связли, пиряѣзда со два мясіў па грязи.

№ 25.

Дамаха ткеть.

Баня ли двара стаить, теплая баня. Пажилая маладуха пайдеть у баню и начуить. Мущины слова пригаварили:

— Чаго ты пресься у баню—слова ни баисьтя?!

Ина дятей паукладеть, узила и пайшла. Пашла у баню и ляжить на полку: тамъ тепло и харашо, спить крѣпка таково, харашо. Заснула ти многа, ти спала,—агонь гарить, лучинка тарчить у грядки: Пришла хазяйка (а ина пращнулась и гля-

дить: аткуль ета свѣтъ узяўся, и аткуль ета хто пришоў). Хозяйка забиваитца кросны ткеть, тольки цѣўка звизжить у чіўнаку, якъ ина пракидываить— такъ и гримить, якъ ина прибиваить дужа бёрдами. Ина и думаить:

— Хуть кали яе прашла бъ—баюсь.

А Дамаха хуть и видить, што ина ня спить—бытца на іё ни глядить. Баба потиху атторнула варшокъ и глядить, ти гарить агонь на дареўни. Дамаха задомъ сядить и усе видить.

— Куды бъ мнѣ утечъ?

Паўночъ, самая глушъ, уси спять, агни патухли. А Дамаха усё знаить, што баба и думаить. Минуўся у баби сонъ: ни заснеть ина.

Дамаха удрухъ загаварила:

— Маладухъ, маладухъ, што ты ета усё у варшокъ глядишъ?

— Ахъ, Божа мой, чаго я гляжу у вакно? Дуброва шумить, и дѣти кричать нечіи.

— Ти ни мае ета дѣти?!

Згарнула кросны нахапыкъ и папёрла, патуль и была; а за ею и баба ни вопрымить до двору.

— Зарякусь и вырикусь у баню хадить.

А мущины ей гаворють:

— Мы казали, што ты смѣла, и марозъ тябе дойжа ни бяреть!

№ 26.

Дамаха и Паляха.

Пашли бабы тилятъ искать. Хадили, хадили—кусты растяребы. Доугавечира ужъ, а маладикъ свѣтить.

— Ни найдишъ тилятъ—пайдёмъ ужу двору!

Выходить жэнщина съ кустоў праставалосая, бѣлинькая, гукаить ихъ:

— Маладухи, маладушички, вярнитись: вонъ ваши тилятычки—идитя па стежички, у права.

Яны глянули—спужались.

— Ня босьтя, маладушички, ня босьтя! вонъ тилятки—ганитя ихъ двору—и скажитя у дворѣ, маладушички, скажитя, маладушички, Д а м а х и, што умёрла П а л я х а.

Пригнали двору тилятъ, и горюшка мала; сѣли вачерить. Стали мущины спрашивать:

Маладухи, идѣ вы тилятъ нашли?

— А, Божа мой, хадили, хадили—хатѣли ужу такъ двору идить. Бохъ яе вѣдаить, выходить жэнщина съ кустоў бѣлинькая такая, стогнить, стогнить:

— Ахъ, мае маладушпчки, скажитя Дамахи, што умёрла Паляха.

Якъ прагаворили ета, што-ты якъ у ладошки хлопнула—сичасъ што-та загаласила и завыла—голысъ такой пріятный, слова тая какушичка, дзярьми хлопнула, зашагала па гароду у поля.

Пирипужалисъ дѣўки, а мущины старшія:

— Ня бойтись, ня бойтись—Бохъ зъ ею, нихай сабѣ идеть.

№ 27.

Лисавиха выить.

Якъ маладая я была, пашла у малину у Асмолкава. Бяру, идуть Данькаўськея дѣўки у малину; я дай ихъ спужать: кала пня хряпъ, хряпъ: мумъ, мумъ!

Бойжа мой, мядьвѣдь—маршъ на уходъ мае дѣўки; а я радая такая, што спужала: набяруся малинки.

Чутна мнѣ тольки:

— Хлопъ хто-та у ладошки, „вы́ю, вы́ю—низнаю, каго мнѣ искать“.

Тады и я шарпнула за сваими на ўходъ.

№ 28.

Русалки.

Русалки качаютца на вѣткахъ дярёў и кричать:

Рели, рели!

Чилавѣкъ имъ ни пупадайся: у воду утощуть и защакочуть.

Злучалась у старину, што дѣти русалыкъ прибивались къ мужукамъ; ихъ нада кармить парыю атъ гарячига. Таперь русалыкъ мала: ихъ запрастили.

№ 29.

Крикъ русалокъ.

Разтўль русалкамъ, загавѣўшись у Пятроўцы; качаютцы яны на развитыхъ винкахъ и кричать:

Гўтыньки, гутынькй.

Дѣўку пыймають защакочуть—и усё будуть кричать:

Гутыньки, гутынькй.

№ 30.

Приспанныя дѣти русалками дѣлаются, и замѣстъ ихъ хто-та цурбанъ падкидаить.

Приспанныя дѣти, по народнымъ воззрѣніямъ, не умираютъ, а ихъ уноситъ какое-то сверхъестественное существо, потомъ они дѣлаются русалками.

Одна баба приспала ребенка. Она, конечно, думала, что онъ умеръ, и плакала по немъ, какъ по мертвомъ, а ребенокъ-то не умеръ: его колдунья унесла, а вмѣсто ребенка чурбанъ положила.

Чурбанъ, подкинутый колдуньей, былъ очень похожъ на ребенка: только не дохнётъ и слова не скажетъ. Къ счастью прохожій, остановившійся у несчастной бабы, видѣлъ, какъ ея малютку похищала колдунья, одѣтая въ бѣлую одежду.

Прохожій отнялъ ребенка у вѣдьмы, припряталъ его, потомъ отдалъ матери:

— Ну, не огорчайся, баба; вотъ твой ребенокъ, а надъ которымъ ты причитываешь, тотъ чурбанъ.—При этихъ словахъ прохожій бросилъ чурбанъ въ огонь, а ребенка, поданнаго прохожимъ, мать признала за своего.

№ 31.

Домовой похищаетъ дѣтей.

Одна мать, потерявъ пятилѣтняго сына, пришла къ знахаркѣ спросить:

— Правду ли говорятъ, что мой сынъ утонулъ? Нельзя-ли его какъ нибудь возвратить?

— Твой сынъ похищенъ царёмъ домовымъ.

Потомъ знахарка дала калачъ, совѣтуя положить его въ уединенномъ мѣстѣ, произнося слѣдующія слова:

— Царь домовой, царица домовая, возьмите хлѣбъ-соль! (Вѣроятно, для того, чтобы покормить ребенка).

№ 32.

Нигадитца ругатца у лясу.

Тяпло расклали бальшоя у лясу, привёмши кони. Рубятки въ адныхъ рубашёнкахъ бѣгають, ругаютца; ругались, ругались, спать лягли, Богу палёмшись.

Чую я: зимля трясетца—идеть, идеть, сичасъ галавешки уси у кучу скидывать. Тяпло снову запылала, потэмъ, паходіўши вокыла агня (стала видна, видна) говорить:

— Полна вамъ сюда вадить: а то вы, привёўши сюды, тольки спакою ни даетя!

Три раза такъ прагаварилъ, пашолъ на лухъ, къ конимъ. Ляжу и ня сплю: чутна мнѣ, якъ атъ яго шагаў зимля трясетца.

— Слышишъ, Анистичка?

— Маўчи, маўчи!

Пришомши, дѣду разсказываю.

— Дурачки, дурачки: ета лисавэй, іонъ гнѣваитца, што у лясу вы на сасонки лазіятѣ, друхъ друга чурками шкубунянтя; ета хазяину ня дужа пріятна...

№ 33.

На Здвижиння нигадитца у лѣсъ хадить.

Якъ мужикъ на Здвижиння пашоў у лѣсъ и праваліўся у ямку, пôтэмъ са зміями питаўся отъ бѣлаго кáмня; якъ главная змія подхапила тôга мужика и изнову вынисла на свѣтъ Божій. На самага Ягорья.

На Здвижиння нигадитца у лѣсъ хадить; иднакажъ му-

жикъ узялъ и пашолъ. Ишоў, ишоў по лѣсу, ступіў нагою и пралятѣлъ у яму; яма тая закрылася—улятѣлъ іонъ у яму, слова якъ у авинъ.

Тамъ іонъ стаитъ нагами стаячкомъ. Лляжитъ тамъ бальшая змія, и галава у яе бальшущая, слова якъ у кабыли.

Ина, якъ зашпѣла,—другіи змѣи паменьши мѣста пупустили сѣсть—якъ кателки стали атъ яво катитца; и сядитъ іонъ—ня трогаитъ, и яны яго ня трогаютъ. Сядитъ день, сядитъ и другей ня ѣўши, сядитъ и третій. Ляжитъ тамъ каминь такей бѣлый.

Сичасъ большая змія атхинитца, тэй каминь атъ стяны лизнетъ; ну, и станутъ уси лизать, пирявернутца да аднэй.

Глядѣў, глядѣў—душа вонъ лѣзитъ: ѣсть хочитца.

— Погади-жъ папробую и я: што мнѣ Бохъ дасть.

Злѣзъ—яны ничǒга: мѣста уступаютъ яму. Становитца чиризъ ихъ, узялъ пригнулся къ тǒму камню, три раза лизнулъ и пайдалъ—и дǒсыть къ тому камню лѣзь.

Да Ягорья саминькава да вясеннива каминь тэй, якъ асвѣтитъ, имъ такъ видниинька у ями.

Дасть Бохъ день; бальшая змія устаѣтъ лукымъ, три раза якъ лизнетъ—и сыта; три тысичи змѣй паменьши уси такъ пирявернутца.

— Слава Богу, што я ѣсть ищǎ ни хачу!

Иднакажъ приляжитъ и іонъ къ камню, лизнетъ. Самъ сабѣ думаитъ:

— Госпади Божа, што мнѣ Гасподь дасть? Ти доўга я тутъ буду сядѣть?

Дождаўся Ягорья, сичасъ яма ета свитлѣитъ: тиризъ щелачку свѣтъ идетъ.

— Слава тибѣ, Госпади, свѣтъ я увидіў!

И пашли змѣи у тэѐ диричку: во и лѣзуть, и лѣзуть, амгла ета уся—ажно ужасна глядѣть на ихъ, слухать ихъ шелистъ. Идуть, идуть, идетъ и бальшая змія, паднила голаву яму—и зимля раздвинулась, расшитнулась на баки, и видна яму стала усё. Сама сипитъ и хвастомъ яго абгарнула.

Госпади, што тутъ будитъ? Вѣрна, мнѣ канченіе приходитъ!..

Ина, якъ абхапила яво вокругъ, стиснула дужа и, выпалзши назнаружу, выкинула яго вонки—бутца къ вярхамъ яго вывизла на сябе изъ земи.

Я пирякстился: слава-жъ тибѣ, Госпади! ня думалъ и ни гадалъ на свѣти жить; благодарю Госпыду и Царицы Нябесный, што узвярнули мине на свѣтъ Божій. Идеть іонъ двору; рады яму жонка и дѣти:

— Аткуль ета Гаспоть тибе узвярнулъ, радимый нашъ? Мы жъ и ня думали што ты живиникъ, мы жъ прамизъ живыхъ тябе ни щитали и ужъ цуминали!

— Ну, мае радныи, што мнѣ люди казали, я тому вѣры ни няў, а таперь зарякусь и вырикусь, и вамъ дѣти закажу: на Здвижанья у лѣсъ ни хади!...

№ 34.

Скрабъ у лясу сабачій и ваўчиный.

Идеть челавѣкъ па дарози и видить: исчерчина, исцарапана дарога; па тэй дарози прахадить нильзя: а то уступишъ у скрабъ, будить чисатца тѣла. Скрабъ бываить сабачій и ваўчиный.

№ 35.

Змѣй, наситиль усякыга быгатства.

Змѣй выводитца изъ питушиныва яйца. Нясеть яго пятухъ пяти годоў. Яйцо ета, какъ гулубиныя. Яво баруть падъ паху, падвязыють, шесть нядѣль носють, ня ходють ни ў храмъ, ни ў баню—тада змѣй выходить изъ яйца.

Яво узращають и кормють да вырыста малакомъ, саблюдають, штобъ нихто ни видалъ—успитають лѣтъ да сями. Тада іонъ начинаить литать и носить, што прикажуть: носить хлѣбъ, малако, дэнги, вотку,—тольки зирнятки, што змѣй носить, стыять кверху вострымъ канцомъ, пяткыю унизъ.

Разъ у хазяина, каторый змѣя вырыстилъ, была талока, у яго навозъ вазили, наступила пара-ўремя заўтрикать. Хазяинъ паслалъ змѣя за воткыю.

Мужики гаварять:

— Пара-уремя заўтрикать!

— Пагадитя—вотки нѣту!

Прилитаить змѣй.

— Што ты доўга быль?

— Закрещиная вотка — насилу знайшолъ; адинъ кабакъ вотка ни закрещиная.

Если съ диньгами идеть—ясинъ; съ хлѣбымъ идеть—тьмянъ, съ малакомъ—бѣлъ.

№ 36.

Нильзя раскладывать игня на гумнѣ падъ Чуды (5 сентября). Видѣнья падъ Чуды.

Пашоў адинъ мужикъ на гумно начувать. Вотъ іонъ разлажіў агонь и лехъ спать. Падходить дѣла къ паўночи (а ета была падъ самыи Чуды); приходить къ яму чилавѣкъ няйзвѣсна якой, у бѣлый адѐжи, а валасы пу пяты. Стаить іонъ кала вина и гаворить на етыга хазяина, каторый тамъ начуваў на вини.

— Хазяинъ, загаси ты агонь!

А іонъ быў малый ни рабавитый, и гаворить:

— А хто ты такэй?

— А я чуды: сяводни мой праздникъ; а ежили ты ни загасишъ авина, то будить дѣла ниладна.

Во іонъ загасіў агонь, вылизъ изъ-падъ авина и пашоў дамой.

Во тутъ и спрашіють у яго дома:

— Што ты ета пришоў?

— На мяне тамъ вышіў нищасный злучай: еслибъ ни пашоў дамой, гумно бъ згарѣла.

№ 37.

Нильзя рубить падсялибныга древа.

Пракопъ Лупавокій захатѣў срубить древа, што стыяла ли яво гумна. Якъ стаў іонъ рубить аграменную сасну, што ища дяды яго садили,—пріутамился и лёхъ атдыхнуть. Уво снѣ налятѣлъ на яго конь и чуть было ня ссѣкъ капытами. Скора іонъ посли таго захвараў и Богу душу отдаў. Якъ бы ни рубилъ сасны, былъ бы жіў. У Шаталыви атецъ и сынъ Кастылевы помирли, срубіўши на гароди ябланки. Бохъ правидный

знаить съ якимъ пригаворымъ сожина древа,—што въ умѣ диржаў тэй чилавѣкъ, хто яго садіў.

№ 38.

Суевѣрія при насыпки платины.

Штобы насыпать платину, непремѣнна нужна палажить въ основаніи яе сабачую или коньскую голову; послѣ таго въ той дереўни сабаки и лошади будуть вадитца плоха, ну, платина будить диржатца крѣпка. Прахожій слыхаў разгаворъ чартей, пачаму у тэй дяреўни, идѣ іонъ занучувалъ, ни магутъ ни якимъ годымъ аснувать платину; черти тутъ жа и казали, што нады бы сдѣлать ли яе атсыпки. Потэмъ прахожій видить, што мужики дужа клапатять радъ атсыпкай платины: ета была вз ўремя крипастнога права, а баринъ былъ ихъ дужа строгій.

Прахожій и разскажи мужичкамъ, што іонъ падслухаў у чартей. На ета ўремя бягить бѣлая сабака; мужики яе царапъ, да хлудомъ яе у платини и завалили. Тады платѝна устойла; ну сабаки у тэй дяреўни ни вадились.

№ 39.

Якъ бабка Марьяха угадала, атчаго ета баба торчмя палятѣла у чулани и нагў у дваёмъ мѣсти зламала.

Мой батька былъ ища ни вяликъ. Баба пакойница замарилась, вячѐріють варива падъ сериду.

— Сынокъ мой, схади: тамъ на сундуку малако стаить гарлачикъ.

Пашоў у чуланъ. Аттэль якъ идеть, якъ сунитца у сѣнцахъ.

— А, нутя, васъ съ малакомъ—я буду васъ искать, у патемкахъ, у сѣнцахъ!!..

Съ естыми славами бухъ у ямку.

Бабка на яво забранилась.

— Вы же идѐтя, ни зная, идѣ стаить што: вамъ и ямки, вамъ и палки. Атчаго-жъ я иду,—я чую и ямку, я чую и палку падъ нагами, а вы дакъ ничога ня чуитя.

Сморьхъ, пабѣгла у чуланъ, узила тэй гарлачъ и нясеть.

Якъ нисла, такъ и сунилась; малако падъ ноги; нагу у двαвихъ мѣсти зламила.

Ляжить сама, ни ўстанить. Дѣда звали Димьянъ Храменькій.

— Дѣдичка Димьяничко, хади ты ка мнѣ, рятуй ты мине!

— Чаго ты, чаго ты?—Ну, кали жъ твой языкъ такей лапатливый: тихинька нійдѣ ни прбйдешъ...

— Мине, дѣдичка, слова хто якъ дасть подъ калѣна и пувалилъ.

Палажили бабу на калёсы и ѣдуть къ Марьянни, а Марьянна якъ завидила маю бабу, прарячить:

— Ти чуишъ ты палку и ямку?

Ти слышили вы ета, а?!

Назадъ наччу ни паѣхали — забаялись палки и ямки: у Марьяхи заначували.

№ 40.

Ибъ Марскомъ Игемани. Нильзя пить набгомъ.

Въ нѣкатарымъ царстви, ў нѣкатарымъ гасударстви, а ня иминна ў томъ, ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, какъ жіў быў кароль, или гасударь, патомъ іонъ и паѣхаў ў сваю имперію, а хазяйка яво асталась у яго царскымъ дварцы и была ина обременна. Патомъ іонъ абъѣхаўши ўсю сваю имперію, и ѣдить іонъ ужъ дамой; нямнога іонъ праѣхаўши, и захатѣлысь яму пить. На дароги, канешна, нейди искать ни кружки, ни стыкана, то іонъ слѣзъ съ сваей кареты и пашоў ў ряку напитца. Толька іонъ пригнуўся къ рякѣ, хатѣў напитца, а яго вадяной машенникъ хвать за бараду и гаварить:—„Стой, ты ни пу правилу дѣлаишь: разви можна тябѣ изъ ряки набгомъ пить ваду?—ты-жъ называесься гасударь,—ты-жъ принимаў карону!“ Вотъ іонъ и гаварить:—Ну, идѣ жъ мнѣ была искать у дароги пасуды? — Пусти мяне! — А іонъ гаворить: — „Я тябе пущу, толька атдай мнѣ тоя, чаго ты дома ни знаишъ!“—Іонъ думаў, думаў:—чаго я дома ни знаю?—У мяне кажетца ў доми усё на пирячоти, и гаворить:—ну, бяри сабѣ!—Патомъ и гаворить:—„ну, изволь расписатца!“—Кароль расписаўся, патомъ сѣў на каня и паѣхаў къ свайму дому; прііизжаить дамой: тутъ яму усѣ рады. Іонъ и спрашіить: —„Усё-ли у насъ тутъ бла-

гапалушна?“—А слава Богу ўсё, и ящо во што: мы тябе предвѣщаимъ и зъ наслѣдникымъ паздраўляимъ!—Патомъ іонъ самъ сабе кусь за языкъ и гаворить самъ сабѣ:—„Да, во што я дома ни знаю!—Ну, таперь ужъ ни варотишь?“—Патомъ и гаварить:—„Да, ўсяму то я радъ, и ўсё благапалушна, и ўсё слава Богу, а зле адно дѣла я нидаволинъ.“—Тутъ ў яго спрашіють:—што вы ета такъ?—У насъ кажитца ў доми глупыга нѣтъ ничаво!—Патомъ іонъ и гаварить:—„Да во чѣмъ я нидаволинъ, што ў мяне радіўся наслѣдникъ,—то я яму ни радъ.“—За чѣмъ такъ?—спрашіють ў яго.—„Да, во зачѣмъ“, гаворить іонъ: „Я яго атдаў вадяному валшебнику; таперь я и самъ ни знаю, што мнѣ дѣлать.“—Вотъ (скора ета гаваритца, да ни скора дѣлаитца).—приходить уремя, какъ яны расписывались, да какога года атдавать сына сваяго. Вотъ іонъ заплакаў и гаворить:—„Ну, сынъ мой любезный, я тябе атдаў вадяному валшебнику, за тридесятъ зямель, въ тридисятыя царства, марскому гасударю, гаспадину Игеману. Вотъ іонъ паваў яго и атдаў. Патомъ прашло таму тридцать лѣтъ, пашолъ и гаворить етытъ гасударь:—„Пастой: паѣду за сынымъ, каторыга я атдаў марскому царю Игеману“.—Вотъ іонъ и паѣхаў.—Падъизжаить къ таму дому, идѣ жіў марской Игеманъ, пасматрить: увесь дворъ абторканъ кольемъ, усё пазастроина, и понабиты колля вострымъ канцомъ, и на каждымъ калу тарчить па чилавѣчій галавѣ, и адинъ тольки ѣсть колъ низанятый.—„Во идѣ маей жизни канецъ будить!“—падумаў кароль. Патомъ іонъ пирихрястіўся и пашоў туда; падходить іонъ къ дому, а наўстрѣчу идеть марской царь Игеманъ.—„Здрастуй, гаспадинъ марской Игеманъ!“—Здрастуй Гасударь!—Што ты ка мнѣ пріѣхаў: вѣрна за сынамъ?—„Да!“—гаворить гасударь—„іонъ ба нужинъ мнѣ быў!“—Ну, вазьми, да смотри: етыга самъ ня дѣлай, и дитёмъ сваимъ прикажи, и ўсей сваей имперіи, и ўсей сваей Расеи, штобы ня пить набгомъ, съ ряки, ни съ видра, ни съ возира: на то намъ Богъ даў руки, штобы мы имѣли падносъ къ сваимъ устамъ!

Сказка ўся, и расказывыть нильзя.

№ 41.

Знахырь-пчилаводъ

У аднаго пупа харашо вялись пчолы. Мужику захатѣлась разжитца у батюшки на испраўныхъ пчалишикъ.

Паѣхалъ мужикъ къ папу, да и купилъ у яго вулій пчолъ, ну, и пажилалъ атставить вулій да вȏсени: нихай іонъ палѣтуить.

Осиннню пріѣхаў, када батюшки дома не была: іонъ уѣхалъ у горыдъ за пакупками. Пупадьдя сказала, што батюшка будить ни сянни вичаромъ, дакъ заўтри вутрымъ ниприменна.

Пасика батюшкина была вярсты за дви; пашоў туды мужикъ, думаить сабѣ: заначую у батюшкиный пасики! Придя у пасику, узялъ курницу, куряжку, глядить: у пчолъ ни сатинки мёду... Камедія!

Вичаромъ батюшка пріѣхаў благаслаўлянть мужика, да гаворить: — „Ты жъ, сматри, начуй у мине, Пятрокъ: заўтри пчалишикъ пагладимъ!..“ Пирякстилися, апахмялилися, запалили курнйцу, атварили улій: улій повинъ мёду, и мёдъ, якъ кроў.

— Бȏжжа мой, Госпади, Царица ты мая Нябесная, нѣ, нѣ, нѣ! скольки я жилъ бязъ пчолъ—и жить буду. И денигъ вашихъ ни хачу и улья вашива ни хачу!..

— Што, што ты?—А ничога, батюшка!

— Сматри жъ ты, сматри: никȏму ни глаголь!...

№ 42.

Прапускать пчолъ тиризъ ваучиную пасть іость няугодна Богу, хоть чужея пчолы на тваю пасику залитать ня будуть.

Жечь щучьи зубы и подкуривать дымомъ чужихъ пчелъ во время нападенія ихъ на пасѣку считается средствомъ „вражьимъ и не особенно симпатичнымъ“.

Во избѣжаніе этого несимпатичнаго средства совѣтуютъ обходиться „дядовникомъ, орловыми перьями, иглами ежа“.

Пропускаютъ чужихъ пчелъ черезъ волчиную пасть; но это тоже „іость не угодно Господу“.—Разъ одинъ мужикъ сдѣлалъ

такъ, смотритъ: пчелы сыплютъ ужъ не изъ волчинаго, а изъ змѣинаго рта.—„Э, э, э! Спаси и памилуй атъ етыга, Госпади!“

№ 43.

Прудниковъ сынъ, при помощи незнакомаго прудника, принимаетъ образъ шпанскаго королевича и женится на дочери короля; за услугу прудника прудниковъ сынъ 12 іордань водою прогоняетъ съ мѣста (съ-подъ мельничнаго колеса) атамана чертей и ставитъ на его мѣсто прудника.

Якъ жіў прудникъ, и у прудника былъ сынъ Иванъ. Якъ дайшолъ Иванъ ды сывяршенналѣтій, уздумалась батьки жанить сына. Савѣтуитца съ жаной прудникъ:—„што я задумалъ, жана? женимъ мы нашига сына“.

Прудницкая жонка и гаворить:—„што нада, то нада; я и сама то-жъ думаю—атправляйся у сваты!..„

Прудникъ и паѣхаў у сваты; быў іонъ у разныхъ мистахъ, и нихто ни` тдаеть дѣўки за яго сына; сынымъ хуть и ня гребують, а яго бѣднастью: у яго идна кабыла; да и ту порши стачили.

Пріѣхаў двору; жана пытаить у яго:—„ти высватаў адѣ дѣўку за сына?“—Нѣтъ, жина, нійдѣ ня высватаў: вишь сынымъ нашимъ нихто ня грябуить, ну, толька яго бѣднастью: у яго идна кабыла, да и ту порши стачили.

Нихай таперь самъ іонъ ищить сваей талани!

Итправляйси-ка, сынокъ, у сваты, ищи сабѣ нявѣсту; тольки адѣ будить платина, саскакивай съ лошади и правади яе пу платини у рукахъ!

Падъѣхаў къ платини, слизаить прудникыў сынъ съ лышади, бяреть лошадь у руки, а лошадь ни съ мѣста; іонъ падаить на платину и черезъ галаву пирикувыркнуўся.

Тады узяў за повадъ лошадь, и лошадь пышла пу платины, и тольки што прайшолъ платину, яўляитца яму на ўстрѣчу чилавѣкъ.—„Здароў, Иванъ, прудницкій сынъ!..“—Здароў, добрый чилавѣкъ!.. Гаворить яму и Иванъ.—„А куды ты ѣдишъ?

— Ѣду, братъ, у сваты.—„Да разви у тябе батьки нѣту, што ты самъ ѣдишъ?“—Батька былъ у сватахъ, да нихто дѣўки ни тдаеть ни па мнѣ, а па бѣднасти нашій.

— Вазми, мяне сватымъ: я табѣ высватаю нявѣсту.

— Да я съ радыстію тябе вазьму, гаворить яму Иванъ.

— Давай-ка ты мнѣ паршивую сваю кабылу.

Узяў мельникъ лошадь и павёў за кустъ, сказаў:—сароки, вароны, пулучайтя сабѣ мяса, а кожу кабылину на кустъ: во табѣ, кустъ, теплыя адіянія".—Свиснуў патомъ маладецкымъ посвистымъ; яўляитца къ яму тройка лихихъ лашадыкъ. А прудницкыму сыну сказаў:—„скинься мухыю, улизай у лѣвыя уха лошади, а у правыя вылизай: тады ты будишъ такей маладецъ и такей красавица".

Абразина яго тэй часъ сдѣлалась, якъ шпаньскага каралевича, и уся адежа на ёмъ и карона царьская. И гаворить яму (прудницкыму сыну) мельникъ:—„умъ твой, разумъ мой. Таперь паѣдимъ у сваты къ царю Дадону Дадонычу у чужоя царства; и смаtри ты: ничога ни гавари тамъ, а я буду уси дила запраўлять".

И пріѣхали къ Дадону. Дадонъ Дадонывичъ прымаить жиниха за шпаньскага каралевича да чести; и гости начинають свататца къ царскый дачкѣ. Дадонъ Дадонывичъ заветъ дачку сваю и гаворить ей:—„ти нравитца табѣ шпаньскый етый каралевичъ и ти сыгласна ты идить за яго замужъ? Когда нравитца, будимъ дѣла дѣлать; а ни нравитца и ня думаишъ выхадить за яго, то нада яму ужу атказывать".

— Батюшка, гаворить дачка: пазволь мнѣ нямнога времени падумать; тады я табѣ скажу сваё намѣренія.—И пайшла у сваю апачивальню.

Схватала нижнюю галавную падушку, а падъ падушкыю лижалъ чартёныкъ, и спрашіить у яго: ти идить ёй за шпаньскага каралевича, ти тказать яму. Чартёныкъ гаворить ёй: — „Цареўна, тябе абманыють: ета ни шпаньскій каралевичъ, а прудницкій сынъ".—Дочъ Дадона ибъіўляить итцу, што ета ни шпаньскій каралевичъ, а прудницкій сынъ, што „сватъ съ жанихомъ насъ праводютъ".—Пака Дадонъ съ дачкою разгавариваў, сватъ смѣтіў, у чёмъ дѣла: схватаў зялѣзный прутъ да у пачивальню цареўны и давай бизувать чартенка, избизуваў усяго и прутуріў яго изъ дыму вонъ, а самъ написаў на бумаги:

— Прости мнѣ за мою шутку, цареўна: я хуть и сказаў табѣ, што жанихъ прудницкій сынъ, но сказаў шуткыю: етый

жанихъ, дяйствитильна, шпаньскій каралевичъ," — и палажилъ іонъ записку ету подъ падушку, да яще написаў:—„ты кали мѣешъ желанія идить за яго замужъ, ступай!..." Сватъ и гаворить каралеўни:—кали думна идить за каралевича замужъ, давай намъ слова; а ня думна, атказывай!

„Ну, минуту времени патярпитя: сійчасъ буду къ вамъ и скажу ряшительныя слова".

Ина прачитала записку; а какъ чартенка тога ни було пыдъ падушкыю, то ина и пычла, што іонъ ушолъ атъ стыда. Приходить цареўна, гаворить ряшитильныя слова:—„сыгласна итить замужъ!" И атецъ яе сыгласился. Начинають пива варить и свадьбу играть. Свадьбу сыйграли, пувисялились и нагулялись. Пажили яны можа мѣсицъ, а можа и два. Сватъ Иваныў царя Дадона задушилъ, а за имъ у скорости и жану яго каралеўну; а шпаньскій каралевичъ застаетца царствывать у етымъ царстви.

Сватъ Ивана и гаворить Ивану:—„я тябе сдѣлалъ каралемъ, а ты мяне пастаў атаманымъ. У етымъ царстви іость мельница пустая и ляжить сярёдъ мельницы калода, и тамъ сядить нашъ атаманъ, мы уси яму винуемся: у нашимъ быту ни такъ, якъ у вашимъ: хто идѣ мѣста займеть, нихто яго ни спихнеть".—Но якжа мнѣ паставить тябѣ атаманымъ?—„А вотъ якъ", гаворить яму сватъ: „сыщи двинацыть папоў и асвяти двинацыть Іордань вады, вазьми яе у тазъ и крапи па ўсей мельницы - яны уси будуть сыпатца падъ кола, якъ градъ; а мяне спрячъ падъ адёжу; а якъ кончишъ акрапленія на мельницы, тады лей святую ваду на калоду,—и іонъ, якъ сѣнная капа, пакотитца падъ калоду, а я тады сяду на калоду на яго мѣста.

Шпаньскій кароль сабралъ двинацыть папоў свѣтить двинацать іорданьскія воды; и асвятили и пашли крапить усю мельницу — и уси черти и чертинята сыпались, якъ сильный градъ, подъ кола. Падходить мельникыў сынъ къ калоди и линуў вадою на калоду сы ўсяго судна, атаманъ ни ўсѣдѣў, а пабѣгъ падъ кола, якъ сѣнная капа, а сватъ яго и сѣў на калоду на яго мѣсти; съ тога времени сдѣлаўся атаманымъ.

Прудницкій сынъ Иванъ сдѣлаўся шпаньскимъ каралевичимъ, а сватъ яго атаманымъ; съ тыхъ поръ жили яны дружна и часта адинъ другога навѣдывали.

№ 44.

Пачёмъ вѣдьму узнать.

Якъ раздялилились браты, адна у ихъ карова; карова тая хадила, хадила и забаўталась у Хмбри, Пашоў у горыдъ старшій братъ Аўсей и купіў карову, карова тиризъ два мѣсицы и прапала. У яго дѣти—ипять пашоў куплять; купіў карову ящо луччи за 30 руб. Тая жъ пубыла, ни гарѣла, ни балѣла—акалѣла. Купіў ипять нетилка, пахадила да восени и прапала.

Фетисъ, меньшій братъ, гаворить:

— Я табѣ безъ деняхъ атдамъ карову, што яны у тябе ни вядутца: съ маей руки пайдуть.

Іонъ приносить усё таки брату 17 руб. денихъ и гарнидъ гарѣлки.

Сичасъ свѣчку запалили, стали Богу малитца.

— Нярушъ, якъ я запраста прадаю, штобъ табѣ была и мнѣ.

— Вазьми деньги.

— Нѣ, ни вазьму за адинъ парокъ, што ты кажишъ вѣдьма на маю жонку.

Теща забранилась:

— Ни вымудряй ты: мала, што люди гаворють.

Стали пить гарѣлку. Девирь и гаворить:

— Ну, хади: я узнаю, кали ты вѣдьма.

Пирякстилась, падходить.

— Гляди мнѣ у вочи! Я буду глядѣть на тябе ярка, и ты на мине гляди.

Хто знаить, чилавѣчки у глазахъ ня будуть галоўками, а кверьху нагами.

Салдатъ и шурьякъ стали глядѣть.

— Мелють-ста пустоя: чилавѣчки, якъ чилавѣчки.

№ 45.

Знахарь—атрошникъ.

Якъ знахарь атрошникъ маладога парня збиваў атъ Бога атречца; якъ паринь забіў знахаря; якъ пиродъ панымъ заступилась за парня сама мать св. Бугуродица.

Быў у барина лясникъ, знаўся съ икаяннымъ; шли къ яму харашо на стрѣлъ звярьё—усихъ билъ, и баринъ имъ даражіў, такъ даражіў, што имѣніимъ такъ ни даражіў.

Толька гаворить іонъ (знахарь):

— Мнѣ нада помычъ: идналу тижало хадить по лису!..

Баринъ абабраў яму харошига малыга въ имѣніи, приказалъ тому малыму явитца на лицо.

Далажили барину, што прійшолъ.

— Слушай етыва лисника, пумагай служить яму у лясу!..

— Слушаю, баринъ!..

Приставилъ яго къ лѣсу. Старый лясникъ бьѐть, а іонъ ничаво у глазы ня видить. Падъіўляитца къ барину у вечири.

Старый гаваріў:

— Я біў стольки мядвѣдіў—ваўкоў...

Спрашіить баринъ у маладога:

— Ты што, братицъ, убіў?

— А ничаво, баринъ, ни видаў у глазы.

Старыму пахвалъ, рюмка водки, маладому пени и выгавыръ бальшей:

Ты, аселъ, дуракъ, ня видишъ ничаво!..

Звярьё пасабяруть вичаромъ, етыва благадарить баринъ, а тому падзубники даеть.

Просить маладэй лясникъ старика:

— Будь такей добрый: научи мине, штобъ и я біў...

— Што будить за ета? я научу: будуть къ тибѣ идить звярьё усякыя.

— Яжъ ни знаю, што зъ мине патребуитя ..

— Тридцать рублей—наўчў.

Прадаў атецъ карову; мала ни хватила—приплатили.

— Ну, на, сыночикъ, няси!.. (Худа и батюшки приходють пени).

Панёсъ, атдаў тридцать рублей.

— Пайдѐшъ на постъ гавѣть, ня ѣшъ крошки святыхъ таинъ, а приняси мнѣ!..

Онъ кроў праглатилъ, а тѣла аставилъ ва рту и атдаў яму. Пайшли у лѣсъ хадить. Тольки старикъ—лясникъ атказырилъ шкуру асины и залажилъ тѣла.

Хадили, хадили; приходють къ асини, и знають, што лякить тамъ.

— Стриляй у асину у тоя—то мѣста!..

Кричить лясникъ. Кладеть малый ружьё на плячо старика и стволъ приставилъ къ етыму самыму мѣсту, идѣ клалъ тайны. Ружьё на плячи у старика.

Кричить сзаду:

— Бей!..

Маладой лясникъ прицѣлился; стаить Божжія Матирь и Спаситиль—нильзя бить.

— Бей!..

— Нѣтъ, дѣдушка, ня буду!...

— Атчаво?

— У Бога ни сагласинъ бить!

Я тибе убью!..

Утарой разъ прицѣлился—и усе Спаситиль и Божжія Матирь.

— Будишъ бить?

— Ня буду!..

Ну, я тибе забью!..

Атвярнулся малый и самаво убилъ старика: жисть кончилъ старикъ. Узваратился вечирымъ у гасподскій домъ. Далажили барину, што лясникъ пришолъ.

— Што жъ ты убилъ што сянни?

— Убіў, баринъ... мядьвѣдя!..

Сичасъ ѣхать за мядвѣдимъ. Пріизжають на тоя мѣста—ляжить убитый лясникъ.

— Ета старикъ убитый! Біў за мядьвѣдя: мядвѣдимъ іонъ мнѣ придаўся...

Паклали старика на тялѣгу и вязуть дамой.

— Будить, братъ, тебѣ за старика Сибирь!..

Привозють дамой. Далажили барину. Идеть къ яму баринъ дужа гнѣўный, вялить закувать яго у калодки и приставить къ яму стражу. Патребываў судъ.

Наѣхалъ судъ судить у Сибирь, падъ наказанія.

— Гаспада, пазвольтя мнѣ сказать адно слова!..

— Кали мине Гаспоть—Божья Матирь сбирягеть, ни пайду у Сибирь!..

— Атчаво?

— Іонъ мине застаўлялъ тѣла Христова бить тамъ и тамъ.

Ѣдить судъ на тоя мѣста, къ таму древу; пріизжають.

Тамъ вырысла пашанишная прасфара и подписъ Божжiй Матири. Сказали судъ:

— Сабаки сабачья честь!

Аправили и дали двацыть пять цалковыхъ и вольную: Ищо маладецъ: убiў чародэйника и атрошника!...

№ 46.

Видьмаки, што малдки у кароў атымають.

Ишоў старикъ са старухыю малитца Богу у Кiiў. Ишли яны па дароги, пупалась имъ третiя таварышка; садились яны атдыхать надъ бярезкыю. Старикъ са старухыю сѣў надъ бярезкыю, а жэнщина, третiя, вотдаль атъ ихъ. Старуха гаворить на старика:

— Што будимъ палудниватъ?

А старикъ гаворитъ:

— Мы найдемъ, што палудниватъ!

И гонить старикъ па тымъ баку бальшака кароў.

Старикъ тȍрькаитъ ножъ у бярȅзу.

Якъ торнуў, карова закричȅла у стади благимъ мȁтымъ, ряўнула—пабȅгла зъ ножика малако; iонъ ряжку падставилъ.

Пастухъ видить, што малако бягить съ бярȅзи па ножу, и карова, услыхалъ, крикнула благимъ матымъ;—скидываитъ съ сибе кахтанъ, кладеть на землю, складаитъ кнутъ удвоя— и ну па кахтанў цудить кнутомъ. Па кахтанў сякеть, а старикъ кричить падъ бярȅзый:

— Памилуй!...

Да таво пробралъ кнуттимъ. што старикъ упустился кричаўши:

— Баатюшка, ня буду!...

— Ну, зарякися и вырикися дȅлать—брошу сȅчъ!..

— Зарякуся, батюшка, и вырикуся!...

Камокъ зямли зъȅлъ—тада сȅчъ бросилъ.

№ 47.

Якъ парень (іонъ троху шупилъ) изъ вѣдьминыи даенки малако у абротьтя пириманилъ, и якъ надъ тымъ малакомъ, што вѣдьмау кароў атымала, попъ заклячиння дѣлалъ.

Былъ чилавѣкъ на нашлеги и устаў бѣчъ лашадей искать. Зарёю убѣгаить на̀ пыля, нападаить на жэнщину: стаить жэнщина и махаить хвартуко̀мъ: „Малако у даёнку!..“ А іонъ бѣгши гаворить

— Урешъ: у абро̀ти малако!..

Ина ипять:

— У даёнку малако!...

Іонъ тады ипять:

— Урешъ: у вабротьтя малако!

Жэнщина утикать—іонъ дыгынять. Пришодши дамоў, никому ничога ни гаваря, абротьтя павѣсіў, лёхъ, пирибуватца сталъ. Бягить сабратёй малако.

Сямейства пыта̀ить:

— Што съ тваихъ абратей малако бягить?

Іонъ гаворить:

— А я знаю, чаво бягить. Икая-та баба (я напалъ яе на пыли—далёка прашла на пыля) махала па расѣ хвартукомъ, казала:

— У даёнку малако!...

А я пачуўши сказалъ:

— У абротьтя малако!...

Ина тро̀жды пракричѣла, и я кричалъ сваё за ёю у слѣдъ. Ну, ина, замѣтя мяне, ударила на ўхадалую.—Атъ етыва, знать, у мине малако у абро̀тьтихъ.

Поставили сўдны—поўны вёдры набѣгла малака етыва, нихто-жъ яво ня ѣсть. Далажили священнику. Пріизжаить іонъ къ имъ у домъ, приказыить:

— Няситя тоя малако, што бягить у васъ низнама аткель!..

Принясли усё малако у хату.

Попъ заклятную малитву читалъ надъ малакомъ. Атчитаўши малитву, хрястомъ хрястилъ па суднахъ, идѣ тоя малако.

Малако абярнулася кроўю. Во яно што!...

№ 48.

Дѣўка-вобратинь.

Якъ дѣўка-вобратинь пана заѣла, якъ тэй панъ атъ судьбы сваей ни хуваўся.

Ѣхаў баринъ па дароги. Мужичекъ рожъ сѣить, сѣить рожъ и насѣживаитъ: кинитъ—и пасядитъ.

— Што-нибудь, іонъ примичаитъ:—знаитъ етый мужичекъ!..—Паслалъ лакея:—спроси, што эта іонъ пасѣживаитъ!.. Вѣрно, што нибуть знаитъ!..

Приходитъ лакей:

— Здрастуй, дѣдушка?!.. Што ета, дѣдушка, сядитя, а тамъ ипять начнетя сѣить?!..

— Вотъ, дитя, пачемъ: нихарошая минута узыйдеть, я абнараўливаю.

Пашоль съ етымъ къ барину, барину гаворитъ:

— Онъ знаитъ минуты нихарошія—абнаравливаитъ!

— Схади къ яму, штобъ онъ ка мнѣ пришолъ.

Онъ (мужикъ) приходитъ.

— Здрастуй, баринъ!..

— Што ты, братецъ, знаишъ минуты?

— Знаю, баринъ!..

— А знаишъ ли смерть сваю и маю?

— Знаю, баринъ, сваю и вашу знаю.

— Какъ мы ўмримъ?

— Разскажу, баринъ: васъ воўкъ зъѣсть у такей та годъ и день.

Баринъ записалъ ета.

— А ты какъ памрешъ?

— А я послѣдпива сына жанить буду, дакъ пайду за водкый въ имбаръ—мине жолыбымъ убьетъ, буря устамши съ крыши.

Баринъ и эта записаў. Баринъ ращитау, што мужикъ будитъ упяредъ яво умирать.

— Пажалуста, мужичекъ, када сына будитя жанить, я вамъ падарю харошинькіи падарычки—дайтя мнѣ вѣдама!

Мужикъ сагласіўся. Приходить тоя ўремя, тэй годъ. Мужикъ свадьбу сабираить и за бариныкъ паслау.

Яўляитца баринъ на свадьбу.

Приняли барина да чести, угащали харошими водками. Ночъ гуляли. Падарки даріў маладымъ. Пашоў старикъ за водкыю въ имбаръ—устала буря и убила старика жилабомъ.

Баринъ узналъ, што праўда и то, што яму быть зъѣдинымъ. Баринъ дожидаў тога время. Дождаўся.

Заказаў ружейникамъ, штобъ окала дома съ сабаками пастали. Челавѣкъ да триста пастала, штобъ воўку къ дому нильзя была приступитца.

Схараніўся баринъ у дальнію комнату.

Праваждаить уремя, чяннишній день, и на возира смотрить: За возирамъ дѣўка выить жаластна.

Узжалѣўся баринъ, што ина выить харашо.

Ужахнуўйся баринъ, што выить жаластна—приказаў, штобъ съѣздили на лотки, узнали. чаво она вдить. Поѣхаў адинъ чилавѣкъ на лотки. Подъизжаить къ ей и спрашіить:

— Ибъ чомъ ты, дѣвица, плачишъ?

Ана атказыить:

— Какъ мнѣ ни плакать? мине сянни воўкъ зъѣсть.

Онъ съ етымъ паѣхылъ назатъ къ барину дакладать.

Пріизжаить далажить барину, што воўкъ яе зъѣсть, а томъ ана слезна плачить.

Баринъ приказалъ:

— Привясти яе ка мнѣ!..

Онъ сѣлъ на лотку:

— Галубучка, призжайтя къ барину—и яго сяводни воўкъ зъѣсть—у кучу: сахранять васъ будимъ умѣсти. Привезъ къ барину. Пувяли яе у комнату, падводють къ барину; баринъ гаворить:

— Пажалуй сюды, тябе воўкъ зъѣсть и мине—такъ будимъ, душичка, умѣсти праваждать день.

Сядѣли нѣкатырыя ўремя. И ета дѣўка ваўкомъ скиналась и заѣла барина, заѣла—и сталъ народъ вхадить. а воўкъ прашолъ мима народа и утёкъ.

№ 49.

Якъ на мужика найшло, што іонъ жонку свою було зъѣў.

Якъ жіў-быў адинъ мужичекъ, и была у яго жина ни туда, ни сюда, ищѣ жэнщина парядышная. Вотъ іонъ адинъ разъ пашоў у кабакъ и напіўся вотки. Патомъ приходить іонъ дамой; усё яго сямейства садитца вужинать, а іонъ няйдеть.

Яны на яго и гаворють:

— Што ты няйдешъ зъ нами вужинать?

А іонъ гаворить:

— Нѣтъ, я вужинать ня буду, патаму што хачу сяводни жонку зъѣсть.

Што ты ета гаваришъ, што ты ета уздумаў? Пирякстись ты!...

А іонъ гаворить:

— Ну, што вы мяне унимаитя? Я што уздумаў, то и здѣлаю.

Яны жъ думали, што ета іонъ шутить: пауживали и лягли спать.

Сиряди ночи яго матца и гаворить:

— Што ета нашихъ ня чуть? Ти іонъ сміяўся, а, можа, и праўду гаваріў? Дай-ка пайду, пасматрю... Ти живы вы?...

Маўчавь. Пашла ина на пастель пащупаить: нѣтъ ни водныга.

Вотъ ина и говорить:

— А, Божжа мой, идѣжъ ета наши? Нѣтъ ни водныга.

Тутъ сичасъ уси пупаўскачили и давай ихъ шукать—нѣтъ нийдѣ. Патомъ іонъ вытарнуў галаву изъ-падъ печки увесь у крыви. Яны и спрашіють:

— Што ты ета?

А іонъ гаворить:

— Да жонку ѣмъ.

Вотъ яны и гаворють:

— Вылизай вонъ!

А іонъ ня лѣзить, да плачить, а усё ѣсть.

Патомъ яны и гаворють:

— Ну, што намъ таперь дѣлать?

Вотъ яны узяли яго аттуда вывылыкли: увесь іонъ у крыви;

патомъ вынямыкли яго жонку съ-надъ печки. Вотъ у яе наѣдины уси груди и уси пярсты на рукахъ.

Вотъ яны спрашіють у яго:

— Што ты ета уздумаў?

— Я и самъ ни зналъ, што са мной случилось,— я и самъ ни знаю.

№ 50.

Калдунъ—людаѣдъ—кравапіўца.

Якъ калдунъ людей заидаў, каторыи. спать лажòмшись, ня кстились, ворыта ни растягывали и ни распаясывались; заѣшши тыхъ людей, калдунъ кроў ихъ лактаў.

Странника у дарози обняла ночъ. Видить іонъ рощу, пуваратилъ къ ей и заначувалъ тамъ, падъ дирявòмъ.

Ноччу видить: идѐтъ къ яму чилавѣкъ у бѣлымъ адіяніи и новыхъ лаптéхъ; яму стала што-та ўжасна.

Низнакомый надшòлъ къ яму, талкнулъ яго и гавòрить:

— Уставай, пайдемъ!

— Да, кудажъ мы пайдемъ?

— Гаварять: пайдемъ!—такъ пайдемъ—ну, иди!

Прахожій са страхымъ ишоў за низнакомымъ.

Пришли у дяреўню. Падашли къ идному дому; калдунъ паглядѣлъ на вароты (ета калдунъ быў), гавòрить:

— Пашоў бы сюды, да запирта крѣпка.

Прахожій видить, што саўсимъ ня крѣпка, аткàзаить:

— Да яны лѐдва приперты.

— Да, гавари ты мнѣ! еты вароты хазяинъ закстилъ на ночъ, а тиризъ хрестъ и мнѣ нильзя прахадить.

Такъ ивобмиръ са страху прахожій: видить, што чилавѣкъ етый штука ни якая нибудь.

Пришли къ другому двору; вароты етыга двара были крѣпка заперты.

Калдунъ тольки нагой таўхануў, уси запоры урозь: варотъ тыхъ хазяинъ ни захстилъ.

Уходють у въ избу, уси спять крѣпка. Калдунъ свѣчку палилъ, надшолъ къ идному челавѣку и гаворить:

— Етыга и іость узять за што, да нильзя: іонъ на ныч хатя и ворыта ни растягнулъ и ни распаясался, ну, пирихрястился.

Къ третьиму пидходить, каторый спалъ съ жонкью, калдунъ гаворить:

— Ну, етыга узять можна, да и іость за што: іонъ ни пирякстился на нычъ, да и ворыта ни растягнулъ и ни распаясался.

Узялъ калдунъ этыга чилавѣка адуэй рукой за поисъ, а другей за ворытъ и вынисъ яго сонныга на сярёдку избы, сѣлъ на яго вярьхомъ, якъ на барана, узялъ у руку ножъ и гаворить прахожиму:

— Ну-ка падай вядро!

Прахожій подалъ яму вядро.

Калдунъ хазяина зарѣзалъ и кроў у вядро спустилъ, потэмъ пачаў жадна лактать кроў, а ина такъ и тякѐть и тякѐть пу барадѣ и жупану.

До сыта напіўся, тады падаѐть прахожыму вядро съ кроўю и вялить пить.

Прахожій и туды и сюды атвиливать, ну, атказыватца нильгà: паказыить для виду, што пьеть, а самъ льеть кроў на груди.

Пóтэмъ прахожій паставилъ вядро и гаворить:

— Ну, я напился!

— Даўно бы такъ!

Тымъ чàсымъ калдунъ бросилъ мертвыя тѣла на прежнія мѣста, а самъ изъ хаты вышилъ.

Тольки яны вышли на вулицу, а тутъ запѣлъ пятухъ. Калдунъ „залапатѣў“, пылятѣў прама къ кладбищу. Прахожій улазни застаўся и да вутра праспалъ крѣпкимъ сномъ.

Прасыпаитца прахожій, слышить: выють у дяреўни, и пайшоў у тэй дворъ, идѣ бабы галасили.

Были у тымъ самымъ дварѣ, идѣ калдунъ заѣлъ чилавѣка; да яще на жонку пакойника абаду узвяли, што ина мужика загубила. Бѣдная баба клялась, што ни ина, а ѐй вѣры нима.

Прахожій у хату увайшолъ и гаворить, што самъ видилъ.

Тады мужики атказыють: — „Такъ и будить! у насъ нидаўна памёръ калдунъ—Мартынъ—такъ яго прадѣлка.“

Сичасъ сабрамшись, на кладбища пайшли, калдуна атрыли, видють: іонъ акраваўлинъ. Маладуху аправили.

Калдупа асинывымъ колымъ прабивать. Якъ яго прабивали, изъ магилы гукъ вышіў, слова карова ряветь.

Ниприменна заўжда, якъ спать ложйсься, крястись, распаясывайся, и ворытъ растягивай.

От крестьянина деревни Медвѣдовки
Емельяна Данилова.

№ 51.

Папокъ-кулдунокъ.

Салдатикъ паўчилъ пупка-калдунка за то, што онъ на свадьбахъ добрыхъ людей ваўкулаками дѣлалъ: папокъ-кулдунокъ атъ салдатскыга паддѣлу падали абажрался са сваею старухый.

Стаяли пастои салдатскіи. Мужичекъ уздумалъ свадьбу играть,—пашолъ къ священнику, пумирилъ священника:

— Я тибе благаслаўляю свадьбу игратъ—тольки праси тôга старика видьмака!...

Приходить атъ священника дамой и гаворить:

— Аднаво пупа пумиріў—и таво нада мирить!

А салдатъ, што на пастои быў, спрашіить яго:

— Якой жа у васъ ящо попъ?

А іонъ атказыіть:

— А, служивинькій! тэй хитрѣй пупа—таво нада мирить.

— Чимъ?

— А вотъ чимъ: бальшей калдунъ—паддѣлаить свадьбу усю ваўкулаками.

— Харашо, хазяинъ! Праси мине у ротныва, штобъ я тибѣ дружкомъ ѣхаў—ни утрачивай ты денихъ на видьмака: мы бизъ яво свадьбу сгуляимъ.

Іонъ пашоў къ ротныму:

— Ваша благородія высокая, увольнитя майво салдата-пастаяльца на свадьбу мнѣ: я вамъ за ета падарачикъ падарю—падарю парасенка и мядку дамъ!

(Онъ тада ища панёсъ парасенка и мёдъ къ яму).

Публагадарилъ ротнива, што атпустилъ салдата и пришоў дамоў. Тада служивый гаворить хазяину:

— Хазяинъ, іость ли у васъ на дяреўни сродичъ-братъ?

— Іость родный братъ.

— Што у яво лошади будуть пахужій тваихъ?

— Пахужій.

— Ну, пуминяй! яму атдай харошую, а худую вазьми: пада мной адна лошать прападеть.

Онъ сибѣ лошать пиремѣнилъ—у брата худую узялъ. Служивый дружкомъ поѣхалъ у свадьби падъ вянецъ.

Ѣхали терезъ тэе дяреўню, идѣ папокъ—колдунокъ.

Ѣдуть прати яго двора. Яны, старикъ са старухою, глидять у вакошка. Старикъ атвичаить салдату:

— „Ты малалѣтинъ на свадьбыхъ ѣздить!“...

— А идѣ жъ старыхъ набратца? малалѣтнимъ надоби ѣхать.

— Ни спрасясь у мине, идитя!...

— О, будимъ мы спрашиватца у старыхъ чартей?!.

Прапустимъ ихъ да храма. Раўняютца пиривинчавшись прати вакна. Какъ ѣхалъ праті вакна, лошать бухъ и упала падъ салдатымъ. Приказалъ лошать валочь къ акну. Палажили лошать прати вакна; сани привизали къ другимъ санёмъ.

Выхадіў старикъ вонки са старухыю уиѣсти и стали лошать эту грязь зубами, воби. Сыны узнали, што атецъ зъ матирью лошать ядуть, пашли у хату за цѣпью. Яны жъ атарвутца атъ лошади и знову ѣсть, морда у ихъ у крыви—скубуть. Привязывали сыны атца съ матирью на цѣпь на вярёўки, штобъ лошать ня ѣли,—ничога ни ўзяло: вярёўки пирандали зубами и усё къ лошади бѣгали—лошать ѣли.

Сыны пашли къ етыму салдату пращення прасить:

— Прасти, служивый: наши атецъ зъ матирью абъѣлись канятины.

— Я имъ ни пращу ва вѣки вякоў: яны многа зла панадѣлали людёмъ. Идитя дамой—нѣтъ пращення! Ни прасітя—и па мнѣ хто нибуть Богу памолить, што я злодѣіў зжіў.

На нычъ сынаўё привязали кулдуноў у въ ізби. Сарвались ноччу и абъѣлись кабылятины; оба ряшились.

№ 52.

Якъ сынауя батьку, видьмака, харанили.

Жiў адинъ мужучокъ, и такей iонъ быў багатина, што iонъ пряма ни знаў своей казны. Було у яго три сына: два жинатыхъ, а третiй халдстый. Вотъ iонъ забалѣў, патомъ сабраў усихъ сваихъ сыноў и давай ихъ благаслаўлять: каторнга хлѣбымъ, которыга диньгами, а каторыга скатомъ; патомъ и гаворить: „Ну, дѣти мае, ня гнѣвайтись вы на мяне: а какъ я буду памирать“. Патомъ, черизъ нѣскалька ўремя, чуствапть iонъ сваю слабасть и смерть. Вотъ iонъ сазвалъ своихъ сыноў и извѣстыхъ. Стаять яны и жаластна плачуть. Патомъ iонъ и давай имъ приказнвать:—„Ну, сыночки мое, галубчики, што я буду гаварить, и буду васъ прасить, то вы и здѣлайтя. Какъ я буду умирать, то вы вазьмитя, да нада мною разбярптя стальницу: тада я сканчаюсь.“—Патомъ и началъ ужу прасить службу, и гаворить: — „Дѣтачки мае, ящо буду прасить васъ здѣлать адну службу: какъ я скончусь, то вы вазьмитя, вытапитя печку, и нагрѣйтя три катлы вады, да какъ ня можна пажарчѣй, патомъ палажитя мяне ў карыта и ваду ету узлейтя на мяне.“—Патомъ и начаў канчатца. Вотъ яны, думали, думали:— „ну, какъ ацоўскага пувяленiя ни исполнить?“— Узяли, стальницу разабрали — iонъ и кончiўся. Патомъ думали, думали:— „ну какъ можна мертвыя тѣла варить варымъ?“—Старшiй братъ гаворить: — „ну, какъ можна атцоўская приказанiя ни ’сполнить?“—Узяли, затапили печку, накипятяли воды; патомъ унясли карыта, и палажили яго туда, да какъ линули варымъ на яго тѣла: патомъ iонъ какъ зашавелитца, какъ выскачить изъ яго ни извѣстна хто, какъ захахочить, какъ засмяетца, какъ пубяжить низнама куда. Патомъ яны вынили ета тѣла изъ карыта. абмыли яго и палажили на кўтъ. Патомъ пашли за священникымъ и схаранили. А ежили бъ яны етаго ня сдѣлали, што iонъ имъ приказаў, то iонъ ба ни даваў имъ пакою дома: патаму што ў яго тѣли сядѣў акаянный духъ, и iонъ бы ў яго тѣли хадiў.

№ 53.

Похарыны видьмака.

Быў адинъ старикъ, и було у яго 2 сына; аднаво атдали у службу. Старикъ быў бальшэй видьмакъ. Етый старикъ памеръ; якъ яго схували, то іонъ пришоў съ кладйща и павыгнуў усихъ зъ дяреўни. Изъ другой ужъ дяреўни насили яму вужинъ у сваю хату. Пришоў яго сынъ са службы, и была у яго сыбачка. Заходить іонъ у свой дворъ, нѣту ни кога—гарить адинъ аганекъ; пасматрить: стаить гробъ сяредъ хати. Приходить іонъ у хату, садитца на вутъ. На сталѣ на етимъ стаить водка (нявѣстки вужинъ яму принасили), блины, каша. Давай салдатъ етый вужинъ прибирать. Павужинаў іонъ, падходить полнычъ. На грабу на томъ було 12 абручоў. Упалночъ еты вубручи уси палопали. Устаеть етый старикъ зъ гробу: — „во хто ета у мой дворъ пришоў?... Хто мой вужинъ паѣлъ?“ — Стали еты батька съ сынимъ дратца, а салдатыва сабачка усё етыга старика за ноги кусаить. Дрались яны да свѣту. Сынъ спрашіить: — „тата, идѣ палажить тябе?“—Старикъ яму ничога ни гаворить, тольки усё дяретца. Якъ питухи прапѣли, старикъ етый заваліўся: яго и палажіў сынъ у гробъ. На другей день къ вечиру, салдатъ ипять пришоў стяречъ атца. Ипять упаўночъ абручи на грабу палопали, старикъ вышій изъ гробу: —„а-а, ты тутъ?“ —Ды тутъ.—Ипять яны стали дратца. Сынъ ипять спрасіў: идѣ табе схувать?— Старикъ усе зъ имъ дяретца, а ничога ни гаворить. Ныканецъ видьмакъ гаворить: „ну, я табѣ скажу, идѣ мяне схувать, а тольки ты заўтри привязи мнѣ 40 ведиръ вотки, да 60 валоў.“— Вотъ яму за динь мужуки усё ета даставили. Салдатъ на третьтію ночъ ипять у етый хати. У паўночъ старикъ зъ гробу устаў. Шаходить, шаходить па хати, — падъ бочку падляжить, ды й гарѣлки папьеть; вола раздяреть, да й зьѣстъ. Усё ета іонъ папіў, паѣў и гаворить на сына: „іось сысна на поли, падъ тэю сасною мяне схувайтя: тамъ мнѣ мѣста“, На заўтрича павёзъ сынъ атца; за динь звезъ тольки на $^1/_2$ вярсты. Абхватила ночъ. Салдатъ етый пирябуў питами упяредъ лапти, штоба яго па слидамъ ни нашоў батька. Узлѣзъ іонъ на ёлку. У паўночъ старикъ изъ гроба устаеть. Искаў іонъ яго, искаў,

нашоў на ёлки.—„Э-э-э, братъ, во йдѣ ты!...“ И палѣзъ къ яму на ёлку. Нямнога іонъ да яго ни далѣзъ, запѣли питухи— іонъ абъ землю брякъ! Салдатъ яго у гробъ палажіў. Приходить вутрымъ салдатыў братъ, салдатъ гаворить:—„ну, братъ, пристаў мнѣ 6 лашадей.... Привяли яны шесть лашадей, запрягли и пувязли етыга видьмака. За динь уѣхали тольки адну вярсту. Абнила ихъ ночъ. Салдатъ гаворить:—ну, братъ, заўтри, привяди мнѣ 12 лашадей.“—Салдатъ ипять пирябуўся питѐми напярёдъ, наслядіў кала гроба и узлѣзъ на сасну. Старикъ у палночъ устайши зъ гроба, доўга искаў яго, нашоў на саснѣ и лѣзить къ яму. Чуть чуть яго ни дастаў, запѣли питухи. На заутрича запрягли ужу 12 коній и вязуть видьмака харанить. Насилу даѣхали къ паўночи къ саснѣ —ужу абручи на грабу стали лопать. Тольки падвязли къ саснѣ: сасна паднилась. Яны яго падъ сасну; душа тады ў видьмака вонъ.

От кравца Лаврина Егорова.

№ 54.

Якъ Голубъ хараніу свайго сусѣда Увароуськыга видьмака и назнарёшня лапти пирибуваў, штобъ атъ яго утикать.

Іость сяло Ляхава, дяреўня Уварава. Быў въ Уваравя бальшей видьмакъ, и быў тамъ мужикъ бѣдный, хвамилія Голубъ. Тольки іонъ съ видьмакомъ пастаянна быў у вздёріи, и дужа видьмакъ на Голуба етыва былъ сярдитъ.

Чуўствуваў видьмакъ сваю скорыю смерть.

Были у видьмака три сына. Призываить къ сабѣ сынёў на лицо:

— „Вотъ, дѣти мае любезныя, приказываю вамъ при жіўнысти, если я памру скора, супоўнить мой приказъ, што я буду приказывать.

Ни харанить мине ў Ляхави“!..

— А гдѣ жъ, батюшка, тибе схувать?

— „Наймитя мѣста у Хмарѣ и выкыпайтя яму, штоба къ вечиру была гатова... И наймитя свящэнника, штобъ іонъ мине у ночъ схуваў, заплатитя, што яму стоить...

Наймитя Голыба мине везть туды. Если-жъ ни наймитца,

то съ тога свѣту ни дамъ вамъ житьтя; если вы мае приказы сумоўнитя, то на тымъ свѣти вами буду даволинъ...

Многа ль, мала ль, пожіў видьмакъ, сабираить сваихъ дятей да кучи ипять:

— „Дѣти мае любезныя, ни астаўтя жъ маей просьбы, абъ чомъ я васъ ужу прасіў: Голыба найнитя! я скора намру".— Кончіў захвараўши жисть.

Приходють яны къ Голубу.

— Братъ Голубъ, што ты зъ насъ возьминшъ атца нашива звесть у Хмарў? тамъ яво будимъ харанить.

— Вы даваитя Бохъ знаить што, я атца вашива ни пувязу, патаму что іонъ видьмакъ, мине зъѣсть.

Што тутъ дѣлать? Паѣхыли у Хмару, аткупили мѣста, священника запрасили, штобъ ноччу харанить, када придитца. Священникъ пытаить:

— Якую ночъ будитя привазить?

— Батюшка, няизвѣсна—када наймемъ каво везть.

Ипять приходють къ Голубу.—„Ну, штожъ, Голубъ, сагласисьтя нашива атца везть?

— Нѣтъ!

— Вотъ табѣ сто рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

— Вотъ табѣ двѣстя рублей!..

— Нѣ-ѣ!..

Ну, Голубу челавѣкъ надраіў:

— Абуй лапти напяредъ пятами, тольки прикажи гробъ крѣпка скрутить клипнями, и штобъ ихныи лошади были. Иди кала гроба,—ни садись нійдѣ,—и таноръ съ сабой за паясъ вазьми!..

Приходють сынаўё къ Голубу:

— Ну, што, Голубъ, ти раздумаўся везь атца?

— Раздумаўся.

— На якій аканціи?

— Триста рублей—пувязу!..

— Ну, триста и триста!

— Вашихъ пара лашадей, штобъ была!

— Будуть!..

— Гробъ скрутить клипнями харашенька!..

Къ начи усё пригатовили:

У гробъ нирядъ вичаромъ батьку улажили, канатыми гробъ скрутили, пару лашадей запрягли.

Приходють къ Голыбу:

— Сабирайся, Голыбъ: са ўсимъ усё сираўлина—начику!..

Голубъ узяў разуўся, галоўки у лаптёхъ разрѣзаў, пиряплёў у питахъ лыками; іўлянитца къ имъ пирябуўшись. Тапоръ за паисъ заторнуў, и атпраўлянтца са двара съ пакойникымъ.

Штоў усё кала гробу, дайшолъ да Ладапкина сасонника—астанаўліютца лошади—ни зъ мѣста!.. Какъ еты вяреўки уси на гробу параскачились, а Голубъ ударіў бѣчъ атъ страху у сасонникъ—вылазить мяртвецъ изъ гроба. .

— Ну, ужъ тянерь ты мнѣ пупаўся, Голубъ! я тибе даўно ажидалъ...

Глядь, слѣдъ пашоў назатъ—іонъ ударіў за имъ у дагонъ. (А Голыбъ улѣзъ тымъ часымъ на сасну). Пабылъ видьмакъ, идѣ думалъ найтить Голыба, абхадилъ—нѣту яво. Прибигаить къ гробу, разсматрѣў: слѣдъ пашоў у сасонникъ; падходить къ саснѣ—слѣдъ кончіўся. Усматрѣў на сасну.

Голубъ на саснѣ. Кричить:

— Лѣзь, Голыбъ, далоўки!..

— Нѣтъ, ни палѣзу!..

— Ни палѣзишъ—я самъ къ тибѣ палѣзу!..

Маўчить и трясётца, якъ асиныый листъ.

— Лѣзь далоўки!..

Кричить Голыбъ не ў галаву:

— Рятуйтя, ай, рятуйтя: видьмакъ заидаить.

Атколь ямщикъ ѣдить па дароги, кричить:

— Атстраняй дарогу!..

— Батюшка, памилуй: видьмакъ заидаить!..

Саскакываить кучиръ, падбигаить къ саснѣ, чаво кричить.

— Што такоя?

— Видьмакъ на сасну лѣзъ.

— Лѣзь, ня бось: тутъ никова нѣтъ у низу.

Слѣзъ; пашли туды, къ тялѣги, къ лашадямъ.

Приходють.

— Идѣ жъ твой видьмакъ?

— Ни знаю, батюшка! а іонъ заидаить мине.

Пасматрѣть: падъ павозкыю ляжить.

— Тащи яво съ павозки, клади яво у гробъ!

Палажили у гробъ. Злазить сидакъ съ лашадей, каторый па дароги ѣхаў:

— Накрывайтя крышку!

Крышку накрыли. Сидакъ выймаить шаблю съ-надъ боку, сикануў нахристъ грабницу и гаворить:

— Цѣлъ будить тяперь, галубчикъ, ня вылязить—вязи!

Ни стала ни имщика, никова ли яво близка.

Іонъ и павезъ пакойника у Хмару, благапалушна привозить; далажили священнику, што мертвеца привезъ чилавѣкъ, а попъ ужъ знаить, што харанить нада. Пубудили причетникыў, пашли у храмъ, провыды атслужили и схаранили начью̀.

Голыбъ астаўся благапалушинъ, триста рублёў пулучилъ.

№ 55.

Якъ рылáтыга чорта изъ видьмаковый шкуры вàрымъ праганяли, ажно загагатау аттэль.

Сынъ ничога ни знаить видьмавства, а батька дужа знаить.

— А, сынокъ, мнѣ стольки жить и стольки!..

А сынокъ гаворить:

— Што ты сваю смерть знаишъ? Илья ты праровъ, ти што?

— Када бъ я ни знаў, ни казаў-ба; а то я знаю, да якога урѐми жить буду.

Приходить яму тоя уремя.

— Я сянни буду умирать.

— Што ты такъ сянни будишъ умирать?

— Я чуўствую, што мнѣ жить нямнога застаетца.

И лёхъ іонъ.

— Хадитка ка мнѣ, сыночикъ, хади!

Іонъ падышолъ, пришолъ къ яму.

— Сыночикъ мой, паслухай ты мине: я такъ ни умру.

— Ну, якъ жа ты такъ ни умрешъ?—Якъ Бохъ дасть, то и умрешъ.

— Узлѣзь на наталокъ: ты увидишъ увесь мой трудъ!

А нявѣстка гаворить:

— Уси сміятца будуть! нярушъ-ка нярушъ-ка такъ палажить!

Лядить іонъ день, лядить и другей—усё такъ.

Стали люди сына угаваривать:

— Якъ такъ ни паслухать батьки? просить, такъ нада паслухать.

Узлѣзъ сынъ на хату, паталбчину паднялъ и глядить, у двери якъ идуть акаянныи. Ня тутъ то будь сказана: и усё крючча зялѣзныя нясуть съ сабою, а іонъ на лаўки лякить нямытый.

Чартоў па десить засилють крюччами рябро и нясуть яво засилёмши, усе идуть, усё идуть, зашлють и валакуть, зашлють и вылакуть—и чиста уси ребры паразабрали.

Сичасъ идеть зъ елкыю и у двери ня лѣзить (ета былъ павѣшенникъ, іонъ на ели задавіўся — апасля чартомъ здѣлаўся и зъ елкыю пастаянна, якъ часавой ходіў и къ тому видьмаку пришоў. Мой дядя казаў: дужа страшны павѣшинники. Повѣсіўся у аднымъ лѣси парень съ дѣвушкой, тамъ дасѣль абухбдачикъ іость. Бблозе, дядя крестную малитву знаў. Адинъ къ вбдному качаютца—и неподалеку отъ дяди, якъ іонъ прахадіў—и гукаютца: татошій, татошій.

Завярнулся тэй чортъ назадъ, а хрибетная кость ужъ адна асталась—астатнія усё да чиста ababрали.

Шкура тожа лѣжить.

Во тады лѣзить и самый атаманьщикъ,—галавюга матирая у шляпи,—идеть; тады узялъ шкуру, надѣлъ на сябе, слова чахолъ, лёхъ и ляжить.

Нявѣстка и завыла:

— Батичка мой, галубчикъ!..

Во сынъ лѣзить съ паталоку (іонъ видіў, якъ грибатый и рылатый чортъ залѣзъ у батькину шкуру), на жонку забранился:

— Вытницы ни видать -- выть будить! нада за мущинами иттить: мыть нада.

— Да, надаби схадить.

Пришли мущины, чилавѣкъ съ шастокъ, пазвалъ назнарошня яхъ, на жонку закричѣлъ:

— Клади скарѣй дровы у печку!

— Што ты адурѣў?

— Стаў чугуны зъ вадой у печъ!

— Да, у мине вада тёплая іось.

— Икая ето вада? ни гаряча, ни калива.

Дроў наклали, два чугуны бальшихъ налили.

Мущины сидять.

— Пагадитя, братцы, пагадитя! нярушъ, закинить бѣлымъ ключимъ.

Кинять чугуны бѣлымъ ключимъ; во тады ихъ выймать. Самъ узялъ чугунъ и другова сусѣда затѣіў.

Мущины глядять, што такоя будить.

— Глядитя, рибяты, будьтя свѣтвню!

Несеть чугунъ, и яще мущины абои чугуны нясуть. Іонъ ляжить.

Якъ зашоў сынъ, сичасъ съ лысины якъ шархнуў тярязъ галаву чугунъ—уси мущины видили, якъ нѣхта загагатаў: го-го, го-го—и пашоў кверьху, и пашоў.

Аднэй шкуры съ пригорщи засталась; усе патухла, ничаво на кутѣ нѣтути.

Во якъ мой батька помиръ—и папоў звать ня нужна!

№. 56.

Способъ погребенія змѣя-чудовища: мальчики и дѣвочки запрягли въ телѣжечки пѣтушковъ и курочекъ и возили землю на могилку змѣя.

Около Боровскаго (деревушки Смоленскаго уѣзда Прудковской волости) околѣлъ огромный звѣрь.

Никакъ не могли похоронить праха чудовища, отъ котораго распространялось нестерпимое зловоніе. Наконецъ, одинъ колдунъ далъ совѣтъ, какъ похоронить чудовище. По совѣту знахаря, отрядили маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые запрягли въ телѣжечки пѣтушковъ и курочекъ и возили на могилу змѣя землю, пока безслѣдно засыпали его прахъ.

№ 57.

Якъ хазяинъ кладища (первый панойникъ, схаронитый на кладищи) съ прочими радитилими разгаворъ мѣў.

Ишоў старичекъ старинькій; ишоў, ишоў.
Узваліўся:
— Дай-ки ляжу на кладищи.
(У лѣтку ета дѣла была).

выли, а дяреўня нидалёка. Самъ сабѣ и думаить етый старый:

— Жалка, што да дяреўни ни дайшолъ ли нашлега: дяреўня близка.

Стаў, пумаліуся—пириначую тутъ.

Якъ завыўи тамъ, усё къ яму падходють пакойники.

— Нада у хазяина спраситца, ти можна намъ итти у дяреўню, на пѣминъ.

(А тамъ, у тэй магилки, идѣ лижаў старикъ, быў хазяинъ кладища, первый пакойникъ, схаронитый на кладищи).

Хазяинъ—пакойникъ и гаворить прочимъ пакойникамъ:

— Идитя, идитя—идитя сабѣ зъ Богымъ!

— Пайдешъ жа и ты?

— Мнѣ сяводни нильзя: у мине нашлежникъ начуить.

— Нярушъ съ Богымъ начуить: чужей чилавѣкъ пришоў нада яго бяречъ.

Идуть съ пѣминыкъ къ хазяину, ипять падходють.

Хазяинъ пытаить:

— Ти многа народу была?

— Было-тки народу давольна.

— Ти харашо жъ вамъ тамъ была?

— Усе харашо, слаўна была—тольки адно дѣла: парядку бальшога нѣтъ, хуть сабѣ и харчоў давольна. Нясуть кашу, нясуть и блинцы. Блинцы ниразризаныи нясуть на столъ. Узыскались ножика, ищуть—порють: яны и тамъ, яны и тамъ.

Узсирчалися за етый ножикъ, ни найдуть нажа и гаворють:

— А ня йщитя нажоў: ета радитили падивили!

Такъ ета жалка намъ стала, нихарашо: мы уси сичасъ узяли съ-за стала и пашли—и ни пакушали мы етый ни каши, ни блинцоў.

А хазяинъ гаворить:

— Ахъ, имъ ни нада было такъ гаворить на васъ, а вамъ ни нада было ужу гнѣватца, нада было дасѣдить да канца.

Ляжить. Тольки якъ стала тёмна, сонца зайшло—во и за-

№ 58.

Якъ жанихъ изъ мяртвыхъ, съ тога света, за нявестый прiехаў, нявесту съ сабой увёзъ и лёдва ни стратилъ, да болозе, пакойная хрёстная матка параила дeўки, якъ збавитца атъ чорта.

Засваталисъ паринь съ деўкаю; паринь тэй захвараў и умиръ. Деўка тая ташнуить—бядуить, гудёть па ёмъ; матка зъ батькаю ничога: умиръ дакъ и умиръ—женихоў многа.

А ина сядить надъ акномъ—плачить. Вотъ ionъ и едить—лошать харошая.

— Што ты ти байсьтя мине?

(А ночъ видная).

— Чаго жъ я буду баяца тибе? я рада, што табе увидила. рада да смерти.

— Напрятайся патяплея, штобъ тепла была.

Шубу-жупанъ напрянула, села на лошать; едуть зъ имъ, едуть.

Месицъ светить,
Мертвый зъ живымъ едить.

Ти баисься ты?—ипять проедуть:

Месицъ светить,
Мертвый зъ живымъ едить.

Ти баисься ты мине?

— Чаго я буду баятца съ табою? Я рада да смерти, што тибе увидила.

Месицъ светить,
Мертвый зъ живымъ едить.

Ти баисься ты мине?

Едуть; у церкви свечи гарять.

— Ну, иди жъ ты у церкаў, а ни станавись на правый руке, а стань на притвори, а туды ня йди.

Пришла у церкаў, стала на притвори. Глядить: бледный такой народъ, бледный, а матка хрестная стаить ли царьскихъ дварей, ли самыга круга. Глядь назадъ: ина стаить.

— Боджинька, ты мой, што ты ета пришла?—Ахъ, мая дачушка, ета мертвый народъ, ни живой.

Ина ни кажить ей.

— Што ты ета ни кажишъ?! А ета ты пріѣхала, знаю, зъ женихомъ сваимъ. Вить іонъ тибе стратить, іонъ ни прастый чиловѣкъ, а глупить. Ня стой жа ты тутъ: а то сичасъ церкаў запретца, выхади съ церькви скарѣй и бяги. Гляди: будить агонюшикъ гарѣть и ли етыва агонюшка будить ихъ троя сядѣть: тэя и тэя—ихъ мать зимля ни примаить. А ты напрянь адежу, а руки ни ўдивай у рукавы, ни ўдивай!

Іонъ тибе саскрябеть:

— Куды жъ ты идешъ? Што ты минѣ ни даждалась?

— А ты кидай адежу, спускай яе съ плечъ, а сама скольки іость у тибе силы, утикай атъ ихъ: ты ня близинька завезина; и бяги, и бяги: у такей дяреўни сидять—старикъ умиръ.

Ина бѣгла, бѣгла; іонъ схватаў яе и усё адёжу зъ ёй, комкаў, комкаў—на лускуты парвау, сама жъ ина убижала.

Бягить, бягить; сама сабѣ думаить:—„ня быть мнѣ у живыхъ!“ Сѣнцы атпёртыи. Якъ бѣгла, у ту избу; народъ сядить многа надъ тымъ челавѣкамъ. Глянули на іё и спужались.

— Што ты ета дѣўка зъ лица змянилась?

— Ахъ, вы, мае тетычки и дядички, на силу Бохъ унесъ.

— Ахъ, ты, такая и сякая, ета сатана змустилъ тябе: честный чилавѣкъ, якъ ўмреть, такъ іонъ и ляжить сябѣ спакойна.

Прашнулися матка зъ батькай, уздули лычинку: дѣўки нѣту.

— Божжа мой кармилицъ, ета дѣўка дурная нѣшта уздумала! Чаво ина у голаву заходитца, што ей женихоў нѣту!..

Дали ей тамъ напрянутца; идеть жа, идеть.

Батька зъ маткый стали бранитца; разсказала имъ:

— Праститя мине: ня буду тяперитка па имъ плакать: нихай паёмъ лиха плачить, а ни я. Спасиба матки хрестный кармилицы: вѣкъ яе буду пуминать—када-бъ ни ина, на свѣти бъ мине не была.

№ 59.

Якъ пакойница старуха дитёмъ сваимъ спакою ни давала, пакель ей нявѣстка свой пристолъ на неби отказала.

Идна баба умёрла. У вагароди яе сына зъидаитца капуста,—за ычъ качаноў пять и шесть. Жана и гаворить мужу:

— Схади и падкараудь, хто ета нашу капусту ѣсть?..

Лехъ у баразнѣ, ляжить. Приходить мать съ таво свѣту, узила капусту ѣсть.

— Мамъ, што ты насъ агалажаишъ?

— Сынокъ мой, скажи свaeй жонки, маей нявѣстки, што у ёй три пристолы на томъ свѣти, а у мине ни водинва; нихай ина мнѣ аткажить адинъ.

Приходить у хату, нашолъ женку, разсказалъ ей: такъ и такъ; потэмъ и просить яе: —„аткажи матки адинъ пристолъ,— падумай!..“

— Пажалый сибѣ ёй адинъ!

Пиристала хадить па зямлѣ... А матка ета ни давала милыстини нищимъ, а нявѣстка, скольки яны ни хадять къ ёй, заўжда атрѣжить и падасть хуть адинъ ломтикъ.

№ 60.

Янъ мяртвецъ гнаўся за войтымъ, а другей мяртвецъ заступіўся за войта.

Пасылаў баринъ зъ диньгами, у другоя имѣнія, свайго войта: Іонъ садился вярьхомъ. Многаль, мала праѣхыў, смирькаитца; лѣтнія время: пріѣхыў у дяреўню уси спять — въ адной хати агонь гарить.

Падъизжаить къ хати, привязываитъ лошадь; пашоў у хату:

— Здраствуйтя вамъ!

Хозяйка атвичаить:

— Здрастый, друхъ!

— Што жъ ета у васъ мужъ помиръ, ай ящо што?

— Мужъ помиръ, дядюшка...

— Нѣтъ ли у тибе іўсà али сѣна? Лошать подкармилъ бъ...

— Пагади, галубчикъ: я спраўлюсь сичасъ...

Пашли, Атмѣрила яму два гарца іўсà и 10 фунтыў сѣна атпустила; палажилъ іонъ лашадямъ кормъ.

— Ти ня хочишъ, самъ галубчикъ, ѣсть?

Када милысть ваша—я заплачу—деньги—пажалуйтя...

Наливаитъ ина яму малака чашку. Іонъ садіўся ѣсть, публагадаріў яе найўши за хлѣбъ, за сыль. Пасядѣў тоя ўремя.

пакамистъ лошать паѣла кормъ; атдаеть хазяйки ращотъ за сѣна и за вёсъ, за ўси прадукты.

— Што, галубушка, можна мнѣ пиринучувать, щахнуть сааму маленичка?

Дала мѣстичка на дворѣ патдыхнуть.

Приходить у хату хазяйка. Падноравя, устаеть мяртвецъ и гаворить:

— Што жъ ты, такая-сякая, при живымъ ты дѣлала дила нихарошіи,—и тяперь ты чужова приласкала къ сибѣ, каторый ѣдить у дароги!

Падняли драку—шумъ, крикъ у хати. Ета услышалъ старыста, што шумять — кричать. Пасматрѣу теризъ парохъ, што за шумъ у хати. Пасматрить: мужъ съ жаной дяретца. Тады онъ атвязываў лошать и садіўся, (урабѣў, што пакойникъ устаў), іѣхнў шибка, и при имъ сабака быў. Даганяить пакойникъ етыга старысту. Сабака зъ имъ нагрудки—паступіўся. Якъ пакойникъ хатить за старысту—сабака на пакойника; пакойникъ съ сабакый здѣлаить драку, а старыста увайдеть далій. Ну, тольки што старыста пріизжаить у скбрыстяхъ къ мельницы,—привизалъ лошать вокыла крыльца, на печъ ускачіў, схараніўся: агонь гарить: адинъ іонъ ляжить, пакойникъ—мяртвецъ (патаму адинъ, што уси съ напугу зъ имъ быть, изъ хаты паразбѣглись.

Прибѣжаў и тэй мяртвецъ, што гнаўся за старыстый, разарваў лошать старыстину и сабаку разарваў. Идеть у хату:

— Ни схаронисьтя ты у мяне!.. Ишъ куда на нычъ забраўся!..

А етый пакойникъ-прудникъ устаеть яму на ўстрѣчу.

— Якъ жа ста табѣ ня совѣстна, што ты скольки верстъ гонисьта за чилавѣкымъ, перво жъ яго пирипужалъ?!..

И здѣлали драку сярёдъ хаты. Падрались. Прапѣли питухи—яны и ударились ибъ полъ.

Даеть Бохъ свѣтъ. Приходить народъ у хату. Ляжать миртвяцы на масту (Етыва прудника палажили на свае мѣста, а абъ тымъ яўку дали—жана къ яму и призналась). Глидять съ боку хаты: лошать и сабака разорваны.

— Даўжно іость хто у хати. Чіё лошать и сабака!..

Іонъ на печи ледва прарячилъ и разсказалъ, якъ было; потэмъ казаў:

— Пажалуйтя мнѣ священника!

Причастіўся, ускорысти съ напугу умиръ. Деньги, што везъ, уси аказались; атдали ихъ барину.

№ 61.

Якъ старуха иднаго салдата змарила и заѣздила, а другей салдатикъ самъ съ ею пайграў.

Салдаты жили на пастои, на дяреўни. Аднъ салдатикъ сбился саўсимъ спахвѐй: ня ѣлъ ничавѐ на квартири.

Таварышъ яму и гавѐрить:

— Братицъ ты мой, што ты, словна низдаровый, сланяисься? Увесь жа ты учарнѣлъ! Што ты такъ аплашѣлъ, братъ?!..

— Братицъ, сяду за столъ—ничаво ня ѣмъ; када два раза укусилъ, дакъ и сытъ!..

— Ну, харашо, я тибе пиривяду на сваю хватеру!..

Пашли вѐби къ ротныму; сталъ таварышъ гаварить ротныму:

— Ваша блугуродіе, етый салдатъ ня можить служить на служби.

— Пачомъ такъ?

— Ваша блугородіе, ничаго пищи ни патрибляить.

— Низдароў?

— Нѣтъ, ваша блугородіе, гаворить: ѣсть до смерти хачу! а сядить за столъ, ничаво ня ѣсть.

— Што съ ѐстымъ дѣлать?

— Нада яго на мою хватѐру пирявесть, а мине на яго. Ета, ваша блугородіе, хазяйкыю завистуить.

— И ты, братъ, тамъ будишъ галодинъ.

— Я ни баюсь: я буду сытъ у яе.

— Пиримянить-ета можна пиримянить!..

Привозють другова салдата на хватеру.

— Бабушка, сѐнни пиримѣна у васъ—новый салдатъ!

— Ну, што-жъ, ничога и свѣжинькій!

(А ина таго заѣздила: день іонъ ня ѣсть, а ноччу лошадью абернитца и возить яе).

Пришоў абѣдать.

— Давай абѣдать!...

Наливають яму кушання. Тѐрькаить ножикъ падъ столъ,

у стальницу. Салдатъ садіўся за столъ, сѣў за столъ—запретъ здѣлоўся у ядѣ: то хатѣў, а то и шабашъ. Пасматрѣў: падъ сталомъ ножикъ тарчить. Узяў ножъ выбрасіў, — пайдаў салдатъ, якъ быть. Даждалися вечира. Падторнула падъ салдатымъ ипять ножикъ. Салдатъ пощупалъ: ножикъ падъ сталомъ тарчить. Узяў бросіў яго, пауўжинаў салдатъ съ сямействымъ, якъ быть. Приходить тоя ўремя, што спать лажитца. Падабраў салдатъ чуракъ, роўна съ собою, и паставіў яго у сѣнцахъ. Лажіўся спать, накрыўся шинельлю; выходіў на дворъ, выносіў въ избу чуракъ, клаў на своё мѣста, якъ ложіўся, и накрыў шинельлю. Приходить пулначъ. Прашнаетца ета старуха, бяреть съ-падъ полу вузду и сякеть па етымъ чураку и приговаріить:

— Быў ты маладцомъ,—
Стань ты буланымъ жирябцомъ!..

А іонъ выскакываить съ-падъ лаўки, выхватываить у ея съ рукъ вузду, сякеть яе самае и приговариваить:

— Была ты маладицый,—
Стань ты сѣрый кабылицый!..

Стала кабылицый. Абратываў іонъ яе, садіўся на яе и уизжаў у чисто поля. Абъѣздіў уси паля, скольки знаў; на зарѣ пріизжаить у дяреўню. Куютъ кузняцы у кузни рана и гаворить іонъ имъ:

— Братцы-кузняцы, бросьтя свою работу: падкуйтя кабылицу. Вотъ вамъ плата па рублю атъ наги!

Жива падкували на чатыри наги. Садіўся салдатъ и паѣхаў. Пріизжаить дамой на хватеры, узъизжаить на дворъ, слизаить съ кабылицы, скидываить узду.

Сикануў па кабылицы:

Была ты кабылицый,—
Стань теперя маладицый!..

Пашла у хату хазяйка—подкованы руки и ноги.

Дайшло да начальства: такъ и такъ. Ряшили старуху са свѣту.

№ 62.

Якъ вѣдьма, скинуўшись сукою, хатѣла салдата зъѣсь, а салдатъ ей лапы атсѣкъ.

Якъ были цастои, палюбилъ салдатъ хазяйскую дачкў. Узнала хазяйка-вѣдьма, што любить салдатъ яе дачкў, бросилась сукою и кинулась у пуню, куды салдатъ хадилъ къ яе дачкѣ, — ну, салдата грызь.

Салдатъ ускочіў, пуправіўся зъ ею, узяў за пареднiи лапы, и падводить суку къ калодки, а у калодки тарчѣлъ тапоръ; узяў тымъ тапаромъ атрубіў сукѣ лапы:

— Воўкъ те зъѣшъ: ня будишъ болiй мине грызь!

На заўтрига пасмотрйть: у старухи руки заверчины.

№ 63.

Якъ вѣдьма, зъ мяртвыхъ устауши, свайго сусѣда за валостья патигала.

Въ Бердибякахъ гады три пумирла вѣдьма. Пашоў атецъ съ сынымъ спать на гумно. Іўляитца кошка и кличить батьку за валосьтя. Батька атъ валасоў яе атарваў, шмякъ абъ токъ. Ина, нямнога урѳмени пагадя, ипять увилась у валосьтя. Батька на сына и гаворить:

— Кастюкъ, дай-ка мнѣ цѣпъ: я яе парашу!..

Кастюкъ палѣзъ за цѣпымъ,—скрипнула хвортка съ гумна, ни стала кошки.

— Дай-ка пасматрѣть, хто ета скрипнуў!..

Ночъ была видная: замѣтна была, якъ на сасѣдскiй дворъ узабралась чорная кошка.

Батька сказаў:

— Таперича я ни дiўлюсь: у тымъ дварѣ умёрла вѣдьма (ета ина къ намъ на гумно прибигала). Ищо пиридъ смертю яе братъ гаварiў:

— Вы сябѣ и ня думайтя, што мая систра такъ умреть, а нужна ища перва паталокъ у хати разабрать!..

Такъ яно и выходить...

№ 64.

Якъ вѣдьмы на Кармилицкую гору литали.

Быў у кристьянина на хватери салдатъ. У мужука была дачка. Вотъ етытъ салдатъ и пиривинчаўся зъ стыю дѣўкыю. И патомъ іонъ стаў примичать: — што такоя? Ноччу прашнаютца жонка и теща, и тайкомъ ата ўсихъ некуды ходють". У вадну ночъ, а иминна падъ Ивана Купала, іонъ притваріўся спящимъ. Къ самый паўночи адиваитца жонка и теща. Іонъ ета усё и видить. Вынимають яны съ падпечча кукшинъ, бяруть изъ яго теща и жонка на руки парашкў, и брасають на жаръ. Закричаў удругъ нѣхта странным голысымъ: „ляти, ляти, ляти!.." Во яны и палятѣли воби у трубу. Салдатъ узяў съ кукшина зельля и бросіў на жаръ. Во и яму нѣхта закричэу страннымъ голысымъ: — „ляти, ляти, ляти!" — Палятѣў за ими у трубу салдать. Іўляитца іонъ на Кармилицкыю гару. Во тамъ дужа многа видьмакоў, сядить тамъ на креслахъ бальшей 7-ми главый змѣй и смотрить у ва ўси сторыны. Тиха такаво було, змѣй свиснуў: удругъ узнилась бальшая музыка, пѣсни, скоки: уси видьмаки пустились у скокъ. Салдатъ етый стаить и глядить, и видить, што яго теща скачить праставалосая са старикомъ бизъ штаноў, бизъ шапки, бязъ поиса. Стала яму смѣшна: салдатъ разсміяўся. Мядвѣдь етый якъ свиснуў у 7 галоў, сичасъ усе стихла: хто ротъ разинуў пѣсни пѣть, — тэй такъ и астаўся; хто нагу падняў скакать, — тэй тожа. Мядвѣдь крикнуў: — „Эй, узнайтя, хто тутъ іось съ прастыхъ людей!" — Падходить къ салдату жонка и гаворить; — „Чаво ты тутъ? Ляти дамой!" — Тольки іонъ пиривярнуўся, — глядь на пастели ляжить. Черизъ нѣскалька ўремя, іўляитца, и жонка, и теща. Во яны у яго спрашіють: — „ты чаго тамъ быў?" — Іонъ гаворить: — „и я сыпнуў таго зелья на жаръ." — Яны яму тоя зельля запрастили брать.

Отъ старика Емельяна Даниловича.

№ 65.

Якъ вѣдьма у трубу литала, а салдатъ уси яе штуки пріўзышолъ.

Стаялъ на пастои салдатъ. Прашнулся салдатъ наччў падъ тоя урemя, какъ хазяйка устаетъ. Хазяйка дуить агонь

(салдатъ ня спить — слышить). Сичасъ кладеть ли мужа голый галень, вѣникъ, падымаить у хати мастницу, выймаить бутыль съ мастими: мажить мастію падъ калѣнками, суставы, мажить падъ пахами, падходить къ печки падмазаўши—и патащила яе духымъ у трубу.

Салдатъ ета дѣла усё и видіў. Прайшло нѣскольки уремени, (салдатъ ни спаў), ипять у трубу вѣдьма улятѣла и явилася въ изби, дуить агонь, примаить атъ мужа галень, лажилася спать къ мужу. Салдатъ ета ўремя стѐрпіў — ничаво ни гаваріў.—Даждался салдатъ вечира, лажіўся спать; самъ ни спалъ, а притулился сонныиъ.

Уставала хозяйка. Устаеть и дўить агонь. Кладеть ли хазяина голый вѣникъ, аттваряить ипять масницу, выймаить масти съ бутыли: мажить падъ калѣнками суставы и падъ пахами мажить, падходить къ печки—пувалакло яе у трубу.

И хатѣлысь салдату пулюбапытствывать идѣ ина бываить.

— Дай, и я тамъ пабуду!..

Выніў салдатъ бутѐль и мазаў сябѣ пу яе примѣру, станавіўся къ печи, къ трубѣ—и яго патащила.

Прилитаить салдатъ на сасну, на Кііўськимъ бальшаку, на гарѣ. Гара та „Лысая“ завѐтца, и на той гарѣ бальшоя бываить сабранія вѣдьмыў. Тамъ служивыга яго хазяйка и наслѣдила.

— А, служивый, напрасна ты такъ здѣлаў, патаму тутъ тибе разарвуть, а мине абъ тибѣ спрашивать будуть. У етый кадушки матила усихъ вѣдьмыў, а у етый мази.

Падвадила салдата къ кадушки съ мазями, изнову яво угаваривала:

— Ступай дамой: тутъ ни твае дѣла быть.

Пѡтэмъ падмазала яму падъ калѣнками и падъ пахами—палятѣў салдатъ дамой, пряма у трубу, на сваю хватеру, и лажитца спать на сваимъ пакои, на лаўки.

Услѣдъ за салдатымъ прилитаить хазяйка, принимаить галѐнь атъ мужа, лажитца спать.

На заўтрива устаютъ. Была салдату харашо, а то ящо палуччила пища и абхажденіе (ладила хазяйка салдату, штобъ іонъ маўчаў).

Дажидаючи вечира, лажилися спать.

Салдатъ ни спалъ, штобъ калаурить яе, якъ ана палятить.

Устаеть хазяйка, дўить агонь, дастаеть масти, падмазыить падъ калѣнками и падъ пахами, станавитца ли трубы, ли печи— патянула яе у трубу—палятѣла на свои миста.

Салдатъ дастаў масти и сонныва хазяина мазаў падъ калѣнками, падъ пахами, будіў яво:

— Устань, прашнись!..

Разбудіў; падводить яго къ печи:

— Хади къ печи, пагляди!..

Патащила яво хазяина у трубу. Прилитаить на зборища, идѣ вѣдьмы собраны; пасматрить: жана яво тама разгуливаитца.

Вѣдьма-хазяйка тада загаварила:

— Законный друхъ, тибе тутъ сичасъ ришатъ—я ни хачу етыва: зварачивайся дамой назатъ!..

Падвадила яго къ кадки, идѣ масти.

Іонъ сичасъ палятѣў, и ина услѣдъ за имъ; станавилися лятевши абои сяредъ избы.

— Такая сякая, идѣ ты была?

— Нійдѣ! ты у ва снѣ ета видалъ!..

Увѣрила мужа, што яму саснилась;—іонъ и павѣріў.

А салдату сначала гразила,—посли, распіўши водку, гадила—и жили харашо.

№ 66.

Какъ мужъ, перенявъ ухватку жены своей, вѣдьмы, въ трубу за ней леталъ.

Была лихая вѣдьма. Скидывалась она сорокой и улетала въ трубу, да постоянно отнимала здоровье у мужа, такъ что онъ сдѣлался блѣдный, какъ смерть, еле живой.

Разъ таки мужъ замѣтилъ, какъ его жена дѣлается сорокой: обольетъ себѣ кругомъ лицо чѣмъ-то жидкимъ изъ какого-то горщоночка, скинется послѣ того сорокой, да и нырь въ трубу— и полетитъ.

Мужъ сдѣлалъ, какъ и жена, сталъ сорокой и умчался вслѣдъ за вѣдьмой.

За сорокъ верстъ отъ дома вѣдьма замѣтила мужа и упрашивала его вернуться: дальше ужъ ему было опасно летѣть.

Мужъ вернулся домой, да заложилъ юшкой трубу. Приле-

тѣла утромъ вѣдьма и упрашивала мужа впустить ее въ избу. Какъ впустилъ онъ ее, ему была отъ жены большая честь, и перестала съ тѣхъ поръ жена летать сорокой, да отнимать здоровье у мужа, стали супруги жить дружно.

№ 67.

Якъ вѣдьма салдату паддѣлала, што іонъ на липинки за тысичу верстъ слитау и свою родину пувидаў.

Были пастои. Адинъ салдатикъ и гарюить:

— Гаспада усихъ диньщикоў дамоў атпущають у пабыўки, а какъ мой домъ у атдалѐнныcти, мине ни пущають.

Хутьба на часинычку, на адинъ часокъ, атвѣдаў бы сваихъ радныхъ!..

Старушка яму и гавǒрить:

— Што будить? атпущу на нычъ да дому.

— Какъ ты, бабушка, мине атпустишъ?

— Галубчикъ, пабудишъ ноччу дома и назадъ узваротисьтя!..

— Ахъ, бабушка, ти у Бога ты была за пазухый, штоли мине здѣлаишъ такая адалженія!?

— Ну, ну, будишъ ты нǒччу тамъ и усихъ радныхъ увидишъ—ни разсказывай зъ ими; усихъ пиряглѣдишъ и ў ночъ назадъ обернисьтя!..

Выводить на дворъ, выводить яму съ канюшни буланую лошадь:

— Садись на яе, служивенькій,—сматри: на во шта ина будить дарогой лѣзть—ня тпрукай: тиризъ ѐлку— нихай сабѣ ина тиризъ ѐлку!..

Паѣхыў, падъизжаить къ полю, къ гародамъ; лошать пряма на згароду узъѣхала—дый тпрукнуў іонъ на яе. Мизъ нохъ, тэй часъ, тую минуту, у яго липина—нѣту лошади—куды падѣлась, а іонъ няможить узнятца, сустyпить, ноги атбіў. Ходить у дяреўню, пазнаў свой домъ, дабудіўся радныхъ. Радныи рады, исто свой аявился къ имъ; стали иба ўсемъ расправшивать. Іонъ же имъ разсказаў, а самъ балѐнъ здѣлался. Далажили станавому, што балѐнъ салдатъ; атдали яво у казенную бальницу, списали пахождэнія яго, якъ іонъ ѣхаў съ хватеры; съ полку увѣдамили, штобъ іонъ аздоровіўши падъявился.

Пять мѣсицыў салдатъ пралежилъ. Якъ паказалъ свою хватеру, присудили старуху къ разстрѣлу, што калдуння: яе валшабствомъ салдата за тысичу верстъ шуты насили.

№ 68.

Мужикъ съ ваўками гавбрить.

Ишоў мой батька съ карчебныю воткыю. Наѣхыў на ихъ разъѣздъ у лясу Чирнаўськамъ. Знають уси стежки и дарожки— такъ яны паразбѣглись уси адинъ па водныиъ у лѣсъ.

Даждались начи. Адинъ водныга ни знають, куды пашли—„а што Богъ дасть—я идинъ пайду: ишо гуртымъ хужи вышіўши кричать.“

Ну, іонъ идеть. Сичасъ на дарогу узыйшоў, прайшоў тольки троя гони:

— Што тутъ такоя? Хто ета на дароги стаить?

12 ваўкоў стали и стаять пасярёдъ дароги.

— Я ношку паставіў: два вядры на пирявѣсъ, на калѣначкахъ сталъ, руки сащапіў. Вухъ имъ у ноги (аны атъ мине нидалеча—разоў 5 ступить).

— Малайцы, прупуститя мнѣ дарогу! Идитя жъ вы зъ Богымъ, куды Бохъ вамъ дарогу паказаў.

Яны сичасъ смотрять, што старый воўкъ будить дѣлать, а іонъ на ихъ „гаррр!“ и души у мине нѣтути, што-та Бохъ мнѣ дасть.

Якъ прайшоў, вярнуўся: дай, публагодарю ихъ:

— Спасиба вамъ! дай Бохъ вамъ здароўя, малайцамъ, што вы мине прапустили. Вы идитя сваей дарогый, а я сваей патащусь.

№ 69.

Якъ сивенькій старичекъ мужицкыга сабачку прутикымъ забіў, што тэй сабачка дужа ваўчноў забиждаў.

У иднаго мужука щанилась сучка. Ахотникъ паслышаў и пашоў куплять сабѣ сабачку. Выбраў іонъ сабѣ сабачку воякъ. Адинъ задался такей брахунъ: якъ зыбрешиць, другея къ зямлѣ

припадуць. Тога сабачку брихуна іонъ и купіў. Якъ узяўся сабачка у ахотника такей злющій, призлющій; якъ уздўжіў, нападець на ваўка, удариць объ земъ — у ваўка духъ вонъ. Ахотникъ ужу ладныга пубраў денихъ за ваўкоў; дакъ устрѣтіўся іонъ аднажды съ сивымъ старичкомъ.

Сядить етый сивый старичекъ надъ ваўками; а яны и ляжать и сидять: и малыи, и аграменныи, и сивыи, и сѣрыи, а прамезъ ихъ усихъ бѣлый царикъ. Тэй бѣлый царикъ, кали тронить чилавѣка, то и уси на яго: а ня тронить, то ни водинъ ня тронить.

Во сивый старичекъ и гаворить на ахотника:

— Пазволь, душичка, маимъ сабачкамъ пубаротца съ твоимъ; и ня то, штобъ усѣ мае сабачки на твайго гуртомъ навялились, а па диночки будуть выхадить.

— Изволь!

Ахотникыў сабачка десить ваўкоў пиридушилъ.

Тады старичокъ атдаў ахотнику задўшинныхъ ваўкоў и гаворить:

— Вазьми сабѣ ихъ, и то я табѣ пращаю, што ты забиждаў маихъ сабачикъ дапрежда и таперишнія абида; ну, таперь, галубчикъ, ни давядетца табѣ болій ахотитца на ихъ,—будь жа даволинъ, што пулучіў.

Съ етыми славами старичекъ, якъ сикануў ахотникыва сабачку сваимъ прутикымъ, тэй издохъ.

№ 70.

Собственныя дѣти колдуна по его неосторожности подѣлались волками; отъ удара палкой объ мяльлицу они могли бы принять прежній образъ.

Какой то колдунъ изготовилъ питье съ злою цѣлью сдѣлать „поддѣлъ“ на свадьбѣ. Но собственныя дѣти колдуна выпили волшебный напитокъ и стали волками.

Послѣ того колдунъ просилъ сосѣдей не стрѣлять волчатъ, а ударить, при видѣ ихъ, палкой объ „мяльлицу“; случись при этомъ оборотни, они могли бы принять прежній образъ.

№ 71.

Мужичекъ-оборотень.

Любовница, колдунья, превратила мужичка въ волка; долго мужичекъ „страждалъ", покамѣстъ не узналъ, что нужно, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, перекинуть черезъ себя три раза рѣзвины.

Во время крѣпостнаго права спознался одинъ мужичекъ съ колдуньей; а какъ пересталъ онъ любить ее и знаться съ нею, покинутая любовница превратила его въ волка.

Много лѣтъ „страждалъ" мужикъ.

Только съ виду онъ казался волкомъ, а думалъ и чувствовалъ, какъ человѣкъ.

Пошолъ странствовать. Подкрадется къ жнеямъ, стащитъ у нихъ кусочекъ хлѣбушка, выпьетъ водицы, — тѣмъ бывало и сытъ.

Особенно плохо было оборотню зимою, когда по глухимъ снѣжнымъ полямъ и лѣсамъ бродили одни звѣри; весною, когда „разставалъ" снѣгъ, тутъ ужъ ему было ничего. Пробовалъ ѣсть даже падло. Къ настоящимъ волкамъ онъ не прибивался, и тѣ къ нему не подходили, будто его чуждались.

Разъ оборотень замѣтилъ волка, крадущагося къ стаду овецъ. Волкъ укралъ овечку и потащилъ на гумно; съѣвъ её тамъ, такъ что пастушекъ не замѣтилъ похитителя, онъ три раза перебросилъ черезъ себя рѣзвины и сталъ человѣкомъ.

Замѣтивъ невольнаго оборотня, мужика, волшебникъ угрозою убѣждалъ его никому не передавать видѣннаго.

Мужикъ, поступивъ по примѣру колдуна, принялъ прежній образъ и вернулся къ пану.

Панъ хотѣлъ наказать за „сбѣги" мужика, провинившагося долгимъ отсутствіемъ, однако простилъ, когда мужикъ указалъ уцѣлѣвшій у него на груди клочекъ шерсти, какъ доказательство превращенія.

№ 72.

Поводокъ у оборотней.

Продающій скотину хозяинъ для прочности купли отдаетъ проданное животное съ поводкомъ; отдача поводка особый актъ

продажи, послѣ котораго продажа считается завершонною—продавецъ и покупатель пьютъ „могарычъ“.

Вѣдьма обратила свою дочку въ козу и вывела ее продавать на рынокъ.

Красивая съ виду козочка была вѣдьмина дочка—точно золотая. Сколько разъ продавала ее колдунья, она постоянно возвращалась домой, принявъ свой прежній образъ.

Купилъ на этотъ разъ козочку солдатъ, самъ смысливші́й кое-что въ колдовствѣ,—онъ не отдалъ вѣдьмѣ поводка, безъ котораго козочка уже не могла убѣжать, и повелъ козочку къ ковалю.

Видитъ колдунья, што „ея дѣло не полоса“: въ крѣпкія руки попала ея дочка.

Между тѣмъ ковали куютъ козочкины копытики, а гвозди больно вонзаются въ руки и ноги вѣдьминой дочки,—и терпитъ козочка страшную муку.

Въ горѣ мать упала кузнецу въ ноги и стала просить его помиловать дочку. Существуетъ народная примѣта, по которой продающій скотину хозяинъ, для прочности купли отдаетъ ее съ поводкомъ, а послѣ этого акта продажи торговецъ и покупатель пьютъ водку за „поводьдя“.

№ 73.

Дѣвушка, чтобъ избавиться отъ нелюбаго мужа скинулась козой и убѣжала.

Однажды случилось одному крестьянину отдавать свою дочь замужъ. На свадьбѣ подмѣнили молодаго жениха старымъ: дѣвушкѣ пришлось перевѣнчаться съ хилымъ старикомъ.

Когда молодой нужно было лечь спать съ мужемъ, она попросила отпустить её на короткое время съ брачнаго ложа; отпущенная (привязанная однако крѣпко веревкою), скинулась козой и убѣжала.

№ 74.

Када мальчикъ надѣнить на голыву дявоччія—яго дразнють:
— Кабыла галаву аткусить!

Когда мальчикъ надѣнетъ на голову платокъ, а дѣвочка шапку; то ихъ дразнятъ словами: кобыла голову откуситъ! „чтобъ мальчикъ не надивалъ дявоччива, а дѣўка мальцыва!“

№ 75.

Дѣвичьи посидѣлки.

Для своихъ посидѣлокъ дѣвушки выбираютъ обыкновенно нежилыя избы, а то просто бани. Свободно, вольготно имъ тамъ: никто не мѣшаетъ имъ предаваться веселью; шутятъ онѣ и поютъ самыя разудалыя пѣсни, какія только придутъ имъ въ голову.

Вдругъ какой нибудь проказникъ подкрадется посмотрѣть на ихъ веселье—съ крикомъ и визгомъ прогонятъ его отъ себя: поднимется возня, громкій хохотъ.

Угомонятся наконецъ; одна, другая, третья разскажетъ страшную быль или волшебиую сказку,—пойдутъ всё такіе страшные разсказы, что самимъ разскащицамъ станетъ отъ нихъ страшно.

Полночь, всеобщая тишина... Вотъ, вотъ къ нимъ заглянетъ домовой, волкодлакъ, лаума, какая нибудь нечистая сила. Да и отъ бабокъ, тётокъ и дѣдовъ не разъ слыхали онѣ, что именно на посидѣлкахъ и сдаются дѣвушкамъ разные страхи; но снова смѣхъ, веселая молодость беретъ своё. За рѣзвыми шутками, за работою, за розсказнями и за страхомъ, не замѣчаютъ дѣвушки, какъ летитъ крылатое время. пока лучина гаснетъ въ избѣ и блѣдный разсвѣтъ приходитъ на смѣну длинной зимней ночи.

№ 76.

I.

Разъ дѣвушки собрались на посидѣлки; въ скоромъ времени къ нимъ подошли и парни. Самая маленькая изъ собравшихся дѣвушекъ пригнулась за чѣмъ-то къ полу и вдругъ, къ немалому своему удивленію и страху, замѣтила у всѣхъ ребятъ волчиные хвосты.

Тотчасъ, не говоря ни слова, побѣжала она къ своей теткѣ, рдзсказала ей, что видѣла.—„Ахъ, ты, моя душинька!“ воскликнула тетка:—„якъ жа ета тябе Бохъ пронесъ? жива ты, здаровинька!.. Ахъ, Божжа мой, ета жъ ваўкудлаки, а ни парни,—яны жъ пазаядуць нашихъ дѣвушекъ“... Скорѣе за мущинами, за народомъ; но когда народъ сбѣжался въ хату, гдѣ дѣвушки справляли свои посидѣлки, было уже поздно: волкодлаки переѣли дѣвушкамъ шеи, а сами куда-то ушли.

II.

Разъ дѣвушки собирались на посидѣлки. Идя въ баню, назначавшуюся по временамъ для игрищъ и для супрядокъ, дѣвушки замѣтили лежавшую тутъ дохлую кобылу. Одна шалунья обратилась къ кобылѣ съ такими словами:—„Приглашаемъ тебя на наши посидѣлки“.—Въ полночь, среди самаго разгара посидѣлокъ, идетъ въ баню къ дѣвушкамъ кобыла и спрашиваетъ, зачѣмъ ее звали. Дѣвушки оторопѣли отъ страха; однако старшая изъ нихъ нашлась, что отвѣтить: предложила кобылѣ сосчитать нитки въ такой-то рубашкѣ. И вотъ кобыла принялась считать, отхватывая зубами отсчитанныя нитки.

— Если сосчитаю, то я васъ переѣмъ!... грозила кобыла дѣвушкамъ. Оставалась несосчитанною всего одна нитка; но тутъ ужъ наступилъ рязсвѣтъ, пѣтухъ пропѣлъ, и кобыла была принуждена удалиться изъ бани.

№ 78.

Ибъ скамарохи.

Ва днэй дяреўни быў притлишный скамарохъ: идѣ тольки свадьба ни была бъ, усё яго зовуть на свадьбу.

Скамарохъ етый зъ дьявылымъ знаўся: на скольки-то гадоў дьявылу подписаўся.

Вотъ и выскалась разъ идна дѣвица, яниральская дочка, итти за яго замужъ; ина етыга дѣла и ни знала, што скамарохъ съ дьявылымъ сазнаўся.

Приходить дьявылъ за скамарохомъ. Скамарохъ съ жаною спить и гаворить іонъ жанѣ:

— А што ты, жина мыя милая, а што ты знаишъ? Приходить мнѣ худа.

А ина гаворить яму:

— Ну, лажись за мине!

Дьявылъ говорить:

— Ну, выхади, друхъ: а то и сы убою зъѣмъ.

А скамарохава жонка атричала:

— Нѣ, ни зъяси! Вырви-ка съ голыви волысъ, чтобъ іонъ закрутіўся.

Дьявылъ, якъ ня вырвить бережна, такъ іонъ и ня крутитца.

Жонка скамарохава и говорить тады:

— Кали волысъ вырвишъ и іонъ закрутитца, — тоды я атдамъ табѣ мужа.

Дьявылъ абскубъ усю сваю галаву, а волысъ усё ня крутитца; тады скамарохава жонка яму и говорить: „кали волысъ у тябе ни закрутитца, то и дѣла наша у расходъ съ табою“.

№ 79.

Скымарохъ.

Якъ жонка свайго мужика абманывала и дайжа съ свѣту хатѣла збавить, а іонъ яе уси вымудры спалняў, пакамистъ добрый чилавѣкъ яго ни бризуміў. Якъ мужикъ сы скымарохамъ жонкиныхъ увертыкъ (наслухаўся), а потэмъ жонку стаў ахаживать.

Была жонка харошая, а мужикъ плашѣй. Ня хочить жонка съ мужикомъ жить,—другихъ пазнайшла харошихъ: Такъ ина притваритца, захвараить, а яго (мужука) пасылаить за зельлимъ и пасылаить падалій, штобъ іонъ тамъ даўжѣй быў, а мужикъ са ўсихъ силъ выбиваитца.

Якъ іонъ зельля принясеть, ина знову притваритца; тады яще далій пашлеть; знову яму закажить урокъ да якова дни.

Іонъ знову принёсъ.

— Нѣтъ, душичка, калибъ ты дастаў мядвѣжжива малака, я бъ и была здарова.

Іонъ идеть, а сусѣдъ стаить:

— Здароў!
— Здароў!
— Идѣ быў?
— Да хадіў жа жонки за зельлимъ: жонка мыя лянить.
А сусѣдъ гаворить:
— Дуракъ, дуракъ, ни выбивайся ты са ўсѣхъ силъ: ина у тябе лянить, а балѣсти водить съ другами.
(А іонъ пупирядіў таво дни идить, каторый ина приказала).
— Хади-ка ты къ намъ: мы научимъ, што табѣ дѣлать ей, якъ яе атхадить
У мяне начуить старецъ са скрипкаю, а ина такихъ людей ищить, штобъ были съ музыкый.—Пришолъ іонъ сюды къ сусѣду. Сусѣдъ яго у мяшокъ усадилъ, да саломыю заторнулъ.
Тады хазяинъ памохъ скамароху узять мяшокъ на плечи. Приходить скамарохъ; у яе гуляють.
— Галубушка, ти ня пустишъ на нычъ?
— Не, у мяне гости, бясѣда.
— Галубушка, када бясѣда, я и съ музыкуй хажу.
— А, дѣдичка, еты жъ и харашо, што ты съ музыкий ходишъ...
Во тады гаворить (ана яго пустила):
— Няси мяшокъ, у тую избу пастаў.
— Нѣ, галубушка, я тутъ ли углушка пастаўлю.
А самъ паставилъ мяшокъ падъ лаўкуй, у вуглушку.
— Ну, дѣдушка, ладь-ка ты сваю музыку!... Играй, дѣдушка!
Іонъ играить, а ина скачить и пригаваріить:

— Хто па яблычки пашоў,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!...

Скамарахъ сваё завядеть:

— Ти чуишъ ты, салома,
Ти видишъ ты, салома,
А што дѣитца дома?

— Да не, дѣдичка, ти такъ играй:

— Хто па яблычки пашоў,
Штобъ тэй вѣкъ ни пришоў!...

А хазяинъ сусѣдъ наўчилъ, када іонъ вылѣзить изъ мѣшка, што дѣлать:

— Пѐрша другоўя хватай, а тады яе атходишъ и хваробу атгонишъ. и ня будить ина за лякарствомъ пасылать.

Вылизъ изъ мѣшка мужикъ и атхватàлъ пѐрва яе другоў, а ина станть, слова тая дурычка, руки сащапя.

Сусѣдъ тада гаворить на сусѣда (а іонъ пришоў палюбапытствывать и сзади стаяў).

Што глядишъ?!.. вазьми яе харашенька, атгонь хваробу!..

Такъ атхадилъ жонку мужикъ, што и пасичасъ, ищà здарова.

№ 80.

Якъ жонка малалѣтнига мужа свайго забиждала, а потэмъ мужъ яе, по людёмъ пахадіўши, уздужіў и сваей жонки паказаў, што іонъ ей мужикъ іость.

Жанили малалѣтныга. Хазяйка и пазвàла малàлѣтныга мужа брать лёнъ. Іонъ стаў лёнъ етый брать — и ня стольки ленъ бяреть, скольки съ сабакню гуляить.

Жана видить балаўства, падбѣгла къ мужу, сащамила мужинькà прамезъ нохъ, да давай яго парить и пригаваривать:

— Бяри, бяри бѣлый ленъ —
Ни гуляй съ Сабалемъ!

Разабидіўся мужъ тады и пашоў у дабравольцы, и прахадіў іонъ лѣтъ 15. съ годымъ 20. Хадёмши па свѣту, наўчіўся у скрипычку грать; приходить дамой, а у жонки вичаринка, другій панайшли.

Іонъ пупрасіўся пустить яго на ычч, бытца инастраннаго гостя. Пустили.

Вотъ іонъ и гаворить:

— Пайзвольтя, хазяюшка, у скрипычку пайграть!..

— Ета жъ намъ будить дайжа вочинь пріятна!

Гость тады запѣлъ и зайгралъ:

— Што при стàри бывала,
Што мужъ жаны баитца;

То тяперя станавитца:
Жана мужа баитца.
Висить кистень на стянѣ—
Будить гастёмъ и жанѣ!

Тады и пачаў бизувать и жану, и другоў.
Съ тыхъ поръ и стаў хазяиномъ у дварѣ, якъ нада быть.

№ 81.

Ибъ скамарохи съ тыварышами.

Ва днэй дяреўни ни было скамароха. Во у святки дѣўки диряаеньскія хатѣли вичаринку справить.

Скамарохъ пытаить:

— Ти у багатыва мужука будить вичаринка?
Да ти многа у яго конiй?

Дѣўки кажуть:

— Сивый, бурый, билагривый!

И пашоў скамарохъ съ тыварышами на вичаринку.

Во скамарохъ и гаворить на тыварышiў:

— Вы идититка на хлѣў,
Вы бярититка каней:
Каня сивыга, билагривыга;
А бурый самъ пайдеть
И у сихъ пывядеть.

Во яны пашли съ избы и стали конiй брать; кони застучѣли. Пачуў хазяинъ, зажёхъ пукъ лучины и на хлѣў идеть. Скамарохъ ящо заиграў:

„Во жъ ты, шапычка,
Во жъ ты, ярычка,
Ты пригнись, прикланись:
Во хазяюшка идеть,
Пукъ лучинницы нясеть“.

Тады тыварыши скамарохыва узяли да за камью и брыкъ. Хозяинъ пашоў у въ избў; яны и вывили кони.

Потэмъ тыварыши падашли къ скамароху подъ вакошка и говорють па-тиху:

— Сала набрали, да неўвашта клась.

Скамарохъ жа на скрипычки зайграў:

А и бабская рубаха
Ти ня мѣхъ жи жъ то?
Я рукавы завяжу;
Скольки хочишъ, улажу.

Яны такъ и налажили, да пайшли. И вичаринка пакончилась, и дѣўки разыйшлись; а коній скамарохи павывили и сала паѣли.

№ 82.

Фараоны аднаглазыи—людаѣды.

Ягипицкіи цыгани што за жидами гнались, у мори затанули, да фараонами аднаглазыми падѣлались. Яны людаѣды, чишуя на ихъ рыббя, абъ нинастю сваиго Фараона просють.

Ягипитскіи цыгани гнались за жидами, каторыхъ изъ Ягипта Маисей увадилъ. Жиды узышли на моря, вада разступилась пирядъ ими и идуть яны по суху; цыгани услѣдъ за жидами.

Маисей якъ пиряхстѝть жазломъ, такъ цыгани и патдонють.

И таперь тыи цыгани живы у вдди, тольки на палавину на людей пахожи: голывы и руки у ихъ чилавѣчьи, па аднаму глазу, а кара рыббя; яны людаѣды, ажидають свѣтапристаўленія и датўль жить будуть. Якъ нинастя, цыгани давольны, што дажжокъ; якъ пагода, тады аны гаворють:—„Пупрашу свайго Фараона объ нинастю.“ Также яны у Фараона спрашіють:

— Ти скора будить приставленія свѣта, Фараоня, Фараоня?

Ихъ ловють и пристаўляють у чанахъ: на суши яны травать ни магўть, патаму что полурыбы.

№ 83.

Людаѣды, похожіе на коня, изъ двухъ половинокъ; когда они въ полномъ видѣ, половинки соединятся, то людоѣдовъ по ихъ быстротѣ никто не можетъ догнать.

Въ старину были людоѣды. Одинъ людоѣдъ головою, туловищемъ, ногами былъ похожъ на лошадь и распадался на двѣ

части. Когда сходились одинаковыя половинки людоѣда и составляли одно тѣло, то въ полномъ своёмъ видѣ людоѣдъ отличался необыкновенною быстротою: по народному повѣрью, никакое существо въ свѣтѣ не могло его догнать.

№ 84.

Деревня Медвѣдовка Смоленскаго уѣзда.

„Прилятѣли маленькіи дѣвычки да рибятки, узяли душиньку,
Пасадили на каляску и пувязли на нибяску.“
У нѣўкатарымъ царстви, у нѣўкатарымъ гасударстви,
Паявился сильный магучій багатырь Курнабиль,
Воласъ яго да земли, а голасъ дя нѣби;
И пришла къ яму матерь-лисица и гаворить:
— Сильный магучій багатырь Курнабиль, я тибе зъѣмъ!
Разсярдіўся и абразуміўся силный магучій багатырь Курнабиль
Пашоў атъ яе и знайшоў карову здохлую;
Стаў думать и гадать, што съ каровы зработать,
И здѣлаў съ карови чатыри вещи:
Шкуру, мѣхъ, а съ трибуха торбу...
И пайшоў дарогыю и пайшоў широкыю
И знайшоў три пуды зялѣза.
Стаў думать и гадать, што съ зялѣза зработать.
Здѣлаў тапоръ три пуды вѣсымъ,
И тапарища съ кымарова стягнища.
И пашоў у лѣсъ искать тоўстага древа,
Да знайшоў тоўстую крапиву.
Іонъ разъ сиканулъ,
Іонъ два сикануў,
Ни пупаў па тымъ древу,
Да пупаў па бѣлыму калѣну;
Іонъ день лижаў,
Нихто къ яму ни приходить:
Ни батька, ни матка, ни тая жонка
К... б.
Тольки прилятить камаръ да муха,
Пузвинить кала вуха да и палятить.
Прилятѣли маленькія дѣвачки да рибятки, узяли душиньку.

Пасадили на каляску и пувязли на нибяску.
Тамъ день хадіў и другей хадіў,
Ничога тамъ ни нашоў,
Только нашоў церкаўку
Съ пирагоў зрублина,
Приснаками вымащина,
Блинами пакрыта,
А ладками расшита,
Калбасою замкнута,
Баранкамъ защеплина.
Калбасу тутъ пирикусіў,
Баранка тоя пириламіў
И вайшоў у тую церкаўку.
Тамъ стаитъ папокъ
Саўсяный снапокъ,
Гарохавыя кудри,
Цибульныи...
Пастырначій...

№ 85.

Ибъ гарошинка да нёби, ибъ козычкахъ объ однымъ, двухъ и трехъ глазахъ.

Жіў дѣдъ зъ бабыю. Разъ, якъ яны абѣдали, у ихъ упала гарошинка са стόла. Гарошинка ета рости да расти; вырысла падъ палати — дѣдъ палати разабраў; гарошинка вырысла да паталόка — дѣдъ патылыкъ разабраў; гарошинка вырысла падъ крышу — дѣдъ крышу разобраў. Дарасла гарошинка да самый до нёби.

Старуха гаворитъ дѣду:

— Узлѣзь-ка ты, дѣдъ, на гарошинку, да пагляди, што дѣитца на макушки.

Дѣдъ, лѣзъ, лѣзъ, узабраўся наконецъ, смятрйть: хатка, а ў тэй хатки што масла, што сыра: лауки и столъ усё ета изъ малошнага. Дѣдъ наѣўся—и подъ лаукуй схувайся.

Вярнулись дамой козы, хазяйки хатки, видютъ, што нѣхта у ихъ пашаліў,—завыли:

— Хто наши сырныи печи ябламалъ
Хто наши масляныи лаўки яблизалъ?

Козычки, якъ имъ итить наўругу, вялѣли домикъ свой стяречъ аднавокый казѣ.

Старикъ усе пригаваріить:

— Спи вочка, спи вочка!

Козычка и заснула—закрылась вочка.

Старикъ изнову наѣлся, да падъ лаўку шмыхъ.

Козы вярнуўшись запароли сонную козу, а замѣстъ яе паставили казу а двухъ глазахъ, и съ тэю казою тэтъ жа злучай.

На третій разъ старажила каза ибъ трехъ глазахъ: старикъ и прагладилъ на ўбѣ глазокъ, а іонъ усѣ старикоўськіи пракazіи видѣлъ.

Хатѣли козычки было запароть старика, а патэмъ адумались и узяли старика пастивить ихъ, а старику даить, да малачко сабирать.

№ 86.

Ѳедыръ Барма-Пьяница.

Ѳедыръ Барма достаетъ цѧрю скипитръ-диржаву у заморскымъ зяяинымъ царстви, атплыўши на караблѣ бритвенныя снасти. Прислужника Ѳедыра Бармы царица зъѣла, таварыши яго затанули. Казьмѣ кривому паслѣднія вока выпикъ, а самъ атъ яго утёкъ. Леў са змѣимъ дяретца; милуить лева, а змѣя пасикаить, приплываитъ на лёви къ свайму цѧрю, привозить скипитръ-диржаву, просить у яго награду, штобъ царь яго и другôў яго апахмялилъ.

Ѳедыръ Барма пьяница быў у кабакѣ; нечимъ яму была апахмѣлитца, а іонъ дужа вотычку любіў: якъ увидить яе, такъ и трясетца.

На ту пору царь найшоў:

— Я бъ тябе апахмялилъ, Ѳедыръ Барма, якъ ба ты мнѣ дастаў скипитръ и диржаву!..

Апахмялилъ царь Ѳедыра Барму. И стаў Ѳедыръ Барма гатовитца къ атпраўки за скипитрымъ-диржавый.

— Прѐжда усяго, ваша вяличиства, закажитя мнѣ карабль—бритвинныя снасти!

Якъ карабль быў гатоў, Барма набраў сабѣ таваришіў и паплыў у зяяиныя царства.

Пріизжають у тôя змяиныя царства, у тэй змяиный горатъ: кругомъ горада лямить змѣй; галава и хвостъ умѣсти.

Царица съ тога горада и гаворить Бармѣ:

— „Даляко ты, Барма, литаишъ, буйну голыву тиряишъ"!..

Өедыръ пупрасіў у царицы пазваленія схадить у храмъ пумалитца Богу.

— „Да я ня тэй вѣры: ни магу туды вясти тябе".—

Өедыръ Барма узялъ тады у царицы ключи, а ёй заставилъ свайго прислужника, да и пайшолъ у храмъ. Узялъ у храми скипитръ и дирмаву, да скарѣй на карабъ. Царица застаўлинныга матроса зъѣла.

Якъ двинить на карабъ нязмѣтная сила змѣй и хатять карабъ затапить; ну, усѣ тыи змѣи парѣзались на палавинки абъ бритвинныи снасти, тольки грябцы знай выгрибай ихъ съ карабля.

Уйшоў Өедыръ Барма атъ змѣй и стали яго таварыши завидывать яго сдабычи и хатять сбросить Өедыра Барму съ карабля: Өедыръ Барма узналъ объ тымъ, сѣў на шлюпку и уѣхыў атъ таварышіў.

А таварышы Өедыра Бармы, якъ яны усюдахъ набирали золыта, дарагога каменья, атижалили карабъ и затанули.

Пріизжаить Өедыръ Барма къ багатырю Казьмѣ Кривому (іонъ быў фармазонъ — ни нашій вѣры).

Лямить тэй багатырь за стинами, упустіў къ сабѣ Өедыру Барму за стѣны и зачиніў яго.

Просить Казьма Барму уставить яму другей глазъ.

— Іость олыва?

— „Да, іось".

— Вяреўка?—

— „Іось".

— Валасяная?—

— „Іость и валасяная".

— А калясо.—

— „Знаидетца и калясо".

Привизаў Барма быгатыря къ скамейки, да якъ линеть гарячимъ волывымъ да ў здаровый глазъ — паслѣдній выжигъ.

Тады разсвиряпѣў Казьма и гукâить казла:

— Барму пакажи!—

А Барма ухватился за брюха казлова; такъ казёлъ и бѣгаить зъ имъ.

Казёлъ мàўчинька тыкаить Касьму, тольки ни прогаворить:

— „Барма тутъ“!

А Казьма на казла сирчаить: згрёбъ яго и пирякинуў за стяну умѣсти съ Бармою.

Барма жъ кричить Казьмѣ:

— „Спасиба, што выкинуў“!

Казьма притваріўся тады добринькимъ:

— Дѣлать нечига съ табой: на, няси свойму цàрю у падарыкъ шаблю!

Якъ узяў шаблю — ина къ пальцу прикипѣла.

Атсѣкъ сабѣ Барма палицъ и далій пайшоў.

Видить на дароги: дяретца леў са змѣимъ.

Леў просить памочъ, и змѣй просить памочъ.

Барма выхватіў саблю, разсѣкъ змѣя пупаламъ;

Леў тады парваў тыя палавинки на шматьтя.

Сѣў Барма на льва и паѣхаў на ёмъ къ свайму царю тиризъ моря, явіўся къ яму, привезъ скипитръ-диржаву, каторыя таперь у нашига царя хранятца.

— Чимъ наградить тябе, Ѳедыръ Барма?

— „Ничога мнѣ ни нада, акрамя таго, ваша вяличиства, штобъ у якей кабакъ увайду — была бъ мнѣ тамъ вотка, — скольки народу ни привяду, уси были бъ пьяны“.

№ 87.

Варливока. Якъ жёлудъ, бичовычка, силязень и старикъ супрати Варливоки ваювать пашли.

Жіў старикъ са старухыю, и було у яго три ўнучки. Пасѣили ани гарохъ, патомъ старикъ большію ўнучку паслаў гарохъ стяречъ, ина сядѣла, сядѣла ў гарохи—идеть Варливока на днэй нагѣ, ў дирявымъ сапагѣ, на галавѣ щатина, на лбу смарщинэ, носъ крючкомъ, барада клачкомъ, зъ зялѣзнымъ кастылькомъ, идеть къ ей и зубы скалить. Іонъ тую дѣўку забіў да смерти. Старуха дажидала, дажидала яе съ поля, а яе нѣтути. Паслала ина сяреднію дачку и яе тожа нѣтути. И меньшую паслала, и яе нѣтути. Старуха лижала на печки, съ

печи звалилася, на парогъ пакатилася зъ вотырыпу, што нѣтути ўнучикъ, ўзила у пароги кiёчикъ и пашла сама къ гароху, прушла ў гарохъ и сѣла. Идеть къ ей Варливока, на днэй нагѣ, ў дирявымъ сапагѣ, на галавѣ щатина, на морди смарщина, носъ крючкомъ, барада клачкомъ, зъ зялѣзнымъ кастылькомъ, идеть и зубы скалить; якъ стаў бить старуху, и забiў яе да смерти. Старикъ дажидаў, дажидаў старуху: нима. Узяў старикъ кiечикъ и пашоў на судъ на Варливоку. Идеть iонъ кала пруду и видить, што на пруди плаваить силязень куцый. Iонъ и гаворить на старика: — „здрастуй, дѣдъ, на сто лѣтъ, пайду и я съ табой и iонъ (Варливока) мнѣ вырваў хвостъ“.— Ишли яны, ишли, ляжить бичовычка и гаварить:—„здрастуй дѣдъ, куда идешъ“?—Старикъ сказалъ.—Бичоўка и гаварить:— „пайду и я съ табою“, тады старикъ сказаў:—„плятись за мною ўслѣдъ.—Идить яны, идить кала дубу, жалудъ и гаворить:—„пайду и я съ табою“. Пашли. Ишли аны, ишли, штоба Варливоку бить. Жалудъ бягить напярёдъ и пѣсни пяеть: „пипи, пипи Варливоку бить пришли!“—Пришли къ Варливоки ў хату. Уходють у хату, а ў хати нѣтъ никога. Силязень узлѣзъ на пирявозину и сѣў; бичовычка на лаўку, а жалудъ улѣзъ у печку и ўлѣзъ у гарщонык, идѣ Варливокина каша варилась, старикъ лёгъ на печъ. Идеть Варливока:—„хто ў маемъ доми?“—А жалудъ съ печи и гаворить:—„пипи, пипи, Варливоку бить пришли“!—Варливока и говорить: „пагади, толька каши падъѣмъ, я зъ вами спраўлюсь“!—Вынимаить кашу, толька стаў ѣсть яе, а жалудъ скакнуў яму ў глазъ и выбiў паслѣднiй. Iонъ толька хатѣў утечь, а бичовычка уплилась яму ў ноги, силязень саскаў, старикъ съ печи саскакнуў и стали яго бить,—забили яго да смерти.

№ 88.

Мачиха сы своей дачкой объ трехъ глазахъ падчирку пагубить хатить, а падчирки матушкина карова пасабляить.

Одна мачеха преслѣдовала свою падчерицу. Давала она тяжелую работу сиротѣ, а за исполненiемъ велѣла присматривать своимъ дочерямъ. Падчерица должна была въ одинъ день къ вечеру смыкать нѣсколько павѣстъ льну, спрясть и въ тру-

бочку скатать. Двѣ старшія дочери не могли усмотрѣть, кто помогаетъ бѣдной дѣвушкѣ исполнить трудную возложенную на нее задачу.

А дѣвушкѣ помогла справиться съ работою приданка покойной ея матери—корова. По совѣту коровы, дѣвушка станетъ искать въ головѣ сестры и приговариватъ:—„спи вочка, спи другоя“!—сестра заснетъ; потомъ дѣвушка въ одно ухо коровы влѣзетъ, а изъ другаго вылѣзетъ и, вылѣзши, вынитъ готовую трубочку холста.

Но за третьимъ разомъ уловка падчерицы не могла ускользнуть отъ наблюденій младшей сестры ея.

Сестра эта была уродъ: у нея было три глаза, и третій-то глазъ во лбу—его позабыла убаюкать сирота; онъ все и видѣлъ.

Мачеха, къ великому очорченію падчерицы, велѣла убить ея благодѣтельницу—корову. Но передъ смертью корова дала дѣвушкѣ совѣтъ вынуть изъ ея требуховъ камень. Дѣвушка сдѣлалась обладательницей камня, который помогъ ей скоро выйти замужъ и сдѣлалъ ее счастливою во всевозможныхъ трудныхъ случаяхъ жизни.

Село Шоптово Бѣльскаго уѣзда.

№ 89.

Биленя.

Карова пумагаитъ сиратѣ. Ваўшебный садъ—куды хатитъ, туды и двигыитца; у тымъ саду птички—нялюбага чилавѣка саўсимъ заклюютъ. Мачиха рысью сирату здѣлала. Мачихину дочку къ коньскимъ хвастамъ привизали.

Была у хазяина Биленя—карова. Атпраўляитъ мачиха пачирку у поля и даетъ путъ вирьхоўя (спусканый ленъ):

— „Спреди жъ ты, падчерка, вытки и принеси мнѣ халстинку у дворъ“!..

И гонитъ ина у поля и несйтъ путъ ильну и гукаитъ ина карову:

— „Биленюшка-матушка, приди ка мнѣ у поля и вынь мине зъ горя-гарямышница.—

Карова атвѣчаитъ челавѣчьимъ галасомъ:

— Што табѣ за горя?

— Дадина мнѣ горя, штобъ етытъ ленъ пупрясть и выткать и халстину несть маей матушки.

— Пализай у лѣвыя ушка—у правыя вылизишъ. У лѣвыя палѣзла, у правыя вылизла—ляжить халстина спрядина, выткана.

Гонить карову дамоў и несётъ матки халстину.

Атпраўляить назаўтри у поля ящо, даеть пудъ ильну—и мачеха идеть калаурить яе. И видить ина, какъ падчарица гукаить Биленю. Карова пумагла ей апять, а мачеха и видить посли таво: на сопки (курганѣ, кочкѣ) халстина.

Хазяйка пашла дамоў и захварала. Приходить хазяинъ зъ лѣса.

— Баба, идѣ ты?

— У пастели бальна, дѣдъ!

— Чимъ жа ты бальна?—ти ня хочишъ чаго?

— Ничога я на свѣти ни хачу—хачу билениныва мяса. Зарѣжишъ Биленю—буду жива, а ни зарѣжишъ—памру.

Іонъ атвичаить:

— Баба, ни умирай: заўтри зарѣжу.

Дачка пашла къ каровы:

— Биленюшка, моя матушка, батюшка тибе заўтри зарѣжить:

— Гарямышница, ни плачъ! Праси у батюшки мае кишки!..

— А што я буду съ тваимъ кишкамъ дѣлать?

— Дасть тибѣ батюшка кишки, пасадь на ўсемъ гораду—и вырыстить садъ— паѣдуть гиниралы у сваты и скажуть:

— Каторая принесеть мнѣ изъ сада яблака,—тую я замужъ вазьму.

Пріизжаить гиниралъ у сваты къ етаму хазяину.

— Хазяинъ, каторая изъ трехъ дачокъ принѐсеть мнѣ яблакыў на блюди,—тую буду за сына замужъ сватацца.

И нарижаить ина свою дочку съ саду принесть яблакыў, и пошла яе дачка радная за яблакымъ у садъ, и навалились на ету дачку птицы, издаўбали усё лицо, здѣлали ее рябою.

Гаварить гиниралъ:

— Што жъ ета яблоки маи ня скора идуть съ саду?

А ана отвичаить гиниралу!

— Больна здѣлалась мая дачка.

А іонъ гаварить:

— У тябѣ три дачки; пасылай другую.

Послала другую, усе сваю.

— Што же ета мае яблаки ня скора идуть съ саду?

— Вальна здѣлалась.

(И ету дачку птицы обдаўбали чиста).

Патомъ падчерку паслала. Ета пашла, узяўши блюда. Пришла у садъ—птушички паютъ разныя пѣсни и яблачки съ самэй вярьхушички наклали ей цѣлая блюда.

И гаварить гиниралъ:

— Вотъ ету я возьму замужъ нявѣстку за свайго сына.

На третій день пріизжаить и бяреть замужъ падчерку. Узяў, павезъ, и садъ за ей пашоў.

Ина, какъ вохнула, мачиха,—нядѣлю па саду пралижала:

— Яблаки не намъ ѣсть, а царямъ, да панамъ.

Заберемянила падчерка, радила сына и дачка тожа.

Пашла мачиха „въ цвѣтки“ и павила падчерку, и гаварить на хазяина:

— Я павиду яе парить, животъ спраўлять“.

Парить и пригавариваить:

— Рысью ў лѣсъ!...

Ана галая и побѣгла у лѣсъ, и приводить ана свою дачку и палажила съ гинираломъ.

А дитя ночи ни ўсыпаить, а сиси ни ўсысаить, и гаварить онъ, гиниралъ:

— Няситя дитя у чистоя поля прагулятца: што ино намъ спать ни даеть.

Пувезли у чисто поля, бѣгить воўкъ и спрашіить у ваўка слуга:

— Ваўкъ, ти ни видалъ рыску?

— Видилъ ды далёка.

Бягить лисица.

— Лисица, ти ни видала ты рыску?

— Сзаду вонъ идеть.

А ана идеть галая. Палажили дитя на мяжу, сами прочъ пашли атъ дитя. Накармила и успакоила, такъ што цѣлыя сутки и разу ни кричала, на другія стала кричать дитя. Панясли другей разъ и пашоў атецъ караулить, какъ яны дитя спакаивають у поли. И гукають слуги:

Рыска, рыска ступай дамой:
Дитя ночи ни ўсыпаить,
Сися ни ўсысаить.

И бяжить рыска гола. Человѣкъ идеть. Видить, што идеть жана кармить дитя: палажила дитя на мяжу и стала кармить. Мужъ тулупамъ яе и абхватилъ—и рвётца ана атъ яго вонъ.

— Што ты, дрюхъ любезный, атъ мине рвесьтя?

— А што жъ. когда рыскый мине атправила мачеха?

— Ня бось, жина; ни упущу тябе—пайдемъ са мною дамой. Приводить іонъ яе дамой, а тую жану узяў съ сабой у чистыя поля и привизаў къ конскимъ хвастамъ, штобъ яе кони разбили и разодрали.

№ 90.

О кривыхъ недѣляхъ.

Особыми суевѣріями сопровождаются двѣ недѣли святокъ, святая недѣля послѣ Христоваго дня, Духовская, также масляница.

Въ эти недѣли нельзя чинить ничего стараго, починять что либо изъ „пдсада“, нпр. кадки; нельзя городить згородъ, нельзя ничего вить, поправлять въ колесахъ, что нужно.

Если всё это дѣлать, то какая-то волшебная сила караетъ, вліяя дурно на нарождающееся поколѣніе—„молодятину“: все молодое (и скотина, и человѣкъ) родится уродливымъ, (нпр. кривоногое или съ шестью пальцами (шистяренькою).

Недѣли эти называются кривыми. Разъ этими недѣлями свили заверту—котилась овечка, а у нея одна нога назадъ.

— Бременная жэнщина ни клади на кривэй нядѣли къ галому тѣлу ни якій краснаты: рабеныкъ народитца съ пятномъ.

Карпиха палажила заблать за пазуху, и Ягоръ собствинна атъ таго и нарадился краснащокимъ. Мало того:—„Кърова атялилась, и малако ни пайшло съ саскоў.“

— Итецъ Иватарины Падгрудкавый святкàми прибилъ у коляды чипялу, а жина яго была бреминна.

Ина:—„Ни прибивай, ни прибивай!...“

И братъ:—„Ни прибивай: паспѣимъ, абыйдёмся!“

Іонъ ни паслухаў. То-та падгрудки настырны:

Падгрудки ети усигда наўгрўдки. Прибилъ.

И таперь жива дачка яго—радилась тригубая. Другая жъ дачка Лукерья сядѣла на загнети, да припаўзла къ пячурки, засадила нялоўка руку, ажъ заўрядила яе.

У Ривонавыхъ, у Атрога, радіўся мальчикъ, и у яго на пярету слова калакольчикъ съ гарохывую бубычку, а бубычка краснинькая, слова якъ налйтая, и жилачка краснинькая, краснинькая, якъ кроў.

У другаго крестьянина за несоблюденіе кривой недѣли овца котилась — „адинъ глазъ съ кулакъ, а вуши бальшея, бальшея,—такъ и висять.“

Въ с. Бороўськомъ крестьянинъ здѣлалъ грабли на Духовской недѣли — невѣстка радйла дитенка съ аднэй санычкый, три нядели тольки побылъ. „На паслѣднію кутьтю (Хрященьскую) разсикають галеньчикъ: іонъ туда и туда пакотитца—и Бохъ памилуить“.

Этимъ обрядомъ снимается языческое заклятіе двухъ недѣль святокъ.

№ 91.

Вьюнушъ дабываить кальцо, што яго мать атдала чорту.

Узнакъ тэй, што сынъ яе сатȧнскей, а ни христіяньскій: служить у прудника; потэмъ, угадіўши службый пруднику, ѣдить зъ имъ къ куму, чартоўськыму атȧману; тамъ вилять чартенку храмому принесь изъ вȯды кальцо. Ваўшебная грабница; прудникъ, па яе савѣту, штобъ збавитца атъ залѣзный кравати на тымъ свѣти, самъ сябе спалилъ.

Дѣўку замужъ выдали сўпрати яе воли, дакъ ина съ дасады падписалась сатанѣ и ў знакъ тэй, што сынъ яе будить „сатȧнскей“, ватдала чорту сяребриная кальцо.

Ня ўспѣла йна кальцо кинуть, якъ ужъ чортъ схапйлъ яго и прапаў зъ нимъ у вȯди.

Атукаўшись, мужъ съ жонкыю стали жить у любви и добрымъ сыгласіи,—тижало имъ была тольки падумать, што адинъ сынъ чорту принадлѐжить.

Када сыну ихъ вышла 20 лѣтъ, мать призналась сыну:

— Такъ и такъ, сынокъ: ты сатанскій, а ни христіяньскій.

Вьюнушъ вочинь абизпакоился и пашоў къ папу, што тэй яму параить.

— Батюшка, таперь я сатанскій; —парай мнѣ, якъ мнѣ быть христіяньскимъ!

Ну, етый попъ, якъ и другіи, ни знали, што скизать вьюнуши, тольки адинъ старецъ-пустынникъ во што яму присавѣтывалъ:

— Ступай ты, млàдый вьюнушъ, у такоя-та и такоя мѣста; тамъ вѝсить грабница, падайди къ ей тихинька и кашляни: грабница панизитца, и, када ты спросишъ, параить табѣ, што нада дѣлать.

И, дяйствитильна, идѣ старикъ казаў, вьюнуша знайшоў грабницу; тольки іонъ пирьхануў, грабница панизилась, а изнутри яе тиха зигамонила:

— Якой бѣсъ тутъ ходить!

Парай мнѣ: я сатанскей—якъ мнѣ быть христіянскимъ?

Грабница атказаить:

— У такимъ-та и такимъ мѣсти живеть прудникъ; паступай къ яму у батраки и старайся якъ нЯможна лучче яго приказаніи спалнять!

Вьюнушъ заставился къ пруднику у батраки и служилъ яму съ усимъ усердіимъ.

Разъ прудникъ замѣтилъ, што работникъ нявесилъ.

— А чомъ ты тужишъ, младэй вьюнушъ?

Разсказаў іонъ пруднику, якъ мать яго чорту запродала и у залогъ сяребриная кальцо ватдала.

— Ти ня можно, дѣдичка, якимъ нибудь родымъ раздабыть то калечко? Научи мяне, радимый!

— Ли другова бъ я ня здѣлалъ етыга — ли тябе, галубчикъ мой, здѣлаю!

Выводить прудникъ вьюнушу на платину:

— Во мы сичасъ нырнемъ съ табою у вадяную глыбъ, у вадяноя царства—дяржись жа дўжѣй за мой поисъ!...

Три раза яны атступили, а патэмъ бросились разымъ у воду. Яны ужъ на днѣ, видють тамъ палаты атàмана надъ усими чиртями.

Атаманъ етый буў бальшей пріятиль и дайжа кумъ мель-

нику; іонъ да чести привяў сваихъ гастей. Выпили, закусили; тады мельникъ свайму куму стаў рѣчъ держать:

— Ну, кумъ, слухай: ни тетаў ты маей просьбы, а чомъ я тябѣ дакучать буду! а ни паслухаишъ, кумъ — тоды ня гнѣвайся: уся дружба между нами, што пасеичасъ вядетца, урозь пайдеть.

— Усе ли тябе, кумъ, здѣляю... А чомъ жа ты просишъ?

- Видишъ ли якоя дѣла. Хто-та изъ тваихъ чертякнў кальцо стащіў вотъ такоя и такоя. Такъ, кумокъ, вяли яго намъ придаставить намедлинна.

Троху жалка атаману была калечка, иднача атъ свайво слова атступитца была віўвазможна.

Крикнулъ-гаркнуў на чартей атаманъ:

— Падать кальцо сію минуту!

И тэй кричить: ни браў! и тэй.

Застаетца вочирить за храмымъ чортымъ, а іонъ, ня будучи глупъ, ни дажидаитца свайго черида: хуваўся идѣ-то у вуглушки. Принужданы яго доўга атыскивать.

— Ну, слухай, казаў яму атаманъ: если ты мнѣ сію минуту кальцо ни придаставишъ, то палажу сичасъ тябе на кумуву пастель.

Храмый чортъ сійчасъ кальцо атдалъ.

Тутъ ужъ прудникъ палюбапыствываў:

— А якей ты пастели гаваришъ, кумъ?

— А, куманекъ, ты ни знаишъ ища сваей пастельки... Да а тэй, каторая тибѣ пригатувана.

— Ну, пакажи-ка, кумъ, маю пастелю.

Падходютъ къ пастели, сматрять; а пастель та убита цалюсинька зялѣзнымъ гвоздимъ.

— Даўно ужу, кумъ, ты намъ падписался! — Абъяснилъ атаманъ мельнику.

Када прудникъ дамой варатился, стаў свайго слугу упрашивать:

— Во, дѣтка, я дабылъ табѣ кальцо: таперь, дѣтка, ты ни принадлежишъ ужу начистыи силы: ты ни сатаньскій, а христіяньскій. Научи жъ ты мяне ради самаго Бога, якимъ родымъ мнѣ здѣлатца христіяньскимъ, якъ збавитца атъ зялѣзный крывати!

Вьюнушъ параилъ хазяину абратитца къ пустыннику, парадитца зъ имъ харашенька, пабывать у валшебный грабницы.

Быў ужу прудникъ у пустынника, падходить къ грабницы. Якъ падашоў прудникъ къ ей, якъ кашлянуў, грабница сталъ панижатца: якъ загримить, слова громъ, — ажно зимля задрыжѣла.

— Якую ты на мине паложишъ пакуту!

— А во якую: нанасить, залажа руки назадъ, семъ сажонъ хвораста.

Доўга трудіўся прудникъ у поти лица, сабираў сухія сучки.

Работа споўнина. Мельникъ стаў сряди хворыста и зажёхъ яго. Пламя ахватила мельника, тольки вѳрыны съ крикымъ насились вакрухъ яго:

— Каркъ, каркъ! во, во: куманекъ нашъ гарить.

Мельникъ атъ гряхоў ачистился и во святыхъ сталъ.

№ 92.

«Зима съ лѣтымъ стрѣлася».

Зима съ лѣтымъ стрѣлася. Вотъ зима гаворить:

— „Вонъ, лѣта, ты панворка: пунатвѳрила ты людей, што идуть, да падъ кустомъ ляжуть—адалять ихъ жаръ.

А, якъ я зима, да у мяне и старый луччи за маладога нясетца, ажъ барада трясетца—ужъ ни лляжить падъ кустомъ“.—

№ 93.

Мухи скрываютъ кладъ отъ приходящихъ.

Разъ мухи скрыли кладъ отъ приходящихъ: такъ обсѣли волшебную папороть, что послѣдняя была незамѣтна для глаза.

№ 94.

Якъ черти падманули мужикыў, када яны чорную папорыть стирягли.

Какъ жили были три товарищи, значить, сусѣди. Яны искали, искали къ Ивану Купалу чорный папарати, хатѣли яе штобы састяречъ, якъ ина твитѳть, и хто то имъ сказаў хто чорный папарати твѣтъ сарветь, тотъ усѣ клады найдеть. Вотъ

яны нашли ету чорную папарать, уняси яе ў хату, и' давай яе стяречъ. Вотъ яны стирягли, стирягли, толька падходить ужъ дѣла къ полначи: сичасъ, какъ зашумить вѣтиръ, какъ узнимитца съ таго канца дяреўни, и дальшій, ближій даходить да ихъ.—Яны етаму ня вѣрють, патомъ ужу заниматца огнемъ ихъ хата, идѣ яны караулили, а яны ўсё етыму ня вѣрють. Патомъ ета кончилась; сичасъ заряить, усходить сонца, и идуть рибяты касить и смяютца кала ихъ; тоя ны думали, што ета праўда и гаворють другъ на друга:—„Братцы, ти видитя вы, што кала насъ смяютца: вить ета ужу бальшой день, пайдемъ дамой!" Вотъ яны какъ бросили и пашли дамой, пасмотрють: свѣту таго ища ни завадилась, а дня и воўси нѣтъ, а ихъ тая папарать ужу атцвила, а твѣту ужу нѣтъ; яны и гаворють:—„Ну, какъ мы ни хитрили, а черти хитрѣй насъ: во какъ насъ яны паднадули!"

№ 95.

Листокъ волшебнаго папоротника, дающій возможность видѣть клады.

Одинъ крестьянинъ получилъ способность видѣть, гдѣ клады лежатъ, потому что къ нему попалъ въ лапоть листокъ чудеснаго папоротника.

Зашолъ мужикъ въ избу переодѣться, чтобы уже итти за кладомъ; въ это время изъ лаптя выронился листокъ папоротника,—куда дѣвалось способность мужика видѣть клады!

№ 96.

О слободскомъ кладѣ.

(Кладъ не дался братьямъ, потому что они скрыли его отъ сестры).

Въ сельцѣ Слободѣ существуетъ такое преданіе о кладѣ, пріуроченное къ одному колодезю.

Два брата съ сестрою замѣтили кладъ въ колодезѣ; тотчасъ вмѣстѣ пошли они добывать его. Сестра уснула подлѣ колодезя въ ожиданіи клада, а братья нарочно не будили сестру,

чтобъ кладъ достался имъ однимъ — за такую жадность не дался кладъ никому и навсегда ушелъ изъ колодезя.

№ 97.

Кладъ водли Хмары—ряки.

Существуетъ преданіе, что изъ рѣки Хмары появляется кладъ въ видѣ бочки, выкатывающейся изъ русла.

Это преданіе главнымъ образомъ принадлежитъ деревнѣ Руднѣ.

— Разъ 10 мужикоў—руднякоў сидятъ водли Хмары. Выходить къ имъ дѣвица, выить, чито нихто ни бяреть яе замужъ.

Падходить къ идному мужичку:

— „Возьми мяне замужъ!“ —

— Ды я жинатъ.—

(Быў жа іонъ удоў и жинатъ на другой жонки). Три раза пуўтарила свае слава дѣвица, потэмъ скрылась у гарѣ, а изъ гары посли таго выкатилась бочка; ина прарячйла:

— „Лижала тридцать лѣтъ въ гарѣ, таперь паляжу тридцать лѣтъ въ Хмарѣ“.—

№ 98.

Кладъ вобратинь; каму хатить, таму кладъ и здаетца.

Два браты знали, што іость кладъ: и бѣдный, и багатый.

Багатый пайшоу у здабычу, а бѣдный гаворить:

— „Самъ кладъ прйдить ка мнѣ, када надаби.“ —

Багатый клада ни знайшоў, а зъ дасады, у насмйшку, швырнулъ бѣдныму у вакно дохлую собаку.

Дохлая сабака скинулась бѣдныму багатымъ кладымъ.

№ 99.

На кладъ церькву пастроить надаби; кладъ съ зарокымъ.

Дѣвушка изъ сила Черипыва знайшла кладъ, а абъ тымъ клади была сказана, што церькыў нужна пастроить на тэй кладъ.

Пастроили церькыўку ни тэй кладъ, разъ у годъ у ней служба бываить.

№ 100.

Кладъ даетца извѣстныму чилавѣку.

Умираў багатый мужикъ.

А якъ ва ўсихъ багачоў атымаитца языкъ пирядъ смертю, то іонъ ня мохъ сказать, идѣ деньги схуваў.

Приснилась потэмъ сынамъ, што кладъ схуванъ у дупляна-стый липи, што близъ ряки; тольки кладъ дастца, ни дастца Двумъ Иванамъ,

Да двумъ канямъ буланымъ.

Иднача сами сыны узялись рубить липу; тольки срублинная древа имъ ни даётца у руки—пакатилась атъ ихъ у рѣку.

Плыветь и плыветь—ни даётца имъ, застанувалась ли дареўни.

Входють сыны у дяреўню, знаходють двухъ Иваныў, а у ихъ два каня буланыхъ.

Привяли Иваныў съ канями къ липи — липу вытигнули; кладъ дастали, яе разрубіўши.

Сыны атказыютца атъ атцоўськага клада, гастять день и другей и третій у Иваныў: приняли ихъ да чести.

Иваны у благодарнысть имъ закатали золыта у хлѣбъ, и тэй хлѣбъ дали на дарогу. Што ты думаишъ?

Нихто тога хлѣба ня зъѣў и па разнымъ случаямъ тириз скольки рукъ іонъ къ Иванамъ варатіўся.

№ 101.

Кладъ къ смерти.

Када свѣчка гарить и призадаетца на клади; тэй кладъ къ смерти. Такей кладъ, гаворють, іость у Прудкаўськимъ гаю.

№ 102.

Кладъ къ балѣсти.

Аднаму мужичку присніўся сонъ: возьми кладъ водли ручая: тольки тады тябе чемирь забьеть да смерти.

№ 103.

Кладъ здастца таму, хто сполнить тоя, што надыби.

Присніўся маладухи сонъ (у яе у то ўремя свекыръ пумираў).

— „Паскачъ па ёмъ, якъ іонъ памреть, галая: кладъ тады знайдишъ“.—

Ина давай плисать па ёмъ, якъ іонъ прикончіўся.

Уси думали, што ина тронуўшись. Ну, ина кладъ таки знайшла.

№ 104.

Старикъ убиваитъ адинъ за аднымъ двинацыть разбойникыў и дабро ихъ атдаеть купецкыму сыну.

У аднаго купца былъ сынъ. Ни давалась таргоўля купецкыму сыну: скольки ни таргувалъ іонъ, ничага ня вытыргывалъ, а пачти усё атцоўськая стратилъ.

Забраў іонъ астатніи дяньжонки и у паслѣдній разъ щастя спытать захатѣлъ: ипять на торхъ паѣхаў.

На дарози видить купецкій сынъ, што якей-та чилавѣкъ надъ мертвымъ тѣлымъ наругаитца.

Пакойный быў даўжонъ етыму чилавѣку, да ни атдаў деньги, што у пазыкъ бралъ; вотъ етытъ чилавѣкъ надъ пакойникымъ и наругаитца: таскаитъ яго за валасы.

Купецкій сынъ уси сваи деньги атдаў, штобъ тольки іонъ ни наругаўся, мертвыя тѣла схараніў и дамой звaратіуся. Батьку свайго абманилъ, што на сваe деньги скату накупилъ, и што яму за пакупкай ѣхать нада.

Ипять паѣхалъ іонъ бязъ денихъ, самъ ня вѣдая куды.

Ѣдить іонъ тиризъ темный сасновый боръ.

На дарози вышіў къ яму пріагромный чилавѣкъ.

Праѣхаўши яго, па лашадямъ: дужа страшонъ іонъ.

Ухадіў, ухадіў, а іонъ усё знай кричить:

— „Стой! ни увайдешъ, купецкій сынъ!“...

Увайти купецкыму сыну ни пришлоситки, аглянуўся іонъ: а великанъ стаитъ на запяткахъ саней и каньми править.

Великанъ привезъ купецкага сына пряма у свой домъ.

У доми виликана шолъ пиръ гарою. Виликаны, ну, тольки галавой панижи, за сталомъ сядѣли, за паисами у ихъ нажи, слова, якъ у разбойникыў.

Спужался Иванъ купецкій сынъ.

— „Ня бойся, Иванъ купецкій сынъ!“ —

Сказаў яму старикъ; ножъ узяў и усимъ разбойникамъ, памеңій за яго, головы пасрубіў, потэмъ ихъ усе багатества, нѣскальки бочикъ золата, атдаў купецкыму сыну; паѣхаў іонъ дамой багатый, прибагатый.

№ 1.

Атъ Стия.

Стень, якъ хто сохнить, худѣить.

Пасади рабенка бальнова стнемъ на дежку, но смятьти, троичи абсѣй яго зирнятками и пумяни курыкъ усихъ мастей, штобъ яны падбирали зирнятки—стѣнь бальнога; нужно бальнога и вадицыю абдать; нужна, штобъ бальнэй быў падпирязанъ трехлѣтнію уймыю (пряжею, атставшію атъ красенъ). Падпирязки ни сымай, пакаль што видна будить: када на пользу пайдеть, вуйма урѣжитца у тѣла, а ни на спальзэніе, чилавѣкъ схуднѣить еще болий,—сама уйма спаўзеть и сбраситца.

Мужицкія пагаворки:

Высыхъ, якъ стѣнь, на былинку.

А ты мине высушіў,—штобъ тябе такъ стѣнь сухей сушіў (асобливa жина на мужика бронитца).

Примѣчаніе.

Стѣнь отъ сущ., «тѣнь»; склоняется какъ сущ. муж. род. пень, линь и др.

От Матрены Антоненковой.

№ 1.

Св. Авксентій заключаетъ сестеръ—лихорадокъ въ колодези, потомъ выпускаетъ изъ колодезя, предварительно выспросивъ заговоръ отъ лихорадки.

(Бердибяки).

Хадіў угодникъ па землѣ, прапавѣдываў.

Нашолъ лихарадокъ у глубокимъ, абрубленнымъ колодцы: пялещутца, кричать у вадѣ.

Іонъ узяў, пришодши, хрестъ и палажіў:

— „Госпади, што ета за смятенія?!“...

Затваріў лихарадыкъ у калодцы.

Спрашіють сестры: —„Хто затваріў насъ?“ —

— Я затваріў васъ. Хто вы такея?—

— „Рѡдны сестры лихорадки“.—Чимъ жа вы занимаитись?— „Народъ затрясаимъ на тэй свѣтъ.“ — Тутъ жа вамъ и сядѣть.—

— А ты хто такой затваріў насъ?—

— „Я отча Авксентій“.—

— Ты насъ выпусти: насъ Госпоть сатваріў.—

— „Вы скажитя, чимъ спользуватца (спальзитца) атъ васъ!“

— Вотъ мы тибѣ скажимъ. Будитя вы живы, и, васъ будить хто паздраўлять—у тэй домъ ня пойдимъ; а памрѳте, пуминать васъ будить хто,—у тэй домъ мы ня пѡйдимъ.

№ 2.

Отъ лихорадки.

(Заговоръ, который Св. Авксентій узналъ отъ сестеръ-лихорадокъ).

(Бердибяки).

Пресвятая мати Бугуродица, пасаби у маимъ нагавори, абъ чомъ тибе буду прасить, буду малить.

Пумяни Госпади отча Аксентія у царстви нябесным, сатвари яму Госпади царства нябесная, свѣтлый рай.

Сакрутилъ іонъ (отча Аксентій) 12 систеръ у калодцы.

Сакрути атъ раба 12 сестеръ лихарадыкъ:

Арину, Польку, Катьку, Аудотью, Праскоўю, Дамнеку, Амміаду, Ховру, Марюшку, Хрузку, Яўгешку, Фяклушку.

На ваду духъ пустишъ.

Пумяни Госпыди отча Аўксентія, у царстви нябесныхъ, сыблюди яму свѣтлый рай.

Отча Аксентій, тебе прашу, тебе малю: вышли лихарадку па чести зъ кастей, зъ мащей, зъ жилъ и съ суставыў, изъ буйный главы, изъ ясныхъ вачей.

Выхадитя вы у пуховыя пярины къ гаспадамъ: тамъ вамъ чай, кахвяи и стульля мяхкая—а то я буду прасить отча Аксентія: заганить васъ у махѝ, у гнилыи балота гнилыи калоды гладить.

Нагаварилася вада на 12 зорь атъ 12 васъ лихарадыкъ, ата ўсихъ.

Арина, большія систра, ты упрашивай усихъ св аихъ систёръ.

Пириганяишь загаворъ и дуишь на вадў.

№ 3.

Отъ лихорадки.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На святой гарѣ,
На Синаи,
Тамъ стыяўши
12 апостылыў,
И кала ихъ шло
12 сястрицъ дявицъ.
Святэй Исиманъ у ихъ,
И спрашиваить:
— Куда вы идѐтя?—
Святэй жа у ихъ
Спрашиваеть Маисей,
Святэй жа у ихъ
Спрашиваеть Симіонъ,
Святой у ихъ
Спрашиваеть Кузьма—
И спрашиваеть у ихъ

Святэй Михаилъ,
И спрашиваеть у ихъ
—Святэй Пётръ,
И спрашиваеть у ихъ
Святэй Андріянъ,
И спрашиваеть у ихъ
Святэй Кирикъ,
И спрашиваеть у ихъ
Усѣ 12 Иваныў—
И ўсѣмъ яны
Атвѣщали:
—Идемъ мы
У христіянску вѣру
Бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ онъ страдаў-скарбѣў,
Да смертію умиръ.—

№ 4.

(Сухой Починокъ Е. у.).

Усѣ апостылы
На ихъ узсирчалися,
Узсирчалися и сказали:
—Если вы будитя бить-калатить
И не выступитя у раба
Зъ буйнэй галавы,
Зъ ретивога серца,
Зъ чуткихъ вушей,
Зъ нутря зъ живата—
То, истинна, мы вамъ гаваримъ
(Узяли яны 12 зялѣзныхъ дубинъ):
Пабьёмъ мы васъ
12-ю зялѣзными дубинами,
Загонимъ васъ
У махи и у ва рѣки,
Гасподь жа васъ
Будить бить кряменьнимъ

И будить бить грамами
И палить маланьями
И сашлеть за вами Гаспоть,
Съ неба на землю,
Вѣтрыў и вихрыў:
—„Вѣтры и вихры,
Сыйдитя зъ неба на землю!“...
Вѣтры и вихры
Попилъ вашъ разнясуть
И размятуть:
Ня будить васъ на земли.
И прашу я на̀ памычъ
Всѣхъ святыхъ:
Утишитя-сакратитя,
Избаўтя раба
Атъ 12 сястрицъ
И разныхъ трисяницъ!
Прашу я на̀ помычъ
Святую Зарю Зарницу,
Вечернію Марью,
Нашную Дарью,
Увутренную Мархву,
И прашу я на помычъ
Царя Давыда, царя Кастянтина,
И сына Саламона.
Вы укратили зямлю и ваду,
Укратитя рабу 12 сястрицъ
Нутряныхъ, кащавыхъ
И ўсякыхъ.
Аминь.

№ 5.

Отъ лихорадки.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Починокъ).

У горыди, у Іiулани,
Стаить святая ябланка,
Падъ тэю святэю ябланкаю

Ляжить три листа,
У тыхъ листахъ трехъ апостылў:
У первымъ листу
Святога Кузьмѣ,
У другомъ листѣ
Святога Михайли,
У третьимъ листѣ
Святога Исимана.
Къ святому ка Исиману.
Пришло 12 сястрицъ дявицъ
Разныхъ трисяницъ;
Пришли яны
Ка святому къ Исиману
Разадѣтыя, распаясаныя.
Святой Исиманъ
У ихъ спрашиваеть:
—Куда вы идете?
—„Мы идемъ у христіанску вѣру,
Идемъ бить-калатить,
Къ смерти варатить,
Штобъ іонъ страдаў-скарбѣў
И смертію вумиръ.
Святой жа Исиманъ
На ихъ жа узсирчаўся;
Аны жа пупугалися
И назвали святога Исимана
Госпыдамъ:
—„Святой Исиманъ, Госпыди,
А не бей ты насъ 12-ми
Зелѣзными дубинами:
А ня будимъ мы
Бить-калатить
И къ смерти варатить.“—
А святой Исиманъ атвѣщалъ:
—„Хто будить ету ваду патреблять
Три раза у день,
То удалятца и сакратятца 12 сястрицъ-дявицъ
И разныхъ трисяницъ
На вѣки вѣшныя! Аминь.

№ 6.

Атъ лихарадки.

(Бердибяки Е. у.).

Если мущина ў лихарадки, зними съ пяредній наги лошади дичъ, самую корачку; если жъ баба у лихарадки, нужна снять дичъ у кабылицы. Потэмъ корачку высуши и сатри у парашокъ, развяди у стакани зъ водою и пастаў прати бальнога и гавари:

— „Ты, лихарадка с.... а дочка, Ирадыва ты дочъ, пугубила Придтечу Ивана чиризъ сваю пляску, — зрубили яму голыву: но тябе святая галава праклила и паслала митатца кала лѣсу, кала кустоў, кала лошади, кала гривы и капытоў..... Ты ступай, лихарадка, атъ р. Б. (имя) — я тябе высылаю праклятую — ступай ты ни путями, ни дарогами — усё махами и патопами, да кривыми згародами — на лясы на дрямучіи, на дирявы на скрипучіи; — тамъ ты живи, паживай, да назадъ ни бувай. Питайся ты камарами и машкарою, а толька р. В. (имя) астаў! Аминъ.

Посли етыва загавору нужна бальному: мущини или баби, выпить ету ваду; но тольки штоба ни знаў бальнэй, чимъ ина разведина. Паймать потэмъ рыбу и найдить у яе прѡжирь, высушить яе и потэмъ на игни яе пакурить пиридъ бальнымъ.

Теризъ згароды бальному ни лазить, а можна — ли у дирьку, ли ў вароты.

Ета средствія самыя вѣрныя!

Атъ старика Василія Михайлова.

№ 7.

Атъ лихарадки.

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Варагуша, атыйди ты, варагуша праклятая, атъ такова-та челавѣка, — иди ты, праклятая, ниизжапыми дарогами, кривыми згародами, на мхи, на балота, на скрипучіи дирива.

Отъ Лиганька.

№ 8.

Атъ лихарадки.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

У началѣ бѣ Слова, и Слова бѣ къ Богу, и Бохъ бѣ Слова.

Напиши слава на верхній корки хлѣба и давай натащахъ ѣсть яго па вутренный зари.—

№ 1.

Атъ суроцъ.

Вадица, красная красавица! Хто етыю вадицыю памынтца, избавитца атъ 12 причинныхъ ссудныхъ глазоў.

Прашу я на̀ памычъ усихъ Божжихъ ма̀тиріў: Святую Божжую Матирь Кирсанскую, и Ивирскую, и Сипидаўскую, и Нижагародскую, и Валадимірскую, и Тиханскую, и Смалѐньскую, и Старапольскую—и усихъ Божжихъ Матиріў прашу я на̀ памычъ святую зарю-зарницу, вечернію Марью, нашную Дарью, вутреннную Мархву—и сыдитя ка мнѣ 12 зорь, зарницъ—вячерниxъ и раннихъ. — Утишитя, сакратитя атъ 12 причинныхъ и атъ чарадѣйскихъ и атъ асудныхъ глазоў—атъ сѣрыхъ, атъ бѣлыхъ и атъ красныхъ!

Што ня іость на свѣти глазы, усѣ, утишитя, сакратитя и избаўтя (имя) — укратитя у яво у нутрѣ, у животѣ и ў кастяхъ, и ва ўсѣхъ тѣлесахъ, и ва ўсимъ яго серцы. Прашу я на памычъ!

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Кастянтина, и мать ихъ Алену, и сына Саламона!

Укратили вы зямлю и ваду, укратитя рабу 12 глазоў!

И прашу я на̀ памычъ: сыдитя ка мнѣ, хирувимы и сарахвимы, зъ неба на зимлю, на памычъ.

А утишитя—сакратитя 12 глазоў усякыхъ на вѣки вѣшныя!

№ 2.

Атъ уроцъ (суроцъ).

(Село Инькова Порѣчскаго уѣзда).

Уроцы урошные пупярешныи и стрѣшныи пупярешныи, на чомъ вы стали, на чомъ вы пристали; ни на торный дароги,

ни на мяккій пастели, ни на питянни, ни на идянни, ай атъ злова чилавѣка, нинавистнаго глаза, атъ бѣлыга, атъ шэрыга глазу и атъ синига глазу и атъ бѣлазорага глаза, атъ кривога глазу и атъ слапога глазу, атъ бѣлыва волыса, атъ русыва волыса, атъ чорныга волыса, атъ сивага волыса, атъ рыжига волыса—атвидитя, аткаснитись уроцы атъ етыва раба чилавѣка, выхадитя изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, нажилыкъ сустаўцыў, полусустацўнў, атъ буйный галавы, атъ быстрыхъ глазъ и атъ румяныва лица, атъ рабочихъ рукъ, атъ быстрыхъ нохъ и атъ усей нутринности чилавѣческій—атыдитя уроцы атъ етыва раба чилавѣка,—идитя вы за мхи, за балоты, за ржаўцы-патопы!

Ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на пирякраи мѣсица, ни на сходи витаха!

№ 3.

Атъ суроцъ.

Сыйди, глазы сѣрыи,
Бурыи, карыи,
Нада ўсими чорный глазъ,—
Сыйди уси пирятѣпы,
Пирясуды, пиригаворы,
Атъ старыхъ, атъ малыхъ,
Атъ нижинатыва, атъ перваженца,
Атъ другаженца.—
Атыйди на етытъ часъ,
На ету минуту,
Уси хваробы, уси балѣзни,
И съ пальчикыў, и съ сустаўчикыў,
И съ буйнэй галавы, и съ хрябетный касти,
Атъ ретивога серца!

№ 4.

Атъ суроцъ.

(Сельцо Рудня).

Святая мать Бугуродица Суса Христа парадила, ни видала ни крыви, ни боли, ни якій муки надъ сабою.

Слаўна рика Вутя, слаўна рика Саламанида выхадила зъ вастока, съ биластока и са ўсихъ четырехъ старонъ, атмывала крутыи бирягй, аткрывала жаўты пяски:

Аткрый етакыму-та рабу атъ чирна глазу и сѣра глазу, сива глазу и крива глазу, желты глазу и каса глазу, и атъ усихъ разныхъ глазоў.

Сахрани, Госпыди, и памилуй раба Божья. (Хукнуть и— справа на лѣва троичи).

№ 5.

Атъ суроцъ.

(Бердибяки).

„Пирякстить у вядрѣ каўшомъ на̀ хресты, Господи благаслави“ прагаварить, тада къ абразамъ становитца.

— „Пресвятая Бугородица, пумаги ибъ маёмъ нагавори, ибъ чомъ я буду прасить, ибъ чомъ я буду малить.

Пумяни, Господи, царя Давыда, царя Кастянтина, царя Саламона и матирь ихъ Алену, всю кротость ихъ, помяни ихъ, Госпади, въ царствіи нябесныимъ, сатвари имъ царства нябесная, свѣтлый рай.

Сакрутили яны ваду и землю, сакрути суроцы: стрѣшныи, пупярешныи, нашныя, палуношныя, дянныя, старикоўськія, старушиччи, женьскіи, мужецкіи, рибяччіи, дятиныи.

(Дуть на ваду).

Чатыре угалёчка укинуть у коўшъ, адинъ засипить—тада дать папить чялавѣку и нахристъ верхнію частью руки умывать лицо, руки, пратй серца. Тада са рта брызнуть на бальнова:

Съ гуся вада,

Съ тибе худаба.

Тада вылить изъ каўша воду у тэй угалокъ, гдѣ завѣсы дввярей.

№ 6.

Атъ суроцъ.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

Присвятая Бугородица Дѣва Марія,

Ты хадила и гуляла па ўсимъ па лугамъ и па райскимъ садамъ са сваимъ сынымъ Сусымъ Христомъ, съ ангилами, са архангилами и са ўсими апосталами.—

Вы разныи травы искали и ўси твяты сабирали; ты, Присвятая Бугуродица, уси твяты тапила и ўсихъ бальныхъ лячила,—палячитя и пасабитя атъ суроцъ;—

Госпыди Сусъ Христосъ и Мати Прячистая Бугуродица и вяликая, ты, Спамошница, и ўсяму миру Памощница, пумаги и пасаби, ибъ чомъ мы тябе просимъ:

Умыть раба Божія (имя) атъ зломнава глазу, атъ злова пиригавору, атъ вучэныхъ кулдуноў, атъ уражд҆энныхъ, атъ женскава роду, атъ мужскова пола, атъ рибяцкихъ шутъ, атъ дявиччихъ прасмѣхыў и атъ старика, сядэй бароды—и какея бы яны не были: дянныи, палудённыи, нашнэя, палуношныя, а такжа пу вичарамъ и пу вутрамъ.—

Слаўная рика Ирдань Саламанида, ты ишла па святымъ гарамъ, па жаўтымъ пискамъ, пу крутымъ бирижкамъ, пу зялёнымъ лужкамъ, пу махамъ, пу балотамъ, па гнилымъ калодамъ, — ты змувала и мхи, и балоты, и гнилэя калоды, — змыи зъ р. Б. (имя) суроцы пиригаворныи!

Ну, я пайду у ряку—Ирдань ваду брать, я ни самъ сабою—Божжія Матирь са мною.

Ана будить умувать, пилинами утирать, ўси яго балѣзни унимать атъ видмавйщіў, атъ учэныхъ, атъ урожд҆энныхъ, атъ жэньскихъ, атъ музьськихъ, атъ дявоччихъ, атъ рибяччихъ, атъ старика, сядэй бароды—якея бъ яны не были.

Ты святымъ Сваимъ Духымъ Ты насъ и питаишъ, Ты итъ ўсихъ балѣзній избаўляишъ—святымъ сваимъ духымъ—ва вѣки вякоў. Аминь.

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Саламона, царя Кастянтина и матирь Алэну и кротысть ихъ!

Сакратили агни и вѣтры и крутэя горы—

Сакрати, Госпыди, р. Б. (имя), атъ р. Б. (имя заговаривающаго), атъ суроцъ! Аминъ.

От старика Василія Михайлова.

№ 7.

Атъ суроцъ.

Ключъ-свѣча съ край свѣта выхадилъ, круты берега вырывалъ, жолтый пясокъ вымывалъ,—у р. Б. суроцы умывалъ съ буйный галавы, зъ русыхъ бравей, съ ясныхъ ачей, съ румяныга лица, съ ретивога сорца, съ бялыхъ рукъ, съ барзыхъ нохъ, сы спины, изъ сярединьи, съ пальцеў, съ суставыў:

Суроца зависная, радосная, падумная, пагляднaя, денная, пулудённая, нашная, пулуношная, вятохавая, маладиковая.

Па, сичасъ, па сію минуту, мнѣ свѣтъ свитаить, заря зарянть, мѣсицъ ўсходить.

Какъ ня будить вѣку канца, у р. Б. (имя) ни бывать суроцамъ па сійчасъ, па сію минуту.

№ 8.

Атъ глазу.

(С. Михайловка Рославльскаго уѣзда).

На мыри, на кыяни, стыяў дубъ съ каринями; съ-падъ тога дуба бягить вадица кипучая и гримучая.

Божжія Матирь вадицу брала, на Сояньскей гарѣ пасвищала, такога то чилавѣка па галавѣ умывала.

№ 1.

Атъ тимяннога зубищи.

Балѣсть ета дятйная.

Атыщи дубовыя шула съ сукымъ (балѣсть пайдеть къ суку). Вазьми вады свѣжій и ня мѣриный и привяжи тряпычку къ суку, ваду жъ пастаў вокала шула; вазьми пôтэмъ рабенка на руки, пôтэмъ патискывай тимяннэй зубища и гавари:

Ва имя Атца и Сына и Святаго Духа. Аминъ.

Благаслави, Госпыди Христосъ и Пресвятая Багародица, ты, Вяликая Стошница, усимъ диламъ Памощница, пумаги намъ и пасаби сваимъ Святымъ Духымъ выгынять теминнэй зубища

и зубъ на зяленый дубъ у рату натискывать, а на дубъ ваду выливать.

Вы, зубы, зубища, идитя на дубища, но ты, тимяннэй зубъ, ступай на зяленый дубъ!

На зяленымъ дубу, на дивятымъ суку, тамъ царица Марея и присвятая Праскавѐя.

Аны шатры разбивали, кравати станавили и вяночки савивали: но ты, тимяннэй зубъ, ня будь тупъ — паспишай туда; саўють и табѣ—а то табѣ бясѣдывать зъ ими некыда.

Я тибе пувяду на Чорныя моря.

На Чорнымъ мори тамъ стаить вострыў.

На томъ вострыви ляжить сѣрый каминь.

Тамъ ты стань, приживись, вальною ты умувайся,—рыбью ты питайся; — толька рыбы ѣшъ тэй сортъ, якей ня ѣсть хряшоный народъ.

Штоба табѣ и звароту аттэль ни було.

Ваду вокала шула вылій.

№ 2.

Атъ криксыў.

Берутъ бальнаго ребенка на руки, берутъ голень и идутъ на „крусàдню“. Слегка ударяя ребенка гальнёмъ, приговариваютъ:

Устрѣшныя криксы, пупярешаыя криксы, падумныя криксы, пагодныя криксы, батькины криксы, маткины криксы, маладиковы криксы, витаховыя криксы, вячерніи криксы, раньніи криксы, дянныи криксы, нашныи криксы, палуноошаыи криксы, рябяччіи криксы, дявòччіи криксы, рябыи куры, бѣлыи куры, крапàстенькіи куры, чорныи куры, жолтыи куры, хахлатыи куры.

Царь Давыдъ, сакратилъ свѣтъ—сакрати и криксы!

(Послѣ этого говорятъ имя ребенка, отца, матери).

№ 1.

Атъ криксыў.

(Село Даньково).

Криксы, вярексы,
Атхаживаю младенцу Клаўдію,

Курки бѣлыя, курки сѣрыя, курки рябыя,
Курки жоўтыя, кричитя вы на крусадни, а младенцу Клаўдіи дайтя сонъ на ўсё время!

№ 1.

Обращеніе къ водѣ.

(Самохотовка Смоленскаго уѣзда).

Вадица царица
Красная дявица,
Пріўкрасная Ульянѐя,
Идѣ жъ ты, зъ рѣкъ затокъ,
Съ крутыхъ бирягоў,
Съ жаўтыхъ пяскоў,
Я тябе бяру на збаўленіе,
Души сваей на спасэніе.—
Стань ты, Госпыди, нà памычъ,
Мать Прячистая, на раду,
Святэй Спасъ, памилуй насъ грѣшныхъ!

От Лукерьи Бѣляёвой.

№ 1.

Отъ укушенія ужа.

(С. Митюли Р. у.).

Царь кудыка, царь мудыка, унимай вужа, слушнага мужа; и унимай, и вынимай юнысти, ярысти, гадысти съ такей та скатини!

Ня ўнимишъ и ня вынишъ сваю янысть, ярысть, гадысть— што пайду къ усимъ святымъ, буду прасить Госпыда Бога Іеуса Христа и Масіера зъ нябесными силами:

Нашлеть Госпади три тучи грозныхъ: адну камяннную, другую витравую, третію агнянную,—агнёмъ пупалить, камнимъ разабьѐть, вѣтрымъ попилъ разнясеть.

Отъ Лиганька.

№ 1.

Атъ змяи.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Царь змѣй Скурупей и царица змѣица Скурупяица, сабирайтя сваихъ змѣй и спрашивайтя, каторыя хадили, каторыя брадили и такую-та животную кусали и злоя жигала пускали и лютую ярысть.

И вы сабирайтя и спрашивайтя, змѣи балотныи, змѣи лугавыи, и змѣи куставэи, и змѣи падкалодныи, и змѣи падкурчѐжныи, и змѣи дамавэя падугольныи, и змѣи чорныи, и змѣи рудыи, и змѣи пирипялѐсыи, и ты, лютия змія, злая вирятѐнница.

Сабирайтись, уси змѣи, вынимайтя свае злоя жигала и лютую ярысть, штобъ вамъ тутъ ня быть и ня жить и такую животную скатину ни нудить и ни марить и яе кожу ни кусать и вопуху ни пущать.

Вынимайтя свае лютыя жала и лихую ярысть атъ етый животный изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ, изъ сустаўцыў, изъ полъ-сустаўцыў и малинькихъ сустаўцыў, и атъ буйный галавы, и атъ быстрыхъ нохъ, и атъ хрябетный касти и атъ длинныга хваста,—то мы будимъ прасить святога Михаила Архангила и нябесныи силы, напраганяющихъ ўсѣхъ ўрагоў и супастатыў: святой Михаилъ Архангилъ и нябесныи силы усѣхъ змяевъ пажгеть, пупякеть, святымъ сваимъ копіимъ пасякеть; сями огнинная кадила агнемъ запякеть и витрами и вихрями у паганыя моря попилъ знясеть.

№ 2.

Атъ змяи.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминь.

На мыри, на кіяни, на гарѣ на Сіани, тамъ стаитъ яблань, залатоя яблака и сяребреная.

Тамъ хадила и гуляла Мать Присвятая Багародица са сваимъ Сынымъ Исусымъ Христомъ.

Мы придемъ, приклонимся къ Матири, Пресвятый Багародицы:

— „Пресвятая Мать Багародица, памилуй насъ атъ акаянный силы, атъ змѣи“!...

— Нѣтъ. ни памилую, а памилуить васъ Самъ Гаспоть Бохъ Исусъ Христосъ.

„Мы прйдимъ, приклонимся къ самаму Госпаду Богу Исусу Христу:

— Госпади, памилуй насъ атъ акаянный силы, атъ змѣи!..

Памилую! Я сашлю трехъ вапостылы̆: первыга апостыла святога Іоргія (Ягорья) съ вострымъ капьемъ, другога апостыла Николу Чудатворца съ востру меччу, третьига апостыла Михаила Архангила съ грамкймъ громымъ, съ жаркыю молнію, съ буйными витрами.—

Вотъ вынзжалъ святэй Ягорій на сваимъ бѣлымъ конику, съ вострымъ капьемъ, у чистыя поля.

— „Што ты, змія Шкурупея, што ты, змія Тарупея, распустила дѣтей сваихъ дьявалоў? если ты ихъ ня будишъ унимать, будить тябе Мать Прячистая карать; — я тибе прабью вострымъ капьемъ. прати злога тваяго серца“.—

— О, святой Ягорій храбрый! Я униму сваихъ дѣтей—дьяволоў: ня бей мине вострымъ капьемъ, пратй злога маяго серца,—униму: падъ дарогыю и падъ згародыю, палявыхъ, мижавыхъ, лугавыхъ, падкупныхъ, балотныхъ, баровыхъ, лисавыхъ, пинавыхъ, курчавыхъ, пискавыхъ, дваровыхъ, гнаявыхъ, стрихавыхъ, лятучихъ, ярыхъ, переярыхъ, и каторыя на Сияньскихъ гарахъ.

И унуки, и праўнуки—и тѣхъ будимъ унимать, змяиныя жала выбирать, мы изъ такой та масти, мы изъ длиннаго хваста, съ буйный галавы, съ чорный печини, съ красный крыви, съ ретивога серца, изъ такей-та шерсти.

Вынзжалъ святой отча Никола Чудатворецъ на сваимъ бѣлымъ коники, зъ острымъ мѐчимъ, у чистыя поля...

Такимъ пырядкымъ гывари етытъ загывыръ три разы: значала съ иминимъ Ягорія, потэмъ съ иминимъ Никалая Чудатворца и наканецъ съ иминимъ Михайлы Архангила.

Якъ скончишъ загаворъ, читай малитву:

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, и царя Кастянтина, и царя Саламона, матирь Алену и кротысть ихъ!

Сакратили агни и вѣтры и крутыи горы — саврати, Госпыди, рабу скатину (такой та масти) атъ раба Божжигя (имя знахаря).

Ва имя Атца и сына и Святаго Духа.

Аминъ.

От старика Василія Михайлова.

№ 3.

Отъ укушенія змѣи.

(С. Митюли Р. у.).

Змія Шкурупея, унимай сваихъ дятей и вынимай сваю зміяную ярысть съ такей та скатины!

Ня ўнимишъ сваю зміяную ярысть, буду прасить Госпыда Бога и зъ нябесными силами! Госпыди пашлеть три тучи грозныхъ: адну камянную, другую витравую, третію агняную.— агнёмъ пупалить, камнемъ разабьеть, вѣтрымъ попилъ разнясеть.

Отъ Лиганькà.

№ 4.

Отъ укушенія змѣи.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На ржаномъ на жнивищи
Стаить кустъ ракитывый,
Падъ тымъ кустымъ ракитывымъ
Стаять кравати тисавыя,
Перины пухавыя,
Адіялы шелкавыи,
Ляжить руно шерсти;
И ў томъ руни шерсти
Сядить змія Шкурупея,
Змія Шкурупèя,
Змія Партупèя,
Змія Настасèя,
Змія Марèя.—

И прашу я васъ
Всѣхъ змѣевъ набальшихъ:
Унимайтя вы
Всѣхъ сваихъ змяёў:
Падкутныхъ,
Вуглавыхъ,
И дамавыхъ,
И паднавозныхъ,
И палявыхъ,
И мижавыхъ,
И выдяныхъ,
И усѣхъ гадыў,
Палзучихъ па зямли,
И махавыхъ,
И балотныхъ,
И плавающихъ па рѣкахъ,
И летающихъ па воздухàхъ:
Што аны ходя
Збродничають,
Распутничають:
Укусили скатину разный шерсти
И сваё змяяныя жала упустили.—
И скажитя вы имъ,
Штобы аны
Взяли къ себѣ свае жала;—
А если аны не вдзьмуть
Къ себѣ свайво жала,
То я буду прасить Спасителя
И Михайлу,
Великыга Архистратига.
Михаилъ,
Великій Архистратихъ,
Придить судить
Съ сваимъ страшнымъ судомъ,
Съ жизломъ залѣзнымъ—
Разабьеть кравати тисавыи,
И пярины пухавыи,
И руну шерсти—
И ваши будить на зялѣза

Матать кишки,
И вас самихъ будить бить
Малатами,
И васъ самихъ будить
Агнёмъ палить,
Штоба васъ не была
На земли—
Ня будить васъ
На зямли,
И ня будить вашига змяинага жала.
Аминь.

№ 5.

Отъ укушенія змѣи.

(Ельнинскій уѣздъ, сельцо Лукино).

На мыри, кіяни, на вострыви на Буяни, стаить дубъ.

Падъ тымъ дубымъ стаить ракитыў кустъ; падъ тымъ кустомъ ляжить бѣлъ каминь алатырь; на томъ камни ляжить рунецъ; падъ тымъ рунцомъ ляжить змѣя Скарпея;

Іость у ней сестры: Арина, Катерина.

Мы Богу цамаляемся, па ўсѣ чатыри сторяны пакланяимся—вазьмитя сваю лихысть атъ раба или атъ скатины (сказать цвѣтъ шерсти), па сей день, па сей часъ!

На̀христь дунуть.

№ 6.

Атъ змѣи.

(Бердибяки).

Станавись къ абразамъ.

Присвятая Мать Богородица, пасаби въ маимъ нагавори.

На̀ мари, на̀ Буяни, на во̀стрыви, на Кіяпи, стаить ракитывый кустъ.

Падъ ракитывымъ кустомъ ляжить змія Шкурупея.

—„Што ты, змія ляжишъ?—

Што ты тутъ сядишъ?—

Унимай сваихъ змѣй, змiинятъ: палявыхъ, лисавыхъ, падкалодныхъ, мижавыхъ, стрихавыхъ, дваравыхъ.

Если ты ня ўнимишъ и ня вынишъ ярая жала съ ачей и съ крывей, и изъ жилъ, и съ сустаў, и съ буйный галавы,— то буду малить Михайлу Архангила: прiѣдить iонъ съ голымъ мѐччимъ, съ молнiю и гразою, пасякѝть васъ и парубить и молнiю пажгѐть и попилъ размятеть.

(3 раза).

Нагаворъ па вѣтру и на хлѣбъ.—

№ 7.

Отъ укушенiя змѣи.

(Рудня).

На мыри, на кiяни.
Стаить кустъ,
Липавый кустъ,
У томъ кустѣ
Ляжить скаварода;
Падъ скавародый
Ляжить чорныя руна.
У томъ чорнымъ руни
Ляжить змiя Шкурапѐя.
Унимай сваихъ лютыхъ дятей,
Если штобъ они ни кусали:
Сипўху, храпўху,
Падстрѣшную, падмежную,
Лугавую, палявую,
Зимляную, щипяную,
Дравянўю,
Ня ўнимишъ,
Буду прасить
Михайлу Архангила.
Громымъ забьѐть,
Праскамѝцый
Сквозь гняздо
Тябе возьмѐть.
(Дунуть три раза (троичи) у

тую старану, идѣ челавѣка
змія укусила).

№ 8.

Атъ змѣи.

(Село Лобково Смоленскаго уѣзда).

Хадилъ Бохъ
Съ Мать-Прячистый
Па зялёнымъ лугамъ,
Сабирали— ирвали
Разныи травы
И прикладали къ змяиный рани.
Божжія трость
Абламилась,
Змяиная жала
Атвалилась
Атъ раба....
Атъ скатины (такой-та шерсти)

Передъ началомъ заговора и въ концѣ трижды читается „Отче нашъ“; молитву произносятъ, обратясь къ восходу солнца.

№ 9.

Атъ змѣи.

(С. Проборженка Е. у.).

На мари, на мари, на бѣлымъ лукамари, стаить ракитывый кустъ; у тымъ у ракитывымъ кусти есть змяиныя гняздо.

У тымъ гнѣздѣ ляжить змія Шкурупея, Палагея, усимъ зміямъ мати (старая змія съ природку).

Змія ты, Шкурупея, Палагея, унимай сваихъ гадыў: падкурчижныхъ, падкалодныхъ, падстѣнныхъ, паднавозныхъ.

Унимай, Шкурупея—Палагея, сваихъ гадыў!...

А ежили ты ня ўнимишъ сваихъ гадыў, будимъ прасить апостылыў, Ильлю надилящага, штобъ тябе ня толькя штобъ громымъ убить,—ну, и маланьёю бъ спечъ......

А ня вынишъ ты жала съ гнядэй лошади ядъ свой, — то будить табе на ўсихъ сястеръ на вашихъ аканчэніе: на Палагею, на Сихвею, на Малгариту, на Стипаниду.

Унимайтя сваихъ гадыў, а то будимъ прасить Михайлу-Арханлу залѣзнымъ жезлымъ, штобъ васъ и пасѣчъ, и пурубить, и ў грудахъ пупалить.

От Хатуля.

№ 1.

Атъ шалу.

(С. Митюли Р. у.).

Ишолъ Исусъ Христосъ сы рдою.

Христосъ варатися рыбацiя Артема (3 разы пиригаворь ни тдыхаючи) потэмъ:

Христосъ варатися, Госпади не ѝтстаў.

От Лиганька.

№ 2.

Атъ шалу.

(Сельцо Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

На синимъ на мори
Стаить дубъ кудрявый,
Падъ тымъ дубымъ кудрявымъ
Стаить кравати тисавыя
И залаты пярины пуховыя
И адiялы шалковыи.
У тыхъ у пяриныхъ пухавыхъ
Ва дiялахъ шалкавыхъ
Ляжить рўна шерсти,
У той руни шерсти
Сядить плица
Садяржица и Сакратица, каторая садиржаить
И закричàить
Всѣхъ сваихъ птицъ палетныхъ
И сабакъ забѣжныхъ.

И захожихъ,
Разныхъ шарстей,
Што ины
Ходя збродничають,
Распутничають:
Укусили скатину,
Свае жала упустили.
Скажитя имъ,
Штобъ ины ўзяли къ сабѣ,
А если яны ня возьмутъ яго къ сабѣ,
То я буду прасить Михайлу,
Вяликыга Архистратига.
Онъ придить судить
Сваимъ страшнымъ
И грознымъ судомъ,
Съ жазломъ зялѣзнымъ, —
Разабьеть кравати тисавыи,
И пярины пуховыя.
И адіялы шалковыя,
И руку шерсти,
И будить васъ бить
Па галавахъ малатами,
И будить ваши матать
Кишки на калясо,
И агнёмъ палить,
Штоба васъ не было на земли
И вашига шалу.
Аминь.

Атъ Василія Михайлова.

№ 3.

Атъ бѣшиныга пса.

(Лукино Е. у.).

На мыри, на кіяни, на вострыви на Буяни, стаитъ домъ; у томъ доми стаитъ стаитъ старица и держитъ ана жала.

Ты, старица, вазьми свае жала и приди къ р. Б. (имя), вынь изъ р. Б. (имя) жала смертныя!

Загаварію раны калючія на рукахъ, на нагахъ, на галавѣ, ва ўбу, на затылки, на брывяхъ и на падбародки.

Будьтя ва вѣки вякоў на сабаки чорный, сѣрый, красный, сядой, рыжій, бѣлый—сядитя и ва вѣки ни схадитя!

№ 1.

Атъ чемири.

(Сельцо Михайловка Рославльскаго уѣзда).

На мыри, на кыаніи, ляжить каминь Ардынъ; на тымъ камни сядить сизэй арёлъ съ зялѣзными каптюрями.

— „Польна табѣ, арелъ Ардынъ, каминь драть!

Михаилъ Архангилъ на памычъ—пиристань чемирь бить.

№ 2.

Атъ чемири.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Басла Божа, басла Божа, басла Божа!

Есть у свѣти есть у свѣти, есть у свѣти три цари, три цари, три цари: первый царь, первый царь, первый царь—мѣсицъ на неби, мѣсицъ на неби, мѣсицъ на неби; утарой царь, утарой царь, утарой царь—ракъ у мори, ракъ у мори, ракъ у мори; третій царь, третій царь, третій царь—сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти, сѣрый воўкъ у балоти.

Какъ еты цари адинъ у аднаго ни бываютъ и напитки и наѣдки ни кушаютъ и ни бесѣдываютъ—такъ етый чемири у р. Б. ни бывать и р. Б. ни нудить, ни марить и пу румяныму тѣлу ни хадить и бѣлую кость ни ламить и гарючу кроў ни разганять, пухавова волоса ни раздумать.

И ты выхади, чемирь злая, чемирь лихая, атъ етыва раба изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, изъ пажилыкъ; атъ буйный галавы, атъ быстрыхъ глазъ, атъ рабочихъ рукъ, атъ быстрыхъ нохъ, атъ нутринастей чилавѣчискихъ!

Ни трыгатца табѣ, чемири, ни на маладину, ни на палнатѣ, ни на пирякрои мѣсица, ни на сходи вастока!

№ 3.

Заговоръ отъ чемери.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли).

Ишла Божжія Матирь сы усимъ сваимъ архангельскимъ саборнымъ на ярскія луги гулять, вялыхъ твятоў сарвать, раба такога прикладать, у Ярдани ряки вадицы набирать, такова рабацію умывать.

От Лиганька.

№ 4.

Атъ чемери.

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Падъ карянёмъ карянистымъ,
Падъ листымъ ширакистымъ,
Сядить ваперь,
Рылымъ пашить,
Зубами рветь.
Што ета онъ дѣлаить?
Ета онъ дѣлаить:
Искить таго кариня,
Што выгынять
Атъ асудныхъ причинныхъ
Двинацыть чемерей,
Зъ буйный галавы,
Съ чуткихъ вушей,
Зъ наздёръ и зъ жилъ,
Изъ пажилыкъ, изъ сирядины,
Изъ нутря, изъ живата
И су ўсяго серца,
Зъ нохъ, са капытоў,
Рыжая, буланая (разнаго цвѣта).
Аминь.

№ 5.

Атъ чемири.

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

На синимъ на мори
Стаить церкыў Саламанида;
На тэй церкви Саламаниди
Стаить Божжія Матирь,
Въ рукахъ дёржить (вм. дяржи́ть)
Живатварящій крестъ.—
Ина сваимъ Живатварящимъ крястомъ
Атганяитъ три раза (вм. три разы̀)
Чемирь дянную,
Пулудённую, нашную.
Палунôшную,
Зъ буйнэй галавы,
Зъ ретивога серца,
Съ чуткихъ вушей,
Зъ нутрà изъ живатà
И съ сярёдины
И су ўсихъ разныхъ тѣлесъ
(о человѣкѣ)

И рясныхъ, ачей
Са ўсихъ разныхъ копытоў
(о скотѣ)

Атгôнь три раза чемерь
Зъ разный шерсти!
Ну, не самъ я сабою
Утѣшаю и сакрачаю
12 чемерей,
А Божжію Матирью:
Чисавыхъ
И полчасовыхъ,
Минутныхъ
И полминутныхъ,
И усякыхъ
На вѣки вѣчныя. Аминь.

№ 6.

Отъ чемери.

(Проверженка Ельнинскаго уѣзда).

Нà мари, нà мари,
На икàни,
Стаить ракитывый кустъ,
На тымъ кусти ляжить галъ каминь,
На тымъ камни сидять 12 маладцоў.
12 богатырéў,
Диржать 12 малатоў,
Бьють, какъ день, какъ ночъ,
Выбивають чемирь
Зъ рыжій шерсти, изъ буйный ґалавѣ,
Изъ яркыхъ вачей,
Изъ жилъ, изъ пажилъ,
Изъ лехкыга вздыханія....
И просимъ тебе
Прасвятую Багародищу....
—О, Госпыди, закрый и памилуй
Атъ усякыґа упадку!
Михаила Архаила
Су ўсею небесныю силыю....
Пумаги!....

Отъ Хатуля.

№ 1.

Атъ ламоты.

(Бердибяки).

Нўжны красныи суконныи нитки.

Сичасъ узять пять хлѣбыў зирнятъ: іўсà, иржи, ячменя, пышанйцы, грячихи у адну чашку.

Тада палажить нитки на чашки, стать къ иконамъ Божьимъ и сказать:

— „Присвятая Бугуродица, азбаў, абъ чомъ тибе буду прасить и малить: (имя человѣка) избаў атъ боли, атъ ламоты

кастяннэй, жильный, сустаўный: Асвитйтя сваей святэю рукою пять хлѣбыў ибсѣить сваими святыми зирнятыми челавѣка.

Скачиваитца съ яго пять хлѣбы съ галавы—и скатися ламата изъ кастей, изъ мащей и жилъ, и суставыў, изъ ачей, изъ глазъ и буйный галавѣ!

Пресвятая Бугуродица, вазьми атъ свайво сына слащайшига сваe золаты ключи и атъ Госпада Бога и замкни яму ламоту ламотнію балѣсть на вѣки вѣшныя.
Аминъ балѣсти.

Узять красныи нитки, завизать руки и ноги, нахристь завизать на чатыри узла руки въ кистяхъ и ноги въ кистяхъ, и наниткахъ крести 4 раза, палагая крестъ и пригаваривая: „ва вѣки вѣковъ аминъ балѣсти!“...

№ 1.

Атъ грыжи.

(Сухой Починокъ Е. у.).

На мыри, на кіяни,
На тэй рѣчки на Сіяни,
Лижаў каминь Латырь.
На томъ камни Латыри
Двѣ сястры Марьи,
Третій братъ Микйфыръ.
А у брата Микифыра
Конь каръ.
Грызь пиристань
На етый часъ, на ету минуту
У раба...

№ 2.

Атъ грыжи.

(Ельнинскій уѣздъ Сухой Починокъ).

Грызь, грызица, идёшъ,
Идетя вы
Пу путяхъ и па дарогахъ,

И ни спускаитя вы
Ни стрѣшныму, ни пупярешныму,
И приключаитись вы
Па вѣтри и па дыму и па вадѣ,—
Утѣшитися и сакратитися (утѣ-
шитися вмѣсто утишитися),
Нутряныи, кащавыи,
Асудныи и причинныи.
А если вы ни сакратитися,
Ни утишитися,
То я буду прасить
Усѣ святыхъ:
И святую зарю зарницу, Марью,
Нашную Дарью,
Вутринную Мархву
И светога маладика.
Пумяни, Госпыди,
Царь Давыда,
Царя Кастянтина,
И мать ихъ Алену,
И сына Саламона!
Вы укратили
Зямлю и ваду,—
Укратитя рабу
И 12 грызіў-грызицыў.
Утишаю я и сакрачаю
Всѣми святыми,
Всею силою нябесныю.—

№ 3.

Атъ дѣтскый грыжи.

(Ельнинскій уѣздъ сельцо Лукино).

Бабушка Саламанидушка у Пресвятой Багародицы грыжу загаваривала (или заѣдала) мѣдными щиками, зялѣзными зубами,—такъ и я загавариваю у раба Божія.

Имярекъ.

№ 1.

Атъ урюмый скулки.

(Заговоръ на водѣ).

Вада даўжна быть свѣжая, пусудйна чистая; пиридъ тѣмъ какъ пириганять загаворъ, вымый чиста руки. Если изъ ряки бярешъ ваду, черпай яе па тяченію за разъ и изъ калодца, если бярешъ ваду, бяри яе сразу. Няси ваду мȁўчинька, на стȍроны ни пагглядывай. Патомъ гавари, якъ принясешъ ваду.

Ва имя Итца и Сына и Святова Духа. Аминъ!

— „Ты, заря зарица, ты раса расица, раннія и вячернія, ты, скулища ты, асудища, ты, скула бѣлая, ты скула чорная, ты, скула синія, ты скула багровая, ты, скула жоўтая, ты, скула зависная, ты, скула радȍсная, ты, скула урошная, ты, скула угрюмая, ты, скула грудйща, ты, скула залатнйца — якоя бы ты ни была—ну, я, рабъ Божій, я тябе вупрашаю, я тябе высылаю изъ касти, изъ мащей, изъ ясныхъ вачей, изъ буйный галавы, изъ ритивога серца, изу ўсихъ жилъ, изу ўсихъ пулусустаў, штоба р. Б. балѣсть пиристаў.

Ты ступай, скула, на синія моря: на синимъ мори ляжить бялой каминь, на бяломъ камни сядить тамъ дявица, ана ни шіить, ана ни мыить, ана ни ткеть, ана ни прядȅть, толька рабу Божію помащъ атъ скулъ даȅть.

Мы же просимъ:

— „Красная дявица, сама чистая вадица, ты йшла зъ марскога ключа, изъ зимляного нутра, ты размувала жалтыи пяски, ты падмувала крутыи биряжки, — змый зъ р. Б. (имя болящаго) скулу ўрюмую и ўсю балѣсть!“.

Якъ прагаворишь, улей у втарую пусудину 21 ложку вады и давай тэя вады пить и мачигь ею грудь семь зорь утренних и вячернихъ.

Изъ избы тоя время выхадить нильзя.

№ 1.

Атъ зубнэй боли.

(Бердибяки Ельнинскаго уѣзда).

У каво балять зубы, вазьми явырный коринь, разрѣжъ яго на три части. Када будить видны звѣзды, вывиди бальнова на

сирядину двара, вазьми у правую руку кыряшокъ и абвяди кругомъ бальнэй щаки и гавари малитву:

— Вы, святэя святитили, вы, Божжія угодники и скорыи памошники, пумагитя и пасабитя, абъ чомъ васъ просимъ—выганять боль изъ зубоў на щиры бары, на темныи лясы, на мхи, на балоты, на гнилэя калоды.

На щирахъ барахъ, на темныхъ лисахъ, на мхахъ, на балотахъ, на гнилыхъ калодахъ стаить избенка, у той избенки ляжить тамъ рабъ Божій (имя послѣдняго похороненнаго на кладбищѣ).

— „Рабъ Божій мяртвецъ, балять ли у тябе зубы?“

— Нѣтъ, ни балять.—„Ну, каму я загавариваю, нихай вѣкъ ни балять“.

— Маладикъ маладэй, што мы тябе три дни ни видали— идѣ ты дасюль былъ?—„Быў я далеча на томъ свѣти“.

— Каво ты тамъ видіў—„Видіў Бога, усихъ святыхъ и усихъ мяртвыхъ“ — Што ты зъ ими гаваріў тамъ? — Пра зубы“.

— Ти балять у ихъ зубы?—„Нѣтъ“, гаварили: „ни балять“.

— Ну, нярушъ у раба Б. (имя) и вѣкъ ни балять.— Аминь.

(Послѣ этага узять часть кориня и дать бальному у правую руку, тольки прагаваріўши малитву или загаворъ. Посли жъ, прагаваріўши у другэй разъ загаворъ, и дай у другую руку, у лѣвую, 2-ю часть. Прагаваріў у третій разъ загаворъ, палажи бальному третію часть у ротъ, на ту старану, идѣ балять зубы.

Коринь дяржи ва рту усю ночъ, потэмъ вазьми и палажи у ротъ тэй коринь, каторый у правый рукѣ—на день, съ лѣвый руки коринь палажи нà ночъ.

От старика Василія Михайлова.

№ 2.

Атъ зубнэй боли.

(Бердибякп Ельнинскаго уѣзда).

Хто приходитъ за загаворымъ, тэй даўжонъ абаўдить пзбу знаружи и найдить бярно на вуглу съ сучками нàхристь,

атщапить атъ етыхъ сочкоў щепычку и зъ ею загаваривать будить знахарь зубы.

Щепку даўжонъ принясти бальнэй.

Када балитъ правая старана, вазьми яго за лѣвую руку, кала кисти; если жа забалить лѣвая старана, то вазьми за правую руку, кала кисти.

Кали щепкый у томъ мѣсти, идѣ узяў, у жилы, и гавари:

— „Вы, жилы, астипянитися!

Ты, кроў, разайдися па тѣлу и па жиламъ!“...

Тады пирядвинь руку далій, напалавину атъ лактя, накалывай у жилы и гавари:

— „Ты, кость, крипка, якъ залѣза, якъ самая быстрая сталь; но вы, зубы, балѣть пиристаньтя у р. Б. (имя).

Узять руку вокала лактя, накалывать у жилы и гаварить:

— „Ты, чирьвякъ, чирьвячищя, выхади на верьхнія вакно, зъ верьхнига вакна на нижній вянецъ бирна: тамъ табѣ будить тёпла, тамъ табѣ будить мякка, штоба табѣ изввароту ни булб.“ —

Щепку приставить, идѣ ана была.

От старика Василія Михайлова.

№ 3.

Атъ зубнэй боли.

Каинъ, Каинъ, Каинъ, вяли спрасить брата сваяго Авиля, ни балятъ ли у яго зубы. — „Нѣтъ“. — Такъ и у р. Б. нѣтъ.

Ва имя Итца и Сына и Святага Духа.

Аминь, аминь, аминь.

Нагаворь на соль и клади на зубы.

№ 4.

Атъ боли зубоў.

(Бердибяки).

— Выў на томъ свѣти? — „Выў“.

(Гляди на мѣсицъ, звѣзды).

— Мяртвыхъ видіў? — „Видіў“.

Што жъ яны? — „Лижать замяртвѣўши“.

— Штобъ и зубы замяртвѣли у такого то!...

№ 1.

Отъ перелома костей.

Раднэй бальнова или знакомый становитца пиридъ иконами, хреститца, хрестить пирялом у бальнова и гаворить:

Иштоў Бохъ мяжою, па чистыму полю.

Святэй Михайла Архангиль, стань Богу на нагу.

Ни пашатнулся, ни пакіўнуўся:

Сустаў суставнымъ, кость костію, жила жилыю.

Царь Давидъ, сакратилъ неба и землю — сакрати и насъ грѣшныхъ.

Аминь.

№ 1.

Атъ усихъ хваробъ.

Хади, уси хваробы, съ пальчикыў, съ сустаўчикыў, и съ кастей, и съ мащей, и съ буйнэй галавы, и зъ хрябетный касти, и атъ ретивŏга серца!

№ 1.

Атъ вогника.

Агонь, агонь, гарючій, балючій, табѣ макрата, а мнѣ сухата—па етый час, па ету минуту.

Прагаворь надъ бальнымъ три разы.

№ 1.

Атъ жабы.

У горыди Русалими, на ракѣ Ирдани, стаить древа купаресъ; на томъ древи сядить птица арѐлъ, щипить и тирябить кахтями и нахтями и падъ щиками и падъ зябрами у р. Б. (имя) жабу.

Ва имя Итца и Сына и Св. Духа. Аминь. (Когда этотъ заговоръ будешь говорить, то въ это время нужно тыкать въ горло указательнымъ пальцемъ и проговорить слова три раза).

№ 1.

Атъ ичмяню на глáзи.

Штобъ унистожiўся ячмень, тольки ни ў примѣту таму хто яго мѣить, у бальной глазъ плюнь знѣтику или падняси къ бальному глазу кукишъ и гавари:

„Ячмень, ячмень!
Вотъ табѣ кукишъ,
Што хочишъ, то и купишъ;
Купи сабѣ тапарокъ,
Сяки сябе пупярекъ!“...

№ 1.

Атъ притча.

(Бердибяки).

Бярешь красныи нитки и вербу атломишь, паложишь ету вербу у чистую пасуду съ зирнятами итъ пяти хлябоў.

Нитки даўжны быть суконныи.

Пресвятая Бугуродица, посаби у маимъ нагавори, а чомъ тибе буду прасить и малить:

— „Асвятитя пять хлѣбыў абсѣить такому-то!“...

Пресвятая Бугородица по сȁду гуляла, итъ Госпада Бога Сына ключи брала и замкала притча:

Кастянноя, нутрянноя, жильная, сустаўныя (три раза проговорить).

Пиривя̀зашь нитками нахристь руки и ноги:

Пресвятая Бугуродица, завязываитца балѣсть и ўсякая притча на вѣки вякоў.

Тада етымъ хлѣбымъ (прежде яго паставить къ ибразамъ) ибсивȁишь челавѣка, а куры, штобъ зерны выбирали, куры тольки,—больши жъ нихто.

№ 2.

Атъ притки.

Куры рябыи, хахлатыи, разнапѐрыи, выбирайтя болв и притча изъ жилъ—суставыў у рабы, раба....

У вербы атламить три сучки и патроя, штобъ девить сучкоў была, тапить у печки, абтапить, штобъ накипѣла вада,—вербу вынить вонки, жижку прастудить, а прутья сійчасъ сушить:—тада маладенца, проти абразоў, у стерпъ тепленькыю вадичкыю вербныю абдать; а рубашка тутъ штобъ лежала падъ кутомъ; тада сухѐю вербаю курить: гдѣ дирка у лаўки жарку накатить, сухихъ прутикыў атъ вербы набрасать, тутъ рабенка падкўрить—Бохъ и милуить!

№ 1.

Атъ порчи.

(Село Иньково Порѣчьскаго уѣзда).

Пумяни, Госпыди, царя Давыда, царя Саламона, прамудрысть ихъ и съ хитростими ихъ.

Царь Давыдъ, царь Саламонъ, сакратили зямлю и ваду и весъ міръ праваславный—сакратитя етыва раба, чилавѣка, атъ вѣдьмы калмыка и атъ калдуна чараўника и атъ вѣдьмы калмыцы и атъ калдуницы чараўницы.

И вы, вѣдьмы калмыки и калдуны чароўники, на чомъ дали, на чомъ саздали етыму рабу порчу и нарядъ: или вы на питянни, или вы на ядянни, или у паходи, или на работи, или на торный дароги, или ни мяккій пастели, ти на пищи даваўши или слѣдъ вынимаўши—выхадитя, порчи и наряды, атъ етыва раба и чилавѣка, изъ кастей, изъ мащей, изъ жилъ, пажилъ, суставыў и малинькихъ сустаўчикыў, атъ буйный галавы, атъ рабочихъ рукъ, атъ быстрыхъ нохъ.

Я васъ пасылаю, порчу, атъ етыва раба за мхи, за балоты, за ржаўцы-патопы, на Чорныя моря.

На бирягу Чорныга моря, тамъ стаитъ избушка; у той избушки сидятъ двѣ Анны-панны, яны ни гуляють — ету порчу принимають атъ такова-то раба Божія; маладыхъ малайцоў женють, а дявицъ замужъ атдають.

Тамъ етый порчи гуляння, тамъ ей красуванния!

№ 1.

Кровь загаваривать.

(Бердибяки).

Пресвятая мать Бугородица на залатую пряслицу пряла, нитку атарвала, кроў завизала.

Аминъ три раза скажи, дунь шесть разоў.

№ 2.

Отъ кровотеченія.

(Сельцо Рудня).

Чиризъ моря-акіянь
Ишла Божжія Матирь.
Стрѣўся зъ ѐю Сусъ Христосъ,
Самъ Госпоть Бохъ.
— Куда, Божжа матушка, идѐшъ
Куда золыты ключики нясешъ?
— Такому-та рабу кроў замкнуть.

№ 3.

А т ъ к р о в и.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминъ.

Даселева были при Агарянѣ царѣ неба мѣдна, зимля залѣзна и ни дала плоду атъ сибе.

Какъ утихнулись и ужаснулись рѣки и ручьи малыи источники—такъ бы утихнулась у р. Б. (имя) щипата и ламата.

Многа пасабляить сіе слова.

Ключъ неба, а замокъ зимля.

Аминъ, аминъ, аминъ.

№ 4.

А т ъ к р о в и.

Пумяни, Госпыди, царя Давыда и ўсю кротысть яго,— украти, Госпыди, карову сію крѣпастями сваими ва имя Атца и Сына и Св. Духа. Аминъ.

Утреннія заря Марія, вячернія Мармеанія, уталитя маю таску-кручину. Нынѣ и присна и ва вѣки вякоў. Аминъ. Аминъ.

№ 5.

Отъ кровотеченія.

(Село Даньково).

Тякеть рѣчка крававая,
На тэй рѣчки бѣлэй кàминь,
На ёмъ три дявицы;
Яны шіють красныю нитачкыю.
Нитычка пырвалась,
Кроў увырвалась.

Праговорь 12 разоў надъ бальнымъ, кроў пиристанитъ тити.

№ 6.

Отъ кровотеченія.

(Ельнинскій уѣздъ, Сухой Починокъ).

На гарѣ, на Сіянѣ,
На рякѣ на Ирдани,
Стаить древа купарѐсъ.
Падъ тымъ древымъ купаресымъ
Стаять сталы дубовыи
Ни тясовыи;
За тыми за сталами
За дубовыми, за нитясовыми,
Сидять три сястрицы,
И дѣвѝцы красавѝцы,
И прядуть красный
Разный шолкъ,
Прядуть, выпридають
И ўзоры набирають.
Сястрицы дявицы,
Прядитя красный
Разный шоўкъ,
Выпридайтя—

И ўзоры набирайтя,
И красныга шоўку
На зямлю ни ўраняйтя,
И съ зямли ни падымайтя!
У раба крови ни бывать!
Аминъ.

№ 7.

Отъ кровотеченія.

(Сельцо Рудня).

На мыри, на кіяни,
Три дѣвушки сидять,
Нитычки придять,
Па нитычки' тарвали
... рабу кроў завизали
(Дунўть троичи).

№ 1.

Женщинѣ на благополучное разрѣшеніе младенцемъ.

Напиши на бумагѣ:
— „Пумяни, Госпыды, сына Едомскіи, въ дни Ирусалимскіи глаголющіи: истащайтя да аснаванія яго“.
Письмо палажи ражѐницѣ у пазаху.

№ 1.

Загаворъ идущему на судъ.

Иду я р. Б. (имя) къ р. Б. (имя) атъ Духа Свята и атъ Христовый пичати и атъ Спасавый руки, атъ Прячистага замка, атъ Престола Гасподня.

Ангелъ мой Хранитель, сахрани маю душу, мой домъ, серца мае прими къ себѣ, въ пріятіе, р. Б. (имя).

Ключъ неба, земля замокъ. Аминъ.

(Прочесть до конца „Багародица Дѣва, радуйся!“...

Съ вастоку идеть Гаспоть нашъ Іисусъ Христосъ, изъ па-

лудня Михаилъ Архангелъ, съ вечерній зари Никалай Милагстивый; гарадять каминную аграду вокала р. Б. (имя идущаго въ судъ), замыкають трёмя замками, трёмя ключами; ключи атносють въ акіянъ-моря, падъ китъ-каминь, въ щуку-рыбу.

Хто можить акіянъ моря выпить, тэй можить и мине р. Б. (имя) асудить и агаварить. Ключъ неба, земля замокъ.

Аминъ, аминъ, аминъ!

№ 2.

Загаворъ, чтобъ быть оправданному на судѣ.

(Бердибяки Е. у.).

Ва имя Итца и Сына и Святога Духа. Аминъ.

Устану я р., Б. (имя идущаго въ судъ), ранёшанька, я умыюся бялёшинька, я уватруся жаркымъ соўнышкымъ, падпаяшуся яснымъ мѣсицымъ и пайду я къ самаму Госпаду Богу, и вазьму я на пристоли тридевить замкоў, тридевить ключоў и тридевить падзамкыў, и пайду я, р. Б. (имя), на сходъ міра, кругомъ уси сходки абыйду, уси сирца ихъ лихея пазамкну — усимъ, атъ верхниха чилавѣка да паслѣднига: сборщику, дисяцкыму, сельскыму, уряднику, валасному, становому, испраўнику и ўсимъ тымъ, каторыя при сходи будуть.

А самъ пайду, р. Б., (имя) къ самаму Госпаду Богу и палажу на пристоли тридевить замкоў, тридевить ключоў и тредивить подзамкаў.

А самъ пайду; рабъ Божій, змѣ́рію двери зъ варотъ и у ў вароты и ў чистыя поля; на выстрѣчу ка мнѣ, къ р. Б., звѣрь леў. Я сяду на звѣря-лева и стану пиридъ усимъ мірымъ—краши краснага сонушка, яснѣй ясныга мѣсика,—быў бы я милѣй ихъ атцоў и матирій,—быў бы я милѣй ихъ жонъ и датей,—быў ба я милѣй усяго роду ихъ!...

Живатварящій нашъ хрестъ заўсигда ныни и присна и ва вѣки вякоў, аминъ.

Защищина зимля нибисами,—защити мяне, Госпыди, харошими слависами. Заўсигда—ныни и присна и ва вѣки вякоў. Аминъ.

От старика Василія Михайлова.

№ 3.

Штоба власти и судьи были милостивы.

Госпади, благаслави, Отча! Адѣюсь свѣтымъ яко ризыю, пакрыюсь воблакымъ, препяшуся поясымъ Пресвятыя Багародицы, миластивыя заступницы.

Свяжи уста, и языкъ, и гартань у князей и баярей, у правитилій, и ву ўсякыхъ властей, и ў приказныхъ служителей.

№ 4.

Чары на успѣхъ въ судѣ.

Якъ идешъ на судъ, вазьми съ бярезки „пиряпиръ“, каторый трясетца и гавари:—якъ сей „пиряпиръ“ трясетца, такъ бы мойго супустата (имя) языкъ трепитаў!...

№ 5.

Атъ несправедливыга абвиненія.

Иду я. р. Б. (имя), изъ избы въ дверь, изъ двара въ варота, въ зялёныи луги, въ чистыя паля, въ темныи лясы; нашолъ тридисять прўтыў. Ляжить тридисять грабоў, тридисять миртвяцоў; въ тыхъ тридесяти миртвецахъ сирдца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца — такъ и на мене (имя) пусть сердца ни разгараютца, руки ни припаднимаютца, уста ни атваряютца.

Аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа.

Христосъ съ нами астаўся вчера и днесь и нынѣ.

Ты если Бохъ вяликъ—пашли пубядить деманскіи силы, и мнѣ, р. Б. (имя), пубядить всѣхъ врагоў, востающихъ на мя неправидна.

Аминъ, аминъ, аминъ!

№ 1.

Штобъ дѣла сайшлось.

Какъ етый вузилъ завязынъ, такъ у насъ, рабовъ Божьихъ, дѣла (такоя-та) сыйшлось бы. (Гавари ети слава три разы,

завизаўшя узёлъ на нитки и палажіўши узелъ тиризъ парохъ.
— Якъ прагавбришъ, иди куды табѣ нужна).

№ 1.

Атъ нипріятнастей, нидабражилатиля и ніудачъ.

Пыймать лося, урѣзать правый наги капыта, здѣлать перстинь, насить на рукѣ: на тябе ни придить ни якая злая пригода, ни зёлъ чилавѣкъ.

№ 1.

Отъ воровъ.

(Ельнинскій уѣздъ, сельцо Лукино).

На мыри, на кіяни, на востравн на Буяни, стаить зялѣзный сундукъ, а ў зялѣзныхъ сундуки лижать нажи булатныи.

— „Падитя вы, нажи булатныи, къ такому-та и сякому-та вору, рубитя яго тѣла, калитя яго серца, штобы іонъ, воръ. варатилъ пакражу такога-та, штоба іонъ ни утаилъ ни синя порыха, а выдаў бы усё спална“.

Будь ты, воръ, проклитъ маимъ сильнымъ загаворнымъ у землю преисподнію, за горы Араратскіи, у смалу кипучую, у залу гарючую, у тану балотную, у домъ бяздонный, у куўшинъ банный,—будь прибитъ у приталки асинывымъ каломъ,—изсушинъ суши травы, замарожинъ суши ильду,—акривѣй, ахрамѣй, ашалѣй, адирвянѣй, абязручій, агаладѣй, атащай, валяйси у грязи, съ людьми ни звыкайся и ни сваей смертью умри!

№ 1.

Серца загаваривать.

(Бердибяки).

Иду я къ сваяму начальнику, гаспажѣ, судьѣ, яснымъ мѣсицымъ пидпаяшуся, сонцу ягражуся, начальнику я сваиму явлюся.

Другей разъ:

Мѣсицымъ падпаяшуся, сонцымъ ягражуся, неўталимая серца яго утишу.

№ 1.

Къ любви.

Зари мое ясныи,
Зари мое красныи,
Палудённыи
И палуношныи,
Придитя!
Какъ у печи атъ синю жарка.
Штобъ я была жалка
Па етый часъ, па ету минуту!

№ 1.

Малитва атъ злога чарыванія.

Ва имя Атца и Сына и Св. Духа. Аминъ.

Правамъ причастникъ и апосталамъ намѣстникъ, апосталамъ быў, дѣянія абрѣлъ еси, боговдохновенне, въ видѣніихъ васходъ,— сего ради слова истинное исправляя, вѣры ради пастрадалъ еси даже да крави, священномучениче Кипріане.

Священномучениче Кипріане и Іустине, малитя Христа Бога избавити р. Б. атъ всякага злаго волхаванія и калдаванія, атъ врага и супустата и всякихъ врядовъ, казней и золъ.

Ликъ ангильскій атъ художества волхаванія абратился, Богомудре, къ пазнанію Бажественному, паказался еси міру, врагъ мудрѣйшій, исцѣленія даруя чествующимъ тя, Кипріане и Іустине; съ нею же малися челавѣкалюбчу Владыцѣ ачиститися и избавитися рабу Божію атъ всякага злога ачараванія, абаянія, калдаванія и валшебства, козни и всѣхъ злыхъ дѣйствій— атъ сего часу и минуты па весь яго вѣкъ и на ўсю яго жизнь ва вѣковъ вѣкъ. Аминь.

№ 1.

Штобъ конь быў здароў.

Устану пу вутрў, пу ранниму,
Па вечарў па поздниму,
Выйду на сильный вѣтиръ,

На лехкій воздухъ,
Вазьму я асиныву вѣтку,
Пайду я къ добрыму хазяину,
На честёнъ пиръ.—
Изъ-падъ лѣвый наги,
Изъ-падъ правыга копыта,
Аблажу и абвяжу
И кругомъ абнясу,
Штоба быў па старыму,
Па прежнему,
Чищей и луччій,
Штобы не была болій нѐдуга,
Куды бъ ни паѣхали.

№ 1.

Атъ ляганья каровы ва время даенья.

Госпади Божа, благаслави!

Какъ аснована зимля на трехъ китахъ и на трёхъ китіцахъ, какъ съ мѣста на мѣста зимля ни шавѐлитца—такъ бы любимая скатинка (чарнушка, пяструшка) съ мѣста ни шавалилась.

Ни дай ей, Госпади, ни нажнога ляганья, ни хвастоваго маханья, ни рагавога баданья!

Стай гарой, дой рякой, озира сметаны, рѣка малака, ключъ и замокъ словамъ маимъ.

Нагавѐриныю вадою абмываютъ вымя коровы.

№ 1.

Отъ болѣзни телятъ, отъ притки.

(Рославльскій уѣздъ, Митюли).

Царь вадица Аликсандра Паўлаўна, царица вадица Аликсандра Паўлаўна, ты мыишъ круты биряги, сырая карення, жолтыя пяски; измый рабацію атъ женскихъ притчіў, атъ мужскихъ притчіў, атъ рибяцкихъ притчыў, атъ дявоцкихъ притчіў.

Божжія Матирь кала Ирдани ряки хадила, вярбовыя пру-

тики думала, въ Ирдани-вады вадицу брала, рабацію умывала:
Зный, Божжія Матирь, зъ буйной галавы, зъ ясныхъ вачей, зъ ламучихъ кастей, су ўсихъ жилъ, пажилъ, зъ бялога тѣла, съ серца, съ пичанёў, и зъ легкыга и съ усихъ нутрёў.

От Лиганька.

№ 2.

Атъ падежа тилятъ.

(С. Лукино Е. у.).

Пумяни, Госпыди, царя Давида, матери Алены....
Какъ бѣлая березынька стаить вѣки по вѣки, ни тронитца, ни варохнитца — такъ бы и тиляты жили вѣки по вѣки, ня дрогнулись, ни варо́хнулись.

№ 1.

Атъ балѣзни ската.

(С. Лукино Е. у.).

Святыи мучиники и чудатворцы вяликіи: Мадестъ, Хролъ и Лаве́ръ, Власій и Харлампій, Никалай Чудатворецъ и Ягорій Пубиданосецъ, вашими всесильными малитвами ка Госпаду Спасу Всемиластиваму исцалитя и избаўтя ската сего (такога-та) атъ павѣтрія, атъ падежа, атъ тлетворнага воздуха, атъ смертаноснага недуга, атъ смертаносный язвы, атъ усякый немащи, хво́ри, скорби и балѣзни и атъ усякага зла,—спаситя, сахранитя и памилуйтя Матерью Божію, Пречистыю Владычицыю, и Багародицыю, и Приснадѣвыю Маріею — сатваритя и явитя милысть, купна же ваздвигнутя съ сабою святыхъ бязсребреникыў: Кузьму и Даміана, Кира, Іоанна—весь скотъ памилуйтя и сахранитя, са Атцомъ и Сыным и Святымъ Духымъ.
Нынѣ и присна и ва вѣки вѣковъ. Аминъ.

№ 2.

Штобъ скотъ ни падаў.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Христосъ съ нами уставися вчера и днесь и нынѣ.
Ты еси Богъ великъ—пашли, Госпыди, Пубядителя Архан-

гила Михаила пубядить деманскіи силы защитить щитомъ сваимъ атъ тлетворнаго воздуха и апасный балѣзни и атъ падижа скотскаго — и благаслави скотъ сей, избави его атъ всякаго зла и абстоянія: видимыхъ и не видимыхъ враговъ и губительныя смерти, падежа и всѣхъ дьявальскихъ зладѣяній — и умножи ниминимъ Тваимъ Святымъ и васпользуй симъ исцѣленіимъ и даруй здравія.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа. Аминъ.

№ 1.

Атъ звѣря.

(С. Митюли Рославльскаго уѣзда).

Царь Аронъ прашу я тибе и жану тваю прашу Маланью: унимай сваихъ дятей и маленькихъ дитинятыкъ, — унимай на западъ солнца: гнилую калоду на сниданія, а скатину, штобъ ни тримать.

От Лиганька.

№ 1.

Отъ пожара.

(Сухой Починокъ).

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Сядить багатырь агромный и магучій.

Сядь, багатырь, ни кверьху, ни книзу, ни на стырыну!

Надъ табою стыять тучи грозны, падъ табой стаить моря синія, агаражены вы залѣзнымъ тыныимъ.

Пумяни, Госпыди, царь Давыда, царя Кастянтина, вы укратили зямлю и ваду—укратитя етыга багатыга багатыря на етымъ мѣсти.

Ва имя Атца и Сына и Святога Духа.

Аминь.

№ 1.

Насланіе червей.

(Сельцо Понизовка Ельнинскаго уѣзда).

На дворъ чарвей,
На гародъ чартей.

№ 2.

Отъ червей.

(С. Лукино).

Татаринъ, Татаринъ, зладѣйскій пароды, уродъ изъ уродыў!..
Зачѣмъ, Татаринъ, сѣишъ чарвей у маей лошади?
Если ня вывидишъ чарвей, то вырву тябе съ карнёмъ, заброшу за синію даль,—ты засохнишъ, якъ парашйнка!..
Успомнишъ сваю ашибку—да будить позна!...

№ 3.

Атъ чарвей.

(С. Лукино).

Если чирвякъ на лошади или чалавѣки, дѣлай вотъ што: плюнь на камень или на руки и гавари надъ маслымъ или надъ сольлю:

— „Сѣдла гримять, вузды бринчать, въ парожній мѣхъ ѣхати па химѣль, па легкій тываръ чирвямъ!

Лятитя зà мыря: тамъ у чарвей свадьба, іўда ялывица—шищйна ;-о здѣся чирвямъ агонь, сѣра гарючія, смала кипучія—бягитя, черви, атселя зà мыря!“...

№ 4.

Якъ капустныхъ чарвей унистажать.

1. Сабяри чарвей у атопачикъ (истрепанный лапыть) и вывизи ихъ на чужоя поля и высыпи.

2. Якъ увидишъ первый разъ чарвей на капусти,—ня дыхаўши, вазьми чирвичка, нитычкый вокыла яго завяжи, да и павѣсь на згароду, пригаваривай:

— „Якъ на згароди пагода трясетца, такъ штобъ чирвякъ трёсся, а на капусти штобъ не была“.

3. Сабяри чарвей у тряпычку, пахарани ихъ, и, закапаўши у землю, причитывый па нихъ и вый якъ пу пакойникахъ:

— „Вы, чирвячочки, ня ѣсьтя бѣлу капусту; вы, чирвячечки, ваша смерть тутъ закапана, а нихай бѣла капуста мнѣ!“

№ 1.

Якъ канаплю сѣить.

Када ня ўсходють канопли. мима ихъ три разы праѣдь на качарьгѣ и тукни:

— „Канапельки, гу!“

Хто сѣить канопли (канапельки дужа упирливы), прайди мима ихъ ничога ни гаворь, а хто скажить табѣ што, атмаўчись.

№ 2.

Чтобъ канопля хорошо зародилась.

(Духовщинскій уѣздъ село Никола Ядреичъ).

Дай, Божа, штоба канапельки зарадились, какъ мядвѣжій хвостъ!

№ 1.

Чтобъ жалось спорна.

(Духовщинскій уѣздъ, село Никола Ядреичъ).

Шишка супурыжка,
Абыйди вакругъ палати,
Пасаби мнѣ жати;
Пади къ намъ полыдничать
И съ сваею лустычкыю.

№ 1.

Чтобъ коровы были молочны.

(Бердибяки).

Нада у баню идить, вымытца, тада адѣтца саўсимъ; тада узять вады, абдать полыкъ чиста и абдать вѣникъ и паставить на палкў съ чистыю вадою и палажить вѣникъ на вадро, кланитца въ уголъ ни хрястѐмшись и гаварить:

— „Хазяинъ частной и хазяюшка честная, хазяинушка дамавой и хазяюшка дамавая, вотъ вамъ чистый вѣникъ и чистая вадица: парьтись на добрыя здароўя!“...

На заутрига идить рана утрымъ у баню и гаварить:'

— „Здраствуйтя вамъ, добрымъ людёмъ честнымъ!“...

Кланитца ва ўсѣ чатыри углы ни хрястимши.

— „Хазяинушка батюшка дамавой, хазяюшка матушка дамавая, честные вы люди, благадаримъ васъ за вашу вадицу; вамъ на добрая здароўя, а маей скатины на зляченіе!“...

Идить съ бани и благадарить:

— „Аставайтись дабры-здаровы и пращайтя!“...

Тады етый вадой падмыть кароўя судно и змачить етый вадицый атъ рохъ на морду, патомъ на хвостъ вадицыю етый пляснуть, змыть—всё благапалушна будить, малако прибудить.

№ 1.

Штобъ хазяинъ-дамавой и хазяюшка дамавая сахраняли скотъ атъ наброжихъ хляўникоў и хляўницъ.

(Село Иньково Порѣчскаго уѣзда).

Дамавой хазяинъ и дамавая хазяюшка, прашу васъ-упрашиваю, малю васъ-умаливаю, што у етымъ доми живитя и животныхъ ни абиждайтя: каней и кароў,—и кармитя, паитя и приглидайтя, а нахожихъ и наброжихъ хлѣўникоў и хляўницъ, и дамавикоў и дамавицъ да етыва хлѣва ни дапускайтя — и вѣдьмыў калмыкыў и калдуноў чаріўникоў, вѣдьмыў калмыцыў и калдуницъ чараўницыў да етыва дома ни допускайтя, што яны падносы падносють и падклады падкладають и ў благачастивымъ доми скотъ умаляють.

Вы, вѣдьмы калмыки, калдуны чаріўники, выбирайтя зъ благачиствыга дому свае падносы паднасящіи и паклады падкладащіи.

Вѣдьмы калмыки и калдуны чарыўники, выхадитя изъ благачиствыга дому у шары бары, на тямны лясы, за мхи, за балоты, за ржаўцы балоты—а у етымъ доми ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на сходи витаха, ни на пирякрою мѣсица,—ни быть имъ атрыгу, ня быть имъ пакряту!

№ 1.

Хазяина упрашиваютъ када дома ни благополушна.

(Бердибяки).

Атрѣзаишь хлѣба крайчикъ и соли узсыпишь на бѣлую тряпычку, завѝртаишь и выходишь на дворъ у домъ, станавись тя на калѣнки:

Хазяинъ батюшка частнай, да̀мавой, хазяюшка дамавая, матушка частная, вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принёсъ—примитя!

(Къ шулу даръ нада класть),

Можить, сказаў глупая слова,—хлѣбъ-соль примитя, праститя и бирягитя статку и падворья. Можить, іонъ васъ унизіў глупымъ словымъ,—праститя!

№ 1.

Отъ при҄ки.

(Рудня).

Жіў быў Захаръ Магдалинывичъ, жана Дарья, а сынъ Никита.

Памагитя и пасабитя челавѣку у кистяхъ, у нутряхъ, у жилахъ и ў пажилкахъ, прашу я тибе!

(Вазьми паклонься ни кстясь низка у землю).

Такжа прашу дамавога, и пылявога, и лисавога, и вадянога (ипять у землю паклонься); хазяюшикъ: дамавую, палявую, лисавую, вадяную; дѣтыкъ вашихъ: князей и княгинь—абъ етымъ чилавѣки.

(Паклонься низка ва землю, всѣ стишки праговорь на чатыри сторыны троичи и ни кстясь, руки унизъ апустёмши).

№ 1.

Атъ усихъ хваробъ.

Хазяинушка дамавой, и мижавой, и лисавой, и гуменный (рейскій).

Хазяинушки и хазяюшки, и прашу пакорна: придитя, ўси хваробы вазьмитя—на махи, на балоты, на гнилыя калоды.

№ 1.

Отъ звѣря.

(Сельцо Рудня).

Призвать имя удавленника столька разъ, скольки скатинъ мѣишъ у сибе и прасить яго збяречъ стада.

Паклоньса на чатыри сторыны, и, дасть Бохъ, цѣлъ будить скотъ, и ня тронить яго звѣрь съ Ягорья да Ивана.

№ 1.

Штобъ урожай на хлѣбъ былъ, бабы катаютца раздѣтыя по пылю, штобъ хлѣбъ у трубку йшолъ.

(С. Медвѣдовка).

На Ягорья бабы выходятъ толпами въ поле и катаются раздѣтыя по полю, приговаривая:

— Какъ мы катаемся по полю, такъ пусть хлѣбъ растетъ въ трубку.

Въ Медвѣдовкѣ существуетъ повѣрье, что на Ягорья злые люди могутъ дѣлать поддѣлы, если они знахари; напр. отнять у коровъ молоко.

Одинъ парень сдѣлалъ такъ: собралъ молоко въ кнутъ; оно послѣ такъ и сочилось изъ кнута.

№ 1.

Какимъ святымъ крестьяне молятся въ извѣстныхъ случаяхъ.

(С. Лукино Ельнинскаго уѣзда).

Атъ зубной боли св. Антипію,
Атъ вара и абидчика Іоанну Ваинственнику,
Абъ лашадяхъ св. Хралу и Лаўру,
Ибъ іўцахъ св. Анастасію,
Ва ўсѣхъ Божжій Матири
(Образу Всѣхъ Скорбящихъ),
Абъ скатѣ св. Власію,
Абъ даждѣ св. Ильлй Прароку,

Абъ свиньняхъ св. Василью Вяликыму,
Абъ пчалѣ св. Зосиму и Саватьтю,
Абъ гусяхъ св. Никити Мучинику.

Травникъ.

1. Тихоня.

Растеть окала зелини, листички маленькія рядышкимъ, рядышкымъ, твяточикъ сининькій.

Растеть кала земли, стелитца у разныи сторяны.

Атъ скулы топють, пьють; голыву мыють.

2. Расходникъ.

Листикъ круглинькій, слова насиканинькій.

Топють, голыву мыють атварымъ и пьють.

3. Чаборъ.

„Атъ грудей пьють".

4. Пижма.

Атъ боли падъ ложечкый.

5. Братъ съ сястрой.

Дядей абдають.

6. Таўстушки.

Шишички высокинькіи, листъ длининькій—яны ни „твитуть".

Топють и абдають, када рабёныкъ худнянть: атъ питья станить у яго тѣльца прибывать.

7. Занахтица.

Листъ насиканинькій, твѣтъ глишка дудкыю, жоўтинькій.

Въ злучаи перстъ балить, перстъ имъ мажуть.

8. Валасникъ.

Листъ длининькій, касматинькій, колкинькій, твѣтъ жоўтинькій, шишка кала зямли ў роди подбѣла.

Въ случаи перстъ балить, таўкуть яго зъ нутряныимъ са-
ламъ и прикладають перстъ. Бываить польза.

9. Рѣпка.

Твѣтъ сининькій, листъ яе круглинькій, насиканинькій.
Польза атъ яе, если малинькаму мача займаить.

10. Падбѣлъ. Іость красная падбѣла и бѣла.

У женьскихъ балѣстяхъ пьють.

11. Палявэй хмялёкъ.

Пахожъ на правядливый хмель, тольки мяльчѣй.
Маханькихъ абдають хмяалькомъ; скарѣй растуть атъ яго.

12. Звирабой атъ боли груди.

13. Трилистникъ на балотахъ.

Атъ грудей пьють.

14. Мижипарщица.

Высокая на каряни, словакъ пять пальцыў.
Твѣтъ на ей растеть лапыю.
Если мизъ пальцыў здѣлаитца пухлина, такъ яё укла-
дають сухими листими мижипарщицы.
Лѣтымъ яе сушуть; у случаи надыбнысти размачивають
теплинькай вадицый и смѣшивають съ маслымъ.

15. Прастрѣлъ-трава.

Растеть бизъ сукалѣна, шишка съ кулакъ загарнуўшись.
Если скатина ня скора телитца, прапускають ваду тиризъ
весь стволъ прастрѣла (іонъ хуть вочинь високъ пашти што
съ чилавѣка, да у имъ нѣтъ сукалѣна), — прапустіўши поють
кароў.
Бываить спальзэнія и чилавѣку.

16. Дѣдъ, дядовникъ.

Пьють атъ калотьтя.

Нипримѣнна пастаў дѣда на скотнымъ дворѣ у варотъ, скатина будитъ харашо вадитца.

17. Шальникъ.

Атъ боли зубоў.

18. Крапива глухая.

Атъ кашлю.

19. Пчалиныи маташникъ.

Атъ праступы.

20. Гарлянка.

Атъ боли у глотки топють, пьють и укладываютъ.

21. Елычка.

Якъ мятёлычка, твяточикъ палавину краснинькій, палавину синиинькій. Топють и пьють атъ радоў, атъ крывѐй.

22. Залатникъ.

Слова Зоричка.
Атъ боли живата.

23. Палявэй часнокъ.

Топють и пьють атъ нутраныхъ болѣзніў.

24. Чернабыль.

Купаютъ залатушныхъ дятей.

23. Званецъ.

Атъ младенца.

26. Бранецъ.

Атъ вошій на голыви

27. Снидычку.

Ли кушання варють.

28. Василёкъ дятей курить.

29. Надошникъ.

Бабы натираютца, штобъ красными быть.

30. Ягады зимляники.

Атъ груди.

31. Малинникъ.

Атъ прастуды.

32. Мохъ съ саломинноэй крыши.

Атъ ваданэй балѣзни.

33. Лапўхъ.

Атъ ваданэй боли.

34. Виха.

Атъ валасня.

35. Трипутникъ.

Атъ скулы.

36. Пижма атъ глистоў.

37. Патруха.

(Тертое сѣно)
Атъ кашля.

38. Осинка.

Атъ удушьша.

39. Мудычки.

(Маленькія ягодки по ельнику).

Атъ кашля.

40. Грудникъ.

(Трава ў роди чарнишника).

Атъ боли грудей.

41. Кураслёпъ (бѣлый и красный).

Атъ паносу.

42. Дрима.

На духавэй нядѣли дятей ею пакуришъ и абдаси.

43. Чертапалохъ.

Курють имъ скатину, если чужей хазяинъ нападеть на яе и начнеть тамить яе: дай жа ина макра станить.

44. Багунъ-трава.

Атъ клапоў кури ею.

45. Дурнишникъ

Атъ боли у нутрёхъ.

46. Смароднивъ.

Атъ залатухи.

47. Якъ каўтунъ лячить.

Выбири съ старыхъ ризъ пазументы и убей у галаву, штобъ здѣлаўся клокъ; яго ни разчешишъ и атризать его нильзя: галава будить дужа балѣть—іонъ самъ атвалитца якъ придить ўремя.

48. Явыръ.

Пьють яго атъ калтуна; грызуть яварывы кареиня.

49. Калакалуша.

Пьють яе атъ пухлины.

50. Елянецъ.

Пьють атъ вопуху.

51. Древа топиль.

Пьють листъ атъ вопуху.

52. Сярёну (сирень) пьють атъ кашлю.

53. Крушину.

Пьють и ядуть атъ кашлю. Ни ўсякій зъѣсть: супратіўна дужа, ну, якъ тривога да самыга Бога.

54. Щавель-ли пищи.

55. Палынъ.

Топють атъ боли живата.

56. Бѣлая лилія.

Макыўки зъ яе идять.

57. Зябирь.

Якъ атвитйть, идять.

58. Снидычка.

Идять.

59. Рѣпку идять.

60. Зайччую капустку идять.

61. Арѣхи зимлянэя идять.

Капають ихъ, идѣ ручей бальшей; лижать яны тамъ агулымъ и плятёнкыю, такея идрянистыи, сŏшныи.

62. Брушничникъ.

63. Чарнишникъ.

64. Клюквишникъ.

65. Папкй.

66. Ракавыи шйики.

67. Живакасть.

68. Дуброўки.

69. Крючки.

70. Конскій щавѐль.

71. Воўчья лыка.

72. Божьи слёзки.

73. Лапўхъ.

74. Лягушичья икра.

1. Трутца ею, штобъ руки ни скипались,
2. Труть ею щеки атъ боли зубоў.

75. Мачà.

Пьють яе атъ лихарадки.

76. Атваръ асинавый кары.

Пьють атъ лихарадки.

77. Пятроў хрёстъ трава.

Краска зялёнинька, сининькіи тваточки, а ростамъ ина нибальшая, вершка два, три, растеть у лясу. Коринь на хрясть у тоўстый перстъ.

Накапать каренния зъ етый травы, нарубить яго, уснпать у зирняты съ аўсомъ парублёнши и тады давать каровамъ.

Каровы атъ етый травы малошны бывають и тѣла диржать.

78. Бадяга.

Бадягу высушить, съ іўсомъ смишать и давать лашадёмъ: будить у животѣ у ихъ здарова.

79. Журавиный гарохъ.

Корень у имъ два аршина у зямли.

Капають яво, дастають, а у канцу корня булка бѣлая

фунтыў пять. Тае булку вазьмуть, парубють, у авёсъ лашадямъ дадуть: тѣла будуть кони держать харошія.

80. Мижи паризица, заногтица, волосникъ } болѣзни рукъ и пальцевъ.

81. Зѐнычка рыбъ, птицъ ѣсть, штобъ ѣсть хатѣлась.

82. Знахари не всегда пользуются знаніемъ травъ ради хорошей цѣли,—иногда они злоупотребляютъ своими свѣдѣніями, имѣя отвратительное намѣреніе повредить людямъ или животнымъ.

Не только травами пользуются они, но и насѣкомыми.

Берутъ, напр. водянаго паука, живущаго на днѣ водъ (изъ числа пауковъ Argyronetida), Argyroneta, закатываютъ его въ хлѣбъ и даютъ животнымъ,—немедленно мрутъ отъ него собаки, коровы, лошади; паукъ этотъ вреденъ и людямъ.

83. Скрабъ-трава.

Атъ падкрапіўницы.

№ 1.

Абъ цареўни красавицы, абъ ваўшебнымъ зеркальцы, абъ птицы колпицы; якъ Иванъ, купеческій сынъ, двумя камушками здѣлаўся атъ цареўны схуваўся, а потэмъ зъ ею жаниўся.

Одна царевна была такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать; но никто не могъ ее взять замужъ, хотя и было много жениховъ.

Всѣмъ искателямъ своей руки царевна задавала задачи, да такія трудныя, что всѣ ея женихи погибли: волшебница-царевна поставила условіемъ, что кто къ ней посватается, а задачи не отгадаетъ, тому смерть.—„А кто отгадаетъ мою задачу, за того замужъ пойду“.

Наконецъ пріискивается женихъ Иванъ, купеческій сынъ; вотъ волшебница и говоритъ ему:

— „Объ трехъ разъ спрячься, чтобъ тебя не нашла!“...

А волшебница, какъ посмотритъ въ волшебное зеркало, такъ тамъ ей все видно, о чемъ только она вздумаетъ — все какъ на ладони.

Иванъ самъ былъ волшебникъ оборотень.

Сначала онъ разсыпался на 12 зорь по всѣмъ цвѣтамъ (чтобъ скрыть свои слѣды) и сталъ ракиткой, потомъ здѣлался рыбкой.

Во всѣхъ этихъ превращеніяхъ волшебница отыскала купеческаго сына при помощи своего волшебнаго зеркальца; но въ третій разъ онъ былъ ловко спрятанъ птицей-колпицей.

Купеческій сынъ защитилъ птенцовъ колпицы отъ каменнаго града, прикрывъ ихъ отъ града своимъ платьемъ; за то Иванъ въ свою очередь былъ хитро спрятанъ колпицей отъ волшебнаго зеркальца царевны.

Колпица превратила Ивана, купеческаго сына, въ два камушка, да положила тѣ камушки въ карманы царевнѣ.

Напрасно царевна велитъ зеркальцу отыскать и подать купеческаго сына, а онъ изъ кармана:

— „Я тутъ, я тутъ!“ Дѣлать нечиго,— сойграли свадьбу.

№ 1.

Вражда Саваоха и Саваула, свѣтлаго и темнаго духа.

(Сельцо Шаталово Смоленскаго уѣзда).

Низверженіе Саваула въ «пучину о тьма». Грѣхъ и смерть произошли отъ Саваула во время его паденія. Саваулъ бесѣдуетъ съ своими дѣтьми: грѣхомъ и смертью. Грѣхъ пропускаетъ Саваула къ смерти, а смерть пропускаетъ своего «отчу» въ рай. Но райскія птицы съ ожесточеніемъ квахчутъ на темнаго духа за его «смеродъ», и Михаилъ Архангелъ жезломъ изгоняетъ Саваула изъ рая.

У Госпада „Саваоха“ былъ памошникъ Саваулъ. Гаспоть сѣлъ на вастоки упраўлять нябесный калясницый, памошника сваяго Саваула апрядялилъ на запади.

Саваулъ сталъ развратна дѣлать напротіў Бози, тада Гаспоть Саваохъ проклялъ яго:

— „Будь ты проклятъ, нечистый духъ, уйди ӧтсуда: ты не долженъ быть здѣсь!“...

Нячистый духъ, низвергнутый Госпыдымъ, лятѣлъ трои сутыкъ и ўлятѣлъ іонъ у тьму крамѣшную, и тамъ пучина о тьма.

У нечистыга духа пумрачилась башка ȧтъ паденія: знаитъ іонъ, што іость рай, да ни знаитъ идѣ.

Утамился нячистый духъ, „ваздыхнӱлъ“ и са рта у яго выскачилъ грѣхъ, и сталъ іонъ на стражи у варотъ межда свѣтлай и темнай пучинай (пучина о тьма).

Стаить на стражѣ грѣхъ, утамился и ваздахнӱлъ, и изъ яго, грѣха, выскачила смерть, и стала ина межда раю и свѣтлай пучины.

Нячистый духъ, литаючи па темный пучины (пучина о тьма), увидилъ грѣхъ ва образи стаящаго челавѣка, и началъ іонъ жечь грѣхъ пламеннымъ игнёмъ.

Грѣхъ вартѣлся, вяртѣлся—стѐрпу нѣтъ яму атъ пламю, просить нячистыга духа болій яго ня мучить:

— „Отча, пачаму ты мяне палишъ?“

Ужаснулся нячистый духъ:

— „Пачаму ты мяне вотчій называишъ?“

— Пачаму: я атъ тибе созданъ.

— „Какимъ парядкымъ ты атъ мине созданъ?“

— Када вы литали по пучины о тьмы, нѣскальки уреми астанавились вы и „ваздыхнули“ — изъ васъ, са рта, выскачилъ я, грѣхъ;—вотъ пачаму я отчимъ васъ називаю.

— „Но када жа я вѐтча твой, пакажи, идѣ іость рай!“...

Грѣхъ растварилъ варота отъ тьмы къ свѣтлый пучины— нячистый духъ влятѣлъ у свѣтлую пучину и, даӱга литаючи па ней, увидѣлъ смерть ва образи стаящага челавѣка.

Приступилъ къ смерти нячистый духъ и началъ жечь яе пламеннымъ игнемъ—смерть стала пажиматца атъ пламени, пажалась ина у „нѣскальки рядей“: ни ӱ магату ей стала тярпѣть лютый жаръ. Тада ана, абратясь къ нячистый силы, гаварить:

— „Отча, да пѐ шта мяне жгѐшъ?“

Нячистый духъ вожаснулся.

— „Да пачаму ты мяне отчій називаишъ?“

— Да я атъ тебе созданъ.

— „Да па якой причини ты атъ мине созданъ?“

— Када вы литали по пучини о тьма, утамились и ӱздахнӱли, то у васъ выскачилъ са рта грѣхъ, и сталъ іонъ между тьмою и свѣтлай пучинай;—грѣхъ стыялъ у варотахъ, утамился, уздахнулъ—и тада я, смерть, выскачила у яго са рта: вотъ пачаму я васъ називаю отчимъ.

— „Да, када ты атъ мене, то пакажи мнѣ, идѣ іость рай!“...

Смерть аттварила двери рая—и начистый духъ влятѣлъ у рай.

Удрухъ атъ яго пашолъ смирдячій духъ — райскіи птицы завапѣли и заквохтали:

— „О, Госпади, духъ смирдячій ванить“.

— Подь, Михаилъ Архангелъ, изгонь нячистый духъ!

Михаилъ Архангелъ взялъ жезлъ и загналъ нячистыга духа—пакатился іонъ, якъ клубокъ, кўбаримъ, падъ стѣну.

№ 2.

Громъ гремитъ—Богъ поражаетъ дьявола стрѣлами.

Святъ, святъ, святъ Гаспоть Бохъ нашъ!

Такъ гавари, када громъ гремить — ва ўремя грасы. То Бохъ паражаетъ дьявыла стрилàми и ни щадить іонъ чилавѣка, если ва ўремя грасы схуваитца у яво сатана: убьеть Гаспоть такога чилавѣка; ну, гряхи яму атпустить.

Бьеть Гаспоть такихъ (у каторыхъ чортъ схувался) и животныхъ, палить страенія.

— Ни падаражу чилавѣкымъ — убью яго, гряхи жъ яму атпущу!

№ 3.

Споръ Бога и сатаны. Аткуль грамавыя стрѣлы, и якея яны бываютъ.

Якъ хадіў Гаспоть па зямли, зъ дьявылымъ споріў.

Стаў Гаспоть гразить дьявылу.

Дьявылъ.

— Я ухитрюся змяёй скинутца.

Гаспоть.

— Я усётаки убью тибе.

Дьявылъ.

— Я скинуся житнымъ зярномъ.

Гаспоть.

— Я, чимъ ня скинься, узнаю: што думаишъ, усѣ тваě мысли угадаю.

Дьявылъ.

— Я на двинадцыть сажанъ у зямлю увайду.

Гаспоть.

— Я землю растварю, ўсё ўрага убью.

Дьявылъ.

— Я увайду у чилавѣка, укажуся зѐрнышкымъ: ти за шыю, ти за пазуху.

Гаспоть.

— Я чилавѣку тому грѣхи атпущу, а, ўсётаки, имъ ни падаражу, штобъ унистожить тябе.

Примѣчаніе.

Народъ думаетъ, что Господь поражаетъ дьявола громовыми стрѣлами на камни особаго рода народъ указываетъ, какъ на громовыя стрѣлы:

— Кремушки съ абаихъ бакаў заистрины, свѣтлиньки, бытца на ихъ пяромъ подпись падписана:

— „Стрила, што Бохъ ўрага бьеть“.

№ 4.

Михаила Архангила Гаспоть изъ кремня высикъ, якъ искырку.

Михаилъ Архангилъ ни съ платѝ, а съ кремня̀.

Гаспоть яго высикъ съ кремня, сикануў—іонъ и стаў чилавѣкымъ.

№ 5.

Громъ гримить—Илья на калясницы ѣдить, Божжія Матирь ни знаить, хто громъ призводить, а Иванъ Багаслоў скрываить ета.

Громъ гримить—Илья на калясницы ѣдить.

Божжія Матирь ни знаить, хто громъ призводить.

„Што ета гримить?“

Спрашіить Божжія Матирь у Ивана Багаслова.

А Илья Прарокъ и Михаилъ Архистратихъ просють Ивана Багаслоў ни казать!

— „Иванъ Багослоў, да ни наслоў?“

Иванъ Багаслоў цапъ сябе за уста и змоўчіў.

№ 6.

Ни руби суровыя палатно рубцомъ: пашкадуишь—замѣсть тога ўрага Гаспоть Бохъ громымъ забьёть.

Не руби суровыя палатно рубцомъ!

Въ рубецъ прячетца сатана—ўрахъ. Иной разъ пашкадуить хто атрѣзать и упустить сатану у рубаху—тога чилавѣка ва ўремя гразы громымъ можить убить.

№ 7.

Якъ два браты: Петръ и Павелъ, жинатый и халостый, суятились прамiжда сѣбе. Камары музыканты съ Питра доўгъ узыскивають.

Жили-были два браты: Петръ и Павилъ; Петръ былъ жинатый, Павелъ халостый.

Якъ уздумаў Петръ жанитца, паназваў къ сабѣ музукантыў-камароў на свадьбу.

Музуканты пабыли, а Петръ имъ ни заплатiў:

„Прихадитя на Ильлю:
Придить Ильля—
Заплотить за миня!“

И на Ильлю ни заплатилъ:

— „Придить Спасъ—заплотить за насъ!“

— Нѣтъ ужў, гавбрють камары Пятру:

Придить Спасъ,
Ня будить и насъ!

Якъ пиривинчаўся Петръ, Павелъ и стаў суятитца зъ имъ:

— „Таперь ты грашнѣй мяне: я твой старшiй братъ“.

Пасуятились и пашли къ ибѣдни. А вышли жъ, што да абѣдни твариў грѣхъ ни жанатый, а халостый братъ.

За то Бохъ сдѣлаў Петра стàршимъ братымъ и падарiў яму ящо карову:

— „У тябе сямейства: табѣ кароўка ни мишаить“.

Абидна пиказалась Паўлу — и съ тыхъ поръ у братыў и пасейчасъ суита вядетца за карову.

№ 8.

Сотвореніе міра. Бохъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творятъ міръ. Болота созданы чертомъ — чертъ нахаркалъ ихъ (болота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зовутся «Крахавення»).

Чортъ ўлѣзъ у лебидя и хатѣў Бога падбить падъ ноги (зямли ища не была, а была усё моря, и па тымъ морю лебидь плавалъ—чортъ, и Бохъ хадилъ, іонъ собирался зямлю тварить).

Ни ўдалόсь чорту падбить Бога падъ нόги, и самъ чортъ застряў у лебиди, нимагіть изъ яго выбратца.

— „О, Госпади Божа, выпустите мене вонъ!

Взмаліўся чортъ Богу.

— Дастань пяску са дна моря—тады я тибе выпущу.

Пагади: я наўчў тибе, якъ пяску дастать“:

Якъ нырнёшъ на дно марскоя и набярешъ пяску у носъ, тольки скажу: Госпади благаслави!

Чортъ одинъ разъ нырнуў, набраў пяску у носъ якъ ня можна болій, и, пакуда вынырнуў, вымыла у яго пясокъ изъ носу.

— „Да, ты скажи: Госпади благаслави! а то ня вынисишъ!“

Чортъ у другей разъ нырнуў у бездну марскую, больши прежнига набраў пяску, а наружу ничаго ня вынисъ.

— Да чудпэй жа ты! вить я гаваріў табѣ, што ня вынисишъ, када ни скажишъ „Госпади благаслави!“

Тада чортъ нырнуў на марскоя дно и пирихрястіўся, начаў гаварить „Госпади благаслави!“ и ни даказаў, а тольки „Божа Басла... И поўна: далей пастыдіўся.

Якъ вынисъ изъ вады пяску, часть атдаў, а часть затаіў у насу, да и думаить сабѣ:

— „Што Гаспоть будить дѣлать съ етимъ пяскомъ, то и я: такія падобствія“.

Гаспоть кидаў пясокъ кругомъ сябе пу вадѣ, и съ етыга пяску начала заплатыватца зимля.

— „Прастёръ Гаспоть зямлю, яко кляновый листъ!“

Началось и ращеніе у насу у лебидя: Больна яму дужа,

узмаліўся къ Богу. (Зимля ища ни запләталась: была яму идѣ плавать).

— „Харкай-плюй, занимай няўдобныя миста!“

Сказаў Гаспоть чорту.

Запливаў-захаркаў чортъ, и, куды яго пляўки пупадали, тамъ занимались балотныи трясины, мхи;—аттаво и таперь у нѣкатырыхъ мѣстахъ, и пасейчасъ, лужины-топи завутца „кархавѐннимиˮ.

Тиризъ нѣскальки ўремени Гаспоть выпустіў чорта изъ лебидя.

№ 9.

Сотвореніе человѣка.

Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку непускаютъ въ церковь, а кошку пускаютъ. Съ какихъ поръ у человѣка кашель.

Думаить Госпоть:

—„Што жъ я сатваріў неба и землю,—нужна сатварить людей!“

Сатваріў Бохъ Адама и ватлучіўся, патаму што была нидастаўка матерьяла (для дальнѣйшаго творенія).

Боясь, што аггалъ асквярнить сатвареннава человѣка, Гаспоть сатваріў „абаку“ и приставіў караулить Адама:

—„Ни пускай никога къ етыму чиловѣку, пакелича я ни приду!„

Яўляитца аггалъ:

—„Пусти мине, абàкъ, къ Адаму!“

Абака гримить.

—„Пусти мине: а то я тибе смарожу!“

Дьявылъ напустіў холыда на абаку, а абака (іонъ биў галэй и дужа холыду баяўся) сагнуўся и стаў дрыжэть.

—Пусти мене: тибѣ шубу дамъ!

Абака дапустіў дьявыла къ чилавѣку, за то яго дьявылъ шѐрстю пакрыіў.

Атъ тово та што абака Божьяго пувялѣнія аслушаўся, яго у церкыў Божжую ни дапускають, а кошку (ана у етыхъ нипавинна) запирають частенька у церкви мышей лавить.

Съ тыхъ то поръ абака празываитца ужъ ни „абака,“ а „сабака.“

А сатана удаліўся, тольки ахаркаў, апливаў, агадіў чилавѣка.

Приходить Гаспоть.

—„Што, абака, сагрѣшіў ты? Аткуль на табѣ такая шерсть?“

—Госпади, виновинъ я придъ тобою: смутіў мине сатана.

Дьявылъ злучіўся па близысти.

—Якъ ты смѣў, дьявылъ, чилавѣка змущать?“

—„Ни извольтя, Госпади, бизпакоитца: я здѣлаў хорошо.“

—Какъ такъ?

—„Вазьмитя скверну зъ етыга чилавѣка и вываратитя ие во внутрь.

Если атъ унутренній ничастаты здѣлаитца у яго кашиль, то іонъ кашляючи перва на васъ уздумаить и васъ пумянеть:

—Ахъ, Госпади, какой кашиль!.

Ну, какъ плюнить, потомъ нагою разатреть:

—“Пфу, начистая сила ка мнѣ привизалась!“...

Какъ чертъ пасавѣтываў, такъ Бохъ и здѣлаў. Потому чортъ говоріў:

Если Адамъ будить здароў, то на васъ, Господи, и на мине іонъ пазабудить.

Съ тыхъ поръ у чилавѣка бываить кашиль.

№ 10.

Смерть и сабака, у двюхъ, рай стирягуть атъ никаянныва.

Дьявылъ падкасаўся къ смерти: двюхъ яе сабакъ шерстю адѣў, а смерть яму щелачку рая атварила. Са смертю дьявылъ спазнауся, дачокъ отъ дьявыла смерть прижила. Прежнію смерть Госпоть пратуріў, а, замѣсть яе, нявѣрный паставіу смерть правильную, вѣрную.

Гаспоть поставіў смерть стяречъ рай итъ никаяннывa и даў ей на памычъ двюхъ сабакъ. Лятѣў акаянный па ваздухахъ—сабаки забрихали. Стаить никаянный на ваздухахъ проти смерти, напустіў на сабакъ бальшой холыдъ—сабаки голыи пагнулись и ни магли брихать (у ихъ тады ища шерсти не была).

Апущаитца дьявылъ унизъ, ну, и гаворить:

—„Здрастуй, сторыжъ райскій!“...

Мѣў съ ёю разговоры:

—„На што табѣ сабаки еты?“

—Ета сторажи мае на помычъ рай стяречъ.

—„Пазвольтя мнѣ хуть у щелычку рая пасматрѣть!“...

—Нѣтъ, Гаспоть ни приказаў дайжа двярей аттварять.—

—Ну, ваши сабаки памерзнуть: вы видитя, якъ съ холаду яны трясутца—тады некыму будить калаурить рай—адны застанитись. Аттваритя мнѣ рая пасматрѣть: я и сабакъ адѣну—шубы дамъ.“

—Разви я за ета табѣ щелачку аттварю, када сабакъ адѣнишъ.

Узяў и адѣў ихъ у шерсть, шубы адѣў икаянный.

—„Ну, типерь ваши абаки цѣлы будуть“.

Сабаки стали хадить свободна, никуда ни прячутца: тепли стали. И смерть абрадавалась:

—„Я нямножка малинькую щелачку тибѣ аттварю пасматрѣть!“

Аттварила щелочку,—икаянный и глянуў у рай. Смерть зъ икаяннымъ пазналась, хадила усюдахъ и такъ—доўга, рай жа затварила и замками замкнула, туда ни вадила и радила отъ икаянныва трехъ дачарей.

Гаспоть приходить къ смерти,—дьявылъ скрыўся.

—„Хто жъ, смерть, ета твоихъ сабакъ адѣў?“

А смерть гаварить:

—„Яны такея были.“

—Я жъ тибѣ голыхъ даваў.

— Дакъ, Госпади, сама шерсть на ихъ вырысла“.

Тада Гаспоть гаварить:

—Зачѣмъ икаянныму рай сматрѣть давала?

—„Госпади, сагряшила!“

—Ну, када сагряшила—иди къ икаянныму жить!

Ну, яе прагнаў, а смерть сатварилъ ужъ правильную, вѣрную.—та смерть осталась и пасейчасъ.—

№ 11.

Происхожденіе горъ, трясинъ: всѣ эти неудобства чортъ понадѣлалъ.

Дьявылъ дабылъ пяску са дна моря, а Гаспоть съ етыва пяску простёръ зямлю роўна—ширако, якъ кляновый листъ.

Дьявылъ (іонъ быў у вобрази лебидя) утаіў у насу зямли и панатваріў съ тэй зямли балотъ, трясинъ, горъ.

— „Зачѣмъ ты панадѣлаў такихъ горъ?“

Спрасіў Гаспоть у чорта:

— „Якавô-та челавѣку будить падыматца на ихъ?“

Ахъ, Госпади, ета и харашо, што трудна, гаворить чертъ: Абъ васъ успомнить чилавѣкъ и мяне то ни забудить...

Вотъ, якъ іонъ будить задыхаючись на гару падыматца, скажить:

— „Пумаги, Госпади!“...

А какъ съ горы станить спускатца, вѣрна, и мяне успумянеть:

— „Чортъ мяне пôнисъ на такую высоту: тутъ голову сламать можна.“

Абаимъ намъ будить ня плоха.

№ 12.

Абъ Воўги, Днѣпрѣ и Сажй, и батьки ихъ Нивисномъ, якъ Нивиснэй ихъ у путь—дарогу бѣчъ благаславляў.

Сожъ и Воўга была раднэя сестры, а братъ Днѣпръ. Отецъ ихъ былъ ихъ Нивиснэй. Вазвращались яны. Воўга Нивисному была любезная дочка, а Днѣпръ быў яму упратіўникъ. Призваў къ сабѣ Нивиснэй Воўгу и Сожъ, а Днѣпръ, хуть яго батька ни зваў, падъ двирями слушаў, што будить отецъ дачкамъ гаварить.

— „Вотъ вы, мае дочки любимыя! Вотъ ты, Воўга, приходи ка мнѣ у паўночъ!

Я тибе пашлю прикрасными гарадами; прикрасныя барки па табѣ будуть хадить.

Ну, и ты, Сожъ, прихади! Пашлю тябе прикрасными мѣстами, а Днѣпра пашлю махами, балатами.“

У паўночъ Воўга ускочила и прибижала къ итцу:

— „Батюшка, пора посылать!“...

А ета ты, Воўга?

„Я.“

(А старикъ быў Нивиснэй).

— „Падайди, дачушка, ближій!“

(Дачушки были касматы—щастливы).

Пащупаў яе.

Благаслаўляю тебе прекрасными мѣстами итти: сяленіями и гарадами!“

Загримѣла—пашла.

А Днѣпръ прашнуўся, побѣхъ, пасматрѣў на крывати: Воўги нѣту, а Сожъ спить. Нильзя Дняпру падъявитца замисть сястры: у яго была тѣла чистыя—пащупають и узнають.

Абвяртѣў руки посканнями, бягить къ атцу:

—„Батюшка, батюшка, пара идить!“

—Ты, Сожъ?

(Пиримяніў гаворку, якъ систра).

Ну, падайди сюда, дачушка!

Падайшла.

Ипять спрасіў:

—Ты, Сожъ?

—„Я, батюшка.“

—Пара пущать: а то скора свѣтъ будить.

Руки падиржаў, видить, што касмата.

—Благаслаўляю тибе, дачушка, итти прикрасными гарадами—мѣстами!

Днѣпръ, якъ махнуў — знаить, што систра прашнется — ирваў горы, дѣлаў калѣны.

Прашнулась Сожъ—нѣтъ ни воднына на кравати. усхватилась бижать къ батюшки подъ благаславенія.

—Батюшка, пара пущать!

—„Ты жъ хто?“

—Ды Сожъ.

—„Я жъ тибе пасылаў.“

—Даўжно Днипра и Воўгу—я праспала!

—„А, дачушка, вѣрна, Днѣпръ — машенникъ, абманіў мяне—пашоў на твоимъ мѣсти... Ну, дачушка, видна, пойдишъ на Дняпровымъ мѣсти—иди ужъ махами—балатами!“...

Усе махами—балатами идеть Сожъ.

№ 13.

Духовщинскій уѣздъ, село Ядреичъ.

Прежде было 2 солнца; луна—солнце, высосанное змѣемъ, оттого лишившееся яркаго цвѣта—блѣдное.

Прежде было два солнца, но Богъ, разгнѣвавшись на одно изъ нихъ, наслалъ змѣя, который такъ высосалъ солнце, неугодное Богу, что оно стало совершенно блѣднымъ—и зовется оно съ тѣхъ поръ уже мѣсяцемъ и свѣтитъ только ночью.

№ 14.

Отчего жену свою Адамъ назвалъ Евой.

Ужъ Гаспоть придѣлаў Адаму рай, и Адамъ ужу нѣскальки ўремини прасіўся ў рай.

Адумался Гаспоть, што у Яго адинъ чилавѣкъ:

— Давай, вѝню у Адама ва ўремя сна дивятыя рябро и сатварю изъ ребра яму жану.

Гаспоть палажіў сатваренную Имъ жэнщину окыла спящага Адама.

Адамъ прашнуваитца:

— Е—во! што такоя значить? лѐхъ я адинъ, а таперь ужу двоя.

Гаспоть и ни пиримяніў названія Адамывый жанѣ — такъ и застàлась ина „Ева".

№ 15.

Грѣхопаденіе Адама и Евы.

Гаспоть пувадіў Адама и Еву па раю и указаў имъ, каторые винаграды можна кушать, а каторые нѣ.

Доўга Адамъ и Ева жили у раи согласна, наконецъ „аггалъ" падкасаўся къ Еви и змустіў яе.

— Всѣ вы винаграды кушаитя, а етытъ винаградъ за то што іонъ самый харошій, Гаспоть вамъ яго запрастіў.

Ева, па савѣту аггала, сарвала винаградъ съ непаказаннага древа и Адаму дала.

Винаградъ етытъ ни удалось праглытить настыяща ни Адаму, ни Еви: іонъ такъ и застряў у ихъ у горли костычкій, и съ тыхъ поръ у чилавѣка, у горли, и сядить ета костычка.

№ 16.

Прѐжда, у Адама и у Еви была тѣла кожаныя, якъ ногать, патомъ, сагряшіўши, крапіўнымъ прядіўцымъ накрывались, а тады ужъ ленъ пашоў.

Прѐжда у Адама и у Евы была тѣла кожанная, якъ ногыть, а какъ сагряшили яны, то снялась ета кожа,— и стали яны стыдъ имѣть.

Брали яны листочки съ крапивы и насаживали ихъ на крапіўныя прѝдевца и давай сябе закрывать.

Патомъ ужу Гаспоть паказаў Адаму и Еви лёнъ, якъ яго сѣить, прясть, ткать.

№ 17.

Якъ прѐжда посли Ноивыга потопа харанили живыхъ старикоў; атчаго ихъ харанить пиристали.

(Дер. Проверженка Ельнинскаго уѣзда).

Какъ жіў на зямли адинъ старикъ правидный скора посли Ноивыга патопу. Тады старики жили па 700 гадоў и смерть сваю знали, кали умирать. Какъ станить батька каторага плохъ, то, ни дажидаўши смерти, садили на лубочикъ, да у роў. Адинъ сусѣдъ такъ звезъ и абаратіў и другей звезъ. Вотъ старику вышли лита, скольки слѣдуить, сынъ пасадіў яго на лубочки, да и вязеть пряма у роў. А ў яго быў ўнукъ и бягить іонъ глядѣть, што будить дѣлать батька дѣду. Привезъ яго къ рову и брасаить яго зъ лубочкымъ, а етый унукъ стоя:—„бать, дѣда сабѣ кидай, а лубочки ни нада: аны пригадятца: на чимъ жа я тябе пувязу у роў.“ Стала етыму мужуку жалка:—„Госпади, ить жа и мнѣ ета будить!“—„А што, сынокъ, пувяземъ мы дѣда двору!“—„А пувяземъ, татычка“.—Привязли яны дѣда дамой и баятца, што имъ будить за ета, што дѣда назадъ привязли. Злажили яны яму у погрибн печичку; етытъ дѣдъ такъ

и жiў нѣскольки гадоў. И вышли гады плахея: три гады уражаю нѣту: за тысичу верстъ ни ў кога ни було жита. Старикъ етый гаворить:—„сынъ, сымай салому съ крыши, сѣй на сваихъ нивахъ: будить жита“.—Пришла пара жита сѣить. Iонъ возить ету салому, да па нивахъ разстилаить, а сусѣди кала яго смяютца:—Во хазяинъ! Уси крыши пазлупiў: яму зъ гнилэй саломы жита вырыстить?!... Прайшло нядѣльки паўтары, прайшоў дожжикъ, стала усхадить съ саломы такая зелинь, што луччи ни нада. Даў Богъ вясну. Къ Ильли рожъ вырысла луччэй затэй, якъ упредъ радилысь: на каторый нiўки упярѣдъ набирали два вазки, а то три-чатыри. Намалатiў iонъ хлѣба многа, и стали у яго сусѣди пытать:

— „Братъ, скажи ты намъ, хто ета нараiў табѣ саломый сѣить!“—Iонъ баитца, ни кажить. Данѣсли ибъ етымъ да самыга царя; а царь приказаў:—„Засадить яго у тямницу,—скажить“.—Сядѣў iонъ ти многа, ти мала, пака у яго стали дапрашивать. Тада iонъ признаўся. Съ тыхъ поръ и старикоў вазить у роў пиристали.

От старика Евдокима Хатуля.

18.

Ибъ Нои Правиднымъ.

Ной калчехъ строить, а чортъ любапыствуить. Дьявылъ къ Ноивый жонки падкасался и у калчехъ мышь прашмыгнулъ. Леў, кошка, мышъ, таганрохъ (идинарохъ).

За тридцать лѣтъ Гаспоть сказаў Ною, што патопъ будить и вялѣлъ яму калчехъ дѣлать, а прагавариватца запрастйў, дай жа штобъ iонъ работу надъ калчегымъ призвадйў тайна и штобъ свая жонка абъ яво Ноивыхъ работахъ ни знала ничаво.

Дьявылъ видить, што Ной Правидный суятитца, клапатйть и клапатить надъ чимъ та важнымъ и скрытничаить, —такъ и пирить дьявыла узнать, надъ чимъ Ной бьетца.

Скинулся прикраснымъ статнымъ молыйцымъ и къ жанѣ Наивый падъявиўся. Ноя на ту пару-времичка дома ни злучилась.

Пытаить:

— Разскажи, галубушка, чимъ ета твой мужъ займаитца!

— „Ни магу знать!“

— Вотъ вижу я: вы нисагласна съ мужимъ живитё: іонъ кріў, да табѣ ни гаворить ничаво. Пупытай ка, пупытай ка, куда ета іонъ ходить каждня.

Ной приходить абѣдать. Жина, какъ стала распрашивать яго, куда іонъ ходить, то іонъ, замистъ атвѣта, крикнуў, топнуў нагою:

— „Какоя табе дѣла?“

Пакушаў и ипять на работу ушоў.

Чортъ ипять пріобразіўся у молыйца, пришоў къ Ноивый жанѣ и спрашиваить у ей а томъ, а чомъ и ў первый разъ.

Ноива жонка ипять чорту ничаго ни твѣтила.

— Якъ гаваріў табѣ, што вы нисагласна живитё зъ мужимъ. Вазьми-ка завари къ заўтриму бражки, а я табѣ траўки принясу.

Жонка бражку сварила, а дьявылъ принёсъ хмелю падсыпать у ету бражку.

Падгатувала бражку съ хмелимъ.

Приходить Ной Правидный къ абѣду; жонка набиваитца бражкый:

— „Ня можна ли бражки выпить?“

— Ахъ, я замаріўся: я велій бы паѣў што, чѣмъ ся бражку пить.

Жонка зачарпнула коўшикъ и паставила пирядъ имъ:

— „Панюхай, яней тольки духъ харошій идеть атъ бражки!“...

Спанаравилась Ною; чарка за чаркый—іонъ ахмялѣў.

Якъ пувисялѣў Ной, жонка ипять у яго распытывать абъ тымъ жа.

— „Ну, вотъ, жина мая, Гаспоть ни вялѣў мнѣ сказывать, што будить затопъ соракъ дней и соракъ начей, и приказаў іонъ мнѣ калчехъ строить, штобъ прочіи люди ни знали“.

Пазюкаўши съ жонкый, Правидный Ной пришоў къ своей пастройки, а калчехъ разваліўся. Упаў на калѣнки:

— „Госпади Правидный, што я надѣлаў—праститя!“

— Я табе пращаю! Штобъ ты здѣлаў калчехъ у три года, и дамъ табѣ помащи са ўсѣми нябесными силами.

Ной Правидный хадиў у двѣ сутки разъ кушать къ жанѣ, а то и два раза у нядѣлю: ўсе ўремя быў на работи. Нада ужъ калчехъ атдѣлывать

Чортъ здàлику смятрѣў; сталъ ближій падъiўлятца; но уникнуть у дѣла, пумишать Ною Гаспоть ни дапустiў.

Дьявылъ приходить къ Ноивый жонки:

— „Скора мужъ твой калчехъ кончить, то какъ придить іонъ за табою, штобъ у калчехъ садитца, у „дўхи“ ня йди, а пакажи злó“.

Стаў Ной сваю сямью у калчехъ убирать.

Была у яго семъ сынавей, семъ нявѣстыкъ — усѣ яны сагласна пашли у калчехъ; Ной узяў у калчехъ ящо пу пари усѣхъ плаждэнiiў—тольна дѣла за Ноивый жонкой.

Ужу достычка пакладина, штобъ у калчехъ увайти; ужу достычка ета стала пу вадѣ падыматца, а жонка Ноива—слова на яе затинка найшла—ня йдеть и ня йдеть.

Ной схватаў яе за руку и патащiў, тутъ и зругнуўся:

— „Ахъ, ты, нячистая сила, што жъ ты са мной ня йдешъ?!“

Якъ пумянуў Ной нячистую силу, ана мышью и прашмыгнула на калчехъ и пубижала пу палу.

Леў, якъ стыяў, чихъ на нячистую силу, а изъ носа льва выскачiў сапель, изъ сапля кошки, царапъ мышъ и зъѣла.

Ужъ вада стала ападать.

Адинъ звѣрь таганрохъ (идинарохъ) ни пашоў у калчехъ—думаў іонъ:

— „Праплаваю сорокъ дней и сорокъ начей“.

Какъ стала вада спадать, идинарохъ пупалъ пашиный лѣвый наги на пень—и съ тыхъ поръ нѣтъ яму плаждэнiя: супратiў Бога итить нильзя! Атъ Ноя Правидныва стали пладитца народы.

Посли Ноя жили люди па 500 лѣтъ, а Адамаўскiи па тысичи.

№ 19.

Адамъ и Ева сагряшили: пакушили атъ запретныга древа яблычкыў.

Адамъ и Ева жили у раю. Дьявылъ падашоў къ имъ и стаў ихъ змущать. Подыйшоў къ Еви и гаворить:

— „Дѣва—Ева, ня слухай ты сваго Адама, што іонъ гаворить: съ двухъ етыхъ дрявоў кушайтя, а зъ естыга не... Не, тѣ дрявы дрень, а слащи за етыва у свѣти нѣтути“.

А якъ покушала Ева, а услѣдъ и Адамъ запретныга яблачка, тѣла ихъ стала другоя: то адіянія ихъ была, якъ ногать на рукѣ, а то адіянія ета такъ и объѣхала;—застались тольки ногтики на пальцахъ на рукахъ и на ногахъ, — и стали люди галы и стали стыдъ имѣть и отъ стыда было поразбѣглись адинъ атъ воднына.

№ 20.

Божжія Матирь абманулась: листападъ атдала чорту (а ета ни листападъ былъ, а души). Христу нада на мученья паступать возрачать ихъ,—души пакойникыў.

Потэмъ гаворить дьявылъ на Божжую Матирь:

— „Вотъ ета древа зялёная, ета угожія ета табѣ, а листападъ то ета мнѣ!..“

(А якей ета листападъ?! ета ни листападъ, а души пакойникыў).

Божжія Матирь сама сабѣ думаить:

— На штобъ той листападъ каму нужнинъ?!..

Да и распишись ина. што:

— „Уступаю дьявылу листопадъ!“

Посли таго стали души покойникыў паступать въ адъ: усё туды падають и терпють тамъ муку вѣшную.

Приходить Гаспоть и говорить на Божжую Матирь:

— Што ты панадѣлала?

— „А што?“

— Да души челавѣческія дьявылу атдала.

— „Я атдала дьявылу тольки што листападъ—сухея листя“.

— Да, какей листападъ—ета души пакойникыў: анѣ прежда были Богавы, а таперь стали дьявылывы.

Ну, таперь пуступать тваяму Сыну на муку, а то тымъ душамъ узвароту ня будить!..

№ 21.

Нячистый духъ у Бога людей просить.

Нячистый духъ стаў прасить Господа:

— „Дай ты мнѣ людей!“

Гаспоть пасѣвѣтываў схадить къ Адаму:

— „Адамъ, дайте мнѣ людей!“
Говорить іонъ, пришоўши къ Адаму.
Адамъ самъ сабѣ думаить:
— „Атдать малалѣтнига — іонъ будить мнѣ у пользу; атдать мнѣ старыга — самъ старъ буду; атдать мнѣ мертвыга — на што мнѣ тэй мертвый? Памёръ, дакъ и памёръ“.
Адамъ атдаётъ нячистыму духу мяртвыхъ.
Гаспоть іўляитца къ Адаму:
— „Атдаў народу?“
— Атдалъ, Госпади!
— „Якихъ жа ты атдаў?“
— Мяртвыхъ, Госпади:
— „Ну, няўжели самъ пумирать ня будишъ“.
— Госпади, сагряшилъ я придъ Табою.
— „Да, ошибся, Адаме“.

№ 22.

Адамъ мяртвыхъ чорту записаў и самъ ашукаўся.

Нячистый духъ стаў прасить Госпада:
— „Дай ты мнѣ людей!..“
Гаспоть пасавѣтывалъ:
— „Абратись къ Адаму!..“
Нячистый духъ приходить, идѣ жіў Адамъ.
— „Адаме, дайте мнѣ людей!“
Адамъ самъ сабѣ думаить:
— „Атдать малалѣтнига — онъ будить мнѣ у пользу; атдать мнѣ старага — самъ старъ буду, атдать мнѣ мертвага — мертвый безполезинъ: умиръ и умиръ“.
Адамъ атдаў нячистыму духу мертвыхъ.
Гаспоть іўляитца къ Адаму:
— „Атдаў народу?“
— Атдаў, Госпади.
— „Якихъ жа ты атдаў?“
— Мертвыхъ, Госпади.
— „Но неўжёли, Адаме, самъ умирать ни собираисьтя!“
— Госпади, сагряшіў я придъ Табою.
— „Ашибся, Адаме!..“

№ 23.

Якимъ родымъ Іуда жидамъ Христа показаў. Атчаво ложки нигадитца кверьху дномъ класъ.

Сѣли трапезовать святыя апостылы съ Сусымъ Христомъ,— сѣў трапезывать и Юда.—

Во пяетца:

— „Яко Юда, яко разбойникъ!..“

Запрôдаў іонъ Суса Христа жидамъ, узяў зъ ихъ тридцать сяребреникыў.

Жиды пытаютца, якъ признать Христа мизъ апостылыў, а Юда имъ твичаить:

— „Во якъ! Мы усп будимъ ложки барачивать, а Христосъ, якъ хлябнеть, паложить ложку кверьху. (Аттаго-та нигадитца ложку кверьху дномъ класть—ета грѣхъ).

Когда замѣтитя ета, вы бяритись за яго!..“

Узялися за Христа жиды: узнали яго, — и пашоў іонъ на муку вѣшную.

№ 24.

Христа мучуть. Жидоўка прикрываить личиння Христа кисейкыю. Христосъ атъ жидоў вырваўся.

Вотъ Суса Христа Яўреи вядуть на муку вѣшную—злôдія абсѣли у яго на плечанькахъ капою, мучуть яго; а ў тоя ўремя яўрейка сядить у вакна и дяржить у рукахъ кисяю бѣленькую, пребѣленькую.

А у Спасителя губы засмягли, пыльлю занясло Яго личухна, а яўрейка, сѣдючи у вакна, и говорить:

— „За што мучуть етыга челавѣка?!.

За што іонъ вѣшную муку прымâеть?!.

И губы твае крававыю смагыю занясло, и глазы твае пыльлю запылила!..“

Кинула сваю кисейку жидоўка на Госпада:

— „Пратри ты, Госпади, личинька своё святоя, свѣтлая! За што яны Тябе такъ мучуть?!“

Тада Гаспоть вырваўся атъ никаянныхъ жидоў, а жидоўка пориставилась: пириставіў яе Гаспоть у святыхъ.

№ 25.

Свиньня жидоўськая тетка. На жидоўськую школу нада жерствувать, штобъ свиньни хорошо вялись.

Якъ мучили Іесуса Христа жиды, то никаянныи чимъ тольки ни зиущали яго, ну, іонъ атъ ихъ усими документами атбиваўся.

Во ѣдуть на ёмъ капою злѣдіи, а упиряди засадили у кораби сваю тётку и гаворють:

— „Ну, кали ты Бохъ нашъ—атгадай, што у кораби!“

— А што у кораби—а свиньня!

— „Вить зблышйлъ!..“

Закричали жиды.

Аткрыли корыбъ,—думыли увидать сваю тетушку, ажно заираўду свиньня на ихъ такая страшенная, якъ лось — „у-ухъ, у-ухъ!“

Са страху жиды уси свае пантохвильки растиряли.

Съ тыхъ поръ яны ня молютца у хати, кали тамъ свиння находитца, а просють:

— „А ўзу, пазаслыста, выгыньтя свиньню!“

Кали свинни у тябе ни вядутца, пожерствуй на жидоўськую школу со 2 или со 3 капѣйки — будуть весца свиньни, парасить памногу, и поводъ будить харошій“.

№ 26.

Жиды за Христомъ гонютца. Жэнщина сваимъ рабенкымъ жертвуить, штобъ Христа спасти—абманила жидоў: жиды рады.

Гаспоть атъ аканнныхъ жидоў ускачіў у горницу, а тамъ жэнщина кормить грудью дитёнка.

Гаспоть крикнулъ на жэнщину:

— „Дитенка брось у печъ, а мяне вазьми!“...

— Божжа мой, да іонъ згарить!

— „Нябось! ничога нябудить твайму дитёнку, тольки тоя дѣлай, што я скажу“.

Баба бросила свайго дитёнку у печъ, а Христа узяла къ сабѣ на руки.

Жиды тоя видють, што баба укинула дитёнка у въ агонь, а тога ня видють, што Христосъ на рукахъ, а дитёныкъ тэй на тую пару-ўремичка бутца крикнуў у печи.

Забили жиды у ладони:

— „Христа спалили, спалили, спалили!“...

Дитёныкъ пириставіўся весь у твитахъ и сталъ у святыхъ, а Христосъ пашоў съ двинацытью апосталами.

№ 27.

Христосъ Воскресъ ужу, и съ апосталами и съ Матирью своею тряпезуить. Божжія Матирь ни пазнаѣть сына и загадыить абъ ёмъ на рыбки камбали и на сухимъ дуби.

Христосъ васкресъ ужу, и сядить Іонъ съ Божжію Матирью и съ апосталами, тряпезуить зъ ими. А Божжія Матирь ни пазнаѣть свайго Сына: то Іонъ малъ быў, а то стаў великъ; апостылы жъ ни кажуть ей.

Аткусила Божжія Матирь палавину рыбки:

— „Какъ атживетца ета рыбка, ускряснёть Христосъ!“

Рыбка трёпъ, трёпъ—устрипиталась, Божжія Матирь узрадувалась.

Рыбку ету Божжія Матирь бросила у моря — и живеть ета рыбка съ тыхъ поръ у мори; у етый рыбки глазъ выидинъ, и ў бачку вынимка.

— Стаить дубъ сухей пиридъ вакномъ:

— „О, Госпади Миласливый, када етый дубъ сухей станить зелинъ и листя пустить,—тады ускряснёть мой сыня узлюбленый!“...

Тады стаў дубъ зелинъ и пригожъ, и листя на емъ широка.

— Апостылы паказали Божжій Матири Суса Христа, и ина стала радая, радая.

— „Слава жъ тябѣ, Госпади, што васкресъ Сусъ Христосъ, сынъ мой вазлюбленный!“

№ 28.

Отчего мыя яйцами христосуемся.

Када Іисусъ Христосъ воскрёсъ, то мелкое каменья абратилась у яйцы; аттаво мы яйцами христосуимся.

№ 29.

Отчего осина листьями «тряпечить».

Іуди тошна стала, што іонъ продаў Христа.

Када овъ хатѣў удавитца, то Гаспоть упизъ палажіў усѣ даревья, а адна асинка легла пупярекъ рва; на ней Іуда и удавіўся.

Съ тыхъ поръ асина, якъ витярокъ, хуть сабѣ и нибальшѐнькій, тряпачить листьями, слоўна атъ страху,—такъ и бьеть у ладошки.

№ 30.

Христосъ хочетъ оказать Іудѣ милосердіе.

Какъ удавіўся Іуда, то весь адъ зарявѣў: испужаўся Іуды. Гаспоть сказаў: „ни ряви — пагади: я пупами и панами заналаню тябе, а старцами, якъ гонтамъ, пакрыю“. Гаспоть Іуду къ сабѣ у рай звалъ, а Іуда, лежа на пячи, гаворить: „мнѣ и тутъ харашо“. Гаспоть яму сказалъ: „ну, такъ, какъ хочешь“.

№ 31.

Объ Царѣ Саламонѣ.

Во чревѣ матери возбуждаетъ противъ себя ея гнѣвъ, рѣшая споръ между ковалемъ и гончаромъ.

Спасенъ отъ погибели и мести матери ея служанкой.

Отданъ ковалю, воспитывается вмѣстѣ съ его сыномъ, а сынъ коваля воспитывается царицей, которая выдаетъ его за своего сына.

Отрокомъ Соломонъ удивляетъ мудростью своихъ сверстниковъ и выбранъ ими старшймъ за рѣшеніе слѣдующихъ задачъ: 1) чтобъ березка согнулась и разогнулась, 2) чтобъ коровы не „зикали“, 3) чтобъ лягушки вдругъ замолчали и снова закричали по приказанію.

Приказалъ повѣсить мальчика-вора и вытребованъ за это къ царю.

Удивляетъ царя находчивостью въ отвѣтахъ. Царь задаетъ

ему слѣдующія задачи: 1) чтобъ изъ вареныхъ яицъ цыплята повывелись, 2) чтобъ волы потелились.

Соломонъ очень остроумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, а воловъ, присланныхъ царемъ, поѣдаетъ съ товарищами.

За эту продѣлку и за прочія царь хочетъ казнить Соломона, но, по условленному сигналу изъ рожка, является войско Соломона и освобождаетъ отъ погибели начальника.

Восторжествовавъ надъ врагами, Соломонъ казнитъ мать и бабушку, признается отцу въ своемъ происхожденіи и разсказываетъ ему свою исторію.

Заѣхалъ гаршешникъ къ кавалю са сваими гаршками, и проситца у каваля на нычъ. Каваль и гаворить яму;

— „Братъ ты мой, и радъ бы пуститъ тябе на нычъ, да у мене на дварѣ стаить кабыла, да къ таму жъ жарѳбная“.

— Я свой возъ съ лошадью пастаўлю къ старанѣ, а ты сваю кабылу пусти па воли, говорить ганчаръ.

— „Паизжай сабѣ!..“ Паставилъ гаршешникъ сваю лошадь падъ павѣтью и занучувалъ. Каваль легъ въ адномъ мѣсти, а ганчаръ акала сваей лошади у другомъ.

Каваль усе сматрѣў лошадь, кабы убяречъ жирябенка; тольки іонъ ни убярегъ кабылицы—ина и жирябилась.

Ганчаръ упирѳдъ яго прашнуўся и видить, што кабылица ужу жирябилась, и жирябеныкъ падбіўся падъ возъ ганчару.

Ганчаръ и гаворить: „ну, слава Богу, мое гарчки жирябились!“

Прашнуўся и каваль и говорить гаршешнику: „што ты мелишъ?—ета мая кабылица жирябилась“.

А гаршечникъ твярдить, што яго гарчки жирябились, и стали спорить. „Ну, пайдемъ на судъ: якъ присудють, такъ и будить“. Пашли яны на судъ къ царю, царя не была у доми, а тольки цареўна, и цареўна была абременна.

Цареўна и гаворить имъ: „што ты, каваль, пришолъ и ты, ганчаръ?“ Каваль объисняить цареўни.

— Вотъ якоя дѣла. Ганчаръ учора пупрасіўся ка мнѣ на нычъ. Я, праўда, и ни хатѣў было яго пускать, што мая кабылица часъ отъ часу жаребитца, а іонъ мнѣ сказалъ, што іонъ свой возъ паставить у адныиъ мѣсти, а кабылицу, говорить, пусти па воли. Мы такъ и сдѣлали. Ганчаръ легъ у сваяго воза, а я у другомъ мѣсти. Ганчаръ упяредъ прашнуўся и

увидіў, што мая кабылица жирябилась, и жирябеныкъ падбіўся падъ яго возъ. Вотъ и пашоў у насъ споръ объ жирябенку.

Царица разсудила такъ: „кабы твая кабылица жирябила жирябенка — іонъ ба и быў ли кабылійцы; а то жирябенка нашоў ганчаръ падъ сваимъ возымъ, — стала быть, жирябились яго гарчки, а ни твыя кабылица“.

Рабеныкъ ва чреви царицы и говорить: „за то бабы и дешивы, што глупы. Даўно сказана, што у жэнщины волась долагъ, а вумъ каротыкъ. Жирябила жирябенка кабылица, а ни гаршки ганчара: никада ня слыхивана, штобъ горшки жирибятъ жирябили“.

Царица и думаить: „кали іонъ ва чреви маемъ да што баить? А родитца, да выдить на свѣтъ — ня то ужу будить атъ яго“. Ина у скорымъ времени радила сына и, абярнуўши у прбстыню, прислужныю дѣўкыю атпраўляить затапить етыга сына у рякѣ. Дѣўка панисла царскага сына тапить у рѣчки я пажалѣла яго; — думаить сама себѣ: „вить бальшой грѣхъ ангельскую душу пагубить!..“ А у етые самые часы родила сына и жана каваля. Царская прислуга занесла царскаго сына на гумно къ кавалю и захувала у саломи; тады приходить къ кавалю и гаворить: „царь приказалъ принесть вашига сына къ царицы“. Каваль съ кавалихыю и гаворють: „царская воля велика. Хуть и жаль намъ нашига сына, а, кали требуить царь и вялить атдать яму нашига сына — дѣлать ужу нечига: бяри сына и няси!..“ И атдали яны сваяго сына царскый прислуги; пуплакали и погарювали па сваемъ сыну.

Бяреть каваль рѣзвины и атпраўляитца на гумно за кормамъ. Толька разлажилъ рѣзвины, бяреть крючекъ наскубывать саломы и запустіў крючекъ у салому, а царскій рабеныкъ и гаворить яму изъ саломы: „тиши, каваль: глазъ выкылишь!..“ Каваль испужаўся и атваліўся атъ саломы, да самъ сабѣ и дивуитца, што ета значить. Апомніўся каваль, да и гаворить самъ сабѣ: „што жъ я буду бытца? Вить ета жъ протіў дня, а не протіў ночи—запущу-ка я крючекъ падалій у салому“. И запустилъ. А царскій рабеныкъ и гаворить ипять яму: — Да, што ты, каваль? Ты жъ мнѣ усю кожу сдярешъ!.. Каваль, якъ тисвануў крючкомъ харашенька и вытащилъ изъ саломы рабенка.

Сталъ каваль радъ и гаворить: „Слава Богу! Хуть царь у насъ сына атабраў, а на то мѣста Богъ другога рабенка паслаў!..“

ему слѣдующія задачи: 1) чтобъ изъ вареныхъ яицъ цыплята повывелись, 2) чтобъ волы потелились.

Соломонъ очень остроумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, а воловъ, присланныхъ царемъ, поѣдаетъ съ товарищами.

За эту продѣлку и за прочія царь хочетъ казнить Соломона, но, по условленному сигналу изъ рожка, является войско Соломона и освобождаетъ отъ погибели начальника.

Восторжествовавъ надъ врагами, Соломонъ казнитъ мать и бабушку, признается отцу въ своемъ происхожденіи и разсказываетъ ему свою исторію.

Заѣхалъ гаршешникъ къ кавалю са сваими гаршками, и проситца у каваля на нычъ. Каваль и гаворить яму;

— „Братъ ты мой, и радъ бы пустить тябе на нычъ, да у мене на дварѣ стаить кабыла, да къ таму жъ жарёбная“.

— Я свой возъ съ лошадью пастаўлю къ старанѣ, а ты сваю кабылу пусти па воли, говорить ганчаръ.

— „Паизжай сабѣ!..“ Паставилъ гаршешникъ сваю лошадь падъ павѣтью и занучувалъ. Каваль легъ въ адномъ мѣсти, а ганчаръ окала сваей лошади у другомъ.

Каваль усе сматрѣў лошадь, кабы убяречъ жирябенка; тольки іонъ ни убярегъ кабылицы—ина и жирябилась.

Ганчаръ упирёдъ яго прашнуўся и видить, што кабылица ужу жирябилась, и жирябенькъ падбіўся падъ возъ ганчару.

Ганчаръ и гаворить: „ну, слава Богу, мое гарчки жирябились!“

Прашнуўся и каваль и говорить гаршешнику: „што ты мелишъ?—ета мая кабылица жирябилась“.

А гаршечникъ твярдить, што яго гарчки жирябились, и стали спорить. „Ну, пайдемъ на судъ: якъ присудють, такъ и будить“. Пашли яны на судъ къ царю, царя не была у доми, а тольки цареўна, и цареўна была абременна.

Цареўна и гаворить имъ: „што ты, каваль, пришолъ и ты, ганчаръ?“ Каваль объисняить цареўни.

— Вотъ якоя дѣла. Ганчаръ учора пупрасіўся ка мнѣ на нычъ. Я, праўда, и ни хатѣў было яго пускать, што мая кабылица часъ отъ часу жаребитца, а іонъ мнѣ сказалъ, што іонъ свой возъ паставить у адныхъ мѣсти, а кабылицу, говорить, пусти па воли. Мы такъ и сдѣлали. Ганчаръ легъ у сваго воза, а я у другомъ мѣсти. Ганчаръ упаредъ прашнуўся и

увидіў, што мая кабылица жирябилась, и жирябеныкъ падбіўся падъ яго возъ. Вотъ и пашоў у насъ споръ объ жирябенку.

Царица разсудила такъ: „кабы твая кабылица жирябила жирябенка — іонъ ба и быў ли кабылійцы; а то жирябенка пашоў ганчаръ падъ сваимъ возымъ,— стала быть, жирябились яго гарчки, а ни твыя кабылица“.

Рабеныкъ ва чреви царицы и говорить: „за то бабы и дешивы, што глупы. Даўно сказана, што у жэнщины воласъ долагъ, а вумъ каротыкъ. Жирябила жирябенка кабылица, а ни гаршки ганчара: никада ня слыхивана, штобъ горшки жирибятъ жирябили“.

Царица и думаить: „кали іонъ ва чреви маемъ да што баить? А родитца, да выдить на свѣтъ — ня то ужу будить атъ яго“. Ина у скорымъ времени радила сына и, абярнуўши у простыню, прислужныю дѣўкыю атпраўляить затапить етыга сына у ракѣ. Дѣўка панисла царскага сына тапить у рѣчки я пажалѣла яго;—думаить сама себѣ: „вить бальшой грѣхъ ангельскую душу пагубить!..“ А у етые самые часы родила сына и жана каваля. Царская прислуга занесла царскаго сына на гумно къ кавалю и захувала у саломи; тады приходить къ кавалю и гаворить: „царь приказалъ принесть вашига сына къ царицы“. Каваль съ кавалихыю и гаворють: „царская воля велика. Хуть и жаль намъ нашига сына, а, кали требуить царь и вялить атдать яму нашига сына — дѣлать ужу нечига: бяри сына и няси!..“ И атдали яны сваяго сына царскый прислуги; пуплакали и погарювали па сваемъ сыну.

Бяреть каваль рѣзвины и атпраўляитца на гумно за кормамъ. Толька разлажилъ рѣзвины, бяреть крючекъ наскубывать саломы и запустіў крючекъ у салому, а царскій рабеныкъ и гаворить яму изъ саломы: „тиши, каваль: глазъ выкылишь!..“ Каваль испужаўся и атваліўся атъ саломы, да самъ сабѣ и дивуитца, што ета значить. Апомніўся каваль, да и гаворить самъ сабѣ: „што жъ я буду бытца? Вить ета жъ протіў дня, а не протіў ночи—запущу-ка я крючекъ падалій у салому“. И запустилъ. А царскій рабеныкъ и гаворить ипять яму:—Да, што ты, каваль? Ты жъ мнѣ усю кожу сдярешъ!.. Каваль, якъ тиснануў крючкомъ харашенька и вытащилъ изъ саломы рабенка.

Сталъ каваль радъ и гаворить: „Слава Богу! Хуть царь у насъ сына атабраў, а на то мѣста Богъ другога рабенка паслаў!..“

Бросіў на гумнѣ и рѣзвины свае, схватіў у палу рабенка и панёсъ да своей хаты. Приносить у хату и гаворить свaей жанѣ: „Ну, жана! Хуть царь у насъ сына и атабраў, а намъ Гаспоть на яго мѣста паслаў другога рабенка;—я нашоў яго на гумни, у саломи. Будимъ яго кармить и паить, и пускай іонъ будить намъ сынымъ! Нада бъ намъ таперь хрезбины спраўлять и кумоў сазывать“. Пазваў каваль кумоў, пирихрястили рабенка и назвали яго Саламонамъ. Хрезбины атгуляли. Кукобить кавалиха рабенка, холить и кормить яго, и рабеныкъ растеть и часъ атъ часу прибываить. У семъ гадоў іонъ атражайнѣй тога, катораму и питнадцать гадоў.

Іонъ ужу сями гадоў вадіў лашадей на нашлегъ, и водить ихъ у поля. Саламонъ и сгаваріить диряненскихъ своихъ хлопцыў!—„а, што вы думаитя, рибяты? Давайти-ка изъ насъ самихъ заводить набольшига: вить стада бизъ пастуха ни бываить.“

И начали придумывать, якъ имъ избрать набольшага и каго паставить. Саламонъ имъ говорить:—„чуйтя: лягушки сквярутца у балоти; хто ихъ уйнимить, тога и найбольшимъ паставить.“

Мальчуганы начали чирядомъ унимать лягушикъ, и ни водинъ ни уняў ихъ.—„Нѣтъ, мальцы,“ гаворить:—„нихто изъ васъ ни уняў ихъ; ну, глядитика: я стану ихъ унимать.“—Саламонъ и гаворить:—„ну, тварь бяздушная, замолчать—ни дна штобъ ня кухнула!“

Лягушки ни̓дна ня кухнула.

Тады Саламонъ и говорить мальцамъ:—„ти видитя, рабаты: вить люгашки маўчать?„—Чуимъ!

Атвѣтили мальцы!—„Таперь, хто ихъ затѣить ипить кричать, тога уже паставимъ набальшимъ.“—Малцы пачаредна стали застаўлять лягушикъ кричать и ни̓дна ни закричала. Дашоў чередъ и да Саламона.

Саламонъ началъ зативать кричать лягушикъ:—„Ну, буздушная тварь, начинайтя ипять свае пѣсни распивать!“

Лягушки изнову пѣсни зайграли.

—„Таперь чуитя, што лягушки вить ипять запѣли?“

Мальцы и говорють Саламону:—чуимъ, уси чуимъ!

—„Вотъ вамъ третія примѣта. Пришоў къ бярезки, гля-

дитя на бярезу и застаўтя яе сагнутца и разгнутца,—заставляити такъ павочириди!"

Малцы павачаредна и начинають кричать бярези:

—„Сагнись, бярезанька, сагнись. зяленая!".. А бяреза стаить и ня гнетца. Дашла вочаридь да Саламона. Іонъ и кажить бярези:—„ну, бяреза, сагнись у кальцо!" Бяреза и сагнулась у кальцо.—„Ну," гаворить мальцамъ:—„видитя: береза сагнулась?"—Да, кажуть мальцы: сагнулась.

Саламонъ ипять говорить бярёзи—„разагнись!"

И бяреза разагнулась:—„Ну ти видитя уси: бяреза разагнулась?"

Уси закричали во адинъ голасъ мальчуганы:—„ видимъ, видимъ примудрый Саламонъ!"—Вотъ вамъ чатыри примѣты!..

Пастухъ близка къ имъ пасъ кароў. Была жаркая уремя, и каровы начали бѣгать: зыкъ на ихъ напаў.

Саламонъ и гаворить мальчуганамъ:—„мальцы, хто изъ васъ унимить кароў, штобъ яны стыяли, а ня бѣгали?"—Мальчуганы изнову павочириди стали каровъ унимать, а каровы ихъ ни водная ни паслухала. Тады Премудрый Саламонъ и гаворить каровамъ: „пирыстаньтя бѣгать,—станьтя и стойтя на дномъ мѣсти!".

Уси каровы пиристали бѣгать и стали, якъ укопанныи.

Премудрый Саламонъ и гаворить мальчуганамъ:

—„Мальцы, ну, видитя? каровы перистали бѣгать и стали якъ укопанныи."

Мальцы уси въ адинъ голасъ:—видимъ, видимъ, премудрый Саламонъ!—Таперь мы уси далаемъ тябе нàбальшимъ, и, што ты будишъ намъ приказывать, будимъ и выпылнять слушатца и пувиноватца тябѣ.

Саламонъ ихъ начинаить учить военнымъ артикуламъ, и долгая время училъ ихъ военныму искусству. Уси мальчуганы у примудрага Саламона научились военнымъ диламъ и вяли сябе честна; адинъ тольки мальчуганъ аказался ворамъ: іонъ у водныга мальчика укралъ кнутъ.

Мальцы и вядуть яго къ примудрыму Саламону на расправу. Примудрый Саламонъ ряшилъ такъ: первую вину прастить мальцу. И прастили.

—„А если у другой разъ украдишъ, тады уже накажу и ни пращу."

Мальчуганъ етый укралъ у мальца узду, мальчуганы приводють яго къ Примудрому Саламону на судъ.

Саламонъ приказалъ принясти розакъ и наказать мальцаваришку розгами, па военныму. Мальцы и усыпали яму, скольки пришлось—пу военныму.

—Ну, гляди-жъ: кали яще што украдишь у третій рязъ, тады тябе я павѣшу!..

Вядуть хлопцы домой лашадей и говорить батька мальчугана-варишки:—„Өедоръ, тваяго сына Аляксѣя нашъ Примудрый Саламонъ за варавство залупилъ до смерти—будить помнить вѣкъ вѣшный."—Өедаръ и разспрашіить у ихъ: „за што такъ?"

—А якъ жа! гаворють мальцы. Учора твой сынъ Аляксѣй укралъ кнутъ, а сяводни узду;—Саламонъ первую вину прастіў яму, а за узду и нахлабучіў, да вить па дѣломъ вару и мука: ни крадь, ни варуй! Да, яще сказаў Саламонъ:

Кали ни пиристанить варувать, то павѣсить, якъ сабаку!

—„Пастой жа: кали іонъ такей, то я яму вастасую за сына?"..

Приходить къ кавалю, сталъ бранитца и сквярнитца разными славами: „за што мужъ твой Саламонъ маяму сыну кожу спароў? етакъ жа ужу нильзя мальцамъ и у поля лашадей гонять!"..

Каваль и гаворить Өедору: „Ну, за што ты такъ разсярчалъ? и хочишь ты разбирать дятей? Вишь у поли двѣ воли; дѣти у щепки, а батьки у хахлы... Трясца ихъ разбяреть! сяводни, може, и Саламону такжа поддадуть!"..

Разгаворамъ такимъ и кончилась суета мущинъ.

Каваль патомъ сталъ ругать Саламона:

—„Што ты за воинъ у поли?!.. Гляди жъ, што бы ета у первый и у паслѣдній разъ: а то я табѣ кожу слуплю... За што ты яго升 дралъ?"

—А за то, што іонъ разъ укралъ кнутъ—тады нихай такъ: мы яму прастили. У другой разъ вузду—за ето яго и абадрали. А кали у третій разъ што украдить, то мала етыга заусѣмъ повѣсимъ: ни варуй!

Привялось яще нядѣли двѣ и три. Усе у ихъ была тиха. Займались яны военныю маршироўкыю.

Іонъ имъ за ета время надѣлалъ изь палыкъ и ружьи.

Въ адно время Ляксѣй утянуў у мальца полдень.

Мальцы начали праизвадить обыскъ и нашли у торбачки Ляксѣя полдень мальца, и. многа ни разгаваривая. Саламонъ приказалъ малца-варишку павѣсить. Мальцы сагнули асину и павѣсили мальца-варишку:" сабаки сабачья честь!"..

Саламанъ сдѣлалъ приказъ мальчуганамъ: узять лашадей Аляксѣевыхъ и сдать Өедару на руки. Вичаромъ мальчуганы пригнали у дяреўню лашадей и кричать: „Өедоръ, на твоихъ кони!".

Өодаръ спрашіить у ихъ:—а дѣжъ мой Аляксѣй?

—„А табѣ вишь казали: кали ни пиристанить вурувать, то будить повѣшанъ? а іонъ украў поўдинь,—за то и павѣсили!—Саламонъ сказаў:—Ляксѣй своей дураты ни брасаить и приказаў намъ яго повѣсить;—мы на горькій асини яго и павѣсили: вонъ тамъ на ляди."

Өедоръ написаў прозьбу царю, што Примудрый Саламонъ павѣсіў на ляди яго сына Аляксія.

Стаў Саламона батька каваль бранить: „я думаў, што ты будишь мнѣ падъ старость кармилицъ, а ты вышіў разбойникъ. Кали ты стаў людей вѣшать, царь павѣсить и тябе—ужъ такъ табѣ ня пройдить."

— Батюшка, за што мяне бранишь и журишь?

Вить и царь адну вину пращаить, за другую наказываить, а за третію, вѣрна, вѣшаить.

Ну, такъ и я паступилъ съ варомъ!

Царь присылаить канвойныхъ. Узяли канвойные Саламона Примудрага падъ судъ. Царь и спрашіить у Саламона:—„Што ты начаў тварить и сваимъ адумамъ вѣшаешь людей?"

— Свѣтъ вяликъ гусударь, винуватъ придъ вами!

Мальцы и я дѣлали разныи примету, вышла такъ, што усимъ мальцамъ мяне слушатца.

Я ни гуляю и ни гуляў,—я учіў сваихъ мальцыў ваенныму искусству и ваенныму ученію.

Ляксѣй малыцъ былъ прабоистъ: начаў вурувать; іонъ украў у первый разъ кнутъ—ету вину я яму прастіў; у другей разъ узду—за то наказаў яго розгами; а у третій укралъ у мальца полдень: тутъ ужу, якъ іонъ, якъ ни каялся—и усё варуить, приказаў мальчуганамъ Ляксѣя павѣсить. Вить-жа и

ты, царь, такъ жа дѣлаишь: первую вину прощаишъ, за ўтарую наказаишъ, а за третію: ти къ растрѣлу, ти на висилицу!...

Видить царь, што Примудрый Саламонъ паступилъ справядлива, толька натвярдилъ яму, штобъ яще такъ ня дѣлалъ.

Царица и гаворить царю, якъ іонъ прастіў Саламона и атправіў дамой бизнаказанна. Царь и атвичаять:

— „Якъ жа судить яго, кали іонъ справядлива паступіў?"

— Такъ-то такъ, кажить царица: а надо-бъ яго была павѣсить: іонъ, якъ вырыстить, ня то сдѣлаить!

Царь гаворить: „я и самъ вижу, што іонъ астраумикъ.

Нихай-ка падалій: можа, и пупадеть на висилицу!"

Пасылаить царь паслоў къ кавалю съ приказымъ, штобъ каваль быў съ Саламонамъ на лашадяхъ верхами у царскій дварецъ.

— „Во што ты надѣлаў! „гаворить каваль Саламону: во царь не такъ насъ требуить ва дварецъ: таго и гляди, што и мяне патянуть на висилицу за тябе.

Саламонъ кажить: „да, ни рабѣй: цѣлы будимъ".

У назначенный царемъ часъ каваль съ Саламонамъ атправились къ царю. Царь приказаў падать двухъ асѣдланныхъ лашадей: адну ли сябе, а другую ли свайго сына, и царь съ сынымъ, и каваль съ Саламонамъ паѣхали у поля за гарадъ.

Примудрый Саламонъ у поли любуитца адныиъ мѣстамъ и гаварить кавалю: „Батюшка, вотъ багатыя мѣста ли манеўрну!" А царскій сынъ царю гаворить: „мѣста ета харошее и удобное: приказать бы распахать ета поля и засѣить льномъ-растуномъ: то-та былъ бы ленъ!"

Ѣдуть далій. Падъѣхали къ темныму лѣсу.

Премудрый Саламонъ увидѣлъ толстый арѣшникъ и гаворить кавалю: „превасходныя дяревья! Изъ етыхъ дярѐў вышли бы привосходныя ложи для ружій маимъ мальчуганамъ салдатамъ; а то мы терпимъ недастатыкъ у ружьяхъ". Царь же ета слышить и дивитца яго нибачайный смегливасти.

Падъизжають яны къ сасновыму дериву, царскій сынъ и гаворить царю: „якея діўныя сосны! изъ етыхъ сасонъ, пурубіўши ихъ, можна выгнать многа дегтю и нріабрѣсть угалья; дегать бы пашоў на падмазку фуръ, а вугыль на военныя кузницы!"

Царь пасматрѣў на свайго сына и улыбнулся.

Царь атдаеть приказъ Саламону, штобъ іонъ заўтря утрымъ былъ къ яму ва дварецъ ни сытъ, ни галодинъ; ни голый и ни дѣтый, ни конный и ни пѣшій, и штобъ яму, царю, былъ гастинчикъ и не гастинчикъ.

Приказалъ имъ ѣхать дамой, а самъ вазвратился дамой.

Каваль и гаворить Примудрыму Саламону:

— „А вить скольки ня вяртись, а ня выкрутисься атъ бяды и горя: ужъ видимыя дѣла!“

А Примудрый Саламонъ атвѣчаить: „ни рабѣй, казакъ: будишь атаманамъ! Што будить, то увижу!“

Саламонъ просить мать утварить къ заўтришниму дню кисялю. Мать утварила кисель; кисель якъ-та ни ўдаўся. Саламонъ сватіў яго ложки двѣ, да и досыть. Сняў съ сябе рубашку и абкрутіўся рыбачью сѣткаю, паймалъ сабѣ варабейку, сѣлъ на казла и атправился да царя.

Царь спрашіить у Примудрыга Саламона: „Што ты сяводни заўтрикалъ?“ Саламонъ атвичаить:

— „Мать сварила кисяльку, да ни ўдачна—укисъ!“

И гаворить: „я раза три, пять хватіў, да и досыть: ни сытъ, ни галодинъ“.—Ну, маладецъ Саламонъ!

А ти привезъ жа ты мнѣ гастинчикъ?—„Привезъ“.

Выймаить изъ пазухи варобья, а варабей пырхнуў съ руки и палятѣў па комнатамъ царскимъ.

Тада царь пахвалилъ уси яго прямудрыи увертки и атпустіў яго дамой.

На вутро присылаить царь сто яицъ вариныхъ и приказнить кавалю, штобъ іонъ Саламону сказалъ, штобъ къ такому-та дню были цыпляты, а ня будить выпалнита приказанія, снимутъ съ плечъ галаву Саламону. Саламонъ у ета время быў на поли, учіў стрилять сваихъ салдатъ.

Явіўся Премудрый Саламонъ, каваль и гаворить Саламону: „царь прислаў табѣ вариныхъ яицъ и приказаў, штобъ изъ ихъ вышли ципляты; а няйсполнить приказаніе царя, слятить съ плечъ и галава твоя“.

Примудрый Саламонъ въ атвѣтъ кавалю-батюшки:

— „Не бѣда! Спасиба царю, што яйцы прислаў: я ими заўтри сваихъ салдатъ пахристосываю“.

Забраў яйца у кателъ и атправіўся у поля.

— „Рабята! царь прислаў мнѣ 100 яецъ: палучайтя каждый па яйцу и кушайтя за здароўя царева“.

Премудрый Саламонъ, паўчіўши сваихъ салдатъ, насипаить у мяшки париный гарохъ и вязеть на ниву сѣить, и пара трубой валить изъ мяшкоў и изъ сѣвалки. Царская прислуга идеть къ Саламону за пискятыми, а Примудрый Саламонъ сѣить гарохъ. „Богъ у помачъ, Саламонъ Примудрый!

Што ты ета дѣлаишъ? „Гарохъ сѣю.— „А такъ можить, якъ изъ царскихъ вареныхъ яицъ могутъ выйти пискляты: кали мой париный гарохъ узыйдить, тады и изъ варинныхъ яецъ выдуть и пискляты“.

Царская прислуга пашоў къ царю. — Што принесъ писклятъ?—„Я“, гаворить прислуга:—„йда двара Саламоныва ни дашоў. Иду къ Саламону, а іонъ сѣить на поли париный гарохъ, изъ сѣвалки пара стаўбомъ валить. Гаварю яму:

— „Што ты, Саламонъ, сѣишъ?“—Гарохъ. гаворить: до яице париный.—„Я и гаварю яму: париный гарохъ усходить ня можить; а іонъ мнѣ у въ атвѣтъ: іонъ также можить узайдить, якъ изъ варинныхъ царскихъ яицъ могуть выйти цыпляты. Я далій съ Саламонымъ и тулкувать ни стаў — варнуўся“.

Царь присылаить Примудрыму Саламону сто валоў, штобы валы къ такому-та времени патялились, а ни пателютца — Саламону галава съ плечъ слятить. Саламонъ быў у поли.

Пришоў Саламонъ дамой, каваль-атецъ и гаворить:

— „Прислаў царь сто валоў, штобъ валы патялились. а ня будить исполнена приказаніе царя — галава съ плечъ слятить“.

— Ахъ, батюшка, не рабѣй. Спасиба царю за валоў!

Начинаетъ Саламонъ валоў рѣзать, сваихъ салдатикаў падкармливать, кожи у гаради прадавать, салдатикамъ амуниціи и сапаги спраўлять.

Гварденскаму сваяму палку сдѣлалъ Саламонъ усю красную адёжу, 2-му палку усю бѣлую, 3-му палку усю чорную. Саламонъ приказыпть сваимъ салдатушкамъ: „мяне скора будить царь казнить; — штобъ первый поўкъ мой гвардейскій паспѣшаў ка мнѣ на ражокъ; заиграю у втарой разъ; штобъ явіўся втарой поўкъ въ бѣлый адёжи; а кали у третій разъ,—штобъ нимедленна яўляўся третій поўкъ у чорный адёжи“.

Приходить царскій паслаиецъ за валами и тилятами, Саламонъ замѣтіў яго издали, и гаворить сваяму батюшки—кавалю:

—„Пализай скарѣй на печь и кричи тамъ: животъ балить!“ Пасланецъ гаворить Примудрыму Саламону: „Здрастуй, Саламонъ!“ Саламонъ гаворить яму:—Здрастуй!—„Хто ета у тябе на печи кричить?“—А ета мой батюшка усхадіўся радить.— „Ты, Саламонъ Примудрый усё ты чудишъ: мущины ня родють.“—А Саламонъ гаварить:—кали мущины родють, тады и быки тилятъ пателють.—„А дѣжъ быки царскіе?“—А спасиба царю, што пуприслаў ихъ: войска маё накарміў и адѣў!..

Пасланецъ, пришедши къ царю, разсказаў яму усё, што гаваріў яму Премудрый Саламонъ.

Узнаў Саламонъ, што яму ни здубрувать на свѣти, што царь за валоў яму ни прастить;—пупрастіўся съ каваленъ—батюшкый и тайкомъ ушоў изъ города, пришоў у дяреўню и наняўся свиней паастивить.

Царь узнаў, што Саламонъ ушоў изъ города; приказаў сдѣлать залатую карету и атправіў своихъ кучароў вазить ету карету па свѣту: пускай у свѣти цанують люди, чаго стоить залатая карета, а хто луччій ацѣнить карету, тога узять и даставить къ царю.

Пасланцы ѣдуть полимъ, вязуть залатую царскую карету, іонъ пригнуўся и заняўся неабходимымъ дѣлымъ: ноў накладаить, а старь выкладаить, на гарѣлый корки злодііў пабиваить. Кучары и гаворють яму: „пастухъ, што ты дѣлаишь?“—На гарѣлый корки злодііў пабиваю.—„Ти ня можишъ ты цанувать карету?“—Чамужъ ни магу? Кали ни даяси, за ету корачку атдаси.

Кучары и гаворють: „етый пастухъ якей-та дуракъ: Ти можна жъ за ету корачку залатую карету атдать? Дешива цануишь, пастухъ!“

И пувязли карету ва дварецъ. Привязли карету и гаворють царю: „адинъ тольки пастухъ и ацануваў твою залатую карету корачка!“..

Царь асерчаў нямнога на сваихъ кучароў; „етый цѣнаўщикъ кареты быў Премудрый Саламонд; нада была яго брать и весть ва дварецъ.“

Царь атдаетъ приказъ атыскать Саламона и даставить яго

къ царю, Гарадовыи разсыльныи сдавили Саламона и даставили къ царю.—„Ну, Саламонъ, полна табѣ мною уродавать: заўтри тябе на висилицу."

Приказаў пригатувать висилицу.

Саламонъ и гаворить царю: „Батюшка царь, я ў однэй пятли ни задаўлюсь, а сдѣлай двѣ пятли: адну дратяную, а другую шалковую."

Приказана вясти аго къ ишафоту; яго праважають и матушка, и бабушка.

Саламонъ вищаить: „пяреднія калясо лошать вязеть; а чаго чортъ задніе нясеть?" Царица гаворить:—ахъ, какой дуракъ Саламонъ! Устройства у калясахъ харашо: здѣсь тройня іость, и рисоры устроины, и связаны калесы накрѣпка.

Вазводють Саламона на ишафотъ. и прачитанъ указъ царскій. Саламонъ просить царя дазволить яму у наслѣдній разъ пувисялитца у дудычки пайграть.

Царь дазволилъ: „паиграй и пувисялись!"

Саламонъ зайгралъ у ражекъ и придвинуўся красныю тучію гвардейскій паўкъ къ Саламону на ражекъ.

Царь гаворить Саламону: „што ета краснѣить?"

Саламонъ атвичаить царю: „Ета красноя туча іость мая кроў."

Саламонъ зайграў во 2-й разъ во ражокъ, и надвинулася туча бѣлая. Царь гаворить Саламону:

—А што ета такоя?—„Бѣлая туча іость слезы мои."

Саламонъ зайграў яще у ражокъ, надвинулась темная туча. Царь спрашіить: „што такоя?"—Ета туча іость смерть мая.—Саламонъ тутъ какъ заигралъ у ражокъ, уси тучи сдѣлались салдатами.

Саламонъ сичасъ скамандывалъ сваяму войску: „узять царицу павѣсить у дратяной пятлѣ, матку царицыну—бабушку у шолкавай!" И павѣсили.

Царь гаворить Саламону: „Што ты ета сдѣлау?"

—Свѣтъ валикъ государь, батюшка мой родный, мяне мать хатѣла стратить съ свѣту,—такъ я таперь яе стратіў. Мать мая на томъ свѣти за мяне ни твичаить, а я за яе гатоў атвичать и придъ табою и придъ Богамъ. А бабушку павѣсіў за то собственна, што ина усе знала, а вашій милысти ни ска-

зала. Васъ, батюшка, знаў и уси ваши загадки разгадаў. прашу васъ мене выслушать.

„Въ адно время ганчаръ начуваў у каваля. У каваля ночью жирябила кабылица жирябенка.

Каваль и берегъ кабылицу, якъ ина будить жирябитца, но праспаў. Кабылица кавалева жирябилась, и жирябеныкъ падбіўся падъ тялѣгу ганчара. Ганчаръ гаворить кавалю: „жирябенка жирябили яго гаршки.“

А каваль гаворить, што жирябила яго кабылица.

Спорили, спорили, да и пашли на судъ къ вашій милысти, а, якъ васъ дома тады ни було, то мыя матушка—царица разсуждала такъ:

—Калибъ жирябила жирябенка кабылица, то жирябеныкъ быў бы съ кабылицыю, а то жирябеныкъ найденъ подъ гаршками; стало быть, жирябенка жирябили гаршки, и принадлежить жирябеныкъ ганчару, а не кавалю. Я тады быў у чреви матири, чуў, якъ она разсудила, и сказаў:

—„За то бабы дешавы, што глупы, и што у жэнщинъ воласъ длининъ, да умъ каротакъ.“

Мать-царица и тады жъ ище на мяне разсирчала, и, якъ я радіўся, ина мяне у прастыню завярнула и отдала служанки снасти мяне ў рѣчку и затапить.

Служанка мяне пажалѣла. Слышила ина, што у каваля радіўся сынъ у тымъ жа часи, якъ и я;—мяне на гумни у саломи спрятала, а сама пашла къ кавалю и атъ имини вашига атабрала у яго сына и принисла къ моей матири-царицы; ина тѳга рабенка и васпитала, а вы яго таперь называитя сыныкъ. Каваль, атдаўши сваяго сына во дварецъ, пашоў на гумно за саломой, нашоў мяне у саломи, принесъ у свою хату и воскарміў мине.“

Царь Саламона выслушаў и астаўляить яго во дворцы, атдаеть Примудрому Саламону паловину своего царства. Царь насылаить за кавалемъ, гаворить кавалю: „я сваяго сына Саламона узяў сабѣ, и ты бяри сваяго сына сабѣ.“

Каваль, пулучіў свояго сына и привѳў яго у свой домъ: прислугу царскую за то, што ни затопила царевича у рѣчки, щедра наградіў Примудрый Саламонъ, а каваля наградіў диньгами, асвободіў атъ рякрутскій павиннасти и атъ усѣхъ падатей и сдѣлаў яго вольнымъ.

№ 32.

Абъ Саламонѣ.

Абъ царѣ Саламони, яго отцѣ, нявѣрнымъ цàри, бабушки, матушки, кузняцѣ, объ Саламонывыхъ памошникахъ: Ананьѣ, Азаріи и Мисаилѣ.

Въ нѣкаторымъ царстви, въ нѣкаторымъ гасударстви, жіў быў царь, а нейзвѣсна какой, и была у яго царица, и была ина красивая. Ящо ў нѣкаторый дареўни или сялѣ жили двѣ ўдавы; и було у ихъ па мальчику. Яны лягли спать и идна изъ ихъ приспала сваяго рабенка, патомъ сряди ночи прашнулась, да узила свайго ниживога мальчика и падклала къ той ўдавѣ, каторая спала съ живымъ рабенкомъ, а у яе узила живога рабенка и палажила къ сабѣ. Патомъ ета ўдава прашнулась, пасматрѝть: мальчикъ ниживой. Тутъ ина загаласила и пашла на улицу. Патомъ уходить ипять у хату, хатѣла яго памыть и прибрать, пасматрѝть: етатъ рабенакъ ни яе. Тутъ ина и гаворить на ету ўдаву: „Што ты ета мнѣ сдѣлала?! Ета твой мальчикъ, а ня мой: ты приспала, а мнѣ падлажила!“... А ета гаворить: Што ты ета на мяне наносишъ? Ты сама такая соня. —„Нѣтъ!“ гаворить: Я ни упущу свайго рабенка: мнѣ яго жалка!“... А ина гаворить: „Ну, што хочишъ дѣлай, а ета мой сынъ!“ Вотъ яны и гаворють: „Ну, етага пахаронимъ, а за етыга мы будимъ съ табою судитца“. Патомъ яны пахаранили етыга мертвага, а за етыга пашли судитца къ царю. Приходють яны къ царю и гаворить ета удава, у каторый мальчикъ живой: „Гасударь нашъ, батюшка, сдѣлайтя милысь: разбяритя вы наша дѣла! вотъ у етый удавы быў мальчикъ, а у мяне другой, то ина што сдѣлала: сиряди ночи свайго дитя приспала и узила, падлажила ка мнѣ ниживога, а майго живога узила къ сабѣ“. Вотъ яны спорили, спорили, патомъ гасударь и гаворить: Я ужъ ни магу васъ разсудить! Патомъ приходить царица, а ина была бреминна атъ невѣрнага царя етымъ самымъ Саламонымъ. Царица и гаворить: Ну, я вамъ разсужу ета дѣла, будитя ли вы согласны на мой судъ: вы возьмитя етыга живога рабенка и разрубитя папаламъ!.. Ета *) удава и гаворить:—Ежили вы судитя рубить на дви части, то

---

*) Которой принадлежалъ живой мальчикъ.

пускай луччи ей увесь!.. Патомъ гасударь говорить:—Вотъ, вѣрна яе рабеныкъ, када ина ня хочить, штобъ яго на дви части рубили!.. А у царицы у брюхи етытъ самый Саламонъ сказаў на сваю мать: Б...ь, по б...и и пагадаваить! (За то, што мать сказала пупыламъ рубить). Ина сама сабѣ и думаить: Ну, будить хорошій сахаръ!.. И думаить сабѣ, какъ ба яго стратить! Када іонъ радіўся, то ина призываить повара и гаворить: Ну, я табѣ приказываю, штоба ты мнѣ етыга рабенка сгатуваў,—сичасъ раскладай агонь!.. Поваръ и думаить, какъ можна ангыльскую душу гатувать, да ящо царьская калѣна. Узяў забіў сабаку и аблупіў яго, а галаву прочъ атрубіў, патомъ и затапіў печку, и сгатуваў. Паслыхаў, што ў аднэй дяреўни радила кузняцова хозяйка, то іонъ паслаў туда етага рабенка и приказаў ей: „Скажи, што пару радила!“... Такъ ина и сказала. Патомъ призываить іонъ къ сабѣ лакея и гаворить: „На, няси царицы етыга сабаку и скажи, што ета рабеныкъ, а, голыву, скажи, што утащили сабаки“. Вотъ іонъ приносить етага сабаку на падноси къ царицы. Ина и спрашіить. А галава идѣ? А іонъ гаворить: Какъ я къ вамъ нёсъ, толька у кухни съ крыльца саскачіў, а галава и звалилась. Аткуда быўши сабака и схватіў. Вотъ ина и гаворить: „Ну, сабаки сабачія и честь: чимъ араў, тымъ и падавіўся“. Патомъ царица ўзнала, што кузнячиха радила пару дятей, то ина, штоба яе мужъ ни ўзнаў, паслала сваихъ вѣрныхъ слугъ, штоба у етый кузнячихи узять аднаго рабенка. А поваръ приказаў ей, штоба ана ни атдавала ей тога рабенка, каторага іонъ ей перидалъ. Тада ина узила и атдала свайго сына, а етыга воспитанца аставила сабѣ. Патомъ етый воспитаникъ рость, да рость, вырысъ ужъ парядашный, такъ, што ужъ и каней могъ вадить пастивить. Ну, какъ іонъ Саламонъ примудрый,—то іонъ и давай заниматца ваенными дилами. Бувала, пувядеть коній пастивить; патомъ и давай тамъ учить мальчикыў. Вотъ іонъ такъ училъ нѣскалька ўремя, патомъ одинъ разъ такъ учіў, учіў, такъ што аднаму мальчику и галаву атарваў прочъ. Патомъ падали жалабу царю на етыга Саламона. Гасударь требуить яго къ сабѣ и гаворить яму: „Ну, што, братицъ, какъ ета ты могъ сдѣлать такъ, што и галаву атарваў прочъ?“... Саламонъ и гаворить царю: Ваша вяликыя ампиратарства, што за мнѣ дѣлать съ дуракомъ?—вить сами вы знаитя, што за

аднаго чилавѣка ўчинага дають десить няучиныхъ и то ни баруть!.. „Праўда!“—гаворить гасударь, стаў яго хвалить и гаворить яму: „Старайся, братъ: я тябе за ета публыгыдарю“... Черизъ нѣскалька ўремя гасударь слышить пра Саламонавы мўдрости, пасылаить іонъ сваихъ вѣрныхъ слугъ къ яму и приказаў: „Штоба вы привяли тога самыга кузница, у каторага находитца сынъ Саламонъ: то іонъ сильна примудрый!“... Яўляитца къ государю етытъ самый кузнецъ, вотъ гасударь и гаворить на етыга кузница: „Во братъ, што я табѣ приказываю и прашу: дамъ я табѣ двадцать яецъ варонних и штоба съ етыхъ яецъ вышли типляты!“... Нясеть кузнецъ еты яйцы и скучаить, принесъ дамой. Вотъ Саламонъ и гаварить: „Ну, што ты, батюшка, скучаишъ!“—Да какъ жа мнѣ ни скучать? разви можна ета сдѣлать, што мнѣ гасударь приказаў;—штоба зъ варонних яецъ вывисть типлятъ?... А іонъ и гаворить: „О, батюшка, ни рабѣй! Ета намъ гасударь прислаў закуску: а съ етымъ дѣлымъ спраўлюсь!“... Вотъ іонъ дажидаить тога ўремя, када государь прйшлить за цыплятыми. Падходить тотъ день, Саламонъ и гаворить на атца: Батюшка, ты сяводни куда-нибудь увайди!.. Вотъ іонъ запрегъ лошадь и паѣхаў у другую дяреўню. Пріѣхали атъ гасударя вяльможи за типлятами, а Саламонъ говорить: „Ахъ Божа мой, батюшки майго таперь нѣту!.. Мае вы галубчики, пріѣдьтя вы другимъ разымъ, а ня то я самъ вамъ придастаўлю етыхъ типлятъ!.. А таперь я вамъ ихъ ни магу дайжа паказать, патаму, сами вы знаитя, атца майго сянни нима, типляты замкнуты, а ключи у яго“. Патомъ ети посланныя атпраўляютца и гаворють: Послушай, братъ: какъ ты чилавѣкъ мыладэй, а мы пастаршій тябе, то ты пришли намъ атца свайго съ типлятыми!.. Патомъ яны паѣхали. Ну, какъ Саламону доўга думать нечига, то іонъ и гаворить на атца: Ступай къ царю и скажи, што типляты вышли: тольки ни вамъ сматрѣть и ни намъ паказывать. Патомъ гасударь и гаворить: „Ну, какея бы не были, да мае,—зачѣмъ ты ихъ ня принесъ?“ А іонъ гаворить: Ваша вяликыя ампиратарства, яны саўсимъ падохли ня ѣмши. Патомъ царь требуить сваихъ слугъ и гаворить: Ну, слуги мае, во што я вамъ приказыю: сваритя вы мѣрку гароху и атдайтя кузняцу: пускай іонъ яго пасѣить и выкармить сваихъ типлятъ. Вотъ іонъ узяў етый гарохъ и вязеть яго дамой и сильна гарюить. Пришоў дамой и думаить самъ сабѣ:

што тутъ будить? Приходить Саламонъ и гаворить на яго: Батюшка, што ты такъ сильна задумаўся? А іонъ яму ня 'твѣтіў ни слова и заплакаў. Батюшка, чаво ты такъ сильна плачишъ? А іонъ яму и гаворить: „Божа мой, Божа, таперь мы съ табою прапали на вѣки! Даў мнѣ гасударь мѣрку гароху, штоба яго пасѣять и типлятъ выкармить, да ящо и варинага; то самъ ты знаишъ, сыночикъ: типлятъ у насъ нима, и гароху ня будить: какъ можна вариныму узайти?“.

—Ну, малчи-ка, батюшка, ни тарапись сильна: мы съ табою ети яйцы паѣли и гарохъ паядимъ, а я съ етымъ самъ паўпраўлюсь.

Патомъ яны узяли и гарохъ етытъ паѣли, патомъ етытъ Саламонъ купіў сабѣ гарницъ гароху и гаворить на атца: „Ну, батюшка, ты атставайся дома, а я пайду!“ Тольна приходить тотъ день, у каторый гасударь абищаўся пріѣхать за типлятами, тоі онъ узяў съ сабою катялокъ и пашоў па дароги, куда будить ѣхать гасударь; іонъ кала етый дароги завѣсіў катялокъ и усыпаў ў яго гароху и давай варить,—то и дѣла памѣшиваить.

Ѣдить тэю дарогую самъ государь и спрашіить у яго:— Што ты ета дѣлаишь?—А іонъ гаворить: „Ваша благародія, гарохъ варю!“—На што?—„Буду заўтри сѣить.“—Што ты адурѣў? Іонъ жа ни ўзыйдеть!—А іонъ гаворить:—Ваша благародія, намъ прислаў гасударь вариныя яйцы и вариный гарохъ, то, вѣрна, типляты ня будуть съ тыхъ яецъ, а тотъ гарохъ, вѣрна, ни ўзыйдетъ.“—Патомъ астапавіўся тотъ гусударь и думаить самъ сабѣ:—да я ни харашо сказаў!—патомъ и гаворить на кучира:—Заварачивай лашадей дамой! и паѣхаў.— Патомъ черизъ нѣскалька ўремя паслыхалъ пра Саламона ипять падобныя нѣкатырыя штуки: Стау іонъ на дяреўни вайска призвадить, стаў іонъ народъ абучать лъ ваенный павинныcти. То гасударь пасылаить своихъ слугъ или вяльможъ:

—Паизжайтя: идѣ найдетя Саламона, то видитя яго ка мнѣ!.. Вотъ яны и паѣхали; ѣхали, ѣхали, падъизжають близка къ дяреўни, пасматрѣли на лугъ: тамъ мальчики пасуть лашадей. Яны падъѣхали близка къ имъ, а протіў ихъ бальшая и шурокая лужа. Думали яны, думали, якъ тутъ лужу пирядѣхать: глубока ли ина, или нѣтъ?

Яны и гаворють: „дай спросимъ у етыхъ мальчикыў: идѣбъ намъ пирядѣхать:—„Яны и спрашивають:“—А што, мальчики, глу-

бока ета лужа?“ — А Саламонъ выбигаить къ имъ и гаворить: „Ина ка ни глубока, ни мелка, а будить сто пакалѣнъ!“ Утарапились яны и гаворють между сабою:—Да, сто пакалѣнъ—ета глубина парядашная.—И варатились назадъ. А сто пакалѣнъ ета глубина ня слишкомъ бальшая: какъ угонишь сто скатинъ, то каждый будить па калѣни,—такъ ба и имъ была.

Вотъ яны прiизжають къ гусударю и гаворють:—Ваша вяликыя ампиратарства, мы да той дяреўни ни даѣхали.—„Пачаму такъ?“—А тамъ была лужа, сильна шурака и очинь глубака. Намъ сказаў мальчикъ, што будить тамъ сто пакалѣнъ.— „Ахъ вы, дураки!“—гаворить на ихъ гасударь:—„Ета самый Саламонъ: вамъ нужна была его брать!“

Патомъ и приказаў iонъ имъ:—„Ну, паизжайтя жа вы ипять, вазьмитя маю самую харошую карету; то вы, какъ будитя ѣхать кала тыхъ мальчикыў, то сматритя, каторый изъ ихъ, даражѣй аценить маю карету, таго и возьмитя: то будить самый Саламонъ.„ Вотъ яны узяли и ипять паѣхали; падъизжають блики къ етымъ мальчикамъ и гаварють на ихъ:—А што, рабятки, ти хараша ета наша карета?—А яны гаворють:— Ахъ, мае вы дядинки, ваша карета дужа хараша!—Патомъ яны и гаворють:—„А што, дарага ипа стоить?“ А Саламонъ падбигаить и гаворить:—Нѣтъ, ваша благародiя: ваша ета карета ни дорыга, ни дешива, а какъ ни падъяси, то и за гарѣлую скаринку атдаси!—Патомъ яны ипять дамой паѣхали.—Ну, што? гаварють:—Нихто дарага ни аценiў!—Патомъ прiѣзжають къ гасударю и гаворють:—Ваша ампиратарская вяличиства! Адинъ толька сказаў:

—„Ни дорыга, ни дешива; а какъ ни падъяси, то и за гарѣлую скаринку атдаси!“ Гасударь и гаварить: „Ахъ, вы, дураки; ета самый iонъ быў,—нада було яго брать!“ Патомъ гасударь и гаворить:—Ну, призавитя мнѣ яго атца кузница! Патомъ сейчасъ къ кузнецу павѣстка:—„Штоба быў къ гасударю:!“.. Яўляитца етытъ кузнецъ къ царю. Вотъ царь и гаворить— „Ну, братъ кузнецъ, харошiй ты мнѣ чилавѣкъ! услужи ети мнѣ службу: приказываю я табѣ, штоба ты мнѣ придаставiў свайго сына: мнѣ бы хатѣлысь съ имъ пра што нибудь пагавапить.“—Кузнецъ приходить дамой и гаворить:—Ну, сынъ, гасударь тябе што-та требуить.—А iонъ сичасъ пишить къ яму рисьмо:—„Ваша вяликыя ампиратарства! Я ни магу къ вамъ ия-

шой идить, а я буду къ вамъ на конницы; извольтя пригатувать маимъ лашадямъ станки, штоба была ў адномъ бряўни сто станкоў."—Государь думаў, думаў, пашоў къ своимъ синаторамъ, какъ тутъ примудритца, штоба ў адномъ бряўнѣ сдѣлать сто станкоў: синаторы ни магли етыга дѣла расхлапатаiь. Такъ и аставили; сдѣлали сто станкоў для лашадей. А iонъ што сдѣлаў? Сабраў сто мальчикыў и даў имъ усимъ па кiёчку; каждый мальчикъ сѣў на кiёкъ и паѣхали къ царю съ Саламонымъ. Тутъ етимъ лашадямъ ни бальшея и станки нада: убiў-ба ў адно бряўно сто количкыў и анѣ бы пумястились. Вотъ iонъ прiизжаить къ государю съ сваей конницей. Гасударь удивiўся такой примудрысти. Патомъ царь пашоў у садъ прагулятца са сваимъ сынымъ, каторый быў узятъ у кузница, а Саламонъ тожа у слѣдъ за ими. Патомъ шили яны, шили, даходють да сирядины сада; гасударь и гаворить на свайго сына: „А штоба ў етымъ саду можнó сдѣлать?" А iонъ, канешня, какъ мужикъ, хамъ, знаить толька саху да барану; а садъ тотъ стоилъ, можить быть, нѣскалька тысячъ или миллiоноў, то iонъ и гаворить: „А кали бъ яго вырубить, то была ба такоя мѣста хлѣбапахатныя!" Тады царь гаворить Саламону: „Нука, разсуди, што мнѣ ў етымъ саду сдѣлать?" Вотъ Саламонъ и гаворить: „Ахъ, ваша ампиратарская высочиства! Здѣсь мишаить толька адно дерива, а то ба можна сдѣлать такую харошую баттарею, а мѣста мнѣ наравится,—ни знаю якъ вамъ! Ежили бъ вашу яблынь срубить, то была ба харошая батарея и мѣста харашо!" Патомъ гасударь узяў и прагнаў свайго сына изъ дому. „Вонъ!.. Какъ ты могъ такъ сказать, штоба такей харошiй садъ вырубить на пахатную землю, каторый мнѣ стоить миллiёны, а вотъ Саламонъ сказаў очинь харашо: ета яго дяйствитильныя праўда!.. „Патомъ iонъ яго выгнуў изъ свайго царскыга дварца вонъ, а съ Саламонымъ стаў жить, какъ са сваимъ роднымъ сынымъ. Патомъ iонъ Саламону атдаў усю сваю давѣрiю. Нѣскалька ўремя яны прожили, патомъ Саламонъ удалiўся къ сваимъ вайскамъ упраўлять тамъ сваими назначинными дилами. Патомъ и пупались къ яму плотники или ахотники: Ананiй, Азарiй и Мисаилъ. Вотъ яны и давай заниматца разными пастройками. Строили яны па гарадамъ и пу пачотнымъ силамъ, патомъ яны какъ-то и пупали ў адъ; тамъ ихъ и затварили". Ну вотъ када я прапаў, и са мною три брата: Ананiя, Азарiя и Мисаилъ! гаворить Саламонъ. Патомъ приходють черти и да-

вай кала ихъ ужъ пахарашиватца и гаворють: Ну, таперь нашъ Саламонъ Примудрый: какъ ня бну мудиръ, да нупауся къ намъ у адъ!.. Вотъ іонъ и гаворить: „Ну, братцы, што мы таперь будимъ дѣлать?“ Ну, какъ Саламонъ сильна мудиръ, то іонъ и гаворить: „давайти-ка мы тутъ выстраимъ саборъ!“ И давай ужъ размирять тамъ аршинымъ: „Во тутъ будить саборъ, а во тутъ будить пристолъ“. И давай яны разсужать у ади, и гаворить Саламонъ на Ананію: „Ты будь каваль; а ты, Азарія, будь сталяръ, а ты Мисаилъ, будь плотникъ! А я буду вашъ рядчикъ!“ Патомъ выстраили яны тамъ кузню и давай кувать, а Мисаилъ давай размирять аршинамъ, идѣ што нада строить. Вотъ ети черти смятрѣли, смятрѣли, и гаворють: Ну, што мы будимъ дѣлать? Яны насъ и атсюда выганють! Пайдемъ жалитца свайму старшиму!.. И пашли; а Саламонъ съ Ананіею давай кувать тоустый ланцугъ. Патомъ, скуваушн етый ланцугъ, убили кальцо сиряди кузни у столь и сдѣлали яны двѣ брязготачки на етымъ кальцы. Патомъ идеть самый старшій чортъ, такой сивый и такой страшный, што и глядѣть нильзя; вотъ іонъ падходить къ имъ и гаворить на ихъ: Што вы тутъ дѣлаитя, ета ни ваша мѣста! А яны гаворють: Падайди-ка къ намъ! Чортъ падайшоу. Яны и гаворють на яго: „На-ка, пашавали етыми калечками!“ Іонъ и давай за еты калечки брязжеть, а яны цапъ яго етымъ ланцугомъ и давай кувать: „Куй, рибяты!“ крикнуу Саламонъ. Такъ яны узяли яго и закували, и таперь іонъ сядить закованый и усё грызеть етый ланцугъ. Какъ приходить праздникъ Христоу день, то астаетца яму грызь нямнога: чуть-чуть какъ ни пиригрызеть; но какъ и скажуть на Христоу день у церкви: — „Христосъ Васкреси! „То етытъ ланцугъ астаетца ипять на сваёмъ мѣсти: усе рауно, што грызеть, што и ни грызеть. Такъ яны и вышли изъ ада: Саламонъ, Ананія, Азарія и Мисаилъ; пришли у свае царства, стали яны па прежниму жить и заниматца сваими дилами, а гасударь стау имъ радъ, какъ сваимъ дитямъ. — Какъ пожили яны нямнога, и стала имъ заниматца нечимъ: вайска ихъ стала испрауна. Патомъ Саламонъ и гаворить на сваихъ братіу: Ананію, Азарію и Мисаила; — Што я хачу сдѣлать? пайду и пувидаюсь са сваёю родныю матирью! — (А ина жила съ нявѣрнымъ царемъ у чуждэй зямли). Яны и гаворють: — Да, ета бы було ня дурна! — Толька мы знаимъ, што табѣ аттуда живому ни

зваратитца.—А іонъ и гаворить.—Можить быть, я аттуда живой ни зварачусь; а можить быть яны живэя ни атстанутца!— И приказаў, штоба яго вайска стыяла на караули строга и диржали цѣпь вѣрна.—„А я съ сабою никакихъ припасыў ня буду брать,—толька вазьму адинъ ражокъ, бизъ каторыга я ни магу и аднаго часу быть“. И гаворить: „Сматритя жъ: какъ я первый разъ пратрублю то вы сабирайтися ў паходъ; другой разъ пратрублю, садитись на коній; третій разъ пратрублю, лятитя на каняхъ безатмѣнна, каситя па дароги ўсякую травинку, штоба нашъ пакосъ быў чистъ и штобы были ка мнѣ!“ Приказаўши ета, іонъ паѣхаў у чужоя царства, идѣ жіў нявѣрный царь са яго матушкаю родныю.—Черизъ нѣскалька ўремя приѣхаў іонъ туда: нявѣрныга царя дома нѣту, а застаў іонъ сваю мать и ящо нявѣрныга царя мать (ужу стариньку). Вотъ іонъ, якъ приѣхаў у дварецъ, такъ, никаму ни слова ни гаворя, пашоў пряма у комнату. Приходить іонъ у комнату и гаворить:— Зрастуй, драгацѣнная матушка! я ужу даўно сабираюсь къ вамъ у гости пріѣхать!—Ина и гаворить:—Миласти просимъ, мой любимый сыночикъ!... Патомъ и спрашіить: — „А гдѣ жа вашъ супругъ, ябы хатѣў зъ имъ павидатца?“ А ина гаворить:—Да паѣхаў куда-та у сваю вармію.—Патомъ ина и гаворить:—„А мой ты сыночикъ, якъ пріѣдить мой нявѣрный царь, іонъ тябе и зарубить“. Толька ина ета сказала, а іонъ стукъ и пріѣхаў. Ина и гаворить:—А Божа мой, куда мнѣ тябе дѣть?—Атварила ина бальшой сундукъ и гаворить:—Пализаў у сундукъ!— Патомъ етытъ нявѣрный царь уходить у комнату. Вотъ ина и спрашіить:—А што ты, ѣздилъ па разнымъ старанамъ ни слыхалъ ли ты пра Саламона?—А іонъ гаворить:—Да, ахъ, какой воинъ и багатырь, а какая у яго примудрысть!... А ина гаворить: „Да какой ни багатырь, какой ня вумный, а таперь падъ бабскую ж... ю сядить“. Какъ такъ? Можна жъ таму быть: такому вумнаму и папасть падъ бабскую ж..у?.... А ина гаворить:—такъ вотъ іонъ падамною, у сундуки сядить!“—Пакажи! Вотъ іонъ пасмотрить: — правда! Сичасъ тутъ яго закували ў залѣза и ни дають яму ни пить, ни ѣсть. День яго прадиржали и другей, а на третій день день яго вядуть на висилицу. Абступили яго вайска нявѣрныга царя, самъ царь идеть, мать яго идеть, и мать нявѣрныга царя идеть. Вотъ іонъ пиривярнуўся, узлянуў и гаворить на ету старушку: „пускай пяреднія

катки конь вязеть, а заднія чаво чортъ нясеть?“ А ина и гаворить на яго: „Ну, ступай, ужу, ступай, када пупаўся ў наши руки!“ Патомъ падводють яго къ висилицы, а тамъ питля ужу сдѣлана; іонъ и гаворить: „Пазвольтя, гаспада, што я вамъ буду гаворить! вы мнѣ дѣлайтя ящо двѣ пятли, а то я на аднэй ни пависну, Вотъ етытъ нявѣрный царь приказаў ящо сдѣлать двѣ пятли: патомъ и гаворить:—Ну, давольна съ табе будить.

— Да, давольна!—гаворить Саламонъ.—Ну, таперь палязай!—Вотъ іонъ палѣзъ. стаў на первую пятлю и гаварить;— Дайтя мнѣ, рибяты, у трубачку патрубить, атца зъ матирью пумянуть: вотъ мая жисть канчаитца!—Вотъ іонъ первый разъ пратрубіў—усё войска сбираитца; патомъ стаў на другую пятлю и гаворить:—Пазвольтя, гаспада, другей разъ патрубить, атца съ матушкую пумянуть: мыя тутъ жисть канчаитца!—Во пакуда была слава Саламонова!.. Вотъ іонъ другей разъ пратрубіў,— уси вайска яго на коній пасѣли, уси гатовы. Патомъ улѣзъ іонъ у третію пятлю и гаварить:—„Пазвольтя мнѣ, гаспада, у третій разъ пратрубить, атпа зъ матушкыю пумянуть: тутъ мия жисть канчаитца!.. Пратрубіў іонъ у третій разъ, какъ налятѣли яго войска, какъ начали паласкать, а іонъ ета ўсе видить. Патомъ и гаворить:—„Ахъ, нявѣрный, ты, царь, дуракъ, какъ ты многа сѣишь пшаницы, а убирать некаму,—лянисься!.. Пасматри ка назадъ, какъ мае голуби пшаницу падбирають, такъ што аднаго и зернушка ни брасають!“—Пасмотрить етытъ нявѣрный царь: тольки самъ, и яго мать, и яго любоўница, а то усѣ пабиты и пакошины, у кучи пасложины. Вотъ іонъ слязаить съ пятель, патомъ у адну пятлю залажіў сваю матушку, а ў другую нявѣрныга царя, а ў третію нявѣрныга царя матушку, матушку старуху и гаварить старухѣ:—„О табѣ гаваріў: пускай пяреднія катки конь вязеть,—да зачѣмъ чортъ заднія нясеть?—Вотъ и табѣ асталась адна питля!“—И ету павѣсіў. Патомъ самъ и паѣхаў у сваё царства, стаў жить да паживать, какъ и ў пяредъ жіў. Сколька не была у яго ўрагоў, усихъ іонъ пиряжіў и мать сваю павѣсіў; за то іонъ и проклятъ стаў: праўда гаворитца: пакорную галаву и мечъ ни бяреть.

№ 33.

Купецъ увозить прачку на караблѣ. Яе мужъ и сыны шукали яе, да разблудились па разнымъ вастравамъ.

Па случаю прачка съ купцомъ и радня яе сходютца умѣсти, купца къ разстрѣлу присудили.

Съ заграницы купецъ пріѣзжаеть къ портавому горыду, пасылаеть прикащика свайго атыскать харошую прачку бѣльлё пирямыть.

Прикащикъ пашолъ у горыдъ; показали яму харошую прачку. Онъ спугался той прачки: думалъ, што ета барыня какая или асоба: красавица изъ сябе. Приходить апять назадъ къ купцу и гаворить: „кала мине пасмѣялись вѣрна: паказали мнѣ прачку,— якъ пришолъ пасматрѣть на няё, ета ни прачка—ета какая ни на есть асоба разадѣтая“.—И гаварить хазяинъ прикащику: „ты дуракъ, атчаво ты ей ни сказалъ ета?—Харошая прачка“!

Пашолъ втарой разъ за ней и гаворить, пришоиши, ей:— Просить купецъ притить въ карабъ, забрать грязныя бяльлё, пирямыть и павыгладить.—Прачка идёть немедленна у карабль. Купецъ на яе красату и умъ улюбился въ няе, ана забрала все грязныя бяльлё, панесла дамой, пиримыла, перигладила и пасылаить свайво мужа: „пади въ карабъ, скажи купцу, што бяльлё гатова! Вотъ сколька деникъ заработала—пришлитя прикащикымъ, бяльлё получитя!“

Отъ и гавдрить мужу яе купецъ: „штоба принисла ў карабъ сама прачка!“ А када принесла ў карабъ, такъ началъ пирисматривать бяльлё, а рабочимъ приказалъ, штоба атправить карабъ у путь.—Расчиталась прачка за бяльлё и гавдрить:— благадарю, пращай!—Онъ ей атвичаеть, купецъ:—Куда жъ таперича, што мы ужъ далеко очень у пути. — А што жъ мнѣ таперь дѣлать?

— „А таперича будишь мыя, а я буду твой!“

Ина атвѣчаеть:—какъ жа мнѣ быть: у мяне астался мужъ и пара сынавей?

— „А таперича не бросисься у моря, — будишъ жить са мною!“ Приходить мужъ прачкимъ спрасить у сваихъ мальчишикъ:—а гдѣ жъ мать?—„Панесла у карабъ бяльлё.“ Онъ пашолъ на пристынь, пасматрйть: ужъ карабля нѣту, ужъ тамъ

и слѣдъ прастылъ, и жану увёзъ купецъ. Тагда онъ абратился апять въ горыдъ, нанялъ лёгкую шлюпку, забралъ сваихъ сынавей и 'тправился вслѣдъ за караблёмъ, штоба нагнать сваю жану. Аткуда ўзилася свирѣпая буря, волны, и разбили ево шлюпку и разблудилися на три острова: атецъ на адинъ острыў, и еты па разнымъ астравамъ.

Въ скорымъ времени ихъ нашли на астровахъ.

Прачкинъ мужъ думалъ, што сыновья ево пазалились, а сыновья думають, што онъ зался, и знайдены аны по разныхъ мѣстахъ.

Атецъ жа предѣлился въ царскымъ дварцы въ малую должность; сынавей знашомши, атдали ихъ въ салдаты, и ане друхъ друга ни знають; всѣ атчаиваютъ, думають адинъ пра другова, што тотъ залился, и тотъ залился,—и ане всѣ живы.

Черезъ нѣскалька время пріѣзжаить етытъ жа купецъ къ етыму горыду и съ жаною и съ прачкою.

Жена жъ яво пашла па горыду и атчаила: думала, што нѣтъ ни сыноў, нѣтъ ни мужа.

Саишлися два салдаты и начали межда сабою разгаваривать, а прачка у близи стыяла и паслышила. Салдаты гаварять: „здрастуй, зимлякъ! какова, зимлякъ, горыда?“—Я такова-то горыда.—„Атца жъ твайво чѣмъ звали?“—Вотъ тѣмъ-та.—„А мать“.—А мать вотъ тѣмъ звали.—„Ахъ братицъ, и майво атца тѣмъ звали и мать—мы съ табою братья!“

—А идѣ жъ нашъ атецъ?—„А, вѣрна, залился!“ А мать, ета паслыша разгаворъ, ублизи стыямши, и пришла къ нимъ, начала ихъ цалувать: „Ахъ, вы, мае сыночки, а гдѣ жъ ваши атецъ, а мой мужъ?“ Мы тада паѣхали въ легкый шлюпкѣ вдагонь за вами.—Купцу дали знать въ карабль, што твыя купчиха цалуитца, съ салдатами абнимаитца.

Купецъ, какъ прибѣжалъ, такъ яе въ уха ударилъ: „непатребная ты женщына, смѣла ты съ салдатами цулуватца и абниматца?“ Сейчасъ яе приказалъ пасадить и присудилъ яе къ разстрѣлу.

Толька и гаварять начальства:—Приказана тибе разстрялить.—Ана и гаварить:—„дапуститя мяне до царя!—ня то, што разстрѣлять,—тагда хучъ пу кувалку маё тѣла парубить!“ Дайшло ета дѣла да самаво царя, патребовалъ на лицо. Ана разсказала, што я невинна етыму, штобъ я чужихъ салдатъ

цалувала: а ета маи сынавья, а етытъ купецъ не мой мужъ: онъ мине увёзъ ничаянна—абманымъ,—мой мужъ вотъ такой-та.

Патребовалъ купца и атыскалъ яё мужа (онъ былъ при дварцы), и началъ спрашивать у купца: „ета твыя жина?

— Мыя.—Ана-шъ атыскала яе сынавей, каторыи въ салдаты атдадины.—Ета ти тваe сынывья?—Нѣтъ.—„Дакъ, какжа ета яе сынывья, а тваe ни сынывья?“ Значить, пы времени, патребовалъ прачкинава мужа и спрашиваеть: „тваe ета сынавья?“—Маи, такова-то горыда.—Какъ увёзъ купецъ жану, мы поплыли вслѣдъ за нею, и свирѣпая буря разбрасала насъ; мы не вѣрили адинъ адному, атчаивали, што мы пазаливши.

Патребовалъ онъ ету прачку, спрасилъ:—твой ли ета мужъ?— „мой, сынавья маи“.

Тада на етыга купца гаваритъ:—Што жъ ты ета сдѣлалъ, што ты разбилъ семейства беззаконна? Какъ ты судить къ разстрѣлу называющую сваею жаною, но ана ни нашлась твая жана, дакъ вотъ къ етыму присутствію самъ долженъ пулучить етытъ судъ.

№ 34.

Абъ Андреи Критскымъ.

Купецкій сынъ пущинъ бабкыю у карзинки па рякѣ, приплылъ къ женскыму манастырю, воспитанъ монашками, уйшоуши аттоль, забіу, на матки жаніуся. Матка узнала яго па шраму—развяли ихъ законымъ.

Жилъ купецъ са сваей жаной. Купчиха забреминила и мучилась родами и здѣлала ина абищанія: када Бохъ распрастаеть яе, родить ина—тады етыва рабенка, штоба йстратить.

Радила купчиха и приказала бабки, штобы рабенка зарѣзать, у карзинку палажить и пустить на ряку, а бабка яво пажалѣла, палажила на няво табличку съ надписью: „съ таковой та города пущинъ па рякѣ младенецъ“.

Младенецъ на вострывъ приплылъ. На вострыви былъ манастырь дявічій.

Манашки, мымши бяльлё, и паймали маладенца; узяли, начали васпитывать; васпитали да симнацыти лѣтъ; у манастырѣ аткрылся блудъ.

Яво съ манастыря прагнали. Іонъ пашолъ у етытъ самый

горыдъ, изъ которыва былъ пущинъ маладенцымъ ны ракѣ. Приходить къ самыму свайму атцу.

Атецъ яво ни знаить, што іонъ яму сынъ, наймаить яво калаурить саду и далъ яму ружжо:—„Вотъ табѣ ружжо".

И'тдалъ приказъ:

— „Два разъ спраси, хто такей у маимъ сади, а ў третій разъ, када іонъ ни твѣтить, валяй зъ ружжа на мой атвѣтъ".

Іонъ и пайшолъ, взямши ружжо, и калаурилъ саду нѣскальки начей, и захатѣлъ купецъ палюбапытствывать, яго сторыжъ ти вѣрна стирягеть садъ, и пайшолъ купецъ у садъ.

Работникъ кричить адинъ разъ: „хто такей?"

Іонъ другой разъ кричить: „Хто такей?"

Іонъ ни твѣтилъ ничаво; работникъ хазяина зъ ружья и забилъ. Такъ конецъ яму.

Застаетца работникъ жить у етымъ доми и съ приглашенія ближнихъ сусѣдіў, штоба етыва самыва работника принять у зити.

Жанились.

У снѣ, када іонъ былъ раздѣмши, жонка сощупала шарамъ на шыи (а ета бабка ужъ ризанула яго троху, а потэмъ адумалась).

Спрашіить: „Аткуда етытъ шрамъ?"

— А ета я ни знаю, а тольки я былъ у такимъ манастыри, у карзинки; мене тамъваcпитали, а посли атврылась ниприіятнысть у манастыри. Такъ мине аттеда прагнали,—и вотъ вамъ доказательства: и табличку нашли са мною.

— „Пакажи жъ ты мнѣ ету табличку.

Іонъ показалъ. Пасматрѝть купчиха, и дагодалась.

Развяли ихъ тада законымъ.

№ 35.

Ибъ Андреи Привазванным.

Мать младенцымъ яго, у бочку засадёмши, на моря пустила, патаму іонъ ища ва чреви матири абъявіу: атца забью, на матки жанюсь. Изъ бочки самъ Гаспоть яго спасъ и васпиталъ сваимъ духымъ. Атца па случаю забіў, на матири жаніуся. Стариньківі папокъ запираить яго у манастырь ли пакуты, ключъ у моря кидаить. Трицать лѣтъ апасля вымають ключъ изъ нутрà рыбы, атпирають Андрея—іонъ жіу. Разымъ са стариньким папкомъ пириставіуся.

Была жэнщина бременная на дняхъ.

Рабёныкъ у чреви яе прарячіў за троя сутыкъ, какъ яво радить: „Батьку убью, матку за сябе замужъ вазьму!" Ина

ета ужаснулась:—Чимъ-ся ты мяне будишъ бить — мяне няхто ня ўвидить, какъ я тябе паражу, ды на синее моря знясу!..

Якъ парадила, у бѣлую пялёнку увяртѣла саўсимъ, приходить къ морю: бочка стаить; ина и палажила яво у бочку, бочка поплыла съ нимъ у чужей край, у чужея земли.

Какъ пріѣхаў іонъ къ беригу, стаў іонъ маладецъ бальшой (самъ Гаспоть питаў яво своимъ духымъ и гадуваў и карміў).

Стали яво спрашивать у чужихъ зимляхъ, якъ твае йминня, чимъ радитиліў тваихъ завуть.

Якъ іонъ йминня свайго ня мохъ назвать, то акрястили яго законымъ.

Многа ли мала пражіў, саскучіўся на чужей старонки — пашоў искать сваго рода-племини.

Приходить снова къ морю, сѣў на судно и паѣхаў; пріизжаить у сваю землю, пріѣхыў, аявіўся, Бохъ знаеть якей и аткуля, приставили яго стяречъ къ лугамъ, къ зямли. Тутатька данясли барину (а у етыга барина такей пріугродный садъ). Іонъ призываить яго къ сабѣ. Мужички яму данясли, што игдѣ бъ іонъ ни хадилъ, у нево нѣтъ пабою ни якыхъ лугоў, хлѣба, а іонъ можить вамъ садъ сберечъ. Призываить яго къ сибѣ: „какъ ваша имя, атечества?“—Я Андрей Привозванный.— „Ну Андрей Привозванный, наймётись вы у мяне саду бяречъ?“— Са ўсѣмъ удавольствымъ, баринъ.— „Сбирягёте жъ вы мнѣ яго?“— Атчаво жъ? На то я станавлюсь, штоба сбяречъ. „Дамъ тебѣ ружьё двухъ-стольныя; хто толька на яблынь ету дарагую узыйдеть, то и бей! Разъ спраси, хто такой, и другой разъ спраси, хто такой; если жъ іонъ табѣ не скажетца, то за третимъ разымъ бей, хто ба толька ня быў!“ За третьимъ разымъ бахъ и забіў яго; Іонъ и зваліўся съ яблынки: забилъ. Ну, назаўтрига абъявіў, што забіў челавѣка, — а матерь яво жила у етыхъ гаспöдъ. Гаспада имянистыя, а матирь хараша, и у етыга барина живеть, а батьку схували.

„Звинчать съ естыю женщиныю етыга парня!“ Звинчали, лягли на лажницу,—такъ ина сійчасъ щупъ, щупъ (а какъ палажили яго ў бокау, са ўсею хутрыю, ни бабленага)— ина яго щупъ, щупъ, защупала: „Ахъ, душичка, што у тябе ета такоя на живатѣ?“ А іонъ и гаворить: „какъ мать мяне парадила, такъ и снесла на мыря ни бабленыга и ни абмыван-

ныга“. Такъ ина тады уздумала: „А я яго мать, а ты мой сынъ!...“ Съ лажницы далоў—далъ Богъ свѣтъ—за священникомъ! якую пакуту накидывать. Священникъ пришоў, ня мохъ распалажить: ни накинуў имъ пакуту ни якую, яны за другимъ священникымъ, и тэй ня мохъ яму ни якей пакуты накинуть. А быў старенькій папокъ, іонъ ужу атъ службы далоў: и старъ, пристаръ;—такъ іонъ гаворитъ: „я желаю етыга священника: тэй мнѣ пакуту якую наложить.“ Атыскали таго священника, старенькага батюшку: „я такъ и такъ саграшіў. Якую вы мнѣ пакуту пакинитя?“—Матери тваей хадить па намыстыряхъ Богу малитца, пакуда яе Бохъ прибяреть, а васъ—іость падъ саборымъ каплица... Такъ іонъ яго узяў, да ў каплицу тую павёў, паставіў яму столикъ, образъ, свячу бальшую, палажіў яму книгу, запечатывалъ яго Богу малитца на тридцать лѣтъ. Тады шолъ кала ряки и укинулъ у ряку ключики, што печатывалъ тую каплицу. — Іонъ тамъ Богу малитца, а батюшка жіў, и дужа ужу батюшка старъ. Выходять годы яму тридцать лѣтъ. Тэй батюшка стаў слабъ, и захатѣлась яму рыбы при жіўности, штоба рыбы мнѣ налавили сичасъ рыбаловы. Пашли, паймали бальшую щуку. Сичасъ ету патрашить щуку; сичасъ патрашили яе, нашли ключики, што укинуў ў рѣку батюшка. Такъ онъ тады батюшка уздумаў: „ахъ, у мяне страдникъ нѣкій страдаить,—Богу молитца“. Такъ іонъ сейчасъ: „вядитя мяне къ кельни, къ каплицы тэй!“ Сейчасъ пувяли яго. Какъ атпечатываў тую каплицу, слова якъ тады: и свѣча гарить, и книга ляжить, и іонъ Богу молитца.—„Ахъ, Андрей Привазванный, ти ни прадоўжіў я время?“ А іонъ гаворить: „нѣ, батюшка. Сколька вы на мяне налажили пакуты, столька я и пакутываў: маліўся Богу.“ Аны зъ имъ распрастились. Андрей и батюшка такъ яны и переставились. Андрей переставился у тэй кельны, тамъ яго мощи ў залатымъ гроби, и матка переставилась.

Ета скора намъ сказать, а тридцать лѣтъ не пальцымъ пирикивать.

№ 36.

О купчихѣ, пустившей по обѣщанію сына своего на воду.

Купчиха пу обищанію пустила сваиго сына на ваду у ящики. Дякынъ знайшоў яго, васпитаў са сваимъ сыныиъ. Ушоў

атъ дякына и па случаю жаніўся съ маткыю; дѣла аткрылась; и уйшоў іонъ у манастырь, тамъ быў запиртъ, пакаль ключъ атъ кельни, укинутый у моря, изъ рыбы вынили. Здѣлали яго патріярхымъ. Пувидаўся зъ маткыю — и вабоя жить разымъ кончили.

Была у адномъ гаради: купчиха трудилась радами цѣльную нядѣлю. Здѣлала абищанія пиридъ Богымъ:— „Распластай мине! Госпыди: етыва рабенка акрящу и пущу на ваду у ящикъ и палажу яму дли примѣты табличку съ подписью.“

Радила купчиха. Абмыли, пирикрястили рабенка, палажили у ящикъ, а съ нимъ и табличку съ подписью и пустили на вазморьи, іонъ и паплыў.

Близъ моря была сяло; у тѣмъ сялѣ быў дьяканъ ахотникъ рыбу лавить и паймаў младенца въ ящику на вазморьи и узяў етыва маладенца. Узрадуваўся: — „Слава Богу! у мине дятей нѣту—мнѣ Бохъ пасла ў!“

Начаў питать. У скорымъ времени и дьяканица радила, и у яво ужъ здѣлалась пара мальчикыў, и іонъваспитываў обихъ—усе раўно, якъ сваихъ дятей;—росъ собственный дитёныкъ, съ найдиннымъ.

Павырысли да дисяти лѣтъ. Начаў атецъ обихъ грамати учить. Обихъ грамыти панаўчіў, тольки знайденышъ етый байчѣя читаить и пишить, а сынъ яво пахужій.

И назваў яво сынъ етыва знайдёна: — „выблюдыкъ ты!“

Іонъ, ишомши са школы, сказаў ета, а ужъ яны панаўчились парядашня. Найденъ, пришомши дамой, и расплакаўся.

— „Батюшка, за што іонъ мине называить выблюдкымъ! Іонъ, кажитца, мнѣ братъ—я такъ палагаю.“

Дьякынъ атвичаить:—„Усё равно: я щитаю тябе за сына пу васпитанію: я тибе нашоў на вазморьи у ящику малинькыва и васпитываў.“

Абидіўся на атца дьякына, што іонъ знайдёнъ — стаў праситца у дьякана:—„Батюшка атецъ-дьякынъ, благаслави мяне и атпусти мине: а то мнѣ совѣстна ета слышить, што мине сынокъ вашъ радный называить выблюдкымъ.“

Онъ яво благаславіў и наградіў, чѣмъ мохъ, и атпустіў: „Пращай, мой сынъ! хучъ ты и знайдёнъ, но я тибе жалѣю; идѣ ня будишъ, папомни аба мнѣ.“

Онъ гаварить, знайдёнъ, атцу—дякану: „Хушъ ты мине и

ни радіў и нашоў мине на вазморьи малиньвава и васпи талъ—я васъ да вѣку никада ни забуду; благадарю васъ—и пращайтя!“

И пашоў путемъ-дарогый и пряма пришоў у тотъ горыдъ, съ каторыва пущенъ у ящику, у етымъ жа горыди нашоў сибѣ должныстъ у купца, наніўся у прикащики тыргувать у лаўки, и етыва ни знаить купецъ, што ета къ яму пришоў сынъ, а сынъ ни знаить, што етытъ купецъ, каторый нанялъ ево у прикащики, яво атецъ. Нѣскальки пражіў, тыргуваў у лаўки.

Купецъ пажимши помиръ. Пришомши сасѣди купчихи купцы гаворють:—„Тибѣ такъ, купчиха, ни пражить вѣкъ, а етытъ, каторый у васъ прикащикъ, хушъ іонъ и млажи васъ, да челавѣкъ вумный.“

Пу приглашенію купечества, принила купчиха къ сибѣ у зяти. Ажанились. Нѣскалька время іонъ имѣў сибѣ асобенную комнату, и спальня тамъ была у яво, и іонъ жіў съ жаною, можить, палмѣсица и къ жанѣ ни ютіўся.

Какъ придётъ исъ лаўки, павужинаить, и тады у въ асобенную комнатку и читаить книжку бажественную или исторіи какіи.

Купчиха за етымъ слѣдывала, пачаму онъ такъ, маладой мужъ, и ня ютитца ка мнѣ—асобинна спить. Купчиха пришла у комнату, схватила яво за шыю: онъ атъ няе атарваўся, и захватила ана—у маладова мужа табличка была на шыи, табличка съ подписью. Онъ атъ няё ушоў, а табличка атсталася у купчихи въ рукахъ. И тада іонъ ходу, ни паказаўся купчихи на глазы и пашоў путемъ-дарогый. Пасматрѣла ета купчиха каторыю съ шыи сарвала табличку съ подписью, пасматрить: та табличка самая, якую ина на сына палажила дый приказала пустить въ ящикъ на вазморье.

И тада купчиха ужаснулась и адумалась: „Што такоя ета значить, што я съ сваимъ сынымъ пиривинчалася?“

И начала хадить малитца къ священникамъ, къ святымъ мащамъ, къ митрыпалитамъ, раскаивалась, а іонъ жа яе мужъ (а іонъ находитца ей сынъ) абратіўся съ етыва горыда и пашоў у тотъ горыдъ, идѣ іонъ знайденъ и къ таму дьякану, каторый яво паймаў на вазморьи и успитаў и научіў.

Пришоў къ дьякану и сказаў: „Батюшка, ни знаитя ль на мыри острыва такова?“

Іонъ и сказаў:—знаю.

— „Атвези мине на лотки на той острыў!“

Іонъ яво павёзъ на тотъ острыў, привезъ іонъ, на острыви астанавіўся и начаў сибѣ строить кельню.

Выстрыіў, атцу сказалъ: „тиризъ столька урема пріизжай ка мнѣ на острыў и замокъ привязи“.

Дьякынъ паѣхаў къ няму и замокъ звёзъ и замкнуў ево кельню; тада онъ яму сказаў: „Батюшка, забрось-жа и ключъ у моря!“

И стаў іонъ тамъ малитца Богу, маліўся триддать лѣтъ.

У старымъ Русалими патріархъ жисть кончіў.

И тамъ, у Русалими, іость знающій народъ, съ чуствіемъ: па ланкарту узнали, што іость у етый старанѣ, іость угодный, дастойный чилавѣкъ, и можить іонъ паступить въ Русалимъ у патріархи. И када пашли изъ Русалима сы святыми у ету старану и пришли у етытъ горыдъ, агдѣ дьякынъ затворіў знайдёна, и спрашіють: „Не слыхали ли: іость пустынникъ — спасаитца здѣсь?“

Гаворять житили: „Ни знаимъ мы: живемъ паблйжія, а ни знаимъ. У атца дьякона извольтя спрасить!“

У дьякона спрашіють: „Ни знаитя ли атецъ-дьякынъ такова чилавѣка?“

Таперь тольки дьякынъ и ўспомніў абъ ёмъ, што замкнў яво, а ключъ у моря бросіў. И паѣхылъ дьякынъ на возморья ловить рыбу и паймаў рыбину парядышную, привезъ дамой; дьякыница начала чистить и нашла у етый рыби ключъ; гаварить дьякыну: „Я ключъ нашла у рыби“.

Тада дьякынъ успомніў, што іонъ яво атвазіў на острыў и наказаў етымъ людёмъ, што изъ Русалиму пришли за имъ. И тправилися на етытъ вострыў са службыю, и іонъ зъ ими пашоў и тправіўся въ Русалимъ.

Въ Русалимъ пришоў, паступіў патріархымъ на мѣста, нѣскалька служіў, а мать яво усигда малилася Богу, хадила ка ўсѣмъ угодникамъ—и толька нихто ня мохъ етытъ грѣхъ разсудить.

Мать и думыить: „Таперича пайду у монастырь къ патріарху, када тотъ мяне разсудить, мой грѣхъ“.

Атправилась у Русалимъ, приходить у Русалимъ, за нѣскальки гадоў пришла спавѣдыватци къ патріярху.

— Свѣтлыя ваша просвѣщенія, разсудитя вы мнѣ етитъ грѣхъ! Мучилыся я радами и здѣлала абищанія, штоба рабенка етыва пустить на воду. Етыва рабенка приказала акрястить и табличку на яво палажить съ подписью и на ваду пустить. Тирязъ нѣскольки уремя, тиризъ двацыть лѣтъ, ивіўся ка мнѣ чилавѣкъ маладой и былъ у прикащикахъ у майво мужа.

Мужъ мой помиръ.

Пригласили сасѣди—купечиства, штоба мнѣ прикащика принять къ сабѣ у зити. Такъ и сполнилась. И када іонъ жіў пиривинчамши са мною у асобенный комнатки, маладой мой мужъ ка мнѣ ни ютіўся нѣскальки уремя. Я пашла къ яму, узила яго за шію—и табличка, каторыю я клала, засталася у рукахъ маихъ, раздумала: іонъ сынъ мнѣ радной.

Тада патріярхъ разслушаў и узяў за шію: „Ты мая мать, а я твой сынъ“.

Абнялись, ударились абъ зимлю и жисть коньчили.

№ 37.

У кожныга чилавѣка три матири.

У каждаго человѣка три матери: мать родна и двѣ великихъ матери: мать—сыра земля и Мать Богородица.

Дьяволъ „змустилъ“ одного человѣка: человѣкъ тотъ убилъ отца, а на матери женился.

Съ тѣхъ поръ и началъ человѣкъ ругаться, упоминая въ брани имя матери, съ тѣхъ поръ пошла по землѣ эта распута.

№ 38.

Происхожденіе кукушки.

(Село Хохлово Смоленскаго уѣзда).

Отчего кукушка жалобно кричитъ: Каптуръ, Каптуръ! Козни лютыхъ братьевъ противъ брата; скорбь вдовы.

Жилъ нѣкто Каптуръ съ своими младшими братьями.

Женившись, противъ желанія своихъ братьевъ, на страстно любимой имъ дѣвушкѣ, Каптуръ поселился на родинѣ своей жены, на берегу моря.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ брака, приглашенный своими братьями въ гости, Каптуръ былъ убитъ ими на пути. Жена долго дожидалась Каптура,—наконецъ узнаетъ, что онъ убитъ родными же братьями.

Такъ она была опечалена его смертью, что съ горя превратилась въ кукушку—и, съ тѣхъ поръ еще, всё перелётываетъ съ сучка на сучокъ, съ деревца на деревцо, все ищетъ своего супруга, всё понапрасну кличетъ его: „Каптуръ, Каптуръ!“...

№ 39.

О происхожденіи кукушки.

(Бердибяки Е. у.).

Была жэнщина, а у яе двоя дѣтыкъ: сынъ Максимъ, а дочка Анюшка.

И патиряли дѣти залатыя ключи итъ сундука;—яны играли ими и куды-та забросили.

Мать сѣкла дятей прутымъ, дапрашивала дятей, идѣ ключи.

Патэмъ, када мать силна узяла серца, праклàла: Ты, сынъ, лятя у свѣтъ салаўёмъ, ты, дачушка, будь какўшка!..

Потэмъ, мать знайшла ключи и узжалилась надъ дятьми, узжалилась дачушки и сына — и заўжда наказынить дачушки: „Анюшка—дачушка—какушка, варатися, да гукай свайго братчика, салавейку-Максимку,—нихай и іонъ дамой лятить!“

Дачушка, какушка, съ тыхъ поръ и гукаить свайго брата. сылавейку:

Мāк—сймъ, вяр—нйсь:
Клю̄—чй, знаӣ—шлйсь!

№ 40.

Происхожденіе соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убійство нелюбаго зятя.

Жила мать съ дочерью. Дочь вышла замужъ за лѣсничаго противъ воли матери; — оттого волшебница-мать не взлюбила зятя и рѣшилась извести его въ что бы то ни стало.

Лѣсничиха поселилась съ мужемъ за болотною рѣчкой, пе-

реходомъ служилъ мостикъ, тщательно скрываемый отъ колдуньи. Между прочимъ и своимъ маленькимъ дѣтямъ: сыну и дочкѣ, лѣсничиха приказала строго не обмолвиться бабушкѣ, не смотря на всѣ ея разспросы.

Однажды лѣсничаго и лѣсничихи не было дома, а дѣтки ихъ играли на песку, передъ хижинкой. Приходитъ бабушка, внучатъ обласкала.

„Гдѣ это вашъ отецъ переходитъ рѣчку?“ — спросила она какъ бы невзначай.

Внучекъ молчалъ, а досужая внучка свела бабушку къ заповѣдному мостику.

Вернувшись вечеромъ и не видя мужа дома въ урочное время, лѣсничиха узнаётъ отъ сына, что безъ нея приходила бабушка и вызнала тайну у сестры.

Она спѣшитъ къ мостику и видитъ тамъ трупъ Якуба (имя мужа), зарѣзаннаго матерью.

Въ порывѣ гнѣва и отчаянія лѣсничиха изрекаетъ проклятіе на самоё себя и на своихъ дѣтей:

— „Ты, мой дорогой сыночекъ, будь соловьёчекъ, я буду кукушка, а ты, дочушка,—ты погубила отца—будь ты поганая лягушка, чтобъ на тебя люди плевали—харкали, полѣньемъ—роженьемъ швирьгали—бросали!...“

И съ тѣхъ поръ сынъ лѣсничихи—соловей — поетъ въ рощахъ и болотныхъ тростникахъ, дочь—лягушка квохчетъ отвратительно въ болотахъ, служа предметомъ презрѣнія и ненависти людей, а сама печальная, безъутѣшная мать—кукушка—порхаетъ по рощамъ, возлѣ болотъ, ищетъ супруга, жалобно кличетъ его по имени:—„Якубъ, Якубъ!...“

№ 41.

Якъ сокылъ, и кукушка, и другіи пташки супрати Кука ваювались, што, на трехъ дубахъ сѣдючи, примножества птицъ пажиралъ.

Кукъ сидѣлъ на трёхъ дубахъ и пажиралъ примножества птицъ. Птицы всѣ сагламалися, какъ бы етыва Кука убить. Сабирали всѣхъ птицъ и думали, када онъ спить.

Здѣлали абѣщаніе: каторая птица узнаить, дакъ штобъ ина гнизда ни вила и дятей ни кармила.

Сагласилася кукушка:—„Я узнаю, када Кукъ будить спать, ... какъ я кукну, такъ штоба былъ сокылъ гатдў!“

Какъ какнула, сокылъ яво, Кука, и убилъ, и птицы атсталися усѣ давольны: пиристалъ іонъ ихъ пажирать, и кукушка дѣла спблнила.

№ 42.

Якъ варона ястриба вывила. Съ якихъ поръ варона кричить: урода, урода...

Снесъ ястрибъ у вароньимъ гняздў яйцо.

Варона и вывила, и пасматрить ана, што дитеныкъ ни яе, када іонъ саўсимъ ужъ адўжилъ, удіўляитца, што ета за урода такая.

Принисла чарвей кармить яго, а іонъ варону кахтями за нысъ. Магла толька вырватца, сѣла на дерева и закричѣла: „урбда, урбда!...“

А истрябеныкъ атвичаить:—„Ета наша такая парода!...“

№ 43.

Абъ лягушки.

Ништб на свѣти ни пагана. Якъ Бохъ мужика, зàмистъ куриныхъ, лягушкиными яечками, ажно атъ вясны да самыга Ильли, пракарміў.

Ишоў старичокъ—ня ўздоліить; идеть старикъ яму на сустрѣчу:

— „Здрастуй, батюшка!“

— Здрастуй!

— „Што ты знать низдароў?“

— Стащаў: хачу ѣсь да смерти—зъѣў-ба Бохъ вѣдаить што!

— „Ну, што жъ табѣ яечка бъ зъѣсь?“

— Яечка бъ я зъѣў су ўсею радысью.

— „Ну, таперь жа висна—можна дыстать атъ каго нибуть—курычку пупрасить“.

— Батюшка ты мой, галубчикъ, хто мнѣ дасть бѣдныму? Вить багатыму дають за што нибуть, а мнѣ дать нечига.

— „Пайдёмъ са мною: я табѣ курачку дамъ, кали нихто табѣ ни даеть“.

— Дай, батюшка,—здѣлый милысть: я самъ табѣ услужу;—атвяди ты маю душухну!

Сичасъ приходють къ дому; узяў сажуўся, курычку пыймаў:

— „Ну, на—няси, питайся ею;—будить съ тябе!“

— Ти нясетца жъ ина?

— „Ина у сутки будить нясти па 2 яечки — съ тябе и давольна. А тады ужу дяржи, пакуль нада будить табѣ.

А паспѣить усякій хлѣбушка, адўжіишъ, дасть Гаспоть—приняси назатъ; тольки гляди, атдай!“

— Атдамъ, атдамъ, батюшка — дай, Госпыди, табѣ здароўика за ета—и чаго ты атъ Бога жилаишъ...

Ну, курычка знясеть яечка у ранни и вечири — и сытна яму; такъ и здаровитца яму.

Усѐ питаўся, питаўся, тыми яечками—паздаравѣў; даждаўся Ильли и панесъ назадъ курачку, думаить самъ сѐби:

— „Дай Бохъ здароўика яму за то, старику тому!“

Нясеть, а чилавѣкъ дажидаитца ли дому. Тады пришолъ:

— Здрастуй, батюшка! на тваю курачку. Спасиба табѣ: атобъ я галодныю смертью памѐръ, кали бъ ня ты—благадарю я тябе“.

Іонъ бяреть, благадарить. Якъ узяў на руки—Кить;—ина заскакала—лягушка, якъ засквар̀тца, якъ засквяр̀тца...

— Ахъ, батюшка, што жъ ты ета здѣлаў? Ты жъ маю душухну апаганіў!...

„Чимъ жа я апаганіў? Вить жа кушалъ яечки — хараши были. Ета, милый, усѐ Гасподня сазданія, — ета атъ Бога паказана, чимъ питаитца... Вить жа ты видишъ: ета курычка, ина прыгаить, вонъ пабѣгла“...

(Гаспоть яво утишаить, што ина пабѣгла)...

— Нѣ, нѣ, нѣ! ну, благодарю тябе усѐтаки, што ты мине выпитаў. Пращивай...

Съ естымъ пашоў.

№ 44.

Якъ мужикъ багатый тараканоў спекъ и зжіўся, потэмъ за ихъ бальшея деньги атдаў.

Бохъ усимъ хатить добра, а совисть на палавину.
Усякыя дыханія да хвалить Госпада Бога!

Нѣўкаторымъ то сялѣ жіў быў мужикъ багатый, багатства іонъ имѣў бальшоя: атдаваў деньгіў займу ку-

цамъ. Потэмъ яго заѣли было саўсимъ пруссы и тараканы у хати.

Што дѣлать зъ ими? Стаў строить сабѣ новый дворъ, выстрыіў дворъ новый. Пириходить у тэй дворъ, и атстаўся у старымъ доми адинъ самъ начувать. Заходить къ яму старичекъ праситца на нычъ.

— „Ехъ, батюшка, идитя начувать у мой новый домъ!"

— Атчаво у новый домъ?—Мы будимъ начувать у старымъ.

— „А я са старыга саўсѣмъ вышіў у новый".

— А пачаму такъ вышіў?

— „А патаму вышіў, што мине гадось такая кусала, падобія".

— А што ты зъ ею хатишъ здѣлать?

— „Спалю етый домъ сичасъ".

— Нѣтъ, молыдицъ, ни пали да заўтрива.

Назаўтрива устають—ни пруссоў, ни тараканоў нѣтути.

Старикъ гаворить:

„Ты съ тварью Гасподнію ни захатѣў жить—аставайся жить адинъ!"...

Мужикъ и спрашіить старика:

„Идѣ жъ ети пруссы дѣлись и тараканы?

А иди—пасматри у пчильникъ у старымъ ульли бязъ пчолъ!"

Пришоў мужикъ у пчальникъ. Атваріў уль, пасматрить: тамъ пруссы, тараканы—повинъ уль.

Іонъ тада на стариковымъ ня здѣлаў: узяў на сваёмъ сдѣлаў. Узяў куль саломы и зжёгъ етый уль и съ пчилами и съ тараканами.

Апосли етыга стаў бяднѣть и збяднѣў да таво, што куска хлѣба ня мѣить.

Зайшоў ипять старикъ къ яму на нычъ.

Стаў свайму старику путешествія разсказывать.

„Упиредъ я жіў багата, имѣў усяго многа—таперича куска хлѣба ни имѣю".

— Ну, што жъ таперича зъ етымъ дѣлать? Што таперича деняхъ займешъ ли идѣ?

— „Нѣтъ, я купцамъ упярёдъ даваў—таперича мнѣ даўжны дать".

— Ну, када дадуть—иди займи рублей пятьсотъ.

А у сусѣдки-салдатки была пруссоў многа.

— „Иди схади у сасѣдки пруссоў пару вазьми!“
Вотъ іонъ и пашоў, сѣў у сусѣдки.
— „Кума, я пришаў ни гулять“.
— А што жъ ты, кумъ, пришоў?
„Прадай ка мнѣ пару прусоў!“
Кума у шуткахъ и гаворить:
„Купи!“
— А што жъ табѣ за ихъ?
— „А триста рублей“.
— Ну, кума, лави!

Паймаў пруссоў и атдаеть ихъ. Іонъ выніў триста рублей и атдаў кумѣ.

— А, ну, кумъ, што ты шутишъ? я смиялася: я тибѣ хутъ десить паръ дармà дамъ.

Тада мужикъ принёсъ дамой, пустилъ у новую хату—съ тôга урѐми стаў багатить, зажіў ипять денихъ стольки, скольки была.

№ 45.

Происхожденіе ячменя и рака. Асотъ да либида—чортава ида.

Чортъ сдѣлалъ ячменя и сдѣлалъ рака и ни зналъ, якъ назвать ихъ. Гаспоть имъ имя даў „ячмень и ракъ“ и сказаў: „етă будить христіяньскій прôпитъ, а табѣ, чортъ, „асотъ да либида, чортава ида“.

№ 46.

Не пчелы убиваютъ трутней, а „посѣкаетъ“ ихъ матка.

По мнѣнію крестьянъ, не пчелы убиваютъ трутней, а убиваетъ „посѣкаетъ“ ихъ матка; при чомъ трутни не сопротивляются царицѣ пчолъ, а жалобно плачутъ: „Матушка, ни сяки мяне!“...

№ 47.

Атчаво ета слиза котитца изъ глаза, якъ табакъ нюхаимъ? Па чортавый матки плачимъ.

Хто курить и сплевываить—харашо дѣлаить: на чортаву матку сплёвываить

У нячистыга духа была матка. Када ина здохла, то некаму была па ней пуплакать.

Чортъ вотъ што здѣлаў: табаки натёръ, у табакерку усыпаў и говǒрить: „Хто будить нюхать табакъ, то у таго пайдѐть слиза изъ глазъ: усёжъ пуплачить пу маей матки“. Бохъ, якъ объ етымъ дазнаўся, саздаў кисетъ и трубку: хто будить курить трубку, будить пливать на чортыву матку.

И, дяйствитильна, таперь хто нюхаить табакъ, у тога слиза котитца — абъ чортывый матки плачить тэй; ну, хто курить и сплёвываить—на чортову матку тэй сплёвываить.

№ 48.

Якъ Никола съ Пятромъ научились у чорта вотку гнать.

Ишоў Бохъ са святыми па зачатіи свѣту; видють яны, што кўритца агонекъ.

Бохъ и пасылаить Николу съ Пятромъ паглядѣть, што ета такоя.

Пришли, сматрять: чортъ вотку гонить.

— Хатитя—паспробуйтя!

Поднесъ имъ вотычки изъ жалудовый чашички.

Спадабалась—выпили па другей.

Хорошая вотычка была у черта заматались святэя, тольки што бадрятца, усы свае приглажіють.

Пришли къ Богу, хуть и ни гаварять, што аткушали троху чортавый вотычки, ну, Гаспоть ета харашо знаить.

— „Чортъ вотку гонить“.

— Ну, ладна! Идитя сабѣ къ яму, пахмялитись.

Пахмялились. Назатъ къ Богу идуть ужу бодра, весила; панаўчились, якъ вотку гнать и кажуть:

— „Устроимъ и мы такую штуку, якъ чортъ, штобъ вотку гнать“.

№ 49.

Чортъ съ жидымъ перва уздумаў вотку гнать изъ жалуда. Атчаго ёлка и сасонка зиму и лѣта зиляненьки. Микола заўжда чорту и жиду даўжонъ.

(Бердибяки Е. у.).

Ишоў Бохъ и замѣтіў: дымъ идеть. Бохъ паслаў Миколу:

— „Схади пасматри, што ета такоя дымъ идеть!“

Микола пайшоу, видить, што чортъ гонить вотку изъ жалудà и умѣсти и зъ жидымъ, и жида іонъ приняў таргувать воткыю.

Тады Микола пупрасіў вотки накушать, а яны спрасили: „Ти іось у тябе деньги?“

— Я ишоў такъ, бязъ денихъ, и зъ Богымъ; мяне Бохъ паслаў пасматрѣть, што вы ета такоя рабитё.

— „Кали жъ ты намъ атдаси деньги?“

— Атдамъ я вамъ деньги ни ў забаўки, сиряди лѣта, кады листъ пасыплитца зъ ёлки и сасонки.

Яны на ета сагласились и пòчали дажидать, якъ листъ пасыплитца.

Микола пришоў къ Богу, а Бохъ яго спрашіить:

— Што ты тамъ доўга забавіўся?

— „Госпыди, глядѣў, якъ чортъ зъ жидымъ вотку гонить. да и самъ ня вѣдаю, якъ тутъ быть: узяў я у ихъ шкаликъ гарѣлки, а грошій у мяне нѣтути, абищаўся жъ я имъ доўгъ атдать, якъ пасыплитца листъ зъ ёлки и сасонки“.

Тады Бохъ такъ сатваріў, што листъ на ёлки и сасонки заўсягды̀ застаетца цѣлъ, а Микола усё жъ даўжонъ чорту и жиду.

№ 50.

Пьяница, исполняя приказаніе чертей, жаритъ въ аду души грѣшниковъ; освобождаетъ души за чарку горѣлки; черти прогоняютъ пьяницу изъ ада.

Пьяница попаў у пекла. Черти дали яму варить у катлѣ триста душъ.

Но за етыхъ душъ на тымъ свѣти усерна малились ихъ сродствинники.

Приходить къ пьяницы ангилъ за тыми душàми:

— „Атдай мнѣ ётыя триста душъ!“.

Пьяница ни ’тдаеть.

Ангилъ дагадаўся, што пьяницы нужна. Тиризъ нѣскальки урѐми приносить пьяницы палуштохъ гарѣлки.

Пьяница узяў атъ ангила вотку и давай яе цадить глатокъ за глаткомъ, — апьянѣў и выпустіў ангилу изъ катла триста грѣшныхъ душъ.

Приходють черти, пасматрять—душъ нѣтъ.

— Идѣ души?

Спрашіють у пьяницы.

— Идѣ души, што мы варить приказывали?

Пьяница маўчить (іонъ ужу атказывать ни магить), тольки палецъ къ рȏту падносить, идѣ души паказыить.

Черти панапужались:

— „Ахъ, абжора! у якихъ нибудь два часа слопалъ триста душъ, да іонъ увесь адъ спусташйть, ни днаго грѣшника намъ на мученія ни зȃставить. Ганитя яго вонъ!“

Патурйли изъ ада. Дѣватца ему нейди—пустили яго у рай.

№ 51.

Пьяница въ рай попадаетъ. Переговоры пьяницы съ апостолами: Петромъ, Павломъ и Іоанномъ.

Приходить пьяница къ чарству нябесныму и у дверь стучить: „Аттваритя!“...

У апостыла Питра ключи атъ чарства нябесныга; такъ іонъ слышить стукъ, падходить къ двирямъ:

— Хто здѣсь?

— „Да я“.

— Хто жъ ты?

— „Да пьяница“.

— Пусти мине у чарства нябесныя!

— „Ну, здѣсь пьяницъ нѣтъ—нильзя!“

— А ты хто, што мяне ни пускаишъ?

— „Я апостылъ Петръ!“

— Я знаю тябе: ета тэй, што атъ Христа атрикаўся, ня ўспѣў пятухъ три раза пропѣть, а таперь ты у милысти у Бога. А я, хуть и пьяница, а Христа не забывȃю: када пупадетца рюмачка вотки, то гаварю:

— „Господи благослави!“

А атъ Христа я ни разу ни атрикаўся, якъ ты.

Я усё, братъ, знаю.

Нечива гаварить Пятру супрати етыга, назатъ варатіўся. падышоў къ Паўлу:

— Иди, Павилъ, пагавари ты зъ имъ!

Подходить Павилъ къ двирямъ.

— „Хто здѣсь?“

— Я пьяница; пусти мяне у чарства нябесныя!

— „Здѣся пьяницъ ни примають“.

— А ты хто, што мине ня хочишъ пустить?

— „Я апостылъ Павилъ“.

— А, Павилъ! Знаю: ета тэй самый, што гнаў за Христа атъ Ирусалима да Дамаска; а таперь ты у яго у милысти! А я жъ никада Христа ни гнаў, а, када придетца рюмычка вотки, то сичасъ: „Госпыди, благаслави!“ А ни гнаў Христа па твойму.

Нѐчига атвичать Паўлу проти етыга; варатіўся назадъ и разсказаў Пятру пра ўсё.

Гаворить Петръ:

— „Ну, пашлемъ Ивангялиста Іоанна: іонъ атъ Христа ни разу ни атрикаўся — пусть ка зъ имъ пагавòрить?“

Падходить къ двирямъ Іоаннъ:

— Хто здѣсь?

— „Я, пьяница; пуститя мине у царства нябесныя!“

— А ты пьяница и яще просисься! такихъ сюда ни примають.

— „А ты хто такей, што ня хочишъ мине впустить?“

— Я Ивангилистъ Іоаннъ!

— „А ты Ивангилистъ! Зачѣмъ жа вы абманыитя люде?! вы написали въ Ивангиліи: стучитя — и атворють вамъ; праситя — и палучитя! Разви ета ни абманъ?! Я часа два стаю и стучу, а инѣ ни 'ттваряють. Если ты мяне ня ўпустишъ у царства нябесныя сейчасъ жа, то я варачусь на бѣлый свѣтъ и разскажу людямъ, што вы написали въ Ивангиліи нипраўду“.

Спужаўся Іоаннъ страматы и ўпустіў пьяницу у царства нябесныя.

№ 52.

О святомъ Зосимѣ. Откуда у насъ пчолы?

Святэй Зосимъ вынисъ изъ ягипитской земли у трасти пчалиную матку; атъ тэй матки у насъ и пчелы развялись.

№ 53.

Зосиму удалось пчолъ изъ Ягипца принесь, а Миколи ніўдалось.

Въ Ягипци были пчолы. Якъ вышіў новый завѣтъ, патребывалась новая жертва—воскъ, нужна была пчалу завесть.

И сказана: „іость пчолы у Ягипци, а нильзя узять: нѣту пропуску“.

Никалай Чудатворицъ абѣщался ихъ даставить:

— „Я пранясу, Госпади!“

Хадилъ Никалай Чудатворицъ у Ягипицъ.

Хадіў па Ягипцу. Потэмъ атписаў Госпыду:

„Нѣтъ, Госпыди, нильзя принясти пчолъ“.

Зосимъ Салавецкій вызвался, ну, и паслали яго.

Здѣлаў іонъ сабѣ изъ трасти патайнэй маташникъ (и дли пчолъ и дли матки у тымъ маташники была пумященія) и пашоў у Ягипицъ.

Па Ягипцу хадіў-гуляў, паймаў пчалиную матку, пасадіў у маташникъ, пасадіў десить пчолыкъ.

Ну, и утекъ іонъ, Зосимъ, раниньна — нихто ни видаў. Даганяли яго Игиптяни, абтрисали, ни нашли пчолъ у яво, хуть сабѣ три разы абтрисали (а пчолы были у трасти).

Такимъ манерымъ принесъ Зосимъ пчолыкъ, и пашоў развод на пчолъ, и пашла жертва Богу.

Микола прасіў у Бога райковъ:

— „И мае труды были: три разы я хадіў—хуть мнѣ первый рой“.

Первый рой Миколи абищаў Гаспоть.

№ 54.

Укушеніе пчелы было прежде смертоносно.

Пчела сначала каго ня ўкусить, тэй умираў. Гаспоть думаить: „ниладна такъ!“

Пувялѣў пчалѣ: „велій ты умирай, якъ каго укусишь“.

№ 55.

Павукъ ябидникъ—чорту правидникъ.

Павукъ ябидникъ, чорту правидникъ, ходить пу павутйни и даносить Богу, што видіў, што слышаў.

№ 56.

Баба хатѣла Бога спужать—мядьвѣдицей здѣлалась.

Жила у аднэй дяреўни магучая жэнщина. Ина на Бога сирдувѝла дужа, што людей изъ рая прагнаў. Захатѣла ина Бога спужать, штобъ іонъ па зямлѣ ни прахаживаўся.

Якъ Бохъ ишоў па дяреўни, ана изъ за угла къ яму да и ну рявѣть па звяриныму.

Бохъ ни спужаўся и пракляў яе:

„Будь жа ты на вѣкъ вѣшный мядвѣдицый!...“

Жэнщина стала мядвѣдицый.

Аттаво, што мядвѣдица атъ бабы, цыцкѝ у яе на грудѣхъ, а ни на пузи, якъ у звярей.

№ 57.

Якъ Никола бабу разымалъ у драки съ чортымъ.

Атчаво кума пирядъ кумымъ галаву пакрываиць. Съ якихъ ста поръ баба за.

Якъ ишоў Бохъ зъ Миколыю сваимъ усигдашнимъ паплечникымъ.

Слышить Бохъ, што трасникъ трящить и хумаитца.

— „Микола, пыгляди, што ета трасникъ трящить!“

Микола пришоў, глядитъ: дяретца баба съ чортымъ. Микола атпраўляитца назадъ къ Богу.

— „Ну, Микола, што ета тамъ дѣитца?“

— Госпади, баба и съ чортымъ бьетца-дяретца.

— „Такъ ты, Миколушка, подь разыми ихъ!“

Микола разымаў, разымаў бабу съ чортымъ — ни якъ ни разымить.

— Ни разымишъ ихъ, Госпыди, ни ѝкимъ родымъ.

— „Нѣтъ, Микола, разыми ихъ: якъ жа яны будуть дратца?“

Узсярдіўся Микола, пашоў скоринька, узяў и абоимъ, баби и чорту, пасняў гѝлывы.

— Ну, што разняў?

— „Нѣтъ, Госпыди, ни разняў, а узяў ды абаимъ голывы пупасняў“.

— Не, такъ жа ни нада! сичасъ жа подь и присодь имъ

голывы, и падуй на ихъ маимъ святымъ духымъ: голывы сичасъ приживутца.

Миколя вочинь разсярдіўся, шты ипять нада яму бизпакоитца, прибѣхъ и изъ гарячки присадіў бабину галаву чорту, а чортаву баби—пупиримишаў!

И съ етыга то ўремени дужа зла баба: усё ина падбиваить и звущаить чилавѣка на свари и брани: идѣ свара и драка— то ўсё баба; идѣ дильба и сута, то ўсё баба.

За то, што у бабы чортава галава, штобъ ни паказывать рожикъ, даўжна баба заўжда прикрывать волысы, асаблива кума пиридъ кумымъ.

№ 58.

Отчего теперь у ржи маленькій колосъ?

Неразуміе лѣнивой жнеи, роптавшей на Бога за тяжесть сноповъ. Богъ уменьшаетъ колосъ. Просьба собаки оставить немного зернятъ на макушкѣ стебелька.

Въ старину колосъ ржи не помѣщался на стебелькѣ—все растеніе представляло изъ себя цѣльный длинный зернистый колосъ отъ макушки до самаго корня.

Но однажды лѣнивая баба стала Богу жаловаться, что очень тяжело жать такую рожь.

Богъ разгнѣвался—и колосъ вдругъ сталъ замѣтно умаляться, подбираясь на макушкѣ; только макушка ржи оставалась усаженною зёрнами.

Собака сидѣла возлѣ жнеи и поняла лучше своей хозяйки, что дѣло неладно.

Завыла собака, Богу взмалилась:

— Застаў—покинь, Божа, коласа хуть на собаччу долю.

Богъ не тронулъ больше колоса по просьбѣ собаки—и съ тѣхъ поръ на ржи колосъ маленькій, и рѣдко посылаетъ Богъ урожай неблагодарнымъ людямъ.

№ 59.

Атчего колысъ у ржи таперь нибольшой?

Якъ гнали Адама и Еву изъ раю, скольки успѣли забрать рукой коласу, такей колысъ и принясли съ собой на землю, та-

кей колысъ таперь и родитца. А у раю колысъ былъ на ржи пріаграменный—да самый земли; нашъ колысъ только самая макушка тога колыса.

№ 60.

Касьянъ косо глядитъ.

Касьянъ бываитъ только у висакосный годъ. Іонъ, на што глянитъ, то усё пувянитъ: на народъ глянитъ, дакъ народъ;—на скотъ—дакъ скотъ.

№ 61.

Якъ Микола и Петръ лашадей на Украйнѣ закупляли.

Атчаго ета какушка тольки да Пятровыга дни кричитъ, а варона круглый годъ кричитъ.

Гаспоть завёў свѣтъ ни такъ, штоба увиздѣ усяго была поравну: скыта, людей, коній. Сначала была усяго болій на Украини.

Наступаеть висна.

Видитъ Гаспоть, што бѣлорусскуму мужичку пахать нечимъ—коній нѣтути.

Ни прападать жа хуть сибѣ и нашиму брату зъ голыду!

Даў Гаспоть Миколи, апостылу Пятру, денихъ па ращоту и паслаў ихъ вабаихъ на Украину закуплять коній.

Микола вочинь любилъ выпить, и зайди іонъ съ Пятромъ у кабакъ. Узяли палштохъ, другей, — выпили. Какъ завяло у Миколи у галавѣ, Микола сталъ вочинь простъ и прапіў уси деньги, што яму Бохъ давалъ — да капѣйки. Миколы съ Пятромъ таперь не нашта куплять лошадей. Сматрйть: бягуть два табуны лошадей.

Микола сѣў на первую лошать—табунъ за сабою гонить, а тамъ Петръ на лошать изъ другога табуна—другей табунъ за сабою гонить.

И пыгнали яны етыхъ лашадей съ сабою, а видить етыга нихто ни видаў, тольки што были свидѣтили: первая варона, другая сарока, третія какушка.

Приводють яны етыхъ кони къ Богу и хатѣли яны, штоба Бога абманить.

Спрашіить у ихъ Бохъ:

— Што вы етыхъ кони купили?

— „Купили“.

— А свидѣтили у васъ были, якъ вы купляли?

— Не, свидѣтилiў не была.

Сичасъ жа прилитаить варона.

— А вы пра варону забыли! Што яны купили конiў?

— „Украали, украали!“...

Сядить на вѣтки, да сваё арёть.

Прилитаить сарока.

— Што ты скажишъ сарока?

Сарока зъ жердычки на жердычку пяряпрыгиваить:

— „За ета имъ, Госпыди, чи, чи, чи!“...

Прилитаить третiя какушка,—ета узмилывалась.

— Госпыди, яны купили, да ку-у-пили. да ку-у-пили, да ку-у-пили!..

Петръ и Микола узрадувались, што хуть какушка ихъ руку держить; тада и гаворють:

— Вотъ ты, кукуй тольки да Питра — тамъ табѣ далiй свабодна; а вы, сарока и варона, што сказали ниправильна— вамъ цѣльный годъ какувать: ня будить вамъ роздыху никоды.

№ 62.

По какому поводу дана была когда-то власть женщинамъ и отнята у нихъ (за грубое обращенiе одной женщины съ апостоломъ Петромъ).

Припала у апостыла Питра жалысть къ бабамъ, што жэнькiй полкъ многа атъ мужьёў своихъ тярпить; выпрысилъ Петръ у Бога власть бабамъ надъ мужьями.

Такая воля бабамъ дадина, што мужикъ ва ўсёмъ знай пляши пу бабиный дудки.

Посли таго апостылъ Петръ зъ Богымъ па зямлѣ хадили и у мужицкый хати на нашлеги астунувались.

Хазяйки дома ни було, тольки мужъ яе дома, дитенка калышить, гаршки у печи варочаить.

— Можна пиринучувать?

— „Да ано можно сабѣ!.. Да я ни знаю, якъ баба!“...

— Што такъ ни знаишъ!.. Идѣ жъ твоя жонка?

— У кабакѣ!... радимецъ яе забей: дома ни пильнуить саўсѣмъ.

Такъ сабѣ пазюкали, спать палягли: Петръ ляжить на палатяхъ съ краю, а Бохъ къ стѣнки,

Приходють баба, а яны ужу спять. Баба перва мужа обругала:

— Якихъ ты ета хажанъ прòти начй пустилъ? Бизъ майво спроса пускать была ни нада.

Тода бяреть хлудину, и, ну, ахаживать Питра етыю хлудиныю.

Петръ жался, жался—приходитца яму ня ўстерпъ.

Сламалась хлудина, и баба пашла за другѐю у сѣни.

Петръ думаить самъ сабѣ:

— „Пирикачусь я за Бога: баба, даўжно, таперь за таго, што къ стѣнки примитца“.

Приходить баба изнòву къ палатимъ и гавòрить:

— „Ну, зъ етыга сабѣ будить: я яго ладныга пупарола, а таперь нужна дальнига пуўчить!“

Изнову Пятру пупала.

Тады Петръ изнову умалилъ Бога взять волю у бабъ,—якъ узмолитца:

— Нѣ, Госпади, такъ дужа нихарашо; нярушъ велій бабы мужикоў слушаютца, чимъ ся мужики бабъ.

№ 1.

Гаспоть храмы со сваими угодниками закладаить.

Када Гаспоть хатѣлъ храмы устроить—и усе храмы строилъ, въ адинъ храмъ вялѣлъ сабиратца сваимъ угодникамъ, приказалъ яму Хряститилю приходить, Никалаю Чудатворцу, Хамѣ, Лукѣ и Марки Ивангилисту.

— „Прихадитя: будимъ храмъ закладать, а я буду васъ учить, якъ абѣдню служить“.

Гаспоть пришолъ упяредъ у храмъ, сабирались угодники усѣ къ яму, каторымъ приказалъ. Яны сами сабѣ и гаворють:

— „Каторый любимый апостылъ, яго нѣтути!“

И Гаспоть маўчить пра яво. Сичасъ и гаворить Гаспоть:

— „Рибяты, ни судитя Никалая: іонъ занитъ: на мари чилавѣкъ заливаитца, а Никалай яго милуить“.

Приходить Никалай Чудатворицъ у храмъ Божій.

— „Госпади, буди мине грѣшныва ждать!...“

Стали аблачатца, абѣдню служить, Микалая Госпоть дякалымъ паставіў, Ивана Хрястителя дячкомъ. Атслужили абѣдню.

Микалай Чудатворицъ быў дужа бальшей постникъ: якъ маханикъ былъ, па сридамъ и пятницамъ груди ни бралъ.

№ 2.

Якъ купецъ хатѣў работника спагубить, и затѣмъ тога самъ сябе спагубіў—и придсказанія прарокыў сполнилась.

Въ нѣкаторамъ царстви, ў нѣкатаромъ гасударстви, а именна ў томъ, ў каторомъ мы живемъ, жіў купецъ и такей багатый, што низнаў сваей казны.— Вотъ иднажды іонъ атпраўляитца ў дареўню или ў сяло чимъ нибуть таргувать. Ѣздіў, ѣздіў; приходить дѣла къ вечиру;—нада праситца начувать. Іонъ заѣхаў къ хазяину, хазяинъ багатый быў; у яго начували два какихъ-то нищихъ, а ета были ня нищія, а два прароки Илья и Микола, (када яны ища хадили па зямли). Ночу Илья вышіў на дворъ, патомъ увыйшоў у хату и гаворить Миколи:—„Нашиму хазяину даў Богъ щастя“.—А Микола гаворить:—„Какоя щастя?“ —Катилась авечка). Ну, какъ ани прароки, то ўсё знають). Никола и спрашіить у Ильи:—„Какоя яму щастя?“—А вазьметъ воўкъ.—А купецъ ета ўсё слышить. Патомъ ня многа пагадя ипять вышіў Илья. Уходить у хату и гаворить:—„Ну, Никола, ящо Богъ даў щастя нашиму хазяину“—Іонъ гаворить:—„Какоя?“—А хазяйка радила сына.—„Какоя жъ яму щастя?—А будить іонъ владѣть хазяйствымъ етыга купца. — Ета купецъ и слышить. Патомъ даў Богъ утра, прароки еты пашли, а купецъ думаить, што тутъ сдѣлать: какъ можна, штобъ еткыга мужука сынъ будить маимъ хазяйствымъ упраўлять? Падажди: дай испробаю. Вотъ іонъ и гаворить етыму хазяину:—Братъ, хазяинъ, што я тябе буду прасить,—уважъ ты мнѣ“—А хазяинъ гаворить:—„Атчаво жъ, можна“.—Спрасіў у купца: што вамъ нужна?—„А во што! у тябе сяводни катилась авечка?“—Да у мяне.—„Братъ, хазяинъ, уступи ты мнѣ етыга ягненка!“—А хазяинъ и гаворить:—„Братъ ты мой, гаспадинъ купецъ, я ба радъ вамъ яго уступить, тольки мнѣ вамъ яго стыдна прадать и жалка дарымъ атдать!“

— Ну, што хочишъ вазьми, а толька мнѣ уступи!—Вотъ іонъ прадаў етыга ягненка, патомъ и гаворить:—„Ну, хазяюшка, сгатуй ты мнѣ яго!"—Вотъ ина яго сгатувала, патомъ вытащила съ печи, патомъ паставила яго на вакно, штобы іонъ нимнога прастыў; а купецъ пахаживаить па хати, и думаить, какъ тутъ можна таму сбытца, што прароки гаварили: какъ тутъ можить воўкъ узять, када ужъ сжаринъ и ляжить на вакнѣ? Аткуда ўзяўся воўкъ, цапъ етыга ягненка и патащіў; тутъ за имъ съ палѣнними, съ раженнимъ, а іонъ, какъ пашоў, и пашоў. Патомъ купецъ сѣў, задумаўся и гаворить ипять хазяину:— „Ну, братъ, хазяинъ, уступіў ты мнѣ адну вещъ, уступи и другую".—Хазяинъ и гаворить:—„Какую ящеѣ"—А во, братъ, какую: прадаў ты мнѣ ягненка, а я имъ ни пуўладѣу,—прадай ужъ и мальчика; пускай, какъ я у васъ начуваў, даў Богъ вамъ два щасти, то я адно купіў и ни папользаваўся,—прадай, братъ, и другоя!"—Думалъ, думалъ хазяинъ и гаварить купцу:—„Ну, какъ можна мнѣ прадать свайго дитя радногаѣ"— А купецъ и гаворить:—„Ну, што жъ іонъ у мяне будить забижанъ, или штоѣ"—Вотъ мужикъ думаў, думаў, узяў да й прадаў; купецъ узяў етыга рабёнка, и паѣхаў. Ѣхаў, ѣхаў, уѣзжаить у лѣсъ, патомъ и думаить, што съ имъ сдѣлать. Стаить пустая липа и дуплинятная; іонъ ўзяў яго и пасадіў ў ету липу и крѣпка закалатіў ету дирку. Вотъ іонъ сядѣў тамъ нѣскалька ўремя, патомъ пашли ахотники на ахоту, приходють ў лѣсъ и слышуть: кричить рабеныкъ. Вотъ яны падходють къ етыму дериву, пасмотрють: дырки закалочины. Вотъ яны узяли, разрубили ета дерива и вытащили аттуда рабенка, патомъ принясли яго дамой.—Вотъ етытъ рабеныкъ у тыхъ ахотникыў жить, да жить, вырасъ ужу парядажный, патомъ стаў нахадить сабѣ прапитанія, начаў нанииатца то у падпаски, то у работники; патомъ наняўся къ етаму купцу у пивный заводъ и спазнаўся съ яго дочкаю. Патомъ иднажды у ихъ вышіў разгаворъ съ купцомъ и спрасіў купецъ у яго:—„Слышъ, ты, галубецъ, аткуда ты родинаю находистяѣ"—А іонъ и атвичаить:—„О, братъ купецъ, мая родина далека; я радіўся ў міру, а нашли мяне ў лясу".—Патомъ купецъ кусь самъ сябе за языкъ и гаворить жанѣ:—„Ну, жана, какъ ни старатца, а етыга работника нада истрябить, да ни знаю какимъ родымъ".— Патомъ сказаў:—„Ну, падажжи: я дабярусь!"—Вотъ іонъ на-

писаў писимъ ў другей заводъ, штоба яго тамъ спатрябили и атдаеть яму:—„На, братъ, снеси ета письмо ў такой-то заводъ и такой“.—Вотъ етытъ работникъ узяў письмо и панесъ. Бяжить окала церкви, пасматрйть: тамъ служенія идеть; тотъ іонъ и гаворить самъ сабѣ:—„Ну, какъ можна мнѣ прайдить кала церкви мима и ни пумалитца Богу, хоть хазяинъ мнѣ и строга приказаў, ну, я пайду, пумалюсь Богу!“—Патомъ къ яму подходить знакомый чилавѣкъ, и идеть іонъ ў етытъ заводъ, іонъ и гаворить яму:—„Скажи, братъ, пажалуста, куда ты идешъ!“—А іонъ и гаворить:—„Я иду на заводъ“.—Іонъ и давай яго прасить:—„Братъ, пажалуста, атняси ты маё письмо!“—А, пажалуй, снясу! — Вотъ іонъ узяў письмо и панесъ на заводъ. Тольва падаў письмо, такъ яго схватили и ўбросили ў кателъ; а работникъ етытъ и пашоў дамой. Етытъ хазяинъ увидаў, што іонъ пришоў, стаў удіўлятца и спрашивать у яго:—„Гдѣ ты письмо дѣў?“—А іонъ гаворить:—„А я ўстрѣтіў знакомыга чилавѣка, пупрасіў яго пиридать письмо ў заводъ“.—Купецъ, нямнога пагадя, написаў ящо письмо и приказыить работнику:—„Ну, братъ, на табѣ ета письмо: няси, да сматри: никуда ни захади!“—Вотъ іонъ шоў, и шоў ипять кала церкви, видить: тамъ ипять служуть. Вотъ іонъ пашоў у церкву; а купцу етыму ужу ня терпитца; іонъ и гаворить:—„пайду ў заводъ, да хоть пасматрю, какъ іонъ будить кипѣть у катлѣ. Вотъ іонъ тольва на парогъ, а ети заводчики и схватили яго, іонъ кричэть, и шумѣть:—„Братцы, што вы: я вашъ хазяіў!“—А яны гаворють:—„нѣтъ пардону ни хазяину, ни работнику, а твае приказанія нада исполнить!“—Вотъ етытъ хазяинъ и скипѣў ў катлѣ, ўмѣста работника. А работникъ пришоў дамой, ажаниўся на яго дочери, стаў жить, да паживать, да дабро наживать. Я тамъ быў, медъ, вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни капли ни пупала.

№ 3.

Якъ Кузьма—Димьянъ сказали купцу, што іонъ женитца на валюватый дѣвушки, и, дяйствитильна, купецъ жаніўся.

Какъ хадіў Кузьма Димьянъ—па зямли. Какъ яны называютца апосталами, или Богапасланниками, то яны усё знали дажа, што каму упаредъ будить. Вотъ адназжды ѣдить купецъ

па дароги; наўстрѣчу къ яму Кузьма Димьянъ. Вотъ и гаворить Кузьма Димьянъ на купца:—„Здрастуй, гаспадинъ купецъ!“ — Здрастуй, здрастуй, старичокъ паштэнный!.. „Куда ѣдишъ, гаспадинъ купецъ?“—А іонъ гаворить:—Ахъ, мой ты старичокъ, я ѣду,—самъ низнаю куды... Хатѣў была жанитца, да и самъ ни знаю, куда ѣхать у сваты. Пасавѣтай-ка мнѣ, мой милый старичокъ!—„Вотъ, я табѣ пасавѣтаю!“ гаворить Кузьма Димьянъ купцу:—„Паизжай-ка, идѣ ты заначуишъ, то тамъ твая и дружка“. Вотъ іонъ ѣхаў, ѣхаў, падъизжаить къ дяреўни; ўремя ужъ начувать. Вотъ іонъ пріизжаить къ знакомаму мужуку и гаворить:—„Пазволь, братъ, пиринучувать!“... —А пажалуйтя!.. Вотъ узъѣхаў на дворъ, приказаў работнику атлажить лашадей, а самъ увайшоў у хату. Ну, какъ хазяинъ багатый, то іонъ приказаў сваей хазяйки или дочки паставить сумуваръ. Вотъ яны паставили, патомъ садятца пить чай. А купецъ ходить, ходить, да пасматриваить на яво дочку, а ина, такая валюватая, што на яе проста страсть смятрѣть. Патомъ іонъ и спрашіить:—Хто ина вамъ?—„А ета мыя дочка“. Патомъ етытъ купецъ кусь самъ сабе зъ языкъ; сичасъ и ўспомніў, што яму гаваріў Кузьма Димьянъ и думаить самъ сабѣ:— „Няжъ ета мыя будить дружка?“ Сичасъ и тронула яво серца:— „Падажжи“, гаворить іонъ самъ сабѣ.—„Вазьму яе и зарѣжу: патаму што, какъ мнѣ, такому малайцу, да брать жонку такую валюватую?“ А ина, какъ сядитъ сярдешная ажъ хрипить, а воля ета на калѣнихъ ляжить. Вотъ іонъ уздумаў:—Какъ ляжуть спать, то я яе вазьму и зарѣжу!.. Вотъ іонъ найстріў ножъ и пасматриваить, идѣ ина будить лажитца. Вотъ ина лигла за сталомъ на лаўки, а іонъ на другей. Патомъ када уси успались, іонъ какъ выхватіў ножъ, да какъ парнеть у ету самую волю, ина брякъ падъ лаўку, а купецъ скарѣй на лошадей, толька и быў такоў дамой. Тутъ справили такей пирипалохъ:—„Хто тябе, хто тябе?“ А купца тога и слѣдъ прастыў. Патомъ дѣўку вылечили, воли етый ужъ ни стала: такая стала умная и красивая. Черизъ нѣскалька ўремя, черизъ годъ или черизъ два, призжаить етытъ купецъ у сваты къ етыму мужуку. Патомъ высватаў іонъ и ажаніўся. Патомъ черизъ нѣскалька ўремя замѣтіў іонъ у яе етытъ шарамъ и спрашіить у яе:— Што ета такоя, милая мая, у табе на шеи? А ина гаворить яму:—Ахъ, милый мой, на мяне быў злучай. Аднажды заяз-

жаить къ намъ какой-та праизжающій или разбойникъ. Вотъ іонъ хатѣў було мяне зарѣзать: у мяне на шыи была тикая бальшая воля, іонъ мяне якъ сикануў нажомъ у ету нарасть,— такъ, што я асталась чуть жива. Вотъ купецъ и гаворить ей:— Ну, милая мая, ета я у васъ тада быў: прости мнѣ, милая мая, я ни самъ сабою, а мнѣ случилась па дароги. Стрѣтіўся са мною Кузьма Димьянъ и гаворить мнѣ:—Ета твая нявѣста! Я пасматрѣў на тябе,—пряма и спужаўся: — вотъ я и хатѣў зарѣзать.—Вотъ яны узяли пацулувались, стали жить, да паживать, да добра наживать.

№ 3.

Купецъ женитца супратй сваей воли на гарлуватый дѣвушки. У свадьби якая киму судьба.

Какъ було у старыя годы: то хадили апосталы и Богъ па зямли. Вотъ аднажды ѣдить купецъ, а къ яму на ўстрѣчу Богъ или апостылъ; канѐчна, какъ Святэя духи, то яны знають, што челавѣкъ не токма што гавдрить, а дайжа што думаить. Вотъ яны и спрашіють у яго, ти халостый іонъ, или жинатый, а купецъ гаворить:—„А ящо халостый“.—Ну, а жанитца ты хочишь?—Спрасіў у яго Богъ, а іонъ ни знаў што ета Богъ и гаворить:—„Да, батюшка, хатѣўба, да никакъ ни найду нявѣсты“.—Богъ и гаворить яму:—„Паизжай ў такой-то горыдъ: на дароги будить сядѣть дѣвушка, то твая нявѣста“. — Вотъ іонъ паѣхаў и гаворить самъ сабѣ:—„Дай узнаю сваѐ щастя!“ Только ўѣхаў ў горыдъ, на ўстрѣчу къ яму идеть ваданоска, каторая па гораду ваду носить, за кусокъ хлѣба, для прапитанія, и такая никуратныя и гарлуватыя; іонъ и думаить самъ сабѣ:—„Я какой маладецъ: и красіў, и багатъ, да такая мнѣ дружка, — падажжи: вазьму я яе съ сабою, пувязу ў лѣсъ и убью“. Вотъ іонъ и гаворить ей:—„Паслушай, дѣвушка: пади ка мнѣ!“ Вотъ ина надходитъ къ яму, іонъ бяреть яе съ сабою, павезъ, увезъ яе ў лѣсъ и давай яе бить: біў, біў, біў, патомъ узяў и бросіў, а самъ паѣхаў. Вотъ ина тамъ качалась, качалась; патомъ хто та нашоў яе, и привязли яе дамой. Вотъ ина вылечилась, такая стала красивая дѣвушка и панравилась етыму купцу. Вотъ іонъ и давай яе сватать за сябе, а ина сагласна.

Патомъ яны пиривинчались; вотъ яны лягли спать. Патомъ етытъ купецъ пратянулъ на яе руку и защупалъ у её па тѣлу шарамы; вотъ іонъ и спрашіить: Што ета такое у тябе па тѣлу: ты сама сабою хараша, а у тябе на тѣлу какія шарамы?" А ина и гаворить яму:—„А, мой ты милинькій, разсказать тябѣ пра мой злучай, што на мяне было? Сказать праўду, я была ваданоскыю. Вотъ я нясу ваду, толька иду па вулицы, стричаитца са мною какой то купецъ и гаворить на мяне:—Здрастуй, вумница!"—А я гаварю:—Здрастуй, баринъ!.. „Садись са мною, паѣдимъ!"—А я гаварю:—А, мой ты галубчикъ, якъ я съ табою поѣду? Патомъ раздумалась, сѣла и паѣхала. Вотъ іонъ мяне вывизъ за городъ на поля, патомъ ссадіў далоў съ тялѣги, да какъ узяў сваю карнатку, да какъ стаў дўить,—дўилъ, дўилъ, такъ што зрубіў усю на шмѐтьтя. Патомъ я то ракымъ, то бокымъ, припаўзла къ дяреўни: вотъ я вылечилась". Купецъ и гаворить ей:—„Ну, милая мая, признаюся я табѣ: ета я тябе біў, и разсказать табѣ за што. Мнѣ сказаў одинъ, што ета твыя нявѣста, то я и думаю самъ сабѣ, какъ можна мнѣ, такому лицу, какъ я—называюсь купецъ, а ты была тады ваданоска, усё раўно, што нищая, жанитца на тябѣ: такъ мнѣ и тронула серца". Патомъ яны обнялись, пацалувались; стали жить, да паживать, да дабро наживать. Я тамъ быў, медъ вино піў; па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала.

№ 4.

Абъ Ивани Бизщастнымъ. Абъ Николи, абъ Ягорьи.

Мать Ивана Бизщастныга аскарбила Ягорья: выкалала яму вока—за то Ягорья уряждў дѣлаить сыну абидчицы — Ивану Бизщастныму, а Никола заступаитца за Ивана. Ягорья ніўку Иваныву градымъ пабьеть, скотъ яго паморить, изъ хлѣбушка споръ вынить; а Никола усю уряжду на пользу Ивану абрачаить и, напаслѣдки, на пирушки, мирить Ягорья съ Иванымъ Бизщастнымъ.

Шли аднажды у субботній день Гаспоть, Ягорій и Никола дарогаю окала бани, и спрашіить Ягорій у Госпада пазваленія пасматрѣть, хто мыитца у бани. Гаспоть, знаючи, што мыютца у бани жэнщины, и гаворить Ягорьюшки:—„Ягорій, ни гляди

и ни любапытствуй: такъ ня слѣдуить табѣ". — А Ягорій настаиваить на сваёмъ, — кажить: — „нѣтъ, Госпади, пасматрю!..."

Гаспоть и гаворить яму: — „ну, пасматри сабѣ, да ôпасли ни кайся!..." Ягорій и стаў сматрѣть у вяршокъ. Падъ вяршкомъ сядѣла баба бяременная. Ина усматрѣла, што сматрйть мужской полъ у вяршокъ и гаворитъ яму: — „ни палагаитца мужскому полу смятрѣть на жэньскій полъ и торнула яму у глазъ пальцымъ, и пашоў Ягорій прочъ итъ бани заплакаўши.

Гаспоть и гаворить: — „што ты, Ягорій, плачишъ?" Ягорій и гаворить Госпаду:

— „Жэнщина торнула мяне у глазъ пальцымъ — чуть глазъ ня выкалала". — Гаспоть гаворить Ягорію — „Я табѣ гаворилъ, што глядѣть у баню ни палагаитца".

— Ну, Госпади, ни пращу я етый жэнщины: ина якъ родить сына — будить атъ яе сынъ Иванъ, Сынъ Бизчастный.

Гаспоть и кажить Ягорію: — „да, чимъ жа рабеныкъ винуватъ за матку? Іонъ яще у чреви, — ничаво ня смыслить и ни панимаить".

— Нѣтъ, Госпади, ни пращу я ей етый вины: якаво жа и мнѣ таперь безъ глаза.

Жэнщина радйла сына; налажили яму имя Иванъ. Иванъ жіў, жіў и ужу дайшоў да савяршенналѣтій; заводить сабѣ хазяйства, якъ и добрый стаў хазяинъ — усякія животы у яго іость. Узнаў пра ету яго харошію жисть Ягорій, пубядіў яго усё хазяйства; іонъ паслаў на скотъ яго ôпадь, а на хлѣбъ яго гразу. Животы яго, адѣ хадили, тамъ и прапали; а на паласахъ яго хлѣбъ, имъ засѣянный, градамъ пумясила и съ зямлёй. Заплакаў горькими слезами бѣдный и горькій Иванъ несчастный, и кажить самъ сабѣ: — „знать, я Госпыду Богу стольки ужу пагряшіў, што Гаспоть лишіў мяне и живатины, и хлѣбъ памясіў градамъ". Яўляитца Ивану Нисчастнаму Николушка батюшка, угодникъ Божій, скорый памощникъ; гаворить яму: „Што ты, Иванъ Нищастный, такъ гарюишъ; а чомъ ты такъ слезна плачишъ и туга гарюишъ? — Ни плачъ, Иванушка! лупи кожи, вязи у горатъ прадавать; што запросишъ, то и палучишъ. Запросишъ за кожу пу пяти рублей, дадуть деньги; а запросишъ па дисяти рублей, дадуть и па дисяти". — Тады купляй пашаницу и сѣй сваю землю, и, идѣ

будить аставатца у сасѣдій нясѣинная зимля, засивай и чужую,—ня гляди на то, што зимля худая: Гаспоть зародить".

Иванъ Нисчастный, разработаў зямельку, забраў чужую землю у сасѣдій, пароспахаў и пазасѣіў пашаницу. Гаспоть и ў праўду зарадилъ такую пашаницу, што и срѣзу не была. Идуть пу мяжи Гаспоть, и Никола, и Ягорій, якъ ужу хлѣбъ зарадіўся и начаў сазрѣвать. Ягорій спрашіить у Госпада: „чія ета пашаница?" А Гаспоть 'твичаить! — „Свѣтъ Ягорій, ня жъ ты, Ягорій, ни знаишъ, чія ета пашаница?!"...—Нѣтъ, Госпади, ни знаю.—Гаспоть кажить яму: „ета пашаница Ивана Нисчастнага".—Ау, Госпади! нашлю я на ету пашаницу такую бальшую гразу—пабью ету пашаницу и съ зямлёю смяшу. — И пашли атъ етый пышаницы. Никола абратіўся къ Ивану Нисчастныму и гаворить яму: – Иванъ Нисчастный, сматри: ни дадерживай пашаницу да бальшога успѣху, сабирай талаку, жни пашаницу, сваживай и клади у скирды!... Иванъ Нисчастный сабраў талаку, жнеть пышаницу и сваживаить у скирды: пажали и у скирды памитали. Устали грозы сильныи, пашли грады буйные: памясили ржищи пшонныя съ зямлёю. Патомъ Гаспоть, Микола и Ягорій пашли па гумнамъ дасматрѣтца, сколька чернь убрали хлѣба.

Ягорій и кажить Госпаду: „сколька мы хадили па гумнамъ, но нигдѣ ни видали стольки хлѣба, што у етыва хазяина пышаницы: - адѣ іонъ будить дивать пашаницу?"

(А ета пышаница и гумно были Ивана Нисчастнага). Ягорій свѣтъ и ни знаў, чія ета пышаница и гумно. И спрашіить у Госпада: „Госпади, чія ета пышаница и гумно?" А Гаспоть атвичаить: „Ахъ, ты, Ягорій, разви жъ ты ни знаешъ, чія пышаница и чіе гумно? Вѣдь все ета Ивана Нисчастнага".

— Ну, кали ета пышаница Ивана Нисчастнага,—ня будить у ёй спору: сколькя іонъ ня будить садить на авинъ, усигда будить выхадить съ авина толька пять мѣръ. — Атавратіўся угодникъ Божій къ Ивану Нисчастныму и гаворить яму:—Иванъ Нисчастный, сади на авинъ пу пяти снапоў: у чатыри угла па снапу, а пятымъ снапомъ акно закрывай! Иванъ Нисчастный пакланіўся Миколушки батюшки и стаў садить пышаницу на авинъ пу пяти снапоў;—намалатіў стольки пышаницы, што пазасыпаў ня то што амбары, а и всѣ сараи. Вздумаў Гаспоть асматрѣть, сколькя находитца у черни хлѣба у закрамахъ,

узяў съ сабою Миколушку и Ягорія. Хадили, хадили, дашли да дому и Ивана Нисчастнага и увидили у Ивана Нисчастнага столь многа пышаницы: уси закрамы у амбарахъ, уси сараи присыпаны.

Вотъ Ягорій и кажить Госпаду: „Госпади, адѣ будить етый мужичекъ дивать казну сваю?!... Сколька у яго пышаницы!..." Гаспоть ипять гаворить Ягорію: „Ягорій, ти знаишъ, чія ета пышаница?" А Ягорій атвѣтствуить:—не знаю!

— „Ета пышаница Ивана Нисчастнага".—Ня будить жа яму спору!—гаворить Ягорій:—кали будить прадавать, то за адну мѣрку пышаницы у яго будить ухадить двѣ мѣрки.— Атавратіўся къ Ивану Нисчастнаму Микола и гаворить яму: „Иванъ Нисчастный, прасикай у имбаря другую дверь у другой стянѣ, а ету дверь задѣлай: тады будить у тябе споръ, — ня бойся!... Прадавай пышаницу ды Ягорья и спраўляй двѣ свячи: Микольскую свячу паменій и Ягорыўскую паболій. Мы на гулянья ваша придемъ къ табѣ у домъ у траемъ, а ты насъ выжидай!

Пасади насъ за столъ: пастарѣйшага на самый кутъ, а другога малажѣйшаго пасярёдъ, а третьига рядамъ съ малажѣйшимъ, и старайся угащать сяреднига малажѣйшага якъ нильзя болій, а насъ хуть и паменій; — мы за то абиждатца ня будимъ".

Иванъ Нисчастный справіў двѣ свячи: Микольскую паменій, а Ягорыўскую паболій. Зазвалъ іонъ сaсѣдіў на багамаленія; сабрались уси и ажидаютъ парядку. Тутъ сусѣди и гаворють Ивану Нисчастнаму: „Што жъ ты зазваў насъ на шутку знать? Ни угащаешъ ничймъ!..." Иванъ Нисчастный и гаворить имъ; „пагадитя, братцы: я дажидаю добрыхъ людей ящо къ сабѣ: хлѣба-соли хватить су ўсѣхъ! Ну, давайтя Богу малитца: добры люди авось скора падыйдуть". Пумалились Богу, и яны утраёмъ пришли. Иванъ Нисчастный радъ быў имъ такъ, якъ душѣ сваей; содить ихъ за столъ, и увесь народъ пасадіў; стаў ихъ угощать разными наѣдками и разными винами: Госпаду Богу и Миколи па рюмки, а Ягорью двѣ и три. Стаў Ягорьи нȧвисили, и гаворить Ягорій:—„Госпади, у якога-та хазяина мы нахадились на чести?"—Гаспоть и гаворить Ягорію:—„Свѣтъ Ягорій, няго жъ вы ни знаитя, у якога хазяина мы на чести?—у Ивана Нисчастнага".—Тады

Ягорій змилуваўся надъ Иванымъ Нисчастнымъ и гаворить:— „Госпади, пашли яму щастя и ў поли, и ў доми, и я пращаю яму, што яго мать мине ускорбила!... „Публагадарили за хлѣбъ-соль, за ўсё угащэніе“: пашли табѣ Госпади счастя и ў поли, и ў доми, чаго ты итъ Госпада Бога желаишъ!...“ Съ тыхъ поръ и таперь Иванъ Нисчастный живеть счастлива и багата.

№ 5.

Ибъ святымъ Николи и Ягорью. Якъ Ягорій пумагаў мужику, а св. Ягорій, насупрати Миколы, усякую уражду дѣлаў.

Ишоў Никола святэй съ Ягорьимъ, идуть яны — мужикъ выѣхаў пахать пашаницу—ляда.

— „Ягорья, пайдемъ пасобимъ яму — спасиба скажить!“ Приходють къ яму:—„Бохъ помачъ, мужичекъ! Што ты хатишъ тутъ дѣлать? Мы тибѣ пасобимъ пахать“.

— Што жъ вы мнѣ пасобитя—на аднэй кабыленки? Я и адинъ запашу.

— Ни нада твая кабыленка: мы такъ успашимъ. Пусти яе на лухъ, а мнѣ ана ни нада. Ты, Ягорій, дяржись за рагачъ, а я стану у вобжи. Атмѣть, мужикъ, намъ дисятину, скольки тибѣ пахать“.

Атмѣтіў имъ дисятину мѣста. Микола стаў у саху, а Ягорій за рагачъ и паѣхали; здѣлали хрестъ — зимля уся паднилася.

Мужикъ и благадарить ихъ:—„Благадаримъ вамъ пакорна!“

— Скажи, мужичекъ, хто важнѣй: што у сахѣ стаяў, ай, што за саху диржаўся—хто даражѣй будить стоить?

Іонъ думаў, думаў.

— „Дорахъ коникъ: бизъ каня пахать ня будишъ, а съ канёмъ и баба успашить“.

Пашли яны; Ягорій сказаў:— „Ты мине будишъ бабыю звать, будишъ сміятца кала мине“.

Гаворить Ягорій Николи:—Я яму зямлю ипять палажу: ляжить зимля и приживетца.

— „Слушай, Ягорья: іонъ ни знаить, што мы угодники Божіи, и іонъ намъ ăбаимъ гаваріў спасиба. Брось—ня дѣлай етыва“.

Ипять вядеть Ягорья къ етыму мужику. Мужикъ выихху сѣить.

— „Пайдемъ мы къ яму, разсѣимъ: іонъ намъ спасиба абаимъ скажить“.

Приходють.—„Бохъ помачъ, мужичекъ! Што жъ ты хочишъ пашаничку сѣить? Нихай мы тибѣ разсѣимъ“.

— Добрыи люди, што жа васъ бизупакоить? Я самъ ужъ пасѣю.—„Мы якъ пасѣимъ—съ троя пригарщіу Бохъ зародить.

А ету чвэртку пумяли и накарми дятей паслѣднимъ. Намъ троя пригарщіу—болій ни нада!“

Микола усыпаў троя пригарщіу у сивалку.

— „А етый мѣхъ завяжи, дитямъ пумяли: ета дитямъ будить. Ты, Ягорья, паляши мнѣ, а я пашаничку раскину!“

Ягорья стаў ляшить нахристь пу паласѣ, хрястомъ пирясѣили.—„Ну. мужикъ, Бохъ съ траяпригарщіў зародить — убирай тольки!“

— А хто у насъ важинъ: ти сявецъ, ти ляшенникъ?

— „Ай, батюшки мае, важинъ у насъ сявецъ, а ляшенникъ—и баба, и тая лѣшить!“

— Пращай, мужичекъ!

Ишедши, гаворить Ягорій:—„Стала быть я баба, а дорахъ—важинъ сявецъ—ты: таперича узварачу зямлю назадъ—ипять приживѣтца, ипять будить лухъ“.

— А, Ягорья, ня ссорься ты зъ мужикомъ, ня гнѣвайся: якъ ба іонъ знаў, што мы угодники, дыхъ ба абоихъ павважаў—за низнанія іонъ сказаў!

— „Нихай сабѣ сѣить — будить яму зарысть, а владѣть ня будить—пусть растеть сѣиныя!“

— Якъ ня будить владѣть?

— „Пущай растеть усе у мѣсицъ, а тамъ увидимъ“.

Пашаница выросла якъ быть—двѣ четвирти колысъ.

Ягорій гаворить:—„Радаитца мужикъ пашаницы, а владать ею ня будить“.

— Чимъ ня будить валадать?

— „А я пользаватца ни дамъ!“...

— Што жъ ты яму здѣлаишъ?

— „Напрашу Ильлю Святова, штобъ наслаў іонъ бури—грозы,—штобъ навозымъ паклали яго хлѣбушка къ земли, — хлѣбъ пусть прѣить!“...

Никола іўляитца къ мужику.—„Мужикъ, прадай папу пашаницу: а то усю Ягорій паложить!“

Мужикъ приходить къ папу.—„Батюшка, купи мнѣ пышаницу! Видали вы яе?

— Видіў.

— „Купитя вы яе у мине?“

— Што тибѣ за яе дать?

— „Што, батюшка, пажалаитя“.

— Я дамъ тибѣ сто рублей.

Узяў сто рублей. Наканецъ пришла ночъ, и Илья паклаў усю пашаницу, прикатіў, якъ бярно, бурій—палигла уся.

На заўтрива, деньги атдаўши, попъ выходить глядѣть пашаницы, глянуў—руками пляснуў:—„За што я 'тдаў денги— за навозъ!“

Никола къ Ягорью приходить:—„Што ты, Ягорья, знаишъ? А вить мужикъ хитрѣй за насъ угодникыў“.

— Чимъ такъ?

— „А іонъ папу пашаницу прадаў“.

— Што іонъ узяу?

— „Да сто рублей.—Ты надѣлаў бяды: вить попъ пӧмрить. Ты вить знаишъ: папы жадны. Ты ета на сибе грѣхъ узяў— попъ па диньгахъ жіў ня будить“.

— А дакъ іонъ папу прадаў! Падыму же папу—и адинъ колысъ ня учйнить.

И падняў у ночъ усю пышаницу. Якъ была, такъ и стала ипять. Приходить къ мужику Никола: — „Няси папу дэнги: ипятьназаўтрига падымитца пышаница“.

Пабѣхъ пирядъ вечирымъ, яўляитца къ папу, а попъ яму и гаворить:—„Ухади ты, с... сынъ—абманіў! пышаница палигла—а ты яе прадаў“.

— Батюшка, натя ваши дэнги назадъ: я принесъ да капѣйки.

Пащитаў попъ—уси дэнги.

Пашоў мужикъ глядѣть пашаницы: уся пышаница, какъ трость—ни адинъ колысъ ня ўгинуў.

Никола іўляитца ипять къ мужику:—„Хади, мужикъ, ни зивай: ана, пышаница, паспѣить тибѣ у три дни,—тольки сабирай талаку бабъ соракъ, и жни, и вази!“...

Іонъ сабралъ на третій день талаку, бабъ соракъ узялъ и вазилъ; наклали гумно и скирды змитали.

Микола абарачаитца къ Ягорью: — „Што ты знаишъ, Ягорья?“

— А што?

— „Етый мужикъ хитрѣй за насъ, угодникыў Гасподнихъ“.

— Чимъ?

— „А вотъ чимъ. Пирикупилъ пышаницу у папа: сталъ попъ абиждатца, іонъ знёсъ папу дэнги... А ты поднилъ пышаницу мужику, мужикъ ею авладаитъ“.

— Ну, ня будитъ насъ хитрѣй! я здѣлаю яму такую шутку.

— „А што жъ ты яму здѣлаишъ?“

— А я яму споръ выню.

— „Якой?“

— А хуть 10 копъ содь—усе асьмина будитъ выхадить.

Никола абарачаитца къ мужику ипять.

— „Мужикъ, сматри жъ ты содь пу пити снапоў у авинъ: пу углахъ па снапу, а пятый у вакнѣ — усе асьмина будитъ выхадить“.

Мужикъ абарачивался садить пышаницу. Пять снапоў пасадить, васьмина выйдитъ.

Скольки времй малатіў, насыпаў цѣльный имбаръ.

Микола абарачаитца къ Ягорью,

— „Што ты знаишъ, Ягорья?“

— Што?

— „Мужикъ хитрѣй за насъ“.

— Чимъ?

— „А іонъ якъ падлидился пышаницу малатить: пять снапоў пасодитъ—асьмина выйдитъ“.

— Нѣ, ня будитъ іонъ хитрѣй угодникыў: я яму здѣлаю шутку.

— „Якую?“

— Уганю злыдню у въ имбаръ: усю пышаницу пирявоситъ.

Микола абарачаитца къ мужику. — „Што ты, мужикъ знаишъ?“

— А што?

— „Сматри: забей двери старыи наглуха, а новыи пpаруби сзаду“.

Микола абарачитца къ Ягорью: — „Што ты, Ягорья, знаишъ? Мужикъ хитрѣй за насъ, угодникыў Божыхъ“.

— Чимъ хитрѣй?

— „А вотъ чимъ. Забіў старыи двери наглуха — злыдни твая сядить, дажидаеть, пакедаль аттворить, а сзаду-та мужикъ прарубіў двери и аттуда выпущаить пышаницу, и радаеть у новыи двери“.

— „А дакъ іонъ хитиръ—харашо жъ!“

— Што жъ ты яму здѣлаишъ?

— „Пайду къ Ильи, штобъ іонъ панаслаў грозы—вѣтры, бури—моланни, штобъ яво домъ разнялo и ни была ничаво на чистымъ полю, када іонъ хитиръ“.

Никола абаратіўся къ мужику: — „Мужикъ, сматри: твоі домъ запалить Ягорья“.

— А чимъ жа мнѣ милуватца?

— „Я тибе научу. Придеть васкрясення, иди у церькву, купи двѣ свѣчки: адну грашавую, другую питаковую; грашавую умарай у сажу, — питаковый ни марай. Стань къ Ягорью, къ образу и гавари:

— Святэй Ягорья Хвабрый, угодникъ Божій, ты праведникъ Божій: вотъ тибѣ свѣчка чистинькая; а ету грашовую пастаўлю Миколи-обманьщику.

Падходить Микола къ Ягорью:—„Прасти ужъ ты яму: іонъ тибе праведнымъ апостылымъ пачитаить, а я абманьщикъ—а ты жъ ищо на мужика гнѣваисьтя!“...

Прагаваріў тада Ягорья:—Ну, Гаспоть зъ имъ: пусть валадаить дабромъ! Бохъ зъ имъ!“...

№ 6.

Якъ Никола помохъ бѣдныму мужику, а пòтэмъ бѣдный мужикъ, стаўши тўмаримъ, ніўважча супрати Миколы пуступіў.

Никола угодникъ сжаліўся надъ мужицкый биднатой,—стаў прасить у Бога дазваленія памочъ мужику:—„Госпади, дазволь мнѣ такога-та мужика здѣлать багатымъ!“

Бохъ и гаворить:—„Да, іонъ жа, абагатѣў, тябе пераўга надуить“.

— Нѣтъ, Госпыди, іонъ глупа ня здѣлаить: я яго знаю.

— „Ну, пагляди́шъ!“

Гаспоть здѣлаў такъ, што мужикъ разбагатѣў..

Потэмъ пашоў Гаспоть зъ Миколыю па зямли и зайшли у домъ тѳга мужика, каторыга здѣлали багатымъ.

У мужука была у тэй день талака, была многа народу; Гаспоть и Никалай угодникъ пупрасились у хазяина на нычъ. Хазяинъ зъ гнѣвымъ на ихъ заараў: — „Далій пашли! Няжъ вы, братцы, слѣпы, што у мине талака“.

Гаспоть было ужъ мима ихъ прайшоў; а Микола давай стучатца, да стучатца. Хазяинъ таки ихъ пустіў. Лягли гости спать: Гаспоть на печки, а Никола на лижанки.

На другей день ищѐ ни развиднѣла, а хазяинъ своихъ гастей ужу будить:—„Ну, гаспада нашлежники, пашли пумагать на гумно малатить!“...

Яны спрасонку патихоньку напрятывались, а хазяинъ асирчаў: узяў прутъ и давай тымъ прутымъ бизувать Николу, а, якъ прутъ слумаўся, пашоў за другимъ.

Бохъ тымъ часымъ приказаў Николи лечъ на печки, а самъ лёхъ на лижанки.

Хазяинъ, якъ зваратіўся, крикнуў:—„Што жъ вы ящо ни адѣлись?! Ну, теперь заднимy паддамъ — пареднимy ужу паддаў“.

Николи ипять пупала: нихай за дурака ня просить.

Пашли на гумно.

Снапы съ авина выбрасили и насадили у пасѐдъ.

Бохъ узяў свячу изъ хванаря да и наджохъ снапы.

— Што ты ета дѣлаишъ? Спужаўся мужикъ.

— „А ничога—гляди!“

Сматрѝть хазяинъ: салома сама па сабѣ, а зярно ляжить чистыя на таку. Зярно ўсыпали у мяшки; тады хазяинъ сказаў спасиба нашлежникамъ.

Гаспоть и Никола пашли сваимъ путёмъ.

А на другей день вутрымъ хазяинъ хатѣў абмалатить снапы, якъ нашлежники — и падпаліў салому: гумно згарѣла, хлѣбъ згарѣў, и стаў хазяинъ бѣдинъ, якъ и дапрѐжда.

№ 7.

Гурій—Самойла за несчастную женщину заступились.

Гурій и Самойла были священники при храми Божьимъ. Яны пиривинъчѧли па ашибки адну дѣвушку съ жинатымъ чилавѣкымъ.

Якимъ-то родамъ у другимъ гаради ужъ, а ни Смаленски, яе стали мучить и у землю закапали.

Пу малитви Гурія и Самойла, ина пиринислась живая у Смаленскъ и стала жить са сваими сродствинниками.

№ 8.

Старецъ съ ангеломъ путешествуетъ, и ангелъ показываетъ старцу справедливость Божію, гдѣ старецъ не признаетъ ее и не видитъ.

Адинъ чилавѣкъ сядѣў вдали дароги, ни мала прасядѣў—тридцать лѣтъ, и ужъ яму сдѣлалось наваждэнія.—Праизжали два прикащика, падарили яво, атъѣхали, увиду яво лашадей атлажили, начали абѣдыть, агонь разлажили, шкатулку денигъ вынули, лашадей выкармили, лашадей залажили, паѣхали, а деньги забыли. Скотникъ увидаў аганекъ, пришоў къ агню, некагда яму абагриватца; узяў шкатулку падъ палу и пашоў. Въ скорымъ жа времини идеть чилавѣкъ етымъ жа путемъ за прикащиками; разлажіўся къ гатоваму агню, штоба паабѣдать; а прикащики хватилися, што забыли деньги, варатилися назадъ, начали спрашивать у етыва чилавѣка, каторыва дли агню заспѣли, спрашивають у яво:—„Ты деньги узяў?“—Іонъ атвичаить:—„Я ни видаў“.—Аны начали яво нагайками сѣчъ:—„Гавари!“ А іонъ атвичаить:—„Я ни браў!“—Аны яму пирилумали руку:—„Ти ты?“—Нѣтъ.—Аны заваратили лышадей и паѣхали. А етытъ старицъ, што дли дароги сядѣў, ету бяду видить, што сказнили мылайцà бизъ вины. Етытъ старицъ бросіў ета мѣста и атсюда ушоў, пубыяўшись, што яво будуть тигать за ета дѣла—пашоў дарогую. Случіўся къ яму тыварышъ, и яны пашли у дваемъ. Абнила ихъ ночь, просютца яны у хазяина пирину-чувать. Хызяинъ ихъ принимаў, гаворить:—Прашу пакорна: ваши, можа, ноги былять.—Сичасъ іонъ имъ паслаў пастелю и паставіў имъ на столъ кушання, и паставіў имъ штохъ водки, и сяребриную рюмку вызалачиную:—„Вотъ вы пейтя и ѣшьтя, и атдыхайтя!...“ Яны заснули нѣскалька ўремя, етытъ жа чилавѣкъ, каторый прилучіўся на дароги къ етыму старцу, устаетъ рана и будить яво; гаворитъ:—„Пайдемъ, братъ!“—Старицъ етытъ гыварить, што нада публагадарить хызяина, а іонъ га-

вôрить:—„О, будимъ блыгыдарить хазяина!“ И узяў етытъ чилавѣкъ рюмку сяребриную вызылычиную, уклаў у сумку; ипять пашли путемъ сваимъ. Тольки у етыга старца ужъ на сердцѣ нячиста, што іонъ прасидѣў дли дароги тридцать лѣтъ, и тамъ чилавѣка да полусмерти прибили у яво виду, и у катораго хазяина начували, таварышъ утащіў рюмку за харошую хлѣбъ-соль. Прайшли яны ящо день, просютца у другова хазяина пиринучивать. Хазяинъ ни пущаить, етытъ старицъ гаворить:—Пайдемъ, братъ, дальши!... А етытъ жа чилавѣкъ, каторый украў рюмку, гаворить:—„Будимъ праситца на ннчъ“. —Куда васъ пущать, лѣшихъ?—„Пажалуста, пуститя!“—Дакъ вонъ ступайтя у свинникъ, ляжтя!—Етытъ старицъ и гаворить:—„Пайдемъ дальшій: у свиннуху ни харашо“.—„Нѣтъ, пиринычуимъ, када пущаитъ“.—Лягли яны у свиннуху. Пиринучували. На заўтрига етытъ старицъ будить раненька:—„Пайдемъ, братъ!“—Братъ, нада, публыгадарить хазяина.—Старицъ етытъ падаждаў, што таварышъ просить. Хазяинъ устаў, пашли яны благадарить хызяина: — „Блыгадарю, хызяинъ, за нашлегъ!“—Вынимаить яму рюмку, за нашлегъ дôрить: — „Вотъ табѣ за нашлегъ рюмка!...“ Старца узила зазноба: у харошига чилавѣка были прилична приняты, а у етыга плута затворины у свиннухъ, и ету рюмку іонъ яму атдаў, а у добрыга чилавѣка уваруваў. Пашли ипять путемъ. Старицъ бальшоя имѣў сумлѣніе, стаў расказывать и начаў гаварить: — „Богъ нашъ ниоправядліў“.—А таварышъ гаворить:—„Чимъ ниоправядліў?“ —А я табѣ разскажу пра сваю дасаду. Я прасядѣў 30 лѣтъ водли дароги. Праизжали прикащики, мяне падарили, кармили лашадей у виду. Выкарміўши лашадей, паѣхали, а шкатулку денигъ забыли, а скотникъ пришоў къ агню, узяў шкатулку и пашоў за скатомъ.—За што яму дасталиоь деньги?—„А за то, што іонъ пасеть нѣскалька лѣтъ, а яму плотють пазаднымъ хлѣбымъ; за ета яму Гасподь и даў“.—А за то што жъ етыму маладцу, руку пириламили?—„А за то, што іонъ ударіў атца и матирь; вотъ за то-та яму руку пириламили.—А еты деньги падсыланы, иминна, къ табѣ; еты деньги разбойницкія, грабѣжныя,—ни сагласисьтя ихъ узять; а ты ни сагласіўтя“. Тада іонъ и гаворить ипять на свайго таварыша: — „Аднача, братъ, и ты ниоправядліў.—У первага хазяина мы были приняты, и питяннё, и идяннё, и пастеля была паслана; а ты яво ни пуб-

лыгадаріў и рюмку у яво увакраў: а у плута-хызяина пупрасіўся, дыкъ іонъ намъ назволіў начувать у свиннуху, — и ты за свиннухъ публагадаріў, и рюмку узяў и падаріў, у добрыва чилавѣка увакраўши“. А старицъ гаворить: Паслушай, братъ, ета рюмка хвальшивая: ету рюмку найдуть, дакъ за яе накажуть кнутомъ и ў Сибирь аташлють. Тога хазяина, каторый насъ приняў харашо, тога ня стоить, а вотъ етыга стоить, каторый насъ пустіў у свиннухъ начувать, идѣ свинная воши. Када паживешъ, услышишъ: яво пашлють па дароги — „А ты хто такой?— А іонъ яму гаворить: „Я ангилъ!“ и улятѣў. Посли етыва етытъ чилавѣкъ, каторый ихъ затваріў у свиннухъ, быў посланъ по дароги.

№ 9.

Абъ Судьи Правиднымъ, абъ лягушки, вугри, смерти и Николи угодники.

(Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда).

Была ета время: таперь выбирають судій на три года, а выбрали Судью Правиднива на тридцать лѣтъ. и сядѣлъ іонъ 30 лѣтъ зъ глазами, никаму пащады ни давалъ, ни съ каво скупы ни бралъ, никаво ни скарбилъ, ни бругалъ; скольки скажить ударыў, стольки и дасть.

Атсѣдилъ 30 лѣтъ и здѣлали валастнэй сходъ, штоба аставили яго или панавили.

— „Гаспада міряни, я и атъ міра ня прочъ, и атъ Бога ня прочъ. Кали хочитя, штобъ я у васъ сидѣлъ, выкалитя мнѣ глазы“.

Сагласился валастнэй сходъ выкалать яму глазы:

— „Яму ни работать—будить сядѣть и сляпой“.

Какъ видущій судилъ, такъ и слѣпой, тожа тридцать лѣтъ.

Здѣлался валастнэй сходъ, штобъ яво панавить.

А онъ атправился въ баню. Тольки раздѣлся и узлилъ на галаву вады—шлепъ ему на нагу тяжка и халодна.

— Хто ты?

— „Лягушка я, Судья Правидный“.

— Зачѣмъ ты пришла?

— „Я прибрѣтала себѣ къ зимѣ теплую печурку, штобъ

была гдѣ зимувать. Аткель узялся угоръ, выгналъ мине изъ теплый пичуры“.

— Ека мущина да бабу выгнулъ вонъ и ня мохъ призвесть теплый пячуры. Привяди яго сюды. Ступай къ Судьи Правидныму—скажи яму.

Сказалъ лягушки перва:

— Ни баюсь Судьи Правидныва, ни пайду къ яму.

Приводить угра къ Судьѣ. Шлепъ Судьѣ на ноги тяжка и халодна.

— „Привила?“

— Привила.

— Угарь, какъ ты ета мохъ здѣлать?—Лягушка баба, а угарь такоя громкая названія?! Ударить тябѣ 5 ударыў.

Падай-ка, лягушка, изъ галеня вытяну 5 прутоў и дамъ яму пять ударыў. Лажись, бестія! Какъ ты могъ бабу выгнать?!

Лехъ кала нохъ.

— И мине вамъ ни упрасить. И прасить вамъ мине—ни ўпрасить, и купить—ни закупить: я есть Судья Правидный. Падняў сваю руку и прутикымъ стиганўў—и стаў іонъ видить лягушку и вугра.

— „Помни, бестія: за то тябѣ пращаю чатыри удары, што бабы-лягушки скора паслушаў, скора пришолъ!“ (А за то іонъ прастилъ, што увидѣлъ бѣлый свѣтъ и низнама каго сиканўў: ти угра, ти ящо каво).

— „Помни, бестія, штобы бабы-лягушки изъ печи ни выгнинять!“...

И пашли па сваимъ мѣстамъ. Пришолъ въ воласть, пирихрястился и шапку павѣсилъ на гвазду.

Сторажъ и гаварить другому:

— „Судья нашъ Правидный видить“.

— Какъ ета можна, штобъ іонъ видѣлъ?

Ну, видить сабѣ, такъ и видить!

Сазвали валастнэй сходъ выбирать яго.

— „Я атъ Бога ня прочъ и атъ міра ня прочъ. 30 лѣтъ сядѣлъ съ глазми и 30 безъ глазъ: пара старымъ кастямъ дать пакой—астаўтя мине!“...

Пакланился міру и пашолъ прочъ. Дашолъ да маложъ.

— „Пириначую здѣсь! а то скажуть сыны и унуки: плоха служить дѣдъ, што выгнали яво прати начи“.

Заначувалъ. Бурдятъ камары кала яво—ни дають спать. Теплушка разложилъ. Ляжить на баку.

Яўляитца Гаспоть.

— Што вы начуитя? Нильзя ли мнѣ съ вами пириначувать?

— „Ня будишъ са мной начувать? Я за вами знаю причину“.

— Какую?

— „Свѣтъ равинъ и глядимъ мы раўна, другей чиловѣкъ сытъ и адѣтъ и абутъ, а у другога нѣтъ ничаво — ни сытъ, ни голыдинъ“.

Гаспоть адалился прочъ отъ Судьи Правидныва.

Гаспоть саздаеть яму Никалая угодника:

— „Можить іонъ за табою ни нашоў никакой причины? На мнѣ нашолъ“.

Яўляитца Никалай угодникъ.

— Начуишъ?

— „Начую“.

— Можна съ табою пириначувать?

— „А хто ты такой?“

— Никалай угодникъ.

— „Ня можишъ. Я за табой причину знаю“.

— Какую?

— „Хвастливый за деньги купитъ свѣчку и несетъ, а багатый съ сваиго воску ставить. А тада ты брови задираишъ, усы падымаишъ, глаза выгаляишъ, смотришъ такъ пряма на насъ, на багатыхъ, што харашо свѣчки ставять.

А бѣдный чилавѣкъ сабьетца и наставить свѣчку: тада ты ня смотришъ на яго пряма: глазы зажмуряишъ, брови апущаишь, глазы закрываишъ, усы вѣшаишъ, — ня смотришъ ты пряма на насъ, бѣдныхъ, што нихарашо мы тибѣ свѣчки ставимъ. Иди—ня будишъ са мной начувать!—и етыва атогналъ. Николай пришолъ къ Госпаду:

— „И за мной причину нашолъ!“...

— Саздадимъ яму смерть и женщину!

Смерть приходить къ яму.

— Здрастуй, Судья Правидный!

— „А хто ты такая есть?“

— Смерть.

Судья усталъ и пакланился ей: ни нашолъ за ней при-

чины:—„ета ни вазьметь ужъ скупы, прасить яе ни ўпрасить, купить яе ни закупить!“...

Пиринначували. Узнялся итить Судья Правидный, сталъ глазы выиувать расою, и смерть на яго глядя такжа.

Пумалился Богу и пашолъ. Смерть гаворить:

— Я съ табой пайду!

— „Прашу пакорна“.

Пашли вмѣсти.

— Судья Правидный, я тибе умарю въ сарака сажиней атъ дому.

— „Ахъ, гаспажа смертынька, мамухна, прасить тибе ни ўпрасить, купить тибе ни закупить,—ну, дапусти мине дамой, штобъ ни памеръ бизъ пакаянія!“...

— Ступай, а усе таки я тибе умарю.

Патребывали священника. Паспавѣдалъ его, пріабщилъ; яўлянтца къ яму смерть.

— Судья Правидный, я тибе пумарю.

— Ну, пазволь мнѣ, гаспажа смертынька, хуть разъ прайтись па маемъ садику. У мине у саду была пчела, разныя хрухты—хачу пасматрѣть, ти такъ у маихъ сыновей, якъ а мине была.

Приходить у садъ — также гудеть пчела, таксу цвитуть разныя красачки, такжа спѣють разныи хрухты.

Ну, Судья ужъ умиръ: смерть вывила яво душу изъ тѣла,—толька тѣла у дворѣ асталось.

Усё Судья Правидный хадилъ са смертью па свайму саду, усё, любувался садымъ.

— Што, харашо у тибе въ саду, Судья Правид ный?

— „Усе харашо. Ну ступай—мари мине!“.

(А ина яго уже змарила).

Идуть къ двару, а тутъ уже воють па яво тѣлу.

— Ахъ, смертыньки душа, што еты выють у маимъ доми?

— А ета па тѣлу па тваиму, а у тибе осталась одна душа!

— „А гдѣ мнѣ быть велѣлъ Гаспоть“.

— Вялѣлъ Гаспоть пустить тибе у царства небесная.

№ 10.

Абъ Ивани Сямёныви, якъ іонъ искаў правиднывa чилавѣка и са смертію падружіўся; якъ са смертію Иванъ Сямёныў сабѣ багатства нажіў, потэмъ самое смерть надуіў и яще трехъ яе дачокъ.

Жіў купецъ багатый, имянитый, мѣў три лаўки. Растащили прикащики усё яго добрая, стаў доўжинъ, а мѣў билiёны, да таво дажіў—куска хлѣба нѣтути. Зваріў сабѣ пару яецъ и сѣў на пирякрёсткахъ.

— „Буду дажидать къ сабѣ правиднывa чилавѣка яецъ скушать“.

Идеть чилавѣкъ.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты здѣсь сядишъ?“

— Ажидаю къ сабѣ правиднывa чилавѣка пару яецъ зъѣсть зъ имъ.

— „Я правидинъ“.

— Хто жъ ты такой есть правидный?

— „А я Микола, угодникъ Божій“.

— Хатя ты сабѣ Микола, у тибе праўды мала: ты вясною галодинъ и халодинъ—прахади дальши!

Идеть чилавѣкъ ящо.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Што ты тутъ сядишъ?“

— Ажидаю правиднывa чилавѣка пару яецъ скушать,

— „Я правидинъ“.

— Хто жъ ты такой есть?

— „Святой Ягорій“.

— Хуть ты сватой Ягорій, праўды у табе нѣтути.

— „Па чомъ такъ нѣтути“.

— А ты вясною халодинъ и галодинъ и ваўку жирибятъ атдаешъ—прахади дальши: у тибе праўды нѣту!

Идеть жэнщина.

— „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!“

— Здрастуй!

— „Што ты тутъ сядишъ?“

— Жду правиднывa чилавѣка пару яецъ зъѣсть.

— „Ну, я правидна тольки“.

— Какая ты есть правидная?

— „А смерть смерти“.

— Праўда, смерть! Хуть праси, хуть мали, тибе ни атлажить дальши. Садись со мною, станимъ ѣсть!

Съѣли яны пару яецъ. Смерть гаворить:

— „Иванъ Сямёныў, ты быў багатый чилавѣкъ, — тяперь ты мѣишъ бальшея нужды!“...

— Ахъ, смертынька — матынька, бальшую тярплю нужду: ня мѣю сабѣ куска хлѣба.

— „Я тибѣ дамъ, Иванъ Сяменыў, багатства!“

— Будь миластива, дайтя — па вѣкъ вѣшный васъ буду благадарить.

— „Накупляй сабѣ пузырькоў и падкрась ихъ красна. У васъ у гаради будить хварать памѣщикъ багатый, іўляйся ты къ яму, требуй:

— „Дапуститя вы мине да самога гаспадина!“

Ты мине будишъ видить, смерть, у галавахъ или нагахъ я буду стыять; — то тады гавари, када я буду стыять у ныгахъ, атвищай сваей гѳлнывый, што жіў будить; если у галавахъ буду, гавари, што памреть. Етый памѣщикъ жіў будить: у ныгахъ буду стыять. Тада, если скажишъ яму ета слова, іонъ тибѣ тысячу рублей за ета пажерствуить.

Будишъ ты дохтарь, у бальшей слави, будуть тибѣ дэнги бальшея давать: маи слависа будуть прихадитца“.

И пашоў Иванъ Семёныў у бальшей слави па горыди, у пять лѣтъ пуправіў свае лаўки, наняў прикащикыў и лаўки уси пакрыў таварами, дѣти наглидали прикащикыў, а ў двинацыть лѣтъ Иванъ Сямёныў бальшіи тысичи сабѣ зажіў па сваей доўжныстипа дохтырьскій и па таргоўли па сваей. Тольки выжіўши питнацыть лѣтъ, памѣщикъ захвараў у дисяти вирстахъ. Шлеть лошадей Ивану Сямёныву и съ запискыю кучира:

— „Пріѣдь ты ка мнѣ: я низдароў.

Пріизжаить кучиръ къ Ивану Сямёнывичу, докладають Ивану Сямёнывичу, требуить іонъ кучира къ сабѣ, кучиръ атдаеть яму записку.

— Я сабярусь. Ѣду.

Сабираўся Иванъ Сяменычъ ѣхать. Садіўся и паѣхаў. Выизжаатъ зà гарыдъ, сичасъ видить домъ, гукаитъ яво смерть у вакошка (а кучиръ дома ня видить):

— „Иванъ Сямёныў, пади ты ка мнѣ!“...

Приходить іонъ у домъ къ смерти.—„Здрастый, смертынька!“

— Здрастый, Иванъ Сямёныў! Куда ѣдишъ?

— „Во, смертынка, ѣду къ барину такому-та“.

— Іонъ тибе ажидаить. Тибѣ двѣ тысичи ужу атщитаў, када ты яго абрадуишъ; тольки іонъ будить жіў — я буду у ныгахъ стыять.

— „Пращайтя, смертынька!“...

— Пагади!..

— „Чаво?“

— А вотъ што, Иванъ Сямёныў: заўтри сабирайся самъ умирать.

— „Смертынька-матынька, ня можишъ атлажить хуть на гадокъ?“

— Нильзя, Иванъ Сямёныў: я у праўди састою.

Іонъ паѣхаў. Пріизжаить. Глянуў: смерть у нагахъ стаить. Баринъ пытаить: — Иванъ Сямёныў, буду ли я жіў?

— „Будитя! натя майго ликарства, благопалушны будитя“.

— Да вотъ тибѣ, Иванъ Сяменыў, двѣ тысячи рублей: ты мине абрадываў.

Иванъ Сяменыў, палучомши двѣ тысячи, пріизжаить дамой. Пращаўся и съ дятьми сваими, и съ жаною, и сказываў имъ:

— „Пращайтя, мое дѣти! Пращай, мая супруга!“...

— Куда жъ ты, папаша, зъ нами пращаисьтя?

— „Дѣти мое и супруга мая! Чимъ—ся мнѣ заўтри умирать—атъизжаю я у чужу старану. Какъ ихъ чатыри смерти: мать и три дочири,—дакъ я атъ ихъ схаранюсь буду жіў, присылать вамъ буду гастинцы и деньги“.

Присылаить іонъ и тяперь деньги дѣтямъ и супруги: мать-смерть ни нашла яго у сваимъ участки. Живеть Иванъ Сяменыў ужъ болей ста лѣтъ и ўсе укрываитца.

№ 11.

Якъ мужикъ искаў кумоў справядливыхъ.

Мужикъ искаў кумоў справядливыхъ. Панъ, попъ, святэй ниспрвядливы, а смерть справядлива. Якъ пукуміўся мужикъ са смèртю, зъ ёю усякея балѣсти лѣчіў, потэмъ разными вымудрами атъ кумы сваей атдѣлатца хатѣў.

Жіў адинъ багатый чилавѣкъ, и ни було у яго дятей: народитца и памреть. Іонъ тада, када радила жонка, уздумаў:—

„Пайду: кума и куму вазьму справядливыхъ". Вотъ идеть іонъ дарогуй, стричаитца зъ имъ попъ. „Куда идешь, чилавѣкъ добрый?" Иду или куму, или кума справядливыхъ узять. Священникъ и гаворить:—„Вазьми мяне кумымъ!" Хто жъ ты такей? —„Я попъ!"—Нѣтъ, ни вазьму: ни справядлива бярешъ, съ живога и мертваго лупишъ. Ишоў—стричаитца зъ имъ баринъ. —„Куды идешъ, добрый чилавѣкъ?" Иду кума или куму справядливую искать.—„Вазьми мяне!"—А хто жъ вы такея?— „Баринъ". Нѣ, ни вазьму! нисправедлива бьешъ, народъ сякешъ. Ишоў, ишоў мужикъ; стричаитца зъ имъ святэй.—„Куда идешъ, добрый чилавѣкъ?" — Иду куму или кума справядливахъ искать.—„Вазьми мяне!"—А хто ты такей?—„Святэй"— Нѣтъ, ни вазьму: ниспрavядліў: у каво дятей многа, таму большій даѐшъ; у каво денигъ многа, таму большій даешъ: а у мяне дятей нѣту, такъ и ни даѐшъ. Идеть дарогуй, стричаитца смерть:—„Куда, чилавѣкъ добрый, идешъ?—Иду искать кума и куму справядливыхъ.—„Вазьми мяне".—А хто ты такей?— „Смерть".—Вотъ тябе вазьму! ты справядлива: ты моришъ и папоў, и паноў, и купцоў, и мужукоў,—и ни кому ни даешъ пащады. Пашла ина, пирихрястила рабенка. Смерть яму сказаля:—„Сматри жъ, кумъ: ты мяне будишъ видить; таперъ ты багатъ,—будишъ ящо богачи. Низдаровый будить чилавѣкъ,— ты къ яму приди и мяне увидишъ. Ежели придешъ къ низдаровому чилавѣку, и буду я стыять у галавахъ, то ты яво атхаживай: вадицыю памый и скажи:—„аздараўливай!"—А ежили придешъ къ низдаровому чилавѣку, и я буду стыять у нагахъ и буду сматрѣть низдаровыму чилавѣку у глазы, то етыва и ни атхаживай,—скажи, што етытъ чилавѣкъ памреть. — Праявіўся мужучокъ сильнымъ знатцомъ: яво начали вазить за сто верстъ и далій. Вотъ зазвала ета кумà ў гости кўма, папотчивала, и у кумѣ етый агромный азалъ и ўсе гарять свѣчи. Іонъ и спрашіить кумъ у кумѣ: — „Какея у тябе, кумычка, свѣчи?"—А ета ўсё души.—„Дли чаво жъ етыя свѣчи?"—А вотъ, кумокъ: какъ каторая дагарить, я и царапъ яво.—Кумъ асўміўся.—„Кумычка, пыкажи маю свѣчичку!" Кума яму паказала и яво свѣчичку, — а свѣчки етый нямножка астаетца ужъ гарѣть. Стаў іонъ сваю куму прасить:—„Кумычка, можна яе трошку падлиннить?"—Нѣтъ, кумокъ, у мяне етыва ня будить: у мяне никому пащады нѣтъ.—Кумъ етытъ заклапатіўся,

уздуину пришомши дамой сдѣлать кырывать у воби стораны галавашками. Многа ль, мала пажiу, сдѣлаўся виздароў и легъ: начаў слабѣть. Кума къ яму и гатова: пришла. Iонъ видить, што ана у ныгахъ станть,—хатѣў пахитрить. (Ина яму сказала, што када будить у гылавахъ стыять, то жiу будить чилавѣкъ; а кыда у нагахъ, то паирэть). Тады iонъ узяў, пирикулдыкнуўся къ ей галавею, штоба она стыяла у гылывахъ: какъ iонъ пирикулдыкнуўся, то ина зайшла зъ ногъ и сматрить на яво,—iонъ нѣскалька разъ буртыкнуўся къ ей галавою: патуда буртыкаўся, пакуль забуртыкаўся.

№ 12.

Якъ сыны батьку карили, што iонъ у церькыў ня ходить.

Сыны батьку карили, што iонъ у церькоў ня ходить, а iонъ быў благачасливый и заўжда хадiў у церькыў, тольки што другею, якъ сыны, путиныю.

— „Ты у церькыў никали ня ходишъ; ми никали тибе ни видаимъ“.

— Што такъ ни видаитя?!..

Ну, ладна сабѣ! А батька запраўду у церькыў хадилъ.

Вотъ iонъ у церькви, и видить iонъ тоя, што ня видна другимъ людёмъ—патаму iонъ правидникъ.

Во на паталоки тощуть черти кожу и натягываютъ, пишуть усё пишуть, хто быў у церькви, хто нѣ; хто зширно стаить, а хто нѣ.

Адинъ чортикъ, якъ яны натянули тую кожу што ни iость мочи натагàнъ—и угряшись (ти зъ натуги ета iонъ, ти штобъ правидника зиустить, тольки здѣлаў iонъ ета сурьёзна, быццàкъ такъ надо).

Батька и прасмихнись: вить ета черти хуть ба наши бабы али ребяты, наѣўшись гароху—да за то тымъ чачарй дяруть. Чиртямъ ета на руку — прàписали яго сийчасъ, ажно у ихъ перья скрипнули. Тады баста! У церькыў батька йшоў па возиру, якъ по сухху, а аттэль пришоў па забаретинь у води.

Тады тольки сыны навѣрили, што батька ихъ ходить у церькыў.

№ 13.

Атчаго Бохъ плахому мужику даеть харошую жонку и харошій жонки плахога мужика. Святыи лянивыму мужику вѣку прибавили, штобъ яму параработать. И за одну часинычку своей смерти ни ўгадаишъ. Святыи наказыють жаднаго и гордыга мужикоў.

Какъ бувала у старинныя годы, то хадили апосталы па зямли; вотъ аднажду идуть два апосталы па зямли: Илья праракъ и Николай угодникъ. Ишли яны па полю; вотъ и жнеть адна дѣвушка на поли, да такой степени ина стараитца, што съ яе потъ такъ и заливанть, усё раўно, какъ зъ видра. Патомъ Илья праракъ и гаварить на Николу чудатворца: — „Ахъ, какъ ета дѣвушка сильна стараитца“!... Патомъ нямнога прайшли, идуть яны кала саду, ляжить тамъ малицъ падъ яблыныю и надъ имъ висить яблачка. Іонъ и гаворить самъ сабѣ: — „Ахъ, падымися бальшей вѣтиръ, сарви мнѣ ета яблычка прямо у ротъ, то я бы и съѣлъ яго, а самъ я ни устану, патаму, што я лянюсь.“ — Вотъ Илья праракъ и гаворить Никалаю Чудатворцу: — „Вотъ етытъ мальчикъ той дѣвушки, катория на поли сильна убивалась, будить другъ“. — А Илья праракъ ужъ ета знаў. Никола и спрашіить: — „За што ета такъ: тая дѣвушка такая работница, а другъ ей такей лягà?“ — А іонъ и гаворить: — „А во на што: ежили сабрать абоихъ раўныхъ, то яны и на Бога пазабудуть, а ежили адинъ ляга, а другой старательный, то ўсё хуть нямнога уздумають на Бога.“ — Патомъ ящо нямнога прайшли, гародить мужикъ згароду и колья пиривязыить аржанэю саломыю; яны идуть окала яго и спрашіють: — „Здрастуй, мужучокъ!„ — Здрастуйтя, здрастуйся, гаворить іонъ: мые, вы, дѣдушки паштэнныя!“ — Яны и гаворють яму: — „Што ты ета дѣлаишъ, саломаю колья пирявязаишъ: нижъ у тябе лазы ни хватаить“? — А іонъ имъ и гаворить: — „А патаму, што я скора буду пamирать, то я вяжу саломыю: пускай мае ничога никому ни дастанитца.“ — Патомъ Илья праракъ и гаворить па Николу чудатворца: „Ну-ка мы яму сдѣлаимъ такъ, штобы іонь пражилъ стольки, сколька жіў“. — Патомъ, яны яму ни сказали ни слова и пашли прочъ. Дaживаить этытъ мужикъ да тога ўремя, каторая при-

ходить, што яму ужъ нужна умирать, то іонъ и давай пригатоўливать, што яму нужна було на смерть. Патомъ приходить тоя ўремя и ужу праходить, а іонъ усё жіў и ни ўмираить, и думаить самъ себѣ, што ета такая: посли тŏга пражіў адинъ годъ и другей, а смерти ўсё нѣтъ. А ящо каторыя знали сваю смерть и сваими славами гаварили, што пара имъ умирать,—и усѣ пиристали знать.—Патомъ черизъ нѣскалька уремя идеть Илья прарокъ и Никалай угодникъ кала лѣсу и видють, што мужикъ матычить сабѣ ляда. Вотъ аны подходють и гаворють:—„Богъ помачъ тваей миласти!“ А іонъ на нихъ и гаварить:—„А вялѣў Богъ, штобъ и ты памогъ!“—Ну, какъ Божжимъ угодникамъ, то имъ атказыватца нильзя; яны и гаворють:—„Ну, такъ што жъ дѣлать? Што Богъ вялить, то нада дѣлать“.—Вотъ яны и давай матычить.—Што етытъ мужучокъ матычить день или два, то яны узматычуть у адинъ часъ и таго меньшій. Вотъ яны нѣскалька ўремя пуматычили, патомъ и гаворить Илья прарокъ и Никалай чудатворицъ:—„Ну, мужучокъ, таперь што мы будимъ дѣлать?—Какъ мы будимъ дялить ў пахати, или ў пасѣви, или ў паспѣхи?“—А мужикъ никакъ ни саглашаитца, то яны и гаворють:—„Ну, Богъ съ табою“, а сами и пашли отъ яго.—Какъ аташли нямнога, пасматрѣть етытъ мужикъ: нѣтъ яго матычиньня нійдѣ. А яны пашли, да пашли. Идуть яны кала дяреўни, а багатый мужикъ сѣить грячиху на гарŏди. Вотъ яны идуть кала яго и гаворють:

— „Во зимля харошая!“

А етытъ багачъ гаворить:

— А вамъ што тутъ за спросъ?

А яны гаворють:—„Богъ помычъ, гаспадинъ хазяинъ!“

А іонъ гаворить:—„Спасиба!“

Вотъ яны и гаворють:—„Во на етый зямли што нибудь Богъ дастъ.“

А іонъ имъ и гаворить: „Тутъ бязъ Бога Богъ; када на етый зямли ни зародитца грячиха?“

Вотъ какъ узыйшла ета грячиха, дыкъ кой-идѣ тольна калива; тады и гаворить етатъ самый багачъ:—„Праўда тѣхъ старичкоў, што бязъ Бога нѣтъ ничога: ни зародить ни на плахой зямли, ни на харŏшій, если Боъ ни дастъ“!... Када Богъ ни зарадіў, то и багачъ на Бога успомніў.

№ 14.

Када чилавѣкъ багатъ—нихай тутъ нахарчуитца, а на тымъ свѣти муку аттерпить; а бѣдный тутъ аттерпить—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

Катили па дяреўни бочку золыта самъ Гаспоть сы апосталами. Апосталъ гаварить на Бога:

— „Куда мы пакотимъ бочку?“

— „А пакотимъ къ багатыму мужику.

— „А на што мы къ яму пакотимъ? У яго и такъ дабра многа, а велій мы пакотимъ къ бѣдный удавѣ: у яе дѣти маленькія“.

— Пастой! Я сичасъ табѣ пакажу, якоя царства на тымъ свѣти багатыму и якоя бѣдныму.

(А бочку пакатили къ богатыму).

Глядить апостылъ: багатый у смалѣ кипить, а бѣдныга душа у раи.

Када іонъ багатъ, пущай тутъ нахарчуитца, а на тымъ свѣти муку патерпить, а бѣдный тутъ аттерпить,—за то яму на тымъ свѣти прасвѣтлый рай.

№ 15.

От пьянства всевозможные грѣхи.

Спасался адинъ угодникъ. Гаспоть яму сказалъ:

— Здѣлай адинъ изъ трёхъ гряхоў: или гавядины зъѣшъ, или вина пьянъ напейся, или челавѣка забей.

Угодникъ сагласился:

— „Вѳлій пьянъ напьюсь!“

А какъ напился пьянъ, то и гавядины наѣлся и челавѣка забилъ.

№ 16.

Якъ братъ пависъ на шыи брата.

Были два брата. Жили, жили умѣсти, раздялилися. У аднаво дѣти іость, а у другога нѣту. Тэй багатъ, у каторага дятей нѣту; етытъ амялѣў, у каторага дѣти іость: скоту нѣту, хлѣ-

ба нѣту,—іонъ дужа и бѣдинъ. Ну, жіў, жіў, захвараў и памеръ.—А багатый па дарогамъ ѣздить. Жина пашла къ багатыга жонки. — Сястрица, дай мѣрычку муки пахаранить чимъ нибудь!—Систра насыпала муки.— „Сястрица, дай мнѣ ящо три рубли денигъ"!.. — Ахъ, сястрица, іонъ жа прибьеть мяне за деньги: можа, іонъ и падъѣдить, пакуда харанить яво.— Вотъ, толька ина тѣ деньги панисла, грюкъ на дворъ багатый братъ съ лашадями, а ина, какъ ишла, чиризъ яво палажила деньги на вакошка. Жонка выскачила лашадей атпригать, да яму и сказыпть:—„Живи здарова: братъ твой пирпставіўся."—А іонъ: ну, Богъ съ нимъ!—„Дала ей мѣрку муки на похараны!"— Ну, дала—и дала!—„Ящо денигъ три рубли дала ей!"—А іонъ якъ закипѣў:—На што ты денигъ давала? — „Чаво жъ ты кричишъ?—Кали табѣ жалка деньги, иди и вазьми ихъ: аны на вакошки лижать"!—Ня успѣў іонъ лашадей прибрать. ина и падпарыпть, штоба бѣгъ.—Какъ увышоў ў избу, пирихрястіўся, и нада яму пуцулувать брата, а другой рукой хочить деньги узять. Какъ за тэя деньги узяўся, братъ ускребся за яго шыю и пависъ—и такъ лоўка. Священникъ сказаў багатаму брату:—Если ты пажалѣў денигъ, табѣ и вѣшная мука!

№ 17.

А брати, каторый назваў сястру змяёй.

Въ адномъ мѣсти, какъ жіў аднпъ мужикъ багатый. И такъ іонъ жіў багата, и ни було у яво никакихъ рѳдныхъ,— толька была у яго систра, и такая ина була бѣдная. Патомъ іонъ узяў съ ею и раздяліўся. А ина була да такой степини бѣдна, што и сабаки було нечимъ выгнуть. А іонъ яе ни любіў; адинъ разъ толька іонъ сѣў абѣдать са сваею хазяйкую, а систра яго задумала што-та къ яму придить, а іонъ толька паставіў на столъ парасятину. А ина идеть па двару, и гаворить іонъ на сваю хазяйку:—Вонъ паўзеть тая змія, вазьми ка ты, прибяри ету парасятину!... Вотъ ета хазяйка схватила ету парасятину и паставила ў судникъ, патомъ увайшла яго систра у хату, пубыла ина у ихъ нямнога, патомъ и пашла. Вотъ іонъ и гаворить:—„Во ходить змія падваруха, пакармёха"!... Патомъ и гаворить на хазяйку:—„Ну, иди-ка ўняси тую па-

расятину“!.. А ина чимъ-то заиялась, патомъ іонъ гаворить:— Падажжи: я самъ ўнясу!... Толька іонъ пашоў у судникъ за етыю парасятиныю, пасматрить: идѣ лижала парасятина, тамъ ляжить змія. Іонъ спужаўся и гаворить на хазяйку:—Што ета тутъ такоя ляжить?—А ина гаворить:—Што ты ета шутишъ, штоль?—Тамъ ляжить парасятина.—А іонъ гаворить: „какая парасятина? Тамъ ляжить змія!..“ Толька іонъ хатѣў узять тую тарелку, а ета змія цапъ яму на шію. Іонъ яе хатѣў атарвать, да никакъ ни сарветь. Патомъ гаворить: — Во, назваў сястру змяёю: во, тутъ змія и іость“.—И памеръ.

№ 18.

Разсказъ объ аднэй жэнщины.

Якъ у вангиля крылья атабрали, и хадіў іонъ па зямлѣ.

Ишла жэнщина дарогыю, на дарови радила. Гасподь пасылаить ангыла:—„Пади вазьми у жэнщини душу“!... Ангылъ прилятѣлъ къ жэнщины, пасматрѣлъ — малютка родился. Іонъ сжалился надъ малюткыю:—Што жъ я у ние вазьму душу?—Малютка етый астаетца.—Падумалъ Гасподь, пасылаить утарова ангыла:—„пади вазьми у жэнщини душу, а ў таво вангыла атбяри крылья“!... Ангылъ прилятѣлъ, душу узялъ и у вангыла крылья атабраў: астаўся етытъ вангылъ на зямли бязъ крылья, чолавѣчецкимъ вд ббрави. Етытъ ангылъ априделился къ архирею у кучира. Нѣскальки жилъ у архирея, хадилъ къ абѣдни; тольки служитили начали падмичать абъ архирейскимъ кучиру, што, када абѣдня идеть, запаютъ ета хирувимскую пѣсню, то тады кучиръ архирейскій выходить ки храму; вонъ служители ета дѣла падмѣтили:—„Какой ета у архирея чолавѣкъ?“—Далажили архирею, што іонъ выходить изъ храму на ижехирувимскый пѣсни; нада класть паклоны, а іонъ выходить съ церьквы. Архирей требаить кучира сваво, каторава нанилъ и спрашіить у яво:—„скажи, братицъ, што ты іость за чилавѣкъ“?

— Я кучиръ! и пашолъ съ естымъ.

Када былъ праздникъ, была служэнія, архирей априделилъ двухъ служитялей паслѣдывать за кучирымъ, што іонъ будить дѣлать, када будить абѣдня тить. Запѣли ижахирувимскую

пѣсню, іонъ выходить вонъ, узялъ кирпичину и бросилъ на самую главу; два служитиля за имъ слѣдують. дѣла ета видють. Тада и пашолъ кучиръ па улицы. Сядить калѣка нищай и кричить на ўсё горла:—„падаритя, падаритя, ради Христа"!— Архирейскій кучиръ падайшолъ къ етыму калѣки, саскрёбъ яго за лобъ и начаў палкую дуить, а два служители за имъ замичають, што іонъ калѣку атпряталъ. Пашолъ кучиръ па улицы, стричаитца зъ имъ мущина, видный изъ себе маладецъ; кучиръ жа архирейскій падарилъ яму палтину серибра, падарилъ, пашолъ па горыду. Ўсходить на мыстъ, стричаитца зъ имъ младый вьюнышъ у бѣлымъ адіяніи. Іонъ зъ имъ пакланилася и варатіўся назадъ.

Приходить у сваё мѣста, а служитили, каторыхъ пасылалъ архирей за сваимъ кучирымъ слѣдывять. Явилися къ архирею, разсказыють яво праказы; архирей требаитъ сваяго кучира: „скажи, братицъ, какой ты чилавѣкъ? Што ты дѣлаишъ, што за праказы нипадобныя, када ты выходишъ на вулицу изъ храма на пжахирувимьскій пѣсни и узялъ ты кирпичину и бросіў на главу,—въ ета время нужна паклоны класть!"

— Ета я выхажу на дворъ изъ храму: тада праклятэя духи выходютъ изъ сабора вонъ и митаютца окыла криста и главы: дакъ я ихъ кирпичиный атбивалъ.—Архирей падумалъ, што такоя значить.

„— Ета идна праказа. Ты, вѣрна, ни добрый якой ни на есть: ишолъ ты на улицы, калѣка сядѣлъ, прасіў милыстини,— и ты яво ни падаріў, ды прибіў—вотъ ета другая праказа."— Атвичаў кучиръ архирейскій архирею:—„На што яму тѳму калѣки деиги, када падъ имъ, идѣ іонъ сядить, паў мѣрки сирибра ляжить."—Архирей уздумаў:—„Нада павѣрить"—Павѣрилъ: нашли падъ имъ деньги, съ паў мѣры сирибра. Тада архирей гаворить яму, кучиру свайму:—„Вотъ третію праказу ты сдѣлалъ: падарилъ маладца. Изъ сябе быў маладецъ: етый маладецъ могъ бы заработать, а ты яво падарилъ.—За што ты яво падарилъ"?—Атвичаитъ кучиръ архирею:—„іонъ третій день ходить па горыду и ищить работы; работы ни находить, а пупрасить совѣститца: вотъ за то я яму на прапитанія падарилъ палтину сирибра".—Вотъ жа тябѣ чатвертая праказія: Паўстричался ты на масту съ младымъ вьюнышимъ у бѣлымъ адіяніи, и ты пакланился и варатился назадъ.—Атвичаитъ ку-

чиръ архирею:—„ета самый тэй, што у мяне атабраў крыльля.“ — Хто такей у тябе атабраў крыльля? Хто ты такей іость?

— „Я ангылъ“.—Архирей спрашіить:

— „Можишъ ты спѣть ангильскую пѣсню?“—Іонъ атвичаить:—магу.—„Ну, спой-ка жъ“!—Нѣтъ, я такъ ни магу.—„А какъ жа ты можишъ“?—Вотъ якъ я магу пѣть: прикажитя сдѣлать гробъ, аббить парчою, и вы, владыка прасвященный, аблачитись въ етакымъ палаженіи усею хормыю, якъ обѣдню служить, и тады ляжьтя ва гробъ, и тады я запаю.

Заказаў архирей сдѣлать гробъ, якъ даўжно, архирей узяў аблачіўся, узяў хрёстъ, вангэлія и лёхъ ва гробъ, и народу сборъ примножіеть, а были и тада: ангылъ запѣў вангильскую пѣсню, и народъ весь пупадаў атъ звукыў, атъ грубысти пѣсни ангильскый. Тада саслаў яму Гасподь крыльля, етыму вангылу, и архирей падняўся на ваздухахъ, и пашолъ и ангылъ съ пѣснями за имъ, и нѣкатырыя народы пупадали, а справядливыя нѣскальки увидали, толька ня усѣ съ народу видали, а катирыя были дастойны.

№ 19.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Вары стали каліками пиряхожими.

У старинныя годы жили два чилавѣки. Яны занимались толька тымъ, што крали у добрыхъ людей дабро. Аднажды яны ноччу сгаварились аднаго мужука абакрасть; пашли, улѣзли яны у клѣть и давай тамъ абчищать. Толька паслыхаў ета хазяинъ и гаворить на сына:—„А што, сынъ, вить у насъ вары у клѣти?“ —А, тата, знать, што такъ!—„—Ну-ка пайдемъ!“—Пайдемъ.—„Сынъ, дай ка мнѣ иголку!“—А на што?—„Увидишъ,—давай!“—Узяў батька иголку и пашли яны ў клѣть. Были еты хазяины вочинь сильны: яны етыхъ вароў пувизали. Сынъ гаворить:—„Ну што мы будимъ таперь зъ ими дѣлать?“—А во што: выкалимъ имъ глазы и пустимъ: нихай вѣкъ молютца Богу и атмаливають свае гряхи.—Выкалали яны варамъ глазы и пустили.

Многа ли, мала прашло, стали еты сляпэя вары хадить на

дяреўни и пѣть стихи. Зашли яны аднажды у ту дяреўню, идѣ жили батька съ сынымъ, тѣ самыя, каторыя имъ глазы выкалали. Пришли яны ў дворъ ихній; имъ гаворють: — „Съ чаго вамъ приключилась слипата“? — Ахъ, любезныя! — Мы вамъ признаимся: — нѣскалька лѣтъ таму назадъ мы были такея вары, какихъ ни було нійдѣ. Аднажды мы сгаварились абакрась аднаго чилавѣка; насъ хазяинъ паймаў и... выкалаў намъ глазы. Спасиба яму: мы таперь раскаялись у сваихъ григхахъ, а если ба мы были видущія, то были ба варами. Спасиба яму: мы и таперь за яво Богу молимся“!

От крестьянина Петра Васильева Егорѣнкова.

№ 20.

Деревня Слобода
Смоленскаго уѣзда.

Разбойникъ, страннапрiимицъ, нимиласерный видють видѣнья, икавð имъ будить на тымъ свѣти.

Ета была сущая праўда. Аднажды три чилавѣка шли па дароги, захатѣлась кòжныму изъ ихъ узнать, што будить имъ на тымъ свѣти.

Адинъ изъ ихъ быў разбойникъ, другей даў абищанія принимать прахожихъ, каторый ни папроситца на нычъ, третій быў чилавѣкъ, каторый никода никòга ни примаў на нычъ.

Стричаитца съ ими чилавѣкъ, а етый чилавѣкъ быў Богъ. Іонъ имъ гаворить: — „Куда идетя?“ — А мы идемъ, куды глазы глидять: хочитца намъ узнать, што каму будить на тымъ свѣти. — „Ну, я вамъ во што скажу: идитя вы туды, куды я вамъ пакажу; черизъ три дни вы уси сабяритись на ета мѣста, приду суда и я, — што вы увидитя, то разскажитя мнѣ“. — Развеў іонъ ихъ па разнымъ мистамъ и скрыўся. Черизъ три дни сабрались уси четвира на то мѣста. Разбойникъ гаворить:

— „Быў я три дни у рякѣ, а рика гарячая, была мнѣ ана па горла, — я думаў, што ни астанусь жіў. — Другей ба падумаў, што тамъ прасядѣў три гадỳ“. — Ну, гаворить Богъ: — ета ни рика была, а кроў людей, каторыхъ ты пагубіў. Ета табѣ будить на тымъ свѣти! — Другей, странапріимицъ, гаворить: — „Я быў у такомъ харошимъ саду, што никагда ни ви-

даў ничога луччи. Прабыў я тамъ три дни, а мнѣ паказалась, што только я быў три часы: дужа мнѣ було харашо".—Ну, ета табѣ и будить на тымъ свѣти за тваё миласэрдія.—Третій, нимилаcэрный, гаворить: — „Пупаў я у лѣсъ; найшла граза, дожжъ, градъ, снѣгъ, вѣтиръ, а заначувать мнѣ нейди. Було мнѣ тамъ вочинь холыдна и нихарашо. Прабыў я тамъ три дни, а паказалысь мнѣ, што я прабыў три гады".—Ну, ета и будить табѣ на тымъ свѣти за тваё нимилаcэрдія.— Тада разбойникъ пакаіўся у сваихъ грихахъ, було яму за ета на томъ свѣти харашо, а также и милосэрныму. А нимилаcэрный сказаў;—„Ни принимаў я никога на ныч и ня буду примать".—Яму було на тымъ свѣти нихарашо. И ета была сущая праўда.

От крестьянина Петра Васильева.

№ 21.

Якъ мальчикъ старику сказку сказываў (ня то што сказку, а быль). Старикъ абъяснiў мальчику, што къ чаму у тымъ видѣньи, што здалось мальчику: што тады бываить, якъ у сямьѣ свара, нилюбоў, якъ хазяйства вядетца спустя рукавы, зря, и лянива, и нячиста,—и што тады бываить, якъ у сямьѣ миръ и добрыя сагласія.

Хадилъ мальчикъ па хадоби и пупрасился начувать у старика. Старикъ атвичалъ:

— „Када сказку скажишъ на ныч, а то ни пущу".

Мальчикъ етытъ убыялся: пашолъ падяреўни праситца на ныч; нихто ни пустилъ пириничувать яво, іонъ опять идеть къ етыму старику:

— „Дѣдушка, пусти пиринучувать!"

— Да ти скажишъ ты мнѣ сказку?

— „Да, скажу".

А самъ думаить:

— „Утяку атъ дѣдушки".

— Ну, раздивайся, садись ужинать!

Пóтэмъ старикъ убрался:

— „Пайди лажись спать, и я пайду на гумно".

Многа ль, мала, малый палижалъ и задумалъ ухадить, штоба сказку ни сказать старику. Потэмъ тольки узялся за дверь, за клямку—удрухъ варôты скрипають.

„Ну, вѣрна, знать, старикъ идеть съ гумна“!

Абаратился мальчишка ипять назатъ на свае мѣста, на лаўку.

Выходить дявица у хату, волысы растрепаны.

— „Дабрыдинь, дабрыдинь людямъ! Хто чуить да видить, да на заўтрига будить пириказывать, тэй па калѣни акамянѣить“.

Мальчикъ етытъ изнова началъ ухадить атъ старика етыва. Потэмъ тольки узялся за сянёшную дверь, скрипыють варота.

— „Ну, знать старикъ идеть“!..

Мальчишка опять лёхъ на лаўку. Уходить утарая дявица у хату, ина уходить у хату да палицы.

— „Дабрыдинь, дабрыдинь добрымъ людямъ! А хто и чуить, и видить, да на заўтрига будить пириказывать, тэй па поисъ акамянѣить“.

Потэмъ етыму мальчишки ипять ухадить нада.

Тольки што узялся іонъ за дверь, за сянёшную, думаить: ипять старикъ идеть—вароты скрипають.

Мальчикъ етытъ абаратился назадъ—лёхъ на лаўки.

Уходить третія дявица, волысъ растрёпаный, потэмъ да скамейки даходить дявица ета.

— „Дабрыдинь, дабрыдинь добрымъ людямъ! А хто чуить, да и видить, да назаўтрига будить пириказывать, тэй увесь акамянѣить.

Потэмъ етытъ мальчишка сабраўся у путь ухадить атъ стариковый сказки: пабѣхъ, лёхъ у поли, у жнивищи. У аржищи кричить:

— „Срѣжъ галаву“...

Іонъ убыялся, пубижалъ къ згароди и лёхъ падъ згароду. Кличить тамъ:

— „Вынь, да пиривярни, да па старыму бей“!..

Думалъ мальчикъ, што ета на няво на казни идеть—са страху ушолъ на гумно.

Гарить стохъ грячихи на таку.

Мальчикъ пубижалъ у падавинъ старика гукать.

Старикъ ляжить наўзнычъ, и у яво тарчить у грудёхъ тапоръ па самый абухъ. И аттуда мальчикъ ушолъ, пабижалъ теризъ агародъ, теризъ хлѣў; у хвортку.

Тамъ ляжить яго сынаўя съ хазяйкыю; межда ихъ змія ползаить, да пализываить ихъ абаихъ.

Патомъ падайшоў къ другей пари—и тамъ такжа змія поўзаить, аднаво и другова пализываить. Третій лижамши на перелити, по тэмъ бѣгаить гарнастайка, да прамежда ихъ ласкаитца. Пашоў падъ павѣть етый мальчишка и уплуталъ ноги у кишки.

Потэмъ захатѣлась яму папить—іонъ узяў коўшикъ зачарпнуть сибѣ, да и съ кадки кишки валакутца вярёўкыю.

Потэмъ идеть ужу старикъ изъ гумна, гукаить сваихъ сынавей малатить.

Уходить у избушку и гукаить сваю старушку:

— „Уставай, дми агонь“!

— Да, узадми ты тамъ, старикъ, аганька, пакамисть я адѣнусь.

— „Ну-ка ,мальчикъ, уставай, мыйся, Богу мались, да разскажи ты мнѣ сказку“!

— Дѣдушка, привяди-ка мнѣ лашатку у хатку!

Узялъ ету лошать за повыдъ, сталъ на лошать стоймя; потэмъ и гаворить:

— „Убаялся я вашей казки, што казки ни якей я ни знаю и хатѣлъ увыйти атъ іе; потэмъ тольки што я узялся за дверь, скрипнули вароты: я убаялся, што вы идетя изъ гумна. Я ипять лехъ на сваё мѣста, на лаўку.

Идеть дявица, волысы растрёпаны“...

Якъ разсказаў мальчикъ старику пра ету дявицу, лошать акамянѣла па поисъ.

— „Палижамши, ипять я уздумалъ ухадить. Скрипнули вароты, я ипять лёхъ на сваё мѣста. Идеть дявица, волысы растрёпыны“...

Якъ разсказалъ мальчикъ пра ету дявицу, лошать акамянѣла саўсимъ.

— „Я, дѣдушка, увыйшолъ у поля и лёхъ у иржища на такомъ-та мѣсти, напрати такей-та улицы“...

— А ета мая паласа.

— „Вотъ, дѣдушка, на етай-та паласѣ и кричить:

— „Срѣжъ галаву“!

— А ета мае неряхи маладухи: якъ жали, такъ и заставили калосься, ни сняўши имъ голывы.

— „Потэмъ жа я, дѣдушка, убижалъ аттуда и лёхъ падъ згароду. Кличить чилавѣческимъ голысымъ:—„вынь, да пиривярни, да па старыму бей“!

— Ета мае бязпутныи сынаўя колья зъ макушки затясываютъ да убиваютъ...

— „Потэмъ я ушолъ на гумно са страху. Гарить стохъ грячихи на таку“...

— А ета мае бязпутныи сынаўя да вазили грячиху, ни пирикрштя мѣста тоя, идѣ грячиху клась; да склали грячиху, да ни пирикрястили стажокъ тэй: во нячистый духъ выбираитъ споръ съ зирнятъ;—атъ няво ета полъ и шибаитъ. А нужна была пирякстять: лукавый ни выбиралъ бы споръ съ маяво хлѣба!...

— „Но ета, дѣдушка, што—тапоръ у грудёхъ у васъ па самый абухъ?

— Ета мае бязпутныи сынаўё нипаштитильныя: якъ аткуда ня йдуть, мусютъ тапоръ убить у стѣну якъ ня можна глыбшій: то яны ни ў хату убиваютъ, а у груди мнѣ.

— „Потэмъ жа што упутался ты у кишки ныгами“?

— Ета мае бязпутныи сынаўя брысали у нячистыя мѣста рѣзвины и давали у ихъ кормъ скату.

— „А ета—што ляжить падъ павѣтьтю большій дядька и тетка, и прамежда ихъ змія поўзаитъ, да пализываитъ ихъ абаихъ?“

— Я тибѣ разскажу. Яны живуть нисагласна,— якъ кошка съ сыбакый; адинъ загурчить, а тэй яго лапкую—яны тольки што нячистыга духа утишаютъ.

— „А другая жъ пара“?

— Также бязпутныи: адинъ адъ адназо блудъ сатваряють и бѣгають, и у ихъ нячистая сила усилилась.

— „А у третьига дядьки гарнастай бѣгаить, да пализываитъ яго и жонку“.

— Ета мой меньшій сынокъ, и нявѣстка. Идѣ бы яны тольки не были, сичасъ адинъ къ водныму сядуть и разгаваріють между сибе дабрасовистна, благачаслива—вотъ примѣръ! Паштэніе атцу атдаютъ и матири—и тутъ межда ихъ ангилы утишаютца, у ихнымъ житьѣ...

— „Потэмъ, дѣдушка, захатѣлась мнѣ папить вадицы: узялъ я кружку. Якъ пачарпнулъ изъ кадки вады: якъ валакутца кишки, што ня вытащилъ изъ кадки вонъ“...

— А ета вотъ, дититка, што: нигадитца апiўки уливать у кадку, изъ каторый пьешъ, а даўжно вылить: либа ў лаханку, либо на землю. Благачасливыму чилавѣку нильзя папить вады етый: самыя апiўки кишками дѣлаютца.

№ 22.

Бѣльскiй уѣздъ
с. Шонтово.

Какъ прахожиму чилавѣку хазяинъ загадки загадывалъ, ды билъ яго,—посли таво прахожiй хазяйскiй домъ зажёгъ и самъ хазяину загадычки загадывалъ.

Ишолъ прахожiй чилавѣкъ. Заходить на двбрэкъ праситца начувать. Хазяинъ гаварить на яго:

— „Я тибе пущу начувать зъ дагаворымъ, када ты атгадапшъ маихъ три загадки; но када ни 'тгадаишъ, за кажную загадку па разу тибѣ по уху ударить мнѣ.“

Удрухъ приходить вечиръ; выдали агонь. Хазяинъ на яво гаварить:

— „Ета што такоя?—на агонь. Iонъ и думаить:

„Ну, какъ мнѣ сказать, убаявши таго, што, па даравору, ударить мине у вуха, када ни 'тгадаю“.

Ну, ня мохъ iонъ на атвѣтъ загадки етый атгадать. Гаворить:

— „Да, па нашиму, ета агонь!“

А хазяинъ у ета уремя яго у вуха—iонъ абъ землю. Атвичалъ хазяинъ.

— „А па нашиму—красата“.

Посли таво стали мижда сибе гаварить харашо.

Нямнога изгадя, бяжить кошка пу палу.

Хазяинъ апять гаварить:

— „Ета што такоя“?

Онъ думалъ, думалъ, какъ сказать, прахожiй—и гаварить:

— „Ета па нашиму кошка, хазяинъ!“

Ящо яво по уху. Какъ ударiў хазяинъ, гость апять абъ землю за ўтарую загадку. Хозяинъ гаварить:

— „Ета чистата у доми“!

Посли таво хазяинъ у ласку сталъ гаварить съ нимъ.

Приходить тоя уремя, што уремя кушать садитца. Хазяинъ сталъ руки мыть и на прахожива гаварить:

— „Ступай жа и ты, мой руки: будимъ садитца кушать.“

Пришолъ прахожій, руки намылъ. Тада хазяинъ на яво и гаварить:

— „Што ета такоя“?

На ваду пакавалъ. Прахожій думалъ, думалъ:

— „Ну, какъ мнѣ сказать?

И гаварить прахожій:

— „Па нашиму, ета вада“.

Яво хазяинъ ящо по уху—іонъ абъ землю, и съ носу и со рту кроў пашла дажа, за третію загадку ета.

А хозяинъ гаварить:

— „Па нашиму ета благадать Божія“.

— На воду. Сѣли кушать. Хазяйка кушання падавала, усё, што у ихъ была. Наканецъ спрашиваить хазяйка у хазяина:—„Падавать ли, хазяинъ, Курлынскага?“

Хазяинъ ей атвѣтилъ:

— „Ни нада“!..

Ну, и лягли спать. На заўтрива хазяинъ устаеть часа за три свѣту; пашли са ўсей сямьёй на гумно малатить; былъ грудной маленькій — и таго съ сабой узяли. Астаетца адинъ прахожій у въ избы, и уздумалъ прахожій:

— Пагади! прати тваихъ загадыкъ, дамъ жа и я тибѣ загадку“!..

Узялъ прахожій палку, да у жаръ у ямку, да яе разжёгъ, да узялъ палку разщапилъ, узялъ паймалъ яго чистату (кошку), да тую разщеплиную палку съ агнемъ кошки у хвостъ и ўщапилъ, до узялъ яё на дворъ у салому съ агнемъ й выкинулъ. А самъ сичасъ жа у печку: желаить узнать, што тоя за Курлынскій у печки. Пасматрить: стаить гарщекъ, скаварадой накрытъ. Іонъ узялъ гарщекъ тотъ вытащилъ вонъ, атврылъ скавараду; пасматрить: у гаршку ляжитъ жоравъ. Іонъ узялъ таво жорава изъ гаршка вытащилъ вонъ, палажилъ жорава сибѣ у суму, а у гарщокъ узялъ палажилъ лапать, да скаварадою накрылъ и у печку наставилъ, самъ надѣлся и у ходъ пашолъ, ни дажидая свѣту, за часъ свѣту. Пашолъ прахожій, заходить на гумно и гаварить:

— „Пращай, хазяинушка, благадарю тибе за хлибъ, за сыль за тваю, за начлегъ и за угащеніе твое! А твая чистата панесла красату тваю на высату. а ты хватай благадать сваю, но ни ухватишъ благадати, ни жить тибѣ у своей хатѣ. Твой Курлынскій ляжить у сумынскимъ за плячинскимъ, а у гаршинскый ляжитъ лыпятинскій надъ скаварадинскый и стаить у пячинскій“...

Хазяйка на хазяина атвичала:

— „Выть вотъ ты яво забилъ: тибѣ будить грѣхъ—онъ у роди сумасшедшига.—Прахожій ушолъ сію минуту.

Бяжить кошка на токъ зъ галаунёй пряма у тую салому, гдѣ ани малотють; анѣ, ни упустіўши кошку у салому, убили яё. Пасмотрють: крыша у доми гарить. Ани бросіўши пубижали у домъ тушить агонь. Хазяинъ хватаить воду и тушить, гдѣ гарить, а хазяйка у печку; цопъ у гарщекъ—жоравля нѣту, а ляжить тама лапать. Палавина двара згарѣла, а палавину едва магли путушить.

Хазяйка на хазяина ипять гаварить:

— „Ты съ сваимь умомъ и съ хитрыстями палавину дому зжёгъ, а, наканецъ, када будишъ такія загадки загадывать, да людей бить, то и тибе убьють самаво. Выть іонъ праўду сказалъ, тотъ чилавѣкъ, што твая красата чистату панисла на высату, а ты хватай благадать: а то ни уживати у сваей хати. Но мы съ табой ни дагадались: паставили яго у роди сумасшедшига, а, наканецъ, во всей исторіи астаемся мы съ табой сумасшедшіи и дураки.“

№ 23.

Якъ мужикъ съ жонкыю паклялись ниправидно, сами пра сябе думаўши: «Бохъ ня видь, и ня чуй“—и жисть сваю скора пакончили.

Кулѝ чатыри жита стянулъ Трйхванъ изъ амбара, да тстю и спрятаў.

Патянула у вобыскъ,—пашли—ни нашли; а тесть узяў мостъ подняў, да падъ мостъ,—якъ пришли къ яму, абыскали—нѣтъ ничога.

Яўрей Гирша, яго были кули (ничога, што пархыль, а дамышлинъ) гаворить:

— „Я сичасъ за свящэнникамъ“.

Привезъ. Жидъ и гаворить, привезши свящэнника:

— „Абъ адныйъ я васъ прашу: присягнитя; уличать и пупикать ня буду“.

Свящэнникъ Гиршу за парохъ вывіў, а пôтэмъ и гаворить Трахвиму (тстю):

— „Трахвимъ! што ты, Трахвимъ, уздумаў? Ни присигай: вить ета ни што нибуть: нужна хрôстъ и ивангильля пуцулувать—вить ета што нибуть да стоить“.

Матка съ Сяличина пріѣхала, а у ихъ дѣўка викавуха.

Матка гаворить патиху дѣўки:

— „Зачимъ ета яны будуть присигать?“

— „Сватья, ты, сватьтя, яны ня будуть праўдыю присигать, а такъ: Ня чуй Бохъ и ня видь!“

Присягнули. Паўгода ня выжили, стали сохнуть жа тесть и съ жонкыю.

Старуха мнѣ гаварила скора посли таво, якъ ужь ладна захворала:

— „Я сама словна дурачка хажу: куды иду, ни знаю, и зà шта вазьмусь, ни знаю. Тяперь, Сяргѣіўна, вотъ я иду; а куды—ни знаю, и зачѣмъ иду—ни знаю. Вотъ у мине авечка-глумачка, я яе ищу, и я такая... глумачка: паатвалилась мае усё нутрô, конъчилиcь мае уси пупяченіи“.

Ня доўга и мужъ яе пажіў. Тэй якъ стаў присигать, ивангилія падъ имъ хадаромъ ходить. Прабыў годъ.

Якъ у праўди чилавѣкъ присигаить, замирають 12 жилъ, а ў нипраўди, то ўси жилы.

№ 24.

Вопытный манахъ раить сямейныму чилавѣку кинуть манастырь и жить у сваей сямьѣ.

Адинъ маладэй ищa чилавѣкъ, ну ужу сямейный, тольки вочинь благачасливый, сталъ видить сны манашискіи.

И стаў іонъ думать:

— „Нидарамъ снятца мнѣ еты сны“! думалъ іонъ: „наступлю у манастырь“.

Бросилъ жонку и дятей, приходить къ настыятилю:

— „Ти примитя вы мине“?

— Суўсимъ удавольствiимъ: намъ добрыи люди нада.

Прикратились яму у манастырѣ сны манашиескiи, а стали снитца сны грѣшныи: утрымъ снитца:

— „Здрастуй, ваперь кормный“!

Вечирымъ снитца:

— „Пращай, ваперь кормный“!

Заничалiўся маладэй манахъ; съ кимъ ни гаворить, нихто ня магеть яму таго разъяснить, атчаво яво сны испортились.

Хто-та яму параилъ:

— „Паталкуй ты са старымъ и вопытнымъ манахымъ; засуятился iонъ абъ чимъ-та съ братiей и живеть отдѣльна.

Старый вопытный манахъ параилъ вьюнуши:

— „Вярнись ты у сваю сямью: у сямьѣ ты болiй трудился—аттаго тамъ и снились табѣ сны манашескiи. Якъ падумаишъ, якимъ родымъ накармить жану, дѣтыкъ, да пумахаишъ касою и тыпаромъ, да цѣпамъ, скарѣй спастисься и пухудѣишъ, чимся ў маныстырѣ—у манастырѣ стольки ни накиваисьтя, бiўши зямныи паклоны“.

№ 25.

А манахи, што рана ѣў да службы.

Адинъ манахъ рана ѣў да службы. Манахи яво падглѣдили, што рана ѣсть, далажили игумину, што такей-та рана ѣсть, паказали игумину, што кушаить рана. На заўтрива судить пришли братьтя: рана ѣсть да службы. Iонъ атказаить:

— „Пайдемъ-тя, судитя, чаво я стою, судитя!

Вядуть яво къ пристолу. Привяли. Судить стали.

— Стойтя! ни адинъ я рана ѣмъ,—я знаю, хто ящо раньши мине ѣсть.

Пашоў вонки. Литять гулубей стада.

— „Вы мине раньши ясьтѣ—пущай мине ни водныва судють—лятитя на судъ“!

Уси литять у церькыў, на пристоли сѣли. Гаворить iонъ:

— „Судитя мине съ гулубями“!..

— Стала быть, iонъ святой, што гулубей привелъ.

Пали на калѣнки.

— А, можить, iонъ служiў на нибисахъ и сюда паспѣў на службу!...

Прастiў ихъ и на третiй день пириставiўся.

№ 26.

Счастье зависитъ не отъ богатства и благополучія, а отъ спокойствія совѣсти.

Иднаму учитилю пришлось видить бѣдныга старичка—іонъ, при усей сваей хворысти и биднатѣ, Бога хвалилъ.

— Якъ магешъ ты Бога хвалить, будучи такъ бѣденъ и нищаслiў?

Спрасiў учитиль у старика.

— А, милинькiй мой, я Бога у серци мѣю. Дайжа и ў ваду буду щастлiў: схвачу Бога двумя рямами и буду дiржать яго съ сабою и тамъ іонъ будить са мною. Щастя чилавѣка ня ў томъ, штобъ яго тѣлу была харашо, а ў дабрадѣтили, кротысти и змиреніи. Падъ якой бы ты планидый ни радился, щастлiў будишъ, если будишъ дабрадѣтилинъ.

Юнаша здивился старикоўськыму вуму и публагадарiў за навуку: ни я, а ты мой учитиль!

№ 27.

А чилавѣчиской нирадитильнасти, ніабдуманнасти, ниразумiю.

Адинъ мудрый чилавѣкъ гулялъ съ вьюнушiй. Видють яны: тащить чилавѣкъ бряўно у церькыў жертву Богу.

Бряўно длинныя—стала пупярекъ двери и ня лѣзить далiй. Разъ примѣрилъ, другей примѣриль — и, ни падумаўши добре, якъ втащить бряўно, вярнулся са сваимъ дарымъ назадъ.

Мудрецъ вьюнуши и гаворить:

— Душу-ль, такъ дѣлають тѣ люди, каторыи ия ищуть путя къ спасэнью, а сбiўшись съ няво, живуть якъ пупала. Изнову видють яны, прайшоўши далiй: чилавѣкъ напрасна падымаить визанку дроў: тижала ноша!

Надаба бъ атбавить дроў, а іонъ болiй подбаўляить.

— „Усѣ мы такъ дѣлаимъ: многа на нашiй душиньки гряхоў—тижала ношка. нада адуматца, а мы болiй и болiй гряхоў наклѐнчиваимъ“.

— Видють яны далiй: чилавѣкъ напрасна ильеть ваду у диряву камью.

— Ли ниразумныхъ людей дарымъ прападають мудрыи савѣты и правила.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

№ 1.

Абъ упирливый жонки и абъ бабскихъ увертнахъ. Отголоски Новгородскаго преданія о щилѣ. Историческія повѣсти. Якъ купецъ Гулитыў и Ваксонскій каралевичъ ѣздили умѣсти и къ женскимъ увертнамъ присматривались.

Была ета дѣла ў Питярбургя. Быў купецъ Гулитыў, а у яво быў сынъ, бальшой красавицъ. Атецъ яво наѣхаў у Ваксонію таргувать разными таварами. У Ваксонскава караля тожа быў сынъ, тожа красавица. Сынъ Гулитава и сынъ Ваксонскава караля воби были жинаты. Быў у Ваксонскава караля балъ, были у яво уси прочія карали. Кончіўши абѣдъ, усю гульню, били салдаты ў барабанъ сматрѣть валикыва дива: будить вывадить Ваксонскій кароль на наказъ свайго сына, паказывать яво красату. Для чаво іонъ яво вывадіў? — А для таво, што ти ня выхвалитца проти яго хто красатою.— „Карали уси и увесь народъ, хто проти яго вызывитца яще подлинникымъ"?—Уси карали прамаўчали и ни сказали ничаво. А Гулитыў гаворить: — „Харошъ твой сынъ, пригожъ твой сынъ, а у мяне іюсть сынъ, ня будить хужій твайго!" Гусударь разсердіўся и гаворить усимъ: — „Гаспада, будьтя уси свидѣтили! привяземъ яво сына, пасматримъ: када яны красатою будуть роўны, та іонъ будить таргувать у Ваксоніи 7 лѣтъ, а если яво сынъ будить хужій майво, то на площади яму отрубить галаву".—Купецъ Гулитыў сичасъ паслаў у Питярбургъ штафета съ письмомъ къ свайму сыну:—„Штоба сичасъ прибыў у Ваксонію"!.. Пулучомши письмо, стаў сынъ Гулитывыга сабиратца у Ваксонію. Апичаліўся іонъ сильна, што пу вадѣ никада ня ѣздіў. Пумаліўся Богу и стаў на карабъ, — хватіўся, часоў карманныхъ нѣту. Пубижаў іонъ самъ за часами. А ни такъ за часами, какъ захатѣў пупращатца съ жаною. Прибѣгъ у домъ, а часы яво были ў спальни. Іонъ какъ бѣгъ, такъ пряма ў спальню. Ускачіў у спальню и заспѣў приказчика са сваею жаною. Іонъ вочинь уляктнуўся и узгарѣў, но ни сказаў ничога и паѣхаў у Ваксонію. Прибыўши у Ваксонію, яво пряма требують къ царю. Атецъ, на яво какъ пасматрѣў, такъ и спужаўся: увесь іонъ стаў чоринъ и нипригожъ. Кароль

сабраў свидѣтиліў на площадь. Прибыли уси свидѣтили. Глянули свидѣтили: Гулитывыга купца сынъ нипригожъ, а Вавсонскава караля сынъ, какъ макыў твѣтъ. Гаворить король:— „Ну, етыга купца пасадить у вастрогъ, а сыну голыву атрубить, какъ и було сказана“.

Уси карали гаворють:—„Нѣтъ, ета ни пу правилу, штоба бязвинныму чилавѣку голыву рубить: іонъ первый разъ ѣздіў пу вадѣ, дыкъ іонъ спужаўся, а дайтя яму на 6 мѣсицыў сроку, харошія питаннё, идяннё,—тады увидимъ“!—Каралеўскій сынъ ўзяў сына Гулитывыга къ сабѣ ў домъ, адно кушанкя зъ имъ ѣли и хадили у дваёмъ гулять па саду. У саду была бясѣдка, а ў бясѣдки стыяла канапея съ падушками.—Каралеўскій сынъ гаворить на сына Гулитывыга:—„Мы на етый канапеи, гуляючи, атдыхаимъ“!—Ета харашо.—У каралевича была жина вяликыя красавица. Каралевичъ у ночь паѣхаў са сваимъ атцомъ на троя судыкъ. Гулитываги сынъ быў празарліў. Гуляўши па саду, и думаить самъ сабѣ: — „Дайка, я палѣзу падъ ету канапею: што тутъ случаитца у паўдни“?—Палѣзъ падъ канапею и легъ. Часа у 2 дня приходить суда храмэй шорникъ и лажитца на ету кравать. Чиризъ минуту приходить каралевичива жина, а шорникъ гаворить:—„Што ты ета ня скора? Увидють, дыкъ будить нахлабучка.“—Извинитя; я тольки што улажила свайво атца зъ матирью спать.—Палягли яны на кравать, и давай грѣхъ дѣлать. Атшибахали дила, пашли уси ўрозь. Гулитыў сынъ вылизъ и думаить:—„Ну, чаго я ужахнуўся, када заспѣў сваю жану съ прикащикымъ?—Хуть жа прикащикъ, а то каралеўская дочка съ храмымъ чортымъ“!.. Стаў іонъ посли етыва весилъ:—„Значить ни адна мая жана“!.. Стай Гулитыў сынъ пунраўлятца. Прибуваить каралевичъ дамой. Пришли яны на заўтрига съ каралеўскимъ сынымъ ў садъ. Гулитыў зайшоў на кухню, узяў тамъ бальшеи вострый ножъ, заторнуў яво за галянищу. Пришли къ канапеи, Гулитыў и гаворить: „Каралевичъ, давай ка мы лягимъ падъ канапею: што мы увидимъ?—А тольки, каралевичъ, када ня змоўчишъ, што будишъ видить, то я тябе закалю во етымъ нажомъ“!—Буду маўчать. Магущимъ Богымъ клянусь, што буду маўчать!—„Ну, палѣзимъ!“ Лягли яны падъ канапею. Черизъ поўчаса приходить шорникъ и легъ на канапею. Черизъ минуту пришла и каралевичива жина: — „Во, каралевичъ, видишъ“?..—Брагъ,

вижу!..—„Маўчи, а то во“!.. Вотъ и начали яны дѣла сваё дѣлать, ажну каравать стогнить... Кончили яны сваё дѣла и пашли урозь.—„Во, братъ, видіў?“—Видіў, братъ!..—Вотъ, каралевичъ, атчаво и я быў худъ: дыкъ мыя жина съ прикащикымъ, а то каралеўская дочка и мужикъ“!.. Каралеўскій сынъ стаў худъ, а купечискій сынъ стаў ящо лучча. Каралеўскій сынъ и гаворить на купечискива сына: — „Пайдемъ у свѣтъ: кали найдёмъ ящо такъ, то вѐрнимся двору, а ни найдемъ, то и ни пайдемъ назадъ“!.. Вотъ аны и пашли. Узяли съ сабою золыта и сѐрибра. Зайшли яны верстъ за триста. Вышли яны на палянку; мужикъ пашить у адну саху, а за спиною у яво привязанъ мѣхъ. Аны сѣли и загаварили мизъ сабою: — „Братъ ты мой, мужикъ пашить и носить мѣхъ за пличами, што за аказія?“—Яны глидять. Мужикъ пиристаў пахать, скинуў съ плечъ мяшокъ, развизаў, и вышла аттэль жонка, стала яму давать абѣдать. Аны смотрють.—Мужикъ утаміўся и, абѣдаўши, заснуў. Какъ іонъ заснуў, то яна махнула платкомъ—изъ кустоў выбигъ паринь и давай зъ ею грѣхъ дѣлать. Прашнуўся мужикъ и гаворить:—„Жонка, идѣ ты“?—А я тутъ!—Нечига парню дѣлать, шабоўть и іонъ у мѣхъ. Купечискый сынъ съ каралевичимъ видють, што іонъ завизаў ихъ абоихъ у мѣхъ. Мужикъ привеў и запрегъ у саху кабылу, завизаў мяшокъ на плечи и давай пахать.—„Ну, каралевичъ, пайдемъ памилуимъ яво“!—Пришли къ мужуку. — „Пумагай Богъ“!—Благадарю!—„Дядюшка, што ты ета за пличами носишъ“?—А вамъ какоя дѣла? Ну, ды я вамъ признаюсь: я яе третій годъ такъ нашу: баюсь, штоба чужея рибяты ни любили!—„Братъ, пакажи яе намъ: мы табѣ за ета дадимъ горсть золыта“!.. Іонъ развизаў мѣхъ, а аттудава выскачіў паринь, да ў кусты и схуваўся. Мужикъ давай сваю жонку пароть. Дали яны яму горсть золыта и пашли дальши. Приходють яны ў чужоя каралеўства. Ихъ тамъ кароль сичасъ жа сдѣлаў министирами. — „Вотъ, гаспада“, гаворить на ихъ кароль: — „Я выдамъ за любога изъ васъ сваю дочку!“—Ахъ, царь, у насъ ни такъ!—„А какъ“?—А у нашимъ царстви у двухъ бувають адна жина!—„Ну, харашо: я васъ дваихъ на ей пиривинчаю!..“ Часнымъ пиркомъ іонъ ихъ и ажаніў. Хадили яны по саду, ана и гаворить:—„Закажимъ мы сабѣ шурокую каравать!“—Сдѣлали шурокую каравать и паставили яе ў спальни. Ана ла-

жилась на серяди, а яны па краямъ.—Ина и гаворить:—„Ну, каторава я таўкану, тотъ аткатися, а съ другимъ я буду спать; а на другую ночъ другова таўкану, а съ первымъ буду спать“.—У спальни у столи проти каравати було вакно, яно атпиралысь. Черивъ недѣлю оты мужья, каралевичъ и Гулинъ, пашли ў садъ прагуливатца.—Купеческій сынъ ударіў каралевича пѳ вуху. Каралевичъ и гаворить:—„Ахъ, за што жъ ты мяне ўдаріў?“—А за чимъ ты усё съ женкыю спишъ?—„А не, братъ, ина мяне ўсякыю ночъ таўкаить!“—Ну, братъ, прасти: ина и мяне усё таўкаить. А мы сянни пасматримъ: када ана таўканеть мяне,—я аткачусь, а када табе таўканеть, то и ты аткатись; а патомъ мы ўси скотимся ўмѣсти, пасмотримъ, што тада будить!—Лягли яны и спрашіють:—„Милая, на што ета вакошка у столи?“—А ета, када будить жарка, то атпирать!—Яны замаўчали. Ина таўканула аднаго и другога, яны засянѣли и атъ яе аткатились, а ни спать: смотрють, што будить далій. Аткрылся вакно, на халстини спустіўся чилавѣкъ прама къ ей. Яны разымъ скатилися и пайнали яво. — „Падайтя агню!“—Падали агню, паглядѣли: сапожникъ!—„Чимъ тябя завуть!“—Юда.—„Ну, пращаимъ тябе: а то бъ було худа! Видна, какъ у насъ, такъ и ў васъ“. Пустили яго.—Вышли яны и гаворють:—„Ну, паѣдимъ дамой: видна, какъ у насъ, такъ и ў ихъ“!—Приказали асидлать самыхъ лучшихъ лашадей, сѣли и укатили: каралевичъ у Ваксонію, а Гулинъ у Питарбургъ. Стали заниматца сваими дѣлами. — А карол. тесть ихъ, гаворить на дочку:—„А идѣ жъ мае зяти“?—А пашли яны у садъ прогулятца и сказали:—„Штобъ намъ вѣкъ ни видатца“.

От старика Василія Михайлова.

№ 2.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ бабскихъ увертнахъ. Штобъ паказать, што ина дужа хитра, баба мужу вочи туманить.

Адинъ мужикъ захатѣў узнать бабскихъ увертыкъ. Приходить у адну дяреўню, заходить ў избу; у избѣ адна женщина топить печку, а хата у яе курная.—„Куда, маладецъ, идешь?—

А иду искать бабскихъ увертыкъ.—„Харашо, я табѣ пакажу увёртку,—харашо, но только ты сагласись грѣхъ са мною дѣлать“!.. А печка топитца жарка.—„Ну, пасяди троху“!.. Принисла вады и наставила на загнетку. Нидалеча було гумно, а съ хаты на гумно було красная вакошка.—„Ну, сматри: я тябе увяду у бяду и вывиду“.—Паставила двѣ скамейки къ лаўки, къ вакну. А семейства усё малатила. Ана и гаворить.—„Ну, давай грѣхъ дѣлать“...—Давай!—Толька іонъ начаў грѣхъ дѣлать, ана яго схватала кругомъ надъ пахи и стала кричать:—„Каравулъ!“—Іонъ и такъ, и сякъ выбиватца: нявыбьитца никакъ. Іонъ ужу и душа абрабѣў, а ина усё кричить. Паслыхали мущины и бигать съципами ў хату. Вотъ яни толвка ў сѣнцы, а ина схватала вядро вады, вылила на дровы, а астатки на етыга чилавѣка и притварилась, што будта плачить. Мущины и гаворють:—„Што тутъ такоя?“—„Ахъ!“—гаворить ета баба:—„Када ба ня етытъ чилавѣкъ, ня быть ба нашиму дварочку!..—Загарѣлись дровы надъ сопухомъ, а етый чилавѣкъ ихъ затушіў!“—Яны яму сичасъ водки, угащеніе яму. Вотъ публыгадаріў іонъ ихъ и пашоў. А ета баба праважаить яго и гаворить:—Ты иди двору, работай: уси бабы такея!.. Пасловица гаворить:—„Ня вѣрь лошади ў дароги, а бабы ў дварѣ!..“

От Василія Михайлова.

№ 3.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

Якъ бурмистръ штобъ пану свайму вылечить вочи, малако даставаў атъ частной бабы.

Аднажды быў панъ, а у ягó быў бурмистръ, вѣрный чилавѣкъ: панъ яму ва ўсемъ вѣріў. У бурмистра была жина, вочинь никрасивая: курносая, кривая,—станить гаварить, ажну слюня тякеть. Съ ею на Христоў день нихто ни христосаўся: уси грѣбували. Абувалась ина ня лоўна: анучи валачились, ина ихъ мачила,—сказать такъ:—скверная баба! Аднажды баринъ лажіўся спать, найшла на яго главы чорная вада, и іонъ аслѣпъ. Призываў іонъ усихъ дахтароў, дядоў,—яму ни какея дяды ни пумагли. Аднажды іонъ лажіўся спать сляпой и видить у

васнѣ: будта приходить къ яму жэнщина и гаворить:—„А што, баринъ, ня видишъ?“—Ня вижу.—„Ну, я вамъ скажу адно ликарства; яно ня дорыга, а толька дастать яво трудна: вотъ, дастаньтя вы атъ благачастивый женщины груднога малака, намачитя глазы тройчи и станитя видить“.—Прашнуўся панъ и пирякстіўся:—Госпыди, ти прайда то ета будить?..“ Призываить іонъ бурмистра:—„Во, братъ, паслухай-ка ты мяне: найди ты мнѣ атъ благачастивый женщины груднова малака; іость у мяне два имѣніи: адно мнѣ, а другоя табѣ“.—Бурмистръ абнадежіў барина, што дастанить. Патаму іонъ надѣіўся, што у яво жина была ни пригожія: яе ня могъ нихто любить. Приходить двору. А яны жили парядашна. Сѣў за столъ, нагнуўся и падгарюніўся. Жина пикла блины и кала яво хадила. Ина и гаворить:—„Ти ня сдѣлаў ты якей бяды?“—Іонъ ничога ни гаворить, а толька плачить. Патомъ и гаворить на сваю жану:—„Вотъ, жина, паслухай: баринъ нашъ таперь аслѣпъ, а када ба мнѣ дастать груднова малака атъ бабы, у каторый іость чатыри любоўника: то баринъ нашъ стаў ба видить“.—Ана и гаворить:—„Ну, дыкъ што?—У мяне сянни были Гришка, Пятрокъ, Максимъ, ды чатвертый пастухъ—ужу даў у задатикъ лапти, хатѣў сянни придить—во й чатыри любоўника!“—Ударіў бурмистыръ кулакомъ абъ столъ; ни стаў ѣсть и блиноў, и пашоў у свѣтъ искать груднога малака. Идеть іонъ кала рѣчки и видить, што на бирягу спить голый чилавѣкъ, а къ етыму чилавѣку крадитца воўкъ ужу вочинь близка. Іонъ и кричить:—„Ай, чилавѣкъ, чилавѣкъ, прашнися: табе воўкъ зъѣсть!..“ Чилавикъ етытъ ускочіу да ў ваду и нырнуў.—Бурмистръ и думаить:—„Ахъ, напрасна будіў я етыва чилавѣка: ета вѣрна, чортъ: нихай ба яго воўкъ зъѣў“! Ишоў іонъ, ишоў, даганяить яго чилавѣкъ и кланіитца яму ў ноги:—„Благадарю, што избавіў мяне отъ ваўка“...—А хто ты такой?—„А я чортъ“!—А што жъ ты зъ ваўкомъ ни справіўся?—„А насъ ба було дужа многа, када ба ваўки насъ ни паидали. Мы у етытъ часъ купаимся,—аны насъ и паидають.—Куда ты идешъ? Я табѣ какую хочишъ службу заслужу!“—А иду я ў бѣлый свѣтъ искать атъ благачастивый женщины груднова малака.—„Ну, знаю: у нашимъ царстви іость толька адна благачастивая женщина за 500 верстъ атсюда; садись на мяне и дяржись крѣпка: заўтришній день и яе спакусють паслѣднію!..“ Бурмистръ

сѣў на яго и отправіўся ў путь. Дарогую у яво звалилась шляпа; іонъ и гаворить:—„Эй, чортъ, пастой: шляпа звалилась"!—Нѣтъ, ужу да твоей шапки 250 верстъ!.. Дагнали ету благачастивую бабу зъ мужикмъ и зъ рабенкымъ. Еты благачастивыя мужъ и жина ѣхали ка'бѣдни. Чортъ и гаворить: „Ну, бурмистръ, ты иди таперь пяшкомъ, а я улѣзу у пазуху къ етый баби и буду у яе кавирять рабенка".—Даў чортъ яму 2 адинакихъ пузурька: — „Я буду кавирять рабенка; рабенкъ будить кричэть, яны у тябе будуть спрашивать, ти ни знаишь ты чаго, штоба вылечить рабенка;—ты имъ гавари, што знаишъ; толька дли етыга нада, скажи, грудноя малако. Яны у тябе будуть спрашивать, куда ты яго дѣнишъ,—ты гавари, што выльлишъ у ряку. Ана дасть табѣ пузурекъ малака,—ты иди ў ряку, у другей пузурекъ зачарпни вады, а пузурекъ зъ малакомъ схувай. Тады вадою пабрыскай рабенка, а я аттуль выду".—Вотъ бурмистръ идеть у слѣдъ; чортъ улѣзъ къ баби у пазуху и кавирянть рабенка. Рабенкъ етытъ кричить. Вотъ етытъ благачастивый мужъ и гаворить бурмистру:—„Здрастуй!"—Здрастуй!—„Ти ня атходишъ ты намъ рабенка?"—Знаю атхаживать, — толька дли етыва нужна адна вещь!—„Какая?"—А нада грудноя малако!—Жэнщина и гаворить:—„Я никому ни давала груднова малака и ни дамъ!"—Бурмистръ пашоў, а рабенкъ ящо хужій кричить. Мужъ и гаворить на жану:—„Ахъ, жана, какая ты нявѣрная!—Мы ў яво распросимъ, идѣ іонъ ета малако дѣнить!"—Ана заплакала и гаворить: —„Ну, ужу дамъ!"—Мужикъ и кричить на бурмистра:—„Эй, пастой: пагавѳримъ троху!"—Патомъ и гаворють:—„Скажи ты намъ праўду: идѣ ты ета малако дѣнишъ?"—А во йдѣ: вы вотъ видитя у мяне пузурекъ,—я панясу зъ малитвыю и выльлю.—Дали яму малака: іонъ и пашоў у ряку. Малако іонъ спрятаў, а вады у другомъ пузурькѣ принесъ. Збрызнуў у лицо рабенка, на яе и на яво, а астатки атдаў ей:—„Ты ў дварѣ рабенка пабрыскый"!—Атдаў пузырекъ. Мужикъ и гаворить:—„Ахъ, чилавѣкъ, публугадаріў ба я тябе диньгами,—да у мяне мелкихъ нѣту,—и ступай ты на пастаялый домъ: тамъ я расплачўсь съ табою."—Пришоў іонъ на пастаялый домъ, а яны ужу са абѣдни пріѣхали. А чортъ и гаворить:—„У каво будить залатой вянецъ, то благачастивый,—у грѣшникыў ня будить".—Узяў палштофъ водки етытъ благачастивый мужъ и сталў потчи-

вать бурмистра. Стаў паить жану и стаў пить сам. Яго жина водички падпила и стала плисать съ нарниж. Пуплисали, выскычили вонки, аттулитка варнулась,—ужу у яе нѣту винца на галавѣ. Дьявылъ и гаворить:—„Ну, танерь па ўсей Рассеи нѣту часнихъ бабъ.—Садись, паѣдимъ!..“ Вотъ яни, какъ пихнули, и нашли шапку, каторую мужикъ патиряў.—„Ну, вотъ твыя шапка“! — Приѣхали на тоя мѣста, идѣ лижаў чортъ, и гаворить:—„Ну, слизай: танерь мы квиты“.—Чортъ исчезъ. Бурмистръ пріѣхаў къ памѣщику на сваихъ дваихъ, пумачіў яму малакомъ тройчи глазы,—памѣщикъ стаў видить. Падаріў яму адно имѣнія, бурмистръ пиряѣхаў—и таперь тамъ живеть.

От Василія Михайлова.

№ 4.

Абъ женскихъ увертках. Якъ мужъ каза, што яго жонка ни ўвертлива, а ина за то надъ имъ увертку придставила.

Иднажды быў зборъ мужицкій, разгаваривали пра жонокъ. Адинъ гаворить:—„От мая жина умна: бываить и винувата—ды здѣлаитца права. Увертлива: рыскажить и рызгладить—и права буваить“.—Нѣскальки мущинъ тожа гаворють. Адинъ быў мущина Аксенъ, іонъ гаворить:—„Мыя жина никыда мине ни бманываить и ни якихъ женьскихъ увертыкъ ни придстаўляить“.—Яму и гаворють мущины: Приди къ жанѣ, скажи ей:—Вулькъ, якея ета у бабъ увертки бувають? Пупраси яе, то ина тибѣ и пыкажить“.—Жина атказнить мужу:—Duракъ, якея у бабы магўть быть увертки?! — Забунтувала яго слывами. Етый жа Аксенъ змоўчилъ и нижда вушъ пустилъ. Етый разгаворъ случился у полъ лѣта, а па восини жина уздумала яму паказать увертки. Нагатовила кушання палуччій и снекала вотнчки, пастелю бѣлую знслала, а во ўремя ужина пудпаила пуньяній:—„Аксеничка, раздивайся и лажись спать“.—Аксенъ етытъ раздѣўся и лёхъ спать позна вечеромъ, варотъ ни затворіў. Сабаки справили лай. Ана и пасылаить, жина:—„Аксеничка, вить жа наши вароты ни затворины“!—Аксенъ устаў и хатѣў адѣтца зытварить варата. Ана яму гыварить:—„Вяжитка! Доўгаль тибѣ затворить? Якъ зайчикъ, прыгнуў и вароты затва-

ріў—и тады на теплую пастелю и ляжишь. Аксенъ тольки выбижіў изъ сянецъ, а жонка двери затварила за имъ и зывалымъ завалила. Аксенъ вырыта затваріў и къ сянямъ пришоў—сѣни затворины. А жина легла и духъ утаила. Нѣскыльки урекя іонъ стучѣў,—ина усе ни тварянить. Падушыў у вакошка улѣзь—вакошичка малинькая, старинныя: у яго улѣзть нильзя. Ана ни захатѣла стукуту и кричить:—„Каго такъ лихачи носють?“—Аксенъ тыда и падумаў:—„Ти усвой я дворъ ета пупаў?“ Былъ вапіўши пырядышна—пайшоў двары щитать:—ета Исакпу, а ета Пытапыў, а ета кумну!—Прикодить на свой дворъ ипять, а ина ни пущаить — іонъ пайшоў гумны щитать.—Начаў съ краю:—Ета Пытапыва, а ета Исакыва, а ета кумива, а ета мае гумно! — Пашоў ипять на дворъ — жина ни пущаить. Іонъ и думаить самъ пы сябѣ: — Што ета я здурачіўся? Ето, вѣрно, ў галавѣ ў мине хмялина водить?“—И пайшоў на дяреўню съ другога канца; тольки стаў захадить, а священникъ ѣхаў съ кóлиды. Священникъ нуўстричаў яго и кричить:—„Што за чилавѣкъ нагей ходить?“—Іонъ и атказнить священнику:—„Я, батюшка!“—А хто ты?—„Да я, Аксѣнъ“. — Што жъ ты такъ ета ходишъ? — „А жина паслала затварять вароты; я вароты зытвариу, а жина сѣни зытварила, мине ни пущаить“. Священникъ гаворить: — „Ахъ, ты, мой Аксеничка, нагой ты ходишъ! На тибѣ маю синьтюгу и сяди на вазу, а я пайду жану тваю угаварю“.—Ульянъ, на што ты свайго Аксена ни пущаишъ?—„Ти вы ета, батюшка?—Я.—
—„Ахъ, батюшка, мой Аксенъ са мною спить“.—А священникъ гаворить: — Іонъ у мине на вазу спить. — „Ета, батюшка, вы ти ня чорта пыймали?!..“ Священника тронула у мысли. Пашоў къ свайму возу и гаворить:—„Ти ты ета, Аксенъ“?—Я.—„Ти ни чортъ ты“—Ды не,—Аксенъ.—Священникъ ипять пашоў къ жанѣ:—„Вазьми, Улькъ, свайго мужа!“—Што вы, батюшка, ти шутитя, ти смяѐтись, што вы мнѣ другова мужа даетя?—Священникъ пашоў къ Аксену и гонить яго далоў.—„Далой—ты чортъ!“—А іонъ таки пайдеть. Дыкъ іонъ узялъ яво-да у шивырытъ и съ синтюгою, а самъ на лошать ды на ўходъ. Аксѐнъ тада пашолъ на гумно къ сасѣду. Вила малатьба. Іонъ пиринначуваў, на вутра пашоў дамой, а жина ужъ печку топить, абѣдъ гатуить. Аксѐнъ яе падумаў пабить и заставіў, што абѣдъ ни згатуить—здумаў: жана яго учила печчу—

„И я яе наўчу ноччу, штобъ нихто ни ўзнаў.“ Жина посли абѣду пышла на дяреўню, падгаварила маладуху:—„Пирасяи ты зъ маимъ Аксенымъ адну ночь: я тибѣ дамъ за ета намѣтку.“— Іонъ жа узнаить. — „А мы здѣлаимъ такъ, што ни ўзнаить. Прихади то уремя, кыда будимъ ужинать, и пагади, пакуль мы паужинаимъ. Якъ паужинаимъ, тыда са стола убяру, Богу пумалюсь, лучинку загашу, пайду на дворъ—и, нямножка пагодя, да йди жъ ты съ маимъ Аксёнымъ и лажись спать.“— Тольки дна пришла къ пастели, Аксенъ пригатувалъ нагайку, саскребъ за валасы ету маладуху и начаў яе пароть. Мыладуха ета кричить:—„Аксенъ, ти шалѣў ты?! я жонка ни твыя“.— Іонъ яе абругаў:—„Нѣтъ, ты ўчора гаварила:—Аксёнъ ня мой, Аксёнъ чортъ! И я чорта бью, и я чорта бью, и я чорта бью!..“ Маладуха ета вырвылась, некыда и съ Аксенымъ спать— и ушла. Аксенъ етытъ зымаріўся, пышить, якъ жеребный воўкъ; жина, яво законная, приходить къ яму и лажитца зъ имъ. Жина спрашіить:—„Аксёнъ, што ты ета пышишь?“ —Аксёнъ гаворить:—„Я жъ тябе біў.“—Нѣтъ, Аксеничка, ты мяне ни біў.—„А каго жъ я біў?“—Ета ты біў чорта. Іонъ тади плюнуў:—„Ту, праклятый, якъ мине измустилъ!..“

№ 5.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

А благачасливыхъ мужи и жонки, и чорти. Якъ чортъ атъ сваго начальника пулучіў поду и дёхтю за то, што пассоріў благачасливыхъ: мужа и жонку. Жонка свайго мужа бутцахъ зарѣзать хатѣла—увиряў іонъ.

У аднимъ мѣсти жили благачастивыя мужъ съ жаною; жили яны сагласна, какъ братъ съ сястрою. У ета ўремя адинъ чортъ быў у ади бязъ доўжнысти: яму ни давали ни какога правіянту. Чортъ приходить къ свайму начальнику. Начальникъ яму гаворить:—„Если ты ни змутишъ такова-то благачастивыга съ жаною, то я табѣ ни якій доўжнысти ни дамъ; а када змутишъ,—дамъ табѣ три бочки поду и дёгтю.“ —Вотъ чортъ етытъ сдѣлаўся харошимъ чилавѣкымъ и пашоў пряма къ етымъ благачастивымъ у домъ. А благачастивый мужъ рана ушоў касить, а жана яго была дома. Чортъ уходить у хату:—„Зда-

роў вамъ“!—Здрастуй, галубчикъ!—„А мужъ твой идѣ?“—А іонъ у поли косить. А на што іонъ табѣ?—„А я пришоў яво нажалѣть.“—Што такъ ты ета яго жалѣишъ?—„А во атъ чаго:—чилавѣкъ іонъ харошій, да памреть скора.“—Атчаго?!..—„А во атъ чаво: у яво вырысла надъ шыію три бѣлыхъ вылыска.“—Жина яво сильна жалѣла, заплакала и гаворить:—„Ахъ, любезный! Ти ни знаишъ ты, якъ яво атъ смерти 'збавить?“— Ну, ладна. Ты яму панясёшъ заўтрикыть?—А, вотъ, тольки яешню сжарю—то панясу“.—Ну, ты во што сдѣлай: вазьми вострый ножъ, усодь у рукаў, прияяси яму заўтрикыть. Када іонъ пазаўтрикаить, ты яму скажи: — „Давай я тябѣ вошій пайщу.“—Іонъ табѣ паложить сваю галаву на калѣни, а ты пакапай у яво у голави, — тады патихоньку и выриж тыя валаски: тада іонъ будить жить болій.—„Ну, спасиба, добрый чилавѣкъ, што научіў!“ — Сгатувала ана заўтрикъ и сабралась идить.—А чортъ пашоў съ хаты, пашоў у поля къ благачастивиму мужу:—„Здароў, мужикъ!“—Здароў!—„Садись, пазюканкъ! — Сѣли. Чортъ пöчаў мужуку гаварить:—„Вотъ, ты сваей жонки у доми усё вѣришъ, а ана ня вѣрна табѣ: сянни я захажу на пыстыялый домъ, а твыя жина съ цулуванникымъ скачить, пляшить, цалуитца, а цулуванникъ ей гаворить:—„Зарѣжъ ты свайго мужа: я тябе буду да вѣку любить!“—Ну, какъ жа мнѣ яго зарѣзать?—„А, во, я тябе научу: какъ панясешь ты яму заўтрикыть, вазьми у рукаў ножикъ,—какъ іонъ пазаўтрикаить, то ты яму скажи:—„Давай я у тябе вошій пайщу!...“ Када іонъ паложить голыву къ табѣ на калѣни, то ты яго и зарѣжъ!“ — Охъ, ти праўда ета будитъ?... спращіить у чорта мужикъ. — „Праўда: я, жалѣючи тябе, зайшоў. А када ня вѣритца табѣ, то ты сваю жонку абайщи: у яе, у рукавѣ, ты найдешъ ножъ.“—Задражала у етыва мужука серца. Чортъ атъ яво атайшоў, а іонъ въ кустахъ вырубіў хлабазину и схуваў ея падъ пакосъ. Нясеть яму жина абѣдыть, бягить шпарка, ища зъ далика кричить:—„Брось ужу, милый, касить: атдыхни!“—Пришла ана къ яму и гаворить:—„Ахъ, душка! — Ты дужа выбиваиськя изъ силъ: паддыхни!..“ Сѣў іонъ заўтрикыть, ну, черизъ дысаду ни можить ѣсть. Ина яго цалуить, гладить па шіи и па галивѣ, а іонъ усё думаить, што ана ищить мѣста штоба яго лаўчѣй зарѣзать.—Ина яму гаворить:——„Душка, давай я тябе у галавѣ пайщу?“—Уска-

чіў юнъ и гаворитъ:—„Давай-ка я табе абыйщу: съ чимъ ты пришла?“—Іонъ у яе и нашоў у яе рукавѣ бальшой вострый ножъ:—„Ета штой!.. Іонъ яе у вуха и ў другоя, надилў на ей адежу, якъ пбчаў яе дуть. Віў, біў,—ина ужу и кричать иристала. Тада етый дявылъ захахатаў, пубижаў къ свайму иачальнику. Тада, благачастивый мужъ паслыхаў яво хохытъ—дагадаўся:—„Ета вѣрна, падшутили надъ нами!..“ Схватіў вады, давай атливать жонку сваю. Выздаравила яво жонка—стали яны жить лучча прежнига. А чортъ палучіў йоду и сжали 3 бочки за то, што благачастивыхъ людей шутіў.

От старика Василія Михайлова.

№ 6.

Село Шентово
Бѣльскаго уѣзда.

Какъ нявѣрная жина притварила мужа ворынымъ и сабакой.

Атецъ уздумаў сына жанить—ну, ѣздить у сваты. Идѣ за яво идуть, онъ не хочить; а идѣ думалъ бы брать, за яво нейдуть. Ну, такъ какъ онъ на отца атказалъ:—паиэжай-ка ты свайму пріятилю, такъ онъ паѣхалъ къ пріятилю.

Пріѣхаўши къ пріятилю:

— „Здрастуй, пріятиль!..“

— Што вы ка мнѣ ѣздита?

— „Ни такъ и ни даримъ—у сваты, братъ.“

— Што жъ, братъ, я бъ атдалъ дачку—мая дачка ни вольная, а гаснодская!

— „Ну, братъ, я 'бхлапачу дѣла, када на ладъ пайдеть. Пайдёмъ къ гаспадамъ: я гаспадамъ деньги атлажу.“

Гаспада приказали за дѣўку атлажить пятьдисятъ рублей. Атлажіўши деньги, ни вино курять, ни пива варить—за свадибку. Патомъ сичасъ свадибку сиграўши, живуть яны хврашо, друхъ у друга души ня чуўствують. Ну, такъ какъ прахадіў у дареўню кривой работникъ и застаўляитца къ сусѣду въ той жа дяреўни.

Прашоў патомъ слыхъ, што Иванива жина живеть съ кривымъ. Иванъ ня вѣріў:

—„ Ну, полна, братцы, вамъ ета плюхать! Када я самъ сабою увидаю жану сваю, тада ей изругаю!“

Въ великодную суббоцу атпраўляўся атецъ съ сынымъ на великдидную, дашли яни да рѣки, и хватіўся атецъ — денегъ нѣтъ.

— „Штожъ, сынъ, гадавой праздникъ — варачайся назадъ дымой, такъ какъ забыли деньги: лижать яны на бажницы.“

Приходить іонъ дамой у свой атцоўскій домъ — сидить жина за сталомъ и зъ естымъ прявымъ палюбовникымъ.

— „Ни тибѣ бъ то ета дѣлать, ни мнѣ бъ то глидѣть на тибе!..“

— Но малчи, ніувѣга!

Жана атказала:

— Пашоў вонъ!

Здѣлала она яво сабакый. Онъ сабѣ у мысли биреть:

— „И яго то я сабака!..“

Вышіў на вулицу и такъ прибидніўся; у той же дереўни и заходить къ тетеньки, кагда жъ мине тетинька пазаветь въ етымъ видѣ сабакамъ.

Онъ приходить въ избу, то тетинька и гаварить:

— „Пасматри, маладица, какой явіўся къ намъ сабака. Ну, такъ ана атламила яму пирага и падаеть яму падаянія, етыму сабаки, такъ какъ етытъ сабака съ агарченія вышіў вонъ.

— Ну, куда жъ мнѣ теперь ватдалитца?

Атдаліўся іонъ къ пастухамъ у стада и прибіўся іонъ къ пастуху, къ стадныку, и пасеть съ пастухомъ скотъ. И такъ жестка сабака пиринимаеть скотъ. Патомъ пастухъ, астаегца davелинъ сабакыю.

— „Вотъ што, гаспада дамухазяины, прашу накорма давать прапитаніе на етыва же сабаку!..“

Ну, патомъ какъ пастухъ видить сабачія дасталнія, атлучиўся у праздникъ у тую дереўню, гдѣ пасеть.

Вдрухъ къ етыму сабаки іўляютца двѣ звѣри: два ваўка, и хатѣли пагубить ската. Патомъ сабака ударіў сває мысли:

—„ Што будить, такъ будить, и ужъ падярусь зъ ваўкомъ!“

Ваўкоў іонъ пабидіў. Приходить у тую жъ дяреўню за сваимъ стадникамъ, узяў яво за палу и навёў яво къ скату, приводить яво къ етымъ ваўкамъ и паказываў ядиныхъ ваўкоў, патомъ сабираить яму стада и да кучи.

То ба у аднаво памѣщика была завиденія, сдержки были

лашадиный заводъ и многа у яго была звирья—пашибали лашадей; то етытъ памѣщикъ атправляетца къ етыму стаднику купить етыва сабаку ли сбиряженія сваихъ лашадей.

Прiизжаить у дяреўню:

— Есть у васъ приблудная сабака?

— „Есть; да ни у насъ—у нашива стадника.“

— А кабы инѣ яво разыскать?

— „А можна: іонъ у мине на хватери.

Приходить онъ къ ему:

— „Што, братъ, есть у тибе сабака?“

— Есть.

— „Прадай ты мнѣ свайво сабаку!..“

— А давай сто рублей!

Ну, такъ памѣщикъ ни жалѣлъ етыхъ денихъ; атдаў деньги, узяў сабаку, привозить дамой у свой барскій домъ.

— Вотъ што, гаспада-канюхи, даю вамъ и сабаку, и мѣсишнаю: сматритя бирягитя, какъ и сами сибе, такъ и сабаку.

Такъ пастухи бирягли сабаку.

Ну, видють пастухи: сабака харашо пасеть лашадей—самая малая имъ работа.

— „Давай гульню устроимъ!“

Ва время етый самый гульни іўляютца двинацыть ваўкоў. Сабака етытъ мохъ ба будить сваихъ стадникоў, ну, никакъ ни разбудиў. Сабака съ сваей атвагый напустiўся на ваўкоў, ну, и пазаѣў етыхъ ваўкоў. Ну, такъ ранили и сабаку ети самыи ваўки.

Какъ атпраўлялись пастухи атъ испуга, што сабаку ни нашли, пришли въ гаспóдскій домъ, абъіўляютъ памѣщику:—прапаў сабака, ни найдемъ лашадей!

Такъ памѣщикъ строга пастуцiў:

— „Я за ета васъ бизъ вачоту атдамъ у салдаты!

Ну, такъ большій канюхъ ударiўся упирёдъ искать лашадей.

— „Пастой, братія, сабаку нашоў, тольки увесь ранитый“.

Ну, памѣщикъ атказаў:

— „Дай мнѣ хуть раненнва!..“

Приходить къ сабаки, лижить жа сабака асабнякомъ, тутъ жа 12 ваўкоў.

Забираютъ етихъ ваукоў и съ сабакамъ къ памѣщику. Памѣщикъ давай сабаку етыва лячить; онъ многа на сабаку пралячиў — двѣсти рублей. Патомъ етитъ сабака пашоў у объяўку. Иныралъ узнаў пра сабаку, што сабака вочинь харошія, приизжаитъ къ етыму памѣщику.

— „Прадай, братъ, мнѣ сабаку!"

— А купи—пятьсотъ рублей.

Онъ яму вынимаитъ деньги ни тургуваўши, атдаетъ яму. Павезъ сабаку къ сябѣ ли сбиряженія малыхъ дятей. И такъ сабака утишаитъ малыхъ дятей. Сабралась сабранія. Онъ абъіўляитъ:

— „Гаспада, што вы пригласите мине, чимъ мнѣ сабаку наградить?"

Другіи лицы:

— Ну, чимъ сабаку наградить? Да справить яму залатэй галстукъ!

Ну, какъ справіў галстукъ, сабака и выходитъ на крыльцо и задумаў бижать у сваю старану, у свой ватцовскій домъ и къ сваей жанѣ. Онъ приходитъ у ватцоўскій домъ, ана сядитъ пада кномъ, распиваитъ пѣсенки. Онъ забигаитъ напрати вакна:

— А здрастуй, Ванюшка, пади, будимъ жить, какъ жили!

Аттварила вакно, бросіўся у вакно. Она взяла галстухъ, сарвала, притварила яво ворнымъ; взяла прутъ, выгнала съ избы. Онъ узлитѣў на крышку и задумаўся:

— Што жъ типерь мнѣ будить?

Отпраўляитца удаль литѣть. Литѣлъ къ аднаму памѣщику, прилетѣў у садъ. И становютъ паничи плёнычки ли варабьёў. Онъ увидаў ету пленку—бухъ у пленку: ну, же-таки, иму любапытна было, што тамъ канапельки были. Приходютъ паничи. У моей ба пленычки варабей, а у другога панича самый етытъ ворнъ.

Аны взяли и панисли. Варабейчикъ етытъ, какъ пустили на гульню, такъ и палетѣў, но какъ воранъ никада.

Аны мижа сибе зассорились:

— „Мой улитѣў, а твой нѣтъ!.."

Ну, на ихъ атецъ ускрикнуў:

— Што жа вы ссоритись?—Ниситя: я вамъ раздилю.

Принесли етыва ворына и къ нупашн. Онъ пирнвярнуў яво и рвать.

— Охъ, ворынъ, ды ня тотъ!

Онъ яво абразувалъ чилавѣччія видѣния.

— Давно жъ ты, братъ, страдаишь?

— „Ни знаю“.

— „Ну, я тибѣ скажу: Слава Богу, шесть лѣтъ прастрадаў. Ну, што, братъ типерь будишъ дѣлать? Паласа твая зарасла, и бурыва каня нѣту, астаўши у атца адны клешни бурыва каня.

Даеть яму двѣ узды:

— И отправляйся дамой. Ну, насміялась жана,—пасмѣйся и ты надъ ей!

Станить кала Ванькинныва вини сасна. Онъ приходить къ сасны, іўляитца самый жа кривой подъ ету сасну и сказаў:

Ніувѣра! абѣщалась придить упиредъ.

Онъ какъ надѣў на ево узду — сдѣлаў ево жирябцомъ. Патомъ іўляитца яна, яво бѣўши жина.

Тымъ жа нарядкимъ надѣеть узду и дѣлаить іе кабылицні, садитца верьхомъ, атправиўся у балата. Приходить къ атцу.

— „Здрастуй, пражилай чилавѣкъ, старый старичёкъ!

А я вашъ сынокъ!..“

— Нипраўда, сынокъ.

— „Нѣтъ, я вашъ сынокъ, атецъ — Иванъ Иванычъ.“

— Што, атецъ, што у васъ дони астаўши?

— „А што жъ, мой сынокъ? адны буркины клещи“.

— А на поли што дѣитца?

— „Паласки зарасли хустами.“

— Ну, ничаво, атецъ; хотьба были тыи признаки, идѣ нала паласа. Схади-ка, атецъ, нупраси-ка памѣщика плугà изадрать поля!

Ну, атецъ атправляўся къ помѣщику и выпрасіў плухъ, ну, и запрёхъ лашадей и давай еты драть облоги у етыва памѣщика.

Памѣщикъ думаў жанить сына. На упраўляющава гаворить:

— „Пади-ка насматри яво лошадей!..“

— Ахъ, баринъ очинь хараши лошадà!...

— „Ни можна ли намъ ихъ на свадьбу узять?“

То приходить прикащикъ:

— Што, братъ, васъ панъ просить лашадей ни свадьбу.

— „Су ўсимъ удавольствіимъ, можна—цана будить сто рублей“.

Приводить лашадей на свадьбу. То памѣщикъ атвичаить:

— Што, братъ, нада дать лашадямъ пашаницы?

— Нѣтъ ни нада, павѣрьтя! а нѣтъ ли у васъ гнилэй саломы?

Снялъ съ крышки гнилэй саломы — и такъ смашна кони ядуть; нада ихъ напаить путрыю.

Памѣщикъ и гаварить:

— Вывизитя тарантасъ саўсимъ лихкавой!

Онъ атвичаить:

— Нѣтъ, гаспада, какъ можна пагрузнѣй!

Вывизли яму читвириковый; онъ и залажилъ у тарантасъ пару сваихъ лашадей.

Просить гасподъ:

— „Паѣхали бы, гаспада, упяредъ!“...

Но гаспадамъ паказались ба ети слава какъ ба ни ў лицо:

— „Прасилибъ мы тибе выихать скольки нибудь упирёдъ!“...

Онъ ищо имъ пуўтарилъ:

— „Братья, да ни ради мине—ради сами сибе“.

Ну, и атправился ѣхать упиредъ ихъ.

Праизжаить многа время упирёдъ, часа палтара; атгуляўши свадьбу, приглашаить другихъ:

— „Паѣдимъ пакатаимся куда нибудь у прочіи гарада!“...

Ну, и атправились у горыдъ дальній, выизжають на скачку. Адинъ купецкій сынъ астанавливаить Ивана:

— Сѣрый мужикъ, эй, ты, што ты такъ жостка ѣдишъ?

Ты паложъ перва деньги, патомъ выизжай жостка!

Онъ денюжки палажилъ тамъ нѣскальки. Проситца зъ имъ мужикъ расписатца, мижда сибе расписались.

Атправлялись на абгонъ друхъ съ другымъ, то мужикъ абагналъ купеческава сына.

Такъ купеческыму сыну показалась ета ни у носъ—пустить етыхъ лошадей на торгъ.

— Мужичекъ, прадай мнѣ сваихъ лашадей!

— „Здѣсь нильзя: у мине іость старичекъ семъдиситъ лѣтъ. А хто можить лашадей пакупать, тотъ прибудь ка мнѣ дамой“.—Сагласились нѣскальки лицъ етыхъ купить коній.

Іонъ отправился дамой, пріизжаить къ свайму атцу и къ стараму старику.

— „Ну, што, атецъ, у мине пакупали лашадей“?

— Ну, досыть, сынъ, зругатца: атпусти іе на волю!—Ну, и атпустилъ іе на волю, здѣлалъ сваей жаной, давелъ яе да клятьбы, далъ ей комъ зямли зъѣсть.

— Тада я тибѣ павѣрю, када зъяси етый комъ.

Но іе раскуваў и вузду зъ іе сняў, но яво ни раскованаў, пустіў кованага: задніи капыты раскаваў, а пирежніи такъ и асталися; жіў етытъ конь у сусядихъ.

№ 7.

Якъ мужикъ абмираў, а пбтэмъ жонку свою падучилъ, што ина дужа любапытна.

Какъ жіў адинъ мужучокъ, патомъ и помиръ. Яго узяли памыли, прибрали и палажили на кутъ. Тутъ начали па ёмъ плакать уси раднэя. Вотъ іонъ лижать день, лижать и другой; патомъ вырали магилу, сдѣлали грабницу и дали знать священнику, штоба яго ужу сусимъ схаранить. Патомъ приходить священникъ, надиваить ризу и давай тѣла падымать. Толька начаў іонъ, што тамъ нада було начинать, а етытъ пакойникъ устаў и гаворить:—„Ахъ, Божа мой, какъ крѣпка я уснуў!“—Тутъ усѣ и урабѣли: какъ можна мертвыму устать; каторыя ужў и паразбижалися. А іонъ гаворить:—„ня бойтися вы мяне: я ета абмираў“. Тутъ его раднэя стали такея радыя, давай угащать священника и увесь народъ, каторый быў; патомъ, пакончаўши ета усё, давай яны раднэя яго распрашивать, якъ яму тамъ було; іонъ имъ усё паразсказаў. Патомъ и гаворить:—„Пра адно слоўца я ни скажу“. Етыму многа ли мала ўремя прайшло, какъ падвизалысь къ яму жонка:—„Скажи ты мнѣ тоя, што я табе прасила, и што ты никбму ни гаворишъ!“—Думаў іонъ, думаў:—„ну што тутъ дѣлать? ежили сказать,—нужна умирать; а ежили ни сказать,—то жонка разсердитца“. — А іонъ знаў, хто што гавбрить: што лѣсъ гавбрить, што трава гавбрить, што какая скатина гавбрить: то іонъ усё знаў, а ежили ети славà сказать, то нада умирать. Вотъ іонъ и гаворить жонки:—„ну, во што я табѣ скажу:

ўняси маю смярётную адежу,—тада я табѣ скажу".—Вотъ ина унисла яму смярётную адежу. Вотъ іонъ адѣўся и легъ на кутѣ, а пятухъ ходить па хати и гаворить:—„Я семъ жонъ маю, да ўсѣхъ унимаю; а ты и са 'днэю ня можишъ справитца!"—Вотъ іонъ узяў адежу ету, якъ скинить съ сябе далоў, да какъ узяў вяреўку, да какъ начаў яе дуть,—па туда дуў. пака ина сказала: — „ня буду я ў тябе, мой милинькій, никада спрашивать,—никада ни пумяну па смерть тваей жизни!" Тада іонъ ей прастіў.

№ 8.

Мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любитъ ли его жена.

Хвараў мужикъ и притваріўся, што вумиръ, сказаў на жонку:

— „Атвари мнѣ яёчикъ!"...

А самъ и лёхъ—быдта кöнъчіўся.

Жонка и гаворить:

— „Милинькій ты мой, самъ ты ляжишъ на лаўцы, а яйцы твае падъ лаўкый".

Сама ина ни хатить выть, а нанила бабу; та и выить:

— „Вою, вою па чужомъ гарю,

А сама ни знаю, чимъ завуть".

А жонка скокъ, скокъ:

— „Кандрашокъ, сястричинька, Кандрашокъ!"

Тады мужикъ устаў и пачаў арясиный ахаживать и плакальщицу, и жонку.

№ 9.

Якъ дваровый чилавѣкъ вѣрнысть сваей жонки спытывалъ.

Ета ища была ва ўремя крипастнога права. Адинъ дваровый и разскажи сваей жанѣ, што баринъ плоха деньги прячить и што лоўка ихъ украсть. Съ тыхъ поръ жана ни даётъ пакою мужу,—слоўна сатана тая шепчить яму на уха денна и ношна:—„пайдемъ, да пайдемъ у панскія денги!"

Мужъ .сначалу упируваў, а потэмъ ина и змутила яго—пашли гасподскія деньги красть. Тольки мужъ (іонъ знаў, што дѣлаў) упяредъ забѣгъ, бросіў сапогъ, далій на дарози бросіў калачъ, а у неридъ засадіў зайца, да и апустіў яго у воду, у ряки.

Идуть жана съ мужимъ:—„Што ета сапогъ ляжить при ў дарози?“ А мужъ жанѣ атказыить:—„разви ты ни знаишъ—ета шла туча сапожная, сапаги падали—адинъ и застаўся—ни подабрали.“

Идуть далій—ляжить калачъ. Жонка и спрашіить мужа:—што ета значить“? А мужъ жанѣ мувить: ета калачная туча шла—адинъ калачъ и тстаўся.

Идуть далій, мужъ выймаить зайца изъ нерита.

— „Лянь-ка ты: заицъ у неритъ пупаўся“.—А ета заиччая туча шла—заицъ и сваліўся у мой неритъ.

Потэмъ падходють къ гасподскаму дому и саду. Мужъ жанѣ и гаворить: —„постой-ты тутъ у згароды, а я пайду идинъ у гасподскій домъ“. Пайшаў іонъ пайшоўши хряка да и давай яго гнесть; — хрячокъ тэй и виряззжить благимъ матымъ. Узяў паньскія деньги и приходить къ жанѣ. Жана давольна, тольки спрашіить; „а што ета такоя виризжала, якъ ты быў у паньскымъ доми“. — А ета нашига барина шешка тармасіў—ледва баринъ жіў атстаўся.

Пражили яны нѣскальки ўремя, разсоріўся мужъ съ жаною. Жана чѣмъ-та разабидилась на мужа и пришла къ яму, да і гаворить:

— „Што вы знаитя, панъ? Деньги, што вы ищитя. ета мой мужъ украў“.

Пасылаить баринъ за сваимъ дваровымъ челавѣкамъ:—„ты украў мае деньги“.

— Никакъ нѣтъ.—„А вотъ послушай-ка, братецъ. што будить гаварить твоя жина: привядити-ка яе“.—Привяли.—„Ну, што вить мужъ украў мае денги“?—Вѣрна, баринъ, онъ. А мужъ гаворить: — вотъ такъ и лучши, жонушка: и глазы твае ня лупютца, такъ гаваріўши на мяне?—Кали жъ я краў?—„А ни знаишь ты, такой сякой разбязсовистный, кали краў?!.. время была дужа атмѣнная! помнишь, тада па небу хадили тучи пирожныя, сапожныя, яще заиччія...—„Слушайтя, баринъ, бабу, што ина трыянить... у няе тутъ ня ўсе... и паказыить са-

бѣ на лобъ...„—Ну, ну яще кали?“...—А, а, ня помнишь, канальяя, и вамъ, баринъ, тоя ўремя даужно быть у памяти: вамъ тада дужа была ни па сябѣ: вы якъ хрякъ виризжали, якъ васъ паганый шешка, ня тутъ будь пумянутъ, мѣста свята—васъ тармасіў“.

Баринъ асирчаў дужа, якъ ета баба яго у ета дѣла упутала и нашла сходствія съ хрякамъ, якъ крикнуў:—„на канюшню дуру!“...

По варіанту, записанному мною въ Сухомъ Починкѣ Ельнинскаго уѣзда, мужъ отдаетъ деньги барину, прося барина простить его жену:—„ета, баринъ, я нарошна взяў деньги, штобъ испытать вѣрнысть своей жаны. Таперь вижу: правядлива сказана: жанѣ праўды ни кажи!“...

№ 10.

Якъ спорiў мужъ съ жонкый: стрыжина или голина; ни пиряспорiўши жонки, утапить яе паряшiў; утапiўши жъ, чартей ею пужаў.

Какъ жiў адинъ бѣдный мужучокъ, и была у яго жина вочинна паслушлива. Вотъ была у ихъ нѣскалька авецъ. Вотъ ани, даждаўши восини или вясны, давай ихъ стрычъ; абстрыгли и гаворить етытъ мужучокъ сваей жонки:—„Вотъ тяперь мы какъ ихъ абгалили“.—А жина яму атвичаить:—нѣтъ, абстрыгли.—Мужикъ гаворить ей нарошна, што съ яе будить:—„гавари, што голина“.—Нѣтъ, ни на тваёмъ будить, а на маёмъ: стрыжина“.—Вотъ ани спорили, спорили:—„я тябе вазьму, да утаплю: гавари, што голина“.—А жина гаворить:—„ну, тапи и тапи, а будить стрыжина“. Вотъ мужикъ узяў жану и павёў у тапину; приводить у балота и гаворить ей:—„ну, ти будишъ гаварить, што голина?“—Нѣтъ, стрыжина. Вотъ іонъ узяў яе утапіў па калѣни и гаворить:—„ти голина“?—Нѣтъ, стрыжина.—Онъ узяў и утапіў яе па поисъ, и гаворить:—„ти голина?“—Нѣтъ, стрыжина.—Онъ узяў патапіў яе па шію.—„Ну, што, ти голина?“—Нѣтъ, стрыжина,—Онъ патапіў яе саўсѣмъ—чуть толька астались адны руки, а ана, подлая, двуми пирстами шаволить, а ўсё сваё тварить. Онъ думаў, думаў, да ўзяў яе воўси затапіў.—Приходить іонъ дамой: то

была худа, а бизъ яе ящо хужій; и гаворить:—„пайду-ка я яе вытащу“.—Вотъ іонъ и пашоў, узяў съ сабою варёўку, приходить къ балоту, навизаў на варёўку каминь и пустіў яго у балота. Вытаскиваить іонъ чорта.—„Кто ты такой?“—А я чортъ.—Здѣлай миласть, вытащи мяне: мнѣ тутъ баба ни даетъ пакоя. Іонъ яго вытащіў, чортъ и гаворить:—„што тябѣ нада за ета: ти денигъ, ти хлѣба?“—Думаў, думаў:—давай хоть денигъ.—„Скольки жъ табѣ дать?“—А насыпъ мнѣ хоть ету маю шляпу; тольки дай мнѣ адинъ часикъ атдахнуть. Вотъ чортъ атдаліўся, а мужикъ давай на етымъ мѣсти капать яму, выкапаў яму; приходить чортъ и гаворить мужуку:—„Ну, што, ти справіўся?“—Да, гатоў.—„Ну, выстаўляй сваю шляпу“.—Узяў мужикъ яе, да прарѣзаў, и паставіў на ету яму.—Ну. сыпъ.—Вотъ чортъ сыпаў, сыпаў, а поўну ни насыпаў. Мужучокъ и гаворить на чорта:—Ну, дасыпай!—„Не чимъ.—Што за ета возмишъ, што я ни дасыпаў?“—А во што я вазьму съ тябе: у мяне въ адномъ мѣсти іость на вумѣ. Пастроіў гаспадинъ атлишныя харомы, да тольки іонъ у ихъ ни живеть;—вотъ ты мнѣ разскажи, што дѣлать?—А во што дѣлай: вазьми да загрази сваею бабаю, то и харомы станутъ хараши.“—Вотъ пашоў мужикъ къ тому памѣщику, чіе харомы.—„А што, гаспадинъ, я ваши харомы атхажу,—што дадитя?“—Вотъ тябѣ двадцать пять тысичъ.—„Ну, харашо“,—сказаў мужучокъ. И пашоў за еты харомы ў садъ, да вырубіу тамъ сухую ябланку, да какъ тащить вь вакно за макушку и кричить:—„утикай, чортъ, баба идеть!“—Вотъ тотъ чортъ какъ крикнить на ўсихъ сваихъ друзей: — „Ухадитя! — Ета тая баба идеть, каторая выгнула насъ изъ балота“. Черти паубрались. Вотъ патомъ тотъ памѣщикъ, который прасіў етыга мужучка, призваў яго къ сабѣ и заплатіў яму, што згаваріўся, патомъ узяў, пупрасіў священника, атслужіў тамъ, што яму слѣдувала, патомъ стаў жить, да паживать, да дабра наживать, а худо праживать. Я тамъ быў, мёдъ, вино піў, на губахъ тякло, а ў ротъ ни пупала. Дали мнѣ калача ў ж... намача, я быў смѣлъ, узяў, да й съѣў. Дали мнѣ смыкъ, я падъ вароты шмыкъ.

№ 11.

Упирливкая дѣўка; якъ Иванъ Бѣдный жанiўся зъ ею, потэмъ яе атхадiў.

У багатыга мужика была три дачки: двѣ старшiя, ужъ замужнiи, вумницы, рукадѣльницы, третiя хуть и красавица, ну, лянивая и уздорная, яе и замужъ баялись брать.

Разъ къ тому мужику приходить у сваты сусѣдъ:

— „Атдай за мяне замыжъ тваю мѐньшую дачку!“...

Старикъ здивiўся, да и гаворить жиниху:

— „Я ужъ ня думаю выдавать яе замужъ, тябе шануючи, да и яе жалѣючи: самый добрый мужъ забьеть яе за яе лѣнасть“.

Иванъ стаў упрашивать старика, а старикъ гаворить яму:

— „Я тябе чимъ нибудь, душинька, спытаю: если ты споўнишъ, то и съ маею дѣўкыю справисьтя — вить у яе ни икая нибудь затинка“!

А ина сядить на пячи, паколь што рада, што жанихъ къ ёй знайшоўся.

Падумаў старикъ, да и гаворить:

— „Паѣзди-ка ты на маей лашатки; кали ты справисьтя зъ маею лошадьдю, справисьтя и зъ маею дачкою. Спытай сибѣ“.

Была у старика прiагрёмная, свирѣпая лошать; яе ни запригали и баялись падайти къ ей, кармили съ крыши.

Иванъ Бѣдный лошать на сваё пупяченiя приniў, значала яе голыдымъ марiў, потэмъ у трехсаженныи сани запрехъ яе; ѣздiў, ѣздiў—уси воры, дуры, трущобы изъѣздiў, абъѣздiў таки: стала лошать змирная, призмирная, якъ ягнёнкъ — слова баитца.

Старикъ Ивану дачку атдаеть, и трехсаженныи сани, и лошать.

Звиньчаўшись жили харашо; жонка была сваимъ мужимъ давольна, тольки работать ни хатѣла; якъ гаворитца: палицъ абъ палицъ ни ўдарить; яе дѣла—пила бъ, да ѣла.

„Ниладна!“ думаить Иванъ и усими силами клапатить, якъ прiўчить жану къ работи.

— Ахъ, жина, якей слаўный Бохъ даў намъ лянокъ!

Паѣдимъ пасматрѣть, пулюбуимся на наша добрыя.

А жина и слушать ни хатить ибъ лянкѣ: ета ей скушна.

— „Ну, такъ паѣдимъ ягыдъ пасабираимъ“.

— Во ты ета дужа харашо уздумаў—на ета я сыгласна.

Пріѣхали у лѣсъ. У лясу, ли ели, лижала агрёмная, пріагрёмная муравейная куча.

— Идѣ жъ твае ягыдки? Што-та ихъ ня видна.

— „А вотъ сичасъ будуть табѣ и ягадки“.

Съ естыми славами іонъ крѣпка схватаў яе, рубашку на галаву задраў, абкрутіў ею голыву и завизаў, а руки привизаў къ ели, што ли муравейника была.

Стала жонка Ивана Бѣднага тярпѣть нясносную муку, усхадились мураўи па ей хадаромъ и прабираются якъ надаби быть,

— „Иваничка, а, милинькій, а такей, сякей! узмиласердуйся ты нада мною, атвяжи мяне: буду и паслухмяна, и ткаха, и пряха и рукадэльница!“...

Иванъ быца-къ ня слышить жонцы,—хуть самъ и зъ мѣста ня тронуўся; на лошать жа крикнуў, быцца-къ ѣхать збираитца.

Тады тольки іонъ атвизаў жонку, якъ ина угамувалась, якъ голысъ яе вириззжаў жалыстна и замирать стаў.

Якъ сдѣлалась жа послѣ етый науки жонка Ивана Бѣдныга такая рабатяга, такая рукадэльница, што ни ў кога, никали и ніидѣ ни було такей жонцы.

Другіи жонки тольки жнуть, а жонка Ивана Бѣдныга жнеть и косить, да ўзяўши цѣльную капу въ ахапку, сѣна носить, самъ Иванъ Бѣдный за ею ужъ ни пуспиваить, людёмъ ни нахвалитца.

Разъ зъѣхались къ тстю Ивана Бѣдныга три зяти зъ нявѣстками, и кожный сваей жонкый яшакубитца.

Ударились абъ закладъ, чія жонка паслухмяній. Вотъ, штобъ ета харашенька разузнать, батька рана вутрамъ падходить къ йзби, идѣ жила старшая дачкà, да и кричить:

— „Дочухна, милая, выть ка мнѣ, паслухай, што я табѣ скажу“.

— Ахъ, батька, якей ты тольки? Табѣ и угаву нима! Падняўся ни свѣтъ, ни заря, и самъ ня спишъ, и людёмъ спакою ни даешъ; я тольки прибиралась, а ты ужу гарѣлкыю бильмаки сваи заліў.

Атецъ двору тады, а 100 рублей атлажiў.

И ўтарэй дачка тэй жа атвѣтъ атцу даеть; батька ящо 100 рублей атлажiў.

Къ младшiй дачкѣ старикъ забраўся дужа рана, только свѣтанька свитаить, а ина ужъ мылась. Якъ гукнуў яе батька, дакъ ина выбигла на улицу галая, рубатенку напяливаить.

Батька дужа абрадуваўся:

— „Дититка мае, спадабалася мнѣ, што зятёкъ мой навчiў тябе вуму-разуму“.

И падарiў старикъ свайму зятю за харошую навуку усихъ триста рублей.

№ 12.

О чеботарихѣ.

Чеботариха выходитъ замужъ за богатаго купца. Оклевстанная сосѣдомъ, выгоняется изъ дому. Дѣлается охотникомъ и, по приказу царской дочери, живетъ во дворцѣ. Царская дочь принимаетъ ее за мущину и влюбляется въ нее. «Охотникъ» становится офицеромъ, открываетъ тайну мужу и убиваетъ клеветника—купца.

Жiў чибатарь, було у яво многа мастяроў, падмастерыiў. Была у яво дочка, дочку iонъ атдаў у пансiёнъ. Чиризъ нѣскалька ўремя чибытарева жина пумирла. Чибытарь атъ агарченiя начаў пить и гулять, и уси падмастерья атъ яво аташли. Нечимъ яму було за сваю дочку заплатить у пансiёнъ: яго дочку изъ пансiёну выслали. У етытъ горыдъ прiѣхаў купецъ-милiянеръ снять щотъ са сваихъ лавыкъ. Гаворить купецъ на етыга прикащика:—„Найди, братъ, харошива, прикащикъ, сапожника!“—Атыйскали сапожника; сняў iонъ мѣры, кабы сшить сапаги и съ калошими. Купецъ даў яму денигъ и спрасiў, скора ли будуть гатовы сапаги. Хадiў аднажды купецъ етытъ па горыду и са свамъ прикащикамъ, и гаворить на яго:—Пайдемъ, братъ, къ сапожнику: я яго работу пасматрю“.—Увайшоў iонъ къ етыму сапожнику, пасматрѣў скора ли яво сапаги будуть гатовы. А чибатарёва дочка у другей комнати шила и пѣсинки пѣла. Купецъ у сапожника спрашiить:—„Хто ета тамъ паётъ?“—А ета паётъ мыя дочка.—Пыныравились купцу ети пѣсни; захатѣў iонъ на яе узглянуть. Гаворить купецъ на сапожника:—„Што ета твыя дочка такея харошiя нотныя пѣсни

паетъ?“ А мая дочка 6 лѣтъ у пинціёни училась.—И ўрѣзаўся купецъ у яво дочку. Сапожникъ етыму купцу атдѣлаў сапаги и съ калошами и панесъ къ яму у домъ. Купцу панаравились еты сапаги; атдаетъ іонъ сапожнику астальнэя деньги. Даетъ іонъ сапожнику ящо десить рублей и гаворить:—„Гаспадинъ сапожникъ, атдай за мяне сваю дочку!“—Сапожникъ ета и ў рязонъ ни примаитъ: думаитъ, што купецъ тольки смяетца надъ имъ, и гаворить на етыва купца:—„Идѣ ета слыхана, што вы маю дочку вазьметя?“—Пашоў сапожникъ дамой. Купецъ гаворить на прикащика:—„Привяди ка мнѣ сапожника!“—Пришоў сапожникъ.—„Падумай, сапожникъ: я хачу быть тваимъ затимъ,— ты ни самлювайся: пасавѣтыйся съ купцомъ сьдѣшнимъ, и спраси у яво, можна ли атдать за мяне тваю дочъ!“—Сапожникъ пашоў къ тȏму купцу и спрашіить у яго:—„Вотъ у мяне сватаитца такой-то и такой купецъ за маю дочку,—можна ль мнѣ за яво атдать?“ Купецъ яму атвѣчаў:—„Ты дуракъ: Богъ ищить тваю дочъ въ жисть. Я ба сваю дочку атдаў и даў ба приданова за яе миліёнъ.“—Пришоў дамой сапожникъ, паслаў дочку за дядькыю и теткыю; сдѣлали яны разгаворъ, што нада атдать. Выпили яны па рюмычки водки. Ни паспѣли яны выпить,—приходить прикащикъ атъ етыва купца, и заветъ іонъ сапожника къ купцу. Приходить сапожникъ къ купцу.

— „Ну, гаспадинъ сапожникъ, сагласинъ?“

— Сагласинъ.—„Ну, такъ ба и сказаў“.—Даетъ яму купецъ три тысичи рублей:—„Атдай сваей дочки: пущай ана купить сабѣ усю адежу и ўсё, што нужна, а, када будить мала, то я ящо дамъ. У насъ будуть заручины такей-то и такей день, и тада-то и тада свадьба“.—Пиривинчаўся купецъ, пабыў нѣскалька ўремя ў горыди, нарадіў свайго тстя и паѣхаў са сваёю жаною ў другей горыдъ. Пражили яны такъ годъ; адинъ разъ къ етыму купца пришло 20 писёмъ,—пишуть прикащики изъ-за границы и паўсямѣсна, идѣ тольки яво лаўки:— „Ни можимъ мы таргувать: таваръ падяшевіў“... Етытъ купецъ пашоў за савѣтымъ къ сасѣду—купцу. Купецъ яму пасавѣтываў:—„Паизжай и паращитай усихъ прикащикыў; табѣ за етымъ дѣлымъ нужна праизвясти щотъ—цѣльный годъ“.—Выпили яны па рюмки вина, завяли разгаворъ. Сусѣдъ—купецъ яму гаворить:—„Жану ты сваю вазьмешъ: а то ана бизъ тябе саблазнитца!“—Купецъ яму гаворить:—„Мыя жина ня стольки

глупа, штоба бизъ мяне ета ана сдѣлала“.—Завяли яны между сабою споръ: сусѣдъ гаворить, што саблазнитца, а яе мужъ гаворить, што нѣтъ. Сусѣдъ гаворить:—если ана ни саблазнитца, то я падъ закладъ кладу свой домъ!—Мужъ гаворить:— „Ну, када ана саблазнитца, то и я свой домъ кладў падъ закладъ!“—Сдѣлали яны законныя падписки и утвярдили ихъ да пріѣзду купца. Жина етыва купца абъ етымъ спору ни знала ничаво. Распращаўся купецъ съ нею и уѣхаў. Етытъ купецъ и думаить:—„какую бы яму машину пувясти?“—(А срокъ ужу близыкъ: скора пріѣдить яе мужъ). Приказаў етытъ купецъ сдѣлать сундукъ, штоба у ёмъ можна було сядѣть и съ патайнымъ вакошкымъ. Пришоў къ купецкій жанѣ и гаворить:—„Пазвольтя мнѣ у васъ паставить сундукъ съ вищами: а то у мяне мала мѣста!“ — Можна!—„Ну, харашо: я яво пришлю рабочими, а толька вы яво, пажалуста, пастаўтя у спальню“.—Пришоў іонъ дамой, улѣзъ у сундукъ и приказаў:— „Вы мяне знаситя упяредъ на адну ночъ и пастаўтя у спальни, а на вутра вазьмитя,—патомъ ипять на ночъ принаситя мяне у спальню“.—Принясли яво вечирымъ и паставили у спальню. Купчиха павужинала, пумалилась Богу, снила винчальныя кальцо и палажила на вакно. Купецъ ета усё видить, што она дѣлаить. Патомъ ана падайшла къ пастели, пиримянила рубашку свѣжую атъ блохъ. Онъ на яе голыя тѣла пасматрѣў и увидаў у яе, на тѣли, пятно. Купчиха лигла и заснула. Тада купецъ вышіў изъ сундука, узяў винчальныя яе кальцо на руку, патомъ ипять у сундукъ улѣзъ. На вутри купчиха прашнулась, кальца нѣту. Ана спрасила у дѣвушки, ти ня быў хто, она атвичала, што никога ни видала. Ина яво искала и ни нашла. Тада ана падумала, што ета мышъ затащила яго, или жа яно куда нибудь закатилысь. Пу вутру приходють еты рабочія и гаворють:—„Ну, таперича сундукъ пажалуйтя: хазяинъ приказаў узять.“—Узяли яны етытъ сундукъ и принясли дамой. У скорымъ уремени пріѣхаў купчихинъ мужъ. Сусѣдъ начай распрашивать, какъ яво дила. Выпили яны па рюмычки вина, паздравіў сусѣдъ яво са пріѣздымъ. Купецъ гаворить:— „Ну, какавы наши дѣла, абъ чомъ мы закладъ диржали?“— „А во пасматри: винчальныя ваша кальцо у мяне на рукѣ!“ Купецъ усуміўся и гаворить:—„Кальцо можна украсть, или патирять,—дыкъ яно и пупадеть у твае руки... Можить ящо зна-

ишъ примѣты какея на яе тѣли?“—Тада я табѣ скажу: у яе тамъ-то и тамъ пятно.—Купецъ етыму павѣріў и сильна асирчаў на сваю жану. Жина услыхала, што пріѣхаў мужъ къ сусѣду, бягить яво туды сустрикать. Мужъ яе ни пустіў на глаза:—„Ни падхади, публичная валачуга!..“ Жина варатилась и пашла. Пиринучувала ана ночь; на заўтрига приходить тотъ купецъ, каторый сядѣў у сундукѣ и гаворить:—„Выхади вонъ!—Зачимъ?—„Домъ мой“—А я ня вѣрю.—„А вотъ тябе ў даказатильства расписка.“—Ана прачитала расписку, вышла изъ дому и наняла сябѣ квартеру! И думаить ана сабѣ:—што ета значить?—Пашла ана за горыдъ, видить: мужикъ пашить. Ана яму гаворить:—„Мужикъ, давай минятца на адёжу!“—Іонъ гаворить:—„Ну, пагади: я табѣ принясу адёжу палуччи.“—Принесъ мужикъ адёжу; ана гаворить:—„Приняси, мужикъ, мнѣ ножницы.“—Мужикъ принесъ ножницы. Ана гаворить:—„Абстрыги ты мяне пумужицки!“—Іонъ яе абстрыгъ; ана яво публыгыдарила и пашла. Купила ана сабѣ ружьё и начала учитца стрилять. Выўчилась стрилять и начала заниматца диччу. Яе ужу ни хто ня могъ узнать, што ана женщина. Стала ана стрилять дичъ и прадавать, и ўсигда была удачна охота. Пришла ана ў сталичный горыдъ, стала стрилять дичъ и прадавать царскыму повару. Царь кушаў и спрашиваў у повара:—„Идѣ ты ета бярешь свѣжую дичъ?“—А тутъ праявіўся новый ахотникъ; чилавѣкъ іонъ харошій и чистый,—дыкъ я бяру усигда у яго.“—Царь гаворить:—Када придеть ахотникъ, то зави яго ка мнѣ: ти ни найметца іонъ ка мнѣ распарижатца ахотыю.—Приходить ахотникъ, царь гаворить:—„Сколька ты у мяне вазьмешь за распаряжатца ахотыю?“—Ана атвичаить:—„Радъ старатца!“—Начаў іонъ распарижатца ахотыю: дѣлаў аблавы; идѣ царя ни паставить, на царя звѣри идуть—и царь имъ усигда быў даволинъ. Улюбилась царская дочка у етыва ахотника. Гаворить ана чисавому:—„Скажи ахотнику, што яво требуить царь, привяди яво къ маей спальни и скажи яму, што царь здѣсь,—уталкни яво у маю спальню и затвари.“—Часавой такъ и сдѣлаў. Цареўна, када іонъ увайшоў у спальню, гаворить:—„Пей водку и што дли васъ угодна!“—Ана выпила рюмку водки и гаворить:—„Што дли васъ угодна? За чимъ вы мяне звали?“—А вотъ зачѣмъ: сдѣлай са мною сабщенія?—Тада ахотникъ разсказалъ царской дочери, кто онъ.

Царская дочь и гаворить:—„Я сама, царская дочка, увила у стыдъ сябе. Сматри, сястрица: никому ни аткрывай етыва.“— Ахотникъ етытъ пашоў у свае мѣста, и царскыя дочка атъ бальшова стыду начала гаварить атцу:—„Папа, атпраўтя етыва ахотника ў полкъ: іонъ чилавѣкъ вумный!“—Атецъ яе савѣту паслушаўся и атправіў етыва ахотника ў полкъ. Ахотнику этыму и тутъ счастя: чинъ за чинымъ—даслужіў іонъ шпектыра, начаў іонъ разъизжать и палки асматривать. Мужъ яе быў вочинь сярдитъ на яе, што ана праиграла свае счастья, а таво и ни падумаить, што яво жина ни знаить абъ чомъ ета дѣла сдѣлалась. Мужъ яе атъ дасады прагуляў уси свае миліёны и пуступіў у ахотники, у салдаты. Вотъ жина яво разъизжала па шпектырскій части па гарадамъ и увидала у адномъ горыди, што яе мужъ стаить на часахъ. Ана яво узнала, а іонъ яе ни узнаў. Ана яму гаворить:—„Я замичаю, што вы ахотникъ?“—Точна такъ.—„А жина у васъ была?“—Была.—„А гдѣ ана таперича?“—А ни знаю.— Тада ана аткрываить свае груди и гаворить:—„Видишъ ли, хто я?“—Салдатъ арабѣў: думаить, што заўтри палки будуть за то, што на часахъ ни харашо стыяў. Призываить яво шпектырь:—„Ахъ ты мирзавицъ, хто таперь тваю жану корьмить?“— „Ни знаю, ваша блугуродія.—„Ахъ ты мирзавицъ, я тваю жану карьмлю. Пашоў вонъ!“—Вышіў салдатъ и думаить, пачаму іонъ знаить ета. На заўтрига быў смотръ салдатамъ. Иншпектырь у голысъ крикнуў етыва салдата къ сабѣ ў диньщики. Паѣхали у тотъ горыдъ, идѣ купецъ праиграў свой домъ. Пріѣхали яны къ етыму дому, шпектырь спрашіить у хазяина:—„Скажи, братицъ, чей ета домъ наўпроти?“—А ета, ваша блугуродія, мой домъ, а зъ етыва дому я выгнуў купца и купчиху.—Купецъ и ни знаить, што ета пирядъ имъ ета самыя купчиха, а ина яго знаить. Тада ана закупила што нада для обѣда и пригласила усихъ асобъ. Када ета було гатова, ана падсластила водки какъ можна пупьянѣй и пригласила къ сталу купца етыва и ўсихъ асобъ. Гаворить на купца:—„Ну, гаспадинъ купецъ, раскажитя, какъ вы палучили етытъ домъ.“ У етыва инспектыра была пригатоўлена женскыя адежа. Выслаў іонъ свайво диньщика и паставіў яго на часахъ ли спальни. Самъ пашоў у спальню, сняў свае ўси ардина, палажіў на блюда, адѣўся у женскыя платьтя. Вотъ іонъ узяў блюда съ ардинами у руки и выходить къ гастямъ. Уси яны ўдіўляютца:

пашоў мущина, вышла женщина. Ана гаворить:—„Я не мущина, а женщина, а етытъ купецъ выгнуў насъ съ мужимъ изъ дому, а дяньщикъ мой—ета мой мужъ—іонъ упярёдъ быў милюанеръ. Слышитя, гаспада?“—Слышимъ.—„Ну, гаспада, етытъ купецъ сабака, а сабаки сабаччія честь! іонъ мяне развеў съ законнымъ мужимъ и патёръ уси наши миліёны,—дыкъ я яго сатру жисть съ лица зямли.“—Вынула ана писталетъ, прицѣлилась и убила етыва купца. Уси асобы удаставѣрили, што эта дѣла была правыя. Дайшло ета да самыга ампиратыра,—ампиратыръ наградіў ету купчиху. Стала ана съ мужимъ жить. какъ жила.

№ 13.

Деревня Бердебяки
Ельнинскаго уѣзда.

Абъ купечиский дачкѣ, якъ ина атмстила прикащику.

Была, на роўнымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жіў купецъ багатый съ жаною. Доўгая ўремя ни було у ихъ дятей, яны 7 лѣтъ малились Богу. Радились у ихъ сынъ и дочъ, яны пубищались на 7 лѣтъ ѣхать у манастырь Богу малитца. Дочки ужу було 16 лѣтъ, а сыну було 14. Купецъ съ жаною видили сонъ:—„Исполнитя сваё абриканія: съѣздитя у манастырь малитца Богу.“—Яны устали пумалились Богу и сабрались ѣхать у манастырь, на 7 лѣтъ, на богамаленія. Сына яны узяли съ сабою, а дочку аставили. Наняли прикащика смятрѣть за домамъ. У дочки ихъ были нянюшки и мамушки, штоба ей воли ни давать. Прикащикъ етытъ ни видаў яе лица никада. Аднажды вытапили баню, ана и идетъ са сваими нянюшками и мамушками. Увайшла ана ў баню, а прикащикъ за ею услѣдъ. Прикащикъ, увидаўши яе красату, улюбіўся у яе. Увыйшоў за ею у баню и гаворить на нянюшикъ и на мамушикъ:—„Вы, дѣвушки, ступайтя дамой, а съ етыю дамыю памыюся я.“—Ахъ какая у васъ совисть, штоба мытца са мною?...—„А, ничога!—Памыимся.“—У етый бани стаяў у печки на загнотки кателъ зъ вадою, вада кипѣла бѣлымъ ключимъ. Развила ина у тазъ вады; прикащикъ гаворить:—„Дайтя: я васъ памыю!..“—А, нѣтъ, упяредъ я васъ памыю.—Іонъ сѣў:—„Ну, мыйтя, а тада и я васъ!“... Ина яму намылила мылымъ голыву густа. (А ина яму намылила голыву штоба іонъ ничова ни видаў).—

Узила кателъ съ вадою какъ чубурахнить на яво. Ина сама пубижала дамой. А етый прикащикъ скакаў тамъ три дни и рюў, якъ карова. Волысы съ галавы свалились далоў, стала яво галава гола, какъ калѣна. Іонъ, апомніўшись, лячіўся цѣлый годъ, а ина яму цѣлый годъ ни паказывалась на глазы. Іонъ и гаворить:—„Ну, ня выскычишъ ты атъ мяне! – Абварила ты мяне варымъ,—ну, и я тябе пагублю!“... Узяў и написаў яе атцу штрахавоя письмо:—„Ваша дочка збунтувалыся: ни згароды, ни забору ни глядить. Напишитя, што мнѣ зъ вашій дочкыю дѣлать: или сами прибудьтя, или мнѣ прикажитя яе унять!“— Купецъ, палучомши ета письмо, сильна улякнуўся; доўга іонъ думаў, што яму дѣлать, да скора придумаў: паслау свайго сына распарядитца ею и узнать уси дила. Приѣхаў яе братъ дамой ноччу, стукаить у калитку, а яе спальня была вакномъ къ калитки.— „Систра, аттваряй!“ — Выскакываить яво систра и гаворить:—„Што ты, мой братъ, ня воўримя буваишъ?“—Управитиля ў ту пору ни було дома. Запалила ина свѣчку пасматрѣть братыва лицо, а у яво глазы были, какъ у разбойника,—увесь іонъ трясетца и глядить сярдита:—„А, што, систра, ты пазабыла атцоўскыя приказанія, тябе на ўдержуть ни па заборамъ, ни па згародамъ?“... Систра, какъ услыхала ета, то ина самянилыся са лица, а іонъ падумаў, што ана вочинь винувата. Узяў іонъ шаблю и гаворить:—„Систра, адивай смяретную адежу!“.. Іонъ привеў яе у глубокій роў и гаворить на яе:—„Систра, кайся: я табѣ сыму голаву далоў!“—Ну, братъ, воля твыя: дѣлый што хочишъ!— Іонъ выхватіў шаблю, што ударить яе пô гыльви, а яво какъ ударить атъ яе Святымъ Духымъ,—дыкъ іонъ бизъ памити пралижаў цѣлый часъ. Устамши гаворить:—„Систра, скажи: Богъ ли ни дапускаить, или ты знаишъ нячистыва духа?— Братъ, воля твыя: я ни знаю ничаво, дѣлый што хочишъ.— Іонъ тольки ипять захатѣў ударить яе шаблію, какъ ударила яво Святымъ Духымъ атъ яе,—цѣлыхъ два часа іонъ пралижаў бизъ памити. Іонъ ледва устаў атъ етыва пабою, замахнуўся іонъ у третій разъ штоба ударить яе,—яво какъ ударила Святымъ Духымъ, цѣлыхъ 3 часа пралижаў бизъ памити. Устаў и гаворить.—„Ну, систра, признайся: Бога ли ты знаишъ, или нячистыга духа?“—Братъ, воля твоя: я ничога ни знаю!—„Ну, систра, када такъ, то иди куда видишъ, а я скажу атцу, што атрубіў голыву тябѣ.“—И пашла ина па щирыхъ барахъ, па темныхъ

лисахъ, и зайшла у чужоя царства. Зайшла ина у такую пущу, а тамъ усё щипчинникъ, усё арѣшникъ, падрала ина усю адежу, стала сусимъ нагая. Была дли моря глубокая яма, а кругомъ той ямы 12 дубоў. На ту пору чужаземный каралевичъ ганяў съ сабаками зайцыў. Сабаки, какъ увидили яе, такъ и бросились къ ей, а ина бросилась у яму и лигла ницъ. Сабаки у яму ня лѣзуть, а кругомъ ямы ходють и брешуть. Наизжаить туда каралевичъ; іонъ думаў, што тамъ іость лютні звѣрь. Видить іонъ, што у ями ляжить чилавѣкъ голый; іонъ спрашіить: „Хто ты іось за чилавѣкъ: мущина или женщина?"— Женщина.—„Ну, вылизай ка мнѣ!"—Ахъ, каралевичъ! Я нага, а дайтя мнѣ свой сюртукъ, то вылизу.—Іонъ сбросіў сюртукъ и кинуў ей у яму. Ана адѣлысь и выходить вонки. Ана на лицо была пригожа. Каралевичъ у яе и спрашіить:—„Какова ты іось роду?"—Я дѣўка Рассейская; а роду купецкага.—„Ну, а чаво жъ ты суда зашла?„—А насъ було многа, да пупугаў дикій звѣрь.—Іонъ и гаворить.—„Ну, пасяди ты ўетый ями, пакуль я пріѣду."—Каралевичъ паѣхаў на рынакъ и купіў ей ўсю женскую адежу.—„Ну, дѣўка, адивайся палуччи!"— Вотъ ина сабралася, сурядилася, нарумянилась и яму ана панравилась. Стала ана такая красавица, што у царстви нѣту такихъ. Пасадіў іонъ яе у карету и привезъ дамой. Сняў съ яе патретъ и павѣсіў у сваей спальни, глядѣў іонъ на патретъ и ня могъ насматрѣтца. Ходить іонъ па дому висялитца, што яму пара жанитца. Стаў прасить атца съ матирью:—„Папинька и маминька!—Позвольтя мнѣ жанитца"—Яны и гаворють:— Пазваляимъ, наша чада, пазваляимъ: паизжай па ўсяму царству и найди па свайму нраву"—Папинька и маминька, пажалуйтя ў маю спальню!—Паказываить имъ патретъ и гаворить:— „Вотъ, папинька и маминька: када ина вамъ панаравитца, то и мнѣ!"—Аны и гаворють:—„Наравитца; идѣ ты ета такую захватіў, у каторымъ царстви?"—А идѣ ни нашоў, а ина ў мяне ў доми.—Благаславили яны яво и пиривинчали на ей.— Пражили яны; ана ужу сдѣлалась бреминна.—У ету пору сдѣлалась сраженія атъ царя Юрика у горыди Ирыслави. Ваювали малатками и бердушами. Царь Юрикъ и написаў етыму каралю, штоба іонъ быў на савѣтъ усихъ каралей.•Каралевичъ аставіў жану дома, а дли распаряженія аставіў маладога сината. Синатъ, астаўшись адинъ, увидаў яе красату. Узяў и пашоў къ ей на

ночку пагулять. Идеть іонъ у палаты, а яму нянька и гаворить: — „Ваша сіятильства, ни хадитя: у насъ даў Богъ рады!“ — „Ну, ета ни ваша дѣла, пускайтя!“ — Яво пустили, а при іомъ была палушабля. Приходить ана у спальню и гаворить: — „Ваша сіятильства, вы видитя, ў какомъ я палаженіи: зачѣмъ вы пришли ў маю спальню?“ — Синатъ, какъ услыхаў ета, то атъ ярысти выхватіў палушаблю, уторнуў яе у рабенка, бросіў на полъ. — Ана и гаворить: — „Ну, маладэй синатъ, ты аставайся тута, а я пайду на кухню абмыюсь, — тады и я приду суда.“ — Схватила ана сваё царскыя платьтя и бросилась у поля. Ина са страху бѣгла ўсю ночъ. Ни многа, ни мала ана убѣгла, — на 100 верстъ. Стала ужу свитать, ана напала на поли гарѣлый дуплистый дубъ и ўлѣзла туда, патаму што баялась пагони. Маладэй синатъ сдѣлаў пагоню: распустіў 7 палкоў салдатъ яе искать и самъ искаў, но ни нашоў. Ана сядѣла у етымъ вязу троя сутыкъ, пакудава пагоня абайшлася. На чатвертыи сутки, вочинь рана пу вутру, играў пастухъ у трубу и выганяў скотъ у поля. Ана публагадарила Бога, што дяреўня нидалека. Подходить ина пу вутру къ пастуху, пастухъ быў у жупанѣ, у лаптяхъ и плятеныю тясемкый падпаясанъ, а на галавѣ быў валеный калпакъ. „Пастухъ, давай мы съ табою барыши дѣлать!“ — А якея? — „А пуминяимся мы съ табою на адежу!“ — Што ты ета выдумала? мяне у вастрогъ за ету адежу засодють, — пристануть: аткуль еткая у мяне адежа? — „Ня бось: я табѣ ящо денигъ дамъ.“ — Пастухъ сагласіўся. Пирядѣлась ина у пастухову адежу, падабрала валасы, намазала вугалемъ вусы: настаящій мужикъ! — Дала ана пастуху денигъ, патомъ пашла у горыдъ Ирыслаў. — А ў горыди Ирыслави ужу вайна утихла. Пришла ана ў горыдъ и давай хадить кала атцоўскава дому. А у яе атца сабрались уси карали, пили-ѣли, гуляли. Выходить яе атецъ и гаворить: — „Эй, мальчикъ, наймись ка мнѣ ў работники!“ — Харашо, наймусь! — Толька я буду наниматца съ условіимъ. — „Съ какимъ?“ — А никада ня скидывать шапки, ни за 'бѣдымъ, — нійдѣ и никада. — „Ну, харашо!“ — Приходить іонъ у домъ; гости и гаворють: — „Гаспадинъ хазяинъ, ти ня можна вамъ найдить такова чилавѣка, штоба іонъ намъ разсказываў сказки?“ — А, гаспада карали, у мяне іось работникъ; іонъ умѣить харашо сказки гаварить, но толька іонъ у мяне нанятъ съ условіимъ: никада и

нійдѣ ни скидывать шапки.—„Ну, дыкъ што?—Ничога: мы будимъ яго слухать и ў шапки!“—Купецъ паслаў етыва сына, а яе брата, за батракомъ.—Іонъ вышіў и кричить:—„Эй, батракъ!“—Чаво изволитя?—„Гаспада просють тябе ў домъ казки гаварить!—Ну, эта можна!—Уходить батракъ у домъ, пакланіўся усимъ каралямъ и гаворить—„Здрастуйтя!“—А, батракъ, здрастуй!—„Ну, гаспада карали! Буду я гаварить казку, но хто яе пирябьеть, то съ тога тысичу рублей!“—Ну, мы сагласны!—„Ну, харашо: станоўтя стульля кругомъ мяне и слухайтя!“—(А тутъ были: атецъ яе, братъ, лысый прикащикъ, катораму ана абварила голыву, мужъ яе, кароль и другея карали).

Вотъ батракъ начаў:

— „На роўнымъ мѣсти, слоўна на баранѣ, у горыди Ирыслави, жіў купецъ, быў іонъ вочинь багатъ и ни имѣў дятей. Вотъ у ихъ радіўся сынъ и дочъ. Вотъ яны адинъ разъ легли спать и видють сонъ:—„Вы абищали, када родютца у васъ дѣти, ѣхать малитца Богу у манастырь на семъ лѣтъ!“—Яны прашнулись, наняли прикащика распаряжатца домымъ, узяли съ сабою сына, а дочку аставили дома и паѣхали у манастырь Богу малитца. Прикащикъ увидаў красату яе, сильна у яе улюбіўся. Аднажды, купецкая дочка ишла ў баню са сваими нянюшками и мамушками; прикащикъ пашоў слѣдъ за нею и гаворить на яе:—„Ну, я съ вами памыюсь!“—Ана гаворить:—„Ахъ, какая у васъ совисть мытца съ дамами?“—Ну, ничаво, я памыюсь!—Вотъ ина намылила етыму прикащику голыву, кателъ у печки кипѣў бѣлымъ ключимъ,—ана яму намылила глазы, штоба іонъ ничога ни видаў, схватила кателъ и вылила яму на голаву,—сама пабѣгла дамой“....—Врешь, дуракъ, нипраўда!—Гаворить лысый прикащикъ.—„Ну, гаспада, тысичу рублей: казка пирябита!“—Вотъ прикащикъ и уплатіў тысичу рублей, а батракъ стаў разсказывать:—„Вотъ, прикащикъ етытъ лячіўся цѣльный годъ, а ина яму цѣльный годъ на глазы ни паказывалась. Патомъ іонъ, када вылячіўся, сказаў:—„Ну, ты мнѣ голыву абварила,—ну, я тябе пагублю!“—Написаў іонъ письмо къ яе атцу и написаў іонъ у имъ:—„Ваша дочка балуитца: ни згароды, ни забору ни глядить.“—Атецъ яе падумаў, што ета праўда, прислаў сваяго сына, а яе брата, штоба распарядитца ею.—Пріѣхаў яе братъ

у ночъ, систра спугалась, а братъ падумаў, што ана винувата, узяў шаблю и павеў яе у роў. Тамъ іонъ яе хатѣў шаблію убить и гаворить:—„Систра, признайся ва ўсемъ!"—Ана гаворить:—„Воля твыя, братъ, я ничаво ни знаю!"—Іонъ замахнуўся, хатѣў ей атрубить голыву, а яво какъ ударила Святымъ Духымъ, іонъ пралижаў часъ. Другей разъ хатѣў ударить—пролежаў два часа; третій разъ хатѣў ударить,—яво какъ ударила, то іонъ пралижау три часы. Устаў и гаворить:—„Ну, систра, признайся: нячистыва духа ты знаишъ или Богъ ни дапускаить?"—Ана яму атвичала:—„Братъ, воля твыя: я ничаво ни знаю!"—А купечискій сынъ (яе братъ) гаворить:—„Урешъ! Ни праўда, мужикъ...." Ну, гаспада карали, тысича рублей,—патаму казка пирябита!—Братъ яе уплатіў тысичу рублей.

Батракъ гаворить:

— Тада яе братъ гаворить:—„Ну, систра, иди куды видишъ, а я атцу скажу, што атрубіў табѣ голыву."—Пашла ина, куды глазы глидять, и зайшла ў чужоя каралеўства. Пришла къ морю. Кала моря была глубокая яма, а кругомъ ямы расло 12 дубоў. На ту пору чужаземный каралевичъ ганяў зайцыў. Сабаки увидили ету нагую женщину, бросились на яе. Ана спужалась и бросилась у яму и лигла ницъ. Сабаки у яму ня лѣзуть, акала ямы ходють и брешуть. Каралевичъ наизжаить на ету яму и видить, што тамъ ляжить нагей чилавѣкъ. Іонъ гаворить:—„Какой ты, чилавѣкъ: мущина или женщина? Какова ты роду іось?"—Я женщина, а роду купецкаво. Іонъ и гаворить на яе:—„Вылизай!"—Ахъ, ваша вяличиства, я нага!—Бросьтя мнѣ свой сюртукъ, то я выду.—Вросіў іонъ ей свой сюртукъ. Ана адѣлась и вышла. На лицо ана каралевичу панаравилась. Іонъ ей вялѣў падаждать, а самъ паѣхаў и купіў ей усю адежу. Ана адѣлася, сурядилася, нарумянилась, и яму ана панаравилася. Привезъ іонъ яе дамой и списаў съ яе патретъ. Улюбіўся у яе іонъ сильна, глядѣў на патретъ и ни наглядѣўся. Пупрасіў у сваихъ радитиліў багаславенія и на ей жаніўся. Скора посли таго каралеўска жана забреминила.—Атъ царя Юрика ў горыди Ирыслави праизашла вайна; мужу яе нужна було туда ѣхать на савѣтъ у сихъ каралеў. Іонъ паѣхаў, а распаряжатца аставіў маладога сината. Маладэй синатъ, увидіў яе красату, улюбіўся

у яе. Адинъ разъ, када ана ужу радила, іонъ пашоў къ ей. А у яво дли боку висѣла палушабля. Іонъ пришоў къ ей у спальню, а ина гаворить: — „Ваша сіятильства, зачѣмъ вы ка мнѣ пришли, — вы видитя, ў какомъ я палаженіи?“ — Іонъ разсердіўся, выхватіў палушаблю, уторнуў у етыга рабенка и бросіў яво абъ полъ. Тада ана гаворить: — „Ну, маладэй синатъ, падажжи ты тутъ, а я пайду на кухню, абмыюсь, тада и приду.“ — Ина схватила сваю адежу и пабѣгла ў поля. Атъ страху ана бѣгла усю ночъ и забѣгла за 100 верстъ. Утрим ана увидала гарѣлый вязъ, дуплистый. Ана у яво улѣзла, патаму што баялась синатѻра, штоба іонъ ня сдѣлаў за ею пагони. Іонъ сдѣлаў пагоню, распустіў усю вармію, и самъ синатъ искаў яе; но ни нашли яе нійдѣ. Рана пувутру, играў пастухъ у трубу и выганяў скотъ у поля. Ана вылизла изъ дупла и атправилась къ пастуху. Падашла и гаворить: — „Пастухъ, давай съ табою барыши дѣлать!“ — Какея? — „Давай пуминяимся адежію!“ — Пастухъ ни саглашаўся; но ина яму приплатила денигъ, и іонъ ей атдаў свою адежу: жупанъ, лапти, тясемку, каўпакъ валеный, — ина яму атдала своѐ плаття. Пришла къ старныму свайму двару атцоўскаму и нанялась у свайго атца ў батраки: — „Здрастуйтя, гаспада!“ — Ина збросила каўпакъ, каралевичъ стаў сваю жану цулувать, а лысыга прикащика и яе нимиласерднына брата растирзали. Уѣхала ана са свамъ мужимъ ў сваѐ каралеўства и таперь тамъ живеть.

От старика Василія Михайлова.

№ 14.

Отрывокъ изъ сказанія о князѣ Петрѣ и Февроніи Муромской.

Пришли сваты къ багатырки; ина ткала кросны. Атарапилась, стала адиватца и стала у сватовъ извиненья прасить:

— „Извинайтя мяне, сваточки: хата мая бизъ вачей, а дворъ мой бизъ вушей.“

— Идѣ твае радныи, багатырка?

— „Братѐйникъ пашоў смерти искать (копшъ паставіў высока на дериви); мать пайшла у займы плакать.“

№ 15.

Якъ сынъ клапатіў и стараўся, штобы пакойный батька пиристаў вобратнимъ-канёмъ быть и спасення пулучіў ба.

Жіў купецъ харашо, дятей у яго ни було—тольки сынъ быў. Радъ, што тэй сынъ нарадіўся. Узрастёмши сына, справадіў у Ригу. Тамъ сынъ таргуить, барки ганяить,—батьки деньги присылаить памногу, таргоўля идеть у путь харашо. Тамъ сынъ заняўся чимъ-та усё па дилахъ. Батька яму письмо адно пишить,—ня чуть, іонъ и другоя пишить—усё ня чуть; третія паслаў письмо—идеть къ яму атвѣтъ, што вумиръ твой сынъ. Іонъ вужахнуўся. Божжа ты мой, каму наша добрая дастанитца! Сичасъ батька зъ маткый заклапатіўся. Батька задавіўся; тольки іонъ задавіўся и ужъ на кутѣ ляжить, прискачіў и сынъ. Стаў матку унимать:

— Ни плачъ, мамычка, ни плачъ!.. Што жъ дѣлать? знать ни було добрыга чилавѣка разсудить яму, што іонъ такую бяду здѣлаў надъ сабою.

Схранили яго. На дви хаты усё кушання варитца на поминъ. У горыди па ўсихъ цирьквахъ идуть закупнэя абѣдни да сарака дней. Што у Бога день, усе гатують. Наняў іонъ людей такихъ гатовить, никўды отъ двара ни атходить. Хто ня йдеть, хто ня ѣдить,—усе гаворить:

— Прашу васъ на поминъ души.

Аўса кōнимъ даеть и ихъ чистить. Што у Бога день, то усе такъ; жодныга дня пуминаить да сарака дней. Приходить саракаусъ. Катить на тройки—и три чилавѣки. Такея кони—и здержа имъ нѣтъ.—„Усе вамъ дастану—тольки птичча малака ни дастану,“—гаворить гастёмъ. Заѣхали въ избу, идуть у хату. Іонъ сейчасъ ихъ за столъ:

—„Садитись, садитись!“

Сѣли са столъ. Што гость (одинъ изъ трехъ) скажить:

—„Тоя нясitя!“

Нясуть. Іонъ загадаить мудрина, усе нясуть. Паставили яму столъ цѣлый контыримъ дивать нёйди, усе пирують.

— Досыта наѣлись—дѣть нейди!.. Ну, маладецъ, идѣ ня ѣзживали — такова питиння-идиння ни видаў, што у тябе. Вумна ты здѣлаў! Што жъ табѣ за обѣдъ?

— Я ли спасэння души прашу васъ батиньку пуминать.

—„Нѣтъ, я ни хачу, штобъ ты дарылъ насъ карміў! Бяри сабѣ ету лошать; бяри, кали даютъ, скидавай вобрать—вотъ табѣ ета лашатка.“

Якъ скинуў вобрать, сичасъ атецъ яво аявіўся. Подхапили яво сичасъ два ангиля и цанясли.

—„Ну, ужъ, братъ, хитеръ! Уздумаў, якъ атца спастить са тьмы съ крамёшной.“

№ 16.

Якъ панъ праваліўся у тэй церькви, што самъ выстрыіў. Мужикъ праатвѣдываитъ пана и видитъ, што панъ канемъ стаў и на емъ аггалы катаютца. Барыня варачаитъ пана милыстынію.

Строіў панъ церькыўку. Па аканьченіи съ священникамъ раитца:

— „Батюшка, што будимъ дѣлать?“

— А што будимъ дѣлать? Ѣть къ алхирею.

Пріѣхыў іонъ къ яму:

— „Я церькыўку састроіў“.

— Кали съ усимъ усердіимъ строіў, ѣть дамой,—скажи священнику, штобъ іонъ выспывидаў тябе, пріабстіў, тады прикажи, штобъ склепъ тябѣ здѣлали и лажись у грабу. Кали пириначуишъ, то церькыў пасвятить можна.

Пріѣхыў дамой. Склепъ здѣлали и у церькыў знясли. Якъ служенія зачалося—абѣдня, падыйшоў къ священнику, а іонъ яго благаславіў:

— „Лажись, съ Богымъ, у склепъ!“

Лехъ—накрыли. Абѣдня атышла. Тады узяли съ абѣдни пашли, церькву замкнули. Пирнучували. Каму штò, а барыни картить баринъ, ти цѣлъ, ти нѣ. Пришла, глянула—церькви нѣтути, только яма бяздонныя на тымъ мѣсти. Спужалась, што тутъ дѣлать. Галовушка пабѣдная! Тады ина на войта:

— „Ищи ты чилавѣка такова, ти ни найдитца ахотникъ спуститца у пропасть.“

Войтъ знаходитъ пьяницу; тэй гаворитъ:

— „Праатвѣдаю твайго пана за поликъ гарѣлки.“

— Пайдемъ къ барыни: барыня табѣ што угодна дасть.

Гаворить барыни:

— „Сударыня, мнѣ денихъ ни нада, а тольки апахмяли мине.“

Ина дала яму денихъ гулять у кабакѣ. Гуляить три дни.

— „Ну, сударыня, нада канатъ вить; звіўши канатъ, якъ ня можна падаўжѣй, привизать бачоныкъ прасторый зъ вакномъ, штоба видна была,—штобъ узять харчей, хлѣба, гарѣлычки.“

Набраў хлѣба, закуски, гарѣлычки гарчикъ; пашоў тады къ священнику благаславення прасить.

—„Ну, батюшка, благаславитя мине на тэй свѣтъ! Што будить, то и дѣйся,—палѣзу туды.“

Іонъ яво выспывидаў, прычастіў—усе раўно, якъ на смерть. Удалыи усё такъ: ти вотку пить, ти кандалы терть. Усадили яво у бачоныкъ, палажили харчей, гарѣлки, штобъ усё была, завизали яво и пустили. Канатъ идеть день, идеть другей и третій, астанавіўся; іонъ у вакошичка глядить, прадираить вочи: стаить церькву.

— „Нѣ, я ни пайду такъ, а нада падъѣсь, да выпить паболій: тада буду пасмялѣя.“

Падъѣў, закусіў, узяў ключи, атперъ церькву. Уходить въ церькву, падыйшоў къ склёпу къ таму, атвкрыў грабницу, паглядѣў—пана нѣтути. Идеть, іўляитца къ яму чилавѣкъ:

—„Што ты тутъ ходишъ?“

— А што жъ я хажу? Усе раўно прапала: наўдалую хажу.

—„Гавари, што ищишъ.“

— Што надаби, то я ищу.

—„Ну, што жъ табѣ нада?“

— Мнѣ нада гаспадинъ мой.

—„Хочишъ ты яво пувидать?“

— Хачу. На то я пашоў.—Пажалуста, пакажитя!

Котють на тройки три чилавѣки, у ихъ зялѣзный прутъ; то и дѣла падстебываютъ каня, ажно галаву дяржить крюкымъ. Пріизжаютъ къ дому, каляску кинули падъ вакномъ, а три лошади вядуть у домъ и дапрашіютъ пьяницу:

—„Дужа ты хочишъ итти пана глядѣть!“

— Да за тымъ пришоў!

—„Гляди, пулюбуйся!“

Скинуў повыдъ съ каня, ачутіўся панъ.

—„Здрастуй, паночикъ, здрастуй, галубчикъ! Ти жіў ты?“

— Здрастуй, душа! Я дужа табѣ радъ.

—„Тамъ жа барыня проста загаривалась па табѣ, идѣ тябе искать.“

— Хуть ба я записку написаў барыни—нильзя писать: ты видишъ, у якихъ я рукахъ.

—„Да, вижу, паночикъ.“

— Прашу я тябе: пиригавари ты ей рячча, штобъ ина усю казну маю раздавала па нищій братьти, и хлѣбъ штобъ распускала весь и деньги па бѣдныхъ мужикахъ,—тольки штобъ пакинула ина сабѣ самую малнысть.—Хто аткель ни пачуить—усё ѣдуть къ ей; такъ три гадь̂ заставила сабѣ тольки абаротицъ ни бальшей, штобъ схапила да нави.

Три гадь̂ якъ вышла, такъ и церьква выйшла—и панъ тэй цѣлъ—атдѐньчіў сваё. Стаў мужикоў жалѣть, якъ родный батька:

— „Я знаю тяперь, якъ сякуть: сяченню панаўчили.“

Якъ паѣздили на ёмъ, да пупароли, тольки и дѣлаить панъ, што людей вызвыляить.

№ 17.

Изъ рукописи.

А шемякинымъ су́ди.

Въ какой-то дяреўни жили два брата, па имени ни магу назвать. Адинъ жіў багата, а другой очинь бѣдна: не была у яго ни каня, ни каровы. Пашоў бѣдный къ багачу пупрасить лошади съѣздить ў лѣсъ за дравами (но а багатый братъ ево хто бы ни пупрасіў, то іонъ ни атказить, толька съ тѣмъ намѣреніимъ праси ее, што нужна сразу, а другой разъ што ни праси, то іонъ ни дасть). Бѣдный ўзяў лошадь; хамутъ, дугу забыў. Стаў бѣдный запригать лошадь багачову: какъ ни мудріў, ну, бизъ дуги никакъ ни приходитца. Онъ вздумаў: аглобли выбрасіў вонъ; хвастомъ закрутіў за галоўку саней и паѣхаў въ лѣсъ; налажіў возъ дроў, немнога ни давезъ да дому,—ѣхаўши черизъ мастокъ, сани звалились ў канаву. Онъ сикануў лошадь кнутомъ. Лошадь какъ дернула, хвостъ атарвала. Приводить бѣдный братъ къ багачу лошадь бизъ хваста. Багатый спрашиваить:—„Гдѣ жа хвостъ маей лошади?“—Вину-

ватъ, братъ я перидъ табою: взяў я у тябе лошадь, дугу забыў,—ўзяў, привизаў хвастомъ за сани и паѣхаў ў лѣсъ за дравами,—нямнога ни даѣхаўши да двара, сани завалились.— „Пагади жъ, братъ: пайду на судъ на тябе; пувяду съ сабою.“— Пашли ани абдя на судъ. Шли ани дарогаю; пришлось имъ начувать на дароги. Зайшли ани на пастаялый домъ; дворникъ быў знакомъ багачу. Бѣдный лёгъ спать на палатихъ, а багатыва дворникъ пасадіў вячерить съ сабою. Бѣдный на палатихъ паварачіитца, и какъ-то на яво нищастья, абламились палати, (а ўнизу палать дворникува жина кармила рабёнка) палати ети вупали и задавили рабёнка. Дворникъ етытъ гаварить:—„пайду и я, братъ, на тябе на судъ.“ Пашли ани черизъ ряку по масту; на ету пару́ рыбалоў ловить рыбу ў лодки.—Вздумалось винуватыму:—„брошусь зъ маста ў ряку; ўсё раўно мнѣ прападать.“—Такъ іонъ и бросіўся. Ни пупаў ў ряку, а пупаў къ рыбалову ў лодку, лодку абаратіў, рыбалова заліў; а сынъ рыбалова сядѣў на бирягу и видить, што винуватый здѣлаў третію бяду, и гаворить:—„Пайду, братцы, и я на судъ!“ Идуть ани ўчетверомъ, падходють ани близъ города, вздумаў винуватый:—„вазьму съ сабою бальшой каминь: када судьдя будить гаварить у маю пользу, то я ня буду яго бить; а када ни ў маю, то ўдарю камнимъ и судьдю.“ Падайшли ани къ судьдѣ. Стали ани разсказувать каждый сваю бяду, судьдя смотрить: што-то есть у винуватыга за пазухаю, падумаў самъ себѣ: „непремѣнно, што іонъ виноватъ, то принёсъ съ сабою многа денигъ“.—Судьдя, сняўши дапросъ у ва всѣхъ траихъ, и гаворить: – „Ну-ка, винуватый, падайди, братъ, ближи и скажи мнѣ, што ты ета надѣлаў?..“ Винуватый падайшоў и сказаў:—„Ну, гаспадинъ судьдя, суди судъ па закону: а то будить мнѣ и табѣ.“—Судьдя падумаў, што іость многа денигъ, и начаў судить па закону.—„Ну, братъ, багатый, када бѣдный тваей лошади атарваў хвостъ, атдай бѣдныму лошадь, пакуль вырастить хвостъ.—А ты, када іонъ задавіў тваево рабенка, атдай яму сваю жонку, пакуль іонъ здѣлаить табѣ рабенка.—А ты, када іонъ заліў твайго атца, пусть іонъ ѣдить на лодки, а ты бросься зъ маста къ яму ў лодку.“—И не даў винуватый судьдѣ ничаво. Такъ ани и пашли усѣ дамой, а бѣднава аправили. Стаў винуватый сміятца надъ правыми.

№ 18.

Витовтъ.

Быў у Польщи кароль-багатырь, да помиръ. Якъ караля абабрать, аткедыва? Вотъ што уздумали яны, усе начальства:

—„Акапируимъ мы лошать багатырскую (прежнягa караля) у сядло и паложимъ мечъ и острыя копія и пустимъ яго лошать у свѣтъ и будимъ за ею у слѣдъ слядить, идѣ ана сабѣ аббяреть издака—таво крулимъ признанимъ.“

Слядили за лошадью, у слѣдъ ѣхали, а яе пустили, два мѣсица за ею слядили. Приходить лошать у дареўню и пашла прима зъ дареўни на гумно, и віў тамъ старикъ абрыўки за авинымъ. Лошать, какъ ишла, пала передъ старикомъ на калѣна, и находють слядитили услѣдъ за лошадью: станть лошать на калѣнкахъ.

—„Ну, яны сказали:—ты нашъ круль-царь—тибе признала лошать и мы. Якъ ты абрыўки віў, будь краль Витыўтъ.“

Садіуся іонъ на лошать, атпраўляўся у каралеўства, къ царьскаму дому. Присягнула Польща каралю Витоўту. Ну, іонъ саблюдаў ихъ харашо. Пачуўствуваў сваю смерть, сабраў сваихъ палкоўникыў и виниралыў малыхъ и старыхъ.

—„Ну, дѣти, я чуўствую сваю смерть. Памру я, играйтя музыку, пакель мине пахаронють, зямлѣ придадуть саўсѣмъ. Ну, если хто васъ абидить, Польщу, вазьмитя музыку и заиграйтя надъ магилыю маею: я устану и пумагу вамъ.“

Сколькi времени праваждалися, абабрали каралька на ўремя, пана паставили каральломъ. Тольки уздумалась имъ:—„ня можить быть, штобъ іонъ зъ мяртвыхъ устаў!..“ Сабрали музыку всіе духавую, пашли на яво магилку, на Витаву каралеву. Заиграла музыка. Устаеть кароль съ таво свѣту.

—„Абъ чомъ, дѣти, мине будитя? Хто васъ абиждаить?“

А яны яму атказыють:

—„Кароль Вытыў, насъ нихто ни абижанть, а мы думали, ти праўда ета, што ты казаў, што устанишъ.“

— Ну, дѣти мае, ня гнѣвайтись! Вы мине съ това свѣту збунтували—и будьтя вы прокляты атъ мине и вѣкъ вѣшний бунтуйтись!“

Съ тыхъ поръ и пашли бунты у Польщи.

№ 19.

Св. Меркурій быў кажимяка, Лютву побиваў, самаму галаву атрубили, на капіи несъ буйную голаву, стрѣўшись съ багатыркыю, абраніў яе.

Меркурій быў кажимяка; разъ іонъ мяў соракъ кожъ, якъ асирчаў, рвануў кожи—и ўсѣ пупаламъ. Якъ пришла Лютва, сѣў на лошать и давай яе пубивать. Самаму галаву сняли. Иднача іонъ ѣдить на лошади, а буйну голаву нясеть на капіи, чѣмъ сражаўся. Падъизжаить къ малахоўскимъ варотамъ. Нясеть багатырка соракъ ушатаў вады и гаворить:

— „Ахъ, Аврамій, патиряў ты буйну голаву!"

Мяркурій тутъ самлѣў—упала на зѐмель буйная голава.

№ 20.

Лютва.

Навалилась на насъ Лютва нихрящоная. Божжія Матирь стала прасить Сына сваяго узлюблѐннага, штобъ іонъ пакрыў насъ, защитіў. А Гаспоть гаворить сваей Матири: — „Што жъ яны сами мяне ня просють?"—Божжія Матирь гаворить:—„прасите сами!"—Стали прасить,—Богъ даў помычъ, и съ тыхъ поръ стаў Пакроў.

№ 21.

О происхожденіи растенія «Иванъ Безголовый» (Veronica officinalis).

Дѣвка отрубила нѣкоему Ивану голову. Иванъ пошолъ на жалобу къ Богородицѣ, неся свою голову на копьѣ. Богородица превратила Ивана въ синенькій цвѣтокъ Вероники, который представляетъ изъ себя кисть, помѣщается на обнаженномъ стебелькѣ и оканчивается заостренной макушкой. Въ такомъ положеніи, какъ шолъ къ Богородицѣ, Иванъ замеръ и былъ обращенъ въ цвѣтокъ; цвѣтокъ этотъ въ народѣ называется „Иванъ Безголовый", а въ ботаникѣ—„Veronica officinalis".

№ 22.

Меркурьева лошадь.

Меркурiива лошадь и таперь замурована у стянѣ; якъ заржеть: то увесь горадъ затрясетца.

№ 23.

Петръ загадыить сваимъ синатŏрамъ, якъ неба висока и якъ зимля глыбока. Мужикъ Пятру разсказыить, куда iонъ зȃрабатыкъ диваить: якiи деньги за доўхъ платить, якiи у доўхъ отдаеть, якiи на вѣтиръ пущаить.

Загадаў Петръ сваимъ синатŏрамъ:—„Какъ висока неба и какъ глубака зимля?"—Ни магли яны етыга разсудить. Петръ паѣхаў у поля. Мужичекъ пахаў; Петръ спрашiить мужика: „Разсудитя мнѣ еты исторiи:—какъ неба висока?—какъ глубака зимля?"—Мужикъ атвичаў:—Неба очень низка: какъ громъ грянить, и глухой паслышить.—А зимля глубака: я сваво дѣдушку пахаранiў: къ етыму времю шистьдисятъ лѣтъ прайшло, и iонъ ни паваратiўся.—Вотъ тады синатŏры начали разыскывать, хто бъ ета разсудiў. Спрашiють у лакея, каторый за царемъ ѣздiў;—идѣ царь быў?—„Быў царь у поли и съ мужикомъ разгавариваў"—Тады ети синаторы паѣхыля у поля и начили разспрашивать у мужика:—Скажи намъ, пажалуйста, ету загадку, какъ неба висока? какъ зимля глубака?—Мужикъ атвичалъ синатŏрамъ:—Я вамъ скажу,—што мнѣ будить за ета?—„А што ты хатишъ?"—Ета будить стŏить дѣла сто рублёў, када я вамъ разскажу.—Дѣдушка у мине помиръ шистьдисятъ лѣтъ, и узваротy яму нѣтъ.—Такъ ана очинь глубака, зимля, а неба очинь низка: громъ ударить—глухой паслышить.—Тада ети синаторы заплатили мужику сто рублей и варатилися къ Пятру и хвастають:—„Царь, ета, гаворють, дѣла знаимъ!.." и начали гаворить:—„Зимля глубака: мой дядюшка помиръ лѣтъ сорыкъ и ни паваратiўся, а неба очень низка: какъ громъ стукнить и глухой паслышить."—Тада Петръ и гаворить сваимъ синаторамъ:—„Вѣрна, вы у мужика распрасили." У етыва жъ мужика распрашиваў Пётръ:—„Скажи мнѣ, мужикъ, пасколька ты бярёшъ у сутки за ету

пахатў?“—А вотъ скольки, Пётръ: восимъ гривинъ.—„Охъ, инога жъ ты денихъ бярешъ!.. куда жъ ты еты денги диваишъ?—„Двѣ грiўны долгъ атдаю, двѣ грiўны у долгъ закладаю, двѣ грiўны на вѣтиръ пущаю, а двѣ грiуны питаюся съ жаной.—Царь и спрашiить:—Што ета значить такоя, што доўгъ атдаешъ двѣ грiўны?—„А ета у меня iость атецъ и мать: дакъ ане мяне малыва кармили, дакъ я и ихъ старыхъ за ета кармлю.—Вотъ ета имъ и доўгъ атдаю.“—Скажи, пажаласта, каму ты закладаишъ у доўгъ?—„Мене iость два сына малыхъ; дакъ я ихъ питаю. Вотъ ета у доўгъ закладаю: када я буду старый, дыкъ ане тада мине будуть питать и доўгъ будуть атдавать.“—Ну, скажи, пажаласта, яще, што жа ета значить такоя: двѣ грiўны на вѣтиръ пущаишъ?—Атвѣчаў мужикъ Пятру:—Вотъ, царь, куды двѣ грiўны диваю—дачокъ питаю: я ихъваспитаю и тады атдаю ихъ у люди. Вотъ эта на вѣтиръ пущаю.—Царь прiѣхаў у синатъ, загадаў синаторамъ мужикову загадку; ни дадумались яны и заплатили тому мужику, што iонъ имъ сказаў, двѣстя рублей.

№ 24.

Какъ на охоту Петръ ѣздилъ.

Погнали гончiя въ лѣсъ, и Пётръ паѣхаў по тропинки. Гончiя загнали въ бальшей ломъ: нильзя на лашади праѣхать. Iонъ узяў: съ лошади слѣзъ, лошадь привизаў, пубижаў на слухъ гончихъ. Заблудiў, выбiўся на какую-то дорогу, нашоў салдата на дороги. Вотъ яны шли вмѣстѣ, и салдатъ тотъ тоже не знаетъ дороги: пошли оба блудить. Приблудилися въ пущи къ разбойницкыму дому, заходють у домъ,—въ доми никаво нѣтъ, толька адна женщина. Салдатъ гаворить:—„Начувать пуститя!..“ Ина имъ показала:—„Вонъ пади па лѣстницы на чердакъ—на сѣни тамъ и отдыхайтя!..“ Пришли маладцы (разбойники, значить), съ ахоты, и гаворють мижда собе, што нiўдача сяводни: ни пупала никова загубить; а хазяйка атвичаить имъ: „два рябцы сами прилятѣли.“—Яны спрашiють:—„А гдѣ жъ яны?“—На чирдакъ я ихъ паслала, на сѣна, спять.—Начальникъ ихны аднаму приказыить:—„Пади-ка, привяди ихъ сюды: мы съ ими расдѣлаемся. Итить

тёмна, зажги свячу.“—Вотъ іонъ и пашоў туды. Пётръ жа спаў, а салдатъ сваю службу знаў: на часахъ стыяў и саблю у рукахъ диржаў. Якъ чуть паказаўся, такъ іонъ саблій голыву далой. Тада начальникъ етый ипять гаворить:—Што жъ аббяреть адинъ іонъ тамъ ихъ?—Другова паслаў. Другому сама ета жъ галава далоў и усѣхъ іонъ прибраў. Астаетца тольки адинъ начальникъ, и начальникъ пашоў туды, ни дыждаўся етыга время—и начальнику голыву зрубіў. Тады салдатъ затваріў дверь, лёгъ спать,—да бѣлыга свѣту праспали. Салдатъ устаеть и будить яго и спрашіить у яго, у Питра:—„Што ты іость за челавѣкъ?“—Іонъ 'твичаить:—„Я слуга панская.“—Лакей, салдатъ гаворить:—ета самый лизаблюдъ, привыкъ блюды лизать, да спать... А пасматрика, скольки у насъ ляжить баранчикыў!..“ (Двинацыть іонъ ихъ зрубіў).—Пайдемъ таперича у домъ!..“—Приходить у домъ и спрашіить:—„Дай-ка ключи атъ кладавыхъ!“ Ключи атдала, пашоў салдатъ искать денихъ, нашоў мѣдь; салдатъ начаў брать, Пётръ ни бяреть.—„Я бяру, а ты ни бярешь: скажишъ, растакъ........“—Принуждонъ и іонъ брать. Потэмъ салдатъ нашоў сирябро!..„Выбрасывай вонъ мѣдь и бяри сирябро!“ Тады знайшли золыта. Салдатъ камандуить:—„Бяри золыта, а сирябро выбрасывай!..“ Такимъ родымъ набраўши многа золыта, пошли ибратна, и давай салдатъ прасить Петра, штобы ни гавариў етыва Петръ; а Петръ спрашіить у яго:—Якей ты, салдатъ?—Чимъ тябе звать и якова палкà?—Разсказаў іонъ Пятру имя и хвамилію; тады спрашіить у яго Петръ:—„Пачаму жа ты зашоў у лѣсъ?“—А вотъ я пачаму зайшоў. Нычальники ни дадали мнѣ паўтара гарца крупъ прывіянта, дыкъ я, якъ пашоў съ малыва начальства, мяне палками атдули, дашоў до самыва бальшова,—усе палками дули: дыкъ я пашоў у лѣсъ прахладитца, штобы мнѣ ня лечъ у лазаретъ.“—Во тада пашли и распращалися, царь сабѣ пашоў, а салдатъ сабѣ. Петръ напярёдъ паспяшіў на заставу, приказъ сдѣлаў:—„Такой-та салдатъ будить прахадить, сдѣлать яму честь усё раўно, якъ царю.“—На заставу пришоў салдатъ, сдѣлали яму честь такъ, усё раўно, якъ царю. Салдатъ тада и гаворить:—„Ека плутъ какой-та разсказаў, што у мяне деньги іость.“—Іонъ имъ бросіў денихъ горсть. Патомъ идить нужна салдату окыла царскыва дварца; тамъ яму сдѣлали честь, и самъ Пётръ выносить яму на блюди золыта:—„Благадарю тябе, служивый

кавалеръ, што ты мяне избавіў атъ смерти, а я тваихъ паўтара гарца крупъ узыщу, усе начальства разжалую.“

№ 25.

Якъ Петръ у Риги присматриваўся къ литтью пушакъ. Якъ іонъ утёкъ изъ Риги. Пріймануть у Масквѣ гостя рижскага купца. Мѣдникъ раить пирялить калаколы на пушки.

Када ў Расеи не была пушикъ, и Петръ узнаў, што за границцыю пушки павылили, іонъ браў средствія, бы якъ етыва искусства разсматрѣть. Паѣхаў у Ригу: и Рисьскія купцы ѣздють за таварами у чужея земли, и іонъ наняўся у купца у работники и паѣхаў за границу съ купцомъ. Пріѣхаў у Ригу, и тутъ яго ужъ начинали падмѣчать, што іонъ Петръ; аттдадинъ быў приказъ па усѣхъ заставахъ, штобы яго ня выпустить. Іонъ ета дѣла узнаў и начаў етыва самыва купца, у каторыва быў у работникахъ, начаў прасить, штоба быў ка мнѣ у Маскву: я самъ купецъ. Купецъ ризьській спрашіить:— Какъ жа тябе узнать?—Масква вялика.—„А ты пріизжай, тольки спраси, идѣ здѣсь живеть Петръ купецъ; да када будишъ, дакъ дай частноя слова! Мыя жина частинька ходить па рынку. и лаўки у мяне іость. А я захатѣў узнать, какъ у васъ таргоўля. Частноя слова вы мнѣ дайтя, што будитя такова-та числа.“—Петръ распращаўся съ имъ, пашоў у горыдъ; мужичекъ бяреть навозъ. Іонъ просить мужичка:—„Сбрасывай навозъ: я тябѣ уплачу болій, чѣмъ ты навозъ будишь вазить.“— Петръ на сани, а мужикъ яво навозымъ прикрыў и вывизъ яго съ горыда Риги; публагодаріў яго, заплатіў яму горсть золыта. Тада Петръ и уѣхаў въ Маскву, и приказаў Петръ разаслать ахвишки па ўсей Масквѣ: када будить ризьській купецъ у Маскву, то тада паказать на Петра купца. Вотъ и пріѣхаў ризьській купецъ, и паказали на Петра купца. Приняў яво:—„Гастюй у мяне!..“ Павеў яго па лаўкахъ, паказаў нѣскалька лавыкъ:—„Вотъ у мяне скольки лавыкъ: я самъ купецъ.“—Пришли дамой; паказаў іонъ жану. Ризьській купецъ гаворить:—„Да, чистинька жина ваша ходить!“—Два дня гастіў, Петръ быў ня ў хорми; а када на третій день адѣўся Петръ у хорму, а тада ризьскій купецъ абъ землю

ударіўся—спужаўся. Царь яго ни стращаў:—„Ня бойся: я тибѣ усё пращаю, хушъ ты мяне и браніў: за низнанія и царя бранють... Ну, вотъ, братицъ, пріизжай саусѣмъ у Масквў и таргуй—памѣстья дамъ...“

Царь ходить пу Масквѣ и думаить, якъ бы ета пушикъ налить, думаить сабрать зъ Расеи старыя питаки для литейныхъ пушакъ. Ишоў пу Масквѣ у прастой адёжи. Стричаитца зъ имъ челавѣкъ. Спрашіить:—„Што ты за мастиръ?“ — Я свайму дѣлу мастиръ. — „Хто жъ ты таковый?“—Я мѣдникъ.—Іонъ яму рубъ падаріў.—Скажи мнѣ, братицъ, пра ета дѣла, што я ўздумаў: хачу сабрать мѣдь, налить пушикъ.—„Царь, я тябѣ савѣтъ дамъ: вы у церквяхъ па колыкылу сымитя у каждый церкви и налейтя пушикъ.— На што жъ тябѣ стольки пушикъ?“—Пайду Ригу заваюю.

№ 26.

Воръ збаўляить Питра атъ смерти.

Царь Петръ захатѣў узнать, што у Масквѣ дѣлаитца: вотъ іонъ ноччу адѣўся у худую адёжу, пашоў па Масквѣ у темныя время. И стричаитца съ челавѣкымъ у дурнымъ пиряулку. Спрашіить:—„Што за челавѣкъ?—Тотъ челавѣкъ атвичаить Пятру:—Я воръ, а ты хто такей?—„И я воръ“— Ну, када воръ, пайдемъ умѣсти красть.—Потэмъ спрашіить воръ у Питра:—„Куда жъ мы пайдемъ красть?“—А пайдемъ къ царю красть.—Воръ етый Питра у уха зарядіў:—„Какъ жа къ царю идить красть? Яму многа деняхъ нада“—Петръ спрашіить:—„Куда жъ мы пайдемъ?—А пайдемъ къ винираду, пу хвамиліи Бѣларукинныму; тэй бяреть деньги пачти дарымъ.— Вотъ яны прійшли къ дому. Воръ узяў, надѣў сабѣ лапи на руки и на ноги и палѣзъ па стянѣ и падлѣзъ падъ акошка паслушать, што у яво тамъ тварится. Ане саглашаютца, нѣскальки асобъ, штоба заўтришній день сдѣлать балъ и пригласить царя Петра Аляксѣевеча и дать яму выпить стаканъ смертный. Іонъ разслышаў и баратіўся унизъ и гаворить етый воръ самаму Пятру:—„Ахъ, братъ, кадабъ царю дать знать?!..“—А што такоя?—„А вотъ, братъ: хотять нашига царя абтравить.“—Ахъ, братъ, и я бъ паслушіў етый статьи!..— „А вотъ я и тябѣ привяжу также лапы.“—И Петръ падпоўзъ

падъ ихъ саюзъ и слышить точна такъ, какъ воръ разсказываў. Нѣскалька ане увуравали ли примѣру, а тада итить у расходъ. Петръ гаворить:—„Какъ ба, братъ, намъ быть съ табой знакомымъ? Мы съ табою будимъ друзья... Дакъ вотъ, братъ, на шапычки пуминяемся, и штоба намъ съ табою быть въ такей-та церкви у вутрени".—Царь устаў, паѣхаў къ вутрени и пригляпываитца, хто у яво шапычки будить итить. Увидаў яво, приказаў жандармамъ, штобы за имъ слядили, съ глазъ ни спущали. Якъ атыйшла вутриня, царь садитца у карету, приказыить и вора етыга пасадить съ сабой; воръ етый сѣў ни живэй, ни мертвый; пріизжають дамой. А за ету ночъ сдѣлали яму, етыму вору инастранную адёжу, адѣли, дажидають время етыга, якъ етый виниралъ папросить на балъ.—Сматри жъ, братицъ, хуть ты воръ, а я тябе пращаю ета: хучъ ты мяне ушибъ, да ни ўмаріў... Икъ насъ пазавуть на балъ, то и табе съ сабою вазьму, начнють потчивать, то іонъ мнѣ будить падавать упяредъ, а я пить ни стану: я буду гаварить:—„Прежда хазяину нада выпить, а тада гостю."—Царь ня пьеть. Виниралъ атвичаить:—Ваша височиства, я упярёдъ за мірапамазанника ни магу пить.—Петръ гаворить:—„Мы спросимъ: у мине инастранный зямли пасланникъ есть;—вотъ мы спросимъ у яво, какъ у ихъ странѣ, хто упярёдъ пьеть: ти гость, ти хазяинъ."—Спрашіють у пасланника. Пасланникъ атвичаить:—„У нашій старанѣ никада гость ни начинаить, а прежда хазяинъ выкушаить."—Привялось выпить самому винералу. Якъ выпіў, такъ и ударіўся абъ полъ: а тада Петръ ихъ усяе шайку разбіў. Тады ампературъ спрашіить у вора:—Чимъ тибя наградить?—„А ничаво я ни хачу, ни якей награды мнѣ ня нужна, а прашу васъ ни устрашать вароў: вары, собственна, атъ Госпада Бога... Кабы Богъ ни павёў васъ на такую степень идить узнавать абъ варахъ... Ну, толька Богъ васъ свёў са мною, штоба вы, ампературъ Петръ I, магли прадаўжать сваю жисть!.."

№ 27.

Петръ вялить принесь у дварецъ пьяныва мужика и 'бъіўляить яму, што іонъ на неби; хатить знать, што будить казать и рабіть мужикъ.

Прахадіў царь пу Масквѣ и увидаў мужика пьяныва: лижаў іонъ у грязи. Іонъ яво приказаў узять сваимъ прислугамъ

и раздѣть искудную адёжу и адѣть у харошую, палажить яво у царскую спальню и приказаў иднаму служитилю адѣтца у бѣлыя адіянія. А мужикъ етый спаў; и прашнуўся и видить нибнакнавенныя сіянія, зиркала и наборъ атлишный; іонъ спужаўся и узрадуваўся и думаить сибѣ:—„Идѣ я таперь?"—И крикнуў:—„Ой, ой! идѣ я таперь?—Прибигаить служитиль и гаворить яму:—А ужу, братъ, ты таперь у Бога.—Спрашіить у етыва служитиля мужикъ:—„А ты жъ хто такей?" —Я ангылъ.—Мужикъ етытъ и спрашіить (у мужика галава балить съ пахмелья):—„Даеть жа Богъ водку?"—Пайду, спрашу у Бога.—Приходить къ Пятру служитиль и гаворить:—„Просить мужикъ водки."—Дайтя яму двѣ рюмки, да пирага кавалыкъ.—Съ мужика етыва мала: хатить и ящо. Нямедлена закричаў:—Ангылъ!—Іонъ и бяжить, етый служитиль, спрашіить:—„Што ли васъ угодна?"—Спраси, братъ, у Бога, и дасть ли іонъ яще водки.—Петръ приказаў:—Дайтя яму графинъ и дайтя яму пирогъ цѣлый!.. Падали. Мужикъ етый напіўся и наѣўся и гаворить:—Слава тябѣ, Госпади, што мяне Гасподь приняў у царствія етакыя: тутъ буду жить да вѣку! И ящо выпіў и закусіў и лёхъ спать. Царь приказаў яво, етыва мужика, ипять раздѣть и адѣть яво у шкудную адёжу и палажить пьянава у тую жъ грязь, аткуда яво узяли. Мужикъ етый спаў нѣскальки урёмя, а Петръ падаслаў служителей падслушать, што етытъ мужикъ будить гаварить. Мужикъ прашнуўся и глазъ ни пралупить и кличить:—„Ангылъ!"—А глазъ ни пралупить. Іонъ паўтаріў и у третій разъ кличить:—Ангылъ!—Пралупіў глаза, пасматрить: ляжить іонъ у грязи. Іонъ тады и уздумаў:—„Госпади, прасти ты мнѣ за ета, што я быў у царствіи, такъ я сагряшіў, за то мяня изъ царствія прагнаў! но я яще водки пупрасіў, а булобъ съ ним и двухъ румыкъ,—я ужъ тяперь атстаўся на зямли."

№ 28.

Петръ манастырь асматриваить, вялить жирныму манаху у кузницы паработать.

Петръ праизжаў пу Масквѣ, зайшоў у кузницу; увидаў кузница худова и спрашіить у яго:—„Атчаго ты такъ худъ?"—Іонъ гаворить:—„Атъ трудоў."—Петръ паѣхаў у манастырь и

спрашіить у манаха, (пупаўся яму такей жирный манахъ):— „Атчаво ты такъ жиренъ?“—Іонъ атвичаў:—„Атъ трудоў праведныхъ: Богу малюсь.“—Іонъ яму и сказаў:—„Штоба быў ты къ такому-та кузняцу, на мѣсицъ, у малатабойцы!..“ И спрашіить у настыятиля:—„Якей ета нымастырь?“ — Атвичаў настыятиль яму:—„Ета биззаботный“—Я жъ вамъ заботу скажу: штоба узнали, сколька на небесахъ звѣздъ счотымъ, и што я стдю (Петръ на себя гаворить), и што я думаю.—Вотъ тябе сроку на 'динъ мѣсицъ, а тада даўжонъ аявитца ка мнѣ и твѣтить: паказать, сколька щоту звѣздъ.—И уѣхаў. Етый настыятиль захадіўся у голыви и думаить, якъ ета дѣла исправить. Нѣскальки время думаў, усихъ манахыў спрашиваў,—ни магли ни адинъ етый щотъ прііизвесть. Быў у яго адинъ манахъ (настыятиль яво съ маныстыря выслаў), и уздумаў іонъ пра яго, пра таго манаха, и ни хатѣў яво пазвать, какъ быў сярдитъ на яго,—ну пазваў:—„Вотъ, братъ, приниму тябе у манастырь и будишъ у мине старшій за ўсѣхъ манахыў, толька пасаби ету бяду.“—Іонъ гаворить яму, што „пажалуйтя мнѣ сваю адёжу.“—Іонъ адѣўся у настыятиливу адёжу. Время ета прайшло, какъ назначинъ быў срокъ атъ Петра Первыва. Явіўся къ самаму Питру. Петръ у яго спрашіить:—Што жъ, братицъ, сащитаў ты на неби звѣзды?—Атвичаить:—„Сыщитаў.“—Многа ль ж?“—„Вотъ столька-то кадрильоныў,—бальшой щотъ—пащитайтя сами.“—Петръ атвичаить:—„Можить будить ня вѣрна.“—А кыды ня вѣритя,—извольтя павѣрить.—Етыму іонъ щоту сагласинъ быў. Спрашіить Петръ:—„А што жъ я стдю?“—А какъ нябесный Богъ Спаситель быў прададинъ за тридцать сяребреникыў, а вы ни зямные боги,—дакъ вы стоитя у палавину—питнадцать сяребреникыў.—Ета Пятру панравилась. Усматриваить етыва настыятиля.—А што жъ я думаю?—„А вы думаитя, што я настыятиль;—я манахъ.“—И ета царю панравилась.

Успомніў іонъ пра жирныга манаха и захатѣў павѣрить и паѣхаў; заѣхаў у тую кузню, каторава манаха атдаў у малатабойцы и пасматрѣў на няво, што іонъ стаў худъ, и спрасіў у яво:

— „Атчаво ты такъ худъ?“

Тады іонъ паў на калѣни:—„Праститя, царь!..“

Царь яму прастіў и сказаў яму:—„Вотъ труды!.. Богъ съ табою! иди у свае мѣста.“

№ 29.

Рыбакъ умѣсти съ царимъ асвабаждають сына Петра I атъ яго жонки, презлэй вѣдьмы.

Какъ быў бѣдный рыбалоў, и была у яго шестира дятей; іонъ ни якими работами ни занимаўся акрымя рыбы лавить. И быў у яго законъ: больши трехъ тонь у день ни закидывать: када за три разы што вытигнить, то прадасть и етымъ кормить дятей. Тольки адинъ разъ на яго злучилася: три разы закинуў, ни водный рыбки нѣту, а хлѣба-то дома ни крошки: дятей карьмить нечимъ. Іонъ уздыхнуў тижало:—„Ну, што будь, а закину черизъ законъ чатвертый разъ.“—Тольки у чатвертый разъ тянить изъ ряки кукшинъ мѣдный; етытъ кукшинъ закрытъ, царькоўнымю пичатьтю запичатыванъ, и навярьху кукшина крестъ выбитъ. Рыбалоў узяў и пыдняў ету крышку съ храстомъ: у етымъ кукшини нѣтути ничаво, тольки изъ яво пашоў гуживымъ дымокъ за узвалъ. Рыбалоў етый самъ съ сабою разсуждаить:—„Ну, хуть рыбки ни паймаў, дыкъ етый кукшинъ прыдамъ: усе якей рупъ дадуть.“—Тольки зъ-за узвала, куды пашоў дымокъ, идеть аттуда къ рыбалову чилавѣкъ агромный и гаворить на рыбалова:—„Я тибе, рыбалоў, убью.“—Іонъ гаворить:—„За што ты мяне будишъ бить, нявинныга чилавѣка,—за якоя дѣла?“—А за то: зачимъ ты мяне бязсрошна выпустіў изъ кукшина?—„Якъ я тябе выпустіў бязсрошна, пы какому дѣлу?—„А пы такому: я быў запиртъ у кукшини на 200 лѣтъ.“—Рыбалоў гаворить:—Якъ ты магишъ пумяститца у кукшини, еткій хлябинища: я етыму ня вѣрю, патаму што твыя нипраўда!—„Ну, када ты мнѣ ня вѣришъ, то гляди, якъ я буду вонъ зъ-за тэй гары идить дымкомъ у кукшинъ— ты видаў, што изъ кукшина дымъ ишоў—ета быў я“.—Пашоў іонъ за гару, скинуўся дымкомъ и идеть у кукшинъ. Рыбалоў дяржить кукшинъ, а дымъ у яго убираитца, и думаить рыбалоў: вазьму, какъ дымъ убярётца, закрыю кукшинъ: а то ни за што убьеть. Тольки дымъ увубраўся у кукшинъ и гаворить:— „Ну, рыбалоў, ты гаваріў, што я ни убяруся, а таперь смотри: я ўвесь увубраўся.“—Рыбалоў сичасъ хляпъ крышку, ды й припичатываў, што какъ було, гаворить:—„Ну, никаянный, сядѣў ты на 200 лѣтъ, а тяперь я засадіў тябе на 300.“—

О, не, рыбалоў! гаворить дымъ:—за што настольки засадіў: нужна памилывать.—„А за што жъ ты хатѣў убить мяне занявиння, такъ и я тябе?"—Дымъ гаворить:—„Я жа зъ разу скаваў, ды ня ўбіў, а за што жа ты мяне атъ разу хочишъ засадить на стольки?—Нѣтъ, рыбалоў, ты мяне пусти: я тябе нà викъ пысажу на хазяйства."—Ты мнѣ салгёшъ, нипраўда, никынянный духъ!...—„Нѣтъ," гаворить:—„нашъ духъ ярнѣй васъ: я праўду гывараю,—тольки выпусти пажалуста."—Ну, харашо сабѣ: выпущу, када спраўдишъ тольки мнѣ.—Атврыў рыбакъ кукшинокъ, изъ яго вышіў дымокъ и пашоў за узвалъ. Патомъ идеть къ яму чилавѣкъ агромный и гаворить:—„Ну, вотъ, рыбалоў, ты мнѣ ня вѣріў, што я тябе пасажу хазяинымъ нà викъ!.. Вотъ я табѣ пакажу амшарину, игдѣ табѣ лавить рыбу,—пиривалакывай у тую амшарину сѣть сваю и лодку, такоя-то и такоя мѣста,—тамъ и лави рыбу:—будишъ ты тамъ многа витягывать рыбы,—ну, ты больши трехъ щучикъ ни бяри: што за ихъ запросишъ, то табѣ и дадуть.—Рыбалоў пашоў у тую амшарину, закинуў сѣть сваю и витигнуў многа рыбы: тую рыбу назадъ пуўпускаў, а три щучки съ сабою узяў. Нясеть іонъ па горыду ету рыбу, стричаитца зъ рыбаловымъ царскій поваръ:—„Што, рыбалоў, прадаешъ рыбку?"—Прадаю.—„Што жъ ты за няе просишъ?"—По три чарвонца щучку.—Поваръ яму 9 чарвонцыў выкинуў, а щучки еты пазабраў.—Принесши ихъ на кухню, іонъ пригатуваў ихъ, якъ нада, штоба палажить на плиту ихъ жарить. Тольки пылажіў на плиту етыхъ іонъ рыбыкъ, сичасъ идуть три дѣвушки изъ кухни и спрашіють:—„Рыбки-сестры, вы тутъ?—Тутъ, атвичають рыбки.—„Пайдемъ зъ нами!"—Сичасъ брыкъ,—у кухни адна стина вонъ; еты рыбки сыскачили съ плиты, скинулись дѣвушками и пашли съ первыми скрозь стяну. Поваръ етыхъ штукъ смотрить ды й гаворить:—„Купіў было гусударю рыбы згатовить, а таперь нечига; Богъ знаить, што злучичилысь!"—Сичасъ зачаў пригадывать, какоя ба кушання сгатувать на рыбнымъ мѣсти, якоя ба паслажій. Гусударю панравилысь ета кушання на рыбнымъ мѣсти: харашо! И гаворить:—„Ахъ, поваръ, якъ ба ты и заўтри еткыя кушання згатуваў!.." Поваръ пашоў и на заўтрига пакупать рыбу. Етытъ рыбалоў ипять нясеть три щучки. Поваръ гаворить:—„Прадаешъ рыбку?"—Прадаю.—„Што просишъ за ихъ?"—

По три чарвонца.—Поваръ ипять выкинуў яму девить чарвонцыў. Приносить ихъ на кухню, гатовить такъ, штоба палажить на плиту жарить. Тольки палажiў ихъ на плиту, апять идуть три дѣвушки:—„Што, сестры-рыбки, вы тута?“—Тута.—„Пайдемъ зъ нами!“—Ипять брякъ: адна стина вонъ; рыбы скинулись дѣвушками, узяли и пашли. А поваръ смотрить ета дива апять-жатки. Апять поваръ зачаў гатувать кушання на рыбнымъ мѣсти, каторыя паўкуснѣй, какъ ба и ўчира. Рыбалоў жа, прадаўши ету рыбу, ипять атпраўляитца у амшарину рыбу лавить. Падносить ипять поваръ царю кушання на рыбнымъ мѣсти сладкыя. Гусударь апять спрашiить:—„Идѣ ты еткыя кушання наўчiўся гатувать изъ рыбъ?“—(Iонъ знаў, што даваў повару деньги на рыбу). Поваръ гаворить:—„Пазвольтя сказать, свѣтъ, вяликiй гусударь: я бяру рыбу у знакомага, бѣднага рыбалова, и тольки вамъ, гусударь, ни разу тэй рыбы кушать ни дастаетца. Я рыбалову за три рыбы выкидываю настаянна девить чарвонцыў, но я самъ примышляю гатовить еткыя кушання на рыбнымъ мѣсти за свой капиталъ.“—А идѣ жа ваша ета рыбка диваитца?—гаворить гасударь:—ты мнѣ абъ етымъ ни талкуваў.—Онъ атвичаить:—„А придитя сами, свѣтъ, вяликiй гусударь: вы увидитя, идѣ ана диваитца.“—Ну, гаворить гасударь: иди къ тому рыбалову, старгуй у яго три рыбки и, деньги ни платѣвши, привяди яго суда зъ рыбкыю. Поваръ пашоў на рынкъ и устрѣў тога рыбалова съ тримя рыбками:—„Што, рыбалоў, прадаешъ рыбку?“—Да, канешня, ни пакупаю: вы сами знаитя пра маю нужду!—„Ну“, гаворить поваръ:—„няся за мною рыбку на кухню, тамъ тябѣ заплотють, а при мнѣ тутъ денигъ нѣту.“—Приведши яго на кухню, узяў у яго рыбку и давай абчищивать. Прибраў яе такъ, якъ ставить на плиту. Сичасъ пашоў и далажiў царю:—„Свѣтъ, вяликiй гусударь, падитя, пасматритя, якъ я вамъ рыбу гатую!“—Пришедши на кухню, царь гаворить:—„Рыбалоў, ты мнѣ рыбку прадаешъ, а я яе не кушаю.“—Рыбалоў етый саўсимъ ета дѣла ни знаить ничаво и гаворить:—„Свѣтъ, вяликiй гусударь! Я яе прадаю и ни знаю, идѣ жъ вы яе диваитя?“—Гусударь гаворить:—„Ну, рыбалоў, я самъ ни знаю, идѣ ина диваитца, а таперь пыглядимъ умѣсти, идѣ она диваитца.—Поваръ сичасъ наставiў ету рыбу при ихъ на плиту. Сичасъ идуть три дѣвушки:—„Рыбы-сестрицы, вы тутъ?“—Тутъ.—

„Пайдемъ зъ нами.“—Брыкъ! стина адна вонъ вывалилась, три рыбки скинулись дѣвушками и пашли съ первыми. (Яны три разы выхадили съ кухни, и стина три разы вываливалась и изнова станавилысь на сваё мѣста). Гусударь спрашіить у рыбалова:—„Вотъ, рыбалоў, самъ видишъ, идѣ ана диваитца!“—Рыбалоў гаворить:—„Свѣтъ, вяликій гусударь! Я самъ ни знаю, пычаму ета усё дѣлаитца.“—Раскажи, рыбалоў, гаворить гусударь:—идѣ ета ты ловишъ ету рыбу?—„Вотъ, вяликій гусударь, лаўлю я ў такомъ-то мѣсти, ў такой-та амшарини.“—Скажи ты мнѣ, хто табѣ туую амшарину паказаў?—(У тэй амшарини изъ вѣку праваліўся горыдъ Питра I). Рыбалоў разсказаў, якъ ета и што було.—„Ну,“ гаворить царь:—вотъ табѣ за рыбу три чарвонцы, и заўтри паизжай съ сѣтьтю у туую амшарину, якъ можна ранній, и затяни сѣть,—тольки ни вытягывай, пакеля пріѣду я.“—Рыбалоў такъ и здѣлаў: закинуў сѣть у амшарини и стаў дажидать царя. Гусударь на заўтрига ранинька ўстаў, узяў сваю вострую мечъ и пашоў къ рыбалову. Стаў іонъ искать рыбалова и ни найдеть и біўся цѣлый день, искаў рыбалова и ни нашоў, а заблудіўся у тэй амшарини. Прабыў да тёмныга, ужу запалили агни. Аднака жъ іонъ замѣтіў пасиряди амшарины аганекъ и дай къ етыму аганьку бляжи падайдить. Приходить къ етыму аганьку—стаить домъ агромнійшій, царскія палаты. Уходить іонъ у палаты, тамъ нѣтъ никаво, тольки сядить Питра Первага сынъ: палавину ламарнага камня, а палавину чилавѣка. Гусударь увайшоў и скланиваитца яму, а іонъ тольки галавою кіўнуў. Гусударь гаворить:—„Якъ такъ можна: я табѣ такъ низка кланіюсь. а ты мнѣ ня можишъ пакланитца?“—Питра Первага сынъ атвичаить:—„Эка, вяликій гусударь, разви вы ня видитя, якъ я суродуванъ: палавину ламырныга камня, а палавину чилавѣка?“—Гусударь и спрашіить:—„Хто ета тибе такъ асуродуваў, што ты страдаишъ?“—Свѣтъ, вяликій гусударь! Мыя жина мяне такъ асуродывала: ана угаждаить никыянныму духу, ана зъ имъ знаитца. Када хатитя пасматрѣть, якъ ана нада мною зругаитца, то извольтя схаранитца за шкахъ и сматрѣть аттуда: ина мнѣ кажныя сутки на 100 лозаноў даеть и, какъ 100 лозаноў увалить, то на мнѣ суконную рубашку пиридиваить; а корьмить—пасматри чимъ: адною валоўую жилый.—Царь спрашіить:—„А идѣ ана таперь?“—А ина вяликыя валшебница и таперь идѣ-

то литаить па руськаму царству и скора даўжна прилятѣть.— Царь узяў и за шкахъ спрятаўся, штоба пасматрѣть, што ана надъ имъ будить дѣлать. Сичасъ ана прилятѣла съ палету, сичасъ яму 100 лозаноў увалила и суконную рубаху пириминила и дала яму ў ротъ валоўю жилу жвать. Царь сматрѣў зъ-за шкахва, якъ ина яго наказывала. Патомъ ана падашла къ сундуку, идѣ лижаў никаянный духъ, яе узлюблинный, и начала яго упрашивать. (Ана яго чимъ-то разгнѣвала). Патомъ ана улятѣла. Царь вышіў зъ-за шкахва и гаворить на сына Питра I: — „Какъ ба тябе спасти атсюда, и штоба здѣлать горыдъ горыдымъ, а чилавѣка чилавѣкымъ?“—(Вѣдьма, ў угодныеть узлюблинныму, абаратила людей у рыбу и горыдъ у вовира). Питра I сынъ гаворить: — „Вотъ, вазьми и пирирубя никаяннага духа сваею вострыю меччу крестъ на кристъ, ни больши,—схувайтя яго падъ мостъ, а сами ляжьтя у сундукъ: када ана апять прилятить,—мнѣ 100 лозаноў увалить, суконную рубаху пирядѣнить, то, думаўши, што ў сундукѣ никаянный духъ, то станить упрашивать васъ... Царь никаянныга духа хрестъ на христъ пирясѣкъ, а іонъ закричаў: — „Прибаў, вяликій гусударь, ящо разъ!“ — А царь гаворить:—„Будить съ тябе и етыга!“—Яго съ сундука выкинуў, падъ мостъ схуваў, а самъ у сундукъ легъ. Вѣдьма прилятѣла съ палету, даеть у хрибетъ мужу сто лозаноў, пириминяить суконную рубашку, даеть у ротъ валиную жилу, а сама идеть къ сундуку упрашивать никаяннага духа, ни зная, што іонъ спатряблень, и гаворить: — „Што ты на мяне сердисься, што ты мнѣ ни атвичаишъ, сколькі ўвремя я тябе спрашію?“—Царь гаворить:— „Што жа буду табѣ атвичать: какоя я изъ тябе вижу давольствія?“—Какъ какоя? Я усе, што ты мнѣ приказышъ, я ўсе выпалняю.—Царь гаворить: — „На што ты свайго мужа сдѣлала палавину ламырнага камня, а палавину чилавѣка?—Ета намъ ни падъ нужду.—И горыдъ ты здѣлала возирымъ, а людей рыбами? А вотъ ты мнѣ здѣлай удавольствія: мужа свайго—якъ быў іонъ 35 лѣтъ, такъ и здѣлай такимъ жа,—горыдъ, якъ быў іонъ горыдымъ, такъ и здѣлай горыдымъ, людей сдѣлай людьми!.. Пайдеть тады па нашиму горыду таргоўля: вотъ ета и будить мнѣ удавольствія,—а то сядимъ мы тутъ, якъ у вастроги, и свѣту ня видимъ.“—Ана думала, што ета гаворить зъ ею никаянный, сичасъ и гаворить:—Я сама знаю, што

мы таперь живемъ у ни ўдавольствіи, ну, я дѣлала, якъ ты инѣ приказываў.—Сичасъ зъ радыстю пабѣгла усе пирядѣлывать. Падѣлала, якъ ей царь гаваріў, прибѣгла къ никаяннаму духу и гаворить:—„Ну, усё падѣлала, якъ ты инѣ приказываў: выйди, пагляди!"—Царь гаворить:—„Ну, ти вѣрна жъ ты здѣлала?"—Вѣрна.—Царь гаворить:—„Ну, бяри мяне за лѣвую руку: я залежился и ни ўстану!" Ана узила яго за лѣвую руку, а іонъ яе якъ сикануў меччу, такъ галава и пакатилась. Патомъ сынъ Питра I абнялись съ царёмъ и пацалувались. Сынъ Питра I гаворить:—„Ну, таперь руби яе на мелкія кусочки: благадарю, што избавіў мяне."—Такъ яны узяли и пурубили яе зъ никаяннымъ духымъ на мелкія кусочки, вывизли яе на поля, кастеръ дроў злажили и ихъ спалили; попилъ размяли и на̀ мыря па вѣтру пустили,—хто таго смурôду набраўся, на вѣкъ видьмакомъ астаўся. Сами пашли па етыхъ палатахъ расхаживать и усё разглядывать, усе ли такъ стала, якъ прежди. Тольки идуть у ва залъ у свой и видють: сядить у зали рыбалоў, што царю прадаваў рыбу, и сядить іонъ, абтянуўшись сѣтьтю кыла стѣнъ. Сынъ Питра I спрашіить у царя:—„Свѣтъ вяликій гусударь, хто жа ета?"—Маўчи, братъ, етый тябе атсель и вывіў.—Ну, сбирай, рыбалоў, сѣти, пайдемъ атсель изъ залы! Благадарю тябе, што ты ўказаў инѣ ету мястину: мы тутъ спасли горыдъ, царя и народъ, запаланётыя никаяннымъ духымъ. Стали яны тады пить да гулять, да дабро наживать. Рыбалова паставили первый гильдіи купцомъ: дитямъ яго па вѣкъ палажили жалаванні. Пасѣіў мужикъ аўса, а басня мая ўся.

№ 30.

Ирусалимскій патріярхъ и яўрейскій дохтарь при султани сумтятца абъ тымъ, икая вѣра луччи: ти магамитаньская, ти яўрейская, ти христіяньская.

Въ слаўнымъ Ирусалими быў у турецкыва султана яўрей дохтыръ, и захатѣлысь етыму яўрею, штоба не была прувуслаўный вѣры въ Русалими, и начаў турка угаваривать, штобы яны приняли или вѣру яўрейскую, или турецкую магаметскую. Дакъ туракъ и сказаў яўрею:—„Я баюся старца; етытъ ста-

рицъ патріархъ.“—Призваў іонъ патріарха етыга и сказаў яму:—„Прими ты вѣру или яўрейскую праваслаўную, или турецкую магаметанскую!..“ Патріархъ сказаў:—„Я вашій вѣры не хулю и сваей не хвалю, а іость наша прувуслаўная вѣра.“—Царь замаўчаў, а яўрей дохтыръ падбѣжаў, (а ў ихныхъ книгахъ іость—смертная выпить—и здраў будишъ), даеть на шасть дней сроку:—„а на сядьмой явися са ўсѣми манахами на турецкій замыкъ, и ли тибе састаўлю за шасть дней стаканъ мёду.“—Приходить патріархъ су сваей братіей, гаворить имъ:—„сагласны вы са мною памяреть: мнѣ выпить смертный стаканъ, а васъ будуть казнить, када вы ня будитя сагласны у яўрейскую или у турецкую вѣру.“—Сагласилися: рады пумяреть усѣ, а на етымъ мы ни сагласны.—Вотъ и гаворить патріархъ:—„дакъ будьтя гатовы: шесть дней гавѣйтя, спавѣдуйтись, причищайтись!“—Ане выпылнили ета. Патріархъ рабѣў. Стаяў на вутрени; яму явилась Божія Матирь и сказала яму:—„Ня бойся, старча: я табѣ ў помычъ.“—Тады іонъ сдрагнуў и пувислядў. На сядьмой день су усей сваею братіею пашоў у турецкый замыкъ. Турки пригутавали разныхъ мученіиў: пики и кинжалы. Манахи атстались на дварѣ, а патріархъ пряма у присутственный турецкій домъ пришоў: стаить стаканъ на сталѣ пригутаванный съ ядымъ, яво турецкая присутствія сядить у атдаленнысти, и усѣ роты пазакрывши, штобъ воздуху етыга ни набратца. Патріархъ три раза агрузилъ хрястомъ и на три стораны паклаиіўся, и свалилась ета пѐра са стакана далоў, каторая была верхъ стакана: спиртъ и выпіў, и паказаўся яму етый злой сустаў луччій за сладкыга меду, и астанавилася турецкая присутствія, усматріить, скора ли іонъ упадеть.—Іонъ патребуваў вады принясти. Принясли яму вады. Царь думаў, што яму сдѣлалась дурна. Патріархъ узяў, наліў вады у стаканъ и сказаў турецкыму салтану:—„вы нашу вѣру хулили прувуслаўную: выпіў я увесь язвительный стаканъ;—прикажитя вы яўрею хуть вадицы замѣстъ етыга стакана выпить.“—Яўрей ни хатѣть зъ естыга стакана вады пить. У турецкимъ присутствіи принудили выпить вады; выпіў вады яўрей,—нимедленна пубижаў у сваю хватеру, аттваріў двери, на пароги упаў. Турецкій султанъ сядить долгыя время, ажидаить яўрея дохтыра, што завёў дѣла; манахи тожа ажидають ти суда, ти смерти. Пасылаить винирала за етымъ яўреимъ:—„пади, штобъ

іонъ сичасъ быу!..“ Винiралъ пашоў, приходить къ двирямъ,— двери растворены, и іонъ ляжить — трябухъ лопнуў. Тада и гаворить царю: “—Вадай етыга жидюгу парвала яго усё лўння!..“ Тада царь срабѣў и думаў, што яму нужна пупрасить у патріярха извиненія:—„Што ты атъ мине хатишъ за ету вину: ти золыта, ти серибра, ай, ти дарагога каменя?“—Ничаво ни нада: у нашега Бога усяго многа...—„Падумай!..“—Вотъ што, царь, штобъ вашимъ судомъ ни судить нашихъ прувуслаўныхъ (у ихъ голыву далой).—Толька и выгрыў ета.

СКАЗКИ.

№ 1.

Илья Мурамецъ.

Илья Мурамецъ ляды пряталъ и ў моря дубы брасалъ. Гасподь яму сказаў: разсѣкай лядьі!

№ 2.

Якъ Илья Мурамецъ пубядіу Салаўя разбойника, Абжору, Алькадима.

Жіў пудъ Брянскымъ мужичекъ, и тольки радіўся у няво сынъ, крястили яво Ильлею. Росъ Илья тридцать лѣтъ, нидвижимъ быў ни руками, ни нагами. Тольки атецъ яво сабраў талаку разсикать ляда, дубы—гатовіў іонъ ибѣдъ къ талакѣ; мать пашла у чужей дворъ сабирать талаку, нссть абѣдать. Заходить къ Ильлѣ у хату старичекъ.

— Здрастуйтя вамъ!

Илья атвичаить:

— „Здрастуйтя, дѣдушка..!“

— Дай мнѣ, галубчикъ, напитца! нѣтъ ли чаво у васъ?—

— „Дѣдушка, я нидвижимъ ни руками, ни нагами. Іость жа у насъ квасокъ папить харошій.“—

— Абаприсъ руками: можить быть, прайдешъ.—

— „Нѣ, дѣдушка! тридцать лѣтъ ужъ я сижу.“—

— Можить, ты устанишъ! Абаприсъ, абаприсъ руками!—

Абперся Илья руками и нагами и падаеть яму квасу кружку:

— Пей, дѣдушка!—

— „Напей ты, галубчикъ, самъ, Илья!“—

Іонъ выпіў кружку квасу етыва.

Спрашіить старичокъ у в'Альлѣ:

— Якъ ты тяперь чуўствуишь, Илья Мурамецъ, у сибѣ силу?

— „Госпади, еслибы Гаспоть утвярдіў стоўбъ у нeбу и землю, тобъ я мохъ мать сыру землю пувярнуть уверьхъ нагами..!“

— Парпни, Илья, ящо квасу кружку!—

Іонъ падаеть дѣдушки. Дѣдушка узяў:

— „На, пей палавину кружички!“—

Илья папіў палавину кружки.

— Какъ ты чуствуишь, Илья, силу?—

— „Госпади, палавину силы атбуло.“—

Ни стала старика въ изби. Приходить мать Ильи съ дареўни и абрадавалась, што сынъ ходить, и спужалась:

— „Сыночикъ ты мой, хто тибѣ сaздаў ноги и руки?“—

— Маминька, саздаў мнѣ Гаспоть усё.—

Потэмъ и гаворить:

— Ну, мать мая, я абѣдать самъ панясу сваимъ рабочимъ къ атцу.—

Абчапіў ушаты вяреўками:

— „Лей варива ета въ ушаты!“—

Налили варива. Падчапіў іонъ заборину падъ еты ушаты и узяў бачонькъ пять ведиръ вотки, пять хлѣбыў,—узяў усё съ сабою, приносить на дубы, на ляда, къ имъ, пaставіў за кустами шалашокъ, варива и вотку, и пашоў къ сваимъ туды, идѣ сякуть, разчищають ляда.

— „Бохъ помачъ вамъ, атецъ!“—

Уси кликнули:

— „Благадаримъ пакорна, Илья!“—

— Ну, пайдемтя: я принесъ вамъ абѣдать, кушать и вотычки.—

Приходють къ шалашу, стали вотку пить, стали закусывать.

— Ѣсьтя, добрыя люди, и лажитись атдыхать.—Пабѣдали и лягли атдыхать. Іонъ пашоў на работу: двадцать пять дисятинъ за два часа вырваў дубоў, паўкладаў усё ў Дясну, да пазнасіў дубы. Приходить къ имъ рибятамъ:

— „Ну, уставайтя, атецъ!“

Паатдыхнули, ўстали яны. Илья и гаворить:

— „Ну, атецъ, будить съ тибе етыва, што наработана.“

Глянули: чистая поля здѣлана. Пашли дамоў. Ради атецъ-мать, што сынъ ходить. Тада сынъ пасылаить атца къ сасѣду. Лижала кобыла тридцать лѣтъ нагами нидвижима.

— „Купи ты ету кабыленку, батюшка!“

— На што ина табѣ, сынокъ?

А Илья зачастіў:

— Купи да и купи!

Пашоў батька къ сасѣду:

— Здрастуйтя вамъ!

— „Здрастуйтя!“

— Што, братъ, жива ли твая кабыла?

— „Я хатѣў ужу убить яе даўбнёю!“

— Прадай ты мнѣ яе!

— „На што ина тябѣ, калѣка, спанаравилысь?“

— Ня мнѣ ина спанаравилась, а майму сыну Ильлюхи.

— „Ну давай пятерку!“

Смѣхымъ сказаў. Вынимаить іонъ яму пятерку деньгъ и атдаеть яму на руки. Тада приходить дамоў:

— „Ну, сынокъ, купіў кабылу?“

— Купіў? Я самъ за ею пайду.

Приходить на домъ тэй, идѣ кабыла. Сичасъ кругомъ яе абыйшоў:

— „Польна, кабылица, лижать—надо у бѣлый свѣтъ бижать!“

Кабылица сыкачила, зарзала; іонъ яе авуздаў, приводить дамой:

— Атецъ, вы сказывали: кабыленка калѣка;—а вотъ ина, ина устала; я устаў, и ина устала... Иди, кабылица, гулять у чиста поля, атпраўляйся!... Тада іонъ пашоў, справіў сабѣ луку и стрялу, справіў сабѣ багатырскыя сядло и привеў кабылицу съ поля, асидлаў яе, садіўся на яе, браў сабѣ у руки стрялу, луку, падъизжаў къ сваимъ радитилимъ, хадіў у хату, маліўся Богу и сказаў:

— „Пращайтя, мае радитили: атецъ и мать!...“

— А куда жъ ты, сынокъ, дитя наша?

— „О я, атецъ и мать, вамъ ни кармилица! благословитя мине у бѣлый свѣтъ ѣхать—и пращаитя!...“

Слышаў іонъ па вописяхъ, Илья Мурамъ, што іость на Кривымъ лясу Салавей разбойникъ, — нѣту пропуску тамъ ни пяшкомъ, ни на лашади,—нихто ни прахадіў мима яво близъ двинацыть верстъ: свистымъ убиваў Салавей,—за тымъ туды и пропуску ни было, ни ходу: баялись Салаўя. Хатѣлась Ильлѣ Мураму атвѣдать Сылаўя, што за Салавей. Падъизжаў къ Кривому лѣсу и спрашіить, идѣ Салавей-разбойникъ живеть. Слышна, што у етымъ лясу живеть,—тольки нѣту ни ходу, ни

ѣзду: убиваитъ. И паѣхаў Илья Мурамецъ ни путями, ни дарогами, а ѣхаў іонъ пряма на яво, на Салаўя-разбойника. Разбойникъ слышитъ: упратіўникъ ѣдитъ къ яму, и ударіў громкій свистъ, штобъ яво убить. Тольки яво лошать дригanулась падъ имъ атъ свисту. Падъизжаитъ близка. Видитъ Салавѣй-разбойникъ, што ѣдитъ супратіўникъ близка, ударіў свистѣть ящо паграмчѣй: лошать Ильли пала падъ имъ на калѣнки. Іонъ падхватіў лошать:

— „Ни рабѣй! Ни такъ ты свистишъ, Салавей разбойникъ!...“ Сичасъ стряльнуў, наведши лукъ, яво у глазъ ударіў, есадіў яго съ гнизда на 12 дубоў,—и сваліўся Салавей разбойникъ. Привизаў яго къ сядлу живога, и паѣхаў іонъ у царьскій домъ, къ царю.

У каралеўскымъ доми багатырей сборища.

Ѣдитъ іонъ. Глидять багатыри съ окна и удіўляютца, какой багатырь ѣдитъ, Салаўя разбойника вязеть.

— Уси багатыри, мы собраны, а хто жъ іость ящо багатырь па описи, какей багатырь пубядіў Ильлю Мурамца?

А сильный багатырь магучій гаворить у чуланчику:

— Што вы забыли пра Ильлю? Іонъ даўно ужу нарадіўся, а ни чудіў ящо нейдѣ.

Близъ падъизжаитъ варотамъ—навяли багатыри доски чугунныя, кверьху падняли: када плахой къ имъ падъѣдитъ—даска раздавитъ яму голаву. Въизжаў Илья у варота, и даска ударила яво па шляпи; на имъ шляпа чугунная—урида яму, галавѣ, ни дала. Илья злѣзъ съ лошади, пустіў сваю кабылицу, и яво кабылица усихъ лашадей атагнала атъ корму. Уходитъ Илья у домъ. Багатыри гаворють:

— Екай навѣжа идеть: твая лошать усихъ лашадей паатагнала!

— „Здрастуйтя жъ вамъ усимъ! нечива ссоритца! падвиньтиська, дайтя мястечка!“

— Да, скажи пупраўди, хто ты такей преѣхалъ: ты Мурамъ?

— „Станемъ зюкать, тольки дайтя мястечка!... Чимъ хочишъ, называитя“...

— Идѣ стаишъ, тамъ и сядь!...

— „Вотъ, рибяты, я іость Илья Мурамъ! я ни хачу садитца, идѣ стою—а падвиньтись, гаспада!“—Якъ падвинуў—

стина выскачила вонъ: каторыхъ пазадавіў, каторыя павыкатились.

Абжора багатырь сядѣў асаблива; іонъ три вола зъидаў адинъ, пять вушатыў пива выпиваў. Гаворить Абжора:

— Илья Мурамъ, падайди ка мнѣ, пубратаимся, пурукаймся!

Илья падходить къ яму, у чуланчикъ, ня быў яму паклонинъ, багатырю таму, называў яго Абжораю.

— „Абжора, што ты сядишъ тутъ?“

— Што такоя ета, Илья Мурамъ, я упративинъ табѣ? давай пубратаимся!

Илья падаеть яму руку; Абжора схватаў яво за руку рукатца. Ни ўзлюбіў Илья, што іонъ тиснить дужа,—скинуў сваю шляпу зъ галавы лѣвыю рукою, ударіў Абжору: пракатіўся Абжора скрозь стѣну. Далажили каралю, што Илья Мурамъ пріѣхаў, пабядіў богатырѣў, сильнага магучига багатыря шляпыю убіў. Кароль паслаў къ Ильѣ людей, штобъ Илья пряма па чести пришоў къ каралю, на лицо. И узяў іонъ атвизаў атъ сидла Салаўя-разбойника, засадіў яво за пазуху; ну, приходить у каралеўській домъ, здраструитца съ каралемъ:

— „Здрастуй, кароль и каралеўна!..“

— „Здрастый, Илья Мурамъ. Куды ты пріизжаў у мой домъ, якимъ путемъ ѣхаў на Кривой лѣсъ, ка мнѣ? — Якъ тибе прапустіў Салавей разбойникъ?

— „А што, вамъ хочитца разви Салаўя пувидать? Я мима яво ѣхаў, пубядіў яво, ищи глазъ выбіў. Дакъ во іонъ!..“

— Прикажи яму, Илья Мурамъ, свиснуть, якъ іонъ свистить!..

— „Нѣтъ, вы ни утраваитя атъ яво свисту! Дайтя мнѣ вы, кароль и каралеўна, сваѳ голывы падъ пахи: а то плоха вамъ будить!“

Узяў голывы карали и каралевы падъ пахи и приказаў Салаўю самымъ малымъ свисткомъ сыйграть. Салавей якъ свиснуў, паталокъ атъ свисту разламіўся и крыша звалилась. Тада Илья Мурамъ асирчаў на яво, узяў шаблю, пурубіў Салаўя на мелкія штуки. Тада узяў крошичку парубемши и дунеть на крошичку—салавейкый та крошичка и палятить, салаўемъ, а кажный салавейка съ крошичку, а, якъ чокнить, аглушаить — и пустіў ихъ усихъ у свѣтъ. Тада атправіўся

Илья Мурамъ караля искать сабѣ супратіўника. Паѣхаў у Кіiў, у ту сторану, идѣ, па слыхамъ, живеть Алькадимъ багатырь Низрящій, сильный, магучій. Илья искаў яго па лѣсу: іонъ, Алькадимъ, жіў у лясу. Алькадиму снилась всё нѣшта, што атъ Ильи іонъ памретъ. Тольки наніў іонъ зӑгади сабѣ гробъ дѣлать. Илья ѣдить по лѣсу, слышить бальшей стукать, пріизжаить: дѣлають гробъ робяты.

— „Богъ помачъ, робяты!..“

— Благадаримъ пакорна, добрый чилавѣкъ!..

— „На каво дѣлаитя дамавину?“

— На багатыря Алькадима.

— „Но вотъ жа я самъ яво ищу, идѣ іонъ находитца, на якимъ путю“.

— „Што жъ вы такъ зажива гробъ дѣлаитя няўмертвыму?“

— Яму у ва сняхъ сказана атъ Ильи Мурамца пумирать—такъ іонъ загади и заказаў.

— „Дѣлайти жъ паскарѣй, гаспада: самъ я Илья Мурамецъ, ѣду къ яму у гости.“

— Паизжайтя етый трапой: пряма къ яму у гости и преѣдитя!

Домъ агромный запертъ накрѣпка завалами: нильзя къ яму падыйтить. Илья, ни нӑ шта ни ўпываўши, пачаў двери разбивать, выспётнимъ разламаў семира дварей.

— „Здрастуй, багатырь Алькадимъ!..“

— Здрастуй!.. Хто ты такой іось?

— „Илья Мурамъ.“

— А Илья Мурамъ!.. Хади парукаимся!

Падаваў Илья Мурамъ правую руку. Пажаў Алькадимъ крѣпка. Илья Мурамъ ни ўзлюбилъ: браў лѣвый рукой сваю шляпу и біў багатыря Алькадима—придаў яво смерти. Алькадимъ коньчіў жисть, а Илья паѣхыў у смерть искать Бохъ знаить чаво.

№ 3.

Богатырь Димьянъ Ельнинскаго уѣзда Канопльской волысти.

За Ельней, въ Канопльской волости, мужики служили богатырю Димьяну. Іонъ лубья драў, мачалы мачіў. Разъ Димь-

янъ валакеть лубья на тотъ бокъ ряки; идуть салдаты:—„Ти пувалакешъ ты насъ?“—Іонъ пуваловъ ихъ, пуваловъ и лубья.— „Што табе за ета?—спрашіить царь.—А што аббягу за динь, та зимля мая.—Што за день аббѣгъ Димьянъ, то и стала яго зямлей, стала зимля та называтца Дёменьщина, Канопльскій Приказъ.

№ 4.

Дема, быгатырь Спаса-Деминскага приходу.

У Спаса-Деминскымъ приходи были бальшея лясы, и жiў тамъ Дема. Пашоў іонъ лубья драть, штобъ пакрыть гумно. Надраў іонъ длиннага лубья, што теризъ крышу хватала, валокъ іонъ яго на сибѣ. Даганяить памѣщикъ шестирикомъ Дёму, на кучира гаворить:

—„Узганяй на лубки!..“

Узагналъ. Дёма валакеть шистярикъ лашадей и лубки. Тады баринъ гаворить на кучира:

—„Зварачивай далой!..“

Кучиръ зваратіў, да и пdпличъ яво заѣхаў.

—„Здрастуй, мужичекъ!“

— Здрастуй, баринъ!

—„Куды ты лубья валакешъ?“

— Накрыть гумно, баринъ!

—„Яно жъ длинна.“

— Я хачу, штобъ тиризъ усё гумно хватила.

— „Чимъ тибе завуть?“

— Дёмыю.

—„Якой дяреўни?“

(Такей-та).

—„Якога пана?“

(Такога-та).

Паѣхаў баринъ. Атписаў потэмъ царю, што іость у такова-та памѣщика мужикъ Дема, сильный магучій багатырь.

—„Самъ я узнаў, што іонъ силинъ дужа: на плячи несъ десить лубкоў аршинъ па тридцать и шистярикъ мой везъ лашадей съ акипажимъ.“

Патребуваў гасударь яво, жива, къ сабѣ. Даставили Дёму къ царю. Явіуся къ царю. Царь спрашиваить у яво:

—„Будишъ-ли жить у мине? Ты, Дема, живи у мине, будь ты мнѣ защитникымъ нащотъ войски!“

Іонъ астаўся у царя. Радъ старатца Дёма, но живеть у асобенный комнати, мала харчу патребляить Дема—скучаить Дема. Гасударь вялитъ паслушать, ти ня думаить іонъ абъ чомъ. Падъ дзярьми слушали пасланники. Слушають, а Дема разгавариваить самъ собѣ:

— Если бъ Дёма да быў ба дома, дакъ яво бъ картошки падивили бъ, и харашо бъ была!..

Разъ паслушали гавdрки яво, царю далажили, и два паслушали, ужъ и три раза слыхали яво рѣчъ—адна гаворка.

Дакладають царю, што Дема гаворить. Три раза паслухивали падъ дзярьми падъ комнатами, што гаворить усе адно:

—„Быў ба дома, да падъ авинымъ, да ѣў ба картошки!..“

Требуить Дёму на лицо къ сабѣ.

—„Ну, Дема, абъ чомъ ты скучаншъ?“

— Ваша амператарства, бнў ба я дома, да пекъ ба картошки у падавини—была бъ харашо!..

—„Ну што жъ, ты дамой хатишъ, Дема?“

— Хачу, ваша амператарства.

—„Што жъ, ты мяне паслушайшъ на помачъ, если у мине няустойка будить?“

— Паслушаю усигда васъ.

—„Што жъ табѣ палажить за ета?“

— Пажалуйтя мнѣ землю и лѣсъ: свая будить у мине зимля и лѣсъ.

—„Вотъ какъ я тибе пажалую: сколька абайдёшъ за динь казенную пущу, то и тваё.“

— Многа даволенъ етымъ.

Атправіўся Дема дамой, дали яму расписанія: Пакель Дема зачуруить, абайдеть, патэль яво владѣнія. За имъ были слядитили, царскіи давѣренныи. Абхадя, іонъ выдёргиваў древы съ карянемъ, ламаў макушки и убиваў на слидахъ сваихъ. Абайшоў іонъ Деминьщину, Спасъ-Деменскій приходъ и зачуруваў: вырваў древа съ карянемъ и паставіў яго вверьхъ карянёмъ.

№ 5.

Абъ рыбки-билакрылки и трехъ багатыряхъ: царицынымъ, кароўимъ и служебкинымъ сынаўяхъ. Якъ багатыри Салаўя-разбойника пубядили и яго сямейства.

Въ нѣкатарымъ царстви, въ нѣкатарымъ гасударстви, а ня ямянна ў томъ, въ каторымъ мы живемъ, жила-была царица. И пахатѣлася ей радить. Скольки яна па дидахъ, па бабкахъ ни хадила, нѣтъ ей пользы ни ў чомъ; сасніўся ей сонъ: — „Ты паймай рыбку-билакрылку и сжарь, то родишъ сабѣ сына!..“ Ина на заўтрига вялѣла паймать рыбку-билакрылку и сжарить.— Слуги паймали рыбку-билакрылку и атдали служебки сжарить. Ина, сжаріўши, каровѣ атдала памыйки, а сама съѣла крылушка, а царицы атдала усю зъѣсть, и забременили яны уси три: царица, служебка и карова; па сыну радили. Вотъ яны рость, да рость, ни па часахъ, а па минутахъ. Скора то сказка кажитца, да ня скора дѣлаитца. И вырасли яны бальшея, и прасили яны у матири свайѣй благаславитца: — „Ахъ, матушки, вы, наши, багаславитя вы насъ у чужея царства идить паваюватца!..“ А имъ жалка було растрятца са сваими сынами, жалка ихъ была атпустить.— „Нѣтъ, матушки, благаславитя!..“ Якъ ни жалка було имъ сынавей сваихъ атпустить у чужея царства пувуюватца, яны ихъ благаславили. Яны и пашли па дароги, а съ сабою узяли каня, хартà и сокалà. Ишли яны день и другей, а на третій пришли ў лѣсъ; тамъ стыять трехъатажныя харомы. И зайшли яны ў тѣ харомы, пить, да гулять цѣлый день, а яны щитались родныя братьтя: царскій сынъ большій братъ, служебкинъ сынъ сяредній братъ, а каровинъ сынъ меншій братъ.— День праходить, и ночъ приходить: нада меншиму брату идить на службу... Узяў каня, хорта и сокыла, и пашоў, сѣў падъ мостъ. Ѣдить Чуда-Юда на трехъ галавахъ: конь зарзаў, хортъ завыў, а сокылъ зазьяў. Вотъ Чуда-Юда и гаворить: — „Ты, лашадиныя мяса, чаво ты зарзаў? — А ты, песья мяса, чаго завыў? — А ты, истрябиныя мяса, чаго зазьяў? — Ну, я ў етымъ царстви никога ни баюсь, толька баюсь аднаго кароўига сына, а яго сюда ворынъ кастей ни занясеть.“ — Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить! — А Чуда-Юда говорить: — „А, ты тутъ?“ — А каровій сынъ гаво-

рить:—„Тутъ!„—А Чуда-Юда гаворить:—„Када ты тутъ, то давай поля чинить!..“ Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкачіитца гарохывымъ зярномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ,—три галавы зняў. Тады на галавахъ па записычки написаў и ў сваe царства кинуў ў варата:—„Ахъ, матушка мыя, служитя малебны, какъ ваши дѣти ваюютца!..“ И матери служили малебны абъ сваихъ дитяхъ. А братьтя кароўига сына етыга ни знають; какъ меншій братъ ваюитца, яны пьють, да гуляють. День праходить, ночъ приходить: нада сяредниму брату убиратца на службу; а братьтя ета ничаво ни знають, пьють, да гуляють; а меншій братъ и гаворить:—„Ахъ, рибяты, дѣвица пей да гуляй, а дѣльца помни: пара каторану нибудь на службу убиратца!“—А большій братъ гаворить:—„Меншій братъ схадіў, а таперь сяредниму идить.“—А сяредній братъ гаворить на меншига брата:—„Ты схадіў, братъ, за сябе на караулъ падъ мостъ, то схади и за мяне!..“ Меншій братъ, ни гаваря имъ ни слова, вылизаить изъ-за стала, бяреть каня, бяреть хорта, бяреть сокыла и сѣў падъ Чудинъ-Юдинъ мостъ. Якъ ѣдить Чуда-Юда на шасти галавахъ: конь зарзаў, сабака завыў, а сокылъ зазьяў. Чуда-Юда и гаворить:—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаго зарзаў?—Ты, песья мяса, чаго завыў?—А ты, истрябиныя перья, чаго зазьяў?—Я ў етымъ царстви никаво ни баюсь, только апасаюсь кароўига сына,—яго суда ворынъ касти ни занясеть!“—Каровій сынъ выходить и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, а самъ добрый молыдицъ заходить.“—А Чуда-Юда гаворить:—„А ,ты тутъ?“—Тутъ.—„Ну, давай поля чинить!“—Вотъ яны чинили, чинили: каровій сынъ падкотитца гарохывымъ зярномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ, три галавы сняў; ящо чинили, чинили: каровій сынъ якъ падкотитца гарохывымъ зярномъ, якъ ударіў булатнымь нажомъ, ящо три галавы зняў. Тада падписачки падписаў и ў сваё царства у вароты укинуў:—„Ахъ, матушка, служитя малебны, якъ ваши дѣти ваюютца!“—Пашоў къ сваимъ братьтямъ, а яны етыга ничога ни знають, пьють да гуляють. День праходить, ночъ приходить: нада большиму брату идить на службу. Меншій братъ гаворить:—„Дѣвица гуляй, а дѣльца помни!.. Пара табѣ большій братъ на службу идить!“—А большій братъ и гаворить:—„Схадіў ты, братъ, за сяреднига брата, схади и за мяне!..“ Ну, ладна!—

Съ такимъ условіимъ я пайду, братъ, за тябе: пастаўлю вамъ три кубки;—кали еты кубки спалнѣють, тады прихадитя ка мнѣ на падмогу.“—Вотъ меншій братъ пашоў, узяў каня, узяў хорта и сокыла, и сѣў падъ Чудинъ-Юдинъ мостъ. Якъ ѣдить Чуда-Юда на двинацати галавахъ: конь зарваў, хортъ завыў, а сокылъ зазьяў.—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаго зарзаў?—А ты, песья мяса, чаго завыў?—А ты, истрябиныя перья, чаго зазьяў?—Я ў етымъ царстви никога ни баюсь, а апасаюсь аднаго кароўига сына, да яго сюда ворынъ касти ни занясеть!“—А каровій сынъ выходить и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый молыдицъ заходить!“—А, ты тутъ?—„Тутъ!“—Чуда-Юда гаворить:—„Дуй на двинацать верстъ, штобъ быў сяребриный мостъ, а на бакахъ сяребриныя квѣтачки!“—Каровій сынъ якъ дунуў, сдѣлаў сяребриный мостъ на двинацать верстъ и квѣтачки на имъ паставіў; а Чуда-Юда якъ дунуў, на двинацать верстъ сдѣлаў сяребриный мостъ, а квѣтачки ни паставіў.—Тада каровій сынъ увазнаў, што яго братьтя спять, и гаворить:—„Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить—и то даеть атъ трехъ разъ атдышку.“—Чуда-Юда на ета сагласіўся. Патомъ каровій сынъ и гаворить:—„Ну, давай поля чинить!“—Ну, давай!—Чинили, чинили: убиваить Чуда-Юда кароўига сына па забарстень у землю.—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то атдышку даеть: пара атдышку дать!“—Чуда-Юда заваліўся, пѣсинки папиваить, а каровій сынъ якъ дунуў, такъ па столь сняў харомы, идѣ яго братьтя были, патомъ на Чуду-Юду гаворить:—„Ну, давай ипять поля чинить!“—А Чуда-Юда гаворить:—„А давай!“—Чинили, чинили; убиваить іонъ кароўига сына па калѣни ў землю. Каровій сынъ ипять гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда!—Кошка мышку валочить, а ўсё атдышку даеть: пара атдышку давать!..“ Вотъ Чуда-Юда заваліўся и пѣсинку запѣў, а каровій сынъ па калѣни ў зямли, и яго аткапываить конь, хортъ и сокылъ: тады якъ дунуў іонъ у трубачку, такъ верхъ сняў харомъ, идѣ яго братьтя спали, а яны ўсё спять. Патомъ каровій сынъ гаворить:—„Ну, давай поля чинить!“—Давай!—Чинили, чинили, убиваить Чуда-Юда кароўига сына па поисъ у землю. Патомъ іонъ и гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить,—и то атдышку даеть: пара атдышку дать, у трубачку затрубить, атца въ матушкыю пумянуть: вѣрна мнѣ тутъ луми-

рать!“—А Чуда-Юда гаворить:—„А вѣрна тутъ пумирать!“— Патомъ Чуда-Юда заваліўся и пѣсинки пупиваить, а кароўига сына конь аткапываить, хортъ аткапываить и сокылъ аткапываить. Тады каровій сынъ якъ дунуў у трубычку, такъ па вокны сняў харомы, идѣ яго братьтя спали. Тады братьтя прашнулись и пашли къ свайму брату на падмогу. Тада давай поля чинить: чинили, чинили; выбили брата сваяго изъ зямли. Тады ящо чинили, чинили; каровій сынъ какъ падкотитца гарохывымъ зярномъ, якъ ударить булатнымъ нажомъ,—три галавы сняў. Ящо чинили, чинили: якъ падкотитца гарохавымъ зярномъ, ящо три галавы сняў; ящо чинили, чинили; каровій сынъ ящо три галавы сняў; ящо чинили, чинили; коровій сынъ, какъ падкотитца гарохывымъ зярномъ, якъ ударіў булатнымъ нажомъ,—ящо три галавы сняў. Патомъ падписачки падписаў и гаворить:—„Ну, братьтя мае, скатитя ета тулава ў моря, а голавы у сваё царства укиньтя, у вароты!..“ А братьтя ета ни могутъ изъ мѣста патронуть. Тады каровій сынъ и гаворить:—„Ахъ, братцы, вы, мае, какая у васъ сила?!.“ Якъ катнуў іонъ выспиткымъ, такъ ета тулавища у моря пакатилась, а голывы укинуў у сваё царства, у вароты:—„Матушки, служитя малебны, якъ ваши дѣти валютца!..“ Тады гаворить каровій сынъ:—„Слушали царьскага сына,—ну, тапорь слушайтя мяне!..— Ну, вы, братцы, идитя па дароги, а я скинуся мухыю и палячу на Чудинъ-Юдинъ дворъ, и паслухаю, што Чудины-Юдины сестры гаворють!..“ Сѣў на вакнѣ, а яны сѣли на печки, вѣдючу сабраўши, и гаворють. Первая гаворить:—„Я скинуся садамъ, а ў саду ябланкою; каровій сынъ будить судà идить,—захатять яны ѣсть, на ябланки будить висѣть яблочка, стануть яны ѣсть,—то я ихъ и паѣмъ.“—Другая гаворить:—„Я буду ў саду калодись: якъ нагнутца пить, то я ихъ и паѣмъ.“—Третія гаворить:—„Я буду ў саду каравать: якъ захочуть яны спать, лягуть на ету каравать, то я ихъ и паѣмъ.“—А карова-гадина гаворить:—„У мяне адинь грибъ да неба, а другей да зямли: такъ я наскочу, аднаго схвачу съѣмъ,— схажу ў моря напьюсь, и за другимъ приду,—такъ усихъ ихъ и паглатаю. Тада адна увидила яго на вакнѣ и гаворить:— „Вонъ іонъ, каровій сынъ на вакнѣ сядить мухыю!..“ Патомъ ина схватила кирпичину и бросила ў яво и чуть-чуть да ни пупала: такъ іонъ и палятѣў къ сваимъ братьтямъ. Тада яны

и пашли; даходють яны да саду, и захатѣлысь имъ ѣсть. Висить на ябланки яблачка; яны и гаворють:—„Ахъ, братцы, давайтя мы ета яблачка зъядимъ!..“ А каровій сынъ и гаворить:—„Пазвольтя, братцы, перва инѣ зъѣсть!..“ А братьтя гаворють:—„А изволь, съѣшь!..“ Вотъ каровій сынъ какъ вынуў свой булатный ножъ, какъ ризануў,—кроў и пабѣгла. Патомъ и гаворить:—„Ну, ѣсьтя, братцы!..“—Нѣтъ, мы ня хочимъ.—Яны и гаворють:—„Ну, пайдёмъ!“—Ишли яны, ишли, и захатѣлысь имъ пить. Стаить у саду калодись; яны и гаворють:—„Ну, братцы, давайтя мы напьёмся!..“ А каровій сынъ гаворить:—„Пазвольтя инѣ напитца!“—А яны гаворють:—„А пей!“—А іонъ какъ вынуў свой булатный ножъ, якъ ризануў,—кроў и пабѣгла.—„Пейтя, братцы!“—Не, ня будимъ!..—Ишли яны, ишли, захатѣлась имъ спать; пасмотрють: ў саду стаить каравать. Яны и гаворють:—„Ахъ, братцы, давайти-ка паспимъ!“—А каровій сынъ гаворить:—„Пазвольтя, братцы, упяредъ инѣ лечъ!“—А изволь!—Вотъ іонъ якъ выніў свой булатный ножъ, какъ ризануў па етый каравати: кроў и пубижала.—„Ну, братцы, лажитись!“—Не, ня хочимъ!—Ишли яны, ишли, даганяить ихъ карова-гадина: адинъ грибъ да неба, а другей да зямли; царскага сына ухватила, пашла ў моря, напилась. Ипять прибѣгла карова-гадина, схватила служебкина сына, пашла ў моря и напилась. И ипять даганяить кароўига сына. Патомъ дабигаить каровій сынъ у кузницу, а тамъ Кузьма-Димьянъ куеть въ двинацать малатоў и кузинъ: вотъ іонъ и гаворить:—„Ахъ, Кузьма-Димьянъ, ни дай кароўиму сыну пагибнуть!..“ Ускачіў каровій сынъ у кузницу, Кузьма-Димьянъ затваріў за имъ двери. Наскакиваить карова-гадина и гаворить:—„Ахъ, Кузьма-Димьянъ, атдай инѣ кароўига сына, а то я тябе съѣмъ!“—А Кузьма-Димьянъ и гаворить:—„пралижи стяну атъ трёхъ разъ,—то я табѣ кароўига сына пасажу на языкъ!..“ Вотъ ина разъ лизнула, другей лизнула, третій лизнула и прализала стяну:—„Ну сади инѣ на языкъ кароўига сына!“ и выставила языкъ. Тада Кузьма-Димьянъ узяў яе клищами за языкъ и давай бить у двинацать молытыў; били, били яе, тада гаворють:—„Кархай служебкиныга сына!..“ Патомъ били, били:—„Кархай царскага сына!“—Выхаркнула. Тады били, били и забили, и вывалакли на поля. Каровій сынъ спатрашіў яе изъѣў. Въ сяредку при-

лятѣў воранъ:—„Кроў, кроў!“—А каровій сынъ схватіў етага ворана.—„Ахъ, каровій сынъ, ни сироть маихъ дятей: што табѣ угодна, я пристаўлю!..“ А каровій сынъ гаворить:—„Пристаў мнѣ живэй и мертвэй ва̄ды!..“ А ворынъ гаворить:—„Ну, падвяжи мнѣ падъ крылья пузурьки!“ Каровій сынъ падвизаў пузурьки и гаворить:—„Атдай мнѣ свайго вараненка падъ заставу!“—Ворынъ атдаў свайго вараненка, а самъ палятѣў, дастаў вады живэй и мэртвэй: приносить кароўиму сыну. Каровій сынъ пиридраў вараненка на дви части, мертвыю вадою линуў,—абмяртвіў; живэю вадою линуў,—аживіў.—Тада іонъ сваихъ братьтіў мертвыю вадою линуў,—абмяртвіў; живэю линуў,—аживіў. Вотъ яны пашли па дароги къ сваимъ матирямъ жить. Сказка ўся,—и далій казать нильзя. Я тамъ быў, медъ-вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала.

№ 6.

Сельцо Киселевка, Смоленскаго уѣзда.

Сказка абъ Ивани Кабыльлимъ сыни.

(Иванъ Кабыльлій сынъ на палавину лошать, на палавину чилавѣкъ).

Дубина. Гарыня. Салыня. Иванъ Кабыльлинъ сынъ пубиждаить Чуду-Юду ибъ 3, 6, 9 и 12 галавахъ, идеть у падземный міръ на зялѣзный цапи, ищить Бабу-Ягу съ помащу трехъ дѣвушикъ. Каждая дѣвушка кросны тветь: якъ махнеть чіўнакомъ, выскачить салдатъ съ тисакомъ. Баба Ига спить на Сіяньскей гарѣ, абапылъ яе двѣ бочки вина.

Жіў-быў мужикъ, було у яго семь сынавей. У етыва мужика была кабыла. Кабыла жирябила мужуку семь жирябцоў. Аднажды пришли къ яму сыны и гаворють: „Кабыла ужу састарилась,—пускай ана атдыхаить, а жирибяты будуть служить за яе.“—Мужикъ сагласіўся. Пастроили яны ей такой хлѣвъ, штоба туды ни прахадіў свѣтъ. Чиризъ нѣскалька ўремя кабыла жирябила жирябенка, на палавину чилавѣка, на палавину лошади. Жирябеныкъ падросъ, жирябеныкъ на кабылу гаворить:—„Какъ ба мнѣ прабератца на свѣтъ Божій!“—Стань на маю спину, прадяри крышу и увидишъ свѣтъ.“—Прадраў крышу жирябеныкъ и пашоў, куды глазы глидять. Идеть Иванъ Ка-

былинъ сынъ и видить, што багатырь Салыня варочіить дивитириковыя камення. Падходить іонъ и гаворить:—„Харашо варочіишъ, да ня дужа!“—Салыня бросіў варочить дивитириковыя каменння, гаворить:—„А, здароў, Иванъ Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“—Иду, куды глазы глидять.—„Вазьми и мяне съ сабою.“—Пайдемъ. Ишли, ишли, видють: у лясу чилавѣкъ вырвить дубъ изъ зямли и бросить яво на паляну. Кабылинъ сынъ гаворить:—„Харашо кидаишъ, да ня дужа!—Бросіў Дубина ирвать дубы, падходить къ яму и гаворить:—„Здрастуй, Иванъ Кабылинъ сынъ, куды ты идешъ?—Иду я, куда глазы глидять.—„Вазьми мяне съ сабою?“—Пайдемъ.—Ишли яны, ишли, видють: чилавѣкъ капаить горы,—вазьметь гару, да за 'болыки и закинить. Кабылинъ сынъ гаворить:—„Харашо ты брасаишъ, ды ня дужа!“—Падходить Гарыня къ Ивану Кабылину сыну:—„Здрастуй, Кабылинъ сынъ, куда идешъ?“—Иду я, куда глазы глидять.—„Вазьми и мяне съ сабою?“—Пайдемъ.—Приходють яны ў лѣсъ; стаить тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на баранниxъ рожкахъ. Гаворить Иванъ Кабылинъ сынъ:—„Ну, рибяты, будимъ мы тутъ атдыхать.“—Стали яны ў етый избушки жить. На другей день Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:—„Ну, Салыня, ты сянни аставайся тута гатувать абѣдъ, а мы утраёмъ пайдемъ на ахоту.“—Пашли яны на ахоту, а Салыня стаў гатувать абѣдъ. Толька што пригатовіў іонъ абѣдъ, лехъ на лавычку и заиграў у дудычки,—прилитаить Баба-Ига (ета яе была избушка):—„Ти пёкъ кашу, ти варіў блины?“—Пёкъ кашу, варіў блины, ды ни табѣ ѣсь.—Ина яго схватила, падъ лаўку падлажила, камнимъ наваратила, сѣла, блины и кашу паѣла, и сама палятѣла. Вылизъ Салыня изъ-падъ лаўки, паклаў дроў знова, затапіў; ища и дровы ни разгарѣлись харашо,—приходють яны ужу съ ахоты:—„Э, братъ, ня скора жъ ты паварачиваисьтя!“—Ахъ, братцы, ета мнѣ панииздаровилась,—А етыва іонъ и ня хочить сказать, што сдѣлала съ имъ Баба-Ига: стыдна було.—Иванъ Кабылинъ сынъ гаворить:—„Ну, братцы, ета случаитца!“—Гуляли яны да вечпра,—пара идить каму-нибудь на старожу. Пасылаить Иванъ Кабылинъ сынъ Салыню. Салыня пашоў, легъ и заснуў на старожи. Иванъ Кабылинъ сынъ ета знаў. Пашоў и стаў самъ на старожу. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда на трехъ галавахъ. Конь яво зарзаў, сокылъ зазьяў, сабака завыў.—„Ты, лаша-

диныя сѣмя, чаво зарзаў?“—А ты, истрябиныя перья, чаво зазьяў?—А ты, песься мяса, чаво завыў?—Я никога ни баюся,—баюся толька аднаго Ивана Кабылиныва сына,—ды яво суда ворынъ касти ни занясеть.“—Кабылинъ сынъ вышіў и гаворить: —„Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить.“—А када ты тутъ, дуй поля!—„Нѣтъ, Чуда-Юда, дуй ты.“—Чуда-Юда дунуў: вымыстіў мостъ на двинадцыть верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. Кабылинъ сынъ дунуў—вымастіў сяребриный мостъ на двинадцать верстъ, а па бакамъ сяребриныя вѣтычки. Стали яны ваювать: Иванъ Кабылинъ сынъ Чуди-Юди атрубіў три галавы и бросіў у ряку. Пришоў дамой и легъ спать. На другей день аставили Гарыню гатувать абѣдъ, а сами пашли на ахоту. Гарыня сгатуваў абѣдъ, легъ на лаўку и заиграў у дудычки. Прилитаить Баба-Ига:—„Ти пёкъ кашу, ти варіў блины?“—Пёкъ кашу, варіў блины, ды ни табѣ ѣсь.—Ина яго схватила, падъ лаўку падлажила, каминимъ навaратила, блины и кашу наѣла и сама палятѣла. Вылизъ Гарыня изъ-падъ камня, налажіў дроў; толька што затапіў печку, приходють яны съ ахоты:—„Эй, братъ, ня скора жа ты пуварачиваисьтя!“—Ахъ, братцы, паниздаровилысь мнѣ.—„Ну ета случаитца.“ Гуляли яны да вечира,—нужна ужу Гарыни идить на старожу. Пашоў іонъ на старожу, легъ и заснуў. Иванъ Кабылинъ сынъ знаў, што будить,—пашоў на старожу самъ. У самую полнычъ ѣдить Чуда-Юда на шасти галавахъ. Конь яго зарзаў, сокылъ зазьяў, сабака завыў.—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаво зарзаў?—А ты, песься мяса, чаво завыў?—А ты, истрябиныя перья, чаво зазьяў?—Я у етымъ царстви никога ни баюся, а толька баюся аднаго Ивана Кабылина сына, ды яво суда ворынъ касти ни занясеть.“—Выходить Кабылинъ сынъ:—„Ахъ, ты, Чуда-Юда! Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый молыдицъ заходить!“—Ну, када ты тутъ, выхади!—Дуй сичасъ поля!—„Нѣтъ, дуй ты.“—Чуда-Юда дунуў и вымастіў сяребриный мостъ на двинацыть верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. Иванъ Кабылинъ сынъ дунуў и вымастіў сяребриный мостъ на двинадцыть верстъ, а пу бакамъ сяребриныя вѣтычки. Стали яны битца. Кабылинъ сынъ атрубіў Чуди-Юди шесть галоў и бросіў у ряку, а самъ пашоў дамой. Утрымъ аставили сгатувать абѣдъ Дубину, а сами пашли на ахоту. Дубина сгатуваў абѣдъ, легъ на лаўку и заиграў у дудычку. Лятить

Баба-Ига:—„Ти пёкъ кашу, ти варіў блины?“—Пёкъ кашу, варіў блины, да ни табѣ ѣсь.—Ина яво схватила, падъ лаўку падлажила, камнимъ наваратила; сама ина сѣла, блины и кашу паѣла и улятѣла. Вылизъ Дубина изъ-падъ лаўки, наклаў дроў. а яны ужу пришли съ ахоты:—„Эге, братъ, што такъ ня скора пувурачиваисьтя?“—Ахъ, братцы,· паниздаровилысь!—А призиатца ня хочить, што сдѣлала Баба-Ига. Гуляли яны да вечира.—Нада Дубини атпраўлятца на старожу· Дубина пашоў и заснуў на старожи. А Иванъ Кабылинъ сынъ знаить, што случитца: пашоў и сѣў самъ на старожу. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Конь яво зарзаў, сокылъ зазьяў, сабака завыў.—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаго зарзаў?—А ты, истрябиныя перья, чаво зазьяў?—А ты, песься мяса, чаво завыў?—Я никога ни баюся ў етымъ царстви,—баюсь толька Ивана Кабылина сына, ды яго суда ворынъ касти ни занясеть!“—Вышіў Иванъ Кабылинъ сынъ:—„Ня ворынъ кости заносить, а самъ добрый молыдицъ заходить.“—Ну, када ты тутъ, то выхади!—Дуй сичасъ поля!—„Нѣтъ, Чуда, дуй упяредъ ты!“—Чуда-Юда дунуў и вымастіў сяребриный мостъ на 12 верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. А Иванъ Кабылинъ сынъ дунуў, вымастіў сяребриный мостъ на 12 верстъ, а па бакамъ сяребриныя вѣтычки. Стали яны битца. Кабылинъ сынъ атрубіў Чуди-Юди девить галоў и убросіў у ряку, а самъ пашоў дамой. Вутрнимъ пашли уси на ахоту, а Иванъ Кабылинъ сынъ астаўся гатувать абѣдъ. Пригатуваў абѣдъ, легъ на лавычку и зайграў у дудачки. Прилитаить Баба-Ига:—„Ти пёкъ кашу, ти варіў блины?“—Пёкъ кашу, варіў блины, ды ни табѣ ѣсь!—Ана хатѣла лѣзть у печку, а іонъ яе схватіў, біў, біў, біў, біў, ажну ина и кричать пиристала. Тады іонъ яе узяў и закинуў. Пришли яны съ ахоты, пабѣдыли. Гуляли яны да вечира,—пара ужу идить Кабылиныму сыну на старожу, іонъ гаворить на етыхъ рибятъ:—„Ну, рибяты, вы сянни ня спитя,—вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя; вотъ вамъ залатая чарка: када будить у ей кроў, то ка мнѣ на падмогу паспишайтя!“—Пашоў іонъ на старожу и сѣў. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ 12-ти галавахъ. Конь яво зарзаў, сокылъ зазьяў, сабака завыў.—„Ты, лашадиныя сѣмя, чаво зарзаў?—А ты, истрябиныя перья, чаво зазьяў?—А ты, песься мяса, чаго завыў?—Я у етымъ царстви никога ни баюся,—

толька баюся адняво Ивана Кабылина сына,—ды яво суда ворынъ касти ни занясеть.“ Выходить Кабылинъ сынъ:—„Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый малыдицъ заходить.“— Ну, када ты тутъ, выхади, дуй поля!—„Нѣтъ, дуй ты!“— Чуда-Юда дунуў и вымастіў сяребриный мостъ на 12 верстъ, а вѣтычикъ ни паставіў. Кабылинъ сынъ дунуў, вымастіў мостъ на 12 верстъ, а па бакамъ маста сяребриныя и залатыя вѣтычки. Стали битца. Чуда-Юда ўбіў Ивана Кабылина сына па калѣни ў землю, а Кабылинъ сынъ яму атрубіў три галавы. Гаворить Кабылинъ сынъ:—„Ахъ, Чуда-Юда! Цари и каралм ваюютца, и то роздыхъ мѣють, а мы съ табою ни памѣнимъ!“— Ну, атдыхай!—А багатыри тэя сядѣли, сядѣли—и заснули. Вотъ выбраўся Кабылинъ сынъ изъ зямли, сняў съ лѣвый наги сапогъ, ударіў у тую избушку и сняў съ яе крышу, а багатырей ни разбудіў. Стали яны ипять битца: Чуда-Юда Кабылиныва сына па поисъ у землю убіў, а іонъ яму ящо три галавы сняў и гаворить:—„Ахъ, Чуда-Юда! Кошка мышку валочить, и то роздыхъ даеть, а мы съ табою ни памѣнимъ!“— Ну, атдыхай!—Вотъ Иванъ Кабылинъ сынъ сняў съ лѣвый руки пирчатку, ударіў у избушку и сняў столь у избушки, а багатыри усё спять. Стали яны ипять битца: Чуда-Юда Кабылина сына убіў у землю пу пахи, а Кабылинъ сынъ яму атрубіў ящо три галавы: - „Ахъ, Чуда-Юда!—Давай роздыхъ имѣть!“—Ну атдыхай!—Кабылинъ сынъ выбраўся изъ зямли, сняў съ правый наги сапогъ и бросіў у хатку: па вокны сняў. Усхочили багатыри: у чарки ужу крыви поўна! Схватили яны свае струменты и пабѣгли къ Ивану Кабылину сыну, а іонъ ужу дабіў Чуду-Юду.—„Ну, братцы, нямнога вы апаздали.“— Ну, ужу прасти!—„Ну, рибяты, вазьмити-ка утраёмъ ета тулувища, ды укиньтя у ряку!“—Яны брали, брали: ни патрогали зъ мѣста.—„Ну, видна, ета ни пу васъ!—А вазьмити-ка вы утраёмъ голывы, укиньтя у ряку.“—Яны утраёмъ и галавы ни патронули съ мѣста, а Кабылинъ сынъ аднэю рукою усё паўкидаў у ряку.—„Ну, рибяты, таперь пайдемъ искать Бабу-Ягў!“—Пашли яны къ кузняцу и приказали яму скувать залѣзную цѣпъ у 12 верстъ длинны. Узяли яны ету цѣпь, пришли къ дирки, а по етый дирки можна було прабратца на тотъ свѣтъ. Кабылинъ сынъ гаворить:—„Ну, рибяты, вы мяне спуститя па етый дирьки на тотъ свѣтъ, а сами аставайтись

тутъ; када я за ету цѣпь диргану, то вы мяне тягнитя на верьхъ.“—Яны яго спустили, іонъ стаў на дно и пашоў. Падходить іонъ къ зялѣзныму горыду, видить: сядить красивыя дѣвушка и ткеть кросны: как махнеть чилнакомъ, такъ и выскачить салдатъ съ тисакомъ. Іонъ гаворить:—„Красавица, здрастуй!“—Здрастуй, Кабылинъ сынъ! Куда идешъ?—„Иду я искать Бабу-Ягу!“—Ну, харашо! вотъ табѣ зялѣзная яйцо: куды яно пакотитца, туды и иди. Узяў іонъ зялѣзныя яйцо и и бросіў: яно пакатилысь, а іонъ услѣдъ пашоў. Падходить іонъ къ сяребриныму горыду,—видить: сядить дѣвушка и ткѐть кросны.—„Здрастуй, красавица!“—Здрастуй! Куды идешъ?—„Иду я искать Бабу-Ягу!“—Ну иди. Вотъ табѣ сяребриныя яйцо: куды яно будить катитца, туда и иди. Кабылинъ сынъ публагадаріў и пашоў. куды пакатилысь яйцо. Прикатилысь яно къ залатому горыду. Видить іонъ: сядить дѣвушка и ткѐть кросны: махнеть чилнакомъ,—дыкъ и выскачить салдатъ съ тисакомъ. Падходить іонъ къ ей и гаворить:—„Здрастуй, красавица!“—Здрастуй, Иванъ Кабылинъ сынъ. Куды идешъ?—„Иду я Бабу-Ягу искать.“—Ну, харашо, я табѣ пумагу: вотъ табѣ залатоя яйцо: куды пакотитца, туды и иди. Увидишъ ты Бабу-Ягу на Сіяньскей гарѣ; ана будить спать крѣпкимъ сномъ, абапылъ яе будутъ стыять двѣ бочки вина; ты падыйди и выпій вина, каторыя будуть стыять пу правую руку: ано удвая табѣ силы дасть; а па лѣвую руку вино—атымаеть силу. Выпіўши вина, ты Бабу-Ягу убьешъ.“—Публыгыдаріў яе Иванъ Кабылинъ сынъ за савѣтъ и пашоў услѣдъ за яйцомъ. Приходить іонъ на Сіяньскую гару, а на той гарѣ спить Баба-Ига, абапылъ стыять двѣ бочки вина. Іонъ ихъ узяў и пирикатіў: съ правый руки на лѣвую, а съ лѣвый руки на правую. Упаредъ іонъ выпіў вина съ правый руки и стау сильнѣй удвая прежнига. Прашнулась Баба-Яга:—„Ага, пупаўся у мае руки!“—Выпила ана вина съ правый руки и у яе силы удвая паменшила. Стали яны битца: Кабылинъ сынъ яе сичасъ жа убіў. Сняў у яе съ галавы чапецъ, надѣў на галаву и пашоў назадъ. Приходить у залатэй горыдъ, дѣвушка гаворить:—„Спасиба, Иванъ Кабылинъ сынъ! Таперь и я пайду за табою. Вывиди мяне на бѣлый свѣтъ: я тябе атблагадарю!“—Узяў іонъ дѣвушку изъ залатова горыду, изъ сяребринывa, изъ зялѣзныва и пашоў къ тѳму мѣсту, идѣ висѣла цѣпь. Привизаў іонъ

упяредъ адну дѣвушку, яе вытинули, патомъ другую и третію и наканецъ самь сѣў. Тольки іонъ да палаваны ужу быў видинъ,—завидили багатыри ету шапку Бабы-Яги, думали што ета лѣзить ина сама: узяли и бросили тянуть. Иванъ Кабылинъ сынъ ипять астаўся на томъ свѣти. Пашоў іонъ брадить, искать выхиду. Видить іонъ: стаить дерива, а ў тыхъ деривы сядить птица. Іонъ прицѣліўся, штоба птицу убить; ана гаворить:—„Ахъ, Кабылинъ сынъ! ня бей мяне: што табѣ нада?“—А вынеси мяне на бѣлый свѣтъ!—„Ну, я вынису табе, но тольки ты пасали 12 чаноў мяса!“—Кабылинъ сынъ насаліў 12 чаноў мяса, птица гаворить:—„Ну, ты ета мяса ка мнѣ падвяжи и самъ садись. Када я разину ротъ, то ты кидаі мнѣ кусокъ мяса.“—Иванъ падвязаў ета мяса, сѣў и палятѣў. Многа-ли, мала-ли лятѣў іонъ, тольки пирикидаў іонъ усё мяса,—ничаво ни асталысь. Разинула ротъ птица; іонъ атрѣзаў лѣвыю нагу сваю и бросіў у ротъ птицы. Прилятѣли яны на бѣлый свѣтъ; птица гаворить:—„Ахъ, Иванъ, ни було мяса ўкуснѣй паслѣднива куска,—идѣ ты яво узяў?“—Иванъ признаўся. Птица кашлянула и выкинула нагу яго, присадила яму, и нага сраслась. Пашоў Иванъ Кабылинъ сынъ, куды глазы глидять. А багатыри тэя ужу захотѣли жанитца и ѣхали ужу винчатца на тыхъ дѣвушкахъ. Пришоў іонъ у тотъ гарыдъ, идѣ яны хатѣли винчатца. Увидали яво дѣвушки, катерыхъ іонъ збавіў, закричали:—„Во іонъ, нашъ избавитиль!..“ Пиривинчаўся на ихъ Кабылинъ сынъ и стаў жить, пиживать, да добро наживать.

№ 7.

Абъ Ваньки Ширамышки, сучкинымъ сыни, абъ яго братьтихъ: поварывымъ и царскымъ сыни, абъ трехъ малайцахъ—воласъ у воласъ, голасъ у голасъ; пабѣда ихъ надъ разбойникымъ Салаўемъ и яго семействамъ.

У нѣкатарымъ царстви, въ нѣкаторамъ государстви, а и иминна ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жіў сабѣ царь и ни имѣў іонъ сабѣ дятей. Штобъ жонка дятей радила, іонъ нахадіў сабѣ дядоў: дяды дидами, а ликары ликарствами,—и ничаво эта дѣла ни бяреть. Ну, нашоўся такей чилавѣкъ съ

прастанародьдя:—Ну, свѣтъ вяликій гусударь! Я магу сдѣлать, штоба ваша царица радила: пажалуйтя мнѣ невадъ у двѣсти саженей и народу, скольки я стребую. — И паѣхали яны на ряку, затянули яны рыбы бальшую силу, пирибрали ету рыбу, а рыбы па ихъ нѣту.—„Ну,“ гаворить: — „гаспада, пускайтя ету рыбу у ряку, а сами пайдемъ у трахтиръ пить и гулять!“— На другой день атправились сваимъ парядкымъ на ряку; затянули рыбы меній тэй тони; пирибрали ету рыбу,—нѣту па ихъ рыбы.—„Ну, гаспада рибяты, пускайтя и ету рыбу у ряку!“... На третьтіи сутки атпраўляютца ипять на ряку, затянули рыбы тольна три щуки. — „Ну, гаспада рибяты, ступайтя ўси па сваимъ мистамъ, а я панясу ету рыбу на царскую кухню!“... Падаеть іонъ повару и гаворить:—„Ну, сматри, поваръ: чисти ету рыбу и гатуй,—тольки ни давай никому кушать!“ — Ну, поваръ ету рыбу пачистіў и вымаў; ети памыйки у лаханку выліў, а бывшая при царскій кухни сучка памыйки етыя пахлибала. Патомъ това поваръ пакушаў ету рыбу, солина ли, али нѣтъ. Ну, патомъ падаеть іонъ зміиный каралеўни ету рыбу. Упяредъ хлябнула сучка етыхъ памый, стала щенна. Ну, якъ поваръ пакушаў етый рыбы, солина ли ана, сталъ и поваръ абреминъ. Якъ дасталась зміиный каралеўни посли усихъ кушать, стала и зміиная каралеўна абреминна. Приходить тоя ўремя: пара сукѣ щанитца; щанила сука мальчика. Дакладають царю:—„Вотъ, свѣтъ вяликій гасударь, што прикажитя дѣлать? Щанила ваша сучка мальчика;—што съ имъ дѣлать: ти саблюдать, или стратить?“—Гасударь сказаў:—Хуть іонъ атъ сучки щаніўся, да христіянскый крови — прибирягитя! — Ну, таперь падходить тоя ўремя: пара повару радить; радіў поваръ тожа мальчика. Ну, дакладывають гусударю: — „Ну, свѣтъ вяликій гусударь! Радіў поваръ мальчика.“ Царь приказаў яго абмыть, абхолить, и ’тдать на васпитання. Патомъ таго дакладають гусударю:—„Радила ваша жана мальчика“.—Патомъ гасударь гаворить:—„Якъ будимъ етыхъ мальчикыў хряститъ? повараваго и царицынага можна и священнику хряститъ,—ну а сучкинага ніўвазможна.“ — Далажили ў синотъ: — „Што будимъ дѣлать съ сучкинымъ сынымъ?“—Синатъ атказаў:—„Дадимъ яму имя Ванька-Ширамышкинъ, Мядвѣжжа ушка, Сучкинъ сынъ.“ — Патомъ повараваму сыну палажили имя „Алешка,“ а царскыму

наслѣднику имя „Петръ,“ и дали имъ мамыкъ. Якъ яны, еты мальчики, узялись рость ни гадами, а часами, ни часами, а минутами, — вырасли яны у годъ, што растеть чилавѣкъ 30 лѣтъ. Ну толька Ванька-Ширамышка, Мядвѣжжа вушка, Сучкинъ сынъ быў пабыстрѣя ўсихъ! Толькя яны дайшли да саврашенналѣтій, пашли яны на гуляння. Ванька-Ширамышка, Мядвѣжжа вушка, Сучкинъ сынъ гаворить сваимъ братьтямъ: — „Што вы, братьтя, знаитя?“ — А што, Ванька-Ширамыжка? — Мы ничаво ни знаимъ. — „Штожъ мы будимъ жить на бяломъ свѣти такъ, што мы никада ня будимъ знать никога, и насъ нихто ня будить вѣдать? Намъ нада у чужэя земли праизжать, усякихъ людей увидать и сваю красату паказать. — Ну, какъ па закону, то вамъ нужна у батикъ благаславенія прасить.“ — Царь имъ гаворить: — „Ну, дѣти мае, Богъ васъ благаславіў. и я васъ благаслаўляю! И спрашіить Ванька-Ширамыжка: — „Ну, што вамъ батюшка сказаў? — Такъ и такъ. — Ну, хуть ты царскій сынъ, да младшій за мяне (гаворить Ванька-Ширамыжка): на табѣ иголачку и булавучку и ступай у кузню, — скажи кавалю, штоба сдѣлаў намъ пупирашку двинадцыть пудоў и штобъ у такихъ-то часахъ принесъ яе у запавѣдныя сада!.. Стаў еты каваль думать думу: — якъ зъ етыга матиріалу сдѣлать еткую штуку: балдаву 12 пудоў — са иголки и съ булаўки? — Узяў іонъ уваратіў у бумагу иголку и булаўку и утарнуў у щель, а патомъ начаў іонъ работать съ свайго матирьялу: съ самаго мягкага зялѣза сдѣлаў балдаву 12-ти-пудовую; прикинуў на вѣсъ — выходить аккуратъ двинадцыть пудоў; приносить яе у запавѣдныя сада. Ванька-Ширамыжка стаў пробувать булаву: ету булаву пустіў у гору. Гуляли яны, можа, часъ али два, и спускаитца ета булава ўнизъ, толька падхватіў Ванька-Шарамыжка яе сваею рукою, и разсыпалась ета булава на мелкія части. Такъ іонъ и гаворить на каваля: — „Ну, братъ, спадманіў ты мяне: здѣлай жа таперь булаву зъ майго зялѣза!.“ Каваль апять абабраў свайго самага мягкага зялѣза сдѣлать булаву у 12 пудоў; атпраўляитца зъ етыю булавою у запавѣдныя сада, атдаеть булаву Ваньки-Ширамыжки: — „Ну, што, Ванька-Ширамыжка, булаву сдѣлаў!.“ Якъ падбросіў булаву Ванька-Ширамыжка, ина гуляла часы три, апускаитца ина ў низъ: Ванька апускаить свае правыя калѣна, ловить булаву, — разсыпалась булава на мелкія части. — Ну, каваль, ни

'бманывать таперь: если ня сдѣлаишъ булавы изъ тѣга, што я табѣ даў, то табѣ тапоръ да плаха, да красная рубаха!—Ну, ступай: штоба сдѣлана была булава зъ майго матирьяла!." Приходить каваль у кузницу, бяреть іонъ етытъ матирьялъ у сваe руки, и заплакаў горькими слизами, и гаворить:—„Ну, што, сколька ни плачъ, сколька ни гарюй, а Масква слизамъ ня вѣрить!." Узяў іонъ етый матирьялъ, уклаў у клещи. Въ клещахъ иголычка и ня видна: нада зялѣва падбаўлять. Вотъ іонъ ущаміў иголычку у клещи и кладеть у горинъ; іонъ дуить, а иголычка растеть; стаў кувать, а йна растеть. Прикинуў на вѣсъ, вышла булава двинадцыть пудоў; іонъ стаў Богу малитца: — „Слава Табѣ, Божа: ни аставіў мяне Гасподь страдничивать па бѣламу свѣту!."

Іонъ ету булаву панесъ Ваньки-Ширамыжки у запавѣдныя поля.

Ванька-Ширамышка якъ запустіў ету булаву ни на многа, ни на мала—на цѣльныя сутки. Приходють яны у тую пору, якъ пускали прежда булаву, стали на тоя мѣста, аткуль пускали: лятить ета булава изъ гары усе дно, якъ быстрая стрила. Падставіў Ванька сваю лысину, булава ударилась, и Ванька атвалiўся: — „Ну, каваль, благадарю тябе за тваю службу и дарю тябе бальшимъ жалаванниимъ".—(По совѣту Ивана-Широмыжки, братья его испрашиваютъ у отца благословенія отправиться въ путь; потомъ всѣ вмѣстѣ ѣдутъ „людей пасматрѣть и себя паказать".) Пріизжають яны у чужея земли, у чужоя царства. Стала братьтямъ Ширамышкивымъ скушна, стала и грусна, и гаворють яны:—„Братъ Ваня-Ширамышка, пуваротимся мы дамой!.. Што намъ нада болiй?!.. Ужъ мы пувидали худога и харошига".—А іонъ имъ гаворить:—„Ну, братьтя, силью нихто никаво ни смагеть дирҗать: ступайтя сабѣ дамой, но толька будитя вы мнѣ пакланяхи".—Яны яму атвичають:— „Ну, братъ Ванюша-Сучкинъ сынъ, пакланяхи вамъ мы будимъ, дакъ и пакланяхи: мы ужу нужды-горя многа притярпѣли".— „Ну", гаворить:—„братцы, я вамъ ни таварышъ: братцы, пращайтя"!.. Іонъ и атпраўляитца, Ванька Ширамышка. Уизжаить іонъ у чужоя царства, у чужоя пакалѣння, у тридивятыя государства, къ нѣкаму каралю. У етыга караля была крѣпасть и застава, — нильзя тамъ ни прайдить, ни праѣхать, толька стаить тамъ дубъ; на томъ дуби сядить Салавей разбойникъ;

у двинадцыти вирстахъ убиваў іонъ сваимъ голысымъ чилавѣка. Тольна замѣтіў, што, вѣрна, воинъ въ ихныя царства убираитца, іонъ якъ свиснуў сваимъ буйнымъ голысымъ, такъ што ни магла вынисть лошадь Ваньки-Ширамыжки: пада на калѣни. Толька іонъ усхватіўся сваимъ скорымъ поспахымъ: пустіў іонъ на дубъ сваю стрялу булаву, іонъ яго тамъ и збіў—скалатіў и зъ зямлею змясіў, а самъ паѣхаў у горадъ. Уизжаить іонъ тольки у етый горадъ, тольки яму нильзя ни прайдить, ни праѣхать за народымъ. Вотъ іонъ хадіў, можа, день, можа, два; ну толька нашоў у другомъ мѣсти, напримѣръ, сказать, у аўраги старика.—„Здрастуй, старичокъ!.. А што ета, старичокъ, у вашимъ горыди случилась?"—А я самъ ни знаю, што случилысь, толька слышаў здрыженія зямли, а ни магу сказать, зъ якимъ царемъ, зъ якимъ каралёмъ, зъ якимъ багатырелъ. ета дѣла падѣлалась.—„Ну, вотъ я табѣ скажу, съ кимъ ета дѣла падѣлалась—Ванькыю-Ширамышкаю, Мядвѣжжимъ вушкымъ, Сучкинымъ сынымъ".—Ну, во, братъ, старичокъ: даю я табѣ сваё рукаписання, штоба ты у етымъ горыди быў гарадничимъ, а я паѣду на пущу спасатца: можа я винныхъ и нивинныхъ душъ пагубіў. — Ну, ежили съ такога-та и такога чарства будуть табѣ письмы слатца, атписывай на абароти, што Ванька-Ширамыжка у тридивятыя царства атправіўся у пущу на страдъ Божій".—Страдничиваў іонъ, можа, годъ али два, толька унадились пубядитили у батюшкина царства: приходить яго атцу и съ браттими худа. Батька и гаворить:— „Што, мае дѣти, што будимъ дѣлать?"—Яны яму и 'тказываютъ:—„А што, батюшка, мы ничаво ни магимъ придумать: нашъ ища розумъ маладэй".—Ну, вотъ, дѣти, якъ ба намъ майго сына, а вашига брата разыйскать, Ваньку-Ширамыжку?— Стали яны письмы пасылать па разныхъ гарадахъ. Пришоў имъ атвѣтъ изъ тога горада, што у тридивятымъ царстви:—„Вашъ сынъ у тридивятымъ царстви спасаитца, ну толька іонъ часъ атъ часу, минута атъ минуты думаить на воздухахъ идить: стаў іонъ у святыхъ и ни паступаить у кравалитію":—Атсылаить старикъ у яго царства письмо. Атецъ читаить и слезна плачить:—„Вы, дѣти маи, паѣдимъ у тридивятыя царства!"— Пріизжають яны у тридивятыя царства, къ етыму гарадничиму.—Бяруть яны сваихъ папоў—патріярхыў, бяруть святыхъ, атпраўляютца яны на пущу; служуть яны малебны. Стали яны

малить, стали яны упрашивать Ваньку-Ширамыжку: — „Эхъ, братицъ нашъ, Ванька-Ширамыжка, ни пупусти ты насъ у вабиду“!.. Іонъ и рячить:—„Братьтя мае, братьтя, я вамъ гаваріў и рячіў, што будитя вы мяне прасить, и умалять, и упрашивать, а тяперь я часъ атъ часу, минута атъ минуты думаю па воздуху идить, а мнѣ нада идить у кравалитія.“— Іонъ варужаитца съ сваей кельни; кланяются яму братьтя низкими паклонами; стали яны милуватца, стали яны цалуватца: гаворить яму атецъ: — „Ну, Ваня-Ширамыжка, я на ета ни вубражаў, што вы на бѣлымъ свѣти находитися... Стала у нашимъ царстви ни ладна: наваліўся бальшей пубядитиль,—пубиждаить усе наша царства, и атпраўляитца у сваё царства“... Вотъ Ванька-Ширамыжка абмыўся, абхоліўся, сдѣлаўся харошимъ молайцымъ, якъ ба и быў упредъ; патомъ и гаворить:— „Ну, батюшка, дай мнѣ народу, сколька мнѣ нада“... И выбраў іонъ сабѣ трехъ чилавѣкъ голасъ у голасъ, волась у воласъ и ростъ какъ адинъ; сидлаить іонъ трехъ лышадей, и паѣхали яны сами у чужоя царства, у чужоя гасударства, къ таму пубядитилю. Абхватываить ихъ темная ночь. Видють яны горадъ малъ, а дворъ вяликъ. Ванька и гаворить: — „Ну, што жъ намъ тутъ начувать? Паѣдимь мы луччи къ дому: тутъ воды низнакомыя, а травы ниядомыя: — мы вады напьемся, памремъ, а лошади травы наядутца—акалѣють“.—Пріизжають яны къ дому: вароты чугунныя, завалъ зялѣзный, у четвирть талщины, а четвирть шарины, а замокъ у пудъ вѣсу. Ванька и гаворить на меньшига брата:—„Ну, братъ, твой рядъ вароты атчинять!..“ Разагнаўся іонъ на сваей добрый лошади и ударіў іонъ абъ заборъ каблукомъ, вароты дайжа и ни здриганулися. Ванька гаворить:—„Эхъ братъ, плахой іось ты мнѣ таварыщъ“!.. А іонъ на сваей добрый лошади якъ разагнаўся, якъ ударіў сваёю нагою: и завалъ палумаўся, и замокъ атваліўся, и вароты аттварились. Во и гаворить Ванька:—„Во, якъ ба ты атчинялъ“!.. Узъизжають яны на дворъ, привязывають сваихъ лашадей къ камяги: авесъ насыпанъ, и вада налита, и сѣна заложина; уходють яны у комнату: сталы засланы и вужинъ пастаўлинъ: баня вытаплина, и вѣники спарины, и бяльлё паложина. Памылись яны у бани, бяльлё пиримянили, пришли, сѣли вужинать. Ванька и гаворить на меньшига брата:—„Ну, братъ, твой чаредъ идить падъ калинывый мостъ

на старожу"!.. Ды гаворить:—„На табѣ малаточикъ: услышашъ, якъ дарога застогнить, лошадь заржеть, и кабель забрешить, и салавей засвищить,—тады бяги ка мнѣ и ударь мяне: я прашнусь". — Іонъ заняў дарогу скорымъ поспихымъ. Скора дарога застагнала, лошадь зарзала, кабель забрихаў, и сылавей засвистаў: акаянный духъ ѣдить. Спрашіить у свайго каня:—„Што ты, песься мяса, ни надѣистя давязти мяне?"— А лошадь атказываить:—„Я ни надѣюсь давязти тябе на сябѣ, патаму што нираўняга намъ іость."—Нѣтъ, конь, нираўняги намъ у свѣти нѣтъ,—тольки іось мнѣ нираўняга Ванька-Ширамыжка; — ну, тэй, часъ атъ часу, минута атъ минуты, думаить па воздуху идить, у святыхъ стать; ну, іонъ воўси у кравалитія ни пайдеть. — Ну, лошадь и пашла на калинывый мостъ. А маньшой братъ ужу збѣгаў къ Ваньки-Ширамыжки и ударіў яго малаткомъ у лобъ; Ванька прашнуўся и пубижаў на калинывый мостъ. Ванька крикнуў: — „Стой, никаянный духъ!—За што ты майго батюшку и маихъ братьтіў пубиждаишъ?..." А акаянный атвичаить:—„Ахъ, Ванька-Ширамыжка, я ни надѣўся на тябе, што ба ты паступіў у кравалитію."— Ну, што дѣлать? кроў за кроў сваю праливаю.—Во яны стали битца и рубитца, Ванька яго убіў и срубіў, атняў у яго и каня, и кабиля, и сакала, усё яго хазяйства. Атпраўляитца іонъ у етый домъ; пустіў каня къ сваимъ лашадямъ, уходить іонъ у комнату, лажитца атдыхать. Даеть Богъ бѣлый свѣтъ, устають, мыютца и Богу молютца. Ванька и спрашіить у таго малайца, што на каравули быў:—„А што, братъ, ти харашо табѣ було на каравули?" — А іонъ и гаворить: — „Ничаво, братъ! Скушна-то была, скушна, да горя сваё аттерпіў!—Ну, приди-ка, братъ, паближій!.." Іонъ узяў яго валаса, сабраў и сдѣлаў яму голыю голаву:—„Вотъ я тябе научу, якъ каравулъ садиржать!" — Папили яны, да пагуляли. Ванька-Ширамыжка гаворить:—„Ну, рибяты, видь мы ня ў гости сюды пріѣхали— нужна далій атпраўлятца!.." Ѣхали яны можа нядѣль десить, тольки видють яны горыдъ быдта малъ, а домъ вяликъ; Ванька и спрашіить:—„А што, братьтя, а идѣ будимъ начувать?"— А яны яму атказыють:—А заначумъ, братъ, здѣсь!"—А іонъ имъ гаворить:—„А, братьтя, ну якъ можна здѣсь начувать?— Инагда пайдеть нинастя: травы ниядомыя, воды нивнакомыя; лошади травы зьядуть—падохнуть, а мы вады напьёмся—па-

мремъ.—„И паѣхали яны къ етаму дому: вароты чугунныя, завалы зялѣзныя у двѣ четвирти талщины и у двѣ ширины, а замокъ два пуда вѣсу. Іонъ и гаворить на сяреднига брата:— „Ну, твой рядъ вароты аттварять!“—Іонъ разагнаўся на сваей добрый лошади и ударіў сваимъ каблукомъ: ну толька іонъ етага завала и ни патривожіў. Вотъ Ванька и гаворить:— „Плохи вы, мае таварыщи!..“ Разганяитца іонъ на сваей добрый лошади; якъ ударіў у вароты сваимъ каблукомъ: завалъ пириламіўся, замокъ атваліўся, вароты растварились:—„Ну, вотъ таперь, братцы, наѣдимъ на етый дворъ!..“ Сичасъ злизають яны са сваихъ добрыхъ лашадей, привязывають къ камяги: авесъ насыпанъ, вада налита и сѣна заложина. Уходють яны у комнату: сталы засланы, вужины нагатуваны и на столъ поданы и бяльлё паложнна. Памылись яны у бани, бяльлё пирииянили, сѣли и павужинали. Гаворить Ванька-Ширамыжка на другога малайца:—„Таперь, братъ, иди ты на старожу! На табѣ малатокъ: какъ толька дарога застогнить, лошадь заржеть, кабель забрешить, салавей засвищить, тада бяги ка мнѣ у домъ, бей мяне малаткомъ у лобъ: я прашнуся!“ — Іонъ атпраўляитца падъ калинывый мостъ. Толька заняў іонъ караулъ: вотъ скорымъ поспихымъ дарога застагнала, лошадь зарзала, кабель забрихаў и салавей засвистаў. Тады етый маладецъ пабѣгъ за Ванькый-Ширамыжкый. Никаянный духъ ѣдить и гаворить на каня:—„Што ты, пестя мяса, ни надѣистя мяне давезть?“ — Лошадь яму гаворить:—„Не, я ни надѣюсь давязти тябе: нираўняга намъ іость.“ —Іость у мяне нираўняга Ванька-Ширамыжка: ну, тэй часъ атъ часу, минута атъ минуты думаить идить па воздуху, у святыхъ стать! Іонъ у кравалитія ни паступить!..“ Унжжаить іонъ на калиныў мостъ. Толька іонъ узъѣхаў, а Ванька гаворить:—„Стой, акаянный!..“ Акаянный гаворить: — „Ей, Ванька-Ширамыжка, я и ў вумѣ етыга ни диржаў, штоба ты у кравалитію паступіў!..“ — Ну, кроў за кроў усигда праливаю!—Стали яны битца—рубитца. Ванька акаяннаго збіў и зрубіў, атабраў каня, и кабиля, и сакала. Атпраўляитца Ванька-Ширамыжка у домъ, каня, кабиля и сакала іонъ пустіў къ сваимъ лащадямъ, а самъ пашоў у комнату; лажитца атдыхать. Даеть Богъ бѣлый свѣтъ. Мыютца и Богу молютца; ну, стали яны пить да гулять. Ванька гаворить: — „Ну, рибяты, польна намъ пить да

гулять:—паѣдимъ далій, увидимъ болій!..“ Ѣхали яны мѣсицъ или нядѣль десить. Скора-то кажитца, да ня скора дѣитца: доўга ўремя праваждаитца.

Абхватаитъ ихъ темная ночь. Видютъ яны горадъ бидта малъ, да дворъ вяликъ. Ванька гаворить: — „А што, братцы, идѣ будимъ начувать: ти у тымъ доми, ай тутъ, на поли?“— Нѣтъ, братъ Ваня, заначуимъ мы здѣсь... А іонъ гаворить:— „Ахъ, братьтя, можня ли на поли начувать: пагода нинасная, трава ниядомая, вада низнакомая: лошади травы зьядуть— падохнуть, а мы вады напьёмся—памремъ.“ — Падъѣхали яны къ етыму дому: вароты чугунныя, завалы зялѣзныя, у три четвирти ширины, у три таўщины, замокъ три пуды вѣсымъ. Ванька гаворить: — „Ну, рибяты, таперь мой чередъ вароты атчинять!.“ И даетъ іонъ гонъ сваей добрый лошади, — якъ ударіў у вароты каблукомъ; ну, атбить-то іонъ ни атбіў вароты, а толька увагнулъ. Даў іонъ сярдитій гонъ сваей лошади, якъ ударіў іонъ сваею усей щирый праўдыю: завалъ пириламіўся, замокъ атваліўся, вароты растварились. Уизжаютъ яны на етый дворъ, пускаютъ лашадей къ камяги: вада налита, авесъ насыпанъ, сѣна накладина. Уходютъ яны у комнату: сталы засланы, вужинъ нагатуванъ и на столъ пастаўлинъ. Баня вытаплина, вѣники спарины, бяльлё паложина. У бани памылись, бяльлё пиримянили, павужинали.“—Ну, таперь, рибяты, я ня буду у спать, и вы ня будитя дримать; натя вамъ калоду картъ!.“ Паставіў имъ чайный стаканъ вады: — „Сматритя: у картычки гуляйтя и ў стаканъ паглидайтя, а я пайду падъ калинывый мостъ. Якъ у етый стаканъ капля крови капнить, тады спускайтя и коній, и кабялей, и сакалоў, и сами ка мнѣ, къ мосту!.“ Іонъ и пашоў падъ калинывый мостъ займать свой крѣпкій каравулъ. Скорымъ поспихымъ дарога застагнала, лошадь зарзала, кабель забрихаў, и салавей засвисталъ. Акаянный духъ ѣдить и гаворить:—„Што, пестя мяса, ни надѣистя мяне давязти?“—Нѣтъ, ни надѣюсь я давязти тябе, нираўняга іость!—„А мнѣ нираўняги у бѣлымъ свѣти нѣту, тольки іось мнѣ нираўняга Ванька-Ширамыжка; такъ тэй жа часъ атъ часу, минута атъ минуты думаитъ идить па воздуху и ў святыхъ стать, — тэй ни пайдетъ у кравалиття.“ Ну, лошадь и атпраўляитца на калиныў мостъ. Ванька и гаворить: — „Стой, никаянный духъ!.“ Акаянный и гаворить:—„Ей, Ванька-Ши-

рамыжка, я на ета ни вубражаў, што ты быў у святыхъ, уступишъ у кравалитію!“—Ну, кроў за кроў!.. За штожъ ты майго батюшку и браттіў пубиждаишъ?—Ну я тябе самаго пубяжду!.. Вотъ яны стали битца — рубитца. Убіў акаянный па калѣни Ваньку-Ширамыжку у грязь. Іонъ гаворить:— „Стой, акаянный духъ! Пара роздыхъ давать!.“ — Ну, гаворить: атдыхай сабѣ! Ну, атдыхай сколька, ни атдыхай, а я тябе жіўцомъ праглычу!.. Высвабадіўся Ванька зъ етый дрягвы, бяреть іонъ сваю пирщатку, пускаить іонъ яе у етый домъ, сбіў іонъ домъ па самаю крышу етый пирщаткый, патомъ и гаворить:— „Ну, акаянный духъ, давай ипять ваюватца!.“ Вотъ акаянный убіў Ваньку-Ширамыжку па поисъ у грязь. Іонъ кричить:— „Стой, акаянная сила: пара ящо роздухъ давать!.“ Выбіўся Ванька зъ етый дрягвы, сняў сваю шляпу и пускаить на етый домъ: па вакошки домъ схватіў. Ударила малайцоў пу патыльницы: малайцы ашнулися, вочинь ужаснулися, глянули у стаканъ: кроў ручомъ тякеть. Яны сичасъ атвязыють сваихъ добрыхъ лашадей, и кабялей, и сакалей, и сами на калиныў мостъ. Ну, стали яны битца да рубитца, збили и зрубили акаянную силу, и лошадь атабрали, и кабиля, и сакала. Тады атпраўляютца уси на етый дворъ, коній пустили къ камяги, а сами уходють у комнату: сталы засланы, и вужинъ нагатуванъ и на столъ пастаўлинъ. Баня вытаплина, вѣники спарины, и бяльлё паложина. У бани памылись, бяльлё пиримянили, сѣли и павужинали, Богу пумалились и лягли спать. Заснули на троя сутыкъ багатырскимъ сномъ. На третьтія сутки устали, памылись и Богу пумалились; Ванька-Ширамыжка гаворить: — „Ну, рибяты, во таперь можна па рюмычки выпить и закусить!.. Ну, рибяты, вы у картычки пайграйтя, а я пайду прагуляюсь!.“ Іонъ пашоў, находить на сякретный домъ, идѣ жила сямейства акаянный силы. Ну, тольки скинуўся Ванька мухыю, уползъ у ихъ палаты и выслўшіить ихъ разгаворы. Толька и гаворить мать нявѣсткымъ сваимъ: — „Якъ вы будитя таперь бизъ сваихъ мужоў? Пубядіў Ванька-Ширамыжка вашихъ мужоў.“—Малая нявѣстка гаворить:—„А вотъ што, матушка, я яго спакушу!“— Свякрова и пытаить у яе:—„Ну, якъ жа ты яго спакусишъ?“— А во якъ, матушка: накину жары нищисленыя,—захочитца имъ пить, душа ихъ будить вонъ съ тѣла лѣзть,—а я скинуся ли пути—дароги крыницыю ключавою, а у крыницы будить чара

залатая: вотъ яны, якъ станутъ пить, и сичасъ памруть.— А сяреднія дочъ гаворить:—„Ну, хуть ты ни спакусишь, дакъ я спакушу.“—Свякрова пытаить:—„Ну, якъ жа ты спакусишь?— А во какъ, матушка: захочуть яны ѣсть, а хлѣба будить имъ дастать негди, а я скинуся яблынню: залатоя яблыка и сяребрипая; якъ тольки яны паядуть яблыкъ, то сичасъ и памруть.— А большая нявѣстыка гаворить: — Ну, хуть вы ни спакусітя, дакъ я спакушу; нашлю усякую тварь,—нильзя имъ будить ни прайтить, ни праѣхать; накину я на ихъ сильную дримату,— нильзя будить имъ нигдѣ присѣсть; ну, я скинуся краватю тисавою и пяриныю пухавою: якъ са сну выбьютца, ляжуть на ету кравать,—тутъ ихъ и разарветь.“—Патомъ гаворить старуха, сама свякрова:—„Ну, мае нявѣстушки, када вы ихъ ни спакуситя, то я ихъ спакушу!.“ А яны спрашіють:—„Ну якъ жа ты, матушка, ихъ спакусишь?“—А во якъ! Выйдить у ихъ правизія, прiѣдуть яны къ тремъ дарогамъ на-кристъ: хто паѣдить лѣвыю дарогыю лашадямъ харчъ будить, а сами съ голыду падохнуть; а када правыю дарогыю паѣдуть, лошади пакалѣють; а хто среднію дарогыю паѣдить — агнемъ сажгу!— Ванька-Ширамыжка усе ета дѣла выслушаў, атправiўся на сваю хватеру:—„Ну, рибяты, пара намъ сабиратца!.. Да правизіи бяритя сутыкъ на двая!“—Атпраўляютца у путь, у дарогу. Здѣлалась пагода жаркая да таго, што на ихъ адежа смулить, ажну крававая смага на губахъ, душа изъ тѣла вонъ лѣзить, якъ ба найдить вадицы напитиа. Ванька-Ширамыжка гаворить:—Ну, рибяты, ни видаўши горя, ня ўвидимъ дабра!.“ Многа-мала праѣхали; ли пути-дароги стаить крыница ключавая, плаваить чара залатая. Яны и гаворють:—„Ну, Ваня, слава Вогу, саздаў Гасподь намъ хуть душу пумачить!“— Пагади, рибяты; ни зачарпнуўши, ня выпьишъ! Перва я выпью, а тады вы. — Злѣзъ са сваей добрый лошади, пирякстiў ету крыницу хрестъ-на-христъ, рубануў яе сваею вострую меччу: загримѣла на ихъ кроў ручаемъ. Ванька и гаворить: —„Ну, во пейтя, рибяты!.. А паѣдимъ далій, увидимъ болій!.“ Прiiзжають яны къ путю-дароги, а душа ихъ вонъ лѣзить: ѣсть сильна хочитца:—„Хуть ба якую виныградину Богъ саслаў!.“ А Ванька-Ширамыжка гаворить имъ:—„Эхъ, рибяты, када будимъ Богу угодны, ня будимъ галодны!.“ При пути—дарози стаить яблынь: яблынь залатая, а яблыки то сяребринныя.—

„Ну, Ваня, слава Богу, што іонъ саздаў намъ яблыню!.“ А іонъ имъ гаворить: — „Эй, рибяты, ни хвалитись: ни сащипнуўши, у карманъ ни клади! Перва сащипну я!..“ Падходить іонъ къ етый яблынки, пирякстіў ету яблынь хрестъ-на-христъ и рубануў сваею востраю меччу: палилася кроў ручаёмъ. Іонъ и гаворить: – „Вотъ то-та, рибяты: я вамъ сказываў, што ни сащипнуўши, у карманъ ни кладитя!.. Ну, паѣдимъ далій, увидимъ болій..“ Ѣдуть яны дарогыю, нильзя имъ ни прайдить, ни праѣхать за ўсякыю сквернастію: за вужами, за зміями; выбились яны сильна атъ свайго сна: — „Ахъ, братъ Ваня, хатитца намъ спать: душа изъ тѣла вонъ лѣзить..“—Ну, рибяты, када Гасподь дасть, усе будить. У скорымъ уреми, ли пути-дарози стаить кравать тисавая, ляжить пярина пухавая. Яны и гаворють: — „Ну, братъ Ваня, слава Богу!.“ А іонъ имъ гаворить: — „Пагади, рибяты: ни лажитяся, а упяредъ ляжу я!.“ Падходить іонъ ки кравати тисавэй, ки пярини пухавэй; пирихрястіў яе хрестъ-на-христъ, рубануў яе сваею вострую меччу,—загримѣла кроў руччомъ.—Іонъ и гаворить:— „Вотъ, рибяты, паляжитя таперь вы!.“ Ну, паѣдимъ далій, увидимъ болій!.“ Пріизжають къ тремъ дарогамъ съ пиряхрёсткымъ.—„Вотъ, рибяты, давайтя таперь раду радить! Якъ насъ три браты, такъ намъ 3 дароги: хто у права паѣдить, тэй сытъ будить, а лошади пакалѣють; хто у лѣва паѣдить, тэй самъ памреть, а лошади будуть сыты, а хто пряма паѣдить, акаянный духъ будить агнемъ жечь у двинадцати вирстахъ.“— Стали яны раду радить:—„Што, братъ Ваня, мы лашадинага корму ни магемъ патриблять, а лошади нашъ магуть упатриблять,—дакъ паѣдимъ мы правыю дарогыю: и сами будимъ сыты, и лошади будуть цѣлы,—а мы ужу притярпѣли многа и голаду, и холаду..“ Тада Ванька—Ширамыжка тольки крикнуў сваимъ братьтямъ:—„Пращайтя!“ —Паѣхаў іонъ сяреднимъ путёмъ— дарогыю. Тольки рячить яму яго добрая лошадь:—„Эй, Ванька, ни жалѣй мяне, а паганяй сильнѣй. За нами идеть акаянный духъ и жгеть.“ Добрая лошадь ходу придаеть. Прискачили яны къ кузницы; кузница на 7 верстъ акружныстію. Крикнуў іонъ сваимъ буйнымъ голысимъ:—„Эй, Кузьма-Димьянъ, атчини кузню!.“ Ускакыить іонъ у кузницу: — „Ну, Кузьма-Димьянъ, зачини кузницу!. Схарани мяне атъ акаянный силы, Кузьма-Димьянъ.“ Іонъ гаворить:—„Ну, какъ жа тябе атъ акаянный

силы спасти?“—Клади, гаворить, самыя первыя клещи ў горнъ!. Якъ прилятѣла ета никаянная сила къ кузни: — „Эй, Кузьма-Димьянъ, здѣсь Ванька-Ширамыжка?“ — А Кузьма-Димьянъ гаворить: — „Здѣся“.—Падай мнѣ яво: я яго жіўцомъ праглачу!— „Нѣтъ, никаянная сила, ни падамъ я яго табѣ.“—Атчаго жъ ты ня хочишь яго падать? — „Аттаво, што у мяне іось 12 мальчикыў учиникоў; яны атъ роду ни видали акаянный силы: якъ увидють, могуть памерть, а я за ихъ даўжонъ атвичать,— а ты магешъ за три разы маю кузницу прализнуть! (Кузница была три четвирти талщины). Я вѐлій табѣ яго на языкъ пасажу и падамъ, штоба наши глазы ни видали, а вуши ни слыхали.“—Акаянная сила зъ радасти скорымъ поспихымъ къ кузницы. Скорымъ поспихымъ якъ хватила, на четвирть паласу выгнула,—утарой разъ, на другую, а у третьтій разъ и языкъ на четвирть у кузню выгнула. Гаворить Кузьма-Димьянъ: — „Бяри-ка, Ваня, клещи изъ горна вонъ, да хватай акаянную силу за языкъ!.“ Гаворить Кузьма-Димьянъ: — „Ну-ка, рибяты, бяри сваe малаты!.“ Якъ начали яны ету валшебницу калатить: избили, скалатили и ў горни спалили, а попилъ етый на моря пустили; хто етага попилу нахватаўся, тэй на вѣкъ видьмакомъ застаўся. Гаворить Ванька-Ширамыжка: — „Ну, Кузьма-Димьянъ, благадарю тябе, што ты спасъ мяне атъ акаянныя силы!. Я за ета табѣ паслужу: што ты будишъ учиникамъ сваимъ давать на 12 чилавѣкъ, то мнѣ аднаму давать!“

Стукнить-ляпнить, идеть яго работа чиста и гладка, пайдуть яны съ Кузьмою пить да гулять.—Служіў іонъ яму годъ, усею сваею щирыю праўдыю. Благадарить яго Кузьма-Димьянъ: — „Благадарю тябе, Ваня, за тваю работу!—Ну, я табѣ за тваю работу сдѣлаю зялѣзную кабылу... Ну-ка, рибяты, падпаливай пасканную жменьку, а ты, Ваня, садися и паизжай!— Када ета жменька згарить, тады будимъ кабылу пиряковывать!“— Ванька-Ширамыжка тольки палъ-кузницы уѣхаў, жменька згарѣла.—„Ну, на-нава будимъ кувать кабылу. Ну, зялѣза падбаўляйтя и павышій падымайтя, да пубайчѣй прибивайтя!..“ Вотъ и запалили яны альляную жменьку. — „Када кузницу абъѣдишъ, жменька ни згарить,—хараша кабыла будить; а згарить—то дрянь.“—Ну, зялѣза прибавіўши, скували кабылу и запалили альляную жменьку; большую палавину кузни уѣхаў Ванька-Ширамыжка, а жменька и згарѣла. Ипять скували ка-

былу и запалили кужалёвачку: — „Ну, садись, Ванька-Ширамыжка: када кузню абъѣдишъ, а кужалёвачка сгарить, то кабыла будить дрянь; а ни згарить, то будить хараша.“ — Ванька сѣў на кабылу, кузницу кругомъ абъѣхаў, а кужалинки и третьтія часть ни згарѣла. — „Ну, Ванька, хараша кабыла!.. За тваю услугу, Ванька, здѣлаю я табѣ пупирашку у двинадцать пудоў...“ Стаў Ваня атдавать благадарнисть Кузьмѣ-Димьяну.—Атпраўляитца у свой путь-дарогу. Уѣхаў у лѣсъ, у пущу нисхадимую. Тольки на яго нищастя навалилысь бальшоя: нильзя яму ни прайдить, ни праѣхать: засыпаить яму глазы зялёнымъ листымъ. Гаворить Ванька: — „Госпади, твая воля! Ища якей-та урагъ на мяне наваливаитца!“ — Хватаить сляпой Листинъ за яго добрую лошадь: — „Ну, Ванька, я табѣ праходу ни дамъ!..“ — За што жъ ты мнѣ ни даси праходу? — „А во за што: на што ты маихъ сынаўёў пубядіў?“ — А за то пубядіў: на што яны майго батюшку пубядили? — „А за што ты маихъ нявѣстыкъ пубядіў?“ — А за то пубядіў: на што яны мяне хатѣли пагубить? — „За што жъ ты маю старуху сгубіў?“ — А то жъ ни чилавѣкъ, што живой у руки даетца! — „Ну, када даставишь маю старуху, то пущу; а ни даставишъ, то ни пущу!“ — А идѣ жъ я табѣ яе вазьму, када яе избили, скалатили, у горни спалили, а попилъ на моря пустили, — хто таго духу набраўся, тэй на вѣкъ видьмакомъ астаўся? — Таперь што знаишъ, то и твари нада мною, а старухи тваей я даставить табѣ ни магу. — „Ну, када захочишъ прайдить, ай праѣхать, то я табѣ скажу, што найдить, а ты найди“. — Идѣ жъ мнѣ найдить то, што ты мнѣ скажишъ? — „Іость у царя Дадона Дадонавича 12 дачарей; привяди мнѣ самую малую: тада я тябе пущу. — „Ванька атдаў яму у залогъ сваю зялѣзную кабылу и скорымъ поспихымъ пашоў у сваты къ Дадону Дадоныввичу. Стричаитца зъ имъ чилавѣкъ Абжора: — „Ванька-Ширамыжка, вазьми и мяне съ сабою: я тябѣ пригажусь!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Многа ли, мала яны прашли, устричаитца зъ ими чилавѣкъ Абпоикъ: — „Здрастуй, Ванька-Ширамыжка, пайду и я съ табою: бизъ мяне ни какога тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ сабѣ умѣсти. — Стричаитца зъ ими ахотникъ: — „Вазьмитя и мяне съ сабою: бизъ мяне ни якага тоўку ня будить!..“ — Ну, пайдемъ! — Пашли яны далій. Стаить стоўбъ; палощить изъ таго стоўба агонь, а

нѣхта кричить: — „Рятуйтя мяне, я замерзъ! Ванька-Ширамыжка, вазьми и мяне съ сабою: бизъ мяне ни якага тоўку ня будить!..“—Да пайдемъ сабѣ!.. И идеть къ Ваньки чилавѣкъ атъ стаўба. Ванька спрашіитъ:—„Ты што іось за чилавѣкъ?“ — А я іось марозъ.—Пришли яны къ Дадону Дадонавичу. Тарчать у яго на тычинкахъ чилавѣчискія галавы. Ванька и гаворить.—„Братцы, будить и намъ ета честь!..“ А марозъ яму атказыить: — „Нихай-ка іонъ сваю галаву сюда усторнить, а намъ што Богъ дасть.“ — Ванька гаворить:— „Здрастуй, Дадонъ Дадонывичъ!..“—Здрастуйтя, добрыя люди!.. Што жъ вы ка мнѣ ходитя?—„А што, Дадонъ Дадонывичъ? У сваты къ вашій дочки къ милый.“—Я добрыхъ людей даўно къ сабѣ ажидаю.—Примаить іонъ ихъ да чести, содить ихъ за тисовый столъ, даеть имъ па рюмки вотки и па кронки закуски:—„Вотъ, мае сваточки, я первый разъ усё такъ привѣчаю, а далій будить болій. Вотъ, мае сваточки, ни хатитя-ли вы зъ дароги у баню?“ — А ета ни худоя дѣла!— Гаворить марозъ:—„Што-то яны долга баню топють,—схажутка я, пагляжу.“—Приходить іонъ у баню, пасматрѝть: баня харошая; баньщикъ у кадки сядить, распаліў ету баню жарчѣй агня.—Іонъ думаить:—„Да, сватъ, харошую ты баню пригатовіў!..“ Пиривярнуўся, бздыкнуў у ету баню: баня ета и астыла, баньщика кукшинымъ съ кадки выпирли. Патомъ и гаворить Дадону Дадонывичу: — „А што, сватокъ, скора ли ваша баня будить гатова?“—Ахъ, сваточки, я празабыў!.. Сичасъ пасылаить свайго прислугу:—Ти скора будить гатова баня?..“ Прислуга сичасъ асматрѣў: баньщикъ застыў, и изъ кадки яго кукшинымъ выпирли. — „Вотъ, мае, вы, сваточки, наслаў я баньщика, а іонъ тамъ змерзъ.“ — Ну, содить іонъ ихъ за столъ, даеть имъ по двѣ рюмки водки и по двѣ кронки закуски.—„Ну, сваточки, ти ня хочитя вы атдыхнуть?“— Да, ета ни худоя дѣла.—Увяли ихъ атдыхать у сарай и заперли ихъ на завалъ. Сичасъ и приказаў іонъ етый сарай запалить. Марозъ гаворить: — „Ну, рибяты, лажитись пащитнѣй!..“ Іонъ бяретъ шкуратокъ изъ кармана и атягыить другъ друга. Закипѣў етый сарай. Якъ тольки звалитца на ихъ галаўня, засипить и пагаснить. Дадонъ Дадонавичъ и гаворить па сваихъ слугъ:—„Ступайтя, сабяритя у кучу ихъ кости!..“— Марозъ и гаворить:—„Во сватъ: и ў агни мѣста ни даеть!“—

Слуги сичасъ и абаратились зъ етыми ричами: — „Ну, што яны?“—А што? — Ругають, гаворють: и у агни намъ мѣста ни дасть.—Сичасъ сватъ абарачіитца и просить ихъ:—Сваточки-галубчики!.. вотъ сукины дѣти!.. Вотка вольная: напились, трубку закурили, у вугылъ уранили. Ни жалка то мнѣ сарая, а жалка добрыхъ людей. — „Да, сватъ, благадаримъ: пажалѣў ты насъ!..“ Сичасъ содить іонъ ихъ за тисовый столъ, даеть имъ по три рюмки водки и по три крошки закускі. — „Ну, вотъ, сваточки, я для добрыхъ людей даўно загатуваў: семъ валоў наварина, семъ валоў зажарина; семъ пячей хлѣба, семъ пячей пирагоў, семъ купъ вотки пригатувана и семъ купъ пива. Ну, вотъ, када вы усё ета папьетя, паядитя, тады я сваю дачку вамъ атдамъ.“ — Ну, сватокъ, што жъ дѣлать?—Нада папить, да пагулять!.. Ну, сѣли за тисовый столъ.—„Ну, сватокъ, ни наси-ка намъ стаканами, а наси намъ вушатами!..“ Закуску ня ношами носють, а вазами возють: Абжора вазьметь булку хлѣба, да атразу у ротъ — и зьѣсть; а Апоикъ атъ разу па цѣлыму вушату выпиваить.—„Ну, сватъ, выкачивай-ка бочки пива: пива живить кости.“—Папили яны, пагуляли.—„Ну, сваты мае любевныя, нихай вашъ жанихъ скинитца голубимъ, а мая нявѣста сарокию;—пущай яны литять на зяленый дубъ: ежили вашъ голубъ прилятить упярёдъ, то атдамъ сваю нявѣсту; а ежили мая сарока прилятить упяредъ, то ни атдамъ,—а будить вамъ то, што вы видали у маимъ доми.“ — Атправіўся стрялецъ къ етыму дубу. Прилятѣў голубъ, садитца на етый дубъ; прилятѣла сарока, садитца подли яго и зачичикала: голубъ ўснуў. Стрялецъ здѣлаў стрѣлъ; голубъ, услышаўши етытъ стрѣлъ, прашнуўся и шибка палятѣў. Прилятѣў голубъ у домъ; прилятѣла и сарока, стала чичикать. Голубъ гаворить:—„Досыть табѣ чичикать: счичикалася!..“—Ну, зятекъ мой любезный, принимай маю дачку...—„Благадаримъ тябе, Дадонъ Дадоныничъ, за хлѣбъ, за сыль, за угащенія...“ Атправились яны путемъ-дарогыю. Благадарить Ваньку марозъ за свадьбу:—„Папили, пагуляли и пубясѣдывали... Павымаразіў я яго уси рѣки, уси балоты у яго царстви...“—Благадарить ахотникъ:—„Вотъ паахотіўся: нѣскольки ўремя ня ўвидить и камаря у сваимъ царстви...“ Благадарить Ваньку Апоикъ:—„Папили, пагуляли и пубясѣдывали: нѣскалька ўремя вады ня ўвидить у сваимъ царстви...“ Благадарить Ваньку Абжора:—

„Благадарю, Ванька-Ширамыжка:—папили, пагуляли, пубяседывали; на нѣскальки уремя крошки хлѣба ня ўвидить у сваимъ царстви.“—Приходють яны къ сляпому Листину:—„На, сляпой Листинъ, ету красавицу: ни табѣ ею ўладѣть, а мнѣ, добраму молайцу!..“ Ина заплакала, якъ рика, горькими слизами.—Листинъ гаворить:—„Нѣтъ, я ае такъ ни вазьму: ты зъ ею грѣхъ мѣў!..“ Ну, какъ ня ѣла душа чиснаку, такъ ина и пахнуть ня будить. Выкапаў Листинъ яму, напаліў поўну вугалья: палощуть полы висока-висока. Гаворить Листинъ:— „Ну, када ты зъ ею гриха ня мѣў, то пиряйдешь; а када мѣў то пупадешь.“ — Бяреть Листинъ траву чирнабылинку и кладеть черизъ ету яму, черизъ агонь.—„Ну, када твая душа чиста, то пиряйдешь; а нячиста, то упадешь.“ Ванька сичасъ рухтаитца, идеть черизъ травинку. Зміиная каралеўна схватила яго 12-ти пудовую пупирашку и пирилажила черизъ яму. Ванька сичасъ шаркъ, пашоў и пиряйшоў черизъ ету яму. Зміиная каралеўна пупирашку сичасъ атхватила. Іонъ тады и гаворить:—„Гасподь мяне пирянесъ, нявинную душу!..“ Сляпэй Листинъ гаворить: — „Ну, бяри сваю кабылу!..“ Ванька-Ширамыжка и гаворить: — „Я сваей кабылы ни вазьму.“— Атъ чаго жъ?—„А ты зъ ею грѣхъ мѣў“. — Ета пустяки. — „Нѣтъ, ни пустяки“. — Ну, я пиряйду черизъ яму, якъ ты. — И кладеть сляпэй Листинъ травину чирнабылину, атпраўляитца чиризъ агонь. Тольки іонъ атправіўся, а зміиная каралеўна схватила 12-ти-пудовую пупирашку и давай бить пупирашкую сляпога Листина зверьху: тутъ ина яго и змясила умѣсти съ жарымъ. Тады и гаворить Ванька-Ширамыжка:—„Слава Богу, што я усихъ сваихъ пубядитиліў пубядіў!.. Ну, зміиная каралеўна, тапѳрь идемъ са мною у маё царства!..“ Пріизжаитъ іонъ у сваё чарства; тутъ яго сустрикають съ пупами, съ патріярхами, са ўсёю духавою музыкаю; сустрикають яго атецъ и братьтя; стали цалуватца, стали милуватца. Уходить іонъ у свае палаты: стали пить, стали гулять. Тады гаворють. — „Пайдёмъ, батюшка, лукавицы развязывать“. — Ну, сичасъ іонъ приходить къ лукавицамъ. Такъ нѣскалька лѣтъ билися цари и карали и ни магли тэя лукавицы развизать и палавину чарства узять. (А завизаў еты лукавицы Ванька-Ширамыжка: када еты лукывицы развяжить хто, таму яго сястру замужъ атдавать). Ванька гаворить:—

„Нѣтъ, гаспада, ня вы визали, — ня вы и развязывать будитя!..“ Ну, якъ самъ завизаў, самъ и развизаў, и палавину чарства яму атецъ сичасъ атписаў. — „Ну, тапер, батюшка, маю сястру, а сваю дачку за каго знаитя, за таго и атдавайтя!..“ Ну, сичасъ ня пива варить, ня мёдъ саладить, а свадьбу завадить. Свадьбу сыйграли и палавину чарства узяли; застаўся Ванька-Ширамыжка жить у сваёмъ чарстви, съ сваею змiинню каралеўнаю, дочирью Дадона Дадоныича. — Сказка уся, а рассказывать далій нильзя.

№ 8.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Абъ Ивани Гадимывичи, Алексѣи Гадимывичи, Стаўри Гадимывичи-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяници.

Лошать Ивана Гадимывича—Лататай. Чуда-Іуда Биззѣканный. Гадимъ Цимбалдавичъ. Ращей-лошать. Конюхъ Ивашка—сѣрая сирьмяжка—залатая пугувица. Гаравикъ. Баравикъ. Вусыня. Рика Малиныўка. Калиныў мостъ. Чуда-Юда абъ трехъ галавахъ. Чуда-Юда абъ шасти галавахъ. Чуда-Юда абъ двинацыти галавахъ. Чудинъ-Юдинъ домъ. Свякрова и нявѣстки Чуды-Юды. Ваўшебныи кравать, ябланя, калодись. Свякрова принимаить личиння (образъ) Змяи Шкурупеи. Прыглатила Гаравика, Варавика и Вусыню. Валакаламскій плухъ. Царь Локыть—барада зъ локыть, съ 70 валоў сумка. Старикъ съ мятлою зганяить зори да кучи, штоба святили. Рыбалоў. Два парни ляда полють—агонь у ихъ да нёби. Царь Ирадъ. Низгарimый чилавѣкъ. Алена пріўкрасная. Марья Варанаўна.

Въ нѣкатарамъ царстви, иминна ў нашимъ гусударстви, на роўнымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жiў царь Гадимъ, и було у яво три сына: первый сынъ Иванъ Гадимывичъ, другой сынъ Аляксѣй Гадимывичъ, третій сынъ Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница. Разгуливыли уси царевичи по саду, а атцу уздумалась правѣдать у сваёмъ царстви. Выходитъ іонъ на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысымъ: — „Иванъ Гадимывичъ!“ Иванъ Гадимывичъ къ палатушки падступаить, кармазынычку сымаить: — „Абъ чомъ, гасударь-ба-

тюшка, требуитя?—Сынъ мой милый, сынъ любимый, какъ-бы ў нашимъ царстви атвѣдать?—„Ета можна!“—Уходить Иванъ Гадимывичъ у пылаты, уходить, надиваить царскую адежу и падвязыить вострую кôпію. Идеть іонъ на ставы-канюшни выбирать па сябѣ лошадь. Выбраў іонъ лошадь Лататая. Иванъ Гадимывичъ са двара санжжаў, атцу зъ матирью честь атдаваў. Паѣзжаў іонъ за горы крутэя, за рѣки бальшея. А за гарами крутыми, за риками бальшими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; стаять тамъ кравати тисавэя, пярины пухавэя, адіялы шаўкавэя. Лататай бросіўся на траву, а Иванъ Гадимывичъ легъ на каравать и уснуў. Увидаў іонъ у ва снѣ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаў Чуда-Юда Биззàканный. Прашнуўся Иванъ Гадимывичъ и абрабѣў. Асидлаў іонъ свайво Латату, пріѣхаў дамой. Каня свайго паставіў на мѣста, копію и адежду царскую палажіў у чухавусъ, а самъ пашоў къ сваиму атцу съ пакланеніимъ:—„Атецъ мой, Гадимъ Цымбалдывичъ!—И ў полъ ни даѣхаў: ударила мяне ў потъ и бросила мяне ў марозъ!“—Ну, сынъ мой, Иванъ Гадимывичъ, я табѣ усё пращаю: ты ища никада нійдѣ не быў и людей ты ни видаў. Выходить царь Гадимъ на парадныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:—„Аляксѣй Гадимывичъ!“—Аляксѣй Гадимывичъ къ палатушки падступаить, кармазынычку снимаить:—„Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуитя?“—Сынъ мой, Аляксѣй Гадимывичъ, ти ня можна правѣдать, што ў нашимъ царстви?—„Усё, батюшка, мажнô?“—Пашоў іонъ у дварецъ, надѣў царскую адежу и падпаясаў залатую шпагу. Пашоў іонъ на ставы-канюшни и выбраў сабѣ лошадь Ращея. Алаксѣй Гадимывичъ съ палатушки выизжаў, свайму атцу честь атдаў и паѣхаў за горы крутэя, за рѣки бальшея. За гарами крутыми, за риками бальшими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; тамъ стаять каравати тисавэя, пярины пухавэя, адіялы шаўкавэя. Ращей бросіўся на траву, а Аляксѣй Гадимывичъ легъ на каравать и уснуў. Видить іонъ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаить на яво Чуда-Юда-Биззаканный и хочить яво паразить. Прабудіўся Аляксѣй Гадимывичъ атъ сну, абрабѣў, асидлаў свайго рысистаго Ращея и паѣхаў назадъ. Пріѣхаў дамой, паставіў свайго Ращея на мѣста, сбросіў сваю адежу паратную, цѣлыхъ три дни ни паказываўся на глазы атцу. Пришоў атецъ, а іонъ ляжить на каравати:—„Милый

мой Аляксѣй Гадимывичъ! Ни атвѣдаў ли ты майго царства?“— Нѣтъ, папинька, у полъ ни даѣхаў.—„Ну, ты людей ни видаў: табѣ я ета пращаю!“—Гуляли царевичи па саду. Выходить Гадимъ на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:—„Ставёръ Гадимывичъ!“—Ставёръ Гадимывичъ къ палатушки падступаить, кармазынычку сымаить: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуишъ?“—Сынъ мой, Ставёръ Гадимывичъ! Ти ня можна у царстви атвѣдать?—„Ахъ, батюшка!—Када мае братьтя ня атвѣдали, а я на гатови,—ну, ды папробую!“—Пашоў іонъ на ставы—канюшни выбирать па сябѣ лошадь; усихъ абайшоў: на каторую руку ни паложить, на калѣнки упадёть, а иная и саўсимь прападёть. Заплакаў іонъ; самъ сабѣ и думаить:—„Зайду къ конюху Ивашки-Сѣрый сирьмяжки-Залатэй пугувицы.“ — Приходить іонъ и гаворить:—„Здрастуй, Ивашка!“—Здрастуй, Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница, куда идётя?— „Я зайшоў къ тябѣ: ти нѣту у тябе лошади па мнѣ;—у тябе ихъ вяликый табунъ!“—Нѣтъ, милый, у мяне лошади па табѣ нѣту: вотъ, выбирай самъ!—Ставёръ Гадимывичъ стаў выбирать лошадь па сябѣ: на каторую руку накладеть—на калѣни упадеть, а иная и саўсѣмъ прападеть. Атыйшоў іонъ атъ Ивана—Ивашки ў чистыя поля. Нямнога атыйшоў, конюхъ Ивашка и кричить: — „Вярнись назадъ у свой атцоўскый домъ! Возли анбара стаить погрибъ, а ў погриби стаить лошадь твайво дѣдушки Цымбалды; ана ужу 30 лѣтъ ѣсть ярую пашаницу: вотъ тая лошадь будить табѣ годна!“—Пришоў Ставёръ Гадимывичъ къ таму погрибу и крикнуў багатырскымъ голысымъ. Тамъ лошадь и зарзала,—какъ зарзала, то шестира дварей и атбила, а 6 атбіў Ставёръ Гадимывичъ (ана стыяла за двинацатми дварьми). Выскычила съ погриба лошадь и узвилась на дыбы,—аттаво ана узвилася, што 30 лѣтъ свѣту ни видала: ўзапирти стыяла. Іонъ яе схватаў за пувада, какъ даріў пу христкахъ,—такѣ ана и стала, какъ убитая. Увайшоў іонъ у погрибъ, а тамъ лижала адежа багатырская. Іонъ надѣў панцырь и падвизаў мечъ-кладянецъ и узяў примѣты багатырскія: залатую чарку и калоду картъ. Сѣў іонъ на лошадь, ана ажну kряхнула,—крикнуў Ставёръ Гадимывичъ багатырскимъ голысымъ:—„Пращай, атецъ—мати!“—Какъ паѣхаў, только хвостъ балтануўся ў балакахъ. Іонъ ѣхаў, виселіўся и самъ съ сабою разсуждаў:—„Благадарю я Атца-Бога: хуть на свѣти пугуляю

нямнога!..“ Падъизжаить іонъ къ Балканскимъ гарамъ; горы еты ажъ за болыки заходють. Ходить на етыхъ гарахъ Гаравикъ зъ лупатыю: чирпанеть гару, такъ и ссунить яе далоў.— „Богъ помычъ, Гаравикъ!..“—Спасиба, Ставѳ̈ръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишъ?—„Ѣду свѣту пагля-дѣть и сябе паказать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тябе брать, када ты при доўжнысти?“—Ну, ета доўжнисть плахая!—„Ну, када такъ, то пайдемъ!“—Ставѳ̈ръ Гадимывичъ ѣдить на̀ лышиди, а Гаравикъ спраўляитца за имъ услѣдъ. Падходють яны къ дубамъ, Дубавикъ ходить, вырываитъ дубы и раскидываитъ ихъ.—„Богъ помычъ!“—Спасиба, Ставѳ̈ръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!—Куда ѣдишь, куды путь дяржишъ?—„Ѣду свѣту бѣлыва пасматрѣть и сябе паказать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тябе ўзять: видь ты при доўжнысти!“—А, ета доўжнысть плахая: дубы у кучу пазраслись, дыкъ я ихъ разсажію!—„Ну, када такъ, то паѣдимъ!“—Дубавикъ вырваў дубъ у 12 абхватыў, идеть, пупираитца и за ими услѣдъ спраўляитца. Падъизжаить Ставѳ̈ръ Гадимывичъ са сваими таварышими на ряку Донъ, сядить тамъ Ѳусыня: на 'дномъ вусу прудъ, а на другомъ—платина.— „Здрастуй, Ѳусыня! Пумагай Богъ!“—Спасиба, Ставѳ̈ръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь, куды путь дяржишъ?—„Ѣду свѣту паглядѣть и сябе паказать!„—Вазьми, братъ, и мяне!—„Ахъ, зачимъ жа тябе брать: ты при доўжнысти!“—Ну, вы циріизжайти-ка чиризъ мостъ, тада увидитя, што будить.—Яны пиряѣхали. Вотъ іонъ, какъ виртануў сваимъ вусымъ, то и платина, и мостъ далоў съ вусоў. Узяў іонъ съ сабою сѳ̈пиль у 70 пудоў. Стала ихъ четвира. Вотъ яны заѣхали у тридивятыя царства, у тридисятыя гусударства, на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ. Стыяла тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на баранних рожкахъ.—„Ну, рибяти, давайтя мы ў етый хатки атдыхнемъ сутыкъ двоя!“—Ета хатка сама топитца; питянне́, идянне́ само гатуитца. Сталы тамъ дубовыя, скатирсти шаўковыя. Гуляли яны да вечира, да дѣлать имъ нечига—нада идить на старожу. Ставѳ̈ръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, Гаравикъ, ты аставайся тутъ на часахъ, а я табѣ дамъ примѣты багатырскіи: чарку и калоду картъ; какъ будить чарка поўна крови, то спяши ка мнѣ на падмогу. Я пайду на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ?“ — Буду

старатца, Ставёръ Гадимывичъ; пубиряги Богъ и тябе.— Паѣхаў іонъ на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ. Сѣў падъ мостъ и дажидаитца, што будить. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда—Биззаканный, апаланяить силу бязвинную, абъ трехъ галавахъ. Іонъ толька на мостъ узъѣхаў, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, сакôлъ зацыгыў. Іонъ гаворить:— „Ты, лашадиныя мяса, чаго спатыкаистя? А ты, песья мяса, чаго брешишъ?—А ты, истрябиныя перья, чаго зацыгыў?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставёръ Гадимывичъ, ды яво суда ворынъ касти ни занясеть!“.. Ставёръ Гадимывичъ выскачіў съ-падъ маста и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый мôлыдицъ заходить!“— Бросились яны ўрозь на три вярсты, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставёръ Гадимывичъ зрубіў яму 3 галавы и бросіў яго ў ряку. Лошадь, собыля и сокыла узяў съ сабою. Пришоў къ хатки и гаворить: — „Гаравикъ, во табѣ каня, сабаля и сакалà!“—Пакорна благадаримъ! — Яны пить-гулять да вечира, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечира, — нада идить на старожу. Ставёръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, Дубавикъ, стой на часахъ, вотъ табѣ примѣты багатырскія: чарка и калода картъ: какъ чарка будить поўна крывй,—спяши тада ка мнѣ на падмогу!“—Слухаю, Ставёръ Гадимывичъ, буду стаять!—Паѣхаў Ставёръ Гадимывичъ на ряку Малиныўку, сѣў падъ Калиныў мостъ. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ 6 галавахъ. Конь яго на масту спатыкнуўся, сабôль забрихаў, сокылъ зацыгыў. — „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаистя? А ты, песья мяса, чаво брешишъ?— А ты, истрябиныя перья, чаго цыгыишъ? Няужли вы чуитя супратіўника? У мяне іость супратіўникъ Ставёръ Гадимывичъ, — ды яво суда ворынъ касти ни занясеть.“ — Ставёръ Гадимывичъ выскачіў и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, — самъ добрый молыдицъ заходить!“ — Бросились яны ўрозь, на 6 верстъ, а ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставёръ Гадимывичъ зрубіў яму 6 галовъ и бросіў ў ряку, а каня, собаля и сокыла превёў дамой и атдаў Дубавику. На третію ночъ становить іонъ на часы Вусыню и приказыить яму, када чарка будить набигать кроўю, штоба спяшіў іонъ къ яму на падмогу. Сѣў іонъ падъ Калиныў мостъ. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Толь-

ка іонъ узъѣхаў на мостъ, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, а сокылъ зацыгыў.—„Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаисьтя?—А ты, песься мяса, чаго брешишъ? А ты, истрябиныя перья, чаго цыгаишъ?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставѐръ Гадимывичъ,—ды ня ворнъ яго суда кость занясеть!“—Ставѐръ Гадимывичъ выскичіў и гаворить:—„Ня ворнъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить!“ — Бросились яны ўрозь на 9 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѐръ Гадимывичъ срубіў яму 9 галоў и бросіў ў ряку, а каня, собыля и сокыла узяў съ сабою и атдаў Вусыни. Гуляли яны день да вечира, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечира,—нада идить на караулъ. Ставѐръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, рибяты, сяння вы уои ня спитя! вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя, а вотъ вамъ чарка: када будить ана набигать кроўю, то спяшитя ка инѣ на падмогу.“—Пашоў іонъ на ряку Малиныўку, на Калинаў мостъ, залѣзъ падъ мостъ и слухаить. А ети багатыри: Гарыня, Дубавикъ, Вусыня, гуляли—гуляли у карты и гаворють:—„Зъ имъ никада ничога ни случалась!“—Узяли ды й заснули. У самую поўнычь ѣдить по Калинывымъ масту Чуда-Юда-Биззаканный абъ двынаццати гылывахъ. Узъѣхаў іонъ на мостъ, конь яго спатыкнуўся, собыль забрихаў, сокылъ зацыгыў.—„Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаисьтя?—А ты, песься мяса, чаго брешишъ?—А ты, истрябиныя перья, чаго цыгнишъ?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставѐръ Гадимывичъ,—ды яво суда ворынъ касти ни занясеть!“—Ставеръ Гадимывичъ выскачіў и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить!“—Разъѣхались яны ўрозь на 12 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Вотъ Чуда-Юда какъ ударіў Стаўра Гадимывича, такъ и убіў яво па калѣни у землю, а Ставѐръ Гадимывичъ сняў яму 3 галавы. И гаворить Ставѐръ Гадимывичъ:—„Ахъ, Чуда-Юда, дай инѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумянуть!“—Ну, пуминай!—Ставѐръ Гадимывичъ выбраўся, какъ ударіў, сняўши сапогъ, у крышу хатки,—такъ и сняў яе па столь, а ихъ ни разбудіў. Яны ипять разъѣхались урозь на 12 верстъ, а бросились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Какъ ударіў яво Чуда-Юда, то убіў яво па поясъ у землю, а Ставѐръ Гадимывичъ яму 6 галоў сняў.—„Ахъ, Чу-

да-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумянуть!"— Ну, атдыхай!—Вотъ Ставёръ Гадимывичъ выбраўся съ зями, сняў съ лѣвый наги сапогъ,—какъ ударіў имъ у хатку, то па вакны сняў. Зачапила тыхъ багатырей, ускбчили яны, пагли-дять: ужу поўна чарка крыви набѣгла. Яны пахватали свае струменты, бросились на Чуду-Юду и пурубили яво у куски, пурубили каня яво, собыля и сокыла и усё пубрасали ў ряку. Ставёръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, рибяты, було—празивали!—„Прасти, Ставёръ Гадимывичъ!—„Ну, садитись на конiй,—паѣдимъ!"—Многа ли, мала яны праѣхали,—іонъ имъ гаворить:—„Ну, рибяты, вы ѣдьтя тихымъ шагымъ, а я варачуся назадъ: я пазабыў примѣты багатырскія."—Аны яму гаворють:—„Напрасна ѣхать за багатырскую примѣтыю: даѣдимъ да горыда—купимъ."—Нѣтъ, рибяты, гатовая луччи!— Паѣхаў іонъ назадъ, а яны паѣхали далій тихимъ шагымъ. Ставёръ Гадимывичъ паѣхаў у тридивятыя царства, у тридисятыя гусударства, идѣ стыяў Чудинъ-Юдинъ домъ. Успрыгнуў іонъ на третій атажъ, на балхонъ, стаў падъ вакномъ и слухаить, што будуть гаварить жонки. Аны и гаворють. Свякрова и гаворить.—„Ну, мае, вы, нявѣстушки, нѣту ваших мужьеў, а маихъ сыноў: вѣрна, ихъ пабіў Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!" — Патомъ меншія нявѣстка гаворить:—„Я думаю во што сдѣлать: накину на ихъ дримату, забягу ўпаредъ и сдѣлаюсь чатырьми шатрами, а ў тыхъ шатрахъ чатыри кравати. Яны захочуть спать, лягуть на ети каравати, а ихъ и разарветь на мелкія части."—Сяреднія гаворить: — „Я на ихъ накину жароту; какъ яны захочуть пить, тада я забягу ўпаредъ, сдѣлаюсь калодись. Яны какъ напьютца, то ихъ и разарветь на мелкія куски·"—Большая нявѣстка гаворить:—„Я на ихъ накину голыдъ: какъ яны захочуть ѣсть, я забягу ўпаредъ и сдѣлаюсь яблыня: залатоя яблычка и сяребриныя. Яны какъ паидять ихъ, то ихъ разарветь на мелкія кусочки."—А свякрова гаворить:—„Ну, я ни пу вашиму: я каго даганю, таго и зъѣмъ!.." Ставёръ Гадимывичъ гаворить самъ сабѣ.—„Ну, ладна: паглядимъ!"— Паѣхаў іонъ даганять сваихъ таварышіў: у три часы дагнаў и гаворить:—„Ну, рибяты, хто у насъ будить старшій?"—А будь ты, Ставёръ Гадимывичъ!—„Ну, када я, то и слухайтя мяне у ваўсёмъ!"—Ѣхали яны, ѣхали, захатѣлысь имъ сильна

„Благадарю, Ванька-Ширамыжка:—папили, пагуляли, пубясѣдывали; на нѣскальки уремя крошки хлѣба ня ўвидить у сваимъ царстви.“—Приходють яны къ сляпому Листину:—„На, сляпой Листинъ, ету красавицу: ни табѣ ею ўладѣть, а мнѣ, добраму молайцу!..“ Ина заплакала, якъ рика, горькими слизами.—Листинъ гаворить:—„Нѣтъ, я яе такъ ни вазьму: ты зъ ею грѣхъ мѣў!..“ Ну, какъ ня ѣла душа чиснаку, такъ ина и пахнуть ня будить. Выкапаў Листинъ яму, напаліў поўну вугалья: палощуть полы висока-висока. Гаворить Листинъ:—„Ну, када ты зъ ею гриха ня мѣў, то пиряйдешь; а када мѣў то пупадешь.“—Бяреть Листинъ траву чирнабылинку и кладеть черизъ ету яму, черизъ агонь.—„Ну, када твая душа чиста, то пиряйдешь; а нячиста, то упадешь.“ Ванька сичасъ рухтаитца, идеть черизъ травинку. Зміиная каралеўна схватила яго 12-ти пудовую пупирашку и пирилажила черизъ яму. Ванька сичасъ шаркъ, пашоў и пиряйшоў черизъ ету яму. Зміиная каралеўна пупирашку сичасъ атхватила. Іонъ тады и гаворить:—„Гасподь мяне пирянесъ, нявинную душу!..“ Сляпэй Листинъ гаворить:—„Ну, бяри сваю кабылу!..“ Ванька-Ширамыжка и гаворить:—„Я сваей кабылы ни вазьму.“—Атъ чаго жъ?—„А ты зъ ею грѣхъ мѣў“.—Ета пустяки.—„Нѣтъ, ни пустяки“.—Ну, я пиряйду черизъ яму, якъ ты.—И кладеть сляпэй Листинъ травину чирнабылину, атпраўляитца чиризъ агонь. Тольки іонъ атправіўся, а зміиная каралеўна схватила 12-ти-пудовую пупирашку и давай бить пупирашкую сляпога Листина зверьху: тутъ ина яго и змясила умѣсти съ жарымъ. Тады и гаворить Ванька-Ширамыжка:—„Слава Богу, што я усихъ сваихъ пубядитиліў пубядіў!.. Ну, зміиная каралеўна, таперь идемъ са мною у маё царства!..“ Прінзжаить іонъ у саваё чарства; тутъ яго сустрикають съ пупами, съ патріярхами, са ўсёю духавою музыкаю; сустрикають яго атецъ и братьтя; стали цалуватца, стали милуватца. Уходить іонъ у свае палаты: стали пить, стали гулять. Тады гаворють.—„Пайдёмъ, батюшка, лукавицы развязывать“.—Ну, сичасъ іонъ приходить къ лукавицамъ. Такъ нѣскалька лѣтъ билися цари и карали и ни магли тэя лукавицы развизать и палавину чарства узять. (А завизаў еты лукавицы Ванька-Ширамыжка: када еты лукывицы развяжитъ хто, таму яго сястру замужъ атдавать). Ванька гаворить:—

„Нѣтъ, гаспада, ня вы визали,—ня вы и развязывать будитя!..“ Ну, якъ самъ завиваў, самъ и развиваў, и палавину чарства яму атецъ сичасъ атписаў.—„Ну, таперь, батюшка, маю сястру, а сваю дачку за каго знаитя, за таго и атдавайтя!..“ Ну, сичасъ ня пива варить, ня мёдъ саладить, а свадьбу завадить. Свадьбу сыйграли и палавину чарства узяли; застаўся Ванька-Ширамыжка жить у сваёмъ чарстви, съ сваею зміинню каралеўныю, дочирью Дадона Дадоныича.—Сказка уся, а разсказывать далій нильзя.

№ 8.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Абъ Ивани Гадимывичи, Алексѣи Гадимывичи, Стаўри Гадимывичи-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяници.

Лошать Ивана Гадимывича—Лататай. Чуда-Іуда Биззаканный. Гадимъ Цимбалдавичъ. Ращей-лошать. Конюхъ Ивашка—сѣрая сирьмяжка—залатая пугувица. Гаравикъ. Баравикъ. Вусыня. Рика Малиныўка. Калиныў мостъ. Чуда-Юда абъ трехъ галавахъ. Чуда-Юда абъ шасти галавахъ. Чуда-Юда абъ двинацыти галавахъ. Чудинъ-Юдинъ домъ. Свякрова и нявѣстки Чуды-Юды. Ваўшебныи кравать, ябланя, калодись. Свякрова примаить личиння (образъ) Зміи Шкурупеи. Прыглатила Гаравика, Баравика и Вусыню. Валакаламскій плухъ. Царь Кокыть—барада зъ локыть, съ 70 валоў сумка. Старикъ съ мятлою зганяить зори да кучи, штоба святили. Рыбалоў. Два парни лида полютъ—агонь у ихъ да нёби. Царь Ирадъ. Низгаримый чилавѣкъ. Алена пріўкрасная. Марья Вараноўна.

Въ нѣкатарамъ царстви, иминна ў нашимъ гусударстви, на роўнымъ мѣсти, какъ на баранѣ, жіў царь Гадимъ, и було у яво три сына: первый сынъ Иванъ Гадимывичъ, другой сынъ Аляксѣй Гадимывичъ, третій сынъ Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница. Разгуливыли уси царевичи по саду, а атцу уздумалась правѣдать у сваёмъ царстви. Выходить іонъ на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:—„Иванъ Гадимывичъ!“ Иванъ Гадимывичъ къ палатушки падступаить, кармазынычку сымаить:—„Абъ чомъ, гасударь-ба-

тюшка, требуитя?—Сынъ мой милый, сынъ любимый, какъ-ба ў нашимъ царстви атвѣдать?—„Ета можна!“—Уходить Иванъ Гадимывичъ у пылаты, уходить, надиваить царскую адежу и падвязыить вострую кбпію. Идеть іонъ на ставы-канюшни выбирать па сябѣ лошадь. Выбраў іонъ лошадь Лататая. Иванъ Гадимывичъ са двара саижжаў, атцу зъ матирью честь атдаваў. Паѣзжаў іонъ за горы крутэя, за рѣки бальшея. А за гарами крутыми, за риками бальшими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; стаять тамъ кравати тисавэя, пярины пухавэя, адіялы шаўкавэя. Лататай бросіўся на траву, а Иванъ Гадимывичъ легъ на каравать и уснуў. Увидаў іонъ у ва снѣ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаў Чуда-Юда Биззàканный. Прашнуўся Иванъ Гадимывичъ и абрабѣў. Асидлаў іонъ свайво Латату, пріѣхаў дамой. Каня свайго паставіў на мѣста, копію и адежду царскую палажіў у чухавусъ, а самъ пашоў къ сваиму атцу съ пакланеніимъ:—„Атецъ мой, Гадимъ Цымбалдывичъ!—И ў полъ ни даѣхаў: ударила мяне ў потъ и бросила мяне ў марозъ!“—Ну, сынъ мой, Иванъ Гадимывичъ, я табѣ усё пращаю: ты ища никада нійдѣ не быў и людей ты ни видаў. Выходить царь Гадимъ на парадныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысымъ:—„Аляксѣй Гадимывичъ!“—Аляксѣй Гадимывичъ къ палатушки падступаить, кармазынычку снимаить:—„Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуитя?“—Сынъ мой, Аляксѣй Гадимывичъ, ти ня можна правѣдать, што ў нашимъ царстви?—„Усё, батюшка, мажнó?“—Пашоў іонъ у дварецъ, надѣў царскую адежу и падпаясаў залатую шпагу. Пашоў іонъ на ставы-канюшни и выбраў сабѣ лошадь Ращея. Алаксѣй Гадимывичъ съ палатушки выизжаў, свайму атцу честь атдаў и паѣхаў за горы крутэя, за рѣки бальшея. За гарами крутыми, за риками бальшими, тамъ трава шаўковая, раса зямчужная; тамъ стаять каравати тисавэя, пярины пухавэя, адіялы шаўкавэя. Ращей бросіўся на траву, а Аляксѣй Гадимывичъ легъ на каравать и уснуў. Видить іонъ сонъ дикый и сонъ страшный: наизжаить на яво Чуда-Юда-Биззаканный и хочить яво паразить. Прабудіўся Аляксѣй Гадимывичъ атъ сну, абрабѣў, асидлаў свайго рысистаго Ращея и паѣхаў назадъ. Пріѣхаў дамой, паставіў свайго Ращея на мѣста, сбросіў сваю адежу паратную, цѣлыхъ три дни ни паказываўся на глазы атцу. Пришоў атецъ, а іонъ ляжить на каравати:—„Милый

мой Аляксѣй Гадимывичъ! Ни атвѣдаў ли ты майго царства?“— Нѣтъ, папинька, у полъ ни даѣхаў.—„Ну, ты людей ни видаў: табѣ я ета пращаю!“—Гуляли царевичи па саду. Выходить Гадимъ на паратныя сваё крыльцо и кричить громкымъ голысимъ:—„Ставёръ Гадимывичъ!“—Ставёръ Гадимывичъ къ палатушки падступаить, карназынычку сымаить: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуишъ?“—Сынъ мой, Ставёръ Гадимывичъ! Ти ня можна у царстви атвѣдать?—„Ахъ, батюшка!—Када мае братьтя ня атвѣдали, а я на гатови,—ну, ды папробую!“—Пашоў іонъ на ставы—канюшни выбирать па сябѣ лошадь; усихъ абайшоў: на каторую руку ни паложить, на калѣнки упадётъ, а иная и саўсимь прападётъ. Заплакаў іонъ; самъ сабѣ и думаить:—„Зайду къ конюху Ивашки-Сѣрый сирьмяжки-Залатэй пугувицы.“ — Приходить іонъ и гаворить:—„Здрастуй, Ивашка!“—Здрастуй, Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница, куда идётя?— „Я зайшоў къ тябѣ: ти нѣту у тябе лошади па мнѣ;—у тябе ихъ валикый табунъ!“—Нѣтъ, милый, у мяне лошади па табѣ нѣту: вотъ, выбирай самъ!—Ставёръ Гадимывичъ стаў выбирать лошадь па сябѣ: на каторую руку накладеть—на калѣни упадеть, а иная и саўсѣмъ прападеть. Атыйшоў іонъ атъ Ивана—Ивашки ў чистыя поля. Нямнога атыйшоў, конюхъ Ивашка и кричить: — „Вярнись назадъ у свой атцоўскый домъ! Возля анбара стаить погрибъ, а ў погриби стаить лошадь твайво дѣдушки Цымбалды; ана ужу 30 лѣтъ ѣсть ярую пашаницу: вотъ тая лошадь будить табѣ годна!“—Пришоў Ставёръ Гадимывичъ къ таму погрибу и крикнуў багатырскымъ голысимъ. Тамъ лошадь и зарзала,—какъ зарзала, то шестира дврей и атбила, а 6 атбіў Ставёръ Гадимывичъ (ана стыяла за двинацатми дварьми). Выскычила съ погриба лошадь и узвилась на дыбы,—аттаво ана узвилася, што 30 лѣтъ свѣту ни видала: ўзапирти стыяла. Іонъ яе схватаў за пувада, какъ даріў пу христкахъ,—такъ ана и стала, какъ убитая. Увайшоў іонъ у погрибъ, а тамъ лижала адежа багатырская. Іонъ надѣў панцырь и падвизаў мечъ-кладянецъ и узяў примѣты багатырскія: залатую чарку и калоду картъ. Сѣў іонъ на лошадь, ана ажну крякнула,—крикнуў Ставёръ Гадимывичъ багатырскимъ голысимъ: —„Пращай, атецъ—мати!“—Какъ паѣхаў, тольки хвостъ балтануўся ў балакахъ. Іонъ ѣхаў, виселіўся и самъ съ сабою разсуждаў:—„Благадарю я Атца-Бога: хуть на свѣти пугуляю

нямнога!..“ Падъизжанть іонъ къ Балканскимъ гарамъ; горы еты ажъ за больки заходють. Ходить на етыхъ гарахъ Гаравикъ зъ лупатыю: чирпанеть гару, такъ и ссунить яе далоў.— „Богъ помычъ, Гаравикъ!..“—Спасиба, Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишъ?—„Ѣду свѣту пагля-дѣть и сябе пафазать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тябе брать, када ты при доўжнысти?“—Ну, ета доўжнысть плахая!—„Ну, када такъ, то пайдемъ!“—Ставѣръ Гадимывичъ ѣдить на лышиди, а Гаравикъ спраўляитца за имъ услѣдъ. Падходють яны къ дубамъ, Дубавикъ ходить, вырываить дубы и раскидываить ихъ.—„Богъ помычъ!“—Спасиба, Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!—Куда ѣдишь, куды путь дяржишъ?—„Ѣду свѣту бѣлыва пасматрѣть и сябе пафазать!“—Вазьми и мяне съ сабою!—„Какъ жа тябе ўзять: видь ты при доўжнысти!“—А, ета доўжнысть плахая: дубы у кучу пазраслись, дыкъ я ихъ разсажію!—„Ну, када такъ, то паѣдимъ!“—Дубавикъ вырваў дубъ у 12 абхватыў, идеть, пупирантца и за ими услѣдъ спраўляитца. Падъизжанть Ставѣръ Гадимывичъ са сваими таварышими на ряку Донъ, сядить тамъ Вусыня: на 'дномъ вусу прудъ, а на другомъ—платина.— „Здрастуй, Вусыня! Пумагай Богъ!“—Спасиба, Ставѣръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куды ѣдишь, куды путь дяржишъ?—„Ѣду свѣту паглядѣть и сябе пафазать!„—Вазьми, братъ, и мяне!—„Ахъ, зачимъ жа тябе брать: ты при доўжнысти!“—Ну, вы пиріизжайти-ка чиризъ мостъ, тада увидитя, што будить.—Яны пиряѣхали. Вотъ іонъ, какъ виртануў сваимъ вусымъ, то и платина, и мостъ далоў съ вусоў. Узяў іонъ съ сабою сопиль у 70 пудоў. Стала ихъ четвира. Вотъ яны заѣхали у тридивятыя царства, у тридисятыя гусударства, на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ. Стыяла тамъ избушка на куриныхъ ножкахъ, на бараннихъ рожкахъ.—„Ну, рибяти, давайтя мы ў етый хатки атдыхнемъ сутыкъ двоя!“—Ета хатка сама топитца; питяннѐ, идяннѐ само гатуитца. Сталы тамъ дубовыя, скатирсти шаўковыя. Гуляли яны да вечира, да дѣлить имъ нечига—нада идить на старожу. Ставѣръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, Гаравикъ, ты аставайся тутъ на часахъ, а я табѣ дамъ примѣты багатырскіи: чарку и калоду картъ; какъ будить чарка поўна крови, то спяши ка мнѣ на падмогу. Я пайду на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ?“ — Буду

старатца, Ставѐръ Гадимывичъ; пубиряги Богъ и тябе.— Паѣхаў іонъ на ряку Малиныўку, на Калиныў мостъ. Сѣў падъ мостъ и дажидаитца, што будить. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда—Биззаканный, апаланяить силу бязвинную, абъ трехъ галавахъ. Іонъ толька на мостъ узъѣхаў, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, сакôлъ зацыгыў. Іонъ гаворить:— „Ты, лашадиныя мяса, чаго спатыкаистя? А ты, песья мяса. чаго брешишъ?—А ты, истрябиныя перья, чаго зацыгыў?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставѐръ Гадимывичъ, ды яво суда ворынъ касти ни занясеть!“.. Ставѐръ Гадимывичъ выскачіў съ-падъ маста и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить,—самъ добрый мôлыдицъ заходить!“— Бросились яны ўрозь на три вярсты, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѐръ Гадимывичъ зрубіў яму 3 галавы и бросіў яго ў ряку. Лошадь, собыля и сокыла узяў съ сабою. Пришоў къ хатки и гаворить: — „Гаравикъ, во табѣ каня, сабаля и сакалà!“—Пакорна благадаримъ! — Яны пить-гулять да вечира, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечира, — нада идить на старожу. Ставѐръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, Дубавикъ, стой на часахъ, вотъ табѣ примѣты багатырскія: чарка и калода картъ: какъ чарка будить поўна крывй,—спяши тада ка мнѣ на падмогу!“—Слухаю, Ставѐръ Гадимывичъ, буду стаять!—Паѣхаў Ставѐръ Гадимывичъ на ряку Малиныўку, сѣў падъ Калиныў мостъ. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ 6 галавахъ. Конь яго на масту спатыкнуўся, сабôль забрихаў, сокылъ зацыгыў. — „Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаистя? А ты, песья мяса, чаво брешишъ?— А ты, истрябиныя перья, чаго цыгыишъ? Няужли вы чуитя супратіўника? У мяне іость супратіўникъ Ставѐръ Гадимывичъ, — ды яво суда ворынъ касти ни занясеть.“ — Ставѐръ Гадимывичъ выскачіў и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, — самъ добрый молыдицъ заходить!“ — Бросились яны ўрозь, на 6 верстъ, а ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставѐръ Гадимывичъ зрубіў яму 6 галовъ и бросіў ў ряку, а каня, собаля и сокыла превѐў дамой и атдаў Дубавику. На третію ночъ становить іонъ на часы Вусыню и приказыить яму, када чарка будить набигать кроўю, штоба спяшіў іонъ къ яму на падмогу. Сѣў іонъ падъ Калиныў мостъ. У самую поўнычъ ѣдить Чуда-Юда абъ дивяти галавахъ. Толь-

ка іонъ узъѣхаў на мостъ, яво конь спатыкнуўся, собыль забрихаў, а сокылъ зацыгнуў.—„Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаисьтя?—А ты, песься мяса, чаго брешишъ? А ты, истрябиныя перья, чаго цыгаишъ?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставёръ Гадимывичъ,—ды ня ворынъ яго суда кость занясеть!“—Ставёръ Гадимывичъ выскнчіў и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить!“ — Бросились яны ўрозь на 9 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Ставёръ Гадимывичъ срубіў яму 9 галоў и бросіў ў ряку, а каня, собыля и сокыла узяў съ сабою и атдаў Вусыни. Гуляли яны день да вечира, да дѣлыть имъ нечива, даждались вечира,—нада идить на караулъ. Ставёръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, рибяты, сянни вы уси ня спитя! вотъ вамъ калода картъ, гуляйтя, а вотъ вамъ чарка: када будить ана набигать кроўю, то спяшитя ка мнѣ на падмогу.“—Пашоў іонъ на ряку Малиныўку, на Калинаў мостъ, залѣзъ падъ мостъ и слухаить. А ети багатыри: Гарыня, Дубавикъ, Вусыня, гуляли—гуляли у карты и гаворють:—„Зъ имъ никада ничога ни случалась!“—Узяли ды й заснули. У самую поўнычъ ѣдить по Калинывымъ масту Чуда-Юда-Биззаканный абъ двынаццати гылывахъ. Узъѣхаў іонъ на мостъ, конь яго спатыкнуўся, собыль забрихаў, сокылъ зацыгнуў.—„Ты, лашадиныя мяса, чаво спатыкаисьтя?—А ты, песься мяса. чаго брешишъ?—А ты, истрябиныя перья, чаго цыгнишъ?—Няўжли вы чуитя супратіўника?—У мяне іость супратіўникъ Ставёръ Гадимывичъ,—ды яво суда ворынъ касти ни занясеть!“—Ставеръ Гадимывичъ выскачіў и гаворить:—„Ня ворынъ кости заносить, самъ добрый молыдицъ заходить!“—Разъѣхались яны ўрозь на 12 верстъ, а сбились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Вотъ Чуда-Юда какъ ударіў Стаўра Гадимывича, такъ и убіў яво па калѣни у землю, а Ставёръ Гадимывичъ сняў яму 3 галавы. И гаворить Ставёръ Гадимывичъ:—„Ахъ, Чуда-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумянуть!“—Ну, пуминай!—Ставёръ Гадимывичъ выбраўся, какъ ударіў, сняўши сапогъ, у крышу хатки,—такъ і сняў яе па столь, а ихъ ни разбудіў. Яны ипять разъѣхались урозь на 12 верстъ, а бросились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Какъ ударіў яво Чуда-Юда, то убіў яво па поясъ у землю, а Ставёръ Гадимывичъ яму 6 галоў сняў.—„Ахъ, Чу-

да-Юда, дай мнѣ атдыхнуть, атца съ матирью пумянуть!“— Ну, атдыхай!—Вотъ Ставѐръ Гадимывичъ выбраўся съ земи, сняў съ лѣвый наги сапогъ,—какъ ударіў имъ у хатку, то пà вакны сняў. Зачапила тыхъ багатырей, ускóчили яны, паглидять: ужу поўна чарка крыви набѣгла. Яны пахватали свае струменты, бросились на Чуду-Юду и пурубили яво у куски, пурубили каня яво, собыля и сокыла и усё пубрасали ў ряку. Ставѐръ Гадимывичъ гаворить:—„Ну, рибяты, було—празивали!—„Прасти, Ставѐръ Гадимывичъ!—„Ну, садитись на конiй,—паѣдимъ!“—Многа ли, мала яны праѣхали,—iонъ имъ гаворить:—„Ну, рибяты, вы ѣдьтя тихымъ шагымъ, а я варачуся назадъ: я пазабыў примѣты багатырскiя.“—Аны яму гаворють:—„Напрасна ѣхать за багатырскую примѣтыю: даѣдимъ да горыда—купимъ.“—Нѣтъ, рибяты, гатовая луччи!— Паѣхаў iонъ назадъ, а яны паѣхали далiй тихимъ шагымъ. Ставѐръ Гадимывичъ паѣхаў у тридивятыя царства, у тридисятыя гусударства, идѣ стыяў Чудинъ-Юдинъ домъ. Успрыгнуў iонъ на третiй атажъ, на балхонъ, стаў падъ вакномъ и слухаитъ, што будуть гаварить жонки. Аны и гаворють. Свякрова и гаворить.—„Ну, мае, вы, нявѣстушки, нѣту вашихъ мужьеў, а маихъ сыноў: вѣрна, ихъ пабiў Ставѐръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница!“ — Патомъ меншiя нявѣстка гаворить:—„Я думаю во што сдѣлать: накину на ихъ дримату, забягу ўпаредъ и сдѣлаюсь чатырьми шатрами, а ў тыхъ шатрахъ чатыри кравати. Яны захочуть спать, лягуть на ети каравати, а ихъ и разарветь на мелкiя части.“—Сяреднiя гаворить: — „Я на ихъ накину жароту; какъ яны захочуть пить, тада я забягу ўпаредъ, сдѣлаюсь калодись. Яны какъ напьютца, то ихъ и разарветь на мелкiя куски“—Большая нявѣстка гаворить:—„Я на ихъ накину голыдъ: какъ яны захочуть ѣсть, я забягу ўпаредъ и сдѣлаюсь яблыня: залатоя яблычка и сяребриныя. Яны какъ паидять ихъ, то ихъ разарветь на мелкiя кусочки.“—А свякрова гаворить:—„Ну, я ни пу вашиму: я каго даганю, таго и зъѣмъ!..“ Ставѐръ Гадимывичъ гаворить самъ сабѣ.—„Ну, ладна: пагляднимъ!“— Паѣхаў iонъ даганять сваихъ таварышiў: у три часы дагнаў и гаворить:—„Ну, рибяты, хто у насъ будить старшiй?“—А будь ты, Ставѐръ Гадимывичъ!—„Ну, када я, то и слухайтя мяне у ваўсёмъ!“—Ѣхали яны, ѣхали, захатѣлысь имъ сильна

спать: ажну валютца зъ лашадей. Наѣхали яны на шатры, бросились яны кбній путать и хатѣли лажитца спать, а Ставѐръ Гадимывичъ гаворить: — „Ну, рибяты, падажжитя: упяредъ я сабѣ каравать 'блюбую!" — Яны падаждали. Іонъ выхватіў свой мечъ и давай рубить шатры и каравати: ни стала ни караватій, ничога, тольки кроў. Паѣхали яны далій. Сдѣлалась жарка, — захатѣлысь имъ пить. Увидили яны калодись, бросились туды. Ставѐръ Гадимывичъ гаворить: — „Стой, рибяты! упяредъ я напьюсь!" — Выхватіў іонъ свой мечъ и давай рубить калодись: нѣтъ нійдѣ ничога, тольки кроў. Паѣхали яны далій, захатѣлысь имъ дужа ѣсть. Видють яны: стаить яблынька, залатоя яблычка и сяребриныя. Яны бросились скарѣй на ету яблыню, а Ставѐръ Гадимывичъ гаворить: — „Стой, рибяты! упяредъ я!" — Вотъ іонъ выхватіў мечъ, какъ пбчаў рубить, — нѣтъ нійдѣ ничаво: тольки кроў. — „Ну, рибятушки, таперь хто увыйдеть, таво й Богъ упасеть!" — Паѣхали яны ва ўсю силу. Даганяить ихъ ета Змія-Шкурупея, схватила Дубувика и прыглатила и съ канемъ, и съ сабалѐмъ, и съ сакаломъ, и съ дубымъ. Патомъ прыглатила Гаравика и зъ лупатыю, и са ўсими яго струментами, и съ ахотыю. Пакуль ана справилась зъ ими, — аны на 1000 верстъ уѣхали. Даганяить ихъ Змія-Шкурупея, схватила Вусыню и праглытила и съ вусами, и са ўсею яво ахотыю. Ставѐръ Гадимывичъ у ету пору пріѣхаў къ зялѣзный кузни, тамъ куеть Кузьма-Димьянъ, — юнъ и гаворить на Кузьму-Димьяна: — „Святэй Кузьма-Димьянъ, избаў атъ нячистый силы!.." Кузьма-Димьянъ упустіў яво ў кузню и заперъ дверь. Прилятѣла Змія-Шкурупея на кузьню и гаворить: — „Кузьма-Димьянъ! Падай мнѣ етыга падлица, а то я тябе съѣмъ!" — Ну, пралижи атъ трехъ разъ стяну, — тады я табѣ яго пасажу на языкъ! — Ана какъ стала лизать, то прализала атъ трехъ разъ стяну, высунала языкъ да самый накавальни: — „Ну, садь яго!.." Кузьма-Димьянъ распекъ клещи абъ 12-ти пудоў, схватіў яе языкъ клищами, какъ узяў молытъ у 100 пудоў, какъ стаў жарить пу языку. Патомъ били, били и гаворють: — „Кархай нашига Вусыню!.." Ана карханула и выкархнула Вусыню живога са ўсею ахотыю. Какъ стали бить яе у траемъ: — „Кархай Дубувика!.." Ина яво выкархнула саўсимъ и съ дубымъ. Дубавикъ какъ стаў яе жарить дубымъ: „Кархай Гаравика!" — Ина выхаркала и Гаравика са ўсею ахотыю. Га-

равикъ яе біў лупатыю. Стаяў кала кузни Валакаламскый плугъ; яны узяли зялѣзныя ланцуги и запрягли яе у етытъ плугъ. Паѣхали яны на ей къ морю, узыдрали роў 12-ти аршинъ глубины и ширины. Падайшла ана къ морю, начала пить. Патуда пила, пакуда лопнула. Яны яе спалили на агни, а залу ету разсыпали па полю; зала тутъ жа атживилась и сдѣлалась машкарою. Атпускаў ихъ Кузьма-Димьянъ и приказываў:—„Будитя ѣхать дарогыю, будить кланитца лѣсъ зъ лѣсимъ, дарога съ дарогыю, трава съ травою.—глядитя: ня смѣйтися!“—Яны ѣхали, вйдили ета и ни засміялися; а двѣ цурычки съ-падъ пня бутурнулися, яны усмихнулися: аткуль узяўся царь Кокыть, барада зъ локыть, 70 аршинъ зялѣзная пуга, а съ 70-ти валоў у яво сумка. Іонъ ихъ абматаў зялѣзныю пугыю, усадіў ихъ у торбу, принесъ дамой и усадіў ихъ у астрогъ. Патомъ гаворить:—„Ну, Ставёръ Гадимывичъ, іость у тридесятымъ царстви, у тридисятымъ гусударстви царь Ирыдъ, у яво іость дочка Алёна Прикрасныя: када ни дастанишъ, то на вѣки атсюль ни пущу.“—Ну, атдай мнѣ маихъ таварышіў, тада я дастану!—„Ну, нѣтъ: я таварышій табѣ ни атдамъ.“—Ну, ладна: таварышіў я табѣ тута астаўлю, только ты ихъ тутъ ня мучъ.—Атправіўся іонъ у тридисятыя царства, у тридисятыя гусударства, къ царю Ирыду. И ѣдить іонъ па крутыхъ гарахъ, а па гарахъ ходить старикъ съ мятлою:—„Здрастуй, Ставёръ Гадимывичъ-Самъ-Малалѣтинъ-Пьяница! Куда ѣдишъ?“—Ѣду къ царю Ирыду за Алёныю Прикрасныю!—„Вазьми и мяне съ сабою!“—А какъ жа мнѣ брать тябе: ты при доўжнысти!—„А ета доўжнысть плахая: я сганяю зори у кучу, штоба яны святили!“—Ну, паѣдимъ!—Ѣхали яны кала рѣчки. Сядить тамъ рыбалоў. „Здрастуй, Ставёръ Гадимывичъ! куда ѣдишъ?“—Ѣду къ царю Ирыду за Алёныю Прикрасныю.—„Вазьми и мяне съ сабою!“—Паѣдимъ! Да какъ мы чиризъ рѣчку пиряѣдимъ: мóста нѣту?—„А пагадитя!..“ Рыбалоў нагнуўся, выпіў усю рѣчку; када яны пиряѣхали, іонъ яе ипять выпустіў. Ишли яны, ишли, видють: два парня палють ляда, у ихъ агонь да самый нёби.—Ставёръ Гадимывичъ! вазьми и насъ съ сабою!“—Нѣтъ, рибяты, вашъ агонь апасинъ: идѣ-нибудь вы ўсё царства выпалитя!—Тада адинъ паринь зайшоў съ аднэй стараны, а другей съ другей стараны: адинъ дунуў, другей плюнуў,—ни асталась ня ’днэй искырки:

и трубки дайжа нильзя закурить. Такъ сабралысь ихъ 5 чилавѣкъ. Приходють яны къ дварцу царя Ирыда. Домъ яго агромный, кругомъ двара аграда зялѣзныя, а на вярьху быў тынъ, на каждый тычинки па чилавѣчискый галавѣ, тольки на 5-ти тычинкахъ ни було галоў. Ставёръ Гадимывичъ абрабѣў и гаворить:—„Ну, рибяты, знать на етыхъ тычинкахъ будуть сядѣть наши голывы!"—Ахъ, Ставёръ Гадимывичъ, какой ты іось багатырь: сичасъ и арабѣў?!.. Богъ милысліў!.. Ты ни рабѣй, а иди пряма къ царю; када іонъ будить пытать, сколька васъ чилавѣкъ, то ты гавари, што пять. Іонъ будить гаварить:—„Я буду гатувать къ свадьби 500 быкоў,—ти паястё вы?"—А ты гавари:—„Пумиркуимся!"—Іонъ будить гаварить:—„Я буду гатувать къ свадьби 500 булыкъ хлѣба, 500 пирагоў, 500 бочикъ пива, ти паястё вы, ти пупьитё вы?"—А ты гавари:—Пумиркуимся!"—Пришоў Ставёръ Гадимывичъ у домъ: царь Ирыдъ абѣдаить, и абѣдають зъ имъ крысы, мыши, лягушки и ўсякая тварь. Ставёръ Гадимывичъ увидіў ету гагадысь, разсміяўся, а Ирыдъ ета приняў у капризъ:—„Што жъ ты пришоў мяне прасмихать?.."—Нѣтъ, ваша царскыя вяличиства, я пришоў у сваты!—„Ну, якъ станить дѣўка на парѣ,—ня ўдержишъ на дварѣ: пара атдавать. Сколька васъ усихъ чилавѣкъ, штоба знать, штд и сколька пригатовить?"—Насъ пять.—„Ну, я сгатую 500 быкоў жариныхъ, ти паястё вы?"—Пумиркуимся!—„Ну, я сгатую 500 пирагоў и 500 булыкъ хлѣба: ти паястё вы?"—Пумирькуимся!—„Ну, я наварю 500 бочикъ пива: ти пупьитё вы?"—Пумирькуимся!—„Ну, када такъ, то мае сваты. Атдаю Алену Прикрасную.—Я вамъ хачу вытапить баню, штоба съ дароги памытца!"—Ну што жъ, ета харашо!—У яво баня была зялѣзная, спаливали у ей 100 сажинъ дроў. Пасярёдъ бани стаяў зялѣзный чанъ, а у тотъ чанъ лѣзла 500 вушатыў вады. У етытъ чанъ были укладины зялѣзныя жезлы—парить ихъ. Быў у Ирыда низгаримый чилавѣкъ,—іонъ и тапіў баню. Вытапіў іонъ ету баню; яны и идуть туды. А къ бани нильзя за 100 сажинъ приступитца. Тада еты парни, каторыя палили ляды, зайшли съ двухъ старонъ: адинъ дунуў, а другей плюнуў,—у катлѣ вада гарячая замерзла на аршинъ и замарозила низгараимыму чилавѣку бораду. Пришли яны къ Ирыду и гаворють:—„Што жъ вы кала насъ смяетись: у халодную баню пасылаить мытца?!.. Ни па-

вѣріў царь Ирыдъ и пабѣгъ самъ у баню!—„Што жъ ты, низгарный чилавѣкъ, ня вѣрна сдѣлаў: я табѣ приказаў тапить жарка, а ты сваю борнду умарозіў?..“ Схватіў яго за бараду и атарваў съ санками яе. Приказаў іонъ сдѣлать пасяредъ двара столъ, идѣ имъ абѣдать. Упяредъ падали имъ 500 бочикъ водки. Рыбалоў какъ захватіў, такъ и пупавыпіў усю водку и ящо пупрасіў. Падали 500 пирагоў, 500 булыкъ хлѣба и 500 быкоў жариныхъ. Съѣли яны пу кусочку, а рыбалоў разинуў ротъ и гаворить:—„Ну, рибяты, кидай!“—Яны яму пирикидали усю закуску,—іонъ и ящо пупрасіў. Багатыри думали, што Ирыдъ скачить, а іонъ у харомахъ сядить и плачить. Патомъ рыбалоў гаворить:—„Братцы, стройтя ишахвотъ: я на дворъ хачу!“—Выстраили яму ишахвотъ на три ’ршина, узлѣзъ іонъ на верьхъ, напакастіў,—дыкъ 5 дней ачищали на лашадяхъ. Царь Ирыдъ усадіў Марью Вараноўну у залатой бярлинъ и гаворить—„Ну, вязитя: выйграли!..“ Пріѣхали яны къ тому мѣсту, идѣ два парни палили ляда; яны и гаворють:—„Ну, Ставёръ Гадимывичъ, благадаримъ, што насъ ты напаіў и накарміў!..“ Адинъ дунуў, другей плюнуў: ипять агонь да неби; стали аны ипять палить ляда. Падъѣхали яны къ ряки; стала ана плакать и дасадывать и пупрасила у ихъ пить. Аны падали ей вады у стакани; ана и гаворить:—„Нѣтъ, вы мяне пуститя: я сама съ ряки напьюся.“—Аны яе выпустили, скинулась ана рыбый-щукыю и пашла у ряку. Ставёръ Гадимывичъ абрабѣў, а рыбалоў выпіў усю ряку, нашоў рыбу-щуку и падаў Стаўру Гадимывичу:—„Спасиба, Ставёръ Гадимывичъ, што ты мяне напаіў и накарміў!“—Патомъ сѣў ипять ли ряки и сядить. Падъизжаить Ставёръ Гадимывичъ са старикомъ на горы Балканскія. Цареўна гаворить:—„Ахъ, пуститя мяне съ кареты: мнѣ тошна.“—Выпустили яе съ кареты, скинулась ана зорькыю и пубижала пô нибу. Тада старикъ схватіў сваю мятлу и паймаў яе. Падаеть яе Стаўру Гадимывичу.—„Спасиба, Ставёръ Гадимывичъ, што ты мяне накарміў и напаіў!“—Пасадіў яе у бярлинъ и гаворить:—„Ну, таперь ня бось: ана будить твая!“—Падъизжають яны къ царю Кокытю, ана и гаворить:—„Ну, Ставёръ Гадимывичъ, я буду твыя!“—Какъ выпустили яе съ бярлина, то царь Кокыть у яе атъ разу улюбіўся. А царь Кокыть вырыў яму 12 сажонъ ширины и 12 глубины. Пратянута была черизъ яе га-

рачая провылка, а у ями была вугальля гарячая. Ана атваратилась и сказала, штоба аны палажили чиривъ яму тясницу, штоба толька ни видаў царь Кокыть. Тады царь Кокыть и гаворить:—„Ну, Ставѐръ Гадимывичъ, ѣхыли вы съ цареўнию у дваемъ,—хто знаить, што у васъ було, а када ты праў, то пирибяги па етый провылыки тиризъ яму!..“ Патомъ атваратіўся и стаў гаварить съ цареўныю.—Еты багатыри пирякинули тиризъ яму тясницу, іонъ пирябѣгъ, а тясница згарѣла. Тада и кричить:—„Ну, царь Кокыть, гляди: я пирябѣгъ!“— Ды вижу, вижу!—„А ну-ка, царь Кокыть, можа и ты маихъ рибятъ мучіў: пирибяги-ка и ты!..“ Іонъ хатѣў пирябѣчъ, зваліўся у яму и сгарѣў. Ставѐръ Гадимывичъ забраў сваихъ рибятъ: Гаравика, Дубавика и Вусыню, узяў Алену Прикрасныю, паѣхаў назадъ. Вусыня астаўся ипять кала рѣчки, Дубавикъ стаў разсаживать дубы, а Гаравикъ стаў скапывать горы. Ставѐръ Гадимывичъ жаніўся на Алени Прекрасный и стаў царѐмъ.

От старика Василія Михайлова.

№ 9.

Якъ Иванъ-дуракъ паймаў у рѣпи лятучига старика. Иванъ-дуракъ съ кримсалымъ лятучига старика зачичаить каралеўства и женитца на каралеўни. Каралеўна са спулюбоўникымъ аткрали кримсала и загубили Ивана-дурака. Быкъ и баранъ атъ лятучига старика (тожа лятучіи) атжіўляють Ивана-дурака.

Жіў мужикъ, и была у яво три сына. Два сына была вумныхъ, а третій паглупѣй. Атецъ и гаворить на сына, каторый називаўся у ихъ паглупѣй:

Хоть ба ты, сынъ, схадіў, идѣ-нибудь грудокъ падабраў— мы бъ рѣпы пасѣяли малымъ рибатямъ, но и ты бъ инада бъ у случаи рѣпину съѣў ба!..“

— О, батюшка, бѐлазе вы мнѣ сказали!

Какъ саскачіў съ пячи далой босый и бизъ тапара, у лѣсъ и пабижаў. Прибижаў у лѣсъ, выбраў мѣста харошія на ляда, больши дисятины. Онъ быў чилавѣкъ сильна магучій: узяўся ляда ни рубить, а съ каренними тигать. Троя сутыкъ така

пражіў, у томъ ляди, и дамой ни хадіў. На чатвертыя сутки приходить дамой и гаворить на атца сваяво:

—„Паизжай, батюшка, у горыдъ, купи рѣпы цѣльный куль: будимъ мы сѣить съ табой!..“

Атецъ и гаворить на яво:

—„Перва жъ, нада выжить и падабрать яво; ва-втарыхъ, кулемъ рѣпаю цѣльную дисятину можна засѣить.“

Сынъ на атца атвичаить:

—„Ты схади—пасматри: диситина цѣльная ужъ гатова падъ пасѣвъ.“

Атецъ многа удивляўся и гаворить:

—„Звиди ты, сынъ, мине на то мѣста!“

Сынъ зъ атцомъ пашли на ляда. Приходить атецъ ў ляда, тольки руками хлопнуў и галавою пакатаў, и сказаў атецъ на сына:

—„Какъ жа ета Бохъ памохъ тибѣ?“

Патомъ и гаворить:

—„То правда, што куля рѣпы нада!“

Паѣхаў атецъ у горадъ, купіў куль рѣпы, привезъ дамой, пашли сѣить съ самымъ зъ ѐстьимъ сыныиъ. Атецъ узяўся сѣить, а сынъ ляжить и пригавариваў:

— „Расти рѣпа па каретныму калясу!..“

Пасѣили рѣпу и пришли дамой. Черезъ три, чатыри дня спустіўши, гаворить сынъ на атца:

—„Батюшка, нада-бъ схадить рѣпы пасматрѣть, ти ни тигаить ли яе хто!“

— Глупый ты, мой сынъ, ищѐ рѣпа нейди ни усхадила! Онъ, ящо прупустіўши черизъ недѣлю, гаворить на атца:

—„Батюшка, нада пасматрѣть рѣпу: я и у ва снѣ видіў, што хто-та таскаеть яе.“

Атецъ гаворить:

—„А вотъ пайду—пасматрю!“

Приходить атецъ къ рѣпи, гдѣ пасѣиныя—ужъ двѣ кучи тетивы патяганы бальшихъ. Приходить дамой и гаворить:

— „Сынъ мой, ужъ рѣпу хто—та кушаить: уже двѣ кучи титивы натяганы.“

Сынъ заплакаў, да и гаворить:

—„Вотъ, я тибе даўно пасылаў!..“

Сичасъ пубижаў сынъ къ рѣпы, пасмотрить: праўда, двѣ

кучи тотивы натягана. Сичасъ узяў сынъ—вытинуў рѣпину, да на плячо, принесъ дамой, то тая рѣпина у двери, въ избу, ня ўходить: слишкамъ касэй сажинь. Онъ узяў яе разсѣкъ на мелкія штуки, у избу укидаў. Дѣла приходить къ начй. Атецъ на бóльшива сына гаворить:

—„Пайди къ рѣпы на караулъ, хто яе тигаить!"

Етытъ сынъ уздумаў:

— „Куда я пайду? Какой-нибудь тигаить страшилища, то и мнѣ смерть будить."

Пашоў у пуню, пиринучуваў и дамой пришоў; гаворить атцу:

—„Никаво я ни видаў!.."

Приходить другая ночъ. Пасылаить атецъ втарова сына на караулъ къ рѣпы. И етый убаяўси самый етый страсти—гаворить:

—„И я ни пайду!.."

Забраўся у чужую пуню, пириначуваў, приходить дамой и гаворить атцу:

—„Никаво ни видаў я!.."

Приходить третія ночъ. Гаворить атецъ на етыва сына, съ каторымъ рѣпу сѣили.

—„Таперича, сынокъ, тобѣ идить!.."

Сынъ атвичаў на атца:

—„Ужъ я вижу самъ, што мнѣ нада идить: самъ я ляда вырубіў и съ табою сѣіў—самъ пайду на караулъ".

Пашоў сынъ у кузню къ кузняцу, скуваў сибѣ палку жалѣзную у палпуда вѣсымъ и пашоў, гдѣ рѣпа пасѣяная, падъ тую капу. Сидить тама многа уремя. Приходить самая пóлуночъ. Зашумѣў сильный вѣтиръ, узяла дажа лѣсъ лумать, здѣлалась дажа зямлитрисенія,—прилетѣла агромная чудовища-старикъ и пала на рѣпу. Вытащить рѣпину, тотевйну атарветь да у кучку бросить, а рѣпина у роти тольки хрящить, какъ онъ яе ѣсть. Етытъ жа самый Иванъ и смотрить. Стала яму жалка сильна рѣпы, разгарячилася яво сердца: онъ выскачіў аттуда вонъ съ-падъ капны и етыва старика етый жа палкый миждо крылъ па спины и па галавы какъ ударіў. Онъ тольки крикнуў, падняўся и палятѣў, а етытъ жа самый Иванъ за нимъ у дагонь—и усе яво палкыю бьеть. Етытъ жа старикъ, какъ летѣў, прилитаить у въ избу у сваю. Самъ старикъ легъ на

палицу, голаву палажiў на кутъ, а носъ палажiў на крюкъ, а Иванъ яво усе-таки бьетъ. Онъ (старикъ) атвичаитъ яму:

—„Ня бей мине: я табѣ дамъ штуку.“

— Давай! а што ты мнѣ дашъ?

— „А вотъ тибѣ быка да барана.“

— А на што яны мнѣ?

—„Када у случаи ты будишъ на чужой стараны и тибе ежели убьютъ, то баранъ будитъ блiять, а быкъ ривѣть: хто дома будитъ, то и знай, што ты ня жiў.“

Онъ яво ипять пашоў бить.

—„Ня бей мине: я тибѣ ищо штуку дамъ.“

— Давай! какую ты мнѣ штуку дашъ?

—„А вотъ тибѣ пузырекъ!.“

— Ли чаво онъ?

— „А ты павѣсь яво на жалѣзнымъ масту идѣ-нибудь асобенна. Какъ тебе убьютъ, такъ у пузырькѣ будитъ полна крави; то тада барана съ быкымъ выпускай: яны тибе атживятъ, хто будитъ дома.“

Онъ яво, Иванъ, ипять узяў бить; то етый атвичаитъ:

—„Ня бей мине: я тибѣ ищо штуку дамъ!“

— Давай! Што ты мнѣ дашъ?

Онъ вынимаитъ яму креминь и мысатъ. Иванъ атвичаитъ:

— „Ли чаво жъ ета штука?“

— Ты папробуй сикануть, то пасыплетца сила—конница и пяхота, и разныи сильныи багатыри“.

Иванъ, какъ сикануў три раза, то цѣльная комната салдатъ и зъ саблями; гаворятъ на Ивана:

— „Што прикажитя дѣлать?“

— Вазьмитя и зрубитя етыва старика у мелкiя штуки!

Узяли яво, зрубили у мелкiи штуки, у яму закапали.

Послѣ етыва Иванъ узяў креминь и мысатъ и усё ета спрятаў — усѣ салдаты спрятались. Наконецъ, пашоў Иванъ къ атцу сваяму дамой, павеў быка и барана; приводитъ дамой быка и барана и атдаў атцу сваяму на руки и пузырекъ атдаў атцу и гаворитъ таперь:

— „Батюшка, пращайтя: я таперя зъ вами жить ня буду! Кармитя маяво быка да барана! Ежели у случаи станитъ быкъ ревѣть, а баранъ блiять, то и знайтя, што я на свѣти ня жiў,—

выпускайтя быка и барана изъ хлѣва вонъ, а ва-ўтарыхъ, пасматритя у пузырекъ, есть ли у ёмъ кроў.“

Попращаўся и пашоў. Нѣскальки урежи іонъ ишоў. Приходить у адно каралевства, къ каралю у горыдъ и у томъ гораде усе у чорныхъ трбурахъ ходють и у пичали плачуть. Онъ и спрашиваить у аднаво старика старава:

— „Што ета у васъ такоя значить? Што у васъ за пичаль такая у вашимъ каралеўстви?“

— Да вотъ пріѣхаў нипріятиль такой и сватаитца къ дочери нашига караля, а каралеўна ни сагласна за яго итти, да и атецъ ни сагласинъ, а нипріятиль атвичаить на нашиго караля:

— „Када ты ни атдашъ сваю дочъ за мяне, силу тваю пабью и горадъ выжгу, а усё—таки вазьму.“

А Иванъ атвичаить на етыва старика:

„Даложьтя сваиму каралю, што я етыва караля силу усю пабью, зачичу яво.“

Етытъ жа старикъ далажіў каралю:

— „Такой-та хвалитца: зачичу каралевства и нипріятильскую силу усю пабью!..“

Кароль гаворить:

— „Паслать яво ка мнѣ сюда на глаза!“

Старикъ приходить къ Ивану и гаворить: жилаить тибе кароль видить на глаза—ступай къ яму, пажаласта. Онъ и пашоў къ каралю на глаза. Кароль сустрѣў яво съ честью, су славый, съ барабаннымъ боимъ, пасадіў яво кароль рядамъ съ сабой и гаворить кароль:

— „Праўда ли, што ты можишъ защитить мой горадъ атъ нипріятиля?“

— Да, праўда!

— „Вяликую награду я тому даў ба, хто бъ силу яво пабіў, а за мине заступіўся!.“

— А какую?

— „А што хочишъ?“

— Дочъ вашу хачу за мине.

— „Съ вяликимъ удавольствіимъ,—тольки заступися!.“

Иванъ и гаворить:

— „Пишитя къ тому каралю, штоба заўтри у дивятымъ часу на вайну ваизжаў!.“

А ужъ тотъ кароль са сваей армій близка вокыла горыда. На заўтрива вынзжаить тотъ кароль у дивятымъ часу, атпраўляитца Иванъ тожа къ яму у дивятымъ часу. Гаварить кароль на Ивана:

— „Ты жъ бери варміи у мине, скольки надоби и скольки есть!“

— Ни нада мнѣ ни адnаво чилавѣка: я—одинъ.

Иванъ атправился на страженния и ўзялъ Иванъ мысатикымъ рубить абъ креминь, и пасыпала сила — вармія нязмѣтная, конница — пяхота. Пяхота и багатыри двоя сутыкъ билися съ тымъ каралемъ: прибилъ и притаппталъ таму каралю чиста усю силу Иванъ—едва мохъ кароль самъ уѣхать живой. Тада Иванъ абратился къ сваяму каралю. Кароль благадарилъ Ивана за яво службу и на няво гаварить:

— „Нравитца тибѣ мая дочъ?

— „Да, нравитца.“

— Желаю атдать тебѣ за услугу дочъ сваю.

Пиривинчались и стали жить. Патомъ таво, вдрухъ пажили съ мѣсицъ, и гаварить ина на няво:

— „Друхъ мой милый, скажи, чѣмъ ты силу ету такую пабилъ и багатырей—паѣхалъ выть ты биза всякый варміи—адинъ. Я на балхони стыяла и у падзорную трубку смотрѣла, што ты зъ мѣста далой ни тривожился, а атъ тибе валила сила вармія, конница и пяхота; — то я усматрѣла, што ты рубилъ у ва што та.“

Онъ и гаварить:

— „Друхъ мой, ни ў ва што 'я ни рубилъ, ничаво у мине нѣтъ.“

Ана заплакала и атваратилася атъ яво, здѣлалася посли етыва бальна — толька бальна ана зъ лукаўствымъ, хочить ана яво каба абмануть: онъ ей, мужъ, ни па нраву пришолъ. Бальна ана цѣльную нидѣлю. Такъ какъ онъ узжалѣлся надъ ей и гаварить:

— „Да вотъ чѣмъ я побиваю силу. Есть у мине ружье. Какъ я вазьму имъ махать — и пасыплитца конница, пяхота и багатыри.“

Ана и гаварить:

— „Пакажи мнѣ тоя ружье!.“

Онъ узялъ ей и паказалъ. Вотъ ана узяла аднаму салдату дала многа золата:

— „Ты ни гавари никаму, а сходи во такоя жъ ружье купи!.“

Паказала яму ета. Тотъ салдатъ пашолъ, купилъ такоя жъ ружье. Ана узила атдала залатарямъ, штобъ яво азалатить, и узила ета ружье азалатіўши на тоя мѣста паставила, а ета ружьё, каторая іонъ ей паказалъ, сичасъ узила, на почту и атправила къ тому каралю, каторый ваивался здѣся.

Ана жилаить за таво замужъ, кабы етыва іё мужа и убить ба; и написала ина таму:

— „Пріизжай на вайну; зъ етыва ружья махай—сила пасыплитца.“

А етытъ (мужъ) пасматрить: ружье азалочина. Онъ и гаварить на іё:

— „Жана мая, ли чаво ты азалатила ружье?

— А я усе раўно, какъ тибе бирягу, такъ и ружье тває.

Онъ засміялся наканецъ. Сичасъ выизжаить тотъ кароль на вайну. Сѣлъ и онъ на лошать и паѣхалъ къ няму на встрѣчу, арміи жъ съ сабой ни взялъ нискольки. Какъ выѣхалъ, такъ узялъ ипять рубить мысатамъ абъ креминь—павалила сила—вармія: конница и пяхота ни абнакнавенная—и багатыри цѣлыхъ двоя сутыкъ билися, и прибилъ, прикалатилъ онъ усю тую силу—едва мохъ самъ кароль уѣхать. Када узваратился у горадъ Иванъ, то тесть яво састрикалъ зъ радысти и благадарилъ за яго вяликую защиту. Ана, даждаўши, жана яво, да начи, узяла яго апять распрашивать; гаварить:

— „Друхъ мой, када хочишъ, штобъ я жива была, дакъ скажи мнѣ, чѣмъ ты силў ету набиваишъ; но ни скажишъ, такъ я умру сійчасъ.“

Сама заплакала горькими слизами. сдѣлался надъ ею вобмаракъ, дажа ана пувалилася—чуть живая асталася.

Саскачили дактара, аттирали яе разнымъ спиртамъ. Посли етыва и гаварить ей Иванъ, мужъ іё:

— „Пайдёмъ у асобенную комнату!“

Тагда вынимаить Иванъ мысатикъ и кримашекъ, якъ сталъ сѣчъ, три раза сиканулъ—цѣльная комната салдатъ и съ саблями; онъ тада и гаварить:

— Вотъ чѣмъ побивалъ силы!

Тада ана сказала на яво:

— „Вѣрю, друхъ мой, таперича я тибѣ.“

Сичасъ ана сдѣлала гульбу, мазуканчиу, разныя наигры; нибміакнавенна и сама танцувала—въ лунаўстымъ мужа сваяво Ивана узвисяляла, хароших разныхъ крѣпкихъ вотакъ мужа сваяво Ивана угащала, дли славы зъ лукавствамъ сама пакушила. Наканецъ таво, лягли спать. Ана узила, какъ заснулъ Иванъ, вынила у яво етытъ мысатикъ и кримсала съ кармана, а сама апять жа дала многа чарвонныхъ прислуги сваей и паслала купить такой жа мысатокъ и кримашокъ у лаўку. Узила на ета мѣста прастой я палажила, а етытъ узила у письмо и запичатывала и паслала къ таму жа каралю; писала яму:

— „Друхъ мой, вынзжай на вайну. Ета тяперь няложныя: папробуй сначала ету штуку дома“

Онъ какъ чиркнулъ три раза, такъ цѣлая комната и навалила салдатъ. Тада онъ и гаварить:

— „Праўда!.“

Сичасъ жа атписываить, штоба етытъ кароль, яго прежній непріятиль, къ дивятаму часу вынзжалъ на вайну. Иванъ етытъ и разсярдился:

—„Ну, ужъ теперь ни упущу яво.“

Пріизжаить, гаварять: нипріятиль близка. Онъ и гаварить:

—„Пущай жа ѣдить къ самыму гораду.“

Наканецъ гаварять: непріятиль ли самыва горыду. Онъ тада и выихалъ адинъ бизъ варміи. Вынилъ кримашокъ и мысатокъ и узялъ рубить—тольки агонь сыплитца, а ничаво зъ яво больши нѣту. Но тотъ кароль, какъ узялъ рубить, пасыпала варміяконница и пяхота, многа множиства, и наскакали на Ивана, схватали яво и убили. Тада кароль тотъ приказалъ срубить яво на мелкія части. И узяли яво, срубіўши тѣла, у бочку улажили, жалѣзнымъ абручомъ сбили, у моря и ўпустили. То тоя время быкъ дома риветь, а баранъ бліётъ. Атецъ и гаварить:—„Вѣрна, майво Ивана сына нѣтъ на свѣти живова!..“

Пашолъ пасматрѣть, гдѣ пузырёкъ висить, есть ли у ёмъ кроў—ужъ пузырекъ цѣлый крави. Онъ узялъ выпустилъ быка и барана. Ане наднялись на воздухъ и палятѣли. Прилитають на то мѣста къ морю.

— Ну, што жъ намъ съ табою дѣлать?

Гаварять быкъ и баранъ, што бочки имъ ни дастать изъ моря.

—„Пайдемъ искать рыбаловыў, ня ловють ли идѣ ни на есть рыбы!.. То будимъ прасить затянуть тоя мѣста."

Прабижали кала моря, напали: лотка стаить кала моря, а людей нѣту. Пасматрять: у лотки рыбина балтаитца. Ане ѣсть дужа хочуть. Баранъ гаварить:

—„Хуть ба ету рыбинку съѣлъ ба!.."

Ускачилъ баранъ у лотку, згребъ ету рыбинку. Ни атkуда узялась примагучія сильная рыбина, гаварить:

—„Баранъ, ня ѣшъ ты майво щукренка, любезныва дитенка: я тибѣ за ета какую угодна службу саслужу."

Баранъ сказалъ на тую рыбину:

— Есь у мори бочка;—выкати мнѣ іё, то я пущу тваяво дитенка.

Тая рыбина пашла, заказала всѣмъ рыбамъ:

—„Ищитя бочку вотъ такоя-то мѣста!.."

Разыскали анѣ бочку и выкатили на берихъ яму. Тада баранъ узялъ пустилъ рыбья дитенка. Гаварить баранъ на быка:

—"Нада разбивать бочку!.."

А збита ана зялѣзнымъ абручамъ. Баранъ атышолъ атъ бочки далеча, разагнаўши, какъ ударилъ сваими рагами, сичасъ два абруча збилъ далой; у другой разъ разагнауши, какъ ударилъ, паслѣдній, третій збилъ;—бочка ета и развалилася розна. Тада узяли ета тѣла и нирямыли и умѣста пазлажили, какъ быть чилавѣку. Быкъ и гаварить на барана:

— Што-жъ намъ дѣлать? Нада намъ атживить. Зарѣжъ ты мяне и выварати зъ мяне трябухъ и кишки, да у сиредку маю и сядь. Палетить ворынъ зъ варанятами, ворынъ будить старый крыкать, скажить:

— Крикъ, крукъ, свѣжія мяса, да абманьчивата!

А вараняты, какъ глупыи рибяты, и пупадають на етый трябухъ,—а ты и схвати вараненка. Онъ скажить на тебе, ворынъ:

—„Не губи майво вараненка, любезныга дитенка: я тибѣ какую угодна службу суслужу."

То баранъ узялъ и зарѣзалъ быка, вываратилъ зъ яво трябухъ и кишки и сѣлъ у средину. Летить ворынъ зъ варанятами. Ворынъ гаворить:

— Крукъ, крукъ! свѣжія мяса, да абманьчивата!

А вараняты, какъ глупыя рибята, пупадали.—Іонъ, баранъ, вараненка схваталъ. Воранъ гаварить:

—„Ня бей ты вараненка, любезныва дитенка: я тибѣ какую угодна службу суслужу.“

Баранъ гаварить на ворына:

—„Злетай ты! Есть адно мѣста живая вада и мертвая и прекрасная: принией мнѣ етый трехъ сартоў вады, то тада я пущу табѣ дитенка.“

Ворынъ гаварить на барана:

— Падвяжи мнѣ три пузырька!

Баранъ падвизалъ ворану падъ крыльля три пузырька—воранъ паднялся и палятѣлъ; прилетаить воранъ у то мѣста. Три ключа: у адномъ ключу мертвая вада, у другомъ ключу живая вада, у третимъ ключу прикрасная вада. То воранъ са ўсѣхъ трехъ ключей узялъ вады у кажный пузырекъ и палитѣлъ. Прилитаить ворынъ ипять на тоя мѣста къ барану. Гаварить баранъ:

—„Принесъ, воранъ?

— Принесъ.

— „Ну, давай іё сюда!“

Воранъ узялъ атдалъ пузырекъ барану. Баранъ узялъ и разарвалъ вараненка—воранъ и заплакалъ. Баранъ узялъ вараненка, какъ збрызнулъ мертваю вадою—онъ змиртвился; сбрызнулъ живою вадой—сживился; сбрызнулъ прикрасный вадой—то былъ вараненыкъ харошъ, то ящо луччи сталъ. Сживился вараненыкъ и паднялся и палятѣлъ съ ворынымъ. Тада баранъ узялъ быка, сбрызнулъ мертваю вадой—быкъ змертвился; брызнулъ живой вадой—быкъ зживился, мыргаить глазамъ, смотрить, а ни ўстанить. Какъ сбрызнулъ яво прикрасный вадой, быкъ и ўскачилъ. Тада узялси еткимъ жа манерымъ и хазяина сваяго брызгать. Спрызнули мертвый вадой—онъ смиртвился; спрызнули живой вадой—онъ сживился; спрызнули прикрасный вадой, то ихъ хазяинъ и усталъ.

—„Ахъ, какъ я долга спалъ!..“

— Да; спалъ ты у мори, у бочки.

Гаварить Иванъ:

—„Пайдемъ къ атцу дамой!..“

А быкъ да баранъ на яво гаворять:

—„Ты зъ нами ни хади, а ступай къ етыму каралю и за-

стаўся къ яму или ў павара, или у прислужныя кала яво хадить; да высматривай, гдѣ ляжить яво кремашокъ и мысатокъ!.. То ты тайна яво и вынь,—тада што знаишъ, то и дѣлай. Идежу купи себѣ харошую!..“ Наканецъ быкъ и баранъ пупрощались зъ Иванымъ; быкъ да баранъ дамой, а Иванъ пашолъ у етытъ горыдъ, купилъ себѣ адежи харошій, адѣлся и патомъ приходить къ каралю:

— Ни наймете ли вы мине у прислужники или у пувара?—

Кароль и радъ етыму дѣлу. А ни ўзнали ане яво ни кароль, ни жана яво, узяли й наняли яво. Онъ служить харашо. Прадалжаитца время и мѣсицъ, и два. Онъ падсматрѣлъ, што мысатокъ и кримашокъ у жалети, у кармани. То онъ караля адно время раздивалъ и вынилъ мысатокъ и кримашокъ изъ кармана вонъ. То тую жъ ночь самую Иванъ, када ане заснули сильна крѣпка, три раза какъ чиркнулъ, такъ цѣлая комната салдатъ и зъ саблями, и гаварятъ ане на яво:

— Што прикажитя дѣлать?

Онъ гаварить:

— Узять етыва караля, изрубить яво на мелкія части и палажить яво тѣла у бочку и жалѣзнымъ абручамъ збить и у моря на то мѣста, идѣ я былъ, укатить!

А жина яво ускачила и стала на калѣни, стала плакать и прасить Ивана и гаварить:

— Друхъ мой, Иванушка, прасти мине!

Онъ прастилъ —ни сталъ губить, аднача пасадилъ ее на бахту на 12 дней, сутки давалась пища адинъ разъ: 1 фунтъ хлѣба и 1 фунтъ вады.

Наканецъ, када ана атсидѣла, пришолъ Иванъ, узялъ яе за руку и аттудава едва вывилъ, и стали патомъ жить мирна и харашо.

№ 10.

Абъ Игри Игравичи, абъ старикѣ палугрими.

Старикъ палугримъ самъ съ локать, кнутикъ на симъ верстъ, самъ съ каршокъ, а галава съ гаршокъ. Сядить на дубу на границы царства, хранить дїўнова каня. Абъ трёхъ систрахъ обаратнях: яны змiи съ виду, махають жалымъ да верхнига навылка, а якъ накотютца у заднiи накои, станутъ слишными дявицами. А прекрасный Ирини. Сапохъ—басанохъ. Заморскiй лятучiй Абжора. Птица—ўсяму свѣту Хлапатница. Мать Абжоры су налета сурьезна, живеть у падземнимъ царстви; у яе питьё—и силу даеть, и силу 'тымаить. У яе плѣнницы скинулись залатыми дирiўцами съ сяребриными вѣтачками. Валшебная хвустка: якъ кинишъ яе, атъ яе загараитца зимля и вада. Щетачка: яе якъ кинишъ, аткуда возьмутца махи и балоты. Игра Играмичъ насильникъ прiўкрасный Ирины, уходить атъ iе на лошади дiўнога старика, сапагѣ босаногѣ обаратней слишныхъ дявицъ, аграждаитца хвустачкай, щетачкай и грибяшкомъ. Пубиждаить заморскыга Абжору, што яго царства апусташiў. Спускаитца зъ булавой у таръ-тарары, убиваить тамъ мать Абжоры, асвабаждаить плѣнницъ—обаратней. Хитращами астаўлинъ братьтими у таръ-тарары. Вылитаить изъ надземiя на крыльяхъ птицы — усяму свѣту Хлапатницы: дѣтей яе iонъ спасъ. Братьтимъ даброкъ за зло платить, тольки пригаварiить: „знай, за што получай!“

Въ адномъ дреўнимъ царстви быў царь Игра, имѣў iонъ трехъ сыноў. Дожили яны да савяршенныхъ лѣтъ, и старшiй сынъ стаў прасить благаславенiя у атца пувидать чужихъ зямель, наказать и сябе.

Атецъ и дазволiў яму атпраўлятца у чужея земли. Сынъ сядлаить добрую лошадь, садитца и атпраўляитца у путь. Приближаитца ка границы атцоуськага царства, а на границы ставить дубъ, на томъ дубу сядить старикъ полугримъ. Полугримъ имѣў при сябѣ кнутикъ длинною на семъ верстъ; самъ iонъ съ вяршокъ, а галава съ гаршокъ. Полугримъ спрашiить, хто ѣдить, куды ѣдить, ти па хоти, аль па няволи. Каралевичъ у атвѣтъ яму: „Ека диковина! Узабраўся на дубъ—якъ ба че-

лавѣкъ, — а то мальчюганъ ростамъ съ вяршокъ, а галава съ гаршокъ!.. Ѣду туды, куды мнѣ нада".

Услыхаў палугримъ дерзкій атвѣтъ царевича, астанаўліить яго лошадь, бяреть свой кнутъ и усыпаў царевичу, скольки пришлось, избяіодаваў яго ладна и вярнуў яго назадъ.

Царевичъ вазвратіўся къ батюшки царю у сваю сталицу. Атецъ дивитца, што сынъ яго царевичъ скора вярнуўся, и спрашіить: „Што съ табай злучилась, што ты скора вярнуўся?— Ахъ, батюшка, на застави, при границы тваяго царства, мнѣ уси ребр'а переламали — ни магу ужу далій ѣхать, и наетаму счеў за лучшее вярнутца.

Проситца другой сынъ, сяредній, у чужея земли, павидать и чужихъ заграничныхъ зямель и людей, да и сваю моладасть паказать.

Батюшка царь дазваляить и етаму сыну атпраўлятца у чужея края.

Приближіўся къ тэй застави и тому дубу и етый сынъ.

Слышить, якъ съ дубу кричить яму полугримъ: „Стой! Хто ѣдить? Куды ѣдишъ? Ти па сваёй хоти, ти па няволи?"— Царевичъ съ гордастію узглянуў на етый дубъ, видить мальчугана: самъ іонъ съ каршокъ, галава съ гаршокъ, и гаворить яму царевичъ: „Ека диковина какая! туда ѣду, куды нада."— Ну, кали такъ ты мнѣ рячишъ, то я съ табой разсчитаюсь! Тутъ и птица бизъ мине ни адна ни пралитала, ни люди ни праѣзжали.—Прыгъ съ дубу, да и начаў яго кляўмить, кнутикымъ ахаживать: избіў царевича, якъ гамана.

Царевичъ избитый вазвратіўся ва сталицу, къ батюшки царю. Царевичъ разсказаў яму усё, што зъ имъ злучилась у дароги, атказаўся атъ дальній паѣздки.

Спустя нѣскальки гадоў, младшій сынъ Игра Игравичъ просить благаславенія у атца пувидать чужихъ зямель и сябе паказать. Царь сына благаславіў, и іонъ атправіўся у дарогу. Пріѣхаў къ границы чужей зямли и къ тому дубу, а полугримъ и гаворить царскаму сыну: „Што, царевичъ Игра Игравичъ, куда ты ѣдишъ, ти па хоти, ти па няволи?" — Нѣтъ, палугримъ, не то шта па няволи, а пу батюшкиныму благаславенью: хачу праѣхать у чужея края, паглядѣть и чужихъ зямель и сябе паказать.

— „Ну, знаю я твае намѣреніе,—толька ты, царевичъ, на

етый лошади ни даѣдишъ, а вярнись дамой и праси у сваяго батюшки ту лошадь багатырскую, на каторай іонъ ѣздіў атъ младысти да старысти!..“ Вазвратіўшись къ атцу, разсказаў усё, якъ паступіў зъ имъ палугримъ, и просить атцоуськей багатырскій лошади на праѣздъ яму у загранишныя края.

— „Ну, сынъ мой милый, атпраўляйси-жъ ты ипять къ палугриму!..“ Увидаў палугримъ царевича и гаворить яму: Што тябѣ, царевичъ, сказаў твой атецъ?—Сказаў мнѣ мой атецъ, што лошадь стаить у бирягу, у скляпу, а ключики у вашій милысти.

Палугримъ и гаворить царевичу: „Я таперь знаю а тваей паѣздки: ты ѣдишъ по свиту сябе паказать и дружки паискать“.—Спрыгнуў палугримъ съ дубу, атправились къ склепу. Атмыкаить лошадь, а лошадь атъ дреўнысти пасивѣла. Игра Игравичъ, увидаўши ету багатырскую лошадь, гаворить ей:— „Служила ты маяму батюшки атъ младасти яго и да старасти,— пуслужи таперь и мнѣ!..“ – Нѣтъ, Игра Игравичъ, я устарѣла— ни магу тябѣ служить; а пазволь мнѣ у чистымъ поли пагулять, ярый пшаны паидать, зямчужный расы пупивать!—Царевичъ съ палугримымъ и сами атправились пагулять и пувисялитца. Гуляли яны доуга и придоўга, а ў ета время и лошадь атъѣлась. Приходить Игра Игравичъ къ тому мѣсту, свиснуў багатырскимъ посвистымъ, маладецкимъ голасамъ: лошадь бяжить, надъ ёю зимля дрыжить.—Скажи жа мнѣ напяредъ, гаворить лошадь Игри Игравичу: якую табѣ службу служить!— „Я“, гаворить царевичъ: „хачу чужихъ зямель павидать, сваю красату паказать“.—Ну, скидайся мухыю, пализай у мае лѣвыя уха, а у правыя вылизай: таперь ты красіў и силинъ, а тады яще болій будишъ и красіў, и силенъ.—Вылизъ изъ вуха лошади царевичъ и ў праўду стаў и сильнѣй, и красивій.— „Садись лягенька и дяржись кряпенька—паѣдимъ!..“ Усѣўшись на лышадь, царевичъ прастіўся съ палугримымъ и ускакаў. У минуту времени, царевичъ Игра Игравичъ праскакаў на багатырскый лошади адно чужоя царства. Видить агромный домъ. Астанавясь здѣсь, привязыить іонъ вѣрную сваю лошадь, самъ уходить у етый домъ: видить агромныга змія, змій жъ етый махаить жалымъ да верхнига нàвалка. Царевичъ, не рабѣя, кладеть сваю шапку и низка кланіитца змію. Змій скатіўся у клубокъ, пакатіўся у дальніи пакои—и выходить прикрасивая дявица.

Дявица гаворить царевичу: „Здрастуй, Игра Игравичъ, куды ты ѣдишъ: ти на хоти, ти на няволи?“—Я ѣду ни па няволи, а пу батюшкивыну благаславенню.—„Знаешъ ли, царевичъ: хто далека литаить, тотъ сваю галаву тирявить,—а пакорную и павинную галаву и мечъ ни бяреть. Ты, куды ѣдишъ, туды ты на сваей клячи ни даѣдишъ. Астаўляй яе у маинъ дварѣ, а я дамъ табѣ сваяго добрага каня.“—Публагадаріў яе за услугу, сѣў на діўнага каня и паскакаў у чатвертыя царства. Якъ воласу пиригарѣть, іонъ праскакаў па етыму царству, прискакаў къ застави чатвертыга царства, видить громадный домъ; привязаў діўныга каня, самъ пашоў у тотъ домъ. При ўходи у домъ видить грамадвыга змія; ни чуть ни рабѣя тога змія, кладеть сваю шапку къ мѣсту, низка пакланіўся змію—змій свярнуўся у клубокъ, пакатіўся у задніи пакои.—Выходить прикрасная дявица, и атклавиваитца ей Игра Игравичъ. Дявица гаворить яму: „Куды ѣдишъ? Ти па воли, ай па няволи?“—Ни па няволи, а пу батюшкиныму благаславенству.—„Даляко, царевичъ, литаишъ, сваю голаву тиряишъ; ну, а пакорную и паклонную галаву и мечъ ни бяреть: тольки ты на клячи, куды ѣдишъ, ни даѣдишъ; а дѣлать ужъ нечига—думаю памочъ тябѣ: бяри майго быстрага багатырскага каня, а свайго астаў у канюшни.“—Публагадаріў дявицу-красавицу, сѣў на быструю лошадь и паскакаў да слѣдующага чатвертыга чарства. Ѣхаў такъ быстра, што праѣхаў усё чарства, якъ воласу пиригарѣть. Падъѣзжаить къ застави, видить великалѣпный домъ. Астанавліить быстрага багатырскага каня, уходить у домъ, видить агромныга змія. Не рабѣючи, кладеть сваю шапку и низка кланіитца іонъ тому змію. Змій свярнуўся у клубокъ и пакатіўся у задніи пакои. Яўляитца пиридъ яго прикрасивая дявица іонъ атклаиіўся ей. Дявица спрашіить у царевича, ти па хоти, аль па воли ѣдить и куда, и за чимъ. Царевичъ атвичаить пріукрасный дявицы:—„Я ѣду къ мурускуму царю прасить руки яго дочири, прикрасний Ирины.“—Знаю я етыга царя: іонъ мнѣ родный, но тольки ты на лошади ня ѣзди, а атстаў яе у мяне, а я табѣ дамъ умѣета каня шатеръ—самалетъ, шапку—нивидимку и сапогъ бисапогъ... Да, сматри: якъ далятишъ, ни ўхади у ихъ палаты, а атстававись у ихъ зяленымъ саду, штобъ ина ни тваяго голаса ни слыхала, ни тваяго воласа ни видала—а то ина тябе спатря-

бить. Наблюдай яще, якъ цареўна Ирина будить итить на гулянья, у садъ, са сваими прислугами и ўзойдить у шатеръ на отдыхъ—тады ты скорымъ поспихымъ къ ей у шатеръ, патдахни и кольцы на кольцы пуминяйся, квасу напейся и ухади скарѣй. Выслушаў усё, што яму гаварила и присавѣтывала, публагадаріў яе и сѣў у самалетъ, и палятѣў къ мурунскуму царю, прекрасный дочери яго Ирины. Прилятѣўши, іонъ останавіўся у царскымъ саду и выжидаў выхыду цареўны, прикрасный Ирины.

У поўдинь вышла изъ дварца цареўна съ прислугами пагулять по саду и, нагуляўшись, пайшла у шатеръ на отдыхъ. Тутъ Игра Игравичъ скорымъ поспихымъ уходить къ ёй у шатеръ, такъ жа на отдыхъ. Патдахнуўши съ ёю, нагавваріўшись у волю, абмяніўся на кольцы, напіўся квасу и, ни накрыўши квашни, улятѣў у абратный путь. Прилятѣў къ прикрасный дявицы; аткланіўшись ей, возвратіў ей самалетъ, шапку нивядимку и сапогъ бисапогъ, и благадарить яе. Дявица прикрасная (звали яе Алёнай) сказала царевичу: „Даляко литаишъ и многа бѣдъ дѣлаишъ: квасъ піў и квашни ни закрыў. Садись жа скарѣй на каня сваиго и скачъ скарѣй: а то вить за табой будить пагоня. Вотъ табѣ мая щетачка. Якъ будуть тябе даганять, брасай скора ету щетку—сдѣлаютца мхи и балоты; а пака ганцы канавы пракапають, масты намастять, дароги правядуть—ты усё то царства праскачишъ.“—Даганяють царевича ганцы, а царевичъ брасаить щетку—дѣлаютца мхи, балоты, и, пака ганцы правяли дароги, іонъ ужу праскачіў усё царства. Падъизжаить къ застави другога царства. Уходить ва дворъ, аткланиваитца прикрасный дявицы, атдаеть ей быстрага багатырскага каня и паклонъ атъ сяестры Алены.

Другая дявица дала Игри Игравичу грибяшокъ.—„Будить за табой пагоня, тады брасай етый грибяшокъ: атъ етыга будить сзади тябе агромный лѣсъ. Пака лѣсъ разрубють и масты, дарогу сдѣлають ты прискочишъ у третія царства.“—Усѣўся на лашать добрый молыдицъ и быў такоў. Даганяить пагоня, царевичъ бросіў грибяшокъ, и вырысъ агромный густый лѣсъ. Пака ганцы срубкай лѣса занимались, а царевичъ ускакаў у третія царства.

Яўляитца къ прикрасный дявицы, атдаеть паклонъ атъ сястры. Прикрасная дявица гаворить: „Игра Игравичъ, за

вяликыю бядою ѣздишъ ты па свѣту. Сматри: ни патиряй сваю галовушку; а бида у тябе ужу на часу тваемъ. Вотъ жа табѣ атъ мяне хустычку. Будить за табой вяликая пагоня— ты ни дупускай да сябе, брасай ету хустычку. Загаритца пазади тябе и земля, и вада; пагоня въ агонь ни пайдеть, а вазвратитца ва сваяси. Даганяить пагоня, царевичъ Игра Игравичъ брасаить хвустку: загараитца и зимля, и вада; ганцы въ агонь ужу ня бросились, а тольки дивуютца. А Ирина гаворить: „Ну, Игра Игравичъ, таперь-та ты атъ моихъ рукъ ускальзнуў; но дажидай мяне съ гастинцымъ у тваемъ царстви!!.“

Царевичъ падъизжаить къ старику палугриму. Астанаўлiить утамленнага свайго вѣрныга багатырскага каня, здраствуитца съ палугримымъ. Палугримъ радеханикъ благапалушныму вазвращенiю Игры Игравича.

— „О, Игра Игравичъ, даляко ты литаишъ, да и бѣдъ жа многа надѣлаў: то-та маладость—буйнось! Пiў квасъ, да кванни ни накрыў!..—„Паизжай жа ты къ атцу тваяму: у васъ большоя бизчастя. Налятѣў у ваша чарства заморскiй Абжора— выидаить усё у вашимъ царства.“

Даскачiў скорымъ поспихымъ да сваяго царскага дварца, входить ва дварецъ, видитца съ атцомъ и братьтями. Начались распросы а путяшествiи царевича; царевичъ атъ нити да нити разсказаў атцу а сваемъ странстваванiи. Атецъ, нагаварiўшись съ сыномъ, гаворить и а сваемъ гори.

— „Вотъ, сынъ, и у мине, у маемъ царстви сильныя бизчастя. Налитаить Абжора, па нѣскалька куфъ водки выпиваить и па нѣскальки валоў паидаить.“

— Батюшка, прикажитя сдѣлать три прута зялѣзныхъ, булку хлѣба и гарницъ водки.

Лятить Абжора, якъ громъ гримить; яўляитца ва дварецъ, якъ синная капа, и ўходить у палаты, требуить папить и паѣсть.

Яўляитца царевичъ Игра Игравичъ съ булкыю хлѣба и гарцымъ водки.

Абжора горда рячить царевичу: „Щто, ты шутить уздумаў са мной: ти накормишъ ты мяне етымъ кусочкымъ?“— Царевичъ и гаворить Абжори.

— Унасъ была карова-абжора: ѣла усё па такой булки хлѣба

и пила пу вядру вады марской, да патомъ абъѣлась и апилась... Няўжошъ и на тябе ня будить акаливання?!.. вѣдь акалѣишъ и ты!..

Абжора и рячить царевичу: „Ты са мной мала пагаваривай!..“

— Ну, кали ты, галубчикъ, такоў, то я съ табой набоpiюсь. Падайти-ка три прута маихъ.—Падають яму три зялѣзныхъ прута. Царевичъ давай яго бизувать па хрябетнай кости, сбiў три пруты, а Абжора ни паялся. Тады царевичъ патребуваў дѣдушкину булаву. Валакуть тую булаву десить чилавѣкъ царскихъ прислугъ. Абжора спужаўся ужу булавы—крутнуўся атъ царевича такъ силна, што у рукахъ царевича атстаўся и черипъ Абжоры, и палятѣў Абжора изъ царскага дварца. Пустiўся у дагонь за Абжорой, но видить, што яго ни дагонить: пустiў у слѣдъ за имъ дядоўськую булаву—палятѣла булава за Абжорай, якъ зъ ружья пуля.

Видить Абжора, што яго дѣла плоха,—ударiўся объ земель: зимля атъ сильныга удара разступилась, и Абжора заморскiй правалiўся сквозь землю. Загримѣла услѣдъ за имъ булава, и сдѣлалась на томъ мѣсти окнища. Игра Игравичъ падходить къ тому окнищу, сматрить туды и видить, што и канца-краю нѣту.

Приходить ва дварецъ и гаворить атцу:—„какаво, батюшка, накармiў и напаiў заморскага Абжору? Iонъ, якъ крутнуўся, у маихъ рукахъ атстался и черипъ яго съ валасами; но бяду адну сдѣлаў — жалѣю и самъ: булава дѣдушкина палятѣла въ таръ-тарары за Абжорай. Атецъ гаворить царевичу: „Ладна, што избавились атъ Абжоры, а булава, хуть и прапала, нибальшая тутъ яще бида“.

— Охъ, нѣтъ, батюшка, я думаю булаву и тамъ найдить.

— „Ну, што ты чудишъ?“ гаворить царь сваяму царевичу.

— „Батюшка, прикажитя сдѣлать блокъ: я на блаку спущусь и найду булаву. — Узяў ружьё, зарядiў и идеть къ блоку; праваждають яго атецъ и братьтя. Царевичъ просить атца-царя: „Батюшка, якъ спущусь я у таръ-тарары, ты пастаў старажами ли блака ни салдатъ, а сыноў тваихъ—маихъ братьiў; я кали дерну за вяреўку, то бъ яны мяне аттэль бы тащили.“ — Ну, такъ яго и спустили. Iонъ сашоў на тотъ свѣтъ и тамъ начаў искать булаву. Искаўши булавы, нашоў

гнѣздо птушинятъ и прицѣливаитца ихъ бить. Птичиняты исвужались и затрясли сваими крылушками, а іонъ адумаўся. Рашіўся узять ихъ и кармить: можа, у ихъ нѣту ни`тца, ни матири. Начаў ихъ кармить и паить да узросту ихъ. Птицы стали налетывать, и слышать яны, што лятить ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапатница. Стали яны дружка съ дружкыю талкавать: — „Што ты знаишь, сястрица? лятить наша мать-птица, усяму свѣту хлапатница; ина, ни растукаўшись, ни разгуляўшись, Игра Игравича спатрябить; нада намъ яго спрятать: хуть іонъ насъ напугаў, да и памилуваў. А куды жъ мы яго схуваимъ“?

А падружка-птичка атвичаить: „А падъ ту скурлупу, изъ каторый мы сами выхадили“. — Такъ яго туда и спрятали. Прилитаитъ ихъ мать-птица, усяму свѣту хлапатница, и гаворить сваимъ птенцамъ: „Дѣтки мае, гулубятки, хто васъ ускарміў, и хто васъ успаіў? — я тога и сама бъ аблагатварила!“ — Дѣти—птянцы и гаворють ей: Хадіў тутъ якой-та ахотникъ, хатѣў насъ съ ружья пабить — наши жилачки усѣ пазамерли; патомъ іонъ асумніўся, стаў насъ кармить и стаў насъ паить, пакель мы ужу стали пирялетывать. — „А дѣ жъ вы яго дивали?“—Мы спрятали падъ ту скурлупу, съ каторый сами выхадили. — „Идитя и завитя яго ка мнѣ!..“ Птянцы яго вядуть къ сваей матири. Ина, ета птица, яго узяла и гаворить: „Здрастуй, Игра Игравичъ!..“ А іонъ ей: „Здрастуй, птица—усяму свѣту хлапатница!..“ — Вить ты, царевичъ, далико литаишъ, да сваю голаву тиряишъ; толька тымъ и бярешь, што пакорную и паклонную голову и мечъ ни бяреть. Ты тэй свѣтъ увесь абъѣхаў и сюда явіўся! Што жъ тябѣ нужна здѣсь и зачимъ сюда у етый свѣтъ?—„Абжора занесъ булаву; вотъ я пришоў атыскивать яе.“

— Што ты птянцоў маихъ карміў и паіў, за то я тибе атблагадарю. Иди и разыскивай сваю булаву.

Іонъ приходить къ дому тога Абжоры, и на крыльцы сядять двѣ дѣвушки, слезна плачуть и каверъ вышиваютъ, и яны такъ красивы, што идна другей красивій. Іонъ приходить къ имъ и спрашіить у ихъ, якога яны званія и горады. Яны атвичаютъ яму: „Мы дявицы; адну завуть Марюхай, а другую Настюхай; званія мы царскага; украдены заморскимъ Абжорай. Марюшка царства Мятлицкага, а Настюшка царства Вьюгина.“

— Скажитя мнѣ, ти жіў Абжора? — Тыя давицы атвичають: „Жіў“. Іонъ нидаўна сыскаўся и принесъ съ сабой булаву; самъ таперь атдыхаить и булаву въ угблъ паставіў.—Я хачу яго видить; накажитя мнѣ, идѣ іонъ атдыхаить.—Яны яго вводють у спальню, а Абжора спить. Іонъ узяў сваю булаву и адбіў Абжори голаву.

— „Вотъ, красавицы цареўны, Абжоры таперь ужу нѣтъ: я яго са свѣту сжіў.“—Ахъ, царевичъ, у яго іюсть старушка,— та нахитрѣй за яго; яе тольки дома нѣтъ. А мы парадимъ тябѣ, кали ты тутъ насъ ни аставишь, якъ справитца со старухай... Яны узяли залатые ключи, пашли у патайные нагрябы. У пыгрибахъ стыяли двѣ куфы вина: на лѣвымъ баку—сила, а на правымъ—бязсилья.

— „Вотъ, Игра Игравичъ, пей вино съ лѣвый стараны, а съ правый ня трогай. Іонъ, якъ вина напіўся, падносникъ подъ имъ слаиіўся—пачуяў іонъ у сябе болій силы“.

Перекатили куфу съ лѣвый стараны на правую, а съ правый на лѣвую, заперли патайной пограбъ и ушли; ключи павѣсили на мѣста и гаворють:

— „Придить старуха и вызавить тябе сражатца съ сабой,— и ты яе спашибешъ; ина папросить у тябе роздуха и приглаенть тябе папить и пагулять. Вазьметь ина залотые ключи и пайдеть у патайные нагрябы, тамъ іость двѣ куфы вина, и предложить пить вино, а ты пей изъ бочки на правый старанѣ: тады ина аслабѣить, а ты насильнѣешъ.“

Патомъ узяли Игра Игравича и спрятали.

Лятить старуха—съ палета сурьёзна.

Якъ вашла у комнату, и гаворить, што „Русь-Кось“ пахнить. Атвичають ей цареўны красавицы:

— „Бабушка па Руси литала, да руськуга духа набрала!.“— Вы ўретя — вы мяне праводитя! А яны твичають ей: „нѣтъ, бабушка, мы гаворимъ табѣ праўду.“

Глядь, Абжора забитъ. — „Хто жъ ета маяго Абжору забіў?“—Прихадіў якей та челавѣкъ за булавой, узяў булаву и атбіў дѣдушки галаву. — Сейчасъ жа ускачила у комнату Абжоры, яе мужа, и увидала, што Абжоры галава атбита, и лялить галава асоба, а тулува тожа асоба. Разсярдилась дужа и пришла у бальшую злость, громка закрычала: „падайтя мнѣ яго сюды: я яго жіўцомъ зъѣмъ!..“

Дявицы пазвали Игра Игравича; яўляитца къ старухи. — „Ехъ, галубчикъ, ты тэй свѣтъ увесь аблитаў и на еты пришоў; нѣтъ, нѣтъ, таперь ня выкрутисься. За што ты маяго старика убiў?“—За то, кажить Игра Игравичъ: што iонъ маю булаву унёсъ. Вотъ я узяў у яго сваю булаву и атбiў яму галаву.

— „Ну, пайдемъ-ка на расправу!..“ Вышли за варота, и гаворить старуха: „Ну-ка, Игра Игравичъ, дуй поля—токъ!.“ Iонъ, якъ дунуў на 12-ть верстъ, выдуў хруштальный токъ. А ина дунула на 12 верстъ — выдула токъ чугунный; да и начали дратца. Царевичъ старуху сбiў. — „Стой, Игра Игравичъ: пайдемъ, пагуляимъ!..“

Старуха бяреть свае залатыи ключи, атваряить патайнэя пагрябы. — У мене здѣсь iость двѣ куфы вина. Съ каторый староны будимъ пить вино: ти съ правий, ти съ лѣвый?

— „Я буду пить хуть съ правый.“—И, якъ напiўся, яще пасильнѣй стаў; а ина сильна асалапѣла.

Царевичъ и гаворить: „Ну, што, бабъ, адѣ будимъ вуюватца?“—А ина яму ня вымалвила и славечка. Тады iонъ узяў яе за валасы, трихануў—и кости съ кожи вытрисъ. Пришедши къ плѣнницамъ-дявицамъ, и гаворить имъ: „Ну, таперь я усихъ сваихъ и вашихъ урагоў пубядiў. Таперь ни бярития ни злата, ни сребра, а забирайтя драгацѣнныи каменьня!..“ И атправились утраемъ къ блоку; узяў iонъ и сваю булаву.

Пришедши къ блоку, садитца у яго; а дявицы зарыдали горькими слязми и гаворють яму: „Мы табѣ у тваемъ гори пумагли нашимъ савѣтамъ, и ты абищаўся вывисть насъ на руськiй свѣтъ, а между тѣмъ таперь пакидаишъ насъ. Луччи ты пасади насъ на блокъ, а тады самъ сядишъ: твае братьтя навѣрна пададуть табѣ блокъ.“

Царевичъ признаў ихъ слава за праўду, пасадiў дявицъ ва блокъ и тряхнуў имъ. Братьтя яго и патянули. Даваляживають близка ки беригу и замѣтили ихъ красату, и стали другъ съ другымъ гаварить: „Ну, братъ, ти нравютца яны табѣ?“ —Атвичаить другой братъ: Агу! а чаму жъ? — якея пригожiя красавицы!..—„Да во што, братъ. Якъ намъ, братъ, явитца, то iонъ вōзьмить адну сабѣ, а другую каму нибудь изъ насъ уступить... А мы разрѣжимъ вяреўку, вытинуўши ихъ на край, и пустимъ туды адинъ блокъ. Тады еты дявицы бу-

дуть нашими жонами, а братъ на вѣки застанитца на томъ свѣти."

Дявицы абразавались залатыми бярезами и листьями на бярезахъ сяребринами и свились макушка съ макушкаю, и окнища ета зарасло, и признакиў ни 'тстались. Тады яны спугались и сами, да и думають, якъ идить къ атцу и што яму сказать.

Приходють ка 'тцу и гаворють яму: „Батюшка, навѣрна, нашъ братъ на томъ свѣти либа умиръ, а либа убитъ· окнища заруўнувалась, и вырысли два памятника залатыми бярезами съ сяребриныим листьями са свитыми умѣсти макушками."

Игра Игравичъ, узнаўши, што братьтя яго яму изманили, атпраўляитца къ птицы, усяго свѣта хлапатницы, и гаворить яму птица:

„Што, Игра Игравичъ, зрадили тябе тває братчики? — И іонъ заплакалъ горькими слизами. — Штожъ дѣлать? я надѣіўся на ихъ ни такъ, якъ на чужихъ, а яны утварили мнѣ зло хужи чужихъ."

— Но я тваиму горю пумагу: ты маихъ дятей васкарміў и васпаіў. Ступай: набей мнѣ птичикъ и, сколька набьёшъ, усихъ на нитычку навяжи, а заўтри рана ка мнѣ прихади.

Іонъ набіў птицъ цѣлую низку и приходить къ ей. Ина и гаворить яму: „Садись на мяне лягенька и дяржись кряпенька, а, какъ замарюсь, такъ кидай мнѣ въ мой ротъ, штобъ не аслабѣть."

Бяреть іонъ булаву и садитца на птицу лягенька и держитца кряпенька, и пашли на руській свѣтъ. Вызнисла яго вочинь высока и спрашіить яго:

— „Идѣ мы находимся? глянь унизъ!.." Іонъ паглядѣў унизъ и гаворить: „Ничаво ня видна, толька адна вада, якъ хрушталь—знать, мы надъ моримъ."— Ина сіічасъ пиривярнулась унизъ спиною, а у верьхъ нагами—царевичъ и загримѣў, якъ каминь у воду. Тады изноў падхватила яго и пытаить: „А што, Игра Игравичъ, якъ ты спужаўся?" — А іонъ ей атвичаить:

— „Я такъ спужаўся, што няинога атъ смерти атстаўся!."

— Вотъ жа такъ и мае дѣтки атъ тябе пупужались!— вотъ такъ-та хлѣбъ-соль усигда атдаетца!—Вынисла на руській

свѣтъ и пустила. Іонъ и пашоў па гораду ка дварцу. Идетъ служба у Божьимъ храми, и пытаить іонъ:

— „Якей сяводни праздникъ?“ — Тутъ яму и атвичають:

— „Нашъ царь па сыну сваемъ Игры Игравичу саракаустъ атпраўляить“.—Бейтя у калакала: Игра Игравичъ жіў и идеть дамой. — Царю абъ емъ далажили, и іонъ вышіў къ сыну на ўстрѣчу, и радаваўся царь-батюшка благапалушныму вазвращенію сына.

Браты прибижали, слезна плакали и рыдали, на калѣни упадали и гиварили яму: „Многа мы винуваты придъ табою, якъ и предъ Богамъ.“ Игра Игравичъ братамъ сваимъ прастіў ихъ вину. Заветь царя батюшку и сваихъ братцыў къ тому мѣсту, идѣ стаять двѣ бярезы. Приходють къ тому мѣсту, стыять двѣ красивыя красавицы. Падходить и Игра Игравичъ и гаворить имъ: „Здрастуйтя, цесареўны-плѣнницы!“ и яны яму пакланились.

Бяреть іонъ за руку адну царевну Мархвуту и гаворить бόльшиму брату: „Вотъ табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

Тады бяреть за руку Настасьсю и гаворить мяньшому брату: „Вотъ и табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

— Ну, што жъ ты, сынокъ, гаворить царь: братьямъ нявѣстъ атдаешъ, а сабѣ ни водный ни бярешъ?.. Игра Игравичъ 'твичаить: „Батюшка, аба мнѣ ни клапатитя: я сабѣ даўнымъ даўно нашоў.“ — Пашли яны у сваe палаты свадьбы гулять; гуляли яны мѣсицъ, а можа, и нядѣль десить. Въ адинъ день уся свита царская пашли у зяленый садъ гулять, и тольки у етый день и часъ у ета царства въизжаить мураўская цареўна Алена и падъизжаить къ царскыму саду си сваимъ сыномъ. Сынъ, увидаўши царскую свиту въ саду, гаворить матири: „Пасматри-ка, маминька, какъ нашъ дѣдушка гуляить съ маимъ папинькай и съ дядюшками по саду!..“

— Пачаму жа ты, милый мой сыночикъ, знаишъ, што ети люди твае дѣдушка, папинька и дядюшки?—Сынъ на ета матири гаворить: „Ехъ, маминька, воранъ ворана далеча видить.“ — Игра Игравичъ узнаў прикрасную Алену и скорымъ поспихымъ пряма къ ей на ўстрѣчу, цулувались у сахорные уста, и приняў ихъ да чести у сваe палаты, паказаў и разсказаў атцу, што ета прекрасная Алена яго нявѣста. Ни мала

ня медля, начали пива варить и свадьбу завадить. Свадьбу сыйграли, пива папили и мѣсяца два и три пувисялились. Царь-батюшка атдаў яму (Игры Игрывачу) палавину царства.

Яны стали жить и быть и дабро наживать.

№ 11.

Абъ старикѣ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; якъ тэй старикъ двумъ братамъ па паласѣ мяса изъ спйны выризаў, а третій братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяньшой братъ старику баіў; у тэй сказки дубъ да нибѳсъ.

Жили три братьти: два разумныхъ, а третій дуракъ. И пашли яны на ахоту ў лѣсъ. Цѣлый день хадили и заблудили. Заначували у лясу. Яны думали, якъ тутъ нучувать:

— „Агня у насъ, братія, нѣту!“

Старшій братъ гаворить:

— „Узлѣзь-ка, братъ, на височую ѳлку, ня ўвидишъ ли йдѣ агонь.“

Средній братъ узлѣзъ на височую ѳлку и гаворить:

— „Братцы, у етый старанѣ видинъ аганекъ.“

Старшій братъ пашолъ за 'гнемъ, приходить у густыя мѣста, къ балоту—пасматрить: стаить избушка на курьихъ ножкахъ; увыйшолъ у хату ахотникъ — ляжить старичёкъ, самъ на кутѣ, а носъ на крюку, а ноги на грядкахъ.

Іонъ яму гаворить:

— Здрастуй, дѣдька!

— „Здрастуй, лябѳдька!“

— Дай-ка, дѣдька, игню.

— „Скажи сказку и прикызку, третьтію нѳбыльницу; а кыда ни скажишъ, дыкъ дай пыласу сы спины выкрыю и восьсю патру, и игню дамъ.“ — Узяў жа іонъ яму са спины пыласу выкрыіў, восьсю патёръ и игню даў.

Ахотникъ агонь узялъ и пашолъ. Приходить къ сваимъ братьтимъ: чуть ни дайшолъ—спина у яго разбалѣлась, и агонь пигасъ. Іонъ приходить къ братьтимъ и гаворить:

— „Зыгасъ агонь.“

— Иди, братъ, сяредній братъ, за агнемъ!

И сяреднину брату здѣлылась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етытъ ни принесъ агня. Пасылають дурака. Дуракъ пашолъ за агнёмъ, и яны мижда собе разгаварявали:

— „Пущай жа нашиму дураку пыласу выкрыить—ня 'днемъ намъ стрыдать.“

Приходить дуракъ кы'збушки, у вайзбушку увашолъ: ляжить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ,—и сказалъ яму.

— Здрастуй, дѣдька!

— „Здрастуй, лябѳдька!“

— Дай, дѣдька, агню!

— „Скажи сказку, прикызку, а третію нибыльницу. А кыда ни скажишъ, дыкъ дай выкрыю пыласу сы спины и восію патру, и игню дамъ.“

Атвичаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—тольки ни гавари, што „нигешъ.“ Если жъ скажишъ, выкрыю пыласу са спины и восію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на ета сагласился.

Начаў етытъ ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, паслалъ мине батюшка на крезбины звать. Я пашоў зазывать сасѣдій: два двора минуў, а третій пазабыў—и усё такъ. Усяе дяреўню ни зызвалъ, а пришло народу на крезбины множиства—ихъ и пасадить нейди. Я былъ дагадліў: каторыга на колъ, какорыга на рыгатину—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясянѳвый коўшъ былъ ни выдалбовный. Начаў я потчивать сасѣдіў ближнихъ: два кыўша у лобъ, а третій гарѣлки; употчиваў ихъ, што анѣ съ-застолья ня вылизуть.

Кой-какъ прачухалися, разыйшлись. Захатѣлъ мой дѣдушка [illegible] Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ пилу, нашолъ на ахоту. [illegible] гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, [illegible] ирался; узлѣзъ ны гару, сматрю: тамъ возира, на[illegible] утычки: двѣ бѣлиньких, а третьтія, якъ сняжокъ, [illegible] пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третію [illegible] усихъ трёхъ убіў. Свалился тыпарокъ съ тынарища—

тыпарокъ плаваитъ, а тыпарища патанула. Якъ жа яво дыстать?

Я началъ вокыла липникъ, алешникъ рубить ды драть и рѣзвины визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка и тыпарокъ. Принёсъ дамоў.

— „Благадарю тибе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить): я и съ крезбинъ пупраўлюси-тка дичинкый."

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мине ахота: апять пашолъ къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокыла трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣрился, якъ етыхъ дятлыў узять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гылава аттуда ня лѣзить, — гылаву атставіў. Пабѣхъ дамоў, узялъ тыпарокъ, пришоў ипять къ етыму трыснику, разрубилъ галаву сваю, пылажилъ на плечи и пашоў.

Ишоў вокыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣлъ напитца; и съ сваей гылавы сняў чиряпокъ, напился палажилъ чиряпокъ на гылаву, пашоў кала ряки, пысматрѣў зà рику, увидаў: мядьвѣдь щимиля дяреть. Я тиризъ ряку пирискачилъ, пришолъ къ мядьвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядьвѣдь пывалился.

И гыварю мядьвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?"

Мядьвѣдь гыварить:

— „Абищаўся щамель два пуда меду дать—во за ета я яво и дяру".

Я, дѣдичка, мядьвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мёду мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мёдъ узять? Я быў дагадліў: сыдраў лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ поисъ. Прихажу къ рякѣ—пиряйдить нейди. Тада у гырячныети пирябѣхъ скора, а таперь пиряйти нейди. Пысматрю падъ кустъ: стытъ двѣ лотычки: идна дирявая, а другая бяздонная. Я у дирявую самъ сѣлъ, а у бяздонную мёдъ пылажилъ. Пиряѣхалъ ряку, пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Пріѣхылъ за мёдымъ, нылажилъ возъ мёду, ящо нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ у вароты ня лѣзить. Я быў дагадліў: прабуравилъ шула буравомъ—мой возъ и съ кабылый прыскачилъ. Кабылу атпрёхъ, начилъ мёдъ приберать.

И сяреднину брату здѣлылась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етытъ ни принесъ агня. Пасылають дурака. Дуракъ пашолъ за агнёмъ, и яны мижда собе разгаваривали:

— „Пущай жа нашиму дураку пыласу выкрыить—ня 'днемъ вамъ стрыдать.“

Приходить дуракъ кы'збушки, у вайзбушку увашолъ: ляжить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ,—и сказалъ яму.

— Здрастуй, дѣдька!

— „Здрастуй, лябёдька!“

— Дай, дѣдька, агню!

— „Скажи сказку, прикызку, а третію нибыльницу. А кыда ни скажишъ, дыкъ дай выкрыю пыласу сы спины и восію патру, и игню дамъ.“

Атвѣчаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—тольки ни гавари, што „нягешъ.“ Если жъ скажишъ, выкрыю пыласу са спины и восію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на ета сагласился.

Начаў етытъ ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, паслалъ мине батюшка на крезбины звать. Я пашоў зазывать сасѣдій: два двора минуў, а третій пазабыў—и усё такъ. Усяе дяреўню ни зназвалъ, а пришло народу на крезбины множиства—ихъ и пасадить нейдя. Я былъ дагадліў: каторыга на колъ, какорыга на рыгатину—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясяндвый коўшъ былъ ни выдалбовный. Начаў я потчивать сасѣдіў ближнихъ: два кыўша у лобъ, а третій гарѣлки; употчиваў ихъ, што анѣ съ-застолья ня вылизуть.

Кой-какъ прачухалися, разыйшлись. Захатѣлъ мой дѣдушка дичинки. Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ пилу, нашолъ на ахоту. Прихажу—гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, шилымъ пупирался; узлѣзъ ны гару, сматрю: тамъ возира, плавають три вутычки: двѣ бѣлинькихъ, а третьтія, якъ сняжокъ, бѣлинька. Я пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третію ни пупаў—усихъ трёхъ убіў. Свалился тыпарокъ съ тыпарища—

тыпарокъ плавать, а тыпарища патанула. Якъ жа яво дыстать?

Я началъ вокыла липникъ, алешникъ рубить ды драть и рѣзвины визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищійка и тыпарокъ. Принёсъ дамоў.

— „Благадарю тибе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить): я и съ крезбинъ пупраўлюси-тка дичинкый.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мине ахота: апять пашолъ къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокыла трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣрился, якъ етыхъ дятлыў узять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гылава аттуда ня лѣзить, — гылаву атставіў. Пабѣхъ дамоў, узялъ тыпарокъ, пришоў ипять къ етыму трыснику, разрубилъ галаву сваю, пылажилъ на плечи и пашоў.

Ишоў вокыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣлъ напитца; и съ сваей гылавы сняў чиряпокъ, напился палажилъ чиряпокъ на гылаву, пашоў кала ряки, пысматрѣў за̀ рику, увидаў: мядьвѣдь щимиля дяреть. Я тиризъ ряку пирискачилъ, пришолъ къ мядьвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядьвѣдь пывалился.

И гыварю мядьвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядьвѣдь гыварить:

— „Абищаўся щамель два пуда меду дать—во за ета я яво и дяру“.

Я, дѣдичка, мядьвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мёду мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мёдъ узять? Я быў дагадліў: сыдраў лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ поисъ. Прихажу къ ракѣ—пиряйдить нейди. Тада у гырячныти пирябѣхъ скора, а таперь пиряйти нейди. Пысматрю падъ кустъ: стыять двѣ лотычки: идна дирявая, а другая бяздонная. Я у дирявую самъ сѣлъ, а у бяздонную мёдъ пылажилъ. Пирямѣхалъ ряку, пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Прієхылъ за мёдымъ, нылажилъ возъ мёду, ящо нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ у вароты ня лѣзить. Я быў дагадліў: прабуравилъ шула буравомъ—мой возъ и съ кабылый прыскачилъ. Кабылу атпрёхъ, начилъ мёдъ приберать.

Кабыла атарвалась, пашла къ рякѣ, у лотки наѣлась лёду, напилась вады—издохла.

Я и нашолъ кабылу ету. Абадраў и пувалокъ кожу дамой.

Аглянулся назадъ: идеть кабыла галая, а мужуки одли дароги сѣють грячиху. Кабыла и пакаталася на грядкоўи. Вотъ, мой ты дѣдичка, на маей кабыли стала рось грячиха. Рысла, рысла и затвила, ужъ начала пуспивать.

Отъ, мой ты дѣдичка, якъ увялились у яе татери. Я бнў дагадліў: приправіў два карыба, на хвасту даўбню. Што кабыла сходить у поля, то мнѣ два корабы тятеръ и насеть. Хадила мая кабыла падъ дубами: свалился жалўдъ—и пряма на кабылу и убился мижда ряберъ, и началъ, мой ты дѣдичка, да на маей кабыли да рость дубъ и маю кабылу прижалъ.

Вырысъ іонъ вочинь вяликій—падъ самыи нибиса.

Вотъ, ты мой дѣдичка, скора гаваритца, да няскора дѣлаитца.

Я якъ палѣзъ на тэй свѣтъ, пагляжу, што тамъ дѣлаитца: мой батька да на тваимъ батьки смалу возить.

Дѣдъ и гаворить:

— „Аўгёшъ!"—Етытъ жа ахотникъ и гаворить дѣду:

— „У насъ зъ вами былъ дагаворъ, штоба етыва слова ни гаварить."

Тыда узялъ ахотникъ сы стариковый спины пыласу выкрыіў, агня узялъ и пашоў къ братьтимъ.

Братьтя и гаворють:

— „Ну, што, братъ, ти выризалъ паласу?"

— Нѣ! Я яму.

Братьтя здивилися и дамоў пупашли.

№ 12.

Деревня Бердебяки, Ельнинскаго уѣзда.

Абъ діўнымъ лятучимъ старикѣ—самъ съ кокыть, а барада семъдесятъ сажонъ; абъ яго лашадяхъ, скидываўшихся сароками и воронами. Иванъ Царевичъ.

Падарки діўнога старика Ивану Царевичу: 1) мѣдная лошадь и дырагое зьяющее кальцо, 2) сяребриная лошать и гусли самагуды, 3) зылатая лошать и боты самаплясы. Иванъ Царевичъ збяўляить Димьяна атъ нипріятильскыга царя и яго сына Лукапера; зъ царскый дочкый женитца.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ гасударстви, быў царь, а у яво було войска: мурзы и татары. У етыва царя быў ў близи мужикъ, и було у етыга мужука три сына: два вумныхъ, а третій дуракъ. Пасѣяли яны пашаницу. Пашаница урадилась харошія. Пуваділся у ету пашаницу хадить нѣхта: пашаница паталочина. Мужикъ призваў свайго сына старшага и приказаў яму пашаницу стяречъ. Пашоў іонъ къ пашаницы,—зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и гаворить: „Ну, я ни видаў никога!“—На ўтарую ночъ пашоў сяредній сынъ, зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и сказаў, што никога ни видаў. На третію ночь пашоў дуракъ, увайшоў у пашаницу и сѣў на мяжу. У самую поўнычъ прилятѣла дрямучія стада лашадей, и стали ети лошади пашаницу бить-таптать.—Пу мяжи идеть діўный старикъ: самъ съ кокыть, барада съ локыть, а 70 сажонъ адна пуга. Идеть іонъ етыю мяжою, идѣ дуракъ сядить. Вотъ дуракъ ускочіў, уплутаўся ў бараду діўнога старика и пуваліў яго на землю, сѣў на яго и ни пускаить яго да самыга абѣда; лошади паслыхали шумъ, паскидались сароками и варонами и палятѣли. Пара садитца абѣдать, а дурука усё нѣту. Мужикъ гаворить: „Идитя вы яго узбудитя: а то праспить іонъ да самага абѣда.“—Падходють яны къ етыму дураку и думали, што яго звѣрь ѣсть: варочіитца у пашаницы. Приводють яны діўнога старика къ атцу; атецъ и пытаить у дурука: „Дуракъ, а лошади идѣ?“—А палятѣли яны сароками и варонами!—„Во, дуракъ пу дурацки гаворить: када жа лошади литали?“ — Атецъ гаворить:

„Запригайти-ка вы тялѣгу: пувязёмъ етыва старика къ царю.“— Гасударь етыму старику сдѣлаў стоўбъ, аставіў толька вакошичка, штоба падавать яму пищу, а ключи атдаў царицы и приказаў ни выпускать яго. У етыва гусударя быў сынъ. Атецъ яму для патѣхи скуваў три булавы: мѣдную, сяребриную и залатую. Царевичъ по саду хадіў и ети булавы кидаў; залятѣла адна у вѳду, другая у траву, а третія пупала къ діўнму старику. Царевичъ гаворить: „Ахъ, діўнай старикъ, атдай маю булаву!“—Выпусти мяне: тада атдамъ!—„А какъ жа мнѣ тябе выпустить: ключи у матири?!..—А во какъ: приди и скажи:—„Маминька, у мяне балить гылыва!“—Ана станить у тябе ў галавы канать, а ты вытащи у яе ключи, а тада такимъ жа парядкымъ и паложишъ. — Царевичъ пришоў къ матири: „Маминька, галава балить!“—А царица свайго сына вочинь любила. Стала ана у яго пытать, чаго галавѣ хварать: стала яго ласкать-цалувать, а іонъ у яе тайкомъ вырваў ключи, пубижаў и выпустіў діўнова старика. Старикъ сказаў: „Працай. Иванъ Царевичъ!“ – и палятѣў: толька яво и видили. Царевичъ пришоў апять къ матири сваей, гаворить: „Маминька, у мяне галава балить.“—Царица стала у яго у гѳлыви капать, іонъ ипять патйхиньку привизаў ей ключи. А кароль приглясіў усихъ царей и князей. Прибыли уси князи и карали глядѣть діўнога старика. Аттварили етытъ стоўбъ, паглидять: нѣту тамъ ничаво, тольки адинъ навозъ. Тада етытъ царь вочинъ разсердіўся и гавѳрить: „Ну, када узнаю, хто яго выпустіў, то я тому голаву атрублю!“—Уси князи и цари наразъѣхались. Адинъ разъ Иванъ царевичъ гуляў па саду съ садоўниковымъ сынымъ, Иванъ царевичъ гаворить на садоўникыва сына: „А што ба було тому, ято выпустіў діўнога старика?“ —Ахъ, Иванъ царевичъ, ета ужу було даўно: ничога за ета ня будить. — „Ну, дыкъ паслухай: діўнога старика выпустіў—я!..“ —Какъ такъ?—„А во такъ и такъ!..“ — Садоўникыў сынъ сичасъ прибѣгъ къ царю: „Ваша вяличиства, а што вы знаитя?“—А што?—„Діўнога старика выпустіў вашъ сынъ, Иванъ царевичъ.“ — Какъ такъ?!. — „А, вотъ, такъ и такъ.“—Кароль разгнѣваўся и узяў свайго сына падъ стражу и ка ўсимъ князямъ и царямъ написаў: „Штоба были уси здѣсь у маемъ царстви: я буду казнить свайго сына.“—Прибыли уси цари и князи и гаворють: „Ну, какая табѣ польза,

што ты свайго сына казнишъ? Када табѣ ужу яго ни жалка, то выгнии яго изъ дварца и лиши наслѣдства.“—Царь паслушаў ихнига савѣту и выгнуў Ивана царевича изъ дому. Пашоў царевичъ, куды глязы глидять, и думаить: „Вярнусь я къ атцу, пупрашу сабѣ лошадь, а ў таварыши вадавозныга сына.“ — Вярнуўся іонъ къ атцу. Яму атецъ даў лошадь царскую, адёжу царскию; мать яму дала денигъ, дали яму у таварыши вадавозныга сына съ лошадьдю вадавознуськыю. Ѣхали аны, ѣхали; захатѣлись имъ пить. Наизжають яны на калодись: вада у іонъ атъ краю аршина на чатыри, а ў калодиси плаваить диривянныя чашка. Какъ тутъ напитца? — Вотъ вадавозну сынъ гаворить: „Вазьмемъ навяжимъ пувады, я тябе спущу туды: ты тамъ напьёстя и мнѣ падаси.“ — Вотъ вадавозну сынъ навизаў пувады и спустіў у калодись Ивана царевича. Царевичъ напіўся и гаворитъ: „Вадавозъ, тяни.“ — Ну, нѣтъ ни патягну!—„Пачаму?“—А патаму: пиримянись са мной на платьтя и на лашадей: будь ты Иванымъ-вадавознымъ, а я буду Иванымъ царевичимъ—патягну; а ня хочишъ—прападай тамъ!—„Ну, тягни: я сагласинъ!“—Вадавозъ вытигнуў яго, пуминяўся съ имъ на лашадей и на платьтя: Иванъ царевичъ стаў Иванъ вадавозъ, а Иванъ вадавозъ стаў Иванъ царевичъ. Пріѣхали яны у царства Димьянова. Царь Димьянъ гаворить: „Какова вы іось роду?“ — Вадавозъ гаворить: „Я Иванъ царевичъ, а ета мой вадавозъ.“—Тада царь гаворить: „Ну, ты у мяне будишь министиръ, и я тябе пиривинчаю на сваей дочки, а вадавоза твайго я пашлю служить на канюшню.“— Паставили яго на канюшню, а на канюшни тэя самыя лошади, каторыхъ пасъ діўнэй старикъ. На заўтрига выгнуў іонъ етыхъ лашадей у поля, за навэя варата, на шурокыя раздолья.— Выгнуў ихъ, сѣў на купинку, — лошади паскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Іонъ сядѣў, сядѣў на купинки и гаворить самъ сабѣ:—„Ахъ, черизъ каго я пагибаю, кады ня черизъ діўнова старика!?“ — Діўнэй старикъ къ яму нясетца, ажну барада трясетца.—„Иванъ царевичъ, садись на мяне: паѣдимъ ка мнѣ ў гости.“ — Иванъ царевичъ сѣў на яго, за бараду дяржитца и паѣхаў у царства діўнога старика. Привёзъ іонъ яго у свой домъ, а домъ тритажный, и гаворить на сваю жану: „Жина мыя милыя, харошига гостя харашо и принимають?“ — А, канешня: вяди яго за столъ. — Вотъ яго

Дявицы пазвали Игра Игравича; яўляитца къ старухи. — „Ехъ, галубчикъ, ты тэй свѣтъ увесь аблитаў и на етый пришоў; нѣтъ, нѣтъ, тяперь ня выкрутисься. За што ты маяго старика убіў?“—За то, кажить Игра Игравичъ: што іонъ маю булаву унёсъ. Вотъ я узяў у яго сваю булаву и атбіў яму галаву.

— „Ну, пайдемъ-ка на расправу!..“ Вышли за варота, и гаворить старуха: „Ну-ка, Игра Игравичъ, дуй поля—токъ!.“ Іонъ, якъ дунуў на 12-ть верстъ, выдуў хруштальный токъ. А ина дунула на 12 верстъ — выдула токъ чугунный; да и начали дратца. Царевичъ старуху сбіў. — „Стой, Игра Игравичъ: пайдемъ, пагуляимъ!..“

Старуха бяреть свае залатыи ключи, атваряить патайнэя паграбы. — У мене здѣсь іость двѣ куфы вина. Съ каторый стараны будимъ пить вино: ти съ правий, ти съ лѣвый?

— „Я буду пить хуть съ правый.“—И, якъ напіўся, яще пасильнѣй стаў; а ина сильна асалапѣла.

Царевичъ и гаворить: „Ну, што, бабъ, адѣ будимъ вуювагца?“—А ина яму ня вымалвила и славечка. Тады іонъ узяў яе ·зà валасы, трихануў—и кости съ кожи вытрисъ. Пришедши къ плѣнницамъ-дявицамъ, и гаворить имъ: „Ну, таперь я усихъ сваихъ и вашихъ урагоў пубядіў. Таперь ни бярита ни злата, ни сребра, а забирайтя драгацѣнныи каменьня!..“ И атправились утраемъ къ блоку; узяў іонъ и сваю булаву.

Пришедши къ блоку, садитца у яго; а дявицы зарыдали горькими слязми и гаворють яму: „Мы табѣ у тваемъ горя пумагли нашимъ савѣтамъ, и ты абищаўся вывисть насъ на руській свѣтъ, а между тѣмъ таперь пакидаишъ насъ. Лучче ты пасади насъ на блокъ, а тады самъ сядишъ: твае братьтя навѣрна пададуть табѣ блокъ.“

Царевичъ признаў ихъ слава за праўду, пасадіў дявицъ ва блокъ и тряхнуў имъ. Братьтя яго и патянули. Давалакиваютъ близка ки беригу и замѣтили ихъ красату, и стали другъ съ другымъ гаварить: „Ну, братъ, ти нравютца яны табѣ?“ — Атвичаить другой братъ: Агу! а чаму жъ? — якея пригожія красавицы!..—„Да во што, братъ. Якъ намъ, братъ, явитца, то іонъ вòзьмить адну сабѣ, а другую каму нибудь изъ насъ уступить... А мы разрѣжимъ вяреўку, вытинуўши ихъ на край, и пустимъ туды адинъ блокъ. Тады еты дявицы бу-

дуть нашими жонами, а брать на вѣки застанитца на томъ свѣти."

Дявицы абразавались залатыми бярезами и листьями на бярезахъ сяребрянами и свились макушка съ макушкаю, и окнища ета зарасло, и признакну ни 'тсталысь. Тады яны спугались и сами, да и думають, якъ идить къ атцу и што яму сказать.

Приходють 'ка 'тцу и гаворють яму: „Батюшка, навѣрна, нашъ брать на томъ свѣти либа умиръ, а либа убитъ· окнища заруўнувалась, и вырысли два памятника залатыми бярезами съ сяребряными листьями са свитыми умѣсти макушками."

Игра Игравичъ, узнаўши, што братьтя яго яму изманили, атпраўляитца къ птицы, усяго свѣта хлапатницы, и гаворить яму птица:

„Што, Игра Игравичъ, зрадили тябе твае братчики? — И іонъ заплакалъ горькими слизами. — Штожъ дѣлать? я надѣіўся на ихъ ни такъ, якъ на чужихъ, а яны утварили мнѣ зло хужи чужихъ."

— Но я тваиму горю пумагу: ты маихъ дятей васкарміў и васпаіў. Ступай: набей мнѣ птичикъ и, сколька набьёшъ, усихъ на нитычку навяжи, а заўтри рана ка мнѣ прихади.

Іонъ набіў птицъ цѣлую низку и приходить къ ей. Ина и гаворить яму: „Садись на мяне лягенька и дяржись кряпенька, а, какъ замарюсь, такъ кидай мнѣ въ мой ротъ, штобъ не аслабѣть."

Бяреть іонъ булаву и садитца на птицу лягенька и держитца кряпенька, и пашли на руській свѣтъ. Вызнисла яго вочинь высока и спрашіить яго:

— „Идѣ мы находимся? глянь унизъ!.." Іонъ паглядѣў унизъ и гаворить: „Ничаво ня видна, толька адна вада, якъ хрушталь—знать, мы надъ моримъ."— Ина сійчасъ пиривярнулась унизъ спиною, а у верьхъ нагами—царевичъ и загримѣў, якъ каминь у воду. Тады изноў падхватила яго и пытаить: „А што, Игра Игравичъ, якъ ты спужаўся?" — А іонъ ей атвичаить:

— „Я такъ спужаўся, што нямнога атъ смерти атстаўся!."

— Вотъ жа такъ и мае дѣтки атъ тябе пупужались!— вотъ такъ-та хлѣбъ-соль усигда атдаетца!—Вынисла на руській

свѣтъ и пустила. Іонъ и пашоў па гораду ка дварцу. Идеть служба у Божьимъ храми, и пытаить іонъ:

— „Якей сяводни праздникъ?“ — Тутъ яму и атвичають:

— „Нашъ царь па сыну сваемъ Игры Игравичу саракаустъ атпраўляить“.—Бейтя у калакала: Игра Игравичъ жіў и идеть дамой. — Царю абъ емъ далажили, и іонъ вышіў къ сыну на ўстрѣчу, и радаваўся царь-батюшка благапалушныму вазвращенію сына.

Браты прибижали, слезна плакали и рыдали, на калѣни упадали и гиварили яму: „Многа мы винуваты придъ табою, якъ и предъ Богамъ.“ Игра Игравичъ братамъ сваимъ прастіў ихъ вину. Заветь царя батюшку и сваихъ братцыў къ тому мѣсту, идѣ стаять двѣ бярезы. Приходють къ тому мѣсту, стыять двѣ красивыя красавицы. Падходить и Игра Игравичъ и гаворить имъ: „Здрастуйтя, цесареўны-плѣнницы!“ и яны яму пакланились.

Бяреть іонъ за руку адну царевну Мархвуту и гаворить бóльшиму брату: „Вотъ табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

Тады бяреть за руку Настасьсю и гаворить мяньшому брату: „Вотъ и табѣ нявѣста; а за што—знай, и свадьбу играй!..“

— Ну, што жъ ты, сынокъ, гаворить царь: братьямъ нявѣстъ атдаешъ, а сабѣ ни водный ни бярешъ?.. Игра Игравичъ 'твичаить: „Батюшка, аба мнѣ ни клапатитя: я сабѣ даўнымъ даўно нашоў.“ — Пашли яны у свае палаты свадьбы гулять; гуляли яны мѣсицъ, а можа, и нядѣль десить. Въ адинъ день уся свита царская пашли у зяленый садъ гулять, и тольки у етый день и часъ у ета царства въизжаить мураўская цареўна Алена и падъизжаить къ царскыму саду си сваимъ сыныиъ. Сынъ, увидаўши царскую свиту въ саду, гаворить матири: „Пасматри-ка, маминька, какъ нашъ дѣдушка гуляить съ наимъ папинькай и съ дядюшками по саду!..“

— Пачаму жа ты, милый мой сыночикъ, знаишъ, што ети люди твае дѣдушка, папинька и дядюшки?—Сынъ на ета матири гаворить: „Ехъ, маминька, воранъ ворана далеча видить.“ — Игра Игравичъ узнаў прикрасную Алену и скорымъ поспихымъ пряма къ ей на ўстрѣчу, цулувались у сахорные уста, и приняў ихъ да чести у свае палаты, паказаў и разсказаў атцу, што ета прекрасная Алена яго нявѣста. Ни мала

ня медля, начали пива варить и свадьбу завадить. Свадьбу сыйграли, пива папили и мѣсяца два и три пувисялились. Царь-батюшка атдаў яму (Игры Игрывачу) палавину царства.

Яны стали жить и быть и дабро наживать.

№ 11.

Абъ старикѣ—«самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ»; якъ тэй старикъ двумъ братàмъ па паласѣ мяса изъ спйны выризаў, а третій братъ старику тоя жъ здѣлалъ. Сказка, што мяньшой братъ старику баіў; у тэй сказки дубъ да нибѳсъ.

Жили три братьти: два разумныхъ, а третій дуракъ. И пашли яны на ахоту ў лѣсъ. Цѣлый день хадили и заблудили. Заначували у лясу. Яны думали, якъ тутъ нучувать:

— „Агня у насъ, братія, нѣту!“

Старшій братъ гаворить:

— „Узлѣзь-ка, братъ, на височую елку, ня ўвидишъ ли йдѣ агонь.“

Средній братъ узлѣзъ на височую елку и гаворить:

— „Братцы, у етый стыранѣ видинъ аганекъ.“

Старшій братъ пашолъ за 'гнемъ, приходить у густыя мѣста, къ балоту—пасматрить: стаить избушка на курьихъ ножкахъ; увыйшолъ у хату ахотникъ — ляжить старичёкъ, самъ на кутѣ, а носъ на крюку, а ноги на грядкахъ.

Іонъ яму гаворить:

— Здрастуй, дѣдька!

— „Здрастуй, лябѳдька!“

— Дай-ка, дѣдька, игню.

— „Скажи сказку и прикызку, третьтію нѳбыльницу; а кыда ни скажишъ, дыкъ дай пыласу сы спины выкрыю и восьсю патру, и игню дамъ.“— Узяў жа іонъ яму са спины пыласу выкрыіў, восьсю патёръ и игню даў.

Ахотникъ агонь узялъ и пашолъ. Приходить къ сваимъ братьтимъ: чуть ни дайшолъ—спина у яго разбалѣлась, и агонь пигасъ. Іонъ приходить къ братьтимъ и гаворить:

— „Зыгасъ агонь.“

— Иди, братъ, сяредній братъ, за агнемъ!

И сяреднину брату здѣлылась тожа адно, какъ и старшаму брату—и етытъ ни принесъ агня. Пасылають дурака. Дуракъ пашолъ за агнёмъ, и яны мижда собе разгаваривали:

— „Пущай жа нашиму дураку пыласу выкрыить—ня 'днемъ намъ стрыдать.“

Приходить дуракъ кы'збушки, у вайзбушку увашолъ: лежить старичекъ, самъ на кутѣ, носъ на крюку, ноги на грядкахъ,—и сказалъ яму.

— Здрастуй, дѣдька!

— „Здрастуй, лябѐдька!“

— Дай, дѣдька, агню!

— „Скажи сказку, прикызку, а третію нибыльницу. А кыда ни скажишъ, дыкъ дай выкрыю пыласу сы спины и восію патру, и игню дамъ.“

Атвичаить дуракъ:

— „Я табѣ скажу, дѣдъ—тольки ни гавари, што „нигешъ.“ Если жъ скажишъ, выкрыю пыласу са спины и восію патру и агня вазьму.“—Такъ іонъ, старикъ, на ета сагласился.

Начаў етытъ ахотникъ гаварить сказку.

— „Вотъ, дѣдъ, первыя сказка!“

Какъ я съ дѣдушкыю жилъ, а батюшка ни радился. Какъ батюшка радился, пасладъ мине батюшка на крезбины звать. Я пашоў зазывать сасѣдій: два двора минуў, а третій пазабыў—и усё такъ. Усяе дяреўню ни зызвалъ, а пришло народу на крезбины множиства—ихъ и пасадить нейди. Я билъ дагадліў: каторыга на колъ, какорыга на рыгатину—и усѣхъ пасажалъ.

У майго дѣдушки ясянѐвый коўшъ былъ ни выдалбовный. Начаў я потчивать сасѣдіў ближнихъ: два кыўша у лобъ, а третій гарѣлки; употчиваў ихъ, што анѣ съ-застолья ня вылизуть.

Кой-какъ прачухалися, разышлись. Захатѣлъ мой дѣдушка дичинки. Я ўзялъ тыпарокъ и ўзялъ пилу, пашолъ на ахоту. Прихажу—гара високая. Я на ту гару лѣзть. Лѣзъ, лѣзъ, шилымъ пупирался; узлѣзъ ны гару, сматрю: тамъ возира, плавають три вутычки: двѣ бѣлиньких, а третьтія, якъ сняжокъ, бѣлинька. Я пустилъ на ихъ тыпарокъ: двухъ мима, а третію ни пупаў—усихъ трёхъ убіў. Свалился тыпарокъ съ тынарища—

тыпарокъ плаваить, а тыпарища патанула. Якъ жа яво дыстать?

Я началъ вокыла липникъ, алешникъ рубить ды драть и рѣзвины визать; навизалъ рѣзвинъ и началъ воду съ возира вынашивать. Воду вынысилъ, дысталъ утычикъ и тыпарищiйка и тыпарокъ. Принёсъ дамоў.

— „Благадарю тибе, мой унучикъ! (дѣдушка гаворить): я и съ крезбинъ пупраўлюси-тка дичинкый.“

— Вотъ, мой дѣдичка, узила мине ахота: апять пашолъ къ яму на ахоту и тыпарокъ ни ўзялъ съ сабою. Иду вокыла трыснику—у трыснику, у былинкахъ, дятлы пищать. Я памѣрился, якъ етыхъ дятлыў узять—рука ня лѣзить.

Я гылаву усадилъ, паѣлъ ихъ тамъ; хатѣлъ идить—гылава аттуда ня лѣзить, — гылаву атставiў. Пабѣхъ дамоў, узялъ тыпарокъ, пришоў ипять къ етыму трыснику, разрубилъ галаву сваю, пылажилъ на плечи и пашоў.

Ишоў вокыла ряки — рѣчка крутабирегая; зыхатѣлъ напитца; и съ сваей гылавы сняў чиряпокъ, напился палажилъ чиряпокъ на гылаву, пашоў кала ряки, пысматрѣў за̀ рику, увидаў: мядьвѣдь щимиля дяреть. Я тиризъ ряку пирискачилъ, пришолъ къ мядьвѣдю, тыпаркомъ яво пихнулъ—мядьвѣдь пывалился.

И гыварю мядьвѣдю:

— „За што ты етыва чилавѣка дярешъ?“

Мядьвѣдь гыварить:

— „Абищаўся щамель два пуда меду дать—во за ета я яво я дяру“.

Я, дѣдичка, мядьвѣдя прыгналъ. Щамель два пуда мёду мнѣ далъ. Ва што мнѣ етытъ мёдъ узять? Я быў дагадлiў: сыдраў лыка, на лыка яво зывизалъ, да падъ поисъ. Прихажу къ ракѣ—пиряйдить нейди. Тада у гырячнысти пирябѣхъ скора, а таперь пиряйти нейди. Пысматрю падъ кустъ: стыять двѣ лотычки: идна дирявая, а другая бяздонная. Я у дирявую самъ сѣлъ, а у бяздонную мёдъ пылажилъ. Пиряѣхалъ ряку, пубижалъ дамой, залажилъ кабылу. Прiѣхылъ за мёдымъ, нылажлъ возъ мёду, ящо нямножка и ни забралъ. Привезъ дамой - возъ у вароты ня лѣзить. Я быў дагадлiў: прабуравилъ шула буравомъ—мой возъ и съ кабылый прыскачилъ. Кабылу атпрёхъ, начилъ мёдъ приберать.

Кабыла атарвалась, пашла къ рякѣ, у лотки наѣлась мѣду, напилась вады—издохла.

Я и нашолъ кабылу ету. Абадраў и пувалокъ кожу дамой.

Аглянулся назадъ: идеть кабыла галая, а мужуки одли дароги сѣють грячиху. Кабыла и пакаталася на гряцкоўи. Вотъ, мой ты дѣдичка, на маей кабыли стала рось грячиха. Рысла, рысла и затвила, ужъ начала пуспивать.

Отъ, мой ты дѣдичка, якъ увялились у яе татери. Я бнў дагадліў: приправіў два карыбà, на хвасту даўбню. Што кабыла сходить у поля, то мнѣ два корабы тятеръ и нясеть. Хадила мая кабыла падъ дубами: свалился жалўдъ—и пряма на кабылу и убился мижда ряберъ, и началъ, мой ты дѣдичка, да на маей кабыли да рость дубъ и маю кабылу прижалъ.

Вырысъ іонъ вочинь вяликій—падъ самыи нибиса.

Вотъ, ты мой дѣдичка, скора гаваритца, да няскора дѣлаитца.

Я якъ палѣзъ на тэй свѣтъ, пагляжу, што тамъ дѣлаитца: мой батька да на тваимъ батьки смалу возить.

Дѣдъ и гаворить:

— „Аўгѳшъ!"—Етытъ жа ахотникъ и гаворить дѣду:

— „У насъ зъ вами былъ дагаворъ, штоба етыва слова ни гаварить."

Тыда узялъ ахотникъ сы стариковый спины пыласу выкрыіў, агня узялъ и пашоў къ братьтимъ.

Братьтя и гаворють:

— „Ну, што, братъ, ти выризалъ паласу?"

— Нѣ! Я яму.

Братьтя здивилися и дамоў пупашли.

№ 12.

Деревня Бердебяки, Ельнинскаго уѣзда.

Абъ дiўнымъ лятучимъ старикѣ—самъ съ кокыть, а барада семъдесятъ сажонъ; абъ яго лашадяхъ, скидываўшихся сароками и воронами. Иванъ Царевичъ.

Падарки дiўнога старика Ивану Царевичу: 1) мѣдная лошадь и дырагое зьяющее кальцо, 2) сяребриная лошать и гусли самагуды, 3) зылатая лошать и боты самаплясы. Иванъ Царевичъ збаўляить Димьяна атъ нипрiятильскыга царя и яго сына Лукапера; зъ царскый дочкый женитца.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ гасударстви, быў царь, а у яво було войска: мурзы и татары. У етыва царя быў ў близи мужикъ, и було у етыга мужука три сына: два вумныхъ, а третiй дуракъ. Пасѣили яны пашаницу. Пашаница урадилась харошiя. Пувадiўся у ету пашаницу хадить нѣхта: пашаница паталочина. Мужикъ призваў свайго сына старшага и приказаў яму пашаницу стяречъ. Пашоў iонъ къ пашаницы,—зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и гаворить: „Ну, я ни видаў никога!“—На ўтарую ночъ пашоў сяреднiй сынъ, зайшоў у баню и праспаў да вутра. Пришоў двору и сказаў, што никога ни видаў. На третiю ночь пашоў дуракъ, увайшоў у пашаницу и сѣў на мяжу. У самую поўнычъ прилятѣла дрямучiя стада лашадей, и стали ети лошади пашаницу бить-таптать.—Пу мяжи идеть дiўный старикъ: самъ съ кокыть, барада съ локыть, а 70 сажонъ адна пуга. Идеть iонъ етыю мяжою, идѣ дуракъ сядить. Вотъ дуракъ ускочiў, уплутаўся ў бараду дiўнога старика и пуваліў яго на землю, сѣў на яго и ни пускаить яго да самыга абѣда; лошади паслыхали шумъ, паскидались сароками и варонами и палятѣли. Пара садитца абѣдать, а дурука усё нѣту. Мужикъ гаворить: „Идитя вы яго узбудитя: а то праспить iонъ да самага абѣда.“—Падходють яны къ етыму дураку и думали, што яго звѣрь ѣсть: варочiитца у пашаницы. Приводють яны дiўнога старика къ атцу; атецъ и пытаить у дурука: „Дуракъ, а лошади идѣ?“—А палятѣли яны сароками и варонами!—„Во, дуракъ пу дурацки гаворить: када жа лошади литали?“ — Атецъ гаворить:

„Запригайти-ка вы тялѣгу: пувязёмъ етыва старика къ царю.“— Гасударь етыму старику сдѣлаў стоўбъ, аставіў толька вакошичка, штоба падавать яму пищу, а ключи атдаў царицы и приказаў ни выпускать яго. У етыва гусударя быў сынъ. Атецъ яму для патѣхи скуваў три булавы: мѣдную, сяребриную и залатую. Царевичъ по саду хадіў и ети булавы кидаў; залятѣла адна у вôду, другая у траву, а третія пупала къ діўнôму старику. Царевичъ гаворить: „Ахъ, діўнэй старикъ, атдай маю булаву!“—Выпусти мяне: тада атдамъ!—„А какъ жа мнѣ тябе выпустить: ключи у матири?!..—А во какъ: приди и скажи:—„Маминька, у мяне балить гылыва!“—Ана станить у тябе ў галавы капать, а ты вытащи у яе ключи, а тада такимъ жа парядкымъ и паложишъ. — Царевичъ пришоў къ матири: „Маминька, галава балить!“—А царица свайго сына вочинь любила. Стала ана у яго пытать, чаго галавѣ хварать: стала яго ласкать-цалувать, а іонъ у яе тайкомъ вырваў ключи, пубижаў и выпустіў діўнова старика. Старикъ сказаў: „Працай, Иванъ Царевичъ!“ – и палятѣў: толька яво и видили. Царевичъ пришоў апять къ матири свяей, гаворить: „Маминька, у мяне галава балить.“—Царица стала у яго у гôлыви капать, іонъ ипять патйхиньку привизаў ей ключи. А кароль пригласіў усихъ царей и князей. Прибыли уси князи и карали глядѣть діўнога старика. Аттварили етытъ стоўбъ, паглидять: нѣту тамъ ничаво, тольки адинъ навозъ. Тада етытъ царь вочинъ разсердіўся и гавôрить: „Ну, када узнаю, хто яго выпустіў, то я тому голаву атрублю!“—Уси князи и цари паразъѣхались. Адинъ разъ Иванъ царевичъ гуляў па саду съ садоўниковымъ сынымъ, Иванъ царевичъ гаворить на садоўникыва сына: „А што ба було тому, ято выпустіў діўнога старика?“—Ахъ, Иванъ царевичъ, ета ужу було даўно: ничога за ета ня будить. — „Ну, дыкъ паслухай: діўнога старика выпустіў—я!..“ —Какъ такъ?—„А во такъ и такъ!..“ — Садоўникыў сынъ сичасъ прибѣгъ къ царю: „Ваша вяличиства, а што вы знаитя?“—А што?—„Діўнога старика выпустіў вашъ сынъ, Иванъ царевичъ.“ — Какъ такъ?!. — „А, вотъ, такъ и такъ.“—Кароль разгнѣваўся и узяў свайго сына падъ стражу и ка ўсимъ князямъ и царямъ написаў: „Штоба были уси здѣсь у маемъ царстви: я буду казнить свайго сына.“—Прибыли уси цари и князи и гаворють: „Ну, какая табѣ польза,

што ты свайго сына казнишъ? Када табѣ ужу яго ни жалка, то вигнни яго изъ дварца и лиши наслѣдства.“—Царь паслушяў ихнига савѣту и выгнуў Ивана царевича изъ дому. Пашоў царевичъ, куди глазы глидять, и думаить: „Вярнусь я къ атцу, пупрашу сабѣ лошадь, а ў таварыши вадавозныга сына.“ — Вярнуўся іонъ къ атцу. Яму атецъ даў лошадь царскую, адёжу царскию; мать яму дала денигъ, дали яму у таварыши вадавозныга сына съ лошадьдю вадавознўськыю. Ѣхали аны, ѣхали; захатѣлысь имъ пить. Наизжають яны на калодись: вада у іонъ атъ краю аршина на чатыри, а ў калодиси плаваить диривянныя чашка. Какъ тутъ напитца? — Вотъ вадавознў сынъ гаворить: „Вазьмемъ навяжимъ пувады, я тябе спущу туды: ты тамъ напьёстя и мнѣ падаси.“ — Вотъ вадавознў сынъ навизаў пувады и спустіў у калодись Ивана царевича. Царевичъ напіўся и гаворитъ: „Вадавозъ, тяни.“ — Ну, нѣтъ ни патягну!—„Пачаму?“—А патаму: пиримянись са мной на платьтя и на лашадей: будь ты Иванымъ-вадавозымъ, а я буду Иванымъ царевичимъ—патягну; а ня хочишъ—прападай тамъ!—„Ну, тягни: я сагласинъ!“—Вадавозъ вытигнуў яго, пуминяўся съ имъ на лашадей и на платьтя: Иванъ царевичъ стаў Иванъ вадавозъ, а Иванъ вадавозъ стаў Иванъ царевичъ. Пріѣхали яны у царства Димьяныва. Царь Димьянъ гаворить: „Какова вы іось роду?“ — Вадавозъ гаворить: „Я Иванъ царевичъ, а ета мой вадавозъ.“—Тада царь гаворить: „Ну, ты у мяне будишь министиръ, и я табе пиривинчаю на сваей дочки, а вадавоза твайго я пашлю служить на канюшню.“— Паставили яго на канюшню, а на канюшни тэя самыя лошади, каторыхъ пасъ діўнэй старикъ. На заўтрига выгнуў іонъ етыхъ лашадей у поля, за навэя варата, на шурокыя раздолья.— Выгнуў ихъ, сѣў на купинку, — лошади паскидались сарокави и варонами и палятѣли низнама куды. Іонъ сядѣў, сядѣў на купинки и гаворить самъ сабѣ:—„Ахъ, черизъ каго я пагибаю, кады ня черизъ діўнова старика!?“ — Діўнэй старикъ къ яму нясетца, ажну барада трясетца.—„Иванъ царевичъ, садись на мяне: паѣдимъ ка мнѣ ў гости.“ — Иванъ царевичъ сѣў на яго, за бараду дяржитца и паѣхаў у царства діўнога старика. Привёзъ іонъ яго у свой домъ, а домъ тритажный, и гаворить на сваю жану: „Жина мыя милыя, харошига гостя харашо и принимають?“ — А, канешня: вяди яго за столъ. — Вотъ яго

старикъ накарміў и напаіў. Идеть яго большій сынъ и большая дочка: „Вотъ табѣ,“ гаворить большій сынъ: „дарю мѣдную лошадь“. Большая дочка падходить:—„Вотъ, Иванъ царевичъ, дарю табѣ залатоя калечка за то, што ты нашига атца атъ смерти збавіў.“—Иванъ царевичъ публагадаріў ихъ за угащенія и за падарки; мѣдную лошадь пустіў у поля, а кальцо надѣў на правую руку, сѣў діўному старику на плечи и пріѣхаў на тоя мѣста, идѣ Ивана царевича узяў. Крикнуў старикъ багатырскимъ голысымъ,—лошади сабрались уси. Иванъ царевичъ нагнаў ихъ дамой. Увыйшоў у хату, павужинаў, пашоў на чирдакъ, кальцо сняў и палажіў на вакно, а самъ лёгъ атдыхать, а кальцо такъ и гарить. Ноччу выходить на крыльцо цареўна и видить: идѣ-то блистить. Ана пасылаить слугу узнать, идѣ ета блищить? Ана вузнала и сказала цареўны: „Ета у Ивана вадавоза кальцо“ — Цареўна дала служанки денигъ и приказала ей купить ета кальцо. Служанка прибигаить къ Ивану вадавозу: „Ванька вадавозъ, прадай цареўни кальцо?“—Каму нада, тэй самъ прийдить!—Приходить цареўна: „Ванька вадавозъ, прадай кальцо?“ — Я прадать ни прадамъ, а вашій милысти такъ атдамъ! — Узила цареўна кальцо и гаворить: — „Ты ня іось вадавозъ, а ты, вѣрна, роду царскыва!“ — Нѣтъ, я вадавозъ!—Цареўна пашла у домъ, а Иванъ царевичъ легъ и уснуў. На заўтрига рана пу вутру выганяить Иванъ Иванывичъ лашадей у поля. Выгнуў, сѣў на купинку; лошади паскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Прилятѣў діўнэй старикъ, Иванъ Царевичъ сѣў на яго и паѣхаў къ яму ў гости. Накармили яво и напаили. Выходить сярэдній сынъ и сяреднія дочъ. Сярэдній сынъ гаворить: „Иванъ царевичъ, вотъ табѣ сяребриныя лошадь за то, што ты избавіў атца нашига атъ смерти.“ — Сяреднія дочъ яму падасть гусли-самагуды: — „Вотъ табѣ, Иванъ царевичъ, за то, што избавіў атца нашига атъ смерти.“ — Иванъ царевичъ пустіў сваю сяребриную лошадь у поля, узяў гусли-самагуды у руки и пріѣхаў на діўномъ старикѣ на купинку. Старикъ крикнуў багатырскимъ голысымъ, — лошади уси сабрались. Иванъ Иванывичъ пригнаў ихъ дамой, павужинаў, пашоў на чирдакъ, павѣсіў гусли на стяну, легъ на кравать и гаворить: „Гусли-самагуды, играйтя!“ — Стали гусли играть

дужа харашо. Паслыхала царевна, гаворить на служанку: „Идѣ ета играють?“ — А ета у Ивана вадавоза! — Цареўна дала ей денигъ и приказала купить гусли. Приходить ана къ яму: „Ванька вадавозъ, прадай цареўни ети гусли!“—А каму нада, тотъ самъ придеть.—Пришла цареўна: „Ванька вадавозъ, прадай мнѣ ети гусли!“—Я прадать—ни прадамъ, а вашій милысти такъ атдамъ!—Узила цареўна гусли и гаворить: „Ахъ, ты царскнва роду!“—Нѣтъ, я вадавозъ!— Цареўна пашла ў домъ, а Иванъ царевичъ уснуў. На заўтрига рана пу вутру выганяить Иванъ царевичъ коній у поля. Выгнуў, сѣў на купинку,—кони паскидались сароками и варонами и палятѣли низнама куды. Прилятѣў діўнэй старикъ, пасадіў Ивана царевича на спину и привезъ яво у свой домъ. Накармили яго и напаили. Приходить меншій діўного старика сынъ и меншія дочъ. Сынъ яму падаріў залатую лошадь, а дочь боты-плисуны. Старикъ пасадіў яго на плечи, принесъ на купинку, идѣ узяў, даў яму 3 горсти зямли: „Абайди 3 разы кругомъ лашадей и абсыпъ ихъ етыю зямлёю.“—Сабраў лашадей пригнаў ихъ дамой, павужинаў, пашоў на чирдакъ, боты-самаплясы паставіў на вакно, а самъ лёгъ на кравать. Цареўна паставила гусли на вакно и гаворить: „Ну, гуслисамагуды, играйтя!“ — Какъ зайграли гусли, боты-самаплясы какъ пашли плисать, ажну увесь дварецъ дражитъ. Паслыхала ета цареўна и пасылаить сваю служанку узнать, хто ета пляшить. Служанка гаворить: „У Ивана вадавоза іость такея боты-самаплясы,—дыкъ ета пляшутъ еты боты.“—Цареўна дала служанки денигъ и приказала ей купить у Ваньки вадавоза боты-самаплясы. Приходить служанка къ Ивану Царевичу: „Ванька вадавозъ, прадай цареўни боты-самаплясы!“—Каму нада, тэй и самъ придить. Приходить цареўна: „Ванька вадавозъ, прадай мнѣ боты-самаплясы!“—Прадать—я ни прадамъ, а вашій милысти такъ отдамъ!—Узила цареўна боты и гаворить: „Ты царскыва роду!“—Нѣтъ, цареўна, я вадавозъ!— На заўтрига, рана пу вутру, Иванъ Царевичъ абайшоў 3 разы кругомъ лашадей, абсыпнў ихъ зямлёю,—лашадей разарвала на мелкія куски. Узнаў абъ етымъ царь, приказаў Ивана царевича пасадить у тямницу.

У ту пору Кабардинскій царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачкў за майго сына Лукапера, то

усё ваша царства я выпалю.“—Вотъ царь Димьянъ гаворить на свайго будущига зятя (вадавоза): „Ну, што? атдать яму дочку или зъ войскымъ выступать?“—Эхъ, батюшка, выступимъ зъ войскымъ! На другой день забили ў барабаны, затризвонили у калакала, и гаворить Иванъ царевичъ ў тямницы: Што ета такоя: ти табильный день?“ — Нѣтъ, ета ни табильный день, а ета выступаить царь Димьянъ пратѝ царя Кабардинскага.—„Ахъ, выпуститя вы мяне пагдядѣть!..—Вотъ яго выпустили; іонъ черизъ адпатажную стяну пирискачіў и праспаў сутки. Прашнуўся іонъ и гаворить: „Ахъ, када ба таперь мнѣ мѣдная лошадь, я ба черизъ часъ дагнаў ихъ!—Какъ лятить мѣдная лошадь, ажну зимля дрыжить. Иванъ царевичъ у адно вуха ўлѣзъ—напіўся, наѣўся, а ў другоя вылизъ — стаў увесь падъ мѣдными латами. Іонъ дагнаў царя Димьяна войска у адинъ часъ, налятѣў на Кабардинскыя войска, — усё войска пирябіў. А царь Димьянъ приказаў свайму войску придѐржить яго, што ба атблагадарить, а іонъ, какъ лятѣў, усё войска пумяў. Пустіў сваю лошадь у поля, пришоў къ тямницы,—яго ипять заперли. Черизъ нѣскалька ўремя Кабардинскій царь написаў царю Димьяну: „Если ты ня выдаси сваю дачку за сына майго Лукапера, то я тваё царства выпалю.“ — Вотъ яго министиръ пасавѣтываў, штоба выступать апять зъ войскымъ. Утрымъ забили ў барабаны, затризвонили ў калакала. Иванъ царевичъ гаворить у тямницы: „Што ета за шумъ?“ — А ета Кабардинскій царь хочить узять нашига царя дочку,—дыкъ нашъ царь выступаить проти яго. — „Ахъ, рибяты, выпуститя вы мяне?“ Яны яво выпустили. Іонъ пирискочіў черизъ двутажную стяну и праспаў 2-я сутыкъ. Прашнуўся и гаворить. „Ахъ, када ба мнѣ таперь сярябриныя лошадь!..“ Лошадь сичасъ къ яму и прилятѣла. Іонъ у адно вуха улѣзъ—напіўся, наѣўся, у другоя вылизъ—стаў увесь надъ сярябриными латами. Іонъ у адинъ часъ пиригнаў войска царя Димьяна, налятѣў на Кабардинскыя войска и разбіў яго. Царь Димьянъ выстраіў сваё войска ўрядъ, штоба яго задѐржить и публыгыдарить, но іонъ разбіў и ихъ, пустіў лошадь сваю у поля, самъ пашоў у сваю тямницу. Черизъ нѣскалька ўремя Кабардинскій царъ написаў: „Када ня выдаси за сына маёво Лукапера сваю дочку, то тваё царства усё выпалю: Лукаперъ зъ войскымъ идеть.“ Кароль Димьянъ спужаўся и навезъ сваю

дочку. Начали бить у барабаны, званить у калакалы. Иванъ царевичъ гаворить ў тямницы: „Братцы, што ета такоя? Ти ни табильный день?—Нѣтъ, ни табильный день, а ета царь Димьянъ вяветь сваю дочку Лукаперу.—„Братцы, пуститя и мяне паглядѣть!"— Яны яго выпустили. Іонъ пирискачіў черизъ триталжную стяну и праспаў троя сутыкъ. Устаў и гаворить: „Ахъ, када ба таперь мнѣ залатая лошадь: я ба ихъ сичасъ дагнаў!" — Вотъ лятить залатая лошадь. У ва'дно вуха улѣзъ, а ў другоя вылязъ и стаў увесь у залатыхъ латахъ. Нагнаў іонъ войска. Лукаперъ яво какъ увидіў,—такъ бросились ўрозь на 12 верстъ и ўдарились у кучу, какъ громъ пирядъ тучій. Лукаперъ Ивану царевичу па локыть руку атрубіў, а Иванъ царевичъ Лукаперу выбіў сердца. Царь Димьянъ выстраіў сваё войска, штоба яго задѐржить и атблагадарить; но іонъ, какъ лятѣў, разагнаў усё войска, а када ѣхаў кала цареўны, то у яе съ галавы сарваў дарагей платокъ. Вотъ Иванъ царевичъ пустіў каня залатога у чистыя поля, завизаў рану етымъ платкомъ, а зверьху заварчѣў трапку, пашоў и сѣў ипять у тямницу. Вотъ царь Димьянъ уздумаў сваю дочку выдать за министира (вадавоза). Дочка гаворить: „Батюшка, я сагласна за яго выйдить замужъ, но унярѐдъ разыщитя мой платокъ: я бизъ яго винчатца ни магу!" — Царь приказаў абыйскать усихъ князей и вяльможъ, но платка у ихъ ни нашли. Цареўна гаворить: „Ну, ищитя па астрогамъ!" Стали искать па астрогамъ. Видють, што ў аднаго (Ивана царевича) завернута рука. Атвизали, паглядять: платокъ! Яго сичасъ къ царю привяли. „Ты іонъ какова роду?" Я — Иванъ царевичъ, а што у васъ министиръ, то—вадавозъ!"—Иванъ Царевичъ, атчаво ты ни гаваріў мнѣ, када я тябе спрашивала?—„Мнѣ було нильзя: я даў такую клятву."—Іонъ имъ расказаў, какъ яго вадавозъ хатѣў залить. Тада етыва вадавоза привизали къ хвасту лашадиныму и пустили па чистыму полю. Иванъ царевичъ жаніўся на Димьяныный дочири, стаў жить, паживать, да царствымъ упраўлять.

Отъ старика Василія Михайлова.

№ 13.

Гаспоть пасылаить святыхъ узнать, скольки правидныхъ душъ іость на свѣти.

Ибъ двухъ братьтихъ Иванахъ Иванавичахъ, икаянныимъ Цыокѣ, Баби-Ягѣ. Багатыри (Ивана Иванывичи), при помащи сваихъ вѣрныхъ слугъ: ильвоў, ваўкоў и мядвѣдій, каторыхъ имъ припуручили „хазяины" етихъ звярей, адаливають сваихъ урагоў: Бабу-Ягу, икаяннага Цыока,—асвабаждяють слишную цареўну. Кучиръ слишный царевны убиваить сонныга багатыря, но яго слуги приносють живэй и мяртвэй вады и ажіўляють яво. Другей разъ етыга жа самыга багатыря Ига разсикаить на двѣ части лазовымъ прутикымъ; ну, іўляитца братъ багатыря и, при помащи сваей ахоты и ахоты брата, пубиждаить Ягу и, падъ угрозый смерти, вялить ей аживить брата.

Гаспоть паслаў сваихъ пасланникыў свѣта правѣдать, скольска правядливыхъ душъ и сколька нисправядливыхъ. Зашли пасланники къ мужучку, а у етыва мужучка была жина. Яны (супруги) не знали грѣха, атъ чего грѣхъ, атъ чего спасенье: яны знали тольки, якъ ня можна лѣпши накармить и напаить прахожнга чилавѣка.

Пасланники публагадарили старичковъ за хлѣбъ-соль и пришли къ Госпаду Богу, падають сваѳ списки; а Гаспоть гаворить имъ, сваимъ пасланникамъ: „Што жъ вы гаворитя, что справядливій старичкоў у свѣти нѣту, што яны ни знають, атъ чаго грѣхъ, атъ чаго спасинье?!.. Да какъ жа у етыга мужука жина бременна..." А пасланники кажуть: Госпади, каку тамъ бременныму быть, када яны ужъ древніе старики?!.—„Ну, ступайтя, паглядитя, када мнѣ ня вѣрите: у ихъ радились два сына!.." Пасланники Божіи ипять пашли къ мужучку и увидили, што старуха, дяйствитильна, двухъ сыновъ радила, и старикъ сы старухыю горька плачуть и рыдають. Приходють ети пасланцы къ Госпаду Богу. „Ну, што, угоднички мае, што тамъ дѣлаетца?"—А угоднички атвичають: „Госпыди, дяиствитильно, твыя праўда!.."—Но, вотъ, вы сказывали, што ани не знали грѣха ни въ младости, ни въ старости!.. Старикъ сы старухыю гарюють и думыють: „Што таперь намъ дѣлать? Насъ

Гаспоть, ти жалѣючи, ти караючи, наказываить?“—А старуха кажить старику: „иди, зави бабушку: видь жа нада у христіяньскую вѣру увадить!..

Старикъ нашоў бабушку; бабушка пришла и пирибабила сыновъ ихъ, да и гавòрить старику: „Ну, иди, ищи кумовъ, да вить надабна двѣ пары.“—Старикъ стаў плакать и рыдать ить совѣсти, якъ яму ихъ звать, и пашоў. Многа-ль, мала прашоў, сустрикаитца зъ имъ старичекъ и гаворить яму: „Здрастуй, братицъ, нищій убогій!“ — А іонъ яму гаворить: „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!.. Куда ты далеча идешь?“—Ахъ, батюшка, ни знаю, какъ вамъ и гаварить атъ совѣсти...“—Чаго-жъ? Ти худоя, ти харошія у тябе, а нада сказать.“—Да вотъ што: даў Гаспоть, радила мая хазяйка двухъ сыноў—пусть бы падъ младысть, а то вѣдь падъ старысть. Хто ихъ будить расти, хто будить карипть-паить? а мы старики древнія... Старикъ яму и гаворить: „иди, зави двухъ кумоў ящô, а я за двухъ самъ адинъ кумымъ у тябе буду...“ Іонъ етыму богу и радъ, што Гаспоть нанёсъ яму такова ,чeлавѣка: пущай жа таперь окала мине ни смяютца ни старыи, ни малыи!.. Многа, мала-ль прашоў іонъ, сустрикаитца яму жэнщина.—Здрастуй, матушка!—„Куда тебе, старичекъ, Гаспоть нясеть?..“ А іонъ плачить и горька рыдаить—слеза слязу пашибаить.—„Даў намъ Гаспоть падъ старысть двухъ рабенкыў—мыя жина родила; вотъ я и иду двухъ кумоў звать.“ — Яна яму и ’твичаить: „Чѣмъ двухъ звать табѣ,—я адна за двухъ.“—Іонъ пирихрястіўся Госпыду-Богу и сказаў: „Слава табѣ, Госпыди! Іонъ мяне пакаріў,—іонъ мине и пажалаваў!.. Таперь кала мине нихто ня будить сміятца.“

Приходить дамой. Хазяйка и спрашіить старика: „Што табѣ Гаспоть даў?“ Ти пазваў каго? — „Слава Богу, старуха! Нашоў старика и старуху. Старикъ будить адинъ за пару, а старуха адна за другую пару. — Старуха, старикова жонка, и гавòрить старику: „Слава Богу! Пущай кала насъ ни смяетца ни старый, ни малый!..“

Яўляитца къ имъ кумъ и кума. Старикъ радъ да тòга, што и самъ ни знаить, што имъ дѣлать. Пасадили гастей за столъ, якъ и законъ гласить, и сами ни знають, якъ-бы палуччи угастить добрыхъ людей. Бабушка дѣтыкъ пирямыла, пиряхолила; а старикъ спрашіить у кумоў сваихъ, якъ луччи

имъ, ти лошадь запречь. А кумъ-старикъ и гаворить: „Нѣтъ, кумъ, сходи вадицы чистый приняси!..“ Старикъ пашоў за вадой и принесъ суды чистый вады.

Кумъ тады и гаворить старику: „Пригатоў яще чистыя вядро! Чѣмъ намъ ѣздить,—я луччи самъ тутъ ихъ пприкрящу!..“ И наклаў имъ пмена Иваны Иванывичи и пирихрястіў ихъ и падаў ихъ кумѣ на печку. Кумъ-старикъ пасадіў кумоў сваихъ за тисовый столъ и стаў угащать да таво, што и души у ихъ ня чуўствуваў.

Гуляли яны крезбины, якъ законъ гласить; просить хазяинъ на хлѣбъ-соль не на сваю, а на 'тцоўськую. Патомъ благадарить яго кумъ за хлѣбъ-соль и за угащеніе и пращаютца и идуть дамой: „аставайтись здаровеньки! Благадаримъ за угащенія ваша и за пріятнысть вашу!..“

А крестники Иваны Иванывичи за ими пашли; идуть и растуть. Расли яны не часами, а минутами. Шли ани день-другей, и выросли яны и сдѣлались ужу ни рябятишками, а настаящими рибятами. Благаслаўляить ихъ итецъ крестный, даеть имъ па браничку и па ножичку.—„Вотъ, дѣтки, кали захочитя ѣсть, зъѣшътя па браничку; а станить вамъ скушна и грусна, сымитя па дудычки и пайграйтя, жуду-горя развядетя“. Атецъ ихъ мать горька плакали.

Старикъ кажить старухи: „Вотъ, старухъ, даў намъ Гаспоть дѣтыкъ и узяў ихъ Гаспоть!.. Хуть ба мы наглядѣлясь, хуть ба мы патѣшились сваими дѣтками!..“ Атецъ и мать Иваныў Иванычіў переставнялись, и Гаспоть приняў ихъ да хвалы сваей. Хрестный атецъ пращаитца съ сваими хрестниками и гаворить имъ:—„Пращайтя, мае хрестничкя!.. Вотъ вамъ путь и дарога!..“ Яны пашли аднимъ путемъ, а хрестный батька другимъ путемъ.

Абхватила ихъ темная ночъ въ лясу темнымъ. Слышуть яны мядвѣжій гласъ. Сабраў мядвѣжій хазяинъ сваихъ мядвѣдіў: яны рявуть, ажно землю дяруть. Атвѣщаить мядвѣжій хазяинъ: „Идуть тутъ Иваны Иванывичи сильнамочіе багатыри. Яны вашига голаса ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два мядвѣди аднагнѣздники, ступайтя къ нимъ на встрѣчу, кланітися имъ и малитися имъ; када примуть васъ, клянитися имъ быть па вѣкъ вѣрными слугами!..“ Какъ прибижали къ имъ на встрѣчу, стали кланятца имъ и упрашивать ихъ. Яны атвичали

имъ: „Што вы, звярьё дикіи, што вы кланіитись намъ и а чомъ вы упрашиваитя насъ?“—Иваны Иванывичи, сильна магучіи багатыри, примитя насъ да хвалы сваей: будимъ вамъ вѣрными слугами.—Вынимають яны изъ карманыў бранички и дають яны па палавини бравичка: адинъ адному мядвѣдю, а другой другому мядвѣдю;—и мядьѣди пашли, якъ вѣрныи сабачки: адинъ па'дну сторану, а другей па другую. Скора казка гаваритца, но многа времени праважданитца. Уходють яны у лѣсъ, лѣсъ темный. Сабраў львиный хазяинъ сваихъ ильвоў. Вотъ яны арають сваими галасами. Прещаить имъ ильвиный царь: „Ой, вы, паганыи, унистожьтя свой гласъ: идуть Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри, яны вашига гласа ни вазлюбють, а вамъ голывы парубють. Вы, два ильвы аднагнѣзники, ступайтя къ имъ на ўстрѣчу; кланійтися имъ и малитися имъ; када примуть васъ да хвалы сваей, будьтя имъ вѣрными слугами!..“ Прибижали къ имъ, стали имъ кланитца и малитца. Иваны Иванывичи спрашіють ихъ: „Што вы, звѣрьё дикіи, чаво вы итъ насъ хочитя, и што нада вамъ?“—Иваны Иванывичи, примитя насъ да хвалы сваей, и будимъ вамъ вѣрными слугами па жисть вашу и па жисть сваю!..“ Вынимають іоны бранички и дають яны пу палавини браничка,—и львы пашли зъ ими, якъ вѣрныи сабачки, во путь, во дарогу.

Входять въ темный лѣсъ, дремучій лѣсъ, слышать яны валчиный гласъ. Сабраў валчиный хазяинъ свяихъ всѣхъ валкоў и вѣщаить имъ:—„Ой, вы, ваўки, ваўки, уймитя вы свой гласъ: идуть Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри; яны вашига голысу ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два ваўка-аднагнѣзники, ступайтя на ўстрѣчу къ имъ, кланійтися имъ и упрашійтя ихъ;—кады примуть яны васъ да хвалы сваей, будьтя вы вѣрными слугами па жисть ихъ и па жисть вашу!..“ Иваны Иванывичи вѣщають имъ: „Што вамъ, звярьё дикіи, нужна вамъ, и чаго проситя у насъ?..“ Патомъ вынили па браничку и дали имъ па палавини браничка: адинъ адному ваўку, а другей другому;—и пашли яны зъ ими, якъ вѣрныи сабачки, у путь-дорогу.

Прашли яны мѣсяцъ и болій, приходють къ пиряхресткамъ, и стали яны, братъ съ братымъ, раду радйть: „Што, братъ, мы будимъ такъ жить? Мы никдга ни знаимъ, и насъ нихто ня вѣдаить. Дашли мы да лѣтъ савяршенналѣтныхъ... Ну, какъ

ты думаишь?“ И гаворють яны, братъ съ братымъ, во што:“— Ты иди адною дарогыю, а я другою пайду.—Какъ жа будимъ тды, якъ на кога худая гадина спастигнѣть?—А во якъ: ли дарози стаить бярёза,—уторнимъ мы въ яе свае ножички, каторыми насъ хрестный батюшка благаславіў. Вѣдь мы браничкыми питаимся, и сами, и звярьёў кормимъ, а яны усё у насъ цѣлы. Кали на кога изъ насъ выпадить худая гадина, и кали придеть хто изъ насъ къ етый бярёзи, то изъ ножичка будить итти кроў...“

Вотъ пагутаривши яны такъ, адинъ пашоў на права дарогаю, а другой налѣва. Пашедши налѣва, Иванъ Иванывичъ пришоў у чужую землю, у чужоя чарства. Абхватыить яго темная ночъ, проситца пиринучувать у адной бабылки. Бабылка увидила зврей Ивана Иванывича и испужалась. А Иванъ Иванывичъ вѣщаеть ей: „Ня бойся маихъ сабакъ: яны такъ змирны, што и волысъ атъ ихъ ня сгинить.“—Иди сабѣ, пириначуй!..

Уходить у въ избу, молитца Богу: „добрый вечиръ добрымъ людёмъ!“ —Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Лягчися съ дароги, сядь, пасяди!.. Іонъ садитца на стулочки, а содить звярей окала стѣнки. Дали яму паужинать, патомъ іонъ пумаліўся Богу и легъ спать. Назаўтри па вутру устаеть, мынитца и Богу молитца. Стали званить къ вутрени, а іонъ гаворить бабылки: „матушка, я пайду—Богу пумалюсь, а кабяльки мае пабудуть здѣсь.“—Хазяйка дома, бабылка, атрѣчила яму:

— „Када жиланія тваё пумалитца, то ступай!..“ Іонъ пабыў у вутрини застаўся малитца и ў абѣдни. Пріѣзжала къ ибѣдни и каралеўна. Иванъ Иванывичъ замичаить, што каралеўна вочинь скушна. Приходить іонъ съ абѣдни и пытаить у хазяйки: „Любезная хазяюшка, што ета значить у вашимъ царстви, у вашимъ гаради, чернымъ трвурнымъ всѣ пути-дароги павысланы?“ — Вотъ што, любезный, у насъ икаянный Цмокъ не даў ходу вадѣ: усю ваду у сябе удиржаў. Яму кажный день у пищу, на жертву, падають па челавѣку; тада іонъ выпускаить гораду ваду; а кали ни дадуть, тады и іонъ ваду у сябе дяржить. Стали у насъ народы гаворить, штобъ атдавать Цмоку людей па жѐребу, и выпаў жѐребъ на каралевну. И вотъ заўтри каралеву выспывѣдыють и прибстять и пувязуть къ икаянныму Цмоку. На други день Иванъ Иванывичъ ознову

устаеть параньши и гаворить хозяйки: — „Матушка, ти можна мнѣ схадить къ вутрени?“ — Када желанія ваша, иди! итъ Бога нихто ни ’тбиваить. — Іонъ и ’тправіўся у Божій храмъ, къ утрени. Пріизжаить туды и ихнія каралева, и ипять Иванъ Иваныничъ замичаить, што ина дужа и скучна, и грустна. Іонъ утриню атстбіў, а абѣдни ни даждаў: приходить на сваю кватеру, забираить вѣрныхъ сваихъ кабялёў и бяреть съ сабою вострую мечъ. — „Ну, благадарю тябе, хазяюшка! я прайдусь, прагуляюсь!“ И атправіўся къ рякѣ, идѣ находитца икаянный Цмокъ. Перша вазили жерстви у адны часы, а таперь прастрочили.

Иванъ Иванывичъ пришоў къ рякѣ са сваими кабилями и стаить, а икаянный Цмокъ сразу выпадываить изъ вады шесть галоў, а Иванъ Иванывичъ схватіў етыхъ шесть галоў мячомъ, якъ лукувицы; тады шесть галоў падабраў и ў карманъ палажіў. У скорымъ времени Цмокъ выкидываить яще шесть галоў, а Иванъ Иванывичъ и еты голывы мячомъ атрубіў, а вѣрныи яго кабяли вытащили изъ вады и усё тулува Цмока на берегъ, голывы жъ Иванъ Иванывичъ падабраў и ў карманъ паклаў. Вѣрнымъ кабилямъ сваимъ Иванъ Иванывичъ приказнить узять тулава етыга змія, занесть у балота и зарыть глубока у землю, штобъ не была ни голысу, ни волысу икаяннытга Цмока слышна. Зашумѣла вада па ўсяму гораду, якъ громкій громъ.

Вязуть каралеву къ икаянныму Цмоку на жерству, и кучиръ думаў, увидѣвши Ивана Иваныча ли ряки, што ета стаить самый Цмокъ — разагнаў добрыхъ лашадей, падламіў калясо и абаратіў каляску и выўратіў изъ каляски каралеву; каралева испужалась и сильна убилась.

Кучиръ быў малодый, халостый и вочинь хитрый. Сичасъ атлятѣў у лѣсъ и астанавіўся у краи, штобъ видѣть, што будить дѣлать икаянный Цмокъ съ каралеўныю.

Падходить Иванъ Иванычъ къ каралеўни, брызнуў ей халодныю вадой у глаза и гаворить каралевѣ: „ачнись и глянь на мяне!..“ Каралева слышить, што русскій гласъ гласить, глянула на яго быстра; тада Иванъ Иванывичъ сказаў каралеви: „будишъ ли ты таперь падвластна мнѣ?“ — Атвичала каралева: „мала таго, што я наўсигда буду падвластна,

буду и ноги ваши мыть и руду вашу пить.“ — Я вотъ тябе атъ акаяннытa Цмока спасъ; вотъ насматри яго двинацыть атрубленныхъ главъ! — Вынуў сейчасъ изъ кармана голывы и паказаў каралеви. Каралева узрадывалась и спрасила у Ивана Иванывича, аткуда іонъ и якъ яго завуть—имя и атечества.— Я Иванъ Иванывичъ, магучій багатырь. Прашу тябе, каралева. када ты мяне палюбила: паищи у маей галавѣ вшей!..

Кладеть ей сваю голаву и уснуў іонъ багатырскимъ сномъ. Падскакиваить кучаръ каралевы, бяреть острый мечъ, штобы атрубить голаву Ивану Иванавичу, но ня могъ паднять мечи. У каляски былъ кучарской ножъ, и іонъ етымъ ножомъ атрѣзаў Ивану Иванывичу голаву, аткинуў атъ тулова прочъ, и гаворить каралевѣ:—будешь ли ты мнѣ поданныю и пайдешъ ли за мене замужъ? Если же не сагласна, то будить и табѣ то, што багатырю Ивану Иванывичу. — Ана атвѣтила яму: „А што дѣлать? Сагласна!..“ — Ни скажешъ ни ’тцу, ни матушки?—Каралева атвѣчала:—„нѣтъ!“

— Штобы у скорысти намъ и аженитца!...

Каралева на ўсе сагласна была.—„Нѣтъ,“ кучиръ гаворить: „дай клятву ва ўсёмъ!..“ И ѣдуть у домъ. Пріѣхали дамой, атецъ съ матирью были вочень веселы, стали яе цулувать—милувать и спрашивать:—„Дочъ наша милая, скажи намъ, хто тябе спасъ атъ Цмока Акаяннытa!—Мы тому гатовы атдать палавину нашига царства“.—Каралеўна итвичаить:—„батюшка и матушка, спасъ мине итъ акаяннытa Цмока вашъ кучаръ!“— И атвичаютъ яны:—„Знать яго счастя! быть па сяму!..“ Каралева и кажить атцу съ матирью: „Када мене вязли къ икаянныму Цмоку на жерству, я имѣла абѣщаніе, када Богъ мине спасеть, итти у дальнія манастыри пумалитца Богу, и прашу у васъ а томъ дазваленія.“—Услышивши, кучиръ, што цареўна хочить итти у манастыри, сказаў каралю, што іонъ ни сагласенъ на ета, и требываў сейчасъ жа пувинчатца съ каралеўною. На ета ина сказала: „Батюшка и матушка, я хачу исполнить мае абищаніе, — прашу васъ благасливить мяне итти пумалитца“. — А кучиръ требуить пувинчатца. Парашили писать у санодъ. Санодъ атвѣтіў:—„Кали желаніе каралевы итти пумалитца, то нихай ина и идеть.“—Каралева итправилась у манастырь малитца Богу, а кучира узяли у царскій дварецъ, адѣли и наградили чинами.

Прибѣгають звярьё Ивана Иванывича на то мѣста къ ракѣ, стали яны густь, стали яны рюсть, и аглушили сваимъ ревымъ усё царства. Рюсти яны сутки адны и другіи не переставая. Леў патомъ и гаворить:—„Масква слизамъ ня вѣрить! Што и намъ панапрасну густь и рюсть? Нада намъ каго такога нахадить, штобъ свайго хазяина атживить!“—Звярьё и гаворить: Гдѣ-жъ намъ каго найдить? На тридисятымъ царстви есть пастухъ чарадѣй, у яго есть вада живая, — іонъ и можить аживить намъ нашига хазяина—Ивана Иванывича.—Сгаварившись, ударили бѣжать на тридисятыя царства, тридисятыя гусударства. Прибѣгли у тридисятыя царства къ етаму пастуху, и гаворить леў мядвѣдю и волку: „Ты, мядвѣдь, свиней дяри, а ты, волкъ, у грудъ клади!..“ И начаў мядвѣдь свиней драть, а волкъ у грудъ валачить. Пастухъ, увидѣвъ ета, заплакаў и гаворить: „Звярье, звярьё заграничныя, што вы ета дѣлаитя, свинней маихъ истребляитя, у грудъ валочитя—и съ чимъ жа мине астаўляитя?!. Я тридцать лѣтъ пасу, надъ сабой никада такой бяды ни видаў. Скажитя мнѣ, што вамъ нужна?“—Леў атвичаў пастуху: „Дастаў намъ вады живой и мертвый!..“ Пастухъ имъ въ атвѣтъ: „Магу я вамъ даставить, лишь толька унистожьтя маихъ свиней пубивать!..“ Пастухъ скорымъ паспѣхымъ атправіўся въ запавѣдныи сада, въ чужія земли, набраў онъ два пузыря вады живой и мертвый и предаставіў имъ! — „Палучитя воду живую и мертвую!..“

Леў и гаворить пастуху: „Ти ни сблышіў ты?!.. гляди!..“ А мядьвѣдю вялить завадскаго луччага кабана разадрать надвая. Мядьвѣдь кабана тотчасъ разадраў, а леў живою вадою сбрызнуў — и кабанъ ажіў. — „Ну,“ гаворить пастуху леў: „маладецъ, спраўдіў! Да ня гнѣвайся на насъ, што мы надѣлали табѣ бальшея убытки“.—Лэў, мядьвѣдь и воўкъ атправились скорымъ паспѣхымъ къ мертваму сваяму хазяину—Ивану Иванавичу. Прибѣгли къ тому мѣсту, адѣ лижаў Иванъ Иванывичъ. Лей гаворить мядьвѣдю и волку: „Прилажитя галаву Ивана Иванывича къ яго тулуву!..“ Мертвыю вадою сбрызнули—трупъ амяртвѣў, а патомъ живою вадою сбрызнули,—на Иванѣ Иванавичѣ явилась краска, и іонъ устаў и улыбнуўся.“—Ахъ, слуги мае вѣрные, вы мене доўга праждались: я уснуў крѣпка!..—„Да, атвѣчали ему звѣрьё, слуги вѣрные: „кабъ не мы, заснуў ба ты на вѣки!..“ Ажіўши,

№ 13.

Гаспоть пасылаить святыхъ узнать, скольки правидныхъ душъ іость на свѣти.

Ибъ двухъ братьтихъ Иванахъ Иванавичахъ, икаяннымъ Цмокѣ, Баби-Ягѣ. Багатыри (Ивана Иваньвичи), при помащи сваихъ вѣрныхъ слугъ: ильвоў, ваўкоў и мядвѣдій, каторыхъ имъ припуручили „хазяины“ етихъ зварей, адаливають сваихъ урагоў: Бабу-Ягу, икаяннага Цмока,—асвабаждяють слишную цареўну. Кучиръ слишный царевны убиваитъ сонныга багатыря, но яго слуги приносють живэй и мяртвэй вады и ажіўляють яво. Другей разъ етыга жа самыга багатыря Ига разсикаить на дви части лазовымъ прутикымъ; ну, іўляитца братъ багатыря и, при помащи сваей ахоты и ахоты брата, пубиждаить Ягу и, падъ угрозый смерти, вялить ей аживить брата.

Гаспоть паслаў сваихъ пасланникыў свѣта правѣдать, колька правядливыхъ душъ и сколька ниспраядливыхъ. Зашли пасланники къ мужучку, а у етыва мужучка была жина. Яны (супруги) не знали грѣха, атъ чего грѣхъ, атъ чего спасенье: яны знали тольки, якъ ня можна лѣпши накармить и напаить прахожига чилавѣка.

Пасланники публагадарили старичковъ за хлѣбъ-соль и пришли къ Госпаду Богу, падають свае списки; а Гаспоть гаворить имъ, сваимъ пасланникамъ: „Што жъ вы гаворитя, что справядливій старичкоў у свѣти нѣту, што яны ни знають, атъ чаго грѣхъ, атъ чаго спасинье?!.. Да какъ жа у етыга мужука жина беременна...“ А пасланники кажуть: Госпади, каму тамъ бременныму быть, када яны ужъ древніе старики?!.—„Ну, ступайтя, паглядитя, када мнѣ ня вѣрите: у ихъ радились два сына!..“ Пасланники Божіи ипять пашли къ мужучку и увидили, што старуха, дяйствитильна, двухъ сыновъ радила, и старикъ сы старухыю горька плачуть и рыдають. Приходють еты пасланцы къ Госпаду Богу. „Ну, што, угоднички мае, што тамъ дѣлаетца?“—А угоднички атвичають: „Госпыди, дяиствитильно, твыя праўда!..“—Но, вотъ, вы сказывали, што ани не знали грѣха ни въ младости, ни въ старости!.. Старикъ сы старухыю гарюють и думыють: „Што таперь намъ дѣлать? Насъ

Гаспоть, ти жалѣючи, ти караючи, наказываить?“—А старуха кажить старику: „иди, зави бабушку: видь жа нада у христіяньскую вѣру увадить!..

Старикъ нашоў бабушку; бабушка пришла и пирибабила сыновъ ихъ, да и гаворить старику: „Ну, иди, ищи кумовъ, да вить надабна двѣ пары.“—Старикъ стаў плакать и рыдать ить совѣсти, якъ яму ихъ звать, и пашоў. Многа-ль, мала прашоў, сустрикаитца зъ имъ старичекъ и гаворить яму: „Здрастуй, братицъ, нищій убогій!“ — А іонъ яму гаворить: „Здрастуй, добрый чилавѣкъ!.. Куда ты далеча идешь?“—Ахъ, батюшка, ни знаю, какъ вамъ и гаварить атъ совѣсти...“—Чаго-жъ? Ти худоя, ти харошія у тябе, а нада сказать.“—Да вотъ што: даў Гаспоть, радила мая хазяйка двухъ сыноў—пусть бы падъ младысть, а то вѣдь падъ старысть. Хто ихъ будить расти, хто будить кармить-паить? а мы старики древнія... Старикъ яму и гаворить: „иди, зави двухъ кумоў ящо, а я за двухъ самъ адинъ кумымъ у тябе буду...“ Іонъ етыму богу и радъ, што Гаспоть нанёсъ яму такова ,челавѣка: пущай жа таперь окала мине ни смяютца ни старыи, ни малыи!.. Многа, мала-ль прашоў іонъ, сустрикаитца яму жэнщина.—Здрастуй, матушка!—„Куда тебе, старичекъ, Гаспоть нясеть?..“ А іонъ плачить и горька рыдаить—слеза слязу пашибаить.—„Даў намъ Гаспють падъ старысть двухъ рабенкыў—мыя жина родила; вотъ я и иду двухъ кумоў звать.“ — Яна яму и 'твичаить: „Чѣмъ двухъ звать табѣ,—я адна за двухъ.“—Іонъ пирихрястіўся Госпыду-Богу и сказаў: „Слава табѣ, Госпыди! Іонъ мяне пакаріў,—іонъ мине и пажалаваў!.. Таперь кала мине нихто ня будить сміятца.“

Приходить дамой. Хазяйка и спрашіить старика: „Што табѣ Гаспоть даў?“ Ти пазваў каго? — „Слава Богу, старуха! Нашоў старика и старуху. Старикъ будить адинъ за пару, а старуха адна за другую пару. — Старуха, старикова жонка, и гаворить старику: „Слава Богу! Пущай кала насъ ни смяетца ни старый, ни малый!..“

Яўляитца къ имъ кумъ и кума. Старикъ радъ да тога, што и самъ ни знаить, што имъ дѣлать. Пасадили гастей за столъ, якъ и законъ гласить, и сами ни знають, якъ-бы палучче угастить добрыхъ людей. Бабушка дѣтыкъ пирямыла, пиряхолила; а старикъ спрашіить у кумоў сваихъ, якъ лучче

имъ, ти лошадь запречь. А кумъ-старикъ и гаворить: „Нѣтъ, кумъ, сходи вадицы чистый приняси!..“ Старикъ пашоў за вадой и принесъ суды чистый вады.

Кумъ тады и гаворить старику: „Пригатоў яще чистыя вядро! Чѣмъ намъ ѣздить,—я луччи самъ тутъ ихъ пприкрящу!..“ И наклаў имъ пмена Иваны Иванывичи и пирихрястіў ихъ и падаў пхъ кумѣ на печку. Кумъ-старикъ пасадіў кумоў сваихъ за тисовый столъ и стаў угащать да таво, што и души у ихъ ня чуўствуваў.

Гуляли яны крезбины, якъ законъ гласить; просить хазяинъ на хлѣбъ-соль не на сваю, а на 'тцоўськую. Патомъ благадарить яго кумъ за хлѣбъ-соль и за угащеніе и пращаютца и идуть дамой: „аставайтись здаровеньки! Благадаримъ за угащенія ваша и за пріятнысть вашу!..“

А крестники Иваны Иванывичи за ими пашли; идуть и растуть. Расли яны не часами, а минутами. Шли ани день-другей, и вырасли яны и сдѣлались ужу ни рябятишками, а настаящими рибятами. Благаслаўляить ихъ итецъ крестный, даеть имъ па браничку и па ножичку.—„Вотъ, дѣтки, кали захочитя ѣсть, зъѣшьтя па браничку; а станить вамъ скушна и грусна, сымитя па дудычки и найграйтя, жуду-горя развядетя“. Атецъ ихъ мать горька плакали.

Старикъ кажить старухи: „Вотъ, старухъ, даў намъ Гаспоть дѣтыкъ и узяў ихъ Гаспоть!.. Хуть ба мы нагглядѣлясь, хуть ба мы латѣшились сваими дѣтками!..“ Атецъ и мать Иваныў Иванычіў переставнлись, и Гаспоть приняў ихъ да хвалы сваей. Хрестный атецъ пращаитца съ сваими хрестниками и гаворить имъ:—„Пращайтя, мае хрестнички!.. Вотъ вамъ путь и дарога!..“ Яны пашли аднимъ путемъ, а хрестный батька другимъ путемъ.

Абхватила ихъ темная ночъ въ лясу темнымъ. Слышуть яны мядвѣжій гласъ. Сабраў мядвѣжій хазяинъ сваихъ мядвѣдіў: яны рявуть, ажно землю дяруть. Атвѣщаить мядвѣжій хазяинъ: „Идуть тутъ Иваны Иванывичи сильнамочіе багатыри. Яны вашига голаса ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два мядвѣди аднагнѣздники, ступайтя къ нимъ на встрѣчу, кланійтися имъ и малитися имъ; када примуть васъ, клянитися имъ быть па вѣкъ вѣрными слугами!..“ Какъ прибижали къ имъ на встрѣчу, стали кланятца имъ и упрашивать ихъ. Яны атвичали

имъ: „Што вы, звярьё дикіи, што вы кланіитись намъ и а чомъ вы упрашиваитя насъ?“—Иваны Иванывичи, сильна магучіи багатыри, примитя насъ да хвалы сваей: будимъ вамъ вѣрными слугами.—Вынимають яны изъ карманыў бранички и дають яны па палавини бранчичка: адинъ адному мядвѣдю, а другой другому мядвѣдю;—и мядьѣди пашли, якъ вѣрныи сабачки: адинъ па'дну сторану, а другей па другую. Скора казка гаваритца, но многа времени правайждаитца. Уходють яны у лѣсъ, лѣсъ темный. Сабраў львиный хазяинъ сваихъ ильвоў. Вотъ яны арають сваими галасами. Прещаить имъ ильвиный царь: „Ой, вы, паганыи, уністожьтя свой гласъ: идуть Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри, яны вашига гласа ни вазлюбють, а вамъ голывы парубють. Вы, два ильвы аднагнѣзники, ступайтя къ имъ на ўстрѣчу; кланійтися имъ и малитися имъ; када примуть васъ да хвалы сваей, будьтя имъ вѣрными слугами!..“ Прибижали къ имъ, стали имъ кланитца и малитца. Иваны Иванывичи спрашіють ихъ: „Што вы, звѣрьё дикіи, чаво вы итъ насъ хочитя, и што нада вамъ?“—Иваны Иванывичи, примитя насъ да хвалы сваей, и будимъ вамъ вѣрными слугами па жисть вашу и па жисть сваю!..“ Вынимають іоны бранички и дають яны пу палавини браничка,—и львы пашли зъ ими, якъ вѣрныи сабачки, во путь, во дарогу.

Входять въ темный лѣсъ, дремучій лѣсъ, слышать яны валчиный гласъ. Сабраў валчиный хазяинъ свяихъ всѣхъ валкоў и вѣщаить имъ:—„Ой, вы, ваўки, ваўки, уймитя вы свой гласъ: идуть Иваны Иванывичи, сильнамочіи багатыри; яны вашига голысу ня ўзлюбють и вамъ голывы парубють. Вы, два ваўка-аднагнѣзники, ступайтя на ўстрѣчу къ имъ, кланійтися имъ и упрашійтя ихъ;—кады примуть яны васъ да хвалы сваей, будьтя вы вѣрными слугами па жисть ихъ и па жисть вашу!..“ Иваны Иванывичи вѣщають имъ: „Што вамъ, звярьё дикіи, нужна вамъ, и чаго проситя у насъ?..“ Патомъ вынили па браничку и дали имъ па палавини браничка: адинъ адному ваўку, а другей другому;—и пашли яны зъ ими, якъ вѣрныи сабачки, у путь-дорогу.

Пришли яны мѣсяцъ и болій, приходють къ пиряхресткамъ, и стали яны, братъ съ братымъ, раду радить: „Што, братъ, мы будимъ такъ жить? Мы никдга ни знаимъ, и насъ нихто ня вѣдаить. Дашли мы да лѣтъ савяршенналѣтныхъ... Ну, какъ

ты думаишь?“ И гаворють яны, братъ съ братымъ, во што:“— Ты иди адною дарогыю, а я другою пайду.—Какъ жа будимъ тȏды, якъ на кога худая гадина спастигнѐть?—А во якъ: ли дарози стаить бярёза,—уторнимъ мы въ яе свае ножички, каторыми насъ хрестный батюшка благаславiў. Вѣдь мы браничкыми питаимся, и сами, и звярьёў кормимъ, а яны усё у насъ цѣлы. Кали на кога изъ насъ выпадить худая гадина, и кали придеть хто изъ насъ къ етый бярёзи, то изъ ножичка будить итти кроў...“

Вотъ пагутаривши яны такъ, адинъ пашоў на права дарогаю, а другой налѣва. Пашедши налѣва, Иванъ Иванывичъ пришоў у чужую землю, у чужоя чарства. Абхватыить яго темная ночъ, проситца пиринучувать у адной бабылки. Бабылка увидила зварей Ивана Иванывича и испужалась. А Иванъ Иванывичъ вѣщаеть ей: „Ня бойся маихъ сабакъ: яны такъ змирны, што и волысъ атъ ихъ ня сгинить.“—Иди сабѣ, пириначуй!..

Уходить у въ избу, молитца Богу: „добрый вечиръ добрымъ людёмъ!“ —Здрастуй, добрый чилавѣкъ! Лягчися съ дароги, сядь, пасяди!.. Iонъ садитца на стулȏчки, а содить зварей окала стѣнки. Дали яму пауживать, патомъ iонъ пумалiўся Богу и легъ спать. Назаўтри па вутру устаеть, мылитца и Богу молитца. Стали званить къ вутрени, а iонъ гаворить бабылки: „матушка, я пайду—Богу пумалюсь, а кабяльки мае пабудуть здѣсь.“—Хазяйка дома, бабылка, атрѣчила яму:

— „Када жиланiя тваё пумалитца, то ступай!..“ Iонъ пабыў у вутрини застаўся малитца и ў абѣдни. Прiѣзжала къ ибѣдни и каралеўна. Иванъ Иванывичъ замичаить, што каралеўна вочинь скушна. Приходить iонъ съ абѣдни и пытаить у хазяйки: „Любезная хазяюшка, што ета значить у вашимъ царстви, у вашимъ гаради, черныкъ трȏвурымъ всѣ пути-дароги павысланы?“ — Вотъ што, любезный, у насъ икаянный Цмокъ не даў ходу вадѣ: усю ваду у сябе удиржаў. Яму каждый день у пищу, на жертву, падають па чалавѣку; тада iонъ выпускаить гораду ваду; а кали ни дадуть, тады и iонъ ваду у сябе дяржѝть. Стали у насъ народы гаворить, штобъ атдавать Цмоку людей па жѐребу, и выпаў жѐребъ на каралевну. И вотъ заўтри каралеву выспывѣдыють и прибȏстѧть и пувязуть къ икаянныму Цмоку. На други день Иванъ Иванывичъ ознову

устаеть параньши и гаворить хозяйки: — „Матушка, ти можна мнѣ схадить къ вутрени?“ — Када желанія ваша, иди! итъ Бога нихто ни 'тбиваить. — Іонъ и 'тправіўся у Божій храмъ, къ утрени. Пріизжаить туды и ихнія каралева, и изять Иванъ Иванывичъ замичаить, што ина дужа и скучна, и грустна. Іонъ утриню атстдіў, а абѣдни ни даждаў: приходить на сваю кватеру, забираить вѣрныхъ сваихъ кабялёў и бяреть съ сабою вострую мечъ.—„Ну, благадарю тябе, хазяюшка! я прайдусь, прагуляюсь!“ И атправіўся къ рякѣ, идѣ находитца икаянный Цмокъ. Перша вазили жерстви у адны часы, а таперь прастрочили.

Иванъ Иванывичъ пришоў къ рякѣ са сваими кабилями и стаить, а икаянный Цмокъ сразу выпадываить изъ вады шесть галоў, а Иванъ Иванывичъ схватіў етыхъ шесть галоў мячомъ, якъ лукувицы; тады шесть галоў падабраў и ў карманъ палажіў. У скорымъ времени Цмокъ выкидываить яще шесть галоў, а Иванъ Иванывичъ и еты голывы мячомъ атрубіў, а вѣрныи яго кабяли вытащили изъ вады и усё тулува Цмока на берегъ, голывы жъ Иванъ Иванывичъ падабраў и ў карманъ паклаў. Вѣрнымъ кабилямъ сваимъ Иванъ Иванывичъ приказыить узять тулава етыга змія, занесть у балота и зарыть глубока у землю, штобъ не была ни голысу, ни волысу икаянныга Цмока слышна. Зашумѣла вада па ўсяму гораду, якъ громкій громъ.

Вязуть каралеву къ икаянныму Цмоку на жерству, и кучиръ думаў, увидѣвши Ивана Иваныча ли ряки, што ета стаить самый Цмокъ — разагнаў добрыхъ лашадей, падламіў калясо и абаратіў каляску и выўратіў изъ каляски каралеву; каралева испужалась и сильна убилась.

Кучиръ быў малодый, халостый и вочинь хитрый. Сичасъ атлятѣў у лѣсъ и астанавіўся у краи, штобъ видѣть, што будить дѣлать икаянный Цмокъ съ каралеўною.

Падходить Иванъ Иванычъ къ каралеўни, брызнуў ей халодною вадой у глаза и гаворить каралевѣ: „ачнись и глянь на мяне!..“ Каралева слышить, што русскій гласъ гласить, глянула на яго быстра; тада Иванъ Иванывичъ сказаў каралеви: „будишъ ли ты таперь падвластна мнѣ?“ — Атвичала каралева: „мала таго, што я наўсигда буду падвластна,

буду и ноги ваши мыть и руду вашу пить.“ — Я вотъ тябе атъ акаянныга Цмока спасъ; вотъ насматри яго двинацыть атрубленныхъ главъ! — Вынуў сейчасъ изъ кармана голывы и паказаў каралеви. Каралева узрадывалась и спрасила у Ивана Иванывича, аткуда іонъ и якъ яго завуть—имя и атечества.— Я Иванъ Иванывичъ, магучій багатырь. Прашу тябе, каралева, када ты мяне палюбила: паищи у маей галавѣ вшей!..

Кладеть ей сваю голаву и уснуў іонъ багатырскимъ сномъ. Падскакиваить кучаръ каралевы, бяреть острый мечъ, штобы атрубить голаву Ивану Иванавичу, но ня могъ паднять мечи. У каляски былъ кучарской ножъ, и іонъ етымъ ножомъ атрѣзаў Ивану Иванывичу голаву, аткинуў атъ тулова прочъ, и гаворить каралевѣ:—будешь ли ты мнѣ поданныю и пайдешъ ли за мене замужъ? Если же не сагласна, то будить и табѣ то, што багатырю Ивану Иванывичу. — Ана атвѣтила яму: „А што дѣлать? Сагласна!..“ — Ни скажешъ ни ’тцу, ни матушки?—Каралева атвѣчала:— „нѣтъ!“

— Штобы у скорысти намъ и ажанитца!...

Каралева на ўсе сагласна была.—„Нѣтъ,“ кучиръ гаворить: „дай клятву ва ўсёмъ!..“ И ѣдуть у домъ. Пріѣхали дамой, атецъ съ матирью были вочень веселы, стали яе цулувать—милувать и спрашивать:—„Дочъ наша милая, скажи намъ, хто тябе спасъ атъ Цмока Акаянныга!—Мы тому гатовы атдать палавину нашига царства“.—Каралеўна итвичаить:—„батюшка и матушка, спасъ мине итъ акаянныга Цмока вашъ кучаръ!“— И атвичають яны: — „Знать яго счастя! быть па сяму!..“ Каралева и кажить атцу съ матирью: „Када мене вязли къ икаянныму Цмоку на жерству, я имѣла абѣщаніе, када Богъ мине спасеть, итти у дальнія манастыри пумалитца Богу, и прашу у васъ а томъ дазваленія.“—Услышивши, кучиръ, што цареўна хочить итти у манастыри, сказаў каралю, што іонъ ни сагласенъ на ета, и требываў сейчасъ жа пувинчатца съ каралеўною. На ета ина сказала: „Батюшка и матушка, я хачу исполнить мае абищаніе, — прашу васъ благасливить мяне итти пумалитца“. — А кучиръ требуить пувинчатца. Парашили писать у санодъ. Санодъ атвѣтіў: — „Кали желаніе каралевы итти пумалитца, то нихай ина и идеть.“—Каралева итправилась у манастырь малитца Богу, а кучира узяли у царскій дварецъ, адѣли и наградили чинами.

Прибѣгають звярьё Ивана Иванывича на то мѣста къ рякѣ, стали яны густь, стали яны рюсть, и аглушили сваимъ ревымъ усё царства. Рюсти яны сутки адны и другіи не перестава́я. Леў патомъ и гаворить:—„Масква слизамъ ня вѣрить! Што и намъ панапрасну густь и рюсть? Нада намъ каго такога нахадить, штобъ свайго хазяина атживить!“—Звярьё и гаворить: Гдѣ-жъ намъ каго найдить? На тридисятымъ царстви есть пастухъ чарадѣй, у яго есть вада живая,—іонъ и можить аживить намъ нашига хазяина—Ивана Иванывича.—Сгаварившись, ударили бѣжать на тридисятыя царства, тридисятыя гусударства. Прибѣгли у тридисятыя царства къ етаму пастуху, и гаворить леў мядвѣдю и волку: „Ты, мядвѣдь, свиней дяри, а ты, волкъ, у грудъ клади!..“ И начаў мядвѣдь свиней драть, а волкъ у грудъ валачить. Пастухъ, увидѣвъ ета, заплакаў и гаворить: „Звярье, звярьё заграничныя, што вы ета дѣлаитя, свиней маихъ истребляитя, у грудъ валочитя—и съ чимъ жа мине астаўляитя?!. Я тридцать лѣтъ пасу, надъ сабой никада такой бяды ни видаў. Скажитя мнѣ, што вамъ нужна?“—Леў атвичаў пастуху: „Дастаў намъ вады живой и мертвый!..“ Пастухъ имъ въ атвѣтъ: „Магу я вамъ даставить, лишь толька унистожьтя маихъ свиней пубивать!..“ Пастухъ скорымъ паспѣхымъ атправіўся въ запавѣдныи сада, въ чужія земли, набраў онъ два пузыря вады живой и мертвый и предаставіў имъ! — „Палучитя воду живую и мертвую!..“

Леў и гаворить пастуху: „Ти ни сблышіў ты?!.. гляди!..“ А мядьвѣдю вялить завадскаго луччага кабана разадрать на̀двая. Мядьвѣдь кабана тотчасъ разадраў, а леў живою вадою сбрызнуў — и кабанъ ажіў. — „Ну,“ гаворить пастуху леў: „маладецъ, спраўдіў! Да ня гнѣвайся на насъ, што мы надѣлали табѣ бальшея убытки“.—Лэў, мядьвѣдь и воўкъ атправились скорымъ паспѣхымъ къ мертваму сваяму хазяину—Ивану Иванавичу. Прибѣгли къ тӧму мѣсту, адѣ лижаў Иванъ Иванывичъ. Лей гаворить мядьвѣдю и волку: „Прилажитя галаву Ивана Иванывича къ яго тулуву!..“ Мертвыю вадою сбрызнули—трупъ амяртвѣў, а патомъ живою вадою сбрызнули,—на Иванѣ Иванавичѣ явилась краска, и іонъ устаў и улыбнуўся.“—Ахъ, слуги мае вѣрные, вы мене доўга праждались: я уснуў крѣпка!..—„Да, атвѣчали ему звѣрьё, слуги вѣрные: „кабъ не мы, заснуў ба ты на вѣки!..“ Ажіўши,

Иванъ Иванывичъ идеть ипять съ сваими звѣрями на прежнію хватеру къ бабылки.

— „Здрастуй, мая милая хазяюшка! Пусти мяне изнову пахватирувать;—я за тваю услугу и самъ тябе награжу!..“— Милысти прашу, атвѣтила бабылка: добрыхъ людей!..

Время правялось круглый годъ. Въ гаради етымъ усѣ пути и дароги высланы краснымъ трдвурымъ. Иванъ Иванывичъ у хазяюшки и спрашіить: „Скажи, хазяюшка, што ета значить, што у вашимъ гаради высланы уси пути-дарожки красныыъ тровурамъ!“

Ина яму атвичаить: „Нашъ царь будить дочь сваю замужъ атдавать за кучира: іонъ спасъ цареўна атъ акаяннага Циока“. Цареўна сабираетца ужу падъ вянецъ, и усимъ старцамъ у царскымъ дварци бальшая нистяжимасть. Каралева сваимъ слугамъ приказала усихъ нищихъ раставить по шарамъ. Увидѣвши цареўна нищихъ гаворить имъ: „Я, якъ пулучу законный бракъ, усихъ васъ буду дарить златамъ-серебрамъ!..“ Иванъ Иванывичъ уружаетца у Божій храмъ, астаўляить усѣхъ сваихъ вѣрныхъ слугъ звярьёў при хватери, надиваить сваю адежу ветхую, бяреть здарову вязину, падходить іонъ къ етымъ убогимъ нищимъ, и закричаў громкимъ голасамъ: „Слишняя каралеўна, саздай намъ милыстыню—не ради маяго прашэнія, а ради сваей души спасэнія,—ради Ивана Иванавича, сильна магучага багатыря!..“ Нищіи уси за ета на яго стали арать: „Што ты адинъ у поли за воинъ?! Када желаніе яе милыстиню падать, то яна и сама падасть.“—Іонъ рѣчи еты приняў у свае сердца, заходить іонъ съ правага фланку—и якъ торнуў іонъ сваею вязинаю усихъ старцыў атъ первага да паслѣдняга. Нищіи — убогіи стали на яго жалабу падавать. Схватили яго канвойные и гаворють яму: „Што ты за воинъ такей?“ — Иванъ Иванывичъ имъ и гаворить: „Гаспада палицейскія, када я винуватъ, вядитя мяне лишна къ Емпиратару. Када я стдю казни, іонъ прикажить снять съ мене голаву, а а ня стдю—наградить!..“

Приводють яго къ емпиратыру. Емпиратыръ и спрашіить у яго:—„Што ты за храбрый такей воинъ, што ты убогихъ-нищихъ многихъ разабидіў? Какъ тваё имя и атечества?“ — Я, гаворить Иванъ Иванавичъ: сильна магучій багатырь. Гасударь, я пакажу вамъ, якей я воинъ!.. Падайте мнѣ столъ абъ дви-

нацыти нагахъ!—Падали яму столъ абъ двинацыти нагахъ; вотъ іонъ и начаў уси голывы зміевы выкидывать на етытъ столъ. Столъ етый ни удиржаў Цмокавыхъ галоў: ноги абламились и голавы пакатились.

—Вотъ вамъ даказательства, какой я страшный воинъ! Ваша емпиратарства, я за вашу дочку, слишнюю каралеўну, сваю кроў праливаў; я яе, вашу дочку, итъ акаянныга Цмоку избавіў; — а ня вѣритя маимъ славамъ, спраситя 'у вашій дочки: пускай ина сама скажить, хто яе атъ Цмока избавіў!.. Царь спрасіў слишнюю каралеўну: „Хто тябе, милая мая дочь, скажи мнѣ: хто сахраніў тябе атъ смерти и атъ акаяннага Цмока!..“ Ина атвѣчаить атцу:—“Батюшка мой, мине забярегъ атъ акаяныга Цмока Иванъ Иванивичъ, сильна магучій багатырь. — Емпиратырь гаворить: Якъ жа кучиръ гаворить, што іонъ тябе сахраніў атъ смерти, атъ икаянныга Цмока? — Ина атказыить: „Кали вашъ кучиръ везъ мяне на жерству къ икаянныму Цмоку, іонъ разагнаў сильна коній— калясо падламіў, каляску абаратіў;—я спужалась и сильна убилась, а кучиръ на лашадяхъ уѣхаў у лѣсъ, стыяў у краю и сматрѣлъ, якъ икаянцый Цмокъ будить мною уродавать“. Ка мнѣ тады падашоў скорымъ поспихамъ Иванъ Иванывичъ, сбрызнуў мяне халодную вадою и гаворить: „Ачнися. слишняя каралева!“ Услышіўши я русскій гласъ, ачнулась и прасила яго сказать, якъ яго звать и хто іонъ такэй.“— Іонъ мнѣ тады сказаў:—Я—Иванъ Иванывичъ, сильна магучій багатырь; я васъ сахраніў итъ акаянныга Цмока. — И прасіў мене быть яго жаною. — И я тады жа атвѣтила яму, што сагласна на усё, што яму угодна. Са трудоў у яго галава свярбѣла, и прасіў мене искать вашей, — палажіў у мае бѣлыи калѣни сваю багатырскую голаву и заснуў. А вашъ вѣрный кучиръ бальшимъ поспихымъ падъѣхаў ка мнѣ и узяў Ивана Ивинавича вострую мечъ и якъ у яго была мала силы, іонъ мечи тога ня подніў, — а узяў съ каляски ножъ и атрѣзаў Ивану Иванывичу багатырскую голаву. А мнѣ вашъ кучиръ гаваріў такъ: ти будишъ таперь мая подданная? — а кали етыга ня хочишъ, то и табѣ то жъ будить. Я заплакала слезна, сагласилась на яго требаванья, и дала яму яще и клятву. Но, усе—таки, у душѣ сваей я гаварила: ти ни дасть Богъ маяму сахранитилю ажитца? А кучиръ требаваў аблыжна на

мнѣ жанитпа у скорыиъ времени,—я жъ прасилась у манастырь Богу пумалитца. Не кучиръ мой сахранитиль, а Иванъ Иванывичъ, сильна—мочій багатырь,—мой вѣрный сахранитиль.“

Царь приказаў привесть сюда кучира, разжалавать яго, надѣть на яго сѣрую шинель, вывести изъ канюшни быструю бѣшаную лошадь, привязать яго къ хвасту етай лошади:—„якъ іонъ маю дочъ сахраніў, нихай такъ яго бѣшаный таперь сахранить!..“

Конь быстрый па чистыму полю разнёсъ кости кучира. Ивану Иванывичу, сильна магучему багатырю, надѣли царскую карону, стали пива варить и свадьбу завадить. Абручили яго са каралеўнаю; приніў іонъ законный бракъ. Выхадили изъ Божія храма, дарили нищію братію, и нищіи уси кричали имъ „ура“.

Пришли ани ва дварецъ и стали пить да гулять и свадьбу играть. Аттулявши свадьбу, гаворить царь Ивану Иванавичу: —„Ты не зять мой, а сахранитиль мой! Дарую табѣ палавину маяго царства.“—Иванъ Иванывичъ пасылаить записку къ сваимъ вѣрнымъ слугамъ—звѣрямъ и просить хазяюшку къ сабѣ ва дварецъ на честь; заветь и зверей.

Приходить хазяюшка, бабылка удава, пабѣдная галава, къ Ивану Иванывичу, паздраўляить яго съ законнымъ бракымъ и съ яго каралеўствамъ. Іонъ за яе услугу публагадаріў и очень харашо наградіў; ина Ивану Иванавичу низехенька пакланилась.

Иванъ Иванывичъ живеть у дварцѣ мѣсицъ, другей, и больши; —захатѣлась яму у чистыя поля праѣхать пувисялитца, и просить царя дазволить яму пагулять, чистыга поля пувидать и сваю красату паказать. Царь дазваляить яму пагулять и гаворить яму: — „Ну, Иванъ Иванавичъ, выбири для сябе, па тваяму трактиру, быструю лошадь!..“ Іонъ выбраў каня, слуги яго асидлали и подали яму. Иванъ Иванывичъ усѣўся на добрага каня, узяў острый свой мечъ. А царь гаворить яму:— „пакатайся па гораду, а за горадъ, у чисто поля, ня ѣзди! Іость у мине, у двинацати вирстахъ, Баба-Яга, пребальшая валшебница; у ёй бальшой—пребальшой адинъ зялѣзный зубъ; на ступи ѣздить, таўкачомъ паганяить, мятлой слѣдъ замитаить: ана можить васъ спакусить.“—Иванъ Иванавичъ атправіўся на горадъ; многа-ль мала-ль пакатавшись на горади, атпраўляит-

ца за̀ гарадъ:—„што я за воинъ, што я никога ня буду знать, ни мяне нихто ня будитъ вѣдать".—Вотъ іонъ ѣдить па чисту полю, и устрѣтилась зъ имъ Баба-Яга на ступи, таўкачомъ пыганяить, мятлой слѣдъ замитаить, съ зялѣзнымъ прибальшимъ зубымъ, и гаворить яму: „Здрастуй, Иванъ Иванывичъ, сильна магучій багатырь!"—Здрастуйтя, Бабушка-Яга, кастяная нага?—„Куда ты ета ѣдишъ?" — И атвичаить Иванъ Иванывичъ: „Ѣду", гаворить:—„у чисто поля, полій пувидать и сябе паказать! Да пара и старыхъ такихъ старухъ убирать!.."—Нѣтъ, гаворить Баба-Яга:—тває дѣла, Иванъ Иванавичъ, никада ни придется: мы ни такихъ видали и за сябе брасали!.. Иванъ Иванавичъ схватіў вострый свой мечъ, штобъ срубить галаву Баби-Яга; а Баба-Яга, апнрядіў яго, якъ рубанула лазовымъ прутикымъ и пирярѣзала яго на̀ двая: адна палавина трупа па адну сторану, а другая па другую. Добрая лошадь ускакала дамой, зашла у канюшню и стала.

Дакладають царю: — „Прибижала добрая лошадь адна, а Ивана Иванавича нѣту!.." Царь и жина Ивана Иванавича заплакали горьки слязми: — „То-та маладой розумъ! мы сказали яму ня ѣздить за горадъ... Вѣрна, Баба-Яга яго спатрябила"...

Стала другому брату Ивана Иванавича скучна у другомъ царстви: думаить іонъ а брати и гадаить такъ:—„Не дарамъ мнѣ скушна: што-нибудь случилась съ маимъ братымъ неладная. Пайду къ той берези и къ тому мѣсту, идѣ я съ братымъ разлучіўся!.."

Приходить къ бярёзи и видить братній ножичикъ, уторнутый у бярезу, увесь у крыви. Заплакаў братъ гарючими слезами:

— „Знать ужу маяго брата пастигла бальшоя нисчастія!"—И атправіўся па той дароги, па каторый тоды пашоў яго братъ са сваими звѣрями. Приходить у яго царства; день быў ясный, пагодливый. Идеть іонъ кала саду царскаго и видить цареўну у саду—гуляить; а цареўна, увидивши Ивана Иванавича, брата яе мужа, признала яго за сваяго мужа (іонъ быў на брата пахожъ).

Падашедши близка къ яму, спрашіить у яго, хто іонъ такей. Итвичаить каралеви:—„я Иванъ Иванавичъ, сильна магучій багатырь."—Ти не была у васъ брата, яще Ивава Иванавича?—Іонъ и сказаў:—„я радной братъ Ивану Иванывичу, сильна

магучиму багатырю; пришоў у ета царства павѣдать а немъ.“— Каралева здѣсь яму и гаворить:—„Вашъ братъ, Иванъ Иванавичъ, сильна магучій багатырь, быў мой мужъ. Іонъ аднажды паѣхаў пагулять па гораду и атправіўся за горадъ въ чисто поля. А у насъ, у 12 вирстахъ, живеть пребальшая валшебница Бара-Яга: ина, вѣрна, яго спатрябила. Астались у насъ яго вѣрныя слуги, зварьё, такіе жа, якъ ваши.“—Ина приказыить привясти къ Ивану Иванывичу льва, мядьвѣдя и валка. Зварье узнали яго, стали у нагахъ яго кататца и лизать яго руки. Иванъ Иванывичъ вынимаить бранька и даеть имъ пу палавинки каждаму звѣрю.

Цареўна пригласила Ивана Иванывича къ сабѣ у царскій дварецъ:—„Ня будимъ ужу больши гарювать, а будимъ луччи пуминать!..“

Гуляли яны день, другой, и больши; Иванъ Иванывичъ просить у царя лашадки по гараду пакататца. Царь дазваляить и гаворить яму:—„Можешъ па свайму трàктиру выбрать у маей канюшни любую лошадь.“—Иванъ Иванавичъ па сваей натури выбраў сабѣ лошадь, приказаў асидлать и усѣўся на ей, узяў съ сабой старый свой мечъ, сваихъ вѣрныхъ зварей. Пагуляўши па гораду, атправіўся за горадъ.

Царь жа упиряди яму сказаў, штобъ за горадъ не въѣзжать; а то будить зъ имъ то жа самая атъ Бабы-Яги, што и съ братымъ яго. Іонъ, Иванъ Иванавичъ, не паслушаўся царскага савѣта, атправіўся таки зà гарадъ, паѣхаў тымъ путёмъ—дарагаю, куда ѣздіў и братъ яго.

Ѣдить Баба-Яга, зялѣзный зубъ у роти, и, пуўстричавшись зъ имъ, гаворить:

— „Здрастуй, Иванъ Иванавичъ!“—Здрастуй!—гаворить ей и Иванъ Иванавичъ: — да што ты, старая баба, за воинъ такей, што на ступи ѣздишъ, таўкачомъ паганяишъ, пумялòмъ слѣдъ замитаишъ!„

Иванъ Иванавичъ приказаў сваимъ вѣрнымъ слугамъ—звѣрямъ: ильву Бабу-Ягу мять, мядьвѣдю лыки драть, а ваўку вяреўки вить.

Стала Баба-Яга скрипѣть, стала вищѣть и прасить у Ивана Иванавича памилыванья, а Иванъ Иванавичъ не саглашаетца яе памилывать, а требуить атъ Бабы-Яги васкрясить брата яго, багатыря сильна—мочнага. Баба-Яга гаворить Ивану Иванави-

чу:—„У мяне іость воды, и живэя, и мертвыя;—магу аживить и брата тваяго.“ — Багатырь приказаў пустить Бабу-Ягу живую, и ана садитца на сваю ступу и ’тпраўляитца у запавѣдныя свае сады за вадой; привозить вады. Иванъ Иванавичъ узліў на кустъ мертвай вады — и кустъ пачарнѣлъ; патомъ узліў на кустъ другой вады живой — и пашоў дымъ. Иванъ Иванавичъ смѣтіў, што ета не живая вада, а ядъ; — приказываить мять и пакрѣпчи жать Бабу-Ягу. Баба-Яга ипять просить багатыря о памилываньи яе; а Иванъ Иванавичъ атвичаить ей:—„Я тады тябе атпущу и памилую, кали ты атживишь майго любезнага брата.“

Пустіў Баба-Ягу Иванъ Иванавичъ, и ина палятѣла ипять у запавѣдные сады за живой вадой. Привозить два пузыря вады живой и мертвый и ’тдаеть багатырю. Багатырь, пулучивши ваду, приказыить льву держать Бабу-Ягу, а самъ паѣхаў искать брата. Многа-ль, мала-ль ѣхаў, находить на дароги братній трупъ, разрубленный на двѣ части; слажіў іонъ части еты умѣсти, абліў трупъ мертваю вадой — трупъ амяртвѣў; патомъ—живой вадою — трупъ пакраснѣў, а братъ ажіўся. Паздаровавшись братъ съ братымъ, аживщій братъ и гаворить другому брату:— „Охъ, какъ я доўга спаў!..“ А братъ атвичаить:—„Да, кабы ни я, ты бы и на вѣки заснуў!..“

Перегаваріўши и нагаваріўшись, атпраўляютца къ етый Бабѣ-Ягѣ и гаворють сваимъ звѣрьямъ, вѣрнымъ слугамъ:—„Предайтя Бабу-Ягу смерти!“ Звѣри сейчасъ разарвали Бабу-Ягу на мелкія части.—„Ну, други наши, напаситя больши дроў у кучу, сдѣлать кастёръ, палажитя на кастёръ Бабу-Ягу, сажечъ яе!..“ Дѣла сдѣлана. Багатыри Иваны Иванавичи атправились ва дварецъ, у горадъ. Приходють ва дварецъ; жина багатыря, увидѣўши свайго мужа, вазрадавалась и распрасила у яго а яго и смерти, и ажіўленіи. Узнаўши а ўсемъ, яны снова зажили и весела, и радастна у сваемъ царстви. Съ тыхъ поръ и живуть и радуютца сваяму благапалучію.

№ 14.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Ибъ трехъ братьтихъ ахотникахъ, двухъ изъ ихъ у каминь абращонныхъ, и абъ Бабѣ-Ягѣ, кастянэй назѣ.

Жiў мужикъ; було ў яго три сына. Были яны вяликія ахотники; ну, какъ ахатыю ни занимались, а ни було никаму щастя. Яны якъ ѣздили па пущамъ и заблудились. Ѣздили 3 дни и выбрались на бальшую дарогу. Яны мизъ сабою гаварили:—„Пайдемъ, братьтя, кажный сваей доли искать!..“ На бальшей дароги стыяў стоўбъ. Атъ тога стаўба три дароги, а на тымъ стаўбу 3 таблицы:—„Хто паѣдить управа, самъ будить сытъ, а конь будить голыдинъ; улѣва, лошадь будить сыта, а самъ будить голыдинъ: а третію дарогыю хто паѣдить, у Вахрамеивымъ царстви будить царемъ“.—Были яны голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, ростъ у ростъ, какъ адинъ. Иванъ Иванывичъ быў старшій братъ. Пріизжаить онъ у Вахрамеiўскыя царства; приняў яво царь:—„Какъ тябе звать? Какея ты знаишъ мастирства?“—А я самасильный ахотникъ.—Царь яво высылаў на ахоту. Лѣсъ быў нисхадимыя пуща. Идеть звѣрь леў, якъ крутая гара, проти яво. Іонъ прилажiўся яво бить, а леў яму гаворить:—„Ня бей мяне, Иванъ Иванывичъ: я табѣ дамъ свайго дитенка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Маленька прайшомши, выходить къ яму на ўстрѣчу мядвѣдица. Іонъ прилажiўся яе бить. Ана и гаворить: — „Ахъ, ты, Иванъ Иванывичъ, ня бей ты мяне: вотъ табѣ ў даръ мидьвянёнка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Іонъ яе ни стаў бить. Маленька праходить, стричаитца воўкъ и гаворить: — „Ахъ, Иванъ Иванывичъ, ня бей мяне!“—Іонъ яе ни стаў бить, а ина яму дала ваўчаненка. Іонъ купiў сабѣ лошадь. Яво ливяненыкъ, мидвяненыкъ хадили за имъ усигда услѣдъ. Царь Вахрамей абвинчаў Ивана Иванывича на сваей дочки. Иванъ Иванывичъ захатѣў посли свадьбы праѣхать на ахоту са львяненкымъ, мидьвяненкымъ и ваўчонкымъ. Была у етымъ царстви на сѣвирную старану захожая пуща.—Жана и гаворить:—„Другъ мой милый, ня ѣзди ты у ету пущу! Тамъ вяликыя халады и лютэя марозы.“—Іонъ ѣздiў па старанамъ и разсуждаў самъ съ сабою:—„Какой я ахотникъ, када ня буду ў етый пущи?—Узяў и паѣхаў у ету пущу на

сѣвирную старану.—Какъ уѣхаў у лѣсъ, сдѣлалась теминь, халодный вѣтиръ и лютый марозъ. И сдѣлаўся яму вяликый блудъ, заблудіў іонъ у тымъ лясу и заначуваў. Видить іонъ, шта идѣ-то аганекъ далека свѣтитца. — „Ну—ка, леў, ты силинъ и прытыкъ, приняси-ка намъ огню!—А ты, мядвѣдь, приняси-ка дроў!—А ты, воўкъ, приняси-ка парасенка на вужинъ!..“ — Леў агню принесъ, воўкъ парасенка, а мядвѣть нанасіў дроў, а іонъ агню разлажіў. Стали яны етыва парасенка гатувать на вужинъ. У етымъ лясу жила вѣдьма, прazывалась Баба-Ига, Кастинная Нага; сама ина была смугыль, а глаза у яе, какъ вугыль. Толька яны стали вужинать, а ина нясетца, ажну трясетца:—„Ахъ, милый мой нашлежникъ, абагрѣй мяне: а то я змерзла!..“—Ахъ, бабушка, пади, грѣйся!—„Нѣтъ, батюшка, баюсь ахоты тваей!..“—Нябось, бабушка, ступай: цѣла будишъ!— „Нѣтъ, батюшка, вырви 5 валаскоў са сваей галавы, съ лашадиный и са сваей ахоты“. Іонъ вырваў и падаў ей. Ина якъ дунула, такъ Иванъ Иванывичъ и яго ахота акамянѣли. А жана дажидаить яго дамой.

Ишоў дарогыю Ивана Иванывича братъ Данила Иванывичъ. Стричаитца зъ имъ леў. Іонъ хатѣў убить яе, а ильвица гаворить: „Ахъ, Данила Иванывичъ! ня бей мяне: вотъ табѣ ливяненыкъ,—іонъ табѣ пригадитца!“—Данила Иванывичъ ни стаў яе бить, а ливяненка узяў. Нямнога праѣхамши, стричаитца зъ имъ мядвѣдица. Іонъ хатѣў яе убить, ана и гаворить:—„Ахъ, Данила Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ў даръ мидвяненка,—іонъ табѣ пригадитца“.—Узяў іонъ мидвяненка и паѣхаў дальши. Стричаитца зъ имъ ваўчица и гаворить:—„Ахъ, Данила Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваўчаненка,—іонъ табѣ пригадитца!“— Узяў іонъ ваўчаненка и паѣхаў. Пріѣхаў іонъ у Вахрамеива царства. А цареўна думала, што ета яе мужъ. А іонъ увузнаў, што ана жана братнія. Ана яво цулувала, руки къ сердцу прижимала:—„Я думала, што ты аттуда ни зваротистя: у насъ аттуда звароту нѣту.“—Ана яво паила и карьмила. бѣлу ложу застилала; спать яво укладала и сама зъ имъ лажилась. Іонъ мизъ сабою клаў вострую мечъ на галй:—„Ну, жана мыя милая, сяннишнюю ночъ хто къ каму пирявернитца, таму галава прочъ!“ Аны пралижали, ни шивяльнулися. Рана пу вутру сабираитца іонъ на ахату. Ана яму гаворить:—„Ахъ мой милый, ня ѣзди на сѣвирную старану: у насъ аттэль нѣту зва-

роту!“—Іонъ ѣздіў на ахоту и заѣхаў у тую пущу. Стала яму тамъ холыдна, и заначуваў тамъ. Льва паслаў за агнемъ, мядвѣдя за дравами, а ваўка за парасенкымъ. Стали яны гатовить вужинъ, какъ лятить Баба-Ига-Кастинная-Нага, сама смугныь, а глазы какъ вугыль, нясетца, ажну трясецца:—„Ахъ, абагрѣй мяне!“—Пади, бабушка, грѣйся! — „Нѣтъ, батюшка, вырви 5 валаскоў са сваей галавы, съ лошади и са сваей ахоты!“—Іонъ вырваў и падаў ей. Ана какъ дунула, такъ Данила Иванывичъ за сваею ахотыю и акамянѣў. — Ѣхаў па дароги третій братъ Микита Иванывичъ. На сустрѣчу леў. Іонъ хатѣў убить яе, а ана и гаворить:—„Ахъ, Микита Иванывичъ! Ня бей мяне; а вотъ табѣ ливяненка: іонъ табѣ пригадитца!“—Узяў іонъ ливяненка и паѣхаў. Стричаитца мядвѣдица:—„Ахъ, Микита Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ мидвяненка, — іонъ табѣ пригадитца!“—Узяў іонъ мидвяненка и паѣхаў. Стричаитца зъ имъ ваўчица:—„Ахъ, Микита Иванывичъ, ня бей мяне: вотъ табѣ ваўчаненка,—іонъ табѣ пригадитца.“—Пріѣхаў Микита Иванывичъ къ етыму стаўбу, а ужу еты таблицы пастерлись. Гаворить іонъ:—„Вѣрна, маихъ братьтіў нѣту у живыхъ! паѣду искать сваихь братьтіў.“—А быў іонъ сильный магучій багатырь и храбрый воинъ. Пріизжаитъ іонъ къ Вахрамеіўскій цареўны. Ана сдѣлалась рада, када яво увидала, и пачитала за свайго мужа. Цалувала, къ сердцу руки прижимала. Лажитца іонъ спать и кладеть мечъ падъ голывы: — „Ну, жина, сяннишнюю ночъ, хто къ каму пирявернитца, таму галава прочъ.“—Яны цѣлую ночь ни шивяльнулись. Устаўши, паѣхаў іонъ искать сваихъ братьтіў. Уѣхаў іонъ у пущу на сѣвирную старану, падъѣхаў іонъ къ етымъ камнимъ. Паслаў льва за агнемъ, мядвѣдя за дравами, а ваўка за парасенкымъ. Стаў гатовить вужинъ. Какъ нясетца Баба-Ига, ажну трясетца:—„Ахъ, милый чилавѣкъ, пусти обагрѣтца!“—Пади, бабушка, грѣйся!—„Нѣтъ, батюшка, дай мнѣ 5 валосикыў са сваей галавы, съ лашадиный. а такжа и са сваей ахоты.“—Тада іонъ и гаворить:—„Ну-ка, леў, и ты, мядвѣдь, и ты, воўкъ, валакити-ка яе на агонь!..“ Вотъ ина крутилась, крутилась, а яе ахота тирзаитъ; тагда ана какъ закричить багатырскымъ голысымъ:—„Ахъ, Микита Иванывичъ,—ни пали ты мяне: я тваихъ усихъ братьтіў ужіўлю!“—Ну, уживи!—Вотъ ана какъ дунула на еты камни, такъ яны и сдѣлались людьми. — „Ну, Иванъ Иванывичъ и

Данила Иванывичъ, палитя яе!“.. Яе узяли и спалили. Прiѣхали яны уси троя у Вахрамеiўскыя царства. Вахрамей сабраў вяликый балъ, и были уси карали, гуляли яны кала моря. (А Баба-Ига жила у мори). Марская Чудовища выкинула нà биригъ письмо. Яво и нашли карали, а у iомъ написана:— „Иванъ Иванывичъ, Данила Иванывичъ и Микита Иванывычъ! Какъ вы пагубили маю мать, то я пагублю ваша царства; а если ня хочишъ, Вахрамей, штоба тваё царства пагибла, то вывизи сваю дочку у залатомъ бярлини на край моря.“—Царь Вахрамей пасадiў сваю дочку у залатой бярлинъ и паставiў на край моря. Вахрамей ускрикнуў: — „Ахъ, братьтя, ти ня ўтушитя вы Чуда-Юда, какъ утушили Бабу-Игу?“—Аны паднялись яго тушить. Стали ноччу кала етый кареты.—„Ну, ильвы, дяржитя крѣпка за заднiя колисы; а вы, мядвѣди, ляжтя па краямъ; а вы, ваўки, када выйдить iонъ изъ моря, хватайтя яво за шiю“.—У самую поўнычъ стала валнуватца моря. Сдѣлалась зимлитрясенiя. Выскычiў зъ моря, стаў тягнуть у моря бярлинъ, а львы нп пускають. — „Ну, мядвѣди, садитись вы яму на плечи, а вы, ваўки, дяритя яму икры.“—И пурубили яво на мелкiя штуки. Привязли мядвѣди цареўну у царскiй дварецъ, и сдѣлали вяликыя багамаленiя. Ивана Иванывича паставили царемъ у Вахрамеивымъ царстви; Данилу Иванывича у Азiю, а Микиту Иванывича у Америку.

От Василiя Михайлова.

№ 15.

Якъ Ивана Иванывича, русскаго царевича, сестра съ нѣкiимъ злодiимъ загубить хатѣла.

Нѣўкатарымъ царстви, нѣўкатарымъ государстви, а иминна ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, жiў адинъ бѣдный мужучокъ; iонъ толька занимаўся ахотыю; и была ў яго систра. Iонъ пайдеть на ахоту, а систра яго астаетца дома, пригатувать яму што-нибудь паѣсть. Вотъ яны жили, жили долга ўремя, такъ и харашо, и сагласна, такъ, какъ, канешна, братъ съ сястрою. Патомъ и приходить къ ей такой плутина и машенникъ, а братъ яе пашоў на ахоту. Iонъ и гаворить ей:—„Здрастый, мыя вумница!“ — А ина яму гаворить:—Здрастуй.—„Што ты

думаишъ?“—А ина гаворить:—А ничаво.—„Идѣ твой братъ?“—спрасіў іонъ у яе, а ина гаворить:—А пашоў на ахоту.—„Давай мы съ табой спазнаймся!“—Стаў іонъ яе змущать. Ина, какъ въ недаумѣніи сваемъ, и сагласилась зъ имъ, а брата свайго ужъ бросила. Приходить братъ са 'хоты, а плутина сказаў:—„Ты притварись, будта низдарова.“—Вотъ братъ и спрашіить въ яе:—„Сястрица, што ты ета?“ А ина гаворить:—А, брахниныка мой, я дужа бальна.—„Ну, што жъ табѣ нада?“—Каба мнѣ дастаў ваўчиныга малака, то бы мнѣ и палўччила.—Вотъ іонъ и гаворить ей:—„Ну, што дѣлать, сястрица мыя: пайду, какъ нибудь дастану.“—Вотъ іонъ и пашоў. Приходить у лѣсъ, бяжить воўкъ. Іонъ тольки нацѣліўся, штоба убить яго, а воўкъ и гаворить:—„Стой, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ, ня бей мяне, ни сироть маихъ дятей,—што табѣ нада?“—Іонъ и гаворить: — Мнѣ нада твыяго малака.—„На тябѣ мылака и ваўчаненка!“—И сказаў яму:—„Яно тябѣ када-нибудь пригадитца.“ — Вотъ іонъ приносить дамой малака и ваўчёнка. Ина узила етыга малака и гаворить яму:—„Не. братъ, ета малако мнѣ ня польза, а када бъ ты мнѣ принесъ мядвѣжжига.“ — Вотъ братъ ипять пашоў ў тотъ лѣсъ; идеть къ яму мядвѣть. Іонъ тольки хатѣў, штобы убить мядвѣдя, а мядвѣдь и гаворить яму:—„Стой, братъ, Иванъ Иванычъ, русскій царевичъ; ня бей мяне, ни сирати маихъ дятей! Што тябѣ нада?“—Мнѣ нада твайго малака.—„На тябѣ майго малака и медвѣненка: іонъ тябѣ када-нибудь пригадитца.“—Вотъ іонъ узяў мядвѣжжига малака и мидвяненка и пашоў дамой. Приносить ета малака дамой и гаворить:—„Ну, сястрица, принёсъ я табѣ малака мядвѣжжига, — тольки аздараўливай“.—А зладѣй тотъ гаворить, каторый яе змущаў: - „Во какой братъ твой: яго нибяруть ни звѣри злэя, ни какая сила,—пашли яго ипять къ сàмаму злому звѣрю—льву“. (Хатѣли, штобы стратить яго.) Ана и гаворить яму:—„Ну, братицъ, спасиба тябѣ, за тваё старанія,—тольки мнѣ нѣтъ пользы; а кадабъ ты мнѣ принёсъ львиныга малака, то бы я паздаровила.“—Ну, што дѣлать, сястрица мыя? пайду, какъ-нибудь дыстану: или голаву пылажу, или малака принясу.“ — Вотъ іонъ и пашоў апять ў тотъ лѣсъ: идеть къ яму на ўстрѣчу львица и съ ливинятками; іонъ прицѣліўся убить яе. Ина и гаворить:—„Стой, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ, ня бей, ни сира-

ти маихъ дятей: што табѣ нада?“—Дай мнѣ свайго малака.—
Ина яму дала малака и ильвяненка:—„Іонъ тябѣ када-нибудь
пригадитца“.—Вотъ іонъ узяў ета малако и ильвиненка и пашоў дамой. Ина видить, што онъ ипять пришоў; ипять давай болій стагнать и гаворить яму:—„Ну, братъ, ня луччіить мнѣ итъ таго! ежили бъ ты схадіў у ту мельницу, идѣ мелють на двинацать камней и за двинатцами дверми, да принесъ бы мнѣ пылу,—тады бъ я, тадабъ палуччила“.—Ну, што дѣлать, сястрица, схажу и принясу.—Вотъ іонъ и пашоў и забраў съ сабою ўсю сваю ахоту: вуўка, мядвѣдя и льва. Вотъ онъ приходить у ту мельницу, стукнуў у двери; яму атварили и ўпустили, патомъ дали яму пылу и гаворють:—„Ну, ступай!“—Тольна іонъ вышіў съ тэй мельницы, яны—хряпъ, и затварили ўсѣ двери, и ўся яго ахота асталась тамъ: воўкъ, мядвѣдь и леў. Приходить іонъ дамой, приносить етыга пылу. Систра видить, што іонъ пришоў бизъ ахоты, и гаворить свайму другу:—„Ну, тяперь харашо: знаимъ, што мы сдѣлаимъ! ахоту яго тамъ задержили.“—Патомъ и гаворить систра брату:—„Ну, братъ, таперь я палуччила,—иднака мнѣ вытыпи баю: я пажмюсь“.—Вотъ іонъ пашоў тапить баню. Тапіў, тапіў; лятить воранъ:—„крукъ, крукъ!.. здрастуй, Иванъ Иванавичъ, русскій царевичъ!—Тапи какъ ня можна пу-марудливій: твая ахота ужъ четвира дврей прагрызла!“—Вотъ іонъ ўзяў такога гнильля дровъ и наклаў у печку, и ўсё топить, да топить. Прибигаить систра:—„Ну, што, братъ, ти гатова?“ — Нѣтъ ящо, систра, падажжи нямнога!—и стаў ипять тапить баню. Лятить ворынъ:—крукъ, крукъ! здрастуй, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ! падажжи нямнога: твыя ахота скора придеть: асталась толька троя дврей грызть.“—Іонъ ипять давай гнилушки падкладывать; приходить апять систра: ей ужъ ни тярпѣлась.—„Ну, што, братъ, ти гатова баня?“—Нѣтъ, сястрица, падажжи нямнога: сичасъ будить гатова.—Лятить третій разъ ворынъ:—„Ну, Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, твыя ужъ ахота идеть!—Вотъ ина съ сваимъ другымъ и пашли ў баню, а ахота яго на дворъ. Іонъ гаворить на сястру:—„Ну, систра, каго ты ета привила?—Ну-ка, мыя ахота, пастарайся етыга мерина паймать и пащипать на мелкія кусочки.“—Вотъ какъ стаў мядвѣдь на двиряхъ, а воўкъ на другихъ, а леў якъ начаў паласкать: пар-

ваў, и пащипаў, и кости яго пажваў.—Я тамъ быў, медъ-вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала.

№ 16.

Ибъ трехъ братьтихъ, адныімъ изъ ихъ дуракѣ, Бабѣ-Ягѣ кастянэй нагѣ и яе дачкахъ.

Какъ жіў старикъ, и було ў яго три сына: два разумныхъ. а третій дуракъ. Наканецъ атецъ ихъ помиръ, и задумали аны пуминать атца. Вотъ аны наварили пива и слили яго ў бачонки и паставили яго ў погрибъ. Патомъ пасылають дурука ў горыдъ за пакупками:—„Ну, братъ, съѣзди ў горыдъ да купи намъ гаршкоў и соли!..“ Вотъ іонъ запрегъ лошадь и паѣхаў ў горыдъ, накупіў пакупыкъ и ѣдить дамой. Захатѣла лошадь пить. Іонъ хатѣў напаить яе,—ина сарпнула и ня пьетъ; вотъ іонъ пасаліў ей: высыпаў усю соль, што везъ,—тада конь напіўся. Праѣхаў ящо дальши у лѣсъ, вызжаить на лядастыять пянеўя. Іонъ панадѣў уси гаршки на пни. Пріизжаить дамой безъ пакупыкъ. Братья спрашіють:—„Идѣ твае пакупки?“—А дуракъ атвичаить: — „Я ѣхаў, ѣхаў,—дарогый конь захатѣў пить, то я ўзяў, пасаліў, тады іонъ напіўся. Ящо далій праѣхаў,—идуть къ намъ гости, да галагаловыя, бизъ шапыкъ,—такъ я ўзяў имъ шапки панадѣў.“—Ну, штожъ намъ тапер дѣлать съ табой: атстанься ужъ дома, а мы паѣдимъ ў горыдъ за пакупкыми.—Вотъ яны паѣхали ў горыдъ, а іонъ атстаўся дома. Думаў, думаў, што дѣлать?— „Пастой: вазьму пайду ў погрибъ!“—Пашоў іонъ ў погрибъ; узяў, паразліў уси бачонки съ пивымъ, патомъ искаў, искаў лодки, ни нашоў. Вотъ іонъ узяў карыта, утащіў туды, да и катаитца па погрибу. Пріизжають братья зъ горыду, а іонъ гаворить: „Хадитя ка мнѣ кататца!“ —Яны и кричать на яго: — „Ахъ ты, дурачина, што ты ета надѣлаў?—Чимъ жа намъ тапер атца пуминать?“ А іонъ гаворить имъ:—„А я думаў, што вы мнѣ ета пива здѣлали кататца?“—Ну, братъ, давай ящо варить пива!—Вотъ яны наварили ящо болій таго пива и паслали дурука пазвать людей на поминки. Вотъ іонъ пашоў и приказываить усимъ:— „Прихадитя, ўсё маладыя и старыя, а за дитями я на кани пріѣду!“—Вотъ уси пупришли. Тады іонъ

запрегъ каня и причаніў вяреўку, сѣў и паѣхаў. Вотъ іонъ пріѣхаў у дяреўню и давай накладывать дятей на калёсы, якъ дровы, и увизаў ихъ жердью. Привозить дамой, увайшоў у хату и гаворить: — „Ну, привезъ я вашихъ дятей!“—Матки ихъ пасмотрють дятей и гаворять яму:—„Да идѣ жъ ты ихъ дѣў, нашихъ дятей?“—А іонъ гаворить:—А пысадіў на згувальню.—Яны пагглядѣли: праўда.—Патомъ и гаворють одна на адну:—„Пагляди-ка, кумычка, якъ наши дѣти сидять рядушкамъ!“—А другая выбигла и гаворить:—„А, Божа мой, аны жъ ня живы!“—Вотъ братьтя видють, што будить худа, пабижали далоў съ дому; а дуракъ глядѣў, глядѣў на ихъ, да какъ пуститца ўслѣдъ за ими, што іость силъ яго, и бягить, и кричить:—„Падажжитя!“—Братьтя ета пачули и спугались, и гаворють адинъ другому:—„Братъ, нужна падаждать!“—Вотъ яны падаждали яго; приходить іонъ къ имъ и гаворить на ихъ:—„Вы чаго атъ мяне ушли?“—А яны гаворють:—„Зачимъ жа ты давіў дятей: намъ ба було дѣла плоха“—Абнимаить ихъ ночъ, іонъ и гаворить:—„Ну, куда мы тяперь пайдемъ: вить ночъ на дварѣ? — Пайдемъ куды-нибудь, папросимся на начъ!“—Вотъ яны ишли, ишли,—приходють у лѣсъ. Стаить тамъ хатка. Вотъ яны приходють ў тую хатку; тамъ сидять три дѣвушки. Вотъ яны и гаворють, увайшоўши ў хатку:—Здрастуйтя, вумницы!“—А аны атвичають:—„Здрастуйтя, гаспада кавалеры!“—Пазвольтя намъ у васъ пириначувать!—„Можна, гаспада кавалеры! толька у насъ іость матушка злая: ина называитца Баба-Ига-Кастинная Ныга. Ина на ступи ѣздить, таўкачомъ пагыняить, пумяломъ слѣдъ замитаить. Какъ ина дамой придеть, то ина васъ паѣсть!“ — Ну, што жъ дѣлать?—Намъ, пашоўши ў міръ, идѣ-нибудь умирать:—а мы ужъ заначуимъ, да падлѣзимъ хуть падъ печку!—Вотъ яны и заначували, да падлѣзли падъ печку. — Вотъ идеть ихъ матка, Баба-Ига-Кастиная Нага, у ступи ѣдить, таўкачомъ паганяить, пумяломъ слѣдъ замитаить. — Какъ увыйшла ў хату, гарпъ, сарпъ:—„Што ета тутъ у насъ кось-Русь пахнить?“—А яны атвичали ей:—„Маминька, ты па Руси ѣздила, Руси набралась!“ — Нѣтъ, вы мнѣ ета ни гаваритя, а штобъ большій братъ мнѣ сжаринъ быў!—А сама на заўтри уѣхала ипять. Вотъ яны затапили печку и гаворють:—„Большій братъ, вылизай вонъ!“—Вотъ іонъ и гаворить:—„Братъ дуракъ, лѣзь ты,

паслушай мяне!“—Вотъ іонъ вылизаить, а яны палажили лупату на загнетъ и гаворють:—„Садись, я тябе пракачу!“—А іонъ и говорить:—Я ня ўмѣю: ну-ка перва ты!—Вотъ ина шлёпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўсь яе у печку: ина тамъ и сжарилась.—Вотъ идетъ Баба-Ига-Кастинная Нага, вытащила яе съ печи и давай ѣсть, съѣла, ипять пашла и приказала:—„Штобъ сяредній братъ сжаринъ быў! — А идѣ жъ ета мая большія дачушка?“—А яны атвичали ей:—„А пашла гулять.“—Вотъ ина и паѣхала ипять. Вотъ яны ипять затапили печку и гукають:—„Ну, сяредній братъ, вылизай вонъ!“—А сяредній братъ просить дурака:—„Братъ-дуракъ, вылизай вонъ: ты ужъ знаишъ, што дѣлать!“—Вотъ іонъ вылизаить, а ина и гаворить:—„Ну-ка, сяредній братъ, садись на лупату: я тябе пракаўзну!“ — А іонъ и гаворить: — „Я ня ўмѣю: ну-ка ты перва!“ — Вотъ ина — шлёпъ, и сѣла на лупату, а іонъ коўзь яе ў печку: ина тамъ и сжарилась; а самъ ипять залѣзъ падъ печку. Вотъ и ѣдить Баба-Ига-Кастинная Нага, пріѣхала, вынила яе съ печи и зъѣла. Патомъ и гаворить: „Идѣ жъ мыя сяреднія дачушка?„ — А меншая атвичала: — „Пашли абѣя гулять!„—А ина гаворить:—„Ну, штобъ меншій братъ сжаринъ быў!“—А сама паѣхала. Вотъ ина затапила печку и гаворить: — „Ну, меншій братъ, вылизай вонъ!“ — Вотъ іонъ вылизъ, — ина и гаворить:—„ну, садись на лупату: я тябе пракаўзну!“—А іонъ гаворить:—„Я ня ўмѣю: перва ты сядь!“ — Вотъ ина шлёпъ, и сѣла, а іонъ яе коўзь у печку: ина тамъ и сжарилась. Патомъ и гаворить: „Ну, братцы, вылизайтя вонъ!“—Вотъ яны вылизли, да какъ пабѣгли утикать. А Баба-Ига, какъ застучѣла, какъ загримѣла за ими ў-дагонь; а дуракъ астаўся, да какъ ухватіў табашникъ, да какъ ударить яе па галавѣ, ина тамъ и сунулась. Іонъ узяў: на адну нагу стаў, а за другую разарваў; патомъ и кричить на братоў:—„Падаждитя: а то я васъ убью!“—Вотъ яны уздумали пра яго дурацкія мысли, останавились, а іонъ нясеть къ имъ ету Баба-Ягу-Кастяную Нагу, ступу, таўкачъ и пумяло и гаворить на ихъ:—„Пумагитя мнѣ ета несь!“—Вотъ яны нясли, нясли, принясли къ лѣсу и гаворють:—„Ну, идѣ будимъ начувать?“—А дуракъ и гаворить:—„А вазьмемъ, да узлѣзимъ на елку.“—Вотъ яны ўзлѣзли на ёлку, пумастили сабѣ каравать и лягли спать.—Вотъ

туда ѣхали извощики и заначували падъ етыю ёлкуй. Вотъ адинъ изъ братоў и гаворить:—„Я хачу пумачица.“—А дуракъ и гаворить:—„Мачись у катёлъ“.—Вотъ іонъ и давай мачитца ў катёлъ, а извощики и гаворють:—„Ета раса идеть!“—А другой гаворитъ:—„Я хачу мараца!“—А дуракъ и гаворить:—„Марайся ў катёлъ!“—Вотъ іонъ и давай мараца ў катёлъ, а извощики гаворють:—„Ета шишки литять.“—Патомъ дуракъ якъ бросить къ имъ Бабу-Ягу, ступу, таўкачъ и пумяло: извощики якъ пубижали ўси ўрозь, а яны злѣзли зъ ёлки, да за ими ўдагоню.—Нашли аднаго ў кустахъ, ўзяли, яму языкъ атрѣзали. Вотъ іонъ и залапатаў разными изыками, а дуракъ и гаворить:—„Во, я научіў чилавѣка разнымъ изыкамъ!“—И говорить на братыіў:—„Научити-ка вы мяне гаворить разными изыками?“—А яны яму атвичали:—„Мы жъ ня умѣимъ!“—Вотъ іонъ узяў и забіў ихъ абоихъ, а самъ пашоў дамой; стаў жить, да паживать.

Издаўна ў свѣти рѣчь вядетца,
Што глупыму ўсё даетца.

№ 17.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Ибъ Игри Игравичи, якъ іонъ сабѣ жонку дабываў ажно изъ Царь-града, якъ іонъ жа съ падземнаго царства цареўну атъ 12 галовыга змѣя свабадіў.

Какъ у нѣкатарымъ царстви, иминна въ нашимъ гусударстви быў царь Игра, и была ў яво три сына: первый сынъ быў Иванъ Игрывичъ, утарой сынъ Аляксѣй Игрывичъ, третій сынъ Игра Игрывичъ. Рана пу вутру призываў іонъ Ивана Игрывича:—„Сынъ мой любимый, Иванъ Игрывичъ, какъ видіў я сонъ свой діўный, такъ хачу я прасить васъ правѣдать у царстви, што дѣитца и што праводитца“—Магу, атецъ милый, магу узнать, што ў царстви дѣитца и магу вамъ дать атвѣтъ. Іонъ пашоў на ставы — канюшни выбирать па сябѣ лошадь, выбраў, сѣў и паѣхаў. Пріизжаить къ дяреўни: у дяреўни стаить пуня на пали; іонъ выбраўся у салому и праспаў у весь день и ночь. Рана пу вутру явіўся къ атцу сваяму:—„Атецъ мой

милый, паѣхаў я у царства и увидаў я страху многа, варатіўся назадъ." Іонъ и гаворить:—„Аляксѣй мой милый, сынъ мой любимый, какъ ба намъ можна бы у царства атвѣдать. Ежили ты у царстви атвѣдаишъ, што дѣитца, то полцарства табѣ атпишу." —Іонъ и гаворить:—„Батюшка, усё можна, и усё атвѣдаю, и праўду усю вамъ скажу."—Вынзжаить іонъ у сваё царства, увидаў многа дѣвыкъ и малодыкъ, прабыў іонъ сутки съ ими, прагуляў. Варатіўся у свой домъ къ атцу и гаворить:— Батюшка мой, у полцарства ни даѣхаў: лошать мая захранала, самъ сдѣлаўся низдароў: забалѣла мыя галава, и варатіўся я дамой."—Іонъ гаворить:—„По свиту ты ни važаў, людей ты ни видаў, атъ вѣтру у тябе забалѣла галава,—лягъ и спи!.." Выходить Игра на крыльцо и кличить:—„Игра Игрывичъ!.."— Игра Игрывичъ съ палатушки выступанть, кармазйнычку снимаить: — „Абъ чомъ, гасударь-батюшка, требуитя?"—Вотъ я требую, штоба ты во царстви атвѣдаў бы, то я табѣ ўсё царства паступлю!.. — „Атецъ мой, если мае братьтя Иванъ и Аляксѣй ни магли атвѣдать, но я ища малалѣтинъ; што Богъ мнѣ пашлеть!.. Благаславитя, атецъ мой родный! папробаю!" —И пашоў на ставы-канюшни выбирать па сябѣ лошадь. Іонъ выбираў: на каторую лошадь руку ни наложить, на калѣни упадеть, а иная саўсимъ прападеть—ня вытрывать. Іонъ заплакаў и пашоў, узяў съ сабою тясьменную уздечку и чиркаськыя сядѣльца, и стричаитца зъ имъ чилавѣкъ:—„Ты куда идешъ, Игра Игрывичъ?"—А ты хто?—„Я панъ пансвій, а сынъ дварянскій, а па милысти гасподскій—самъ ваяводскій."—А што, милый мой чилавѣкъ, ни видаў ли ты нашива конюха, Ивана Ивашку, сѣрую сирьмяжку?—„А на што іонъ вамъ?—Тамъ іонъ съ табуномъ у поли.—А ни савѣтываў ба я табѣ, Игра Игрывичъ, яво искать: у няво самыя паганыя лошади, лядащія. А я пакажу вамъ, куда идти. Вотъ падъ Балканьскыю гарою іость ракитывый кустъ, падъ тымъ кустымъ крыница, то ты съ етымъ варатись назадъ, вазьми атцоўськую булаўку, штоба атецъ ни видаў; ана ни вяликыя: семдисять пудоў. Самыми паўдняями лошадь будить бѣчъ у крыницу; какъ иня падеть на калѣнкахъ у крыницы, то ты яе бей мизъ ушъ, якъ твая сила,—хватай яе за гриву и набрытывай яе тясменную уздечкую, накладывай на яе черкасскыя сядѣльца, скажи на яе:—Тпру, Гремила! служи мнѣ, якъ твыя сила!"—Игра Игры-

вичъ, какъ яму савѣтывали, такъ іонъ и сдѣлаў: схватіў лошадь за гриву, забратаў яе тисьмэнную вуздечкую, и палажіў чиркасскыя сядѣльца, и сказаў на яе:—Ты, мая лошадь мила, служи мнѣ, какъ твыя сила!“—Ударіў яе больна.—„Ахъ, Игра Игрывичъ, ты больна бьёсьтя!..“—Но ты, песься мяса, бальнѣй мяне убила!..—„Ну, садись на мяне лягенька, дяржися кряпенька, а пагаляй ни жалѣй!“—Іонъ и паѣхаў у тридивятыя царства, у тридисятыя гусударства, за темныя лясы, за широкія горы. Тамъ стаить домъ, агромный домъ, каминный, трехъатажный, тольки ў томъ доми ни двери, ни вакошка.—„Охъ, домъ, ты, домъ, стань, стань, пиривярнись, ка мнѣ двирями атварись!..“—Стаў, пирявярнуўся, двирями яму атваріўся; уходить у домъ, и сядить тамъ дявица на креслахъ и каўры вышиваить, такъ сильна прикрасна: видить яе ни видать, ни ўказами ни сказать, ни пяромъ написать,—такъ ина красива.—„Здрастуй, дявица!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! куда ѣдишъ, куда путь дяржишъ?—„Я ѣду ў Царь-Градъ, царь-дѣўки пувидать, живэй вады и мертвэй дастать.“—Ну, када дастанишъ, сваякъ намъ будишъ!.. Тольки астаўляйтя вы сваю лошадь у мяне, а вазьмитя маю!—Іонъ сѣў и паѣхаў ў тридивятыя царства, ў тридисятыя гусударства. Вотъ стаить домъ тріитажный, ни вакошикъ, ни дваерей.—„Ахъ, домъ, ты, домъ, стань, пиривярнись, ка мнѣ двирями аттварись!“—Стаў, пиривярнуўся, яму двирями атваріўся. Уходить іонъ у домъ; сядить тамъ дѣвица, крашій красныва соўнушка, яснѣй яснывa мѣсяца.—„Здрастуй, цареўна!“—Здрастуй, Игра Игрывичъ!—Куда ѣдишъ, куда путь дяржишъ?—„Ни царскыя ваша честь, што ни даетя мнѣ ѣсть,—вы напойтя, накармитя,—тагда у мяне разпраситя!“—Ина яво напаила, накармила и ўсё ў яго распрасила:—Куда ѣдишъ, куда путь дяржишъ?—„Ѣду ў Царь-Горыдъ, царь-дѣўки пувидать, живэй вады и мэртвый дастать!“—Ну, када дастанишъ, сваякъ намъ будишъ; тольки вы вазьмитя лошадь маю, а сваю астаўтя ў мяне!—Тольки какъ падъѣдитя къ Царь-Граду (тамъ стина тріитажная, каминная, а на треттимъ атажѝ тамъ натянуты струны), то ты ни кидайся скакать чиризъ тріитажную стяну, а будить примѣта: три галаўни будуть кўрить; то ты какъ усматришъ, што двѣ пагаснуть, а адна будить кўрить,—тада скачъ чиризъ стяну. Какъ привяжишъ лошадь, пирискачомши за стяной, у Царь-Гради, будуть два ка-

лодися раскрытыя.—То ты купи два пузырька раўныя. Ты такъ вады ни вузнаишъ, каторая живая, каторая мертвая, а будить хадить птица воранъ, то ты разарви яво на двай, пумакни воби палавинки у калодись: када мертвая, сживить яго, а живая—атживить.“—Вотъ іонъ ува адинъ калодись яво (ворана) пумакнуў, то сживіўся; а у другой калодись пумакнуў, вырваўся и улятѣў. Вотъ іонъ мертвыю ваду падвизаў падъ лѣвую паху, а живую падъ правую. Ета было у втаромъ часу дня, када ў Царь-Гради цареўна атдыхала. Уходить іонъ у домъ; ана спить па канапеи. Какъ іость чистыя зеркыла: видна, какъ изъ костки у костку мозгъ пириливаить. Какъ увидаў яе красату, какъ разгарѣўся маладецъ, раскрыў яе и сдѣлаў съ ею схажденія съ сонныю,—тольки вынуў іонъ карандашъ и написаў на яе бѣлыхъ грудяхъ:—„Выў чужаземицъ, квасъ піў, а дежки ни накрыў.“—Выходить іонъ изъ палатъ къ свайй лошади; стаў на яе садитца,—лошадь упала на калѣни и гаворить:—„Игра Игрывичъ, ты вочинь тяжолъ! мыйся ты ў етыхъ калодисяхъ—ни магу табе везть: ты вочинь тяжолъ!..“ Іонъ какъ ня мыўся, а стаў садитца, — апять ана упала на калѣнку:—„Мыйся ящо, а то ты вочинь тяжолъ!..“ Іонъ патуда мыўся, пакуда съ яво патикла кроў-руда. Стаў садитца на̀ лашадь, ана и гаворить:—„Ну, пőтижилъ, да дѣлать нечива.“ Ана какъ бросилась чиризъ каминную стяну, то сваею нагою зачапила струны. Сдѣлалась тривога па ўсемъ Царь-Граду и разбудила дѣўку. Глянула дѣўка на свае бѣлыя груди и гаворить:—“Ахъ, ты, нявѣжа: квасъ піў, да дежку ни накрыў! я тябе дагаию и агнемъ табе сажгу!“—Іонъ прилитаить къ етыму самыму дому, гдѣ сваю лошадь аставіў. Ета цареўна яму лошадь выводить, а сваю принимаить. Царь-дѣўка узила щитъ огнинный, за двинадцыть верстъ агнемъ пякеть.—„Што, систра, ти ни праизжаў чужаземиць?—Нѣтъ, сястрица, ни видала.—„Атчаво твня лошадь потна?“—А сичасъ пакупала, ярый пшаницы задавала,—аттаво и потна.—А Игра Игравичъ прилитаить къ таму двару, идѣ яво истинная лошадь стыяла. Ета цареўна яво лошадь выводить, а сваю принимаить:—Ухади, милый чилавѣкъ! сваякъ намъ будишъ!“—Услѣдъ систра прилитаить, на щиту пламинымъ агнёмъ палить за двинатцыть верстъ ўпяредъ:—„А што, систра, ти ни праизжаў чужаземицъ“?—Нѣтъ, сястрица, ни видала!—„Атчаво лошадь твая потна?“ —Сичасъ купала, ярый

пьяницы задавала, аттаво и потна.—Ана и гаворить:—„У васъ, вѣрна, загаворъ съ тою сястрою! даганю нявѣжу и агнемъ сажгу!“—А ета цареўна яму сказала:—Если будить тябе даганять систра и будить агнемъ печь у плечи, то палатенцымъ етымъ махни упярёдъ! — И дала яму палатенца. Іонъ махнуў палатенцымъ, и аткрылися моря да самаго царя Игра. А ана, даѣхаўши да моря, махнула палатенцымъ—сдѣлаўся мостъ атъ Царь-Града да царя Игра: залатая масница и сяребриная. Іонъ паскакаў по масту, какъ самый ясный сокылъ, а ёй нильзя ѣхать: патаму квасъ питъ и ня мылась ана. Скора ета кажитца, а нёскара дѣлаитца. Какъ уѣхала ана у Царь-Горыдъ и радила пару сыноў: адинъ сынъ Лицарда, а другей Цымбалда. А Игра Игрывичъ пріѣхаў у сваё царства, у запавѣдныя луга, разнуздаў сваю лошадь и апустіў павада, а самъ съ атваги легъ падъ зялёный падъ кустокъ.—„Таперь я буду спать: никаво я ни баюсь, патаму што пришоў на сваю старану.“—Какъ успаўся іонъ багатырскимъ сномъ; а тую пору прахадили яво братьтя Иванъ и Аляксѣй, нашли яво сонныва и гаворють:—„Какой ета чилавѣкъ, што мы яго ни пазнаимъ, и какой чужаземицъ, или багатырь Чалубей наѣхаў на наша царства?“—Аляксѣй и гаворить:—„Ахъ, братъ, ета ни багатырь Чалубей!..“—Какъ, братъ?—„А такъ, братъ: ета, вѣрна, нашъ Игра Игрывычъ!—Іонъ атцоўскія выизды выиздіў и выхады выхадіў: вѣрна, яму царствымъ владѣть!“—Ну, што, братъ, будимъ съ имъ дѣлать?—„А вошто: ета атцоўскыя булаўка,—вазьмемъ и убьёмъ яво ею!..“ Аляксѣй гаворить Ивану: — „Зачимъ намъ праливать атцоўськую кроў?—А лучши—я знаю на тотъ свѣтъ дирку скрозь зямлю—пракинимъ яво туда!..“ Узяли яво, привалакли и бросили, и лятѣў іонъ цѣлый годъ. У палавини іонъ прашнуўся и гаворить:—„Ахъ ба, да ни такъ,—за што жъ бы такъ?—Хто ета мнѣ сдѣлаў!?..“ Прилятѣў іонъ на тотъ свѣтъ, идѣ соўнушка нѣтъ,—толька тамъ чады да курна. Прилятѣў, стаў на ноги. Ляжить тамъ мечъ складянецъ 12 аршинъ царя Чалубея. Узяў іонъ мечъ у руку и пакиваў ею.—„Ну, хараша штука, да толька троху!..“ Стаў прислушиватца и присматриватца. Слышить іонъ, што у ва 'днэй старанѣ выють и плачуть, а ў другой старанѣ играють и скачуть. Такъ іонъ и думаў, куда яму идить: или ў тую старану, идѣ играють и скачуть, или ў тую, гдѣ выють и плачуть.—Пашоў у тую старану, идѣ выють

и плачуть. А у пазамельныга царя выстраинъ калчегъ, и вывизина дочка на съядэнія Чуду-Юду Биззäканнаму, каторый выидаў гусударства. Заходить у тотъ калчегъ и гаворить:— „Здрастуй, цареўна!..“ Здрастуй, Игра Игрывичъ! Чаго вы ета суда залятѣли? Луччій ба я адна прападала, чимся и вы суда зашли!—Іонъ и гаворить ей:—„При двухъ насъ и смерть будить красна!..—Алена Прикрасныя, какая у васъ тутъ смерть ходить?“—А выходить у насъ Чуда марская, выила усё царскыя калѣна.—„Ну, какъ жа узнать, када іонь будить зъ моря выходить?“—Тада будить зимлятрясенія: іонъ вочинь грузинъ,—на іомъ 12 галоў.— „Ну, харашо: я паляжу троху, а вы мяне узбудитя.“ — Патомъ іонъ и гаворить:—„Если вы мяне станитя будить, ды ня ўзбудитя, то бейтя каминимъ у пяты; если и тады ни паслышу, то распаливайтя кирпичъ и кладитя къ маимъ пятамъ, патаму што я роўна годъ ни спаў: можа, усну парядышныга и крѣпкымъ сномъ.“—Ну, харашо: лажись и спи!.. А іонъ Чулубеиву мечъ паставіў у вуглѣ. Сичасъ па ту пору падималася буря, и стала треснà зимля. Ана (атъ яво любдви и атъ крысаты) начала сильна будить. Іонъ заснуў багатырскимъ сномъ и ни слыхаў, какъ ина била яво каминимъ у пяты и палила кирпичомъ жарка и клала къ падошвамъ, а іонъ усетки ни слыхаў за багатырскимъ сномъ. Какъ выходить изъ моря на сухой край Чуда-Юда абъ двинацати галавахъ, такъ ина стала зъ имъ пращатца, и упала яе слиза на яво лицо и спалила яво, какъ агнемъ. Ускачіў іонъ атъ багатырскага сну:— „Ахъ, милая цареўна, чимъ ты такъ спалила лицо мае?“— Нѣтъ, я тябе ничѣмъ ни спалила, а стала пращатца съ табою, и упала мая слиза на твае лицо.—„Што, идеть іонъ?“—Идеть, нидалеча.—Іонъ схватіў Чалубеиву мечъ и стаў дли дварей на старанѣ. Какъ идеть іонъ у сирядину, какъ расперъ іонъ калчегъ, такъ цареўна и абамлѣла, а іонъ крикнуў багатырскымъ голысымъ:—„Што ты, Чуда, самъ идешъ и за сабою вядешъ?“— Іонъ паваратіў свае голывы пасматрѣть, хто за имъ идеть.— Іонъ абаратіўся назадъ пасматрѣть, а Игра Игрывичъ какъ ударить яво мѣччу, сбіў яму далоў уси голывы. Тада узяў Чуду-Юду Биззаканнава и укинуў тулувища у моря. Лижаў каминь абъ сями тысичахъ пудоў, узяў кончикымъ сапага и падняў, и палажіў голывы падъ яво. Тада паставіў у вуглѣ мечъ и легъ атдахнуть,—патаму: ни даспаў. Какъ атъ сонца стала видна у

царстви (када аны пагубили Чуду-Юду, чадъ паў на землю), царь и гаворить:—„Ванька—вадавозъ, запряги-ка ты сваю лошадь съ бочкыю, паняжай ты къ калчегу,—вѣрна, цареўна пагублина,—привязи вады на кухию!..“ Ванька запрегъ лошадь и сѣў варьхомъ и дяржитца за дугу, за кальцо (важжей ни було) и такъ ѣдить за вадою, и слышить, што цареўна паеть пѣсни, а ни плачить. А іонъ думаў заѣхать къ ей и ўзять платьтя на капшукъ, ажну цареўна жива. Уходить у калчегъ:—„Здрастуй, цареўна!..“—Здрастуй, Ванька-вадавозъ!..—„Какъ ты жива асталась?“—Вотъ етитъ чилавѣкъ, што спить, атрубіў яму голивы.—„А Чуду идѣ іонъ дѣў?“—А бросіў у моря.—„А голывы идѣ дѣў?“—А вотъ падъ етимъ бальшимъ камнимъ.—Іонъ стаў булуватца кала етый мечи: узяў колъ, атадвинуў яе атъ вугла и заваліў ету мечъ на Игра Игрывича, и атрубіў яму голыву прочъ, свизаў яво ноги, прадернуў палку, атвизаў атъ бочки вяреўку, привизаў за палку и причапіў къ кабыли за гужи, пувалокъ яво ў моря и убросіў.—Тада приходить у калчегъ.—„Паслушай, цареўна! ежили ты ни скажишъ атцу, што я тябе избавіў, то и тябѣ атрублю голыву и звалаку у моря“.—Ана пирядъ имъ дала клятвы и зъѣла кусокъ зямли:—Скажу атцу, што ты мяне избавіў, а нихто!—Тада іонъ яе пасадіў на бочку, ня ліўши вады, а самъ сѣў варьхомъ и падъизжаить падъ царскыя крыльцо. Такъ царь стаў яму радъ: цалиикъ яво у щоку.—„Што, Ваня, видаў ли ты Чуда, какъ ано асталысь живоя?“—Я жъ яго убіў и памилываў яе!—„Ну, таперь будь мой самый перьвый зять!..“—Приказаў строга па ўсяму царству, на три дни, ўсимъ ваенным па три крышки вина кажныи сутки и па хунту гавядины, а ўсей сваей чѣри и мужукамъ пу палштоху вина, и каша штоба была крутая, и такъ три дня. Вагамаленія було три дни, и игры, и музыка.—Цареўну паздраўляли, а Ваню-вадавоза васхваляли, што харошъ будить царскій зять, миласердинъ. Стали яны пить-гулять да вечира, а дѣлить имъ стала нечива. Другъ на дружку, а ўси на Пятрушку, а Пятрушка быў на мельницы и етыва дѣла ни знаить, хто цареўну избавіў. Ета дѣла правялося ни далека, ни близка, а роўна 14 лѣтъ. У падзямельныга царя, у яго царстви, ни пива варить, ни вина курить,—у яго усё гатова. Я тамъ быў, дали мнѣ палштохъ водки, а на закуску витчины. Вадавоза Ваньку сдѣлали вяликимъ князимъ сяни,

заўтри, заўтри больши: чинъ па чину. Захатѣў яво царь абручить; ана и гаворить:—„Папинька мой, пазвольтя мнѣ прагулятца!“—Атецъ ей пазволіў. Узила ина съ сабою злата—сирибра чатыря горсти, приходить ана на пристань.—„Рыбаловы малайцы, закиньтя вы свой браднивъ, паймайтя мнѣ свѣжій рыбки, а, можа, и ящо што пупадетца!“—Аны якъ затягнули и вытащили на край тѣла Игра Игрывича. Ана и гаворить:—„Рыбаловы малайцы, вытыщили вы тулувища, вытащитя и голыву!..“ Ана имъ дала по дви горсти золата. Аны вытащили голаву.—„Таперь вы, рыбаловы, ступайтя на сваю работу, а я пуплачу па етыму чилавѣку!“—Ана асталась адна. Ина приставила голыву къ тулувищу, сѣла на іомъ и стала плакать. И ўздумала:—„Етытъ чилавѣкъ ни нашива свѣту,—ти нѣту у яво какихъ припасыў?“—Стала ана яво абыскывать, нашля падъ лѣвыю пахый пузурёчикъ мертвый вады, — какъ пумачила, такъ галава прижилася, какъ и была. Падъ правый пахый нашла пузырекъ живой вады. Ина брызнула, ускачіў іонъ и гаворить:—„Ахъ, цареўна, какъ я сильна уснуў!“—Ана и гаворить:—„Еслибъ ни я, то вѣкъ ба табѣ спать у мори!—Я ужу иду замужъ за Ваньку-вадавоза. Пайдемъ къ папиньки, скажимъ, што ты мяне избавіў.“ — Вотъ и пашли къ царю. Пала ана на калѣни:—„Папинька, ни Иванъ вадавозъ мяне избавіў атъ Чуды-Юды, а вотъ етытъ чилавѣкъ.„—А царь гаворить: „Ты таперь ужу каво-нибудь лучши найдищъ!“—Іонъ и гаворить:—„Ваша царскыя вяличиства! Если вы ня вѣритя, то спраситя у Ивана вадавоза, идѣ іонь дѣў Чуду-Юду?“—Ванька князь, идѣ ты дѣў Чуду-Юду?—„А ў мори.“—Ну, а голывы идѣ?—„А падъ каминимъ.“—Ну, хади, намъ пакажи!—А Ванька гаворить:—„Ваша царскыя вяличиства, дайтя мнѣ полкъ салдатъ, тада я пакажу.“—Іонъ узяў полкъ салдатъ и абыйшоў етытъ каминь:—„Ну, рибяты, падымай!“—Стали салдаты падымать, ничога ни надѣлають. Игра Игрывичъ и гаворить:— „Ну, ти браў іонъ тада полкъ салдатъ, када клаў ихъ?“—Игра Игрывичъ паддѣў кончикымъ сапага и падняў каминь. Патомъ схватіў Ваньку вадавоза за шиваратъ и убросіў падъ каминь: тамъ іонъ и кончіў сваю жисть. Гасударь приглашаў яво жанитца на сваей дочири:—„Игра Игрывичъ! Жанись на маей дочири, владѣй нашимъ царствымъ!“ — Нѣтъ, я ни сагласинъ жанитца на вашій дочки, а пакажитя мнѣ ходъ на бѣлый свѣтъ.—Царь сагла-

сіўся. Царь даў яму гулять на цѣлый мѣсяцъ, пакуль іонъ найдить дирку, куда яво вывисть. Іонъ узяў са скуки ружье и пашоў на ахоту. Выходить іонъ изъ горыда, стаить дубъ, а на тымъ дубу гняздо, и кричать тамъ птушиняты. Іонъ стаў прицѣливатца зъ ружья, а яны стали кричать жалка. Іонъ ихъ узжалѣўся бить. Паднялась вяликая буря, и пайшоў градъ. Узлѣзъ іонъ на етытъ дубъ, сдѣў съ сабе паддѣўку и укрыў етыхъ птушикъ. Пирійшла буря, іонъ сняў сваю паддѣўку и пашоў дамой. Царь сабраў усихъ птицъ: варонъ, жиравоў, кулюкоў. Патомъ сабраў у сихъ звярёў: мядвѣдіў, ваўкоў, зайцыў. Патомъ и стаў пытать:—„Што, звярьё, вы рыскаитя усюдухъ,— ти ни знаитя ли вы на бѣлый свѣтъ ходу?“—Нѣтъ, ни знаимъ.— Іонъ какъ ускрикнуў на Жаръ-Птицу:—„Што ты, Жаръ-Птица, ти бувала ты на бѣлымъ свѣти, идѣ жаркыя сонца?“—Патомъ и гаворить:—„Вывиди мнѣ Игра Игрывича на тотъ свѣтъ, идѣ жаркыя сонца!..“ Птица и гаворить:—„Я вывиду, толька мнѣ нада 12 быкоў жариныхъ да 12 чаноў пива.“—Гасударь 12 быкоў зажаріў и 12 чаноў пива паставіў:—„Ну, няси яво, а аттуда вазьми расписку атъ царя Игры“. Жаръ-Птица и гаворить:—„Ну, сматри, Игра Игрывичъ: када я буду глядѣть назадъ, то ты кидай мнѣ часть гавядины и чанъ пива.“—Што ана назадъ ни глядѣла, то іонъ кидаў ей па части гавядины и па чану пива. Патуда ей кидаў, пакуда усе павыкидаў: 12 быкоў и 12 чаноў пива, а на бѣлый свѣтъ усётки ня выхаў. Пасматрѣла ана разъ, пасматрѣла ана два; третій разъ какъ глянула, то іонъ атъ лѣвый наги атрѣзаў йкру и бросіў ей. Ящо ана глянула назадъ, а ужу свѣтъ бѣлый видинъ. Іонъ съ-падъ правый наги икру вырызаў и бросіў ей у горла. Вынисла яво на бѣлый свѣтъ и гаворить:—„Лѣзь далоў съ крылья!..“ Іонъ злѣзъ и ня ступить на наги. Она и гаворить:—„Што ты, Игра Игравичъ, ни станишъ на ноги? Што ты мнѣ на паслѣдній разъ даваў?“— Іонъ пабаяўся сказать, што ана яво зъѣсть.—„Скажи, а то зъѣмъ!“—Якъ сказаў, птица знову палятѣла. Слитала на тотъ свѣтъ, принесла аттэль живой и мертвай вады и атживила нагу Игры Игравичу. Потэмъ, усё здѣлаўши, ана и гаворить:— „Напиши мнѣ расписку, што я тябе на бѣлый свѣтъ благапалушна даставила!“—Іонъ написаў; ана и палятѣла назадъ. Іонъ какъ крикнуў багатырскымъ голысымъ:—„Охъ ты, лошадь мая мила! Идѣ бъ ты ни была, а суда прибыла!..“ Лошадь бягить,

ажъ зимля дражить: — „Ахъ, ты, милый мой наѣздникъ Игра Игрывичъ! - Увесь свѣтъ я выбигаў—насилу тябе нащоў!“ —Іонъ сѣў на яе и гаворить· — „Што ў нашимъ горыди дѣитца?—А што дѣитца? царь-дѣўка усё царства знищила: усё тябе даискиваитца!— Іонъ пріѣхаў двору, атецъ яму быў вочинь радъ. Паслыхала царь-дѣўка, што іонъ пріѣхаў, пишить:—„Ты, царь Игра! падай майво милыга!“—Игра Игрывичъ и гаворить на Ивана:— „Сынъ мой, зъѣзди ты къ царь-дѣўки:. ти ня ты яе милый?“— Іонъ сѣў на лашадь и палятѣў черизъ мостъ къ царь-дѣўки. Падъизжаить іонъ къ горыду, увидили яво царь-дѣўки дѣти и гаворють:—„Маминька, ти ни нашъ ета тятинька ѣдить?“— Какой ета вашъ тятька? Ета дирявёньская варона ѣдить!— Ана яму пабила щоки и дала яму расписку:—„Штоба быў мой милый, а то ўсё царства выжгу!..“ Іонъ пріизжаить и гаворить:—„Ну, батюшка, убирайтися у куль да ў воду: разарить цареўна наша царства!“ Царь и гаворить Аляксѣю Игрывичу:— „Сынъ мой, съѣзди ты къ царь-дѣўки: ти ня ты яе милый?“— Іонъ паѣхаў; ну ина и яму пабила · щоки и дала расписку:— „Штоба быў мой милый: а то ўсё царства выжгу!“—Тада и гаворить царь на Игра Игрывича:—„Ну, сынъ мой, съѣзди ты: ти ня ты яе милый?“—Сѣў на сваю лошадь багатырскую и лятѣў по масту: съ падъ ногъ жаръ гримѣў, якъ громъ, якъ мо̀лыдня катіўся. Верстъ за 100 паслышали дѣти, што громъ гримить. Вотъ падъизжаить іонъ къ крыльцу, дѣти и гаворють:—Маминька, ти ни тятинька нашъ ѣдить?“ — Ина схватала ихъ на руки и гаворить: — „Ахъ, ты, Игра Игрывичъ, ссушіў ты маё сердца!..“ А іонъ ударіў ей у морду и гаворить:—„Ты, дѣвушка, б..дь, ты пади-ка ў домъ сядь, да дай папить, паѣсть!“—Іонъ узяў царь-дѣўку, якъ пашли по масту, дыкъ и мостъ гнуўся; а дѣти ишли, дыкъ и мостъ лунаўся. Пришли къ атцу, пиривинчались, сдѣлали свадьбу. Пасѣіў батька аўса, и сказка мая ўся.

От старика Василія Михайлова.

№ 18.

Якъ купецъ атыскаў прапа̀длага сына на вастрыви; якъ сынъ яго Ирыду падписаўся, абъизжаў Ирыдскыга ваўшебныга жирябца.

Купечискыму сыну голыву атрубили; яго ажіўляить, при помащи тетки Ирыдыва дачка̀. Хитращами купеческій сынъ женитца на Ирадавай дачкѣ (значала приваражіить ей балѣсть, а потэмъ лѣчить яе атъ рагоў ваўшебнымъ яблычкымъ, што дала яму каудунья). Алишіу сваю жонку видьмавства: изъ яе кожи вылѣзають лягушки, мыши. На ваўшебныхъ крыльлихъ мужъ съ жаной къ купцу литять.

Жіў купецъ багатый, и быў у яго адинъ сынъ жинатый. Паѣхали яны са'тцомъ у чужэя земли за разными таварами. Накупили тамъ таварну цѣлый карабъ; сынъ атпраўляитца зъ етымъ караблемъ дамой, а купецъ атстаѐтца тамъ. Ти многа, ти мала ѣхаў іонъ па мо̀рю, паднилась вальна̀ и патапила карабъ: уси патанули, а купецкій сынъ приплыў на вострыў. Жіў іонъ на вострыви три гады. Пріизжаить яго атецъ дамой: сына нѣту дома. Іонъ у розыски пріѣхаў къ морю, наняў легкія шлюпки. Ѣхали 6 мѣсицыў и 6 дней; становитца вѣтиръ, паднимаитца вальна. Гаворють наѐмщики:—„Гаспадинъ-купецъ, пристанимъ къ етыму вострыву.“—Астановились и просютца у хазяина:—„Пуститя абагрѣтца!“—У етыга у хазяина быў на хватери купецкій сынъ, и ни пазнають яны адинъ аднаго: ни батька, ни сынъ. Купецъ гаворить на хазяина:—„Вратъ хазяинъ, ти нѣту у тябе чилавѣка такога, штоба іонъ мнѣ казычку сказаў?“—А іось.—„Якъ ба яго призвать изъ тэй комнаты у ету?“—Выходить купецкій сынъ и гаворить:—„Да, я казычку магу сказать. У нѣкаторымъ горыди, жіў купецъ и съ сынымъ. Якъ паѣхали яны у чужэя земли за разными таварами. Накупляли тамъ тавару на цѣлый карабъ. Купіў купецъ судно и грузѣть етый таваръ, и атпраўляитца купецкій сынъ дамой зъ етыми таварами.“—Купецъ думаить:—„Ну, ета ни казка, а истинныя праўда.“—Многа или мала яны праѣхали, узнялись сильныя вѣтры: карабъ разбіўся и патануў, а купецкій сынъ адинъ ни патануў и приплыў на вострыў.“—Купецъ

думаить:—„Ти ня мой то быў сынъ?“—И давай яго пытать:—„Якога ты роду и племя?“—Купецкій сынъ кажить:—„Я съ такога-то горыду, такога-то роду, такей-то хамиліи...“—Купецъ етый сильна узрадываўся, слезна заплакаў: —„Сынъ ты мой любезный, я тотъ купецъ, што атпраўляў сына: ужу третьтій годъ нѣту абъ ёмъ вѣсти!..“ Сынъ стаў на правыя калѣна и пацалуваў атца.—„Сынъ мой, ни затуживайся, што нѣскалька тысячъ прапала, а слава Богу, што ты жіў!—Будимъ жить, паѣдимъ дамой?“—Сѣли яны на легкія шлюпки и паѣхали дамой. Вышли на сухапутьтя, наняли лошадь и ѣдуть къ дому: ни многа, ни мала имъ да дому,— верстъ 50. Іўляитца къ имъ на тялѣгу чилавѣкъ, бутца знакомый.—„Я быў у вашимъ доми: у васъ бальшоя нищастя. А я вашиму нищастю пумагу.—Што вы мнѣ за ета дастё?“—(А ета быў чортъ).—Ну, штожъ табѣ за ета дать?—„Ну, дайтя мнѣ то, што вы у дварѣ ни знаитя.“—Думали яны, думали: усё у дварѣ знають.—„Ну, няхай табѣ, чаго мы ни знаимъ.“—Ну, распишитись кроўю.—Разрѣзали яны мизеницъ, расписались и паѣхали. А купецкага сына жана радила сына. Пріѣхали яны дамой, три дни пражили и уздумали:—„Да, вô штô мы акыянныму атдали... “Малютка тая расла ни па чисахъ, а па минутахъ, а трехъ гадоў стаў сабѣ каня сидлать. Паѣхали яны съ атцомъ вирьхами прагуливатца. Батька етый ѣдить пôпличъ зъ имъ и усё уздыхаить. Сынъ у яго спрашіить:—„Ибъ чômъ, батюшка, тужишъ и уздыхаишъ?“ — Атецъ яму ничога ни сказаў, тольки сказаў:—„Такъ, сынъ, задумаўся абъ сваимъ здароўи.“—А сынъ ета самъ знаить упяредъ, куда яго атписали. Скора казка кажитца, ды ня скора дѣитца. Приходить етый гамынъ, зъ расспискыю, за етымъ сынымъ; а сынъ сильный багатырь. Просить іонъ гамына:—„Дайтя вы мнѣ сроку на 6 дней пупращатца зъ радными разными.“—Даў яму гамынъ сроку на 6 сутыкъ. Іонъ быў 6 сутыкъ у кузни. Скуваў сабѣ три пруты залѣзныхъ па 3 пуды; скуваў цѣпь залѣзную у 9 пудоў. Прайшло 6 сутыкъ, гамынъ ипять пришоў за имъ.—„Ну“, гаворить купецкій сынъ: пагади! саўсимъ справіўся, тольки падметки надъ сапаги ни палажіў: нада падкўвать сапаги.“—Абкуваў іонъ сапаги: по три пуды жодный сапогъ. Распращаўся іонъ зъ родными и пашоў, куды яму слѣдуить. Ишоў ня стольки дарогыю, што лисами, да балотами, вышіў на край: стаить домъ

зялѣзный, а крыша чугунная. Приходить къ харомымъ, падаў письмо. Тамъ письмо прачитали:—„Ну, купецкій сынъ, давно тябе тутъ дажидали. Ну, падъѣшъ, атдыхни, а у 11 часовъ будить табѣ служба.—Када тую службу саслужишъ, то будить табѣ награда.“—И іонъ быў такей красивый, што Ирыдыва дычка улюбувались у яго и сажалѣла ина абъ ёмъ: ина знала, штó будить яму. Іонъ легъ на кухню адинъ и задумаўся. Приходить чортава дачка.—„Што, купцоў сынъ, спишъ, ай такъ ляжишъ?“—А што, украсивая дѣвушка, ня сплю, а такъ ляжу: думу думаю.—„А ня думай: вутра мудрянѣй вечира. Табѣ дадуть жирибца абъизжать, то ни жирябецъ будить, а нашъ батька. Но ты яго ня бойся, а када іось у тябе ланцугъ, силяй яму на шію и садись.“—Ды ета-то у мяне іось.—У самню полнычъ вядуть у канюшню купецкага сына. Тамъ чугунныя двери, зялѣзныя завалки. Іонъ якъ пришоў, двери еты якъ тўўхануў: еты двери на аскретки палумались; зялѣзныя завалы на калѣни палумаў. Уходить у канюшню: стаить жирябецъ—изъ рота агонь пышить, изъ падъ хваста дымъ трубой, и нильзя къ яму падступитца—капытами засикаить. Іонъ на ета ни пасматрѣў: вынимаить прутъ зялѣзный, якъ пóнисъ таго жирибця пушить прама пó гылыви; накинуў на яго ланцугъ зялѣзный,—накинуў, аббрытаў яго; патуль яго біў зялѣзнымъ прутымъ, пакуль изъ 3 аршинъ асталысь адна четвирть. Іонъ еты атстатки яму заторнуў за заднію правую нагу, за шкуру. Паў етый жирибецъ на калѣни; тады іонъ на яго варьхомъ сѣў; какъ варьхомъ сѣў, новый прутъ узяў и выихаў на поля. Жирябецъ етый якъ узвіўся вышій лѣсу стаячага, выши 'болыка хадячага, а купецкій сынъ бьеть ды бьеть яго прутымъ—прутъ дабиваить—и жирябецъ ужу лятить панйжій: ужу купецкій сынъ па лѣсу сапагами чиркаить. Бяреть іонъ паслѣдній прутъ, а канецъ атстальнога прута жирябцу заторнуў за лѣвую нагу. Жирябецъ ужу на землю спустіўся, за нѣскалька тысичъ верстъ атъ тóга дому. Ня можить жирябецъ везть купецкага сына, пристаў. Іонъ, палажіўши на плячо ланцугъ, ня стольки етыга жирибца вёў, скольки нёсъ. Приваломши яго къ дому, кричитъ:—„Дайтя вядро вады пупанть жирибца: абязсиліў, — ни ўвяду у канюшню!“ Нясуть слуги вядро халодный вады, дали жирябцу папить: іонъ троху пувисялѣў. Увёў у канюшню, приказаў служащимъ, штоба прибрать жирибца, дать яму и корму и штоба давали, што іонъ

патребуить. А етыга юнаша, купецкага сына, пустили атдыхнуть на трая судыкъ. Якъ іонъ багатырь, праспаў адны сутки—и ни шавальнуўся.—Къ етыму жирябцу три разы падхадила дочъ, а іонъ быў замкнутъ за троя дзярей и ня могъ яе услишать. На другея сутки пасылаить купецкыму сыну Ирадава дачка съ тыми, што насили яму ѣсть, письмо; у етымъ письмѣ написана:—„У другимъ царстви іось багатырь, у тога багатыря іось дочъ;—какъ ба етый купецкій сынъ паспробуваў зъ имъ пагулять и яго чарства атабрать.—Ты таперь ничаво ня бойся: хужи первый службы ня будить. Када ты тоя чарства заваюишъ, то я за тябе выйду замужъ.“—Читаў, читаў іонъ и задумаўся. Даў Богъ вутра; іонъ Богу пумаліўся, двери еты патлумаў и пашоў къ багатырю. Ишоў іонъ да тога багатыря ни многа, ни мала—адинъ годъ, а яму паказались адинъ день. Стаў съ багатыремъ ваюватца на такей на магучій гарѣ. Вуювались яны 10 дней и 10 начей. И купецкій сынъ-багатырь, ну ища младъ: ни утраваў 10 дней и 10 начей, ни піўши, ня ѣўши, ни спаўши. Замирились на роздыхъ на 3 часа. Зъ другей зямли багатырь ни заснуў, а купецкій сынъ заснуў. Увидаў багатырь, што таварышъ яго спить. Іонъ яму узяў и атрубіў голаву и палажіў яе падъ каминь. Ирыдыва дачка пра ета узнала: прилитаить къ тетушки; а тетка яе была за тымъ багатыремъ, што голаву атрубіў купецкаму сыну. Давай прасить яе, штоба ина параила, якъ скатить каминь зъ галавы. У тетушки було три сына. Засидлали яны коній, а матка у каляски паѣхала на тоя мѣста, идѣ було буйства. Пріѣхали на тоя мѣста: ляжить каминь. Гаворить багатырёва жана сынамъ:—„Вотъ, сыны, вашъ батька ваюваўся, дакъ адинъ етый каминь падымаў,—а вы, сыны, хуть ба самѣ треть падняли!..“—А, матушка, благаслави насъ!—Пробавали, пробавали, разшитали и скатили яго зъ галавы. Ина гаворить:—„Ну, дѣти, пакель дайдетя да пары, ни выказывайтя сами сябе: а то вы ища млады.“—Сыны ета ни знали, што падъ каминимъ галава, а матка имъ ни сказала, штоба яны ни пириказали батьки. Пріѣхали дамой, а у ихъ у доми пляменница. Тетка пытаить:—„На што ты яго такъ жалѣишъ, па какой судьбѣ?“—А за то я яго такъ люблю, што хачу жанитца зъ имъ. Приходить къ етый галавѣ, аткапала яе и прилажила къ тулувищу. Дунула ина нѣскалька разоў: прижилась галава, и стаў купечискій сынъ дыхать. Чи-

ризъ 3-я сутыкъ саўсимъ атживіўся. То быў здароў, а то удвай силы прибавилысь. А іонъ тога ни знаў, што яму, купецку сыну, багатырь галаву атрубіў. Іонъ забыў, куды яму идить: ти у тэй бокъ, идѣ Ирыдъ, ти у тэй, идѣ багатырь. Идить ды идить, падходить къ гамыныву царству, позна вечира пиряйшоў рагатку, видить: стаить изобычка плахая. Іонъ пашоў у яе праситца на нычъ. Заходить у изобку, сядить тамъ стариньская, стариньская старушка.—„А што, старушка, ти ня можна у тябе атдыхнуть?“—Можна.—Іонъ лёгъ и думаить.—Старуха гаворить:—„Э, маладэй юнышъ, абъ чомъ думаишъ?“—Ахъ, старушка! Якъ вамъ сказать?—думаю, идѣ мае рôдныя.—“Иди у такую-то и ў такую рощу заўтри. Іость тамъ разныя дирива и 12 яблынь. На тыхъ яблыняхъ залатэя яблычки да сяребриныя. Ты сащипни зъ жôдный яблыни по 2 яблычки и принязи ихъ ка мнѣ, а я атмѣчу табѣ, атъ чаго яблыка кажныя.“—Дала ина яму три карзинки на яблыки; іонъ и пашоў на заўтрига. Іонъ ишоў кала рѣчки, и такая тамъ тынь, такоя балота, што нильзя приступитца. Іонъ разсудіў узять двѣ достычки: адну достычку палажить, прайти, тада другую. Такъ іонъ балота пиряйшоў. Уходить у садъ: стаить 12 яблынь, на жодный па 12 яблыкъ. Іонъ атщипнуў съ жодный яблынки па 2 яблака. Приходить на нычъ къ тэй старухи.—„Ну, што, лябедикъ, дайшоў?“—Дайшоў.—„А яблыки принесъ?“—Принесъ.—„Ну, лажись, атдыхни“—Даў Богъ вутра.—„Ну, што, молыдицъ, уставай! На табѣ 3 карзинки!..“ И улажила у жôдную карзинку по 3 яблыки, а атстальнэя пакинула дома.—„Атдай ты ети яблыки за деньги ли царскаго дому, а тольки прикажи, штоба яны ихъ да заўтрига ня кушали.“—Падходить іонъ къ царскыму дому и кричить:—„Эй, ти ни нада разныя хрухты?“—Цареўна паслыхала, што прадаютъ яблыки. Ина ихъ купила, а іонъ приказаў, штоба ихъ заўтри вутрымъ зьѣли на тащакъ. Самъ іонъ пашоў къ старушки начувать. Уси етыхъ яблыкъ ня ѣли, а цареўна ня вытирпила: ина узила, да и зьѣла вечирымъ, и вырасъ у яе на галавѣ рогъ; зьѣла другоя—и другей рогъ вырысъ. Тутъ што дѣлыть? Дахтароў сичасъ еты роги звадить;—ни якъ ня вылечуть, а раги ужу вырасли на аршинъ. Увесь горыдъ скалыхнуўся: адна у царя дачка—и тая зъ рагами. Бабушка гаворить на купецкага сына:—„Уставай-ка, иди у царскій дварецъ: тамъ дадуть табѣ казну нясмѣтную и ца-

реўпу, а ты ей роги звяди."—Ахъ, бабушка, да якъ жа ихъ звесть?—„А во, лябедикъ: пирядѣнься, а я тябе памыю".—Памыла ина яго—здѣляўся іонъ старинькій старичокъ.—„Вазьми яблычки: нихай ина етыхъ два яблычки зьѣсть: у яе роги атвалютца."—Приходить іонъ къ дварцу, а тутъ у жодныга пытаютъ:—„Ти ни знаитъ хто раги атхадить?—Кали хто атходить, таму палавину чарства и цареўну у жоны." — Вызваўся купецкій сынъ. Сичасъ дагаворъ падписали. Даў іонъ еты яблычки:—„Нихай ина ихъ зьѣсть.". Адно яблычка ина зьѣла, адинъ рогъ атваліўся; зьѣла другоя—и другей атваліўся. Тутъ назаўтрига па ўсимъ цирьквамъ звонить; гульбища такея пашли зъ радысти, што у цареўни роги атвалились. Купецкій сынъ ипять къ бабушки пашоў и денигъ ей панесъ.—„Гляди жъ, лябедикъ: ты заўтри пайдешъ у дварецъ, а цареўна будить низдарова;—дакъ ты вяли, штоба баню жарка вытапили и штоба акрамя тябе у бани нихто ня быў: а тольки ты да ина. И ты яе у духу да тыхъ поръ парь, пака у яе изъ-за шкуры пупаўзуть змѣи и мыши."—Слуги топють, а іонъ ўсё глядить, штоба жарка було. Натапили да тыхъ поръ, што стали стѣны ясны. Ну, сичасъ цареўну у баню; іонъ яе у бани галую у катёлъ, у варъ. Даў ей зелья, што яму дала бабушка: ина атживилысь. Тады іонъ яе якъ стаў парить, дакъ у ея изъ-падъ шкуры и змѣи, и лягушки, и вужаки разныя. Іонъ ей тада изъ вуха ў вуха дунуў: то ина была пригожа, а то у три рѣди пупригажѣла; то была малыда, а то у семъ рядей пумылажѣла. Привозить яе съ бани, а ина такая красивая. Тутъ сичасъ па ўсимъ цирьквамъ тризвонъ, а яго ужу царь такъ жалѣить, што луччи и ни нада: слугъ яму, чисавыхъ. Ажаніўся купецкій сынъ, а ўсе ня хочитъ у ирыдывимъ чарстви жить:—„Якъ бы къ атцу, къ матири, у Рассею атсель?"—Жана гаворить:—„Вазьму я у батюшки крылушки зъ магнита: на ихъ можна за нычъ палавину свѣта вылитать."—Ну, ладна!—Пажили яны ти многа, ти мала,—ни наравитца имъ тутъ жить. Жина атъ атца крылушки еты украла. Якъ уляглись уси спать, тольки были на старожи адны чисавыя,—и то ни разглѣдили, какая ета штука зазвижжѣла. Лятѣли яны нѣскалька судыкъ да свайго чарства. Пріизжаютъ къ атцу, къ матири, выкинули тую расписку, што давали нячистыму духу. Атецъ и мать расписку прачитали и абрадывались свайму сыну, и усе чарства сыну и

яго жанѣ приручили, штобъ ина ни тужила па родини. Атсталися жить я быть.

Сказка записана отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 19.

Абъ смущенники Мильляни, удовьимъ сыни, ваўшебнымъ кальцы, ваўшебный алмазки, игуминьи Исаули и птицы Камъ.

Мильлянъ купляить сабѣ слугу, малодыга мальчика, удовьига сына. Мальчикъ стянуў у Мильляна ваўшебныя кальцо. Духъ ваўшебныга кальца пиряносить мальчика за Карпатскіи горы; ну и тамъ яго знаходить калдунъ и избиваить да смерти; таўхануў малца у падземная царства, тольки малицъ кальцо съ сабою снёсъ. Малицъ знаходить сабѣ алмазку: духъ тэй алмазки ящо сильнѣй, чимъ духъ кальца. Старичекъ изъ алмазки женить вьюнушу на царьскій дачкѣ, строить каралю, свайму тстю виликалѣпныи палаты. Но видьмакъ Мильлянъ дастаеть алмазку хитращами и пиряносить яго съ вдовьинаго сына жонкый у падземный дварецъ. Тесть хочить казнить зятя, ну у зятя іость яще кальцо, каторыя спасаить яго атъ гибили. Изъ стаўба іонъ пирянесся ажно у падземный замыкъ. Када видьмака не была дома, наўчіў жонку загубить яго.

У нѣкатарымъ царстви, у нѣкатарымъ гасударстви, у томъ, у якомъ мы живемъ, вызываўся адинъ Мельянамъ, а іонъ не быў Мельянамъ, а быў смущенникъ. Етый смущённикъ веў знакомства съ купцомъ, и тольки у етыга смущенника ни было ни кучира, ни лакея, а самъ и за кучира, и за лакея. Вотъ іонъ, быўши у купца, и гаворить яму: гаспадинъ купецъ, надабенъ ба мнѣ якой-нибудь хлапецъ у кучира и у лакеи: ти ни знаишъ ты тутъ кога у горади?—Купецъ и гаворить смущеннику:—„У нашимъ горади іость бѣдная старуха, у ёй іость сынишка, можна ей пагаварить: можить быть, ина и сагласитца табѣ атдать яго.“—Разыскали старушку и гаворють ей:—„Старушка, вотъ Мельянъ нуждаитца у лакеи и кучари. Застаў-ка ты сваяго сына къ яму, а ня то саўсимъ прадай.“—Ахъ, батюшка мой, а якъ жа мнѣ бизъ сынка быть? Хто мяне будить вадить по міру?—

Мельянъ съ купцомъ и гаворють ей: „Ты палучишъ бальшея за сына деньги—хадить по міру болій ня будишъ. Атдай, атдай сына, старуха!..“ Мельянъ даеть ей, старухѣ, сто рублей, сто рублей на пракармленія, да сыну сто рублей у годъ. Старуха сагласилась и атдаеть сына Мельяну. Сына старухи звали Валадимирамъ.

Бяреть Мельянъ Валадимира, садятца на лашадей, пращаютца са старухаю и 'тправляютца у путь.

Ѣдуть Мильянъ съ Валадимирамъ день, другой, третій и болій, и болій. Гдѣ уздумаить Мельянъ астанавитца и накармить лашадей и паѣсть имъ самимъ,—тамъ на тымъ мѣсти яўляитца агромный преукрасный домъ; у етымъ доми для ихъ и напитки и наѣдки разныя, канямъ ихъ и сѣна, и іўса; а якъ уѣзжають са двара, домъ тотъ исчизаить, такъ што нѣтути ни якихъ признакыў двара.

Валадимиръ усё ета замѣчаить да и падумываить: штс-та будить далій? Мильянъ Валадимира дужа жалѣў за то, што іонъ служіў яму вѣрна и честна: спаў Валадимиръ съ хазяинымъ Мильянымъ у мягкихъ пастеляхъ умѣсти; пили, ѣли, чаго душѣ хатѣлась.

Ў Мельяна на палцу кальцо залатоя. Въ адну ночъ Мельлянъ съ Валадимирымъ улеглись спать. Заснуў яго хазяинъ Мельлянъ, а Владимиръ не спаў, а задумаў, якъ ба тоя залатоя кальцо у Мельляна украсть. И украў залатоя калечка, вышіў на крылечка, пирякинуў съ руки на руку залатоя калечка,—и удругъ яўляютца къ яму три молайца и гаворють яму: „Што, Валадимиръ, прикажишъ дѣлать?“—Атдалить мяне, атвичаить Валадимиръ: за Карпатскія горы!.. Яны, три молыйцы, и гаворють Валадимиру:—„Харашо! исполнимъ тваё приказаніе.“ Устаеть Мильлянъ, заветь къ сабѣ Валадимира, а Валадимира нѣтъ.

Мельянъ долгая время праваждаў, усё Валадимира падждаў. Ждаў іонъ Валадимира и доўга, а Валадимира якъ нѣтъ и усё нѣтъ. Хватіўся Мельлянъ залатога кальца: калечка залотага нѣту,—іонъ и дагадаўся, што Валадимиръ кальцо яго украў, и гаворить сабѣ: — „Ну, машенникъ, заставіў таперь мяне три года пастрадать!..“ У Мельляна была книга ирятицкая. Іонъ бяреть ету книгу и начинаить читать, и гаворить яму тая книга:—„Валадимиръ, твой кучиръ и лакей, ужу да-

лека: іонъ ужу праѣхаў Карпатскія горы.“ Валадиміръ узнаў, што Мильянъ да яго дабяретца и будить яму атъ Мильяна плоха,—разрѣзаў на нагѣ бальшой палецъ, подъ кожу заторнуў залатоя кальцо, кальцо схуваў далёка

Мильянъ атправіўся за Карпатскія горы атыскивать Валадиміра. Шолъ іонъ три гадà,—находить Валадиміра, гаворить яму:—„Хто тябе сюды даставіў и зачимъ ты мяне бросіў?“ Спрасіў также у яго: „а гдѣ жъ мае кальцо?

Валадиміръ и гаворить Мильяну: „Кальца я у тябе ни браў—у мяне яго нѣту; а хто мяне сюды даставіў, я и самъ не знаю,—не знаю, якъ здѣсь аявіўся; ня гнѣвайся, мой ты дядюшка: я придъ табою ни ў чомъ нивинуватъ.“ Мильянъ начаў яго бить-калатить и сбіў на горькая яблака, а Валадиміръ толька и гаворить яму: „ни знаю, ня вѣдаю!“

Атъ бальшога ужу сердца Мильянъ стукнуў а земель сваею нагою, и ў зямлѣ сдѣлались бальшая щель—земля раздвалилась; схватіў Валадиміра за галаву и бросіў у ету щель. Валадиміръ праваліўся въ таръ-тарары; тады ўдаріў нагу ибъ нагу, земля саядинилась умѣсти, и пропасти не стала; а Валадиміръ тамъ и застаўся. Захатѣлась Валадиміру тамъ ѣсть—іонъ ужу очуняў атъ бо̀ла. Тамъ тожъ усяго многа и драгацѣнныхъ камній, а ѣсть нечига. Атащаў бѣдный Валадиміръ, а кальцо залатоя и пазабыў, што яно у яго палци зарасло. Толька увидіў іонъ тамъ рѣчку, а па другую сторану рѣчки спѣлый, преспѣлый виноградъ; іонъ скинуў съ сябе усе,—раздѣўся и паплыў па рѣчки къ винаграду.

Приплыў іонъ ки беригу—беригъ крутой, ухватіўся зà беригъ—беригъ абрушіўся и садраў кожу съ пальца; являютца къ яму три малайцы и гаворють яму:—„Што, Валадиміръ, прикажишь намъ сдѣлать?“—Валадиміръ и гаворить имъ:—„Штобъ вытащили на берегъ!..“ Яны падхватили яго подъ руки и вытащили изъ рѣчки. Просить ихъ Валадиміръ, штобъ яны яму дали пить и ѣсть. Итвичають яму три молайцы:—„Нѣтъ, мы тутъ ня можимъ тябе ни накармить, ни напаить: здѣсь іость сильнѣй и пазнатнѣй насъ. А вотъ мы табѣ пасавѣтуимъ, што сдѣлать. Тутъ іость алмязки сяребриныя и залатыя, усё новыя—ты ихъ ни бяри, а ищи алмазки, маленькія и стариныкія, вазьми яе сабѣ и биряги яе: будить табѣ служить тады сивинькій старичекъ.“

Нашоў іонъ дрянинькую, старинькую алмазачку, тярнуў абъ рукаў, и іўлаятца предъ яго старинькій старичекъ и гаворить яму: — „Што табѣ надабиѳ—Хачу пить и ѣсть—пригатоў мнѣ: вить я атащаў. — Іонъ падъѣў, падпіў и старика публагадаріў и пашоў прагулятца. Набраў узилъ драгацѣнныхъ каменніў, разныхъ драгацѣнностей; тирнуў іонъ алмазкыю — явіўся ипять къ яму старичекъ и спрашіить у яго, што Валадиміръ прикажить сдѣлать. Валадиміръ спрашіить: — „Ти можешъ на тотъ свѣтъ даставитьѳ“ —Старичекъ яму ў атвѣтъ: — Магу! — „Ти жива мая мать, скажи мнѣ!“ — „Жива.“ —Я хачу лижать на одной лажницы съ матирью,—дастаў мяне къ ей!— Старикъ сагласіўся исполнить яго слова и даставіў яго къ матери.

Мать яго устала рана, видить такога украсиваго молайца на яе лажницы—сильна ужаснулась и гаворить: „—Госпади, твая воля! хто етый украсивый, аткуль іонъ и за чимъ тутъ улегся—нихай ба я была маладая, а то вить старуха!.. И дивитца сабѣ.

Владиміръ и гаворить матири: — „Матушка, ты ни узнаешъ мине, сына вашагаѳ“ — Ина и гаворить яму: — „Якъ я могла узнатьѳ—Ты тады быў малинькій, а таперь куды якой маладецъ узяўся—кроў съ малакомъ.“ —Ахъ, матушка, чужея люди и вырыстуть и выгладють—вынучуть, якъ на свѣти жить!

Публагадаріў Валадиміръ и друга Мельянава—купца тога горада, каторый памохъ Мильяну сгаварить яго и мать у кучира и лакеи. Мала—многа пажіў Валадиміръ съ матирью на хватери—наступили Ражественьскіе праздники; гаворить сынъ матири: — „Матушка, я, имѣя савяршенныя годы, думаю жанитца. У нашига царя іость дочка: якъ ба ты схадила къ царю у сваты, пупрасила руки дочери царскій!..“ Мать и гаворить яму: — Што ты задумаў, мой сынокъѳ!.. Ти можить статца, што бы царь выдаў за тябе сваю дочъѳ!.. — „Матушка, пасланца ня бьють и ня вѣшають. Вазми етый мой узялокъ и няси къ царю: када царь примить етыя вещи, атдасть за мяне и дочъ сваю!...“ Старуха, мать яго, итправилась съ узялкомъ, зъ вищами, къ царю у сваты. Приходить ка дварцу, стала дабиватца, якъ ба видить самаго царя. Яе дупустили къ царю. Царь спрашіить: — „Што табѣ нужна, старухаѳ“ —Ина гаворить царю: — „Свѣтъ ты нашъ, вяликій гусударь, принисла табѣ атъ сына

маяго гастиницъ и пришла прасить за сына маяго руки тваей царьскый дочири.“

Царь бяреть узилъ, паглядѣў: драгоцѣнныя вещи; паслаў за министарамъ. Пиригаваріў царь съ министарамъ, изъ узла выложили на паднось уси драгацѣнности — драгацѣнныя вещи уси царю пынаравились, и вялѣў министару прибрать у царскій кубинетъ, а старухи сказаў царь: — „Иди, съ Богамъ: су временемъ тваё дѣла будить!..“ Пришла дамой и гаворить сыну:—„Ну, сынокъ, царь вещи уси приняў, а мнѣ сказаў: иди дамой, старухъ: дѣла тваё будить.“—Вялось етыму многа-мала время, царь выдаеть сваю дочъ у чужую землю за каралевича и пра старуху забыў. Пашла старуха у горадъ; видить, што на усихъ улицахъ прибиты афишки, штоба уси купцы атпускали бъ хлѣбъ бизъ платы, а стоимасть и каличиства хлѣба записывать у книгахъ: посли свадьбы цареўны будить уплачивать деньги купечеству самъ царь. Приходить мать у хватеру и гаворить сыну, што видила и што слышила у гаради.—„Вотъ, сынъ, абмануў насъ царь! выдаеть дочь сваю за каралевича у чужую землю; прапали твае драгацѣнныя вещи!..“ Сынъ матери атвичаить:—Пускай сабѣ выдаеть, за кога хочить! ни хлапачи матушка! — Выходить дочъ царева за каралевича. Паѣхали въ Божій храмъ надъ вянецъ; пиривинчались и начали гулять свадьбу. Многа была гастей у дварцы на свадьби царскый дочки. Наступіў вечиръ.

Валадимиръ тернуў алмазку абъ рукаў,—яўляитца къ яму старинькій старичекъ и гаворить:—Што прикажитя дѣлать, Валадимиръ?—Валадимиръ и приказыить старику:—Сяводни царская дочь вышла замужъ—дакъ ты нявѣсту, царскую дочъ, палажи на маю лажницу ка мнѣ, а каралевичу стыять у маей квартири на часахъ!—Усе ето такъ и злучилась. Утрамъ Валадимиръ бяреть алмазку, треть абъ рукавы. Явіўся яму старичекъ и спрашіить:—„Што прикажитя дѣлать?“—Атвяди цареўну съ каралевичимъ у царскій дварецъ!.. Явились на вутра маладыя ва дварецъ и ня смотрють адинъ на другога, якъ будта и вѣкъ ни видались другъ съ дружкыю. Дружко дакладаить царю:—„Свѣтъ вяликій царь, каралевичъ съ вашій дочирью у бальшомъ нисагласіи.“ —Царь рячить дружку:—„Пусть пабудуть и пазнакомютца да слѣдующагѣ дня!..“ Наступила ночь. Валадимиръ приказыить ипять старичку:—Ступай ва дварецъ,

привяди царскую дочь въ маю ложницу и каралевича въ маю хватеру; угастить каралевича питиннемь и ядиннемъ какъ нильзя хужи, пасадить яго у другей комнати, штоба царская дочь и я каралевича видили!—На утра приказныить старику атправить ихъ абоихъ ва дварецъ. Каралевичъ съ царскыю дочирью ни глидять другъ на друга и не ютятся адинъ къ другону. Падходить атецъ цареўны съ дружкомъ маладыхъ къ каралевичу и дочири свaей; а каралевичъ падаить на калѣна передъ царемъ: — „Памилуйтя, Бога ради: я хуть и перевинчаўся съ вашію дочирью, но жить съ ею ни сагласенъ, и ина мнѣ ня нужна.“—Царь удивіўся и спрашіить у каралевича:—„Што эта значить? чимъ мая дочь табѣ ни нравитца?“—А каралевичъ царю итвичаить:—„У вашимъ царстви іость якей-та Валадимиръ: іонъ ужу двѣ начи житьтя мнѣ ни даеть.“ —Дочь царя, увидавши атца, такжа гаворить: — „Батюшка, што хочитя са мной дѣляйтя — воля ваша! я съ каралевичимъ жить ня буду.“

Царь сильна агарчіўся, чуя ихъ такія рѣчи, и даў имъ разводную.

Каралевичъ пулучіў разводную атъ царя, атправіўся у свае царства. Царь призываить свайго министера и савѣтуитца зъ имъ, што тутъ дѣлать са Валадимирамъ. Министиръ уталкаваў царю:—’Свѣтъ вялнкій гусударь, ти ня тотъ ета Валадимиръ, каторага мать прихадила къ табѣ съ вузломъ дарагихъ вящей и разныхъ драгоцѣннастіў?“—(Царь и уздумаў пра старуху мать, сваху Валадимира, и якъ іонъ даў ей наканецъ слова, што будить усё па яе желанію су временемъ).

— „Такъ-та. царь, ни праў и ты самъ: даўши слова дяржись! Надабна за Валадимира и выдать дочь!..“ Царь пасылать вистовога за Валадимирамъ, штобъ іонъ явіўся на лицо ва дварецъ къ царю. Валадимиръ приходить къ царю, пакланіўся яму, гаворить:—“Здрастуй, свѣтъ вяликій гусударь!..“ Царь яму гаворить:—„Валадимиръ, ты хочишъ маю дочъ узять замужъ?“—Хачу!—атвичаить царю Валадимиръ.

— „Ну, а кали такъ ты хочишь, я атдамъ за тябе маю дочъ, на такомъ толька условіи: кали ты пастроишъ ли дочери маей дварецъ луччій и красивій майго дварца, и штобъ была улица атъ майго дому да твайго вымащина дарагими каменьями!..“ Валадимиръ атвичаить царю паклонамъ, и што іонъ усе

приказанныя царемъ условія выпалнить. Мать Валадимира спрашіить:—Што табѣ Богъ даў? Чаго требуваў итъ тябе царь?— А іонъ матири рячить:—Усе, слава Богу! Ни скучай, матушка! свадьба мая будить: я на царскый дочери жанюсь.—Наступаить вечиръ. Валадимиръ выходить на крыльцо, бяреть сваю алмазку, треть ибъ рукаў.—Яўляитца старичекъ.—„Милый мой старикашка, исполни мае приказанія: заутри на утри штобъ быў мнѣ великалѣпный домъ, какога нигдѣ ище ни бувала: пятиатажный, у тысичу ваконъ, увесь штобъ былъ золатамъ атянутъ: и стѣны, и крыша, и ўнутри также; штобъ улица атъ царскага дварца да дварца была выслана дарагими заморскими каменнями; штобъ на улицы сабрались народы па сями челавѣкъ разныхъ инавѣрцыў,—штоба у каждага была па торбачки, золатамъ наполненнай; штобъ ли мяне былъ бярлинъ залатой: колисы пяреднія сяребриныя, а заднія залатыя, лошади самыя луччія; упряжъ залатая, и кучира адѣты у самый луччій кастюмъ.“

Рана утрымъ слѣдующыга дни Валадимиръ выходить на вулицу, видить: домъ яму пригатоўлинъ великалѣпный, падають шистерку лашадей, садитца у бярлинъ и ѣдить къ царю ва дварецъ за цареўнаю винчатца.

Паѣхаў іонъ ня вулицыю, а равами, гарами, разными вяртепами; а люди разныхъ вѣръ высыпають услѣдъ за имъ изъ торбачекъ золата, якъ мякину. Тронуўся за имъ народъ падбирать деньги—золата, и уси кричать Валадимиру „ура“. Емпиратаръ, услышаў на гаради сильный шумъ, пасылаить сваяго пасланца узнать, што такоя злучилась у гаради.

Пасланецъ царскій увидіў Валадимира, якъ іонъ мчитца па гарамъ и вяртэпамъ, увидіў, якъ и ў народъ разныхъ вѣръ сыплють диньгами якъ мякинай; варнуўся пасланецъ назадъ и дакладаить царю аба ўсемъ, што видіў, и извѣщаить царя а пріѣзди Валадимира ва дварецъ.

Пріѣхаў и Валадимиръ ва дварецъ, входить ва царскіи палаты; царь примаить яго да чести вяликый, и начали свадьбу завадить; паѣхали въ Божій храмъ, приняли законный бракъ. Пиривинчались и вярнулись ва дварецъ и стали висялитца; гуляли свадьбу мѣсяцъ и два. Царь падписаў Валадимиру палавину свайго царства и объявіў подданнымъ величать Валадимира каралемъ. Аттуляўши свадебку, пирядхаў Валади-

миръ съ каралевай въ каралевскій дварецъ, узяў къ сабѣ и матушку сваю, старуху, и начали жить и паживать.

Царь видить, што маладой кароль съ яго дочирью живуть дружна, сталъ наизжать къ имъ каждый день и глядить, ни наглядитпа на милыхъ яму маладыхъ. Мельянъ, астаўшись за Карпатскими гарами, вздумаў а Владимири, што іонъ, праваліўшись въ таръ-тарары, дѣлаить тамъ. Бяреть Мильянъ сваю иряткчискую книгу и читаить; а книга ета иряткчиская и талкуить Мильяну сиущеннику, што Валадимиръ ужу жаніўся на царскій дочари, што яго изъ таръ-тарары вывіў старый старичекъ; што яму алмазка ва ўсемъ пувинуитца и пумугаить; Мильянава кальцо на ёмъ, ну іонъ имъ ня дѣйствуить.

Мильянъ сиущенникъ и самъ насабираў алмазывъ цѣлую карзину и приходить въ то царства, въ тотъ горадъ, гдѣ жіў Валадимиръ, яўляитца къ царю. Излйшняя каралева, жина Валадимира, сядѣла на крыльцы. Сиущенникъ идеть съ карзинкыю алмазыў. Каралева и говорить сваяму мужу, што прихадіў какой-то челавѣкъ и гаваріў громка: — „У каго іость старыя алмазки, будемъ мѣнять на новыя, придачи ничога ня будимъ брать!..“ Кароль и гаворить каралеви:—„Можа, тибѣ присдалось такъ?! Кто будить харошія и дарагія вещи на старыя?!.“ Мильянъ ужу навеў ташнату на Валадимира, малодога караля. Валадимиръ, устаўши рана, пачуўствуваў сильную ташноту и гаворить сваей каралеви:—„Такъ што-та мнѣ скушна и груска: пайду къ батюшки прагуляюсь и развяду маю таску.“—Жана яму и гаворить:—Иди, прайдись: скука, можа, и пройдить!.. Приходить къ батюшки-царю, сказнить яму а сваей скуки-тоски: ти нѣтъ чимъ жуду-горя развясти?—„Иди у мае зяленые сады: тамъ многа звярей—ты пагуляй и тамъ!“

Въ ета время праходить па царскаму дварцу Мильянъ и ипять также громка кричить, зазывая минять старыя и грязныя алмазки на новыя залатыя и сяребреныя, бизъ усякий придачи. Слыша ета, каралева пасылаить сваю служанку пазвать етыга чилавѣка на лицо къ каралеви.—„Ну, ты обмѣниваешь старыя алмазки на новыя, а у маяго мужа іость старая алмазка—сагласинъ ты абминять на новую?“—Мильянъ съ радастію абмѣниваить алмазки: бяреть сабѣ атъ каралеви алмазку старую, а ей даеть новую залатую. Па выхыди изъ дварца, Мильянъ бяреть старую алмазку, треть абъ рукаў, и

яўляитца къ яму старый старичекъ и гаворить:—Што прикажишь дѣлать, Мильянушка?“—Мильянъ и гаворить старику:— „Пириняси мяне съ маладою каралеваю за Карпатскія горы, и штобъ на три сажени у земли быў сдѣланъ домъ и насъ тамъ памястить; а домъ Валадимироў, маладога багатыря быў разрытъ, и вулицу уничтожить, а самая мѣста уплантавать.“

Царь, тесть караля, рана вутрамъ сматрить у падзорную трубку и ня видить Валадимирывыхъ палатъ. А самъ Валадимиръ гуляить у саду царскамъ. Требуить царь министира, застаўляить яго пасматрѣть, ти іоеть дварецъ караля Валадимира. Министиръ присматрѣуся и кажить царю:—Царь, свѣтъ вяликій, и ўпраўду вѣдь дварца нѣтъ!—Паслали пасланца, пасланецъ утвирждаить царю, што дварца нѣту, и тоя самая мѣста, идѣ быў дварецъ, уплантована. Министиръ талкуить царю:— „Паслать пасланца у зяленый садъ за караломъ и узнать, ти тамъ іонъ или нѣту яго тамъ.“—Пасланецъ царскій находить караля Валадимира и заветь яго къ царю-батюшки. Сичасъ яго ариставали. Царь, разгнѣванный увесь, гаворить:

—„Якой ты мнѣ сдѣлаў пазоръ: ты па вѣкъ ўбіў маю дочь!..“ И присудіў снять съ яго голаву; но Валадимиръ упрасилъ царя не сымать съ яго галавы, а закупарить яго у мрамарный столпъ.

—„Можить быть, дѣла пирядѣлаитца, и я апраўдаюсь!..“ Валадимиръ, сидя у сталпѣ, вынуў залатоя кальцо, пирилажіў зъ рўки на руку, и три малайцы явились къ яму и гаворють:

—„Што табѣ нужна, Валадимиръ?“

— Скажитя мнѣ, адѣ мая жана, каралева, находитца!..

Яны и атвичають: „Твая жина даўно ужу за Карпатскими гарами, у доми, на три сажени у зямли, съ Мильяныкъ смущенникымъ“.

—Таперь сняситя мяне къ Мильяну за Карпатскіе горы: хачу я павидать маю каралеву и узнать, што тамъ дѣетца съ нею. — Яны яго у минуту туда за горы даставили и навяли падзорныи трубы, и видить іонъ свою каралеву, видить и Мильяна: Мильянъ смущеникъ саглашаить каралеву быть яму жаною, и пасяму-та стращаить яе разными страстями: іонъ скидываўся и звирями, и змѣями — усё яе пугаў и стращаў, а каралева усе таки ни сагланалась быть яго жаною.

У адно время Мельянъ, сдѣлавшись змѣемъ, вылетѣў изъ падзямелья,—атсталась у доми адна каралева. Валадимиръ, у падзорную трубку глѣдючи, и усё ета видить.

Вазгарѣўся Валадимирь вяликый жаластью ки сваей каралевы: бяреть залатоя кальцо, перекладывантъ оная зъ руки на руку, — явились къ яму три малайцы и гаворють:—„Што прикажишь дѣлать, Валадимиръ?“ — Іонъ просить ихъ савѣта: —„Ти можна яму ввайти ки каралеви?“ — Три малайца гаворють яму: — „Сдѣлайся мухый, влетай у домъ, — туда прилятѣўши, примишь видъ челавѣка, можишь пагаварить съ ѐю, скольки угодна: у ета ўремя Мильянъ улятѣў и ня скора будить.“—Ина, каралева увидаўши Валадимира, узрадувалась—гаворить яму: — „Благадарю тебе, мой милый, што ты навястіў мене у бальшей скуки!.. Какъ тебе Гаспоть сюда принесъ?..“

Кароль Валадимиръ ей рачить такжа; — „Якъ ты, милая мая, сюда залятѣла?“

Ана разсказала яму, какъ Мильянъ абмѣніў ей алмазикъ и якъ іонъ яе мучить и страстить. „А дѣ жъ мой находитца старый алмазикъ?—гаворить ей Валадимиръ.“—У гартани Мильляна,—гаворить каралева.—„Вотъ жа табѣ мой савѣтъ: слушай, каралева. Явитца Мильянъ, заплачъ горькими слизами; Мильянъ тябе будить спрашивать а тваей пичали и будить спрашивать, што табѣ нада итъ мяне; а ты скажи яму, штобъ іонъ дастаў руськага вина бутыль и девить стаканыў; наливай уси стаканы виномъ руськимъ; выпій первый стаканъ сама, а астальныя восемь стаканыў штобъ іонъ выпіў — приглашай яго къ етаму!.. Въ паслѣдній васьмой стаканъ усыпъ яду, да смотри: угащай яго палуччій и будь зъ имъ ласкава; іонъ, якъ апьянѣить, то выпьить и васьмой стаканъ зъ ядамъ.“

Явіўся къ ей Мильянъ. Каралева скушна и грустна. Мильянъ и гаворить: „Што ты, каралева, усе скучаишъ: аль табѣ нѣту питиння и ѣдиння; аль я хужи тваяго Валадимира?“— Ну, знать, такъ и быть, гаворить каралева: я атсель буду твыя! Дай жа таперь на радащахъ выпьимъ руськый водки. и пригатоў девить стаканыў. — Мильянъ сдѣлаўся воранамъ и палятѣў у раздабытыкъ; чрезъ нѣскальки минутъ накатіў цѣлый падвалъ руській водки. Паставили девить стаканыў и бутыль водки.

Каралева налила уси стаканы водкаю.—„Ну, таперь па-

пьемъ, пагуляимъ!..“ Бяреть ина первый стаканъ и пьеть:— „За здароўя тваё, Мильлянушка!..“ Потэмъ и гаворить;—„Ну, Мильлянушка, галубчикъ мой, больши и ни угащай: я, якъ жэнщина слабая—съ мене и будить предавольна-давольна, а ты, якъ здаровый мущина, пей уси атстальныи!“—Сама жа каралева яду у паслѣдній стаканъ и ўсыпала, да такъ лоўка, што іонъ и ни замѣтіў. Мильлянъ выпіў стаканъ, два и три— и пувислялѣў; а каралева яще болій яго лащить и разными шутками сияшить яго. Іонъ, развисяліўшись, уси стаканы дапіў и атстальный зъ ядымъ и, якъ тольки дапіў,—такъ яго и разорвала. Кароль Валадимиръ у падзорную трубку глядѣў и усё ета видіў; а якъ яго, Мильляна, разарвала, іонъ тады бяреть залатоя кальцо, съ руки на руку пирилажіў — явились три молайцы и гаворють яму:—„Што прикажитя дѣлать?“— Валадимиръ гаворить имъ:—„даставить яго къ каралеви!..“ Три малайца сію минуту и снясли яго къ каралеви. Іонъ, якъ пришоў, узяў изъ гартани Мильляна свой алмазикъ. Приказаў нанасить дроў, саарудить кастеръ, взлажить на кастёръ трупъ Мильляна и сажечь яго, а пепелъ атъ трупа усыпать у моря, штобъ и ў зямлѣ не была и пылинки яго трупа. Бяреть алмазку, треть абъ рукаў; явіўся къ яму старый старичекъ:— „Што прикажитя дѣлать, миластивый кароль Валадимиръ?“— „Штобъ были и напитки и наѣдки и разныя разнасти: хачу я съ маей каралевой пувисялитца и пагулять.“ Па слову яво усё явилась. Стали пить и гулять и висялитца. Пувисяліўшись, алмазкыю терпуў нбъ рукаў,—явіўся ипять старикъ, спрашіить: „Што яще сдѣлать надаби?“—А во што: штобъ у маемъ царстви быў ипять такой жа дварецъ и такая жа улица, якъ и прежда; штобы была намъ и пастель мягкая—усе ета штобы было у адну ночъ, и штобъ мнѣ съ маею каралеваю ва дварцѣ начивать!.. Слова сказана, и дѣла сдѣлана. Кароль са сваею жаною начуить у сваимъ дварци. Царь-атецъ каралевы, утрамъ рана устауши, къ немаламу удіўленію яго, видить каралевскій дварецъ. Царь призываить свайго министира и гаворить яму: „пасматри-ка, якъ слоўна дварецъ маей дочари каралевы!..“ Министиръ паглядѣў, да и надтверждаить слова царя: „Діўлюсь и я ни мала: учора я ѣхаў тамъ, ничога сябѣ было, а таперь вижу и ў праўду дварецъ тэй самый, якей быў.“ — Ну, усётаки, паслать пасланца, штобъ іонъ узнаў

вѣрна. Паскакаў пасланецъ ки дварцу; видить: акала дварць стыять часовыи. Яўляитца пасланецъ къ царю и извищаитъ царя: „Дяйствитильна, дварецъ тэй самый, и стыять часавыи.“ Царь атъ радасти пубижаў пяшкомъ къ дочири ва дварецъ. Кароль съ каралевай замѣтили, што бягить къ имъ ихъ батюшка-царь; выбигають къ яму на ўстрѣчу и стали цулуватца-милуватца.—„А якъ я радъ, што вижу васъ такими, якии ужу и ня думаў видить!..“ Кароль Валадимиръ, пака царь разгавариваў съ дочирью, алмазныю тирнуў ибъ рукаў, приказаў старику, штобы у зали бальшимъ были сталы дубавыи, накрыты скатирти шалкавыи и пригатоўлины напитки загранишныя: и шимпачины, и рамавины, и разныя такжа ѣдиньё,—штобъ каралю съ каралеваю и съ батюшкай-царемъ пувисялитца. Усё была гатова. Кароль Валадимиръ приглашаить къ сталу царя и сваю любезняю каралеву. Ну, да и на славу ужу пугуляли. Такъ-то яны гуляли мѣсицъ, два и пять. Были у царя, у батюшки, и тамъ пукутили уволю. Кароль стаў апять паживать у сваемъ царстви благапалушна: усё была тиха.

У Мильляна спакуситиля былъ радной братъ Исавулъ, а Исавулъ быў такей жа спакуситиль, якъ и братъ яго Мильлянъ. Іонъ имѣў у сябе такжа дреўнію книгу иритницкую. Въ адно ўремя Исавулъ читаў сваю книгу иритницкую; ина яму и гаворить:—„Брата тваяго Мильляна даўно нѣту на свѣти; яго истрябіў кароль Валадимиръ за жану сваю; живеть онъ, кароль, за Карпатскими гарами.“—Исавулъ, учуўши ета атъ сваей книги а пагибили брата Мильляна, стаў дабиратца да царства Валадимирыва—и дабраўся. Пряходить іонъ у манастырь къ игумини. Игуминня была набажна, принимала къ сабѣ и храмыхъ, и сляпыхъ, и калѣкъ, и убогыхъ, и давала усимъ нользу. Исавулъ, пабыўши у игумини разъ и два и нѣскальки разъ, выбраў удобная ли сябе ўремя, задушіў яе, а самъ надѣў манашескую яе мантію, преабразіў сябе у игуминню и итправіўся па дамамъ лячить бальныхъ. Праходить акала царскага дварца. Каралева, увидаўши игуменню-Исавула, пригласила къ сабѣ у палаты. Быў ужу вечиръ. Каралева любила гаварить и слушать разгаворы а душиспасеніи и пригласила игуминню начивать у дварци.

Игуминня Исавулъ ибрадавалась приглашенію каралевы и заначувала. Многа гаварили яны а разныхъ вищахъ, и игу-

миння начала хвалить яе мужа и караля у томъ, што у ихъ и дварецъ великалѣпный, и іость у ихъ ва дварци уси рѣдкасти. Каралева и гаворить игуменни:—„Ахъ, матушка игуминня, мой мужъ, што тольки уздумаить, усё сдѣлать можить!“—Нѣтъ, каралева, вашъ мужъ яще ня ўсю праўду вамъ сказаў и иднага дѣла ни дастаў!

А каралева спрашіить у Исавула игуменни:—„Якога дѣла?“ — А вотъ якога дѣла. Іость на неби Камъ птица, падъ тэю птицыю яйцо. Вотъ, кали іонъ то яйцо дастанить, тады яйцо усю праўду скажить,—и то яйцо будить святить ва дварци, якъ день, такъ и ночь—точъ у точъ, якъ жаркыя сонца.—Игуминня Исавулъ, пиринучуваўши у дварци съ каралевай и назюкаўшись давольна, итправилась па дамамъ горада. Караля самаго ва дварци тады не была. Каралева, па разгавори съ игуминый, сдѣлалась ужу гнѣўнаю къ сваяму мужу—каралю. Яўляитца ва дварецъ мужъ каралевы. Замѣтіў, што каралева вочинь гнѣўна, спрасилъ яе:— „Чаго ты такъ, милая мая, гнѣўна ка мнѣ?“—Якъ жа мнѣ на тебе, дружокъ, ня гнѣватца? Ты усей праўды ни гаворишь, хуть и ўсе знаишь.—„Якой, якой?!.. Гавари, мая милая.“ — А вотъ іость на неби Камъ птица, падъ тэю птицаю іость яйцо. Якъ дастать тоя яйцо, то яно будить святить намъ день и ночь.— „О!“ атвичаить саманадѣиный король:—„мнѣ ничога ня стоить дастать ета яйцо—дыстану!“

Бяреть сваю алмазку, треть ибъ рукаў—яўляитца старикъ. Кароль и гаворить старику:—„Іость на неби птица Камъ, падъ тэю птицаю яйцо; дастань то яйцо, приняси къ намъ ва дварецъ: яно будить святить день и ночь!“ Выслушаў старикъ приказанія карала и гаворить:—„Вотъ я сдѣлаў тябе каралемъ, а таперь назаву тябе дуракомъ. Што тольке я могъ табѣ дастаўлять, усигда дастаўляў и ни ў чёмъ ни ’тказываў, а тяперь ты мене застаўляишь идить на неба и принесть табѣ яйцо, т. е. снять съ неба сонца и луну и принесть табѣ ва дварецъ. Я ни магу быть больши Бога, — а хто табѣ сказаў и внушіў такую блажь?“—Святая игуминня Исаулъ,—ета баба, а баби, должно, ужъ чортъ!—„Игуминня ета ня іость игуминня, а Исаулъ, братъ Мильляныў; а святая игуминня, удавленная Исаулымъ, ляжить падъ мастомъ у свaей кельни.“— Исаулъ етый, падъ видымъ игуменни, ужу удаўленнай, ходить па дамамъ лячить бальныхъ,—іонъ никога ня лѣчить, а даби-

раитца да галавы каралёвай и тваей, носить мечъ падъ мантіей, съ намѣреніемъ, кали яго пазаветя ва дварецъ, снять съ васъ голавы. Васъ предастиригаючи, савѣтую имѣть и вамъ вострый кинжалъ и диржать при сябѣ на ўсякій дурной случай, якъ будить Исаулъ къ вамъ ва дварецъ. Вотъ, што сдѣлай-ка такъ, Валадимиръ-каралекъ! Зави заўтри къ сабѣ игуминню Исаула ва дварецъ; скажи ей, што у тябе балить галава; а якъ придить игуминня Исаулъ лячить тябе атъ галаўной боли, и будить іонъ читать надъ тваею галавою, то ты старайся лѣваю рукой держать яго мечъ, а правыю рукою бяри свой кинжалъ и развали яму брюха атъ низу да верьха; тады изъ шасти сажаней дроў сдѣлай кастеръ, пували на кастеръ и сажги, а атъ трупа Исавула пепилъ пусти на моря. Кароль приказанія старика старога исполніў у точнасти и такимъ родамъ истрябіў игуминню Исаула; а у канцы канцоў, пубядіўши усихъ сваихъ урагоў, царствуваў длинныя годы; подданныя яго яму радувались, и уси таржествували. Царства яго усигда была и мирна, и тиха, и спакойна.

№ 20.

Ибъ Ивани Миласерным.

У Ивана Миласерныга храмэй воўкъ сына пахитіў. Якъ гнаўся за воўкомъ, жонки и ўтарога сына алишіўся. Царимъ становитца па суду Божьиму (свѣчка у яго сама сабою у церкви загарѣлася). Находить жонку и сынавей.

Иванъ Миласердный быў миласердинъ да кажныга. Была у яго пара сынкоў. Пашоў жа іонъ на Христоў день на всенащную. Прайшоў пиряулыкъ, ляжить змія на пиряхрёстки.— Якъ, Иванъ Миласердный, ти луччи змолыда ѣсть бѣлу рѣдьку, ай падъ старысть?—Іонъ ня мохъ етыва разсудить и варатіўся.—„Чагó ты, другъ, варатіўся?“—Якъ сказаў іонъ жанѣ, што ни знаиць, якъ итвѣтить змяѣ, жана яму разсудила:— „Другъ мой, лѣпши змолыду тярпѣть нужду, а падъ старысть, штоба харашо была!“—Іонъ тады атъ жонки пашоў съ пасхыю у крамъ Божій. Приходить. Паску пасвятіў, сѣў падъ варейшкый.

А нидалеча жила кума яго.—„Паду къ кумушки,—пупрашу хлѣбецъ!..“ Кумушка пупрасила яго присѣсть. Тымъ часымъ ина расплескала двѣ пиряпечки и запекла у меньшую рыжа золыта и дала яму оби.—Стричаютца зъ Иванымъ Миласердныимъ убогія старцы—ужъ яны яго ни минують:

—„Мы къ вашій милысти билися, штобъ разгавѣтца.“—Иванъ Миласердный атдаў имъ бо̀льшую пиряпечку, а яны пажалѣли яго, што тоже челавѣкъ бѣдный, и заставили яму большую, а сабѣ ўзяли меньшую.

Тады убогія старцы пришли къ багатый кумушки. Ина яще пекла пиряпечки. Старцы, якъ замѣтили бо̀льшую пиряпечку, и кажуть:—„На-те вамъ нашу маленькую, а сабѣ возьмимъ большую. Намъ, што болій, то лѣпши“. Такъ яны и пуминялись.

А багатая кумушка идеть къ сваяму мужу:

—„Я табѣ признаюсь, што у Ивана праўды нѣтъ: такъ и такъ.“—Тады мужъ жанѣ гаво̀рить:

—„Якъ ты жалѣючи давала, такъ табѣ и тваё золыта.“

Иванъ жа пирярѣзаў пирогъ на чатыри частычки: частычку атдаў жонки, па частычки сынамъ и сабѣ узяў частычку. И разышлись на разныя стороны.—„Жина мыя, када будемъ Богу угодни, то ня будимъ галодны и увидимся!..“ Приходють жа яны къ синиму морю. Аткуда узяўся храмэй воўкъ и унесъ у зубахъ мальчика. Иванъ Миласэрдный бѣгъ за ваўкомъ и ни дагнаў, а тымъ часымъ стратіўся яго и другей сынокъ. И думаить сабѣ Иванъ Миласэрдный:—„Люди атбиваютъ у звѣря скатину, а я ни ’табью атъ яго рабенка, ангыльскый души.“ — Пришоў у чужоя царства. Абнимаить Ивана Бизчастнага ночъ. Приблудіўся къ изобки, а ў тэй изобки жила старушка.

—„Старушка, пусти на нычъ!..“—Начуй сабѣ зъ Богымъ!.. Пашоў старикъ па горыду съ сумкый, насабираў торбу хлѣба и денежку. Ипять къ старухи на нычъ. Три раза хадіў старикъ и сабраў три денежки. Помиръ царь. Дѣлаитца публикація у двинацытымъ часу ибъ царю, штоба усякій имѣў свячу: чія свича загаритца, тэй и будить царёмъ. За гаспадами, за купцами, за нищію братію у церкви праходу не была. Старикъ самъ сабѣ думаить: Паду и я, стану у вуглушку, съ сумучкый. Стаў сабѣ и іонъ са свячой. Якъ запѣли хирувимы, ни у каво

ни загараитца свича; запѣли тожа—ни у кова; у третій якъ запѣли,—агу, пырхъ свича у старика—и запалилась. Падхватили старика падъ пахи и сдѣлали царемъ. Присягнули. На 12 днёу аткрыли банку: пей-гуляй, висялися, народъ! Старикъ раскатываў па горыду, ну, тольки вспомніў іонъ а старушки, што пріютила яго у сабе: вялѣў привязти яе честна-благуродна, штобъ ни испужать;—ина таки ладныга спужалась. Пасадили старушку у карету, пувязли къ царю. Тады вяльможи ўзраптали:—„Якей царь старецъ, іонъ тбга и пачитаить!..“ Узяў старикъ старушку за правую руку и содить за столъ, потэмъ и спрашіить:—„Скажи жъ ты мнѣ, ты якога рода, якога пувядэнія!..“—А я вотъ такога рода и пувядэнія!.. Нў, ты жъ скажи мнѣ сваю статьтю... дакъ ты мужъ мой!..

—„А ты жена мыя!..“

Патомъ пріѣзжають съ чужэй зямли купцы-карабельщики; идуть яны къ яму, амператыру, съ гастинцами. Амператыръ самъ пріѣхыў сматрѣть карабля. Ходють два вьюнуши па карабляхъ—па калѣни у золыти, па локыть у серебри—такъ и зьяють. Амператыръ стыяў атъ вутрени да вячерни, ни слова ни гаваріў, а усё дивуитца вьюнушамъ: такога чуда нійдѣ ня видываў. Ни даў ряду ни якыга карабельщикамъ и уѣхаў—ужъ ударили у колыкылъ. На другей день пріизжаить къ карабельщикамъ:—„Скажитя вы мнѣ, якея ета у васъ два вьюнўши: знайдины ли, куплены ли!..“ Карабельщики атказыють:—Мы ѣхали, а мужички пахали землю; яны тольки што атбили у ваўка рабенка,—мы купили яго у мужичкоў. Другога рабенка мы купили у рыбаловыў. Рыбаловы тыя узяли яго у стану, слышать: плачить рабеныкъ;—пріѣхали и узяли у лотку. Дѣти ети узрасли и стали бальшея, якъ и видитя!..

Тоды гаворить царь (іонъ дагадаўся, што ета яго дѣти):—„Прадайтя юнушіў—ня будитя платить цехъ!..“ Хуть жалка была купцамъ, што пригожія рибяты, иднака жъ якъ ни уважить царя? Продали ихъ амператыру.

———

№ 21.

Абъ Ивани Бизщастнымъ.

Иванъ Бизщастный нищій. Царская дочка за яго красату выходить замужъ за яго. Иванъ къ купцамъ наймаитца и за мыря зъ ими ѣдить; брошинъ купцами у бурю у марскую бездну. На марскомъ дони споръ ришаить межда марскимъ царемъ и царицый, што дарожи: ти серебра, золыта, ти драгацѣнныя камення, ти зялѣза и сталь. За то, што суяту прикратіў межда мужимъ и жаной, царь дарить Ивану ящикъ съ бруліянтами. Даганяить сваихъ таваришіў; имъ дужа завидна, што Ивана да чести кароль примаить. Дамой варнуўся; у царя гость, а потэмъ и зять.

Жіў купецъ багатый чилавѣкъ; у яво была три сына. Када іонъ жисть кончіў, атказаў двумъ сынамъ, а Ивану ничаво ни 'тказаў—ни гарѣлыва гроша. Иванъ етытъ быў изъ сибя крысавицъ, и прызвали яво, што „Иванъ нисчасный“, и нечива яму нигдѣ ўзять. Іонъ узяў сумку и пашоў по міру. Нѣскалька ўремя хадіў, и пуўсимѣсна яво знають, што Иванъ Бищасный. Царская дочка увидала Ивана и крысату яво нибнакавенную, задумала, какъ ба за яво выйти замужъ, и узила царская дочка сумку, и узила съ сабою злата и серибра и пышла по міру. штоба найти Ивана Бищасныва. Нѣскалька ўремя хадила и яво ни нашла. Адинъ купецъ карміў старцыу. Ана ета услахала и пашла на етытъ балъ; приходить: нашла Ивана Бищаснава, пакланилась:—„Здрастуй, Иванъ Бищасный!“ Атыйшоў етытъ абѣдъ старцыў; тада ина начала гаварить: — „Вазьми мине за сябе, Иванъ Бищасный!“—А какъ жа мнѣ тябе ўзять?—„Пупраси купечиства, штоба насъ ажанили! — Абъявили купечиству. Купечиства множиства сыбралыся и сыгласились ажанить ихъ, иминна дли смѣху, и начали складать деньги: каторый двадцать пять, каторый питьдисятъ, каторый сколька могъ. Жанились, публыгыдарили ўсё купечиства, а тыда яны пашли у другой горыдъ. Ана сабѣ купила домъ и начала жить, паисправила ўсё хазяйственныя дѣла. Абжимшись, ана даеть питьдисятъ рублей Ивану.—„Пади, другъ мой, купи мнѣ золыта“. Іонъ пашоў у горыдъ. Хадіў, хадіў, нійдѣ ни найдётъ. У ва адна-

во старика на угалкѣ нашоў золыта, купіў, пришоў дамой, атдаў золыта. Паужинали, легъ Иванъ спать, а жонка запалила свѣчку и начала вышивать платокъ. За нѣскалька ўремя вышила платокъ. Иванъ чаю напіўся, идеть у горыдъ прагуливатца; жина атдаеть платокъ:—„Прадай платокъ!“—Іонъ пашоў, хадіў па ўсяму горду: къ катораму купцу ни пакажитца, усѣ баятца узять и думають, какея ета тавары странныя;—па ўсяму гораду хадіў нихто ни купіў. Заходить къ самаму етаму старыму, у каторага купіў золата. Іонъ и кличить:—„Што, Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ?“—Прадаю платокъ.—„Пакажи!“ Пасматрѣў старикъ платокъ и гаворить:—„Што, Иванъ Бищасный, што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“ Иванъ атвичаить яму: — Бяру добрыя слова.—Пришоў дамой, спрашиваить жина:—Што ты, мой другъ, узяў за платокъ?—Атвичаить іонъ:—„Узяў добрыя слова.“—Ина и сунилась: сама сабѣ и думаить, што етытъ дарагой платокъ за добрыя слова. Апять идеть етытъ Иванъ у горыдъ, ана яму даеть 100 рублей купить золыта. Іонъ пахадіў па горыду, ни находить ни ў аднэй лаўки золыта, апять къ етыму старику. Купіў на 100 рублей, приносить дамой, атдаеть сваей супруги; ана ипять начала вашивать платокъ. Вышила за нѣскалька ўремя. Апять идеть Иванъ у горыдъ, даеть ина яму платокъ.—„Прадай платокъ!“ — Хадіў па горыду: ў каторыю лаўку ни зайдить, пакажить платокъ,—купечиства баитца купить и думають, гдѣ іонъ, Иванъ Бищасный, бяреть етакія платки. Апять ишоў кала етыва старика, старикъ и кличить:—Иванъ Бищасный, ти прадаешъ, ай пакупаишъ? — Прадаю платокъ!— „Што бярешъ: ти деньги, ай добрыя слова?“ – Иванъ думаить:—Што жъ, узяў добрыя слова,—вазьму и другоя.—Патомъ и гаворить:—„Вазьму добрыя слова.“ — Приходить дамой. Жина спрашиваить:—„Што жъ ты узяў за платокъ?“—А утароя добрыя слова.—Жина ипять думаить:—Што жъ съ естыва будить: слова, да слова,—што жъ съ естыва будить?—Апять замаўчала, терпить. Нѣскалька пожили, ипять ина яму даеть денигъ палтараста рублей:—Иди у горыдъ, купи золата!—Пашоў, на палтараста рублей золыта у етыва старика купіў, принёсъ дамой, атдаў сваей жанѣ. Жина начала вышивать третій платокъ и вышила луччій прежнихъ. Идеть Иванъ у горыдъ, ина яму атдаеть платокъ:—Иди, прадай платокъ!—И думаить, што іонъ

вазьметь за етытъ платокъ. Пашоў іонъ у горыдъ, па ўсихъ лаўкахъ насіў, штоба яво прадать, и нихто ни купіў: усѣ баятца пакупать етакія вещи. Идеть кала етыва старика. Старикъ кричить:—Што, Иванъ, прадаешъ или пакупаишъ?—„Прадаю платокъ!“—Пакажи!—Пасматрѣў старикъ и гаворить Ивану:—Што бярёшъ: ти деньги, ай добрыя слова?—Иванъ гаворить:—Добрыя слова.—Тада старикъ гаворить:—„Будь даволинъ,—толька сматри, ни забудь майво приказанія:—„Замахни, да ни рубани, да падумай!..“ Публагадаріў Иванъ етыва старика и пашоў. Пришоў дамой, жана и спрашиваить:—Што жъ ты ўзяў за платокъ?—„Узяў добрыя слова!“—Жана ў бальшомъ сумлѣніи, и начали жить. Нѣсхалька ўремини жили. Жина гаворить:—Што, другъ мой Ваня, я денигъ сдержила многа, а таперитка, какъ хатишъ, нада имѣть работу.—Иванъ пашоў на пристань и наняўся тамъ у купцоў у работники, штоба ѣхать съ купцами за границу, и узяў деньги упяредъ, атдаў сваей жанѣ на расходъ, а самъ Иванъ распращаўся съ сваею жаною и уѣхаў за границу на карабляхъ. Жина яво тутъ забреминила. Пріѣхамши, за границей прожили тамъ 16 лѣтъ, набрали таварыў нà симъ караблёў купцы и атправились дамой. На мыри сдѣлалась на нихъ тривога: начали карабли танўть,—такоя мѣста, што нужна чилавѣка бросить у моря. Аны начали приглашать Ивана Бищасныва, штоба іонъ сагласіўся у моря—іонъ сагласинъ, и на яво имя штоба карабль атписанъ сядьмой яму. И бросили яво у моря, а караблю апустили якырь. Карабъ астанавіўся тамъ. Иванъ Бищасный пупаў у пучину, сайшоў у пріисподнію, а тамъ свѣтъ такой жа, какъ и здѣсь,—пупаў іонъ къ царю, а яво тамъ знають.—„Здрастуй, Иванъ Бищасный! Разсуди ты насъ съ царицыю, што мы живемъ 15 лѣтъ, а ўсё у насъ праизводитца вражда, и споримъ, а иминна, за што: я гаварю царицы, што у свѣти дарожи нѣту злата, да серибра, да дарагова камѐння, а царица гаворить, што стали и залѣза дарожи у свѣти нѣту!.. Иванъ Бищастный, разсуди ты насъ!..“ Иванъ гаворить имъ:—Я васъ разсужу: золыта и серибра и дарагея каменния,—ета дли царей, дли князей, дли вяликихъ лицъ; а сталь и зялѣза,—ета дли мужукоў.—Іонъ ихъ разсудіў, и яны астались давольны Иванымъ, и сичасъ жа царь и съ царицыю памирилися и папулувалися.—„Благадаримъ тябе, Иванъ Бищасный, што ты успакоіў серца наши, а мы тябе

за ета публагадаримъ!..“ Дали Ивану ящикъ брулліантыва камення, придѣлали яму пузыри и падвизали яму ящичикъ съ брулліантавымъ каменнимъ, а тада и сказали:—Благадарю, Иванъ,—у етымъ и пращай!“—Иванъ и пашоў: усхватила яво етыми пузурями на верхъ моря. Пасматрить Иванъ: карабль тутъ и стаить, каторый купцы на яво имя атказали; іонъ цопъ, цопъ, да ў карабъ и атправіўся у путь за купцами. Нѣскалька праѣхаў, пасматрить: наганяить сваихъ купцоў, а купцы пасмотрють:—Иванъ Бищасный ужъ ихъ наганяить. Нагнаў, пашли яны умѣсти 7 караблёў. Ѣдуть путемъ. Дли моря живеть кароль. Даеть знать у карабли, штоба ни праизжали мима, штоба зайшли на паклонъ каралю. Аны астанавились возли дварца каралеўскага и начали выбирать харошія тавары каралю на паклонъ, атабрали ў купцоў и каждый па штуки и спрашіють у Ивана:—„Иванъ Бищастный, што жа ты вазьмёшъ?“—Иванъ имъ атвичаить:—Знаитя, братьтя, какой карабъ вы мнѣ пустой дали: зъ рагожами, да зъ михами, да самый паслѣднiй таваръ?—няўжли жъ я, няўжли жъ мяне, за вашими падарками, ня примуть? И мяне за вашими падарками примуть.—Купцы еты ни знають, што ва Ивана іость бралліантова камення ящикъ. Іонъ атбіў изъ ящика бралліантава камення са куриный жаўтокъ и спрятаў у рукаў, и пашоў вмѣсти съ купцами Купцы кала яво сміютца:—„Какъ Иванъ, какъ Бищасный, такъ и Бищасный,—и идеть ни съ чимъ къ каралю“.—Пришли и начали атдавать падарки каралю; а Иванъ кала яво паваратіўся. и вышіў кароль ў другую комнату;—Иванъ даў яму драгацѣнный каминь. Какъ пасматрить кароль на етытъ каминь драгацѣнный, такъ и асвятила ўсяе комнату. Пасадіў кароль Ивана за столъ на кутѣ. Купцамъ падносють вино прислуги каралеўскія, а Ивану самъ кароль. Имъ, етымъ купцамъ, абидна: былии ихъ работникъ—и знають, што карабъ яво пустой, и ничаво іонъ ни принесъ каралю. Публыгадарили яны караля и пашли къ караблямъ. Иванъ ихъ нагнаў и сміетца кала етыхъ купцоў:—„Вотъ вы хазяины были мае, а кароль мяне угастіў са сваихъ рукъ.“—Имъ ета прискорбна, купцамъ. И захатѣла жина каралева пупрасить къ сабѣ на паклонъ. — „Пажалуйтя, гаспада купечиства, ка мнѣ на паклонъ: хочить вамъ каралеўна честь атдать.“—А ета купечиства бяруть палуччи таваръ и спрашіють у Ивана Бищасныва:—„Иванъ Бищасный, што жа

ты вазьмёшъ на паклонъ?„—Иванъ атвичаить кунцамъ:—Братцы, вы знаитя, што мой карабъ пустой,—буду я сытъ за вашими падарками.—А самъ Иванъ, атбіў у ящичку ўтарой камушикъ, и пашли. Принясли купцы каралеўни таваръ; аны тывары еты принимають, а каралеўна ета кала Ивана вертитца. Иванъ изъ рукава каралеўни падаў камушикъ. Каралеўна у другую комнату увыйшла, освѣтила ўсяе комнату. Пасадили купцоў за столъ, начали подчивать, а Ивана на кутѣ. Купечиству етыму паднасили служитили каралеўски вино, а Ивану сама каралеўна паднасила и подчивала. Купечиства пасматриваютъ адинъ на другова:—„Што такоя, што Ивану прилишній честь, чимъ намъ?“—Аны публыгадарили и пашли, и межда сабою купечиства гаворють:—„Ну, кадабъ третій разъ пупрасили на паклонъ. то тада ба мы сдѣлали то, чаво Иванъ и ня думаить!„—Захатѣла каралеўская дочка пупрасить на паклонъ: ня дорыги ёты тывары, што аны носють, а хатѣлась, штоба Иванъ принёсъ каралеўскый дочки камушикъ. Вотъ начали яны выбирать самыя луччія тавары, а на Ивана гаворють:—„Иванъ, а што жъ ты панясёшъ?“—А, штожъ, братьтя, вы знаитя; за вашими тыварами и я буду сытъ.—Аны етымъ ужасна абидились, а Иванъ у рукаў камушикъ палажіў, и пашли къ каралю, и мижда сабою сдѣлали сагласію:—„Што-нибудь будить адно: или мы прападемъ, или Иванъ прападеть.“—Пришли къ каралю, атдають тывары, а окала Ивана каралеўская дочка ўетца; іонъ ей изъ рукава тайкомъ падаў камушикъ. Вышла каралеўская дочка ў асобую комнату, пасматрѣла: каминь асіяў. Пасадили купцоў за столъ, Ивана на кутѣ; начали подчивать: купцоў подчіютъ прислуги, а Ивана Бищаснава подчіить король, каралева и каралеўская дочка. Аны вышли изъ-за стала, публагадарили караля и сказали ўси ў голысъ, што яны нидавольны. Король спрашіить купцоў:—„А чимъ жа вы нидавольны?“—Вотъ тѣмъ мы нидавольны, што, бымши ўпяредъ работникъ,—яму честь больши насъ.—Король и гаворить:—„Можить быть, яво таваръ дарожи вашихъ ўсихъ караблеў“. Аны и гаворють:—„Мы сагласны па закону: ежиль у яво, у нашива работника, у Ивана, да будить таваръ дарожи нашива,—дакъ мы сагласны, штобъ намъ голавы парубили; но ежили у яво хужѣй таваръ, то яму атрубить голаву.“—Спрашіить король у Ивана:—Согласинъ ты на етытъ судъ: ежили твой таваръ хужи будить,—сагласинъ ты,

голаву штобъ табѣ рубить?—„Я сагласинъ.“—Сказаў Иванъ, и етымъ дѣла кончили. Патребуваў кароль присуствія сваё и купцоў етыхъ самихъ, штоба и яны магли расписатца у етый атвѣтнысти: „Или Ивана голыву далой, или вамъ.“ — Аны усп расписалися. Какъ аны, 6 чилавѣкъ, такъ и сядьмой Иванъ Бищасный, пашли у карабли выгруживать таваръ, выгрузили и пирисматрѣли: аказалася у купцоў, 6 чилавѣкъ, таваръ лучча и багачи, а ў Ивана саўсѣмъ нѣту.—„Ну,“ гаворють купцы:— „вотъ, кароль, за то намъ и абидна: бывшій нашъ работникъ—и честь яму луччій“.—Присудили Ивану атрубить голыву. Еты купцы засміялися. Тагда Иванъ гаворить каралю:— Пазвольтя мнѣ схадить у карабъ у пустой“.—Пашоў у карабъ и принесъ драгацѣнныва каменья ящикъ. Какъ принёсъ, аткрыў: засіяла жарчій сонца. Тады еты купцы 6 чилавѣкъ усѣ срабѣли, штобъ лишитца голывъ; пали на калѣни пиридъ Иванымъ:— Прасти ты намъ ету ашибку: ни пагуби нашихъ жонъ и дятей. прасти и прасти! Мы табѣ за ету ашибку атдаёмъ 6 караблей са ўсими таварами и обищаимъ даставить да горыда на самую пристань, будимъ тваими падвластными!.. Іонъ имъ врастіў и палучіў крѣпысть на ўси карабли. Атправилпсь аны къ свайму горыду. Пріѣхали яны у начи, карабъ Иванъ Бищасный астaвіў съ прикащиками на пристани, а самъ пашоў къ жанѣ. Пришоў у домъ тихонька, никаво ни разбудіў, дастаў агня, пасматрить на жану: жина спить и два маладцы абапылъ лижать. Иванъ и думаить: — „Я за границыю спраўляўся, а ина тутъ завила дв́ухъ любоўникыў...“ Разсердіўся іонъ, схватіў саблю, тольва падняў и хатѣў зурубить ихъ, а патомъ уздумаў: — „Мнѣ старикъ сказаў три словы добрыхъ:—„Замахни, ды ни рубани, да падумай.“—Іонъ ни стаў рубить, разбудіў жану; гаворить:— „Здрастуй, жина!“—Жина прашнулась, испужалысь; потэмъ гаворить:—„Здрастуй, мой другъ, Иванъ Бищасный, даўно ужу я видала тябе: ужу 16 лѣтъ...“—Другъ мой, какея ета лижать кала тябе маладцы?—„А ета, другъ мой, ета твае сынаў: ты, када атпраўляўся за-границу, аставіў мяне бяреминную,—я двухъ сыноў и радила.—Ну, а тваё дѣла какаво?—А маё, слава Богу: пригнаў семъ караблёў съ таварами. — Жина яму ня вѣритъ:—„Идѣ табѣ узять ихъ, бязъ денигъ?“—А Богъ мнѣ паслаў за то, шта мнѣ атецъ ничога ни аставіў. Даў Богъ вутра, Иванъ Бищасный папродаў тавары и карабли, а деньги,

каличиства ни малыя, принесъ къ жанѣ:—„Ну, жина, таперь паживёмъ!“—Ну, другъ мой, таперь нада идить къ майму атцу пупрасить пращенія! Знаишъ ли, какова я роду?—видь я роду—царскыя дочка! — Иванъ думаить:—„Какъ жа ета: ишла ана за мяне нищій, а таперь—царская дочка?“—Я,—гаворить ана: на тваю красату прилъстилась, — дыкъ и пышла за тябе, и у миня па сю пору хранитца зольта и сирябро, каторыя я у атца узила. Таперича, мой другъ, паслушай и мяне,—да сматри ни ашибись! не назави атцомъ да ўремя, а вазьми-ка брулліянтывый камушикъ атдай, ды няси царю и пупраси пазваленія, штоба пазволіў табѣ царь у виду царскава дому и табѣ выстраитца.“—Пашоў Иванъ Бищасный къ царю и падаріў яму брулліянтывый камушикъ. Царь столька быў даволинъ, што ни знаить, чимъ наградить Ивана Бищасныва; спрашіить у иво:—Чимъ наградить тябе?—Иванъ яму атвичаить.—„Кыда милысь ваша, ваша высочиства, пазвольтя мнѣ выстраить домъ ублизи вашива дварца.“—Царь гыварить:—„Я тибѣ пазваляю. Када у тябе ни хватить капиталу, то я пумагу тибѣ.“—Иванъ Бищасный царя публыгыдаріў. Начаў Иванъ строить домъ, наняў разныхъ мастяроў: каминщикыў, стыляроў, кровильщикыў и какея мастира яму были толька нужны. Домъ етытъ атдѣлали у два года. Тада узяў Иванъ нѣскалька комнатъ,—брилліянтымъ камнимъ павыбиліў стѣны. Атдѣламши домъ, узяў брулліянтывый камушикъ и панёсъ царю у благадарнысть. Царь благадарить Ивана:—„Спасиба табѣ, Иванъ Бищасный. Нѣтъ, ты таперь ни Бищасный, а Иванъ Счасный! Ни знаю, чимъ тябе благадарить!“—А вотъ чимъ: када милысь ваша, то пращу на пасвященія дому майго васъ и лицъ равныхъ вамъ,—вотъ етыва я атъ васъ жилаю.—Царь, видимши Ивана вумныга, пригласіў нѣкатарыхъ каралей и князей быть у Ивана на пасвященіи. У назначинныя ўремя зазванныя лица сабрались къ Ивану Бищасныму. Была цирямонія, пили, гуляли, Ивана паздраўляли.—„Ни будь ты Иванъ Бищасный, а будь ты Иванъ Счастливый!“—Пришоў Иванъ Бищасный къ жанѣ, гаворить:—„Ну, таперь какъ мнѣ у атца прасить пращенія?“—А ты иди и скажи:—„Праститя, царь!“—Приходить Иванъ къ царю и гаворить:—„Праститя, царь!“ — Да я за табою ня вижу никакой вины, и мнѣ нечива табѣ пращать.—А іонъ ипять за сваё:—„Праститя, царь!..“ Царь яму гаворить, што яму не ў чимъ

пращать, а цари и карали гаворють:—„Ну, вы яму праститя, хушъ іонъ и ни виновинъ!..“—Царь гаворить:—„Ну, харашо, я табѣ, Иванъ, пращаю“.—Какъ тольки царь сказаў, што „пращаю“,—выходить Иванова жина и сдѣлала паклонъ царю; Иванъ гаворить:—„Вотъ, ета ваша дочка, а мыя жана.“—Тада узнаў царь абъ чимъ у яво Иванъ прасіў пращенія.—Царь быў вочинь даволинъ, што яво зять вумный чилавѣкъ. Стали яны жить, паживать, да дабро наживать.

№ 22.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ купецъ у Двины (у Двинѣ) пабыў, споръ мижъ рячнымъ царёмъ и царицый ряшіў (споръ мижъ Нѣпамъ и Нявой) и разбагатѣў атъ дароў Нѣпра (Нѣпа).

Быў плахой мужичекъ и занимаўся разными работами. Хадіў па ахотамъ, біў разныя звярьё и такъ три года, набіў три воза, наняў тройку лашадей у сусѣдихъ пу пяти рублей; привозить у горыдъ и стаить на площади цѣлый день, ни развязываить. Падходють таргаўцы; просить іонъ зъ ихъ три тысичи рублей денихъ. Ни магли яны купить ничаво. Пашли работники, атказали купцу благачасливыму. Купецъ спрашіить:

—„Чаво вы ничаво ни купили?“

— Была такяя-то таргоўля.

Купецъ пашоў къ тому мужичку на рынькъ. И гаварить купецъ:

—„Мужичекъ, што ты ни прадаешъ свае возы?“

— Када жъ мнѣ прадавать свае возы, када сяводнишній день нѣту купцоў на мой таваръ?

—„Што есть твой такей за таваръ?“

— Мине разныи есть шкуры. Скольки есть у лясу птицъ—звѣрья—уси набиты.

—„Што просишъ за ихъ?“

— Три тысичи сирябромъ.

Іонъ ни сматрѣўши:

— Паизжай за мной!

Прінзжають къ дому купечискаму.

— Работники, убирайтя!

А самъ и ни пасматрѣў, што тамъ убирать.

— Ступай са мною у домъ! Кухарка, дай етыму мужику трипезывать.

А самъ выносить деньги, атсчитываить три тысчи сирябромъ и двадцать пять цалковыхъ награды звышъ цаны и гаварить:

—„Што ты хочишъ, мужичекъ, пулучить: три тысичи сирябромъ, ай три слова Божьихъ?“

Онъ и сказываить:

—„Па бѣднасти деньги, а па смерти, какъ умирать, нада три слова Божьихъ. Но у мине хазяйка дужа страга, будить спрашивать: многа-ль денихъ узяў?

А іонъ гаварить:

—„А ты скажи хазяйки, што денихъ я узяў многа, а привезъ дамой ничога, а я жерствую табѣ на бѣднату на первый случай узять двадцать пять рублей. А жанѣ скажи: батюшка мой быў долженъ купцамъ, усяму гораду. За доўгъ маи денюжки астанавили. Ана скажить: слава Богу! хушъ мы бѣдны да зъ даўгомъ разабрались.“

— Ну, батюшка, гаспадинъ купецъ, гаварите мнѣ теперича три слова Божьихъ.

—„Первыя слова: будить тябѣ страшная смерть—ты яе ни убойся. Другоя слова: будишъ ты судить, суди па закону. Третія слова: намахнись, да ни ударь. Таперича, мужичекъ, съ Богамъ дамой.—Вазьми жъ, мужичекъ, на пупраўку двадцать пять рублей денихъ. Ты ня ўбойся, мужичекъ, што три тысячи аставіў. Куда пажилаишъ, у работу первую ступай.

Пріизжаить мужикъ дамой, и спрашиваить жонка:

— Многа-ль узяў денихъ?

А іонъ гаворить:

— Узяў, слава Богу, многа, а привезъ дамой ничога.

—„Гдѣ жъ ты падѣў?“

— Мой батюшка быў усяму гораду должинъ—узяли за долгъ астальныя; астались мнѣ 25 рублей.

—„Слава Богу за ета! Хазяинъ, какъ жа мы будимъ жить зъ етымъ деньгамъ?“

— А будимъ жить, какъ Бохъ дасть.

— „Да тутъ збахана питнадцать рублей: нада атдать за лашадей, за дисить купить у мужика хлѣбца.“

— Бохъ падасть.

И уздумаў іонъ у Ригу идить (вѣкъ ни хадіў), а ина атгавариваить:

— Съ кимъ ты мяне дома брасаишъ?

—„А я брасаю тябе дома съ Богымъ и сыныиъ пяти лѣтъ.“

— Ну, такъ Бохъ съ табой! Ступай съ Богымъ: мнѣ тябе ни удиржать.

Пупращаўся съ сусѣдимъ и пашоў у Ригу застанавлятца. Приходить на площать въ горадъ. Нанимають купцы у Ригу.

—„Што ты вазьмешъ у Ригу за десить барыкъ?“

— А што дашъ на совѣсть?

(Въ старину все было на совѣсть; теперь и бумаги пишуть, а такъ ни работають).

—„Двинацыть рублей сирябромъ.“

— Я и на то сагласинъ.

Давай Богу малитца. Онъ деньги узяў, дамой приходить.

— Вотъ, хазяйка, еще, слава Богу, двинацыть рублей: Бохъ намъ даў—заставіўся я у Ригу.

—„Ну, слава Богу, будимъ жить!..“

Удрухъ весна аткрылась. Падвимаитца вода. Пупращаўся съ жаною и сынкомъ, и самъ у Ригу маршъ пашоў. Приходить къ купцу. Купецъ гаварить:

— Прасрочіў!

А онъ сказываить:

— Винуватъ!

—„Ну, рибятушки, аткрывай плисамъ воду изъ баракъ. Заўтришній день будить багамалѣпства, малебны будимъ служить. Десить барыкъ па тридцати пяти человѣкъ на баркахъ.“

Сичасъ съ трехъ царквей падняли усихъ святыхъ и малились яны Богу сутки увесь народъ. Патомъ таво купецъ выносить саракавицу бочку. Удрухъ усхватилась буря, валнами заливаить бочки. Купецъ гаворить:

— Выть пришло намъ усимъ пумирать!

И пришоў іонъ у сваю комнату на барки, сматрить на столъ: бумаги у сталу, а ляжить бумага на сталѣ. И читаить купецъ, слезна плачить; выходить къ сваей сходки, спрашиваить усихъ на лицо:

— Праваслаўныя люди, нѣтъ ли ахотничкыў у моря слазить?“

Народъ атвичаить:

—„Усимъ умирать, такъ умирать, а ў моря ня лѣзть!..“

Мужичекъ уздумаў. Што мнѣ сказываў тотъ купецъ: „Будить страшная смерть—ни убойся!“

—„Гаспадинъ купецъ, што будить за работу? Я палѣзу у моря.“

— Даю тебѣ за то пять барыкъ и съ таваришчимъ. Майму народу прападать—и мнѣ упадать!

—„Пиши, гаспадинъ купецъ, падъ мине пять барыкъ!..“

Купецъ записаў и свидѣтиліў паставіў и даеть іонъ яму бумагу:

— Каму будишъ атдавать?

— „Я палѣзу — и бумага са мною пайдеть.“

Іонъ распращаўся су ўсимъ народамъ:

— Праститя мине грѣшныва!

—„И ты насъ прасти!..“

Самъ балтыхъ у воду. Купецъ радъ, пашоў съ бумагый.

— Таперь, робятушки, малитись Богу: будимъ атваливать!

Пумалились Богу—буря усхватилась ящо сильнѣй, а онъ дажидаитца пагоды. А тотъ по марю ходить палтара сутыкъ.

Темно на мори, какъ у тямницы. Вдрухъ аказываитца свѣтъ, видная мѣста. Приходить на видныя мѣста, гдѣ свѣтъ яму Бохъ аказаў. На виднымъ мѣсти стаить женьщина и мущина и дѣлають споръ. Ишоў Нѣпръ ' пу падземію и ишла Нева рѣка, дѣвушка. Рѣка Нева не пускаить Нѣпа; Нѣпъ ня хочить пакаритца Нявѣ рякѣ. И приходить мужичекъ къ Нѣпу и Невѣ рѣкѣ, дѣвушки, и спрашіить у яво Нѣпъ:

— Хто у васъ на свѣти больши, ли мущина покорна баби, ли баба мущини?

Іонъ гаварить, Нѣпъ:

— Мужичекъ, разсуди па закону!

А ина стаить, ничаво ни атвичаить. Іонъ и уздумаў. Што мнѣ гаваріў купецъ: „Будишъ судить, суди па закону!“

А іонъ атвичаить, мужичекъ:

— Галубушка, ни прагнѣвайся: мая хазяйка хараша, а мнѣ пакорна.

Удрухъ ина клонитца у ноги. Пацалувались, пашли умѣсти. Патомъ таго, гаварить:

— Благадарю, мужичекъ: па закону разсудіў. Таперича,

мужичекъ ступай: я тибе свяду на старинную жисть, идѣ ты живешъ на баркахъ.

Мужичку Нѣпръ даеть драгацѣнныхъ камній и гаварить мужичку Нѣпръ:

— Ты таму ихъ атдай, хто больши у васъ, у Расеи.

Ну, и пашли. Атъ това мѣста палтара сутыкъ да барыкъ. Удрухъ іонъ узяў мужичка на плячо и ускинуў на барку къ купцу. Удрухъ здѣлалась пагода прикрасная. Атвалили, пашли. Купецъ призываить етыга мужика къ сабѣ, у майку. И гаварить купецъ мужичку:

—„Атдай мнѣ барки: вотъ тибѣ десить тысичъ.“

А мужичекъ атвѣчаить:

— Нинада мнѣ твае десить тысячъ, а дорга мнѣ слова законная.

—„Я буду съ табой судитца.“

— Када будишъ судитца, судись, а у мине бумага—грунтъ здѣлана.“

Привалили у уѣздный горадъ, купецъ падняў судъ, пріўзашоў усихъ судоў, пазадаріў падаркамъ, и стали судить мужика.

— Атдай барки еты купцу за десить тысичъ.

—„Нѣтъ, нада мнѣ слова: у мине есть грунтъ—бумага. Кады вы судитя, атымитя такъ, а я ни сагласинъ.“

Сутъ ни ряшіў, пашли у губернскій. И тамъ ни ряшили.

— Ступай, съ Богымъ, да царя!

Приходить къ царю. Купецъ на галавѣ падаеть прашенія бѣламу царю. Пасматрѣў царь у бумагу, спрашіить мужика на лицо.

— Здрастуйтя, ваша амператарства!

—„Што у васъ съ купцомъ дѣла вядетца?“

— Извольтя бумагу.

Пасматрѣў царь и прачитаў абъ яго пахажденіи.

— Дайтя етыму купцу 100 палыкъ, зъ горыда вонъ!

Салдаты и дали яму 100 палыкъ и изъ горада вонъ выгнали. И вынимаить мужичекъ драгацѣнныи камни, асѣняла весь дварецъ, а цареўна упунилась.—Съ гильдіи будить первый купецъ етытъ мужичекъ, вялѣў царь. Удрухъ стаў мужикъ у паўгода ня тотъ. Іонъ и гаварить:—„Атпустития мине

дамоў. Я жинатъ. Теперь у мине астаўся сынъ пяти лѣтъ, а въ настаящее время яму даўжно быть десить.“

— Ступай за жаною и привяди жану и сына, и дарю я тябѣ деньщика, пару лашадей и два мечи ѣхать за жаною. А ў дароги, помни ты мае слава, ня бойся звѣря, а бойся чела-вѣка: челавѣкъ гаварить, а у яго за пазухай каминь ляжить.

И даў онъ имъ, царь, денихъ на дарогу. Паѣхали. Прі-изжаить у сваю дяреўню, просится на нычъ у сваей хазяйки въ акно.

— Вамъ нашлегъ таперь ня йдеть.

—„Чаво жъ такъ ня йдеть?“

— Мая изба каптѣлая,—вы добра адѣўшись.

—„Да мы хуть ба абмарались, вѣтиръ абдуить, сажа палятить прочъ. Пускаишъ?“

— Пускаю.

Патомъ таго мальчикъ кйдаитца пряма къ яму.

—„Мосить, я батька?“

А ина за яго, за мальчика, атвичаить:

— Батька твой быў худэй, дренный!

Іонъ тада спрашиваить у жонки:

— Ти ўдава ты, ти жина?

—„Нѣтъ, я ни ўдава, ни жина: мужъ мой прапаў безъ вѣсти.“

— А какъ ты яго спаминаишъ?

—„Када жіў, дай Бохъ добрая здароўя, а умеръ, чарствія Божія.“

— Харашо, галубушка; ета лоўка!

—„Ну, малодушка, ета какой дѣдъ привединъ?“

— Ета у мине спитȁнецъ мой: мине питаить, хлѣбъ да-бываить, сынка кормить.

—„Што жъ іонъ тибѣ парабатываить? Ты мнѣ, малодушка, атвичай, што рабатаить?“

— Пристаў ты ка мнѣ, какъ попъ на духу. Я гаварю тибѣ: плитеть лапти, сикѐть дровы и спить са мною.

Патомъ таво, полна разгаваривать—пара ужинать садитца.

—„Мы—дарожныи люди: ѣсть хочимъ.“

— Чимъ потчивать? щи да хлѣбъ—больши ничаво нѣтъ.

Онъ дастаетъ хлѣбъ чистый-ситникъ: съ сабой захватіў у дарогу. Ана думаить:

— Вотъ благадать пришла!

Сѣли ужинать вси пять челавѣкъ. И нарѣзаў іонъ бѣлага хлѣба, и мальчикъ упаў ипять яму на калѣни.

Ина гаворить:

— Што ты къ еткимъ людямъ лѣзишъ?

—„Мосить, батька!..“

А яго держить крѣпка.

— Какъ ты, малодушка, ня можишъ признать мужа?

—„Я яго аблуплинага магу узнавать.“

Распарижаитца, паужинавши, абъ упакою, какъ идѣ каму спать.

—„Купцы-паны, вамъ кутъ: адному на аднэй лаўки, другому на другей. А ты, мальчикъ, на печку! А мы съ дѣдымъ на кравать, будимъ хлѣба дабывать!..“

Аганекъ пагасили, лягли спать. Деньщикъ захрапѣў, а іонъ ня спить: сонъ яво ни бяреть. Дождаўся тога време, што хазяйка съ пубратимымъ спить какъ зъ мужимъ! Разгарячіўся, узяў мечъ и пашоў жонки галаву сѣчъ. Падашоў къ ней, намахнуўся ужъ жонки галаву снять пряма далой и уздумаў тутъ жа: Што мнѣ сказана: „намахнись, да ни ударь!“ и другей разъ намахнуўся; третій разъ ангиль дёрхъ—мечъ брыкъ. Тады плюнуў и пашоў спать. Какъ лёхъ спать, да паўдня праспаў—хазяйка и печку стапила. Устаеть, умываитца, ана падаеть яму абтиральникъ, и падходить къ купцу, и гаворить:

—„Разсуди, мой сынъ, што я видѣла ва снёхъ нихарашо!..“

— Какой жа ты видала сонъ?

—„Я видала сонъ. Прихадіў купецъ, хатѣў мнѣ снять галаву далой. Малодушка, я сплю на лаўки, а валюсь будта съ крыши, кроў астанувалась...“

— Тибѣ пригрезнилась. Брасай-ка прихмати: давай абѣдать.

—„А у мине усё гатова.“

— Садись жа и ты зъ нами: будимъ тряпезовать, и сынокъ зъ нами.

Тады адтрипезывали. Іонъ платья далой и здѣлаўся, якъ мать радила. И атвичаить:

—„Ты гаварила: узнаишъ, якъ аблуплиннага. Я твой мужъ, я твой законъ.“

— Прасти, мой друхъ! Вотъ тибѣ галава— сымай яе далой!

Бухъ яму у ноги.

—„Бохъ тибѣ прастить—и я пращаю. Паѣдимъ у мой домъ и сынка вазьмемъ съ сабою; а ты, што пользаваўся маей пущій—вотъ тибѣ домъ и харомы, аставайся на маѣмъ мѣсти!..“

Сѣли на лошать и паѣхали къ царю, идѣ царь яму пажалаваў домъ. Пріѣзжаить къ царю.

—„Привезъ жану сваю съ сынкомъ!..“

— Маладецъ, гаспадинъ купецъ! Таргуй съ сваей жаной, твари судъ и праўду: праўда гнила, да Богу мила.

№ 23.

Деревня Бердебяки Ельнинскаго уѣзда.

Сказка абъ Ивани Иваньивичи, купечискымъ сыни.

Иванъ Иванывичъ, купеческій сынъ, спасаить атъ паруганія вобразъ Николы Чудатворца. Съ помыщу Николы Чудатворца, ѣдить у ваксонскій градъ на 'бломкахъ старыга атцоўскыга карабля. Никола Чудатворицъ даеть яму савѣтъ, якъ стяречъ гробъ ваўшебницы, царскый дочири. Съ помыщу Николы Чудатворца И. И. алишіў ваўшебницу злэй силы и жаніўся зъ ею. Жонка И. И. пиридиваитца и дѣлаитца цариимъ па Божьиму суду (яе свича сама сабою у храми загаряитца).

У нѣкатарымъ царстви, ў нѣкатарымъ гусударстви, иминна ў томъ, ў каторымъ мы живемъ, анажды случилыся ў адномъ горыди, ища ета було ни сичасъ, а було при царю Юрику. Жіў купецъ-сильный багачъ; було ў яго три сыны,—іонъ ихъ раздяліў на три двары; была ў яго адна дочка. Дочка пашла къ большимъ братамъ, а яны ѣздили таргувать па синимъ марямъ и пу бальшимъ гарадамъ. Самыга большига брата пубядила у слаўнымъ горыди Сывастопили: хатѣў іонъ пиряѣхать бухту на Малахаў курганъ,—патапила яго карабли бурнымъ вѣтрымъ. Упаў іонъ у бальшую бѣднысть: прадали домъ съпадъ ацѣнки; а када продали яво домъ, то іонъ атъ скуки помкръ съ жаною,—асталась яво систра и сынъ яво, Иванъ Иванывичъ, у бѣдный хатки. Ня мѣли яны ни куска хлѣба. Питались яны пирщатками да насками: тетушка визала, а имъ на рынывъ пасылала; іонъ прадаваў и тымъ сваю тетушку питаў. У адно ўремя ни було у ихъ хлѣба, у тетки были адны

пирщатки гатовы, а другея ни гатовы,—ина яво паслала съ адными пирщатками:—„Няси, мой пляменникъ, дорага за ихъ ни праси, а хуть хлѣба приняси.“—Атдаў іонъ ихъ за 6 капѣекъ. Въ адно ўремя (було ў етымъ жа горыди, идѣ аны жили) ѣхали каломинскія извощики; ихъ було толька 2, на 6-ти лашадей, съ дарагими таварами. Близъ площади быў кабачокъ; еты извощики тамъ абѣдали, и прагуляў адинъ извощикъ 6 лашадей съ дарагими тыварами. Адинъ тыварышъ, какъ пабѣдаў, такъ и паѣхаў, а драгей таварышъ прагуляў три дни тама, прапіў іонъ уси деньги. Цулуванникъ атправадіў лашадей у Маскву, а извощикъ усе гулянть. Прашнуўся іонъ атъ свайга пьянства и спрашиваить:—„А идѣ жъ мой тыварышъ?“—Паѣхаў, пабѣдаўши, а ты астаўся водку пить.—„А идѣ жъ мае лошади съ таварами?“—А ты ни знаишъ?—„Ни знаю.“—Ты прапіў деньги и 6 лашадей съ таварами.—„Ну, хушъ пахмяли маю галаву за 6 капѣикъ!“—Пахмялю, када деньги іость, а нѣту,—ў доўгъ ни дамъ.—„Паслухай, братъ, мяне: іость у мяне вобразъ св. Миколы, вазьми яго у мяне падъ заставу да заўтришнига вутра: іонъ за мяне паручитца, што атдамъ заўтри!“—Пашоў извощикъ, куда глаза глидять. А цулуванникъ застаўнэй вабразикъ за бочку закинуў. Устаеть цулуванникъ рана пу вутру, связаў двѣ пары розыкъ, вынисъ абразикъ на вулицу и ударіў яво сапагомъ.—„Ты іось Микола, извошицкій пуручитиль. Атдай 6 капѣекъ за водку: ты паручаўси!“—У самую тую пору сирата Иванъ Иванывичъ прадаў пирщатки и ишоў двору, зайшоў къ етыму цулуваннику пасматрѣть, каво іонъ сякѐть.—„Эй, праклятый, ты каво наказыишъ? Никаво ни видать, а ты наказнишъ.“—А ты пасматри, каво я наказыю: я наказыю Миколу Чудатворца,—іонъ паручіўся за извощика!—„А на сколька іонъ табѣ паручіўся?—„А паручіўся за 6 капѣикъ. „Ну, на табѣ 6 капѣикъ: атдай мнѣ яго!“—Узяў Иванъ Иванывичъ абразикъ и пашоў къ сваей тетушки.—„Тетушка, вотъ купіў я сабѣ абразикъ!“—У каво купіў, пляменничикъ?—„А у праклятава цалуванника: іонъ яво сѣкъ!—„А хлѣбца принёсъ?—„Нѣтъ, тетушка, ни принесъ!—„Ну, што дѣлать? пирябудимъ и такъ!—А яво два дяди сабирались у градъ Ваксонію съ разными таварами. Тетушка и гаворить: „Пляменникъ мой, схади ты къ имъ: ти ни вазьмуть яны тябе хуть съ хлѣбушка!“—Іонъ прибигаить къ сваимъ дядимъ:—

„Дядюшки мае, вазмитя вы мяне хуть съ хлѣбца: питатца нечимъ!“—Нѣтъ, пляменникъ, узяўши тябе, многа будить славы: ударь тябе—асуждать будуть, а мы вазьмемъ чужова: яво хуть ўдарь—дыкъ ничога, патаму—чужой; а тябе мы узять ня можимъ!—Іонъ заплакаў:—„А какъ жа мнѣ быть?“—Какъ хочишъ,—хуть прапади!—Идеть іонъ и плачить; стричаитца зъ имъ старичокъ:—„Абъ чомъ плачишъ, Иванъ Иванывичъ?“—Какъ жа мнѣ ни плакать: мнѣ не чимъ питатца!—„Пайдемъ са мною на пристань!“—Пришли яны на пристынь.—„Вотъ видишъ-ли,“ гаворить старикъ, паказывая на разбитый карабъ яво пакойнава атца: „паѣдимъ на іонъ у градъ Ваксонію!“—Ну, паѣдимъ,—толька я пайду, спрашусь у тетушки!—Іонъ пашоў. Приходить дамой и гаворить:—„Тетушка, мяне братьтя твае ни приняли, а пазваў мяне старичекъ ѣхать у Ваксонію на старымъ атцоўскымъ карабли!“—Ну, када приглашаить тябе старикъ ѣхать у Ваксонію, то и я тябе благаслаўляю: ѣдь!—Прибигаить на пристань къ старику и гаворить: „Тетушка благаславила: када угодна, то я паѣду съ вами у Ваксонію!“—А карабъ ужу гатоў: пачининъ, парусы натянуты и машты паставлины.

—Ну, Иванъ Иванывичъ, иди и сабирай, идѣ партнэя шіють, акраўки, а идѣ сапожники шіють, абрѣзки и кирпичъ старый, и нагружывай етымъ карабъ.—Яны етыва накидали сичасъ по-винъ, повинъ карабъ. Паѣхали яны посли дядикъ за три мѣсица, а дагнали ихъ у три часа. Призжають у градъ Ваксонію. Пріѣхали яво дядьки и причалили къ пристани: аны привязли разныхъ таварыў и разныга звирьря. Набрали яны дарагихъ матерій Ваксонскыму каралю у падарыкъ и панясли. Яўляитца Ваксонскій кароль на пристань:—„А што, гаспада купцы, ни слыхали нашива дива?“—Нѣтъ, ни слыхали.—„У нашимъ гради, у манастырѣ, ляжить мертвая цареўна ужу 90 лѣтъ; каждую ночь ана съидаить па аднаму чилавѣку; то вы начуйтя у тымъ манастырѣ па ночки: - када пириначуитя, тада будитя таргувать у гради Ваксоніи 7 лѣтъ бизданна и бязпошлинна; а къ вашимъ караблямъ я пристаўлю часавыхъ: я васъ ни пущу!..“ Такъ яны гулять да вечира, да дѣлыть то имъ нечига; нада идить у манастырь начувать. Братъ съ братымъ сгаварились нанять начувать пляменника:—„Пляменникъ, пириначуй за мяне!“—А пайду упередъ спрашусь у дѣдушки!—

Приходить къ старику:—„Дѣдушка, мяне нанимають дяди начувать у манастыри!“—А я во што табѣ скажу: када будишъ у яго прасить 2 карабля и дасть—начуй; ни дасть—ни начуй.— Приходить къ дядьки и гаворить:—„Ну, дядя, када даси 2 карабля, то пириначую!“—Ну, што съ табою дѣлать? Бяри, толька начуй!—Пришоў іонъ къ свайму дѣдушки. Дѣдъ яму даў книгу патребникъ и гаворить:—„Ну, иди у манастырь, стань пиридъ алтаремъ и читай. Што ана ня будить вытварять, ты ни аглядывайся назадъ!“—Пришоў у манастырь, а ли това манастыря навалина груда чилавѣчиских кастей съ бальшую харомину: усё пиріидала цареўна людей, а кости аставались. Пришоў іонъ у церькву, пумаліўся Богу и паставіў абапылъ дварей свѣчи, стаў читать книгу. У самую поўнычъ, ана какъ выскычила зъ гроба и стала бѣгать па церкви; скидывалась ина разными звирями и гадами, а іонъ усё читаить, назадъ ни глядить. Дурачилась ина, пакуль пятухъ прапѣў. Тада ана ударилась вобъ зимь. Іонъ яе падняў и палажіў у гробъ и паставіў яе у алтарь. Даў Богъ свѣтъ. Пришоў къ манастырю манахъ паслухать, ти жіў чилавѣкъ. Слышить, што жіў. Іонъ яво выпустіў. На другую ночъ наняў яво другой дядя за два карабля. Ноччу ана што ни дѣлала, а іонъ вытирпіў и ни паглядѣў назадъ,—атъ страху у яго ажну кроў выступала. Ну, іонъ выдиржіў.—Прадаў старичокъ еты карабли, а деньги атдаў Ивану Иванывичу. На третію ночъ няда идить Ивану Иванывичу. Старикъ яму даў 12 свячей и приказаў паставить абапылъ алтаря па 6 свячей и вялѣў яму назадъ ни аглядыватца. Пришоў іонъ у церкву, пумаліўся Богу, паставіў свѣчи и стаў читать книгу. У самыю поўнычъ выскычила ина съ гроба, стала бѣгать па церкви, лазила па иканастасу и на калакольню: какъ ана ни бясилася, а стала и астипянилася, и прислушиваитца, што іонъ читаить. Какъ ана прислушалась, то іонъ узяў книгу у руки, ударіў яе по лбу и сказаў:—„Съ нами Богъ!“—Тады и ина сказала: „Съ нами Богъ!“—Тотъ жа разъ прапѣў пятухъ. Ана ужу ни упала, а стала поплічъ зъ имъ читать книгу патребникъ. Асіяла бѣлымъ свѣтымъ,—ана ўсётки читаить. Ишоў манахъ ачистить манастырь и паслыхаў, што у двухъ галасахъ читають; іонъ ета дакладываить царю. Царь гаворить:—„Ну, Ивана Иванывича привядитя ка мнѣ, а яе абвядитя кругомъ церкви 3 раза, вымыйтя у бани, прича-

шитя; тада привядитя ка мнѣ.“—Иванъ Иванывичъ, какъ шоў, атъ радысти ни зашоў къ свайму дѣдушки, а прама пашоў къ каралю. Привяли цареўну: то была красива, а то ящо пакрасивила.—„Ну, Иванъ Иванывичъ, ты таперь будь мнѣ зять!—Часнымъ пиркомъ да и за свадибку. Сабрали усихъ инастранныхъ каралёў на свадьбу. Тольна яво паставили падъ вянецъ на адинъ рушникъ, приходить яво дѣдушка: —„Здрастуй, унучикъ! а какъ ты смёў жанитца бизъ майго дазволу?—Ина наша вôбчія цареўна: ты яе вычитываў, а я яе вымаливаў,—яе нада намъ дялить!“—Винуватъ, дѣдушка, пирпдъ табою, што ни паслушаў тваю волю,—а если хочишъ, бяри яе!—Старикъ выхватіў кинжалъ и разсѣкъ на-двая яе тѣла. Парубіў яе на мелкія кусочки и вялѣў привесть 12 вушатыў вады.—„А на што табѣ вода, дѣдушка мой?“—А вотъ на што: вы видали, када я яе рубіў, то изъ яе паўзли разныя гады: мыши, крысы, лягушки, ящирки;—нада яе пирямыть, пирисартирувать!—Іонъ яе пирямыў 12 разъ, слажіў уси куски, какъ яны были, и дунуў на яе Святымъ Духымъ. Ускôчила ина и стала такая чистая, што видна, какъ изъ кости у кость мозгъ пирибигаить.—„Ну, Иванъ Иванывичъ, ты мяне аткупіў атъ праклятыва цалуванника, а я тябе избавіў атъ бясоўскый силы и навёў быть каралемъ: я—Никола Чудатворицъ!—сказаў и скрыўся. Кароль Ваксонскій абвинчаў Ивана Иванывича на сваей дочки. Посли етый свадьбы одинъ министиръ приглясіў Ивана Иванывича са сваею жаною къ яму на обѣдъ. Жина яму гаворить:—„Смотри, милый, мы прiѣдимъ къ министиру абѣдыть, стрѣнить насъ министиръ, министирша, яво дочки тябе будуть уси цалувать, а мяне министирша ни пацалуить,—пагребуить, то ты прими ета ў каприз, варатись дамой и ня 'бѣдый у ихъ.“—Иванъ Иванывичъ такъ и сдѣлаў: у министира яво и яво жану уси цалували, а министирша ни пацалувала цареўну—пагребувала. Иванъ Иванывичъ ни стаў абѣдать, а уѣхаў дамой.

Ана яму и гаворить:—„Найдитя такова рядчика, каторый бы знаў харашо Питярбургъ, и штоба мнѣ сдѣлали гардиропъ абъ 12 пакояхъ“.—Сдѣлали ей гардиропъ и привяли рядчика. Ана ў 11 пакояхъ палажила золыта и драгоцѣнную адежу, а ў двинадцатый улѣзла сама. Патомъ и гаворить на рядчика:—„Ну, дастаў ты мяне ў Питярбургъ, на Гарохываю вулицу, ў

Бизабразыў домъ!“—Іонъ придаставіў гардиропъ у Питярбургъ, на Гарохывую вулицу, ў Бизабразыў домъ. Патомъ рядчикъ гаворить:—„Идѣ тутъ Ивана Иванывича тётушка живеть?„— Яму паказали.--И гаворить іонъ на тётку Ивана Иванывича:— „Вотъ табѣ падарыкъ атъ твайго пляменника Ивана Иванывича.“—Купецъ атправіўся дамой. Цареўна паслыхала, што тётка яе мужа асталысь адна, гаворить:—„Тётушка, ти адна вы ў комнати?“—Тётка абрабѣла:—„Адна!..“—Тётушка, у двинацытымъ нумири іость винтъ,—вынь яво!—Ана вынула и гаворить:—„Ну, што?“—Цареўна ей у дирычку падала ключи и гаворить:—„Атамкни 12-й нумиръ“.—Ана атамкнула. Цареўна вышла и гаворить:—„Ну, я жина твайго плимянника Ивана Иванывича!“—Стали яны паживать, адна другую уважать. Тётушка захатѣла чистить ей бушмаки, а ина тётушки — и миэъ ихъ сдѣлалась ссора. Тада ета цареўна гаворить на тётушку:—„Тётушка, пасматритя: на вулицы ходить дѣўка!“— Вижу.—„Ну, призавитя яе, пажалуста!“—Призвали яе ў горницу и гаворють:—„Дѣвушка, какова ты роду?“—А я изъ-за Нявы ряки: атца зъ матирью у мяне нѣту—горькая сирата.— „Ну, наймись ты къ намъ служить: принесть вады, дроў, пачистить намъ бушмаки, платьтя, схадить на рынкъ, принесть чаю, сахару, кохвію, цукорію.“—Ина у ихъ нанилась. Адинъ разъ ана идёть съ рынка дамой; упяредъ, видить ана, идуть 2 купца (дяди Ивана Иванывича) и разгаваріють:—„Што, братъ, слыхаў, што нашива пляменника жина находитца у сястры?“— Нѣтъ, братъ, ни слыхаў!—(А яны етыва ни знають, што ета дѣвычка слуга яе).—„Ну, братъ, харашо, када ана здѣсь: мы яе пазавёмъ абѣдать къ сабѣ и аптравимъ.“—Дѣвычка пришла и сказала абъ етымъ цареўни; а цареўна сичасъ дагадалась, што ета были дядьки Ивана Иванывича. Патомъ ана гаворить:— „Тётушка, нихай ета служанка служить табѣ да вѣку; я вазьму сабѣ женскыя и мужскоя платьтя и шапку.“—Пашла ана у горыдъ Аршаву, на Вислу ряку, идѣ Ягорыіўскія вароты іость. Была ина у ту пору адѣта, какъ харошія кухарка. У ту пору лавили рыбу 2 маладыхъ парни.—„Здрастуй, милыя дяўчонка!“—Здрастуйтя!—„Но ты работы пытаишъ или атъ работы плутаишъ?“—Нѣтъ, я ни плутаю, а я мѣста у кухарки пытаю!—Наймися къ намъ!“—Мажнó.—Ина нанилась у кухарки къ рыбаловамъ.—Пражила ина мѣсицъ, а, можа, нядѣль

десить, — стали яны кала яе абхадитца ни такъ-та: стали съ сабою класъ спать. — „Кухарка, спи съ нами?“ — Можна: тольки вы схадитя у баню, памыйтися бѣла, — вотъ тады у насъ будить дѣла! — Пака яны мылись, ина узила увесь ихъ капиталъ и пашла у Аршаў — горыдъ гулять. Пришли яны ў домъ, паглидять: ни кухарки, ни денигъ. Аны яе искали, искали и ни нашли. Ана хадила по горыду; стричаитца зъ ею палкоўникъ: — „Што, красавица, наймись ка мнѣ у кухарки?“ — Можна, ваша блугуродія! — Вотъ ина пражила у палкоўника мѣсицъ, а, можа, надѣдь десить, — захатѣў палкоўникъ любить яе. Ана гаворить: — „Ваша блугуродія, упяредъ у бани памыйтися бѣла, — вотъ у насъ будить дѣла; салдатамъ дайтя вальготу: пo дви крышки вина ды по дви каши.“ — Іонъ даў вальготу салдатамъ, а самъ паѣхаў у баню мытца. Пакуль іонъ памыўся, ана узила шкатулку денигъ палкоўника, надѣла мужскоя платьтя ды й пашла па Аршаў — горыдъ гулять. Пашла ана на Вислу ряку, нанилась тамъ ў работники къ миснику. А у ту пару у Аршави ни було царя: царь помиръ. Сабиралась съ разныхъ зямель карали и думали, каво паставить царемъ. Уздумали: — „Пагонимъ народъ у Ягорыіўскія вароты: у каво свича загарится, быть таму царемъ!“ — Праганяли: у самыхъ бальшихъ лицъ свѣчи ни загарѣлись. Стали праганять купечиства — ни загарѣлись. Стали праганять работникыў — у етый цареўны-работника свича загарѣлысь. Тройчи праганяли — 3 разы загарялыся.

Тутъ уси ў адинъ голысъ крикнули: „ура!“ — Духоўныя прапѣли: — „Многая лѣта!..“ Уси диржали присигу — съ бальшихъ лицъ и да малыхъ. Съ тризвонымъ и музыкыю увяли яе ў царскый дварецъ. Тотъ жа разъ привяли харошига живаписца; ана ў асобый комнати завила сабѣ пукли и выходить, какъ царица. — „Вотъ табѣ горсть золыта; штоба быў патретъ гатоў чиризъ три дни!“ — Живаписицъ сняў снимыкъ и чиризъ три дни написаў патретъ. Ана яму дала 3 горсти золыта.

Вялѣла ина свой патретъ на талкушнымъ рынки прибить на стоўбѣ и приставила самыхъ строгихъ жандармыў. — „Хто будить сматрѣть на мой патретъ и сміятца, брать таво падъ стражу; хто будить ругать, таво барита падъ караулъ.“ — Бѣгли два рыбаловы и засміялись, — узяли ихъ падъ караулъ; ѣхали два дяди Ивана Иваныича, увидили патретъ, стали ру-

гатца,—ихъ узяли падъ караулъ; ѣхаў полкоўникъ, стаў ругать патретъ—и яго узяли падъ караулъ.

Иванъ Иванывичъ пріѣхаў изъ Ваксоніи у Аршаву, увидаў патретъ, стаў плакать, и яво узяли падъ караулъ. Больши жандармы никаво ни видали, сняли патретъ и пувяли, каторыхъ узяли падъ караулъ, къ царицы.—„Што, рибяты, многа-ли пасадили?—6 чилавѣкъ.—На заўтрига царица ихъ стала судить. Вывили рыбаловыў; ана и гаворить:—„Ета рибяты маладэя, халастэя,—дать имъ по 100 рублей и выпустить".—Вывили яе дядикъ:—„Дать имъ по 120 кнутоў и саслать на Сибирь".—Вывили палкоўника:—„Ты какой палкоўникъ? Чиризъ женщинъ б....й ты салдатыў сбалуваў! Дать яму волчій билетъ, сламать яво шпагу на галавѣ и лишить дварянства."—Вывили яе мужа, ана гаворить.—„Ну, етыва вядитя ка мнѣ у палаты."—Вотъ ина пришла у палаты, стала яво абнимать цулувать, и стали яны двуми царствами упраўлять и тётушку пиривязли къ сабѣ.

От старика Василія Михайлова.

№ 24.

Якъ салдатъ три начи старажіў пакойницу у бани, и яго хатѣли пагубить храмэя, сляпэя, кривэя и абъ 12 галавахъ; якъ потэмъ у церкви іонъ яе старажіў и жаніўся зъ ею.

Какъ жіў адинъ купецъ милліонщикъ, и была у яго дочка валшебница. Наканецъ ина чустувала сваю кароткую жисть, призываитъ свайго батюшку и гаворить:—„Ну, батюшка мой милый, батюшка любимый, я ужъ умираю, а што вамъ я буду приказывать, то вы испалняйтя тоя, какъ я умру: караультя мяне три начи ў бани и три начи ў церкви." Наканецъ, сдѣлаўши ўсѣ заяўленія, ина пумирла. Іонъ и давай нанимать гробъ дѣлать и яму капать; патомъ приказаў кавалю сдѣлать два абручи зялѣзныхъ, улажіў яе ў гробъ и нагнаў ети абручи на гробъ и паставіў яе ў бани. Патомъ и давай нанимать старыжà караулить етытъ гробъ съ купечискыю дочкыю. Вотъ и сагласіўся адинъ салдатикъ караулить. Приходить ночъ. Іонъ узяў съ сабою свячей, ладану и книгу, пашоў ў баню, сѣў на стаўбѣ и давай книгу читать; читаў, читаў; патомъ у са-

мую полнычъ какъ лопнуть ети абручи, какъ лѣзить ина изъ гроба и гаворить:—„Хто тутъ такей при мнѣ іость?“—Увидила етыга салдатика на стаўбѣ и гаворить:—„Эй, сляпэя, кривэя, сабирайтися сюды уси!“—Вотъ яны якъ сабралися и давай етыга салдата даставать са стаўба: никакъ ня могуть яго дастать са стаўба. Патомъ пятухъ кукареку, то яны и прапали. Приходить етытъ салдатъ, и купецъ яму даў сто рублей. Патомъ, узяўши деньги, іонъ пашоў у кабакъ и для смѣласти выпіў водки, сколька яму було нужна. Патомъ купецъ стаў прасить салдата на другую ночъ, и ужъ набіў чатыри абручи зялѣзныхъ. и гаворить:—„Ну, братъ, служіў ты мнѣ да бароды, служи и да вуса. Вотъ табѣ двѣстя рублей, тольна пириначуй и другую ночъ!“—Іонъ сагласіўся, набраў съ сабою свячей, узяў книгу и пашоў у баню, сѣў на стаўбѣ и читаить книгу. Падходить дѣла къ паўночи; вотъ ина вылизаить изъ гроба, и абручи зялѣзныя ўрозь. Ина и гаворить: „Эй, хто ета такей іость?“ И кричить:—„Сляпэя, кривэя, сабирайтись ўси сюда!..“ Вотъ яны какъ идуть, какъ двинуть, и давай етыга салдата тянуть: хто ражномъ, хто кулакомъ.— Пароли, пароли, никакъ ни магли яго дастать. Патомъ пятухъ кукареку, и яны низнама—идѣ падивались. Вотъ іонъ слѣзъ са стаўба и идеть къ етаму къ купцу. Вотъ іонъ и спрашіить у яго:—„Ну, што табѣ тамъ було?“—А іонъ гаворить:—„Если хочишъ спрасить, то можишъ самъ схадить, а мнѣ пажалуй деньги.“—Вотъ іонъ яму атдаў деньги, а іонъ пашоў ў кабакъ и напіўся водки пьяна-до̂-пьяна. Патомъ и гаворить на яго етытъ купецъ:—„Ну, братъ, служіў ты мнѣ да вуса, служи и да барады: пириначуй ужъ и третію ночъ!.. Вотъ табѣ триста рублей!“—Охъ, салдату ужъ какъ награзила, то ужъ и ня хочитца идить, да нечига дѣлать, нужна паслушать. Вотъ іонъ пашоў, набраў съ сабою свячей, узяў книгу, и нагнали на гробъ восимъ абручей зялѣзныхъ. Вотъ іонъ узабраўся на стоўбъ и читаить книгу. Тольна падходить дѣла къ полначи, абручи еты на гроби ўрозь, и выходить ина изъ гроба. Патомъ и гаворить: —„Хто тутъ іость такой?“—Патомъ и кричить: „Эй, сляпэя, и храмэя, и кривэя, и абъ двинадцатми галавахъ. штобъ были уси суды!“—Вотъ какъ идеть самый ихъ глаўный съ двинадцатми галавами, и пасабралися усѣ. Патомъ и гаворють:—„Ну, какъ мы яго аттуда снимимъ?“—А самый стар-

шій съ двинаддатми галавами и гаворить:—„А вô какъ мы яго дастанимъ: идитя и сабяритя тѣ агарки, каторыя са 'боихъ старонъ палины."—Вотъ яны пабѣгли ў разныя сторанѝ и сабрали са 'боихъ старонъ агаркаў. Вотъ яны и падпалили етытъ стоўбъ. Видить етытъ салдатъ, што дѣла яго плоха: ужъ дабираитца агонь да яво.—А патомъ пятухъ кукареку, такъ яны пащезли, а стоўбъ етытъ заваліўся, и салдатъ етытъ жіў астаўся. Патомъ даў Бохъ вутра, салдатъ етытъ идеть къ купцу и гаворить:—„Ну, гаспадинъ купецъ, то мнѣ была бида ни бида, а сяводни мнѣ была бида: мяне саўсѣмъ стащили, такъ што стоўбъ сгарѣў, а я астаўся, слава Богу, жіў."—Патомъ купецъ атдаў яму триста рублей денигъ, іонъ и пашоў у кабакъ, напіўся водки и приходить къ купцу, а купецъ пашоў къ кавалю и приказаў, штоба іонъ увесь гробъ пасуваў зялѣзымъ. Каваль ўсё ета исправіў. Вотъ купецъ приказаў, штоба яе нясли ў церкву и схаранили ў яму. Вотъ принясли яе у церкву, а пупà дома нѣту, паставили яе начувать ў церкви. Патомъ купецъ и гаворить на салдата:—„Ну, братъ, начуваў ты ў бани, пириначуй ужу и ў церкви: я табѣ за ета палавину свайго имущества атдаю."—Вотъ іонъ сагласіўся, и пашоў ў церкву начувать. Толька нямнога ўремя прайшло, сичасъ абручи ети ўси ўрозь; ина и вылизаить изъ гроба. Салдатъ и ўрабѣў, а ина на яво. гаворить:—„Ня бойся, мой милый, я вижу, какъ ты мяне бирягешъ и какъ ты много стараистя!"—Патомъ какъ абнила яго, а іонъ яе за шію крѣпка, такъ што яны ни магли разжатца. А пятухъ—кукареку, такъ ина и атсталась жива; узяў яе салдатъ за руку и павѣў дамой. Пиривинчались, стали жить, да паживать, да дабро наживать. Я тамъ быў, медъ, вино піў, па вусамъ тякло, а ў ротъ ни пупала. Ета сказка ўся и расказывать нильзя.

№ 25.

Абъ Егари бизщастнымъ, якъ іонъ дочъ индійскага царя даставаў.

Въ нѣкатарымъ царстви, въ нѣкатарымъ гасударстви, а имянна ў томъ, въ каторамъ мы живемъ, быў нищасный Егаръ. Какъ на учения идеть, бьють яго, и ни йдѣ іонъ сабѣ щастя

ни найдить: худа жить. Памаліўся Богу и выбраўся ў дарогу. Пашоў туда, куда глазы глидять. Ишоў и день, и ночъ, и нѣскалька дней: стащэў Егаръ бищасный няѣмиши. Прибіўся къ ракѣ. Хадіў, хадіў, два пираходы нашоў. Узыйшоў на гару атъ раки и увидаў: станть домъ. Тотъ Егаръ бищасный ни пубыяўся страху: пашоў у тотъ домъ. Уходить у домъ: стаять сталы, панакрыты скатирстими бѣлыми; на сталахъ стыять усякія вины, и стаить букалъ. Егаръ пашоў па комнатахъ и ни нашоў никога. Егаръ и дивитца, што ета такоя, якей тутъ іость житиль, што нѣтъ никаво, да хто та еты вины будить кушать. Егаръ Богу пумаліўся, за столъ садіўся, у лѣвую руку бяреть бакалъ, а ў правую грахвинъ, бяреть, наливанть и гаворить:—„За здароўя таго, хто іость у доми, я буду водку кушать.“—Пакушаў Егаръ винца и разныхъ другихъ кушаньіў, вылизъ Егаръ изъ-за стала.—„Слава Богу, што Богъ даў мнѣ пищу, а то прихадилась памирать!...“ Ходить бищасный Егаръ па комнатахъ, у вяселымъ види, пасматрйть: висить кисетъ на стянѣ, на гвоздику. Радъ стаў Егаръ, што, вѣрна, етый кисетъ висить съ табакомъ: дай я яго сниму аттуда!.. Сняў Егаръ бищасный кисетъ, пасматрѣў: у кисети табаки нѣтъ,—толька іость у кисети кремишикъ и мысатикъ. „Дай я папробую сикануть! Эта падарожнаму чилавѣку сгадитца.“—Сикануў іонъ мысатикымъ па кремушку,—выскакывають двинадцать малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ, глидять якъ разъ. — „Што табѣ атъ насъ нужна?“ — А іонъ гаворить:— Нѣтъ, братцы, мнѣ ничаво ня нужна.—Яны узяли и скрылись. Ходить Егаръ па комнати и завидіў кончикъ свѣчки.—„Дай вазьму; ина мнѣ сгадитца хоть сапаги пачистить!“—Торнуў Егарь бищасный етый свѣчкай абъ лѣвый рукаў,—выскачила шесть малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ, глидять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ, Егаръ бищасный, нужна?—„А во што: штоба была мнѣ папить, паѣсть и пагулять.“—Гатова, гаворють яны: садитись и кушайтя!—Егаръ бищасный пакушаў. Патомъ вылизъ изъ-за стала, публагадаріў Бога и гаворить:—„Слава Богу: Богъ мнѣ щастя паслаў.“— Вынимаить мысатикъ и кремушикъ, ударіў мысатикъ абъ кремушикъ,—выскакивають двинадцать малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ, глидять якъ разъ и гаворють:— Што табѣ нужна?—„А во што мнѣ нужна: штоба даставить

мяне у индѣйскыя царства.“—Вотъ яны принясли яго уиндѣйскыя царства.—Хадіў іонъ па горыду и нашоў сабѣ квартеру скрытую. Дадина была комната, а ў тэў комнати нихто никада ни буваить. Приносить къ яму хазяинъ ноччу вужинать, и пашоў у ихъ разгаворъ:—А што, хазяинъ, скажи, ни патой, іость у вашига царя Далмата дочка?—„Да, братъ, іость дочка и висьма красива, тольки ей усяго васимнадцать лѣтъ—Настасься Прикрасная.“—Кончіўши савѣтъ, разашлись. Бяреть іонъ мысатикъ и кремушикъ, сикануў мысатикымъ,—выскачили двинадцать малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ, глидять какъ разъ и гаворють:—Што табѣ угодна?—„Штоба мнѣ была принесина Настасься Прикрасная.“—Сичасъ яе и принясли. Палижаўши съ Настасьсію Прикраснаю, Егаръ сатваріў грѣхъ. Патомъ и гаворють:—„Ну, гаспада, идѣ узяли, туда и атняситя.“—Даў Богъ день, и гаворить Настасься:—„Видила я у ва снѣ, што я выла.—Во тамъ-то и тамъ-то, случіўся нада мною грѣхъ.“—Сичасъ сабрали думшихъ синатôраў разгадывать сонъ. Думшія синатôры ни разгадали. Паслѣдаваў приказъ сабрать валшебницъ. Вотъ сабрали валшебницъ, стали яны гадать и разгадали сонъ:—„Ета ня сонъ, а праўда.“—А пачомъ праўда?—„Ета праўда па валшебнаму талисману.“—Даждаўши другей ночи, насыпали гароху у мяшокъ и прарѣзали ў мяшку дирачку. Егаръ инять то самыя дѣлаить: приказаў, штоба малайцы ипять принясли яму Настасьсю Прикрасныю,—„Да сматритя: няситя ни путемъ, ни дарогую!“—Вотъ яны прискôчили и панясли ни путѐмъ, ни дарогую: пакамисть данясли, дыкъ таго гароху нѣтути. Вотъ Настасься Прикрасныя палижала съ Егаримъ и атправилась на сваю лажницу. Приходить хрелья къ Настасьси, пасматрить: гароху нѣту. Тутъ сдѣлаўся па гораду бальшой розыскъ. Хадили, хадили, а толку ни нашли. Сабрались ипять валшебницы. Паряшили сабрать маку два гарца и привизать къ ей и прарѣзать ў мяшкѣ малиньку ю дирачку. Даждаўшись, Егаръ, третій ночи, бяреть мысатикъ и кремушикъ, сякеть,—выскакиваютъ двинадцать малайцоў.—Што нужна, Егаръ?—„Штоба была мнѣ принесина Настасься Прикрасная! Да сматритя: няситя ни путемъ, ни дарогую, а ўсё равами!“... Прискачили, падхватили и панясли, ни путемъ, ни дарогую, а ўсё равами. Нямножка Настасься палижала—съ двинадцатага часу да шастога. Патомъ

и гаворить:—Ну, атняситя яе на лажницу!—То яны сколька ни насили, а макъ астаўся ў мяшочку. На заўтрига сдѣлали бальшой обыскъ. Вотъ яны и нашли ету дарогу. Вотъ яны пришли у тотъ домъ, идѣ жіў Егаръ. Нашли яны Егара и нашли макъ на лажницы, идѣ лижала Настасься Прикрасная. Вотъ и узяли Егара падъ ѝристъ, атабрали у Егара талисманъ, закряпили яго у стоўбъ и вялѣли яму выдавать хунтъ вады и хунтъ хлѣба. Прасядѣў Егаръ двинадцать дней, приносить яму хазяйка миластыню; іонъ и гаворить ей:—„Ахъ, хазяйка, лякить у мяне кончикъ свѣчки, идѣ я спачиваў, на ка̀сякѣ, то ты придастаў мнѣ яе!“.. Хазяйка приходить рана па вутру и приносить яму миластаню и съ миластынію падаеть яму кончикъ свѣчки., Сичасъ іонъ бяреть свѣчку и треть абъ лѣвый рукаў, выскакываютъ шесть малайцоў:—Што табѣ нужна, Егаръ?—„Штоба разламить етыть стоўбъ!“—Нѣтъ, Егаръ ни магемъ, патаму што мы маласильны!..—„А ти магетя вы старый талисманъ дастать у царя Далмата?“—А ета дѣла сичасъ будить гатова!—Сичасъ яму и даставили кремушикъ и мысатикъ. Сичасъ рубить абъ кремушикъ мысатикымъ, выскакываютъ двинадцать малайцоў.—Што табѣ угодна, Егаръ?—„А што, вы ня видитя, што мнѣ нужна? Штоба етытъ стоўбъ разбить и размитать и мятлою разместь, штоба було усюдухъ роўна!“—Вотъ яны склепъ разлумали, размитали и мятлою размяли. Увабраўся Егаръ за горадъ, павиливаить сваими слуѓами, штобы съ чатырехъ старонъ были навядины арудія, а пишаходамъ и щоту нѣту и конницы тожъ. Написаў канвертъ къ царю Далмату:—„Када ты мнѣ ни атдашь дачки у супружиства, то я твае царства и спяку, и сажгу, и пѐпилъ размяту!“—Устаеть царь, уходить у кабинетъ, пасматрѝть: на сталѣ ляжить пакетъ; іонъ прачитаў етытъ пакетъ, узяў падзорную трубу и пасматрѣў на ўсѣ чатыри стораны, разсматрѣў: многа силы сиряди горада завлумилася, и гаворить:—„Нежили мнѣ царства кидать, то луччи дочъ сваю атдать!“—Сичасъ идеть стричать Егара съ музыкаю, хлѣбамъ и сольлю.

№ 26.

Якъ двѣ сястры брата загубили, а дудычка зъ липиники тоя дѣла усимъ рассказала.

Была у хазяина двѣ дачкѝ рȯдныхъ и яще пасынкъ, и пашли яны у ягады. Узяли тыи сестры и забили тога брата, при ў дарози закапали, рукавами примахали, чибатами притаптали. На ту магилку пасадили липинки. Ишли два краўцы, сияли съ тэй липинки дудачку и зайграли у тую дудучку:

„Патихѐньку, кравецъ,
Пумаленьку, кравецъ;
Была у мяне двѣ сястрицы,
Да ня родниныхъ,—
Яны мине загубили,
При ў дарози палажили.

Старшую дачку замыжъ выдавали, краўцы на свадьбу зайшли. Дядька нявѣсты и гаворить на краўцоў:
— Икая у васъ дудычка харошая—пыиграю-ка я на ей.
Зайграла дудычка сваю пѣсню.
Пупрасила дудычку нявѣста, а дудычка ёй играить:

— „Патихѐньку, змія,
Патихѐньку, лютая!
Была у мяне 2 сястрицы,
Ды ня родниныхъ:
Яны мине загубили,
При ў дарози палажили,
Рукавомъ примахали,
Чибатомъ притаптали,
Липинку сажали.

Пасматрять падъ липинкый, а тамъ кости брата тыхъ дѣвыкъ лижать. Узяли ихъ къ коньскимъ хвастами привязали; растаскали кони ихъ тѣла па чистомъ полю, дайжа и костычикъ ни знайшли.

№ 27.

Абъ чилавѣки—што ни паспить, сто залатыхъ падъ падушкый іўляитца; абъ цареўни—ина па комнати бѣгаитъ, а жанихъ ей деньги сыпъ, пакамисть ина ни притомитца; якъ яна жаниха свайго правадила, а потэмъ іонъ яе атхадіў, рохъ присадіў; потэмъ атхадіўши, выличіў и жаніўся зъ ею. Абъ ваўшебныхъ: 1) типлятахъ, 2) шапки нивидимки, машнѣ трясейки, плети, 3) яблачныхъ.

У мужика курица знисла пару яечикъ у таргоқый день. Іонъ ету пару яечикъ пднисъ прадавать. Спрашіить яўрей:

— „Нѣтъ ли чаво прадажнава?“

Жиду гаворить мужикъ:

— „Пара яечикъ іость.“

— Што ты за нихъ хочишъ?

— „Пятьдисятъ рублей.“

— Свиння мужикъ! па капѣйки яичка.

Мужикъ пайшоў, идеть кала лавыкъ.

Купецъ увидаў и спрашіить мужука:

— „Што прадаешъ?“

— Пару яечикъ.

— „Што табѣ за ихъ?

— Питьдисятъ рублей. На етыхъ типлятахъ подпись: када типлятки выйдуть, тады тыхъ типлятыкъ абжарить, зъѣсь крылушки и ножки: атъ етыва будить са сну сто залатыхъ іўлятца падъ падушкый.

— „Вотъ табѣ, братъ, питьдисятъ рублей, вотъ табѣ четвирть иржи награды, и тябе прашу: няси ихъ дамоў, падсыпъ падъ насѣдку,—и кыда ети типлятки выйдуть, то тыда прихади ка мнѣ: я тибѣ дамъ крупы.“—Етытъ мужикъ насѣдычку пасадіў, и вывила курица пару типлятыкъ. Іонъ пашоў, етытъ мужикъ, къ купцу. Купецъ даў яму крупы, даў яму и муки, и што яму была нужна—усяго даў.

Када мужикъ пришоў дамой и разсказаў жанѣ, то ина рада.

— „Слава Богу, што Бохъ паслаў намъ талань такую.“—(Мужикъ ни знаитъ, што ета угодныи яечки были).

Када типлятки пупавыйшли, имъ ужу три надѣли, мужикъ приходить къ купцу.

Купецъ мужику гаворить:

— „Вотъ тябѣ, братъ, валà на гавядину и десить ведръ вина; вотъ тибѣ муки четвирть.“—Даеть яму крупы пять пудъ— и иминна, штобы была усяво дастатачна.

— „Здѣлай балъ, пригласи и мине будта бы и пупраси купцоў, маихъ ближнихъ сусѣдіў, штоба мнѣ ня стыдна была къ табѣ пріѣхать на балъ—а мнѣ твае угащеніе никакоя ни нада, тольки дли мине пару типлятыкъ тыхъ зажарь.“

Ета была пригатувàна усё.

Зъѣхались, каторыя были запрошины; пили, гуляли.

Наканецъ, када атыйшоў столъ, тады іонъ, етый купецъ, гаворить:

— „Пажалуйтя, хазяинъ, мнѣ тыхъ жариныхъ типлятъ!“

Подали яму типлятъ. Пасматрить на типлятъ: аборваны крылушки и ножки.

Купецъ за ета асирчаў и гаворить:

— „Самыя нужныя аборвана, за каторыя стоить мнѣ пятьдисятъ рублей—крылушки и ножки.“

Атъ бальшей дасады купецъ пуѣхаў и мужика етыва разбраніў. Мужикъ етый начаў слѣдывать, хто такей ета здѣлаў: типлятъ абарваў. Сынъ яго, мальчишка, аказалась, абарваў. Іонъ на яго злэй годъ, што таперича іонъ яко живога ня пустить, якую іонъ праказію здѣлаў. Етый мальчишка спужаўся и даў ходу; забижаў у дальнію дяреўню.

Пириначуваў. Пириначувамши, забраўся падалій, астанавіўся у аднэй удавѣ.

Та яво узила къ сабѣ:

— „Живи у мине, паси у мене скотъ!“

Жалѣла ина яво и приглидала, якъ свайво рабенка. Нѣскальки лѣтъ іонъ пражіў; стали яво люди стыдить:

— „Тибѣ стыдна жить у няё и пастивить скотъ.“

Іонъ падумаў, и гавòрить:

— „Тетка, ня буду я у тибе жить—пайду я атъ тибе.“

— Пагади таргавыга дня.

Таргавый день пришоў. Ина сказала:

— „Пайдемъ са мною, у горыдъ;—я атпущу тибе.“

Пашли яны у горыдъ, купила яму адёжу, усю, якъ даўжно, зъ нохъ да галавы, и купила яму лошадь и сядло, и сто зылатыхъ дала яму на дарогу, а етыва ина яму ни сказала пра

яво талань, што іонъ, якъ паспить, такъ у яво падъ падушкый сто зылатыхъ іўляитца.

Сказаў іонъ тетки:

— „Блыгадарю, и пращай!“

И паѣхыў.

Нѣскальки уреми праѣхаў, заизжаить къ яўрею и спрашіить, іость ли авёсъ и сѣна, и яму абѣдъ. Яўрей 'твичаить:

— „Милинькій, усё іость ли тябе.“

Іонъ застануваўся, начаў ибѣдать и лошать кармить; пабѣдамши, захатѣў атдыхнуть — устаў, расплатіўся за абѣдъ и паѣхаў. Нѣскальки уреми праѣхаў, захатѣў спать. Іонъ астануваўся, зъ лошади сядло сняў, падлажіў сядло у голывы и лёхъ спать, лошать навизаў. Прашнуўся надъ вичиръ, начаў лошать сидлать, пасматрить: падъ сядломъ сто залатыхъ. Іонъ деньги узяў, сѣў и паѣхыў.

— „Слава Богу, ища деньги іость.“

Паѣхыў ипять къ яўрейки, идѣ лошать карміў, а яўрейка нашла падъ падушкый сто залатыхъ. Якъ къ яўрейки пріѣхыў, такъ яво устричаить она и гаворить:

— „Якой ты чилавѣкъ, што мнѣ здѣсь якую бяду заставіў?“

— Яку бяду?

— „А сто зылатыхъ забыў падъ падушкыю“.

— Я за ими и пріѣхаў.

Деньги пулучіў и, узнаўши абъ сваимъ щасти, начаў збирать деньги, сабраў множиства и уздумаў жанитца съ етакымъ щастимъ.

Праслыхаў: у аднаво царя іость дачка, каторая ни хатѣть за бѣдныва итить.

— „За таво пайду, хто мине заморить у горницы диньгами: кожинъ разъ, якъ па горницы пиряйду, двадцать пять рублей вымай!“

Етытъ чилавѣкъ атызваўся, пріѣхаў къ ей и гаворить:

— „Сыгласинъ.“

И начала ина хадить па комнатамъ. Якъ разъ пиряйдёть, то 25 руб.; скольки разъ пиряйдёть, усё па 25 руб. Дакъ она хадила, хадила и щотъ минула, а іонъ усё пу 25 руб. платіў за кажный разъ и щотъ патиряў. Тада ина замарилася, патребывала кресилъ.

— „Садись, мой друхъ! ты мой жанихъ!“ Патребывала вотки и начала яво гастить. Да таво гастила, пакуль іонъ здѣлаўся хмялёнъ, а тада начала распрашивать:

— „Съ якова званія?“

— Ды проста изъ мужикоў.

— „Идѣ казну такую узяў нибнакнавенную?“

— А я зъѣў у двухъ типлятъ крылушки и ножки, атъ етыва у мине здѣлалась тылань: падъ бырадою вырысла костычка малинькая за шкуруй.

Ана яво пырядкымъ распрасила, а тыда яво начила спаивать—ды таво напаила, што іонъ съ кресла упаў и здѣлаўся бязъ чувствія.

Тада царьская дочъ съ-пыдъ барады вынула костку, прикызала яго вытащить вонъ, бросить, якъ свинню, у роў.

Іонъ усё спаў. Якъ прашнуўся, видить, што лишіўся щастя, и пашоў биднячкомъ.

Нѣскальки ишоў,—дярутца три браты. Іонъ къ имъ пыдайшоў и гаворить:

— „Братцы, за што вы дяретись?“

Яны яму атказыють:

— „Помиръ нашъ атецъ, и засталися три вещи: мышна-трясейка, шапка-нивидимка и третія плеть. Мышна-трясейка, што болій трясешъ, то болій денихъ; шапка-нивидимка — надѣнь яе на галаву, и тады, што хочишъ, бяри; плеть—махнешъ бытаўёмъ—придставитца кабыла, а хлопнишъ—дыкъ дѣўка. Кабылу прыдашъ—деньги; дѣўку прыдашъ — деньги; шапку нивидимку надѣнишъ—нихто ня ўвидить.“

— Вы ни дяритись—я васъ разсужу. Атдайтя мнѣ уси еты вещи. (Яму атдали).

— Сами-жъ атыйдитя къ тому дериву и бягитя ка мнѣ. Тыда, каторый упярёдъ прибягить, тому усѣ три вещи.

Яны такъ и здѣлали.

Якъ атдалились атъ яго, іонъ узяў шапку нивидимку надѣў; яны яво ни видала, усё дураками стыяли.

Пра цареўну уздумаў, атправіўся къ ей, абазваўся жинихомъ.

Тада ина начала хадить тиризъ комнату; патуль хадила, пакаль затамилась, а іонъ усё клаў па 25 руб.

Патребывала креслы и сѣла зъ женихомъ.

Жанихъ думаить:

— „Тада ина мине абманила: ну таперича ни'бманить.“

Патребывала вотки и начала жинниха сваго паить. Жанихъ пувисялѣў; тада начала ана распрашивать:

— „Якова ты званія и йдѣ стольки денихъ набраў?“

Іонъ усе ей аткравенна пуразсказаў.

Цареўна разгарѣлась на яво вещи, штоба ихъ атабрать. Начала болій яво спаивать,—да таво спаила, што іонъ съ кресла упаў; тада ина усѣ три вещи атабрала, яво раздѣла, приказала:

— „Вытащитя яво на дворъ и бросьтя яво у роў, якъ свинню.“

Прашнуўся няскора, паглядить: чистъ, якъ липинку абадрали—нагъ и благъ, яко нѣтъ ничаго. Пайшоў у поля, хатить ѣсть. Знайшоў у поли яблань; на тэй яблыни яблычки крупныи. Іонъ узрадуваўся, што хуть жа яблыкъ пайдаить. Сарваў яблыка и зъѣў—вырысъ у яго рогъ на ўбу да самыхъ нохъ. Іонъ пуваліўся, думаить: была нищастя и горя,—таперь пагарчѣла: за рогымъ прайтить нильзя:—якъ пайдешъ, а рохъ упираить у землю. Іонъ палозъ бокымъ, увидаў нà пыли яблынку зъ мелкими яблачками. Іонъ яблычка сарваў и зъѣў—у няво рохъ атваліўся.

Іонъ тады гаворить:

— „Пастой жа, вещи мае ня прападуть, што мине цареўна абабрала хмельныва.“

Іонъ узяў съ етый яблынки вырвыў пять яблыкъ и пашоў у горыдъ; спрасіў, въ каторую церьквy ѣздить царская свита. Яму тамъ паказали. Іонъ сибѣ купіў столикъ, на вулицы паставіў и палажіў пять яблыкъ, и сядить.

Када цареўна, нарячонная нявѣста яво, ѣхала къ абѣдни и увидила на вулицы яго съ яблаками, пасылаить служанку сваю:

— „Нà вотъ табѣ денихъ, служанка!“

Приходить служанка къ етыму прадаўцу, каторый ли сто-лика прадаеть яблыки, и спрашіить:

— „Прадаешъ яблыки?“

— Прыдаю.

— „Што жъ ты вòзьмишъ за яблыки?

Мнѣ тибѣ ни прадать. Ета ни ли тибе — каму нада, тэй самъ купить."

Пришла служанка и докла̀даить:

— Гаспажа, вотъ такъ и такъ.

Царская дачка пу ўсяму горыду запрястила таргоўлю, штоба, пака ибѣдня ни тыйдеть, то ва ўсимъ горади штоба прадажи не была ни на адну капѣйку!

Када абѣдня атыйшла, царская дачка падъизжаить къ етныу прадаўцу, каторый яблаками таргуить:

— „Прадай яблыка!"

— Купитя!

— „Дорыга ли ано?"

— Двацать пять рублей.

Царская дачка яблычка купила. Взила яво у платокъ, заваратила, пувизла яво домой. Пріѣхамши, пашла у сваю спальню и удіўлялася, смотрючи на ета яблыка, аткуль ета такоя яблыка зарадилася—очень крупна и харошій наліў, и нача̀ла иво кушать.

Скушила ета яблыка—вырысъ у няе рохъ да самыхъ нохъ, и сидить ина, якъ чучила. Посли таво, пришоў царь и смотрить на сваю дачку и спрашіить, што съ табой здѣлалась. Ина твичаить:

— Зъѣла яблыка—дакъ вотъ аттаво у мине и вырысъ рохъ.

Царь начаў атыскивать врачоў, дядоў, бабыкъ, штоба магли етытъ рохъ у дачки яго снять, и нихто ни мохъ етыва рога снять. Палавину гусударства атдаваў, тольки рохъ сыми.

Жанихъ, каторыва ина абманила, атазваўся:

— Я магу иснять съ цареўни рохъ, тольки штоба ў доми ни було ни аднэй души: тольки ина, царская дочка, да я, а чисавыя, штоба были на двиряхъ, штобъ никаво ни прупустили ни ў домъ, ни съ дому. Сроку я даю 2 часа; —якъ два часа пакончитца, тады прашу итить у домъ."

Етытъ жа жанихъ наряченный приходить къ цареўны.

— Харашо ль тябѣ етакую уродыю быть? Успомни прежніи дѣла, якъ мине абидила: вынула у мине съ-падъ барады щастя, ящо атабрала машну-трясейку, шапку-нивидимку и плеть. Дакъ вотъ я тибе прашу пакарочи, штоба была меній клапатоў: атдай мае усѣ еты вещи—тады у тибе рага ня будить.—Ина сагласна атдать:

— „На вотъ тибѣ ключики, приди у спальню маю, и тамъ ву шкатулки лижать усѣ твае вещи.“

Іонъ пашоў съ ключами, шкатулку знайшоў, аттваріў, и уси вещи свае знашоў и забраў. Тады приходить къ ей и гаворить:

— „Благадарю, што атдала. Пака жъ таперича зъѣшъ меликькая яблычка.“

Зъѣла цареўна мелкыя яблака, у няе рохъ атваіўлся, и гаворить ей:

— „Ну, што, нявѣста нарячонная, икаво тибѣ зъ рогыиъ была жить? Вотъ такъ и я атъ васъ пастрадаў,—дакъ ящо тябѣ ня ўсѣ страданія.

Узяў нарячонный жанихъ за касы и пачаў яе плетьтю драть, скольки хатѣў. Ина справила крикъ. Часовэя гаварять, што кричить цареўна.

Тутъ далажили, пасматрѣли на часы, што двухъ часоў нѣту: „Іонъ, вѣрна, атрѣзаить рохъ...“

Іонъ жа яё дяреть плетьтю. Якъ атадраў, тады ударіў яе батаўёмъ, и здѣлалась цареўна кабылицый.

Тэй атходчикъ надѣў шапку-нивидимку и пубижаў изъ даму; кала часавыхъ прабижаў, яны ни видали.

Два часы прайшло—уходитъ туды у домъ самъ ампиратыръ. Пасматрить: яво дачки нѣтути,—тольки што ляжить на палу рохъ аграмадный, а па залу ходить кабылица пѣгая.

Царь вожаснуўся, што ета значить такавдя. Приказаў ету кабылу свесть на канюшню. И многа уреми етыва пратякло, царь абвястіў па ўсяму гасударству, што прапала дачка.

Кабылицу пѣгую падкували, а по царскый дочкѣ памить—саборъ начали строить. Тада царь заявіў ня то, што па сваимъ гасударству, такъ па ўсѣхъ зимляхъ:

— „Хто ба мохъ маю дачку атыскать, то я атдаю ўсё саваё гасударства на вѣшнюю диржаву, а за таго бъ дачку атдаў!“

Сыскаўся тэй самый, што плетьтю яе атадраў, гаворить:

— „Царь, я вашу дачку атыщу.“

— Што вдзьмишъ за ета?

Пѣгую кабылицу—болій зъ васъ ничога ни вазьму.“

Царь абидіўся:

— „Што зъ мяне мала бярешъ?“

Якъ кабылицу атдали яму, павёў яе у кузницу, раскуваў и паставіў на навозъ, пакуль капыты зарасли.

Тады приходить къ кабылицы, хлопнуў плетьтю — и стала ина дявицыю. Царь стаў радъ, и яво признаў за зятя, и усю диржаву яму атказаў, и дачку за яво сваю атдаў.

Я тамъ быў, медъ-вино піў; даў мнѣ синь кахтанъ — куда паду, гаворять:

— „Синь—харошъ, синь—харошъ, а мнѣ кажись: скинь. да паложъ!"

№ 28.

Суита мышки съ вирябьемъ, абъ быгатырѣ-арлѣ, абъ купеческымъ сыни Василіи Иванывичи и сыни яго Ивани Васильвичи, абъ присыпанки, нявѣсти Ивана Васильивича.

Какъ сыгласіўся вырабей и зъ мышкыю на зиму сабѣ хлѣбъ гутувать и здѣлали пичару сабѣ у поли, у зямли. Пакель вырабей принясеть сабѣ у пичару разъ хлѣба, а мышка два. Стали етый хлѣбъ зимою ѣсть: пака мышка абшалушить разъ зернушка, ядрушка галде бяреть, а мякипку брысаить, а вырабей саўсимъ и зъ мякиныю клюеть. И стала мышки абидна супрыти вырьбъя. Сычасъ и гыварить:—„Ты, вырабей, пыка я зернушка, а ты два, три яси."—Вырабей и гыварить на мышку:— „Ты, мышка, на панскый линіи живешь, а я—на мужицкый: я ѣмъ зъ мякинкыю, а ты ядрушка абшалушіишь;—ты большій зы мяне хлѣба портишь: я ѣмъ зъ мякинкыю, такъ табѣ падаетца, што маё большій."—Нѣтъ, вырабей, гыварить мышка: я съ табою такъ ни сыгласна умѣсти жить и такъ хлѣбъ ѣсть. Якъ мы етый хлѣбъ насили, давай мы таперича падѣлимъ етый хлѣбъ урозь: пусть ни табѣ, ни мнѣ ня будить гнѣўна.—Ну, и стали хлѣбъ етый дялить. Падялили роўна, астаетца адно зернушка; мышка спорить, што „мнѣ ета зярно слѣдуить," ну, а вырабей сабѣ бяреть. Спорили яны доўга за ета зернушка, но между етыга сами съ сабой ни разабрались харашо, и ни падялили ета зярно. Гыварить вырабей:—„Пайдемъ, мышка, съ табою на судъ: стрѣнимъ звѣря или птицу, раскажимъ имъ пра ету нашу дяльбу."—Стрѣли яны ильва и арла. (А зернушка ета, каторыя ни падялили, съ сабой нясуть). Гывырять

яны ильву и арлу:—„Сильный леў и сизый арелъ! Разсудитя насъ па закону Божжиму: какъ мы сыгласились зъ мышкыю сабѣ на зиму хлѣбъ гутувать, но толька стали мы умѣсти ѣсть: я ѣмъ съ шалушкыю, а мышка голыя ядро; я пумужицкыму ѣмъ,—значить зъ мякиныю, а ина голыя ядрушка,—значить, пы гасподскыму—и мякинки ня хочить: ина и болій зьидаить, значить, зы мяне. Ну, йна захатѣла дялитца ўпяредъ, а я ни хатѣў.“—Яны, сизый арелъ и сы львомъ, и думыють, якъ ихъ разсудить. Арелъ и гаворить на вырабья:—„Нутка, вырабей, клюй зернушка паскарѣй!“.... Мышки ета стала гнѣўна и абидна проти варабья, што яго права пувизла. Вотъ сичасъ леў и гаворить на арла:—„Ну, арелъ, и я бы, можа, разсудіў, якъ ты. Ну, якъ я іось звѣрь сильный, а ты птица,—ну, ўсе такъ ты ни даужна судить упяредъ за мяне; ета ты проти мяне разсудіў;—то давай съ табою ваюватца: я ў гнѣў ета приняў.“—И давай яны на чистымъ поли битца-рубитца, сизый арелъ сы львомъ, и збіў-скалатіў сизыга арла леў, ни идныго пира на іомъ ни аставіў—„Ну, вотъ табѣ, сизый арелъ, за тваю вину: якъ ты ўпяредъ мяне судіў.“—Сизый арелъ заплакаў и суміўся сичасъ сибѣ:—„Придетца мнѣ на етымъ поли таперича прападать, галодный смертію прападать!“.. Ну, и глянуў іонъ на ўси чатыри старыны, сизый арелъ, и увидіў іонъ стаги пшонныя купечискія; пыкатіўся да тыхъ стаговъ котымъ и узлѣзъ на стогъ, каё-якъ, на верьхъ. Патомъ купечискій сынъ, каторыга были еты стаги, пашоў па ахоти ахотитца и ниидѣ ничаво ни забіў, и пашоў къ сваей пшанѣ насматрѣть стагоў, штоба яны ня ѣлися и ни тигалися, и замѣтіў етыга сизыга арла на стагу, съ сяннную капу, и гаворить:—„Вотъ якая-то птица сядить: вотъ здѣсь я паахочуся!“.. Прилажіўся яго бить зъ ружья. Арелъ сизый и гаворить:—„Эхъ, купечискій сынъ, ня бей ты мине: мяне и такъ убили бизъ тябе; а кагда жилаишъ ты, купечискій сынъ, Василій Иванывичъ, вазьми мине на три гады пакарьмить, када ў тябе капиталу хватить: када, дасть Богъ, перья маё абрастеть, то я табѣ тваю пабиду за три гады узварачу у трая.“—Купечискій сынъ спрашіить у сизыга арла:—А скольки табѣ нада харчей у три гады?—Арелъ гаворить:—„Я вамъ раскажу, купечискій сынъ, а вы ращитайтя, такъ какъ вы имѣитя щоты у гѣлыви. Я знаю, што вы—купечискій сынъ,

вочинь багатый,—априча васъ мяне нихто нимагеть пракарьмить; но хатя и ни хватить у васъ капитала, на кольки ўремя вы можитя занять: я вамъ у-двоя, у-троя вашу пабиду зварачу. Кажныи сутки мнѣ нужна харчей атъ васъ пулучать пу 12 паръ валоў; но у етымъ вы ни сумнивайтись: я вамъ усе ета узвырачу, када мнѣ Богъ дасть у васъ абрость и пулучить силу сябѣ."—Іонъ и стаў щитать, на щоты бить, ти хватить у яго капиталу пракармить арла три гады: на два съ пылавиныю хватить, на паўгода ни хватить,—толька астаетца адна рубаха на мнѣ.—„Ня бойся, купечискій сынъ, идѣ нибудь займешъ, а мине вазьми къ сябѣ и прыкарьми три гады, а я тваю пабиду у-троя узварачу."—Ну, іонъ узяў яго къ сабѣ кармить; пракарьміў усе свае имущиства. Жана на яго и гаворить:—„Дуракъ дурака и нашоу: идѣ табѣ птица варотить имущиства, увесь твой капиталъ, каторый у тябе быў?!.. Мерзкій ты, такой-еткій, вазьми яго выниси на площадь, на дварѣ и убей етыга арла-птицу?!"..Узила яво дысада—и, дяйствительна, быдта жана гаворить прауду. Саскребъ арла за сиза крыльля и панесъ яго на дворъ бить; пасадіў яго на сяредъ двыра и прицѣліўся яго бить зъ ружжа. Арелъ сизый гаворить яму:—„Охъ, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ, пользу ты етымъ ни палучишъ, што мине убьешъ, а пабида твыя ўсё прапала... Ня слухай ты жаны: якъ ня битца, а мяне карьми. Болій ты мяне карьміў $2^1/_2$ года, а паўгода якъ нибудь карьми: занимай у-двай, у-трай, а карьми, а ня слухай жаны: а то ўсе твае прападеть, што ты мяне карьміў."—Ипять узяў за яво сизыя крыльля и панёсъ у горницу; ипять стаў карьмить. Пазычаў у-двая, у-трая, усе карьміў яго; ну, й такъ яму нихто ня вѣрить, ни хватаить и сабѣ куска хлѣба зьѣсть. Жина ипять разгнѣвалась й стала яго ругать:—„Мерзкая ты еткая сволачъ, йдѣ ты видіў, што бъ табѣ птица уси пабѣды узращала у-двай, у-трай, у-пятира?!.. На табѣ нѣту валасоў стольки на голыви, скольки у тябе далгоў, и сваё багатыя бящотныя имущиства ты правёў... Я табѣ гыварю: вазьми ты луччи яго забей..." Апять іонъ, атъ дысады тижало уздыхнуўши, и панесъ на дворъ арла бить. Гаворить арелъ на купечискыга сына:—„Сынъ купечискій, Василій Иванывичъ, ну, меній тапер асталысь кармить мяне—адинъ тольки мѣсицъ: ни слухай ты жаны,—ну, карьми мяне адинъ мѣсицъ:

а то пользы ни палучишъ, што мяне забьешъ, а то тваё имущиства усе прападеть, и закабалинъ астанисься ты сильна ў дауги...“ Іонъ яго апять узяў за сизокрылля, ипять панесъ у горницу, ипять корьмить, и ни дакорьмить тольки трехъ дней да трехъ гадоў, а изъ силъ выбіуся: нихто яму ян вѣритъ. Ипять жана крѣпка усердилысь:—„Мерзкая сволычъ, што ты самъ сабѣ думаишъ?!.. Кали ета було, штоба іонъ тваё узваратіў?!.. Убей яво!...“ Іонъ апять крѣпка уздыхнуў и пашоў арла бить.—„Ну, сизъ арелъ, вѣрна усе мае прапала: идѣ табѣ усё узваратить?—Охъ, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ, карміў ты мяне три гады, а тяперь асталысь кармить три дни. Якъ ня бейся, якъ ня бейся, ну дыстань на еты три дни 70 валоў... Жаль самаво сябе и жаль тибе, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ! Нясмѣтныя ты сваё имущиства усё пракарьміў мною и у доугъ вочинь залѣзъ многа,—а якъ ты мяне убьешь, самъ прападешь и я прападу: ну, якъ ни битца, а дастань ты мнѣ на етыхъ три дни харчей 70 галоў!.. Василій Иванывичъ ипять узяў яго за сизокрылья и панесъ у горьницу. Ну, якъ ня біўся, даставіў яму на троя сутыкъ 70 галоў. Тады и гаворить етый арелъ на купечаскыга сына Василія Иванывича:—„Благадарю я тябе, купечискій сынъ, Василій Иванывичъ, за хлѣбъ, за соль, за то, што ты мяне пракарміў три года: толька ты мяне три разы вочинь испужаў, такъ што у мяне уси жилы замерли и астанавилысь уся кроў. Ну, я на тябе за етый страхъ ня гнѣваюсь: жана тябе у бальшую дасаду увадила. Ни убойся мяне, Василій Иванывичъ! я табѣ такей страсти ни узвырачу!..“ (Іонъ быў, етый арелъ, сильный и магучій багатырь; такъ сказать, што іонъ быў самъ вихыръ—сизымъ арломъ).—„И таперь, какъ я стаў на стану, якъ и ўпредь быў, и того сильнѣй: садись на мяне лягенька, дяржись кряпенька: пайдемъ у нясмѣтныя бигатства тваю пабиду сыйскивать.“ У тридивятымъ царстви, за тридивять зямель, живеть мыя большія систра;—палятимъ къ ей тваю пабиду узыйскивать. Но толька слушай мяне, Василій Иванывичъ, што буду тябе учить,—такъ ты и дѣлай. Якъ прилятимъ мы къ большій сястрѣ и сядимъ на кастеръ агромный, проти сястриныга балкона, такъ вазьми палку у руки и бей мяне па галавѣ. Но йна, скольки лѣтъ мяне ни видала, ну, йна ужалитца, какъ ты мяне будишъ бить. Ина выйдить къ табѣ и ска-

жить:—„Купечискій сынъ, Василій Иванывичъ, за што майго братца бьешъ и такъ забиваишъ: ти іонъ табѣ доўждонъ, али винуватъ? Када даўждонъ, али винуватъ, я ўси пабиды яго уплачу: бяри злата или сребра, скольки табѣ ўгодна!"—Ну, ты, Василій Иванывичъ, ни бяри ни злата, ни сребра, а скажи:—„Ни хачу я ни злата, ни сребра, а атдай мнѣ тую машонычку, што висить на стянѣ и машкомъ зарасла!"—И прилятѣли яны къ большій сястрѣ арла. Василій Иванывичъ усе то сдѣлаў, што арелъ учіў, и требуваў машонычки, што мохымъ зарасла.—„Ну, нѣтъ, купечискій сынъ, Василій Иванывычъ, хуть ты яго забей, а машонки ни 'тдамъ!"—Василій Иванывичъ сѣў на арла лягенька, дяржитца кряпенька, и палятѣли яны къ сяредній сястрѣ. Ипять, на кастеръ дроў сѣўши, пачаў купечискій сынъ, Василій Иванывичъ, арла дуить палкыю па галавѣ. Ипять выскакыить сяреднія систра и гаворить:—„Охъ, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ, за што майго братца бьешъ, што іонъ табѣ даўжонъ, ай винуватъ?.. Ну, уси пабиды я табѣ узварачу удвая̀, утра̀й, тольки ня бей, бяри злата и сребра, скольки табѣ угодна."—Брала ина залаты ключи, аттвыряла уси сундуки: „бяри быгаства, скольки угодна." Василій Иванывичъ гаворить:—„Нѣтъ, ня нужна мнѣ ни злата, ни сребра, а дайтя мнѣ тую машонычку, што на стянѣ висить и мохымъ парасла."—Нѣтъ, гаворить: якъ ты хочишъ, хуть яго забей, а машонычки ни 'тдамъ." Сизъ арелъ разгнѣваўся на етыхъ двюхъ сястеръ и гаворить Василію Иванывичу:—„Ну, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ, палятимъ къ третьтій маей сястрѣ, самый меньшій!"—Далитають да малый сястры, да лому яе. Якъ стаить яе домъ—ни ў сказкахъ сказать, ни ў ва снѣ видить, ни пяромъ написать: залатой домъ и сяребриный, залатая крыша и сяребриная. Прилитаить къ етыму дому, садитца на кастеръ агромный, бяреть палку и бьеть арла па голыви. Завидила миньшая систра зъ висакога свайго терима, выскакываить къ Василію Иванывичу и просить яго:—„Охъ, Василій Иванывичъ, купечискій сынъ! Ня бей майго братца сизага арла: кольки лѣтъ я яго ни видала ў глазы;—если іонъ табѣ доўжинъ, или винуватъ, то я табѣ уплачу у-пятира, у-дисятира уси пабиды твае: бяри хочишъ злата, хочишъ сребра, скольки табѣ угодна..." Ну, іонъ гаворить:—„Ня нужна мнѣ ни злата, ни

сребра,—толька дайтя тую машонычку, што висить на стянѣ, мохымъ пырысла.“ —Ина гаворить:—„Ничаво ни жалѣю,—толька брось яго бить... И прашу пакорна у маи залатыи палаты папить—пагулять и ў мяне пагастювать“.—Іонъ, сизый арелъ, такъ абрадываўся, што скинуўся добрымъ молыдцымъ, пазваў Василія Иванывича у систрины залатэя палаты: „уся твая пабида узваротитца, што ты мяне паіў да карьміў!.. Вотъ, што ты мяне хатѣў, забить, хатѣў жаны паслушать?! у бабы волысъ длининъ, да вумъ каротыкъ... Ну, пайдемъ, папьемъ, пагуляимъ динька три!..“ Ну, яны пили, гуляли, доўга ўремя праваждали, по Василій Иванывичъ думаў: три дни гуляў, ажну три гады гастюваў,—три года за три дни прайшло. И гаворить Василій Иванывичъ: — „Ну, благадарю тябе, сизъарелъ, за хлѣбъ-соль и за угащенія,—и съ сястрицыю съ тваею!.. Ну давольна я ў тябе пагуляў — три дня,—ни пыра ли мнѣ дамой къ сваимъ дитёмъ?—Живы ли аны тамъ;—якъ мы ихъ заставили голыхъ и бязъ крошки хлѣба?“—Ну, Василій Иванывичь, вы думаитя, што вы прагастили три дни?—Нѣтъ, сяводни канчаитца роўна три гады... Натка жъ табѣ ету машонычку, што на стянѣ висить и мохымъ парасла, а бяри ты сабѣ на дарогу злата и сребра, штоба да дому дайдить; дарогыю машонычку ни развязывый, а развяжи, якъ дамой придешъ!.. Набраў іонъ сабѣ злата и сребра, сколька угодна, и пашоў іонъ; дабираўся да свайго дому три гады; толька ни дайшоў да дому — такъ верстъ 50 ни болій, и думаить самъ сабѣ:—„Даў іонъ мнѣ машонычку, а тамъ Богъ яе знаить, што у ёй іось завязана, и ни вялѣў іонъ развязывать да дому...“ И любапытна яму пасматрѣть, што у ёй іость: а то навалитца жана яго ругать и нязвѣсна чаво искать будить. Якъ развизаў ету машонычку на дарози, тады якъ пашоў выхадить изъ етый машонычки горыдъ пріагромный, сталишный,—якъ пышла таргоўля па етыму горыду, конница бальшая. Якъ ипять убрать горыдъ у машонычку, ни знаить, якь искать завязычку, ни знаить. Іонъ сѣў, самъ сабѣ гарюить и сильна плачить; сіичасъ находить на яво чилавѣкъ, толька ни нашъ, а чужэй, и спрашіить у яго:—„Абъ чомъ таскуишъ, абъ чомъ гарюишъ, Василій Иванывичъ?“—Какъ мнѣ ни плакать, ни гарювать?—Ни магу горыдъ ипять у машонычку убрать и завязычки тэй нейди на лугу искать!—Чилавѣкъ етый гаворить:—„Пажалуй,

Василій Иванывичъ, я твайму горю пумагу,— толька што мнѣ за ета будить?“—Я жъ низнаю, што табѣ за ета? Што угодна, то и заплачу табѣ.—Іонъ гаворить:—„Атсули мнѣ тоя, што у дварѣ ни знаишъ;—я табѣ убяру яго.“—Но іонъ стаў думать:—„Што у мяне тамъ іось, чаво ни жаль,—што мнѣ яму атсулить?—Ну, я ўсе знаю, што у мине дома атсталысь: у мяне ничаво ни атсталысь;—а чаво ни знаю, то пущай сабѣ яму.“ —Ну, када такъ, Василій Иванывичъ, то разрѣжь мязенный перстъ на правый рукѣ и падпишись мнѣ, штоба ни атрикаўся!..—„Ну, пущай сабѣ такъ!“ — Василій Иванывичъ разрѣзаў сабѣ мязенный палицъ на правый рукѣ и расписаўся съ имъ. Іонъ сичасъ горыдъ етый убраў и завязкый завизаў; ну, Василій Иванывичъ и пашоў дамой. Пришоўши дамой, сустрикаить яво етый рабеныкъ, што бизъ яго радіўся, Василій имя яму, и гаворить: — „Маминька, нашъ папинька идеть съ дароги и гастиньчикъ намъ нясеть.“—Нѣтъ, галубчикъ: іонъ, якъ быў прахвостъ, такъ и іостъ прахвостъ!—Никада іонъ ня сыйщить съ таго сизыга арла, и, што была—и то ўсе прапутаў.—Василій Иванывичъ атвичаить:—„Охъ, жана мыя милая, ничавó наша ни упала, а ў-пятира, ў-дисятира ўсе паўплатіў сизый арелъ!“ — Сичасъ узяў машонычку развизаў: изъ машонычки пашли гарада сталишныя, пашли тавары, пашла таргоўля, народъ пашоў разный и кажныхъ лицъ, кажныхъ вѣръ; даўги уси пуўплатіў, живеть нясмѣтна багата.—„Во, ты гаварила убить сизыга арла!. А мы ўси даўги паўплатили, живемъ нясмѣтна багата... Харашо-ли табѣ, али нѣтъ?“—Какъ жа ни харашо?.. Харошиму усякій радъ.—Но тольки тошна яму видить етага сына, што бизъ яго радіўся, што акаянныму атписаў;—іонъ абъ етымъ таскуить: жаль рабенка, што іонъ дужа разуминъ. Ня ѣсть іонъ и ня пьеть, а такъ толька душу пасеть, и етытъ сынишка яго видить, што іонъ чѣмъ-та виздароў, скушанъ и ни вяселъ; гаворить:—„Маминька, спраситя у майго папиньки, а ў свайго мужа, атчаво іонъ скушинъ и ни вяселъ: или ў насъ ни хватаить злата-сребра, или чистаго хлѣба?—Сынъ мой вазлюблинный, можна и вамъ спрасить у атца?—„Ну, якъ іонъ мнѣ атецъ, а вамъ мужъ, то вы луччи спраситя: или іонъ якими балѣзними низдароў, или ящо што такоя? Ти ў насъ ни хватаить дахтарёў и ликарёў, ай намъ нечимъ имъ заплатить?—Абъ чамъ іонъ такъ хлапочить?“—Ина и стала у

яво спрашивать, легши зъ имъ вечирымъ на кравать тисовыю, на пярину пуховыю, а сынъ у патемычку пракраўся падъ ихъ тисову кравать, штоба слышать, якъ мать будить у яго спрашивать, и што іонъ будить ей атвичать.— „Охъ, ты, мой мужъ милый, разскажи, абъ чомъ ты таскуишъ-пичалистя, или больна хвараишъ!..“ А іонъ и гаворить:—„Табѣ тога ни знать, што я таскую или хвараю.“—Якой ты мнѣ мужъ, якой ты милый іось, када ты мнѣ ни гаворишъ абъ сваёмъ низдароўи или абъ клапатахъ? Усё жъ ба я разгадала или рады якой ба дала... а то што ты адинъ клапатишъ?.. Іонъ ей гаворить:—„Если табѣ сказать, абъ чомъ я клапачу, то ты магишъ зъ ногъ упасть, якъ ты баба іось: ты слабѣй мине...“—Но скажи: можа, Богъ дасть, я ни упаду съ ногъ и табѣ пасавѣтыю.— Што Богъ даў, таго ни минёшъ!..—„Ну, скажу,—ўсе раўно: плюнуўши, слюни ни падымишъ. Атсуліў я етыга свайго сына, ни знаўши, што ты бизъ мине радила, нѣкаму каянному духу злому!“—Ну, што жъ дѣлать? Ни клапати: што Богъ дасть, то и будить. Можа Гасподь ни дапустить яго да акаянныга духа.—Іонъ ета усё падслухаў падъ тисовыю краваттю, што яны гаварили.—„Ну, матушка съ батюшкыю, пращайтя! Мнѣ у васъ жить нечига: куды атсулинъ, туды и нужна идить.“— Іонъ пашоў, куды яво глаза сматрять, и просить Госпада Бога: „Госпади, ни давяди мяне да каянный силы, давяди мяне, Госпади, на истинный путь!..“ И зайшоў іонъ у дрямучій лѣсъ, заблудіў; приблудіўся къ изобки: стаить избушка на куриныхъ ножкахъ, на баранниxъ рожкахъ. Ну, кругомъ іонъ яе хадіў, нійдѣ дввярей ни нашоў, и гаворить:—„Стыяла ты, изобка, ка мнѣ задкомъ, а таперь пиривярнись и пирядкомъ!..“ Такъ яго Гасподь надавуміў сказать. Аттваряютца яму сичасъ двери, и ў тэй избушки сядить старушка.—„Здрастуй, старушка! Ня пустишъ ли мине патдыхнуть нямножка: я замаріўся и съ дарожки сбіўся.“—Ина яго узнала и гаворить:—„Охъ, Иванъ Василливичъ, я знаю, ты идешъ ки никаянныму духу,— тибе атецъ падписаў; но ибъ етымъ ни гарюй и ни таскуй: што Гасподь дасть, то и будить. Ужинай паскарѣй: я тибе спрячу, твая прапащая галава!..“ Аткрыла сундукъ и гаворить: „Ляжъ тутъ у сундукѣ, штоба ня слышна було твайго ни голыса, ни волыса!“—Ну, іонъ легъ у сундукъ и лижаў смирна. Позна вечира сабираютца туда дѣвушки и разный народъ; дѣ-

лають тамъ пѣсни, пляски и игры, патомъ и гаворють:—„Матушка, што ета у нашій хати русь-кось пахнить?“—А ина гаворить:—„Вы па Руси налитались, руськага духу набрались.“ (Ета було сборища присыпанникыў и скиданникыў). Ну, плясали, ну, скакали, патомъ таго и пашли усѣ. Ана сундукъ атпирала и за бялы руки хватала:—„Ну, Иванъ Васильливичъ, ступай изъ сундука вонъ! Якъ я тябе буду учить, такъ ты и дѣлай: ты ужу ўремя прасрочіў, куды тябѣ нада було явитца. Ступай къ яму! куды я тябѣ пакажу стежку, туда и иди къ никыянныму духу; што будить гаварить, то ты тада приди и и мнѣ скажи.“—Пыказала яму трапинку; іонъ, Богу пумалясь, и пашоў. Приходить къ яво дому: дли яго дому усё тычки, а на тычкахъ голывы; адинъ тычокъ толька быў ни занитъ. Іонъ самъ сабѣ гаворить:—„Ну, вотъ ета, вѣрна, будить мыя галава на етымъ тычку!..“ Пришоўши къ яму, іонъ и гаворить:—„Здрастуй, дѣдушка!..“ Іонъ атвѣчаить:—„Здрастуй!.. Ну, ты саваё ўремя, мерзкій, прасрочіў... Но вотъ табѣ за правинку: іость у такимъ-то мѣсти роща сасновая; штоба ты яе за нычь выпрятаў усю и карення выкапаў, штоба сахою узадраў, сдѣлаў ляда, якъ сѣить нужна, и штоба на томъ ляди пшаны пасѣіў, и штоба за нычъ пшана ета паспѣла, и штоба за нычъ ты пшану ету пажаў и пумалатіў, и штоба ты змалоў яе, и, пака жъ я устану, штоба пирогъ мнѣ быў и спечинъ, и принесинъ: тада я тябѣ ету вину пращу, што ты апазніўся прійти ка мнѣ!—Ну, іонъ тижало уздыхнуў и къ етый старушки пашоў. Приходить къ ей и сильна заскучаўся и загарюніўся, слязми абливаўся. Ина у яго спрашіить:—„Абъ чомъ, Иванъ Василливичъ, сильна загарюніўся и слезна рыдаишъ?“—Якъ мнѣ ни скучать, якъ мнѣ слезна ни рыдать?—Кыда я етыга ня сдѣлаю, то мнѣ голаву на тычокъ уздернуть.—„Ну, ни плачъ-ка, ни радай: утра буваить мудрянѣй вечира. Ну, малися Богу, лажись спать!“—Пашоў іонъ сичасъ, пумаліўся Богу и легъ спать. Ина сичасъ вышла на крылечка, пирякинула зъ руки на руку калечка и крикнула бурлацкимъ голысымъ, свиснула маладецкимъ посвистымъ:—„Охъ, вы, слуги мае, слуги, слуги вѣрныя мае, сабирайтися ка мнѣ и съ сахами, съ баранами и съ зялѣзными!..“ Якъ сабрались къ ёй народу и большая стижма, (усё яе присыпанники), и спрашивають у яе: „Абъ чомъ, матушка, требуишъ и што прикажишъ дѣлать?“—

Вотъ пашлю я васъ у такую-то рощу, у сасновую: штоба ина за нычъ была расчищина и разодрана, и пшина на ей пасѣина, штоба ета пшина за нычъ пасиѣла, и штоба была ана сжата, и змалочина, и смолана, и штоба да свѣту быў пирогъ спечинъ и ка мнѣ принесинъ.—Тутъ сичасъ якъ ударіў етый народъ разымъ на ету рощу. Да ящо ина приказала, штобы и прудники были съ прудами на ету рощу и жнеи съ сирпами. Тада сичасъ хто рубить начаў, хто зялѣзками карення выкапавать, а хто услѣдъ ляда драть; а тутъ услѣдъ съ сіўнями сѣить, — и за нычъ пышаница ета уся узайшла, и за нычъ вырысла, иназрѣла, и сжали яе, и пумылатили, и пумалоли, и до свиту пирогъ спякли и къ матушки принясли. Сичасъ ина будить Ивана Васильливича:—„Охъ, Иванъ Васильливичъ, устань, прашнись: усе тваё дѣла исполнита. Няси твайму дѣдушки пиражокъ! Тваё ляда усё пупрятана, пышаница пажата, пумалочина, памолана, и пирогъ ужу гатоў.“ — Іонъ устаў, Богу пумаліўся:—„Слава Табѣ, Божа! Можа, Гасподь и ни дапустить да никаянный силы, штоба мяне сгубила!“ — Узяў етый пиражокъ и пашоў; принесъ къ яму, а іонъ ища спаў; іонъ и гаворить на яго слугъ:— „Дакладитя майму дѣдушки, слуги, што я яму пиражокъ принёсъ!..“ Іонъ устаў, приходить къ яму и гаворить: — „Ня можить быть ета, штоба ты ета усё парработаў и принёсъ пиражокъ мнѣ изъ свѣжій пшаницы! — Ну, пашлю сваихъ вѣрныхъ слугъ пасматрѣть: если ета сдѣлана, якъ доўжна, то я тябе на сваей унучки ажаню (а яго унучки никрящонники, присыпаники и скидуши); а ежили нипраўда, то голыву съ плечъ сыму. Када придется тваё дѣла, то каторую ты толька жилаишъ, ту между трехъ станкоў за сябе бяри!..“ Ну, паслаў сваихъ вѣрныхъ слугъ узнать, ти праўда ета, што іонъ усе падѣлаў: и пумалатіў, и пажаў, и муки намалоў, и пирогъ спекъ. Ну, слуги пасматрѣли и яму гаварили:—„Дяйствитильна, усё ляда распрятана, и ўсё падѣлана.“— Ну, такъ іонъ гаворить: — Ну, ступай, адумайся на три дня: ище кыда услужишъ, ажаню; а ня ўслужишъ, такъ голыву съ тябе сыму!..“ Іонъ сичасъ приходить къ етый сваей старушки, и спрашіить ина ў яго:—„Ну, што табѣ дѣдушка гаваріў?..— Ета слава те, Госпыди, усе харашо;—што Богъ дасть далій!— „Ну, ня бойся: када іонъ табѣ сказаў такъ, то и ажевить— іонъ бокымъ ни атъѣдить, а кыда будишъ маимъ зятимъ, то цѣлъ

будишъ!“ — (А яе самая миньшая дачка христіянскый вѣры присыпанка). Іонъ сказаў: — „Атчаво жъ харошага чилавѣка ни ўзять?—Да якъ мнѣ яе узнать, вашу малую дачку?“ — А я тибе павучу: ступай ты на ету ряку, на купальню, и будить лятѣть па етый рякѣ стада лябедыкъ; будуть лятѣть лябедками, а сдѣлаютца злишными дѣвушками; а ты сядь дли берига у кустикахъ да и смотри, што аны будутъ дѣлать. Ну, етый первый танокъ пакупаитца, ты ихъ никакъ ня трогай, ни чипай; и другей танокъ прилятить злишныхъ дѣвушикъ, ты ихъ ня тронь и тэй прапусти;—но третьтій танокъ такжа будить лятѣть злишныхъ дѣвушикъ,—тэй и смотри, и примичай, каторая апосли усихъ будить раздиватца: каторая апосля будить раздиватца, то малая дочка. Ну, якъ ня можна падкрадайся, штоба украсть у яе платьтя, штоба ни 'дна и ни водныя изъ ихъ ни видала!—Ну, іонъ пашоў къ рякѣ, къ купальни, и сѣў у кустикъ. Адинъ танокъ дѣвушикъ прапустіў—ня трогаў, и другей такжа; но у третьтимъ примичаить, каторая будить апосля раздиватца. Ну, и на счастя яго, па Божжій милысти, и раздѣлась па одаль усихъ, паближи къ кусту, адна апосля усихъ; іонъ изъ кустика и выпаўзъ и яе платьтя у кустикъ унёсъ. Сичасъ еты дѣвушки изъ вады павыскачили, адѣлись, лябедками скинулись и палятѣли, 11 лябедыкъ, а ина была 12-ая (У танку была па 12 дѣвушикъ). Ина хватилась платьтя,—платьтя нима, лятѣть зъ ими нильзя; ина наваззвратна, улѣзла па поисъ у ваду, у ряку, и гаворить:—„Скажитя, хто мае платьтя утащіў: зъ муськога полу ай съ женскыга?—Если съ женьскыга полу, старшій мяне—тетинька мнѣ; меньшій мяне—пляменница мнѣ; а роўная мнѣ—сястрица мнѣ родная. Ну, если зъ муськага полу, када старши мяне—дядюшка мнѣ; младшій мяне—братицъ мнѣ; а раўница мнѣ—другъ мнѣ будить милый!“—Тада іонъ съ куста выходить, яе платьтя кладеть на беригъ, самъ за кустъ зайшоў, пака ина адѣнитца. Ну, адѣўшись, ина и гаворить:—„Хади ка мнѣ, мой другъ милый, Иванъ Васильливичъ! Такъ тому и быть: вѣрна, табѣ маимъ дружкымъ быть!“—Када іонъ вышіў зъ-за куста, цулувала яго ў сахарныя уста и приказывала:—„Смотри жъ, мой другъ, Иванъ Васильливичъ! што я табѣ буду приказывать, то ты и дѣлай, када намъ съ табою Богъ судіў быть дружками. Ну, дѣдушка твой будить вывадить розна

три танка: прежда адинъ, пôтымъ другей, а тады третьтій. Первый танокъ будить 12 дѣвушикъ: голасъ у голасъ, волосъ у волысъ, и адежда адна, и лицо будить адно; и другей танокъ тожа: голысъ у голасъ, воласъ у воласъ, росту, якъ адна, и лицо, якъ адно,—и съ таго ни бяри; ну, я буду у паслѣднимъ танку и заламлю на правымъ баку нямножка свайго платочка,—узнавай пу платочкамъ; но другей разъ я буду тожа у паслѣднимъ танку (выбирать будишъ да трехъ разъ), и на канцѣ лентычка, што будить у маей касѣ, будить вўзлумъ завязана на касѣ; а третьтій разъ на правый рукѣ будить сдвинута кальцо къ среднияму суставу: узнавай па кальцу; а если ни узнаишъ, то ни вазьмешъ, самъ сябя пагубишъ, и я прападу.“— Ну, за три дни іонъ усё тутъ абхлапатаў, приходить къ свайй нарячонный тещи; ина и гаворить:—„Ну, ти сдѣлаў ты такъ, мой любезный нарячонный зять, якъ я табѣ гаварила?“—Якъ жа я етыга ня сдѣлаў? Извольтя пасматрѣть: кальцо у мяне на рукѣ. Благадарю васъ, што вы мяне атъ никаянный силы збиригаитя, мая теща нарячонная.—„Ну, табѣ гулять некада: ступай ты у кузницу и скуй у 12 пудоў булаву и зялѣзную узду... Ну, таперь, када ты скуваў зялѣзную узду и у 12 пудоў булаву, ступай къ никаянныму духу, што іонъ табѣ скажить!“.. Іонъ пришоў къ никаянныму духу.—„Ну,“ (гаворить никаянный духъ): — „када хочишъ жанитца на маей унучки, то ящо саслужи службу, а ни жаню тябе, якъ балвана, зря. Іость у мине жирябецъ—тридцыть лѣтъ ни выижжанъ: када тога жирибца выиздишъ, тада жаню.“—Іонъ сичасъ приходить къ нарячонный тещи и задумаўся.—„Ибъ чомъ, нарячонный зять, затужіўся и горькими слизами заліўся?“—Якъ мнѣ ни тужить, якъ ни гарювать? Іость у яго жирябецъ, тридцыть лѣтъ ни выизживанъ, и гаворить іонъ мнѣ: — „Када ты таго жирибца выиздишъ, то на тымъ жирябцы пувязу падъ вянецъ табе са свайй унукыю.“—Я жъ табѣ ни дарымъ приказывала дѣлать 12 пудовую зялѣзную булаву и зялѣзную узду. Ета жъ уремя, етатъ жа часъ у ва 'динъ мигъ бяри сваю зялѣзную булаву и вузду,—какъ ня можна бяги паскарѣй: іонъ будить къ табѣ на ўстрѣчу бѣчъ, ротъ разинить и ноздри шурока распастреть, якъ бы зьѣсть; зъ рота будить, якъ съ галаўни, агонь сыпатца, а ў ноздри, якъ у душники, полы играть, а ў вуши, якъ у трубы, дымъ сувать.—Ну, ты етыга ни убойся,

ни стращайся ничаво,—стой тверда и хорыша, вузду на яго надивай, якъ ня можна паскарѣя; тада садись на яго вярьхомъ и бей между вушъ сваею булавой—ну, іонъ панясётъ тябе па ўсяму свѣту: па щирымъ барамъ, па тёмнымъ па лисамъ; но ты ўсё яго бей етый булавой по галавѣ... Іонъ браў узду паскарѣй и бѣгъ къ яму пасмялѣй, и сичасъ братаў яво вуздою зялѣзныю, и сѣў на яго вярьхомъ. Якъ пόнисъ конь па ўсяму свѣту: па щирымъ па барамъ, па тямнымъ по лисамъ; а іонъ усё бьетъ яго булавою мижда вушъ; ну, самъ замаріўся и яго прибіў: ну тада ужу конь самъ вязетъ яго дамой паклонна, пакорна, якъ и добрая лошадь; іонъ яго узяў и паставіў у сарай.—Самъ пашоў къ яго вѣрнымъ слугамъ и гаворитъ: „Далажитя майму дѣдушки, што я выиздіў лошадь: ина смирна и хараша; а таперь, хуть и яму праѣхатца, дакъ ня грѣхъ.“—Далажили слуги яму; дѣдушка етый выходитъ къ яму чуть живой:—„Ну, благадарю, унукъ, харашо, што ты мнѣ етыга жирибца выиздіў; такъ таму й быть, што тябе надабна жанить: ну, увяду я табѣ 12 сваихъ унучикъ,—выбирай, каторую угодна табѣ!“—Ну, и вядетъ іонъ первый танокъ 12 дѣвушикъ: ну, сами сабѣ яны красивы.—„Ну, выбирай мижда 12-ти любую, каторая табѣ панаравитца!“—Ну, іонъ и пашоў укругъ ихъ сматрѣть.—„Нѣтъ, здѣсь у етымъ танку мнѣ ня наравитца ни водная.“—Никаянный и гаворитъ:—„Якъ табѣ мижда етыхъ красавицъ ня выбрать сабѣ ни водную? Тутъ жа́ межда етыхъ красавицъ можна выбрать хоть а́дну!“—Нѣтъ, дѣдушка, здѣсь пу майму нараву нѣтъ ни водный.—„Ну, падажжи: увядў тябе у другей танокъ: ня выбиришъ ли сабѣ межда тыхъ?“—Вядетъ другей танокъ: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, и лицо, якъ адналички.—„Ну, сматри-ка: ня выбиришъ ли сабѣ мижда етыхъ?“—Пашоў кругомъ разсматривать ихъ, ня выбраў тожа ни водный. Тада гаворитъ: —„Дѣдушка, нѣтъ мнѣ и здѣсь дружки!“—Ну, я атъ свайго слова ня прочъ: увядў тябе у третьтій танокъ.—У третьтій танокъ увеў: тожа голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, росту аднаго, платьтя адно и лицомъ, якъ адналички, тожа, ну, красотки такея,—краши ихъ и ў свѣти нима. Ну, іонъ пашоў кругомъ ихъ и смотритъ у ихъ на галавахъ платки. Ну, и замѣтіў, што у яе на галавѣ заламіўши краюшикъ платка; пацалуваў яе у сахарныя уста и гаворитъ:—„Вотъ ета, дѣдушка, мая друж-

ка!“..—Ну, такей ты мерзкій, ня стоишъ ты етый дружки! Якъ ба ты между 3 танкоў выбраў якую другую, дакъ ба я ни стаў съ табою спорить—зразу ба атдаў, но ету зразу ни атдамъ: када да трехъ разъ узнаишъ; а ни узнаишъ, такъ голаву съ плечъ патиряишъ, на тычокъ атдашъ.—Ну, ипять пирядѣў ихъ, пиримяніў уси платьти усимъ транмъ танкамъ; ипять первый танокъ вядеть унярèдъ.—„Ну, нарачонную и выбирай между трехъ танкоў, пазнавай, каторую угодна табѣ!“ Іонъ ипять кругомъ ихъ абайшоў:—„Нѣтъ,“ гаворить:—„нарѣченный дѣдушка, сабѣ ни водный ни нашоў.“—Ну, уводить другей танокъ; іонъ кругомъ етыга абайшоў, сабѣ ни водный ни знашоў.—„Нѣтъ, дѣдушка, и у етымъ ни водный.“ Увеў третьтій танокъ, паслѣдній. Іонъ ипять пашоў кругомъ ихъ сматрѣть и, какъ ина яму гаварила, пазнавать па якому атличію; замѣтіў яе па ленти, што была завязана на русый касѣ; іонъ ипять яе хватаў, у сахарныя уста цалуваў. — „Вотъ, дѣдушка, мая дружка нарѣченная: далій етый я ни магу брать ни воднэй.“—Нѣтъ, урешъ, еткая мерзысть! када третьтій разъ узнаишъ, дакъ вазмешъ, а ни узнаишъ, такъ голыву на тычокъ повѣсишъ.—Ну, ипять жа узяў, пиримяніў платьтя усимъ тремъ танкамъ, ипять тожа увадіў два танка, и зъ 2-ухъ танкоў ни було яе; тада іонъ увеў третьтій танокъ; ина стаяла пасярѐдъ танка. Ну, стаў сматрѣть па рукамъ, узнавать сваѐ залатоя кальцо, ипять узнаў:—„Вотъ, дѣдушка, мая нарачонная дружка!“—И прижаў іонъ яе къ сабѣ крѣпка, а ина яво крѣпчи. Ну, какъ хатѣў іонъ ихъ разарвать, ну, ня могъ: анѣ крѣпка диржались. Ну, гаворить:—„Такъ, пажалуй, быть, што табе зъ ею жанить,—вѣрна, што таперь я васъ зъ ею жанить буду!“.. И сичасъ жа ихъ винчаў:—„Ну, живитя съ Богымъ,—ну толька мнѣ ета ни ў нараў!“.. И заперъ ихъ у тѐмную комнату:—„Пасядитя,“ гаворить:—„да майго распаряженія!“.. Но йна была дѣвушка нядурна, ды стала вумна: патайнэя двери аттваряла, и милыга свайго за бѣлыя руки хватала, яму ў вуши утвирждала:—„Пайдемъ, мой милый, съ табой атсюдава на ўходъ: насъ усѐ раўно здѣсь съ табою патратють, если мы ни ўйдемъ.“—

Ну, и пашли дарыгою къ дому Ивана Васильливича. Толька яны бѣгли, бѣгли па широкый дарози, и сказала йна:—„Падажжемъ-ка, Иванъ Васильливичъ! приляжимъ къ дарози: па-

слушаимъ пагони.“ — И толька йна слышить, прилегши къ зямлѣ. — „Ну, Йванъ Васильливичъ, сильная пагоня за нами гонитца; если дагонють, то голывы далоў пасымуть!“ — Што жъ мы таперь будимъ дѣлать, я ни знаю. — „Ну-ка, када ты ни знаишъ, дакъ я знаю: я сама сдѣлаюсь свиньнёю, а тябе сдѣлаю пшаною, и буду хадить па табѣ и буду калоськя лавить, штоба ѣсть ихъ.“ — Дабѣгла пагоня да етый пшаны и да етый свиньни — далій ужу слѣду нѣту: слѣдъ утоинъ, и вярнулись назадъ; но етый никаянный спрашіить: — „Што, ти дагнали?“ — Нѣтъ, ни дагнали. — „На дарози видали што?“ — Нѣтъ, ни видали, — толька видили пшану да свиньню: пшана такая густая, хуть ты барану пристаў къ ей, а свиньня пу пшанѣ ходить да ѣсть. — „Эй-ка, дураки! ета самыя яны! Нада було пшаницу бить-калатить и калоськя ў землю убить, а свиньню було на мелкія части разарвать.“ — Анѣ толька атъ ганцоў атвярнулись, ипять у ходъ пашли. Никаянный духъ гаворить; — „Ступайтя, даганяйтя ипять пшану и свиньню: пшану пабейтя, а свиньню на мелкія части разарвитя!“.. Прибѣгли къ етыму мѣсту, идѣ была пшана и свиньня; слѣдъ былъ знашинъ дальши, а на етымъ мѣсти ничаво ужу ни було. Анѣ за ими ипять у пагоню гнатца. Ина ипять гаворить яму: — „Ну, нада прилечъ къ зямлѣ пазлушать: ти нѣту за нами пагони?“ — Ипять слышуть сильную пагоню за сабою; ина яго скинула дубымъ, а сама стала бярёзыю. Анѣ апять дабѣгли да етыхъ мѣстъ, да дуба зъ бярёзый: слѣду нѣту далій. Ипять ганцы вярнулись да етыга нарячоннага дѣдушки и гаворють: — „Нійдѣ мы ихъ ни нагнали.“ — А па дароги видали што, ай нѣтъ? — „Видали на дарози: па адныкъ баку стаить дубъ, а па другимъ бѣлая бяреза.“ — Эка, какея вы нипанятныя дураки! Ина стаяла бѣлаю бярёзыю, а іонъ дубымъ: нада було ихъ съ пнёў завалить и на кавалки пурубить. Бягитя ипять у пагоню, ихъ наганяйтя далій!... Анѣ прибигають. На томъ мѣсти, идѣ быў дубъ и бѣлая бярёза, нѣтъ тутъ ничаво, а Иванъ Васильливичъ съ жаною пустились ипять на ўходъ. Ганцы вярнулись и сказали, што нѣтъ ни дуба, ни бярезы. — „Ну,“ гаворить: — „ступайтя ипять далій у пагоню!“.. Ина ипять прилигла къ зямлѣ слушать сваю сильную пагоню. — „Ну,“ гаворить: — „пагоня сильная гонитца за нами!... Ну, я стану церьквыю, а ты папомъ; ты толька хади па церкви, да звани.“ — Дабѣгла па-

гоня да етый церкви. Попъ ничаво ни гаворить, толька ходить па церкви, да пяеть: „Госпыди памилуй, Госпади памилуй!“— Далій слѣду нѣту ни якыга. Вярнулись назадъ. Никаянный духъ спрашиить:—„Ну, ти дагнали вы ихъ идѣ?“..—Нѣтъ, ни дагнали.—„А видали па дарози што?“—Видили: на дарози церькыў, а ў церькви адинъ попъ ходить, да болій никога нѣту,—тэй попъ ходить да пяеть: —„Госпыди памилуй!“..— „Эй, какія вы, лѣшія, глупэя: ина церькваю, а іонъ папомъ... Ну, таперича я самъ у дагонь пайду!“.. Толька іонъ бягить, сильна ихъ даганяить, натискаить. Ина и гаворить:—„Ну, таперь я паслушаю пагони за сабой!“.. Прилигла къ сырэй зямлѣ и гаворить:—„Ну, таперича, кажитца, намъ съ табою прапасть: самъ дѣдушка идеть у пагоню. Іонъ сгубить насъ; но толька што Гасподь дасть,—упувай на 'днаго Бога—болій ничаво! Я скинуся возирымъ, а ты вокунимъ; но іонъ скинитца щукыю и будить тябе лавить; приказывыть я табѣ буду: ни станавись къ щуки лицомъ, а ўсё пириварачивайся хвастомъ: но ўреть, ни сажрёть—падавитца!“—Ну, іонъ лавіў, лавіў яго,—ничаво ня можить сдѣлать: становитца вокунь хвастомъ. Іонъ тада вылизъ зъ возира, скинуўся валомъ и давай ета возира выпивать, штоба етыга вукунька паймать. Но толька мала етага возира астаетца,—усё выпиваить; іонь и гаворить, етый вукунекъ:—„У майго батюшки была каровища—абжорища,—абажралася да и акалѣла; няўжли жъ табѣ атъ етыга возира ничаво ня будить, и ни рванеть, значить, тваё брюха?!“.. Ну, яго слову Гасподь памогъ: якъ рванула яго на нѣскалька частей,—тада ина скинулась прикрасныю дявицыю, а іонъ чистымъ молыдцымъ; падходють къ двару близка и разгавариваютъ разгаворъ:—„Ну, мой другъ милый, Иванъ Васильливичъ, ступай къ атцу и къ матушки дамой: я тябе скину пирилятѣть тирязъ синя моря галубцомъ, а сама сябе чорныю галкыю. Ну, какъ прилятишъ ты дамой, и сдѣлайся чистымъ красивымъ маладцомъ,—толька са ўсѣми здрастуйся и цалуйся, а зъ матирью съ хряснôю ни здрастуйся, и ни цалуйся: када ты зъ ею паздрастуисься, то на мяне пазабудишъ, а новую дружку искать будишъ; а я палячу у Гасподній манастырь, пумалюсь Госпаду Богу, што Гасподь Богъ ни даў никаянныму духу насъ пагубить!“.. Ну, іонъ скинуўся голабымъ и палятѣў дамой, а дли дома скинуўся прикраснымъ молыдцымъ. Тутъ яму

атецъ — мати сильна абрадавались, што іонъ пришоў дамой атъ никаянный силы, стали съ имъ цалуватца и милуватца; атецъ и мать, роднэя яво, крѣпка абнимались, цулувались, но Иванъ Васильливичъ атъ хресный матири усё атварачиваўся, — ни хатѣў ни здароватца, ни цалуватца; но стали яго родныя присаглашать: — „Якъ можна, ты съ хресныю матирью ни здрастуистя: ина такжа табѣ рада, якъ и радная мать“ Ну, присыгласили яго паздароватца и пуцулуватца. Якъ жа паздаровўся и пуцулуваўся, то на прежнію сваю дружку пазабыў. Атецъ — мати рады, што іонъ дайшоў да савяршенства лѣтъ. Стаў атецъ—мати присыглышать, штоба яго жанить здѣсь, и высватаў яму атецъ нявѣсту. И толька зачали вичаринку гулять, Ивана Васильливича жанить; ну, нявѣста прежняя Богу пумалилась и, якъ ня можна, стала дабиратца пяшкомъ, якъ нищая братія; ну, и паслышала, што ў яго вичаринка — іонъ женитца. Пришла йна сюда и давай праситца на ннчъ у Василія Иваныввча, гаворить: — „Пусти мине, Василій Иванывичъ, у тябе пиринучувать: я и какую нибудь пѣсню спяю, якую нибудь птичку (изъ тѣста) зляшу.“ — Пажалуй, паначуйтя у мяне: нашлегъ за сабою чилавѣка ня носить... Пускай вичаринки нашій пасмотрить, падивуитца. — Патомъ стали мясить каравай; ина стала дазвалятца памочь пумясить. Дазволили. Прочія мѣсють шишки, а ина стала мясить голыба: сдѣлала голыба и пасадила на верхъ сяредъ каравая, паставили етый каравай на столъ, ну, пасадили яго зъ етыю нявѣстыю за столъ, каторую атецъ высватаў. Падходить ина (прежнія) къ сталу нищію братіей и начинаить у голаба спрашивать, а голыбъ ей атвичаить; ана и спрашіить у голыба: — „Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мяне вадили у танки?“ — Онъ атвичаить: — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мяне первый разъ ни атдали. — Іонъ атвичаить: „Знаю!“ — Голубъ мой, сизый мой, ти знаишъ, якъ мяне у другей разъ увадили у танокъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ ты мяне у третьтій разъ абщапіў крѣпка, а я тябе ящо крѣпчи? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ мы съ табой пашли на ўходъ? — „Знаю.“ — Голыбъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, акъ я была свиньёю, а ты пашаницыю? — „Знаю“. — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ я была бярезныю, а ты дубымъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ,

якъ я была церквыю, а ты папомъ? — „Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ я была возирнымъ, а ты вукунькомъ?—„Знаю.“—Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, якъ я тябе сдѣлала голубымъ, а сама чорныю галкыю? — „Знаю.“— Голубъ мой, сизый мой, а ти знаишъ, што я табѣ приказывала?—„Знаю.“ — Голубъ мой, сизый мой, а я жъ табѣ приказывала са ўсими здраствуватца, а съ хресныю матирью нѣтъ?— Іонъ гаворить:— „Знаю.“—Голубъ мой, сизый мой, а я жъ гаварила, што ты мяне пазабудишъ?—Голубъ гаворить:— „Знаю.“— Ну, вотъ тада Иванъ Васильливичъ узнаў яе, прыгнў къ ей тирязъ столъ, цалуваў яе у сахарныя уста и гаваріў: — „Вотъ, батюшка, мая сужиная: ина вывила мяне атъ никаянныга духа.“—Ина сказала:—„Падаждитя: я на зямчужный расѣ пакатаюся, бѣлымъ зельликымъ паўмываюся—и тада я вамъ пакажу лицо сваё!..“ Ну, вотъ ина на расѣ пакаталася, бѣлымъ зельликымъ паўмывалыся, и стала такая красавица, што крашій яе у свѣти не було. То сичасъ ня пива варить, ня медъ саладить: давай свадьбу завадить. Вотъ анѣ ажанилися и, слава Богу, и таперича живуть такъ сагласна и харашо; при томъ ўреми я тамъ быў, медъ—вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала. Сказка ўся, и расказывать нильзя.

№ 29.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ вихырь и вѣтирь дарували мужику жаренцы; якъ етыи дары выпрысіў у мужика попъ, и якъ малайцы изъ торбы праўчили жадныга пупа.

Жіў мужичокъ бѣдный, и дятей у яго многа. Падходить празникъ гадавой, старуха и гаворить:—„Ну, што ты, старый песъ, сидишъ ты дома? Хоть ба жъ ты схадіў, у каго пупрасіў гарчикъ мучицы, али два!“—Ну, іонъ и пашоў, узяўши торбачку; толька зайшоў у дяреўню къ мужучку:— „Братъ дядюшка, сдѣлый милысть: ти ни даў ба ты мнѣ гарчикъ али два мучицы дли празника?“ — Іонъ узяў:—даў яму зъ лукошичкымъ:—„на, братъ, тибѣ и зъ лукошичкымъ!“.. Выходить іонъ изъ дяреўни вонъ; аткуль узяўся вихырь и вѣтиръ, вырваў ета лукошичка изъ рукъ вонъ и пакатіў па

чистыму полю. Заплакаў етый старикъ горькими слизами.— „Ну,“ гаворить: — „таперь дамой ни пайду, а то старуха и дамой ня пустить“... Абхватываить яго темная ночъ у тёмнымъ лѣси, и видить аганекъ. — „Пайду“, гаворить: „на етый зёръ!“.. Стаить тамъ домъ, іонъ и просится на ночь. „Пусти“, гаворить: „любезная, на ночь!“ Старушка и гаворить: — „Ступай, съ Богымъ, начуй!“.. Уходить у комнату, пирихрястіўся Богу. — „Добрый вечиръ!“ — Старушка гаворить: — „Здрастуй, здрастуй, нищинькій, прахади, садись!“.. Іонъ раздѣўся и сѣў атдыхнуть. Пытаить старуха:— „идѣ ты ета буваў?“ — Што, гаворить: — матушка, разсказывать ета табѣ — доўгая пѣсня! дѣти драбнэя, дятей многа, паѣсть нечига, — падходить празникъ гадавэй: я пашоў мучицы даставать; даў мнѣ чилавѣкъ мучицы гарцы съ два,— я атправіўся було дамой;— аткуль узяўся вихыръ и вѣтиръ, вырвали у мяне ету мучицу зъ рукъ и пакатили па чистыму полю, — дакъ я и ни пашоў за етымъ дамой. — „Ну,“ гаворить: „нищинькій, павужинай, пумалися Богу и лажись спать.“ — Приходють яе дѣти, вихыръ и вѣтиръ; стала на ихъ мать бранитца:— На што вы такъ, дѣти мае, шутку шутитя, балуитись; вы бъ булувались кала багатыга, а ни кала бѣдныга старика!“.. — Ну, матушка, ни бранись: мы яго наградимъ!... Ну, устаў етый старикъ, мыитца, Богу молитца,— тады аны яму и гаворють:— „На табѣ, старикъ, жаренцы!“..— Ахъ, батюшки, што мнѣ дѣлыть зъ етими жаренцыми?— „А приняси дамой, скажи сваей старухи: што крутнеть, то куль муки, якей угодна.“ — Скорымъ поспихымъ, стаў етый мужикъ дастатышна жить. Дажидаить празника бальшога, Христовага дня; прибраў іонъ, якъ законъ гласить, дажидаить священника и гаворить:— „Батюшка, зайдитя ка мнѣ съ иконами; прашу васъ, батюшка, атслужить мнѣ акафистъ али два!“.. Угащаить іонъ пупа; гаворить попъ:— „што, Михалка, атчаво ты стаў багатъ?“ — Батюшка, ды Богъ мнѣ даў!.. Попъ гаворить: — „Ды нѣ! Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ты самъ плохъ!“.. Хазяйка мужукова гаворить:— „а я скажу!“..— Ну, скажи, гаворить ей дѣдъ: табѣ худа будить.— „Батюшка,“ гаворить старуха:— „у насъ іось такея жаренцы, што крутнешъ, то куль муки.“ — Священникъ гаворить:— „атдай мнѣ! вѣдь табѣ худа будить: у тебя ихъ хто нибудь украдить; а

када у тябе хлѣба ни хватить, то ка мнѣ приди,“ — Старуха и гаворить:—„Дѣдъ, атдадимъ: табѣ худа будить.“— Священникъ, якъ еты жаренцы узяў, сичасъ досыть хадить съ абразами; гаворить:—„Я балёнъ!“.. Ну, мужикъ пажіў, можа, годъ, и вышіў у яго увесь запасъ хлѣба, и астаўся мужикъ ипять бѣдный,—нечига и паѣсть. Іонъ схадіў къ етыму священнику разъ али два; іонъ даў яму мѣрку, али чвѳртку; третьтій пашоў разъ,—дакъ іонъ яму ни даў, а па шапки задаў.Атправіўся етый старикъ дамой, заплакаўши: було, да й нима!—Атстались яны изнова страдничивать, биднату тярпѣть. Пашоў етый дѣдъ изнова у бѣлый свѣтъ къ вихру да къ вѣтру:—„абманю якъ нибудь ихъ!..“ Заходить изнова у етый домъ и гаворить:— „Добрый вечиръ добрымъ людёмъ!..“ Старушка гаворить:— „здрастуй, здрастуй, добрый чилавѣкъ!“—Ти ня пуститя на ночъ?...“—„А ступай, галубчикъ,—чаво жъ!..“ Іонъ увайшоў, раздѣўся, сѣў на лаўки; ина стала у яго распрашивать: — „Идѣ быў, старичокъ?“—Што, матушка, хадіў даставать мучицы.— „Ну, што жъ, старичокъ, ти дастаў жа ты!“—Даў чилавѣкъ гарца два, дакъ я отправіўся було дамой: откуда узяўся вихырь и вѣтиръ, вырваў ету мучицу и пѳнисъ па чистыму полю; абхватила мяне ночъ,—я и зайшоў суды начувать.—„Ну, вужинай, малися Богу и лажись спать: што Богъ дасть, то и будить.“—Пумаліўся іонъ Богу и лёгъ спать.—Приходють яе сыны, вихиръ ды вѣтиръ. Стала ина ихъ бранить:—„ахъ, дѣти мае, што вы кала старыга чиловѣка шутку шутитя!..“—Ахъ, матушка, ни брани: мы яму за ета заплотимъ.—Ну, даетъ Господъ день; іонъ устаетъ, мытца, Богу молитца; даетъ ему вихыръ да вѣтиръ залатую козку. Іонъ и гаворить:—„Ахъ, батюшки, што мнѣ зъ ѳю дѣлыть?“—А вотъ што: приводи дамой, застяли скатирсть бѣлую на столъ, вазьми яе за рожки и пастаў яе на ножки,—трихани: будить у тябе и злата, и сребра.“—Ну, и ’тпраўляитца мужучокъ етый па дароги дамой; пришоў іонъ дамой и гаворить:—„Ну, слава Богу! привеў залатую козку!“ — А баба спрашіить:—„а што ты, дѣдъ, будишь дѣлыть зъ ѳю?“ — Застяли-ка ты бѣлую скатирсть на столъ, вазьми-ка ты ету козку за рожки и пастаў яе на ножки, трихани: будить злата и сребра.“—Стала ета баба радая такая:—„Ну, вотъ, дѣдъ, слава Богу, што Господь даў самъ залатую козку!..“ Ну, ажидають яны изнова празника Христовага

дня, ажидають къ сябѣ священника; просють яго къ сябѣ службу паслужить:—„Батюшка, атслужити-ка акахвиста два, али три!..“ Іонъ атслужіў. Содють яны яго, частують. Попъ гаворить:— „Што, братъ Михалка, атчаво ты стаў багатъ изнова?“—А, батюшка, Богъ мнѣ даў!.. — „Но, однака жъ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка ты самъ плохъ!..“ Старуха гаворить:—„Дѣдъ, я скажу!“... Іонъ гаворить:—„Скажишъ, табѣ худа будить.“— А вотъ, батюшка, у насъ іось залатая козка.—Попъ гаворить:— „Атдайтя вы мнѣ яе, а то вамъ худа будить: хто нибудь у васъ яе украдить.“ —Баба гаворить: — „Дѣдъ, атдадимъ!“— Атдавай!—гаворить. Старуха узила да и атдала. Пожили яны зъ годъ зъ этимъ капиталомъ, вышіў етый капиталъ увесь у яго; пашоў іонъ къ священнику:—„Ну, што ты, Михалка, ка мнѣ ходишъ?“ —Што, батюшка? Хуть ба съ пятерычку вы мнѣ дали“...—„Ну, нечига дѣлать: первый разъ ужу дамъ, а ящо ни хади ка мнѣ“. Ну, іонъ ету пятерычку правёў и ящо къ яму пришоў; іонъ гаворить: — „Ну, што жъ ты, Михалка, ходишъ?“—Батюшка, хуть ба мнѣ зъ рубликъ... Попъ паставіў яго на парогъ и пасказаў ему семъ дарогъ, ажну искры зъ глазъ пасыпались. Заплакаў іонъ горькими слизами и пашоў. Пашоў къ вихру да къ вѣтру:—„Спадманю якъ нибудь!“.. Приходить къ ихъ дому, стучитца падъ вакномъ:—„Добрый вечиръ добрымъ людёмъ!“—Старушка атвичаить:—„Здрастуй, здрастуй, старичокъ!“...—Ти ня пуститя на нычъ?—„А хади, съ Богымъ.“ Іонъ увыйшоў, раздѣўся, сѣў на лаўки. Стала старуха распытывать у яго:—Идѣ ты, старичокъ, буваў?—„А, што, матушка? Хадіў мучицы даставать“.—Ну, што, ти дастаў жа идѣ?—„Даў чилавѣкъ гарцы съ два мучицы; я и атправіўся дамой. Аткуль узяўся вѣтиръ и вихыръ, вырвали ету у мяне мучицу и панясли па чистыму полю!“—Ну, садись-ка жъ ты, вужинай, малися Богу да лажися спать: што Богъ дасть, то и будить.—Приходють яе дѣти, вѣтиръ ды вихыръ; ина и гаворить: — „Ахъ, дѣтки мае, што вы кала стараго чилавѣка шутки блазнуитися?“— Ну, маминька, ни ругай насъ, ни брани: мы яму за ета заплотимъ.—Даў Богъ бѣлый свѣтъ; іонъ устаеть, мыитца, Богу молитца. Гаворить вихыръ да вѣтиръ:—„Вотъ, старичокъ, на залатую торбу: торба залатая, кисти сяребриныя“.—Старичокъ и гаворить: — „Што мнѣ зъ ёю дѣлать?“ — А вотъ што: ни дахадя да свайго дому, здѣнь шапку и стань на калѣнкахъ,

вазьми яе за вуши и скажи: три съ торбы! А какъ нада ихъ убрать, то скажи: три ў торбу!“—Атпраўляитца старикъ да дому; ни дахадя іонъ да дому, становитца на калѣни, скидываить шапку, бяреть сумку за кисти, трёхъ:—три съ торбы!—Якъ выскычили три съ торбы съ харошими нагайками, якъ пôчали етыга старика прабирать харошимъ праборымъ и гаворють:—„Ни давай козки, ни давай и жаренцыў!..“ Астаўляють яго чуть живога; іонъ и гаворить:—три ў торбу!—Ихъ и ни стала. Приходить іонъ у свой домъ:—„Ну, баба, слава Богу! принесъ залатую торбу!“—На што жъ намъ, дѣдъ, залатая торба?—„А лѣзь-ка, бабъ, съ печки далоў, станавись-ка ты на калѣнкахъ, бяри-ка торбу за вуши, ды скажи:—три съ торбы!“—Якъ сказала баба, выскачили аны, 3, съ торбы съ харошими нагайками, начили ету бабу лупить:—„ни 'тдывай жаренцыў, ни 'тдывай и козки!“—Забивають ету старуху да смерти. Стала дѣду жалка сваей бабы:—„Скажи, баба, три ў торбу!“—Якъ сказала,—такъ яны и убрались у сваю торбу.—Дѣдъ гаворить:—„ну, што, баба, будимъ дѣлыть? Будить у насъ праздникъ, у насъ таперь капѣйки денигъ при души нѣту: хуть ба мы паслѣднiй андыракъ заставили?“—А харашо, дѣдъ!—Заставили андаракъ капѣикъ за 50; ну, и ажидають священника:—Батюшка, зайдитя ка мнѣ, хуть малебинъ атслужитя!“... Ну, іонъ атслужiў малебинъ ему, быў у яго тамъ съ паўштохъ водки, мужикъ яго стаў угощать. Попъ гаворить:—„Што, Михалка, атчаво ты изнова стаў багатъ?“—Іонъ гаворить:—„Богъ даў!—„Ну, аднака жъ, Богъ ня Богъ, ды ня будь-ка самъ плохъ!“... А старуха гаворить:—„Дѣдъ, а я скажу, итчаво мы нпять багаты!..“ Дѣдъ гаворить:—Скажи, табѣ жъ худа будить.—А „батюшка, у насъ іость такая-то залатая торба, а кисти сяребриныя.“—Атдайти-ка мнѣ яе, а то васъ хто-нибудь забьеть.—Аны узяли и ету торбу яму атдали.—Ну, што жъ мнѣ зъ естыю торбыю дѣлать? Дѣдъ гаворить:—„Батюшка, ни даизжая да двара, станьтя на калѣнки, вазмитя торбу у руки, здѣньтя шапку,—вы, батюшка, скажитя:—три съ торбы! А якъ нада увўбрать, скажитя: три ў торбу!—Скорымъ поспихымъ атправiўся священникъ зъ етыю торбыю. Сичасъ, ни даизжая да свайго двара, становитца на калѣни, здиваить сваю шапку, бяреть торбу у руки и гаворить:—„Три съ торбы!“—Якъ выскычили три съ торбы съ харошими сваими плятьми, начали яго бить и

гаворють:—„Атдай торбу, атдай и жареицы, атдай и козку!"— Збили яго на горькая яблыка, чуть живаго атставили. Іонъ и гаворить: — „три ў торбу!.." Падъизжаить къ свайму дому, уходить у комнату и гаворить: — „Матушка, вотъ я привезъ залатую торбу!"—Што жъ мы будимъ дѣлать зъ этыю торбнюю?— „Становись-ка, матушка, на калѣни, бяри торбу за кисти и скажи:—„три съ торбы!"... Выскачили яны зъ нагайками, давай прабирать матушку и гаворють:—„Атдай жаренцы, атдай и козку, атдай и торбу!" Ужъ яны збили яе на горькыя яблыка; стала жалка папу, да и гаворить: — „Матушка, скажи: три ў торбу!.." Патомъ ина гаворить:—„Батюшка, пасылайтя батрака, штобы сичасъ везъ жаренцы, козку и торбу,—штоба іонъ сичасъ атдаў ета Михалки, тому старыму псу;—штоба іонъ таперь на мой дворъ и наги ни накладываў!"—Привозить работникъ уси ети вещи и гаворить: — „На̀, старый песъ, да на батюшкинъ дворъ и наги ни накладай, — спаживай самъ, што табѣ Богъ даў!" — Атстауся етый Михалка жить да быть, да дабро наживать.

От старика Евдокима Хатуля.

№ 30.

Якъ изъ трехъ братьтіў меньшій пакойныга батьку старажіў, атъ яго валшебную лашатку пулучіў, а лашатка тая пумагла яму на цареўни жанитца.

Какъ жіў-быў адинъ старикъ, и було ў яго три сына: старшій Данила, сяредній Гаўрила, а третій Иванюша дурачокъ. Вотъ іонъ самъ помиръ и благаславіў сваихъ сыноў: большиму іонъ атказаў три каўпаки золыта, сяредниму два, а Иванюши дурачку адинъ каўпакъ—и тотъ безъ золата; патомъ приказаў имъ прихадить караулить яго. Вотъ и давай яны на бирку братца: каму перва начинать, и дасталась большиму брату идить. Вотъ іонъ и гаворить: — „Братъ-дуракъ, схади: ты, кажитца, смялѣй за насъ!.." Вотъ іонъ узяў крайчикъ хлѣба и натеръ рогъ табаку, и пашоў къ атцу на магилу. Приходить къ магили, и ударіў іонъ дубинаю па грабницы, и кричить:—„Батька, ўстань!"—Вотъ устаў етытъ батька; патомъ яны узяли зъ имъ табаку панюхали, краюшку ету съѣли; іонъ и пашоў дамой. Патомъ на другую ночь дастаетца сяредниму брату идить.—

Вотъ іонъ и гаворить: — „Братъ дуракъ, вотъ табѣ калпакъ золыта, — тольна схади за мяне на магилу батьки.“ — Вотъ іонъ ипять узяў — краюшку хлѣба атрѣзаў, рогъ табаку насыпаў и пашоў на кладбища. Пришоў на кладбища, ипять узяў ударіў дубинаю па магилки и кричить: — „Батька, ўстань!“ — Патомъ вылизъ етытъ яго батька. Вотъ яны узяли—табакъ панюхали, краюшку хлѣба зъѣли; іонъ и пашоў дамой.—Патомъ настаеть третія ночъ. Нужна идить Иванюши—дурачку. Вотъ іонъ и пашоў. Узяў хлѣбушка крайчикъ и насыпаў рогъ табаку. Приходить на магилу, узяў дубинаю стукнуў па магили и гаворить:—„Батька, ўстань!“—Батька ўстаў. Патомъ узяли—хлѣбушка паѣли, табачокъ панюхали, патомъ іонъ и гаворить:— „Ну, сынъ мой милый, сынъ мой любимый, хади-ка мы съ табой: я табѣ ўсе сваe хазяйства атказку“. Вотъ яны и пашли, вышли на поля; вотъ іонъ какъ свиснуў маладецкимъ голысымъ, а дявицкимъ похвистымъ:—„Сіўчикъ—бурчикъ, работать наўкавурчикъ, идѣ бъ ты не быў, а сюда прибыў, — стань переда мною, якъ листъ передъ травою?“—и гаворить: „служи майму сыну, якъ и мнѣ служіў!..“ Вотъ патомъ конь бяжить, ажъ зимля дражить. Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаў и гаворить:—„Чаго изволишъ, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ?

А ў какомъ-то горади или ў какомъ-то каралеўстви праявилась такая цареўна и вяликая багатырка, и нійдѣ ана ня можить найдить сабѣ багатыря. Вотъ и пасланъ приказъ ка ўсѣмъ гарадамъ, и селамъ, и дяреўнямъ, штобы сабирались усѣ и малыя, и старыя, и пѣшками, и на лашадяхъ, у такой-то и такой горыдъ, къ такой-та и такой цареўни:—„Хто узлѣзить или на лошади ускочить на третій иташъ, за тога и замужъ пайду!..“ Вотъ и сабираютца браты Ивана дурака ѣхать къ цареўни. Дуракъ и гаворить:—„Братцы, вазьмитя-жъ и мяне!“— А яны гаворють:—Куда тябе, братъ, такога дурачину: ты тольна тамъ людей насмяшишъ, а намъ черизъ тябе будить совисна!—Патомъ яны пашли, а іонъ гаворить: — „Дайти-ка мнѣ лукошка: я пайду—у грибы схажу!“—Вотъ яму дали пачапню, што ѣздють на гумно за аторей,—іонъ и пашоў ў лѣсъ. Вышіў на поля и гаворить:—„Ну, грибки-гаварушки, сабирайтись ўсѣ ў лукошка!“ — а самъ какъ крикнуў іонъ маладецкимъ голысымъ, а дявичьимъ посвистымъ: — „Сіўчикъ-бурчикъ, работать ніўкавурчикъ, идѣ бъ ты ня быў, сюда прибыў,—стань переда

мною, якъ листъ передъ травою!“ — Вотъ конь бягить, ажъ зимля дражить, съ ногъ агонь свищить, а зъ ушей дымъ идеть.— Какъ бѣгъ, такъ на калѣни упаў: — Чаго изволишъ, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ? — „А во што, конь мой милый, конь любимый! приказываю я табѣ, — да сматри, штобы намъ съ табою ни падгадить: ў такомъ-та и такомъ гаради іость цареўна,—штобы намъ туда пріѣхать и на третій иташъ ускачить, цареўну пацалувать и падарыкъ ўзять!“—Харашо, сказаў конь: Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ, толька ты вазми: ў правыя вуха ўлѣзь, а ў лѣвыя вылизь,—садись лягенька, дяржись кряпенька, а я палячу стрялой, штобы намъ яе снять далой!.. Вотъ іонъ какъ ѣхаў туда, то ажъ дымъ па дароги стаўбомъ, падъѣзжаить іонъ къ дварцу и пасматрить, хто па стянѣ лѣзить, а хто па углу лѣзить, а сколька убитыхъ ляжить. А іонъ какъ ѣхаў, такъ и ускачіў на балхонъ; съ цареўную пацалуваўся и падарыкъ приняў; патомъ и атправіўся ипять на свае мѣста, пустіў свайго каня у запавѣдныя луги, а самъ узяў ету пачапню съ грибами. Идеть дамой, а браты ужъ дома и раскасываютъ ани пра то, што тамъ была. А іонъ и гаворить:— „Ти ни я ета тамъ быў?“—А яны гаворють:—„Ахъ ты, дурачища, ты! табѣ то ета дастанитца сдѣлать: табѣ ни дастанитца дайжа пасматрѣть!“—А іонъ гаворить:—Нихай сабѣ, и ни я тамъ быў.—Пашоў іонъ у поля, запѣў пѣсню:

„Хадіў добрый молыдицъ
Па чистыму полю...“

Патомъ черизъ нѣскалька ўремя праявіўся слыхъ, што ета цареўна ипять будить сабирать ўсихъ, каторыя были тада. Вотъ и сабираютца ипять еты браты. Патомъ етытъ Ванюшка дурачокъ и гаворить: — „Братцы, вазмитя жъ и мяне“! — А яны атказываютъ:—„Ахъ, ты, дурачища, ты пухамелища: ну, куды намъ ета тябе узять: толька народъ смяшить и Богу гряшить, да насъ стыдить?..“ Патомъ и гаворють:—„Ты вазми лукошка, да ступай ў лѣсъ, набяри грибоў: во ета твае дѣла!“ — Вотъ іонъ узяў лукошка, пашоў у лѣсъ, патомъ паставіў лукошка ў лясу, а самъ вышіў на чистыя поля, засвистаў маладецкимъ голысымъ, а дявическимъ посвистомъ: — „Сіўчикъ-бурчикъ, работать ніўкавурчикъ, стань переда мною, якъ листъ передъ травою!“—Вотъ конь бяжить, ажъ зимля дражить, съ-падъ ногъ

агонь свищить, а зъ вушей дымъ трубою... Якъ бѣгъ, такъ и паў пирядъ имъ на калѣни:—„Што табѣ нада, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ?“ —А во што, конь мой милый, конь любимый, какъ ба намъ ѣхать у тотъ горадъ, идѣ живеть та цареўна, штоба намъ туда падъѣхать и на ўтарой иташъ ускѐчить, съ цареўнаю павидатца и падарыкъ принять!“—„Ладна, гаворить конь Ивану дураку: — „Ну, Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ, сильный-магучій багатырь, пализай у правыя вуха, а ў лѣвыя вылизай, садись лягенька, дяржись кряпенька!“ Вотъ пирядъ имъ конь лажитца, на яво Иванъ садитца.— Какъ заржаў, захрапѣў и стрялою палятѣў, — только съ-падъ ногъ агонь свищить, а съ ушей дымъ стаўбомъ стаить. Какъ ускачіў къ цареўни на ўтарой иташъ, съ цареўнаю папалуваўся, падарыкъ приняў. А тутъ проста увесь горыдъ загружонъ народымъ: хто лѣзить па стянѣ, хто па углахъ — и ўсѣ якъ снапы падають абъ землю. А іонъ атправіўся ипять дамой, пустіў каня ў запавѣдныя луги, а самъ идеть дамой и громка пѣсинки пупиваить; принесъ лукошка грибоў. Тутъ пришли яво браты аттуда и давай дома хвалитца: — адинъ гаворить: — я чуть-чуть, ни далѣзъ;—другей гаворить:—я то и лѣзть ни начинаў: пубыяўся што убьесьтя; а какой-та пріѣхаў на такой харошій лошади,—да какъ ѣхаў іонъ кала мяне, дыкъ я и зъ ногъ упаў.“—А Иванъ дуракъ имъ гаворить:—„Ти ни я то ета тамъ быў?“—А яны гаворють: — „Ахъ, дурачища ты: тябѣ тамъ ни дастанитца етыга дайжа пасматрѣть!“—А іонъ гаворить:—Ну, пущай сабѣ я тамъ и ня быў! — Узяў іонъ сабѣ краюшку хлѣба, пашоў на чистыя поля, папивая громка пѣсни:

— „Хадіў я, добрый молыдицъ,
Па чистыму полю...“

Патомъ ета царица искать да искать етыга багатыря,— никакъ ни магла найдить. Патомъ ина ипять приказала и славесна наказала, штобы были на паслѣдній сборъ ипять ўсѣ. Вотъ уси сабираютца и уси съизжаютца; вотъ ина и выходить на треттимъ итажи на балконъ. Вотъ тутъ хто лѣзить па стѣнамъ, хто принесъ зъ дому лѣсницу: никакъ нихто ня можить дабратца да царицы.—Патомъ какъ лятѣў Иванъ Иванывичъ, русскій царевичъ, на сваёмъ добрымъ кани.—такъ пряма на балконъ и ўскачіў къ цареўни. Тутъ усѣ удіўляютца, какъ можна

на кани туда ўскачить. Вотъ ина и дала яму свае имянноя кальцо и сказала:—„ты—мой абручонный другъ!“—Патомъ ихъ аттуда ўзяли падъ руки съ цареўныю прикрасныю и пувяли ў гасударственный дварецъ; патомъ черизъ нѣскалька ўремя пиривинчались: стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 31.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Илья Мурамецъ.

Якъ малый сынъ пакойныга батьку калауріў и пулучіў за ета Свинку-„залатую щатинку“, Казу-„залатэй рохъ“ и Канька-„сіўчика-бурчика“.

Была у мужика три сына. Умираў атецъ ихъ и приказываў, штобъ всѣмъ вамъ на маемъ кладбищи паначувать.

И гаворить:

—„Я вамъ буду па части атказывать, раўнить.„—

Ну, пахаранили яго дѣти и, выходить, нада итти калаурить батьку. И каму нада идить? Бальшаку напяредъ. Бальшакъ спужаўся, ни пашоў; нада идить Ильи Мурамцу. Дають яму за работу пирохъ, кусокъ гавядины. Илья Мурамецъ и пашоў начувать адинъ. Атецъ гласить съ магилы:

—„Ты, большій сынокъ, начуишъ на маей магилачки?“

—„Нѣтъ, Илья Мурамецъ, малый сынокъ.“

—„Вотъ тебѣ часть: у тридивятымъ чарстви есть Свинказалатая щатинка.“

Приходить дамой.

— Какую часть тибѣ батюшка атказаў?

— Атказаў?!.. Ти ходють мертвыи съ това свѣта дамой.

Выходить итти середниму—и тотъ даеть пирохъ и кусокъ гавядины Ильѣ. Атказаў батька Ильѣ за среднива брата Казу-залатой рохъ. Идеть Илья на сваю ночъ,—атказаў яму батька кабылицу съ 11 жирибцами и Сіўчика-бурчика. Приходить дамой, часть сваю атъ атца атабраўши.

Удрухъ царь разсылаить бумаги па Рассіи: выходить будить дочь яво на балконъ; хто падъѣдить къ ней на багатырскій лошади, пацалуить яе, за таво атдасть царь дочку замужъ.

И кормють братьтя лашадей, штобъ ѣхать цареўну глядѣть. Илья Мурамецъ узяў кашолку и пашоў у грибы. Приходить у луги, кличить:

— Сивецъ-бурецъ, вѣчный каурецъ, стань пирида мною, какъ листъ пиридъ травою!

Конь бяжить зъ гары да гары, зъ ряки да ряки, пала на калѣнкахъ.

— Илья Мурамецъ, какую службу служить?

—„А вотъ какую службу: падъѣхать мнѣ къ цареўни на балконъ, такъ штобъ пацалавать іе."

— Ну, пализай у лѣвыя ушка, у правыя вылизь; садись смялѣя, паганяй ни жалѣя.

Дагнаў братьевъ пупароть ихъ хулудцомъ; запароў ихъ на смерть. Какъ разагнаўся на лашадки, чуть ни пуцулуваў цареўну. Аттуль зваратіўся, ящо запароў братьіў абайхъ. Пріизжаить дамой братьтя—бальныи. Лошать пустіў у зиляныи луга; самъ пришоў пяшой дамой. Вохають братьтя:

— „Запароў насъ нѣкій дуракъ да смерти!.."

— Братьтя, братьтя, ти ни я васъ пароў?

— Дуракъ, дуракъ, ляжи ты на печки: у тибе такей рожи нѣтъ и лошади нѣтъ."

— Ни я, дакъ и я—ни я.

На заўтришній день ипять цареўну цулувать сабираютца братьтя.

— Паѣдимъ мы братъ другэй дарогый! (іонъ и чуить).

Черезъ недѣлю апять паѣхали цулувать цареўну, а іонъ узяў кашолку, пяшой пашоў у грибы. Крикнуў лошать, сѣў, какъ разагнаўся, пряма у лицо и пацалуваў цареўну—ина яму звязду у лобъ пряма и приляпила. Узваратіўся назадъ и ну ипять хлудцами, хлудцами зилѣзными избіў имъ усѳ тѣла. Пришоў дамой, звязду завизаў; апять, па пріѣздѣ, такіе жъ разгаворы у него были зъ братьтими. Спрашиваить царь усихъ пяшкомъ къ сабѣ. Разъ дуракъ ноччу звязды и ни прикрыў. То темна была—вдрухъ загарѣлась изба атъ звязды; братья закричали:

— Ой, домъ нашъ гарить!

Іонъ звязду прикрыў—темна стала. Жонки ихъ гаворять:

— Глупныя, избы цѣлы, и вы гаваритя: гарить.

И пабились яны уси чиста: и жонки, и братьтя. Черезъ

мѣсицъ пашли пѣшія къ царю; и пирибрали весь народъ, и ни находитца тотъ чилавѣкъ са звѣздою. Накаиецъ, нашли добрага маладца на печки и жанили на царскый дочири.

У царя еще два зяти; загадываить онъ зитямъ сваимъ загадку:

— „Зятё маи милыи, зятё маи любезныи, хто дастанить мнѣ изъ васъ Свинку-залатую шарстинку! Кармитя добрыхъ коній, штобъ они ни пристали въ дароги и паизжайтя за дабычій!..“

Паѣхали старшіи два зити у зиленые луга искать свинки. а Илья, младшій зять, гаворить:

— Жонка, дай мнѣ вадавозную кабыленку!

Ну, и ина гаварить:

— Дайтя мужу вадавозную кабыленку!

Онъ сѣў и начаў бить лошать сваими кулаками по ж.... Ѣдить па гораду, и уси сміютца: царьскій сынъ какую кобыленку узяў.

Пріизжаить Илья у зиляныи луга, кликнуў Сивчика-бурчика—а онъ бяжить, какъ жаръ гарить; пріѣхаў на Сивчики къ Свинки-залатой щатинки, сгребъ іе и привезъ въ свае царства.

А другіи зити пріѣхали ни съ чѣмъ и просють зити:

— „Атдай свинку!“

— Дайтя зъ руки пу пальцу атрѣзать—атдамъ!

Тѣ зяти, хуть и бальныи, привозють Свинку-залатую щатинку, а Илья приносить, атдаеть жанѣ шкуру вадавозный кабыленки.

Пасылаить апять царь зитей сваихъ за казой:—„зятё маи любезныи, привизите мнѣ Казу-залатой рохъ!..“

Илья Мурамецъ привезъ іе на сваемъ Сивчики и атрѣзаў за ету штуку у зитей па пальцу съ наги.

Накаиецъ, приказываить царь сваимъ зитямъ дастать кабылицу у тридивятымъ царстви. Кличить Ильля сваиво Сивчика: такъ и такъ.

— А ты за маю мамыньку бярешься: трудно дастать іе! Куй 12 хлудцовъ, штобъ каждый хлудецъ быў па пуду. Пализай у лѣвыя ушка, а у правыя вылизь, садись смѣла, дяржись крѣпка!..

Дагнаў Илья Мурамецъ Кабылицу и стаў смалить іе па вушамъ.

— За што ты бьешь?

— А требуить тибе царь на лицо.

— „Садись на мине, и дѣти маи пайдуть уси.“

Пріизжаить Илья на царскіи луги и видитца съ прочими зитями; атдаеть имъ сваю дабычу, тольки штобъ они пазволили яму атрѣзать па рямню на спины.

Зити скинули платьтя и дали яму атрѣзать.

Топють зитямъ бани, а яны идуть ніахотна, Илья жъ захватіў у баню у кармани рямни и пярсты.

Приходить царь у баню:

— „А йдѣ падѣлись ваши пярсты?

А што ета у васъ на спины?“

Маўчать; а Илья вынимаить изъ кармана рямни и пярсты, атдаеть царю и разсказываить яму, за што яны атдадины.

Приказаў царь раздергать сваихъ зятей на конскихъ хвастахъ па чистыму полю, а на Ивана сказаў:

— „Тибѣ усе мае царства, а я буду тваимъ захрибетникамъ.“

№ 32.

Сказка а бѣднымъ и багатымъ брати, ваўшебный курицы, скатирти, трубачки.

Въ нѣкаторомъ царстви, въ нѣкаторомъ гасударстви, а иминна ў томъ, у каторамъ мы живемъ, праявіўся разсказъ не атъ насъ, какъ жили два браты: адинъ багатый, а другей бѣдный. Вотъ яны пражили нѣскалька лѣтъ; патомъ приходить, какъ у насъ называитца, радитильскій день Раданица,—нужна паминать радитиліў. У багатага брата ўсяго давольна, а у бѣдныга нѣтъ ничога. Патомъ іонъ, бѣдный братъ, и гаворить на сваю хазяйку:—Иди-ка, схади къ майму брату, пупраси чаго нибудь; можа, и дасть што-нибудь пумянуть радитиліў.—Вотъ ина и пашла къ яго брату багачу. Уходить у хату:—„Здраструйтя!“—Здрастуй, прахади, садись!—А ина гаворить:—„Нѣ, мнѣ некада сядѣть: пришла я къ вамъ дѣлымъ!—Брахнинька, сдѣлай милысть, вызвыль ты мяне, што я буду прасить. У пасъ сянни радитильскій день,—дай мнѣ кусочикъ мяса пумянуть радитиліў.“ — А іонъ гаворить:—На, няси тому брату, атдай

яму, якъ чорту!.. Вотъ ина узила и панисла дамой; приносить и гаворить: — На, прислаў табѣ братъ атдать чорту!.. Вотъ іонъ и гаворить:—Ну, какъ жа мнѣ ѣсть? іонъ прислаў ня мнѣ, а чорту. Пайду искать чорта!—Вотъ іонъ ишоў, ишоў; стричаитца зъ имъ чортъ и гаворить:—Здрастуй, мужучокъ! куды идешъ?—А иду искать чорта.—А чортъ и гаворить:— „Я—чортъ, дай мнѣ ета мяса!“—А іонъ гаворить:—А ты мнѣ за ета што даси?—„А вô-што я табѣ буду давать,—сматри: ни бяри ничога, а толька вазьми курицу чорную!“—Мужикъ атдаў чорту мяса, а чортъ гаворить:—„Ну, атступи три шаги назадъ!“ – Вотъ іонъ атступіў три шаги назадъ, пасматрить: такея харомы пригожія, а што панастаўлина питиння, и идиння. и разнага кушання!—Вотъ іонъ тамъ жіў и гуляў. Патомъ яму гаворють:—Ну, што ты сабѣ вазьмешъ за ета мяса: золыта ай сирибра? А іонъ гаворить:—Нѣтъ, ни нада мнѣ ни золыта, ни сирибра, а дайтя мнѣ чорнаю курачку.—Вотъ яны и гаворють:—„Ну, што съ табою дѣлать? Какъ ты чилавѣкъ харошій, та вазьми ужъ!“.. Вотъ іонъ узяў ету курачку и пашоў. Ишоў, ишоў, и гаворить самъ сабѣ:—Ну, на што я узяў ету курицу?—луччій бы я узяў сабѣ золыта или сирибра.—Вотъ сичасъ стричаитца чортъ и гаворить:—„Ты вазьми, да патисни ету курицу!“.. Вотъ іонъ какъ начаў яе тиснуть, то ина и начала пакастить золатымъ. Вотъ іонъ нямнога прайшоў, патомъ ипять яе патиснуў, насыпаў іонъ золыта поўныя карманы. Патомъ ишоў, ишоў,—стаить кабакъ. Іонъ зайшоў туда и гаворить на кабашника: дай мнѣ рюмку водки, и другую, и третію!... Патомъ и атдаеть яму залатой, а кабашникъ гаворить:—Идѣ ты ета узяў залатой?— А іонъ гаворить: „У мяне война курица,—сматри-ка, што зъ яе будить!“ И давай яе тиснуть; вотъ ина и начала турить золытымъ и сирябромъ. Патомъ ета кабашница напаила яго сильна пьяна. Іонъ легъ, а курицу палажіў у галавахъ. А кабашница узила ету курицу и пиримянила. Патомъ іонъ устаў, схватіў ету курицу и пашоў дамой. Приходить дамой и гаворить на жонку:—Ну-ка, жонка, разстаўляй дярюгу!... Патомъ и начаў давить ету курицу; давіў, давіў, толька пабгадила усю дярюгу. Патомъ и гаворить:—Пайду ипять къ чорту!.. Ишоў, ишоў, стричаитца ипять съ чортымъ. Іонъ и гаворить:—Нѣтъ, чортъ, дрень твыя курица: нѣтъ зъ яе толку ничаво,—ни даеть золыта.— Чортъ и гаворить: — Ну, атступи ипять три шаги ўпяредъ!..

Пасматрѝть: ипять харомы. Чортъ и гаворить: — „Сматри: ничаво ни бяри,—вазьми только скатирсть!“... Вотъ стали яво тамъ угащать. Патомъ и гаворють:—„Ну, што вазьмешь: золата али серибра?“—А іонъ гаворить:—Мнѣ ничога ни нада,—только дайтя мнѣ ету скатяретку!—„Ну, што съ табой дѣлать? Вазьми!“... Вотъ іонъ узяў и пашоў. Патомъ и гаворить самъ сабѣ:—Ну, што я буду дѣлать съ етыю скатирёткыю? — А на сустрѣчу къ яму идеть чортъ и гаворить яму:—„Ты вазьми-трихани ету скатяретку, то табѣ будить, што нада.“ — Вотъ іонъ трихануў етыю скатяреткыю, то аткуль узялись такея напитки, такея наѣдки, — тутъ усё: и музыка, и харомы. Вотъ іонъ выпіў, выспаўся и идетъ. Стаить кабакъ. Іонъ туды увайшоў. Увайшоў и давай хвалитца цулуванниццы. Цулуванница напаила яго сильна пьяна. Вотъ іонъ легъ, а скатирсть палажіў падъ голавы. Ета цулуванница узила ету скатиртку и абмянила. Прашнуўся іонъ, схватіў ету скатирку и пашоў дамой. Во и гаворить на жонку:—„Таперь мы съ табою паживемъ! Сматри-ка, што я сдѣлаю.“ — Вотъ іонъ узяў, выніў ету скатирку, - какъ трихануў ае, а изъ яе нѣту ничога. Жонка и гаворить:—„Каторый разъ ты ета мяне абмануишь?“ — Вотъ іонъ узяў ету скатирку и пашоў ипять къ тымъ чиртямъ. Приносить и гаворить:—Што вы мнѣ ета дали? упяредъ усе було, а таперь нѣтъ ничаво.—А яны и гаворють: — „Да, ты то, харошій чилавѣкъ, атъ насъ ты бярешъ и къ сабѣ ни приводишь.—Ну, што хочишъ брать золыта али серебра?“ А адинъ чортъ гаворить: — „Ни бяри ты ни золыта, ни серибра, а вазьми сабѣ трубачку!..“ Вотъ іонъ и гаворить:—Ни давай ничаво,—только дай мнѣ ету трубочку! — „Ну, што съ табою дѣлать? вазьми!“—Вотъ іонъ узяў и пашоў.—Ишоў, ишоў и думаить:—„Ну, на што мнѣ эта трубачка?“—Хатѣў іонъ яе ужъ бросить; сичасъ яўляитца чортъ и гаворить: — Ты вазьми у ету трубочку и затруби!... Вотъ іонъ только затрубіў—выскакивають двинадцать малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ, глидять какъ разъ и спрашіють:—Што табѣ нужна? А іонъ гаворить: — „А вó што мнѣ нужна: папить да пагулять.“—Вотъ тутъ сичасъ явилась такая музыка, и питянне, и идяннё. Патомъ, папіўши, пагуляўши, ипять іонъ падуў у трубачку,—ипять ничаво ни стала. Идетъ іонъ ипять кала тога кабачка. Вотъ іонъ зайшоў туда. Патомъ и гаворить на ка-

башницу:—„Паслухай, вумница! атдай маю чорную курицу и маю скатарку, а ежили ты ни атдаси, то я тябе сичасъ разарву на мелкія части!“... Вотъ эта кабашница и давай яго па шіямъ таўкать изъ кабака. Вотъ іонъ якъ дунуў у ету трубачку, якъ выскачили двинадцать малайцоў: голысъ у голысъ, волысъ у волысъ, глазъ у глазъ; вотъ аны и гаворють:—„Чаво изволитя?“—А вô чаво: штоба эту кабашницу сичасъ забить и крошки раздялить.—Вотъ яны яе падхватили, какъ начали трипать, вотъ ина и гаворить:—„Стойтя, стойтя, братцы! атдамъ я вашу курицу и скатяретку!“—Вотъ іонъ ипять дунуў у ету трубачку, и яны уси пуубрались. Узяў іонъ ету курицу и скатяретку, и пашоў.—Пришоў дамой и гаворить:—Ну, жонка, таперь наша дѣла—слава Богу!—А ина гаворить:—Ну, полна табѣ кала мяне сміятца!—А іонъ гаворить:—„Ну-ка, иди суда!— Ина падайшла. Вотъ іонъ какъ дунуў у ету трубачку, какъ выскачила двинацать малайцовъ: што табѣ нада?—А во што: штоба была и папить, и паѣсть, и пагулять!.. Тутъ стали такея хароны, што толька сматрѣть на ихъ! Какъ пашла такая музыка, што толька дяржись!—Сичасъ, іонъ якъ трихануў скатяретку, стали такея напитки и наѣдки! Вотъ яны тамъ бясѣдавали нѣскалька ўремя и пазвали сваяго брата багача. Патомъ, пакончившись ўся ета музыка, дунуў іонъ ипять у ету трубачку: якъ ни було ничога, такъ и нѣту ничога. Патомъ іонъ выніў курицу и гаворить:—Ну-ка, жонка, растяли дярюгу!.. Вотъ ина разаслала дярюгу.—Вотъ ана разаслала дярюгу, а іонъ и давай яе тиснуть, а курица пакастить золытымъ и сирябромъ.—Патомъ іонъ и гаворить:—„Схади къ брату за мѣркыю!—Вотъ ина пришла къ багачу и гаворить:—Брахнинька, дай ты мнѣ мѣрки!—„На што?“—Да што-та мѣрить.—Вотъ іонъ и гаворить на сваю хазяйку:—Дай имъ мѣрку, каторая бизъ абручоў.— Вотъ ина узила ету мѣрку и панисла яе дамой. Намѣрили яны цѣлыхъ двѣ четвирти золыта и наторкали ў избѣ па щелахъ. Идеть багачъ и замѣтіў на вокнахъ золыта, и думаить, што ета такоя. Увайшоў у хату, пасматрить: па ўсей хати наторкана золыта; іонъ и гаворить: Идѣ ты ета узяў?—„А Богъ мнѣ даў.“—Вотъ іонъ и давай ета усюдухъ разсказывать. Патомъ дачулись паны (а ета було при крипасномъ прави); присылаить памѣщикъ за етымъ мужукомъ:—„Штоба быў іонъ ка мнѣ!“— Іонъ и пашоў къ памѣщику.—Памѣщикъ и гаворить:—Я слы-

хаў, што у табе есть курица, што с..нть золытымъ; да ящо скатяретка, а ў ей усякихъ напиткыў и наѣдкыў давольна?— Да, ваша благародія, іость!— „А идѣ ты ета узяў?“ — А Богъ мнѣ даў.— „Вотъ жа я табѣ приказыю, штоба ета мнѣ принесина была! — Думаў, думаў мужикъ: што туть дѣлать?—А баринъ гаворить:—„Ты мнѣ толька на адинъ дянекъ!“—Іонъ атдаў.—День праходить—ни нясуть, и другой, и третій, — а ўсё ни нясуть. Вотъ іонъ узяў трубачку и пашоў къ пану. Приходить на гасподскій домъ и гаворить:—„Ну, баринъ, пажалуйтя мае вещи!“ — А іонъ гаворить: — Эй, вы, слуги мае! Дайтя яму вящей, штоба іонъ и ни панёсъ!.. А іонъ какъ дунуў у трубу, якъ выскачили двинацать малайцоў:—Чаво изволитя?—А іонъ гаворить: — „Валяй усихъ!“.. Вотъ яны якъ начали етыхъ слугъ бить, етытъ памѣщикъ сматрѣў, сматрѣў и и гаворить:—„На, братъ, тვае вещи: а то и мнѣ ета будить!“— Вотъ іонъ узяў ету курицу и скатяретку и пашоў дамой. Стаў жить, да паживать, да дабра наживать.

№ 32.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Чаремшинка.

Мужику стала худа жить.
„Пайду“, гаварить: „утаплюсь!“
Сидить старичекъ надъ рякою.
— „Куда ты, мужичекъ, лѣзишъ?“
— А я лѣзу у ваду.
— „Зачѣмъ ты лѣзишъ у ваду?“
— А худа мнѣ жить: дѣти зъ голыду умирають.
— „Ня лѣзь, мужичекъ, въ ваду: на табѣ скатирсть.“
— А што жъ ты будишъ дѣлать съ скатиртью?
— „А ты скажи: развярнись — раскатись, дай питиння — идиння!.. Скатирть тебе и напоить, и накормить.

Онъ узяў скатирть и пашоў дамой.

Дамой ни дайшоў— заначуваў на дароги. Бабка пупрасила яго на нычъ.

— „Прашу пакорна тибе на нычъ, садись, паужинай, мужичекъ, лажись спать!..“

А сама узяла скатирть, тую сибѣ узяла, а яму дала прастую.

Приходить дамоў.

— „Ну, мались Богу, садись, хазяйка; будимъ сыты—давольны!..“

Сѣли за столъ. Узяў заслаў скатирть.

— „Скатирть мая вазлюблиная, раскатись—развярнись, дай питиння—идиння и падгуливання!..“

А скатирть, какъ лижала, ничаво ни даеть: ни питиння, ни идиння, ни падгуливания.

Заплакали дѣти, сѣдя за сталомъ съ матирью.

И гаварить ина:

— Мучитиль ты мой, замучіў ты мине!..

Іонъ и гаварить:

— „Пращай, жина! пайду, утаплюсь!.. — Пращайтя, дѣтки!..“

Приходить на тоя мѣста тапитца.

— Што жъ ты, мужичекъ, топишься, а дѣти зъ голыду умираютъ?!. Ни тапись, мужичекъ, вотъ табѣ барашку.

— „А што жъ я буду дѣлать зъ барашкамъ?“

— А ты скажи: триханись, барашка! будить табѣ золнта; другой разъ триханись—будуть тибѣ бумажки.

— „Благадарю, батюшка!..“

Публагадаріў яво и пашоў.

Уходить старушка на дарожку.

— „Ступай ка мнѣ на нычъ: будить у мине давольна и питиння и идиння“.

Пришоў къ ей; дала яму пауживать, дала яму прастога барашку, а тога сабѣ узила.

Приносить дамой хазяйки барашка.

— „Слава Богу: теперь будимъ зъ деньгамъ!..“

А ина атвичаить:

— „Мучитель мой, замучіў мине!..“

Ужъ не вѣрить яму.

Паставіў барашку на столъ

— „Триханись, барашка!..“

А іонъ стаить, якъ стаяў.

— „Хазяйка, ни плачъ: пайду утаплюсь.“

Приходить на тоя мѣста, лѣзить у воду.

Атвичаить яму хто-та:

— „Што у воду лѣзишъ?“

— Дѣти зъ голыду зъ жаной умирають.

— „Ни тапись, мужикъ! на табѣ чаремшинку.“

— А што жъ я буду дѣлать съ чаремшинкай?

— „А ты, идѣ начуишъ, скажи: Чаремшинка, развярнись! Атдадуть тебѣ барашку и скатирть; ани будуть за 12-ю замками, за двинацатимъ двирямъ.“

Іонъ ипять идеть къ старушки, а ана яго заветь:

— „Ступай! у мине многа питиння и идиння и пакой харошій.“

Онъ легъ спать; а ина палажила яму прастую чаремшину.

Іонъ устаеть.

— „Вабушка, ета ни мая чаремшина.

— Што ты, глумной?! твая.

А іонъ скажить:

— Ни мая! Идѣ жъ вазьму яе, када ни мая?

Закричаў іонъ громкимъ голасамъ:

— Чаарешшинка мая, раазвярнись, рааскатись!..“

Идѣ не была двинацыть маладцаў, ударили замки садить, двери лумать; замки пулумали, двери разлумали, ударили ету бабу бить, бить били, били на смерть.

— „Батюшка, памилуй мине!“ Просить ина етыва мужика.

— Атдай маю скатирть, атдай майго барашку.

— „Вазьми, батюшка, вазьми, атпусти толька маю душу на пакаяніе: вотъ тибѣ барашка, скатирть.“

Мужикъ кричить:

— „Звярнись, чаремшинка!..“

Атдала ана яму скатирсть и барашку.

И приходить іонъ дамоў и приносить и скатирть, и барашку, и чаремшину.

— „Ти жива ты, хазяйка?“

— Жива? Замучіў мине, мучитель мой!..

— „Садись же, хазяйка! Будимъ пить—гулять, падгуливать!..“

Сѣў за столъ.

— „Скатирть мая вазлюблиная, раскатись—развярнись, дай питиння—идиння!“

Скатирть раскатилась—развярнулась.

Што тутъ питиння — идиння?!.. Чаво тольке душа падымаить!

— „Ти хочишъ, штобъ дениХъ табѣ дать?“

А ина гаварить:

— Да када бы ты денихъ даў, ета бъ слава Богу!..

Паставіў іонъ барашку.

— „Барашка, триханись!..“

Барашка трихануў разъ—стала золыта; другей разъ трихануў—стала сѐрибра; третій разъ трихануў—стали бумажки.

— „Ну, хазяйка, ти давольна ты мною!“

— Давольна, дѣдушка!

Даказывають барину:

— „Вашъ мужичекъ гуляить—харчуить и васъ ужъ знать ня хочить.“

— Пади, старыста, дай яму вȁлю харошую!..

Абступили мужичка кругомъ:

— „Выхади, Иванъ, на пригонъ!..“

— Зачимъ я пайду на пригонъ? Ни пайду я на пригонъ.— А самъ пьеть чай да вино, гуляить за сталомъ.

Стараста гаварить:

— „Мужики, бяри яво, вяжитя у бараній рохъ!..“

А мужичекъ кричить:

— „Чаремшинка, развирнись!..“

Выскачила 12 маладцоў, ударили вотчину тирибить: каму руку, каму нагу атбили.

Іонъ гласить:

— „Старысти паддайтя!..“

Якъ пȍчали старысту бучить.

Старыста атвичаить:

— „Батюшка, памилуй ты мине, грѣшника! Ни паганю я тибе вѣкъ на пригонъ!“

Мужикъ атвичаить:

— „Чаремшинка, згарнись!..“

— „Ступай—садись са мной попличъ: сичасъ будить питиннѐ—идиннѐ!..“

(Мужикоў ужъ ня просить: ихъ усихъ чаремшинка пабила).

— „Ни пайду, мужичекъ: баюсь у тябе абѣдать.“
— А ни пайдешъ ка мнѣ, ящо падсыплють больши.
Пріизжаить дамоў, баринъ спрашіить старысту на лицо:
— „Ти выгнаў ты Ивана на пригонъ?“
А стараста гаварить:
— „Вы, баринъ, папробуйтя выгнать, а я низдароў: забили да смерти.“
Баринъ кричить на кучира:
— „Запригай!..“
Паѣхаў баринъ самъ. Пріизжаить:
— „Иванъ, выхади на пригонъ!..“
— Зачимъ я пайду на пригонъ?!.
— „Какъ ты смѣў мнѣ такъ атвичать?“
— Баринъ, ни баюсь я тибе!..
— „Какъ ты мине ни баисьтя? я тибе у калодки пристаўлю у Сибирь.“
— Баринъ, ня смѣишъ.
— „Мужики, бири яво, вяжи!..“
Мужики даўжны брать. Мужикъ закричаў:
— „Чаремшинка мая, развярнись—раскатись!..“
Выскачила 12 маладцоў, ударили вотчину тирябить: каму галаву, каму руку атарвали.
— „Баринъ,“ гаварить мужикъ: „ступай ка мнѣ абѣдать!..“
— Иванъ, я баюсь къ табѣ идить.
— „Ня бойся, баринъ, я тибе бить ня буду—тольки мнѣ вольную дай!..“
Пришоў къ яму баринъ:
— „Идѣ ты узяў питиння—идиння?“
(Онъ барина ня біў, а тольки прибіў стараcту. Барина за што бить? Баринъ ни винуватъ).
— „Пиши, баринъ, вольную!..“
Написаў. Вялѣў скатирти накармить барина.
— „Баринъ, ти нада тибѣ за вольную деньги?“
— Када даси, дай!
Іонъ узяў барашку, паставіў на столъ.
— Стриханись, барашка!..
Трихануўся барашка—усе золыта, выши барана.
Баринъ деньги и узяў.
— „Ти ни нада тибѣ сирибра?“

уступитя вы яго мнѣ!“—А што дасиꙉ—„Сто рублей.“—Нубяри!—Привеў іонъ сабаку дамой, пумястіў яго у анбари, па, слаў яму пастелю, стаў яго карьмить мясымъ и паить малакомъ. Мать яму гаворить:—„Што ты, сынъ, балуисьтяꙉ Атчаво ты ни таргуишьꙉ“—Маминька! Хто бязъ денигъ таргуитьꙉ—Мать яму дала ящо сто рублей. Іонъ пашоў па горыду и ни нашоў тавару па сабѣ. Вышіў за гырыдъ, видить, што вядуть старыва кота и бьють яво палками.—„Рибяты, за што вы яго бьетяꙉ“—А іонъ састаріўся, мышей ня ловить, сбродыить,—дыкъ мы яго давить вядёмъ.—„Рибяты, прадайтя вы яво мнѣ!“—Што дасиꙉ—„Сто рублей!“—Ну, давай!—Узяў іонъ етыва кота, пумястіў яво у анбари на палицы, кормить яво мясымъ и поить малакомъ. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што жъ ты ни таргуишъꙉ“—Маминька, хто жъ таргуить бязъ денигъꙉ—Дала ана яму ящо сто рублей.—Пашоў іонъ па горыду и ни нашоў тавару па сябѣ. Вышіў іонъ за̀ гырадъ и видить, што возли рѣчки сабраўся народъ и што-то бьють. Іонъ падашоў и гаворить:—„Рибяты, што вы дѣлаитяꙉ“—А пасматри: мы бьёмъ змяю!—Іонъ гаворить:—„Братцы, уступитя мнѣ яе!“—А што дасиꙉ—„Сто рублей!“—Узяў іонъ ету змяю, принёсъ дамой, наслаў у карзинку пуху, палажіў яе и стаў кармить. Мать яму гаворить:—„Сынокъ, што ты ни таргуишьꙉ“—Ахъ, маминька, хто таргуить бязъ денигъꙉ—„Сынокъ, я табѣ ужу дала триста рублей,—пакажи мнѣ свае тавары!“—Привеў іонъ яе и гавòрить:—„Маминька, вотъ сабака—сто рублей.“—Ну, ета харашо.—„А вотъ котъ—тожа сто рублей.“—Ну, и ета харашо.—„А вотъ змія—сто рублей“.—Ахъ, ты сабачій сынъ: ета жъ змія—первый зладѣй, няси яе, идѣ ўзяў, а то и на дворъ ни бувай!—Узяў іонъ ету змяю, увизаў у платочикъ, принёсъ къ тòму мѣсту, идѣ узяў, ударіў яе вобъ-зимь. Змія скинулась цареўныю и гаворить:—„Благадарю, Иванъ Иванывичъ, што ты мяне аткупіў атъ зладѣіў, садись на мяне, паѣдимъ у маё царства ў гости къ майму атцу!“—Сѣў іонъ на яе и паѣхаў за 12 марей. А тамъ стаить домъ увесь падъ золотымъ. Вотъ палажила ана яво у траву-бурьянъ и гаворить:—„Ну, милый, ляжи тута: када будить атецъ мнѣ радъ, то за табой пришлю залатэй бярлинъ; а када ня будить радъ, то я табе апять атнясу у сваё царства.“—Пришла ана къ свайму атцу:—„Здрастуй, мой батюшка!“—Вотъ іонъ, какъ сядѣў на стули, такъ

и стаў яе абнимать:—„Здрастуй, мая дочъ, я думаў, што тябе ужу на свѣти нѣту!"—Да, мой батюшка, мяне ба ни було на свѣти, — да мяне избавіў Иванъ Иванывичъ, купечискій сынъ!—„Ахъ, дочка мая любезная, зачѣмъ ты мнѣ яво ни даставила: я ба яго наградіў!"—Батюшка, іонъ тутъ,—возли моря, у бурьянъ-травѣ. — Сичасъ тутъ залажили у залатэй бярлинъ шастерку лашадей прямa падъ яво. Привязли яго къ царскыму дварцу и пувяли яво прямa къ царю. Царь яво стаў угащать. Иванъ Иванывичъ у яго 3 дни гастюваў. Цареўна яму гаворить:—„Будить тябѣ атецъ дарить злата, серибра, палавину царства,—ты у яво ничога ни бяри, а толька праси съ правый руки калечка." — Царь яго призваў и гаворить:—„Праси у мяне, чаво хочитца: ничога ни пажалѣю!" — Ахъ, царь, усё мнѣ наравитца, а луччи ўсяго мнѣ наравитца ваша калечка на правый рукѣ! — „На штò табѣ, милый, калечка—што толька яно красива?„—Ну, дыкъ мнѣ ваша ничога ни нада,—толька дастаўтя мяне у мой домъ! — „Ну, када такъ, то нà: дарю табѣ калечка!"—Атдаў царь яму калечка. Запрягли залатую карету и даставили яго у траву-бурьянъ. Цареўна пасадила яво на спину и даставила яво у тоя мѣста, идѣ іонъ яе нашоў. Паставила яго и гаворить:—„Када табѣ што уздумаитца, то толька пирякинь калечка зъ руки на руку, то табѣ усё будить."—Пришоў дамой, гаворить:—„Ну, маминька, я у чужихъ зимляхъ научіўся таргувать, —таперь благаславитя мяне жанитца!" — А, мой сынокъ, я тябе благаслаўляю: выбирай сабѣ па нараву.—„Маминька, у мяне ужу нявѣста найдина."—Какая?—„Маминька, я цареўну бяру!"—Ахъ, сынъ мой, разви ета можна: мы люди бѣдныя, а за цареўну сватагца?—„Ну, иди, иди, матушка!"—Приходить ана къ дварцу и гаворить на часавыхъ:—„Здрастуйтя, рибяты!"—Здрастуй, матушка! — Куда идешь?— „А я иду къ царю у сваты." — Ну, ступай! „Здрастуйтя, ваша царскыя вяличиства!"—Здрастуй, бабушка, што скажишъ? — „Пришла у сваты къ вашій дочки за свайго сына Ивана Иванывича, — іонъ мальчикъ харошій, учіўся таргувать у чужихъ гарадахъ."—Ну, харашо: толька пускай твой сынъ выстраить мрамырный дварецъ чищи майго: выстрыить,—будить зять; ня выстрыить,—голыву срублю.—Пришла ана къ свайму сыну и гаворить: — „Ахъ, сынъ мой! Укаротишъ ты мой вѣкъ: царь приказаў пастроить дварецъ, чищи яго: а то

голыву срубить!“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лягла спать, а іонъ у самую полнычъ вышіў на паратныя крыльцо, пирякинуў калечка съ руки на руку; іўляютца 12 маладцоў:—„Што угодна?“—А вѳ што: штоба къ вутру быў гатоў мрамарный дварецъ, пачищи царскыва!—Ня ўспѣў іонъ сказать, а ужу дварецъ гатоў. Назаўтрига гаворить:—„Ну, матушка, ступай у сваты!..“ Приходить ана къ царю:—„Ваша вяличиства,. у сваты пришла!“—Ну, харашо: если твой сынъ хитиръ и мудиръ, пускай выстрыить мостъ: масница залатая, масница сяребриная,—тада атдамъ за яво дочъ.—Приходить ана дамой и разсказала свайму сыну, што приказаў царь.—„Ну, матушка, лажись: вутра вечира мудрянѣй!“—Вотъ яво мать лигла, вышіў іонъ на паратныя крыльцо, пирякинуў калечка съ руки на руку,—выскакывають 12 малайцоў:—„Што угодна?“—А вѳ што: штоба была гатова да заўтришнига вутра сяребриный мостъ атъ майго двара да царивыга.“—Ня ўспѣў іонъ сказать, а мостъ ужу гатоў. Устаў царь, паглядить: мостъ гатоў, блищить, ажну аткоски па нибисамъ. Пу вутру старушка идеть апять у сваты:—„Ваша царскыя вяличиства, пришла ипять у сваты!“—Ну, харашо, бабушка, будить іонъ мнѣ зять;—а если къ заўтришниму вутру ни паставить абапылъ маста сяребриныя вѣтычки и ни нагонить птицъ райскихъ, каторыя ба пѣли пѣсни хирувимскія, то голаву срублю.—Приходить дамой и гаворить сыну:„Ну, сынокъ, царь приказаў абапылъ маста паставить сяребриныя вѣтычки, и штоба на етыхъ вѣтычкахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія—а то голыву срубить.“—Ну, матушка, лажись спать: вутра вечира мудрянѣй!—Старушка лигла спать, а іонъ вышіў на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў,—выскакывають 12 малайцоў:—„Што угодна?“—А вѳ што: штоба къ заўтришниму вутру абапылъ маста було панастаўлина разныхъ вѣтыкъ, залатыхъ и сяребриныхъ, штоба на етыхъ вѣткахъ сядѣли птицы райскія и пѣли пѣсни хурувимскія, и штоба абапылъ маста были панастаўлины разныя вины.“—Іонъ гаворить, а дѣла дѣлаитца. Прашнуўся царь на заўтрига, видить: усё, што ни гаваріў, сдѣлана. Старушка на другой день идеть у сваты, а ей сынъ приказаў:—„Када ни атдасть, то скажи яму, што вазьму няволію.“—Пришла ина и гаворить:—„Ваша царскыя вяличиства, када ни атдадитя та-

перь, то няволію вазьмемъ!“—Ну, старухъ, слухай: я атдамъ сваю дачку, када твой сынъ сдѣлаить къ заўтришниму вутру васкавую церкву, званы залатэя, папы — патріярхи маладэя, штоба ли церкви сядѣла яблынь,—када ба мы ишли у церькву, ана бы твила,—а када будимъ идить съ церкви, штоба были яблыки спѣлыя: сдѣлаить—атдамъ дочку зя твайго сына; ня сдѣлаить—голыву яму атрублю.—Старуха пришла къ свайму сыну и гаворить:—„Ну, сынокъ, заўтри табѣ голыву атрубють: приказаў царь,—дыкъ и ты ня сдѣлаишъ таго!“—„Ну, матушка, ни пичалься: вутра вечира мудрянѣй, а таперь лажись спать.“—Старуха лигла и заснула; Иванъ Иванывичъ вышіў на паратныя крыльцо, пирякинуў зъ руки на руку калечка,—выскакывають 12 малайцоў:—„Чаво изволитя?“—Штоба къ заўтришниму вутру была гатова васкавая церква, залатэя званы, папы-патріярхи маладэя, штоба ли церквы расла яблынка—какъ будимъ у церкву идить, штоба твила,—а какъ будимъ выхадить съ церкви, штоба яблыки паспѣли,—штоба мнѣ была адежа, какой и у царя нѣту“.—Іонъ гаворить, а дѣла дѣитца, — къ вутру усё гатова. Прашпаётцаназаўтрига царь, чуить, идѣ-та званы звонють; іонъ гаворить на слугу: — „Идѣ эта звонють?“ — А ета звонють ў новый церкви! — Гасударь вышіў паглядѣть и видить, што праўда. У восимъ часоў падъѣхала залатая карета, пасадили цареўну и царя и пувязли у церькву. Идуть у церькву—яблынь твитить, выходють изъ церьквы—ужу яблыки паспѣли. Пазвали на свадьбу Лукапёра Цымбалдывича; іонъ пріѣхаў изъ-за двинадцати марей у 3 дни. Гуляли яны 15 дней; патомъ ужу атдають нявѣсту у жинихоў дворъ. Привезъ Иванъ Иванывичъ цареўну у свой дварецъ, и прагуляли у яго доми 3 дни. Стали аны сабиратца спать, ана тайкомъ свайму адъютанту дала расписку и приказала, штоба Лукапёръ быў гатоў:—„Мы атсюдава уѣдимъ!..“ — Лягли яны спачивать; цареўна абласкала Ивана Иванывича и давай ў яго распрашивать, какъ іонъ пастроіў домъ. Іонъ и гаворить:—„Ета усё мнѣ калечка памагаить!..“ Вотъ, када іонъ заснуў, ана скинула у яго съ руки калечка, выбигла изъ дому, прибѣгла къ Лукапёру и уѣхала съ имъ у яго царства. Назаўтрига гасударь присылаить маладыхъ звать на чай. Прибигаить ардинарицъ:—„Иванъ Иванывичъ, гасударь просить васъ на чай съ жаной и съ матирью.“ — Иванъ Иванывичъ стаў яе искать пу палатамъ,

кликать яе, а яе и слѣдъ ужу прастыў. Тада яво узяли надъ каравулъ; гасударь сказаў: — „Ета, вѣрна, ты пагубіў маю дочку, што яе нѣту!“—Пувяли яго на площадь, пасадили на стулъ и залажили кругомъ стула кирпичомъ, аставили толька вакошичка, штоба падавать яму пищу. Іонъ тамъ сядѣў, можа. мѣсицъ, а, можа, нядѣль десить; дамы яго гасударь узаў ў сваю казну, а мать яво пумястили у багадѣльню. Кату съ сабакый нечига стала ѣсть; котъ гаворить на сабаку: — „Уздумай, сабака, што за насъ заплатіў Иванъ Иванывичъ, а мы дли яго ничога ня сдѣлали!“—Ну, штожъ ба намъ сдѣлать?— „Какъ што?—Я знаю, идѣ цареўна!“—А йдѣ?—„У Лукапёра. Сабака, пайдемъ на пристынь!“—Пайдемъ!—Пришли яны на пристань и лягли падъ ракитывымъ кустомъ. Котъ гаворить на сабаку: — „Вотъ, сабака, ты на силу крѣпчій мяне, а я на глазъ крѣпчій тябе: я атсуда вижу Лукапёрыва царства“.— Ну, када видишъ, то пуплувемъ туды.—Пуплыли яны у Лукаперыў домъ. Пириплулй моря у палтара мѣсица. Пріѣхали яны у Лукапёрыва царства и 3 дни атдыхали у травѣ—бурьяни. Котъ гаворить:—„А што ты, сабака, знаишъ?“—А што?— „У етымъ царстви кошикъ нѣту, а мыши паѣли усё добрыя“.— Патомъ іонъ гаворить:—„Ну, сабака, ты ни хади на царскій дворъ; а то тябе сабаки разарвуть, а я пайду туды.“ —Вотъ котъ пашоў пряма ў хароны. Увидала ката Марья Прикрасныя: — „Ахъ, Лукапёръ! Вотъ кошка таво брадяги: ана яго бросила и пришла ка мнѣ.—Ну, бяри яе скарѣй у харомы!“— Узяла яе Марья Прикрасныя на руки, стала яе гладить, а ина стала маркатать; тутъ яе сичасъ стали карьмить. Котъ набраў гавядины, бѣлыхъ хлѣбыў и атнесъ сабаки:—„Ну, сабака, ляжи, пакуль я спраўлюсь!“—Прибѣгла кошка у палаты и видитъ: Лукапёръ съ цареўныю абѣдають, а зъ ими мыши, крысы: нѣту кошикъ.—Котъ, какъ стаў митать етыхъ мышей, у 5 часоў намитаў 5 вазоў. Усадили яго у анбаръ на ночь, дыкъ іонъ къ вутру вазоў 20 намитаў. Тутъ етыму кату такая честь: пасадили за столъ, гавядины яму, а іонъ съѣў ня многа, а то ўсё сабаки атносить. Выкарміў іонъ сабаку харашо: стала ана дужа здарова. Адинъ разъ котъ сядить на пароги и видить: идеть царь мышей, лапы и вуши залатэя. Котъ схватіў яво за лапы и стаў давить етыва царя мышей. „Ахъ, котъ, памилуй: я услужу табѣ чимъ угодна!“ —Если вы маё

кальцо ни дастанитя, то я васъ усихъ пиридаўлю!—„Атпусти мяне: я табѣ ета сдѣлаю!“ — Котъ яму павѣріў и атпустіў. Мышиный царь заставіў усихъ мышей искать кальцо, но яво ни нашли. Котъ гаворить:—„Если вы майго кальца ня сыщитя, то я вашъ увесь родъ пиривяду!“—Адна касая мышъ гаворить: — „Два глаза—рагаза, а у мяне адинъ, да зорыкъ: ни нада мнѣ и сорыкъ!“ — Ета касая мышъ пабѣгла у спальню Марьи Прикрасный и сѣла ли свѣчки. Цареўна пумалилась Богу, а кальцо палажила къ сабѣ ў ротъ. Касая мышъ прибѣгла къ мышинныму царю и гаворить:—„Я видила вѣрна: ана яго палажила у ротъ.“ — Сабрались уси мыши, стали думать, какъ ба ета кальцо вынить.—Была крыса—чипурыжка (у яе быў двайной хвостъ), ана гаворить: — „Нихто у роти ни дастанить кальца, а я дастану! Памачу у нужники свой хвостъ,—какъ цареўна ляжить, то я правалаку свой хвостъ ей па губамъ,—ана атъ етыва зварцаить, а тутъ и выплюнить кальцо,—мыши яго и падхватють.“ — Вотъ мышиный царь приказаў у спальни мышакъ стать на старожу: какъ выплюнить цареўна кальцо, то яго и несть къ царю. Вотъ эта крыса намачила у нужнику хвостъ, какъ цареўна лигла, ина и правалакла ей свой хвостъ па губамъ. Ина (цареўна) ускочила и стала варцать, и выплюнула ета кальцо; мыши яво падхватили и принясли къ царю. Царь гаворить:—„Ну, ета харашо и дли мяне и дли васъ: таперь котъ ня будить насъ тривожить!“ — Принёсъ царь мышей да свѣту коту кальцо: — „Ну, котъ, вотъ табѣ кальцо: тирануў ты насъ давольна!..“ — Ну, я ба васъ больши тирануў: ухажу я дамой. — Пришоў къ сабаки: — „Ну, сабака, атпраўляимся дамой.“ — Сабака гаворить:—„Ну, дай мнѣ кальцо!“—А котъ гаворить:—„Ну, ета ужу ни дамъ! ты старъ: станишъ кашлять—уронишъ, а у мяне зубы часты—буду диржать крѣпка!“—Сабака ни стаў спорить съ котымъ. Вотъ яны пуплули. Плули яны палтара мѣсица, ни пимши, ни ѣмши. Плувуть, адинъ на другога глидять: видить сабака, што котъ ужу тонить. У кота ужу глазы пасалавѣли, падняў іонъ голыву висока, а да беригу ища 50 верстъ. Хатѣў котъ сказать:—„Вазьми у мяне кальцо.“—Разинуў ротъ, кальцо бултыхъ у воду!—Вотъ яны гаворють:—„Госпыди, приняси насъ хуть живыхъ да краю.“ — Паднилась вальна и принясло ихъ на пристань. Атдыхали яны у травѣ—

бурьяни 3 дни. Лижали яны три дни и три ночи—ни разныкали свае вочи: усё спали. На чатвертый день яны гаворють:— „Пайдемъ мы къ сваей бѣдный хазяюшки: ти ни пакорьмить ана насъ?“—Пришли яны къ сваей хазяйки на Ѳаминой нядѣли ў сериду. Хазяйкина багадѣльня была нидалека атъ пагаста;—ува ўторникъ падавали ей милыстину: хто пирага, хто курятины, хто драчоны. Увидала ана ката и сабаку, гаворить:— „Ахъ, вы, мае забиряжитили, вы, вѣрна, хатитя ѣсть?“—Ана, што у яе було, то и атдала имъ. Наѣлись, яны и разсміялись:— „Ахъ, абѣдъ харошій!—„Ну, сабака, пайдемъ на пристань!“— Пришли яны къ морю и лягли на бирягу, падъ ракитывымъ кустомъ. Вячернію зарею асвятила берегъ, выходить зъ моря ракъ Хабёръ,—залатэя клюшни и залатэя глазы.—„Што, сабака, видишь ты ету аказію?“—Вижу!—Што мы будимъ дѣлать?—„А иди яго и валаки на гару!“—Вотъ сабака схватаў яго за клюшни, а котъ за вусы, и павалакли яго на гару.— „Ахъ, памилуйтя, за што вы мяне валакѐтя?“—А вд за што: мы патиряли ў такомъ-то и такомъ мѣсти ў мори кальцо: када ты намъ яго ни дастанишъ, то мы тябе задавимъ!—„Пуститя вы мяне на волю: я вамъ яго дастану!“—Ну, ета ужу нѣ: моря вялика—утякёшъ!—Вотъ іонъ крикнуў багатырскимъ галысымъ,—сабрались уси раки:—„Чаво изволитя, царь?“—У такомъ-то и такомъ мѣсти ети гаспада патирялн залатоя кальцо: найдитя яго!—Раки пашли, какъ темныя туча, искать кальца: узбутуражили усё моря, а кальца ни нашли; пускали напяредъ клюшни. Вотъ адинъ ракъ быў бизъ клюшонъ: нашоў кальцо, нашоў и падаў царю, а царь атдаў кату; яны етыга царя—рака выпустили и пашли дамой. Думають яны, какъ бы Ивану Иванывичу кальцо даставить. Котъ гаворить:— „Па читвиргамъ атпирають тямницу, и туды ходють купцы падавать яму милыстыню; я пайду и праскальзну къ яму, и пиридамъ кальцо.“—У чатвергъ пашоў котъ у тямницу.— Аттварили двери, купцы пашли туда съ падаяніимъ, а котъ у двери праскальзнуў и залѣзъ падъ печку. Яво пароли аттудава, но ня выпарали. Када вышли уси купцы съ тямницы, котъ вылизъ съ падъ печки и узлѣзъ на калѣни къ Ивану Иванывичу. Стаў іонъ яго гладить, котъ палажіў кальцо на руку Ивану Иванывичу. Иванъ Иванывичъ зъ руки на руку калечка пирякинуў, выскакывають 12 малайцоў;—„Што угодна?“—А

вô што: штоба раскидали увесь астрогъ! — Вотъ яны, какъ стали раскидывать, дыкъ и народу многа пабили. Иванъ Иванывичъ вышiў изъ тямницы и пашоў къ свайму мрамарнаму дварцу, а ў етымъ дварцы жiў царiў пляменникъ. Пришоў и гаворитъ:—„Ваша благуродiя, пазвольтя мнѣ ў маёмъ дварцы пиринучувать?“—Можна!—Вотъ Иванъ Иванывичъ у самую полначъ выходить на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў,—выскакывають 12 малайцоў:—„Чаво изволитя?“—А вô чаво: штоба Лукапёрнў домъ быў къ вутру пирянесинъ суда съ жаною маею Марiю Прикрасныю и сь Лукапёрымъ!—На заўтрига паглядить: домъ ужу тутъ. Узяў Иванъ Иванывичъ сваю залатую шаблю, увыйшоў у домъ, а Лукапёръ спить, iонъ яго пракалоў шпагыю, а Марья Прикрасныя упала на калѣни пирядъ имъ: — „Прасти, милый! ва усёмъ винуватъ атецъ: iонъ мяне заставiў абмануть тябе!“.. Iонъ ей прастiў, а царя выгнуў изъ дому ў чистыя поля, мать сваю узяў изъ багадѣльни, кота и сабаку бярёгъ, пака у гробъ лёгъ, а съ жаною жiў харашо.—

От старика Василiя Михайлова.

№ 34.

Якъ старуха свайго сына Воху на абученiе атдала, а потэмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ сынъ самаго Воха пирихитрiў.

Какъ жила старушка, а у яе быў адинъ толька сынокъ, и такъ ина имъ даражила, што, бувала, када яго ни ўвидить, то и низдарова. И заставила ина яго ў работники къ багатаму мужуку. Вотъ iонъ жить годъ и другей, и стала яму дужа тижало. Приходить iонъ къ сваей матушки и жалитца:—„Матухна мая, кармилица, жiў я адинъ годъ ища - ничога, другей—ища такъ сабѣ, а третiй—ужъ ни дай Богъ!“—Вотъ ина и гаворить:—Ну, сынъ, тярпи нямнога: я найду табѣ мѣста харошiя и работу легкую.—Вотъ ина и пашла. Ишла ина день и другей, и умарилась. Сѣла сиряди лугу, на кургонушку, и гаворить:—Охъ, Божа мой!.. А „Охъ“ тотъ, якъ тутъ быў, и гаворить:—Што ты ета, старушка, задумалась и охаишъ?—Вить я „Охъ.“ Што табѣ нада, то я ўсё табѣ дамъ!.. А ина гаво-

рить:—А вδ што мнѣ нада: если бы ты даў майму сыну легкую работу и харошія мѣста!.. „Ну, харашо!“ гаворить етатъ „Охъ“: привади свайго сына ка мнѣ!.. Вотъ ина и пашла дамой за сынамъ. Приходить дамой и гаворить:—„Ну, сынъ мой милый, нашла я табѣ мѣста харошія и работу легкую: ти сагласинъ ты на маю совисть, я, кажитца, табѣ худога ни хачу ничога?“—Ну такъ штожъ? Пускай будить такъ: идемъ!.. Вотъ ина пашла на тоя мѣста, куда вялѣў прихадить ей „Охъ“.—Какъ привила, то и гаворить:—„Охъ!“—А „Охъ“ какъ тутъ быў:—Чаво изволитя, милая мая старушка?—„А привила я къ табѣ сына на легкую работу.“ —Ну, такъ штожъ? Давай: я яго ни забижу!—Ну, давай распишимся, на сколька ўремя ты мнѣ яго атдаси!.. Вотъ іонъ начаў расписыватца. Патомъ и гаворить:—Ну, я яго бяру на три года!—А старушка ужу хоть ба и назадъ, да ужъ ни варотишъ: узяў етытъ „Охъ“ яе сына и павеў низвѣсна куда. Заплакала бѣдная старушка и пашла. Патомъ праходить годъ, и другей, и третій, бѣдная старушка ждеть, ждеть,—ни даждеть тога ўремя. Патомъ приходить тотъ день, старушка, такая радая, идеть за сваимъ сыночкымъ. Прайшла ана адну дарогу, и другую, и третію, а на сустрѣчу къ ей идетъ старичокъ и гаворить: — Здрастуй, старушка!..—„Здрастуй, старичокъ паштэнный!..—„Куды идешъ?—А старушка гаворить:—А, мой ты старичокъ паштэнный!—Я иду, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкую работу, сама ни знаю каму!—Старикъ и гаворить:—Ты вотъ идешъ, а сама ни знаишъ зачѣмъ: ты свайго сына ни узнаишъ.—А ина гаворить: „Ахъ, старичокъ, павучи жъ ты мяне, какъ мнѣ яго узнать!.“ А быть такъ, мая ты галубушка! Какъ ты туда придешъ, то табѣ пригонють двинадцать жирябцоў—ростъ у ростъ, хвостъ у хвостъ, и нага у нагу, и глазъ у глазъ, и будуть стыять, якъ разъ,—то ты сматри: уси будутъ стыять пряма, и гріўки калясомъ, а у твайго сыночка будить окала гривы бѣлая пятно, то ета и сынъ твой.—Вотъ ина приходитъ на то мѣста, идѣ атдавала сваяго сына, сѣла на кургонушку и сказала: „Охъ!“ А „Охъ“ тотъ якъ тутъ быў:—Што, старуха, вѣрна, за сынымъ пришла?—„Да, мой галубчикъ, вѣрна такъ!“ — Ну, падажжи нямнога!, — сказаў етытъ „Охъ“: сичасъ будить твой сынъ дастаўлинъ.—Чиризъ минуты три и гонить къ ей двинацать жирябцоў—ростъ у ростъ и грива у гриву, нага у нагу,

хвостъ у хвостъ, глазъ у глазъ, и глидять какъ разъ.—„Ну пазнавай свайго сына!“ гаворить „Охъ“. А старушка гаворить:—А, мой ты галубчикъ, я табѣ ни такога свайго сына атдавала: атдавала малайца, а вы мнѣ даетя жирябца!.. Вотъ „Охъ“ и пагнаў етыхъ жирябцоў:—Значить, ты свайго сына ни узнала; ступай дамой, а прихади на другей день!.. Заплакала бѣдная старушка горькими слязми, пашла дамой, бѣлыя руки лумаючи, гарючія слезы раняючи. Идеть бѣдная и слѣду пиридъ сабою ня видить. Праходить етытъ день и ночъ, на другой день старушка ипять идетъ на тоя мѣста, такая радая, надѣитца, што сына свайго ужу таперь вазьметь. Прайшла дарогу и другую, пришла на ета мѣста и сѣла на кургонушку, заплакала и гаворить:—Божа мой, Божа мой, куда то я свайго сыночка атдала!.. И гаворить:—„Охъ“! „Охъ“ якъ тутъ быў.— Здрастуй, бабушка!..—„Здрастуй, здрастуй, мой ты галубчикъ!“— Што, вѣрна, за сыночкамъ пришла?—„Да, мой галубчикъ!“— Ну, пагади, сичасъ!—гаворить етытъ „Охъ.“—Вотъ, черизъ минуты три, литять двинадцать галубей—пяро ў пяро, крыло ў крыло, ножка у ножку, дiўбять панямножку, глазъ у глазъ, глидять, какъ разъ.—„Ну, бабушка“, гаворить „Охъ“: „пазнавай свайго сыночка.“—А ина гаворить:—Ахъ, мой ты галубчикъ! Тутъ майго сына нѣту: я табѣ атдавала малайца, а ты мнѣ даешъ галубца!—Вотъ узяў „Охъ“ и пагнаў гулубей. Заплакала бѣдная старушка горьками слязми и пашла дамой. Патомъ и гаворить ей „Охъ.“—Ну, бабушка, прихади на третiй день: ежили ты ни пазнаишъ свайго сына, то iонъ астанитца на вѣки у мяне.—То було старухи горя, а то ящо пагаршѣла: стала ина саўсѣмъ вужъ бизъ ума; ина и гаворить:— „Што мнѣ таперь дѣлать, какъ мнѣ сына пазнать?!.. Вотъ даждалась ина третига дня и пашла. Прайшла ина адну дарогу, прайшла другую, падходить къ третiй. Падходить къ ей на ўстрѣчу старичокъ.—Здрастуй, бабушка!—„Здрастуй, здрастуй, дѣдушка!“—Куды идешъ, бабушка?—„А иду, дѣдушка, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкiя заработки, и сама ни знаю, якъ мнѣ яго варатить. Хадила я ужу два раза, да и сына ни видала. Первый разъ паказали мнѣ жирябцоў, другой разъ паказали галубцоў, а сына майго нѣту.“— Старичокъ ей гаворить:—Падажжи, я тябе паучу. Якъ придишъ ты туда, то табѣ привядуть двинадцать малайцоў—волась

[illegible] глазъ [illegible] глидять какъ разъ,—
[illegible] будуть стыять и весила
[illegible] і твой сынъ будить усё
[illegible] старушка [illegible]лагадарила старичка и пашла
[illegible] „Оху“. Пришла на ета
[illegible] залилась горькими слязами, и га-
[illegible] тутъ бну.— „Здрастуй, ста-
[illegible] слова сказать за слязами. А іонъ
[illegible] за сынамъ пришла?— „Да, мой
[illegible] сказау „Охъ“: я сичасъ при-
[illegible] іонъ двинадцать малай-
[illegible], глазъ у глазъ, глидять
[illegible].— Ну, бабушка, пазнавай, като-
[illegible] сматрѣла, патомъ заяѣтила
[illegible] іонъ, мой сынъ!— А „Охъ“ и
[illegible], што ета твой сынъ?—
[illegible] мой ты галубчикъ, сваю кроу!..“
[illegible] што съ табою дѣлать?!..
[illegible] твой сынъ.“— Вотъ узяла старушка
[illegible]. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у
[illegible] хачитца. Патомъ и гаворить ета
[illegible]— Ну, што, сынъ, будишъ дѣлать?—
[illegible] ты, матушка! Я знаю, што ни
[illegible] а ты будишъ прадаватиль, да
[illegible] будуть деньги, купимъ сабѣ,
[illegible] іонъ сичасъ чимъ-та пумазауся и стау
[illegible] свѣти никада ни бувала и никада
[illegible]— Ну, матушка, вяди мяне у горадъ и
[illegible] а узлечку вазьми съ мяне назадъ.—
[illegible] горадъ: тольки приводить у горадъ, а
[illegible] весь горадъ закалатіуся. Тутъ сичасъ
[illegible] гаспада и анаралы:— Што, ба-
[illegible] или купила?— А ина гаворить:—
[illegible] купить!“— Аткуда узяуся етытъ самый
[illegible] Прадай, бабушка, лошадь!— „А купи!“—
[illegible] пять тысичъ,— тольки съ такимъ
[illegible] назадъ“.— Да полна, бабушка! гаворить
[illegible] таргуватца, да таргуватца, узяу іонъ
[illegible] заплатіу деньги и паѣхау. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагадалась: — Ета, вѣрна, тотъ самый „Охъ“ купіў у мяне лошадь. Патомъ падходить ина къ дяреўни; тамъ стаить у канцы дяреўни кабакъ. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабакъ!“ — (А ета ужу було прйпазна, падъ вечиръ). Падходить къ кабаку, пасматрйть: стаить лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаять. Ета лошадь и гаворить чилавѣчискимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближій, атвяжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабакъ и гаворить: — „Пазвольтя сказать, гаспада: — чія ета лошадь стаяла кала кабака, сарвалась и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачіў етый „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникымъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убъеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибаить, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ніўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахывать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца яршомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметь ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершъ питухомъ и давай етый камушки падбирать. Видить „Охъ,“ — што и самаго съѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибымъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ пятухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударіў етыга ястриба и съ капылья далоў; патомъ етый арелъ скинуўся чилавѣкымъ, узяў етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да дабра наживать. Сказка ўся, и разсказывать нильзя.

у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глидять какъ разъ,— то ты сматри: усѣ будуть малайцы, усѣ будуть стыять и весила распивать, на тябе быстра узглидать, а твой сынъ будить усё пасупіўшись стыять.—Старушка публагадарила старичка и пашла къ тому мѣсту, идѣ атдавала сына „Оху“. Пришла на ета мѣста, сѣла на кургонушку и залилась горькими слязями, и гаворить:—„Охъ“.—А „Охъ“ якъ тутъ быў.— „Здрастуй, старушка!“—А ина ня можить слова сказать за слизами. А іонъ спрашіить у яе:—Што, вѣрна, за сынамъ пришла?—„Да, мой ты галубчикъ!“ — Ну, падажжи! сказаў „Охъ“: я сичасъ привяду! — Черизъ минуты три вядеть іонъ двинадцать малайцоў: воласъ у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глидять якъ разъ. „Охъ“ и гаворить: — Ну, бабушка, пазнавай, каторый твой!.. Вотъ ина сматрѣла, сматрѣла, патомъ замѣтила свайго сына и гаворить:—А вô іонъ, мой сынъ!—А „Охъ“ и гаворить ей: — А пачомъ ты знаишъ, што ета твой сынъ? — „Да какъ жа я ни пазнаю, мой ты галубчикъ, сваю кроў!..“ „Охъ“ и гаворить: — „Ну, бабушка, што съ табою дѣлать?!.. Вазьми: вѣрна, ужъ ета твой сынъ.“ — Вотъ узила старушка свайго сына и пувила дамой. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у ихъ ни канѣйки, а паѣсь хочитца. Патомъ и гаворить ета старушка на свайго сына:—Ну, што, сынъ, будимъ дѣлать?— А іонъ гаворить:—„Маўчи-ка ты, матушка! Я знаю, што мы сдѣлаимъ: я скинусь лошадьдю, а ты будишъ прадаватиль, да вяди мяне и прадай; вотъ у насъ будуть деньги, купимъ сабѣ, што намъ нада“.—Вотъ іонъ сичасъ чимъ-та пумазаўся и стаў такимъ жирябцомъ, какога у свѣти никада ни бувала и никада ня будить, и гаворить:—Ну, матушка, вяди мяне ў горадъ и прадай за харошую цѣну, а уздечку вазьми съ мяне назадъ.— Вотъ ина пувила яго ў горадъ; толька приводить ў горадъ, а іонъ какъ зарзаў, ажъ увесь горадъ закалатіўся. Тутъ сичасъ пасабрались къ ей усѣ купцы, гаспада и анаралы: — Што, бабушка, прадаёшъ лошадь, или купила? — А ина гаворить:— „Да, прадаю: изволькя купить!“—Аткуда узяўся етытъ самый „Охъ“ и гаворить:—Прадай, бабушка, лошадь!—„А купи!“— Што вазмешъ? — „А давай пять тысичъ, — толька съ такимъ угаворамъ: уздечку мнѣ назадъ“.—Да полна, бабушка! гаворить етытъ „Охъ“. — Вотъ таргуватца, да таргуватца, узяў іонъ етага каня съ уздечкай, заплатіў деньги и паѣхаў. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагадалась: — Ета, вѣрна, тотъ самый „Охъ“ купіў у мяне лошадь. Патомъ падходить ина къ дяреўни; тамъ стаить у канцы дяреўни кабакъ. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабакъ!“ — (А ета ужу було прйпазна, падъ вечиръ). Падходить къ кабаку, пасматрйть: стаить лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаять. Ета лошадь и гаворить чилавѣчискимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближій, атвяжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабакъ и гаворить: — „Пазвольтя сказать, гаспада: — чія ета лошадь стаяла кала кабака, сарвалась и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачіў етый „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникымъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убъеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибаить, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ніўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахывать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца яршомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметь ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершъ питухомъ и давай етый камушки падбирать. Видить „Охъ,“ — што и самаго съѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибымъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ пятухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударіў етыга ястриба и съ капылья далоў; патомъ етый арелъ скинуўся чилавѣкымъ, узяў етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да дабра наживать. Сказка ўся, и разсказывать нильзя.

№ 35.

А цареўни Нисміянни.

Служіў салдатъ двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя. Вотъ іонъ пашоу було дамой. Патомъ и гаворить:—„Стой, пайду—варачусь, я хоть царя пасматрю: а то мнѣ бабы диряревенскія выпарють глāзы, што я служіў двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя“.—Ну, пашоў іонъ черизъ рѣчку; паўзеть ракъ и гаворить:—Дай мнѣ, салдатъ, питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь патомъ.—Ишоў іонъ ящо дальши; бягить мышъ:—„Дай мнѣ, салдатъ, питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь!..“ Іонъ даў. Идеть дальшій, бягить жукъ:—„Салдатъ, дай питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь!“.. Іонъ и етаму дай. Приходить къ царскаму дварцу, а ў томъ дварцы іость цареўна; ина и гаворить:—Хто мяне разсмяшить, тому я атдамъ палавину царства!—Салдатъ пашоў у кабакъ, заставіў свае рубашки, напіўся водки, пришоў іонъ съ кабака и заваліўся іонъ у царскихъ варатахъ у грязь. Аткуда узялись мышъ, и ракъ, и жукъ. Патомъ ета мышъ, и ракъ, и жукъ сняли зъ яго ету шинель и паташили ў ряку мыть. Мышъ валочить зубами, а ракъ сащаміў клюшнями, и палощуть. Патомъ ета мышъ принисла яму ету шинель, ракъ лажитца уверхъ клюшнями, мышъ усклала на ети клюшни шинель, а жукъ кругомъ литаить и сушить. Патомъ ета цареўна увидала ета чуда, пабѣгла къ свайму атцу и гаворить:—Пасматритя, папаша, якея у нашихъ варатахъ чудиса, какихъ вы никада ни видали!.. И засміялась. Патомъ етытъ салдатъ усхватіўся и идетъ у дварецъ. Патомъ спрашиваить чисавова:—Пуститя мяне да гасударя!—Яго дапустили; іонъ увайшоў у дварецъ. Гасударь выходить раздѣўши:—Вы, салдатъ, зачѣмъ пришли?—„Да я пришоў, што я дващать пять лѣтъ служіў и ни видаў царя: пришоў царя пасматрѣть!“—Да ты, салдатъ, пагади!.. Выходить гасударь адѣўшись.—„Ну, ти видишъ царя?“—Вижу.—„Ну, ты, братецъ, таперъ иди!“—Вялѣў яму гасударь прихадить вичарōмъ. Салдатъ пашоу у тотъ самый кабакъ, заставіў рубашки, напіўся водки и идеть во дварецъ. Ѣдить министиръ и спрашиваить:—Куда идешъ?“—„А иду я во дварецъ.“—Вотъ табѣ сто рублей: ни разсказывай съ цареўный ничаво!.. Салдатъ узяў сто рублей и варатіўся.

Пашоў у кабакъ, купіў хунтъ канхветъ и банку памады и варатіўся ипять во дварецъ. Патомъ и кладуть спать министра, салдата и цареўну: къ кому цареўна пирявѐрнитца, за таго и замужъ идить. Вотъ салдатъ прашнуўся и гаворить: — Ахъ, я с...ь хачу!.. А цареўна ужу спить. Министиръ гаворить:—Ая даўно хачу!—Салдатъ и гаворить:—Я пайду напакащу ў углѣ!.. А министиръ гаворить:—А ужу и я пайду!"—Вотъ салдать ни напакастіў, а министръ напакастіў. Прашнуўся салдатъ и гаворить:—„Што ты, гаспадинъ, спишъ?"—Нѣтъ.—„Намъ будить худа: я свае г.... паѣмъ!" — Вотъ салдатъ слѣзъ у угалъ и начаў ѣсть канхветы. Слышить министиръ, што іонъ начаў ѣсть, и гаворить: —Пайду и я сваё ѣсть!.. Министиръ узяў у ротъ, яво и начало тамъ чистить, такъ што іонъ ня могъ ѣсть. Патомъ ихъ выпустили. Салдатъ отправіўся ипять у кабачокъ, а вечирымъ идеть у дварецъ. Даганяить яго министиръ, даеть яму двѣстя рублей:—„Ни расказывай съ цареўныю ничога!".. А самъ министиръ купіў сабѣ кусокъ падошвы, бичоўку и иглу, заѣхаў у бярезникъ и гаворить на кучира:—Зашивай мнѣ ж.... Патомъ ипять ихъ палажили у комнати: къ каму цареўна пирявѐрнитца, за таго и замужъ пойдить.—Када министиръ заснуў, мышъ и пратачила ету падошву. Вотъ жукъ етытъ палѣзъ министру ў ж..у и напароў аттуда г...., а ракъ етытъ панесъ па ўсей пастели и па пухавикахъ. Патомъ ихъ ипять распустили. Салдатъ пашоў ипять у кабачокъ и напіўся гарѣлки. Патомъ, вечирамъ, салдатъ идеть ипять у царскій дварецъ, а министиръ ѣдить, и даетъ яму триста рублей, штоба іонъ ничога ни гаваріў съ цареўнаю, а самъ забіў ж..у кляпнемъ и зашіў надошваю. Вотъ, када лягли яны спать, министиръ ужъ заснуў, то мышъ и палѣзла тачить етыму министру ж..у. Вотъ ина пратачила падошву и гаворить:—Лѣзь, жукъ!—Іонъ палѣзъ. Пасмотрить: а тамъ кляпень. Што тутъ дѣлать? Мышъ сказала:—„Стой, жукъ! палѣзимъ мы етаму министру хватакомъ у ноздри!—Етый министиръ якъ чихнеть, кляпень какъ выскачить: жука и убила. Патомъ мышь и ракъ и думають:—„Што намъ таперь дѣлать бязъ жука?—Давай мы яго папробуимъ аткалыхавать."—Калыхать, да калыхать,—аткалыхали. Патомъ етытъ жукъ съ серца якъ палѣзъ въ .... и напёръ аттуда етыга калу, а ракъ какъ начаў вазить сваими клюшнями, такъ што цареўни ужу и дѣтца нейди; то ета цареўна къ салдату

ближій, ближій, и падпаўзла къ яму падъ шинель. Ина и давай яго распрашивать, идѣ быў, идѣ служіў. Патомъ и гаворить:— „Ахъ, какой нявѣжа етытъ министиръ!“ Патомъ ихъ выпустили. Министра етыга привязали къ лашадиныму хвасту за яго дурную и слабую ж . . ., а салдата пиривинчали съ цареўнаю. Стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 36.

Ѳама—Широкая Барада, багатырь магучій и хитрэй.

Ѳама багатырь, Широкая Барада, пахаў на сваей кабыленки. Пустіў кабыленку на паўдни и лёхъ атдыхать. Пасѣли яму мухи на лысину, и ударіў іонъ мухъ етыхъ сибѣ на лысини. Убіў етыхъ мухъ, паглядѣў, што ихъ многа. Быў іонъ граматинъ; узяў етыхъ мухъ, пащитаў и записаў:

— „Хама, Широкая Барада, силный—магучій багатырь, аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“—Закончіў такъ:

— „Таперь я силный, магучій багатырь!..“

Узяў серпъ и дярюгу, садіўся на сваю лошать и ѣхаў па дароги и кидаў па дароги записки:

— „Праизжаить силный-магучій Хама багатырь—аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“

Падъизжаить на запавѣдныи луги, близка царьскій дварецъ, и разбіў шатеръ съ дерюги, лёхъ атдыхать.

Ѣхаў тымъ путемъ багатырь, падымаў багатырь еты записки и читаў, што праѣхыў силный-магучій багатырь Хама, и падъизжаить къ Хамѣ близка, а Хама ляжить, надъ имъ дярюга распята.

Злазить багатырь съ лошади, падходить къ Хамѣ, къ Широкій Барадѣ, къ шатру:

— „Здрастуй, Ѳама Широкая Барада, силный магучій багатырь!—Што мнѣ пазволитя ти мима праѣхать, ай здѣсь астанавитца?“

— Ня смѣть мима ѣхать: разбивай шатеръ близка, лажися!

Ѣдить другей багатырь, раскладываитца здѣсь и съ лошадьдю, падходить къ етыму багатырю:

— Здрастуй!

— „Здрастуй!“

— Ти ты Өама, Широкая Барада!

— „Нѣ, ни я, а тэй вонъ;—іонъ мине ни пускаить ѣхать далій“.

Падходить пріѣзжій багатырь къ Хамѣ:

— „Здрастый, Өама, Широкая Барада, силный-магучій багатырь!..“

Серцамъ крикнуў: „Здрастый!“

— Што прикажитя: ти мима праизжать, ай здѣсь астанавитца?

— „Нѣтъ, ня смѣть мима ѣхать,—астанавлей здѣсь!..“

Узяў Өама ипять приляпіў близъ шатра записку:

— „Ня смѣть къ Хамѣ ѣхать!“

Ѣдить третій багатырь, глянуў: три шатры разбита, и на шатрѣ записка приложина.

Злазить зъ лошади багатырь, здрастуитца:

— Прикажитя мима ѣхать?

— „Нѣ, здѣсь астанавлійся!..“

Пасматрйть гусударь: три шатры у запавѣдныхъ лугахъ, и лошади ходють.

Гусударь шлеть багатыря узнать, якея ета за люди. Іонъ падъизжаить къ шатрамъ:

— „Нявѣжи, шатры на чужихъ лугахъ разбили, лашадей пустили—выхадитя на паядинныкъ! Сичасъ голыву сыму!“

Таварыши пришли къ Хамѣ падъ шатеръ:

— „Ти сами паѣдитя къ багатырю, ай насъ пашлетя?“

— Васъ пашлю. Паизжай упередъ тэй, каторый напярёдъ усихъ пріѣхаў!

Паѣхаў тэй и убіў посланныва багатыря. Гусударь ждаў, ждаў—шлеть другова багатыря на помычъ.

Тэй багатырь закричаў:

— „Нявѣжи, пупустили лашадей на чужимъ лугу, а сами лижать!“

Яны къ Өамѣ. Өама гаворить:

— „Паизжай, братицъ, ты, сяредній!..“

Сичасъ паѣхыў етый, пагубіў посланныва багатыря.

Засылаить гусударь третива багатыря на помыщъ. Наиз-

бурьяни 3 дни. Лижали яны три дни и три ночи—ни размыкали свае вочи: усё спали. На чатвертый день яны гаворють:—„Пайдемъ мы къ свавей бѣдный хазяюшки: ти ни пакорьмить ана насъ?“—Пришли яны къ свавей хазяйки па Ѳаминой нядѣли ў сериду. Хазяйкина багадѣльня была нидалека атъ пагаста;—ува ўторникъ падавали ей милыстину: хто пирага, хто курятины, хто драчоны. Увидала ана ката и сабаку, гаворить:—„Ахъ, вы, мае забиряжитили, вы, вѣрна, хатитя ѣсть?“—Ана, што у яе було, то и атдала имъ. Наѣлись, яны и разсміялись:—„Ахъ, абѣдъ харошій!—„Ну, сабака, пайдемъ на пристань!“—Пришли яны къ морю и лягли на бирягу, падъ ракитывымъ кустомъ. Вячернію зарею асвятила беригъ, выходить зъ моря ракъ Хабёръ,—залатэя клюшни и залатэя глазы.—„Што, сабака, видишъ ты ету аказію?“—Вижу!—Што мы будимъ дѣлать?—„А иди яго и валаки на гару!“—Вотъ сабака схватаў яго за клюшни, а котъ за вусы̂, и павалакли яго на гару.—„Ахъ, памилуйтя, за што вы мяне валакётя?“—А во̂ за што: мы патиряли ў такомъ-то и такомъ мѣсти ў мори кальцо: када ты намъ яго ни дастанишъ, то мы тябе задавимъ!—„Пуститя вы мяне на волю: я вамъ яго дастану!“—Ну, ета ужу нѣ: моря вялика—утякёшъ!—Вотъ іонъ крикнуў багатырскимъ голысымъ,—сабрались уси раки:—„Чаво изволитя, царь?“—У такомъ-то и такомъ мѣсти ети гаспада патиряли залатоя кальцо: найдитя яго!—Раки пашли, какъ темныя туча, искать кальца: узбутуражили усё моря, а кальца ни нашли; пускали напяредъ клюшни. Вотъ адинъ ракъ быў бизъ клюшонъ: нашоў кальцо, нашоў и падаў царю, а царь атдаў катў; яны етыга царя—рака выпустили и пашли дамой. Думають яны, какъ бы Ивану Иванывичу кальцо даставить. Котъ гаворить:—„Па читвиргамъ атпирають тямницу, и туды ходють купцы падавать яму милыстыню; я пайду и праскальзну къ яму, и пиридамъ кальцо.“—У чатвергъ пашоў котъ у тямницу.—Аттварили двери, купцы пашли туда съ падаяніимъ, а котъ у двери праскальзнуў и залѣзъ падъ печку. Яво пароли аттудава, но ня выпарали. Када вышли уси купцы съ тямницы, котъ вылизъ съ падъ печки и узлѣзъ на калѣни къ Ивану Иванывичу. Стаў іонъ яго гладить, котъ палажіў кальцо на руку Ивану Иванывичу. Иванъ Иванывичъ зъ руки на руку калечка пирякинуў, выскакывають 12 малайцоў;—„Што угодна?“—А

вȏ што: штоба раскидали увесь астрогъ! — Вотъ яны, какъ стали раскидывать, дыкъ и народу многа пабили. Иванъ Иванывичъ вышiў изъ тямницы и пашоў къ свайму мрамарнаму дварцу, а ў етымъ дварцы жiў цȃрiў пляменникъ. Пришоў и гаворитъ:—„Ваша благуродiя, пазвольтя мнѣ ў маёмъ дварцы пиринучуватъ?“—Можна!—Вотъ Иванъ Иванывичъ у самую полначъ выходить на паратныя крыльцо, съ руки на руку калечка пирякинуў,—выскакываютъ 12 малайцоў:—„Чаво изволитя?“—А вȏ чаво: штоба Лукапёрыў домъ быў къ вутру пирянесинъ суда съ жаною маею Марiю Прикрасныю и съ Лукапёрымъ!—На заўтрига паглядить: домъ ужу тутъ. Узяў Иванъ Иванывичъ сваю залатую шаблю, увыйшоў у домъ, а Лукапёръ спить, iонъ яго пракалоў шпагыю, а Марья Прикрасныя упала на калѣни пирядъ имъ: — „Прасти, милый! ва усёмъ винуватъ атецъ: iонъ мяне заставiў абмануть тябе!“.. Iонъ ей прастiў, а царя выгнуў изъ дому ў чистыя поля, мать сваю узяў изъ багадѣльни, кота и сабаку бярёгъ, пака у гробъ лёгъ, а съ жаною жiў харашо.—

От старика Василія Михайлова.

№ 34.

Якъ старуха свайго сына Воху на абученiе атдала, а потэмъ яго узнавала; научившись, старушкинъ сынъ самаго Воха пирихитрiў.

Какъ жила старушка, а у яе быў адинъ тольха сынокъ, и такъ ина имъ даражила, што, бувала, када яго ни ўвидить, то и низдарова. И заставила ина яго ў работники къ багатаму мужуку. Вотъ iонъ жить годъ и другей, и стала яму дужа тижало. Приходить iонъ къ сваей матушки и жалитца:—„Матухна мая, кармилица, жiў я адинъ годъ ища - ничога, другей—ища такъ сабѣ, а третiй—ужъ ни дай Богъ!“—Вотъ ина и гаворить:—Ну, сынъ, тярпи нямнога: я найду табѣ мѣста харошiя и работу легкую.—Вотъ ина и пашла. Ишла ина день и другей, и умарилась. Сѣла сиряди лугу, на кургонушку, и гаворить:—Охъ, Божа мой!.. А „Охъ“ тотъ, якъ тутъ быў, и гаворить:—Што ты ета, старушка, задумалась и охаишъ?—Вить я „Охъ.“ Што табѣ нада, то я ўсё табѣ дамъ!.. А ина гаво-

рить:—А вô што мнѣ нада: если бы ты даў маиму сыну легкую работу и харошія мѣста!.. „Ну, харашо!“ гаворить етатъ „Охъ“: привади свайго сына ка мнѣ!.. Вотъ ина и пашла дамой за сынамъ. Приходить дамой и гаворить:—„Ну, сынъ мой милый, нашла я табѣ мѣста харошія и работу легкую: ти сагласинъ ты на маю совисть, я, кажитца, табѣ худога ни хачу ничога?“—Ну такъ штожъ? Пускай будить такъ: идемъ!.. Вотъ ина пашла на тоя мѣста, куда вялѣў приходить ей „Охъ“.—Какъ привила, то и гаворить:—„Охъ!“—А „Охъ“ какъ тутъ быў:—Чаво изволитя, милая мая старушка?—„А привила я къ табѣ сына на легкую работу.“ — Ну, такъ штожъ? Давай: я яго ни забижу!—Ну, давай распишимся, на сколька ўремя ты мнѣ яго атдаси!.. Вотъ іонъ начаў расписыватца. Патомъ и гаворить:—Ну, я яго бяру на три года!—А старушка ужу хоть ба и назадъ, да ужъ ни варотишъ: узяў етытъ „Охъ“ яе сына и павеў низвѣсна куда. Заплакала бѣдная старушка и пашла. Патомъ праходить годъ, и другей, и третій, бѣдная старушка ждеть, ждеть,—ни даждеть тога ўремя. Патомъ приходить тотъ день, старушка, такая радая, идеть за сваимъ сыночкымъ. Прайшла ана адну дарогу, и другую, и третію, а на сустрѣчу къ ей идетъ старичокъ и гаворить: — Здрастуй, старушка!..—„Здрастуй, старичокъ паштэнный!..—„Куды идешъ?—А старушка гаворить:—А, мой ты старичокъ паштэнный!—Я иду, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкую работу, сама ни знаю каму!—Старикъ и гаворить:—Ты вотъ идешъ, а сама ни знаишъ зачѣмъ: ты свайго сына ни узнаишъ.—А ина гаворить: „Ахъ, старичокъ, павучи жъ ты мяне, какъ мнѣ яго узнать!.“ А быть такъ, мая ты галубушка! Какъ ты туда придешъ, то табѣ пригонють двинадцать жирябцоў—ростъ у ростъ, хвостъ у хвостъ, и нага у нагу, и глазъ у глазъ, и будуть стыять, якъ разъ,—то ты сматри: уси будутъ стыять пряма, и гріўки калясомъ, а у твайго сыночка будить окала гривы бѣлая пятно, то ета и сынъ твой.—Вотъ ина приходитъ на то мѣста, идѣ атдавала сваяго сына, сѣла на кургонушку и сказала: „Охъ!“ А „Охъ“ тотъ якъ тутъ быў:—Што, старуха, вѣрна, за сынымъ пришла?—„Да, мой галубчикъ, вѣрна такъ!“ — Ну, падажжи нямнога!, — сказаў етытъ „Охъ“: сичасъ будить твой сынъ дастаўлинъ.—Чиризъ минуты три и гонить къ ей двинацать жирябцоў—ростъ у ростъ и грива у гриву, нага у нагу,

хвость у хвость, глазъ у глазъ, и глидять какъ разъ.—„Ну пазнавай свайго сына!“ гаворить „Охъ“. А старушка гаворить:—А, мой ты галубчикъ, я табѣ ни такога свайго сына атдавала: атдавала малайца, а вы мнѣ даетя жирибца!.. Вотъ „Охъ“ и пагнаў етыхъ жирябцоў:—Значить, ты свайго сына ни узнала; ступай дамой, а прихади на другей день!.. Заплакала бѣдная старушка горькими слязми, пашла дамой, бѣлыя руки лумаючи, гарючія слезы раняючи. Идеть бѣдная и слѣду пиридъ сабою ня видить. Праходить етытъ день и ночъ, на другой день старушка ипятъ идетъ на тоя мѣста, такая радая, надѣитца, што сына свайго ужу таперь вазьметь. Прайшла дарогу и другую, пришла на ета мѣста и сѣла на кургонушку, заплакала и гаворить:—Божа мой, Божа мой, куда то я свайго сыночка атдала!.. И гаворить:—„Охъ“! „Охъ“ якъ тутъ быў.— Здрастуй, бабушка!..—„Здрастуй, здрастуй, мой ты галубчикъ!“— Што, вѣрна, за сыночкамъ пришла?—„Да, мой галубчикъ!“— Ну, пагади, сичасъ!—гаворить етытъ „Охъ.“ — Вотъ, чериз минуты три, литять двинадцать галубей—пяро ў пяро, крыло ў крыло, ножка у ножку, дiубять панянножку, глазъ у глазъ, глидять, какъ разъ.—„Ну, бабушка“, гаворить „Охъ“: „пазнавай свайго сыночка.“—А ина гаворить: — Ахъ, мой ты галубчикъ! Тутъ майго сына нѣту: я табѣ атдавала малайца, а ты мнѣ даешъ галубца! — Вотъ узяў „Охъ“ и пагнаў гулубей. Заплакала бѣдная старушка горьками слязми и пашла дамой. Патомъ и гаворить ей „Охъ.“ — Ну, бабушка, прихади на третiй день: ежили ты ни пазнаишъ свайго сына, то iонъ астанiтца на вѣки у мяне.—То було старухи горя, а то ящо пагаршѣла: стала ина саўсѣмъ вужъ биз вума; ина и гаворить:— „Што мнѣ таперь дѣлать, какъ мнѣ сына пазнать?!.. Вотъ даждалась ина третига дня и пашла. Прайшла ина адну дарогу, прайшла другую, падходить къ третiй. Падходить къ ей на ўстрѣчу старичокъ.—Здрастуй, бабушка!—„Здрастуй, здрастуй, дѣдушка!“ — Куды идешъ, бабушка? — „А иду, дѣдушка, сама ни знаю куды. Атдала я свайго сыночка у легкiя заработки, и сама ни знаю, якъ мнѣ яго варатить. Хадила я ужу два раза, да и сына ни видала. Первый разъ паказали мнѣ жирябцоў, другой разъ паказали галубцоў, а сына майго нѣту.“— Старичокъ ей гаворить: — Падажжи, я тябе паучу. Якъ придишъ ты туда, то табѣ привядуть двинадцать малайцоў—валасъ

у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глидять какъ разъ,— то ты сматри: усѣ будуть малайцы, усѣ будуть стыять и весила распивать, на тябе быстра узглидать, а твой сынъ будить усё пасупіўшись стыять.—Старушка публагадарила старичка и пашла къ тому мѣсту, идѣ атдавала сына „Оху". Пришла на ета мѣста, сѣла на кургонушку и залилась горькими слязми, и гаворить:—„Охъ".—А „Охъ" якъ тутъ быў.—„Здрастуй, старушка!"—А ина ня можить слова сказать за слизами. А іонъ спрашіить у яе:—Што, вѣрна, за сынамъ пришла?—„Да, мой ты галубчикъ!"—Ну, падажжи! сказаў „Охъ": я сичасъ привяду!—Черизъ минуты три вядеть іонъ двинадцать малайцоў: воласъ у воласъ, голасъ у голасъ, глазъ у глазъ, глидять якъ разъ. „Охъ" и гаворить:—Ну, бабушка, пазнавай, каторый твой!.. Вотъ ина сматрѣла, сматрѣла, патомъ замѣтила свайго сына и гаворить:—А во іонъ, мой сынъ!—А „Охъ" и гаворить ей:—А пачомъ ты знаишъ, што ета твой сынъ?— „Да какъ жа я ни пазнаю, мой ты галубчикъ, сваю кроў!.." „Охъ" и гаворить:—„Ну, бабушка, што съ табою дѣлать?!.. Вазьми: вѣрна, ужъ ета твой сынъ."—Вотъ узила старушка свайго сына и пувила дамой. Вотъ яны ишли, ишли, денигъ у ихъ ни капѣйки, а паѣсь хочитца. Патомъ и гаворить ета старушка на свайго сына:—Ну, што, сынъ, будимъ дѣлать?— А іонъ гаворить:—„Маўчи-ка ты, матушка! Я знаю, што мы сдѣлаимъ: я скинусь лошадьдю, а ты будишъ прадаватиль, да вяди мяне и прадай; вотъ у насъ будуть деньги, купимъ сабѣ, што намъ нада".—Вотъ іонъ сичасъ чимъ-та пумазаўся и стаў такимъ жирябцомъ, какога у свѣти никада ни бувала и никада ня будить, и гаворить:—Ну, матушка, вяди мяне ў горадъ и прадай за харошую цѣну, а уздечку вазьми съ мяне назадъ.— Вотъ ина пувила яго ў горадъ; толька приводить ў горадъ, а іонъ какъ зарзаў, ажъ увесь горадъ закалатіўся. Тутъ сичасъ пасабрались къ ей усѣ купцы, гаспада и анаралы:—Што, бабушка, прадаёшъ лошадь, или купила?—А ина гаворить:— „Да, прадаю: извольтя купить!"—Аткуда узяўся етытъ самый „Охъ" и гаворить:—Прадай, бабушка, лошадь!—„А купи!"— Што вазмешъ?—„А давай пять тысичъ,—толька съ такимъ угаворамъ: уздечку мнѣ назадъ".—Да полна, бабушка! гаворить етытъ „Охъ".—Вотъ таргуватца, да таргуватца, узяў іонъ етага каня съ уздечкай, заплатіў деньги и паѣхаў. Патомъ

уздумала старуха, какъ жить бязъ сына, и гаворить: — „Што я сдѣлала? Іонъ мнѣ приказаў прадавать бизъ уздечки, а я прадала, якъ сама знала, — што мнѣ таперь дѣлать? — И дагадалась: — Ета, вѣрна, тотъ самый „Охъ“ купіў у мяне лошадь. Патомъ падходить ина къ дяреўни; тамъ стаить у канцы дяреўни кабакъ. Ина и гаворить: — „Дай зайду у кабакъ!“ — (А ета ужу було припазна, падъ вечиръ). Падходить къ кабаку, пасматрйть: стаить лошадь съ падтянутой уздой такъ, што ня можить ина и стаять. Ета лошадь и гаворить чилавѣчискимъ голысымъ: — Матушка мая милая, падайди ка мнѣ паближій, атвяжи мяне, и скинь съ мяне уздечку, и вазьми сабѣ!.. А ина гаворить: — „Я баюсь тябе: ты мяне убьешъ“!.. А іонъ гаворить: — „Я твой сынъ, каторага ты вадила у горадъ прадавать!..“ Вотъ ина сбросила съ яго уздечку и палажила яго у сумку сабѣ. Патомъ уходить у кабакъ и гаворить: — „Паволитя сказать, гаспада: — чія ета лошадь стаяла кала кабака, сарвалась и пубижала?“ — Тутъ сичасъ выскачіў етый „Охъ“, а лошади ужъ и слѣдъ прастыў. Вотъ іонъ сичасъ какъ скинитца валкомъ, да услѣдъ за имъ, а іонъ якъ скинитца ахотникымъ — и пашоў услѣдъ за ваўкомъ. Видить „Охъ“, што убъеть, — какъ скинитца агнемъ, и давай етыга ахотника жечъ. Патомъ ахотникъ видить, што верхъ яго пашибаить, — якъ скинитца вадою и давай агонь тушить. Етытъ „Охъ“ видить, што яго ніўзятки, какъ скинитца щукаю и давай ваду размахывать. Видить вада, што агонь бѣситца, — якъ скинитца яршомъ, а щука услѣдъ за имъ. Тада ершъ и гаворить: — „Какъ щука ня быстра, а ни вазьметъ ирша съ хваста!“ — Вотъ какъ скинитца щука мелкимъ камнимъ, а ершъ питухомъ и давай етый камушки падбирать. Видить „Охъ,“ — што и самаго съѣсть; какъ скинитца іонъ ястрибымъ, и давай питуха лавить. Патомъ етытъ пятухъ, якъ скинитца арломъ, — какъ ударіў етыга ястриба и съ капылья далоў; патомъ етый арелъ скинуўся чилавѣкымъ, узяў етыга ястриба, парваў, а костычки палумаў, пашоў дамой къ сваей матушки, стаў жить, да паживать, да дабра наживать. Сказка ўся, и разсказывать нильзя.

№ 35.

А цареўни Нисміянни.

Служіў салдатъ двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя. Вотъ іонъ пашоу було дамой. Патомъ и гаворить: — „Стой, пайду — варачусь, я хоть царя пасматрю: а то мнѣ бабы диравенскія выпарють глазы, што я служіў двадцать пять лѣтъ и ни видаў царя“. — Ну, пашоў іонъ черизъ рѣчку; паўзеть ракъ и гаворить: — Дай мнѣ, салдатъ, питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь патомъ. — Ишоў іонъ ящо дальши; бягить мышъ: — „Дай мнѣ, салдатъ, питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь!..“ Іонъ даў. Идетъ дальшій, бягить жукъ: — „Салдатъ, дай питнадцать капѣикъ: я табѣ пригажусь!“.. Іонъ и етаму дай. Приходить къ царскаму дварцу, а ў томъ дварцы іость цареўна; ина и гаворить: — Хто мяне разсмяшить, тому я атдамъ палавину царства! — Салдатъ пашоў у кабакъ, заставіў свае рубашки, напіўся водки, пришоў іонъ съ кабака и заваліўся іонъ у царскихъ варатахъ у грязь. Аткуда узялись мышъ, и ракъ, и жукъ. Патомъ ета мышъ, и ракъ, и жукъ сняли зъ яго ету шинель и паташили ў ряку мыть. Мышъ валочить зубами, а ракъ сащаміў клюшнями, и палощуть. Патомъ ета мышъ принисла яму ету шинель, ракъ лажитца уверхъ клюшнями, мышъ усклала на ети клюшни шинель, а жукъ кругомъ литаить и сушить. Патомъ ета цареўна увидала ета чуда, пабѣгла къ свайму атцу и гаворить: — Пасматритя, папаша, якея у нашихъ варатахъ чудиса, какихъ вы никада ни видали!.. И засміялась. Патомъ етытъ салдатъ усхватіўся и идетъ у дварецъ. Патомъ спрашиваить чисавова: — Пуститя мяне да гасударя! — Яго дапустили; іонъ увайшоў у дварецъ. Гасударь выходить раздѣўши: — Вы, салдатъ, зачѣмъ пришли? — „Да я пришоў, што я двацать пять лѣтъ служіў и ни видаў царя: пришоў царя пасматрѣть!“ — Да ты, салдатъ, пагади!.. Выходить гасударь адѣўшись. — „Ну, ти видишъ царя?“ — Вижу. — „Ну, ты, братецъ, таперъ иди!“ — Вялѣў яму гасударь прихадить вичарðмъ. Салдатъ пашоу у тотъ самый кабакъ, заставіў рубашки, напіўся водки и идеть во дварецъ. Ѣдить министиръ и спрашиваить: — Куда идешъ?“ — „А иду я во дварецъ.“ — Вотъ табѣ сто рублей: ни разсказывай съ цареўный ничаво!.. Салдатъ узяў сто рублей и вараті́ўся.

Пашоў у кабакъ, купіў хунтъ канхветъ и банку памады и варатіўся ипять во дварецъ. Патомъ и кладуть спать министра, салдата и цареўну: къ кому цареўна пирявѐрнитца, за таго и замужъ идить. Вотъ салдатъ прашнуўся и гаворить: — Ахъ, я с...ь хачу!.. А цареўна ужу спить. Министиръ гаворить:—Ая даўно хачу!—Салдатъ и гаворить:—Я пайду напакащу ў углѣ!.. А министиръ гаворить:— А ужу и я пайду!"—Вотъ салдать ни напакастіў, а министръ напакастіў. Прашнуўся салдатъ и гаворить:—„Што ты, гаспадинъ, спишъ?"—Нѣтъ.—„Намъ будить худа: я свае г.... паѣмъ!" — Вотъ салдатъ слѣзъ у угалъ и начаў ѣсть канхветы. Слышить министиръ, што іонъ начаў ѣсть, и гаворить: —Пайду и я сваѐ ѣсть!.. Министиръ узяў у ротъ, яво и начало тамъ чистить, такъ што іонъ ня могъ ѣсть. Патомъ ихъ выпустили. Салдатъ отправіўся ипять у кабачокъ, а вечирымъ идеть у дварецъ. Даганяить яго министиръ, даеть яму двѣстя рублей:—„Ни расказывай съ цареўныю ничога!".. А самъ министиръ купіў сабѣ кусокъ падошвы, бичоўку и иглу, заѣхаў у бярезникъ и гаворить на кучира:—Зашивай мнѣ ж.... Патомъ ипять ихъ палажили у комнати: къ каму цареўна пирявѐрнитца, за таго и замужъ пойдить.—Када министиръ заснуў, мышъ и пратачила ету падошву. Вотъ жукъ етытъ палѣзъ министру ў ж..у и напароў аттуда г...., а ракъ етытъ панесъ па ўсей пастели и па пухавикахъ. Патомъ ихъ ипять распустили. Салдатъ пашоў ипять у кабачокъ и напіўся гарѣлки. Патомъ, вечирамъ, салдатъ идеть ипять у царскій дварецъ, а министиръ ѣдить, и даетъ яму триста рублей, штоба іонъ ничога ни гаваріў съ цареўнаю, а самъ забіў ж..у кляпнемъ и зашіў падошваю. Вотъ, када лягли яны спать, министиръ ужъ заснуў, то мышъ и палѣзла тачить етыму министру ж..у. Вотъ ина пратачила падошву и гаворить:—Лѣзь, жукъ!—Іонъ палѣзъ. Пасмотрить: а тамъ кляпень. Што тутъ дѣлать? Мышъ сказала:—„Стой, жукъ! палѣзимъ мы етаму министру хватакомъ у ноздри!—Етый министиръ якъ чихнеть, кляпень какъ выскачить: жука и убила. Патомъ мышь и ракъ и думають:—„Што намъ таперь дѣлать бязъ жука?—Давай мы яго папробуимъ аткалыхавать."—Калыхать, да калыхать,—аткалыхали. Патомъ етытъ жукъ съ серца якъ палѣзъ въ .... и наперъ аттуда етыга калу, а ракъ какъ начаў вазить сваими клюшнями, такъ што цареўни ужу и дѣтца нейди; то ета цареўна къ салдату

ближій, ближій, и падпаўзла къ яму падъ шинель. Ина и давай яго распрашивать, идѣ быў, идѣ служіў. Патомъ и гаворить:— „Ахъ, какой нявѣжа етытъ министиръ!“ Патомъ ихъ выпустили. Министра етыга привйзали къ лашадиныму хвасту за яго дурную и слабую ж . . ., а салдата пиривинчали съ цареўнаю. Стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 36.

Ѳама—Широкая Барада, багатырь магучій и хитрэй.

Ѳама багатырь, Широкая Барада, пахаў на сваей кабыленки. Пустіў кабыленку на паўдни и лёхъ атдыхать. Пасѣли яму мухи на лысину, и ударіў іонъ мухъ етыхъ сибѣ на лысини. Убіў етыхъ мухъ, паглядѣў, што ихъ многа. Выў іонъ граматинъ; узяў етыхъ мухъ, пащитаў и записаў:

— „Хама, Широкая Барада, силный—магучій багатырь, аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“—Закончіў такъ:

— „Таперь я силный, магучій багатырь!..“

Узяў серпъ и дярюгу, садіўся на сваю лошать и ѣхаў па дароги и кидаў па дароги записки:

— „Праизжаитъ силный-магучій Хама багатырь—аднимъ махымъ семъ сотъ пабивахамъ.“

Падъизжаитъ на запавѣдныи луги, близка царьскій дварецъ, и разбіў шатеръ съ дерюги, лёхъ атдыхать.

Ѣхаў тымъ путемъ багатырь, падымаў багатырь еты записки и читаў, што праѣхыў силный-магучій багатырь Хама, и падъизжаитъ къ Хамѣ близка, а Хама ляжить, надъ имъ дарюга распята.

Злазить багатырь съ лошади, падходить къ Хамѣ, къ Широкій Барадѣ, къ шатру:

— „Здрастуй, Ѳама Широкая Барада, силный магучій багатырь!—Што мнѣ пазволитя ти мима праѣхать, ай здѣсь астанавитца?“

— Ня смѣть мима ѣхать: разбивай шатеръ близка, лажися!

Ѣдить другей багатырь, раскладываитца здѣсь и съ лошадью, падходить къ етыму багатырю:

— Здрастуй!

— „Здрастуй!“

— Ти ты Ѳама, Широкая Барада!

— „Нѣ, ни я, а тэй вонъ;—іонъ мине ни пускаить ѣхать далій“.

Падходить пріѣзжій багатырь къ Хамѣ:

— „Здрастый, Ѳама, Широкая Барада, силный-магучій багатырь!..“

Серцамъ крикнуў: „Здрастый!“

— Што прикажитя: ти мима праизжать, ай здѣсь астанавитца?

— „Нѣтъ, ня смѣть мима ѣхать,—астанавлей здѣсь!..“

Узяў Ѳама ипять приляпіў близъ шатра записку:

— „Ня смѣть къ Хамѣ ѣхать!“

Ѣдить третій багатырь, глянуў: три шатры разбита, и на шатрѣ записка приложина.

Злазить зъ лошади багатырь, здрастуитца:

— Прикажитя мима ѣхать?

— „Нѣ, здѣсь астанавлійся!..“

Пасматрйть гусударь: три шатры у запавѣдныхъ лугахъ, и лошади ходють.

Гусударь шлеть багатыря узнать, якея ета за люди. Іонъ падъизжаить къ шатрамъ:

— „Нявѣжи, шатры на чужихъ лугахъ разбили, лашадей пустили—выхадитя на паядинык! Сичасъ голыву сыму!“

Таварыши пришли къ Хамѣ падъ шатеръ:

— „Ти сами паѣдитя къ багатырю, ай насъ пашлетя?“

— Васъ пашлю. Паизжай упяредъ тэй, каторый напярёдъ усихъ пріѣхаў!

Паѣхаў тэй и убіў посланныва багатыря. Гусударь ждаў, ждаў—шлеть другова багатыря на помычъ.

Тэй багатырь закричаў:

— „Нявѣжи, пупустили лашадей на чужимъ лугу, а сами лижать!“

Яны къ Ѳамѣ. Ѳама гаворить:

— „Паизжай, братнцъ, ты, сяредній!..“

Сичасъ паѣхыў етый, пагубіў посланныва багатыря.

Засылаить гусударь третива багатыря на помыщъ. Наиз-

жаить третій багатырь. На етыва багатыря пасылаить Хама третьива таварыша:

— „Паизжай, братицъ, живѣй, дай яму холи!..

Паѣхыў третій багатырь: пагубіў посланныва.

Якъ гусударь лишіўся трехъ багатырей, шлеть записку:

— „Якой ты іось силный-магучій багатырь—просимъ тибе у гости!“

Нада ѣхать Хамѣ.

— „Я атправлюсь!..“

Дярюгу злажіў, серпъ узяў у руки, паѣхаў къ царю на лицо. Царь яво приніў да чести, упрашиваў быть яго защитникымъ; Ѳама сагласіўся у яго жить, давать яму помачъ.

На етыва каралька падымаитца другей, а у няво адинъ Хама.

— „Ну, Хама, паизжай, братицъ на вайну!“

— Падай ты мнѣ лошать самую луччую, багатырьскую!..

Падали яму лошать багатырскую, асидлали.

Приказаў тонкая бярно у струмена, „слягу“ привизать. бярно уширь струменъ привизали.

— Привяжи ноги къ „сляги“. Привизали ноги.

И паѣхаў. Дакъ багатырская лошать тысичи пабила. Якъ крутнеть,—тысичи пабьеть; якъ павернитца,—такъ народъ пувалить и пувалить.

Далажили каральку, што багатырь усё войска пабіў.

— „Атставайся у мине жить!..“

Пажіў три мѣсицы, а потэмъ схватіў лашаденку и удраў къ жонки, дамоў.

№ 37.

Катигарошинка.

Купчиха забреминила, праглытіўши гарохвину, и парадила сына Катигарошку. Іонъ дужа быў бальшей багатырь: свабадіў братіў и сястру атъ змѣя Шкурупея. Братьтя яго сонныга валасяным канатымъ къ дубу привизали, а іонъ и съ дубымъ тымъ пришоў дамоў.

Жіў купецъ съ жаною, двумя сынами и красавицый дочкый. На усё имущиства купецъ накупіў таварыў и паплыў моримъ. Выскачила падъ тэй часъ нёпагадь,—буря, атъ яе купецъ и затёнуў са ўсимъ дабромъ.

Купчиха дужа пичалилась и тушнувала па мужу. Ищà ни аправилась атъ етый бяды—глядь: за варотами другая бида.

Разъ у ясный день дѣти яе прагуливались у сваимъ саду, за камянной стяной — аткуда ни вазьмись на тэй часъ, на ту минуту, лютый змѣй Шкурупей: ня ўспѣли братьтя абразумитца атъ страху, а ужъ іонъ у темнымъ воблаки понисъ ихъ милую сястрицу.

Купчиха чуть ни аслѣпла атъ горя, усё плачучи; а братьтя паѣхали у путь дарогу за сястрою.

Купчиха бизъ сыноў жила плоха, абяднѣла, сама таскала воду.

Три года минула, якъ паѣхали сыны,—абъ ихъ ни слуху, ни духу. Идеть купчиха за вадою, притамилась сильна, несши поўныи вёдры; пристòила атдыхнуть.

— „Вотъ да чаго дажила!“

Глаза атъ бальшого горя и кручинушки слизами супоўнились.

Выкатилась слязинка изъ глаза и ў вядро канула, сію минуту стала бѣлый атборный гарошиный. Спанравилась ина купчихи;—та праглатила яе и забреминила, хуть и сама ни знала, атъ чаго ета.

Радіўся мальчикъ на дива усимъ красивый, здаровый. Кумы снясли мальчика хрястить папу, тей ни хатить:

— „Ни павѣрю, штобъ такей здаравенный малицъ радіўся у старухи.“

Тиризъ нѣскальки дней попъ самъ навѣдаўся къ купчихи; купчиха яму усё атказала, ничога ня ўтòила.

Попъ мальчика ахрястіў, назваў яго па злучаю Катигарошинкый.

Ни па днямъ, а па часамъ росъ Катигарошинка, дайжи, такъ сказать, пу минутамъ; учіўся жъ харашо и скора писать и читать стаў ня тольки, што луччи за мальцыў,—луччи самыхъ учйтиліў.

Таварищамъ ета была завистна; разъ это изъ ихъ кампаніи и назави Катигарошку „выблюдкымъ.“

За абиду паказалась Катигарошки, къ матири пабѣхъ, стаў жалаватца: жалкуитца и абъ батьки распрашіить.

Якъ услыхаў Катигарошка, што сястру змѣй скраў—матка увесь разсказъ, усю исторію гнала пу парядку—гаворить:

— „Благаславитя, матушка, у путь-дарогу!“

— Куды ты, сынокъ, паслѣднія мая радысть и утяшэнія?

— „За сястрой! И ни затримать вамъ мяне, маминька— луччи атстаўтя!“

Дала яму иголычку и сваё радительскыя благаславенія.

Изъ даму Катигарошка идеть къ кузняцу:

— „Пирякуй на тросмь иголычку!“

Катигарошка якъ падбросить скованную тростычку, а ладонь падставіў — тростычка и сплющилась, у ей была ажно 25 пудоў.

Изнову скуваў тростычку: абъ багатырская калѣна ударилась и слумалась.

Третій разъ выйшла добрая трость: якъ падмахнуў яе у верьха Катигарошка, ажно зазвизжѣла да пряма яво па галыви,—асталась цѣла, и галава тожа цѣла, тольки волысы на ёй дрогнули.

— Ета тростычка па мнѣ!

Зашагаў багатырь далій, у путь-дарогу.

Даходить да бальшой раўнины; тамъ канюкъ стада лашадей пастивить.

Якъ увидіў Катигарошку, канюхъ давай кричэть:

— „Ни хади, ни хади: на верьхній дарози жирябецъ тябе затопчить.“

А іонъ усё идеть и идеть. Якъ жирябецъ набросіўся, іонъ яго схватаў за хвость, да абъ землю ударіў и шкуру стащіў.

— „Вô ты мнѣ своею лашадкыю хваліўся, а таперича шкуркыю палюбуйся!

Плачить канюхъ: загубить яго таперь змѣй-Шкурупей. Катигарошка, якъ услыхаў абъ Шкурупеи, радъ, што на слѣдъ напаў — идеть къ змѣю; на дарози ящо аблупіў быка-будуна, та жъ сторія и зъ баранымъ-будуномъ.

Приходить къ возиру, у возира растеть магучій дубъ, а падъ тымъ дубымъ находитца мужиствинный чилавѣкъ.

— Якога ты роду—племени?

— „Завусь я Катигарошинка, а иду я къ змѣю Шкурупею. Вотъ ты мнѣ пакажи дарогу.“

— Питьдисятъ лѣтъ я бирягу возира свайго гаспадина, змѣя Шкурупея, и ищо никаму ни паздаровилась, хто са мною у бой вступаў. И ты, младый вьюнушъ, лишисьтя сичасъ жиз-

ни, если дȧлій пайдёшъ. Вотъ, вотъ сюда къ возиру, у потэмъ къ дварцу, што виднѣитца тамъ, на гарѣ, падлятить самъ мой хазяинъ, лютый змѣй — Шкурупей. Іонъ на два аршины вады выпиваить и на аршинъ зямли паидаить, и крѣпканакрипка іонъ приказаў мнѣ никога ни прупущать къ яму у дварецъ.

Катигарошинка задраўся съ мужиствинныимъ чилавѣкымъ, забіў яво и ужъ идеть и Шкурупеіў дварецъ.

Тамъ у вакна сядѣла скучая Купчихина дочка; якъ увидила чилавѣка, здивилась и дужа абрадавалась.

Катигарошинка шапку сняў, на галаву письмо атъ матири узлажіў и стаў на калѣнкахъ пиридъ вакномъ.

Систра узила у руки письмо, нѣскальки разъ прачитала яво, ну, усе ища сумливалась, што Катигарошка яе братъ— тады тольки павѣрила тамъ, якъ іонъ у домъ увайшоў: замѣтила йна, што іонъ на маминьку пахожъ.

— Пажалѣй ты сябе, Катигарошка, и увыйди атсюль, пакуль ища жіў; а братьтя твае тутъ ужъ жисть сваю прикончили...

— „Нѣ! ни за етимъ я сюды пришоў, и, пажалуйста, сястрица, ни извольтя сумливатца: я зъ имъ спраўлюсь“...

Схувала систра, якъ магла тольки, сваиго брата. Лятить сичасъ змѣй, скинуўся чилавѣкымъ и стаў изъ сябе красивымъ и стройнымъ молыйцымъ.

„Хто-та іость у насъ изъ русьскихъ!“ сказаў змѣй.

— Ета ты па Руси налитаўся, русьскыга духа нахватаўся!

Катигарошинка ня стерпіў, кричить змѣю:

— Ета я пришоў къ табѣ у гости.

— „А ета ты, Катигарошка... ну, иди на глазы...“

Катигарошка уходить у комнату къ змѣю са сваею тростычкыю.

— Ну, падать намъ абѣдать!

Уси кушанни были згатуваны, якъ надаби быть, тольки напаслѣдикъ Шкурупей справіў сабѣ алавянныхъ, мѣдныхъ и чугунныхъ аряхоў; такъ кусаў іонъ ихъ, што яны скрипѣли то и дѣла у яго на зубахъ, а самъ искоса паглидаить на Катигарошку, ти спужаўся іонъ.

— Ти видишъ ты, якъ я лущу аряхі?

Ды вижу! Ета мине ни устрышаить: грызи сабѣ.

— „Ну, такъ пайдёмъ у поля ли паядинка“.

Пришли у поля.

— „Дуй сабѣ поля.“

— Ли мине и ета харашо.

Змѣй Шкурупей стаў дуть — и падъ имъ сдѣлалась зимля мѣдная, а на ей слядоў ни видать.

Катигарошка дяретца тростію, а Шкурупей руками и нагами;—притаміўся змѣй и на три дни просить вотдыха.

Катигарошка даеть яму вотдыху тольки на три часы, съ тымъ ища, штобъ Шкурупей указаў, куды іонъ падиваў яго братьтіў.

Шкурупей ни хатить, бытци'къ ни знаить; потэмъ вядеть Катигарошку, а Катигарошка дяржить яго за горла, штобъ ни увайшоў. Идуть у садъ.

Ли аграменный дубовый калоды увидаў Катигарошка сваихъ братыіў мертвыми: волысы ихъ утиснуты у расщепъ дубовый калоды — такъ тамились яны доўга, пакамисть бидняжки жисть сваю прикончили.

— Атживи братыіў—а то тутъ жа забью тябе.

— „Пазволь мнѣ, Катигарошка, изъ дому принесь 2 бутыли.“

Катигарошка ипять идеть за имъ и за горла дяржить.

Дастаў змѣй бутылычки и изъ аднэй пить хатить, — ужу къ роту паднёсъ.

— Дай мнѣ перва паспробывать! гаворить Катигарошка.

Якъ напіўся валшебный вады, Катигарошка паслышаў у сабѣ яще болій силы и за хитрость хатѣў было змѣя забить. Падашли изнову къ миртвицамъ, перви брызнули на ихъ мертвый вадой — яны стали, словна якъ живыи, тольки дыханія у ихъ нѣтути. Якъ брызнули на миртвяцоў изъ другей бутыли,— братьтя ажили; думаўши, што ихъ атъ смерти Шкурупей збавіў, стали пирядъ имъ на калѣнки и благадарять за збаўленіе. На ту пору за абиду паказалась Катигарошки, што яво братьтя змѣю кланіютца — узяў яму жисть и прикончіў сваей тростычкый.

Сестра и братьтя такея радыя пувисялились, потэмъ пустились у путь—дарогу.

Астанувались притдахнуть на зялёный далини, ли возира, падъ тымъ самымъ дубымъ, идѣ стыяў мужиствинный чилавѣкъ.

Путникыў абнила ночъ.

— Я ни магу итти далей! гаворить Катигарошка:—Мине сномъ атамливаить. — Я засну здѣсь падъ тaнистымъ дубымъ, прихинусь къ яму, абапрусь на сваю тростычку. — Я сплю ни пу вашиму—крѣпка; дакъ я научу васъ, якъ разбудить мине, када придить уремя трогатца у дарогу: выбійтя изъ маихъ рукъ тростычку—я сичасъ прашнусь.

Тольки прагавapiў ета, а ужъ самъ храпить багатырскимъ сномъ.

Братьтя завидывали яму—стали мижда себе рѣчъ диржать, якимъ родымъ Катигарошку стратить.

— „Нашоўся жъ съ виру чилавѣкъ и праславіўся!

Ня можить быть, штобъ іонъ намъ братъ быў: маминька наша ужу у такимъ возрасти, што даже ніўвазможна и падумать, штобъ у яе дѣти радились. Убьёмъ-ка яго. Ну, аднимъ махымъ, пажалый, яго не забьешъ—тутъ іонъ прашнетца и намъ ни здубрувать тады. Вѽ што, здѣлаимъ валасянэй канатъ, свяжимъ Катигарошку пу рукамъ и нагамъ, привяжимъ къ дубу— самъ іонъ ни аслабанитца, и намреть галодныю смертью.

Абкрутили братьтя Катигарошку канатымъ, привизали къ дубу, сястрѣ жъ вялѣли маўчать.

Вярнулись старшіи сыны съ сястрой къ купчихи и хвалились, што са змѣимъ справились и сястру аслăбанили.

Мать абъ Катигарошки распрашивать, а яны бутца'къ ничога ни знають и ни вѣдають.

Прашнуўся Катигарошка и гаворить:

— „Ахъ, какъ я спаў доўга!“

Чутно яму, што привязанъ; пупяўся, патягнуўся—дубъ задрыжѣў; якъ выпряміўся — дубъ вырваў и пашоў такъ къ матири. а за сабою древа тащить.

Мать дужа зрадувалась, якъ увидила Катигарошку, а братьтя хуватца.

— Выхадитя, кайтись; развяжитя мине! Ня выйдитя, дужа плоха вамъ будить.—Вышли и развизали яго.

— „Ну, пращаю вамъ першую и паслѣднію вину.“

Посли таво жили харашо, Катигарошку вяли за старшо́ва.

№ 38.

И́бъ чатарехъ цареўнахъ, змѣихъ абъ трехъ, шасти, дивяти, двинацыти галавахъ, абъ шкляннэй гарѣ, абъ мядьвѣдихъ, ваўкахъ, ильвахъ, пу парачки, у дварцахъ; абъ зялѣзныхъ пирщатычкахъ, абъ ваушебный тростычки.

Жіў-быў адинъ царь, была у яго красавица жонка и троя сыноў. Царь такъ любіў сваю жонку, што ни 'тпущаў яе атъ сябе. Разъ тольки царица пашла у садъ на прагулку са сваими сынками падъ ручку. Аткуда ни вазьмись на ту пору змѣй, схватȁў царицу—сынки дайжа глазымъ ни смигнули.

Бо́йжа мой, царь такъ асирчаў, што старшимъ сынамъ на глазы наказыватца ни приказаў — яны за маткий паѣхали, и младшій сынъ за ими услѣдъ.

Заходить Иванъ Царевичъ па дарози къ старушки; у яе тэй жа змѣй дачку унесъ. Старушка усими ласками и просьбами упрашіить царевича атнять у змѣя яе дачку. Клубочикъ старушкинъ даводить Ивана Царевича да другей старушки—и тую змѣй дачкой абидіў. Даходить іонъ и да третій старушки—и надъ тою тожа змѣй падшутіў,—дачку ухапіў.

Падходить іонъ къ крутэй горки, идѣ змѣи жили; здѣсь и братьтя его были, ни знаючи, якъ на гару узлѣзь. Царевичъ знайшоў пирщатки съ зялѣзными каптюрями, и на гару узлѣзъ. Тамъ дварецъ; увакрухъ дварца широкій дворъ, у варотъ двара пара мядьвѣдіў. Иванъ Царевичъ прайшоў мижда звярȅў, тольки вадицы имъ наліў, пакуль яны занялись пить.

Падашоў къ дварцу, а тамъ сядить пріўкрȁсная цареўна; стаў на калѣнки и письмо узлажіў на галаву атъ первый старушки.

Цареўна дужа убрадувȁлась матушкиныму письму и схувала Ивана Царевича падъ кравататю. Ну, якъ прилятѣў змѣй абъ трехъ галавахъ, Иванъ Царевичъ тога змѣя забіў. Потэмъ іонъ пабываў у двухъ дварцахъ, што стирягли ильвы и тигры.

забіў двухъ змѣіў а шасти и дивяти галавахъ, свабадіў двухъ цареўнъ, дачокъ старшихъ сястёръ—старушикъ.

Заставаўся чарёдъ у матушки пубывать; ина жила у стиклянныиъ дварцы.

Мать тожа схувала сына падъ краватьтю; прилятѣў змѣй ибъ 12 галавахъ и стаў съ царицыю шутку шутить—хочить яе бытца палицый придушить, а потэмъ спахватіўся:

— „Што ета у насъ руськимъ духымъ пахнить?“

— Ета, душинька, ты па Руси налитаўся, русьскыга духу набраўся!

Тутъ Иванъ Царевичъ палицу у змѣя выбіў, а потэмъ и забіў яго самаго. Потэмъ якъ напаўзло маханькихъ змiинятъ, ажно темно стала—цѣлая туча! Царица дала сыну такей мячикъ—уси змiинятки въ аднае кучу паскатились, патомъ ихъ сажгли.

Иванъ Царевичъ дужа пичаліўся, што патиряў залѣзныи пирщатки. Царица и цареўны давай палатенцы сшивать, а потэмъ на сшитыхъ палатенцахъ унизъ спустились. Тутъ братьтя палатенцы и пирярѣзали, штобъ Ивана Царевича унизъ ни пустить:

— Пахвалимся, што мы цареўнъ раздабыли.—Атецъ дужа пичаліўся, што любимага сына нѣтъ; а старшіи сыны свадьбы зативаютъ съ цареўнами. А цареўны ня быть: суитятца съ жинихами, штобъ яны имъ тоя и тоя здѣлали да свадьбы.

Царевичъ Иванъ тымъ часымъ звярнуўся дамой: пумагла яму тростычка, што іонъ на гарѣ знайшоу.

Атецъ нерва бяды на сыноў, а потэмъ прастіў имъ: разымъ три свадьбы атпраздньвали.

№ 39.

Шавра.

Старикъ пасѣилъ пышаницу, у яе увадился табунъ дикихъ коніў. Шаўра, младшій сынъ старика, лашадыкъ етихъ пупалавилъ и атдаў сваимъ адиннацыти братьтимъ, сабѣ заставіўши ваўшебную кабылицу. Паѣхали братьтя сабѣ жоныкъ дабывать и пажанились на вѣдьминныхъ дачкахъ. Шаўра, ня будучи плохъ, падслушалъ, што вѣдьма хочить ихъ загубить: такъ ина хвалилась другимъ вѣдьмамъ. Нарядіў братьіў у адёжу жоныкъ и самъ такъ нарядіўся;—дыкъ вѣдьма сваихъ дачокъ загубила, а Шаўра зъ братьтими утёкъ. Паступилъ на службу къ царю и царю спанравіўся. Вяльможи научили царя давать Шаўри трудныи работы,—ну яго лашадка пумагла яму уси тыи трудныи работы пасполнить:

1) Пиріадѣўся купцомъ и увёзъ дочъ ваўшебницы, катоpая по мырю гуляить и изъ костычки у костычку мозгъ пириливаить. Хуть и гналась за имъ ваўшебница, ну ни дагнала, тольки заплакала. — „Пубядилъ, Шаўра, ты маю галовушку! Пубядилъ ты мине, ну сваею жистю расплатисься“.

2) Потэмъ Шаўра спаймалъ табунъ ваўшебницыных лашадыкъ.

3) Изъ церкви образъ дастаў, атманіўши народушка (народъ высыпалъ изъ церкви Шаўраву лошать 'сматрѣть). Утёкъ съ вобразамъ, а у церкви старыя платьтя заставилъ.

4) Стаў гуся даставать и ледва утёкъ. Гусь быў на вярьху башни, атъ яго 12 струнъ ишло, и звинѣли тѣ струны, якъ икая бида горыду даўжна злучитца. Шаўра перва 9 струнъ атсѣкъ, а потэмъ астатнія три. Цареўна-ваўшебница и узнала абъ Шаўри,—удагонь за имъ.

5) Живой и мертвый вады дастаў ли царя. Сваю лашатку забіў и паймаў на ей сиза ворына. Сизый ворынъ даў Шаўри у залогъ варапёнка, а самъ палятѣў за вадой. Ваду ту дужа бирягли у горыди; ну, якъ ворынъ низинька литаў — што такоя? давай ворына ли патѣхи лавить, а іонъ тады шибка къ вадѣ, якъ яны атдалились, — схватаў ваду и къ Шаўри. Шаўра вадицую лашадку атживіў и ледва,—ледва утёкъ атъ ваўшебницы. Царь вялѣлъ Шаўру изрубить; якъ

яго атживили,—вадица живая и мертва аказалась харошiю;—вялѣлъ сябе изрубить. Изрубить яго—изрубили, а ужъ живою вадою паливать ни стали—здѣлаўся царёмъ Шаўра.

ЧОРТЪ.

(Чортъ смѣшивается съ домовымъ и лѣсовымъ).

№ 1.

Якъ чортъ мужику мельникыву дачку высватаў, а потэмъ мужика загубiў и яго сусѣда.

Какъ жiў адинъ мужучокъ, и быў у яго адинъ сынъ. Вотъ старичокъ помиръ, астаўся яго адинъ бѣдный сынишка. Думаў, думаў, што яму дѣлать, аставшись аднаму дома; патомъ и гаворить самъ сабѣ: — „Вазьму, ажанюсь!“ — И пашоў у сваты Вотъ iонъ сватаў, сватаў,—нiйдѣ ня высватаў, и годъ, и другей праходiў, и третiй, — нiйдѣ ня высватаить. Патомъ идеть дамой и заливаитца — плачить, гаворить самъ сабѣ: — „Божа, мой Божа, няўжели я такей зарадiўся нищасный?..“ Пагади, гаворить iонъ самъ сабѣ:—„пупрашу-ка я хуть чорта,“—и гаворить:—„Хуть ба чортъ мнѣ даў нявѣсту!“—Вотъ тутъ чортъ выскакываить къ етыму мужичку: — „Здрастуй, добрый чилавѣкъ.“—(Iонъ ни знаў, што ета чортъ).—Здрастуй!—„Што ты тутъ ящишъ?“—спрасiў у яго чортъ. Мужикъ и гаворить:— „Ищу сабѣ я нявѣсту: ужъ третiй годъ никакъ ни найду.“— Чортъ и гаворить мужучку: — „Я табѣ дамъ нявѣсту“ — Мужикъ и гаворить: — „Сдѣлай миласть, развяжи ты мнѣ ету акову!“—Вотъ чортъ и гаворить на мужука:—„Ну, ступай за мною!“ Вотъ iонъ приводить яго къ балоту, да якъ ударить тростю пу балоту: балота тоя растварилась на двѣ части, такъ што яны пашли у тоя балота. Приходють: тамъ стаять такея харомы, што толька нà пусматрѣть и сидять тамъ три дѣвушки.—Чортъ и гаворить на етыга мужучка:—„Ну, выбирай, каторая табѣ наравитца“.—Патомъ мужикъ етытъ и гаворить:— „Каторую атдадитя, то и мая.“—Вотъ чортъ и гаворить:—„Ну, прiизжай заўтри, а я табѣ атдамъ дѣўку!“ — Мужикъ спрашiить у чорта: — „У какоя жъ урemя мнѣ прiизжать?“ — А прiизжай вечирамъ!—Вотъ iонъ приходить дамой и гаворить:— Ну, слава Богу, я сабѣ высватаў нявѣсту, да такую красавицу, што толька ў книги написать!“—А тутъ яго спрашiють:—Идѣ жъ

ты ета сабѣ высватаў?“ — А іонъ гаворить: — „А якоя вамъ дѣла?—Идѣ высватаў, тамъ и будить“.—Патомъ и гаворить:— „Паѣдимъ на свадьбу!..“ А яму атвичають свае рѡдныя:—„Ну, куды мы паѣдимъ, кали ты намъ ничога ни гаворишъ.“—А іонъ гаворить:—„А я вамъ я ни кланіюсь.“—Пашоў у горыдъ, наняў тамъ лажавыхъ извощикыў и паѣхаў у тоя балота.— Вотъ яны пріѣхали къ тѡму мѣсту, мужикъ и кричить на чорта:—„Сватъ, а, сватъ, выйди къ намъ!..“ Вотъ выскычіў чортъ и гаворить: — „Ну, паизжайтя за мною!..“ Вотъ ети уси яго зазванныя паѣхали ў балота, пасмотрють: а тамъ такой домъ, такея харомы, што вужасъ смятрѣть. — Патомъ чортъ засаживаить усихъ за столъ, атдаў имъ дѣўку и гаворить:—„Ну, таперь паизжайтя!—А я къ вамъ буду заўтри вечирымъ,—ажидайтя мяне: тады я вамъ увесь парядакъ пакажу.“ — Вотъ яны пріѣхали дамой; тутъ приходють яго сусѣди и удіўляютца, аткуда ета іонъ привезъ сабѣ такую красивую нявѣсту. Патомъ пиривинчались, начали играть свадьбу. Вотъ приходить вечиръ, ажидають яны чорта къ сабѣ на свадьбу, а іонъ приказаў:—Вазьми, налей два пирярѣзы сиряди двыра, адинъ вотки, а другой пива, и атвари вароты!.. Вотъ іонъ увяў наліў два пирярѣзы, паставіў сиряди двара; натомъ пашоў атварять вароты, ўзяў пирихрястіўся и вароты пирихрястіў, пришоў у хату, дажидаў—дажидаў: нима чорта.—„Што тутъ такоя? — гаворить іонъ: такъ іонъ забаѵіўся?“ — А іонъ кричить у вакошка:—„Вазьми, вылій пирярѣзы и налей другея, и расхрясти вароты!.. Вотъ іонъ пашоў на дворъ, выліў тыя пирярѣзы, каторыя были налиты съ воткаю, да наліў другея, патомъ падышоў къ варотамъ, да узяў рукою надмашъ и атваріў. Ни успѣў увайти у хату, а чортъ ужъ тутъ. Вотъ пасадіў яго за столъ и гаворить: — „Вѡ, сватъ нашъ, вѡ сватъ нашъ!“ И давай яго угащать, патомъ, справіўши всѣ эти дила, атпраўляитца чортъ дамой и гаворить: — „Ну, я табѣ ни сватъ и ты мнѣ ни сватъ; а вотъ я табѣ укажу, хто твой сватъ: ў такомъ-то и такомъ мѣсти станть мельница; тамъ живеть мельникъ, ета яго дочка, — то табѣ сватъ, а ета яго дочка.“ Патомъ и пашоў. Вотъ яны атгуляли свадьбу. Нѣскалька ўремя прайшло, ўздумаў сусѣдъ жанить свайго сына. Приходить къ етыму мужуку, каторыму чортъ даў нявѣсту, и гаворить яму:—„Братъ, ты-тки тамъ знакомъ: нѣтъ ли тамъ ящо дѣвыкъ?“—А іонъ и

гаворить:—„О, братъ, тамъ ящо многа!“—Братъ, сходимъ мы туды!—„Ну, такъ штожъ?!“—гаворить іонъ:—„Пайдемъ, я папробую старатца.“—Вотъ яны пришли къ балоту, давай бить тростью пу балоту и кричать:—„Сватъ, выйди къ намъ!“—Ня чуть ничога; яны и ў другей разъ—ня чуть; яны у третій разъ: якъ выходить етый чортъ зъ залѣзнымъ пасухомъ, якъ ударіў абоихъ мужукоў; тамъ яны и жисть сваю кончили.

№ 2.

А бѣднымъ и багатымъ брати.—Якъ бѣдный братъ разжіўся атъ игня, што даў яму якей-та дѣдушка; багатый братъ пагарѣў атъ таго жъ аганьку.

Какъ жили два браты: адинъ багатый, а другей бѣдный: такъ бѣдна жіў, што нечимъ було и сабаки выгнуть. Вотъ прайшло нѣскалька лѣтъ, приходить праздникъ Христовъ день. У багатыга ўсяго давольна, а у бѣдныга и крошки хлѣба нима. Багатый затапіў печку и ўсяго панагатуваў: питиння̀, и идиння̀, и разнага кушанiя; а бѣдныму нечимъ и агня уздуть дома. Іонъ думаў, думаў, што тутъ дѣлать. Патомъ и гаворить на хазяйку:—„Уставай-ка: схади агня (попросить?) къ сусѣдимъ!“—Вотъ ина устала и пашла: къ аднаму сусѣду схадила, а такжа къ другому,—ни дають нигдѣ агню; вотъ іонъ и гаворить:—„Падажжи-ка! пайду схажу къ брату свайму, багачу: можить быть, іонъ дасть: вить агонь ня хлѣбъ.“—Вотъ іонъ пашоў къ яму, и тотъ ни даў—гаворить на яго:—„Ты какой-нибудь валшебникъ, што надъ праздникъ просишъ агню!“—Пришоў іонъ дамой, да какъ заплачить горькими слязмѝ:—„Божа мой, Божа!“—гаворить:—„някъ я такей зарадіўся нищасный на свѣти, што мнѣ ни дають ничога ўзаймы, дайжа и агню ня вѣрють!“—и гаворить на хазяйку:—„Дай-ка мнѣ лапти: я пайду ў церькву.“—Ишоў, ишоў къ церькви; пасматрѝть: у поли рощица, и гарить аганекъ. Вотъ іонъ увидаў, узрадуваўся и гаворить самъ сабѣ:—„пайду-ка я къ яму, хто ета тамъ разлажіў.“—Падходить іонъ къ аганьку, сядить старичокъ; іонъ и гаворить:—„Здрастуй, дѣдушка!“—„Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!—атвичаў яму старикъ.—Куда, братъ, идешъ?—„А мой ты дѣдушка, иду ў церькву! Да вѐ што я васъ хатѣў пупра-

сить: абхадіў я ўсю дяреўню, нійдѣ ни дастаў агня: дайтя вы мнѣ аганька!“—А вазьми, братъ!—„Да ува што я вазьму, мой ты дѣдушка?“—А іонъ и гаворить:—А държи палу,—я табы усыплю!..—А іонъ и гаворить:—А, мой ты дѣдинька, адна у мяне свитынька плахенькая, и тая прагарить!—„Нябось,“ гаворить іонъ: „ни прагарить!“—Вотъ іонъ яму выставіў палу, іонъ яму усыпаў аганька; іонъ и панесъ дамой. Прянесъ дамой и высыпаў на загнётку; пасматрить іонъ: усё золыта, да сёрибра. Тутъ іонъ и абрадаваўся. И ’тскачила искырка агня; іонъ узяў, ўздуў игню и кричить на хазяйку:—„Пади-ка суда, пасматри, што намъ Богъ даў.“—Тутъ пришла хазяйка; узрадывались, и ни знають, што имъ дѣлать. Вотъ іонъ и гаворить—„ну, тяперь я пайду, да што-нибудь куплю: какъ у насъ заўтри праздникъ, то нада кой-што пригатувать. Вотъ іонъ пашоў, купіў што яму було нада ка’бѣду, къ празднику Христовыму дню. Патомъ и гаворить:—„ну, я таперь пайду ў церкву.“—Приходить съ церквы, Богу пумаліўся; патомъ и гаворить на жану:—„Ну, таперь што я думаю сдѣлать, жана мыя милая! какъ у насъ сяводни праздникъ, то я пайду ў кабакъ и вазьму ки ’бѣду палштохъ вотки“.—Вотъ іонъ принесъ палуштохъ водки и гаворить:—„Пайду-тка я пазаву къ сабѣ свайго брата багача.“—А хазяйка яму гаворить:—„Идѣ іонъ къ намъ пóйдить?“—Аднака пайду, пупрашу.—Вотъ іонъ пашоў, пупрасіў свайго брата багача. Патомъ приходить братъ. Сѣли яны за столъ, выпили па рюмки, выпили па другей; патомъ етытъ багатый братъ и спрашіить:—„Братъ, за што ты ета купіў вотки?“—А Богъ даў.—„Братъ, сдѣлай милысть, скажи!“... Вотъ прайшло нѣскалька уремя, етытъ бѣдный стаў заживать—все болій и болій, такъ што и багатыга багачи. Патомъ прайшло яще нѣскалька ўремя, годъ или два, стаў такой тѐмарь етытъ бѣдный братъ, што и казны свaей ни знаить. Патомъ багатый братъ и зазваў яго на честь брата, и давай яго спрашивать:—„Скажи, братъ, мнѣ, чаго ты пубыгатѣў?“—Вотъ іонъ думаў, думаў, патомъ и гаворить: „Ну, братъ, я табѣ разскажу. Вотъ какъ быў у насъ праздникъ Вялигадня, Христоў день,—ни случилась у мяне агня ў доми; то я хадіўхадіў пы дяреўни: ни йдѣ мнѣ агня ни дали. Вотъ я напрянуўся и пашоў у церкву. Вотъ я вижу: ў рощи кала церквы гарить аганекъ. Вотъ я надхажу ка ’гню, тамъ сидить стари-

чокъ. Я прихажу къ яму и гаварю:—„Здрастуй, дѣдушка!“— А іонъ мнѣ гаворить:—„Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!“—Патомъ я пупрасіў агню, іонъ мнѣ даў; я принесъ дамой: якъ высыпаў на загнетъ, пасматрю: ўсё золыта да сёрибра.“—Вотъ етытъ багачъ и думаитъ самъ сабѣ:—„Падажжи: и я такъ сдѣлаю!“—Вотъ іонъ ждетъ—ни даждется тôга праздника. Патомъ на другей день приходитъ праздникъ; вотъ іонъ и гаворить на жонку:—„Ну, жонка, тапи печку!“— Вотъ ина вытапила и гаворить: — „ну, таперь загаси агонь, штоба ў насъ ў доми ня 'днэй искырки ни було.“ — Вотъ ина узила и вадою залила. Патомъ приходитъ вечиръ, етыму багачу ўсё адны думки, какъ ба паболій денигъ дастать. Узяў и пашоў кала тэй рощи пасматрѣть. Гарить тамъ аганекъ. Іонъ приходитъ къ тôму аганьку; тамъ сядить старичокъ. Іонъ и гаворить:—„Здрастуй, дѣдичка!“—Здрастуй, здрастуй, гаспадинъ хазяинъ!—„Куда ты идешъ?“—А, мой ты дѣдичка, я хатѣў у васъ агня пупрасить!—„А изволь, дамъ, гаспадинъ хазяинъ! дяржи палу!“—Ну, какъ багачъ на деньги жадинъ, то іонъ ни чога ни сказаў и выставіў палу. Вотъ іонъ яму усыпаў, іонъ и пашоў дамой; ни дахадя шагоў двадцать, домъ багача загарѣўся,—такъ багачъ и пагарѣў!

№ 3.

Якъ три браты спорили, хто помохъ имъ хату срубить: Бохъ или чортъ.

Жили три браты и ў три дня три хаты срубили. Адинъ гаворить: „Богъ памогъ“, а двоя гаворють: „чортъ памогъ.“ Шли ани дарогый, стричаитца зъ ими чортъ.—„Куда вы идётя?“ — Мы идемъ да ўстрѣчи. Разсуди намъ: мы гаворимъ: чортъ памогъ, а іонъ гаворить: Богъ памогъ.—„Я разсужу вамъ: ета чортъ памогъ.“—Ну, братъ, што мы съ нимъ здѣлаимъ?—„А вазьмемъ выкалимъ яму глаза и пустимъ ў лѣсъ!“ Вотъ яны выкалали яму глаза и пустили ў лѣсъ. Нашоў іонъ избушку, вайшоў у яе и ўлѣзъ падъ печь. Збираютца туда черти. Адинъ гаворить:—„я нашоў деньги ў бани падъ палкôмъ,“ а другей гаворить: „я сяводни ўстрѣтіў трехъ братоў, да аднаму выкалали глаза“; а третій гаворить:—„ахъ, кабы

іонъ сюда: ў насъ, на згувальни, растеть такая трава: патри ею глаза, и станить смятрѣть.“ А іонъ ета и слышить; патомъ па утру вышіў изъ хатки, нарваў травы, патеръ глаза и стаў смятрѣть. Патомъ сказаў: „падажди, пайду ў ту баню; вазьму тѣ деньги падъ палкомъ.“ Вотъ іонъ пашоў ў ту баню, капать, да капать падъ палкомъ, выкапаў іонъ карету денигъ. Вотъ іонъ купіў сабѣ лошадь, забраў еты деньги и павезъ дамой; пріизжанть къ варотамъ; жина и дѣти увидали и гаворять:—„Пасматритя: ѣдить нашъ батька на трехъ каняхъ и вязеть денигъ цѣлый возъ.“—Ета нипраўда, гаворить жина: ужъ яго и кастей нима! Вотъ іонъ и гаворить:—„Жина, схади къ брату, пупраси мѣрки: мѣрить деньги!“ Вотъ ина пашла и принисла мѣрку, перемѣрили деньги. Яе брату завидна стала и гаворить іонъ: „Братъ, идѣ ты ўзяў деньги?—А мнѣ Богъ даў. „Братъ, выкали и мнѣ глаза!“ Вотъ іонъ яго ўзяў, выкалаў яму глазы и пустіў ў лѣсъ. Вотъ іонъ нашоў хатку; искаў, искаў двери, нашеў яе и ўлѣзъ падъ печку. Вотъ сабрались черти и гаворють:—„Вотъ, сянни быў у насъ нѣхта ў хати; вазьмемъ-ка, пасмотримъ: нѣтъ ли каго?“ Нашли яго падъ печкый и разарвали на дви части.

№ 4.

Якъ мельникъ чорта надуваў.

Въ нѣкатарымъ царстви, въ нѣкатарымъ гасударстви жіў адинъ прудникъ и очинь іонъ харашо панимаў на щотъ мельницы. Вотъ іонъ адинъ разъ малоў, малоў—каминь яго и астанавіўся. Іонъ и то дѣлать, іонъ и другоя дѣлать,—ничога ни бяреть; іонъ и гаворить: — „Што за чортъ!“ — А чортъ якъ тутъ быў:—„Што табѣ нада?“ — Да какъ, што нада: зачѣмъ ты такъ шутишъ?—„Да за тымъ я шучу, штоба ты ни малоў.“— А што мнѣ дѣлать?—„А давай у карты гулять.“—На во шта жъ мы будимъ гулять?—„Хочешъ на арѣхи, а хочишъ на щаўки.“— Дай мнѣ слабоды на три часы.—Вотъ мельникъ пашоў къ кавалю, да скуваў сабѣ малатокъ на пружини и нажавъ алавяныхъ арѣхаў; тады и приходить къ чорту гулять. Вотъ чортъ разъ узяў, другей разъ узяў, а третій разъ прудникъ схамиуўся. Какъ здали карты, чортъ и спрашіить у прудника:—

„Што у тябе?“—Хрести!—Чортъ и гаворить:—„Бяри, бяри!“—Вотъ аны гуляли, гуляли; патомъ чортъ какъ станить яго арѣхи кусать: жветь, жветь, да й выплюнить, а прудникъ, какъ выйграить, такъ и пакусаить. Вотъ чортъ и гаворить: — „Ни давольна ли гулять на’рѣхи: тваe арѣхи дрень,—давай луччи на щаўчки.“—Вотъ, какъ здадуть карты, чортъ и спрашіить:—„Што ў тябе?—А прудникъ гаворить: — „У мяне хрести!“—Тады чортъ гаворить:—„Бяри, бяри!“ —Вотъ прудникъ, какъ стаў давать свае щаўчки, чортъ и гаворить: — „Нѣтъ, прудникъ, давольна и на щаўчки гулять!“—А што будимъ таперь дѣлать?— „А во што, братъ прудникъ! пайдемъ лядье матычить.“—Ну, пайдемъ!—Прудникъ матычить цѣлый день па лапичку, а чортъ дисятину распрячить. Вотъ яны наматычили бальшоя поля.—„Ну, што мы будимъ сѣить?“—гаворить чортъ.—А пасѣимъ пшаницы. — Вотъ яны пасѣили пшаницы; рось да рось тая пшаница и ужъ паспѣла. Тады приходить чортъ къ пруднику:—„Ну, прудникъ, давай пшаницу дялить!—Што ты вазьмешъ: макушки или камлюшки?“ — Я вазьму макушки.—А чортъ:—„А я вазьму камлюшки.“—Вотъ прудникъ ирветь макушки, да возить дамой и кладетъ ў гумно, а чортъ ирветь иржища, да носить ў кусты. Патомъ прудникъ начаў сваю пшаницу малоть, пумалоў яе; приходить чортъ къ пруднику.—„Дай мнѣ пакушать сваей части!“ —Мельникъ даў чорту пакушать ляпешки. Чортъ и гаворить:—„А, ты мяне надуў; пагади: таперь ужъ ни надуишъ.—Давай ипять ляда матычить.“—Вотъ ани взматычили. — „Ну, прудникъ, што мы таперь пасѣимъ?“—А таперь ужъ пасѣимъ рѣпы. — Вотъ ани пасѣили рѣпы. Вотъ рѣпа наспѣла.—„Ну, прудникъ, будимъ рѣпу дялить.“—А давай.—Да сматри, ни ашибись: ни вазьми апять камлюшки.—„Нѣтъ,“ —гаворить чортъ:—„ладна: ты мяне усё надуваишъ, а таперь ты ни надуишъ: таперь ужъ я вазьму макушки.“—А прудникъ етыму и радъ; вотъ ани стали дялить рѣпу, прудникъ и спрашіить: — „Ну, што ты вазьмешъ?“—А таперь ужъ я вазьму макушки.“—Вотъ прудникъ стаў выбирать рѣпу, а чертъ давай валачить титиву ў кусты. Вотъ яны зъ етыю рѣпую управились; приходить чортъ къ пруднику и гаворить:—„ну, давай кушать: чіе каму панравитца.“ — Вотъ чорту даў прудникъ пакушать адну рѣпку; чортъ и гаворить пруднику: — „Ну, прудникъ, наша дружба кажитца съ табою

ўрозь.“ — А прудникъ и гаворить:—„Если такъ, то убирайся прочъ!“—Чортъ и гаворить прудику:—„Што табѣ нада ящо?“— А прудникъ и гаворить:—„А вô што мнѣ нада: пазычъ мнѣ денигъ тысичъ питнадцать.“—А, ета можна!—А када ты мнѣ ихъ атдаси?—Прудникъ и гаворить:—„А вô када я табѣ атдамъ: када будуть идить свиньии съ поля пяшкомъ, да будить бальшая жарота.“ — Вотъ чортъ давай выбирать самый жаркій день и пашоў на выганъ, и смотрить, какъ свинни идуть: ти шагымъ, или нѣтъ, а свинни идуть сваимъ парядкымъ.—Нильгà чорту у прудника денигъ спрасить. Вотъ іонъ и гаворить:—„Ну што, прудникъ, видь мае деньги прапали?— Што табѣ ящо нада?» — Ты падажди нямнога, патомъ ипять приди.—Вотъ чоризъ нѣскалька ўремя чортъ ипять приходить къ пруднику, а прудникъ стаў надъ рякой и давай вить вяреўку; чортъ и гаворить:—Прудникъ, што ты ета дѣлаишъ?“— А я ўсю кавязу, усихъ чартей зъ вады завязу!—Вотъ чортъ и гаворить пруднику:—„Братъ прудникъ, здѣлай миласть, ня вей! — Што ты ў мяне деньги занимаў, то я у тябе ужу ня буду спрашивить!“—Вотъ съ тѣхъ поръ прудникъ съ чортымъ и раздружіўся.

№ 5.

Жадный бобыль.

По приказанію какого-то существа, сидящаго въ липѣ, исполняются всѣ желанія прихотливаго бобыля; но когда онъ пожелалъ, чтобъ его сдѣлали богомъ, а дѣтей боженятками, то былъ обращенъ въ медвѣдя, а дѣти въ медвѣжатъ.

Жіў сабѣ бабыль и ни имѣў у себя лошади. Пашоў у лѣсъ дровы рубить. Нашоў іонъ сухую липу, падходить къ ей и стукаить у яе разъ, два и три. Яму хто-та изъ липы и гаворить: „Мужучокъ, што табѣ нада?“ Іонъ испужаўся етыга человѣка, атдаліўся атъ липы и думаить, што ета бъ значила? Падумаў, падумаў, падходить ипять къ липи и твичаить тôму голасу:—„Хачу липу срубить сябѣ на дровы, атаплять печь и сагривать дятей!..“ Голасъ яму ипять гаворить:—„Иди дамой: у тябе, у тваемъ доми, усяго давольна: и ската, и дроў, и изба твая типла, и дѣти сагрѣлись.“—Приходить дамой, жина

яго устрѣтила на дварѣ и гаворить яму:—„У насъ атъ разу у доми нашимъ усяго многа: и ската, и хлѣба, и дроў, и изба наша такая теплая; хади скарѣй да хаты и сагрѣйся!..“

Пасидѣў мужучокъ ў сваей теплый хати, палюбуваўся скатишкаю, да и гаворить жанѣ:—А што ты думаншъ? насъ усё бизпакоють нашій дяреўни выбарныи: давай имъ и то, и то. Пайду-ка я къ липи.—Пришоў къ липи и стукнуў у липу разъ и два. Съ липы чалавѣческій голасъ яму и гаворить:—„Што табѣ нада, бабыль?“—Мужучокъ и гаворить:—„Прихадіў я тады рубить ету липу сабѣ на дровы, а якъ ты якей-та сказаў мнѣ: ни руби липы на дровы, иди дамой! у тябе усяго давольна: и ската, и хлѣба, и дроў, и теплая хата—такъ и запраўду злучилась. Я тяперь думаю, якъ бы мнѣ быть выбарнымъ—ни хачу я лумать шапки пиридъ диряваньскимъ нашимъ выбырнымъ.“—Голасъ яму въ атвѣтъ:—Иди ипять дамой, и будить па тваяму жиланію.“—Іонъ и пашоў дамой.

Приходить дамой, жана гаворить яму:

— „Прихадіў къ намъ стараста — требують тябе на гасподскій домъ.“ — Іонъ пашоў туды, а тамъ была дирявеньская сходка, и избрали усею дяреўнію выбарнымъ.

Прахадіў нямнога мѣсяцыў у должныести выборнага, — наскучила яму ета сабачая доўжность — бѣгать па дяреўни, выбирать деньги на валасныхъ и писарей. Пайшоў ипять къ той липи:—„Знать ужу, што у той липи не прастой голасъ!..“ Приходить и стукъ у липу,—изъ липки голысъ спрашіить:—„Што пришоў, и што табѣ нада, бабыль?“ — Хачу, гаворить: быть старастаю у сваей дяреўни.—Изъ липы яму голасъ атвичаить:—Иди дамой: будишь и старастаю.—На тотъ жа день и ўпраўду яго усею дяреўнію паставили старастаю. Нямнога іонъ пабыў у етый доўжнасти, падумываить, што у етый доўжнасти не наживешь денегъ; задумаў атказатца и атказаўся. Приходить къ липи и просить доўжнасти упраўляющага у багатаго гаспадина. Стукъ тапаромъ у липу, изъ липы голасъ спрашіить:—„Што нада?“—Хачу быть упраўляющимъ у багатага пана.—„Ну, иди: заўтри будить твае дѣла“.—На заўтри требуить яго багатый гаспадинъ и спрашіить у яго сагласія быть въ имѣніи упраўляющимъ; іонъ сагласіўся съ радыстію и стаў распаряжатца хазяйствамъ барскимъ. Тутъ-та іонъ нѣскальки гадоў пражіў и нажіў бальшей капиталъ, а, нажіўши многа денегъ,

атказаўся атъ доўжнасти. Задумаў бабыль быть багатымъ гаспадинымъ. Приходить дамой и гаворить жанѣ:—Ти цѣла тая липа, ти ни срубіў-то хто яе? Ти даўно ты была у лясу?—Жана авичаить:—„Цѣла, нихто ни зрубіў!..“ — Ну, пайду къ липи!—Стукнуў у липу.—Што табѣ нада?—„Хачу быть багатымъ гаспадинымъ и завладѣть имѣніимъ тога багатага гаспадина, адѣ быў я многа гадоў упраўляющимъ.“—Иди—и будить па тваяму жиланію!—Атправіўся у домъ тога гаспадина и зарандаваў яго имѣнія. Начаў распаряжатца имѣніимъ, стаў ва ўсё усматриватца, переличивать свае даходы. Пажіўши бальшіе годы, зашумѣў бабыль. Задумаў гаспадинъ бабыль быть царемъ. Идеть къ липи и стукъ тапаромъ у липу. Тутъ спрашіить голасъ:—„Што нада?“—Хачу быть царемъ, штобы мнѣ винились уси народы.—„Иди, и будишь царемъ.“ — Пришоў во имѣнія, и требують яго во сталицу каранавать во царя. Накрасаваўшись на бѣлымъ свѣти царемъ, захатѣў быть богамъ, а жина была бъ багинію, а дѣтки бажинятками. Пріѣхаў на родину, пашоў гулять па полю и заходить къ липи и стукнуў у липу. Голасъ громка и сярдита гаворить яму:—Бабыль царь, што табѣ нада?—„Накрасаваўся я на бѣлымъ свѣти царимъ, а хачу таперь быть раўнымъ богу.—„Нѣтъ, царь, раўнымъ богу быть табѣ нельзя, а будь таперь мядвѣдимъ, штобъ тябе на лавцугѣ паводили, да вязинаю пувазили!.. Будуть тябе люди баятца, но будишь и ты людей баятца.—Аташоў бабыль царь, сдѣлаўся мядвѣдимъ, жана мядьвѣдицый, а дѣти мидьвижинятами и пашли по лису и таперь ходють страшилищами.

№ 6.

Абъ лисавымъ и ахотники.

Адинъ мужикъ пашоў у лѣсъ рубить дровы. Вотъ іонъ рубіў, рубіў дровы, засадіў у кряжъ клинъ, ня выніў яго и пашоў дамой. Черизъ нѣскалька ўремя адинъ ахотникъ хадіў па етыму лѣсу и услышаў чилавѣчискій голысъ—кричить чилавѣкъ.—Патомъ іонъ и давай туда падхадить, пасмотрить: чилавѣкъ! а ета хазяинъ лисавэй, стаў етытъ клинъ вынимать и увязаў іонъ туда свае руки: клинъ выніў, а руки тамъ и асталисъ. Вотъ іонъ и гаворить на ахотника:—Братъ, сдѣлай ми-

ласть, пади суда, вынь мае руки.—Ахотникъ падашоў и выніў яму руки съ етага кряжа. Лисавэй хазяинъ и гаворить на ахотника:—„Ну, братъ, благадарю я тябе, прихади у такой-то и такой день суда: я табѣ заплачу.“ — И приказаў:— „Сматри, штоба адинъ ни прихадіў, а приводи съ сабою вѣрнаго чилавѣка.“ — Пришоў ахотникъ дамой и думаить, каво тутъ узять:—„Матку узять—баюсь, што срадить, батьку—тожа;—вазьму я луччій жонку: ина, кажитца, вярнѣй усихъ будить, патаму што я яе мужикъ, а ина мнѣ жонка; а што намъ заплатить, то ўсё наша ўмѣсти.“ Патомъ и гаворить на жонку: — Ну, жонка, пайдемъ са мною!.. Пашли. Приходютъ на тоя мѣста, тога хазяина ища нѣту. Вотъ яны сѣли няиного пасядѣть. Патомъ іонъ и гаворить на жонку:— На-ка, ты ў мяне пайщи ў галавѣ!.. Уклаў іонъ ей галаву у калѣни, и лявай ина яму искать вошій. Патомъ іонъ и заснуў у яе на калѣняхъ.—Вотъ идеть тотъ хазяинъ и нясеть бальшой мѣхъ леныгъ. Ина давай яго будить, будила, будила: никакъ ни магля разбудить. Вотъ хазяинъ и гаворить на бабу:—Стой, маладуха, ни буди, а вò што ты мнѣ сдѣлай! какъ іонъ твой мужъ, то я яму атдамъ ети деньги, то іонъ табѣ ни дасть; а ты вò што сдѣлай: нà табѣ тапоръ, атруби яму галаву,—то я табѣ атдамъ еты деньги, и будишъ ты ими пользаватца, какъ табѣ нужна!“.—Ина и сагласилась, узила у яго тапоръ и толька замахнула, а іонъ цапъ за тапоръ и гаворить:—„Ой, братъ любезный чилавѣкъ, устань: што ты ета привеў нявѣрнаго чилавѣка на смерть сваю? Ежили ба ни я, то и прапаў ба!— Скажи, братъ, мнѣ спасиба, што я тябе памилуваў атъ нахальный смерти: тапер я табѣ давольна заплатіў.“—Патомъ и гаворить: „Ты ба пришоў лучча съ сабакую: никада іонъ табѣ ни зрадить и вярнѣй яго у тябе дома нѣту.“ — Лисавэй хазяинъ ушоў. Вотъ етытъ ахотникъ, какъ узяў зà валасы сваю жонку, и да самаго дому біў, и усё приказываў: — Вò табѣ деньги: вò табѣ и золыта, и серибра, и мѣдныя мидяки!

№ 7.

А бѣднымъ и багатымъ брати.

Багатый братъ атказыить у помащи бѣдныму брату и даеть яму у крайній нужди мѣрку хлѣба съ тымъ, штоба бѣдный братъ дазволіў выкалать сабѣ воки. Сляпэй ужу, ходючи у темнымъ лѣси, падслушіить разгаворъ незнама чей, якимъ ета родымъ здѣлать можна, штобъ яго глазы видили, якъ деникъ заробить (мельницу пастроить, дупечискую дачку выличить). Сляпэй уси ихъ таўхи сибѣ на усъ заматаў: стали видить яго вочи, и дужа іонъ разбагатѣў. Братъ завидыить сляпцу, вялить выкылыть сабѣ воки, идеть у тэй жа темный лѣсъ, ну тамъ гибнить атъ тэй жа самый силы, што пумагла яго брату: тамъ яму и канецъ.

Жили два радныхъ брата. У идняго брата было многа дятей, а другога не была никдга. Меньшій братъ гаворить старшему:—„У тябе, братъ, дятей многа, а у мине нѣтъ никдга— што жъ мнѣ быть батракомъ на тваихъ дятей? Хачу я съ табой раздялитца.“—Када ты, гаворить мнагасямейный братъ:— желаишъ дялитца, то дялись: будуть и у тябе када нибудь дѣти, и ты тада узнаишъ, якъ жить.—Вотъ яны и раздялились, разрушили сваё имущества. Пашли годы худэя, прибяднѣў старшій братъ са сваими дробными дитями—не стала у яго хлѣба. Падходить праздникъ гадавэй, и идеть іонъ къ мяньшому брату прасить мѣрки хлѣба у пазыкъ; жонка и гаворить мужику:—„Адѣ іонъ табѣ дасть муки у пазыкъ — на во шта іонъ будить табѣ вѣрить?“—Эхъ, жонка, жонка! Дасть Гаспоть ноў, и я тады брату итдамъ за 'дну мѣрку три мѣрки,—Жонка и кажить мужику:—Иди сабѣ! Приходить къ брату— братъ яго абѣдаить; іонъ и гаворить: —Здрастуйтя вамъ, хлѣбъ — соль милысти вашій! А яны яму атвищають:—Спасиба!—И ни пригласіў яго къ абѣду. Пабѣдавши, братъ пумаліўся Богу и легъ на палу и, лежа, гаворить бѣднаму брату:—„Што ты ка мнѣ ходишъ?“ — Бѣдный братъ и просить у багатага брата вызвалить мѣркай муки ради праздника. Братъ и гаворить брату: — Дать то дать мѣрку муки, да чимъ ты мнѣ атдаси? Табѣ дать, якъ я знаю, усе раўно, якъ у ваду усыпать. Ка-

ли ужъ ты такъ галодинъ, хочешъ ѣсть — дай мнѣ выкалать глаза тваѐ... Палились у брата бѣдняка изъ глазъ слезы. Падумаў, падумаў и гаворить брату:—„Такъ и быть! Выкалывай глазы: мнѣ патомъ, якъ низрячему, ня совѣстна будить прайдить по міру прасить хлѣба. Но такъ какъ живому смерть страшна усякаму, то вывиди мяне на дворъ, завяжи платкомъ мае глаза!..“ Братъ вывіў на дворъ брата и завизаў платкомъ яму глаза, узяў спичѧкъ и выкалаў яму глаза; насыпаў патомъ яму мѣрку муки: — „Дарую табѣ ету муку за твае глазы!..“ Вѣдный братъ узяў муку и сильна заплакаў, заплакаў ужу ни слизами, а кроўю. Ощупью идя да дому, приносить іонъ муку, паставіў на сваю переклить, уходить у хату и гаворить сваей жанѣ:—„Ну, баба, иди, прибяри муку: даў намъ братъ мѣрку муки къ празднику!..“ Баба и кѧжить:—Спасиба яму за адалжэнія!.. Ти публагадаріў жа ты яго за муку. а кали нѣтъ, иди, публагадари яго!—Мужикъ и гаворить сваей баби:—А што жъ ящеѣ Да, и якъ луччій благадарить яго? Вить жа іонъ за ету муку выкалаў у мине мае глазы.—Жонка и гаворить мужику:—„Хоть бы іонъ и галаву съ плечъ тябѣ сняў!.. ты тога стѐишъ: ты прапіў и праматаў усѐ!..“ Стала яму больна и жалка.—„Чимъ жа я причинаю нашій бѣднасти, гаворить мужикъ баби: кали Гаспоть намъ ни даў!.. Ня больши жъ людей я прапиваў!..“ Заплакаў іонъ яще пущи:—„Ну, таперь ужу мнѣ ня совѣстна прайдить сляпому по міру: у насъ, слава Богу, іость дѣти, іость каму правесть мяне сляпога.“—Стала баба сварітца и кажить яму:—А якъ жа дамъ табѣ свайго дитенка — хуть ты задавись, аль ба затапись?!.—Дай жа мнѣ хуть сумучку, кали дитенка ни даешъ“.—Пулучіў сумучку, итправіўся у бѣлый свѣтъ. Выходить изъ сваей дяреўни на выганъ; выганъ агарожинъ на двѣ стораны,—и пашоў етымъ путемъ, щупая жардьѐ. Прашедши далій, сбіўся съ дароги и убіўся у темный лѣсъ. Абхватила яго бѣднага темная ночъ. —„Ну, таперь, кажитца, будить мнѣ смерть: съядуть мяне ти ваўки, ти мядьвѣди!..“ Ащупаў іонъ густыя чатыри ели. Пумаліўся Богу и легъ тамъ спать. Праспавши многа—мала, слышить два челавѣческіе гласы, каторые гаворють:—Вотъ штѐ у свѣти дѣитца. Были два брата: адинъ багатый, а другей бѣдный съ дятьми, и ни захатѣли яны

жить умѣсти—раздялилясь. Старшій братъ съ дятьми прибяднѣў. Якъ пашли годы худэя, — ни стала у яго хлѣба, пашоў къ брату прасить мѣрку муки: — Вызваль, братъ, муки мѣрачку: мае галадуюць.—А братъ спрашіить у брата:—Дать то дать!.. Да, чимъ мнѣ ты атдаси?“—А братъ яму и гаворить:—Када Богъ зародить, я табѣ атдамъ за 'дну мѣрку три мѣры!.. А іонъ патребываў у яго глаза яго: — „Дай я,“ гаворить братъ:— „выкалю у тябе твае глазы,—тады и дамъ табѣ мѣрку муки.“— Братъ сагласіўся на ета, и братъ брату выкалаў глаза и даў яму за ета мѣрку муки.—За ета, галасы гаворють:—Гаспоть ни паможить у жисти и брату багачу... А, якъ пришоў дамой, жонка напустилась на яго: —„Мала тваихъ глазъ!.. хуть ба и голаву съ тебе сняў!..“ Іонъ прасіў у сваей жонки хлапца у павадыри, а жонка яго и хлапца ни дала.—Вотъ и пашоў сляпой изъ дяреўни и зайшоў у лѣсъ, и думаить бѣдный: тутъ яму ужу будить смерть: ти ваўки, ти мядьвѣди яго задяруть.—А хто-та й гаворить: „Яго можня яще выличить,— іонъ будить видить.“

— А якъ жа, челавѣческій голасъ гаворить:—якъ жа памочъ яму—варатить яму глаза?—„Тутъ атъ етыхъ елій нидалёка іость амчарина съ вадою—стоить яму прамыть тэю вадою— іонъ и будить видить ящо арчѣй. А ящо іость у такога-та памѣщика мельница ибъ шасти паставахъ —яму тады занять ету мельницу, и тады іонъ палучить бальшую казну.

— „А яще третія статьтя. У аднаго купца бальна дочъ,— іонъ можить яе выличить и палучить бальшую тожъ казну.“— Да 'тъ чаго жъ ина низдарова?—гаворить челавѣческій голасъ другому голасу.—„А вотъ атъ чаго. Кали купеческая дочъ гавѣла пастомъ и священникъ саабщаў св. таинъ, упала частица на полъ и заранилась у щели кала алтаря;—ина съ тыхъ поръ и забалѣла. Частица дароў гніеть, и купеческая дочъ балить. Стоить вынуть тую частицу и дать ей праглытить,—ина и будить здарова.“—Гласы еты умолкли.

Іонъ усё ета выслушаў, прашнуўся, памыўся расой, пумаліўся Богу, да и думаить и самъ съ сабою разсуждаить, што іонъ слышаў. Стаў щупать стежку, пашоў тою трапинкаю; дашоў да амшарины, умыў свае глаза вадою и стаў видить лучче прежнява. Вваздаў хвалу Богу, стаў видить зорка и пашоў дамой. Жонка и спрашіить у яго, хто яго выличіў и

даў глазы, а іонъ кажить: — „Богъ мнѣ даў глаза — вотъ я и вижу.“

Пагаваря съ жаною, атправіўся къ памѣщику занять а шасти паставахъ мельницу. Заходить къ старасти, спрашіить: „Ти дома баринъ?“—Просить яго далажить, што іонъ пришоў занять у барина мельницу. Баринъ сагласіўся и дазволіў яму занять мельницу на такомъ условіи: народъ атъ барина, а работа мужучка. Мужучокъ и гаворить барину: іость у васъ дубъ,—яго мнѣ нада распилить на двинацыть кряжоў, сдѣлать изъ макушки дубовый хрѣстъ и паставить у прорву.

Баринъ сагласіўся дать дубъ; работники распилили дубъ на кряжи, а на макушки сдѣлали хрѣстъ, паставили у прорву и закатили дубовыми кряжами; тады стали хлуды хлудить и засыпать землю. Пашла мельница у ходъ. Баринъ, застаўшись мужичкомъ доволенъ, спрашіить, што будить стоить за яго труды. — „Скажи“, гаворить: „плату, и я табѣ атдамъ деньги.“ — Мужикъ атвичаить барину:—„Я сдаюсь на вашу совѣсть: што дадитя,—тымъ буду и даволинъ.“—Иди, гаворить баринъ: на маю канюшню, выбири тройку любыхъ лашадей, три тялѣги и падъизжай къ маимъ имбарамъ. — Наваліў яму три тялѣги хлѣбымъ, насыпаў мяшокъ денигъ и вялѣў пріизжать къ яму и яще, кали ў чомъ пануждаетца.—Пріѣхаў мужучекъ дамой, привозить хлѣбъ; жана устрѣчаеть яго ласкава.—„Вотъ и ладна,“ гаворить ана:—„патрудіўся, и іость, што намъ ѣсть; іость у насъ и лошади и деньги.“

Мужучекъ гроши атдаеть жанѣ, лашадей дѣтямъ. а самъ атпраўляитца у горадъ купечискую дочку лячить. Приходить къ купцу и гаворить яму: — „Гаспадинъ купецъ, я слышаў, што вашъ дочъ бальна:“—Купецъ и гавѐрить:—„Тошна, бальна: я ужу бальшую казну раздаў, а пользы нѣту.“—Ну, гаспадинъ купецъ, праситя священника служить заўтри абѣдню!— Купецъ пупрасіў служить ибѣдню, и дочъ привязли у церкыў, штобъ яе приабстѝть. Мужучекъ пупрасіў дазваленія у священника сказать яму слова; священникъ дазволіў гаварить слова, и іонъ гаворить:—„Не была ли у васъ у церкви якога-нибудь злучая, якъ вы ету купеческую дочь причащали“?— Священникъ и разсказаў яму а быўшимъ случаи, якъ дары упали, и іонъ ни знайшоў.

Мужикъ лѣкарь и кажиць: — „Батюшка, пазвольтя мнѣ

пайскать: можа, и найду яе!..“ Вотъ іонъ и находить у щелки частицу и гаворить: — „Батюшка, надабъ ету частицу палажить у келихъ и причасциць яе!..“ Якъ ина, купеческая дочка, причаспилась, стала и здарова-здаравенька. Вышла изъ Божья храма,—атъ бальшей радасти пубижала дамой. Мужучекъ пріизжаить съ яе кучирамъ на купеческихъ лашадяхъ въ домъ куппа. Атецъ съ матирью купеческай дочери рады и благадарять Бога, што дочь ихъ здарова, чаго яны ужу и ни ждали. Съ радасти яны стали етыга мужучка угащать, якъ няможна луччій, угащали, угащали и спрашіють у мужичка:

—„Чимъ тябе наградить, и чаго ты итъ насъ желаишъ? Скажи намъ!“—

Мужучекъ имъ рячить: „Чимъ вамъ угодна, што ваша желанія—я челавѣкъ нибагатый.“ Купецъ даеть яму тройку лышадей съ тялѣгами и насыпаить хлѣбамъ нѣскальки мяшкоў, даў и денигъ рублей сто и двѣсти. Праважая купецъ мужика, кажиць яму:—„Ну, братецъ, добрый мужучекъ, кали ужу ета спаживѐшъ, пріизжай ка мнѣ, а я тябе па жисть сваю ни забуду.“ Мужучекъ публагадаріў купца, атправіўся у свой домъ. Привозить мужучокъ дамой хлѣбъ на дарованныхъ яму кѐнихъ. У варатахъ устрѣчають яго и жана, и дѣти, усѣ рады и ни надивуютца, што іонъ усяго памногу привёзъ имъ. Сабрались сусѣди, стали успрашивать у яго: „Атколь ты ета усе бярешь. усяго па многу привозишь?“ А іонъ имъ и кажить: „Эхъ, братцы, Богъ усё даеть мнѣ!..“ На заўтри мужучекъ жанѣ гаворить: „Нагатуй-ка ты мнѣ усяго палуччи: пазавемъ къ сабѣ брата у гости.“

Пасылаить сваяго сына звать брата на честь. Братъ яго приходить къ яму на честь; іонъ яго ласкава устричаить, паздароўкались, и просить брата присѣсть за столъ. Жана паставила на столъ усякая ѣдѐнія, разная снадобья, а самъ принесъ вина, и стали яны пирувать. Пувислялѣли два брата, падгуляли ладна, и спрашіить братъ брата:—„Вотъ ты таперь багачи мяне стаў,—скажи ты мнѣ усяе праўду, якъ ты нажіў такоя багатства: коній, тялѣгъ, хлѣба и денегъ?“—Братъ и гаворить яму:—Богъ ета мнѣ усё даў.—„А хто жъ табѣ даў глазы?“ А во якъ: ты мнѣ якъ выкалаў глазы, я на другей день зайшоў у лѣсъ, тамъ найшоў амчарину, памыўся вадою и стаў видить. Пагутаріўши, братъ атправляетца дамой. Приходить

дамой и гаворить жанѣ:—„Бабъ, а бабъ! Што ты знаишъ?— Што?—„Братъ мой дужа разбагатѣў. Бяри-ка спичакъ и выкалывай мнѣ глазы!...“ Баба яго и кажить яму:—Што ты, бѣляны, знать, абъѣўся?—вижъ падгуляў ладна!.. кали яму глазы!?. Штò жъ ты будишь тады бизъ глазъ?!.—„Ну, если ня хошъ выкалывать мае глазы, то я выкалю твае!..“—Баба и гаворить яму: „Чимъ жа ты мнѣ будишъ калоть мае глазы, я выкалю твае!..“ Узяла спичакъ и вынула яго глаза. Узяў сумучку и пашоў тымъ самымъ путемъ за дяреўню, якимъ путемъ хадіў сляпой братъ яго. Убіўся у темный лѣсъ, абхватила яго темная ночъ; іонъ улегся падъ тыми елями, падъ каторыми нучуваў сляпой братъ яго. Ноччу слышить іонъ гласы челавѣческіе, а людей нѣту,—адны тольки гласы:—„Вотъ тотъ сляпой мужучекъ чуў, якъ мы разгаваривали; іонъ нашоў амчарину, умыўся вадою и стаў видить; пабыў у барина, запрудіў прорву, идѣ мельница—мельница пашла работать. Іонъ за работу пулучіў атъ барина коній, хлѣба многа и денегъ,—таперь сдѣлаўся у дяреўни первымъ багачомъ.“—А што ты думаишъ, гаворють челавѣческіе галасы: ти нимашъ тутъ кòга падъ елями, ти ни падслушиваитъ хто нашихъ рячей?—Находять падъ елями сляпога мужика, акаяннага тога брата, и гаворють яму:—Ты за чимъ сюды пришоў, падслушиваешъ наши рѣчи? — „А ета ты, галубчикъ, акаянный!.. Брату выкалаў глаза и пазавидываў яго багатству. Тотъ съ бальшога горя захадіў сюда, падъ ети ели, а ты самъ захатѣў выкалать свае глазы. Мы тябе придадимъ смерти, и прападешъ ты, якъ песъ!.. Іонъ татчасъ амяртвѣў, и стачили яго черви.

№ 8.

Якъ мужикъ пиряспоріў чорта, хто пѣсню падаўжѣй затянить, и якъ чортъ атъ мужика ажно за воблаки утикаў.

Какъ жіў адинъ мужучокъ и такей іонъ быў рабатяга па тапорный части, значить, плотникъ. Вотъ іонъ у аднаго хазяина атдѣлаў домъ, патомъ приходить къ яму другей и гаворить:—„Приди, братъ, ка мнѣ, якъ кончишъ тутъ.“—А пиряходъ быў у другую дяреўню, такъ сказать, верстъ за пить или за шесть. Вотъ іонъ пакончіў ў етыга хазяина ўсю работу

и ращитаўся, патомъ пашоў у другую дяреўню къ тому хазяину, каторый яго зваў. Вотъ іонъ прашоў вярсты двѣ или три, стричаитца зъ имъ чортъ и гавôрить: — „Здрастуй, мужучокъ!"— Здрастуй, низнакомый чилавѣкъ!—„Да, какъ такъ: нязнакомый чилавѣкъ?" гаворить чортъ мужуку:—„ежили низнакомый, то, давай, пазнакомимся!.." — А какъ мы съ табой будимъ знакомитца?—гаворить чортъ мужуку.—„А вô какъ: давай мы съ табою пѣсни пѣть".—Ну, давай!—гаворить мужикъ. Вотъ мужикъ и запѣў пѣсню, а чортъ яму ня можить падвесть. Патомъ мужикъ и гаворить на чорта:—„Нѣ, вô што я табѣ скажу: скольки намъ съ табою ня пѣть, а мнѣ нада къ свайму хазяину паспѣть, а мы лучши во што здѣлаимъ:—хто будить пѣсни пѣть, тога на сябѣ и несть."—Патомъ чортъ и гаворить: — „Вотъ я запаю пѣсню, а ты мяне няси!" — Вотъ мужикъ сѣў, а на яго чортъ узлѣзъ, начинаить пѣсню, патомъ сичасъ и канчаить. Мужикъ гаворить:—„Ну, што, твая ўся?"— Уся.—„Ну, таперь ты присядь: я на табе узлѣзу".—Вотъ мужикъ узлѣзъ на чорта, іонъ яго нясеть, а мужикъ и начинаить:—„Ц-о-а-и-е."—Чортъ патомъ и спрасіў у мужука:—„Ну, што, ти ўся?"—А мужикъ гаворить: Какъ уся? Я и ни начичинаў".—Вотъ чортъ вочинь спугаўся, какъ бросить етыга мужука, а самъ на ўходъ. А мужикъ ўслѣдъ за чортымъ:—„Дяржи! дяржи!" —Но никакъ ня могъ дагнать чорта, патаму што іонъ скрыўся за 'ôблыка, а мужикъ пашоў сваей дарогуй.

№ 9.

Якъ дякынъ чорту падписаўся, а потэмъ чортывы деньги спажіў.

Какъ жіў адинъ дякынъ у какомъ-то сялѣ; іонъ жіў пярядашна: имѣў и скатину, и хлѣба, а такъ жа и дянжоныкъ. Вотъ іонъ, якъ запіў, такъ и прапіў усё свае имущнства,— ни асталось и рубашки на тѣли. Патомъ приступіў ужъ къ жонкинаму дабру. Вотъ яго жонка сматрѣла, сматрѣла, узяла бросила яго и пашла. Вотъ іонъ дабіўся да таго, што и паѣсть нечива. Патомъ іонъ думаў, думаў, што яму дѣлать и куда яму идить, и гаворить: — Пайду къ чорту. — Вотъ іонъ и пашоў. Ишоў, ишоў; стричаитца зъ имъ чортъ.—Куда ты идешъ?—А

дякынъ гаворить: — Пайду искать чорта, ти ни пумагётъ мнѣ хуть тотъ, када атъ мяне Богъ атступiўся.—Спчасъ и яўляитца къ яму чортъ.—Чаго табѣ угодна? — „А вŏ што мнѣ нужна: дайтя мнѣ денигъ, то я вамъ падпишусь“. — А многа табѣ нужна?—„А дайтя, сколька можна“. — Вотъ чортъ и вясеть яму шляпу золата:—„Ну, на табѣ денигъ и падпишись!..“—Я падпишусь, толька дайтя мнѣ сроку хуть на пить лѣтъ!—„Ну, ладна!“—Паправiўся дякынъ, паѣхаў за жаною и гаворить:— Ну, жонка, паѣдимъ дамой: у мяне таперь усяго давольна: и денигъ, и хлѣба, и адежи,—какъ была упяредъ, такъ и таперитка!.. Ина и гаворить:—„Пашоў ты! Аткуль у тябе будуть деньги?“—А iонъ гаворить: — „Помни, што на пьяницу Богъ хлопъ родить!..“—Ина сагласилась, прiѣхала дамой, пасматрйть: усяго давольна, и спрашiить: — Гдѣ ета ты узяў столька ўсяво?—А iонъ гаворить: — „Маўчи: за еты деньги мнѣ будить тижало атвичать..:“ Вотъ яны пражили пять лѣтъ, падходить ужъ тоя ўремя, што нужна ужъ етаму дякану идить къ чиртямъ. Iонъ думаить, што яму дѣлать. Патомъ и гаворить:— Пайду къ папу, што iонъ мнѣ скажить.—Приходить къ папу и гаворять:—„Батюшка, сдѣлайтя миласть, пумагитя вы мнѣ! я вотъ падписаўся къ чиртямъ, а таперь ўремя падходить: мнѣ нужна явитца туда.“ — Попъ и гаворить: — „Вŏ што я табѣ скажу: ежили ты вытирпишъ, дамъ я табѣ книгу и пастаўлю тябе у церкву на три ночи“.—Дяканъ на ета сагласiўся. Приходить вечиръ, нужна дякану идить у церкву. Вотъ iонъ и пашоў, и приказаў яму попъ:—„Сматри-жъ, какъ будишъ читать, то што будить надъ табою случатца, а ты ни сматри никуда на старану!..“ Вотъ перваю ночь какъ идуть ети черти, стали яны яго смущать: и кричатъ, и гукають, а iонъ никаму ни слова; патомъ даеть Богъ день, идеть iонъ дамой. Попъ гаворить:—Ну, што табѣ была?—„А, маўчи, батюшка, ни спрашивай!..“ Патомъ и другую ночъ такъ тожа стерпiў; третiя ночъ была ящо хужiй; ну, усё вытирпiў. Пакончiў iонъ ету судьбу, и пиристаў водку пить. Стаў жить ящо багатiй тŏга, якъ у пяредъ жiў. Такъ спажiў чартоўскiя деньги.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХЪ.

(Шутливыя).

№ 1.

Якъ мядьвѣдь, воўкъ и пятухъ лисицу изъ заичьига домика турили, и якъ лисица вымудрилась мядьвѣдя загубить.

Какъ быў зайчикъ и лисичка. Вотъ приходить зима, у зайчика была избушка лубиная, а ў лисички лидиная. А када кончилась зима, лисичкина избушка растала, а зайчикыва станть. Вить даўно сказана, што лисичка хитрица... Вотъ лисица пупрасилась у зайчика на дянекъ, да и выгнула яго. Идеть зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ мядвѣть и спрашiить у яго:—„Чаго, зайчикъ, плачишъ?—„Да якъ жа мнѣ ни плакать:—пупрасилась лисичка на кватеру, да й выгнула.—„Ну, падажжи, заицъ",—гаворить мядвѣдь:—„я яе выгыню!"—Вотъ идеть мядвѣдь къ зайчикывый избушки и стучить, и на ўвесь лѣсъ грючить:—„Лиса, выхади вонъ!"—Ина и гаворить:—„Ну, падажжи! сичасъ!—толька увабуюсь".—Патомъ лисица и ни выходить. Идеть зайчикъ, снова плачить; стричаитца зъ имъ воўкъ.—„Чаго ты, зайчикъ, плачишъ?"—Да какъ жа мнѣ ни плакать:—пупрасилась лисица въ кватеру, да й выгнула!—„Ну, падажжи: я яе выгыню!"—Идеть воўкъ къ избушки и зубами ляпанть:—„Лиса, выхади вонъ!"—Сичасъ, сичасъ, сичасъ: тольки напрянусь!—А съ избушки и ня думаить идить. Вотъ идеть зайчикъ и плачить; стричаитца зъ имъ диряменскій пятухъ.—„Чаго ты, зайчикъ, плачишъ?"—Да якъ жа мнѣ ни плакать: пупрасилась лисица у мяне на квартеру, да мяне и выгнула!—„Ну, падажжи: я яе выганю!"—Вотъ идеть пятухъ и пяеть, и кричить, а лисичка ў акошка смотрить. А лисица гаворить:—„Здрастуй, петя, питушокъ! здрастуй, красный грибяшокъ!—А пятухъ гаворить: атвари вакошка нямножка: я табѣ галоўку пакажу!"—Патомъ и кричить:—„Нясу касу на плечи,—хачу лису пасѣчи. Лиса выходи вонъ: а то якъ пайдуть таўчки за таўчками, саўки за саўками.—Лиса, выхади вонъ!"—Вотъ ина якъ выскачить, якъ пубяжить. Бижала, бижала. Какъ увидiў яе мядвѣдь, да какъ пуститца атъ яе утикать: бижаў, бижаў,—прибиганть, мужикъ дровы рубить. Iонъ, какъ бѣгъ къ яму, и легъ на калесы, и гаворить мужику:—„Ну, мужикъ.

када прибигить лисица и спросить:—„Што ета у тябе лижить?“— а ты скажи:—„Драва“.—Прибигаить лисица и гаворить на мужука:—„Мужикъ, што ета у тябе на калесахъ ляжить?“— А ета калода!—А лисица гаворить:—Кабъ калода, то увязана бъ была!“—А мядвѣдь гаворить мужику:—„Увяжи мяне тихинька“.— Вотъ мужикъ увизаў мядвѣдя. Патомъ ипять прибигаить лисица. —„Мужикъ, што ета такоя?“—А ета калода.—А лисица гаворить:—„Кали бъ калода, то ў ей ба тарчаў тапоръ!“ — Мядвѣдь и гаворить тихонька мужуку: — „Уторни патихоньку мнѣ у бокъ тапоръ“.—А мужикъ узяў, да якъ музданўў су ўсей пары, такъ што мядвѣдь и глазы падъ лобъ падкатіў: іонъ яго узяў, абадраў и павезъ дамой.

№ 2.

Якъ воўкъ хазяина заставіў кармить сабачку и якъ сабачка ваўка абманіў.

Быў у хазяина сабачка, жіў нѣскалька гадоў, брихаў окала двыра, абиригаў домъ атъ злыхъ людей и вароў; сабачка хадіў у поля, абиригаў атъ звярей разный скотъ.
Адинъ разъ пришоў у стада воўкъ и паймаў аўцу. Сабачка етыва ваўка дагнаў, ирвануў яво за ляшку, — воўкъ ету аўцу бросіў и убижаў. Тады и думаить воўкъ, какъ ба етыму сабаки атплатить за то, што яво іонъ укусіў, но никакъ ня могъ паймать.

Сабачка стаў старъ, пиристаў брихать; тада ета хазяйка пиристала сабачку карьмить па хазяйскыму приказу, а кармила сама па сябѣ. Атащаў етытъ сабачка, стаў хадить изъ двара у дворъ, штоба найдить сабѣ пищи. Шляўся етытъ сабачка и стричаитца съ ваўкомъ; воўкъ гаворить на етыва сабачку:—„Ага, сабачка, пупала ты ка мнѣ ў зубы: вотъ таперь я тябе зъѣмъ!“—Сабака гаворить:—„Братъ, ѣшъ: у мяне таперь кожа да кости;—мяне ни приказаў хазяинъ карьмить“.—Воўкъ гаворить:—„Харашо ли табѣ, сабачка, быть ня ѣмши?—Вотъ и мнѣ такъ жа ѣсь хатѣлысь, када я паймаў аўцу, а ты у мяне уватняў.—А хатишъ, сабака, што табе хазяинъ будить карьмить?“—Атчаво жа нѣтъ?— Да какъ ты мнѣ ета сдѣлаишъ?„ — Ну, што мнѣ будить за труды?“ Сабачка гаворить:—„А я табѣ сашью боты“. Сабачка

абищанія сдѣлаў; воўкъ гаворить сабачки:—„Есь ли у тваей хазяйки малинькій рабёнычикъ?“—Іось.—„Ну, сматри: пайдеть хазяйка у поля жать, и ты иди за нею, да лягъ тамъ, утайся ни падалеча атъ рабенка. Кагда рабеныкъ заплачить, то я схвачу яго и панясу;—хазяйка закричить:—„ту, ту, ту, ту! да: „тютю, тютю!“ а тагда ты пабяги хуть нямнога ка мнѣ, да хуть адинъ разъ гаркни, да сматри: ни укуси мяне, какъ ты тада укусіў“.—Сабачка такъ и сдѣлаў. Аткуль узяўся воўкъ, схватіў рабенка и панесъ. Хазяйка закричала: — „ту, ту, ту, тютю, тютю“; сабачка бяжить на голысъ хазяйки; хужъ и силы не была, аднака гаркнуў, а воўкъ рабенка бросіў. Тада хазяйка гаворить:—„Охъ, ты мой тютичка, вотъ табѣ лусту хлѣба: а то ты атащаў“.—Пришла хазяйка дамой и злобитца на хазяина:—„Какой жа ты хазяинъ, што ни приказаў сабачку карьмить: када бы ни сабачка, то нашива ба рабёнка ни було ў живыхъ“.

Хазяинъ тада начаў сабачку карьмить, сабачка начаў пуправлятца. Чиризъ нѣскалька ўремя увидаў воўкъ сабачку:

— „Ну, што, братъ, ти корьмить тябе хазяинъ?—„Корьмить.—„Ну, таперича мнѣ нада за труды боты сшить“. — Я сшію, ды мнѣ нада казловый таваръ.—„Ну ладна: я казла прянясу“.—Воўкъ принесъ здаровыга казла и палажіў у роў. — Сабачка нашоў етыва казла, съѣў яво и растаўстѣў. Увидаў сабачку воўкъ:—„Ну, што, сабачка, боты абѣщаныя? Сабачка гаворить: „Таперича нада падошвы“.—Ну, какея падошвы?— „А падошвы нада свинныя“. — Пашоў воўкъ, пыймаў вупря агромнывa, и приналокъ къ дому, и палажіў у раву. Сабачка напаў етыва вупря и усяго съѣў. Сабачка пуправіўся, стаў сытъ, легыкъ и праворинъ. Увидаў яво воўкъ:—„Ну, давай боты!“— Но, ужъ я таперича шлыкъ!—Узяў сабачка и схуваўся падъ вароты. Значить, сыбачка ваўка и ябманіў. Думаить воўкъ, какъ ба сабачку за ябманъ паймать и съѣсть,—ня могъ воўкъ сябачку падладить и съѣсть. Сабачка загуляўся: была свадьба сабачча, и сабачка быў на свадьби шафирымъ, и атащаў съ пьянства и пубижаў дамой, а воўкъ на сустрѣчу:—„Ага!... вотъ таперь ты пупаўся ка мнѣ!“ А сабачка гаворить: — „Ахъ, братъ, идѣ ты ета быў—Я тябе заискаўся“. — Воўкъ гаворить: — „А што, братъ?“ — А вò што: у нашива хазяина Никольщина, пайдемъ: будимъ и сыты, и пьяны. —

„Ну, какъ жа мнѣ идить: мяне пазнають? — „Пайдёмъ: ты будишъ стыять у синяхъ, у патьмахъ.—А ета дѣла було позна вечирымъ. Сабачка гаворить:—Ты будишъ стыять у патьмахъ, а я пайду у хату, узлѣзу на лаўку и хвастомъ святецъ скину. Народъ закричить:—Воўкъ тябе ѣшъ!—А ты изъ сянёцъ у патьмахъ мизъ народу ды ў хату, ляжъ падъ столъ,— вô мы и пугуляимъ съ табою на Микольщини.—Народъ у хати сядить за сталомъ, пьеть водку и закусыить пирыгами. Народъ, каторый закусыить, а каторый пираги рыняить падъ столъ.

Сабачка ваўку гаворить:—„Вотъ, братъ, наидайся!" —Принесъ хазяинъ водки и паставіў на столъ. Народъ пьяный шатнуў столъ, и разлили ету водку. Хата ета была нямощиныя, а падъ сталомъ была ямка; ета водка уся у ямку стикла. Сабака ваўку гаворить: — „Во, пей гарѣлку." Напіўся воўкъ гарѣлки, скольки яму було угодна. Бабы у хати начали пѣть пѣсни; воўкъ гаворить сыбачки: запяю и я?—„Нѣтъ, нямнога пагади". — Воўкъ падаждаў, пака сабачка ушоў за парогъ, и запѣў: — у-у-у-у,— народъ увесь пупугаўся; — паглидять: ета воўкъ ряветь. Схватили яни вилки и убили етыва пѣсинника ваўка. Сабачка и абмануў ваўка. Начаў хазяинъ яво кармить, какъ и маладова карміў.

№ 3.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ котъ и сабака съ ваўкомъ дружбу вадили, и воўкъ ихъ карміў, пôтэмъ сабачку зъѣў.

Захатѣў сабака ѣсть и котъ тожа, третьтій воўкъ. Сабака вышіў на дарогу, на поля; даганяить яго котъ:—„Здароў, сабака!"—Здрастый, котъ. Дыганяить ихъ воўкъ: — „Здароўтя, сабака и котъ". — Пытаить у ихъ: — „Куды ты, сабака, бягишъ?"—Ѣсть хачу, воўчинька.—„А ты жъ, котъ, куды бягишъ?"—А што, воўчинька, и я ѣсть хачу. — Воўкъ и гаворить:—„И я ѣсть хачу."—Ну, сабака съ котымъ, кали будитя мяне слухать, дакъ я васъ накармлю.—Прабѣгли яны па лясу, вышли. Ходить табунъ коній. Воўкъ на сабаку гаворить:—„Гляди жъ: я пупаўзу каня рѣзать, — якъ падымитца мыя шерсть дыбырёмъ, тады мнѣ скажи!" — Воўкъ къ каню

падкрадаитца, паўзеть и спрашіить: — „Ти падымаитца мая шерсть?“—А, а, воўчинька, паднилась твая шерсть уся дыбырёмъ.—„А што, сабака, ти красны мае вочи?“ —А, а, воўчинька, такъ красны—кроўю накипѣли! —Ухватіўся воўкъ на чатыри наги, цапъ каня за глотку и заѣў. Гукаить:—„Хади. сыбака, ѣсть и зави ката.“ —Воўкъ стаў ѣсть, и сыбака, и котъ. Котъ лизнуў, зьѣў пячонычки троху,—сытъ, надуўся и сядить. Сабака зъ голаду нализаўся крыви—ѣсть некуды. Атстаетца пашти ни пачинатый конь адному ваўку. Іонъ гаворить:—„Ну, што жа вы прикинули адному лошадь убирать?“—Воўчинька, мы такъ наѣлись, што у нашимъ раду нихто такъ ня ѣў!..—Воўкъ гаворить: — „Глядитя жъ: я васъ и кармлю, и частую, а вы мяне тольки слухайтя.“—Стала зырять. Наѣўся дужа воўкъ и ня злѣзить зъ етыга каня — абъѣўся—и гаворить:—„Сабака, бярись зубами за котыў хвостъ, а я вазьмусь за твой: ти ни стягнитя вы мяне зъ етыга каня?“—Котикъ етый прыгъ, а сабака якъ тасканyў воўка, съ каня яго скора зваловъ, ажнуть у сабаки хвостъ атарваўся. Якъ воўкъ быў хазяинымъ надъ сыбакый и катомъ, іонъ и приказываить:—„Сыбака, вы, и котъ! Пауважьтя вы мяне: бягитя патиши,—я васъ за то карьміў,—а то мяне раздушаить.“—Прайшли яны ти многа, ти мала, ледва у кусты увыйшли, гаворить воўкъ:—„Лажитись вы спать и ни ўстывайтя, пакуль я прашнусь,—тады мы и ни такъ пайдемъ.“ — Яны гаворють: —„Будимъ спать, воўчинька, пакуль ты устанишъ!“—Котъ паспаў зъ рання да вечира и выспаўся, сабака ища спить и воўкъ тажа. Будить котикъ сабаку:—„Уставай, а то будить намъ плоха!—Прашнуўся сабака, и стали зюкыть съ котымъ: — „Да, котъ, харашо, што ты мяне разбудіў: а то якъ прашнетца воўкъ, іонъ захочить ѣсть,—перва мяне зьѣсть!“—Гаворить котъ:—„Утякемъ, сабака, атъ ваўка у дяреўню, на дворъ: я черизъ заборъ, а ты падъ заборъ“.—Яны такъ и здѣлали: котъ узлѣзъ на ганки у чулани, а сабака урыўся у сўвалку и ляжить. Прашнуўся воўкъ и гукаить:—„Сабака!“—Ня чуть. Устаў іонъ и дужа долга глядѣў и патягываўся, пакамисть разыйшоўся. Узыйшоў на ихъ слѣдъ и гаворить: —„Трудна було мнѣ на слѣдъ напасть, а таперь я ихъ даганю!—Дагнаўши ихъ, раздяру!“—Бѣгъ, бѣгъ, да самый да дяреўни; збунтували другея сыбаки слѣдъ: ѣхаў па дяреўни праизжающій, и за имъ бѣгли сыбаки

брихать — забунтували сляды. Ни знашоў ихъ слѣду и гаворить:—„Скольки мы, ваўки, съ сыбаками на выгынки гуляли, дакъ усё ваўки сыбакъ дыганяли.“ — Пачуў воўкъ, што на краи дяреўни брешить сыбака.—„Пайду, у яго распытаю пра тога сыбаку!“—Падходить и гаворить:—„Ты. крайній сыбака, ти ня быў идѣ на сабаччій свадьби, ти ни хваліўся сыбака, якъ ихъ воўкъ карміў?—А, а, воўчинька, хваліўся адинъ сыбака, якъ ихъ воўкъ карміў; только іонъ гаваріў, што и съ котымъ быў.—Воўкъ дагадаўся:—„Ета иминна мае ускормники!.. Што, сабака, раскажи, идѣ мнѣ яго найдить?“—Скажу, воўчинька, и пакажу, када ня будишъ мяне ѣсть.—Воўкъ сыбаки за ета бокымъ кланіўся. — „Будить зъ дяреўни“, гаворить сыбака: „пастухъ скотъ выганять, — будить сабака тотъ ли пастуха свинней заганять“.—Пагода стыяла ниnасная. и лѣзуть уси свинни дамой урозсыпъ. Сыбаку пастухъ зацкуваў. Якъ бѣгъ сыбака—такъ за свинку, а сзаду бѣгъ воўкъ. ды хвать сыбаку за спинку. гаворить: — „Што, сыбака-абманщикъ, абманіў мяне? — Тяперь я тябе зьѣмъ!“ А сыбака хатѣў ваўка абманить:—„Ахъ, воўчинька, ты насъ карміў, дакъ я увидіў, што ты идешъ,—дакъ я табѣ свинку паймаў...“— Не, сабака! Брасай-ка ты свинку, а падавай-ка мнѣ сваю спинку!.. Изьѣў воўкъ сабаку.

От старика Евдокима Хатуля.

№ 4.

Абъ хворый свинки.

У хазяина свинка была хворая. Ина днемъ съ двара ни сходила, а, ночка пришла, свинка съ двыра пашла. Вышла свинка ў чистыя поля, да ў правдя. Падумала, пагадала, какъ жить, какъ быть, какъ сваю голаву кармить: спустила хвостъ и рыла. прайшла хазяйскую пыласу мима, а ў чужую ўзыйшла, и ў авесъ. Свиння вѣтычки снимаить, зернышки глытаить, саломку хазяину астаўляить. У аўсѣ сядить воўкъ, да й примоўкъ. Свиння спустила брови низка, падыйшла къ ваўку близка. Ваўчища устаў и калпачища сняў:—„Здравствуй, свиння, супаросыя жина!—Зачимъ тутъ ходишъ, зачимъ тутъ шляисьтя?— Тутъ живуть ваўки. тутъ живуть сѣрыя, хватають авецъ, и

табѣ, свиння, будить паслѣднiй канецъ".—Ай, ваўчища, ня ѣшь мяне: я табѣ стада пырысатъ привяду!—„Нѣтъ, свиння, хушъ ты брови висока падымаишъ, да мяне ни абманишь!" — Узяў свинку за сивыю спинку, падъ кустикъ сѣў и свинку съѣў, и ўсихъ свинныхъ пасынкыў пумянуў.

№ 5.

(Село Даньково Смоленскаго уѣзда).

Якъ старикъ ваўка забiў.

Жiў сабѣ адинъ старикъ; была у яго старуха; було у яго двоя унькаў: мальчикъ да дѣвычка; да було у яго ящо чатыри iўцы да жирябенькъ. Разъ дѣдъ сядить водли выкна; падыйшоў къ яму воўкъ и запѣў:

„Жiў дѣдъ ды бабушка,
Да унукъ, да ўнучычка,
Ды чатыри 'вечички,
Пятый жирябенычикъ!"

Стала старику ваўка жалка: атдаў iонъ яму адну аўцу. Воўкъ апять пришоў, аўцу зьѣўши, и апять запѣў. Патуль хадiў, пакель усе у старика павыкалатырiў пѣснiю: и авецъ, и жирябенка. Усердiўся дѣдъ на ваўка: узяў бальшенный каминь и сѣў дли вакна. Якъ пришоў ваўкъ, старикъ камнимъ узяў ды й вуўка забiў.

От кравца Лаврина Егорова.

№ 6.

Ерастъ Ераставичъ и Хворастъ Хворастовичъ.

— „Здрастуй, Ерастъ Ерастовичъ!—„Здрастуй, Хворастъ Хварастовичъ!—„Какъ жа паживаить Иванъ Крюкыў?—А живеть, паживаить, да хлѣбушка пажимаить.—„Гаварили жъ: яго павѣсили".—Да, павѣсили.—„Зашто?" Да 'бнакавенна за што: за шею.—„Да за какую причину?"—Причина то нибальшая, да судъ то г.......: сняў зъ ж... партки, да у пупа съ ж... сарахванъ.—„Быў ли ты ня ярмалки?—„Быў". — Велика ярмалка?

Ня мѣріў.—Што тамъ прадаетца?"—Капуста па гаршкамъ, табака па ражкамъ, а сахаръ па мишкамъ. „Што жъ ты купіў?"—А я купіў сабѣ гарошку трошку, да и разсыпаў.—„А падабраў?" Слава Богу: мѣрычку.—„Харашо твaё дѣла".—Харашо, да ня дужа.—„А якъ?"—Да такъ.—„Да якъ-жа?" — Да такъ жа: пасѣіў я тотъ гарохъ, да и урѣдіў. — „Худа, братъ, тваё дѣла".—Худа, да ня дужа.—„А што жъ?"—А то-жъ.—Да якъ жа?"—Да такъ жа: узыйшоў мой гарохъ, хуть рѣдакъ, да стручистъ и пярчистъ.—„Харашо, братъ, тваё дѣла!"—Харашо, да ня дужа.—„А што жъ?" — А то жъ: якъ павадились ў тотъ гарохъ да паповы свинни.—„Худа, братъ, тваё дѣла!"—Худа, да нядужа.—„А што жъ?"—А то жъ: я етыхъ свинней бить, да лупить, кадушку сала насаліў. — „Харашо, братъ, тваё дѣла!"—Харашо, да ня дужа.—„А што?"—А то: якъ пувадились у тоя сала да паповы кошки; я тыхъ кошикъ лупить, да сшіў жонки шубу.—„Харашо, братъ, тваё дѣла."—Харашо, да ня дужа. — „Да якъ жа?"—Да такъ жа.—„А што?"—А то: якъ пашла жонка ў тэй шуби ка 'бѣдни, вотъ попъ вылупіўся, дякынъ вытрищіўся, а дячки ўзяли да сняли.—„Худа, братъ, тваe дѣла!"—Худа, да ня дужа.—„А што?"—А то: я судитца, да рядитца,—высудіў сабѣ вала абъ тридцати рагахъ.—„Да то лось!"—У тябе ў глазахъ сдалось! У насъ то лось, што жирибятыкъ за шію тигаить.—„Да тожъ воўкъ!"—Падъ бокъ тябе тоўкъ! У насъ то воўкъ, што асинку гложить! — „То-жъ заицъ".—Трясцу ты знаишъ: у насъ то заицъ, што па ёлки скачить! — „Да то бѣлка!" — Плаваишъ мелка: ж... а видна! У насъ то бѣлка, што зямельку роить.—„Да то кротъ!"—Трясца табѣ ў ротъ.—У насъ то кротъ, што г.....ы роитъ.—„Да то жъ грачъ!" Пашоў, ни плачъ! То кукуреку пяеть.—„Да то жъ пятухъ!"—Пашоў, пратухъ,—съ табою и гаворить ни хачу.

№ 7.

Шутливая.

(Деревня Чепищево Смоленскаго уѣзда).

Я радіўся и съ дѣдымъ нахадіўся.—Дѣдъ быў уменъ, а я умнѣй яво. А такъ сказать и хитрѣй. Мы жили багата: имѣли у сябе сорыкъ кошикъ дойныхъ, а два ката ялавыхъ—малака въ

атвалъ: люди идягь, а мы глядимъ, да паплевываемъ..... У насъ была двѣ лошади, адна кабыла, сорыкъ пяжинъ и съ пяжинаю: каждая пяжина стоила па сорыкъ рублей съ палтиною. Бывала — бяжить, дажа зимля дражить, а упадеть, дыкъ три дни ляжить.— Дѣтъ старъ, а я малъ, сядимъ да плачимъ, покамѣстъ добрый человѣкъ придеть да падымить.—Люди ѣдуть у Рослаў падъ навалку удваихъ па шестёрки, а у насъ лошади хараши, у дваихъ на пари; люди валють по три кули соли, а намъ ета кладь легка; людямъ дають задатки па накладнымъ, а намъ вѣрють и такъ.—Дѣдъ пашоў искать клади, искаў цѣлый день, ня столько на нагахъ хадіў, сколька ракамъ ползаў. Нашоў. Мы валили на пару и навалили за цѣлый день семъ хунтоў хмелю.—Люди пувязли па указанію, а я придумаў, добрый унукъ, сварить пива, каторава люди ни пили и ни знали, и сварили адинъ ковшъ.—Я дѣда паслаў сазвать хазяіў на ету пирушку; дѣдъ привеў людей и паказываў имъ пива; аткуда ни была сучка и выпила ета пива. Я яе за хвостъ, да въ забой, и набили мы зъ дѣдымъ три карцы пива. Какъ пашоў мой дѣдъ съ чаркыю, а я съ-зади харошею палкаю: дѣдъ чарку, а я палкаю двѣ. — Къ намъ люди пришли на нагахъ, а атъ насъ ракамъ папаўзли. Вотъ какъ жили! На трехъ гумнахъ малатили: на адномъ—макъ, а на другомъ такъ, а на третьтимъ цапы вѣшали.—Бывала, мы пайдемъ съ дѣдымъ малатить, ажно гумно дражить.—Баба напякеть блиноў, каровій хвостъ залупить, да масла укалупить, а мы ядимъ, пу губамъ тикеть. — А бувала ляпёшикъ напякеть, ноги свяжить, да пряма задымъ и пумажить. У насъ была карова адна. Бувала, гавядины захочить, пупаламъ карову пирисякеть: перидъ на гавядину, а задъ паставить къ стянѣ, баба такъ и доить; — а бувала, палянитца, вазьметь ...... и вылылить въ гарлачъ. А при смерти ихъ астаўся я, мудрецъ; а када умру, всяку разсказу канецъ.

№ 8.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Шутливая.

— Ты—мальчикъ! ты—малакасосъ!

— „Нѣтъ, я жилъ еще съ дѣдымъ: матка была въ дѣвкахъ, атецъ халастой. Мы жили багата: семъ была кошикъ дойныхъ,

да два ката убойныхъ, масла назбирывали многа — па цѣлыму пристѣну, лашадями таптали. У насъ кабыла была жеребна, жеребенка ни ўвидали, у масли затаптали; стали кавырять масла, и нашли жирябенка. Жалка была жирябенка: жирябенывъ былъ вяликъ. Лошадей была па многу—чатверка, и усе харошіи. Кабыла машастая—па три вярсты у сутки шастала. Пѣгая—зъ двара ня бѣгала. Палавая—выиздить весь дворъ, ни ўставая. Былъ конь съ пабѣжкай—усе паганяли далбежкай. Припашикъ хлѣба былъ бальшой. Окала кута сами засѣвали, окала парога заставляли. Уражай былъ харошій: наклали на кажухѣ цѣлый стохъ хлѣба. Аткуда ни вазьмись котъ: какъ прыгнулъ съ палать пряма на стохъ хлѣба. Стохъ обярнулся и пупалъ пряма въ ряжку. Дѣдъ мой загаревался.

— „Ни гарюй: наваримъ соладу, наваримъ пива“.— Надѣлали соладу, наварили пива, зазвали гастей. Дѣдъ узялъ надалбаный коўшикъ, а я дубинку. Какъ стали потчивать гастей— хто ракамъ, хто бокамъ, такъ и пупаўзли. Мы зъ дѣдымъ плотники харошіи были. Какъ станемъ избу рубить,—у первымъ вянцы двери прарубимъ, у втаромъ окны, а на третимъ вѣнцы закачиваемъ хату и ў старыхъ каромыслахъ зарубки зарубаемъ.

№ 9.

Село Пречистое Духовщинскаго уѣзда.

Шутливая.

(Пра ахотникыў).

Какъ жіў ахотникъ Аниська, и была у яго три сына, и была у ихъ цатыри сабаки: занимались яны ахотый дужа сильна.

Пачули яны звирья дужа многа въ атшйби, въ лясу. Анѣ сабрались и пашли у цатвярыхъ. Пришли у лѣсъ и атямнѣли. Обняла ихъ ночъ. Стали яны аганекъ развадить. Потомъ, развёўши аганекъ, стали кушання варить. Патомъ, тольки яны зварили, приходить къ имъ чилавѣкъ сядой.

— Здрастуй вамъ, маладцы!

— „Здрастуй, старичекъ!..“

Янѣ атказали, и стали садитца ужинать. Пасадили яго съ сабой. Онъ стаў ужинать зъ ими, Наказалась яму мала.

— „Што жъ вы мине ви накармили давольна?“

— Старикъ, атдавай сваю торбу—пущай ѣсть!

Зъѣў—мала! Большій атдаў торбу и малый—уси зряду атдали ужъ усе съ сябе—зъѣў—и мала!

— Батька, атдавай собаку!

Зъѣў—крицить: мала! Зъѣў сынавей: аднаво за другимъ атдаў ихъ батька. Батьку зъѣсть хоцить. Ѣдить баринъ па дарожки; іонъ схватіў за бярвення, якъ крикнуў—и прашнуўся. Ета сонъ быў. Ляжить іонъ у сваей хатѣ, сыны лижать на пецы̑ и жонки зъ ими, а сабаки уси цатыри падъ стѐлымъ.

№ 10.

Атчаго ахотникъ пиристаў ахотыю займатца.

Въ адномъ пумящевіи жіў ахотникъ, очинь чилавѣкъ харошій и бпатный. Вотъ и случилась яму адинъ разъ: пашоў іонъ на ахоту и убіў лисичку, принесъ яе дамой, ўзяў яе аблупіў, а гавядину выбрасіў на улицу. Ета гавядина устала и пубижала. Іонъ видить ету аказію и утарапіўся; ўходить у хату и гаворить сваимъ дамашнимъ:—„Што ета такоя за чуда?—Выбрасываў я ужу нѣсколька штукъ, да такога чуда ня видывыў.“—Патомъ ў адномъ пумящевіи жіў ужъ старый ахотникъ, и была ў яго два сына. Вотъ аднажды іонъ стричаитца зъ имъ и расказываитъ яму:—„Братъ, паслухай-ка маей аказіи: убіў я лисицу, аблупіў яе, гавядину выбрасіў на вулицу, а ина устала и пубижала“.—Вотъ іонъ и гаворить, етытъ ахотникъ:—Ета аказія—ни аказія,—а была ў мяне аказія. Пашоў я на ахоту съ двумя сынами, и ўзяли пару сабакъ, пошли далёка атъ дому верстъ за питдисятъ,—памѣстія низнакомыя; хадили мы, хадили—абнимаить насъ ночъ, я и гаварю на сынавей:—„Ну, што будимъ дѣлать: гдѣ будимъ начувать?“—А яны гаворють:—А во што, батюшка! атъ дому мы далеча, дяреўни тутъ близка нѣтъ,—разложимъ мы агонь тутъ падъ елкый и пириначуимъ.—Вотъ яны здѣлали привалъ, паставили ружьи, расклали аганёкъ и заначували. Патомъ мае сынаўя, какъ день хадили, умарились, лягли и придрямали. А атецъ ихъ завѣсіў катялокъ и давай варить сабѣ вужинъ: вотъ іонъ варіў, варіў; приходить къ яму чилавѣкъ, и, ни гаваря яму ни слова, вытащіў етытъ

катялокъ и давай ѣсть; паѣў увесь, патомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А іонъ гаворить: — Ну, што жъ табѣ ѣсь? Вотъ у мяне лялить булка хлѣба. — Іонъ узяў и тую ѣсь: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А што жъ табѣ ѣсь: вунъ ляжить сабака. — Іонъ узяў и сабаку зъѣў, и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вотъ другая ляжить! — Іонъ узяў и другую зъѣў: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вотъ стыять ружьи! — Іонъ узяў и ружьи паѣў. Іонъ и думаить: нидалека ужу приходить рядъ и да сыноў и да мяне, и думаить, как бы сыноў узбудить; талкаў, талкаў: ни адинъ ни устаў. Іонъ и думаить самъ сабѣ: — „Вотъ пакуда мыя жисть была и сыноў маихъ!..“ А іонъ и гаворить: — Ну, што инѣ яще ѣсь? — „А што жъ табѣ ѣсь: вунъ стаить катялокъ!“ — Іонъ узяў и катялокъ зъѣў. — „Ну, што яще ѣсь?“ — А што жъ табѣ ѣсь: вунъ сынъ ляжить! — Іонъ узяў и сына зъѣў. Патомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А вунъ и другой сынъ ляжить! — Іонъ узяў и другога сына зъѣў. Патомъ и гаворить: — „Ну, што яще ѣсь?“ — А іонъ ужъ яму и гаворить: — „А што жъ таперь? Ѣшъ и мяне ужъ! — Нѣтъ ничога! — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ну, таперь вô што я табѣ скажу: я падъѣў. — Ты вазьми, да на мяне сядь, а я тябе пувязу, и буду везь тябе дарогыю; — тамъ будить стыять сасна; то ты сматри: какъ ня можна хватайся за яе, а то я тябе далёка связу!..“ Вотъ іонъ такъ бижаў кала сасны, и етытъ ахотникъ какъ ухвытіўся за ету сасну абѣими руками, пасматрить: нѣтъ ничога: ни тога чилавѣка, што яго нёсъ, ни той сасны, што стыяла на дароги, а пасматрить іонъ: ухватіўся дома ў сваей хати за палицу; — а ўсё яго дома, и ўсё яго цѣла; патомъ пирикрястіўся и сынамъ приказаў: „Давольна ахотитца!..“

№ 11.

(Деревня Чепищево Смоленскаго уѣзда).

А мужикѣ, што лоўка ўрать умѣў.

Адинъ гасударь любіў, хто врётъ. Паставить глубокую тарелку золата и паложить рядамъ мечъ: ежили гасударь скажить, што ты, братицъ, врешъ, то бяри золата, а ежили въ яго разсказѣ гасударь не ашибетца сказать на раскащика, што ты врешъ, то галава прочь. — Адинъ старикъ, парядачна выпіўши,

рашiўся идить къ гасударю, ня столька врать, сколька праўду гаварить, абы золата палучить. — По приходу яго у гусударя быў пиръ, сабралися вельможи. Далажили яму, што старикъ пришоў врать для ихнива пиршинства; государь етыму очинь радъ. Приказали насыпать цѣльная блюда золата и палажить мечъ; то старикъ сдѣлаў первый разсказъ: — „Я, гаварить, ўчера паѣхаў пахать падъ яравоя, лошадь мая была слабая, я рана атпрегъ. Мая лошадь пакачалась и на двѣ части перервалась; перидъ пабижаў дамой, а задъ ў поли иржеть“. —

Вяльможи гаварять:—Врётъ мужикъ!

А гасударь гаварить:—Мужикъ хитеръ: всё сдѣлаить.

— „Я задъ къ периду загнаў, лыкамъ сшiў и ракитывымъ каломъ убiў, самъ лёгъ атдыхать; прабудiўся,—ракита выросла на маей лошади не такъ высако, а да самöга неба.— Я ўздумаў па етый ракити лѣзть на неба.

А вельможи гаварять:—„Врётъ мужикъ: можить ли такоя дерива вырасти да неба?

А гасударь гаварить:—„мужикъ хитёръ: у няго ўсё можить случитца“.—„Я пашоў па небу“....—А вельможи спрашиваютъ:—Видаў ли ты тамъ Бога? — „Видаў“ — Што Іонъ тамъ дѣлаить?—„А съ учиниками въ карты играить“.—Вельможи гаварять, што мужикъ врётъ, а гасударь говорить: — Вы жъ можите са мною играть въ карты, такъ и Богъ съ учениками.— Вельможи гаварять: „Ета ни праўда: Богъ етымъ ни занимаитца“.—А гасударь гаварить, што мужикъ хитёръ: усё можить придумать.—„Я, тамъ пахадя, знаю ўремя, што нада запригать лошадь: хатѣў спуститца внизъ на землю,—ракита, быўшая на лошади, падгнила и звалилась, а маи полдни далжны астатца прагуламъ.—Аднака я прашоў па небу, увидаў, што багатый мужикъ съ паловова аўса вѣитъ на чистый.—Ета илёшка, то-есть, мякина, падъ небо лятить; я давай лавить, да сѣў вярёўку вить“.—Вяльможи гаварять:—„Што врётъ мужикъ: можна ли съ мякины вярёўку вить“? а гасударь гаварить:—„мужикъ хитёръ: ўсё можить сдѣлать“.—Патомъ я вярёўку ету привизаў на нёби и начаў спускатца па ней,—не далѣзъ да зямли ня болiй ста верстъ:—вярёўка каротка. — Я ўвярьху' атрѣзаў, а низъ наставiў“. — Вельможи гаварять:—„врётъ мужикъ: какъ можна ввярьху атрѣзать, а внизъ наставить?—Іонъ ба убiўся.—А царь гаворить: „мужикъ хитёръ: ўсё можить сдѣлать“.—„Патомъ по-

лѣзъ далій, вярёўка асталась каротка—ня болій на сто сажаней,—я и падумаў, што можна саскачить,—поляніўся паттачивать—и цупаў пряма ў аржавянню па самыя шію—вылѣзть ни магу.—Пашоў ў дяреўню, ўзяў лупатку и аткапаўся“.—Вяльможи гаварать, што мужикъ ўрётъ:—какъ жа іонъ вылизъ па шію и пашоў ў дяреўню за лупаткыю? ана яму ня нужна,—іонъ врётъ.“—А гасударь гаварить:—„Мужикъ хитёръ: ўсё сдѣлаетъ“.—„Патомъ я пашоў ў рѣку, абмыўся и пашоў на шурокую далину, гдѣ пастухъ пасеть авецъ.—Я и гаварю:—„Здрастуй, пастухъ маладецъ!“ А іонъ и гаворить:—Я ни пастухъ маладецъ, а царскій атецъ!—Тада гасударь сказаў:—Врёшь, братицъ: мой атецъ ни пасъ авецъ!—„А хто, ваша вяличиства, ўрётъ, тотъ и золыта грябётъ.

От крестьянина Тимофея Воронова.

№ 12.

(Бѣльскій уѣздъ, Шонтово).

Лгала и Палагала.

Въ адно время жилъ мужикъ бѣдна. Была у яго пара дѣтей, яму пражить нечимъ. Онъ и гаварить на хазяйку, на сваю жану:

— „Варавать идить я бaюся, а пайду, хазяйка, илгать: ни дасть ли што-либо хто“.

Узялъ и пашолъ. Нѣскальки урeмя прайшолъ, идеть къ яму на устрѣчу чилавѣкъ; сышлись анѣ у мѣста, и гаварить адинъ на аднаво:

— „Здрастуй!“...

— Што ты есть за чилавѣкъ?

— „Я Илгала“.

— А я, братъ, Палагала.—Вазьми мине съ сабой!

— „А пайдемъ, братъ!“

И пашли яны умѣстихъ. Нѣскальки уреми прашли у старaны—стаить пень. Илгáла гаварить:

— „Братъ, вонъ волкъ пубижалъ!“...

А Палагала гаварить:

— „Я два видилъ, какъ прабижала, да прамаўчалъ“.
Илгала гаварить:
— „Маладецъ, гавари усе такъ!“
Нѣскальки уремя прайшли — кочка.
Илгала гаварить:
— Вонъ тамъ каўрига хлѣба!
Палагала гаварить:
— Я видѣлъ: двѣ ляжить, да промаўчалъ — табѣ ни сказалъ.
— „Маладецъ, гавари упирёдъ такъ!“
Нѣскальки уреми ишли, пришли адно мѣста. Агародники праизжають—гряды смотрють, хочуть капусту садить пачинать. Анѣ гаварять:
— „Бохъ помачъ вамъ, агародники!“
— Благадаримъ!
Илгала спрашиваить въ агародникахъ:
— А какъ у васъ, рибяты, качання вялика радитца?
— „Ды парядашная--у вядро и у фунтыў тридцать вѣсымъ качанъ бываить.“
А Лгала и гаварить:
— „Ета ни капуста, а капустишка! А какъ у насъ капуста радитца — рота салдатъ падъ адинъ листъ атъ даждю станавитца“.
Самъ Илгала па гароду пашолъ.—Палагали и гаварять:
— „Што, братъ, праўда ли ета?“
Палагала атвичаить:
— Какъ жа ни праўда? Када нашъ агародъ близка кала бальшей дароги, то ѣхали какія-то люди шастирикомъ у карети. Лошади чаво-та разгарячились, да къ гридамъ близка и падваратилися (у калясkахъ жа воси жалѣзныи) и на винтахъ вось зачапилася за качанъ и атламалася, а качанъ стаить.
А тѣ гародники и гаварять:
— „Хто ета пашелъ напярёдъ—хазяинъ?“ Палагала гаворить.
— „Хазяинъ, а я работникъ“.
— А што, какъ бы мы пупрасили яго поучить, какъ садить капусту?
— „Можна. Праситя!“
Узяли прасить:
— Научитя и насъ такъ садить!

Илгала гаворить:

— „Можна, тольки дорга стоить“.

— А што жъ тибѣ за работу?

— „Триста рублей“.

На яго гаварять:

— Мы сагласны дать.

— „Дайтя мнѣ двѣсти рублей задатку: мнѣ нужна у гаротъ итить симяноў купить: ваши симина нягодны“. Яны дали яму двѣсти рублей задатку. Илгала узялъ Палагалу и размѣрилъ агародъ па своиму, зъ лукаўствымъ, какъ гряды дѣлать. Илгала узялъ и пашолъ, а Палагалы тихонька сказалъ: „Толька да начи, а то ухади и ты!....“ Ночь прайшла, и Палагала ушолъ. Тада анѣ сышлись умѣста.

— „Ну, братъ, слава Богу! двѣстя рублей пупала“.

Нѣскальки уреми прашли, ипять жа у ходъ. Хатять агародники садить агурцы.

— „Бохъ помачъ!“

Илгали гаварять аны:

— „Благадаримъ!“

— А што, рибяты, какъ у васъ агурцы вилики радятца?

— „А парядышныи: какъ бачонык, у вушатъ — дакъ съ бачонык съ тотъ“.

Илгала и сказалъ:

— О, какіе ета агурцы! ета ни агурцы, а шалушки. А какъ у насъ агурцы радятца: у въ абѣдъ сонца кала агурца стаить— и то сонца ни видать тиризъ агурецъ.

Самъ узялъ кала гароду пашолъ. Агародники спрашіють у Палагалы:

— Праўду ли ета онъ гаварить?

„Праўда! У насъ агародъ былъ близка кала бальшей дароги. Агурецъ росъ, росъ и черезъ бальшую дарогу переросъ. Ѣхали гаспада читвирикомъ, лошади разгарячилися кала агурца— кучиръ ня мохъ выдиржить ихъ, а пряма на 'гурецъ. На сирядину какъ узъѣхали, агурецъ такъ и праламился, каляска съ лашадями въ агурецъ и правалилась—едва кучиръ мохъ далой саскачить. Ходичи рубить кучиръ агурецъ, ня можить каляску съ лашадями найдить—правалились пасяредъ. Анѣ и спрашивають у Палагалы:

— „Хто ета тибѣ?“

— Хазяинъ.

— „А можна ли намъ яво пупрасить, штобъ насъ научилъ такимъ манерамъ агурцы садить?“

— Можна.

Анѣ сичасъ падходють ка Ігалы и сказали:

— „Друхъ, научи насъ такія агурцы садить!“

— Можна, тольки дорга стоить.

— „Што жъ тибѣ за работу?“

— Тысичу рублей,

— „Ну, мы сагласны дать“,

— Шесть сотъ задатку мнѣ.

Анѣ шесть сотъ рублей дали яму. Задатку узяли, съ лукаўствамъ стали гряды размирять. День правили, даждалися да начи, узяли и ушли Илгала съ Палагалый. И гаварить Илгала на Палагалу:

— „Слава Богу, восимсотъ рублей дастали“.

Наканецъ, пашли у хотъ дальши. Пришли въ горыдъ. Строють мастира саборъ. Анѣ и гаварять:

— „Бохъ помачъ вамъ, рибяты!“

— Благадаримъ!

„А какъ, рибяты, вашъ саборъ будить високъ?“

— Да парядышныва.

— „Вы ня можитя, вѣрна, или сами терпѣть, или высату паднимать; а какъ мы строимъ саборъ, дакъ падъ воблаки“.

Самъ Илгала пашолъ кругомъ сабору. Анѣ у Палагалы спрашиваютъ:

— „Праўда ли ета?“

— А какъ жа нипраўда? Када мы адно мѣста выстраили саборъ, ни сказанна высокій, а панамарёў пятухъ да на самую калакальню, на верьхъ, на крестъ узабрался....

(А мѣсицъ былъ у палавинку, на вятохъ сходилъ).

— Пасматритя: панамарёў пятухъ, какъ сидѣлъ, такъ палавину мѣсица аддалбалъ!

(А устарь народъ былъ прастой, глупой: онъ ихъ, Палагала, и абманилъ).

Анѣ пасматрѣли на мѣсицъ: всяво палавинка.

— „Выть праўда! А што, рибяты, ни паучитя ли насъ такъ высока работать саборы?“

Илгала сказалъ:

— „Можна пуучить, тольки дорга стоить“.
— Многа жъ ли тебѣ нада?
— „Двѣ тысячи рублей“.
— Мы сагласны дать
Онъ, Илгала, и гаварить.
— „Тысячу рублей мнѣ задатку пажалуйтя!“
Анѣ ему дали тысячу рублей задатку.

Анѣ да вечира коя што параработали, зъ лукаўствымъ—хуть примѣры дѣлали; ночъ какъ пришла, ушли воўси дамой.

Пришолъ Лгала дамой къ жаны сваей и Палагалу съ сабой привелъ. Прахадилъ Лгала цѣлыва палгода. Жана съ дитями съ голыда пумирала, по міру хадила и ни магла пракармитца.
Тада Илгала гаварить на жану:
— „Вотъ скольки денихъ умъ мой принесъ!“
Тада жана яво абрадавалась и гаварила:
— „Слава Богу! А хто жъ ета съ табой пришолъ?“
— А ета таваришъ мой, памошникъ!

Узявъ съ имъ падилилъ деньги Илгала, далъ сваяму таваришу пятую часть денихъ. То 'нѣ друхъ друга публагадарили, и усякій па сваихъ мѣстахъ жить атстались.

БЫТОВЫЯ.

№ 1.

О добросовѣстномъ бѣднякѣ.

Одинъ бѣднякъ служилъ добросовѣстно, нанимаясь за небольшую плату; какъ онъ женился на волшебницѣ; какъ выстроились у него богатыя хоромы, какъ онъ построилъ своему барину волшебный мостъ, лядо взмотычилъ, хлѣбъ посѣялъ, на тотъ свѣтъ сходилъ и отъ покойнаго барина узналъ, куда тотъ деньги спряталъ.

Какъ жіў старичокъ; онъ ў такой жіў бѣднасти: толька имѣў сабѣ хазяйства адну хатку, да и та чуть толька стаить, и быў у яго толька адинъ сынъ. Вотъ наканецъ етытъ старикъ и помиръ, астаўся адинъ бѣдный сынишка. — Вотъ іонъ жіў, жіў, и думаить:—„Што мнѣ тапер дѣлать? вазьму, да и пайду куда-нибудь, наймусь ў работники“.—Вотъ іонъ пашоў.

Ишоў, ишоў, пришоў ў горыдъ, падайшоў у лаўку къ купцу и гаворить яму:—„Здрастуй, дядюшка!“—Здрастуй, милый чилавѣкъ!—„Наймитя мяне къ сабѣ“.—Пажалуй, братъ, найму,—што вазьмешъ?—„А три капѣйки сирябромъ!“ —Ну, изволь, сагласинъ! — Вотъ іонъ жіў, жіў, даживаить годъ.—„Ну, дядюшка, пажалуй ращетъ!“—А изволь палучить. — Вотъ іонъ узяў ети три капѣйки, и думаить: — „Што мнѣ зъ ими дѣлать?—Вазьму: пайду къ калодисю и брошу ихъ у воду.“—И сказаў:—„Ежили я жіў харашо, то еты деньги ни патȯнють; а ежили я жіў худа, то ани патонють.“—Вотъ іонъ пришоў къ калодисю, да и бросіў ихъ туда; яны и патȯнули.—Вотъ іонъ думаў, думаў:—„Што мнѣ дѣлать?—Пайду апять къ яму.“—Вотъ іонъ приходить изнова къ яму и гаворить: — „Братъ, найми мяне ипять къ сабѣ!“ — Ну, што жа таперь вазьмешъ? — „А таперь шесть капѣикъ!“ — Ну, харашо, сказаў купецъ: живи, будить заплочина. — Вотъ іонъ атжіў и другей годъ, палучіў шесть капѣикъ. Думаў, думаў: — „Гдѣ ихъ дѣть?—Вазьму: ипять пайду къ калодцу.—Приходить къ калодисю, взяў и ети бросіў у воду, и ети патанули; патомъ іонъ и гаворить:—„Ахъ, я нявѣрна служіў два года; пайду и третій годъ служить.“—Приходить къ купцу и гаворить яму:—„Братъ, жіў я ў тябе два года,—найми, братъ, и на третій.“—Ну, харашо, што вазьмешъ?—„А, братъ, таперь ужъ двѣнадцать капѣикъ.“ — Ну, такъ што же? дамъ!—Вотъ іонъ атжіў и третій годъ, приходить къ купцу:—„Ну, братъ, пажалуй ращотъ!“—Вотъ купецъ атдаў ращотъ, публагадаріў купца, патомъ пашоў и гаворить: — „Што жа мнѣ таперь дѣлать?“—Вотъ іонъ пашоў у горадъ, приходить у лаўку и гаворить на лавашника: — „Дай, братъ, мнѣ воску!“—Лавашникъ и спрашіить:—Скольки вамъ угодна?—„А, пажалый, на ўсѣ деньги!“—Іонъ думаў, думаў, скольки яму дать; навѣсіў пудъ и гаворить:—Пажалуй деньги.—Іонъ атдаеть яму двинадцать капѣикъ и гаворить: — „У мяне болій нѣту!“—Ну, ступай съ Богымъ!—Вотъ іонъ ишоў, ишоў, приходить къ лѣсу, разлажіў агонь и гаворить:—„Ежели дымъ пайдеть кверху, то я жіў харашо, а ежели ўнизъ, то худа.“—Вотъ и пашоў дымъ вверхъ; приходить къ яму старикъ и гаворить яму:—„Што ты дѣлаишъ?“—А узнаю щастя, батюшка! я служіў у хазяина три года и выслужіў сабѣ двинадцать капѣикъ, и купіў сабѣ воску; вотъ

и палажіў яго падъ дровы: куды дымъ пайдеть: уверхъ или ўнизъ?—Вотъ старикъ и гаворить:—„Што тябѣ нада: багатства или нявѣсты?“ —Нѣтъ, батюшка, я хачу жанитца: парайти-ка мнѣ нявѣсту!—„А ступай у церкву, да какъ будишъ идить на крыльцо, тамъ будуть стыять нищія,—вотъ ты пагляди на праваю руку: между ихъ будить стыять дѣвушка, то твая нявѣста.“—Вотъ іонъ пабижаў у церкву, падходить къ крыльцу, пасматрить на ету дѣвушку: а ина стаить уся ў сапляхъ; іонъ падходить къ ей и гаворить: — „Абатри сапли!“—А ина яму атвѣтила:—Хто любить мяне, тотъ абатреть и пацалуить мяне!—Вотъ іонъ падайшоў къ ей, выніў изъ кармана платокъ, абтеръ и пацалуваў яе; патомъ ўзяў яе за руку и павеў у церкву: перевѣнчались. Патомъ ина и гаворить:—„Ну, милый мой, пайдемъ типерь: пакажи мнѣ сваё хазяйства.“—Ну, іонъ и гаворить:—Пайдемъ.—Вотъ аны пашли, идѣ стыяла яго избушка,—а ужъ тамъ нѣтъ ничога. Ина и спрашіить:—Ни помніў ли ты, ни було ли у тябе какога-нибудь хазяйства?—Вотъ іонъ и гаворить:—Да, кажитца, помню: идѣ-то було ў мяне ў памяти адинъ тапоръ, да и тотъ бизъ тапарища.—Нука, пайщи яго!—Да на што іонъ тябѣ?—„А мы сдѣлаимъ домъ!“—Вотъ іонъ пу примѣтамъ капать, да капать на томъ мѣсти, адѣ стыяла избушка, нашоў падъ стѣной и гаворить:—„Ну, какъ мы сдѣлаимъ? у насъ нѣту денигъ.“ — Лажись-ка, мой милый!—утра мудрянѣй вечира.—Вотъ яны лягли на етымъ мѣсти, идѣ стыяла избушка; назаўтрига устають такія надъ ними харомы, што толька ня жить, а пасматрѣть. А прати ихъ хатки стыяў гаспоцкій дворъ; гаспадинъ старый самъ помиръ, а астаўся яго сынъ. Назаўтра устаў рана, пасматрѣў ў вакно и увидаў етытъ домъ, удіўляитца и гаворить: — „Хто ета такей домъ пастроіў?“—Ета нашига бѣдныга мужука сынъ.—Вотъ іонъ пасылаить сваихъ вѣрныхъ слугъ, штобы привести яго. — Вотъ іонъ приходить къ гаспадину, и спрашіить гаспадинъ: — „Хто тябѣ такой домъ пастроіў?—Ваша благородія, я самъ.—„Ну, братъ, када ты такъ умѣишъ, то выстрай жа атъ майго дому да твайго сяребриный мостъ, на пить верстъ, а па бакамъ высадь разными диривами, и штобъ на ихъ магли рость яблаки: адинъ бокъ залатой, а другой сяребриный, и штоба яны магли съ сучка на сучокъ пирискакывать“.—Вотъ идеть іонъ дамой и скучаить, а жина ў яго спрашіить:—„Што ты скушинъ такъ,

милый мой?“—Да якъ жа мнѣ ни скучать? даў мнѣ панъ задачу, да й нималую!—„Ну, ни таскуй, милый мой, лажись-ка, атдыхай: утра вечира мудрянѣй!“—Вотъ іонъ лажитца спать, називутри устаеть, пасматрить: ўсё гатова.—Призываить яго гаспадинъ.—„Ну, братъ, благадарю тябе за службу вѣрную; ну, братъ, саслужи ище: вотъ етытъ лѣсъ, што протіў майго дому, выруби, и выпали, и взматычъ и пасѣй рожь,—всё ета ў адну ночь,—и штобы ва ржи магли бы галки спрятатца“.—Идеть іонъ дамой и скучаить; жина спрашіить:—„Што ты, милый мой, скучаишъ?“ —Іонъ ей атвичаить:—Да какъ жа ни скучать? приказаў мнѣ гаспадинъ етытъ лѣсъ вырубить, выпалить, взматычить и засѣить, — и штобы ў хлѣбѣ магла галка спрятатца.—„Ну, лажись жа, мой милый! утра вечира мудрянѣй.“—Назаўтрига прашнуўся: ўсё гатова. Призываить яго гаспадинъ:—„Ну, благадарю тябе за двѣ службы;—суслужи и третію: мой атецъ помиръ, а деньги палажіў, ни знаю идѣ: — вотъ схади, да узнай.“ — Вотъ іонъ идеть дамой и плачить; жина яго спрашіить:—„Чаго ты, мой милый, плачишъ?“ —Да какъ жа мнѣ, милая мая, ни плакать?—то были задачи, ни задачи, ну, вотъ то задача:—какъ мнѣ схадить на тотъ свѣтъ да спрасить у яго атца деньги?—Ну, вотъ я табѣ раскажу, якъ спрасить: ты вазьми съ сабой яго упраўляющаго, па дароги ты иди,—тамъ найдешь красниинькій клубочикъ; — ты вазьми яго съ сабой: куда іонъ пакотитца, туда и ты иди за имъ“.—Вотъ іонъ шоў, шоў, находить клубочикъ и пустіў яго. Вотъ клубочикъ катіўся, катіўся, прикачиваитца къ избушки; іонъ пастучаў у двери, яму атварили, выходить къ яму дѣвушка и гаворить яму:—„Што табѣ нужна?“ — Вотъ што мнѣ нужна, гаворить іонъ: мая галубушка, ни знаитя ли вы, идѣ наша паньё?—„Падажжи, милый чилавѣкъ, я табѣ раскажу. Дай ка ты мнѣ краснинькій клубочикъ, а я табѣ дамъ сининькій; вотъ ты вазьми, пусти яго: куды іонъ пакотитца, туда ты и иди.“—Вотъ іонъ узяў яго за нитычку и пустіў; іонъ и пакатіўся. Прикачиваитца на три дароги и астанаўливаетца. — Вотъ и ѣдуть ў карети, пряма яму на ўстрѣчу; іонъ и кричить.—„Здрастуйтя, гàманы. не здѣсь ли наши паны?—Яны атвичають: — Здѣсь, кали бъ астауся, іось! — Іонъ атвичаў:—„Іось.—Ну, давай сюды“! —Вотъ етыга памѣщика высадили съ кареты, а упраўляющага ўсадили ў карету, да и гаворють:—

„Ну, скарѣй гавари, ну, скарѣй гавари!—Вотъ панъ написаў яму расписку:—„Атдай майму сыну: іонъ деньги найдеть.“—Вотъ іонъ приносить расписку паничу,—да нашли деньги ў доми, падъ паломъ, закапаныя. Вотъ аны ихъ дастали, стали жить, да паживать, да дабра наживать.

№ 2.

Якъ старуха съ сынымъ деньги зарабляла: сынъ чужіи вещи хуваить, а старуха схову атгадаить.

У аднэй дяреўни жила съ сынымъ бѣдная старушка. Ина уздумала сабѣ чуднѐ зараблять хлѣбъ. Сынъ яе варуить и, якъ ня можна, далій хуваить дэнги, а старушка схову сыннію людёмъ паказынить и за то денюжки сабираить съ добрыхъ людей.

— „Вяликая знахарка наша старуха!..“ кажуть на дяреўни.

И прапади на ту пору кальцо у пана (ета злучилась ища ва ўремя крипастнога права). И ни такъ пану кальца тога жаль, якъ дужа абидна, што приближённыи слуги кальцо скрали. Пасылаить панъ карету за старухый—знахаркый. Кучиръ и лакей, украўши кальцо, захатѣли спытать, ти лоўка атгадывать знахарка. Вотъ яны падлажили у ящикъ кареты, падъ сидѣнья, нѣскальки яицъ: ти пазнаить старуха, што на яйцахъ сядить. Страшна старухи къ пану ѣхать, ну, и ни паслўхать нильзя: тады вить ни шутили. Старуха и гаворить, усѣвшись съ ниипривычки у карети и са страху:

— „Мяхка мнѣ, а сижу я, слоўна курачка на яечкахъ!..“

— Вить какъ у сукъ вляпила—старуха ты праклятая!—падумаў кучиръ.

Пу пріѣзди старухи у паньскій домъ дѣлаютъ ей новыя спытанія. Велина была ли яе згатовить супъ изъ курицы. Поваръ (а іонъ римясло сваё знаў дужа харашо—хазъ быў) такъ варону сваріў, што супъ вышіў, слова тэй куриный, ящо пачищи.

— Укусна, дужа укусна!—гаворить старуха, сама супъ пахлебываить.—Да што посли будить? Ахъ, пупалась я, — слоўна тая варона у супъ.

— „Тутъ и сумливатца нечига: ета шельма знахарка!..“ падумаў лакей. Сазнались старухи, што кальцо украли.

— „Ну ладна, украли сабѣ, такъ и украли; а приняситяка мнѣ сюда лебидя, да падайтя кальцо.“—Принясли.

— Дайтя жъ яму на маихъ глазахъ праглытить кальцо у хлѣби, да глядитя: ни 'бманитя! — Лебидь праглатіў кальцо съ хлѣбымъ. Потэмъ старуха и гаворить барину:

— „Баринъ, ня извольтя панапрасну гнѣватца, сябе раздражать, а прашу васъ выслушать, што я вамъ скажу: лебидь праглытіў ваша кальцо“. — Вспароли зобъ лебидю, глянуть: кальцо! Баринъ приказаў наградить старуху. А сынъ и гаворить атцу (паничи ети заужда ахотники спорить):

— „Папинька, пайзвольти-ка: я загадаю старухи: старуха васъ абманила.

— Старухъ, гаворить баринъ, ну, сматри! если ты 'тгадаишъ, што загадаить табѣ паничъ, награжу тябе якъ надаби быть; а ни 'тгадаишъ, столки-та табѣ лозаныў у спину.—Паничъ павёў старуха у садъ:

— „Угадай, што спрячу у рукѣ“. — Съ етыми славами атайшоў атъ яе. А пагода стаяла вясенныя: дяревья распустились и ужъ твитами пакрылись, пѣли птички, литали жучки и мятлушки: усякыя дыханія хвалила Госпыда Бога—а на душѣ у старухи ящо болій скрябло.

— Што-та скажу я паничу? А чуть було я и ня вырвалась на волюшку, а тутъ... Паничъ ходить по саду и самъ сябѣ думаить, што бы такоя старухи падпясти ли атгадки. Сарвётъ листокъ и сійчасъ жа бросить: — Ета абнакнавенна. Твятокъ съ ябланки—тожа вочинь абнакнавенна. Лятѣў жукъ, буцъ паничу абъ лобъ. Паничъ падняў жука:

— Нихай старуха жука атгадаить—паглядимъ!“

— Ну, бабъ, што у мяне ў рукѣ.

— „А, паничекъ ты мой!..“ гаворить старуха: „А пупалася Жучка на мучку у бариныви ручки!..“ — Ета ана жучку пра сябе сказала: яе на дяреўни уси мальчишки такъ кликали: Жучка, Жучка—и пашла ина „Жучкыю“ зватца и сама сябе ззала такъ. — А паничъ што падумаў: ета старуха пра жучка, што іонъ у рукѣ дяржить.—Якъ махнеть тога жука падъ ноги:

— „Ахъ, угадала таки, вѣдьма!“ — Пашли къ папиньки.

Наградіў баринъ старуху, якъ няможна луччи, у карети атвезь приказаў. Зажила старуха са сваимъ сынымъ на славу, а варувать пиристала.

№ 3.

Якъ попъ съ дяканымъ дяньгу наживали: дяканъ чужея вещи хувалъ, а попъ атгадывалъ.

Попъ съ дьяканымъ уздумали заниматца вотъ чимъ: дьякынъ крадить и хуваить крадинныя вещи, а попъ атгадыить, идѣ тыя вещи. И праслылъ попъ знахаримъ па усей странѣ, дайжа дашолъ абъ немъ слыхъ да самыга да царя.

А у царя прапаў дарагей перстинь, и ня стольки дорагъ царю тэй перстинь, скольки дорга узнать, „хто изъ маихъ приближнихъ людей абманилъ мяне, украў мой перстинь.“

Пасылаить царь за папомъ, ибъ каторымъ іонъ былъ наслышанъ. Привязли папа у дарагей карети, пасадили за столъ у пышныхъ палатахъ и замкнули, поють и кормють на славу. Ну, попъ такъ и клапотить, такъ у яго на сердци и скрябуть кошки, дайжа ида на умъ няйдетъ.—„Харашо то мнѣ здѣсь, гаворить іонъ, пачти што у слыхъ. Сяжу мяхка, ѣмъ смашная кушання, а апасля-то што будить. Брюха наѣдайся, а ж... атдувайся!..“

А украли еты перстинь винiралы Брюхыў и Ж..... Яны падашли къ двери и слушають, што знахарь тэй, попъ, будить дѣлать. Услышали паслѣднія слава, потэмъ и гаворють адинъ на воднаго: — Братъ, што ты знаишь? вить батька-то ета на насъ гаворить!.. (Правядлива сказана: на вори шапка гарить). Пришли къ папу и сазнались:—Идѣ намъ укрытца атъ васъ— вы вить запраўскій знахарь—а пришли мы къ вамъ и по добраму сазнаемся у сваей винѣ: мы украли перстинь. Хто Богу ня грѣшинъ, а царю ни винуватъ! Низвиняйти жъ, батюшка, абъ чомъ васъ бизпакоимъ, а пакрыйтя насъ... И мы вашу милысть ни забудимъ, и будимъ вамъ благодарны — и ни якъ нибудь.

Попъ етыму дужа абрадываўся и гаворить:— „Ну, ето харашо, што вы сами сазнались. Палавина вины вамъ за ета пращаитца: павинную галовушку и мечъ ни сячётъ. Принясити-ка сюда лебидя!“.. Принясли.—Закатайтя на маихъ глазахъ пер-

стинь у хлѣби и дайтя яму праглытить.—Потэмъ у присутствіи царя и ўспароли лебидю зобъ и вытигнули перстинь.

Царь и гаворить:—„Я очень даволинъ, —па крайній мѣри, ни на каво изъ васъ мнѣ думка ня будить. Тутъ лебидь усяму причиный.“—Атблагадаріў царь пупа и атпустіў, а виныралы ящо таго болій яму были благадарны. Посли таво зажилъ попъ на славу, а вурувать поўна.

№ 4.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Абъ убогихъ старцахъ, якъ ихъ мазурикъ надуў.

Ишли старцы па гораду, и було ихъ 12: 6 сляпыхъ, 5 храмыхъ, а 12-ый храмаить, да ня дужа и руками троху дѣйступить. Ишли яны па вулицы близка къ трахтиру. Выходить къ имъ мазурикъ:—„Здрастуйтя, убогія!“ —Здрастый, батюшка!—Приходють храмэя напяредъ, а сляпэя—сзаду; мазурикъ на сляпыхъ гаворить: — „Вотъ вамъ, сляпэя, 100 рублей!“ А самъ и пашоў, ничога имъ ни даўши. Сляпэя астанавились и думають, што деньги узяў хто нибудь изъ ихъ. — „Што будимъ дѣлать зъ етыми диньгами?“—А пайдёмъ-ти-ка у трахтеръ, папьёмъ да пагуляимъ.—Пашли у трахтиръ: — „Трахтирщикъ, дай-ка намъ на 100 рублей папить да пагулять!“—Ды ти іось жа у васъ деньги?—„Ды іось!“... Сѣли. Трахтирщикъ имъ на 100 рублей падаў.—„Ну, што, убогія, пажалуйтя ращотъ!“—А вотъ сичасъ.—Во яны адинъ у иднаго стали пытать:—„Ти у тябе деньги?“—Нѣту.— Мучіўся, мучіўся трахтирщикъ—нѣту денигъ. Уходить мазурикъ тэй, што деньги даваў:—„Ну, што, рибяты убогія, чимъ вы разабижены?“ —Да вотъ такъ и такъ, батюшка!—„Ну“, гаварить мазурикъ:—„я вамъ пуваражу, — тольки сабяритя денигъ!“... Во еты сляпэя, хто питачекъ, хто капѣичку: набрали рублей 5, и атдали мазурику.—Ну, сляпэя, прихадитя вы заўтри на такую-то вулицу: я вамъ пуваражу, а сянни некада.—Пришли яны назаўтрига на тую вулицу. Приходить и мазурикъ:—„Ну, убогія, прашу я васъ на пôминки!“—А куда жа намъ идить, батюшка?—„А идитя за мною“.—Привеў іонъ ихъ у царскій дварецъ, самъ узяў да и пашоў, куда яму нада. Яны думають:—„Пришли

мы на поминки: када жъ будуть насъ частить?"... Приходить къ имъ салдатъ:—„А што вы, убогія, зайшли суды бязъ просу?"—Какъ, батюшка? Насъ адинъ завёў на поминки: будить атца пуминать.—Салдатъ далажіў цареўни:—„Пришли нѣйкія убогія вашига атца пуминать, а іонъ ища добръ-здароў и царствымъ вирядуитъ."—Цареўна ни ўзлюбила:—„Забрать ихъ у тямницу, кармить, паить, пакель царь умреть"... Засадили етыхъ сляпыхъ, кормють, поють, а яны радуютца, што харашо имъ. Цареўна думаить: — „Дакуда я буду кармить етыхъ убогихъ? Ета утрата бальшая."—Думаить: распустить ихъ на сваю родину, гдѣ каторый радіўся, и давать по 3 рубли у мѣсицъ.—Старцы Богу молютца за етыга мазурика: „Дай яму Богъ здароўя, якъ мы таперь спакойны!"... Стала имъ и тутъ нихарашо:—Якъ умреть царь, дакъ намъ и ни давядетца на поминкахъ пабыть: давай прашенія спишимъ, штоба ипять було можна намъ па гораду хадить, а то намъ и жалаванння царская ни нада"... Ета прашэнія дайшло да цареўны: усердилысь ина, што имъ ни наравитца лежа на баку хлѣбъ зараблять, ни приказала ина имъ пендіи давать, а дазволила имъ хадить па ярмалкамъ стадами и пуминать. Старцы етымъ давольны стали.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 5.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ Андрея Хвадей за грошъ мучіў.

Быў Хвадей, и було у яго многа дятей, и бѣднысть уяго была бальшая: дятей питать нечимъ. А у другимъ сялѣ быў Андрей и тэй быў бѣдинъ. Думаў Хвадей: — „Якъ ба тутъ разжитца у скорымъ рàзи денигъ? Пайду вичарòмъ позна у церькву: ныбяру тамъ денигъ".—Вышіў на дарогу. Идеть на сустрѣчу къ яму чилавѣкъ,—такъ яны сустрѣтились: — „Здароў".—Здароў.—Куды ты идешъ?—А иду када бъ идѣ што уварувать".—Ну, пайдемъ умѣсти: я тожа иду варувать". (А етый чилавѣкъ быў Андрей). Идуть яны и рàдютца:

— „Куды пайдемъ?—Абварувать мужучка — плакатца будить."—Гаварить Андрей:— „Будимъ мы аднаму Богу грѣшны: пайдемъ у храмъ, набяремъ денигъ!"... Набрали яны денигъ

примножиства, вышли яны изъ церкви да лѣсу; зайшоўши у пущу, дялили деньги траѣ сутыкъ. Дялили яны ни на щотъ, а на мѣру, и дасталысь имъ по три шапки денигъ; атстаетца адинъ грошъ старинный. лишній, и Хвадей на 'Ндрея гаворить:

— „Што, Андрей? Иди ты на рынькъ, размяни етый грошъ, а такъ яго мы ни раздялимъ“. — Распращалиситка и пашли каждый па сваимъ дварамъ. Какъ Андрей пришоў дамой, изъ радысти деньги еты прибраў, а пра грошъ и забыўся. Были у Андрея рибятки и знашли етый грошъ у яго платьти. Стали гулять и грошъ етый патиряли. Уздумаў Хвадей:—„За што жъ Анрею грошъ лишній?—Пайду, вазьму у яго“. Приходить Хвадей къ Андрею: — „Ну, Андрей, падавай грошъ!“ — Андрей Хвадею у первымъ рази пакаріўся: — „Братъ Хвадей, пашли дѣти на вулицу гулять и грошъ патиряли!“...—О, нѣ, братъ Андрей, идѣ хочишъ бяри грошъ, а яго падавай!... Андрей Хвадею за етый грошъ даваў шапку денигъ.—„Нѣ“, гаворить: —„ни нада мнѣ твае деньги, а буду у тябе спрашивать етый грошъ, пакуль памрешъ“.—Андрей думаить, што Хвадей гаваріў:—„Буду спрашивать етый грошъ, пакуль памрешъ“... Якъ Хвадей пашоў, Андрей и приставіўся, што бутца памеръ; адѣли яго, палажили на кутъ. Пачуў Хвадей, што Андрей памёръ:

— „Пайду жъ я, зъ имъ пупращаюсь, што я зъ имъ суятіўся за грошъ“. —Приходить Хвадей у избу: — „А што, Андрей, було бяречъ грошъ,—дакъ ба ты и ня вумиръ.... Дай жа зъ имъ пупращаюсь!“—Узяў Хвадей у зубы иглу и давай яго у зубы калоть. Андрей тярпѣў, тярпѣў,—нада атживатца!—Судились яны за етый грошъ три гадӹ. Андрей Хвадею уси деньги за етый грошъ атдаваў, а іонъ ни узяў. Думаить Андрей:—„Умру и прикажу, штоба мяне и зъ гробымъ у церькву паставили“. — Такъ Андрея зъ гробымъ звязли и паставили у церькву на ннчъ. Идуть у ету ночъ вары и лумають двери, улѣзли у двери и ходють. Думаить Андрей:—„Ти ни Хвадей ета пришоў?—Кали іонъ мяне сяредъ дня усяго скалоў, а наччу іонъ мяне саўсимъ замучить“.—Андрей стаў у грабу крышку падымать, штоба вылизть. Увидали вары, што изъ гроба лѣзить мяртвецъ, и гаворють:—„Утикайтя: будить вамъ худа“... Скольки яны денигъ набрали, уси съ пирянугу пубрысали. Андрей вышіў зъ гробу, пирикрястіўся: — „Госпыди, грѣхъ ня грѣхъ, а еты деньги зыбяру: ти ня будить тутъ граша?“—Думаить па-

томъ Андрей:—„Уси деньги забраўши, мнѣ будить нильзя атживитца: скажуть: у церькви начуваў и деньги забраў! Вазьму адинъ грошъ и ляжу у гробъ“.—Увидіў сторажъ, што церьква разломана, и зазваніў іонъ тривогу. Пасбижаўся народъ; стали гаварить, стали кричать. Кричить Андрей съ гробу:—„Народъ праваслаўный, узнимитя мнѣ крышку!“... Вышіў іонъ зъ гроба, попъ яго спрашіить:—„Што, Андрей, ты тутъ быў, ти ня чуў ты, ти ня видіў, хто быў тутъ?“... Гаворить Андрей: — „Батюшка, я чуў, што нѣхта ходить тутъ, дакъ я закричѣў:—„И я тутъ!“—Дакъ вары гаворють:—„Ухадитя, рибяты, а то тутъ мертвыя устають!“... Приходить Андрей зъ гробу дамой и гаворить хазяйки:—„Ну, хазяйка, слава Богу! Таперь будимъ жить: я грошъ дастаў, съ Хвадеимъ расплачўся!—Приходить Хвадей. Андрей гавѣрить: — „Ну, Хвадей, грошъ я дастаў, вазьми яго, да разминяй самъ:—сабѣ вазьми палавину и мнѣ палавину!... Якъ мы съ табою были за братца, адинъ аднаго пачитали, а пѣтэмъ я два разы за тябе умираў, за етый грошъ я табѣ три шапки денигъ атдаваў, а ты быў нямилысліў!—Гаворить Хвадей:—„Братицъ мой, я тябе и калоў.... Ну, братъ, бяри сабѣ шапку денигъ, а грошъ нихай мнѣ.“—„Нѣ, братъ, я табѣ и три шапки даваў, да ты ни браў!...“ Хвадей гаворить:—„Ну, бяри сабѣ 1½ шапки денигъ, тольки будимъ жить харашо!“—Узяў Андрей деньги, и жили яны харашо адинъ съ аднымъ.

Записано отъ старика Евдокима Хатуля.

№ 6.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ храмэй, сляпэй и глухей царю служили.

Сабрались у кучу на дарогу: храмэй; сляпэй и глухей. Сляпэй гаворить на храмога: — „Ну, идѣ намъ дених дастать?..“ Удругъ имъ причулысь, што глухей нѣшта сказаў:—„Пайдемъ къ царю: іонъ намъ будить деньги давать.“—Пришли къ царскыму дварцу, и стали яны, идѣ чисавэя ходють на калавури. Идеть чисавэй на хватеру, а яны гаворють:—„Гаспадинъ чисавэй, дalажитя царю, што мы пришли у работники къ яму наниматца.“—Царь гаворить:—„Спраситя ихъ суда“.—Прихо-

дють яны налишна къ царю.—„Ну, мужучки, какею вы работыю у мяне хатитя занятца?“—Свѣтъ гасударь, дайтя намъ работу, каторая палегчи!—Пасылаить царь у думу:—„Якъ тамъ уздумають яму работу дать палегчи?“—У дўми уздумали:—„Сляпога пасадить картошки стярѐчъ; храмога живатину пастивить; глухога паставить на царскихъ варотахъ, штоба іонъ чуў, хто будить калакалѐмъ ѣхать.“ — Развяли ихъ усихъ: кѐжнаго на сваѐ мѣста. Нямнога яны пубыли, храмэй думаить:—„Ну, што жъ ета мы ни дагаварились съ царѐмъ, па скольки кѐжныму жалаванння. Пайду-тка я адинъ дагаварюсь.“ — Храмэй двѣ вярсты ишоў два мѣсица. Далажили царю, што храмэй пришоў прасить жалаванння. Царь приказаў пазвать яго. — „Ну, што, харашо живатину пастивить?“—Царь, вяликій анпиратыръ! Я ища живатину и ни пастивіў и ни видаў яе.—„А идѣ жъ ты быў два мѣсицы?“—А, царь-гасударь, мяне туды на кани звязли, а я уздумаў, какоя ты намъ будишъ жалавання платить, и пришоў аттэль пяшкомъ. — Царь гаворить: — „Яму ни живатину пастивить, а яго пасадить на бахту и карьмить.“—Сляпэй сядѣў на картошкахъ, и узнали пра ета гаражани; дакладають царю, што атъ сляпога усѐ у гароди параскрали. Царь приказаў яго привесть. — Ну, какъ ета ты, сляпэй, калавуріў картошки—уси параскрали?—Свѣтъ гасударь, я никога ни видаў.—„Вотъ жа, иди на хватеру къ храмому.“ — Слуги звяли сляпога къ храмому.—Царь приказаў: — „Запрягитя три тройки, и привесьтя къ жодный тройки па 3 калакалы, и ѣдьтя кала глухога.“—Запрягли и ѣдуть кала тыхъ варотъ, идѣ глухей,—іонъ ничѐга и ня чуить. Данясли царю:—„Іонъ и на ноги ни ўстаў—ня чуить ничога.“—Привесть и яго къ храмому и къ сляпому.—Сабрались яны ў кучу, и гаворить царь на слугъ:—„Звястить и храмога, и сляпога, и глухога у думу.“—Гаворить тады царь на сваихъ сынаторыў:—„Ну, якъ вы разсудили ихъ па разнымъ работамъ, то разсудитя, хто тутъ винуватъ за етыхъ работникыў?“—Судили, судили, паставили:—„Храмэй праў: на што яго станавили скатину пастивить, када знали, што іонъ хромъ?“—Етыга судьдю, што присудіў храмога скатину пастивить, аштрахувать на 1000 рублей и атдать штрахъ храмому на пракармленія.—Присудили съ судьди 1000 рублей и сляпому; глухому тожа съ судьди 1000 рублей, — патаму што яны знали, хто глухъ, хто слѣпъ.

Царь приказаў, штоба ихъ развязли па дамахъ на царскій щотъ, а деньги дастаўлять ни разымъ, а па троху: а то яны разымъ зъ диньгами збалуютца,—нечимъ будить да смерти пракармитца; а если атъ ихъ деньги атстануцца, то можна посли ихъ смерти сродствинникамъ палучить.

От старика Евдокима Хатуля.

№ 7.

Ибъ чудакѣ Микули: якъ іонъ праўчіў любоўника купчихи, патўапіў глупыхъ мужикоў, папу шутку сшутіў и ў батрачки, замѣстъ бабы, у пупа наймаўся.

Якъ быў мужикъ бѣдный; худа у яго была: одна кабылевка — и тая низдарова. Такъ сусѣди яго присыгласили: — „Братъ Микулка, сбудь ты ету кабылку, а мы табѣ купимъ другую, харошую.“—Такъ іонъ ету лошадь завеў у кусты, забіў яе, а шкуру ʼблупіў и панесъ у горыдъ прадавать (а горыдъ быў близка). Іонъ ету шкуру прадаў; дали яму за яе 70 капѣикъ на ассигнацію. Узяўши тэя деньги, зайшоў у питейный, выпіў, закусіў и сабраўся дамой идить. Пашоў дожжъ, и такей магучій, бальшей. Зайшоў іонъ къ аднаму купцу пасядѣть, пакамисть дожжъ пирѧйдить. Купецъ быў у лаўки, а жонка адна дома. Пріѣхаў къ ей любоўникъ. Жана купцова стала яму рада: давай пить, гулять, и лягли яны умѣсти спать; а жонка купцова празабыла, што купецъ скора прийдить зъ лаўки. Мужучокъ сядить и усё ета видить. Патомъ таго стаў купецъ у домъ стукатца: — агу, любоўнику етыму дѣтца некуды. Жана купца гаворить:—Иди у прихожію, пализай падъ печъ.“— Мужучокъ ета видить, што харашо адѣтый чилавѣкъ падъ печъ палѣзъ атъ хазяина,—убаяўся іонъ:—„Када іонъ у харошій адѣжи хуваитца, — палѣзу и я къ яму...“ Палѣзъ и мужикъ падъ печку. Захатѣў мужикъ етый у любоўника денигъ атабрать, и гаворить яму: — „Братъ, сянни у мяне памёръ батька и ни вялѣў ни плакать, ни скучать, а вялѣў вcovсялитца...“ Любоўникъ гаворить:— „Братъ, патярпи! Вотъ табѣ 100 рублей: тольки маўчи!“—Ну, сто рублей вазьму, да ўрядъ ти утярплю! заняю. — Узяў мужикъ у любоўника сто рублей. Троху пасядѣў, да якъ закотить пѣсни на ўвесь домъ... Ку-

пецъ ета чуить и гаворить на жану:—„Што, любезная, катца, у нашимъ доми пѣсни играють!“ — Жонка гаворить:—„И—и, ета идуть па вулицы парни и пяють“. Мужъ етыму, значить, вѣры паняў:—„Тошна, знать, праўда!“ — Мужучокъ гаворить на любоўника:—„Братъ, стала мнѣ тошна: бяри свае назадъ деньги, а я пѣть хачу.“ — Любоўникъ гаворить: — „Братъ, вазьми мае сапаги, яны стоють рублей 12,—а тольки маўчи!“...—О-о, нѣ, братъ! и деньги бяри, и сапаги ни нада,—ня утерплю!— Ну, аднака угаваріў яго и сапаги яму атдаў—мужикъ маўчить. Надѣў мужикъ сапаги и думаить:—„У етага любоўника конь харошъ, запяю...“ Якъ запѣў іонъ пѣсню, ажну домъ трящить. Любоўникъ гаворить:—„Братъ, маўчи: у мяне на дварѣ стаить конь съ тялѣгыю,—сто рублей стоить —бяри яго сабѣ,—тольки маўчи.“—Мужикъ гаворить: — Ну, буду тярпѣть, — тольки ни знаю! батькина слова нада выпаўнить: ета вяликій ращотъ.“— Ну, патярпи! — Купецкая жана улажила мужа спать, а сама пашла вароты атчинять, любоўника выправаживать. Етыму любоўнику совисна паказатца у разодрзныимъ жупѣни, у растоптанныхъ кавирзняхъ: усе мужуку атдаў. Во етый мужикъ лѣзить папярёдъ, а любоўникъ сзаду. Купчиха думала, што напяредъ лѣзить яе любоўникъ: узила да й падарила яму кальцо залатоя; ина яму и лошадь паказала. Мужучокъ на ету лошадь сѣў и благадарить купчиху. А настаящій любоўникъ ни вдприимя и виду ей ни паказаў, што іонъ яе любоўникъ. Дуў іонъ пяшкомъ вярсты три или чатыри. Мужучекъ етый, ѣхаўши, на сваё поля узъѣхаў. Мужучки ужу выихали пахать; старики ни знають, што ета ѣдить Микулка, а маладэя гаворють:— „Ета Микулка ѣдить.“ — Падъизжаить іонъ къ етымъ мужучкамъ и гаворить:—„Пумагай Богъ, сусѣди!“ — Яны яго спрашіють: — „Братъ Микулка, якею ета ты судьбою сабѣ еткыю лошадь купіў?“—Микулка гаворить:—„А, братцы, вы мнѣ сказали ету кабылу убить; — во я яе забіў, а шкуру прадаў.“— Мужучки гаворють:—„Што жъ ты за шкуру узяў?“—А, братцы, узяў я 170 рублей; за то купіў тялѣгу, капя, да и самъ сябе адѣў.—Нынчи, братцы, кони ни па чомъ: харошая лошадь рублей 5, а харошая шкура рублей 200. — Еты мужучки сабрались у кучу и давай рàдитца:—„Што, братцы—сусѣди, бросимъ пахать, коній пабьёмъ, а шкуры прададимъ, а сами падѣлаимся купцами!..“ Бросили яны пахать, сохи на калёсы, и

пуприѣхали дамой. Жоны спрашіють:—„А, што, ти видили, якъ Микулка ѣхаў?“ — А-а, и мы сваихъ коній пабьемъ, а шкуры пранадимъ: ета іонъ за шкуру купіў.“—Жоны гавðрють:—„А луччи будить, кали мы бросимъ пахать, а станимъ таргувать!— Бьють яны лашадей ўсей дяреўній. Дни два били етыхъ коній, усихъ пабили, аставили па адномъ тольки дровы вазить. Панагрузили яны шкуръ, пувязли прадавать. Уизжають яны у горадъ на площадь; идуть тарговыя мищани и гаворють, увидіўши етый абозъ:—„О, Госпади, нечій абозъ идеть съ кожами,— якога-то купца?“ — Сустрикаютца яны зъ ими и гаворють:— А што, мужуки, якога ета купца таваръ?—Ета нашъ собствинный.—И нѣскальки мищань гаворить:—„Госпыди, во наказаў: са ўсей дяреўни кони падохли!“—Мужуки еты астанавились на площади и атпрягли коній. Приходють къ имъ пакупатиликажеўники. — „А што, мужучки, прадаетя шкуры? — А няго жъ ни прадаемъ? —„Ну, якую жъ цану будитя прасить атъ шкуры?“ — А, братъ, ни раўна: іость па триста, па двѣстя и па 50 рублей — икая шкура. — Мищани гаворють на другога мужука:— А што, милый чилавѣкъ, вѣрна, у васъ іонъ пубунтуваўшись: просить за шкуру то, што за завадскую лошадь и за живую ни дають!“—Етый мужикъ гаворить:—„Эка-та дуракъ! Да мае шкуры ища дарожи: мае кони были пабуйнѣй!“ — Мищанинъ падрядъ траихъ мужукоў папытаў: па триста, да па сто рублей. И пришоў тотъ мищанинъ, каторый у Микулки шкуру купіў, и спрасіў, пачомъ шкуры.—Яны и яму сказали: —„Іость па триста, па сто—ня роўна.“—Тотъ имъ стаў гаворить, а яны гаворють:—„У насъ учора Микулка съ саўсимъ пиздаровый лошади шкуру прадаў, а узяў 170 рублей; а наши кони вонъ якея были!..“ Мищанинъ етый гаворить: — „Братцы. да я учора у Микулы купіў шкуру за 70 капѣикъ, на ’сигнаціи. Када ня вѣритя,—хадитя, шкуру паглядитя!“—Мужучки еты шкуру пазнали. Заплакали еты мужучки: абманіў Микулка! Продали еты шкуры, ѣдуть дамой, и плачуть, и радютца: — „Микулу етага мы зальлемъ! А живая галава усяго наживеть,—якъ нибудь пирябъемся!“—Пріѣхали дамой, призывають Микулку:—„Ну, што, Микулка, мы тябе съ свѣту збудимъ: ты насъ спадманіў.“— Микулка ни ’тпираитца: — „Да, братцы, стðю я таго!“ — Яны яго биза ўсякага званія звизали, пувяли къ рякѣ.—„Ну, што, аднаму или дваимъ яго пихать, будить грѣхъ.“—Адинъ ста-

рикъ гаворить:—„Братцы, Микулка нихай тутъ пастаить, а мы пойдимъ у зарысть, высикимъ на кожныга хазяина па хлудцу аднэй мѣры.“—Вотъ яны пашли, а яго бросили. А зарысть атъ возира была зъ вярсту. Стаить Микулка и кричить: — „Ахъ, кабы хто да на маё мѣста стаў: я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а мяне судьдею ставють: у день сто рублей, а ў нядѣлю тысичу.“ — Ѣхаў нѣйкій праизжающій, ни зъ нашихъ зямель, каталическій вѣры. Услыхаў іонъ етый крикъ; пасылаить кучира:—„Иди-ка ты, узнай, чаго іонъ кричить!“—Кучиръ пытаить у Микулки:—„Чаго ты кричишь?“—А во чаго: паставили мяне судьдею, я ня ўмѣю ни читать, ни писать, а дають мнѣ у день сто рублей, а ў нядѣлю тысичу; дакъ я хачу ета мѣста каму-нибудь пиридать.“—Кучиръ пра ета сказаў пану. Во етый панъ абрадаваўся и ѣдить къ Микулки на тройки лошадей.— „Ну, пиридаси сваё мѣста?“—Ды пиридамъ.—Панъ яму атдаў тройку лашадей и кучира. Напрянуў панъ Микулкину адежу, а сваю атдаў яму, а самъ стаў на Микулкина мѣста. Сѣў Микулка на коній и паѣхаў. Мужуки идуть зъ рощи и гаворють:— „Етыми хлудцами упихнемъ Микулку у рѣчку уси разымъ: гриха будить усимъ па троху.“ — Во яны етага пана и упихнули. Гаворють мизъ сабою:—„Нихай-ка іонъ тяперь чуды пачудить, а то іонъ хатѣў усю дяреўню звесть.“—Идуть яны дамой. Во и Микула зъ ими сустрикаитца на тройки коній, у карети, съ кучирымъ.—„А што, Микулка, ти ты жіў?!..“ — А вы думаитя, што нѣ? Вы мяне за коній заливали, а тамъ ихъ, кольки каму нада. Я тольки у воду пупаў, то сказаў: — „Давай тройку бурыхъ съ вупряжжу!“— Мнѣ сичасъ и падали.—Пришли мужуки дамой и гаворють жонкамъ: — „Мы Микулку було напрасно залили,—ня нужна було заливать. Іонъ намъ многа спосабу даў.—Якога?—спрашіють жонки.—„А во: іонъ изъ вады пріѣхаў на тройки бурыхъ коній, у карети и съ кучирымъ.“— А-а, дакъ ета усимъ нада заливатца, а мы вамъ башлыки пашіимъ, штоба паскарѣй захлябнулись. — Во стали яны шить, жодная на свайго мужука,—нашили примножиства на старыхъ и на маладыхъ, штоба коній зъ вады паболій привяли. Даў Богъ тэя часы, када нада було заливать. Уся дяреўня вышла на биригъ, штоба пихать у воду. Усихъ пупуўпихали, адны жоны пу бирягу ходють и дажидають, ти скора будуть зъ вады на каняхъ ѣхать. Дажидали яны коній атъ палночи да бѣлыга

свѣту, — нѣту. Ужу пастухъ панская стада выгнуў къ рѣчки; пытаить у ихъ: — „Што ета вы, лябедки, рана ходитя?“ — Яны ета пастуху разсказали. Пастухъ имъ атказыить: — „Эхъ, вы! Вамъ жа таперь сваихъ мужоў вѣкъ ни видать...“ Яны узяли аднааднаѐ за шыю, за руки, идуть и плачуть: — „Микулка спадманіў!“ Микулка самъ быў дужа красіў, ну и жина была тожа красива — ни пызнаишъ: якъ адно лицо были. Радитца Микулка съ сваею жаною: — „Таперь мужукоў у дяреўни нѣту; я паѣду пахать на багачову паласу.“ — Выихаў пахать на ўсихъ сваихъ лашадяхъ, — и такъ еты лошади хараши, што луччи нѣту.

Пачуў попъ, што Микулка чуды̀ чудѝть: — „Пайду, пупрашу Микулку, штоба іонъ мнѣ чу̀ду счудіў.“ — Приходить къ Микулки на поля: — „Я хатѣў ба тябе пубизпакоить: счуди ты мнѣ чу̀ду харошую?“ — Ахъ, батюшка, таперь харашо пахать халадкомъ, а у жаръ дрянь...“ Ну, якъ етый попъ быў для свайго приходу дужа миласэрдинъ, — нильзя яму, Микулки, ни паслухать пупа: нада яму чуду здѣлать. — „Ну, вотъ, батюшка, вы пасядитя здѣсь, а я пайду и чуду счужу!“ — Атпрѐхъ коній и пашоў. Пашоў бярезничкымъ, прибигаить па папоў дворъ. — „Здрастуйтя, матушка!“ — Здрастуй, Микулка. Што ты къ намъ пришоў? — „А вотъ, матушка! я ли дарози пахаў, ли мяне быў батюшка. — Ну, праизжаў нѣхта и заспоріў зъ батюшкыю, што у васъ у доми нѣту 3 тысичъ денегъ. Када іось, дакъ давайтя: я панясу батюшки, а вамъ тады дадуть 6 тысичъ — тысича на тысичу.“ — Пупадьдя яму 3 тысичи вѐтдала и съ шкатулкыю. Дайшоў Микулка да гумна: — „Ну, што, ета чуда ня чуда, а нада ящо“... Вярнуўся іонъ къ пупадьдѣ: — „Матушка, я забыў: батюшка вялѣў са ўсихъ старонъ домъ запалить, а праизжающій вамъ выстраить каминный, тріитажный...“ У пупадьди были дочки, яны и гаворють: — „Ахъ, маминька, када такъ, дакъ запалимъ! нашъ таперь диривянный, а то будить каминный.“ — Микулка да тыхъ поръ ни пашоў, пакуда запалили домъ. Видить попъ съ поля, што яго домъ гарить, Бяжить и гаворить: — „Ай, да Микулка! Во чу̀да счудіў, — чуднѣй и ни нада“... Прибигаить къ дому, стала яго пупадьдя ругать: — „Ну, на што ты Микули приказаў ета дѣлать?“ — Да, ета я яго пупрасіў чуду счудить... Ну, чуднѣй етага чуда и ни нада... А ти вынила ты деньги? — „Якъ?!.. Ты жъ вялѣў

Микулки принесть къ табѣ деньги!..“ — Ну, счудіў жа іонъ, чуднѣй етыга и нѣту... И жалитца нильзя... Ну, упярёдъ ляси были паболій: яму паны падарили лѣсу, — іонъ мѣсицы у два абстроіўся. — Микулка усё знаў, што будить. Разъ іонъ гаворить жонки: — „Ну, жонка, сянни придеть къ намъ попъ тябе у батрачки нанимать. Пригатуй ты мнѣ саянъ, платокъ—усю адежу, — я надѣнусь бабыю.“—Надѣўся іонъ, сѣў падъ кудель и прядеть. Приходить попъ: — „Здрастуй, Микульчиха!..“— Здрастуйтя, батюшка.— „Ну, идѣ жъ Микулка?“—А, батюшка, плуту плутоўськая и смерть: якъ спаліў вамъ дворъ,—дыкъ нѐкуды сыйшоў, да и нѣту.— „Ну, а што, когда ба ты нанилась ка мнѣ у работницы?“—Атчаго жъ, батюшка?—Мнѣ ўсё адно: чимся такъ жить, лучче нанятца куды. — Узила пряслицу на плячо и пашла за папомъ. Приходить у домъ; пупадьдя радая такая, што красива баба. Даў Богъ синакосъ. У дякана батраки, у дичка батраки, а ня ’динъ зъ паповыю батрачкыю ни справитца. Три гады служіў Микула за ўдаву. Ну, быў у етымъ сялѣ пристолъ, пріѣхаў адинъ дячокъ къ етыму папу у гости. Микула гатуить усё замистъ женщины и удавою узываитца. Гаворить дячокъ папу: — „Батюшка, я заўдавѣў; хазяйства вадить нѐкыму,—пагаваритя вы батрачки, штоба ина за мяне пашла замужъ.“— Священникъ стаў гаворить: — „Ну, ти пѳйдишъ за дичка за мужъ?“—Дакъ атъ чаго жъ? Када іонъ мною ня гребуить, дакъ пайду... Тады ужу узнаў попъ, што эта быў Микулка, а ни Микульчиха.

От старика Евдокима Хатуля.

№ 8.

Шутъ Шуткинъ, якъ іонъ пупа, мужикоў и пана правёў.

Какъ жіў адипъ чилавѣкъ, а называўся іонъ Шутъ Шуткинъ. Захатѣлась яму адинъ разъ прайдитца кала дароги. Идеть іонъ дарогуй, а кала дароги попъ пашить; іонъ и гаворить яму: — „Здрастуй, батюшка!“—Здрастуй, Шутъ Шуткинъ! — Братъ, сшути мнѣ шутку! — „Ахъ. батюшка, сшутіў ба, да шутки дома пазабыў. Ежели вамъ угодна, то выпригитя мнѣ каня, а я съѣзжу за шутками“.—Вотъ попъ выпригъ каня и атдаў Шуту Шуткину. Шутъ Шуткинъ и паѣхаў за шутками. Заѣхаў у ба-

лота, утапіў каня, атрѣзаў яму галаву, хвостъ, а патомъ ипять приляпіў и пашоў къ папу: — „Ну, батюшка, за шутками ня зъѣздіў, а толька каня утапіў; пайдемъ тянуть“. — Вотъ яны перва узяли за галаву, тянули, тянули,—ня вытянули. Патомъ Шутъ Шуткинъ и гаворить:—„Ну, батюшка, бяри ка ты за галаву, а я за хвостъ!“—Вотъ попъ узяў за галаву, а Шутъ Шуткинъ за хвостъ. Стали тягнуть. Попъ тягнуў, тягнуў и атарваў галаву прочъ, и гаворить на Шута: — „Ну, братъ сшутіў ты мнѣ шутку; — што мнѣ таперь дѣлать?“ — „А купи, батюшка, ящо!“ — Вутъ попъ бросіў каня, а самъ пашоў дамой; а Шутъ узяў ету лошадь, аблупіў, шкуру прадаў и купіў сабѣ клячу. Павеў яе ў дяревню, да приводить къ тремъ таварышамъ и купіў ей гарницъ аўса, пасыпаў ей:—„Вотъ, сматритя: паѣсь етытъ авесъ, а пирядѣлаить на сирябро“.—Вотъ ина паѣла гарницъ аўса, а іонъ узяў и падсыпаў падъ яе гарницъ сирибра.—„Вотъ, пасматритя: паѣла гарницъ аўса, а навалила гарницъ сирибра“.—Братъ, прадай яе намъ. — „А купитя!—„Што вазьмёшь?“—Три тысячи!—„О, братъ, такъ дорага будить!... Ну, да што дѣлать? Мы свае деньги варотимъ“.— Вотъ яны купили лошадь. Адинъ и гаворить: — „дай братъ, перва мнѣ!“ А другей гаворить:—„А, нѣ, пёрва мнѣ!“ Третьтій гаворить:—„Да хто узяў, тотъ узяў!“—Вотъ адинъ узяў; пиринучивала ина ў яго, падсыпаў ей мѣрку аўса и гаворить: „Ну, жонка, къ заўтриму ты шій машну: денигъ у насъ будить многа заўтри!“—Вотъ іонъ на заўтрига пашоў падбирать деньги, пасматрйть: тамъ ня деньги, а толька навозъ. Вотъ идеть къ яму другей таваришъ и спрашіить у яго: — „Што, братъ, какъ твае дѣла?“ — А я ужъ братъ свае деньги варатіў. — „Ну, братъ, давай таперь мнѣ: я свае варачу!“—Вотъ іонъ приводить яе, паставіў яе на чистымъ палу, да засыпаў ей, какъ ня можна болій аўса. — „Вотъ многа денигъ будить заўтри!“ Пашоў на заўтрига сматрѣть: а ина паѣла авесъ да напакастила. Приходить третьтій таваришъ:—„Што, братъ, у тябе?“ — А іонъ атвичаить яму:—„Слава Богу! я свае варатіў“.—Патомъ и гаворить третій—„Ну, тяперь дай-ка мнѣ!“—Вотъ и третій такъ сдѣлаў, приходить и гаворить:—„Што, братцы, у васъ? у мяне г...д!“—Ну, братъ: усѣмъ раўно!—И гаворють яны:— „Пайдемъ мы да зарѣжимъ яго!“... Вотъ яны приходють къ Шуту и гаворють яму:—„Ну, братъ, Шутъ, мы тябе пришли рѣзать!“—

А іонъ и гаворить имъ:—„Братцы, что вы мяне будитя галодныга рѣзать? - падаждитя: жонка блиноў напякеть, падъѣмъ блиноў; тады ужу рѣжьтя!"—А іонъ узяў да начиніў авечій пузырь кроўю, да падвизаў яго падъ паху, приходить и гаворить:—„Жонка, пяки блины!"—Ина яму гаворить:—„Што ты ета зџурѣў?"—А іонъ схватіў ножъ, да ей падъ бокъ; ина — брыкъ и завалилась. Яны ета видють, што іонъ яе зарѣзаў:—„Братцы, ухадитя!"—А іонъ и гаворить:—„Падажжитя: я яе атжіўлю!" — Чимъ жа ты яе атживишъ? — „А во чимъ: увидитя!" Приносить кнутъ, сикануў яе три разы и гаворить:—„Пужка-живушка, атжави маю жанўшку!"—Вотъ ина ускочила и давай печь блины, падкармила ихъ усихъ. Вотъ яны и гаворють:—„Братъ Шутъ, прадай намъ ету пужку!"—Купитя!—„Што вазмешъ?"—А три тысичи рублей!—„Да ти ня дорыга будить?"—Нѣтъ, ина стоить!—Вотъ яны купили ету пужку и и панясли съ сабой. Адинъ и гаворить:—„Дай-ка, перва я заставлю сваю жонку напечь блиноў!" —Вотъ іонъ узяў ету пужку, пришоў дамой и гаворить:— „Жонка, пяки блины!"—Што жъ ты ета ашалѣў? я жъ блиноў ни ўтваряла!—Іонъ схватіў ножъ, да жонку падъ бокъ и закалоў. Патомъ узяў ету пужку—живушку, сѣкъ, сѣкъ, сѣкъ, а жонка ни ўстаеть — няжива. На заўтрига приходить таваришъ: — „Ну, што? икава пужка?" А братъ, ища разъ толька сикануў-дыкъ ина падпрыгнула!— „Ну, братъ, таперь дай мнѣ".—Вотъ іонъ узяў пужку и приходить дамой:—„Жонка, пяки блины!"—Што ты ета ашалѣў: какія я буду блины печъ?—Іонъ схватіў ножъ, да кальнуў ей падъ бокъ—ина и завалилась.—Вотъ іонъ узяў ету пужку живушку, сѣкъ, сѣкъ: ни ўстаеть жонка!...—Назаўтрига приходить третій таварышъ:—„Ну, што, братъ, икавô тваё дѣла?" — А, братъ, толька сикануў адинъ разъ, дакъ ина и ўскочила!—„Ну, братъ, дай таперь мнѣ!"—Приходить дамой и гаворить: „Ну, жонка, пяки блины! — А ина и гаворить: ти ты ўзбясіўся? — А іонъ схватіў ножъ и закалоў сваю жонку. Патомъ ўзяў ету пужку сѣкъ, сѣкъ: ни ўстаеть жана! — Назаўтрига и гаворють адинъ другому:—„А мы видь сваихъ жоныкъ пакалоли!—Вотъ яны и гаворють:—„Пайдемъ, зарѣжимъ Шута Шуткина!"—Вотъ яны и приходють къ Шуту, а яго нѣтути. Спрашивають у хазяйки:—„А йдѣ жъ ета Шутъ?"—А ина гаворить имъ, да и заплакала: —„Мае вы галубчики, мой Шутъ памеръ!"—Яны и гаворють

ей:—„Пакажи намъ хуть яго магилку.“ — А ина и гаворить имъ:—„А идитя на кладбища: идѣ будить парыта зимля, тамъ іонъ и ляжить.“—Вотъ яны приходють на кладбища: свѣжая ни атрытая магилка. (А іонъ ня помиръ, а атъ ихъ схараніўся). Вотъ яны и гаворють:—„Вазьмемъ мы, хоть на яго магилку напакастимъ!“—Вотъ адинъ и гаворить:—„Ну-ка, перва я!“—Вотъ іонъ тольки сѣў, а Шутъ какъ парнеть яго аттуль шилымъ ў дуплю,—вотъ іонъ какъ падскочить, да какъ закричить:—„Ай, братцы, іонъ жа жіў! Вазьмемъ мы, яго вытащимъ вонъ!“—Вотъ яны вытащили яго вонъ, да давай яго бить, а іонъ давай ихъ прасить: — „Братцы, ня бейтя: я васъ пакармлю мёдымъ!“—Вотъ іонъ—павеў ихъ ў пчальникъ и накарміў ихъ мёдымъ.—„Братцы, за што вы мяне хатѣли зарѣзать?“— А вó за што, Шутъ! ты перва намъ прадаў лошадь, да абмануў; ў другей разъ съ абманымъ ты прадаў намъ пужку-живушку; а ящо абмануў насъ у третій разъ, што ты помиръ: мы стали пуминать тябе, а ты насъ шилымъ було закалоў.— А Шутъ гаворить:—„Да, паминъ вашъ харошій,—разви такъ пуминають чилавѣка?“—Ну, да прасти ужъ насъ, Шутъ,—ну што дѣлать?—„Да Богъ зъ вами!“—Вотъ яны нямнога пагадя и гаворють:—„Пайдёмъ мы ў яго пчальникъ, да вазьмемъ самыхъ харошихъ пчолъ!“—А Шутъ ета пачуў и пабѣгъ упярёдъ за ихъ у пчальникъ и улѣзъ ў пустой улій, да ўзяў съ сабою вѣничикъ. Вотъ яны приходють у траихъ у пчальникъ и гаворють:—„Ну, каторый будимъ выбирать?“—А каторый будить шумѣть, тотъ и вазьмемъ!—Вотъ яны падходють къ таму, идѣ сядѣў Шутъ, узяли яго на плечи и панясли дамой. Вотъ яны нясли, нясли, а іонъ сѣдючи тамъ: свись! А яны и гаворють: —Братцы, пайдемъ паскарѣй: Шутъ даганяить!—Ишли яны, ишли, а іонъ ипять, сѣдючи, тамъ: свись!—„Братцы, Шутъ даганяить!“ —Патомъ іонъ ў третій разъ: свись! Вотъ яны якъ бросили улій, да какъ пубигать ухадить, а іонъ за ими ў дагоню:— „Стой, падажди, ни ушли!“ Вотъ яны бѣгли, бѣгли, патомъ астанавились и гаворють:—„Чаго жъ мы уходимъ?—Разви мы ни справимся ўтраихъ са̀днымъ! Пайдемъ, да хуть пакушіимъ меду!“—Вотъ яны приходють ипять къ вульлю и гаворють:— „Ну, давайтя медъ ѣсть!“—Вотъ адинъ закалупнуў рукою, да палажіў ў ротъ, патомъ и другой, и гаворють:—„Ахъ, какъ харашо!“—А третій узяў и гаворить имъ:—„Ета г...о!“—А яны

и гаворють:—„Ну, братъ, усѣмъ раўно!“—Патомъ и гаворють: „Ну, братцы, ета намъ усё Шутъ панадѣлаў! давайтя яго искать: іонъ тутъ нейди нидалёка!“—Вотъ яны искали, искали, нашли яго и гаворють:—„Ну, таперь мы тябе ни прапустимъ!“ Вотъ яны ўзяли, вязуть яго и привязли къ возиру, пасадили яго ў мяшокъ и гаворють: „Пайдемъ за тапаромъ прасѣчъ пролыбку“. Вотъ іонъ остаўся аднвъ ли дароги ў мяшкѣ; ѣдить гаспадинъ, а іонъ и кричить: „Ня ўмѣю ни читать, ни писать, а на тотъ свѣтъ у карали иду!“—Памѣщикъ и гаворить:—„Давай, я за тябе ў карали пайду!“—Яго аттуда памѣщикъ выпустіў, а Шутъ усадіў яго ў мяшокъ, пихнуў яго ў ваду и гаворить: „Пиши тамъ бурыхъ и сивыхъ!“ — А самъ сѣў на памѣщикавыхъ лашадей, паѣхаў дамой, стаў жить, да паживать, да дабра наживать. а худа праживать.

№ 9,

Якъ мужикъ съ салдатымъ папоў губили.

Въ нѣкатарымъ царствѣ, въ нѣкатарымъ гасударствѣ, не иминна у томъ, ў каторымъ мы живемъ. жіў мужикъ, и такой багатина, што іонъ ни знаў сваей казвы.—Вотъ иднажды радила яво жана; іонъ гаворить сваей жанѣ: — „Ну, што мы таперь будимъ дѣлать?“—А жана яму гаворить:—А ступай, пазави кумоў, и пирякстимъ!—Ну, какъ мужикъ багатый, то и скупой, и гаворить жанѣ: — „Нѣтъ, жанушка, мы ни такъ сдѣлаимъ: ежили зазави кумоў, да зазави многа народу, то будить намъ многа страты, — а луччи мы здѣлаимъ вȏ такъ: пайду я къ священнику и пазаву ято аднаго къ сабѣ ў домъ, — іонъ у насъ пиряхрестить, мы яго угастимъ, и будить намъ меншій сходу.“— А хазяйка яму гаворить:—„Ахъ, ты то уздумаў харашо, да ни такъ: будуть насъ люди асуждать“.—„Ну, што дѣлать?“—гаворить іонъ: „видь старая пасловица гаваритца: хуть глазамъ то стыдна, да живату-то радысна: намъ будить меньшій сходу.“— Ну, дѣлай, какъ хочишъ!—гаворить хазяйка. Вотъ іонъ и гаворить: — „Ну, пригатоўти-ка, што тутъ нужна, а я пайду за папȏмъ.“ — Вотъ яны и стали пригатаўлять, а іонъ пашоў за папомъ. Приводить папȁ и гавȏрить яму:—„Ну, батюшка, пирихрясти мнѣ рабенка!“ — А попъ гавȏрить:—А идѣ жъ тва-

кумы? — „А я кумоў ни зваў: пирихряститя такъ, — и большій ничаво!“ —Попъ и гаворить яму: —Ну. ета будить стоить пять рублей! —Ахъ, якъ мужуку жалка паказалась, што попъ запрасіў пять рублей! Какъ схватіў колъ, да пупа па галавѣ —и забіў. Тада ўзяў яго, падкинуў падъ печку, патомъ сѣў. Сядить и думаить, што тяперь дѣлать. — „Вазьму, паѣду за другимъ папомъ!“ — Паѣхаў іонъ ў другоя сяло; привезъ іонъ другога пупа и гаворить яму: — „Батюшка, пирякститя мнѣ рабёнка: нашига пупа нѣту дома.“ —Попъ и гаворить: —Ну, штожъ, можна. —А іонъ знаў ўпярёдъ, што ета мужикъ багатый и скупой, и гаворить яму: — „Ета, братъ, стоить десить рублей!“ — Ипять стала жалка етыму атдать деньги. Іонъ схватіў колъ и етыга пупà убіў, да падъ печку; сѣў и думать, што тяперь дѣлать. — И гаворить: — „Пайду за третьтимъ!“ Вотъ тольна іонъ хатѣў за третьтимъ папомъ ѣхать, заходить къ яму прихожій салдатъ; іонъ и гаворить на салдата: — „Братъ, пирихрясти ты мнѣ рабенка!“ — Салдатъ сагласіўся; узяў съ дяреўни куму ўдаву и павезъ рабенка; пирихрястіў; призжаитъ аттуда; іонъ и просить сасѣднига мальчика: — „Зъѣзди, братъ, пупраси священника!“ —Пріизжаить священникъ на крезбины; вотъ начали пить да гулять; патомъ посли етыга заспоріў попъ зъ етымъ мужукомъ; іонъ схватіў колъ да и убіў етыга пупà. Патомъ сѣў и задумаўся, и гаворить етыму кўму салдату: — „Братъ кумъ, пасаби ты мнѣ, — што вазьмешъ, — сняси куды нибудь етыга пупа!“ — А іонъ и гаворить: —Дай сто рублей: сняcу! — „Ну, што дѣлать, за етымъ ни станить: няси! — Вотъ іонъ и гаворить: — „Ты иди за акно, а я табѣ яго падамъ.“ — Вотъ іонъ пашоў за акно, а мужикъ вытащіў папа съ-падъ печи и гаворить етыму салдату, свайму куму: — „Нà, братъ, няси, да смотри, штобъ назадъ ни зваратіўся!“ — Салдатъ узяў яго и панесъ у ряку, ўкинуў яго и патапіў. Патомъ пришоў къ етыму мужуку и гаворить: —Ну, што? ти пришоў? — А іонъ вытащіў другога съ-падъ печи и гаворить: — „Братъ, няси снова! іонъ ипять тутъ!“ — Ну, падавай! —гаворить салдатъ. Мужикъ яму падаў. Салдатъ знёсъ и приходить ипять и спрашіить: — Ну, што? —А етытъ хазяинъ гаворить: — „Іонъ ипять тутъ!“ —Ну, давай, ипять панясу! — Іонъ атдаў яму и третьтига папа. —Патомъ идеть іонъ аттуда и зашоў за скирду дроў, и гаворить сабѣ: —Што тутъ за такоя? дай пусматрю: ня

будить ли іонъ идить апять?“ — А подли етый скирды стыяў священникыў домъ, и захатѣлысь етыму священнику прайдица: толька іонъ вышіў, а салдатъ яго увидаў и гаворить:—А, братюга, пупаўся! я тябе третій разъ нясу, а ты ўсё вылизаишъ!..“ Схватіў етыга пупа, патащіў ў ряку и затапіў. Патомъ приходить къ етыму хазяину, свайму куму, и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, праўда твыя: я ня вѣріў, што попъ ўсё прихадіў, а я яго три раза насіў, а тяперь, братъ, павѣрю! Какъ жа іонъ мяне распатѣшіў! толька я яго третій разъ знесъ и затапіў ў ряку глубока, патомъ иду назадъ. и захатѣлась мнѣ схадить да вѣтру: я ишоў, ишоў: стаить скирда дроў,—я туда зайшоў, пасматрю: идеть попъ. Я спрашію, што за люди, а іонъ гаворить:—„Свае люди!“ — Я спрашію: — Хто ты такой?—А іонъ гаворить: „Я попъ!“—А, батюшка, пупаўся!—Вотъ я яго схватіў за-касы, притащіў яго, затапіў и колымъ засунуў глубока падъ кустъ “—Мужикъ и гаворить:—„Ну, братъ кумъ, таперь ужъ іонъ назадъ ни зваротитца!“—Вотъ ети куманьки, мужикъ и салдатъ распрастились, абнялись, пацалувались, патомъ стали жить, да паживать, да дабро наживать.

№ 10.

Якъ мужикъ съ цыганымъ деньги сѣили.

Какъ жіў адинъ мужикъ сильна багатый, и було у яго сильня многа пчолъ. Патомъ іонъ и завеў дружбу са аднымъ цыганымъ. Радила яго хазяйка, іонъ узяў яго кумымъ; патомъ часта угащаў яго мёдымъ, а такжа и вотачкый,—аднымъ словымъ, какъ браты радныя.—Ну, у цыгана, какъ ня кумъ, какъ ни пубратимъ, а ўсё дурацкія мысли, а ўсё думаить, какъ ба мужука абдѣлать. Адинъ разъ и приходить къ мужуку;—„Здрастуй, кумъ!“ — гаворить цыганъ. — Здрастуй, здрастуй! — гаворить мужикъ куму свайму цыгану. Патомъ цыганъ и гаворить куму свайму мужуку: — „Вô, братъ кумъ, што я уздумаў, — гаворить цыганъ свайму другу: давай мы съ табой займёмся аднымъ дѣлымъ!“ — Какимъ? — „А вô какимъ: будимъ мы съ табою сѣить деньги!“ — Мужикъ и говорить:— „Ну, давай, пасѣимъ!—Патомъ дажидаить іонъ цыгана. Чризъ нѣскальки ўремя приходить цыганъ къ мужуку и гаворить:—

„Ну, братъ кумъ, вò выбраў я ўремя: ежили мы пасѣимъ мѣрку денигъ, то будить двѣ или три.“ Вотъ яны пасѣили прежди нямнога, а патомъ цыганъ узяў да сваихъ яще прибавіў столька. — Назаўтрига приходить цыганъ къ мужуку и гаворить:— „Ну, кумъ, пайдемъ выбирать деньги!“ Вотъ яны пашли выбирать деньги: пасѣили адинъ гарницъ, а выбрали три. Патомъ мужикъ и гаворить цыгану, свайму куму: — „Ну, братъ кумъ, спасиба табѣ! падажди таперь: пасѣимъ болій!“—А цыганъ гаворить:—„Ну, кумъ, дажидай мяне!“ — Мужикъ стаў ажидать, пакуда придеть цыганъ. Приходить цыганъ и гаворить:—„Ну, братъ кумъ, сяводни будить ночъ харошая: какъ ня можна болій пасѣимъ! — Вотъ мужикъ стаў такей радый: вынисъ ўсю сваю казну,—вò и пасѣили. — А цыганыў ужъ животъ забалѣў, и гаворить мужуку: — „Братъ кумъ, сматри самъ, а мыя ужъ нѐмычъ: трихануда мяне ўсяго ў дрожъ.“ — Патомъ мужикъ легъ спать, а цыгану ужъ паздаровила: пашоў да деньги еты падабраў. — Назаўтри мужикъ устаў и гаворить: — „Нѣшта майго кума ни слыхать!“ — Приходить цыганъ и гаворить:— „Ну, братъ кумъ, кажитца, што наши деньги прыпали! Сяводни ўсю ночь такая сухавѣица. Пайдёмъ-ка, пасмотримъ!“— Пашли яны сматрѣть, а денигъ нѣтъ ни капѣйки. — Мужикъ завыў и загаласіў, и гаворить цыгану:—„Ну, братъ кумъ, воздѣлаў ты мнѣ!.. Што таперь дѣлать?—Вазьму удаўлюсь или утаплюсь!..“ Мужикъ и жисть сваю кончіў, а цыганъ паѣхаў дамой, стаў жить да паживать, да ў мужукоў варувать.

№ 11.

Деревня Проверженка Ельнинскаго уѣзда.

Якъ попъ абманіў Тараса аднажды, а Тарасъ яго дважды.

Жіў мужучокъ бѣдный, и была у яго жина, а дятей ни було. Прижіўся да тога, што хлѣба купить не за шта. Была у ихъ карова.— „Ну“, гаворить мужикъ.—„жонка, пувядёмъ, прададимъ корову да хлѣба купимъ.“—Павёў мужикъ карову прадавать. Ѣдить священникъ съ причетымъ зъ горыда, сустрикаитца зъ етымъ мужукомъ: „Здароў, Тарасъ!“ — Здароў, батюшка.—„Куды ты ета казу вядешъ?“—Батюшка, ета жъ карова! — „Нѣтъ, свѣтъ, ета каза: вунъ и дяканъ скажить.“—

Дяканъ гаворить: — „Ета каза!“ — Мужучокъ етый асуміўся. Попъ гаворить: — Братъ Тарасъ, прадай мнѣ ету казу — вотъ табѣ 3 рубли!“—Нечига дѣлать мужучку: іонъ узяў и прадаў ету карову замистъ казы за 3 рубли, и пашоў двору. Гаворить на жану:—„Икая ты глупыя: замісъ каровы казу забратала!“—Жонка на яго напустилыся:—„Што ты, съ ума сайшоў?!.. Козы уси дома, а каровы нѣтути...“—Ну, баба, што дѣлать?! я прадаў священнику, — якъ нибудь апосля разбяремся.“—Даў Богъ другоя скрысення. Ѣдить Тарасъ у горыдъ, и знаить, што священникъ са сваимъ причетымъ зайдеть у трахтиръ абѣдыть. Падгаваріў іонъ трахтирщика: — „Я выпью и закушу на гривинникъ, а ты гавари, што на сто рублей.“—Еты причетники сидять у другимъ нумири и гаворють:—„Вѳ мужикъ Тарасъ: за адинъ абѣтъ сто рублей правеў! Ета жъ мы у читвяромъ и то—рублей 10 правядемъ, а іонъ сто рублей!..“ Глидять яны у дирку: чимъ ета будить Тарасъ расплачиватца. Тарасъ якъ тащить калпакъ аршина у $1^1/_2$, уносить у трахтиръ. Ударіў разъ па калпаку:—„Што, трахтирщикъ, заплочина?“—Заплочина.—Попъ ета видить и дивитца съ причетымъ. Другей разъ ударіў Тарасъ па калпаку—да звиданія. Третьтій разъ ударіў,— гаворить трахтирщикъ:—„Ну, маладецъ, Тарасъ: платить умѣишъ.“—Свящэнникъ и гаворить:—„Рибяты-причетники, купимъ у Тараса етый калпакъ: іонъ намъ будить нада: у насъ жодную паѣздку будить дармавэй абѣдъ у трахтири. Ну, дякынъ, ты клади 25 рублей, дячки паложуть умѣсти 25, а я адинъ 50: за 100 рублей, можа, прадасть калпакъ.“ Тарасъ ѣдить дамой, даганяить яго свящэнникъ:—„Што, Тарасъ? Прадай етый калпакъ намъ: етый калпакъ насъ будить вызвалять. Што ты за яго вазьмешъ? Мы табѣ, Тарасъ, дадимъ 50 рублей сирябромъ.“—Нѣ, батюшка, ни какъ нильзя атцоўськая благаславення пакидать: хуть жа разъ злучитца у горыди быть, дакъ папью— пагуляю.—„Ну, паслухай, Тарасъ: вотъ табѣ 100 рублей сирябромъ?“—Нѣ, ужу, батюшка, када хочитя купить, дакъ прадамъ за 150 рублей.—„Ну, причетники, купимъ сичасъ, а то хто нибудь дарожи дасть.“—Купили етый калпакъ за 150 рублей. Пріизжаить Тарасъ двору и гаворить на хазяйку:—„Ну, хазяйка, бранилысь ты на мяне, што я замѣста казы карову прадаў,—прадаў и я свой калпакъ за 150 рублей.“—Тарасъ етый троху пуправіўся жить. Свящэнникъ дажидаить праздника,

штоба ѣхать у горыдъ на дармавэй абѣдъ. Паѣхали яны и зъ жонками, и зъ няньками, и зъ дятьми у горыдъ. Заказали трахтирщику: — „Дай-ка намъ на 200 рублей папить-пагулять!..“ Трахтирщикъ гатоў: падаў на 200 рублей. Якъ паѣли:—„Ну, гаспадинъ священникъ, пажалуйтя и ращотъ!“ Батюшка вылазить:—„Сичасъ, гаспадинъ трахтирщикъ!“—Принесъ панамарь зъ двара калпакъ. Священникъ якъ ударіў:—„Ну, ти ў ращоти, трахтирщикъ?“—Не-е, попъ, падай деньги!—Сичасъ попъ атдаў дякану бить: дяканъ біў, біў,—усё ращотъ спрашіють. Уси етый калпакъ били, а ўсе ращотъ спрашіють. Стали складыватца, заняли деникъ и заплатили у трахтиръ.—Тарасъ еты деньги года за два спустіў, гаворить на хазяйку:—„Што, баба? Умирай-ка ты, а я паѣду за свяшэнникымъ; я яму скажу:— „батюшка, пажалуйтя съ пакаяніемъ: мая хазяйка низдарова.“— Пріизжаить къ священнику. Батюшка и пытаить: — „Ну, што ты пріѣхаў?“—А што, батюшка, пажалуйтя съ пакаяніемъ: хазяйка умираить. Сабраўся попъ и паѣхаў съ Тарасымъ. Пріизжають. Хазяйка ужу умерла и ляжить на кутѣ прибраная:—„Вотъ, батюшка, благаславити-ка вы мяне! у мяне іось старинная дубина, (ища кали свѣтъ зачинаўся): я сваю жонку три раза ударю, дакъ ина атживитца.“—Ну, гаворить попъ: када ета ища атъ старыхъ атцоў, то благаслаўляю!—Батюшка зъ вотарапу вышіў у сѣнцы, а Тарасъ примѣръ здѣлаў: жану іонъ ня біў, а ударіў па лаўки вокала яе три разы—ина замичѣла. Якъ батюшка быў чилавѣкъ добрый, то абрадаваўся, што чилавѣкъ атживіўся. Уходить у хату: ина ужу сядить на лаўки и пакиваваитца; тутъ ей дали вадицы халодниинькій напитца. Ина стала ачухаватца; батюшка публагадаріў яго за ета и паѣхаў дамой. Пріѣхаў дамой и пирисказынить свайму причету злучай, што при имъ злучіўся.—„Какъ ба намъ ету дубину купить: якъ мы на похараны ѣздимъ, то мы етыю дубиныю атживали ба миртвяцоў. Складёмся мы и купимъ у яго дубину.“—А вы, батюшка. зьѣздитя, патаргуйтя. — „Нѣ, паѣдимтя уси туды.“ — Пріизжають яны къ етыму Тарасу.—„Што, Тарасъ, прадаси намъ тую дубину, што людей атживаить?“—Прадамъ.—„Што ты за яе вазьмешъ?“—Ахъ, батюшка, дайтя 500 рублей.— Ну, яны и радютца: „Я“, гаворить попъ: „адинъ палажу 250 рублей, а вы, причетъ, у траёмъ 250.“—Атдали деньги и дубину съ сабою узяли. Тольки яны пріѣхали дамой. пріѣхаў къ имъ купецъ багатый:—„Ба-

тюшка, у мяне сянни жина пумирла: пубизпакойтися тѣла схаранить.“ — Сичасъ, гаспадинъ купецъ, пріѣдимъ. — Сабрались яны ѣхать и узяли ету дубину съ сабой. Пріизжають, ляжить на сталѣ тѣла. Гаворить попъ на дякана:—„О,—о, мы яе атживимъ! Няси-ка, панамарь, дубину!“—Купецъ ета глядить, на што ета панамарь дубину нясеть. Ударили три разы яе—ни ’тжіўляитца. Сродствинники далажили абъ етымъ купцу. Купецъ стаў на ихъ жалитца, што тѣла пабили. Папоў етыхъ пубрали на судъ да спраўки дѣла.

От старика Евдокима Хатуля.

№ 12.

Якъ папоў батракъ пупадьдю праўчіў и дьякана, яе спалюбоўника, и пупа нащотъ пупадьди абразуміў.

Въ нѣкатарамъ царстви, въ нѣкатарамъ гасударстви, ня иминна ў томъ, у каторымъ мы живемъ, жіў попъ. Вотъ нужинъ быў яму работникъ; вотъ идеть прахожій чилавѣкъ, и гаворить: — „Батюшка, я слышаў, што вамъ нужна работника.“ —Да, нада. — „Ну, наймитя мяне!“ — А какую плату табѣ дать, прахожій чилавѣкъ?—„А сто рублей, батюшка“.—Да какова ўремя?—„А пакуда за печкыю тиляты замычать!“—Попъ думаў, думаў, какія ета тиляты; патомъ и гаворить:—„Ну, такъ и такъ“.—Вотъ іонъ яго наняў; патомъ и гаворить: — „Ну, братъ, паѣдимъ у поля пахать“.—Вотъ яны ѣдуть на цѣлую нядѣлю пахать. (А работникъ знаў, што дякынъ живеть съ пупадьдёю). Вотъ яны пахали, пахали цѣлый день; патомъ приходить ночъ; атпрягли лашадей, паужинали; попъ лажитца спать, а работникъ сядить. Попъ и гаворить:—„Што жа ты ни лажистя?“— А іонъ атвичаить:—„Нѣтъ, батюшка, мнѣ нельзя спать.“—Чаго такъ нильзя?—А іонъ яму гаворить:—„А у меня палуношница.“—А іонъ гаворить:—Ахъ, Божа мой, якъ мнѣ тябе жалка!—День работаў, работаў, и ночь ни спать! — Ну, што дѣлать, батюшка!“—Толька попъ заснуў, а работникъ, за што наняўся, тога и сматрѣть. Садитца на каня, и паѣхаў дамой; пріизжаить дамой, а дякынъ съ пупадьдѣй пирують. Іонъ пасматрѣў у вакошка и давай стучэть:—„Аттварити-ка мнѣ“.—

Пупадьдя и спрашiить: — Хто тамъ такей? — „Я, работникъ вашъ“.—Пупадьдя и гаворить:—„А, дяканька мой, куды мнѣ тябе дѣть?—Рализай ты падъ полъ“. — Вотъ iонъ уходить у хату и гаворить:—„Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняўся: день работай, а ночь ня спи! Вялѣў мнѣ, штобы я печку вытапiў и тилятъ напаiў“.—А ѣдь ты, ѣдь: я сама напаю.— „Нѣ, матушка! пущай ня грѣхъ будить пубажитца, што я свае справiў“.—Вотъ iонъ затапiў печку, нагрѣў поила и давай тилятъ паить. Вотъ iонъ паiў, паiў, и пупаўся яму дяканъ. Вотъ, iонъ какъ саскребъ яго за гриву, ужъ iонъ яго тапiў, тапiў, абпачкаў яго ўсяго ў пойла, а самъ вышiў и смотрить падъ вакно. Вылязаить дяканъ съ-падъ полу и гаворить:—„Вô, наняли работника, какога бизпакойнага“.—Работникъ и паѣхаў ипять у поля. Прiизжаить къ свайму мѣсту, къ шалашу, попъ спить, и iонъ легъ спать. Назаўтрига устаеть попъ и будить работника:—„Ну, братъ, уставай: будимъ пахать“.—Работникъ устаеть и начинаить пахать. Вотъ яны пахали ипять да вечира, атпрягли конiй, пауживали; попъ легъ спать и гаворить:—„Ну, братъ, лажись, да спи!“—Нѣтъ, батюшка, вы знаитя: у мяне палунощница!—Попъ заснуў, а работникъ ипять паѣхаў, прiизжаить дамой; стукъ, стукъ, падъ вакно и гаворить: — „Аттвари, матушка!“—(А дьяканъ ужъ тамъ). Ина и спрашiить:— „Хто тамъ такой?“—Iонъ и гаворить:—„Ета я, работникъ!“ —Што ты прiѣхаў?—Ина и гаворить:—„А, дяканька, ты мой, а йдѣ жъ мнѣ тябе дѣть? Лѣзь на горницу, да ўлѣзь у мяшокъ!“—Вотъ iонъ узлѣзъ на горницу и ўлѣзъ у мяшокъ. А работникъ уходить у горницу и гаворить:—„Ахъ, къ какому я бизпакойнаму папу наняўся: день пашимъ, а ночъ упраўляйся!“—Ина и спрашiить:—Што жъ iонъ табѣ приказаў?—„Да какъ жа, што?—Вялѣў узлѣзть на горницу и пирищитать мяшки съ перьимъ!“—Да я сама знаю, скольки ихъ тамъ. Паѣзжай ты у поля!—„Нѣтъ, матушка, нихай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справiў“.—Вотъ iонъ палѣзъ на горницу, и давай ети мяшки щитать, и пупаўся яму мяшокъ, идѣ сядѣў дякынъ,— вотъ iонъ яго збросить, збросить абъ землю, да й ипять устащить, патомъ пирищитаў и ипять паѣхаў у поля. Вышiў за вароты и смотрить падъ вакно: уходить дякынъ, увесь избитый, и гаворить: —„Во, наняли работника, какога бизпакойнага: яму и ночи нѣтъ“. — Прiѣхаў работникъ ипять

къ свайму мѣсту и легъ спать. Назаўтрига попъ и будить работника: — „Ну, братъ, уставай, — пара пахать!“ — Пахали; пахали ипять да вечира, патомъ атпрягли коній и лягли спать.—Работникъ ипять устаў, сѣў на каня и паѣхаў ипять дамой. Вотъ іонъ стукъ, стукъ у вакошка и гаворить:—„Матушка, аттвари!“—А ина гаворить:—„А, дяканька мой, куды жъ мнѣ тябе дѣть? Вазьми, лѣзь за печку!“—Вотъ ина яго схувала; патомъ и спрашіить:—„Хто ета тамъ такей?“—А іонъ атвичаить:—„Ета я, работникъ вашъ!“—Што ты пріѣхаў?—„Да какъ жа, матушка, какой вашъ бизпакойный попъ: самъ лякить спать, а мяне пасылаить печку вытапить, вады нагрѣть и ўсѣхъ прусоў за печкаю павыварить!“—Паѣзжай ты, спи: я ўсё падѣлаю.—„Нѣтъ, матушка, пускай мнѣ ня грѣхъ будить пубажитца, што я сваё справіў“.—Вотъ іонъ затапіў печку, нагрѣў вады и давай прусоў заваривать: абваріў усяго дякана; а самъ пашоў и стаў падъ вакошкымъ. Дякынъ вылизъ изъ-падъ печки и гаворить: „Ну, я таперь досыть хадить къ табѣ за такимъ машенникымъ: ета ни работникъ, а ета машенникъ: іонъ мнѣ ни йдѣ ни даеть спакойна спрятатца. А вотъ, што табѣ скажу: заўтри я паѣду пахать, а ты мнѣ принаси абѣдать!—„А йдѣ мнѣ тябе найти?“—А я буду пахать падъ бярезникымъ на пѣгымъ кани.“—А работникъ ета и слышить; патомъ и паѣхаў ипять на мѣста, легъ спать и заснуў. Назаўтрига попъ устаеть и будить: „Ну, уставай: давай пахать“—Ипять пахали; патомъ и гаворить:—„А што ты, батюшка, знаишъ?“.—А што?—„Сяводни намъ матушка принясеть палуднавать!“ —А пачемъ ты знаишъ?—„А я видіў ва снѣ“.—Вотъ приходить дѣла къ палудню, а іонъ пахаў на вараномъ кани; вотъ іонъ узяў да збросіў съ сябе далоў штаны, падпаясаў лошадь и здѣлаў яе пѣгую. Вотъ ина идеть и нясеть абѣдать дякану. Глядѣла, глядѣла съ краю, идѣ пашуть на пѣгымъ каню; патомъ идеть пряма къ имъ. Патомъ іонъ и гаворить:—„Во, батюшка, вить намъ матушка палуднавать нясеть: мой сонъ збыўся!“—Вотъ ина падходить ближи, пасматрить: ни дякынъ, а попъ, то ужъ ей некуда диватца; ина приносить пряма къ имъ и плачить, а попъ спрашіить: — „Што ты ета сяводни ўздумала пра насъ?“—А ина гаворить:—„А, батюшка, сяводни маей матушки день, то я принясла къ вамъ атслужить панахвиду“.—Вотъ іонъ и гаворить на батрака:—

„Схади-ка за дякыным“.— Вотъ іонъ пришоў къ дякыну и гаворить яму:—„А што ты, дякынъ, знаишъ?“—А што?—„А вить попъ знаить, што ты съ пупадьдёю живешъ!“—Патомъ пашоў къ папу и гаворить:—„Нѣ, батюшка, няйдеть: іонъ гаворить, штоба вы пришли!“—Вотъ іонъ пашоў за дякынымъ, а работникъ гаворить:—„Батюшка, вазьми палку, а то яго сабаки укусють тябе.“ А дякынъ, якъ увидіў, што попъ идеть съ палкыю, думаў, што ета яго попъ идеть бить за то, што съ пупадёй живеть,—да какъ пуститца на ўходъ, а попъ гаворить:—„Дяканъ, дякынъ, падажжи! што ты ета збясіўся?“—А іонъ гаворить:—У тябе мысли дурнэя!—Попъ пришоў и гаворить:—„Дяканъ нашъ, знать, ашалѣў! я кричу: падажжи! а іонъ уходить, якъ воўкъ.—Ну, што дѣлать? я и адинъ атслужу!“—Вотъ, што дякану несина, то попъ зъ работникымъ усё пакушали за здароўя дякана. Вотъ яны ў субботу пріѣзжають дамой; назаўтра нада служить абѣдню. Попъ пашоў служить, а дякынъ ня думаить: баитца папа.

Вотъ аднажды пупадьдя пашла ў калодись вады брать, пришли и другея бабы, и пашли у ихъ тамъ разгаворы, а работникъ упяредъ адну ўдаву падгаваріў, штобы ана ей разсказала, чѣмъ ихъ истребить; вотъ ина и гаворить:—„Матушка, у мяне іость такея капли, что ежели даси ихъ, то яны атъ аднаго аглохнуть, атъ другога аслѣпнуть, а атъ третьтига падохнуть.“—Вотъ ина и гаворить ей:—Ахъ, мая ты галубушка, дай мнѣ етыхъ капель!—Баба гаворить:—„Матушка, я дарма ни дамъ.“ А што вазьмешъ за ихъ?—„А толька сто рублей!“—Пупадьдя вынула и атдала; вотъ ина приносить вады и гаворить папу:—„Батюшка, я вамъ сяводни нагатую. чаго вы хочитя?“—Ну, гатуй!—А работникъ гаворить папу:—„Батюшка, паслухайтя мяне, што я буду дѣлать, то и вы дѣлайтя“.—Ну, харашо!—сказаў попъ.—Вотъ ина засадила ихъ за столъ, давай имъ падавать, да ўсё еты ликарствы такъ и падсыпаить. Вотъ яны аслѣпли; ина паставила другоя, то яны аглохли. Кричать адинъ на другога. А ина гаворить:—„Ну, слава Богу!“—Паставила третія, а яны ѣли, ѣли и завалились, а ина зъ радости заскакала, сняла са стала, што яны ѣли, заслала чистую скатярётку, пубижала зъ радасти за сваимъ дяканымъ, привила и гаворить яму:—„Во, што хатѣла, то й падѣлала!“—Вотъ яны сичасъ начали пить, гулять;

пили, пили; гуляли, гуляли; а патомъ саскребъ дякынъ пупадьдю и пувалокъ за печку и замичѣли, якъ тиляты. Тады работникъ и гаворить:—„Батюшка, тиляты мичать за печкыю.“— Работникъ ускачіў, попъ ускачіў: во й давай тянуть ихъ аттуда. Вотъ попъ дякана біў, біў, иваласы ўси пупавырваў. Тада работникъ и гаворить папу:—„Ну, батюшка, я жіў у васъ и служіў вамъ; таперь ужъ мнѣ пажалуйтя ращотъ“.— Вотъ попъ узяў: работника ращитаў, пупадьдю прагнаў изъ дому далоў, а самъ стаў жить, да паживать, да даброй наживать. Я тамъ быў, медъ—вино піў, па губамъ тякло, а ў ротъ ни пупала; дали мнѣ калача, куда-то памача; я быў смѣлъ, узяў да й зъѣў.

№ 13.

Якъ мужикъ свайго батюшку паднадуўіу.

Въ нѣкатарымъ сялѣ быў священникъ очинь сярьдитый, и магаришлый, и багатый. Вотъ адинъ быў мужикъ, и такой іонъ быў шутъ и такой машенникъ. — Патомъ адинъ разъ што-та быў гадавой празникъ; вотъ іонъ и приходить ў церкву, пумаліўся Богу (а дила сваи іонъ ужъ абстряпаў). Патомъ посли абѣдни падходить іонъ къ папу и гаворить: — „А што, батюшка, ти грѣхъ ета, што я здѣлаў?“—Ну, што?—гаворить попъ.—„Да вȯ што: я выгнаў съ паповыга гароху свиньню.“ —Вȯ дуракъ: ну, какой жа ета грѣхъ, што ты папу здѣлаў пользу,—ета братъ ящо табѣ дажа спасиба!—Да патомъ ящо гаворить:—„Вȯ што, батюшка! што я съ паповыга калидору ваўка выгнаў?“ — Всȯ дуракъ! гаворить попъ: ета жъ какой грѣхъ, — ета ты мнѣ то-жа пользу здѣлаў: іонъ бы жъ тама паѣў мой и скотъ, и дятей, и ўсѣхъ ба маихъ дамашнихъ паразагнаў!... За ета, братъ, тожа спасиба!... Патомъ гаворить:— „Да вȯ што ящо, батюшка, хатѣў я вамъ сказать: толька я прихажу ў церкву, и увесь народъ стаить, а шаптуны такъ и шепчуть: то ти грѣхъ, што я ихъ выгнаў?“—Іонъ и гаворить: Во мужикъ, значить, дуракъ: ну, какой жа грѣхъ, съ Божжій церьквы выгнять нячистую силу?—Ета ты, значить, палучіў сабѣ спасэніе!... Вотъ попъ яму ўсȯ прастіў, патомъ и пашоў дамой, раздѣўся, и садитца іонъ абѣдать, и ў яго быў ў доми

гость, и сѣли аны ўси абѣдать. Попъ и гаворить на пупадьдю: —„Намъ няси гавядины паѣсь“.—А ина и гавбрить:—Я тамъ кидала у гарохъ свинину,—будитя ли вы яе ѣсть, или нѣтъ?— А іонъ гаворить:—„Давай!“—Вотъ ина пубижала ў кухню, цапъ у гарщокъ: нѣту той свинины; тутъ ина и давай на работницу шумѣть; патомъ приходить у горницу и гаворить папу:— „Мой ты папочикъ, я кидала у гарщокъ свинину, а патомъ яе и нѣту;—я ни знаю, хто яе утащіў.“ – А попъ кусь самъ сабе за языкъ:—„Ну,—гаворить,—пупадьдя, ты сваю свинину ни спрашій: яе утащіў такей-то и такей мужучокъ, и яму прастіў“.—Патомъ тотъ гость и пубижаў у калидоръ, а тамъ лижала ваўчиная шуба, и шубы той нѣту:—„Ну, братъ“, гаворить попъ на тога гостя: „а ты, братъ ни спрашивай: я й тваю прастіў.“—Патомъ ящо адинъ памѣщикъ у церкви хвать у карманъ, хатѣў пасматрѣть, каторый часъ, а часоў и нѣту. Тутъ стаў такой розыскъ, а попъ гаворить на етыга памѣщика:—„Ну, братъ, и ты не ищи сваихъ часоў: ў насъ ў сяводнишній день ў траихъ вышла прапажа, то я ўсю прастіу и разряшіў, а нашимъ вещамъ: свиньни, ваўку и шаптунамъ, ўзвароту ня будить!..“

№ 14.

Абъ паповымъ батракѣ.

Какъ жіў адинъ попъ, такей чилавѣкъ быў добрый, благадѣтельный, а пупадьдя была лихая. Вотъ іонъ искаў, искаў, сабѣ работника, никакъ ня могъ найдить, патаму што пупадьдя была лиха. Патомъ адинъ сусѣдъ яго приближній и гаворить:— „Ну, батюшка, я вамъ, якъ ближній сусѣдъ, то я уважу васъ: вазьмитя майго сына къ сабѣ ў работники,—толька ў такомъ палаженіи, штобы ваша хазяйка ни магла въ ёмъ распаряжатца.“—Ну, такъ што жъ? ета можна, са ўсѣмъ удавольствіимъ.— Патомъ и гаворить:—„Ну, сматри, пупадьдя, ў маимъ работники ты ни распаряжайся!“—Вотъ етыму работнику такъ харашо была. Патомъ приходить осинь, нужна ѣхать у каляду. Попъ и гаворить на работника:—„Ну, братъ, запригай лошадь: мы паѣдимъ съ табою у каляду!“—Вотъ яны ѣздили, ѣздили; абнила ихъ ночь, и гаворить священникъ:—„Нужна праситца

на нашлегъ. Вотъ іонъ, канешна, какъ священникъ, ни мужику чита: пріѣхаў къ багатыму мужику и гаворить:—„Пусти насъ на нычъ!“ — А іонъ и гаворить: — А, милasти просимъ! Вотъ яны заначували. Ну, канешна, священнику тамъ ужъ была угащенія харошія, а на работника и пазабыли; іонъ пашоў убирать лашадей, а яны ужу лягли спать. Приходить работникъ, и паѣсь ничига, патомъ и легъ спать ня ѣмши. Лижаў іонъ—лижаў,—ня спитца, хочитца паѣсть: вить кишки ня свой братъ, ня ѣмши ня будить; іонъ устаў, идеть къ папу и гаворить:—„Батюшка, я дужа ѣсь хачу!“—А што я табѣ дамъ? Иди-ка, пасматри: на печки утворинъ хлѣбъ,—яго ты и падъѣшъ“.—Вотъ іонъ и палѣзъ на печку, аткрыў дяжу, искаў, искаў ложки—ни нашоў, и давай ѣсть горстью; увесь пубмазаўся, слѣзъ аттуда и гаворить папу:—„Батюшка, што мнѣ дѣлать? я ўвесь пубмазаўся!“—А попъ видаў, што висить рукамойникъ дли парогу,—вотъ іонъ и гаворить:—Иди: дли парогу висить рукамойникъ,—ты иди и вымыйся!—Вотъ іонъ пашоў къ тому рукамойнику, а тамъ ў аббитику чистый дегать; вотъ іонъ удѣў туды руки, а оттуда ня выдинить. Ужъ іонъ насіўся, насіўся съ естымъ абитикымъ: ни знаить, што яму дѣлать. Патомъ уздумаў: сяредъ избы стаяли маслабойныя жорны; іонъ и гаворить самъ сабѣ:—„Пайду да разабью абъ каминь етытъ аббитикъ!“ —Падходить іонъ къ етымъ жорнамъ, пасматрить: бялѣитца каминь на жарнахъ. То іонъ у патёмку ни разсматрѣў харашенька: думаў каминь, а тамъ лижаў лысый старикъ. Во іонъ падашоў, да какъ ляпнить етыга старика па лысини: Божа мой, етытъ старикъ какъ ускочить, какъ справить крикъ! Етыму работнику некуды диватца: какъ бяжить къ папу и гаворить:—„Батюшка, паѣдимъ дамой, у васъ тамъ нисчастя!“ — Попъ скарѣй ускочіў и кричить на работника:—„Праворній запригай лашадей: паѣдимъ дамой!“—Вотъ яны какъ сѣли, какъ паѣхали. Патомъ работникъ и гаворить папу: — „Ну, батюшка, я васъ спадманіў: у насъ дома усё харашо, а толька я сдѣлаў ниблагапалушна“.—Чимъ жа такъ?—„А во чимъ: какъ захатѣў я ѣсть, искаў, искаў паѣсть — нечива. Утворинъ быў хлѣбъ, я искаў, искаў ложку—ни нашоў, я и давай ѣсть горстью: абмазаўся увесь. Висѣў рукамойникъ, я хатѣў вымыть руки: думаў вада, а тамъ дёгать. Усадіў я туды руки, а аттуда и ня выну; я стаў искать, ͑ба што мнѣ яго разбить. Стыяли сиряди

хаты жорны, а на тыхъ жорнахъ спаў лысый старикъ. Я падашоў, хатѣў разбить абъ жорны, да какъ ударю етыга старика па лазбяню: іонъ закричѣў, да какъ справіў пиритряску!“ — Вотъ попъ и гаворить на работника: — „Ну, братъ, спасиба табѣ, што ты такъ здѣлаў, а то бы тамъ насъ задержали и лашадей ба нашихъ атпрягли, а таперь, слава Богу, мы дома.

№ 15.

Якъ попъ казломъ здѣлаўся.

Якъ жіў мужикъ бѣдный, и была у яго мать — старушка старенькая. Какъ помирла яго матка, то іонъ приходить къ батюшки: — „Идѣ прикажитя, батюшка, магилку выкипать?“ — А іонъ гаворить: — „Моспане, на кладбищи, падъ рябиный.“ — Мужикъ стаў капать магилку и вырыў катяловъ съ деньгами; іонъ ибрадываўся дужа: будить, чимъ матку схаранить и чимъ справить похараны. — Послѣ пахаронъ зазваў батюшку на абѣдъ; попъ видить, што похараны спраўляются, якъ у багатаго мужика, и гаворить: — „Скажи ты мнѣ, братъ, аткуда у тябе деньги?“ — Мужикъ разсказаў папу усю праўду. — Пришодши дамой съ абѣду, попъ и гаворить на пупадьдю: — „Ну, моспаня, вяди казла рѣзать!“ — Привела пупадья казла, попъ казла зарѣзаў, мяшкомъ кужурѝну аблупіў и съ рагами, потэмъ надѣўши на сябе кужурину, и приходить вечирамъ къ мужику падъ акно, атчиніў и рукою грякъ, грякъ. Мужикъ такъ и абамлѣў атъ испугу: — Хто ты? — „Чортъ.“ — Что табѣ нада? — „Атдай катялокъ денигъ, што нашоў!“ — Мужикъ думаить: — Нада атдать! — и атдаў. Приходить попъ дамой, — стаў скидывать шкуру, а шкура и прирасла къ яму. Тады матушка панисла деньги мужику: — „Нà, братъ, назадъ твае деньги: за ихъ наказаў Богъ дужа батюшку.“ — Послѣ тога попъ и кужурину казлиную сняў, а было казломъ застаўся.

№ 16.

Какъ попъ тяліўся.

Попъ піў малако силна. Іонъ пашоў у баню. Пупадьдя и гаворить папу, кали іонъ съ бани пришоў: — „Батюшка, ня пейтя малако, а то вы телитись, када будитя пить болій.“— Попъ ни 'няўся, а, пришедши зъ бани, стаў яще болій пить малако. Забурчѣло у яго у животѣ. Тады попъ сіужаўся:— „Пайду у чужоя сяло; а то стыдна будить, кали тялюсь у сваемъ сялѣ.“—(Попъ падумаў, што спрўдитца, што пупадьдя сказала). Бѣгши, попъ найшоў на задавленника, а цапаги у тога задавленника такія чудесныя. Давай скидывать цапаги—ня лѣзуть; тады попъ и узяў и атрѣзаў ихъ съ нагами, увярнуў ихъ и у рясу и приходить на дяреўню. — Мужикъ пустіў пупа на нычъ; попъ палѣзъ на печку, распрянуўся и легъ спать. У то уремя у ихъ карова тялилась нѣччу: попъ ужу уснуў, када къ яму палажили тяленка. — Ноччу іонъ прашнуўся, видить ли сябе тяленка и дивитца:—„И ни замѣтіў, якъ тяліўся!..“ Прибѣгши дамой, и гаворить: Во, матушка, тяліўся — и ня ўчуў! А тутъ хазяева устали и гаворють:—„Што ета пупа нашига ня слышна!.. Идѣ жъ ета нашъ попъ?“ —И гаворють:— Што ета ноги лижать ли теленка?—Тяленыкъ, ета ты нашига батьку зъѣў?— А тяленыкъ: Ми, ми! — Нѣтъ, ня ми, а ета ты нашига батьку спатрябіў, никаянный!..

№ 17.

Бѣльскій уѣздъ, село Шоптово.

Якъ панъ атняў у мужика пирохъ да гуся, а мужикъ за ета трожжи набіўся пана.

Ишоў мужикъ па дароги, ѣў пирохъ да гуся. Ѣхали паны.

— Мужикъ, атварачивай!

А мужикъ варатить морду па старанамъ, а съ дароги ня йдеть. Астунувались лошади: мужикъ ни даѣть имъ ходу, а зваратить нильзя: абапалъ канавы.

Баринъ атвичаить на кучира:

— „Саскачи, пасматри, што ета за мужикъ такей съ дароги ня йдеть.“

— „Етытъ мужикъ ни прастой, а ѣсть пирохъ да гуся!..“

— „Атыми, братъ кучиръ! и я хачу пирага да гуся.

Кучиръ узяў атняў у мужика пирохъ да гуся.

— Помни, баринъ! атняў пирохъ да гуся—я тибе трожжи набьюся!

— „Кучиръ, што іонъ гаварить?“

— А вотъ, што гаварить: Помни, баринъ! атняў пирохъ да гуся—я тибе трожжи набьюся!

— „Паганяй, кучиръ! ня слухай, што мужикъ гаварить.“

Пріизжають дамой, съѣли панъ съ кучирамъ пирохъ да гуся.

Мужикъ барина знаить, а баринъ мужика ни знаить. Удрухъ мужикъ узяў пилу и идеть у гаспадскій домъ наниматца рѣзать калодья, и выходить стараста:

— „Ти пильщикъ ты, братъ?“

— Да пильщикъ!—(А самъ у руки пилы ни браў).

— „А можишъ ты мнѣ десить пилъ сабрать народу?“

— Магу.

— „Пайду, къ барину схажу, пириталкую“...

— Што, баринъ, пришоў къ намъ пильщикъ. — Ти ни пара намъ калодья у лѣси парѣзать?“

— Дауно я думаю рѣзать. Пришли мнѣ мужичка етыва.

— „Ступай, мужичекъ, къ барину цану дѣлать абъ калодью!..“

Мужичекъ приходить.

— Здрастуйтя, ваша блугородіе!

— „Драстуй! Можишъ калодья нарѣзать?“

— Магу.

— „А што, братъ, какую ты вазьмешъ цану рѣзать калодья?“

— Мы паѣдимъ у лѣсъ: тамъ ужъ, баринъ, цану будимъ дѣлать.

— „Я пашлю старысту съ табой“.

— А то, баринъ, паѣдимъ умѣсти: я у тибе буду за кучира.

— „Да и праўда: чимъ яво таскать, луччи у дваихъ паѣдимъ.“

- Прикажитя старысти запречъ лошать и ўзять тапарокъ.

Ну, стараста запрёхъ лошать, сѣў баринъ зъ мужикомъ и паѣхаў у лѣсъ. Пріѣхали у лѣсъ, абглядѣли десить кучъ и па триста калодъ у кучи. Баринъ гаварить:

— „Теперь сѣчъ буду вагу.“

Мужикъ пащупалъ у канцу гнилетьтя.

— Какъ жа мы будимъ дѣлать цѣны?

— „Вотъ, баринъ, ты папробуй руку, ти праўда, што гнилая!“

Баринъ, какъ ня глупъ, а палѣзъ даставать гнилетьтя сваею рукой. Ну, іонъ вагу выдирнуў — руку и притиснула. И гаварить:

— Мнѣ ужъ руку нильзя вытинуть! Што ты ета дѣлаишъ?

А мужикъ атвичаить:

— „Баринъ, помни, какъ ты атнимаў пирохъ да гуся, я казаў: трожжя набьюся! Разъ буду бить.“ —Пашоў мужикъ, выризаў хлудецъ лазовый, давай яво снувать, скольки улѣзла. Патомъ набіўся и ушоў прочъ.—Кучиръ ждаў, ждаў и паѣхаў зъ бариныыъ у зыски. Пріизжаить старыста. Баринъ гаварить:

— Куда я паѣду? Избитъ я увесь, и ящо абищаитца избить етый прахаждай.

Узяў стараста—падсвиріў канецъ ваги, вытинуў руку, привезъ барина дамоў бальнова. Извѣстна: бой ня медъ! Баринъ гаварить на старысту:

— „Пильнуй дахтарёў при дароги: ти ни знають яны, якъ мине папользавать?“

И ўдрухъ мужичекъ накупляў пузырькоў двадцать и идеть скрозь гаспадскій домъ; пузырьки навѣшины на шеи. И уходить старыста на вулицу:

— „Ти дохтарь ты?“

— Значить, дохтарь, када у мине разныи лекарства навѣшаны!

— „Пагади, братъ! я дайду, барину далажу.“ — Пришоў къ барину:

— „ Дохтаръ идеть па нашиму чистыму двару, и лекарства у яго многа навѣшина на шеи!“

— Призави, братъ стараста, яго у домъ ка мнѣ!—Стараста гаварить:

— Мужичекъ, ступай къ барину у домъ!

Приходить мужичекъ у домъ.

— „Можишъ мине папользавать: я очинь болёнъ.“

— Магу, баринъ! „Тапитка баню: мни тибе нада у бани лячить.“

Вытапили баню, пувяли барина у баню; лакей да баринъ и мужикъ у траихъ пришли у баню. Пришли у баню, а вѣника нѣтъ.

— Што, баринъ, мы пришли, вѣника жъ нѣтъ—нада намъ вѣникъ: иди, лакей, за вѣникамъ дамоў!—Лакей пашоў тады. Мужикъ и гаварить:

— „Помнишь, казау, якъ атняў пирохъ да гуся, трожжи набьюся! Витъ буду бить больна.“—Далека отъ дома узяў мужикъ барина дуть. Забіў ящо сильнѣй, самъ и ушоў. Приходить лакей.

— Забіў тэй мужикъ—вязи на лашадяхъ!

Привязли иоять у домъ барина бальнова. Какъ лехъ баринъ, палгода лижаў. Стаў баринъ, слава Богу, пупраўлятца. Мужикъ ипять къ яму: наняў тройку лашадей бурыхъ—и ѣдить скрозь хутыръ.

— Ти жіў тей баринъ, што атняў пирохъ да гуся: я пріѣхну, третій разъ набьюся! — И услышала дворня, што іонъ кричить ва весь горадъ, пагнались за имъ, распустіўши черныи крылья. Патомъ таго, скачіў у гаспоцкій закаулыкъ, а коній пустіў — яны всѣ за ими. Хуть бы аднинъ чилавѣкъ застаўся у доми—тольки баринъ. Онъ сичасъ шарпъ у харомы къ барину.

— Здраст уйтя, баринъ! Ти жіў ти. Якъ атняў пирохъ да гуся, я казаў: трожжи набьюся.—Пачаў барина бить. Баринъ гаварить:

— Вазьми деньги у кутнимъ углѣ,—тольки атстань атъ мине!—Мужикъ, якъ ня быў глупъ, сгребъ шкатулку и ушоў. Прибѣгаитъ слуги—баринъ ляжить забитый.—„Зачѣмъ вы пабѣгли? Мужикъ мине саўсѣмъ забіў. Пазавитя священника:—я скора умру.“

На третія сутки баринъ пириставіўся, и стали яго пуминать, и я быў у тоя ўремя на паминкахъ. Чарствія яму Божія!

№ 18.

Мужикъ пану шутычку сшутилъ.

Панъ сказалъ мужику: „Сшути мнѣ шутычку“, а мужикъ ему сказалъ:—Привалила рыбка къ гати—некаму тигати.—Пришолъ панъ къ гати, а рыбки ни водный нѣту: мужикъ шуточку и сшутилъ.

№ 19.

Баринъ—яму мужикъ параіў—лашадей сабѣ изъ тыквъ высиживаў.

Какъ пасѣіў адинъ мужучокъ гарбузоў, и ўдались яны такея хорошея, и такъ давольна.—Вотъ яны паспѣли, и давай іонъ ихъ вибирать, и павезъ ў горадъ прадавать. Падходитъ къ яму памѣщикъ и гаворить яму: „Што ты ета, мужучокъ, прадаешъ?—А іонъ гаворить:—А яйцы.—„А што зъ ихъ можна здѣлать?“—А іонъ гаворить:—А во што зъ ихъ можна здѣлать: ежели ты хочишь ѣздить на харошихъ лашадяхъ, сядь на еты яйцы, да на високій ѐлки, и высидишъ сабѣ такихъ лошадей, какихъ ты никада не видываў.—Вотъ іонъ купіў сабѣ етыхъ гарбузоў нѣскалька штукъ, патомъ и гаворить на етыга мужука:—„Ну, братъ, теперь я табѣ дамъ сто рублей,—толька ты мяне сведи, на каторний елки можна высидить лашадей.“—А етытъ мужучокъ знаў, идѣ ляжить заицъ, падъ каторыю елкаю. Вотъ іонъ и павеў яго туда, и гаворить:—„Ну, садись, да сматри, ни слизай, пакамисть съ—падъ тябе вылизуть еты лошади“.—Вотъ іонъ идеть къ дому и приказываитъ жанѣ:—Принаси мнѣ заўтрикать, абѣдать и вужинать, а мнѣ дамой хадить некада.—Вотъ жина насила яму адинъ день, и другей день, и третій день, а патомъ какъ-то и пазабылась.—Вотъ іонъ сядѣў, и захатѣлась ему такъ сильна ѣсть, то и іонъ самъ сабѣ и гаворить, сидя на елки:—„Ахъ, Божа мой, вотъ какая мая жина: на харошихъ-то лашадяхъ бы ѣздила, а пра мяне то и забыла!“—Патомъ и гаворить:—„Падажди; толька дамой пріѣду, то ина ета будить помнить, што ина пра мяне пазабыла!—Какъ то стаў паварачиватца, да какъ загримить іонъ зъ етый елки, а падъ тэй елкуй лижаў заицъ, то етытъ заицъ какъ ускочить, какъ пубяжить, а іонъ то за нимъ ўслѣдъ и кричить: „Ай, ни дасѣдіў я сабѣ лашадей!“—Тотъ толька и быў такоу: пубижаў у лѣсъ. Вотъ іонъ пришоў дамой, и давай сваю барыню бранить:—„Какъ ты не магла мнѣ принести паѣсть, а я толька стаў було дасѣживать сабѣ харошихъ лашадей, и захатѣлась мнѣ дужа сильна паѣсть,—то я хатѣў було слѣзть тихинька съ сваей насѣтки, да какъ абламіўся, да абъ землю, а лошадь нидасѣжаная съ—падъ мяне, то я ле даганяў

даганяў,—никакъ ня могъ яе диржать; а если бы ты мнѣ прinисла паѣсть, то были бы у насъ лошади ни такея, какея у насъ теперь іость: када я малинькага, и то никакъ ня могъ наймать, а если бы я дасѣдіў, то имъ бы и здержи не была,—а тяперь ты сама винувата,—усё и ѣзди на такихъ, какія іость"....

№ 20.

Калядный гость.

Сватъ къ свату пришоў у гости на калядки. Аттастіў калядки; сватъ и спрашіить у свата:—„Ти харашо была на каляды?"—Харашо.—„Ну, пабудь-ка ты да маслины!.. Ета луччій будить".—Даждали маслинки и маслинку аттастили. Потэмъ сватъ и гаворить:—„Ти харашо была, сватъ, на маслину?"—Да, дужа харашо, сваточекъ!... „Пабудь-ка да вяликодня... пагляди, какъ тада будить!".—Аттастіў гость и Христоў день. Тамъ выихали люди у поля пахать; агу, хазяинъ и гаворить:—„Братъ войтичка, прагонь ты мнѣ калядника гостя: парядкамъ іонъ мнѣ надакучіў".—И пупрасіў хазяинъ войта, штобъ іонъ здѣлаў, што надыби.

Потэмъ хазяинъ гаворить на гостя:—„Ну, братъ, бирягись: сичасъ ка мнѣ прійдить войтъ звать на пригонъ „па семира зъ двара вонъ." Іонъ, братъ, ня дужа—то любить калядныхъ гастей; дакъ я табѣ, братъ, парайю: палажу я тябе у мяшку, на калёсахъ, замѣстъ тőга хлѣба.

Приходить войтъ къ хазяину:—„Чаломъ вамъ! А ета што у тябе на калёсахъ за мяшокъ съ мякиной?.. Ахъ, какъ бы мнѣ найти каляднага гостя?... У тябе братъ, мнѣ казали, адинъ гость (Да пу мяшку бутца нинарокымъ кнутомъ). Я-бъ яго!—(да разъ, два, три, чатыри кнутомъ). Ну, братъ, низвиняй, што тябе бизпакоіў: казали добрые люди, бытца у тябе гость калядный—я бъ яго забизуваў бы да смерти.

Потомъ, якъ ушоў войтъ, якъ выпустіў хазяинъ гостя,—іонъ скарѣй дамой. Іонъ ужу, самъ гость, харашо знаить, дагадаўся, што нада робить: аброть у руки, саху на плечи, да у поля пахать.

№ 21.

Хлѣбъ-соль!—Просимъ пакорна пакушать!

Одинъ крестьянинъ былъ большой охотникъ покушать. Какъ увидитъ обѣдающихъ и, по обычаю, скажетъ имъ „хлѣбъ—соль“, а обѣдающіе, по обычаю, отвѣтятъ: „просимъ покушать“, крестьянинъ этотъ никогда не отказывался отъ „хлѣба—соли“, а присаживался за столъ и обѣдалъ.

Стали замѣчать его привычку и ужъ не просили его покушать, а только благодарили зе доброе слово:—„Спасиба табѣ за добрыя слова, милый чаловѣкъ!“

№ 22.

Подъ порогомъ иголка.

Дѣвка все отказывалась работать подъ предлогомъ, что она не довидитъ — плохо у нея зрѣніе.

Пришли сваты и положили для испытанія ея зрѣнія иглу подъ порогомъ; дѣвка тотчасъ замѣтила иглу: „подъ порогомъ иголка!“...

№ 23.

Химя—дренна имя.

Одна баба за перемѣну имени отдала рубль денегъ да шубку, и приказано было бабѣ сѣсть въ ступу, когда никого дома не будетъ, распустить волосы и молчать, что бы съ нею ни дѣлали; и на все это баба согласилась, потому что ей не нравилось ея имя: „Химя—дренна имя!“

Сынъ первый замѣтилъ, что какое-то чудовище сидитъ въ хатѣ, побѣжалъ, отцу разсказалъ. Отецъ не повѣрилъ, а какъ пришелъ, то испугался,—а какъ хорошенько разглядѣлъ, то и началъ бить жену кнутомъ, а она все не лѣзетъ со ступы. Ну, наконецъ вылѣзла—не стало терпѣнья—да и говоритъ съ сожалѣніемъ мужу:—„Кагда-бъ ты не сѣкъ меня кнутомъ, я бы ву святыхъ аявилась“.—

№ 24.

Розвисня.

Адну бабу звали Розвисній. Баби етый ни нравилась ета имя. Думатысь ей: — „У ўсѣхъ бабъ имина, какъ имина, а у мяне какоя-т. гадкыя, ни людской имя.“ — Адинъ париинь вызвался пирякстить яе; вялѣлъ ей лечь у лажу, да хадилъ вакругъ яе и пригавариваль:

„Вада махавая,
Баба маладая,
Шубушка навая!“...

Какъ абайшолъ три раза съ этимъ пригаворомъ, то сказалъ:

„Шуба ня шутка:
Будь ты Аксютка“.—

Шубу-то парень сабѣ узялъ, а баба стала называтца Аксютый.

БЫЛЬ.

№ 1.

Дѣўка викавуха, якъ яе цыгани абманили.

Жила дѣўка-викавуха. Узышли на дворъ къ мужичку цыгани. Дѣўка выхадила на дворъ и спрашiить:

— Хто такей?

— „А сваты. Пайдешъ замужъ за насъ? Бяри у матири ключи, выбирай дабро — паѣдимъ жанитца!..“ Ина атъ матири забрала ключи и стала надивать усю адѐжу съ имбара.

— „Ты напрятывай адѐжу палуччи!..“

Напрянула ина новый знизъ.

— „Ну, садись на конiй!..“

Садились на лашадей, паклаўши дабро, съизжали са двара, паѣхали вакругъ дяреўни, абъѣхали три раза, штобъ даўжѣй

ѣхать. Падвозють яе (дѣўку) къ хати, къ свайму дому, нувяли яе въ хату.

— „Сядь, пасяди здѣсь у хати, пакамистъ лашадей мы атвязёмъ!..“ (А цыгани дамой паѣхали).

Ина ждала, сядѣла долга, скора ль жинихи у хату придуть. Стала призивать сѣдя. Падъ тоя уремя матка яе прачнулась, какъ ана пазиваить:

„Ахти, Божа мой, у маминыхъ даўно спять, а я ня сплю, малада!..“ Мать спрашіить:

— „Чаго ты ня спишъ пазиваючи—далоўки бъ слѣзла!..“

— Я тибѣ—нявѣстка, а ты—мая свикра!

— „Ахъ, ты с..... дочка, што ты уродуишъ?! Я жъ тибѣ матка!..“ Ана. пасматрить, адѣта—напрянута.

— „Куда жъ ты адѣлась, дачушка?“

— А, маминька, замужъ сабралась.

Ина узила чипялу у руки, ну яе дуить.

— „Уставайти-ка, сыны! Нѣтъ ли чаво у насъ у доми: дочка жъ замужъ идеть.“ Пасматрять сыны: забрадина сала, забрадина усе дабро. Вила матка яе, била, души паслушаўши.

№ 2.

Дильба.

Свара и дильба ни тиризъ мужикоў, а тиризъ бабъ.

Жили два брата, была у ихъ шесть лашадей. Паѣхали яны у извозъ на двѣ нядѣли, а бабы, ихъ жоны, здѣлали бранку—и ну дялитца зъ бранки, бизъ мужей. Узялись дялить дабро: скотъ, хлѣбъ—усё паразмѣрили, чашки и ложки—усё падялили, абразоў—усё параздялили,—ну, и ажидають сваихъ мужей зъ дароги. Пріизжають мужьё. Выхадили вонки стричати ихъ, лашадей атпригать насабляли. Гаворить адна на мужа на свайго:

— „Вотъ нашъ хлѣў: пущай у свой.“ А іонъ гаворить:

— Вонъ кольля атцоўськая: сюда пущать нада.

Пустили лашадей туда, у канюшню. Узварачивались усѣ у хату, стали вабразамъ малитца, каторыя ли парогу вабраза. Та гаворить:

„Вô наши абраза: атецъ ставіў абразокъ ву кутѣ.“—Стали уси малитца у въ адно мѣста, къ куту. Сѣли за столъ.

Ильеть кажная свайму мужу. Пытають мужья:

— „Што, вы падялились, жоны?“

— А мы падялились.

— „А мы дыкъ съ братымъ ни дялились.“—Сліў варива у вадну чашку. Якъ нальють чашу, уиѣста усё смѣшивали. Пабѣдали яны, напаили лашадей, изнову сѣли на лаўцы.

— Што, братъ, будимъ дѣлать зъ жинами?

Другей гаворить:

— „Ни нада бить ихъ: будишъ калѣкыў кармить, если пирябьёшъ руку-нагу.“

— Я знаю, што зъ ими дѣлать.

— „А што ты знаишъ, братъ?“

— Пайдёмъ въ имбаръ са мною, убирай адежу зъ имбара усю вонки; я сваю раздѣну жану, и ты раздивай, пасодимъ ихъ у въ амбари галыхъ — вó тутъ яны пакаютца у въ имбари.—Раздѣўши, пасадили бабъ въ имбари. Яны тамъ ругались, бѣгались, смерзли ужу, а патачки нѣтути. Тада, якъ праняў голыдъ и холыдъ силный, гукають мужей:

— „Атварития намъ!.. Пумирились“.

— Разви пумирились?

— „Па вѣкъ вѣшный ня будимъ бранитца и дялитца.“—Выпущали съ имбару.

— „Ну, жонки, на вѣкъ вѣшный ни бранитись, ни дяритись! Вотъ вамъ наказанія: если вы другей разъ забранитись—въ имбаръ! Во якъ!..“

№ 3.

Село Пречистое, Духовищенскаго уѣзда.

Съ зарабытныў вярнуўся.

Какъ жіў я бѣдна и пашоў у Питирь у зарабатки. Зажіў капиталу парядышныга, надѣў калоши харошія. Была у мине па дароги сусѣдка выдадина (замужъ). Я зайшоў, калоши бросіў у ей и адежду харошію тамъ-жа. Прихажу дамоў аборванный. Батька на мине съ жонкый асирцали и у избу ни пусцають. Курица узлятить на столъ — и тую маимъ иминимъ бронють:—Кышъ, арвȁнь Питянбургская!

— Атыскаў я адежду харошію, надѣў калоши. — А жина

пагуливаить, нашла пубратимыў харошихъ. Пастригся я пу маскоўськаму и прихажу къ ей.

— „Здрастуй, маладица!“

Батька мине ни узнаў зъ жаной — и, ну, (на) ўскоки батька зъ жаной. Я сяжу; да паглидаю на ихъ. Патомъ батька гаварить:

— Вывадитя чилавѣка чужистранныва паскакать съ маей снахой! — Пашоў я зъ ей плясать, и увидѣла ина у мине на рукѣ сваe залачоныя кальцо, патомъ узнала, што я мужъ яе — схватала за шію, стала прасить пращенія. Набіў яе — и прочъ пашоў, и таперь ни живу зъ жонкаю.

№ 4.

Деревня Медвѣдовка, Смоленскаго уѣзда.

Шерстобитъ.

Ета було 1879 гаду. Приходить чилавѣкъ на дяреўню Пивувку и гаворить: — „Идѣ ба ета мнѣ було хватеру тутъ найдить, штоба було двѣ хаты?“ — Абнакавенна, яму паказали: — „А вунъ у Скрабуна Ивана Данилава двѣ хаты, и хаты хорошія“. — Приходить іонъ къ етыму Скрабуну Ивану Даниливичу и гаварить: — Вы Скрабунъ Иванъ Данилливичъ?“ — Я. — „Ну, якъ ба ета мнѣ зъ вами пазнакомитца?“ — Атчаго жъ? — Можна. — Што жъ вамъ угодна атъ мине? — „А я бъ жилаў у васъ хватеру нанять: — у васъ двѣ хаты“. — Ну, чимъ жа ты будишъ у маей хати заниматца? — А я думаю здѣсь аткрыть красильню и магу валинки валить — шерсть пирибивать“ — Я бъ та ни жилаў ба сабѣ еткихъ сусѣдій, патаму, Богъ тябе знаить, хто ты. — Жэнщины сыбрались и стали угаваривать яго: — „Ну. усе адно, мы возимъ за 15 верстъ красить, а таперь будить, када пустишъ, у сваей дяреўни красильщикъ“. — Скрабунъ етый гаворить: — „Вохъ, када ба іонъ вамъ ни накрасіў такъ, што и насить будить нечига!“... Пляменникъ яго гаворить: — Да нѣ, дядя, у насъ, усе 'дно, хата такъ стаить, а іонъ будить намъ платить по 2 рубли у мѣсицъ, — хата у два гады сама сябе выплатить! — Старикъ гаворить: — „Такъ то — такъ, братъ, ды гляди, кабъ ня вышла на маёмъ: тяперь ты мяне, старика, ня слухаишъ, а тады можа пумянишъ!“... Нявѣстка гаворить: —

„Ну, гляди: ты ня слухай старика!“... Сичасъ сабрались уси бабы, хату ету вымыли, вычистили. Сыбрались уси жэнщины, нанясли яму аряхоў, здѣлали жарёху. Красильщикъ гаворить на маладога хазяина:—„Ну, вò што, братъ, гатуй ка ты къ заўтриму пару коній: паѣдимъ у Рослыў пакупки дѣлыть. Ды принеси-ка ты съ кабака на свае деньги водки: ета будить атъ мяне угащенія; а я посли атплачу: у мяне таперя нѣту денигъ мелкихъ“..... Маладэй гаворить на старага:—„Дядька, а, дядька, дай-ка ты мнѣ цалковый“...—На што?—„Ды вотъ, красильщикъ просить купить гарчикъ водки; іонъ посли аддасть“.— Старикъ гаворить:—Нà ўжу, нà... Усё 'дно—ета пропала“... Даў яму старикъ цалковый. Привязли водки. Красильщикъ гаворить на старика:—„Ну, старикъ, ты ўсе гаворишь пляменнику ни такъ, якъ слѣдуить, а вотъ мы тольки съ табой азнакомимся, то праживемъ умѣсти 10 гадоў...“—Ну, нѣтъ, гаворить старикъ: хуть ба Богъ даў намъ съ табою пиринучувать“.—Гарѣлку ету яны распили и лягли спать. Назаўтрига устали рана, гаворить красильщикъ на маладога хазяина:—„Ну, запригай, братъ, паѣдимъ.“—Ды воть, братъ, мае кони ня кованы!...—„А ты вазьми съ сабою деньги и падковы: мы и падкуемъ на дароги“... Даў яму старикъ денигъ и гаворить:— „Ну, ѣдь, ѣдь, да хоть ба самъ пришоў назадъ!“—Ну, вярзи, вярзи, дядька... Пріѣхали у Рослыў; красильщикъ гаворить:— „Ну, братъ, ты лашадей падкуй, а я пайду закупки дѣлыть“.— Заказали яны сабѣ харошій абѣдъ на пастаялики. Красильщикъ приходить зъ горыду, а кони ужу падкованы. Сѣли яны абѣдыть. Пабѣдыли.—„Ну, братъ“, гаворить красильщикъ: „пайдемъ у лаўки!“.. Вотъ пришли яны у ва дну лаўку, выбрали два катла; гаворить красильщикъ:—Ну, братъ, ты тутъ пасяди, а я пайду у другую лаўку куплять краску“.—Сидѣў етый мужикъ доўга на етыхъ катлахъ,—красильщикъ ня йдеть. Лавышникъ усё у яго распрасіў. Патомъ гаворить:—„Кони ти іось?—Іось. (А красильщикъ, ишоўши, узяў у яго 3 рубли, што яны брали на водку). Лавышникъ гаворить:—„Ну, братъ, иди-ка ты на хватеру: тваихъ коній нейди даўно нѣту!“... Приходить на хватеру: нѣту ничога: ни лашадей, ни калёсъ. Спрашіить у дворника;—„А идѣ жъ мае кони?“—А на коnихъ жа паѣхаў хазяинъ, а я табе и знать ни знаю.—Ну. заплати-ка жъ абѣдъ.—Мужикъ етый аставіў жупанъ у двор-

ника за обѣдъ, полы ў руки, пумаліўся святымъРаслаўскимъ ды и дамой. Приходить дамой; старикъ гаворить: — „Здароў. — А идѣ жъ кони? — А што, ни мыя прауда? — А?..... Вотъ дасель мы и видили сваихъ канёчкыў!“.. Сѣли вужинать: — „Ну. няси-ка жъ, братъ, гарѣлки Раслаўскій, пумянёмъ сваихъ коній! .. — А іонъ жа и деньги у мяне узяў! гаворить пляменникъ. — Пра ўсе и расказаў старику. Старикъ гаворить: — „Ну, што жъ, харашо: моли Бога, што самъ ища жіў атстаўся!“.. А кони были харошія: адинъ рублей 100 стоіу, а другой рублей 70.

От старика Емельяна Даниловича.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
по отдѣленію этнографіи.
Т. XX.

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

СОСТАВИЛЪ
В. Н. ДОБРОВОЛЬСКІЙ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1891.

Записки по Отдѣленію Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ I, подъ редакціею дѣйств. чл. *В. И. Ламанскаго.* СПБ. 1867. Ц. 2 р.
» II, » » » » *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1869. Ц. 2 р. 50 к.
» III, » » » » *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
» IV, » » » » *А. И. Савельева.* СПБ. 1871. Ц. 3 р. 50 к.
» V, подъ наблюденіемъ дѣйств. чл. *О. Ѳ. Миллера.* и *П. А. Гильтебрандта.* СПБ. 1873. Ц. 2 р. 50 к.
» VI, подъ редакціею дѣйств. чл. *Н. И. Веселовскаго* и *П. И. Лерха.* СПБ. 1880. Ц. 2 р.
» VII, подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1877. Ц. 3 р.
» VIII, Сборникъ юридическихъ обычаевъ. Подъ редакціею дѣйств. чл. *П. А. Матвѣева.* СПБ. 1878. Ц. 3 р.
» IX, 1) Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ, *К. Я. Грота.* 2) Волжскій бассейнъ по Книгѣ Большаго Чертежа, *Е. К. Огородникова.* 3) Изслѣдованія по каменному вѣку. *И. С. Полякова.* Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1882. Ц. 2 р. 50 к.
» X, вып. 1. Путешествіе черезъ Сибирь до границъ Китая Николая Спаѳарія въ 1675 г. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1882. Ц. 1 р.; вып. 2. Посольство къ Зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ Рабтану Ивана Цыковскаго и путевой журналъ его за 1722—1724 годы. СПБ. 1887. Ц. 1 р.; вып. 3. Демонологическіе разсказы Киргизовъ. М. Миропіева. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Н. И. Веселовскаго.* СПБ. 1883. Ц. 30 к.
» XI, Антропологическія изслѣдованія среди Мордвы-Эрзи, В. Н. Майнова. Подъ редакціею дѣйств. чл. *Л. Н. Майкова,* СПБ. 1883. Ц. 3 р.
» XII, Сказки и преданія Самарскаго края, собранныя Д. Н. Садовниковымъ. Подъ редакціею *Л. Н. Майкова.* СПБ. 1884. Ц. 2 р. 50 к.
» XIII, подъ редакціею чл.-сотр. *Ѳ. М. Истомина:* вып. 1. Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя Г. А. Де-Волланомъ. СПБ. 1885. Ц. 1 р.; вып. 2. Гомельскія народныя пѣсни, записаны З. Радченко. СПБ. 1880. Ц. 1 р. 50 к. вып. 3. Пинчуки. Этнограф. Сборникъ. СПБ. 1890. Ц. 1 р. 20 к.
» XIV, подъ редакціею дѣйств. чл. *П. А. Соколовскаго:* вып. 1. Очеркъ юридическаго быта Мордвы, В. Н. Майнова. СПБ. 1885. Ц. 1 р., вып. 2. Вотяки Сосновскаго края. Гр. Верещагина. СПБ. 1886. Ц. 1 р.; вып. 3. Вотяки Сарапульскаго уѣзда Вятск. губ., Гр. Верещагина. СПБ. 1888. Ц. 1 р.
» XV, печатается.
» XVI, Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи, А. М. Позднѣева. СПБ. 1887. Ц. 3 р.
» XVII и XVIII, печатаются.
» XIX, вып. 1. Соловки. П. О. Ѳедорова. Кронштадтъ. 1889, подъ редакціею дѣйств. чл. *В. И. Ламанскаго.* Ц. 3 р.
вып. 2. Народные обычаи Саратовск. губ. А. Н. Минхъ. подъ редакціею чл.-сотр. *А. Н. Пыпина.* Ц. 1 р.